

Книга: Первый человек в Риме (Кострова)

Колин Маккалоу
«Первый человек в Риме»

[Купить книгу "Первый человек в Риме \(Кострова\)" у автора Маккалоу Колин](#)

Посвящается с любовью и благодарностью дорогому другу, прекрасному коллеге и честному человеку Фредерику Т.Мэнсону

К ЧИТАТЕЛЮ

Для того чтобы мир Древнего Рима стал более понятным, в книгу включены карты и иллюстрации. В конце романа вы найдете словарь-глоссарий, в котором даны переводы некоторых латинских терминов и объяснение незнакомых слов и понятий, а также более подробные сведения о тех из них, смысл которых был ясен из текста. Приведены современные названия географических объектов, упомянутых в книге.

СПИСОК КАРТ^[1]

- Карта 1. Романский мир.
- Карта 2. Центр Рима.
- Карта 3. Африка.
- Карта 4. Длинноволосая Галлия и римская провинция.
- Карта 5. Африка и Средиземное море.
- Карта 6. Регионы Италии.
- Карта 7. Путь германцев.
- Карта 8. Вторжение германцев в Италию.
- Карта 9. Рим в черте городских стен.

Карта 1. Романский мир

Карта 2. Центр Рима

Расшифровка к карте 2.

- 1. Дом Гая Мария
- 2. Храм Юноны Монеты («Советчицы»)
- 3. Храм Венеры Эруцины (покровительницы проституток)
- 4. Храм Мене (римской богини Разума)
- 5. Тюрьма Лаутумия
- 6. Туллианская тюрьма, или Карцер
- 7. Храм Согласия
- 8. Храм Фидес (верности клятве)
- 9. Табуларий (гос. архив)
- 10. Храм Юпитера Вейовиса, покровителя разочарованных
- 11. Портик богов Согласия
- 12. Храм Юпитера Феретрия (покровителя войны, победы и триумфа)
- 13. Храм Юпитера Наилучшего Величайшего
- 14. Храм Фортуны Примигении (покровительницы перворожденных)
- 15. Храм Чести и Доблести
- 16. Храм Опы (плодородия)
- 17. Тарпейская скала
- 18. Храм Фидес
- 19. Храм Беллоны
- 20. Вражеская Земля
- 21. Храм Аполлона Сосиана (покровителя медицины и целителей)
- 22. Храм Матуты-матери (покровительницы чадородия и материнства)
- 23. Храм Фортуны (покровительницы девственниц, лишаемых невинности)
- 24. Храм Януса, божества дверей
- 25. Капище покровителя местности
- 26. Пещера «Волчьих выкормышей» (Ромула и Рема)
- 27. Дом Луция Сердия Петилины
- 28. Дом Квинта Горгензия Гортала
- 29. Круглая хижина Ромула
- 30. Храм Великой Матери
- 31. Вход в преисподнюю
- 32. Дома: 1) Марка Ливия Друза; 2) Марка Лициния Красса; 3) Марка Туллия Цицерона (неточно)

33. Дома: 1) Гнеев; 2) Луция Домиция Агенобарба
34. Храм Юпитера Останавливающего
35. Серные бани
36. Храм Пенатов
37. Конная статуя Клелии
38. Резиденция царя Священнодействий
39. Постоялый двор
40. Храм Лар Предстоящих
41. Резиденция фламена Диалов
42. Резиденция фламена Мартиалов
43. Резиденция фламена Квиринала
44. Базилика Эмилия — торгово-деловой центр
45. Храм Венеры Очищающей
46. Храм Януса Начинающего и Заканчивающего
47. Колодец комиций: а) черный камень; б) ростра
48. Представительство Дома Сената
49. Курия гостилия — Дом Сената
50. Базилика Порция — вмещала торговые помещения, гражданские банки, комицию народных трибунов
51. Храм Сатурна, под подиумом которого находилась сокровищница Рима
52. Алтарь Вулкана
53. Базилика Опилия (лавки, торговые ряды, склады)
54. Трибунал верхового магистрата
55. Священная роща
56. Водохранилище Куртия
57. Базилика Семпрония
58. Капище Вомопия и статуя Дива Ангерона
59. Алтарь Лоренции
60. Трибунал городских преторов
61. Храм Кастора и Поллукса
62. Источник Ютурны
63. Святилище и статуя Ютурны
64. Дома для размещения паломников к источнику Ютурны
65. Храм Весты
66. Резиденция верхового понтифика
67. Святилище и статуя Весты
68. Атриум дев-весталок
69. Дом верхового понтифика
70. Портик Маргарита (жемчужный) — ювелирные лавки
Ворота Рима
Сервиева стена:
I Карменталис
II Триумфалис
III Фонтиналис Стена Ромула:
IV Мугония
V Ромулана
VI Какана

ГЛАВНЫЕ ГЕРОИ

Цепионы:

Квинт Сервiliй Цепион, консул 106 г. до н. э.
Квинт Сервiliй Цепион, его сын
Сервилия Цепиона, его дочь

Цезари:

Гай Юлий Цезарь, сенатор
Марсия, из рода Марция Регия, его жена
Секст Юлий Цезарь, их старший сын
Гай Юлий Цезарь Младший, их младший сын
Юлия Старшая (Юлия), их старшая дочь
Юлия Младшая (Юлилла), их младшая дочь

Котты:

Марк Аврелий Котта, претор
Рутилия, его жена; ее первый супруг — его брат Луций Аврелий Котта, консул 118 г. (умер сразу после этого)
Аврелия, его падчерица и племянница
Луций Аврелий Котта, его пасынок и племянник
Гай, Марк и Луций Аврелий Котта, его сыновья от Рутилии

Декумий:

Луций Декумий, председатель религиозного братства

Друзы:

Марк Ливий Друз Цензор, консул 112 г., цензор 109 г. (умер во время пребывания в должности)
Корнелия Сципиона, его жена Марк Ливий Друз, их старший сын
Мамерк Эмилий Лепид Ливийский, их младший сын, отданный в усыновление
Ливия Друза, их дочь

Главция:

Гай Сервилий Главция, народный трибун 102 г., претор 100 г.

Югурта:

Югурта, царь Нумидии, внебрачный сын Мастанабала
Бомилькар, его сводный брат и приближенный

Марии:

Гай Марий
Грания из Путеол, его первая жена
Марфа из Сирии, прорицательница

Метеллы:

Луций Цецилий Метелл Далматик, Великий Понтифик, консул 119 г.
Квинт Цецилий Метелл Нумидийский, консул 109 г., цензор 102 г. до н. э., младший брат Луция
Квинт Цецилий Метелл Пий, сын Метелла Нумидийского
Цецилия Метелла Далматика, дочь Далматика, племянница и подопечная Метелла Нумидийского

Рутилии Руфы:

Публий Рутилий Руф, консул 105 г.
Ливия, его жена, сестра Марка Ливия Друза, цензора
Рутилия, его сестра, вдова Луция Аврелия Котты и жена Марка Аврелия Котты

Сатурнин:

Луций Апулей Сатурнин, народный трибун 103 и 100 гг.

Скавры:

Марк Эмилий Скавр, принцепс Сената, консул 115 г. и цензор 109 г.
Марк Эмилий Скавр Младший, его сын от первой жены

Сертории:

Квинт Серторий, военный трибун
Пия из рода Мариев, его мать, двоюродная сестра Гая Мария

Сулла:

Луций Корнелий Сулла, квестор 107 г., легат
Клитумна из Умбрии, его мачеха, тетка Луция Гавия Стиха
Никополис, его любовница
Метробий, юный актер, звезда комедии

**ГОД ПЕРВЫЙ (110 Г. ДО Р. Х.)
КОНСУЛЬСТВО МАРКА МИНУЦИЯ РУФА И СПУРИЯ ПОСТУМИЯ АЛЬБИНА**

Гай Юлий Цезарь не был приверженцем ни одного из новоизбранных консулов. Он и его сыновья просто присоединились к процессии, сопровождавшей старшего консула, Марка Минуция Руфа, когда колонна поравнялась с дверями их дома.

Оба консула жили на Палатине, причем младший — Спурий Постумий Альбин — в более престижном квартале. Из-за этого он и залез в долги. Об этом толковали в Риме — без особого, впрочем, удивления. Место консула — дорогая вещь.

Денежные долги — неизменные спутники человека, поднимающегося по политической лестнице. Но Гая Юлия Цезаря они не беспокоили. Да и его сыновья навряд ли станут об этом тревожиться.

Да, предок их Юлий восстал четыреста лет назад на консульское — из слоновой кости — курульное кресло. Да, всего четыреста лет назад у их семьи достало для этого денег. Могущество и величие Юлия-предка покрывало его потомков, словно тень. И в этой тени Юлии-потомки жили беспечно, не пополняя фамильной казны и беднея из поколения в поколение. Стать консулом? Невозможно... Претором? Нет средств. Теперь для Юлиев — лишь скромные сенаторские скамьи. Для Юлиев, в чьей семье была и ветвь Цезарей — называли их так за пышные густые волосы...

Поэтому тога, уложенная слугой в изящные складки на левом плече и обернутая вокруг туловища Гая Юлия, — обычного белого цвета. Как и подобает человеку, который не добивается высоких должностей, не жаждет сидеть в кресле слоновой кости. Только обувь темно-красной кожи, железное кольцо сенатора на пальце да широкая пурпурная кайма на правом плече по краю туники — вот и все, что отличало его наряд от одежды сыновей.

Секст и Гай, сыновья, — в туниках с тонкой пурпурной полоской, что приличествует юношам из сословия всадников. Простые сандалии и перстни с печатками.

Солнце еще не взошло, а день уже начался — с краткой молитвы и подношения на алтаре в атрии хлебцев соленых богам. Позже раб у дверей возвестил, что видит огни, потоком плывущие вниз с вершины холма.

Был шепотком упомянут и Янус Патульций, бог, разрешающий без опаски держать открытыми двери. Отец с сыновьями вышли на узкую мостовую и здесь разошлись. Юноши — в голову процессии, где перед новым старшим консулом ступали шеренги всадников. Гай Юлий Цезарь выждал, когда Марк Минуций Руф прошествует мимо, окруженный ликторами. Следом шли

сенаторы, и он примкнул к ним.

Марсия затворила дверь, заручившись поддержкой Януса Клюзивия, что позволяет замыкаться дверным засовом. Сонных рабов разогнала — есть у них и другие обязанности, кроме как торчать в передней.

Мужчины ушли, теперь она может устроить свое собственное шествие. Но где ее дочери? Ответом заливиштый смех донесся из маленькой запы, которую девочки называли своим владением. Там завтракали они хлебом и медом. Как они были хороши!

Девочки в семье Юлиев были, по общему мнению, настоящим сокровищем, ибо обладали они особым даром — любого мужчину могли сделать счастливым. Обе младшие Юлии обещали соблюсти семейную традицию.

Юлии-старшей — просто Юлии — едва восемнадцать минуло. Высока, стройна, горда. Глаза — серые, волосы — как потемневшая бронза, стянуты на затылке узлом. Визирала она на мир с достоинством, но не заносчиво. Спокойна и умна была Юлия-старшая.

Меньшая Юлия — или Юлилла, шестнадцати с половиной лет, — последний ребенок в семье. Родилась неожиданной и лишней. Но чуть подросла — и все полюбили ее, за ласковость, нежную игривость и веселый, беспечный нрав. Вся она излучала янтарный теплый свет. Кожа, волосы, глаза — все, казалось, источало нежный аромат меда. Это она смеялась сейчас.

— Готовы ли вы? — спросила мать.

Дочери сунули в рот остатки липового сладкого хлеба, быстро обмакнули пальцы в чашу с водой и, обтерев их, направились следом за матерью.

«Холодно сегодня», — сказав так, Марсия протянула дочерям теплые шерстяные плащи. Тяжелы они были и сковывали движения. Девушки разочарованно — протестовать бесполезно — позволили укутать себя. Сразу стали похожи на бабочек в коконах, только лишь лица открыты. Марсия вывела из дома свой небольшой отряд из дочерей и рабов.

Небогатый Юлиев дом находился в нижней части Палатина, на Гермале. В наследство достался он младшему сыну — Гаю от Секста, отца его. Таюже и пять сотен югеров земли меж Бовиллами и Арицией, что позволяло Гаю и его семье занять место в сенате.

Отец, Секст, породил подряд двух сыновей и попытался оказать поддержку обоим. Тут была и сентиментальность племенного производителя — жаль было оставлять младшего ни с чем. Поэтому семейное достояние было разделено между старшим сыном Секстом и младшим — Гаем. Надеялся он, что оба сына поднимутся по cursus honorum: один станет претором, другой — консулом.

Сын Секста не был столь сентиментальным, как Секст-отец. Еще чего! Со своею женой Попиллией он родил трех парней — вот нестерпимая обуза для простой сенаторской семьи! Вызвав в себе необходимую твердость, он отдал от себя старшего своего сына и отдал его в усыновление бездетному Квинту Лутацию Катулу. Старый Катул, фантастически богатый человек, был рад столь удачному приобретению, за большие деньги купил он ребенка — юного патриция, умного и весьма приятного на вид.

На эти большие деньги Секст приобрел земли в городе и за городом. Теперь его сыновья (те, что остались) обеспечены неплохо и даже имеют возможность — коль скоро Фортуна явит им благосклонность — стать большими людьми в магистрате.

Предприимчивый Секст единственный избежал фамильного несчастья Юлиев Цезарей. А несчастье это заключалось в том, что слишком много наследников рождалось у них. Но не могли Юлии отдавать сыновей в усыновление и проследить, чтобы оставшиеся дети вступали в выгодные браки. И дробилось семейное достояние, оскудевало из поколения в поколение — а ведь были еще и дочери, нуждающиеся в приданом... Из поколения в поколение Юлии расточали богатство — в прошлом весьма внушительное.

Муж Марсии был истинным Юлием Цезарем, гордившимся сыновьями и любившим дочерей своих больше, чем подобает римлянину. Однако придется ему старшего сына отдать в усыновление, дочерей просватать за богатых людей, а младшему найти богатую невесту. Только деньги могут помочь сделать политическую карьеру. А часть патриция давно уже превратилась в помеху...

Неприветлив был первый день нового года. Сеял изморосью холодный ветер, скользил под ногами мокрый бульжник мостовой. Смердели в канавах раскисшие отбросы. Тучи сделали мучительно долгим и без того поздний рассвет. В первый этот римский праздник простой люд предпочел оставаться за закрытыми дверями. На своих соломенных матрасах они играли в вечную игру — «потремся друг об друга».

Случись сегодня хорошая погода — и переполнены были бы улицы. Народ, любопытствуя, перетекал бы с места на место. Что делается на Капитолии? Что творится в Форуме? И рабам Марсии пришлось бы расталкивать зевак перед хозяйствами.

Дом Гая Юлия стоял на аллее, что обрывалась у кливуса Победы, в двух шагах от Порты Ромуланы — стариных ворот в древних стенах Палатина, сложенных самим Ромулом. Шесть прошедших веков сильно все изменили: столетия покрыли каменные плиты мхом и инициалами путешественников. От кливуса направо и вверх — наивысшее место в Гермале, небольшой пустырь, откуда вся panorama Форума открыта для взора. Женщинам понадобилось всего пять минут, чтобы дойти до него. Двенадцать лет назад тут стоял дом, один из прекраснейших в Риме, — дом Флакков. Ныне разве что случайный камень в траве мог напомнить о былом.

Рабы расставили складные стулья, и Марсия с дочерьми смогли с удобством обозревать и Форум, и Капитолий, и склоны Субурры, кишащие возбужденными людьми. А вдали, к северу, — подступающие к городу холмы.

— Вы слыхали? — спросила Цецилия, жена банкира Тита Помпиона, живущая по соседству с Цезарями. Со своею теткой Лилией она уселась рядом, бережно поддерживая живот. Она была беременна.

— Что-то случилось? — откликнулась Марсия, чуть наклонившись.

— Консулы, авгурсы и жрецы, только чтобы успеть вовремя, начали церемонию сразу после полуночи...

— Они всегда поступают так, — оборвала ее Марсия. — Ведь если они допустят ошибку, им придется начинать все сначала.

— Не такая уж я невежда, чтобы не знать этого. — Цецилия была раздражена. Ее поучает дочь какого-то претора! — Дело не в ошибке — вряд ли они допустят ее. Но нынче все складывается как-то... неудачно. Ауспиции предсказывают недобро. Молния била справа четырежды! Сова авгурсов разухалась, словно ее убивают... Да и погода... Год явно будет нехорош. От консулов, верно, также не придется ждать ничего хорошего.

— По-моему, это очевидно и без совиных подсказок, — произнесла Марсия сдержанно. Она хорошо помнила, что ее отец не дожил до консульских привилегий, но помнила также, что именно он, в должности *praetor urbanus*, городского претора, построил большой акведук и привел в Рим свежую, чистую питьевую воду. И это деяние создало ему прочную славу. — Выбирать-то было не из кого, — продолжала она. — Да и выборщики подвели. Может, Марк Минуций Руф еще ничего, но Спурий Постумий Альбин... Ничтожный был выбор.

— Как? — удивилась недалекая Цецилия.

— Постумий Альбины ни на что не годится, — пояснила Марсия, отыскивая взглядом своих дочерей. Те перенесли свои стульчики поближе к подружкам — четырем девушкам из рода Клавдия Пульхра.

Ох уж эти Пульхры! Взбалмошная семейства. Однако девушки были знакомы давно — у дома Флакков собирались они в детстве по утрам, перед тем как идти в школу. Не запретишь же им общаться — да и к чему? Клавдии Пульхры — род почти столь же древний, что и Цезари. Кроме того, постоянно воюют с противниками старых благородных родов. Как и у Юлиев Цезарей, детей у них было много, а деньги и земли иссякали... Однако куда же глядят их матери? Девочки совершенно без присмотра! Ах! Матери разговаривают с Суллой... Безобразие!

— Девочки, вернитесь немедленно! — строгим голосом велела Марсия.

— Неужели нам нельзя оставаться с подругами? — откликнулась жалобно Юлилла.

— Нельзя! — Тон Марсии не допускал возражений.

Внизу, на Форуме, две длинные процесии, похожие на огромных извивающихся крокодилов: одна — идущая от дома Марка Минуция Руфа, другая — от дома Спурция Постумия Альбина — встретились и слились в одну.

Первыми шли всадники — человек семьсот. Их было бы более, если б не погода: хотя солнце взошло давно, светлее было ненамного, и дождь накрапывал все сильнее. Первые шеренги всадников были уже на священных склонах Капитолийского холма — там на первом повороте серпантинной дороги их встречали жрецы и забойщики скота с двумя превосходными белыми быками. Их привязь блестела и переливалась от блесток, рога их были вызолочены и сверкали, на шеях гроздьями висели цветочные гирлянды — во имя праздника.

Следом за всадниками — двадцать четыре ликтора, консульский эскорт. Потом — сами консулы и сенаторы. Бордовые полосы на тогах — члены магистрата. Прочие сенаторы — сплошь белые тоги. В хвосте колонны — случайные зеваки, клиенты консулов, приезжие... всякий сброд, не имеющий — если взглянуть строго — права входить в эту процесию.

«Красиво», — подумала Марсия. Тысячеглавая толпа неспешно двигалась к храму Юпитера Величайшего, на самую высокую вершину города.

Греки прямо на земле строили свои храмы. Римляне же возводили сначала высокие платформы с длинными рядами ступеней... До самого Юпитера Наилучшего Величайшего ведут эти ступени, и их действительно много...

«Прекрасно», — подумала Марсия, когда жертвенные животные и храмовые служители присоединились к процесии и дальше восходили вместе до небольшой площади около храма. На ней разместиться могли лишь избранные. Где-то среди них находились сейчас ее муж и сыновья — люди, принадлежащие к правящему классу величайшего города на земле.

* * *

Где-то в этой толпе находился и Гай Марий. Бывший претор. Это его положение подчеркивалось красными сандалиями и toga praetexta — тогой «бывшего». Много ли радости в этих знаках отличия? Они недостаточно хороши.

Пять лет назад Марий стал претором и уже два года спустя мог бы стать и консулом... Мог бы? Никогда. Почему?

Потому что он недостаточно хорош. Резон исчерпывающий. Кто-нибудь когда-нибудь слышал ли что-нибудь о семье Мариев?

Никто не слышал.

Гай Марий начал свой путь в глухи — путь обычного военного. Про таких говорят: «деревенщина». В минуту опасности или душевного возбуждения провинциальный говор изобличал его среди натуральных латинян.

Неважно, что он мог купить и продать часть сената. Неважно, что на войне он стоил поболее всех сенаторов, взятых вместе. Ценилась родословная, предки.

Кровь — вот что важно. А она была недостаточно хороша.

Родился Гай в Арпине. От Рима недалеко, но слишком, слишком близко от границ между Лацием и Самнией. Жители этих мест вызывали сомнения — и не без оснований — по поводу своей лояльности. Самниты среди италийских племен считались всегда серьезными и злейшими врагами Рима. Лишь семьдесят восемь лет назад стали жители Арпина истинными гражданами Рима — совсем недавно. Посему территория эта еще не обрела муниципального статуса.

Но прекрасен этот край. Арпин к самым горам Апеннинским приколов брошью, словно на грудь знатной красавицы. Нарядные сады по берегам Лириса и Мелфы. Гроздья винограда тяжелы, наполненные солнечным соком, — вино здесь лучших сортов. Урожай щедры. Овчья шерсть — нежна и тонка. Зима щадит, и лето не жарко. Вода изобилует рыбой. Леса словно специально росли для постройки домов и кораблей — все звонкие сосны да дубы, под сенью которых пасутся по осени жирные свиные окорока, пасется колбаса и нежнейшая ветчина, столь излюбленная благородными жителями Рима.

Спокойный, чуть сонный зеленый мир.

Уже не первое столетие жила семья Гая Мария в Арпине. Римским своим происхождением гордились они чрезвычайно. Разве Марий — вольское имя? Разве самнитское? У осков, правда, встречается оно, но нет: эти Марии — латиняне.

И он, Гай Марий, не хуже римских нобилей, что с таким удовольствием унижают его. Он лучше, много лучше, и чувствует это.

Подобные мысли — навязчивы и беспокойны. Они подобны незваным гостям, презревшим приличия, — не уходят. Давно, очень давно нагрянули они к нему. А время убывало текущей водой, обмелели мечты, и на дне пересохшего ручья обнажилась вся тщетность надежд. Было от чего прийти в отчаяние. Но он был крепок и упрям — как и в молодости.

«Странно устроен мир, — думал Гай Марий, наблюдая застывшие лица людей, окружавших его, лица, размытые слякотью ненастного дня. — Ни Грахов нет среди них, ни Марка Эмilia Скавра, ни Публия Рутилия Руфа. Куча ничтожных! Как надменно смотрят они на меня. Воображают, что я ничтожный, ни на что не годный выскочка — лишь потому, что кровь в их жилах чище. Каждый из них уверен, что подвернись ему случай — он сможет занять важнейший в государстве пост и называться Первым Человеком в Риме. Как Сципион Африканский, как Эмилий Павел, как Сципион Эмилиан, как десятки других».

Первый Человек в Риме считался первым среди равных — людей с одинаковыми возможностями. Это больше чем царь, больше чем деспот. Царь опирается на происхождение, деспот — на меч. Первый же Человек, кроме силы и происхождения, должен быть наделен еще и умом. Соперники ждут законного повода убрать его с дороги, значит, их нужно укротить, подчинить, купить — словом, сделать союзниками.

Первый — больше чем консул. Два консула сменяются каждый год. Много их было, много их будет. Но за всю историю Республики лишь несколько человек могли называться Первыми.

Теперь в Риме нет такого человека. Давно уже нет — целых девятнадцать лет, с тех пор как умер Сципион Эмилиан. Почти добрался до этой вершины Марк Эмiliй Скавр. Но не хватило ему некоего ценного качества. Сплата силы, власти и славы, того, что римляне зовут *auctoritas*. Однако — да будет он здрав!

Толпа колыхнулась, и легкий шепот пробежал по ней — Марк Минуций Руф приступил к обряду. Но вышла досадная заминка: бык, предназначенный на заклание Великому Богу, не стал есть корма со специальными снадобьями. Он пыхтел, мотал головой и рвался прочь.

Все припомнили и другие дурные предзнаменования этого дня. «Не жди теперь хорошего года», — шептали в толпе. Обнаженный по пояс жрец с молотом не стал дожидаться, пока животное поднимет голову к небесам, а потом опустит ее к земле. Позже можно будет сказать, что оно сделало это десяток раз, борясь за свою жизнь. Молниеносный взмах молота, глухой удар — и бык рухнул на вымощенную каменными плитами площадку. Другой жрец с обоюдоострым топором опустил свое оружие на шею животного — камни стали багряными. Жрецы наполняли чаши кровью, а она все текла и текла, стекала с плит... Земля, пропитанная дождем, почти не поглощала ее.

«О человеке многое можно узнать по тому, как оказывается на нем вид крови и запах...» — размышлял Гай Марий. Он видел,

как одни быстро отворачивались и уходили в сторону, как другие стояли в крови спокойно, позволяя пропитаться сандалиям. Иные едва сдерживали тошноту.

«А вот к этому человеку стоит приглядеться повнимательней!»

Он стоял среди всадников — молодой, только вступил в возраст зрелости. Однако нет на его тоге узкой красной полоски. Вот он развернулся к Форуму и двинул... Его светло-серые глаза жадно свернули при виде кровавой струи — это Гай Марий тоже успел заметить. Но кто же он? И кто бы о нем мог знать? Красив и мужской, и женской красотой сразу: молочная кожа и волосы цвета солнца на рассвете. Словно сам Аполлон показался перед Марием. Но нет, этот взгляд — взгляд человека, знающего, что такое страдание. Разве боги страдают?

В корм второму быку подсыпали еще больше сонного сна. Но и этот бык сопротивлялся — пожалуй, сильнее, чем первый. Удар по голове, обычно заставлявший животное покорно осесть, был слабым и лишь разъярил его. Какой-то жрец додался ухватить быка за мошонку и тем выиграть мгновение для ударов. Молотобоец и жрец с топором ударили вместе. Бык упал, и брызги его крови окропили все вокруг, включая обоих консулов. Спурий Постумий Альбин и младший брат его Авг сплошь были в крови. Гай Марий краем зрения изучил выражения их лиц, обдумывая последствия такого скверного знамения. Дурного предзнаменования для Рима.

А непрошеные мысли все назойливее, все неотвязнее. Словно вот оно, время, пришло. Настал тот самый миг, что вознесет Гая Мария, сделает его Первым Человеком в Риме. Здравый смысл — много его набралось у Мария за прожитые годы — сопротивлялся. Предчувствия — вздор, подразнят и обманут, отдадут на позор и смерть, — так решил бы любой здравомыслящий римлянин.

Ему, Гаю Марии, сорок семь. В шестерку преторов пять лет назад попал он случайно, да и будто в насмешку — шестым, последним в списке. Уже и тогда он не был молод, чтобы пробиваться к консульскому креслу. Без громкого имени, без своры клиентов... Теперь — и подавно ушло его время. Утекло, иссякло.

Окончилась церемония, консулы были посвящены. Верховный жрец — Великий Понтифик Луций Цецилий Метелл Далматик, этот самовлюбленный осел, обожающий роскошь и блеск, выдавил из себя последнюю молитву. Глашатай старшего консула стал созывать Сенат в храм Юпитера Наилучшего Величайшего, на собрание. Нужно было определить день Латинского праздника на горе Альбан, обсудить, какие провинции нуждаются в новых правителях. Распределить по этим провинциям преторов и консулов.

Иные из народных трибунов преступили дозволенные границы, смущая народ, — это тоже надобно обсудить. Скавры обязаны остановить этих крикливых глупцов, уподобясь плотине, сдерживающей вешины грязные воды.

Кто-нибудь из Цецилиев Метеллов опять будет гнусаво разглагольствовать об упадке нравов среди римской молодежи. Но, утомленные скучой, сразу десяток-другой человек прервут его...

Старо и привычно все. Люди вокруг, Сенат, весь Рим да и сам Гай Марий нисколько не изменились, лишь постарели на год. Будет Гаю Марии пятьдесят семь, а потом — шестьдесят семь... А потом эти нудные, глупые люди сожгут его на погребальном костре, и он растворится в небе струйкой дыма. Прощай, Гай Марий, знатный свинопас... Все равно ты не был римлянином.

Глашатай умолк. Гай Марий вздохнул глубоко и пошел прочь, оглядываясь по сторонам в надежде увидеть поблизости кого-нибудь, кого можно было бы пнуть как следует, чтобы на душе полегчало.

И тут встретился он глазами с Гаем Юлием Цезарем. Тот улыбался, будто прочел его мысли.

Гай Марий остановился, отведя взор.

Гай Юлий — после смерти брата Секста старший из Юлиев Цезарей — был рядовым членом Сената. Высокий и подтянутый, истинный военный. Лицо его было симпатично несмотря на возраст — пятьдесят пять лет. Красивое лицо, обрамленное пышными седыми волосами. Такие люди уходят из жизни постепенно, такие и в девяносто, на трясущихся ногах, ходят в Сенат и поражают всех удивительным здравомыслием. Такие не оканчивают жизни под жертвенным топором. Именно такие и делают Рим Римом, когда приходит к этому время. Да, именно такие, а не стадо Цецилиев Метеллов. Потому что они — лучшие из всех.

— Кто из Метеллов собирается сегодня вещать? — осведомился Цезарь, когда вместе они стали подниматься по широким ступеням Храма.

— Тот, кто хочет взобраться повыше, — отвечал Гай Марий. Густые его брови поползли вверх, а затем вниз, точно гусеницы по ветке. — Старина Метелл, вероятно. Младший братик нашего верховного жреца.

— Разве?

— Полагаю, он хочет стать консулом на следующий год. Ему пора готовиться к этому.

— Думаю, что ты прав, — отозвался Цезарь.

Гай Марий по старшинству пропустил Цезаря вперед и вошел следом в священное жилище Юпитера Наилучшего Величайшего.

Центральная зала плавала в полутьме — солнце не заглядывало в храм. Но лик божества светился багрово, будто раскаленный незримым огнем. Древним было изваяние, много веков назад спели его из терракоты знаменитый этрусский скульптор Вулька. Позже добавились одежды из слоновой кости, золотые волосы и сандалии, золотая молния, серебряная кожа рук и ног. Выросли ногти из слоновой кости. Лишь лицо, чисто выбритое на этрусский манер, перенятый римлянами, сохранило цвет терракоты. Точеное, правильное лицо, и только сомкнутые губы растянуты чуть не до ушей в бесмысленной улыбке. С такой улыбкой непутевые отцы наблюдают, как их чада играют с огнем.

По сторонам открывались две залы поменьше: слева — Минервы, справа — Юноны. Дочери Юпитера и супруги его. Статуи их были из чистого золота и кости слоновой, но обеих знатных дам принудили к соседству с чужаками. Старые боги не покинули этого места, когда строился храм. Не захотели. Римляне есть римляне — их оставили здесь, вместе с богами новыми.

— Позволь спросить тебя, Гай Марий, не примешь ли ты приглашения к обеду сегодня в моем доме?

Это было неожиданно. Гай Марий даже зажмурился, медля с ответом.

С чего бы такая честь? Странно все это. Но и на насмешку не похоже. Юлии Цезари не смеются над теми, кто в пасынках у судьбы. Верно, в дом их непросто попасть. Но это понятно. Если твой род восходит к Юлу, Энею и Анхизу, к самой богине Венере, вряд ли ты будешь водиться с портовыми рабочими или кем-то вроде Цецилия Метелла.

— Благодарю тебя, Гай Юлий. Почту за честь.

* * *

Луций Корнелий Сулла проснулся сразу следом за солнцем новогоднего дня. Проснулся почти протрезвленным. Он лежал точно так же, как упал вчера, — между мачехой и любовницей. Обе дамы — по отношению к обеим это лишь эвфемизм — лежали к нему спиной и были полностью укрыты. Это было представлением, разыгранным специально для того, чтобы превратить разбудившую его утреннюю эрекцию в изощренную пытку.

Несколько мгновений он пытался переглянуть свой третий глаз, бесстыдно смотрящий на него поверх живота, но борьба была неравной.

Приняв решение, Сулла правой рукой осторожно приподнял край покрывала мачехи, левая же его рука потянулась к любовнице.

В то же мгновение обе женщины, притворявшимися спящими, вскочили с постели и с яростным криком принялись избивать

его с обеих сторон.

— За что? — вскричал он, сворачиваясь в клубок и силясь уберечь от ударов пах, где эрекция спала, как пустой винный бурдюк.

Не стесняясь в выражениях, они объяснили — за что, изложив события вчерашнего вечера, визжа и перекрикивая друг другу. Теперь и он вспомнил, что произошло.

Метробий, будь прокляты его глаза! Но какие же глаза у мерзавца... Блестят, как будто черный обкатанный янтарь. А ресницы такой длины, что можно намотать на палец. Сливочная кожа, черные волосы выются, падая на тонкие, как у девушки, плечи. А какая попка!

Четырнадцать лет ему было, но порок в нем — тысячелетний, в этом ученике Скилакса-актера, в этом грязнуле, в этом злом мальчике, в этом развратнике, в этом тигренке...

Обычно Сулла предпочитал женщин, но Метробий — что-то особенное. На пиршество пришел он, одетый Купидоном, — Скилакс в костюме Венеры сопровождал его. Над мальчишескими лопатками трепетали смешные неловкие крылышки из перьев, шафранный шелк обтекал бедра. Так душно было в доме, что вскоре стало понятно: шафранный краситель — дешевка. Смешавшись с горячим потом, он потек оранжево-желтыми струями по ногам Купидона. Шелковая повязка намокла и приклеилась к коже, привлекая внимание к тому, что было скрыто под ней.

С первого, быстрого взгляда он Суллу очаровал. Но и Сулла очаровал его. Много ли мужчин с такой, как у Суллы, белой кожей? С таким цветом волос — совсем как восходящее солнце? А его глаза, подернутые туманом, — точно белые... Не говоря уже о лице, которое притягивало к себе столько взоров в Афинах, куда некто Эмилий, пусть его имя останется тайной, бесплатно, лишь наслаждаясь ласками юноши, на своем корабле перевез шестнадцатилетнего Суллу. Путем дальним, вокруг всего побережья Пелопоннесского. Но в Афинах участие этого благодетеля закончилось — Эмилию не хотелось рисковать репутацией, он был слишком важной персоной. Римляне стыдились гомосексуализма и признавали его недостойным пороком. Греки же, напротив, считали его наивысшей формой любви.

Первые скрывали свои пристрастия как величайшую тайну. Вторые — всячески превозносили и хвастались перед друзьями своими любовниками.

Сулла быстро осознал, что первые не лучше вторых. Только в первом случае ценители шире распахивали кошельки — страх и риск обостряли их вожделение. Греки, наоборот, считали необязательным платить за доступное и обычное. Сулле не приходилось рассчитывать на их призательность. Разочаровавшись, Сулла при помощи шантажа вырвал у Эмилия деньги на обратный путь в Италию и Рим и покинул Афины навсегда.

С возрастом он изменился. Бреясь впервые, он ощутил себя настоящим мужчиной и быстро охладел к подобным себе. Даже их щедрые подарки не возбуждали его.

И тогда он открыл для себя... женщин. Он понял, что те еще лучше мужчин. Сами стремятся, чтобы их подчиняли и использовали, сами готовы платить за свои унижения.

В детстве он мало их знал. Мать его умерла рано, оставив детей спившемуся отцу, которого они мало интересовали. Была у Суллы старшая сестра — Корнелия. Благодаря своей миловидности она отыскала себе жениха — Луция Нония, богатого землевладельца из Пицена. Уехала с ним на север — наслаждаться жизнью в деревенском раю. А Сулла остался присматривать за отцом.

Когда Сулле исполнилось двадцать четыре, отец его совершенно неожиданно женился снова. Сулла вздохнул с облегчением: больше не нужно искать денег для утоления вечной отцовской жажды. Новая супруга папаши, Клитумна из Умбрии, была вдовой и наследницей очень богатого торгаша. Его единственную дочь она вовремя спровадила замуж в Калабрию, осчастливив какого-то торговца маслом.

Клитумна вышла за Суллу-старшего потому, что ей нравился Сулла-младший. В ее собственном доме на Палатине она развлекалась с ним, без сожалений забыв о супружеском долге. Но юный Сулла неожиданно обнаружил в себе странную жалость к своему отцу — непутевому, но безобидному пьячуге. Тогда он — как можно мягче — отстранил от себя Клитумну и ушел.

Сбережения его были скромны. Удалось ему найти две комнаты в большой инсупе на Эсквилине, у самого Тарквиниева вала. Он платил три тысячи сестерциев в год — за жилье, за слугу-повара да за стирку белья. Девушка-прачка жила двумя этажами выше. Раз в неделю, с его грязным бельем в узле, она пробиралась запутанным уличным лабиринтом к небольшой площади — светлому пятну неправильной формы среди мрака трущоб. Фонтан был своеобразной трущобной святыней, неким клубом для обитателей этих трущоб. Для них старый и мерзкий Силен беспрерывно сблевывал струи воды на каменное дно бассейна.

Таких фонтанов в городе было много — их подарил Риму цензор Катон, величайшего ума старец, весьма практичный и весьма низкий родом.

Поспорив с какой-нибудь другой прачкой за более удобное место у бассейна, девушка стирала — отбивала о камни одежду Суллы, полоскала и выкручивала насухо с чьей-либо помощью. Обратно приносила вещи аккуратно свернутыми. Ее цена за услуги была необременительна: по-быстрому всунул-вынул. Никто за девушкой не присматривал, жила она одна. Лишь старая облезлая птица, вечно нахоленная, обитала в ее комнате.

Где-то в это время Сулла повстречал Никополис. Ее имя указывало на ее греческое происхождение: «Город победы». Она совершенно его устраивала — обеспеченная комфортабельная вдовушка, до безумия желающая любви. С ней была только одна проблема. Она тратила ему на подарки очень большие деньги, но вот годового содержания ему не назначила — оказалась проницательной и практичной. Этим она напоминала его мачеху, Клитумну. Что делать, женщины глупы, но глупость их умна.

Через два года отец Суллы умер от цирроза, промотав свою жизнь, пропив и проев... Клитумна всегда относилась к нему как к досадному привеску — ее интересовал только его сын. Но теперь и самого Суллу сыновний долг более не удерживал. И они зажили втроем — Клитумна не возражала против Никополис и охотно делила Суллу и его постель с греческой шлюхой.

Отношения в этой странной семье наладились самые нежные и душевые, и жили бы они прекрасно в богатом доме на Палатине, если бы Суллу не потянуло к мальчикам.

Он уверял своих женщин, что в этой его слабости нет ничего серьезного и опасного. Он же не разворачивает невинных младенцев, не преследует сенаторских сыновей, дерущихся деревянными мечами на площадках Марсова поля. Нет, его прельщают «грязнули» — профессиональные красавчики. Он ведь сам когда-то был таким...

Женщины его склонностей не одобряли и любимцев Суллы ненавидели люто. Ему приходилось — вопреки своим желаниям — оставаться мужчиной. Оберегая домашний покой, он сдерживал свои прихоти, по крайней мере пока был на виду у Клитумны и Никополис.

Все было бы гладко и далее, но в этот проклятый день — последний день консульства Публия Корнелия Сципиона и Луция Кальпурния Бестия — подвернулся Метробий... Сулла и его женщины любили театр. Не высокие трагедии греков, не Софокла, Эсхила и Эврипида, где из-под масок стонущие голоса вещают утонченными стихами. Они любили комедии. Непрятязательные насмешливые пьески латинян — Плавта, Невия и Теренция. И еще — площадное искусство мимов: идиотские гримасы, голые уличные девки, грубые реалики в публику и из нее... Чтобы ревели громко рожки, чтобы сюжетцы — нелепые, вздорные — лепились тут же на ходу из так называемого традиционного репертуара. Непристойные колыхания тел, маргаритки, воткнутые в задницы, движения одного пальца красноречивее тысячи слов... Вот старик с завязанными глазами принимает груди девок за спелые дыни, вот сцены откровенного разврата, вот пьянство богов. Ничто не запретно для мимов.

Они дружили со многими известными актерами Рима и директорами театров. Конечно же, не избегали они и пирушек, даже если те не были украшены знаменитыми именами. Но только с комиками водились — трагических пьес не смотрели. Они были римляне, а римляне превыше всего ценят хороший, громкий смех.

По этим причинам на вчерашнюю их пиршку на Новый год в дом Клитумны были созваны: Скилакс, Астера, Милон, Педокл, Дафна и Марсий. Пиршка очень быстро перетекла в костюмированное действо.

Сулла обожал, когда на сцене мужчины, кривляясь, изображали женщин. Он сам обличился в костюм Медузы Горгоны. Его парик из настоящих живых змей не в шутку пугал окружающих. Коанский шелк, ниспадающий с плеч, не скрывал его самой большой «змеи».

Клитумна изображала обезьяну, подпрыгивая и почесываясь в вывернутой наизнанку меховой накидке. Свой голый зад она покрыла синей краской.

Никополис была менее экстравагантна — ей хотелось продемонстрировать свои прелести, а не скрыть недостатки, как мачехе. Потому она нарядилась Дианой Охотницей. Совершенно обнажив свои длинные ноги и раскрыв одну прекрасную грудь, она пританцовывала под звуки флейт, колокольчиков и барабанный бой, постукивая в такт тоненькими стрелами в колчане.

Веселье набирало обороты. Парик Суллы имел неоспоримый успех, хотя все нашли, что обезьяна Клитумны куда забавнее.

Все наливались вином, смеялись и шумели так, что отголоски их веселья долетали из сада до самых дальних и глухих уголков дома, сводя с ума консервативных соседей задолго до того, как новогодняя ночь превратилась в новый день.

Вот тут-то, пошатываясь, и вошли последние гости: Скилакс — на пробочных котурнах, с огромными искусственными грудями, во всклокоченном золотом парике и измятой тунике, похожий на старую шлюху (бедная Венера!), и за ним Купидоном впорхнул Метробий. С первого взгляда, брошенного Суллой, наиглавнейшая его змея зашевелилась, а уж со второго — поднялась в стойку. Но это не понравилось Диане Охотнице и уж всяко не Венере Скилакса.

Далее случилась сумасшедшая сцена, вроде тех, что показывают мими. Было все: подрагивание сладких булочек, скольжение голенькой грудки, хищные броски большой змеи, взметнувшиеся локоны блондинистого паричка — подпрыгивание прикрытенного мальчика. И кульминация, когда Метробий и Сулла подпрыгивали вместе — о, маленькие радости педерастов! — в уголке, в полном, как им казалось, уединении.

Сулла осознавал — ну конечно! — что совершает большую ошибку, но поделать ничего не мог. Увидев краску, текущую из под шелковой повязки по глянцевым ногам, увидев удлиненные ресницы и глаза, полные ночного блеска, Сулла был сражен. А когда, приподняв край свободно висящей накидки, он скользнул взглядом вниз, туда, где смуглое безволосое тело, ничто в мире не смогло помешать Сулле увлечь мальчишку в угол и за мягкой кушеткой овладеть им.

Но фарс превратился в кошмар.

Клитумна в гневе разбила об пол драгоценный бокал Александрийского стекла и бросилась выцарапывать Сулле глаза. Никополис устремилась ей на помощь, размахивая кувшином вина. Ревнивый Скилакс принял лупить Метробия пробковой котурной. Кругом образовалась толпа любопытных насмешников.

Сулла, по счастью, не был пьян и ловко справился с нападавшими: Скилаксу он сразу подбил глаз — синяк вспух под толстым слоем грима мгновенно. Диану уколол в босые ноги ее же стрелами, а Клитумну бросил себе на колено и шлепал ее по голому заду, пока тот из синего не стал черным.

Потом он нежно и благодарно поцеловал мальчика и отправился спать, мрачный и злой.

Теперь, в первое утро нового года, Сулла осознал происшедшее. Это был не фарс и не комедия даже, а трагедия, какой не написал бы и Софокл, любивший изображать причуды богов и людей. Сегодня ему, Сулле, исполнялось ровно тридцать лет.

Женщины подле него продолжали визжать и браниться. Он вдругглянулся на них — как поглядела бы его Медуза Горгона,глянув холодно и горько, больными злыми глазами, — и обе тут же притихли, как бы и впрямь окаменели.

Пока он надевал свежую белую тунику, пока раб драпировал на нем тогу, которую он носил редко, разве только в театр, женщины сидели статуями. И только когда он вышел, они, вздохнув, оттали, переглянулись и заплакали горько. Печалило их и страшило нечто увиденное в глазах Суллы, но ими непонятое.

Эта горькая и неясная истина заключалась в том, что все свои тридцать лет Сулла прожил лжецом среди сплошного моря лжи. И этот лживый мир — мир пройдох, пьяниц, ворюг, дешевых и дорогих шлюх, вольноотпущенников и мошенников — не являлся миром самого Суллы.

В Риме много людей с именем Корнелий. Но в большинстве случаев это имя означало лишь — потомок раба Корнелиев или сын арендатора Корнелиев. Сами Корнелии — высокорожденные патриции — давали им свободу в честь памятного события, свадьбы, дня рождения, похорон или за деньги. А в придачу к свободе — и родовое имя Корнелиев. Отпущенники в благодарность за вольную и гражданство делались клиентами патрициев.

Кроме Клитумны и Никополис, все кругом думали, что он — Луций Корнелий Сулла — и есть потомственный Корнелиев клиент из бывших рабов или крестьян. Да и внешность у него была необычная.

Все знали о нобилях Корнелии Сципионе, Корнелии Лентуле и Корнелии Меруле. Но знал ли кто о патриции Корнелии Сулле? Что это за прозвище такое — Сулла? Что оно вообще обозначает?

Но как бы то ни было, Луций Корнелий Сулла, по строгому цензу относившийся к разряду *capite censi* — римлян без имущества, являлся патрицием. Сыном патриция, внуком патриция и так далее. Вообще, род его был древнее самого Рима. И происхождение предоставляло ему все права на восхождение по пути чести, *cursus honorum*, — к блеску и власти и титулу консула.

Трагедия заключалась в том, что Сулла был беден: отец его оказался не способен обеспечить сыну более или менее сносное будущее, что и низвергло Суллу в самые низы римского общества. Все, что досталось ему в наследство, — это гражданство. Сулла не мог претендовать на пурпурную полосу на правом плече тунику — ни на широкую, как у сенаторов, ни на узкую, как у всадников. Знакомым своим он иногда говорил, что принадлежит к роду Корнелиев, но те лишь посмеивались, не веря. И как же верить баухалу, если сельские Корнелии — один из четырех старейших римских родов? Потомок тех Корнелиев не мог оказаться в числе граждан *capite censi*!

Сегодня, в день своего тридцатилетия, Сулла мог бы войти в Сенат — с одобрения цензоров, как избранный квестор или даже просто по праву рождения.

Однако вместо этого быть ему до конца дней жеребцом при двух вздорных бабенках. Лик Фортуны не озарит его пути. Не будет ему случая востребовать родовые привилегии.

Наступивший год — год цензоров. Стоит ли ему выйти пред их трибуналом на Форум? Докажет ли он, что его владения приносят ему миллион сестерциев ежегодно? Это сенаторский минимум. А узкая полоса стоит четыреста тысяч — это минимум всадника. Так ведь нет у него собственности — его доходы не превышают десяти тысяч сестерциев в год! Он абсолютно нищ — в Риме считали нищим того, кто не мог содержать хотя бы одного раба. А он, патриций из рода Корнелиев, сам сейчас живет на содержании у женщин.

Покинув отца и мачеху, он жил в инсуле на Эсквилине и работал. Работал грузчиком в Порту, за Деревянным мостом. Таскал пшеницу, кувшины с вином... Сам содержал себя и своего раба, не позволяя себе опуститься до конца. Так он взрослел, рос и креп, и гордость уязвленная крепла в нем, ширилась боль унижения. Постоянной работы он позволить себе не мог: когда человек только подрабатывает, то здесь, то там, к нему не лезут с расспросами. Но если он работает каждый день на одном месте, начинают любопытствовать.

Сулла не мог выучиться писать, чтобы стать секретарем или библиотекарем. Даже в армию не мог он поступить — не позволяли средства. Ни разу в жизни не держал Сулла в руках копья или меча, не седлал коня, хоть и пристало человеку его крови служить. Даже сборные пункты для новобранцев на Марсовом поле — и те были закрыты для него. Для него — патриция из рода Корнелиев!

Может быть, стоило бы восстановить отношения с другими патрициями-Корнелиями и просить помощи у них? Хорошие деньги в долг поправили бы его дела. Но гордость, позволявшая Сулле быть трутнем при женщине, мешала просить. Тем более что Суллы отдалились от прочих Корнелиев — одна только эта дистанция сделает родственников недоверчивыми. В долг ему не дадут. Лучше оставаться никем, чем стонать под патроном, отрабатывая щедрую ссуду. Все-таки он — патриций из рода Корнелиев!

Рывком распахивая двери мачехиного дома, он не думал ни о чем определенном. Просто хотел подышать свежим воздухом, прогулять свою тоску.

Клитумна избрала своеобразное место для проживания, учитывая свое происхождение, — улицу, населенную удачливыми адвокатами, рядовыми сенаторами и всадниками среднего пошиба. С нижней части Гермала — северо-западного склона Палатинского холма — не открывалось красивых видов, но дом удобно близок к политическим и деловым центрам города — Форуму, окружающим его базиликам, лавочкам и колоннадам.

Клитумне нравилась эта укромность. Уклад ее жизни требовал безопасности от чужих глаз. Ее дому далеко до публичных домов Субуры, однако шумные ее вечеринки и подозрительные ее друзья многократно бывали причиной для делегаций гневных соседей, жаждущих покоя и тишины. С одной стороны жил чрезвычайно преуспевающий банкир, директор компании Тит Помпоний. С другой находился дом Гая Юлия Цезаря, сенатора.

Они не знали очень много. Этому помогала (или препятствовала — как посмотреть) планировка дома Клитумны — он смотрел внутрь. Наружу выходила стена без окон. Перистильный садик внутри полностью скрывал окружающие его комнаты от соседей. Впрочем, подозрительные вечеринки Клитумны время от времени выплескивались из гостиной в этот самый садик. Крики и громкое пение разносились далеко за пределы участка, что делало Клитумну главным нарушителем спокойствия в квартале.

Сумерки рассеялись.

Перед собою Сулла увидел женщин Гая Юлия Цезаря — они бодро галопировали на высоченных пробковых подошвах. Сладкие маленькие ножки не касались мусора и зимней слякоти.

«Должно быть, идут глязеть на церемонию посвящения», — предположил Сулла, замедляя шаги. Почтительно, с бескорыстным, но острым вниманием он рассматривал задрапированные тела — он осознавал себя мужчиной, чьи сексуальные импульсы могут и охватывают всех.

Вот Марсия, дочь Марсия — строителя Акведука. Ей чуть больше сорока. Ну ладно, сорок пять. Стройная, старательно ухоженная дама с каштановыми волосами, она сохранила большую часть своей красоты. Но все же не могла бы даже соперничать со своими дочерьми. Истинные Юлии — хорошенъкие, светловолосые обе. Хотя, будь Сулла богачом, лавры преподнес бы он младшенькой.

Время от времени он видел, как они ходили за покупками, и заметил, что их кошельки так же тонки, как и их тела. Сенаторский пост позволял этой семье только одеться и поесть. Всадник и торговец Тит Помпоний был гораздо богаче.

Деньги. Миром правят они. Без них человек — ничтожество. Стоит ли удивляться, когда иной счастливец, вытолкнувшийся на поверхность, начинает тянуть на себя, стремясь ухватить все больше и больше?

Человек может обогатиться, добившись избрания в преторы. При участии Фортуны всякого рода издергки принесут в конце года солидные дивиденды. Еще лучше — стать претором провинции. В этой должности достаточно легко себе помочь. Например, можно затеять маленькую пограничную войну с варварами, прибрать их золото — священная добыча. Продать пленных в рабство с выгодой для кошелька.

Помимо мрачных проспектов войны, имеются и другие дороги, весьма просторные и удобные для всяких комбинаций. Можно, скажем, заняться хлеботорговлей, повышая или понижая цены к своей выгоде; давать деньги в рост (армия используется для сбора долгов). Дыры в бухгалтерской книге легко латаются налогами. Также можно продавать права на римское гражданство. Можно даже (не совсем конечно) освободить от дани Риму отдельный небольшой город — в свою пользу, разумеется.

Деньги... Где бы взять их? Совсем немного, чтобы стать сенатором... Мечты! Луций Корнелий Сулла, все это — мечты.

Женщины Цезаря свернули направо, на кливус Победы. Сулла знал, куда они идут: на землю Флакка. На пустырь, туда, где раньше стоял Флакков дом.

В то время как он поднимался туда, ступая по жухлой траве, дамы уселись на свои складные стулья. Здоровенный раб, похожий на фракийца, возвигал над их головами складной тент, дабы укрыть хозяек от чуть участившегося дождя. Две Юлии, как отметил Сулла, пробыли подле своей матери весьма недолгое время — та разговаривала с беременной женой Тита Помпония. Юлии сложили свои стульчики и поспешно перебежали к четырем Клавдиям Пульхрам, которые сидели на солидной дистанции от своих матерей. О да, они были здесь — Лициния и Домиция. Сулла знал обеих довольно хорошо, с тех пор как переспал с обеими. Не глядя больше по сторонам, он подошел к сидящим женщинам.

— Дамы, — приветствовал он их, склоняя голову. — День отвратительный, не так ли?

Каждая из женщин, бывших сейчас рядом, знала о том, кто он такой, — положение Суллы вызывало болезненный интерес. Чернь, с которой он водился, считала его ровней, самозванцем, присваивающим себе чужое имя. Но для благородных горожан его происхождение не было тайной. Они знали его генеалогию. Они знали его историю и историю его семьи. Некоторые жалели его, иные — как Лициния и Домиция — видели в нем привлекательного мужчину. Но никто из них не хотел ему помочь.

Северо-восточный ветер принес запах сажи, подкисшей золы и горевшей плоти. Прошедшими летом полностью весь Виминал и верхняя часть Эсквилина выгорела дотла. Пожар этот на память Рима был самым страшным. Почти пятая часть города была выжжена. Горожане, объединив усилия, снесли значительное количество зданий, отсекая пожар от Субуры с ее тесно стоящими многоквартирными домами и от нижнего Эсквилина. Ветер и ширина Долгой улицы остановили распространение бедствия в редких застройках внешнего Квиринала, на севере же огонь добрался до холмов перед Сервиевой стеной.

И хотя полгода прошло после этого пожара, Сулла видел с пустыря Флакка страшный ожог. Добрая квадратная миля черных фундаментов, полуобвалившихся домов. Запустение.

Точное количество погибших никому не было известно. Их, погибших, было достаточно, чтобы выжившие не нуждались в жилье после пожара. Так что застройка шла медленно — только кое-где возвышались строительные леса, верный знак того, что здесь строится инсула и некий землевладелец набьет теперь кошелек.

Сулла злорадствовал, чувствуя, как смутились Лициния и Домиция, когда он поприветствовал их. Они были мягки, как никто в мире, и старались жить спокойно.

«Страдайте теперь, глупые свиньи! Любопытно, знают ли эти крольчики, что я спал с ними обеими?» — спросил себя Сулла. Это придавало их встрече острый, пикантный привкус.

Глазами, в которых плясал глянцевый огонек, он раздевал женщин, сидящих под укрытием. Скоро он перебрал всех, кроме Марсии. Марсию он отделял от прочих. Только не она! Это же не женщина, а оплот достоинства, монумент добродетели.

— Это была страшная неделя, — произнесла Лициния высоким, дрожащим голосом. Взгляд ее был прикован к обугленным холмам.

— О да, — сказала Домиция, прочищая горло.

— Я была в ужасе, — лепетала Лициния. — Мы жили тогда на Каринах, Луций Корнелий. Огонь все приближался и приближался... Катился к нам. Конечно, когда все кончилось, я упросила Аппия Клавдия перебраться в другую часть города. Это вряд ли спасет нас от огня, но лучше, без сомнения, жить в болоте близ Форума, чем на Субуре!

— Это было чудесно, — молвил Сулла, вспомнив, как всю неделю он по ночам поднимался по лестнице Весталок. Он смотрел, представляя себе, что это — объятым чудовищными сполохами вражеский город после разграбления, и видел себя римским полководцем, отдавшим этот приказ. — Чудесно... — повторил он.

Ошарашенная его словами, Лициния быстро, как бы украдкой, взглянула на его лицо и, злясь на себя, тут же перевела взгляд обратно. Она испытала на себе силу этого человека, о чем горько сожалела теперь. Сулла был опасен. С головой у него было не в порядке.

— Впрочем, — она заставила себя говорить спокойно, — этот скверный ветер принес не только плохое. Мои кузены Публий и Луций Лициний купили за бесценок освободившиеся участки земли. Говорят, через несколько лет цена на них взлетит до небес.

Она упомянула семью Лициниев Крассов — известных миллионеров. Почему бы ему, Сулле, не подцепить богатую невесту, как это сделал несравненный Аппий Клавдий Пульхр? Как — почему? Да потому, что ни отец, ни мать, ни брат, ни опекун богатенькой благородной девочки не захотят ей такого счастья!

Все удовольствие от поддразнивания женщин пропало. Сулла развернулся на пятках и крадучись пошел к кливусу Победы. Он заметил, что две Юлии были призваны к порядку и вернулись к своей рассерженной матери под защиту тента.

Странно блестящие глаза Суллы быстро оставили в покое Юлию-старшую. Однако они внимательно задержались на Юлии-меньшой. О боги, да она красотка! Сладкий пирожок, сочавшийся нектаром, — блюдо, достойное олимпийца.

Он почувствовал в груди нарастающую боль и, чтобы избавиться от нее, стал массировать себя, судорожно работая рукой под складками тоги. Но Сулла был уверен, что девочка повернулась на своем стульчике и смотрела ему вслед, пока он не исчез из вида.

Позже он спустился по лестнице Весталок к Римскому Форуму и, пройдясь до Капитолийского холма, встал в хвосте толпы перед храмом Юпитера Наилучшего Величайшего.

У Суллы был маленький талант — он умел заставить окружавших его людей буквально ежиться от непонятной тревоги. Когда он хотел этого, с ним предпочитали не соседствовать. Этим талантом Сулла пользовался, чтобы занимать лучшие в театре места. Однако сейчас он не применил своего умения, хотя мог бы беспрепятственно добраться до первых рядов среди всадников, чтобы лучше видеть место жертвоприношения.

Права присутствовать при этом событии он не имел, но знал, что выгнать его никто не сможет. Немногие всадники знали, кто он такой. Даже среди сенаторов не все были знакомы ему, но и здесь нашлись бы те, кому ведома его родовитость.

Некоторые черты, унаследованные от предков, ты не можешь потерять, даже изолированный от основного течения благородной жизни. Кровь, кровь тысячелетней выдержки давала себя знать. Ее голос звучал тревожными колокольцами. Она словно оплакивала обреченного: «Осторожно, тебе так нельзя, ты можешь посрамить честь рода!» Сулла часто слышал их перезвон. И не пытался встревать в политическую болтовню на Форуме. Лучше быть вовсе отщепенцем, нежели кривляться, изображая, будто имеешь какой-то общественный вес.

И еще, стоя среди всадников, он вдруг осознал — начался дурной год. Это его кровь подсказала ему.

Еще один дурной год в длинной череде дурных лет. Тянется эта череда с тех пор, как был убит Тиберий Семпроний Гракх. Затем, спустя десять лет, его брат Гай Гракх был принужден к самоубийству. Ножи, сверкнув на Форуме, подрезали удачливость Рима.

Рим катился дорогой упадка, подталкиваемый пафосом политиков. Толпа заурядностей и ничтожеств. Среди них есть и полуспящие — мужи, гордо презирающие холодную изморось. Вот они, все тут. И кто-то из них насытил свою жадность тридцатью тысячами смертей — погубив за какие-то десять лет столько отличнейших римских и итальянских солдат.

Деньги, деньги и снова деньги. Их сила понятна всем и везде, хотя некоторые забывают или недооценивают ее. Кто-то стремится к ним, другому они необходимы, так сказать, попутно — это зависит от индивидуальности. Но никто не хочет упустить своего шанса — пусть лучше Рим падет во прах. Где же те великие мужи, которых интересует не собственная мощь, а величие Рима?

Белый бык почувствовал недобро. Удивительного мало — стоило лишь взглянуть на новоизбранных консулов. «Будь я белым быком, — подумал Сулла, — я также не жаждал бы умереть во славу Спурция Постумия Альбина, патриций он там или нет... Откуда такие, как он, всегда находят деньги? Такие, как Постумий Альбин, всегда женятся на деньгах. Пусть лопнут их глаза!»

Кровь побежала вниз. Очень много крови из очень большого быка. Это было расточительно. Потенция, сила — все выливалось на траву. Но какой, однако, замечательный цвет! Богатый, малиново-алый, блестящий и густой поток подбирался к самым ногам. Сулла смотрел не мигая — не отводя глаз.

Почему все, что наполнено внутренней энергией и мощью, имеет красный цвет или оттенок красного? Огонь. Кровь. Волосы — его волосы. Возбужденные пенисы. Сенаторская обувь. Мускулы. Расплавленный металл. Лава.

Однако время идти.

Идти куда?

Все это время он смотрел на кровь, а когда поднял глаза, то столкнулся с пронзительным взглядом высокого сенатора в тоге «бывшего», какие носили господа из магистрата. Гораздано! Вот это мужчина! Но кто он? Похоже, он не принадлежит к славным семьям.

Изгой Сулла чутьем распознавал себе подобных. Этот, бесспорно, его собрат. Конечно, не из Славных. Но кто? На чистокровного римлянина он не слишком похож — нос выдает, чересчур короткий и прямой. Кельтский нос. Пикт, наверное... Смотрите, какие у него огромные брови! Кельт, конечно. Да, смотрится внушительно — горячий, гордый и умный. Настоящий орел. Но кто он?

Не из консулов — этих Сулла знал всех. Скорее претор. Но не из теперешних преторов — те скучились и трепетали за спинами у консулов и напоминали стареньких «королев», которым хорошо пообещали, да плохо вставили.

— Э-эх! — Сулла с усилием, но все же решительно оторвался от созерцания бывшего претора с орлиной внешностью.

Пора идти. Но куда? Конечно же, в свое укромное убежище — между влажными, стареющими телами своих женщин, мачехи и любовницы.

— Что ж, — Сулла пожал плечами и ухмыльнулся, — не худшая судьба для человека, который мог бы сегодня войти в Сенат.

* * *

Главной неприятностью для иностранных правителей, приезжающих в Рим, была священная граница — померий. Ее нельзя было пересечь. Посему Юргута, царь Нутии, в первый день нового года основался на роскошной загородной вилле. В страшном, нетерпеливом раздражении он топтал землю Пинция.

Вилла смотрела на Тибр, за которым открывалось Марсово поле. Человек, предложивший виллу, все время восторгался «видами»: от Капитолия до Ватиканского холма равнина, разделенная надвое Тибром, — вся как зеленый ковер. В Нутии нет таких больших рек...

Человек болтал без устали, забывая сказать, что он — представитель сенатора, поклявшегося в беззаветной преданности

делу Югурты, однако желающего сдать свою виллу подороже — с тем, чтобы обеспечить себе к столу на много месяцев вперед такой дорогой деликатес, как пресноводный угорь.

Кто внушил этим людям, что любой чужак — хоть бы и царь — является дураком и простофилей? Югурта прекрасно догадывался, чья это вилла. Он знал даже, что его бессовестно надули с арендной платой. Но молчал, ибо Рим — не место для откровенных высказываний.

Югурта сидел на лоджии в садике — перистиле, весьма обширном. Замечательный «вид» был перед ним как на ладони, но Югурте мало с него было радости: ветер приносил с Марсова поля навязчивые ароматы удобрений — там, вокруг виа Ректа, расстилались общественные сады.

Пахло очень сильно, и Югурта жалел, что не выбрал для жилья окрестностей Бовилл или Тускула. Это было дальше от Рима на пятнадцать миль, но в Нумидии такое расстояние считается несерезным. Да и какая, в сущности, разница, где ему жить, если проклятой священной границы все равно не перейти? Хотя отсюда он может на нее поплевывать время от времени — от скучи.

Стоит лишь повернуть голову — и он может насладиться созерцанием задворок Капитолия и кусочка грандиозного храма Юпитера Наилучшего Величайшего. В нем, если верить слугам, в данную минуту новоизбранный консул распинается перед сенаторами на первом собрании этого года.

Как можно иметь дела с римлянами? Ответ на этот вопрос очень беспокоил царя Югурту.

Сначала все выглядело вполне симпатично.

Его дед, великий Масинисса, выковал царство Нумидию из обломков. Эти обломки после поражения Карфагена от римлян валялись на две тысячи миль по северному Африканскому побережью. На это первое деяние Масиниссы в Риме посмотрели сквозь пальцы. Но позже, когда тот, усилившийся и укрепившийся, стал учинять Риму неприятности, запахло новым Карфагеном. Рим собрался принять меры.

К счастью для Нумидии, Масинисса вовремя помер.

Римляне знали, что сильный правитель всегда сменяется слабым. Посему Сципион Эмилиан разделил страну между тремя царевичами. Сципион Эмилиан был умен. Он не стал кромсать царство натрое — он разделил между сыновьями Масиниссы государственные полномочия. Старшему досталось ведать казной и дворцами. Средний получил армию, ну а младший довольствовался законом и правосудием.

Таким образом, сын-военачальник не имел денег для организации восстания. Сын с деньгами не имел армии. А у третьего не было ни того ни другого, и он, понятно, тоже не мог устроить возмущений.

К тому времени, пока недовольство и возмущение в стране созрело для восстания, двое сыновей Масиниссы скончались. Остался полновластным правителем самый старший — Мисипса. Но братья — вот незадача — оставили после себя детей. Двух легитимных и Югурту-ублюдка. Кто из этих молодых людей изъявил желание взобраться на трон, когда Мисипса умрет?

Мисипса слишком поздно произвел на свет своих сыновей — Адхербала и Хемпсала. Двор раздирава вражда. Нежный возраст вероятных наследников делал судьбу трона смутной. Незаконнорожденный Югурта был старшим; законные сыновья правящего царя — еще совсем младенцами. При дворе никто и не сомневался в будущем воцарении ублюдка, ибо трон — не детский стульчик. Старый Масинисса Югурту недолюбливал и презирал. Не только за его ублюдство — оно усугублялось еще и тем, что мать юноши была из бедного племени берберов-кочевников. Ф-фу! Мисипса унаследовал от Масиниссы эту брезгливость и с омерзением наблюдал за умноглазым и бойким юношей, размышляя, как бы половчее избавиться от этого претендента на царство.

Случай-то и представился. Сципион Эмилиан затребовал от Нумидии военной помощи — он осаждал Нуманцию. Мисипса выделил солдат и отправил Югурту командовать ими. Он надеялся, что ублюдка убьют где-нибудь в Испании. Однако надеялся зря. Югурта словно родился для войны. Он отличился и приобрел к тому же хороших друзей среди римлян. Двое из них были наиболее ценными — младшие военные трибуны, прикомандированные к ставке Сципиона Эмилиана. Их звали Гай Марий и Публий Рутилий Руф. Все трое были ровесниками, им было по двадцать три.

По окончании кампании Сципион Эмилиан призвал Югурту в штабной шатер и долго читал ему нотации. Суть их сводилась к следующему: служить Риму гораздо почетнее, чем прислуживать отдельно взятым римлянам. Югурта сделал вид, что согласен. Не собирался он никому прислуживать. Во время осады Нуманции он пригляделясь к римлянам и понял: у большинства из них, особенно у тех, кто стремится пробиться наверх, всегда острыя нужда в деньгах. Это он будет покупать их услуги, а не наоборот.

Вернувшись в Нумидию, Югурта передал царю Мисипсе письмо от Сципиона Эмилиана. В этом письме превозносилась храбрость Югурты, его хорошее чутье и незаурядный ум. Старик Мисипса вынужден был припрятать гадливость, завещанную ему отцом.

В то время когда в Риме в роще Фурины убивали Гая Семпрония Гракха, царь Мисипса усыновил Югурту, формально признав за ним право наследовать трон. Правда, одновременно с этим он дал понять ублюдку, что трон ему таки не достанется. Югурта лишь присмотрит за царевичами, пока те не подрастут.

Устроив таким образом будущее своих детей, Мисипса умер. Югурта остался регентом при подрастающих недорослях.

Впрочем, младшенький, Хемпсал, вскоре был зарезан по наущению Югурты. Старшенький же, Адхербал, успел удрать в Рим. Там он сам себя представил Сенату и потребовал, чтобы Рим немедленно навел в Нумидии порядок и прогнал бы ублюдка-узурпатора.

«Почему же мы так боимся их?»

Мысли Югурты вернулись к реальности. К дождю. Слабый, но чрезвычайно унылый, он сеял мелкой водянной пылью на Марсово поле и сады по обе стороны Тибра.

Рядом с ним на лоджии находились двадцать мужчин — все, кроме одного, его личные телохранители. Не какие-нибудь наемники — все они были нумидийцами, преданными Югурте. Свою преданность они доказали, предоставив ему отсеченную голову Хемпсала — младшего царевича. То было семь лет назад, а пятью годами позже они же преподнесли ему главу второго — Адхербала. Преданные и надежные люди.

Но вопрос, заданный Югуртой, был адресован не к ним.

Подле Югурты в удобном кресле располагался еще один человек: высоченный — ростом с царя — похожий на семита мужчина.

Посторонний наблюдатель мог бы сразу отметить черты некоторого кровного родства в их облике; так оно и было, хотя царь предпочитал не вспоминать об этом. Сидящий подле Югурты человек был его ближайшим родственником — братом по матери.

Мать Югурты, которую он считал жалкой берберской, происходила из племени гетулов. Благодаря капризу судьбы, она была чрезвычайно красива. Ее лицу и телу позавидовала бы троянская Елена. После того как отец Югурты вдоволь с ней натешился, он выдал ее замуж за знатного воина, и она родила Югурте полубрата. Теперь он разделял с царем тоску и дождь этого отвратительного новогоднего дня.

Полубрата звали Бомилькар, и он был хорошим товарищем.

— Почему же мы так боимся их? — еще раз с отчаянием повторил Югурта.

— Ответ прост, — вздохнул Бомилькар. — Страх они носят поверх своих шлемов, похожих на перевернутые тазы. Страх полощется в складках их красно-коричневых туник, он вплетен в их кольчуги. Страх пляшет на тяжелых наконечниках их дротиков.

Он нанизан на лезвия коротких мечей и длинных кинжалов. Страх — вот главное оружие римской пехоты.

Югурта снова поморщился и почесал голову.

— Это только половина ответа, мой друг. Римский солдат смертен.

— Но убить его тяжело, — возразил Бомилькар.

— Не труднее, чем какого-нибудь другого солдата. Нет, дело здесь в другом — но в чем? Я не понимаю. Государство похоже на хлеб: корочка всегда тверже сердцевины, мякиш должен быть податлив. Но здесь — совсем не то...

— Ты говоришь об их лидерах?

— О лидерах. Об этих самых отцах народа из Сената! Они все сплошь коррумпированы. Они продают и покупают друг друга, как везде в мире, — казалось бы, приходи и бери их голыми руками. Ах нет! Вдруг оказываются они тверже кремня, холоднее льда, изворотливее парфянских сатрапов. Никак их не ухватить. То они рабски пресмыкаются перед тобою, то вдруг со спокойным лицомглядят на тебя как ни в чем не бывало.

— Скорее всего, ты и не сможешь до конца подкупить их. Но не потому, что у них нет цены, — заявил Бомилькар, — а потому, что у тебя нет такого количества денег.

— Я ненавижу их всех, — процедил Югурта сквозь зубы.

— Я тоже. И что с того? Избавиться от них мы не можем.

— Нумидия — моя! — закричал царь. — Они ведь даже не хотят владеть ею. Зачем же они лезут не в свое дело, мешаются под ногами?

— Не спрашивай меня, Югурта, — произнес Бомилькар, разводя руками. — Не спрашивай, ибо я не знаю. Мне известно одно: как бы там ни было, мы сидим здесь как дураки и молим богов о милости.

Царь Нумидии молча согласился с ним и вернулся к своим мыслям.

Шесть лет назад, когда Адхербал убежал скulить в Рим, Югурта знал, что ему делать. И сделал это быстро. В Рим тотчас направилось посольство, нагруженное золотом, серебром, ювелирными побрякушками и всячими художествами. Словом, тем, что превыше всего интересовало римских нобилей. Странные эти люди, не подкупить их ни женщинами, ни мальчиками; только сокровища ценились высоко. Только то, что можно потом перепродать.

Нужные люди, казалось, были удовлетворены. Ситуация вроде бы контролировалась. Но...

Наивысшим счастьем для римлян является любовь ко всяким комиссиям и комитетам. Они обожают выбрать какую-нибудь ничтожно малую страну на другом краю света и наслать туда ревизоров. О, как они стремятся всюду проверять, перепроверять, инвестировать, понтифицировать, вводить реформы и мелиорацию! Другие послали бы армию, но римские чиновничьи тоги в окружении ликторов устанавливают священный римский порядок и покоряют страны быстрее, чем солдаты. Быстрее и эффективнее. И почти никто еще не устоял.

Сам собою напрашивается интересный вопрос: почему же мы так их боимся? Почему? Может быть, потому, что среди них всегда найдется Марк Эмилий Скавр?

Скавр был единственным, кто не разделся в Сенате нарастающую любовь к Югурте, единственным, кто внял причитаниям Адхербала. Один-единственный голос против трехсот глоток! И он осилил, он превозмог. Он долгал их с упорством молотобойца и в конце концов перетянул многих на свою сторону. Скавр добился компромиссного решения, при котором проигрывали оба конкурента.

В Нумидию направился комитет из десяти римских сенаторов под началом консула Луция Опимия. Комитет более-менее разобрался в сути дела и вынес решение. Нумидия была разделена. Адхербал получил восточную часть и сделал столицей город Цирту — средоточие коммерческой жизни. Правда, тамошние торгаши были победнее западных.

Запад перешел к Югурте — оказался он зажатым между Адхербалом и царством Мавретанским. Комиссия, удовлетворенная, удалилась восвояси.

Югурта затаился, тихо наблюдая за мышонком Адхербалом. Он выжидал. А чтобы обезопасить себя с запада, предпримчивый ублюдок удачно посватался к мавретанской царевне.

Четыре года ждал Югурта. И момент настал, для атаки наилучший. Армия Адхербала была наголову разбита между Циртой и одним из портовых городов. Побежденный Адхербал заперся в Цирте. Там он утешился поддержкой торгаши — по преимуществу римских и итальянских. Не было еще случая в истории, чтобы римские торгаши не составили бы костяк деловой жизни в какой-нибудь бедной и отсталой стране, даже не имеющей связей с Римом.

Естественно, весть об этом быстро добралась до Рима, и в Сенате порешили отправить в командировку трех милых мальчиков — сенаторских сыновков — поучить нумидийских неслухов. (Очень важно, чтобы подрастающее поколение приобретало опыт и сноровку, набивая руку на незначительных заварушках, — в будущем это поможет разобраться в делах, серьезных по-настоящему!) Детишки не успели добраться до Адхербала — Югурта перехватил их у стен Цирты. Нагрузил подарками свыше возможного и отечески развернул восвояси.

Адхербал исхитрился и послал в Рим слезное письмо. Адхербалов сторонник, Марк Эмилий Скавр, очень заинтересовался ситуацией и направил в Нумидию сам себя в составе следственной комиссии. Однако опасное положение в Африке несколько охладило его интерес, и, не пересекая границу своей африканской провинции, сенаторы посчитали себя обязанными быстренько вернуться в Рим и — ах, проклятая война! — разобраться в трениях между конкурентами или изменить ход войны не успели.

Югурта подумал немного — и занял Цирту. Понятное дело, Адхербала он казнил. Но увлекся несколько и попутно казнил — всех до единого — римских и итальянских торгаши. Содеял это, он вызвал волну ненависти в Риме и лишился надежды на дружбу с ним.

Новость об избиении римских и итальянских коммерсантов достигла Сената с опозданием в пятнадцать месяцев — только на следующую осень. И тогда некий трибун от плебса по имени Гай Меммий поднял на Форуме вой до небес. Купленные Югуртой чиновники не смогли предотвратить этой напасти. Слушали-постановили отправить в Нумидию только что избранного младшего консула Луция Кальпурния Бестия. Его уполномочили показать такому-сякому Югурте, как опасно почем зря резать римлян и итальянцев.

Но Бестий был продажен, и Югурта его купил. Результатом шестимесячных переговоров было: для Югурты — мирный договор с Римом, для Рима — боевые слоны в количестве более тридцати особей и небольшие откупные в казну. Что осело в личном багаже Бестия — про то история умалчивает. Во всяком случае, Рим притворился удовлетворенным, а Югурта остался единственным нумидийским царем.

Гай Меммий был обижен: он не выиграл ничего. А ему очень хотелось получить второй срок трибуна от плебса, посему день за днем он нагнетал страсти вокруг пресловутого «нумидийского вопроса». Он призывал «пролить свет» на этот вопрос, патетически вопрошал у Бестия — почем его купили? В конце концов он допек Сенат до крайности и буквально вынудил отцов народа к действиям.

Сенат направил в Нумидию претора Луция Кассия Лонгина с поручением привезти Югурту в Рим, где он должен был представить Гаю Меммию список лиц, которым давал взятки. Отвечать перед Сенатом — это бы не беда, но Меммий настаивал, чтобы сделано это было перед народом Рима.

Кассий прибыл в Цирту и изложил цель своего визита. Не будет ли Югурта столь любезен и не последует ли он с Кассием в Рим? Югурте и в голову не приходила подобная ерунда, однако он последовал. Но почему? Почему он признает их силу? Что они могут сделать с ним? Отобрать Нумидию? Но таких, как Бестий, всегда было больше, чем всяких разных Гаев Меммииев. Так

почему же ему страшно? Почему где-то далеко, в Риме, ничтожнейший человечишко только щелкнул пальцами — и он, царь богатой и сильной страны, покорно подставляет шею для аркана?

Разве не наглость это — послать одного-единственного человека, чтобы он заставил Югурту, правителя огромной и богатой страны, подчиниться своим требованиям? Но ведь подчинился же!

Югурта покорно собрал в дорогу своих гвардейцев, взял в свиту пятерых наиблизайших приближенных и погрузился в Кассиев корабль. С тех пор прошло два месяца — они принесли крайне мало счастья.

Гай Меммий был верен своему слову! Меммий вызвал Югурту в Народное собрание — в цирк Фламиния за чертой померия. Именно там, при всем честном люде, Югурта должен был отвечать на наглые вопросы Меммия. Кого он подкупил? В какую сумму ему это обошлось? Простой народ почему-то всегда волнуется при подобных вопросах.

До крайности возбужденные римляне плотно набились в цирк Фламиния. Плебеи давились у деревянных загородок, кишащих кишили поверх скамей. Те, кто не успел попасть поближе, толкались сзади, стараясь приблизиться настолько, чтобы хотя бы слышать.

В эту минуту Югурта внешне был спокоен — он знал, что нужно сделать. Испанский опыт и годы наблюдений за людьми помогли ему придумать выход. Он взял да и подкупил одного из народных трибунов.

Народный трибун — наизнешнее существо в магистериальной иерархии, самый бесправный из сенаторов. Народный трибун не обладает империем. В нумидийском языке нет слова для обозначения этой силы. Это сила и власть божества, данная смертному. Это та самая сила, что позволила претору в одиночку привлечь сюда его, царя-самодержца! Губернаторы провинций обладают империем. Консулы обладают империем. Преторы — тоже. Курульные эдилы — чиновники из патрициев, надзирающие за торговлей и строительством, — тоже обладают. Но у каждого — своя сила империя, своя степень власти.

Наверное, самым «осозаемым» доказательством существования империя были ликторы — угрюмые профессионалы, сопровождающие носителя этой силы. Они расчищали путь перед ним, неся на левом плече фасции — тяжелые связки розог, связанные малиновой лентой...

А вот цензоры не обладают империем. Нет его и у плебейских эдилов. Нет и у квесторов. Но самое ценное для Югурты — его нет у народных трибунов. Последние представляли собою выборных представителей основной массы граждан — плебса, чье происхождение редко восходило ко временам благородной древности, — чем отличались (и кичились) патриции.

Настоящие патриции — аристократы, чьи предки числились среди отцов Рима четыреста лет назад. Собственно, в те благословенные времена и плебеев-то не было. Аристократы управляли страной, аристократы основали Республику. Но вот чернь стала богатеть и обрела силу. Она пролезла в Сенат, расселась на курульных креслах и также захотела стать аристократией. Как результат, возникли *nobilis* — нобили, благородные люди. И аристократов стало вдвое больше — к патрициям присоединились эти самые нобили.

Сделаться нобилем оказалось даже просто — достаточно было иметь в семье консула. Да-да, плебеи не остановились в своих претензиях, прежде чем не обзавелись своими консулами.

Чернь завела себе свое собственное, Народное, собрание, куда патриции просто не допускали. И силы плебейской достало на то, что через это собрание они стали проводить римские законы. Чтобы блюсти интересы плебса, стали избирать десять народных — плебейских — трибунов.

И вот десять наглых плебеев нагло отстаивали плебейские интересы. Они менялись каждый год. Это удручало многих. Ведь каждый год надо было подкупать нового плебея. А случалось, и не одного. Это разрушало множество планов: стоило с огромным трудом прийти к соглашению, чтобы удовлетворить всех, — и на тебе! Завершить начатое не удавалось — свежие представители черни бывали обуреваемы другими идеями. Все шло наスマрку!

Однако народный трибун не обладал империем. Он не являлся старшим магистратом. Он вообще мало что собой представлял и мало что мог себе позволить. Но реальная сила имелась и у него. Только в его руках было «право вето».

«Право вето» срабатывало всегда, за исключением действий диктаторов. Но диктаторов в Риме не было сто последних лет. Народный трибун мог запретить своим «вето» действия цензора, консула, претора, всего Сената и девяти своих плебейских товарищей в придачу. Трибун мог воспользоваться им на митинге, на собрании и на выборах. К тому же его персона защищалась священной неприкосновенностью, и устраниТЬ его физически, когда он находился у власти, было сложно.

Трибун также мог самостоятельно придумывать законы. Это было серьезно — Сенат, к примеру, такими полномочиями не обладал. В Сенате могли лишь рассматривать эти законы и предлагать к ним всякие поправки или настаивать на принятии того или иного закона.

Безусловно, эта система сдержек и противовесов была придумана для того, чтобы ограничить в политической силе как любую партию, так и отдельное лицо. Путного из этого ничего не выходило. Будь римляне существами стадными, послушными воле стаи, общественные механизмы, вероятно, срабатывали бы, но поскольку они, как и другие народы, на протяжении всей своей истории то и дело отыскивали тропинки в обход законов, система частенько давала сбои.

Царь Югурта Нумидийский понял, что ему нужен его собственный трибун — не настоящий аристократ, не представитель Славных Семейств, не благородный человек. Ему нужен был плебей. И в один прекрасный момент выборный народный трибун Гай Бебий с изумлением увидел у себя на столе груду серебряных денариев. Он в жизни своей не видел столько денег сразу, поэтому, слегка побледнев и подумав с минуту, молча сгреб серебро в дюжины больших мешков и перешел в собственность Югурты.

И вот в самом конце уходящего года великий царь стоит на Фламиинианской ростре, в цирке, набитом простолюдинами, и готовится отвечать на дурацкие вопросы.

Гай Меммий задает свой первый дурацкий вопрос:

— Подкупал ли ты Луция Опимия?

Югурта едва успевает открыть рот, чтобы ответить, как вскакивает с места трибун Гай Бебий и кричит:

— Я запрещаю тебе отвечать Гаю Меммиию, царь Югурта!

Вот что выкрикнул Бебий. Более он не издал ни звука.

Это было «право вето» во всей красе. Теперь Югурта мог ответить, лишь нарушив закон.

Народное собрание закончилось. Все расходились по домам в разочаровании. Гай Меммий был в ярости — друзья удерживали его под руки и уговаривали «выйти подышать». Вышел и Гай Бебий. От него на стадион несло честностью и неподкупностью. Дураков поверить, впрочем, не нашлось.

Однако Сенат по каким-то неясным причинам не спешил отпускать Югурту домой. Вот почему в этот новогодний день он торчит на снятой вилле, на лоджии под дождем и проклинает судьбу, Рим и римлян.

До сих пор ни один из новых консулов не намекнул, что весьма обрадуется приватному подарочку. Из новых преторов никто даже не стоил взятки. О народных трибунах нечего и говорить — они не внушили вдохновения.

О взяточничество, ты дело тонкое, не то что ремесло удильщика рыбы! Лакомая рыбешка должна сама высунуться на поверхность и намекнуть, что приметила наживку и готова проглотить золоченого червячка... Но если никто долго не подплывает, не проявляет никакого интереса, вам остается лишь сидеть сиднем и глазеть на поплавок. Терпение — первый помощник рыболова и взяткодателя.

Но кто будет терпелив, когда его царство превращается в сладкую цель для следующих алчных претендентов? Гауда, легитимный сын Мастанабала, и Массива — наследник Гулуссы. Их требования набирают силу. О, если бы только требования! Возвращение домой — дело жизненной важности. Сидение на бережку — бесплодно. Но, увы, если Югурта отъедет на родину

без разрешения Сената, это будет равнозначно объявлению войны.

Сенат не перепрыгнуть. Он не сможет на этот раз обойти закон. А Сенат, в свою очередь, уделит максимум внимания внешним делам. В их руках все: от объявления войны до управления римскими провинциями.

Агенты Югурты докладывали: «вето» Гая Бебия взбесило Марка Эмилия Скавра. А Скавр имеет в Сенате чудовищный вес. Однажды он уже перетащил его на свою сторону. И что самое неприятное — по мнению Скавра, Югурта Риму бесполезен.

Бомилькар-полубратец спокойно ждал, пока Югурта не развеет тяжких своих мыслей. У него было что сообщить царю, но он знал его слишком хорошо, чтобы не раздражать новостями, не прерывать величавого гнева, подобного отголоску грозы.

Югурта прекрасен. А сколько врожденных способностей! Возможно, он таков именно благодаря обстоятельствам своего низкого рождения. Интересно, кто выделил более материала, чтобы слепить Югурту? Пуническая карфагенская кровь, кровь благороднейшая в Нумидии, очень в нем видна. Но и берберийская, кровь его матери, — тот еще букет. Оба народа эти — семитские. Странно, что карфагеняне мнят себя выше: берberы дольше живут в Северной Африке, чем пуници.

Царь сочетал в себе лучшее из обеих семитских кровей. Материнская, горячая, подарила ему высокий рост, светло-серые глаза, точеный нос и удлиненное, с тонкими чертами лицо. Но черные, спирально закрученные, блестящие кудри и черные же густые волосы на теле — от отца, Мастанабала-пуницица. Отцовская также и смуглая кожа, и широкий, мощный костяк. Вместе с внешним Югурта унаследовал от отца и порывистость, страсть. Порою от сильных эмоций его глаза темнели и взгляд их пугал.

Эллинанизированная в течение столетий Грецией, нумидийская знать предпочитала эллинское платье. Но это ненастоящая одежда для Югурты, — это знали все те, кто видел царя в боевом шлеме, в кольчуге, со щитом, при мече, на коне, грызущем удила...

«Какая жалость, — подумалось Бомилькару, — что римляне никогда не лицезрели Югурту в бою. Уж он бы наслал на них страха и ужаса! Недоумки — они искушают его войной!»

Он тут же ужаснулся своим мыслям. Думать так — воистину искушать судьбу. Нужно обязательно принести искупительную жертву Фортуне.

Однако царь постепенно успокоился, и лицо его смягчилось. Ужасно, но дрянненький, вынужденный мир добывался с невероятным трудом и волнениями. Югурта дал понять своему преданному слуге, что слушает его, — он знал, что Бомилькар располагает новостями. Не теми, что спутанной кучей вываливал идиот-агент, падкий на собственные выводы и предельно пугливый. Другими.

— Мой государь, — начал Бомилькар с поклоном, увидел согласие в серых глазах царя и продолжил: — Мой государь, вчера я слышал кое-что в доме Квinta Цецилия Метелла.

Это ожгло Югурту, будто удар хлыстом. Ну конечно, Бомилькар бывает в той части Рима, куда не пускают царя. И теперь он жаждет похвастать тем, где обедал.

— Что же ты слышал? — проговорил Югурта, раздражаясь.

— Массива появился в Риме. Скажу больше — он снохался с консулом Спурием Постумием Альбином. Теперь Альбин, вероятно, пишет петицию в его поддержку в Сенат.

Царь мгновенно сел и развернул кресло так, чтобы смотреть Бомилькару прямо в лицо.

— Интересно, куда еще пролезет эта ничтожная козявка! — сказал он. — Но почему он, а не я? Альбин наверняка должен знать, что моя благодарность будет щедрее, чем у Массивы.

— У меня другие сведения. Суть моего сообщения в следующем, — произнес Бомилькар смущенно. — Я подозреваю Альбина в некоторых личных амбициях. Он собирается лично опекать африканские провинции. Теперь сообрази: ты торчишь в Риме, Альбин уезжает в Африку, собирает небольшое войско и быстрым маршем мчится к стенам Цитры. Мгновенный штурм — и ура Массиве, царю Нумидийскому! Ну и, в свою очередь, Массива Нумидийский не забудет благодетеля и станет выполнять любые прихоти Альбина.

— Я должен быть дома! — взревел царь.

— Да знаю я. Только скажи — как? Каким образом?

— Неужели нет ни малейшей возможности перекупить этого Альбина? Сколько Массива сунул ему в лапу? Я дам больше!

Бомилькар расстроенно покачал головой.

— Новый консул не любит тебя, государь, — проговорил он печально. — Ты пренебрег возможностью одарить Альбина на его день рождения. Он был в прошлом месяце. А Массива не пренебрег и одарил. Любопытный факт: он послал подарок, когда Альбина избрали консулом, а потом еще один, на день рождения...

— Все мои агенты, чтоб им... — прошипел Югурта сквозь зубы. — Им кажется, что я начинаю сдавать, вот и валяют дурака. — Он облизал губы и неожиданно спросил: — Я проигрываю, ведь верно?

Бомилькар улыбнулся:

— Ты? Никогда!

— Не знаю, не знаю... Массива! Ты полагаешь, я запамятовал о нем? Я думал, что он в Киренайке с Птолемеем Алейоном! — Югурта передернул плечами, но все же попытался сохранить спокойствие. — Может быть, все это ерунда. Кто поведал тебе об этом?

— Метелл, самолично. Похоже, он знает, о чем говорит. Он собирает все сплетни, ведь в следующем году он собирается стать консулом. Он не одобряет политики Альбина — еще бы! Если бы одобрял, то не обмолвился бы ни словом. Но ты знаешь Метелла — он образец виртуозной римской честности. Он совершенно неподкупен. Будь его воля, цари не стояли бы в ожидании у римского порога.

— Метелл может позволить себе роскошь честности, — произнес Югурта раздраженно. — Разве он не богаче Креза? Разве они не поделили между собою Испанию и Азию? Хорошо хоть не добрались до Нумидии! Не доберется до моего царства и Спурий Постумий Альбин. Так ты говоришь, Массива в Риме? — Югурта застыл в кресле.

— Со слов Метелла, государь.

— Мы должны ждать, пока не узнаем, кого из консulов изберут управлять Африкой, а кого — Македонией.

Бомилькар глянул на него удивленно:

— Неужто, царь, для тебя так важны результаты голосования?

— Никогда не знаешь, чего можно ожидать от римлян, — отвечал Югурта спокойно. — Может быть, все уже решено. А может, они нарочно распускают слухи, чтобы поиздеваться над нами. Поэтому я буду ждать, Бомилькар. Узнаю результаты голосования — решу, что мне делать.

С этими словами он повернулся кресло и возвратился к своим размышлениям о дожде.

* * *

Троє дітей росло в старому деревенському будинку в Арпіні. Гай Марій був старшим. У нього була сестра Марія і молодший брат Марк Марій.

Все предполагали — і не без основання, — що вони займуть значительне місце в житті цього міста і країни, але никому і в

голову не приходило, что кто-нибудь из них замахнется на нечто большее.

Их семья представляла собою типичную семью сельских нобилей. То были простые, сердечные, чуть старомодные землевладельцы — без всяких претензий. Марии, казалось, испокон века будут известны лишь в Арпине. Мысль о том, что один из них войдет в римский Сенат, их никогда не посещала.

Цензор Катон со своим низким происхождением наделал было волнений. Но земли его отца находились в Тускуле — в пятнадцати милях от Сервиевой стены, римской городской границы, — так что провинциальным землевладельцам он казался даже аристократом.

Нет, арпинские помещики не стремились к тому, чтобы их сыновья стали сенаторами. Они и так жили богато, и денежки всегда водились у них в избытке. Самые жирные арпинские земли были поделены кусками во много квадратных миль между тремя семьями — Мариями, Грацидиями и Туллиями Цицеронами. Семьи были велики и обеспечены. Когда кому-нибудь в этих семьях требовались муж или жена, то за будущими супругами отправлялись не в Рим, а в Путеолы, где жила семья Граниев. Эти Грани, презревшие сельский быт, занимались морской торговлей и арпинцами являлись не по духу, но лишь по происхождению.

Невеста Гая Мария была просватана за него, когда он был еще маленьким мальчиком. Она терпеливо ждала достижения совершеннолетия в доме Граниев в Путеолях, потому что была еще моложе жениха. Увы, любовь у молодого Гая уже была. Правда, не женщину он любил. И не мужчину. Гай Марий полюбил армию. Полюбил всем сердцем, всей душой — и на всю жизнь.

В семнадцать лет он стал кадетом и сокрушался: ох, нет серьезной войны, беда! Впрочем, рвение его не остыло, и скоро он сдался младшим офицером в консульском легионе. А когда пошел ему двадцать третий год, его взяли в личную ставку Сципиона Эмилиана. На настоящую войну, в Нуманцию, в Испанию.

Немного потребовалось времени, чтобы там подружился он с Публием Рутилием Руфом и Югуртой, царевичем нумидийским. Храбро и весело они вместе сражались, за что заслужили уважение Сципиона Эмилиана. Он, посмеиваясь, но любя, именовал их «кошмарным трио». Никто из них не был вхож в высшие круги Рима. Югурта — из-за того, что был иноземцем. Семья Публия Рутилия Руфа не заседала в Сенате уже более сотни лет, а сейчас не могла купить себе и консульства. А Гай Марий — из-за того, что слыл деревенщиной. В то время, бессспорно, они и не думали о политике. Они были солдаты, и это их устраивало.

Правда, Гай Марий — случай особый. Он был рожден для службы, но более того — он был рожден для лидерства.

— Ты всегда знаешь, что, когда и как нужно делать, — говорил ему Сципион Эмилиан с некоторой завистью. Сам-то он не то чтобы не знал, но — увы! — с ранней юности он почтительно внимал старшим — на плацу, за учебой, за обеденным столом. И как следствие, редко решался на спонтанные действия. Этому-то он и завидовал. К счастью, не слишком, ибо обладал другими талантами. Он был великий организатор, а не солдат. Он предпочитал сражаться, глядя на карты. Он считал, что если план кампании до тонкостей продуман военачальником еще до того, как первый легионер призван на службу, то победа предрешена и солдатам делать уже нечего.

Однако Гай Марий всего лишь вел себя естественно. Совсем еще недавно он был ребенком, маленьким и худеньким, изнеженным любителем вкусненького. Любимец матери, он был втайне презираем отцом. Но с тех пор как Гай Марий надел первую свою пару военных сандалий и латы из гладких бронзовых пластин поверх кожаного доспеха, он начал расти прямо на глазах — и телом, и духом. И вскоре сделался истинным воином, превосходя окружающих силой, отвагой и независимым нравом. Изменилось и отношение к нему в семье: теперь уже мать не принимала сына — таким, каким он стал; зато отец впервые проникся к нему уважением.

Сам же Гай Марий полагал, что нет счастья выше, нежели ощущать себя одной из шестеренок прекрасно отлаженной и грозной военной машины. Ни поражения, ни тяготы долгих учений, ни близкое дыхание смерти — ничто не могло заглушить в нем восторженности. Что ему приказывали, его не заботило; дело солдата — повиноваться.

В Нуманции он впервые встретил семнадцатилетнего новичка, который, едва прибыл из Рима, тотчас присоединился к свите Сципиона Эмилиана. То был Квинт Цецилий Метелл, младший брат знаменитого Цецилия Метелла, который после военных действий против племен, населявших Далматийские горы Иллирии, получил почетное прозвание «Далматик» и выдвинулся на пост Великого Понтифика.

Молодой Метелл был типичным Метеллом — медлительным флегматиком. Работал и думал он медленно, но если уж что-то втемяшился ему в голову... Самоуверенности ему было не занимать.

Эта черта — как бы помягче сказать — раздражала Сципиона Эмилиана, обычно довольно терпимого к молодым представителям своего класса. Чтобы подросток не путался под ногами и по-настоящему почувствовал войну, его прикрепили к «кошмарному трио». Разумеется, Марию, Рутилию и Югурте совершенно не понравилось, что им подсунули мельничный жернов с собственным мнением! Друзья приняли новичка как обузу.

Покуда Сципион Эмилиан был занят захватом Нуманции, бедный парень испытывал свою судьбу.

И вот Нуманция пала. Была повержена, уничтожена. Неудивительно, что всем — от старшего командира до новобранца — позволено было пьянствовать. «Кошмарное трио» не просыхало. На беду Квинту Цецилию Метеллу решил отпраздновать с ними свой день рождения. Ему стукнуло восемнадцать. Трое балбесов сочли это поводом к прекрасной шутке, и после долгих совместных возлияний «новорожденный» был заброшен ими в свинарник. Он выбрался, пропахавший от вони, обтекающий жидким навозом и сощащийся яростью, плюнул и сказал:

— Вы! Вы, напыщенные высокочки! Что вы воображаете о себе? Слушайте, у меня есть что вам сказать. Ты, Югурта, — грязный варвар, дикарь, не годный даже на обтирку римских сапог! А ты, Рутилий, — попрыгунчик, курьер-любимчик! А ты, Гай Марий, — итальянский деревенщина, по-гречески не разумеющий! Как вы смеете? Как смеете вы?.. Вам что, неизвестно, кто я таков? Вы не знаете о моей семье? Я Цецилий Метелл! Мы были царями Этрурии задолго до возникновения Рима! Месяцами я терпел ваши издевательства, но хватит! Как вы смеете обращаться со мной хуже, чем с вашими подчиненными? Как вы смеете?

Югурта, Публий Рутилий и Гай Марий подвесили извивающегося барчука на ограду свинарника, при этом они зловредно улыбались и сверкали глазами.

Публий Рутилий Руф слыл среди солдатни человеком начитанным — он умел в любой ситуации изъясняться свободно и спокойно. И вот он уселся на ограду верхом и широко улыбнулся.

— Пойми меня правильно, Квинт Цецилий, — сказал он. — Мне очень понравилось, как ты изъясняешься. Но проблема в том, что грязная, жирная свинья останется таковой, даже нахлобучив корону, о царь Этрурии! — Здесь он поклонился, а его друзья хихикнули. — Поди прими ванну и повтори все снова. Может, тогда мы не будем так смеяться.

Метелл рвался и мотал головой в ярости. Неизвестно, что более его раздражало: унизительное положение или улыбки на лицах его мучителей. Собравшись с силами, молодой человек прошипел:

— Рутилий! Какого сорта имя нужно иметь, чтобы кувырком выплететь из Сената? Ты провинциальное ничтожество, Рутилий!

— О-о! — сказал Руф. — Мой этрусский достаточно хорош для того, чтобы перевести имя «Метелл» на латынь! — Руф повернулся к Югурте и Марии. — Напомню: оно означает «солдат, ставший наемником».

Это было уж слишком. Юный Метелл рванулся так сильно, что освободился сам и при этом сокрушил с ограды своего мучителя — тот рухнул в «ароматное» месиво. После этого Метелл набросился на обидчика с явным желанием нанести ему наибольший ущерб. Оба покатились по грязи, молотя друг друга — без всякого, впрочем, вреда. Югурта и Гай Марий нашли развлечение довольно забавным и бросились в общую кучу. Заливаясь смехом, сидели они в луже, перемазавшись, как свиньи. Наконец им надоело сидеть верхом на Метелле и насмехаться над его попытками встать. Освобожденный, он вскочил, отбежал немного и завопил:

— Вы заплатите за это!

— Похлебай еще говна! — посоветовал ему Югурта, сотрясаясь от неудержимого смеха.

«Однако, — думал Гай Марий, насухо вытираясь после ванны жестким полотенцем, — колесо вращается и будет вращаться независимо от того, что мы делаем. Ненависть, прозвучавшая в голосе потомка одного из знатнейших родов, была по-своему справедлива. Кто мы были тогда, на самом-то деле? Один — варвар, иноземец; другой вознесся на волне военной удачи, а я... необразованный потомок итальянцев. В Риме всячому сверчку полагается знать свой шесток».

Югурта должен был стать признанным в Риме царем Нумидии, сразу попав в разряд клиентов-царей с четко очерченным кругом привилегий и возможностей. Но, заслужив в свое время упорную, неприкрытую ненависть со стороны всего рода Метеллов, он живет теперь за городскими стенами без права войти в Рим, в непрестанной борьбе с претендентами на свой трон, стремясь купить то, что при других обстоятельствах мог бы добить без особого труда.

Ветреная голова — Публий Рутилий Руф, любимчик Панеция-философа, покоривший и восхитивший членов Сципионова кружка, поэт, воин, остроязыкий политик, человек блестящих свойств и качеств... Не добыл себе консульства в тот же год, когда и Марий еле обеспечился местом претора. И дело тут не в креслах. Он имел врага в лице Цецилия Метелла. Кроме того, он дружил с Югуртой, что сразу разозлило Марка Эмилия Скавра, ближайшего союзника Метелла — и гордости их фракции в Сенате.

Остался он, Гай Марий, тот, кого Метелл Свинка назвал итальянским деревенщиной, по-гречески не разумеющим. Для чего он, несчастный, вернулся в Рим и занялся политической грязной жизнью? Да потому, что Сципион Эмилиан, не будучи зазнайкой, уважал простых деревенских помещиков и обещал Марию помочь. Он считал, что Гай Марий должен попробовать, ибо достоин большего, чем участь провинциального землевладельца. Не получив хотя бы преторского поста, он никогда не сможет водить в походы римские легионы.

Поэтому Марий выставил свою кандидатуру на выборах военных трибунов — здесь было нетрудно добиться успеха. Затем его избрали квестором, и цензор ввел его — не патриция! — в Сенат. Как поразилась семья Гая Мария! Мало-помалу Гай Марий из Арпин приобретал солидный вес. Забавно! Именно Цецилий Метелл помог ему стать народным трибуном в тревожное время, наступившее после смерти Гая Гракха. Правда, Марий не смог стать трибуном с первого раза. А в тот год, когда его наконец выбрали, Метеллы начали утверждать, что этим он обязан именно им. Род Метеллов играл с судьбой провинциального выскочки, как кошка с мышкой. Но мышка вдруг показала зубки: Гай Марий добился сохранения свободы Народного собрания, страдавшего от чрезмерного контроля со стороны Сената. Луций Цецилий Метелл Далматик попытался провести закон, ограничивавший право Народного собрания сочинять законы, но тут Гай Марий наложил вето. И ничто не смогло сломить этого упорства, с которым он отстаивал свое решение.

Однако несладко пришлось и ему. После срока на посту плебейского трибуна Гай Марий попытался пройти в один из плебейских эдильных магistrатов, но встретил яростное сопротивление все тех же Метеллов. Крахом окончилась и его попытка стать претором. Метеллы во главе с Далматиком прибегли к наиболее распространенному способу борьбы с политическим противником — клевете. Оказалось, что Гай Марий — импотент, который развращает маленьких мальчиков, жрет экскременты, является вместе с тем членом тайных оргиастических обществ Бахуса и Орфея и, когда не спит со своей сестрой или матерью, берет обильные взятки. Но самый сильный из их доводов был таким: «Для чего нам в качестве претора растленный и гнусный тип, который к тому же еще и не римлянин? У Рима вполне хватает своих, порядочных и честных сыновей, а этот — вообще никто. Не нужен он нам».

И это поставило точку.

Плохую службу сослужили ему и слухи о том, что он невежда, не говорящий по-гречески. Самое нелепое в этих нападках было то, что Гай Марий говорил по-гречески. Причем свободно. Его воспитатель был вывезен из азиатской Греции, из Лапасаки на Геллеспонте. А его грамматик был родом из Амиза, что на берегу Понта. Но оба они говорили по-гречески с сильным акцентом. В глазах римлян не владеть греческим вовсе или говорить на азиатском его варианте — все едино. Только тот, кто знал эллинский, считался человеком образованным и культурным.

Тем не менее преторского поста Гай Марий добился. А потом довелось ему пережить дикое обвинение в подкупе, которое бросили ему сразу после выборов. Подкуп! Как будто у него было чем подкупать выборщиков. Но многие знали, чего стоит Гай Марий, — или слышали о нем от тех, кто был с ним хорошо знаком. В Риме всегда благосклонно относились к доблестным солдатам. Именно это обстоятельство и помогло Гаю Марии сохранить тогда звание претора.

Сенат направил его наместником в Верхнюю Испанию, при этом кое-кто, конечно, надеялся, что Марий там и сгинет навсегда. Но Марий был абсолютно военным человеком. Он не сгинул.

Испанцы — особенно полудикие племена на западе Лузитании и северо-западе Кантабрии — отличались особыми нормами ведения войн, которые никак не укладывались в обычную тактику римских легионов. Эти испанцы расстраивали все планы римских военачальников. Они никогда не выстраивались к бою, никогда не придерживались устоявшихся правил, гласивших, что лучше рискнуть всем ради единого мощного натиска и быстрой победы, чем втягиваться в расточительную и скучную затяжную кампанию. Испанцы, напротив, полагали, что выгодно придерживаться именно такой тактики. Они продолжали войну столько, сколько требовалось, чтобы вымотать врага. Таким образом, они постоянно находились в состоянии войны, не давая пришельцам укорениться и привить здесь чуждую культуру.

Открытых сражений испанцы избегали, предпочитая засады, налеты, покушения на отдельных римлян, поджоги, угоны коней. Они появлялись то здесь, то там, иногда одновременно в нескольких местах; не было у них ни военной формы, ни постоянных формирований. Налетят — и быстро отступают обратно в горы, где им знакомы каждый камень, каждая тропка и ложбинка. Если же римляне решались предпринимать ответные действия и занимали какой-нибудь городок, жители тут же прикидывались ну такими безобидными, такими простодушными — прямо покорные и терпеливые ослики.

Сказочно богатая страна Испания. Поэтому всё так стремятся овладеть ею. Коренные жители, иберийцы, на протяжении тысячелетий смешивались с кельтскими народами, что понемногу просачивались через Пиренеи, а берберы-мавры, переплавая узкий пролив, отсекающий Испанию от Африки, добавляли в палитру народов свои краски.

Примерно тысячелетие назад из Тира и Сидона с побережья Сирии прибыли финикийцы. Затем появились греки. Два столетия спустя пунические племена из Карфагена — они сами были потомками сирийских финикийцев — присоединили полуостров к своей империи. Испания перестала находиться в относительной изоляции. Карфагеняне искали здесь месторождения металлов. Золото, серебро, цинк, медь, железо — горы полуострова изобиловали ими. Мир жаждал металлов. Они стали силой пунийцев. Даже олово поступало из Испании; на самом полуострове оно не встречалось, но его отовсюду свозили мореплаватели в испанский порт в Кантабрии, и отсюда испанские торговцы отправляли его на рынки Средиземноморья.

Мореходы-карфагеняне владели также Сицилией, Сардинией и Корсикой; а значит, рано или поздно им пришлось бы столкнуться с Римом. Сто пятьдесят лет спустя это произошло. Три войны, занявшие в общей сложности около века, завершились разрушением Карфагена, и Рим завладел всеми его землями, включая также испанские колонии.

Римляне почти сразу поняли, что Испанией лучше всего управлять, разделив ее на две части: Ближнюю Испанию и Дальнюю Испанию. Правитель Дальней Испании контролировал юг и запад страны, сидя в плодородной долине Бетиса, где стоял старый хорошо укрепленный город финикийцев — Гадес. Правитель Ближней управлял северной и восточной частями полуострова. Его поселили на прибрежной равнине напротив Балеарских островов. Земли на крайнем западе — Лузитания и на северо-западе — Кантабрия оставались ничими.

Несмотря на убедительный пример, показанный Сципионом Эмилианом в Нуманции, испанские племена продолжали сопротивляться своим излюбленным способом: набегами, убийствами и грабежами. Так обстояли дела в этой провинции — очень неспокойной, но слишком уж соблазнительной, чтобы ее оставить. Гай Марий был направлен губернатором в Дальнюю Испанию. Первое решение, которое он принял, — бороться с местными племенами по их же способу, то есть поджогами, налетами, с помощью подосланных убийц и лазутчиков. И у него получилось! Он смог раздвинуть границы, присовокупив к своим землям Лузитанию и большую горную цепь, где брали свои истоки реки Бетис, Анас и Таго.

По мере того как границы Рима расширялись за счет все новых и новых провинций, римляне получали контроль над все новыми и новыми богатыми месторождениями серебра, меди, железа. Естественно, правитель провинции — то есть тот, кто устанавливал именем Рима и во славу его новые рубежи, — был в числе первых, кто богател за счет этих приобретений. Казначейство получало свою долю и собирало налоги, однако предпочитало, чтобы разработки находились в руках частных лиц, которые выжмут все соки из доставшегося им владения.

Таким образом Гай Марий разбогател. Потом разбогател еще больше. Каждое новое месторождение так или иначе оставалось в его ведении. Это помогло ему добиться прочного положения среди торговцев. Он стал негласным партнером многих солидных компаний, занятых в самых разных сферах — от торговли зерном и банковского дела до организации общественных работ. Его влияние распространялось по всему римскому миру.

Из Испании он вернулся, провозглашенный своей армией «императором», и имел право просить у Сената разрешения провести триумф. Отказать человеку, который сделал столь значительный вклад в государственный бюджет, Сенат не мог. И Гай Марий проехал на древней торжественной колеснице по традиционному пути древних триумфальных шествий. Как символы его побед впереди колесницы несли щиты с картами его победоносных походов и причудливые одежды покоренных племен.

Марий полагал, что теперь-то уж он наверняка станет консулом. Он, Гай Марий из Арпин, презренный итальянский селянин, деревенщина, будет избран на пост консула в самом великом городе мира. А потом отправится в Испанию и окончательно подчинит ее, превратит в мирную римскую провинцию. Однако прошло уже пять лет с того дня, когда он возвратился в Рим. Пять лет! Метеллы одолели его — никогда не стать Гаю Марию консулом...

— Подай одеться, — велел Марий слуге, замершему в ожидании. Многие из тех, кто занимает такое положение, как Гай Марий, разлеглись бы на мраморном краю бассейна, а рабы тем временем умасали бы их и делали массаж, однако Гай Марий предпочитал обслуживать себя сам. В свои сорок семь он выглядел мужчиной, только вступившим в пору зрелости. Он по праву мог гордиться своим телом. В свободные дни он непременно упражнял мышцы: гири, заплывы на Тибре, затем — бегом назад, по периметру Марсова поля до дома и Капитолийской Арки. Его волосы, правда, уже начали на макушке редеть, однако и того, что оставалось, — если зачесать вперед — вполне хватало на приличную прическу. Красавцем он никогда и не был. Хорошее, даже запоминающееся лицо, но не такое, как у Гая Юлия Цезаря. Тут ему с ним не сравняться.

Хотелось бы знать, почему он так заботится о прическе и платье? Неужто из-за того, что приглашен на скромный семейный обед к простому сенатору, который не избирался даже на пост эдила, не то что претора? Однако же он, Гай Марий, облачился в хиосскийшелк. Куплена ткань была несколько лет назад, когда Марий еще мечтал о бесчисленных ужинах у знати, на которых будет присутствовать как почетный гость, едва получит место консула. И потом — еще годы и годы, пока помнят и чтят консула бывшего.

Конечно, обед у Цезаря — совсем не то. Однако и ради такого случая Гай Марий решил отложить строгую белую тугу и тунику с пурпурной полосой и надеть роскошную, из хиосского шелка, богато расшитую пурпуром и золотом. К счастью, нигде в Риме не записано, что человеку запрещается носить то, что он хочет, сколь вызывающим и дорогоим ни был бы его костюм.

Существовал лишь закон Лициния «против роскоши», но он регулировал число блюд из редких, а потому очень дорогих продуктов; об одежде там не говорилось ничего. Да и этот закон всерьез не рассматривался. Впрочем, вряд ли на столе Гая Юлия Цезаря окажутся какие-нибудь деликатесы вроде угря или устриц.

В походах Гай Марий никогда не вспоминал о своей жене из Путеол. Помнил ли он вообще о том, что женат? Гай Марий вступил в брак в том юном возрасте, когда еще не возникает проблем сексом, и прожил двадцать пять лет без любви с женой, не родившей ему детей. Близости он желал лишь изредка, при случайной встрече с какой-нибудь привлекательной женщиной. Не так уж много их и было в его суровой жизни. Время от времени он удовлетворял чисто физическую потребность с доступной девицей, служанкой или пленницей.

А Границы, его жена... На нее он не обращал внимания даже сидя рядом, даже когда напоминала она ему, что не худо бы им почше ложиться вместе, поскольку дети не рождаются просто так, для этого необходимо приложить известное усилие. Совокупление с Границей было для Мария чем-то вроде марша по пересеченной местности сквозь непролазный туман. Она окружала его какой-то тягучей, липкой атмосферой, он тонул в ней как в сиропе. Чувства незнакомые и неприятные томили его, и время от времени, достигнув точки кипения, Марий пятнал простины неким клейким субстратом, но и тогда открывал рот не для того, чтобы застонать от наслаждения, а чтобы просто зевнуть.

Он не жалел Границю и даже не пытался понять ее чувства и переживания. Старая драная курица. Она и смолоду-то не блестала красотой. Что делала она все дни (и ночи) в его отсутствие, он не знал, да и не задумывался над этим. За честь свою Гай Марий не беспокоился. Границя, ведущая двойную жизнь? Границя, охваченная порочными страстями? Скажи ему кто, что такое возможно, — хотят бы до слез. И был бы совершенно прав. Ее целомудрие и непорочность нагоняли только скуку. Да, Границя из Путеол явно далеко до распутницы Цецилии Метеллы, сестры Далматика и Метелла Свинки и жены Луция Лициния Лукулла!

Серебряные рудники Мария подарили ему прекрасный дом между Марсовым полем и стеной Сервия, выше Капитолийской Арки, а это — лучшее место в городе. Его медные копи доставили ему цветной мрамор, которым отделаны здесь колонны, перегородки, полы; доходы с железных рудников привлекли сюда лучшего римского живописца, покрывшего стены дома сценами охоты, видами садов, пейзажами. Дружба с крупными торговцами окунулась в скульптурами и гермами, изумительными резными столиками из цитрусовой древесины на подставках из слоновой кости, инкрустированных золотом, столь же богато отделанными ложами и креслами, искусно расшитыми занавесями, литыми бронзовыми дверями. Сам Химметий планировал просторный перистиль с садом, особое внимание уделяя при этом гамме запахов и палитре цветов. В центре сада — бассейн с фонтанами, рыбами, лилиями, лотосами, великолепными изваяниями тритонов, нереид, дельфинов и морских змей.

Однако все это, откровенно говоря, мало нужно было самому Гаю Марию. Всего лишь дань общественному мнению и вызов завистникам. Спал он все равно на походной койке в самой маленькой комнатенке, где по стенам висели его меч, щит и походный плащ, а единственным ярким цветным пятном являлось вылинявшее и затертное знамя, которое любимый его легион вручил ему после завершения войны в Испании. Там, на войне, — там была его истинная жизнь! Если что и ценил Гай Марий в преторстве или консульстве, так это возможность командовать армиями. И у консолов возможностей к тому же неизмеримо больше! Но — консулом не стать ему никогда. Не станут они голосовать за такого, как он, сколь бы ни был он богат.

День был не лучше вчерашнего: так же моросил нудный дождь, и сырость проникала во все уголки. В такие дни Гай Марий, наплевав на условности, накинул на богатые хиоские одежды сагум — толстый непромокаемый солдатский плащ, который спасал его от пронизывающих ветров Альп и бесконечных ливней Эпира. То, что нужно солдату! Гай Марий с наслаждением вдыхал запах дубленой шкуры и нечистой шерсти. Это был запах походной жизни. Так голодный купается в ароматах горячего хлеба у стен пекарни.

— Добро пожаловать, — приветствовал Мария Гай Юлий Цезарь, встречая гостя возле дверей и лично, своими ухоженными руками, принимая у него сагум. Цезарь не передал плащ рабу, ожидавшему рядом, не испугался, что запах солдатчины

впитается в него, Цезаря, аристократическую кожу. Уважительно пощупал толстую шкуру. — Думается мне, этот плащ прошел через несколько войн, — отметил он, будто бы и не замечая богатого одеяния гостя.

— Другого у меня не водилось, — отвечал человек в тончайших шелках, расцвеченных золотом и пурпуром, заметив, что хиосская роскошь не произвела должного впечатления.

— Лигурийский? — продолжал расспрашивать Цезарь.

— Да. Отец подарил его мне, когда мне стукнуло семнадцать и я начал служить в легионах.

Гай Марий проследовал за хозяином в триклиний. Куда этому небольшому, чрезвычайно скромному жилищу до дома, отгроханного Марием!

— Когда я стал командиром, — продолжал он на ходу, — и настал мой черед снабжать и обеспечивать легионы, я побескожился о том, чтобы такие же были у всех. Если не заботиться о здоровье людей, кости у них начинает ломить от сырости. И вот они все чихают да кашляют. А что за вояка, коли весь в соплях? — И тут же он добавил поспешно: — Я не просил с них лишних денег. Для каждого уважающего себя командира главная прибыль — победа его легионов.

— Насколько мне известно, ты вполне достоин звания командира. — Цезарь присел на конец среднего ложа с левой стороны, показывая, чтобы гость устроился справа — на почетном месте.

Слуги разули их и, когда Гай Марий отказался дышать дымом жаровни, предложили носки, которые были милостиво принятые. Затем оба удобно устроились на ложе, облокотившись на валики. Тем временем виночерпий уже наполнял первые кубки.

— Сейчас подойдут мои сыновья, а супруга с дочерьми присоединятся сразу перед обедом. — Цезарь протянул руку за кубком, жестом остановив виночерпия. — Надеюсь, Гай Марий не посчитает меня скрягой, дрожащим над запасами своего вина, если я предложу пить его так, как это делаю я, — разбавляя водой? У меня имеется уважительная причина так поступать, которую я пока не могу тебе раскрыть. Пока... Единственное объяснение, которое я в состоянии сейчас предложить тебе, таково: мы оба должны сохранить ясный ум. Да и женщинам может не понравиться, что мужчины при них пьют неразбавленное вино.

— Что до меня, то я на вино не падок, — сказал Марий, также останавливая виночерпия, чтобы тот оставил место в кубке для воды. — Когда человека приглашают к столу уважаемые люди, язык ему понадобится для учтивой беседы, а вовсе не для того, чтобы лакать вино.

— Хорошо сказано! — одобрил Цезарь.

— Однако ты заинтриговал меня.

— Терпение — со временем ты узнаешь все.

Наступила тишина. Собеседники потягивали из кубков воду, чуть подслащенную вином. Они знали друг друга только по Сенату, где обменивались обычными кивками издалека, поэтому поначалу беседа не клеилась. Тем более что хозяин предложил отказаться от чудодейственной силы вина, развязывающего языки.

Цезарь прочистил горло, поставил кубок на стол и, подаввшись вперед, почти на самый край ложа, вдруг спросил:

— Мне кажется, Гай Марий, ты не слишком доволен членами магистрата, выбранными в этом году.

— О боги! — оживился Марий. — Еще как недоволен! Я думаю, что многие разделяют это недовольство.

— О да, выбор был небогат. Утешает одно: больше года им не продержаться. А как было бы хорошо иметь достойного человека на важном посту. Такого, для которого этот срок можно увеличить.

— Пожалуй, с таким достойным человеком многое можно сделать, славно потрудиться, — сказал Марий. — Если не возникнет проблем.

— Проблем?

— Да кто, скажи мне, сможет гарантировать, что достойный человек — действительно достоин? Он сам? Сенат? Народное собрание? Может быть, всадники? Или выборщики — несомненно, неподкупные и достойные граждане?

Цезарь рассмеялся:

— Полагаю, Гай Гракх был человеком достойным. Когда он шел на второй срок плебейского трибуна, я поддерживал его от всего сердца. И третью его попытку — тоже. Не то чтобы моя поддержка много стоила, но... Я все-таки патриций.

— А это тоже немало. Если в Риме появляется достойный человек, его ведь могут и зарезать. Почему? Потому что он печется больше о Риме, нежели о своем состоянии.

— Думаю, такое случается не только в Риме. — Цезарь посмотрел на Гая Мария, высоко подняв красиво изогнутые брови. — Люди есть люди, и нет разницы между римлянами, греками, карфагенянами, сирийцами. Во всяком случае, там, где замешаны зависть и жадность. Единственный способ сохранить себя и сделать то, что считаешь нужным, — накопить сил и добиться положения верховного правителя... царя. Конечно, этот титул может именоваться иначе...

— Рим никогда не смирится с царским правлением!

— Так было лишь последние пятьсот лет. А ведь прежде Римом правили цари. Смешно, не правда ли? Во всем мире предпочитают безраздельное правление. Только римляне и греки — исключение.

Марий вздохнул:

— Это потому, что в Риме и Греции всякий сам себя считает царем. Рим так и не стал истинной демократией, хоть и изгнал царей.

— Ну уж нет! Истинная демократия — выдумка греческих философов, прекрасная, но недостижимая мечта. Погляди хотя бы на ту путаницу, в которой увязли греки. Этого ли мы хотим для себя? Рим — форма правления меньшинства, господства Славных Семейств над большинством.

— И высокочек, — добавил Гай Марий, в котором-то как раз и видели высокочку. — Так называемых «новых людей».

— И «новых людей», — согласился Цезарь.

В этот момент в столовую вошли сыновья Цезаря. Вошли, как и подобает молодым людям: решительно, но с почтением, и сразу остановились.

Сексту Юлию Цезарю, старшему сыну, было двадцать пять — высокий, с темно-рыжими волосами и серыми глазами юноша. Опытный глаз Гая Мария подметил лишь один недостаток у этого юноши — синие тени усталости под глазами. Он был на редкость молчалив, что тоже казалось странным в его годы.

Гаю Юлию Цезарю Младшему исполнилось двадцать два. Он был крепче брата и выше его ростом; золотые кудри придавали света большим голубым глазам. «Очень умен, хотя не выделяется ни силой, ни характером», — решил Гай Марий.

Рядом они смотрелись очень мило — два истинных римлянина, сразу чувствуется порода: дети сенатора и будущие сенаторы.

— Ты можешь гордиться своими сыновьями, Гай Юлий, — проговорил Гай Марий, когда юноши заняли места на ложе по правую руку от отца. Для возможных гостей (а в некоторых скандально известных своим новомыслием домах — для женщин) предназначалось ложе слева от Мария.

— Да, я тоже так думаю. — Глаза Цезаря светились гордостью и любовью. Затем он опять повернулся к Гаю Марию с явным любопытством: — У тебя ведь нет сыновей?

— Нет.

— Но ты женат?

— Так считается, — рассмеялся Гай Марий. — К сожалению, все военные похожи друг на друга: по-настоящему мы обречаемся только с ратными победами.

— Пожалуй. — И Цезарь сменил тему.

Предобеденная беседа текла плавно и неторопливо, огибая опасные рифы. В этом доме уважали чужое мнение, для всякого находили доброе слово, обходились без двусмысленных намеков. Каковы же женщины дома Цезарей? Марий знал, что за воспитанием детей в Риме стояли именно женщины. Распутная или застенчивая, глупая или умная — любая римлянка умеет заставить считаться с собой. Разумеется, кроме этой путеольской квашины.

А вот и женщины — Марсия и две Юлии. Невероятно! Все три — восхитительны. Слуги принесли и поставили для них кресла в центре зала, по другую сторону столов, за которыми возлежали мужчины. Марсия уселась напротив супруга, Юлия — напротив Гая Мария, а Юлилла — перед братьями. Едва заметив, что родители отвлеклись, она тут же показала братьям язык, не смущаясь присутствием гостя.

Несмотря на отсутствие деликатесов и разбавленное вино, обед оказался превосходным — и блюда, и обслуживание, быстрое, но ненавязчивое. Простая еда приготовлена безукоризненно. Именно такая простота застолий и была по душе воину Марию.

Жареная птица с хлебом, луком и зеленою фасолью, два вида оливок, свежий мясной рулет, булочки с запеченными сочными яблоками, превосходные домашние колбаски под чесночным соусом, разбавленным медом, салаты из латука, огурцов, шалота и сельдерея (каждый — под особым масляно-винным соусом), дымящееся блюдо из брокколи, тыквы и цветной капусты, украшенное печеными каштанами. Отдельно подавался перец, светлое оливковое масло первого отжима и соль. Завершали обед небольшие пирожки с фруктовой начинкой, посыпанные зернышками кунжутика и политые медом, и пирожные со взбитыми сливками. И под конец — сыры двух сортов.

— Арпинский! — оживился Гай Марий, попробовав один из них, и лицо его помолодело. — Этот сорт я знаю хорошо — его делал мой отец. Из молока двухлетней овцы, которая паслась недельку на заливных лугах, где растут особые травки.

— Как мило! — проговорила Марсия. В ее тоне не прозвучало и нотки превосходства. — Мне всегда нравился этот сорт, но теперь я буду относиться к нему по-особому. Сыр, сделанный Гаем Марием! Ведь твоего отца также зовут Гай Марий из Арпина?

После завершающего блюда женщины покинули триклиний. За обедом они не прикоснулись ни к чему крепче воды.

Поднимаясь со своего места, Юлия улыбнулась Гаю Марию — с нескрываемой симпатией, как ему показалось. Она поддерживала вежливый разговор с ним, когда он к ней обращался, но ни разу не попыталась самочинно присоединиться к беседе отца с гостем. Тем не менее она не сидела со скучающим видом, а внимательно прислушивалась к разговору мужчин — с интересом и пониманием. Этой красивой и спокойной девушке, казалось, сама судьба обещала нечто большее, чем обычный удел матери семейства.

По сравнению с нею младшая, очаровательная Юлилла, — маленькая разбойница, сущее наказанье для семьи. Она-то уж точно знала, как заставить родных смириться с ее выходками. И пользовалась этим. Но что-то в ней сразу встревожило Мария. Опытный наставник, он умел с первого взгляда распознавать душу не только юношей, но и девушек. Он внимательно изучал Юлиллу за обедом. Что-то в этом ребенке было не так. Не то чтобы недостаток ума или образованности... Она действительно была менее начитанна, чем старшая сестра или братя, но значения этому не придавала. И — необыкновенное тщеславие. О внешности своей она явно была высокого мнения... Что же так настораживало? Где трещинка, дающая фальшивую нотку? Гай Марий в конце концов пожал плечами и решил о Юлилле не думать; в конце концов, не его это дело.

Сыновья Гая Юлия Цезаря задержались еще на несколько минут, а затем также попрощались и вышли. Наступил вечер; водяные часы — клепсидры начали отсчитыватьочные часы, каждый — в два дневных длиною. Согласно календарю, сейчас шла середина зимы. Все даты каждый год высчитывались Великим Понтификом Луцием Цецилием Метеллом Далматиком, поскольку он полагал, что так следует делать. Да стоило ли справляться о числах или названиях месяцев, которые вывешивались на Форуме, если человек вполне мог определить время и сам — по своим ощущениям?

Когда слуги зажгли лампы, Марий заметил, что масло в них — самое лучшее и фитили не из пакли, а из шерстяных нитей.

— Я люблю читать. — Цезарь перехватил его взгляд, как и вчера на Капитолии угадав ход мыслей Мария. — Не потому, что уж плохо сплю по ночам. Просто несколько лет назад, когда дети подросли и стали принимать участие в семейных советах, мы решили, что каждому из нас будет разрешено позволительное излишество. Марсия выбрала кухню, но, поскольку это касалось непосредственно всех нас, мы сверх того решили выписать для нее из Патавия новый ткацкий станок и обеспечивать пряжей, какой она захочет, даже если это дороговато. Секст заявил, что будет ездить несколько раз в год в Путеолы на Огненные Поляны... — Тень пробежала по лицу Цезаря, он глубоко вздохнул. — Ты слышал наверняка, — продолжил он, — что Юлии Цезари из века в век передают друг другу нечто общее: например, светлая кожа, золотистый цвет волос. А есть еще такой миф: будто бы каждая Юлия в нашей семье рождается для того, чтобы осчастливить собою какого-нибудь мужчину. Якобы это — подарок нашей покровительницы Венеры... Ха-ха, разве Венера может сделать счастливым нормального мужчину? Каково с ней было Вулкану! Или Марсу! Но тем не менее именно так говорят о женщинах из семьи Юлиев... Однако есть у нас и менее приятное наследство, хотя достается оно, к счастью, не всем. Из нынешнего поколения один лишь Секст страдает от этой болезни. Астма. Думаю, ты уже знаешь — слышал его кашель, да и синеву вокруг его глаз заметил. Несколько раз Секст уже побывал на краю смерти.

Так вот оно что! Бедный парень... Похоже, не успеет он сделать карьеры.

— Я знаю эту болезнь, — тяжело молвил Марий. — Мой отец рассказывал о ней. Обычно она начинается в пору цветения и может длиться все лето, мешая человеку собирать плоды. А бывает, что больной не может находиться рядом с животными, особенно — с лошадьми или собаками. Это здорово мешает военной службе.

— Все это он испытывает на себе, — произнес Цезарь, заметно погрустнев.

— Доскажи уж о том семейном совете, Гай Юлий, — вновь заговорил Гай Марий, увлеквшись. Такой свободы общения не знали, наверное, в самой Греции! Что за хитрая бестия этот Юлий Цезарь! Для посторонних наблюдателей — до крайности сдержаный, строгий, не подступись, истинное украшение патрицианского рода. Для тех же, кто допущен поближе, — почти бунтарь, нарушитель исконно римских традиций чинности.

— Секст выбрал Огненные Поляны возле Путеол, считая, что сернистый воздух оказывает на него благотворное воздействие.

— А твой младший сын?

— Гай сказал, что больше всего на свете хочет, чтобы осуществилось одно его желание... Хотя вряд ли это желание можно было бы назвать «излишеством»... Он попросил разрешения самому выбрать себе жену.

— Боги! И ты ему позволил?

— Конечно.

— А если он разделит участь многих непутевых мальчишек его возраста? Если попадется в сети потаскушки или старухи-облазнительницы?

— Тогда пусть женится на ней. Разве не этого он желал для себя? Однако не думаю, чтобы Гай оказался столь опрометчив. У него имеется голова на плечах.

— И уж конечно свадебный обряд состоится по патрицианскому обычаю *confarreatio*?

— Да.

— Боги! Боги!

— Моя старшая дочь Юлия также отличается здравым смыслом и светлым умом, — продолжал Цезарь. — Она оплатила членство в библиотеке Фанния. Я и сам намеревался сделать это, но уступил ей, поскольку не так уж важно, кто из членов семьи получит доступ в библиотеку. А вот малышка Юлия, к сожалению, начисто лишена мудрости. Она подобна яркой бабочке, для которой ум лишь помеха. Такие, как она, — тут Цезарь-отец мягко улыбнулся, — освещают нашу жизнь. Я бы, наверное, ненавидел этот мир, не будь он украшен такими вот пышными цветами. Мы проявили легкомыслие, породив на свет четверых детей, но во искупление нашей вины последней прилетела эта девочка...

— Что же она попросила для себя?

— То, что мы и предполагали. Сласти и наряды.

— А как же ты, лишенный членства в библиотеке?

— Я пожелал обеспечить себя лучшим маслом и фитилями, а затем мы заключили с Юлией небольшую сделку. Я пользуюсь книгами, которые она приносит, а она — моими светильниками.

Марию все больше и больше нравился человек, ведущий такую простую и счастливую жизнь. Окруженный домочадцами, детьми и женой, он не упускал возможности развиваться сам и поощрять детей в их стремлении к индивидуальности. Он не ошибался, предоставляя своим отпрыскам такую большую свободу. И Гай Марий был уверен, что молодой Цезарь не подберет себе жену на помойке Субуры.

Гай Марий откашлялся:

— Благодарю за столь чудесный вечер, Гай Юлий. Кажется, настала минута, когда ты готов раскрыть свою тайну. Пора объяснить, ради чего мы оставались трезвыми, не так ли?

— Если ты не возражаешь, я отошлю слуг. Вино мы сможем напить себе и сами. Самое время немного расслабиться — чтобы не возникло чувство неловкости.

Щепетильность Цезаря удивила Гая Мария, привыкшего к тому, что римлян не смущают взгляды рабов. Господа обычно неплохо относились к своим людям, но при этом считали, что раб — нечто неодушевленное, вещь, предмет обстановки. А посему любой приватный разговор могли вести при рабах, не обращая внимания на их присутствие. В Риме так было заведено; Марий же с этим смириться не мог. Его отец, как и Цезарь, твердо придерживался мнения, что при слухах откровенных бесед быть не должно.

— Они слишком много болтают, — сказал Цезарь, когда они остались одни за плотно закрытыми дверями, — а соседи у меня чрезвычайно любопытны. Рим, конечно, город большой, но тотчас превращается в большую деревню, когда что-нибудь доходит до ушей сплетников с Палатина. Марсия рассказывала мне, что некоторые из наших знакомых приплачивают слугам за молчание. Да и вообще... Слуги тоже люди со своими чувствами и мыслями. Не следует искушать их.

— Тебе, Гай Юлий, следовало бы стать консулом, а затем тебя непременно избрали бы цензором.

— Согласен, Гай Марий. Я этого достоин. Но у меня нет денег, чтобы получить место в высшем магистрате.

— Зато у меня есть. Это ведь то, зачем ты меня пригласил? Ради этого я оставился трезвым?

Цезарь посмотрел на него недоуменно:

— Дорогой мой Гай Марий, что ты! Мне уже под шестьдесят, и о карьере я более не помышляю. Нет! Я думаю теперь лишь о своих сыновьях. И об их сыновьях, когда те появятся на свет.

Марий выпрямился, посмотрел в лицо хозяину и плеснул в свой опустевший кубок неразбавленного вина. Выпил одним глотком.

— А, так ради этого сообщения я должен был весь вечер воздерживаться? Да и это ли вино мы с тобой пили?

Цезарь улыбнулся:

— Конечно, нет! Я не слишком богат... Вино, которое мы разбавляли, не высшей марки. Это же я берегу для особых случаев.

— Тогда я в недоумении. — Марий взглянул на Цезаря насупленно, из-под нависших бровей. — Чего же ты, в конце концов, домогаешься, Гай Юлий?

— Помощи. Ты помогаешь мне, а я — тебе.

Цезарь налил превосходного вина и себе.

— И как ты можешь мне помочь?

— Очень просто. Я сделаю тебя членом моей семьи.

— Что?

— Да. Я предлагаю тебе в жены ту из моих дочерей, какую ты предпочтель.

— В жены?

— Разумеется. Ты женишься.

— Вот это мысль! — Теперь Гай Марий явственно видел перспективы, что крылись за этим предложением. Сделав большой глоток фалернского, он замолчал.

— Любой воздаст тебе должное, если твоей женой станет женщина из рода Юлиев. Это просто счастье, что у тебя нет детей. Значит, ты можешь позволить себе жениться на молодой женщине, которая родит тебе сына. Это будет выглядеть вполне естественно. Никто не станет удивляться или злословить. Если твоей женой станет к тому же женщина из рода Юлиев, твой сын сможет называть себя одним из потомков нашего рода. В жилах твоих внуков потечет кровь благородных предков. А это возвысит и тебя, Гай Марий. И всем окружающим придется воспринимать твои требования и желания совсем не так, как сейчас. Вокруг твоего имени возникнет ореол достоинства — того, что мы называем *dignitas*, причем высшей пробы. А это вряд ли окажется лишним в твоей карьере. У нас нет денег. Наше достояние — наша честь. Род свой мы ведем от самой Венеры, от ее внука Юла, сына Энея. Отблески величия нашего рода лягут на твои доспехи.

Цезарь поставил кубок, вздохнул и улыбнулся:

— Уверяю тебя, Гай Марий, я говорю истинную правду. К несчастью, я — не самый старший сын в нашей семье, но по восковым изображениям на наших алтарях мы можем проследить историю нашей семьи. Другое имя матери Ромула и Рема, Реи Сильвии, — Юлия. От ее союза с Марсом родились близнецы, положившие начало Риму. Мы были царями Альба Лонги, самого великого города латинян, — его основал наш предок Юл. Когда же Рим разрушил нашу столицу, мы перебрались в новый город и поднялись на самый верх римской иерархии, чтобы упрочить ее славу. Несмотря на то, что Альба Лонга так и не была восстановлена, до сих пор жрец холма Альба избирается из числа Юлиев.

Он говорил и говорил и не мог остановиться. Гай Марий глубоко вздохнул от восхищения, но не произнес ни слова.

— Обстоятельства складывались все менее благополучно для нас. Что поделаешь? Теперь вот у меня нет средств, чтобы войти в один из высших магистратов. Но мое имя по-прежнему много значит у избирателей. Меня поддержали бы многие — и центурии, в которых голосуют при избрании консулов, и все нобили.

Перед Гаем Марием распахивались такие перспективы, что он не в силах был оторвать взгляд от лица Цезаря. Они ведут свое происхождение от самой Венеры! И каждый из них необыкновенно красив! Светлые волосы, белая кожа — вот что всегда в цене. Дети любой Юлии, вероятно, тоже будут обладать этими достоинствами. И истинно римским носом... И никогда не сравнятся с ними светловолосые Помпеи. Цезари — истинные римляне, тогда как в курносых Помпеях угадываются кельты.

— Ты хочешь стать консулом, — продолжал Цезарь. — Об этом все знают. Подвиги в Дальней Испании обеспечили тебя множеством клиентов. Однако молва, к сожалению, гласит и об ином. О том, что ты и сам клиент и, следовательно, твои клиенты — это всего лишь клиенты твоего патрона.

Гость оскалился, показав два ряда крупных белых зубов.

— Клевета!

— Я-то тебе верю. Но ведь другие верят слухам. Люди не принимают, конечно, притязаний Гереннов, поскольку те еще менее латиняне, нежели Марии из Арпина. Но о своем патронаже над тобой заявляют и Цецилии Метеллы. И им-то верят. По одной лишь причине: твоя мать — из рода Фульциниев, а они этруски. Марии владеют землями в Этрурии, которая сама традиционно — владение Цецилиев Метеллов.

— Марии — или, если уж на то пошло, Фульцини — никогда не были клиентами Метеллов! — воскликнул, все более раздражаясь, Гай Марий. — Метеллы коварно подтасовывают факты, прикрывая враньем клевету.

— Без сомнения. Ведь они терпеть тебя не могут, вот и делают все, что в их силах. Люди думают, что ты, Гай Марий, насолил Метеллам в бытность свою народным трибуном исключительно в силу глубоко личных причин.

— Да уж, тут действительно замешан личный мотив! — вдруг горько рассмеялся Марий.

— Расскажи!

— Однажды в Нуманции мы выставили на посмешище младшего братца Метелла Далматика — того, кто собирается в следующем году стать консулом. Заставили его вывалиться в грязи... в свинарнике. Нас было трое. Ни один из троих не снискал впоследствии успеха в Риме.

— Кто же те двое других?

— Публий Рутилий Руф и царь Нумидии Югурта.

— А! Загадка разгадана. — Цезарь стиснул сплетенные пальцы и поджал губы. — Однако то, что тебя считают неблагодарным клиентом, — а это не делает чести никому — ложится пятном на твое имя, на имя твоего рода, Гай Марий. Слишком непросто тебе доказать свою правоту...

— И что же можешь ты предложить, Гай Юлий, чтобы остановить эти нелепые слухи?

— Жениться на одной из моих дочерей. Если ты станешь мужем моей дочери, это яснее ясного покажет, что я ни во что не ставлю досужие толки. А если еще рассказать историю о свинарнике в Испании! К тому же Публий Рутилий Руф подтвердит сказанное тобой. Тогда каждый точно поймет, почему так враждебны к тебе Метеллы. — Цезарь улыбнулся. — Это было, наверное, очень смешно, когда представитель чванливой семейки вдруг оказался низведен до положения свиньи — весь в грязи, да еще не римской!

— Да, ты прав, мы смеялись тогда до изнеможения. Есть ли еще что-нибудь?

— Ты должен сам знать это, Гай Марий.

— Клянусь, я даже не подозреваю, о чем может идти речь!

— Считается, что ты торгуешь.

Марий застыл, ошеломленный.

— Но... но разве я торгую как-то иначе, чем добрые три четверти сенаторов? У меня ни с одной компанией нет отношений, которые заставляли бы меня пропихивать в Сенате решения к их вящей выгоде. Я всего лишь вкладываю деньги! И кто-то смеет называть меня торгашом?

— Конечно нет, дорогой Гай Марий! Никто так не думает. Намеков — масса, хотя никто не говорит ничего конкретного. Но и намеки способны навредить. Те, кто тебя не знает, постепенно приходят к выводу, что твоя семья торгует уже много поколений, что ты сам возглавляешь торговые компании, устанавливаешь цены... наживаешься на поставках зерна.

— Понятно. — Губы Мария сложились в жесткую складку, глаза сузились.

— Лучше, чтобы ты знал об этом.

— Я не делаю ничего такого, что не делали бы Цецилии Метеллы, — повторил Гай Марий. — Даже меньше влезаю в дела торговцев, чем они!

— Согласен. Но хочу дать тебе несколько советов, Гай Марий. Гораздо выгоднее для тебя избегать любых сделок, которые не связаны с землей или недвижимостью. Твои шахты в Испании не вызовут кривотолков, это хорошее, солидное дело. Но «новому человеку» лучше держаться в стороне от торговых компаний. Только земля и недвижимость. Это не возмутил сенаторов.

— Значит, ты полагаешь, что причастность к торговле, даже косвенная, тоже закрывает мне дорогу в общество римских нобилей?

— Несомненно!

Марий повел плечами, однако обижаться на столь явную несправедливость — пустая трата драгоценного времени. Он снова задумался над тем, что сулит ему новый брак.

— И ты на самом деле считаешь, что женитьба на одной из твоих дочерей поправит мою репутацию в глазах римлян?

— Несомненно.

— Юлия... Но почему мне не выбрать себе жену из рода Сульпициев, или Клавдиев, или Эмилиев, или Корнелиев? Любая девушка из любой старой патрицианской семьи может дать мне то же самое — и даже больше! Я имею в виду — древнее имя, связи для успешного продвижения...

Улыбаясь, Цезарь покачал головой:

— Ты меня провоцируешь, Гай Марий. Лучше не стоит... Конечно, ты можешь взять себе жену из любого древнего рода. Однако каждый при этом будет уверен, что ты просто купил девушку. Цезари же никогда не продавали своих дочерей. Одно только известие о том, что тебе разрешено жениться на одной из Юлий, даст понять решительно всем, что ты достоин любой чести. Все пяtnа с твоего имени исчезнут. И заметь: я посоветую моим сыновьям выдать своих будущих дочерей, моих будущих внучек, за богатых ничтожеств — так быстро, как только они смогут это сделать.

Марий налил себе еще и вопросительно посмотрел на Цезаря.

— Гай Юлий, но с чего ты решил дать мне этот шанс?

— По двум причинам. Первая, вероятно, покажется тебе не слишком сентиментальной. Я хочу изменить бедственное положение, в которое попала моя семья из-за отсутствия денег. Но торговать дочерьми я все-таки не хочу. Помнишь — я заметил тебя вчера во время жертвоприношения... Это был знак свыше. Я — не из тех, кто верит в предзнаменования, однако тут меня действительно будто осенило. Я почувствовал, что ты — тот, кто спасет Рим, если только дать тебе эту возможность! Если не ты — Рим погибнет. Наверное, каждый римлянин все-таки склонен к суеверию, а древние фамилии — особенно. Это относится и ко мне. Я много думал после того дня. Разве не выполню я свой долг по отношению к предкам, подумалось мне, если дам Риму человека, в котором Рим столь нуждается?

— Я ощущал в себе нечто подобное, — внезапно глухо проговорил Марий. — Когда отправлялся в Нуманцию.

— И ты тоже! Значит, нас уже двое.

— А вторая причина?

Цезарь глубоко вздохнул:

— Я уже достиг того возраста, когда никуда не деться от сознания, что я никогда не смогу дать своим детям того, что

должен был дать отец. Я слишком стар! Они были окружены любовью и заботой, ни в чем не нуждались, хотя и излишеств не ведали. Они получили достойное образование. Однако все, что я имею, — это дом и примерно пятьсот югеров земли на Альбанских холмах.

Цезарь сел, скрестив ноги, и наклонился вперед.

— А детей у меня четверо, хотя даже два ребенка — уже слишком много. Два сына и две дочери. Того, что у меня есть, недостаточно, чтобы обеспечить карьеру моим сыновьям. Они не смогут даже стать рядовыми членами Сената, как я. Если я разделяю имущество между сыновьями, то ни один из них не наберет сенаторского ценза. Если оставлю все Сексту — тот еще сможет чего-нибудь добиться, однако мой младший, Гай, не удержится даже в звании всадника. Превратится во второго Луция Корнелия Суллу... Ты знаешь Суллу?

— Нет.

Его мачеха живет по соседству с нами. Женщина низкого происхождения, лишенная чувства меры и такта, но богатая баснословно. Кажется, у нее есть какой-то наследник... племянник или племянница. Как-то раз она вынудила меня разговориться с нею, и с тех пор время от времени приходится выслушивать ее болтовню. Луций Корнелий Сулла — ее пасынок — живет с ней, поскольку, по ее словам, ему просто некуда податься. Представь себе только — патриций Корнелий! Род настолько древний и знатный, что Сулла хоть сейчас может войти в Сенат, — и тем не менее у него нет никакой надежды занять подобающее ему место. Он — нищий! Эта ветвь рода увяла уже давно. Его отец в любом случае ничего не мог бы сделать для сына. Да еще пристрастился к вину и пропил остатки былого могущества. Он женился на соседке — той самой, что содержит Суллу после смерти его отца. Она-то пальцем не шевельнула, чтобы помочь. Ты, Гай Марий, куда счастливее Суллы: твоей семье хватило достатка, чтобы обеспечить тебе место в Сенате, когда подвернется возможность. Пусть Мария и не родовиты, пусть ты называешься «новым человеком» — Сенат уважает тех, кто располагает состоянием. Сулла же, имея безупречное происхождение, исключен из списков. Боюсь, как бы такая же судьба не постигла моего младшего сына и его потомков.

— Рождение и происхождение — дело случая. Почему же от них должна зависеть судьба? — Тема волновала Мария, затрагивала сокровенные его мысли.

— А почему деньгам дана такая власть над людьми? — ответил Цезарь в тон. — Сам посуди, Гай Марий: какую страну ни возьми, везде властвуют деньги и знатность. В Риме еще осталась свобода для личных дарований — сравни хотя бы с Парфянским царством! Да Рим почти идеал государства, о котором писал Платон. Нередки случаи, когда рожденные в ничтожестве в Риме достигали высших должностей. Впрочем, я не в восторге от тех, кто проделал такой путь: схватка с судьбой, как правило, надламывает человека, опустошает его.

— В таком случае, может быть, не стоит и горевать об участии Суллы?

— Нет, что ты! Допустим, судьба обошлась с тобой жестоко, несправедливо — но ведь ты из «новых». Я слишком предан своему классу, чтобы не сожалеть о Сулле от всего сердца! — Цезарь остановился, вспомнив наконец о своем деле. — Вернемся лучше к судьбе моих детей. Мои дочери, Гай Марий, не имеют приданого — и, как следствие, женихов. Им я не могу уделить ничего, поскольку таким образом доля сыновей окажется урезанной еще больше. Следовательно, они никогда не смогут выйти замуж за людей своего круга. Не принимай эти слова на свой счет, Гай Марий, — я не тебя имею в виду. Хочу лишь сказать, что они будут вынуждены выйти замуж за тех, кто мне не по душе, за истинных ничтожеств. Не то что ты. Я не выдал бы их замуж даже за людей своего звания, которые показались бы мне недостойными, поверь! Нет, я предпочел бы прямых, открытых, честных, умных — да вот только не знаю, где таких найти. Те, кто хотел бы заполучить моих дочерей, настолько мне неприятны, что я скорее покажу им на дверь, чем начну переговоры о браке. Похоже на судьбу богатой вдовы, не так ли? Приличный человек и не посмотрит в ее сторону, опасаясь козней соперников-проходимцев, поэтому вокруг нее и увиваются одни проходимцы.

Цезарь присел на край ложа.

— Не будешь возражать, Гай Марий, если мы перейдем в сад и немного прогуляемся? Уже прохладно, но я могу дать тебе теплый плащ. Неплохо бы немного размяться.

Марий без слов поднялся и, взяв сандалии Цезаря, помог ему обуться. Затем обулся сам и встал, поддерживая собеседника под локоть.

— Что мне в тебе нравится, Гай Марий, так это всякое отсутствие высокомерия.

Внутренний дворик дома Цезаря был невелик, но с очаровательным садом. Немного нашлось бы в городе таких тихих, спокойных, чарующих изяществом местечек. Даже в это время года все здесь благоухало — весна словно не оставляла этот дом. Гай Марий с теплотой подумал: «А ведь в душе Юлии продолжают оставаться селянами...». По краям карнизов, по скатам крыш, куда чаще всего доставало солнце, вились лозы дикого винограда. Как в отцовском доме в Арпине. К концу января они празднично украшали дом нежной зеленью листьев. Кроме того, у них было еще одно качество, о котором, как подозревал Гай Марий, вряд ли знал хоть кто-нибудь в Риме: они отпугивали насекомых.

К приходу гостя зажгли лампионы в колоннаде, опоясывавшей перистиль. Маленькие бронзовые светильники, стоявшие вдоль дорожек сада, расточали нежный аромат сквозь тонкие мраморные пластины, защищавшие от непогоды подрагивавший огонек. Дождь уже прекратился, однако кусты и трава были унизаны тяжелыми каплями, воздух напоен сыростью и холодом.

Но ни Цезарь, ни Марий ничего этого не замечали. Они прошли вдоль сада и остановились у маленького бассейна с фонтаном. Бассейн был пуст, и фонтан не рассыпал вокруг хрустальные брызги, как в жаркие дни.

«Сама естественность, — подумал Марий (его-то бассейн круглый год был наполнен водой благодаря системе внутреннего подогрева). — Все мои тритоны и дельфины не стоят этого бесхитростного угла!».

— Ну как, заинтересован ли ты женитьбой на одной из моих дочерей? — спросил слегка напряженno Цезарь.

— Да, Гай Юлий.

— Тебя очень опечалит развод?

— Ничуть. Что же ты хочешь за свой дар?

— Цена моя велика... Ты войдешь в нашу семью не просто как муж моей дочери — скорее как второй отец. Возраст обязывает. Надеюсь, ты дашь приданое второй моей дочери и обеспечишь благосостояние сыновей. Незамужней дочери и младшему сыну понадобятся деньги и земли. Тебе придется употребить свое влияние, чтобы мои сыновья, войдя в Сенат, смогли добраться до консульских кресел. Я хочу, чтобы консулами стали оба. Секст на год старше моего племянника, поэтому он первым достигнет возраста, необходимого для консульского поста. Я хотел бы, чтобы он занял курульное кресло в сорок два года — через двенадцать лет после вступления в Сенат. Он станет первым консулом из рода Юлиев за последние четыреста лет. Я хочу этого! Иначе первым может стать мой племянник Луций...

Цезарь вдруг умолк, глядя на плохо освещенное лицо Мария. Сделав успокаивающий жест, заговорил более спокойным тоном:

— Между мною и братом никогда не было неприязни, нет ее у меня и к его сыновьям. Но консулом следует становиться, как только приходит твое время.

— Твой брат когда-то отдал своего сына на усыновление, не так ли?

— Да. Много лет назад. Его имя тоже Секст — это наше родовое имя.

— Конечно! Квинт Лутаций Катул! Как я мог забыть, что он часто употребляет имя Цезаря как часть своего... Он-то и будет первым из Цезарей, кто достигнет консульского поста, ведь он намного старше остальных.

— Нет! — Цезарь встряхнул головой. — Он больше не принадлежит к роду Цезарей. Он всего лишь Лутаций Катул.

— Сдается мне, старый Катул хорошо заплатил за приемного сына. Семья твоего брата недурно поправила свои дела.

— Да, плата была большой... Не меньше, чем заплатишь ты за новую жену... Так кого же ты все-таки решил взять, Гай Марий?

— Юлию. Я возьму Юлию.

— Не младшую? — В голосе Цезаря зазвучали нотки удивления. — Конечно, я очень рад... Поскольку я не мог бы позволить ни одной из дочерей вступить в брак раньше восемнадцати, а Юлилле еще и семнадцати нет. Думаю, ты принял верное решение. Хотя... мне всегда казалось, что Юлилла более привлекательна, чем Юлия.

— Ты ее отец, ты смотришь совсем другими глазами. Нет, Гай Юлий, твоя младшая дочь не затронула моего сердца. Ей лучше бы по уши втрескаться в того, кто станет ее мужем. Другим она начнет вертеть по своему усмотрению, заставит плясать под свою дудку. А я слишком стар для капризной девочки. Юлия, сдается мне, столь же разумна, сколь и хороша собой. В Юлии мне все по душе.

— Она будет превосходной супружкой консула.

— А ты и вправду считаешь, что я могу стать консулом?

Цезарь кивнул:

— Конечно. Не сразу, разумеется. Сначала ты женишься на Юлии. Со временем все привыкнут к твоему новому статусу, поуспокоятся, пересуды смолкнут. Попробуй найти для себя какое-нибудь ратное дело. Военные успехи пойдут тебе на пользу. Приступи к кому-нибудь высшим легатом. А потом начни пробиваться в консулы.

— Но тогда мне будет уже пятьдесят. Избиратели не склонны отдавать голоса за старых развалин.

— Ты уже и так немолод. Еще два-три года дела не испортят. Напротив — они могут сослужить тебе хорошую службу, если ты сумеешь воспользоваться возможностями. Кроме того, ты выглядишь куда моложе своих лет, Гай Марий, а это немаловажно. Ты — воплощение здоровья и силы. Человек такого роста и сложения всегда производит сильное впечатление на выборщиков. То, что ты из «новых людей», вообще не играло бы роли, не навлеки ты на себя гнев Цецилиев Метеллов. Ты мог бы стать консулом уже три года назад, в свой срок. А вот неприметному и худосочному человечку, слабосильному уродцу не поможет и имя Юлиев... Так что консулом ты будешь, не сомневайся.

— Чего ты хочешь для своих сыновей?

— В смысле — какую собственность?

— Да.

Марий, позабыв о тонкости хиосского шелка, неосмотрительно опустился на скамью из белого неполированного мрамора. Скамья была влажной, и, когда Марий поднялся, на ней осталось неровное бледно-пурпурное пятно. Краска сошла с материи и впиталась в пористый камень. Одно-два поколения спустя эта скамья стала одним из наиболее любимых и ценных предметов обстановки для другого Гая Юлия Цезаря — потомка нынешнего. Для того же Цезаря, который предлагал сейчас Гаю Марию сделку, эта скамья сделалась символом чуда и надежды. Когда один из рабов рассказал ему о появлении странного пятна и Цезарь лично осмотрел его (раб был исполнен скорее благоговения, нежели страха, — каждый знал, что означает царственный пурпур), он удовлетворенно вздохнул: это пятно как бы подтвердило, что через выгодный брак семья достигнет высот власти. Его охватило радостное предчувствие. Да, Гай Марий сыграет в истории Рима такую роль, о которой сам Рим еще и не догадывается. Цезарь приказал перенести скамью из сада в atrий, но никогда и никому не проговорился, как именно это пурпурное пятно на ней появилось.

— Для Гая я хотел бы получить хорошие земельные угодья, чтобы они обеспечили ему место в Сенате. Для этого потребуется приблизительно шестьсот югеров земли, готовой для продажи, — дополнительно к моим пятистам в Альбанских холмах.

— Цена?

— Чудовищна. Зависит от качества земель и близости к Риму. В Риме — ужасная дороговизна, спрос превышает предложение... Четыре миллиона сестерциев... миллион денариев, — отважился вымолвить Цезарь.

— Согласен. — Марий оставался спокоен, как будто речь шла всего лишь о тысячах. — Надеюсь, сделка останется между нами?

— Естественно! — поспешил согласиться Цезарь.

— Деньги принесу завтра. Лично. Еще?

— Думаю, когда мой Секст войдет в Сенат, ты будешь уже консулом. У тебя будет достаточно политического влияния — благодаря женитьбе на Юлии. Надеюсь, ты поможешь моим сыновьям продвигаться по пути чести. Если же ты согласишься в ближайшие два-три года стать легатом, то возьми с собой моих сыновей. Они не неопытные юнцы, они уже стали младшими офицерами, но им необходимо пройти через настоящие воинские испытания, чтобы закрепить начало карьеры. Никто не сможет обучить их лучше тебя.

Марий не считал, что оба молодых человека смогут когда-либо вырасти в крупных военачальников; однако это не значит, что они не смогут стать неплохими офицерами. Поэтому Марий заверил Цезаря, что готов с этим помочь.

Гай Юлий продолжал:

— Что касается их политической карьеры, то здесь имеется одно маленькое неудобство: они — патриции. Поэтому, как тебе известно, они не имеют права претендовать на пост плебейского трибуна, хотя это был бы наиболее простой и эффективный способ начать политическую карьеру. Им остается одно: стать курульными эдилами. Это требует больших расходов. Я хотел бы верить, что ты поможешь и Сексту, и Гаю занять эти места. Игры и зрелища, которые проложат им путь к этим креслам, должны быть так пышны и роскошны, что люди вспомнят о них и тогда, когда мои сыновья будут баллотироваться в преторы. И если придется подкупать голоса, ты не станешь скучиться.

— Согласен. — И Гай Марий с готовностью протянул руки для пожатия, скрепляющего сделку, которая обойдется ему по меньшей мере в десять миллионов сестерциев.

Гай Юлий Цезарь горячо потряс его руку. Он был доволен. Они наконец вернулись в дом, где Цезарь отправил сонного слугу за старым солдатским плащом гостя.

— Когда я смогу увидеть Юлию и поговорить с нею? — спросил Марий.

— Завтра в полдень, — ответил Цезарь, сам открывая входную дверь. — Спокойной ночи, Гай Марий.

— Спокойной ночи, Гай Юлий.

И Марий вышел на улицу, где сразу попал под бешеные порывы северного ветра. Однако он не ощущал ненастя. Ему было теплее, чем обычно. Неужели предчувствия вот-вот обратятся в реальность? Стать консулом! Вступить в священный круг римского нобилитета! Если это удастся, то единственное, чего еще можно желать, — это сына. Второго Гая Мария.

Обе Юлии собирались в маленькой гостиной, где обычно завтракали. Юлилла была необычайно оживлена и никак не могла уснуть спокойно.

— В чем дело? — удивленно обратилась к ней сестра.

— Да как тебе сказать... Сегодня такая необычная погода... и я хочу встретиться с Клодиллой в цветочной лавке — я ей обещала быть там! Однако мне кажется, что придется сегодня сидеть дома, — опять родители затеяли говорильню.

— Много ты понимаешь! Немногие девушки могут похвастаться тем, что им дают слово на семейном совете.

— Да ну, ерунда! Такая всегда скуча на этих советах... Ни о чем интересном не говорят — все о службе, возможностях, учебе... Бросить бы эту школу! До смерти надоел Гомер и зануднейший Фукидид. Неужели это требуется девушке?

— Они делают тебя образованной и культурной. Разве тебе не хочется получить хорошего мужа?

— Почему-то мои представления о супружеских обязанностях имеют мало общего с Гомером и Фукидидом. Я хочу уйти сегодня утром... — И от нетерпения младшая Юлия заплакала на месте.

— Ты прекрасно знаешь: захочешь — уйдешь. А пока сядь и поешь.

В дверях показалась тень. Девушки оглянулись и замерли. Отец! Здесь!

— Юлия, я хочу поговорить с тобой.

Цезарь вошел, даже не взглянув на Юлиллу — свою любимицу.

— Папочка! А утренний поцелуйчик? — подбежала к нему проказница.

Он ласково взглянул на нее, чмокнул в щеку и улыбнулся:

— Если у тебя есть сегодня какие-нибудь дела, моя бабочка, — лети!

Ее лицо озарилось радостью:

— Спасибо, папочка. Можно мне пойти в цветочную лавку, в портик Маргарита?

— И сколько жемчужин ты собираешься купить сегодня?

— Тысячу! — воскликнула Юлилла, бросаясь к отцу на шею.

Цезарь дал ей серебряный денарий, который она тут же скжала в ладони.

— На это, конечно, не купишь и самую маленькую из жемчужин, но зато вполне хватит на какой-нибудь шарфик.

— О, папочка! Спасибо, спасибо! — Юлилла поцеловала его в щеку и выбежала.

Цезарь повернулся, с нежностью посмотрел на старшую дочь.

— Садись, Юлия.

Она тут же опустилась на скамью, но отец молчал, пока не вошла Марсия и не села на скамью рядом с дочерью.

— Что случилось, Гай Юлий? — спросила она с любопытством.

Цезарь вновь взглянул на Юлию:

— Милая моя, тебе понравился Гай Марий?

— Да, отец.

— Чем?

Несколько мгновений Юлия размышляла.

— Речью — складной, но откровенной. Тем, что ничего из себя не строил. Он такой, каким всегда мне представлялся.

— Да ну?

— Да. Ходили слухи, будто он не говорит по-гречески, что он — неотесанный деревенщина, что его военные заслуги преувеличены по прихоти Сципиона Эмилиана. Мне всегда казалось, что люди слишком много говорят — и ты знаешь, с каким упорством и злостью, — об этом, чтобы убедить самих себя в правдивости этой лжи. Увидев его, я поняла, что была совершенно права. Я не считаю его невежей. Он умен и образован. Возможно, его греческий и нехорош, но виною тут скверный акцент. Нет, по-гречески он говорит почти так же хорошо, как на латыни. Что еще? Брови слишком густы... но это пустяк. Наряд безвкусный... но здесь, думаю, виновата его супруга.

Юлия неожиданно умолкла, смутившись.

— Юлия! Он действительно тебе понравился! — В голосе Цезаря прозвучала откровенная радость.

— Да... пожалуй.

— Рад это слышать, поскольку ты выходишь за него замуж, — выпалил Цезарь, утратив свои знаменитые дипломатические таланты.

Юлия побледнела.

— Я?

Марсия рядом с дочерью напряглась:

— Она?

— Да, — просто ответил отец, садясь.

— И когда же ты принял это решение? — Голос Марсии зазвенел от гнева. — Когда это он встречался с нашей Юлией, чтобы просить ее руки?

— Он и не просил ее руки. Это я предложил ему Юлию в жены. Сам. Или Юлиллу. На выбор. Поэтому и пригласил его на обед.

Марсия уставилась на Гая Юлия Цезаря так, будто сомневалась, в уме ли ее муж.

— Ты предложил «новому человеку», почти одного с тобой возраста, выбрать себе в жены одну из наших дочерей?

Марсия уже не пыталась скрыть своего гнева, но Цезарь оставался невозмутим.

— Да.

— Почему?

— Ты ведь прекрасно знаешь, кто он.

— Знаю.

— Значит, тебе должно быть известно, что Гай Марий — самый богатый человек в Риме.

— Да.

— Цыц, женщины! — посеръезнел Цезарь. — Вы обе знаете, что нас ждет. Четверо детей — и очень мало средств, чтобы обеспечить их будущее. Наши мальчики по праву рождения и по способностям могли бы подняться на вершину власти, наши девочки по праву рождения и красоте — выбрать себе лучших мужей в Риме. Но у нас нет для этого денег!

— Верно, — упавшим голосом подтвердила Марсия. Ее отец умер еще до того, как пришла пора выдавать ее замуж, и дети от первого брака обстряпали дело таким образом, что приданого Марсии почти не досталось. Гай Юлий Цезарь женился на ней по любви, и ее семья была рада этому союзу. Брак по любви был вознагражден счастьем, спокойствием, прекрасными детьми. Однако Марсия всегда чувствовала себя неловко из-за того, что Цезарь, женившись на ней, не получил никакой материальной поддержки.

— Гаю Марию нужна жена из старинного патрицианского рода. Он хотел быть избранным на пост консула еще три года назад, но не смог — из-за происков Цецилиев Метеллов. Он из «новых людей» — куда ему против Метеллов! А наша Юлия даст Марию силу, и Рим начнет считаться с ним. Наша Юлия повысит его авторитет. А Гай Марий, в свою очередь, поможет нам разрешить наши финансовые трудности.

— О Гай! — Глаза Марсии наполнились слезами.

— Отец... — только и выговорила Юлия.

Увидев, что гнев жены иссяк, а в глазах дочери засветилась радость, Цезарь немного успокоился.

— Я заметил его на церемонии посвящения. Стал наблюдать за ним. Забавно, прежде я никогда не обращал на него особого внимания — ни когда он был претором, ни потом, когда он безуспешно пытался стать консулом. Но в этот первый день нового года будто шоры упали с моих глаз. Я понял: вот — великий человек! Он нужен Риму, очень нужен. Когда мне пришла идея помочь себе, одновременно с тем помогая ему, — в точности не знаю. Однако в тот момент, когда мы вошли в храм и встали рядом, я уже знал, что мне делать. И пригласил его на обед.

— И рассказал ему о своем замысле?

— Да.

— И о наших трудностях?

— Да. Гай Марий, может, и не римлянин, но я считаю его человеком чести. Уверен, он выполнит обещание.

— А что же он обещал?

Практичность взяла свое, и Марсия уже что-то подсчитывала в уме.

— Сегодня он принесет четыре миллиона сестерциев, чтобы я купил земли в Бовиллах — рядом с нашими. Тогда Гаю обеспечено место в Сенате и не придется делить наследство — оно целиком достанется Сексту. Марий поможет нашим мальчикам стать курульными эдилами и будет опекать их, пока они не достигнут консульских постов. Мы еще не обсуждали детали, но он обещал также дать приданое Юлилле.

— А что он сделает для Юлии?

Цезарь посмотрел на жену непонимающе:

— Для Юлии? Что еще он может сделать, кроме как жениться на ней? Приданого у нее нет, но для него и так слишком большая удача — получить такую жену.

— Любая девушка должна иметь приданое, чтобы быть уверенной в том, что обладает некоторой экономической независимостью от мужа, особенно на случай развода. Иные глупые женщины отдают приданое мужу, а когда брак расторгается, то оказывается, что муж уже истратил их деньги... Я настаиваю на том, чтобы Гай Марий дал приданое и Юлии, чтобы она могла жить самостоятельно и не нуждаясь.

Тон Марсии не допускал возражений.

— Но, Марсия, я не могу просить его еще о чем-то!

— А придется! Удивляюсь, как ты сам не додумался до этого, Гай Юлий. — Теперь супруга смотрела укоризненно. — Вот уж не понимаю, откуда пошло заблуждение насчет того, что мужчины лучше ведут дела. Ведь мужчины ничего толком не могут! А ты, милый мой муж, самый простодушный из всех.

— Ты права, дорогая, — поник головой Цезарь. — Но я действительно не могу просить его еще и об этом!

Юлия посмотрела на мать, потом на отца и опять на мать. Не первый раз она видела их размолвки, особенно когда речь заходила о деньгах, но впервые главной темой их обсуждения стала она сама, и это ее смущало. Однако она набралась смелости и вмешалась в спор:

— Все это верно! Я сама попрошу Гая Мария о приданом для меня. Я не боюсь — он поймет.

— Юлия! Ты хочешь за него замуж?! — ахнула Марсия.

— Да, мама, хочу. Я нахожу, что он великолепен!

— Девочка моя, но он на тридцать лет старше тебя! Ты станешь вдовой раньше, чем думаешь.

— Молодые люди все ужасно скучны, они напоминают мне моих братьев. Лучше уж выйти за человека вроде Гая Мария. Я буду хорошо к нему относиться, он полюбит меня и никогда не пожалеет о расходах.

— Кто бы мог подумать... — покачал головой Цезарь.

— Чему ты удивляешься, папочка? Мне скоро восемнадцать! И могу тебе признаться: я очень боялась этого момента. Не самого замужества, конечно. Я очень беспокоилась о том, какой человек достанется мне в мужья. Когда вчера вечером я увидела Гая Мария, я... я тут же подумала: хорошо бы ты нашел мне мужа, подобного ему. — Юлия покраснела. — Он не такой, как ты, папочка. Но он... похож на тебя. Мне кажется, он умен, ласков и честен.

Гай Юлий Цезарь посмотрел на жену.

— Разве не редкость — открыть, что тебе нравится твой собственный ребенок? Любить свое дитя — это естественно. Но испытывать к нему самую настоящую симпатию? Это еще большее счастье!

Две встречи с женщинами за один день — такого испытания Гай Марий опасался гораздо больше, нежели столкновения с неприятельской армией, десятикратно превышающей по численности его собственную. Первая встреча должна была состояться с предполагаемой невестой и ее матерью, вторая — с законной супругой.

Благородумие и предусмотрительность заставили его искать встречи с Юлией до разговора с Ганиней, чтобы знать, как вести себя во время последнего выяснения отношений с нездачливой женой. Поэтому уже к восьми часам утра он постучался в дом Гая Юлия Цезаря. Одетый в обычную тогу с пурпурной каймой, он явился с чеком на миллион серебряных денариев. Если бы ему пришлось доставить деньги наличными, потребовался бы внушительный эскорта в сто шестьдесят человек, поскольку миллион денариев весил около десяти тысяч фунтов — или сто шестьдесят талантов. Больше таланта одному носильщику не поднять.

В кабинете Гая Юлия — табlinии — Гай Марий протянул хозяину маленький, свернутый в трубочку сверток пергамента:

— Я сделал все, как требовалось.

Цезарь развернул свиток и пробежал глазами несколько строк.

— Я договорился с банкирами о переводе на твоё имя двухсот талантов серебра. Мало кто сумеет докопаться, что деньги переведены лично мною, — банкиры умеют хранить тайны.

— Выглядит так, будто я взял взятку. Если бы я не считался слишком незначительным сенатором, кто-нибудь из банка мог бы сообщить об этом городскому претору.

— Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь получал столь крупный куш даже за поддержку будущего консула, — улыбнулся Гай Марий.

Цезарь взял Мария за руку:

— Боги, я просил тебя о земле! Скажи, я не разорил тебя?

— Вовсе нет, — Марий попытался освободить руку из судорожно сжатых пальцев Цезаря, но безуспешно. — Если земля стоит столько, сколько ты говорил, то останется еще сорок талантов на приданое для твоей младшей.

— Не знаю, как тебя благодарить. — Цезарь отпустил наконец руку Гая Мария. Он выглядел смущенным. — Я повторял себе, что не продаю свою dochь... не продаю! Но временами мне все-таки кажется, что... Поверь мне, Гай Марий: продать dochь я не смог бы. Я верю, что ее будущее и будущее ваших детей станут мне оправданием, а вам обоим — утешением. Надеюсь, ты сможешь оценить ее по достоинству. Она стоит того.

Голос Цезаря дрогнул. О какой еще сумме может идти теперь речь! Как ему осмелиться и намекнуть о приданом для самой Юлии? Цезарь встал из-за стола, сжимая в руке пергамент. Свиток он сунул в складки тоги, которая свободно ниспадала с правого плеча, образуя подобие кармана.

— Я не успокоюсь, пока не отнесу это в банк... — Он оборвал сам себя, а затем перевел разговор на другую тему. — Юлии

исполнится восемнадцать в начале мая, однако я не хотел бы откладывать свадьбу до середины июня. Так что, если ты согласишься, свадебную церемонию можно будет организовать уже в апреле.

— Так и сделаем.

— Да, думаю, это лучше всего. — Цезарь продолжал разговор исключительно для того, чтобы заглушить тоску, которая начала расти в его душе. — Очень неудобно, когда день рождения девушки приходится как раз на то время года, когда выходить замуж считается дурной приметой. Хотя не понимаю, почему период с поздней весны до середины июня называют несчастливым... — Цезарь наконец немного пришел в себя. — Жди здесь, Гай Марий. Сейчас я пришлю к тебе Юлию.

Настал черед Гая Мария волноваться. Встав в углу уютной комнаты, он ждал. Лишь бы не оттолкнула, лишь бы не выказала отвращения! Ничто в поведении Цезаря не указывало на возможное сопротивление Юлии, однако Марий знал: есть вещи, о которых продавец никогда не проболтается покупателю. Он и сам удивлялся тому, что жаждет взаимности. Хотя — как можно ждать взаимности от той, чьих кровей, красоты и юности он, конечно, не стоит? Сколько слез пролила она в подушки, узнав о предстоящем замужестве? Ведь она уже наверняка представляла себе молодого аристократа... Разве стареющий землевладелец из глубинки — подходящий муж для Юлии?

Дверь, ведущая из внутреннего дворика, широко распахнулась, солнце хлынуло в табlinий. Юлия стояла прямо в центре светящегося прямоугольника... и улыбалась.

— Гай Марий! — Радость вспыхнула в ее глазах.

— Юлия...

Он подошел, чтобы приветствовать ее, и протянул руку, но, когда ее ладонь легла ему на ладонь, замер, будто не зная, что делать с ней — и что вообще делать дальше.

— Твой отец уже рассказал тебе, Юлия?

— Да! — Улыбка не сходила с ее лица. Ни жеманства, ни притворного смущения.

— Ты не возражаешь? — поразился он.

— Я рада! — Чтобы уверить его окончательно, она слегка сжала его пальцы. — Гай Марий, Гай Марий, не смотри на меня так испуганно. Я действительно счастлива!

Он освободил левую руку из-под складок туни и накрыл ее руки, любуясь правильными овалами ногтей и нежным цветом ее пальцев.

— Но ведь я стариk!

— В таком случае я полюбила старика, потому что ты мне очень нравишься.

— Я? Тебе?

Она сверкнула глазами:

— Конечно! Иначе я бы не согласилась. Мой отец не тиран. Все, на что ты мог рассчитывать, это что я сама захочу выйти за тебя замуж. Отец не стал бы принуждать меня.

— А ты уверена, что сама себя не принуждаешь?

— В этом нет необходимости.

— Наверняка имеется какой-нибудь молодой человек, который тебе по душе...

— Ни одного! Молодые люди слишком похожи на моих братьев.

— Но... но... — Марий напряженно искал возражений, которые могли бы подействовать. — Мои брови!

— Они великолепны!

Он вдруг покраснел, теряя остатки самообладания. В конце концов Марий понял, что Юлия, несмотря на свою выдержанку, все еще ребенок — она не понимает его сомнений.

— Твой отец сказал, что мы можем пожениться в апреле, перед твоим днем рождения. Ты согласна?

— Не возражаю. Но мне бы хотелось перенести день нашей свадьбы на март — если вы оба согласитесь. На день празднования в честь Анны Перенны.

Праздник, выпадающий на первое полнолуние марта, был связан с луной, со старым Новым годом. Сам день относился к числу счастливых, но следующий за ним сулил беды.

— Ты не боишься злых духов, которые будут править первым днем твоего замужества?

— Нет. Наша свадьба будет нести только добрые предзнаменования. — Взяв Мария под руку, Юлия лукаво взглянула на него. — Нас оставили ненадолго. Давай проясним еще один маленький вопрос, пока мать не пришла. Это вопрос о моем приданом...

Ее улыбка внезапно погасла, глаза стали серьезны.

— Не думаю, что наши отношения сложатся несчастливо, — ничто не внушиает мне сомнений в твоей порядочности. Такую же честность ты найдешь и во мне. Пока мы сможем уважать друг друга, мы будем счастливы. Однако моя мать — крепкий орешек во всем, что касается ее детей, а мой отец всегда так или иначе с нею соглашается. Мама считает, что мне следует иметь хоть какое-то приданое на случай развода. Мой отец и без того уже слишком ошеломлен твоей щедростью — он никогда не отважится побеспокоить тебя еще одной просьбой. Я решила поговорить с тобой сама до маминого прихода, чтобы она не наговорила лишнего.

Во взгляде Юлии не было ни алчности, ни мольбы. Лишь ожидание.

— Можно ли отложить на мое имя некую сумму, чтобы успокоить маму? Не думаю, что нам когда-нибудь будет грозить развод. Но если мы все-таки разведемся, эти деньги станут моими.

Она оказалась прекрасным законником — истинная римлянка! Все фразы подобраны очень точно, кристально ясны и дипломатично мягки — насколько это возможно.

— Думаю, это вполне сгодится! — улыбнулся он.

— Можешь быть уверен: пока мы женаты, я не потрачу ни сестерции. Ты убедишься в моей честности.

— Делай как хочешь, но сдерживать себя ни к чему. Я дам тебе сколько потребуется. Пользуйся на здоровье — я буду только рад.

Юлия сдержала смешок:

— Тебе повезло, что ты выбрал меня, а не Юпиллу. — Она подняла лицо, глядя ему в глаза: — Ты не хочешь поцеловать меня, пока мама еще не пришла?

Рассуждения о приданом не так смутили его, как это предложение. Он почувствовал, насколько это важно — не разочаровать девушку, не сделать ничего такого, что оттолкнуло бы ее. А что он знал о поцелуях, об искусстве любви? Ему всегда было наплевать, что подумают случайные подруги о его поцелуях и ласках. Знать бы, чего может ожидать девушка от первой близости с мужчиной! Сжать ее гибкое тело в объятиях и поцеловать страстно, горячо, будто припадая пересохшим губами к прохладному источнику? Или же лучше лишь слегка коснуться губ? Страсть или сдержанность выбрать, когда ставкой является будущее? Чего она ждет, загадочная Юлия? Чего хочет? Все, что он знает, — это то, что ей следует угодить.

Он приблизился и, не отпуская ее рук, слегка наклонил голову. Губы ее были плотно сжаты, прохладные, мягкие и нежные, как шелк. Взглянув на них, Гай Марий закрыл глаза и отдался на волю судьбы. И оказалось, именно этого она и хотела и ждала. Цезарь и Марсия воспитывали дочерей без особых строгостей, но всегда под надежным присмотром, отчего они приобрели

стремление к изяществу и утонченности, но оказались почти совершенно несведущими в некоторых вопросах.

Гай Марий, поцеловав невесту, готов был отпрянуть, но она тут же обняла его, прижавшись всем телом в ожидании новых ощущений. Юлия слегка приоткрыла губы. Марий обнял ее свободной рукой за талию, почти потеряв голову. Плотная тога мешала еще большей близости — а они оба уже хотели этого. И, может быть, на счастье, именно в этот момент вошла Марсия.

Вошла она бесшумно, но застала уже лишь объятия — и его губы возле ее щеки.

Никто из них не смущился. Гай Марий и Юлия спокойно отошли друг от друга и посмотрели на Марсию. Та выглядела, как показалось Марии, рассерженной. Род Марсии был не столь древним, как род Цезаря, — отсюда высокомерие. Гай Марий не ошибся, уловив на ее лице тени недовольства. Как же! Ее Юлию отдают неровне, провинциальному деревенщине, пусть даже очень богатому. Однако Марий был слишком счастлив и потому попытался смягчить недовольство будущей тещи, которая все-таки на пару лет была моложе его самого. Конечно, по-своему она права: Юлия заслуживает более достойной пары, чем он, с его происхождением, возрастом, репутацией. Однако он вовсе не собирается уступать кому-нибудь свое сокровище! Нет, скорее он постараится доказать ее матери, что Юлия сделала не худший выбор.

— Я спросила Гая Мария о приданом, мамочка... Мы все уладили, — проговорила Юлия спокойно.

Марсия почувствовала неловкость:

— Прости, Гай Марий. Это затея моя, а не дочери или мужа.

— Понимаю, — склонил голову Марий.

— Ты оказался очень щедр. Благодарю тебя, Гай Марий.

— Что ты, Марсия! Это вы оба были невероятно щедры. Юлия — настоящее сокровище.

Настроение, охватившее Гая Мария в доме Цезаря, не покидало его. Выйдя из их дома, он направился к лестнице Весталок, где повернул направо и, обойдя небольшой круглый храм Весты, пошел по узкому проходу между Регией и домом Великого Понтифика. Проход вывел его на Священную улицу, от которой вверх уходила уличка.

Марий быстро поднялся по ней, торопясь лопасть в портик Маргарита, пока торговцы не закрыли еще свои лавки. Большое здание с открытой колоннадой, обрамляющей центральный квадрат, было занято купцами, торговавшими жемчугом, — отсюда и название. После войны с Ганнибалом в Риме был издан закон, по которому женщинам запрещалось носить много драгоценностей, и в результате им пришлось украшать себя безделушками попроще.

Марий хотел купить для Юлии жемчужину. Он в точности знал, где можно выбрать достойный подарок — у Фабриция Маргарита. Прозвание это он носил не случайно. Дед его, Марк Фабриций, считался основателем жемчужной торговли. Он открыл лавку, полную перлов — речных и морских. Сначала жемчуг здесь был и мелок, и темноват. Однако с течением времени Марк Фабриций наладил связи с Египтом и Арабской Набатией, откуда стали доставлять жемчужины океанские. Первые поставки не отличались ни количеством, ни регулярностью; зато теперь здесь появился настоящий товар — кремово-белый, матовый. Дело ширилось. Постепенно Марк Фабриций открыл для себя моря вокруг Индии и остров Тапробан. Тогда же к имени удачливого торговца пристало прозвище Маргарит. Он сделался монополистом. Теперь, во дни консульства Марка Минуция Руфа и Спурния Постумия Альбина, внук первого Фабриция, тоже Марк Фабриций Маргарит, сумел поставить дело так, что богатый человек смело шел за жемчугом прямо к нему.

Конечно, нашлось в его лавке кое-что и для Гая Мария. Но тот не стал забирать покупку с собой — решил заказать золотое колье с жемчужинами. Ювелириу потребуется несколько дней... Новизна этого желания — одарить женщину — захватила все его существо, и без того уже взбудораженное поцелуем и согласием Юлии. Гай Марий не слишком разбирался в женщинах, но прекрасно понимал: Юлия не из тех, кто готов раздирать поцелуи направо и налево. Сама мысль о том, что ему отдает свое сердце такое чистое, юное, благородное существо, переполняла старого вояжу благодарностью и желанием задарить ее в ответ самым дорогим и прекрасным, что только найдется в этом мире. Она — бесценный перл, и поэтому следует подарить ей наилучший жемчуг, слезы тропической луны, упавшие в самый глубокий из океанов. Марий должен найти для нее индийский алмаз — большой, с земляной орех, и несокрушимый... и удивительные зеленые смарагды с голубыми искрами в глубине — такие привозят из Северной Скифии... и сверкающие, красные, как кровь, карбункулы...

Грания, конечно, была дома. А где же еще? Каждый день она терпеливо ждет, придет ли муж к обеду или к ужину. Но если муж не торопится, трапеза начинается в урочный час. Грания сама расправляетя с дорогими и изысканными кушаниями, хотя в одиночку это бывало нелегко, и нередко приходилось потом послать слуг за ровтным...

Кулинарные шедевры домашнего повара Гай Марий мог оценить довольно редко — он вообще нечасто обедал дома. Зато Грания воздавала им должное с восторгом, неведомым самому Эпикуру. Если же Марий оставался дома, то почти с отвращением взирал на всю эту роскошь. Как большинство военных, он предпочитал изрядный ломоть хлеба и такой же кусок мяса. А мог и вовсе пропустить обед. Еда лишь питала тело, но удовольствия не приносила. И если после стольких лет их совместной жизни Грания так и не поняла привычек супруга, то это лишний раз говорило о той пропасти, что легла между ними.

То, что должно было сейчас произойти, волновало Мария, хоть он и не испытывал привязанности к своей жене. В их отношениях он всегда винил себя, поскольку знал, что она ждала от замужества мирной размеренной жизни, возни с детьми и разносолами. Ее удовлетворило бы прозябанье в Арпине — с поездками в Путеолы да еще, возможно, на неделю в Рим, изредка. Но с самой первой ночи в супружеской постели Марием овладела такая скука, что он уже не смог заставить себя относиться к жене с симпатией. А ведь она не была уродиной, скорее наоборот. Круглое румяное лицо казалось порой даже красивым, особенно широко раскрытые огромные глаза и маленькие пухлые губы. Ни груба, ни сварлива она не была. Постоянно старалась доставить ему удовольствие, услужить. Дело было совсем в другом: Грания не смогла бы угодить ему, даже если бы она наполняла его кубок возбуждающими напитками или искусно танцевала похотливые танцы.

Особенно удручала Гая Мария то, что, несмотря на все попытки, Грания так и не смогла выяснить, почему муж избегает ее. Он и сам не знал, почему так происходит, — как же мог объяснить ей? Настоящая мука!

Первые пятнадцать лет она еще старалась сохранять фигуру, которая от природы была недурна: полная грудь, узкая талия, широкие бедра. Она сушила волосы на солнце, чтобы добавить в их темноту немного рыжины. Ее теплые карие глаза всегда были подведены стибиумом, следила она и за чистотой тела.

Этим зимним вечером слуга, сам того не зная, отворил дверь новому Гаю Марии — человеку, который наконец нашел ту женщину, какая ему нужна. Мысленно Гай Марий невольно сравнивал Гранию и Юлию. Разительный контраст! Грания — скучная, необразованная, слишком приземленная — могла быть подходящей женой для какого-нибудь землевладельца из глубинки. Юлия — аристократка, умная, красивая, мыслящая — являла собою идеальную консультскую супругу. Подыскивая Марию пару, родители думали, что сын пойдет по их стопам; выбор был сделан исходя из этих соображений. Однако Гай Марий оказался птицей высокого полета — и улетел из Арпина. Любитель приключений, честолюбивый, образованный, солдат до мозга костей, он быстро выдвинулся, пошел на повышение... а теперь может пойти и еще дальше — после союза с Цезарем. Юлия, только Юлия ему под стать. Он давно мечтал о такой.

— Грания, — позвал он, сбрасывая тогу на пол, выполненный цветной мозаикой, и топча дорогую ткань, не в силах дождаться, пока слуга выдернет ее из-под грязных сапог своего господина.

— Да, дорогой. — Грания тотчас прибежала на его зов из своих покоев. Лицо еще не разгладилось после сна — на нем отпечатались складки подушки. Она уже давно перестала обращать внимание на свой внешний вид, скрашивая постоянное одиночество сладостями и засахаренными фигами.

— Пойдем в табlinий.

Она быстро привела себя в порядок и поспешила за ним.

— Закрой дверь.

Марий уселся на свое любимое кресло у большого стола со столешницей из полированного малахита, обрамленного кованым золотом, предоставив ей место напротив, где обычно сидели его клиенты.

— Слушаю, дорогой.

В ее голосе не было страха. Он не бывал к ней жесток — лишь равнодушен.

Он нахмурился, крутя в руках миниатюрные счеты из слоновой кости. Грация любила его руки, нежные и сильные, с длинными пальцами и широкими ладонями, — он так хорошо умел владеть ими... Склонив голову, она смотрела на Гая Мария, странного человека, который вот уже почти двадцать пять лет был ее мужем. Он по-прежнему красив, решила она уже в который раз. Любит ли она его? Как знать... Через столько лет брака она наконец поняла, что он так и остался для нее загадкой. Гнев, ненависть, печаль, жалость к себе — слишком много чувств смешалось в ее душе, туманя рассудок. Уже забылось нечто мучившее когда-то — ей уже сорок пять, менструации прекратились, она никогда не сможет родить... Последнее время она даже стала возносить молитвы к Вейовису, богу подземного мира, сумерек и разочарования.

Марий приготовился говорить, его губы слегка приоткрылись, и стала видна их природная чувственная полнота — обычно он делал усилие, придавая рту жесткую линию. Грация слегка наклонилась вперед.

— Я даю тебе развод, — сказал Гай Марий и достал пергаментный свиток, где записал сегодня утром свое решение.

— Я ничего не сделала, чтобы заслужить его, — тихо сказала она.

— Я не согласен.

— Почему? Что я сделала?

— Ты не была и не стала для меня подходящей женой.

— Тебе потребовалось двадцать пять лет, чтобы понять это?

— Нет. Я знал это с самого начала.

— Почему же тогда ты не развелся со мной?

— До сих пор это не имело значения.

Оскорбление за оскорблением, унижение за унижением! Пергамент задрожал в ее руках, она отбросила его и сжала кулаки.

— Что же, теперь все ясно! Тебе никогда не было до меня дела. Даже развестись со мной ты считал ниже своего достоинства... Что же изменилось?

— Я хочу жениться.

Она почти закричала:

— Ты?!

— Да, я. Я собираюсь взять в жены дочь сенатора из очень древнего патрицианского рода.

— Боги! Марий! Ты, презирающий всех этих зазнак?..

— Да нет же! — Он тоже вышел из себя, подстегиваемый чувством вины. — Просто потом я смогу стать консулом.

Гламя негодования погасло в ее глазах, задумтое холодным ветром логики. Что тут можно возразить? Разве можно проклясть за это? Жизнь есть жизнь... Он не раз обсуждал с Грацией свои планы, но ни разу не говорил с нею об изнанке политики. Она жаждала поддержать его, готова была ради него на все. Но что она могла, Грация из Путеол? Если Марий был из семьи провинциального землевладельца, то она всего лишь дочь купца из Кампании, низкорожденная из низкорожденных — в глазах римской знати. До недавнего времени ее семья даже не имела римского гражданства.

Он пощадил ее — ничего больше не сказал, ничем не выдал своего волнения, даже не намекнул ей о том, что в его спящем сердце зарождается любовь. Пусть думает, что этот брак вызван политической целесообразностью.

— Мне очень жаль, Грация, — тихо проговорил он.

— Мне тоже, мне тоже. — Она снова задрожала при мысли о том, что отныне станет разведенной. Ее ждало новое одиночество, еще более невыносимое, чем то, к которому она привыкла. Жизнь без Гая Мария.

— Если тебя это утешит, то скажу, что брак был мне предложен — я не искал его.

— Кто она?

— Старшая дочь Гая Юлия Цезаря.

— А, Юлия... Ты высоко метишь. Я знаю ее, она хороша... Ты непременно станешь консулом!

— Я тоже так думаю.

Марий вертел свое любимое красное перо, разглядывая маленькую пурпурную бутылочку с промокательным песком и чернильницу из полированного аметиста.

— Ты, конечно, заберешь свое приданое — этого более чем достаточно для спокойной жизни. Ты никогда не трогала этих денег. Я смог поместить их в выгодное предприятие, и теперь сумма значительно возросла. — Гай Марий прокашлялся. — Мне кажется, тебе лучше жить поближе к семье. Переберись в дом брата, теперь, после смерти вашего отца, он глава семейства.

— А ты не дал мне даже возможности иметь детей! Как я хочу ребенка!

— Будь я проклят, но я рад, что так случилось. Наш сын стал бы моим наследником, и тогда женитьба не принесла бы желаемого результата. — Он чувствовал, что никогда не сможет сказать Грации всю правду. — Будь же благородна! Если бы у нас были дети, они были бы уже взрослыми и жили собственной жизнью. Тебе бы это не помогло.

— По крайней мере, меня радовали бы внуки. — Слезы текли из ее глаз. — Я не хочу оставаться совсем одна!

— Я не раз говорил тебе — заведи собачку. — Гай Марий и не думал ее обидеть, лишь давал совет. Немного поразмыслив, он добавил: — Кроме того, ты можешь снова выйти замуж.

— Никогда.

Он пожал плечами:

— Дело твое. Все необходимое ты получишь. Я куплю тебе небольшую виллу в Кумах. Кумы недалеко от Путеол, ты часто сможешь навещать своих родственников и забудешь об одиночестве.

Надежды не оставалось.

— Благодарю тебя, Гай Марий.

— Не благодари! — Он поднялся и обошел вокруг стола, чтобы помочь ей встать, поддержав за локоть. — Скажи управляемому о предстоящих переменах... Подумай, кого из рабов ты возьмешь с собой. Я же пошлю кого-нибудь присмотреть приличную виллу в Кумах. Я куплю ее на свое имя, но никогда не стану вмешиваться в твои дела, пока ты жива и не вышла замуж... Хорошо, хорошо! Я знаю, что ты хочешь мне сказать, — что ты никогда не выйдешь больше замуж. Однако любители легкой добычи наверняка слетятся к твоему дому, как мухи на мед. Ты ведь еще очень ничего...

Гай Марий довел Грацию до ее покоев и немного задержал в дверях.

— Надеюсь, ты уедешь отсюда послезавтра, не позднее... Может прийти Юлия, чтобы осмотреть дом перед тем, как переехать сюда окончательно. Свадьба состоится недель через восемь, у меня слишком мало времени, чтобы успеть кое-что переделать в доме по ее вкусу. Мне надо торопиться. Но не могу же я пригласить ее, пока ты здесь.

Она подняла глаза, чтобы спросить его — хоть о чем-нибудь! о чем угодно! — но он уже повернулся к ней спиной и

удалялся четкой поступью воина.

— К обеду не жди, — бросил он через плечо. — Мне необходимо встретиться с Публием Рутилием Руфом. Едва ли вернусь рано. Ложись без меня.

Что ж, вот это и произошло. Ее совсем не огорчало то, что она должна будет уехать из этого огромного дома. Она всегда ненавидела и дом этот, и весь этот беспорядочный город. Зачем было обосновываться на сыром и мрачном северном склоне Капитолия — всегда было для нее неразрешимой загадкой, хотя она и знала, что эта часть города считается наиболее престижной. Но ведь здесь почти не было соседей, которым можно было бы нанести визит! Вокруг жили в основном богатые купцы, которые не интересовались ничем, кроме своих сделок.

Грания кивком подозвала слугу, стоявшего у дверей в ее покой.

— Приведи ко мне управляющего.

Явился управляющий — величественный грек из Коринфа, которому удалось получить образование. Он продал себя в рабство в надежде скопить состояние и в конце концов получить римское гражданство.

— Строфант, хозяин разводится со мной, — произнесла госпожа спокойно, не испытывая при этом никакого стыда. — Я должна буду уйти отсюда послезавтра утром. Проследи, чтобы упаковали мои вещи.

Он поклонился, не подав вида, что крайне изумлен. Это был брак, который, как он полагал, разрушит только смерть. В доме царило мумифицированное безразличие. И никаких баталий, обычно предшествующих разводу.

— Кого ты намерена взять с собой, госпожа? — спросил он, уверенный, что останется в этом доме, ибо был собственностью Гая Мария, а не Грании.

— Повара, конечно. Всех слуг по кухне, иначе ведь мой бедный повар будет страдать, не так ли? Моих служанок, мою белошвейку, парикмахера, моих банных рабынь, — перечисляя она, пытаясь разом упомянуть всех, от кого она зависела и кого любила.

— Конечно, госпожа. — И он сразу ушел, умирая от желания поскорее сообщить потрясающую новость слугам — и в особенности повару. Этому самодовольному повелителю кастрюль и распорядителю сковородок ух как не понравится переезд из Рима в Путеолы!

Грания медленно вошла в свою гостиную, посмотрела на этот уютный беспорядок, на свои рисунки, на рабочую коробку, на обитый гвоздиками сундук, в котором хранилось детское приданое, собранное с такой надеждой, но так и не использованное.

Поскольку жена римлянина не покупала мебель, Гай Марий ничего ей не отдаст. Глаза ее заблестели, но слезы так и не потекли по щекам. Ведь у нее оставался только один день, ее последний день в Риме, а Кумы был не такой уж большой город, и магазинов там было совсем мало. Завтра она отправится за мебелью для нового дома! Как приятно будет выбирать и покупать все, что приглянется! Завтрашний день будет занят, думать и горевать некогда. Острая боль сразу куда-то исчезла. Предстоящую ночь она переживет. Теперь стоит поразмыслить над тем, что купить завтра.

— Беренис! — позвала она и, когда девушка появилась, приказала: — Обедать я буду сейчас. Скажи там на кухне.

Среди беспорядка на своем рабочем столе она нашла лист, на котором она составит список предстоящих покупок. Только сначала поест. Что-то еще он сказал... Ах да, маленькая собачка. Завтра она купит маленькую собачку. Это будет первым пунктом ее списка.

Радостное возбуждение длилось на протяжении всего обеда. А потом вдруг она сразу провалилась в безысходное горе. Схватила себя за волосы, изо всех сил стала дергать их, заплакала, заголосила, слезы хлынули ручьем. Слуги разбежались, оставив госпожу в одиночестве — выть, уткнувшись лицом в затканный золотом пурпурный гобелен, покрывающий ее обеденное ложе.

— Послушайте-ка ее! — горько промолвил повар, прерывая свою работу по упаковке кастрюль, горшков и прочей кухонной утвари. Рыдания хозяйки доносились даже до кухни. — Ей-то о чем плакать? Это я уезжаю в ссылку, а она в ссылке уже много лет, жирная, глупая, старая свинья!

* * *

Управлять провинцией Африка выпало Спуранию Постумию Альбину. Весь новогодний день он не мог определиться, под чьи же знамена ему встать. В итоге выбрал Массиву-царевича.

У Спурия Постумия Альбина был брат Авл. Он был моложе на десять лет и в десять раз был энергичнее, поскольку в Сенате являлся новичком и активно делал себе имя. Поскольку Спурий Альбин покровительствовал Массиве, своему новому клиенту, то Авл Альбин должен был показать Массиве все достопримечательности Рима, представляя его знатным римлянам, и советовать ему, кому и что необходимо послать в дар, чтобы быть принятым в домах. Как и большинство отпрысков царского дома Нумидии, Массива был хорошо сложен и весьма привлекателен; незаурядным умом, умением расположить к себе Массива многим пришелся по вкусу. Главным для него было не утвердить законность своих притязаний на трон, а скорее попытаться перетянуть римлян на свою сторону. Официальное мнение Рима складывалось и из противоборства соперников в Сенате, и из тайныхговоров, и из личных мнений.

В конце первой недели года Авл Альбин формально представил Массиву в Доме. Авл Альбин сказал свою первую речь, и речь его была хороша. Сам Цецилий Метелл слушал ее внимательно и в конце даже похлопал. А Марк Эмилий Скавр от лица Массивы поддержал прошение — во имя защиты справедливости покончить наконец с нумидийским вопросом, а заодно и с полукровкой-узурпатором, который взошел на трон, не брезгуя убийствами и взятками. Собрание разошлось, а Сенат к тому времени неспешно утвердился в решении: царя-самозванца низложить, а на трон посадить «этого очаровательного царевича».

— Мы попали в кипяток по самую шею, — сказал Бомилькар Югурте. — Меня целую неделю никуда не приглашают обедать. А наших агентов никто не слушает. Нам нужно выбираться отсюда.

— Когда Сенат будет голосовать? — спросил Югурта спокойным и ровным голосом.

— За четырнадцать дней до февральских календ, то есть через неделю, царь.

Югурта ухватил Бомилькара за грудки:

— И они решились изгнать меня?

— Да, царь.

— В таком случае бессмысленно поступать, как поступают римляне!

Югурта на глазах вдруг увеличился в размерах. Величие его проступило во всей полноте. До того свои истинные чувства он умело прятал под кожу.

— С этой секунды я буду действовать так, как привык в Нумидии!

Дождь закончился, небо расчистилось, и над их головами засветило маленькое зимнее солнце. Как хотел бы Югурта подставить сейчас лицо под теплый ветер своей родины, погрузиться в нежный покой своего гарема! Он устал без выжженных солнцем нумидийских равнин. Пора возвращаться! Самое время вернуться, чтобы собрать и привести в боевую готовность армию. Римляне все равно не отстанут.

Он прошелся вдоль колоннады, опоясывающей огромный перистиль, затем увлек за собой Бомилькара к фонтану, звучно разбрасывающему струи:

— Ни одна живая душа не должна нас услышать.

Бомилькар слушал с напряженным вниманием.

— Массива должен уйти из мира живых.

— Здесь? В Риме?

— Да. В ближайшие семь дней. Если Массива доживет до собрания, я ничего не успею. Но если не доживет...

— Я сам убью его в таком случае, — заявил Бомилькар решительно.

— Нет, нет. Убийца должен быть из римлян, — решительно возразил Югурта. — Твоя забота — отыскать такого убийцу.

— Но, мой царь, я не знаю и не понимаю этой страны, — признался Бомилькар. — Как я найду нужного человека? Здесь никому невозможно верить.

— Попроси своих агентов. Наверняка найдется хоть один, кому ты веришь.

Бомилькар задумался на мгновение, дернул себя за короткую бородку.

— Агеласт, — произнес он. — Марк Сервилий Агеласт. Человек, который никогда не улыбается. Его отец — римлянин, и сам он родился здесь, но в груди его бьется сердце матери-нунидийки. Он поможет нам.

— Иди и сделай, — молвил Югурта совершенно по-римски и ушел в глубину сада.

— Здесь? В Риме? — озадаченно переспросил Агеласт.

— И быстро. Не позднее чем через неделю. Как только Сенат проголосует за Массиву, в Нунидии начнется гражданская война. Югурте не позволят уехать, ты же понимаешь. Даже если он захочет, гетулы не допустят этого...

— Что за странная идея — искать в Риме наемного убийцу?

— Это твоя забота, дружок, — сказал царский вельможа. — Не найдешь — сделай это сам.

— Я не смогу, — буркнул Агеласт.

— Да что ты говоришь! В таком большом городе обязательно найдется человек, способный убить за хорошее вознаграждение.

— Конечно, это так. Например, половина здешних бедняков. Но я не вхож в их общество. Я не умею с ними общаться. Не могу же я подойти к первому попавшемуся оборванцу, познанть у него под носом золотом и попросить прирезать нунидийского царевича.

— Почему?

— Потому что ему куда проще выдать меня городскому претору, вот почему.

— А ты сразу не плати. Покажи золото, для начала. Заплатишь потом, — посоветовал Бомилькар. — Здесь все имеет свою цену, все можно купить.

— Может быть, ты и прав, — задумчиво произнес Агеласт. — Что касается меня, то я не готов проверить твою теорию на практике.

И переубедить его оказалось невозможно.

Все говорили, что Субура — это настоящая клоака Рима, поэтому Бомилькар, одетый как можно менее приметно, направился в Субуру. Ни один раб его не сопровождал. Как всякого именитого гостя, его, конечно, предупредили, чтобы он никогда не ходил в долину северо-восточнее Римского Форума. Теперь он понял почему. Не потому, что аллеи Субуры были уже аллеей Палатина, а здания здесь были такими же высокими, как на Виминале и верхнем Эсквилине.

Нет. Что с первого же взгляда отличало Субуру — это люди. Их было куда больше, чем когда-либо видел Бомилькар. Люди — повсюду. Они высывались из тысячи окон, визгливо крича что-то друг другу. Они протискивались сквозь запрудившую тротуары толпу. Движение здесь было медленным, словно по улице ползла громадная змея. Эти люди вели себя грубо и агрессивно. Они плевали, мочились, освобождали кишечник, где только находили свободное место. Они были способны мгновенно затаить драку с любым, кто посмотрит на них косо.

Везде жуткая грязь, повсюду потрясающая вонь. Перемещаясь из цивилизованного Аргилета в Субурский коридор, как называлась центральная улица Субуры, Бомилькар был не в состоянии различить что-либо, кроме вони и грязи. Сквозь обшарпанные стены зданий нечистота просачивалась ручьями, как будто кирпичи и дерево, из которых были сложены здешние дома, лепились друг к другу грязью. Для чего было в прошлом году прилагать нечеловеческие усилия, спасая эти кварталы от огня? Бомилькар не переставал удивляться этому. Лучше бы здесь все выгорело дотла. Никто и ничто в Субуре не заслуживает спасения!

Углубляясь все дальше, он внимательно следил, как бы не сбиться с Большой Субуры — так теперь называлось продолжение главной улицы. Если его занесет в какой-нибудь боковой проулок, он никогда уже не найдет отсюда выхода. Отвращение постепенно сменялось удивлением. Нунидиец увидел оживленных, довольных и непонятно почему веселых жителей.

Он услышал речь — смесь латинского и греческого, арамейского. Жаргон, который, наверное, не понял бы никто, кроме здешних обитателей. Сколько Бомилькар ни ходил прежде по Риму, нигде он не слышал такого говора.

Повсюду имелись лавочки и маленькие закусочные, распространяющие острый запах, где, вероятно, шла бойкая торговля. Наверное, у людей в Субуре водились деньги. Пекарни, мясная кулинария, харчевни, где можно глотнуть винца, забавные крохотные лавочки, торгующие всем на свете (как показалось Бомилькар, когда он мельком заглянул в полумрак одной из них) — от кусков бечевы до кухонных горшков, ламп и сальных свечей. Однако выгоднее всего было торговать продуктами.

Имелись тут и мастерские. Пришелец слышал грохот прессов, жужжение шлифовальных колес, перестук ткацких станков. Все эти шумы исходили из узких дверных проемов или же из боковых аллей и безнадежно смещивались с гамом сдаваемых в аренду многоэтажных домов. Как можно было здесь выжить?

Даже маленькие площади на главных перекрестках были заполнены народом. Бомилькар поразился: как им удается купаться в фонтанах да еще и унести домой кувшины с водой?

Цирта — большой город, которым нунидиец необычайно гордился, — по сравнению с Римом выглядела просто большой деревней. Бомилькар вынужден был признать это. Даже многоглупной Александрии, подозревал он, далеко до людского муравейника Субуры.

Все происходило здесь внезапно — перед Бомилькаром развертывались, как в театре, целые сценки. Вот мужчина стегает нагруженного осла, женщина лупит капризничавшего ребенка. Повсюду бурная — пожалуй, даже слишком бурная — жизнедеятельность. Но тусклые помещения таверн на перекрестках были оазисами относительного покоя.

Крупный мужчина в расцвете сил, Бомилькар наконец решился — он зайдет в одну из них. Наверное, ничего более подходящего ему не найти. В конце концов, он пришел в Субуру отыскать римлянина-убийцу. Следовательно, требуется найти такое место, где он может завести разговор с кем-нибудь из местных.

С Большой Субуры он свернулся на улицу Патрициев, ведущую на холм Виминал, и увидел таверну на углу открытого треугольного пространства. Там улица Патрициев переходила в Малую Субуру. Судя по размеру алтаря и фонтану, это был очень важный перекресток. Наклонив голову, чтобы не удариться о низкую притолоку, нунидиец переступил порог таверны. Все лица — а их было не меньше пятидесяти — повернулись к нему и словно окаменели. Шум мгновенно стих.

— Прошу прощения, — произнес Бомилькар, стараясь казаться спокойным. Он быстро искал глазами вожака. Ага! Вон там, в дальнем левом углу! Когда первый шок от появления темнокожего незнакомца прошел, именно в этот угол полетели вопрошающие взгляды. Судя по лицу, вожак был римлянином, не греком. Мужчина небольшого роста, лет тридцати пяти.

Бомилькар обернулся, посмотрел прямо на него. Заговорил, сожалея о том, что приходится прибегать к греческому. С римлянином нумидиец предпочел бы общаться на латыни, но, к сожалению, говорил на этом языке недостаточно бегло. — Прошу прощения, — повторил Бомилькар. — Кажется, я забрел на чужую территорию. Я искал таверну, где можно было бы посидеть, выпить вина. Пока шел — ужасно захотелось пить.

— Приятель, это частный клуб, — ответил вожак на ужасном, но более-менее понятном греческом.

— А нет ли здесь общественных таверн? — поинтересовался Бомилькар.

— Только не в Субуре, приятель. Это не твой круг. Возвращайся на Новую улицу.

— Я знаю Новую улицу, но я не знаю Рима. Думаю, невозможно по-настоящему узнать город, если не побываешь в самой населенной его части, — ответил Бомилькар, стараясь держаться середины между наивностью путешественника и невежеством иноzemца.

Вожак осмотрел нумидийца сверху донизу, что-то внимательно обдумывая.

— Так ты выпить хочешь, приятель?

Благодарный Бомилькар ухватился за эту фразу:

— Так хочу, что готов угостить всех здесь присутствующих!

Вожак согнал со стула человека, сидящего рядом с ним, и похлопал по сиденью:

— Ну, если мои почтенные коллеги согласятся, мы могли бы сделать тебя почетным членом нашего клуба. Садись отдохни, приятель. — Он повернулся к присутствующим. — Кто за то, чтобы этого черного господина сделать почетным членом, скажите «да»!

— Да! — гаркнули все хором.

Напрасно Бомилькар искал глазами прилавок или продавца. Наконец он чуть заметно вздохнул и выложил на стол свой кошель, так что пара серебряных денариев выкатились. Или они убьют его ради содержимого этого кошелька, или он действительно их почетный член.

— Можно? — спросил он вожака.

— Бромид, принеси господину и всем нам большую бутыль, — велел вожак своему любимцу, которого только что прогнал, чтобы усадить Бомилькара. — Рядом с нами есть винная лавочка, которой мы и пользуемся, — объяснил он.

Из кошелька выкатились еще несколько денариев.

— Этого достаточно?

— На один круг хватит, приятель, даже много будет.

Выкатились еще несколько монет.

— А если на несколько?

Все дружно вздохнули. Бромид схватил монеты и исчез за дверью в сопровождении троих энтузиастов-помощников. Бомилькар протянул вожаку правую руку.

— Меня зовут Юба, — представился он.

— Луций Декумий, — отозвался вожак, энергично пожав руку гостя. — Юба! Что это за имя?

— Это мавретанское имя. Я из Мавретании.

— Мавре... Что? Где это такое?

— В Африке.

— В Африке?

Ясно, что Бомилькар с таким же успехом мог сказать, что он из страны гипербореев. Луцио Декумию это ни о чем не говорило.

— Это очень далеко от Рима, — объяснил почетный член клуба. — Далеко на запад от Карфагена.

— О, Карфаген! Почему же ты сразу так не сказал? — Луций Декумий пристально посмотрел в лицо этого интересного посетителя. — Я и не знал, что Сципион Эмилиан оставил в живых кого-то из вас.

— Никого он не оставил. Мавретания — это не Карфаген. Западнее, — терпеливо объяснял Бомилькар. — То, что было раньше Карфагеном, теперь — римская провинция Африка. Кстати, туда направляется новый консул Спурий Постумий Альбин.

Луций Декумий пожал плечами:

— Консулы? Они приходят и уходят, приятель, приходят и уходят. Для Субуры это не имеет никакого значения. Консулы здесь не живут, ты же понимаешь. Но если ты признаешь, что Рим — самый непобедимый во всем мире, добро пожаловать в Субуру.

— Поверь мне, я знаю, что Рим — победитель всегда и во всем, — с чувством заверил Бомилькар. — Мой повелитель — царь Мавретании Бокх, он послал меня в Рим, чтобы я сделал его другом и союзником римского народа.

— Ну никогда бы не подумал, — лениво протянул Луций Декумий.

Тем временем Бромид внес в таверну огромную бутыль. За ним шли трое помощников, также нагруженные. Первому налили вина Декумию, который при этом больно ударил Бромида по бедру.

— Болван! Забыл про хорошие манеры? — строго спросил он. — Сначала гостю, который за все это заплатил. Не то выпущу тебе кишки.

Бомилькар схватил полный до краев кубок и поднял его.

— За лучшее место и лучших друзей, которых я пока нашел в Риме, — провозгласил он и впил в себя ужасное пойло — якобы с удовольствием. О боги, у здешних пропойц, наверное, стальные желудки!

Появились блюда с угощением — маринованными огурцами, луком, греческими орехами, веточками сельдерея, ломтиками моркови, неаппетитной массой мелкой соленой рыбы. Все это мгновенно исчезло. Бомилькар не мог заставить себя проглотить ни кусочка.

— За тебя, Юба, старина! — сказал Декумий.

— За Юбу! — весело подхватили остальных.

За полчаса Бомилькар узнал о Риме рабочего люда больше, чем мечтал. И все это было очень интересно. Куда хуже сводный брат Югурты знал Нумидию простолюдинов, но это ему даже в голову не приходило. Он узнал, например, что все члены странного клуба таверны где-то работают, что большинство из них имеет выходной каждый восьмой день. Примерно четверть собравшихся носили на затылке маленькую коническую шапочку без полей — это означало, что они вольноотпущенники. К своему удивлению, Бомилькар выяснил, что несколько человек все еще оставались рабами, но тем не менее держались с остальными на равных, работали на тех же работах, за ту же плату, столько же часов и с теми же выходными днями. Это показалось ему очень странным, но, очевидно, было совершенно нормальным в глазах остальных. Бомилькар начал понимать разницу между рабом и вольноотпущенником. Вольноотпущенник мог приходить, уходить, выбирать место и вид работы по своему усмотрению, а раб принадлежал своему работодателю, был его собственностью и поэтому не мог распоряжаться своей жизнью. Совсем не так, как обстояло с рабами в Нумидии. Впрочем, как справедливо отметил Бомилькар — а он был справедливым человеком, — у каждого народа свои правила касательно рабов.

В отличие от рядовых членов, Луций Декумий присутствовал в таверне постоянно.

— Я — смотритель алтаря, глава религиозного братства, — объяснил он, трезвый, будто только что проглотил свой первый глоток.

— А что это за братство? — осведомился Бомилькар, стараясь пить из одного кубка как можно дольше.

— Не думаю, что ты поймешь. Это, приятель, алтарь на перекрестке. Настоящее братство, своего рода духовная община. Зарегистрирована у эдилов и у претора по делам римских граждан. С благословения Великого Понтифика, вот так. Алтари и братства перекрестков восходят к древним римским царям, которые были еще до Республики. Места, где пересекаются большие дороги, обладают большой силой. Я говорю о настоящих перекрестках, а не об этих маленьких, как дырка в заднице, развилах — пересечениях тропинок и аллей. Да, у перекрестков большая сила. Я имею в виду... Ну вообрази, вот ты — бог и смотришь на Рим сверху. Положим, тебе требуется метнуть молнию или отправить туда солидную порцию чумы. Разве не сбивает тебя с толку вся эта путаница улиц? Если ты поднимешься на Капитолий, то поймешь, что я имею в виду: куча красных крыш. Как кусочки мозаики, плотно пригнанные друг к другу. Но если присмотреться внимательнее, можно увидеть разрывы между ними, — это как раз там, где пересекаются большие дороги. Перекрестки, вроде нашего. Так что, будь ты бог, именно туда ты и метнул бы свою молнию, правильно? Только мы, римляне, — народ умный, приятель. Мы действительно умные. Цари решили защищать себя на перекрестках. Поэтому перекрестки были отданы под защиту ларов, духов-хранителей, покровителей перепутья. На каждом были построены алтари — еще до того, как появились фонтаны. Заметил алтарь у стены клуба, на улице? Маленькая такая башенка?

— Я видел его, — сказал Бомилькар, смущившись. — Кто такие лары?

— О, лары везде, их сотни, тысячи, — чуть слышно проговорил Декумий. — Рим полон ларов. Говорят, и вся Италия тоже. Я не знаком с солдатами, поэтому не могу сказать, ходят ли лары вместе с ними за моря. Но они определенно существуют здесь — везде, где в них нужда. И наша обязанность — хорошо заботиться о наших ларах. Мы содержим в порядке алтарь, следим за пожертвованиями, чистим фонтан, убираем развалившиеся повозки, мертвые тела, в основном животных, а когда рушится какое-нибудь здание, мы убираем мусор. К новому году мы устраиваем празднества в честь ларов, называются они компиталии. Как раз такой праздник прошел два дня назад, поэтому сейчас у нас и нет денег на вино. Мы тратим то, что накопили. Требуется время, чтобы накопить еще.

— Понимаю, — молвил Бомилькар, хотя, честно говоря, не понял ничего. Древние римские боги оставались для него неразрешимой загадкой. — Так у вас есть деньги, чтобы устраивать для себя праздники?

— И да, и нет, — ответил Луций Декумий, почесав под мышкой. — Для этих целей нам выдает немного претор по делам римских граждан. Достаточно, чтобы зажарить несколько свиней. Это зависит от того, кто является претором. Бывают щедрые. А бывают такие прижимистые, что у них даже их дернько ничем не пахнет.

Затем разговор коснулся жизни в Карфагене. Жители Субурры никак не могли осознать, что в Африке есть и другие места, не один только Карфаген. Их понятие об истории и географии, казалось, ограничивалось тем, что они узнавали, приходя на Форум. Они ходили на Форум, очевидно, потому, что политические волнения делали его забавным местом. Для них вся эта политика была вроде циркового представления. Поэтому их точка зрения на политическую жизнь Рима была несколько искажена. Им казалось, что кульмиационными моментами политической жизни являются, например, волнения, связанные со смертью Гая Семпрония Гракха.

Наконец момент настал. Бомилькар почувствовал это. Все так уже свыклись с его присутствием, что не обращали никакого внимания на чужака. К тому же они были пьяны. Кроме Луция Декумия. Он все еще был трезв, его внимательные пытливые глаза не отрывались от лица Бомилькара. Неспроста этот парень Юба оказался здесь. Ему что-то было нужно.

— Луций Декумий, — начал Бомилькар, наклоняясь к римлянину, чтобы один только он мог его расслышать. — У меня проблема, и я надеюсь, что ты подскажешь мне, как ее решить.

— В чем дело, приятель?

— Мой хозяин, царь Бокх, очень богат.

— Думаю, что богат. Ведь он царь.

— Но царь Бокх не знает, останется ли он царем, — медленно проговорил Бомилькар. — У него проблема.

— Та же проблема, что и у тебя, приятель?

— Именно, та же.

— Чем же я могу помочь? — Декумий вытащил луковицу из миски и задумчиво принялся жевать.

— В Африке ответ был бы прост. Царь отдал бы приказ, и человек, который, собственно, и представляет собой проблему, был бы казнен. — Бомилькар замолчал, не зная, сколько еще пройдет времени, прежде чем Декумий поймет.

— Ага! Значит, у проблемы есть имя, так?

— Правильно. Массива.

— Больше похоже на латинское, чем «Юба», — заметил Декумий.

— Массива — нумидиец, а не мавретанин. — Казалось, теперь Бомилькара чрезвычайно заинтересовал осадок на дне кубка. Он принялся размешивать его пальцем. — Трудность заключается в том, что Массива живет здесь, в Риме. И доставляет нам неприятности.

— Могу понять, какую роль играет в этом Рим, — произнес Декумий. Его тон говорил о многом.

Бомилькар испуганно посмотрел на Декумия. У этого маленького человечка ум проницательный и острый.

Нумидиец вздохнул:

— Моя доля в этой проблеме очень рискованная, потому что я совершенно не знаю Рима. Видишь ли, мне нужно найти римлянина, который согласится убить принца Массиву. Здесь. В Риме.

Луций Декумий даже глазом не моргнул:

— Ну, это легко.

— Легко?

— За деньги, приятель, в Риме можно купить что угодно.

— Тогда, может, подскажешь, куда мне пойти?

— Не ищи больше нигде, приятель, не надо никуда ходить. Я бы перерезал глотки половине Сената за возможность поесть устриц вместо лука, — сказал Декумий, проглатыв последний кусочек. — И сколько же будет стоить эта работа?

— Сколько денариев в этом мешке? — Бомилькар высипал содержимое кошелька на стол.

— Недостаточно, чтобы за это убить человека.

— А если монеты будут золотыми?

Декумий крепко ударил себя по бедрам:

— Вот теперь это разговор! Договорились, приятель.

У Бомилькара кружилась голова, но не от вина. В течение последнего часа он украдкой выливал его на пол.

— Половина — завтра, остальное после того, как дело будет закончено, — сказал он, собирая монеты обратно в кошелек.

Испачканная рука с грязными ногтями остановила его:

— Оставь это здесь в знак доверия, приятель. И приходи завтра. Только жди снаружи, у алтаря. Мы пойдем ко мне домой и поговорим.

Бомилькар поднялся:

— Я буду здесь, Луций Декумий.

Они направились к двери. Бомилькар остановился, посмотрел на плохо выбритое лицо смотрителя алтаря общины перекрестка.

— А тебе приходилось уже убивать? — спросил он.

Декумий дотронулся пальцем до крыла носа.

— Кивнуть — это как слепому брадобрею подмигнуть, приятель. В Субуре не принято хвастать.

Удовлетворенный, Бомилькар улыбнулся Декумию и смешался с толпой Малой Субуры.

Марк Ливий Друз, до этого два года бывший консулом, в середине второй недели января праздновал свой триумф. Во время первого срока своего консульства он был назначен губернатором Македонии. Затем срок его губернаторства продлили еще на год. Друз удачно закончил пограничную войну со скордисками, племенем умных и хорошо организованных кельтов, которые постоянно совершали набеги на римскую провинцию Македония. В лице Марка Ливия Друса они нашли исключительно опасного противника и потерпели сокрушительное поражение. Друзу удалось захватить один из самых сильных оплотов скордисков и обнаружить там тайник, где была спрятана значительная часть их богатства. Большинство губернаторов Македонии отмечали свои триумфы в конце своего срока, и все согласились, что Марк Ливий Друз как никто заслуживает этой чести.

На празднествах принц Массива присутствовал в качестве гостя консула Спурния Постумия Альбина, поэтому ему было предоставлено самое лучшее место в Большом цирке, откуда он мог наблюдать, как длинное триумфальное шествие проходит по цирку. Снова и снова Массива убеждался в том, что римляне знают толк в театральных действиях. Лучше всех они умеют устраивать пышные спектакли. Принц Массива, конечно, отлично говорил по-гречески, поэтому он понял, что именно ему предварительно объяснили перед парадом.

Массива поднялся, готовый уйти до того, как последний легион Друса выйдет из Капенских ворот арены.

Все гости консула проследовали через особую дверь на Бычий форум, вверх по лестнице Кака, на Палатин и там прибавили шагу. Ведя почетных зрителей кратчайшим путем, двенадцать ликторов стучали по бульжнику почти пустынных аллей зимними сапогами, подбитыми гвоздями.

Десять минут спустя они уже спускались по лестнице Весталок на Римский Форум, направляясь к храму Кастора и Поллукса. Здесь, на верхней площадке лестницы этого величественного сооружения, должны были сидеть оба консула и их гости, наблюдая, как шествие будет спускаться по Священной улице от высоты Велия к Капитолию. Чтобы не оскорбить триумфатора, им надлежало ждать уже на месте, когда появится шествие.

— Все другие магистраты и члены Сената идут во главе шествия, — объяснял Спурний Альбин принцу Массиве. — Действующих консулов всегда официально приглашают принять участие в шествии и в угощении, которое триумфатор устраивает для Сената в помещении храма Юпитера Величайшего. Но для консулов считается неприличным принимать приглашение. Это событие является великим днем триумфатора, и именно он должен быть самым важным человеком на празднике. Никто не должен затмевать его. Большую часть ликторов отдают в этот день ему. Поэтому консулы всегда любуются шествием с почетного места, а триумфатор приветствует их, проходя мимо.

Принц сделал вид, что понял, хотя слишком непродолжительное знакомство с римлянами и их традициями явно мешало ему охватить разумом всю картину происходящего. В отличие от Югурты, ему всю жизнь была ближе неримская Африка.

Когда гости консула прибыли на место соединения лестницы Весталок с улицей Новой, их движение замедлилось из-за огромной толпы народа. Сотни тысяч римлян вышли, чтобы увидеть триумф Друса. Молва об этом дошла даже до самых маленьких уличек Субуры. Всех уверяли, что триумф Друса будет самым великолепным из возможных.

Выполняя свои обязанности в пределах Рима, ликторы носили фасции и простые белые тоги. Сегодня их одежда казалась еще более неприметной, ибо весь Рим, идущий на триумф, становился белым. Все граждане надевали белые тоги вместо обычной туники. Трудно было ликторам расчищать дорогу для гостей консула среди нараставшей толпы. К тому времени, как они подошли к храму Кастора и Поллукса, группа почетных гостей почти совсем распалась и принц Массива, сопровождаемый только личным охранником, сильно отстал и потерял из виду остальных.

Его представление о своей исключительности, сознание того, что он принадлежит к царскому роду, вызвали у него крайнее недовольство. Как смеет римская толпа относиться к нему столь непочтительно? Охранников оттерли — несколько минут Массива не видел даже их.

Этого краткого мига и ждал Луций Декумий. Он нанес удар — точно, быстро, уверенно. Притиснутый к принцу Массиве стихийной волной толпы, он вонзил свой остро отточенный кинжал в левую сторону грудной клетки принца, тут же резко крутанул лезвие и отпустил рукоятку, зная, что лезвие вошло в грудь на всю длину. Убийца смешался с толпой задолго до того, как показалась кровь.

Принц Массива не кричал. Он просто упал там, где стоял. К тому времени, как подбежали стражники, отгоняя людей от убитого хозяина, Луций Декумий находился уже на середине нижнего Форума, направляясь к Аргилету, — просто капля в море белых тог.

Прошло минут десять, прежде чем кто-то догадался сообщить новость Спурнию Альбину и его брату Авлу, уже находящимся на подиуме храма. Они пока еще не волновались по поводу отсутствия принца Массивы. Ликторы поспешили оцепить место преступления. Спурний и Авл стояли, глядя на тело и думая о своих рухнувших планах.

— Это подождет, — наконец сказал Спурний. — Мы не можем оскорбить Марка Ливия Друса, омрачив его триумф. — Он повернулся к начальнику охраны, которая специально для принца Массивы была организована из нанятых римских гладиаторов, и обратился к нему на греческом: — Унесите принца Массиву в его дом и подождите там. Приду, как только смогу.

Тот кивнул. Из тоги Авла Альбина были сделаны носилки, и шесть гладиаторов унесли принца.

Авл переживал случившееся куда сильнее, чем его старший брат. До сих пор большая доля щедрости Массивы доставалась именно ему. Спурний же считал, что своей доли милостей может подождать, пока в результате его африканской кампании Массива не восседят на трон Нутидии. Кроме того, Авл был нетерпелив, амбициозен и очень хотел во всем обогнать Спурния.

— Югурта! — сквозь зубы прошел он. — Это Югурта!

— Мы никогда не сможем этого доказать, — вздохнул Спурний.

Братья поднялись по ступеням храма Кастора и Поллукса. Не успели они снова занять свои места, как магистраты и сенаторы появились из-за огромного Общественного дома, принадлежавшего государству, в котором обитали жрицы-весталки и ВеликийPontifex. Буквально сразу же на сцене возникли все. Большая процесия начала спускаться вниз по склону — туда, где улица Священная заканчивалась у колодца комиций. Спурний и Авл сидели и смотрели, словно больше ни о чем не думали, а лишь получали удовольствие от спектакля. Так они демонстрировали свое уважение к Марку Ливию Друзу.

Бомилькар и Луций Декумий встретились, не привлекая ничьего внимания, у прилавка переполненной закусочной в верхнем углу Большого рынка. Они купили по пирогу с куском чесночной колбасы, потом совершенно естественно встали рядом и стали медленно жевать, откусывая по кусочку от очень горячего пирога.

— Удачный день получился, — молвил Луций Декумий.

Одетый в накидку с капюшоном, скрывавшим его лицо, Бомилькар вздохнул:

— Надеюсь, он и закончится удачно.

— По крайней мере, приятель, я гарантирую, что этот день закончится идеально, — самодовольно произнес Луций Декумий.

Бомилькар порылся под накидкой, отыскал кошелек.

— Ты уверен?

— Как человек, у которого воняет подошва, в том, что он наступил в дермо! — ответствовал Декумий.

Невидимо для других кошелек перешел из одних рук в другие. Бомилькар с легким сердцем повернулся, чтобы уйти.

— Благодарю, Луций Декумий, — сказал он.

— Нет, приятель, это я тебя благодарю!

И Луций Декумий остался доедать свой пирог.

— Устрицы вместо лука! — громко сказал он сам себе, направляясь по Субурскому коридору легкой, счастливой походкой и с мешочком золота, надежно припрятанным поближе к телу.

Бомилькар покинул город через ворота Фонтаналис и направился в сторону Марсова поля. Он шел быстро. Толпа уже расходилась, на улицах стало свободнее. Нутидец вошел на виллу Югурты, никого не встретив, и с радостью скинул с себя накидку. В этот день царь был очень добр и всем рабам в доме дал выходной, чтобы те могли посмотреть триумф Друза. А еще он выдал им всем в подарок по серебряному денарию. Поэтому лишние свидетели не видели возвращения Бомилькара. В доме оставались только фанатично преданные охранники и слуги-нумидийцы.

Югурта был на своем любимом месте — сидел в крытой галерее на втором этаже, как раз над входной дверью.

— Все в порядке, — сказал Бомилькар.

Царь схватил брата за руку, улыбнулся:

— Молодец!

— Я рад, что все прошло хорошо, — добавил Бомилькар.

— Он определенно мертв?

— Убийца сказал мне, что уверен, как человек, у которого воняет ботинок, — в том, что он наступил в дермо. — Плечи Бомилькара затряслись от смеха. — Живописный парень, этот мой бандит. Но чрезвычайно эффективен и с железными нервами.

Югурта расслабился.

— Как только мы услышим, что мой дорогой кузен Массива определенно мертв, мы встретимся со всеми нашими агентами. Мы должны нажать на Сенат, чтобы он признал мое право на трон и разрешил нам вернуться домой. — Югурта поморщился. — Я никогда не должен забывать, что у меня еще остался сводный братец, этот несчастный недоумок, с которым надо бороться, — дорогой и любимый Гауда.

Когда все агенты Югурты получили приглашение собраться на его вилле, явились все, кроме одного. Как только Марк Сервилий Агеласт узнал об убийстве принца Массива, он попросил аудиенции у консула Спурния Альбина. Консул передал через секретаря, что очень занят. Но Агеласт настаивал, настаивал, настаивал. Секретарь пришел в отчаяние от такого натиска и решил отдался от посетителя, отведя его к младшему брату консула, Авлу. Последний сильно заинтересовался, услышав то, что хотел ему сообщить Агеласт. Позвали Спурния Альбина. Спурний спокойно слушал, как Агеласт повторяет свой рассказ, поблагодарил его, взял его адрес и письменное показание — для верности. Потом очень вежливо распрошался с ним, вызвав улыбку у всех присутствующих, кроме самого Агеласта.

— Мы примем меры через претора по делам римских граждан. Мы будем строго действовать по закону, принятому при данных обстоятельствах, — заявил Спурний, как только остался один с братом. — Дело слишком серьезное, чтобы разрешить этому Агеласту выдвигнуть обвинение. Я сделаю это сам. Но он важен как единственный римский гражданин среди всех действующих лиц, если исключить единственного убийцу. Претору надлежит решить, как следует поступить с Бомилькаром. Без сомнения, претор пересоветуется со всем Сенатом в поисках директивы, чтобы прикрыть свою задницу. Но если я увижу с ним лично и высажу свое мнение, то, думаю, смогу успокоить его. А мнение мое таково: факт совершения убийства в пределах Рима римским гражданином в день триумфа перевешивает статус Бомилькара как иностранца. Особенно если я нажму на то обстоятельство, что принц Массива был клиентом консула и находился под его защитой. Жизненно важно, чтобы Бомилькара судил и приговорил именно в Риме и именно римский суд. Сама наглость преступления принудит фракцию Югурты в Сенате сидеть тихо. Ты, Авр, можешь подготовиться к слушанию в суде. Я прослежу, чтобы проконсультировались с претором по делам иностранцев, поскольку он имеет дело с судебными законами, касающимися неграждан. Он может захотеть защитить Бомилькара — просто чтобы все было по закону. Но так или иначе мы помешаем Югурте получить одобрение Сената. Убийца не станет царем Нумидии. А потом подумаем, не можем ли мы подыскать другого претендента на престол.

— Например, принца Гауду?

— Например, принца Гауду. Хотя он совершенно не подходит для этого. Но в конце концов, он законный сводный брат Югурты. Мы просто постараемся, чтобы Гауда никогда сам не приехал в Рим претендовать на трон. — Спурний улыбнулся Авлу. — В этом году мы сколотим себе состояние в Нумидии, клянусь!

Но Югурта отказался играть по римским правилам. Когда претор по делам римских граждан и его ликторы прибыли на виллу, чтобы арестовать Бомилькара по обвинению в заговоре с целью убийства, в какой-то момент царь хотел решительно отказаться выдать Бомилькара и посмотреть, что из этого выйдет. Потом стал тянуть время, говорить, что ни жертва, ни обвиняемый не были римскими гражданами и поэтому он вообще не понимает, какое до этого дело Риму. Претор по делам римских граждан отвечал: мол, Сенат решил, что обвиняемый должен ответить на обвинение в римском суде, поскольку истинный убийца был римским гражданином. Некий Марк Сервилий Агеласт, римский всадник, дал показания под присягой, что совершил это убийство предлагаю сначала ему.

— В этом случае, — сказал Югурта, все еще сопротивляясь, — единственный магистрат, который имеет право арестовать моего приближенного, — это претор по делам иностранцев. Мой приближенный — не римский гражданин, а мое жилище — вне юрисдикции претора по делам римских граждан.

— Тебя неправильно информировали, — спокойно возразил претор по делам римских граждан. — Претор по делам иностранцев будет, конечно, извещен. Но власть претора по делам римских граждан простирается на расстоянии пяти миль от Рима, поэтому твоя вилла находится в пределах моей юрисдикции. А теперь, пожалуйста, отдай нам Бомилькара.

Бомилькар вышел и немедленно был отправлен в тюрьму Лаутумия, где должен был содержаться до слушания в специально созванном суде. Когда Югурта послал своих агентов потребовать, чтобы Бомилькара выпустили под залог или, по крайней мере, чтобы его содержали в доме какого-нибудь высокопоставленного римского гражданина, а не в развалинах Лаутумии, — требование было отклонено.

Несколько сотен лет назад Лаутумия была каменным карьером на вершине Капитолийского холма. Теперь она представляла собой беспорядочное скопление каменных блоков, сваленных со стороны утеса как раз позади нижнего Форума и не скрепленных между собой. Ее полуразрушенные камеры могли вместить, наверное, до пятидесяти узников. Собственно, обеспечить здесь строгую изоляцию было невозможно. Узники могли перемещаться везде, где им вздумается, в пределах стен этой тюрьмы. Выйти на волю им не позволяли лишь ликторы-охранники. В редких случаях, когда арестовывали действительно опасного преступника, на него надевали оковы.

Поскольку обычно это место пустовало, вид несущих стражу ликторов был новостью. Таким образом, известие о заключении Бомилькара быстро распространилось по Риму — благодаря тем же ликторам, которые и сами были не прочь удовлетворить

любопытство проходивших мимо жителей.

Низкий уровень Луция Декумия был чисто социальным. Он определенно не распространялся на его мыслительный аппарат. Думалка в голове Декумия исключительно хорошо соображала. Получить должность смотрителя общины перекрестка было совсем не просто. Поэтому, когда слух дошел уже до самого сердца Субуры, Луций Декумий сложил два и два и получил ответ. Имя — Бомилькар, а не Юба, национальность — нумидиец, а не мавретанин. Он сразу понял, что за человек его нанял.

Скорее одобряя обман, чем сердясь на него, Луций Декумий отправился в Лаутумию, куда получил доступ, широко улыбнувшись двум ликторам, стоявшим на страже у двери, а потом попросту растолкав их локтями и пройдя между ними.

— Невежа! Дерьмо! — крикнул один из них вдогонку, почесывая бок.

— Съешь его! — ответил Декумий, ловко, одним прыжком спрятался за осыпавшуюся колонну и стал ждать, когда стихнет ворчание у двери.

Не имея ни военных, ни гражданских административных органов для отправления закона, Рим обычно обязывал Коллегию ликторов выделять людей для обеспечения тех или иных мероприятий. Существовало около трехсот ликторов, которым государство платило очень мало. Поэтому они весьма зависели от щедрости людей, которых обслуживали. Они жили в здании, расположенном на небольшом открытом участке позади храма ларам-покровителям, на Священной улице. Место им нравилось, потому что оно находилось как раз за лучшей гостиницей Рима, где они всегда могли напроситься на выпивку.

Ликторы сопровождали всех магistratorов, облеченные чрезвычайными полномочиями. Между ними возникало соперничество, когда заходила речь о службе одному из губернаторов, уезжавших за границу, поскольку в таком случае они принимали участие в дележе трофеев и побочных доходов.

Ликторы составляли тридцать отрядов, которые назывались куриями. Ликторов можно было призвывать охранять Лаутумию или расположенную по соседству подземную тюрьму Туллиан, где приговоренные к смерти ожидали прихода душителя. Курия состояла из десяти человек, начальник курии давал задания. Дежурство у тюрем было одним из наименее желательных поручений. В этом случае — ни чаевых, ни взяток, ничего. Поэтому ни одному ликтору не хотелось гнаться за Луцием Декумием. Их работа заключалась в том, чтобы стоять на часах у двери. И больше ничего, Юпитер свидетель.

— Эй, приятель, где ты? — крикнул Декумий так громко, что его могли услышать даже банкиры в Порциевой базилике.

Волосы на руках и затылке Бомилькара встали дыбом. Он вскочил на ноги. «Вот оно, вот и конец», — подумал он. И застыл, ожидая, когда появится Декумий в сопровождении магистраторов и других чиновников.

И Декумий появился. Но — один. Увидев Бомилькара, неподвижно стоявшего у стены, Декумий весело улыбнулся и вошел к нему в камеру. Там было незапертное и ничем не закрытое отверстие, достаточно большое, чтобы через него мог пробраться человек. И то, что Бомилькар до сих пор этого не сделал, свидетельствовало о его полном непонимании римского способа мыслить и действовать. Нумидиец не мог поверить в простую истину, что тюрьма как таковая была понятием, римлянам не известным.

— Кто донес на тебя, приятель? — спросил Декумий, усаживаясь на упавший блок кладки.

Стараясь унять дрожь, Бомилькар облизнул губы.

— Если это был не ты с самого начала, дурак, то теперь уж наверняка ты! — огрызнулся он.

Декумий удивленно посмотрел на него. Медленно до него стал доходить смысл сказанного.

— Погоди, погоди, приятель, во-первых, ты не волнуйся так, — стал он успокаивать Бомилькара. — Нас никто не слышит. У двери стоят только два ликтора, а это далковато. Я услышал, что тебя арестовали, вот и подумал: лучше бы мне прийти к тебе и узнать, что же пошло у нас не так.

— Агеласт, — сказал Бомилькар. — Марк Сервiliй Агеласт!

— Хочешь, чтобы я сделал с ним то, что с Массивой?

— Послушай, может, ты уйдешь отсюда? — в отчаянии закричал Бомилькар. — Разве ты не понимаешь, что они догадаются, почему ты пришел? Если хоть кто-то увидел твоё лицо возле принца Массивы, тебе конец!

— Да все нормально, приятель, все нормально! Не беспокойся. Обо мне никто ничего не знает, и никому и дела нет, что я сейчас здесь. Это не парфянская темница, дружище, поверь мне! Тебя поместили сюда, чтобы позлить твоего господина, вот и все. Им абсолютно все равно — сбежишь ты или нет. Это лишь подтвердит твою виновность. — И он показал на брешь в наружной стене.

— Я не могу убежать, — сказал Бомилькар.

— Ну как хочешь. — Декумий пожал плечами. — А как насчет этой пташки, Агеласта? Хочешь его убрать? Сделаю за ту же цену — заплатишь, когда дело будет сделано; я доверяю тебе.

Восхищенный Бомилькар пришел к выводу, что Луций Декумий не только верил в то, что говорил, но и мог это сделать. Сомневаться не приходится. Если бы не Юргута, он воспользовался бы предложением бежать этой же ночью. Но если он поддается искушению — только боги знают, что может случиться с Юргутой.

— Я дам тебе еще золота, — сказал он.

— А где он живет, этот парень, Который Никогда Не Улыбается?

— На Целиевом холме, в Африканской деревне.

— О, прелестный новый район! — воскликнул одобрительно Декумий. — Агеласт неплохо устроился! Нетрудно будет найти его там, где пение птиц громче болтовни соседей. Не беспокойся, я быстро управлюсь. А когда твой господин вызволит тебя отсюда, ты мне заплатишь. Пришли золото мне в клуб. Я буду там.

— Откуда тебе известно, что мой господин непременно вызволит меня?

— Он сделает это, дружище! Еще пару дней — и они позволят ему заплатить за тебя залог. А тогда — мой тебе совет — как можно скорее возвращайся домой. Не болтайся в Риме, ладно?

— Оставить моего царя здесь, на их милость? Я не могу!

— Конечно, можешь, приятель! Как ты думаешь, что они сотворят с ним здесь, в Риме? Стукнут по голове и бросят в Тибр? Нет! — сказал Луций Декумий, опытный советник. — Есть только одно, за что они могут убить, — их драгоценная Республика. Res publica. Законы, Конституция и прочая ерунда. Они могут угрожать пару народных трибунов вроде Гракхов, но никогда не убьют чужеземца в самом Риме. Так что не тревожься о своем господине, дружище. Ручаюсь, если ты исчезнешь, они отошлют его домой.

Бомилькар в изумлении посмотрел на Декумия.

— Но ты даже не знаешь, где находится Нумидия! — медленно промолвил он. — Ты никогда не был в Италии! И откуда тебе знать, как поступают римские нобили?

— Тут дело особое, — заявил Луций Декумий, поднимаясь с камня. — Молоко матери, приятель, молоко матери! Мы все впитываем вместе с молоком матери. Помимо всяких приятных неожиданностей — вроде знакомства с тобой, — где еще может римлянин получить удовольствие, как не на Форуме? Если нет игр, конечно. И даже не требуется находиться прямо там, чтобы испытывать волнение. Оно само наполняет тебя, как молоко матери.

Бомилькар протянул руку:

— Благодарю тебя, Луций Декумий. Ты — единственный честный человек из всех, кого я встретил в Риме. Ты получишь свои деньги.

— Не забудь — в клуб! Да, кстати, — он коснулся своего носа пальцем, — если у тебя есть друзья, которые нуждаются в практической помощи, чтобы решить свои маленькие проблемы, скажи им, что я не прочь помочь. Мне нравится такая работа.

Итак, Агеласт умер. Бомилькар оставался в темнице. Никто из ликторов даже не подумал связать Декумия с причиной заточения Бомилькара. Поэтому обвинение, которое Спурий и Авр Альбины готовили против нумидийца, заглохло само собой. Они, конечно, располагали показаниями Агеласта, но, без сомнения, отсутствие главного свидетеля нанесло непоправимый ущерб судебному преследованию.

Воспользовавшись смертью Агеласта, Югурта вновь обратился в Сенат с просьбой отпустить Бомилькара под залог. Хотя Гай Меммий и Скавр с жаром выступали против, в конце концов Бомилькар был выпущен. Это произошло, однако, только после того, как Югурта передал римлянам пятьдесят своих слуг-нумидийцев. Они были распределены по домам пятидесяти сенаторов. К тому же Югурту вынудили внести в казну большую сумму денег — якобы на содержание его заложников.

Делу Югурты, конечно, был нанесен непоправимый урон. Но ему было все равно. Нумидийский полукровка уже оставил всякую надежду когда-либо получить согласие Рима на его царский титул. И вовсе не из-за смерти Массивы. Просто римляне и не собирались давать согласие. Они мучили его не один год — заставляли плясать под их дудку, смеялись над ним, прикрывая рот рукой. А теперь он уедет — безразлично, даст ли на это согласие римский Сенат. Уедет домой, чтобы собрать армию и подготовить ее для встречи с римскими легионами, которые не замедлят явиться.

Освободившись, Бомилькар спешно уехал в Путеолы, сел там на корабль, отправлявшийся в Африку, — и след его простыл. После этого Сенат умыл руки в отношении Югурты. «Уезжай-ка ты домой, — сказали римские нобили, возвращая ему заложников (но не деньги, конечно). — Прощь из Рима, прощь из Италии, прощь из нашей жизни...»

Последний раз нумидийский царь взглянул на Рим с вершины Яникила, куда поднялся просто для того, чтобы окинуть взором место, где вершилась его судьба.

Рим. Вот он раскинулся на склонах холмов. Семь холмов и долины между ними, море оранжево-красных черепичных крыш, ярко раскрашенные оштукатуренные стены, позолоченные орнаменты храмовых фронтонов, отбрасывающие в небо сверкающие лучи — дорожки для богов. Яркий, красочный город из терракоты, с зелеными пятнами деревьев и травы.

Но Югурту ничто не восхищало. Он долго смотрел на город, уверенный, что никогда больше не увидит Рима.

— Город на продажу, — промолвил Югурта наконец. — Когда найдется покупатель, он исчезнет в мгновение ока.

И направил коня по Остийской дороге.

* * *

У Клитумны был племянник. Сын сестры. Он не носил родового имени — Клитумний, его звали Луций Гавий Стих, из чего Сулла заключил, что кто-то из предков его отца был рабом. Откуда бы еще взялось такое прозвище — «Стих»? Это исконная кличка для раба, насмешливая, оскорбительная. Однако Луций Гавий настаивал: его род получил подобное имя из-за того, что издавна занимался работогловлей.

Как его отец, а может быть и дед, Луций Гавий Стих постоянно имел дело с рабами — у него было небольшое агентство по продаже домашних слуг, расположеннное в портике Метеллов, на Марсовом поле. Не процветающая фирма, снабжающая вышколенными служами элиту общества, но вполне налаженный бизнес, обслуживающий тех, чьи кошельки позволяют приобрести трех-четырех рабов.

Странно, что управляющий сообщил Сулле о визите племянника хозяйки как раз в тот момент, когда Луций Корнелий думал о Гавиях. Имя это довольно редкое, а все же Сулла знал троих. Был некий Марк Гавий Брокх, субъульник его отца; был учитель риторики, старый добрый Квинт Гавий Миртон.

Гавий, что пил с его отцом, и Гавий, который дал Сулле неплохое образование, вызывали в нем чувства, против которых он не возражал. Но Стих! Если бы он знал, что Клитумну почтит визитом ужасный ее племянник, он вообще не пришел бы домой.

Сулла немного постоял в атрии, раздумывая, как поступить: уйти из дома совсем или просто скрыться в ту его часть, куда Стих не сунет свой противный нос.

Сулла предпочел сад. Все-таки хорошо, что управляющий вовремя предупредил о неприятном госте. Улыбаясь, Сулла вышел в перистиль, нашел скамью, слегка согретую слабыми лучами солнца, сел и отсутствующим взглядом уставился на ужасную статую Аполлона, преследующего Дафну, — та уже почти полностью превратилась в дерево. Клитумне нравилась эта композиция. Но разве светоносный бог мог иметь такие ярко-желтые волосы, глаза гнилой голубизны или кожу столь отвратительного розового цвета? И как можно восхищаться скульптором, настолько лишенным чувства меры? Пальцы рук Дафны он превратил в ярко-зеленые ветки, а пальцы ее ног — в грязно-коричневые корешки. Несчастный идиот — вероятно, он считал это «находкой мастера»! — замазал одну грудь бедной Дафны (вторая уже исчезла под корой) пурпурным соком, сочавшимся из узловатого соска. Когда Сулла видел этот шедевр, то все в нем взывало к топору.

— Зачем я здесь? — спросил он бедную Дафну, которой приличествовало бы быть охваченной ужасом, а не глупо улыбаться.

Она не ответила.

— Что я здесь делаю? — спросил он у Аполлона.

И Аполлон не ответил тоже.

Закрыв глаза, Сулла надавил пальцами на веки и стал привычно настраивать себя... нет, не на одобрение, а скорее на долготерпение. Гавий... Думай о другом Гавии, не о Стихе... О Квинте Гавии Миртоне, который дал тебе образование.

Они встретились, когда Сулле было семь лет. Худощавый, крепкий мальчик помогал своему пьяному отцу добраться до дома — до единственной комнаты на улице Обувщиков, где они жили в то время. Сулла-старший упал, и Квинт Гавий Миртон пришел на помощь мальчику. Вместе они привели пьяницу домой. Миртон был восхищен внешностью Суллы и чистотой латыни, на которой тот говорил. По дороге он засыпал мальчика вопросами.

Как только Сулла-старший был уложен на соломенный тюфяк, старый преподаватель риторики усился на единственный имеющийся в комнате стул и стал выпытывать у мальчика все, что тот знал об истории своей семьи. В конце концов Миртон объяснил, кто он сам такой, и предложил бесплатно обучать мальчика чтению и письму. Бедственное положение Суллы ужаснуло его. Корнелий, патриций, вынужденный всю свою жизнь прозябать в нищете где-то среди публичных домов в римских трущобах? Даже думать об этом невыносимо! По крайней мере, мальчик должен быть в состоянии зарабатывать на жизнь как служащий или писец. А что, если каким-то чудом судьба улыбнется Сулле и у него появится возможность вести достойный образ жизни? Неграмотность может стать этому помехой!

Сулла согласился учиться, но не бесплатно. Промышляя воровством, он мог платить старому Квинту Гавию Миртону то серебряным денарием, то жирной курицей. А когда подрос, за этот серебряный денарий он стал продавать себя. Если Миртон и подозревал, что эти платежи — цена чести, то никогда не говорил об этом. Он был достаточно умен, чтобы понять: отдавая деньги, мальчик демонстрировал, как высоко ценил он неожиданную возможность учиться. Поэтому Миртон всегда брал эти монеты с видимым удовольствием и благодарностью и никогда не давал Сулле повода догадаться, насколько болезненно воспринимает источник доходов мальчика.

Изучать риторику под руководством известного судебного адвоката — несбыточная мечта. Сулла знал, что ей не суждено осуществиться. И это придавало дополнительную ценность скромным усилиям Квinta Гавия Миртона. Благодаря Миртону он

мог говорить на чистейшем классическом греческом и овладел основами риторики. У Миртона имелась огромная библиотека, и Сулла читал — Гомера, Гиндара, Гесиода, Платона, Менандра и Эратосфена, Эвклида и Архимеда. Он читал и на латыни — Энния, Акция, Кассия Гемину, Катона Цензора. С трудом осиливая каждый свиток, попадающий в его руки, юноша открыл для себя мир, где мог на несколько драгоценных часов забыть о своей неприглядной жизни, — мир благородных героев и великих подвигов, научных фактов и философских фантазий. К счастью, единственной ценностью, не утраченной пьяницей отцом задолго до рождения мальчика, был превосходный латинский язык. Поэтому Сулла не имел причины стыдиться своей латыни. Он великолепно говорил на жаргоне Субуры, беднейшей и наиболее перенаселенной части Рима, а также и на правильной латыни. Это давало ему возможность свободно вращаться в любых сплохах римского общества.

Небольшая школа Квинта Гавия Миртона располагалась в тихом закоулке открытого продовольственного рынка, где продавали специи и цветы, позади Римского Форума. Поскольку Миртон не мог позволить себе иметь собственное помещение, ему приходилось преподавать в общественном месте. Старый учитель частенько говорил: «Где лучше вдалбливать знания в крепкие римские черепа, как не среди пьянящего аромата роз и фиалок, перца и корицы?»

Должность домашнего наставника какого-нибудь избалованного плебейского молокососа была не для Миртона. Не прельщала его также и перспектива обучать полдюжины благородных отпрысков — в соответствующих классах, благопристойно изолированных от грохота улиц. Нет, Миртон просто приказывал своему единственному рабу водрузить для него высокий стул и расставить скамейки для учеников — там, где об них не будут спотыкаться. И принимался учить — чтению, письму, арифметике — на открытом воздухе, перебиваемый пронзительными выкриками торговцев и покупателей. Его любили; к тому же он брал со скидкой за обучение детей, чьи отцы владели палатками на рынке, — иначе его давно заставили бы перебраться куда-нибудь в другое место. И так продолжалось до самой его смерти. Миртон умер, когда Сулле исполнилось пятнадцать.

Миртон брал с каждого ученика десять сестерциев в неделю. У него всегда обучалось десять — пятнадцать детей (больше мальчиков, чем девочек, но девочки были всегда). Около пяти тысяч сестерциев в год. Две тысячи он платил за довольно приличную большую комнату в доме, принадлежащем одному из его бывших учеников. Около тысячи в год уходило на то, чтобы прилично питаться самому и кормить старого преданного раба. Остальное он тратил на книги.

По случаю праздника или в те дни, когда рынок был закрыт, занятый в школе Миртона не проводилось. В такие дни учителя можно было найти в библиотеках или книжных магазинах и издательствах на Аргилете — широкой улице, пролегающей от Римского Форума мимо базилики Эмилия и здания Сената.

— Ты только подумай, Луций Корнелий, — бывало, говорил он, когда оставался с мальчиком наедине после окончания занятий, — где-то в этом огромном мире какой-нибудь мужчина или женщина прячет у себя работы Аристотеля! Если бы ты только знал, как я хочу прочесть произведения этого человека! Какие всеобъемлющие труды, какой ум! Ты только вообрази — наставник Александра Великого! Говорят, он писал абсолютно обо всем... Добро и зло, звезды и атомы, душа и преисподняя, собаки и кошки, листья и мускулы, боги и люди, системы мышления и хаос безумия — все занимало его мысли. Каким наслаждением было бы погрузиться в его утерянные труды!

Потом Миртон пожимал плечами, всасывал воздух сквозь зубы, — раздражаящая привычка, за которую десятилетиями ученики передразнивали его за спиной, — разочарованно хлопал ладонями и начинал копаться в книгах, вдыхая резкий запах кожаных переплетов и хороший бумаги.

— Ничего, ничего, — говорил он, — стоит ли жаловаться, когда у меня есть Гомер и Платон.

Он умер в холодную пору, вскоре после того, как его старый раб поскользнулся на обледенелых ступеньках и сломал себе шею. «Поразительно, — подумал Сулла тогда, — когда нить, издавна связывающая двух людей, резко обрывается, оба уходят». И после смерти старого учителя стало особенно видно, насколько все его любили. Не для Квинта Гавия Миртона было отвратительное, унизительное погребение за пределами городской стены в известковых ямах для неимущих. Внушительная процессия, профессиональные плакальщицы, надгробное слово... Погребальный костер источал аромат мирра и ладана, иерихонского бальзама. Красивая каменная гробница. Заплатили хранителям книг регистрации умерших в храме Венеры Либитины — это сделал владелец похоронного бюро. Похороны были организованы и оплачены двумя поколениями учеников, которые искренне оплакивали смерть своего старого наставника.

В толпе, провожающей Квинта Гавия Миртона из города к месту захоронения, Сулла шел с сухими глазами и высоко поднятой головой. Бросил несколько роз в разгоревшийся погребальный костер и внес свою долю — серебряный денарий. А позднее, после того как его отец вновь напился до беспамяти, а его несчастная сестра, насколько могла, прибралась, Сулла сел в углу комнаты, где они жили в то время втроем, и задумался над неожиданно свалившимся на него богатством. Он просто не мог поверить своему счастью. Квинт Гавий Миртон оставил распоряжения относительно своей смерти так же четко и ясно, как раньше организовывал свою жизнь. Его завещание было зарегистрировано и отдано на хранение весталкам. Совсем небольшой документ, поскольку денег у старика не водилось. Все, что он мог завещать, — книги и его любимую модель Солнца, Луны и планет, вращающихся вокруг Земли, — он оставил Сулле.

Сулла горько заплакал: ушел его лучший, самый дорогой и искренний друг. Всю свою жизнь он будет помнить о маленькой библиотеке Миртона и о своем учителе.

— Придет день, Квинт Гавий, — с трудом проговорил он, — и я найду утраченные работы Аристотеля.

Конечно, ему не удалось сберечь книги и модель. Однажды Сулла пришел домой и обнаружил, что в углу, где он спал, не осталось ничего, кроме соломенного тюфяка. Отец забрал все сокровища Квинта Гавия Миртона и продал, чтобы купить себе выпивку. За всю их жизнь с отцом это был единственный случай, когда Сулла чуть не стал отцеубийцей. К счастью, сестра встала между ними — и он опомнился. Вскоре после этого она вышла замуж за своего Нония и уехала с ним в Гицен. А Сулла ничего не забыл и так и не простил отца. И даже в конце жизни, когда у него уже будут тысячи книг и полсотни моделей Вселенной, он все еще будет жалеть о потерянной библиотеке Квинта Гавия Миртона и помнить о своем горе.

Воспоминания пронеслись; Сулла вернулся к настоящему — к размалеванной, топорной группе Аполлона и Дафны. Скользнув взглядом далее, он наткнулся на еще более ужасную статую Персея с головой Горгоны. Рывком вскочил он со скамьи, почувствовав в себе достаточно сил для встречи со Стихом. Твердой походкой Сулла прошел через сад в табlinий — кабинет, комнату, предназначенную исключительно для главы семьи. Но в силу отсутствия такового табlinий был предоставлен Сулле — единственному мужчине в доме.

Сулла вошел как раз в тот момент, когда прыщавый низкорослый бездельник набивал рот засахаренными фигами и тыкал липкими пальцами в книги, количество которых на стенных полках хоть и медленно, но увеличивалось.

Завидев Суллу, Стих поспешил отдернуть руки, издав при этом звук, похожий на тонкое ржание.

— К счастью, мне известно, что ты слишком глуп, чтобы уметь читать, — сказал Сулла, щелкнув пальцами спуге, стоящему в дверях. — Поди сюда, — велел он смазливому греку, который не стоил и десятой доли той суммы, что отвалила за него Клитумна. — Принеси воду и чистую тряпку и убери грязь за господином Стихом.

Злобный, пугающий взгляд Суллы так и сверлил Стиха. Тот безуспешно пытался вытереть запачканые сиропом руки о свою дорогую тунику.

— Я хочу, чтобы ты наконец выкинул из головы мысль найти у меня книжки с похабными картинками! Их у меня нет. Мне они не нужны. Такие книжки — для людей, у которых кишка тонка что-либо сделать. Например, для таких, как ты, Стих.

— Настанет день, — сказал Стих, — когда этот дом и все, что в нем, будет моим. Тогда ты больше не будешь таким высокомерным!

— Надеюсь, ты много жертвую богам, чтобы отдалить этот день, Луций Гавий, потому что это будет твой последний день. Если бы не Клитумна, я давно уже разрубил бы тебя на мелкие кусочки и скормил собакам.

Стих, вскинув бровь, уставился на тогу, обтекающую мощную фигуру Суллы. Не то чтобы он боялся Суллы... Он слишком давно знает его. Но — чувствовал некую опасность и потому предпочел отступить. Благородие, усиленное сознанием того, что глупая стареющая тетка Клити рабски предана этому человеку.

Сегодня, приехав час назад, Стих застал свою тетку и ее наперсницу Никополис в полном расстройстве, потому что их дорогой Луций Корнелий, видите ли, покинул дом в гневе. Когда Стих выпытал у Клитумны всю историю, от Метробия до заключительного скандала, его чуть не стошнило.

Поэтому сейчас он плюхнулся в кресло Суллы и сказал:

— Ну-ну, сегодня мы выглядим как истинные римляне! Мы присутствовали на инаугурации консулов, да? Смех, да и только! Твой род и вполовину не так знатен, как мой.

Сулла выдернул наглеца из кресла, так сильно скав руками его челюсти, что жертва не смогла издать ни звука. Когда же Стих вновь обрел способность дышать, он увидел выражение лица Суллы, и желание закричать у него пропало. Он только стоял, оцепенев, как истукан.

— История моего рода, — проговорил почти вежливо Сулла, — тебя не касается. А теперь — вон из моей комнаты!

— Эта комната не вечно будет твоей! — задыхаясь, выкрикнул Стих, поспешно направился к двери и почти столкнулся с рабом, который возвращался с тазом и тряпкой в руках.

— Не рассчитывай на это! — крикнул ему вдогонку Сулла.

Дорогостоящий раб бочком втиснулся в комнату, стараясь быть как можно более незаметным. Сулла брезгливо посмотрел на него сверху вниз.

— Ты, жеманный цветочек, прибери здесь все, — сказал он и ушел искать женщин.

Стих быстрее Суллы оказался у Клитумны, которая закрылась со своим драгоценным племянником и, как доложил управляющий, не велела беспокоить. Поэтому Сулла прошел по колоннаде, окружающей внутренний сад, к анфиладе комнат, где обитала Никополис.

Из кухни, расположенной в дальнем конце сада, доносился аромат чабреца. В помещении помимо кухни имелись также ванная и прачечная. Как в большинстве домов на Палатине, дом Клитумны был подсоединен к водопроводу и канализации. Таким образом, не нужно было ходить за водой к общественному фонтану и нести ночные горшки в ближайшую общественную уборную.

— Знаешь, Луций Корнелий, — произнесла Никополис, откладывая вышивание, — если бы ты хоть иногда забывал о своих аристократических амбициях, это пошло бы тебе на пользу.

Вздохнув, он удобно устроился на ложе, кутаясь в тогу, чтобы согреться, — в комнате было прохладно. Служанка по прозвищу Бити сняла с него зимнюю обувь. Бити была хорошенъкая жизнерадостная девушка с труднопроизносимым именем родом из далекой Битинии. Клитумна взяла ее у племянника, заплатив недорого, но оказалось, что нечаянно приобрела сокровище.

Закончив расшнуровывать ботинки, девушка быстро вышла и почти сразу же вернулась с парой толстых теплых носков, которые натянула на красивые, белоснежные ноги Суллы.

— Спасибо, Бити. — Он улыбнулся девушке и небрежно взъерошил ей волосы.

Служанка вся так и засияла. «Смешное маленькое существо», — подумал он с нежностью, удивившей его самого. Но потом он понял, что она напоминает ему соседку — Юлиллу...

— Что ты имеешь в виду? — спросил он Никополис.

— Почему Стих, это маленькое, жадное пресмыкающееся, должен унаследовать все, когда Клитумна соединится со своими сомнительными предками? Если бы ты хоть чуть-чуть изменил тактику, Луций Корнелий, дорогой мой друг, большую часть она оставила бы именно тебе. А у нее много, поверь мне!

— Что он там делает? Скулит, что я побил его? — спросил Сулла, взяв у Бити блюдо с орехами и вновь улыбнувшись ей.

— Конечно! Да еще приукрасил, я уверена. Я ни в коей мере не осуждаю тебя. Он отвратительный. Но он — ее единственный кровный родственник, и она любит его, поэтому не видит его недостатков. Но тебя она любит больше, заносчивый ты негодник! Поэтому, когда ты в следующий раз с нею встретишься, не будь надменным и гордым. Лучше преподнеси сцену с Липучкой Стихом в таком виде, чтобы затмить все, что он наговорил.

Он смотрел на нее почти заинтригованный, однако не без доли скепсиса.

— Нет. Она не такая дура, чтобы клюнуть на это.

— О дорогой мой Луций! Когда ты захочешь, ты можешь заставить любую женщину проглотить любой крючок. Попробуй! Только разок! Ради меня! — умоляла Никополис.

— Нет. Я окажусь в дураках, Ники.

— Ты ведь знаешь, что не окажешься, — настаивала Никополис.

— Никакие деньги в мире не заставят меня унижаться перед такими, как Клитумна!

— Всех денег в мире у нее нет, но достанет на то, чтобы ты стал сенатором, — прошептала искусительница.

— Нет! Это не так. Да, у нее есть этот дом, но она все тратит, а что не тратит она — транжирит этот Липучка Стих.

— Да нет же! Как ты думаешь, почему банкиры ловят каждое ее слово, будто она — добродетельная Корнелия, мать Гракхов? Она вложила в их банки довольно приличное состояние. К тому же она не тратит и половины своего дохода. Кроме этого, отдадим должное Липучке Стиху, он тоже не нуждается. Пока счетовод и управляющий его покойного батюшки способны работать, бизнес Стиха будет процветать.

Сулла рывком вскочил с ложа, складки его тоги освободились.

— Ники, а ты уверена, что не рассказываешь мне сказки?

— Я охотно рассказала бы тебе сказочку-другую, но только не про это, — отозвалась она, вдевая в иголку пурпурную шерстяную и золотую нить.

— Она доживет до ста лет, — спокойно заметил он, вновь опускаясь на ложе. Не чувствуя больше голода, он отдал Бити блюдо с орехами.

— Согласна, она может дожить до ста лет, — сказала Никополис, проткнув иглой ткань и очень осторожно протягивая блестящую нить. Ее большие черные глаза безмятежно смотрели на Суллу. — А может и не дожить. Ты знаешь, в ее роду не было долгожителей.

За дверью послышался шум. Очевидно, Луций Гавий Стих покидал наконец свою тетку Клитумну.

Сулла встал, служанка обула его в греческие сандалии. Его длинная и широкая тога спадала до самого пола, но он, кажется, не замечал этого.

— Хорошо, Ники, я попробую, но это будет единственный раз, — произнес он и усмехнулся. — Пожелай мне удачи!

Не успела она вымолвить слово, как он уже ушел.

Разговор с Клитумной не клеился. Стих знал, как преподнести историю, а Сулла не мог заставить себя унизиться до оправданий.

— Это ты виноват, Луций Корнелий, — раздраженно сказала Клитумна, нервно теребя унизанными кольцами пальцами

дорогую бахому своей шали. — Ты даже не хочешь постараться примириться с моим бедным мальчиком, в то время как он очень этого хочет!

— Он — грязное маленькое ничтожество, — процедил Сулла сквозь зубы.

В этот момент Никополис, подслушивавшая за дверью, грациозно вплыла в комнату и устроилась на скамье рядом с Клитумной. Скромницей посмотрела на Суллу.

— В чем дело? — осведомилась Ники с невинным видом.

— Это все мои два Луция, — пожаловалась Клитумна. — Не хотят ладить... А я так хочу, чтобы они поладили между собой!

Никополис освободила пальцы Клитумны от бахромы, отцепила несколько нитей, зацепившихся за оправу колец, и поднесла ее руку к своей щеке.

— Бедняжка моя! — сочувственно проговорила она. — Твои Луции — просто парочка драчливых петухов.

— Но им придется договориться, — сказала Клитумна, — потому что мой дорогой Луций Гавий на будущей неделе переезжает к нам.

— Тогда съезжаю я, — объявил Сулла.

Обе женщины завизжали: Клитумна — пронзительно, Никополис — как маленький котенок, которому сделали бо-бо.

— Хватит строить из себя деточек! — прошептал Сулла на ухо Клитумне. — Он более или менее знает ситуацию в доме. Как он сможет жить в доме с мужчиной, который спит между двух женщин, одна из которых — его собственная тетка?

Клитумна залилась слезами:

— Но он так хочет переехать ко мне! Как я могу отказать своему родному племяннику?

— Не беспокойся! Не будет меня — не станет и причин для недовольства, — сказал Сулла.

Увидев, что Сулла хочет уйти, Никополис схватила его за руку.

— Сулла, дорогой Сулла, не делай этого! — воскликнула она. — Ты ведь можешь спать со мной, а когда Стиха не будет дома, Клитумна тоже присоединится к нам.

— Хитро придумала! — Клитумна вся напряглась. — Хочешь заграбастать его только для себя, жадная свинья!

Никополис побледнела:

— Ну а что еще ты посоветуешь? Все твоя глупость! Из-за тебя мы попали в такое положение!

— Заткнитесь вы обе! — тихо прорычал Сулла. Все, кто знал его, боялись этого шепота больше, чем крика любого другого мужчины. — Вы так много таскались в театр, что приучились ломать комедию в жизни. Пора взросльеть. Довольно вульгарщины. Меня тошнит от всей этой ситуации, я устал быть мужчиной наполовину!

— Но ты вовсе не наполовину мужчина! Просто ты — две половинки. Одна моя, другая — Ники! — капризно возразила Клитумна.

Нельзя было сказать, что причиняло большую боль — ярость или горе. Находясь на грани помешательства, Сулла смотрел на своих мучительниц, не в состоянии ни думать, ни видеть.

— Я не могу так больше! — промолвил он вдруг с удивлением в голосе.

— Чепуха! Конечно, можешь, — самодовольно возразила Никополис, нисколько не сомневаясь в том, что ее мужчина никуда не денется из-под ее каблука. — А теперь иди и сделай что-нибудь стоящее. Завтра ты почувствуешь себя лучше. У тебя всегда так бывает.

Вон из дома, куда угодно! Сулла не соображал, куда идет. Ноги сами несли его по аллее с Гермала к той части Палатина, что выходила к Большому цирку и Капенским воротам.

Здесь дома стояли реже, было больше зелени. Палатинский холм — не очень модный район, слишком далеко от Римского Форума. Не замечая холода, в одной только домашней тунике, Сулла опустился на камень. Он не видел пустых рядов Большого цирка и красивых храмов Авентина. Мысленно он разглядывал перспективу, которая лежала перед ним и терялась в бесконечности. Его будущее было ужасно, отвратительно. Он видел кривую дорогу, по которой ему предстояло идти до самой смерти — без всякой надежды подняться наверх, с тоской, с полуоголенным существованием. Пронзившая его боль была невыносима, его трясло. Он вдруг услышал скрежет зубов и понял, что громко стонет.

— Ты болен? — послышался чей-то голос, тихий и робкий.

Сначала, подняв голову, он ничего не увидел. Боль застила глаза. Потом взгляд медленно прояснился, и он разглядел заостренный подбородок, золотистые волосы, лицо с широкими скулами, огромные глаза цвета меда.

Девушка опустилась перед ним на колени, закутанная в кокон домашней пряжи, — точно такая же, как на пустыре Флакка.

— Юлия! — вздрогнув, промолвил он.

— Нет, Юлия — моя старшая сестра. А меня зовут Юлилла, — откликнулась она с улыбкой. — Ты болен, Луций Корнелий?

— Болезнь мою не может вылечить врач. — Рассудок и память возвращались. Он осознал досадную правду последних слов Никополис. Завтра ему будет лучше. И это он ненавидел больше всего. — Я очень-очень хотел бы сойти с ума, — добавил он, — но, кажется, не смогу.

Юлилла так и не поднялась с колен.

— Если не можешь, значит, Фурии не хотят этого.

— Ты здесь совсем одна? — спросил он неодобрительно. — О чем думают твои родители, отпуская тебя гулять одну в такой час?

— Со мной моя служанка, — спокойно ответила она, откладываясь назад, на пятки. Вдруг глаза ее сверкнули озорно, уголки рта взлетели вверх. — Она хорошая девушка. Самая преданная и здравомыслящая.

— Ты хочешь сказать, что она разрешает тебе идти, куда хочешь, и не доносит на тебя. Но когда-нибудь тебя поймают... — И это говорил человек, которого не поймали — до конца его дней!

— Но пока-то меня не поймали, так зачем беспокоиться?

Замолчав, она без всякого смущения принялась рассматривать его лицо, явно довольная тем, что видела.

— Ступай домой, Юлилла, — вздохнул он. — Если тебя застукают, пусть это будет не со мной.

— Потому что ты — плохой человек? — спросила она без обиняков.

Сулла слабо улыбнулся:

— Можно сказать и так.

— А вот я не думаю, что ты плохой!

Какое божество послало ее в этот недобрый час? Благодарю тебя, неизвестный бог! Вдруг ему стало легко, словно действительно какой-то светлый гений, милостивый и добрый, пролетая, коснулся его. Странное чувство для человека, который почти не ведал добра.

— Нет, я плохой, Юлилла, — повторил он.

— Неправда! — Голос девочки прозвучал твердо и решительно.

Он уже распознал признаки нарождающегося девичьего обожания и знал, как можно убить его грубым словом или пугающим жестом. Но... не мог. Только не с ней. Она не заслуживала этого. Для нее он готов был порыться в своем заветном мешке, где

хранил всякие трюки, ухватки и приемы, и вынуть из него самого лучшего Луция Корнелия Суллу, свободного от фальши, грязи, вульгарности.

— Что ж, спасибо тебе за твою веру в меня, маленькая Юлилла, — проговорил он нерешительно, не зная, что она хотела услышать.

— У меня есть еще время, — серьезно сказала она. — Мы можем поговорить?

Он подвинулся на камне.

— Хорошо. Сядь сюда, земля слишком сырья.

— Говорят, что ты позоришь свое имя. Но я не понимаю, как это возможно. У тебя просто не было возможности доказать обратное.

— Думаю, именно твой отец — автор этих слов.

— Каких слов?

— Что я позорю свое имя.

Она возмутилась:

— О нет! Это не папа! Он — самый умный человек на свете.

— А мой был самым глупым. Мы с тобой находимся на противоположных концах римского общества, малышка Юлилла.

Разговаривая, она выдергивала длинную траву вокруг камня, обрывала корневища и тонкими проворными пальчиками плела венок.

— Вот, — сказала она наконец, протягивая венок ему.

У него перехватило дыхание. Будущее скжалось, приоткрылось, чтобы показать ему нечто, и вновь померкло. Боль вернулась.

— Венок из трав! — воскликнул он удивленно. — Нет! Это не для меня!

— Конечно, для тебя, — возразила она и, поскольку он не протянул руку за венком, наклонилась и возложила венок на голову Суллы. — Это должны быть цветы, но в это время года цветов нет.

Она не понимала! Ладно, он ничего не скажет ей. И все-таки сказал:

— Венок из цветов вручают только любимому.

— Ты и есть мой любимый, — тихо отозвалась она.

— Это ненадолго, девочка. Это пройдет.

— Никогда!

Он встал с камня, засмеялся, глядя на нее:

— Перестань! Ведь тебе не больше пятнадцати!

— Шестнадцать! — быстро уточнила она.

— Пятнадцать, шестнадцать, какая разница? Ты же еще ребенок.

Она покраснела от негодования, черты лица ее заострились.

— Я не ребенок! — закричала она.

— Конечно, ребенок. — Он снова засмеялся. — Посмотри на себя, вся спеленутая, маленькая пухлая глупышка.

Ну вот! Так-то лучше! Это должно поставить ее на место.

Да. Это поставило ее на место. И если бы только... Теперь это был цветок, убитый морозом, — сморщененный, мертвый. Свет померк в ней.

— Я некрасивая? — спросила она. — А я всегда думала, что красивая.

— Взросление — жестокая вещь, — резко произнес Сулла. — Думаю, почти во всех семьях родители говорят своим дочкам, что они красивые. Но мир судит по другим меркам. Когда ты станешь взрослой, у тебя будет муж.

— Я хочу только тебя, — прошептала она.

— Ну вот еще! Выбрось это из головы, откормленный глупенький щенок. Беги прочь, пока я не прищемил тебе хвостик. Давай! Кыш!

Она помчалась так быстро, что служанка не могла догнать ее, напрасно умоляя остановиться. Сулла стоял, глядя им вслед, пока они не исчезли за склоном холма.

Венок все еще оставался у него на голове. Рыжевато-коричневая трава оттеняла огненно-рыжие кудри. Сулла снял венок, но не бросил, а долго глядел на него, держа в руках. Потом спрятал в складках туники и пошел прочь.

Бедняжка. Он все-таки обидел ее. Но ее надо было отговорить. В его и без того сложной жизни не хватало только вздыхающей по нему соседской девчонки, да еще дочки сенатора.

С каждым шагом сухие стебли венка кололи его, напоминая о себе. *Corona Graminea*. Венец из трав. Награда спасителю. Возложенная на его голову здесь, на Палатине, где сотни лет назад стоял первый город Ромула, — несколько хижин под соломенными крышами, наподобие той, которая сохранилась возле лестницы Кака. Венец из трав, подаренный ему олицетворением Венеры — Юлией. Предназначение.

— Если это осуществится, я построю тебе храм, Венера-победительница! — громко крикнул Сулла.

Ибо наконец он увидел свой путь. Опасный. Отчаянный. Но терять ему нечего, а получить он может много. И это — невзирая на все препоны — на самом деле возможно.

Зимние сумерки уже опустились на город, когда Сулла вернулся в дом Клитумны и спросил, где женщины. Они были в столовой. О чем-то, как всегда, шептались в ожидании его. Еще не ужинали. Без сомнения, предметом разговора был он. При его появлении они быстро отодвинулись друг от друга с невинным выражением лица.

— Мне нужны деньги, — смело заговорил он.

— Но, Луций Корнелий... — начала было Клитумна, насторожившись.

— Заткнись, старая шлюха! Мне нужны деньги!

— Луций Корнелий!

— Я уезжаю отдохнуть, — заявил он, не двинувшись с места. — Тебе решать. Если ты хочешь, чтобы я вернулся, если ты хочешь, чтобы все продолжалось, как прежде, — дай мне тысячу денариев. Иначе я покидаю Рим навсегда.

— Каждая из нас даст тебе по половине этой суммы, — неожиданно вмешалась Никополис, пристально глядя на Суллу своими тревожными черными глазами.

— Сейчас же! — добавил он.

— Но в доме нет таких денег, — возразила Никополис.

— Лучше, если они каким-нибудь образом найдутся, потому что ждать я не намерен.

Пятнадцать минут спустя, когда Никополис вошла к нему в комнату, Сулла упаковывал вещи. Сев на его кровать, она молча смотрела, ожидая, когда он обратит на нее внимание.

И все-таки первая прервала молчание:

— Деньги у тебя будут. Клитумна послала управляющего к своему банкиру... Куда ты едешь?

— Не знаю, мне все равно. Только бы подальше отсюда.

— Ты складываешь вещи, как солдат.

— Откуда ты знаешь, как солдат собирает свои вещи?

— О, одно время я была любовницей военного трибуна. Поверишь ли, всюду ездила за ним! Чего только не сделаешь из-за любви — в молодости... Я обожала его. Я поехала за ним в Испанию, потом в Азию. — Она вздохнула.

— И что случилось потом? — спросил он, не переставая заниматься своим делом.

— Он был убит в Македонии, и я вернулась домой.

Жалость наполнила ее сердце, но не к погибшему любовнику, а к Луцию Корнелию. К пойманному в ловушку красивому льву, которому суждена грязная, отвратительная аrena. Почему человек любит? Это так больно... Она улыбнулась, но улыбка не украсила ее.

— Он оставил мне по завещанию все, что имел, и я стала довольно богатой. В те дни было много трофеев.

— Сердце мое истекает кровью, — фыркнул Сулла, положил бритвы в полотняный футляр и сунул в переметную суму.

По ее лицу пробежала судорога.

— Это мерзкий дом! — сказала она. — О, как я ненавижу его! Все мы злые и несчастные. Много ли истинно приятных слов говорим мы друг другу? Оскорблений, унижение, раздражение, злоба. Почему я здесь?

— Потому, дорогая моя, что ты стареешь, — пояснил он (она и так это знала). — Ты уже не та молоденькая девица, которая таскалась за солдатами по Испании и Азии.

— И ты ненавидишь нас, — продолжала она. — В этом причина? В тебе? И становится все хуже и хуже.

— Согласен. Становится хуже. Поэтому я и уезжаю — на время. — Он связал вместе оба мешка, легко их поднял. — Хочу побить свободным. Хорошо провести время в каком-нибудь сельском городишке, где меня никто не знает. Жрать там, пить до блеска, обрюхатить хотя бы полдюжины девок, раз пятьдесят подраться с мужиками, которые думают, что со мной можно справиться одной левой. Попробую задницы всех симпатичных мальчиков. — Он зло усмехнулся. — А потом, дорогая моя, обещаю, покорно вернусь домой. К тебе, Липкому Стиху и тете Клити. И заживем мы счастливо.

Он умолчал о том, что берет с собой Метробия. Старому Скилаксу он тоже ничего об этом не скажет.

И уж вообще никому, даже Метробию, Сулла не сообщил, что он на самом деле собирается предпринять. У него не было намерения отдыхать. Поездка задумывалась как познавательная. Сулле предстояло познакомиться с фармакологией, химией и ботаникой.

Он вернулся в Рим лишь в конце апреля. Оставив Метробия у Скилакса, на Целиевом холме, Сулла отправился в Капену, чтобы вернуть двуколку и мулов, которых там арендовал. Заплатив по счету, он перекинул через левое плечо переметные сумы и направил стопы в Рим. С ним не было слуги. Они с Метробием вынуждены были довольствоваться услугами персонала гостиниц и постоянных дворов, где останавливались, путешествуя по полуострову.

Сулла медленно шел по Аппиевой дороге, туда, где в кирпичной кладке крепостного вала находились Капенские ворота. Рим нравился Сулле. Согласно легенде, Сервиева стена была воздвигнута царем Сервием Туллием еще до установления Республики, но, как большинство патрициев, Сулла знал, что по крайней мере триста лет назад, когда галлы разграбили город, этих фортификаций еще не было. Несметными ордами галлы спустились с западных склонов Альп, наводнили долину реки Пад на далеком севере. Многие так и осели в тех краях, особенно в Умбрии и Пицене. Но те, кто прошли по Кассиевой дороге через Этрурию, направились прямо в Рим. Достигнув Рима, галлы изгнали почти всех исконных жителей. И только после этой катастрофы была возведена городская Сервиева стена. Италийцы же из долины Пада, всей Умбрии и Северного Пицена смешали свою кровь с кровью галлов и стали презреными полукровками. С тех пор Рим всегда следил, чтобы крепостной вал содержался в порядке. Урок они получили суровый, и страх перед вторжением варваров все еще жил в душе каждого римлянина.

Хотя на Целиевом холме имелось несколько дорогих высоких домов, местность до самых Капенских ворот в основном оставалась сельской. Здесь располагались скотный двор, скотобойня, курильни, пастбища для скота, который потом отсыпал на самый большой рынок во всей Италии.

А вот за Капенскими воротами начинался уже настоящий город. Не перенаселенное скопление домов, как Субура и Эсквилин, но тем не менее город. Сулла миновал Большой цирк, поднялся по лестнице Кака на Гермал. Оттуда уже недалеко до дома Клитумны.

У входа в дом он глубоко вздохнул и — постучал. И мгновенно очутился среди визжащих женщин. Никополис и Клитумна плакали и верещали от восторга, они висели у него на шее, а когда он стряхнул их, продолжали кружить возле, не желая ни на мгновение оставить его в покое.

— Где теперь я буду спать? — спросил он, отказываясь отдать свои переметные сумы слуге, которому очень хотелось их забрать.

— Со мной, — ответила Никополис, бросив победный взгляд на вдруг поникшую Клитумну.

Дверь в кабинет была плотно закрыта. Следуя за Никополис к колоннаде, Сулла приметил это. Он оставил мачеху в отчаянии ломать себе руки в атрии.

— Я так понимаю, что Липчика Стих теперь хорошо устроился? — спросил он Никополис.

— Сюда, — сказала она, не отвечая на его вопрос, — ей не терпелось показать ему свое новое жилище.

Она решила отдать ему свою просторную гостиную, оставив себе спальню и вторую комнату — маленькую. Сулла ощутил прилив благодарности. С едва уловимой печалью он посмотрел на нее, испытывая к ней в этот момент более теплые чувства, чем когда-либо.

— Это мне? — спросил он.

— Тебе, — ответила она, улыбаясь.

Сулла швырнул сумки на кровать.

— А Стих? — осведомился он, желая поскорее услышать худшее.

Конечно, она хотела, чтобы он поцеловал ее, занялся с ней любовью, но она слишком хорошо знала его, чтобы понимать: длительная разлука с ней и Клитумной — еще не повод. Любовь должна подождать. Вздохнув, Никополис смирилась с ролью информатора.

— Стих и правда основательно устроился, — признала она и прошла к сумкам, чтобы распаковать их.

Он решительно отстранил ее, затолкал сумки за сундук для одежды и направился к своему любимому креслу — оно было здесь. Никополис присела на кровать.

— Я хочу знать все новости, — сказал он.

— Стих здесь. Спит в спальне хозяина и пользуется кабинетом, конечно. С одной стороны, это даже лучше, чем мы ожидали. Видеть Стиха рядом каждый день — невыносимо даже для Клитумны. Еще несколько месяцев — и, я уверена, она выгонит его. Умно ты поступил, что уехал. — Она рассеянно поглаживала подушки. — Признаюсь, что зимой я так не думала, но ты оказался прав, а я не права. Стих въехал как триумфатор, а тебя нет. Омрачать его славу некому... Что тут началось! Твои книги были отправлены в мусорный ящик... нет, нет, все в порядке, слуги спасли их! За книгами последовали все твои личные вещи и одежда. Поскольку слуги тебя любят, а его терпеть не могут, твои вещи сохранились. Они здесь, в этой комнате.

Его тусклый взгляд скользнул по стенам, по красивому мозаичному полу.

— Хорошая комната, — одобрил он. — Продолжай.

— Клитумна пришла в отчаяние. Она не предполагала, что Стих выкинет твои вещи. Вообще я не думаю, что она сама хотела, чтобы он въехал, но когда он запросился к ней жить, не нашла способа отказать. Родная кровь, последний родственник, и все такое... Клитумна умом не блещет, но она очень хорошо знала: единственной причиной его переезда была надежда вышвырнуть тебя на улицу. Ведь Стих ни в чем не нуждается. Но тебя здесь не было, чтобы видеть, как выбрасывают твои вещи. Радость Стиха подисла. Ни ссор, ни сопротивления, ни твоего присутствия. Лишь угрюмые вялые слуги, плачущая тетя Клити — и я. Но я смотрела на него как на пустое место.

Маленькая служанка Бити робко вошла в комнату с подносом сдобных булочек, пирожков с мясом, сладких пирожных, поставила закуски на угол стола, застенчиво улыбнулась Сулле. Заметила за сундуком кожаный ремешок, соединяющий две сумки, направилась туда, желая распаковать вещи.

Сулла метнулся к девушке, чтобы перехватить ее, — так быстро, что Никополис поначалу ничего даже не поняла. Только что он сидел, удобно развалившись в кресле, — и в следующее мгновение уже спокойно отстраняет девушку от сундука. Улыбнувшись служаночке, Сулла слегка щипнула ее за щеку и выпроводил за дверь.

Никополис удивилась:

— В чем дело? Ты беспокоишься о своих сумках? Что в них? Ты как собака, стерегущая кость.

— Налей мне немного вина, — велел он, вновь опускаясь в кресло и беря с блюда пирожок с мясом.

Вина-то она налила — неразбавленного, но тему менять не собиралась.

— Ну же, Луций Корнелий, что там такого, в этих сумках, что ты никому не хочешь показывать?

Уголки губ его опустились. Он раздраженно всплеснул руками:

— Как ты думаешь, что там может быть? Я почти четыре месяца провел вдали от моих девочек! Признаюсь, не все время я думал о вас, но все-таки думал! Особенно когда видел какую-нибудь безделушку, которая могла бы глянуться которой-нибудь из вас.

Черты лица ее смягчились, лицо засветилось. Дарить подарки — это не в духе Суллы. Никополис не могла припомнить случая, чтобы Сулла подарил им что-нибудь, пусть даже самую пустяковую грошовую вещицу. Она хорошо разбиралась в людях и знала, что это не было признаком жадности или бедности. Щедрые люди дают, даже когда им нечего дать.

— О Луций Корнелий! — воскликнула она, вся сияя. — Правда? Когда я могу посмотреть?

— Когда я сделаюсь добреньким и буду готов показать, — ответил он, повернув кресло, чтобы выглянуть в окно. — Который час?

— Не знаю... около восьми, наверное. Во всяком случае, ужина еще не подавали, — сказала она.

Он встал, прошел к сундуку, зацепил пальцем ремешок и вытащил сумки. Перекинул их через плечо.

— Я вернусь к ужину, — сообщил он.

С открытым ртом она смотрела, как он идет к двери.

— Сулла! Ты самый невыносимый человек на всем белом свете! Клянусь! Не успел вернуться домой — и уже уходишь куда-то! Сомневаюсь, что ты идешь навестить Метробия, потому что брал его с собой!

При этих словах Сулла остановился. Усмехнувшись, он пристально посмотрел на женщину.

— О, понимаю! Скилакс приходил жаловаться, да?

— Можно сказать и так. Пришел как трагик, играющий Антигону, а ушел как комик, исполняющий роль евнуха. Клитумна определенно способствовала повышению его голоса! — Она засмеялась.

— Так ему и надо, старому развратнику. Ты знаешь, что он нарочно не разрешал мальчику учиться читать и писать?

Но сумки все-таки не давали Никополис покоя.

— Не доверяешь нам, боишься их оставить здесь? — спросила она.

— Я не дурак, — ответил он кратко — и отбыл.

Женское любопытство. Все-таки он дурак. Не предусмотрел этого. Целый час Сулла транжирил на рынке свой последний серебряный денарий из тысячи. Хотел оставить его на будущее... Женщины! Любопытные, во все сующие свой нос свиньи! Почему он не подумал об этом раньше?

Сумки наполнились шарфами, браслетами, легкомысленными восточными туфлями без задников, всякой ерундовой мишурой для волос. Слуга открыл Сулле, сообщив, что обе госпожи и господин Стих в столовой. Но он решил еще выждать и пока не встречаться с ними.

— Доложи, что я скоро присоединюсь к ним, — распорядился он и направился в комнаты Никополис.

В комнате никого не было. На всякий случай Сулла закрыл ставни и запер дверь на засов. Наспех купленные подарки вывалили кучей на стол вместе с несколькими новыми книгами. Выложил на кровать одежду. Затем с самого dna сумки извлек две пары носков, в которые были завернуты два небольших флакона, пробки которых были густо запечатаны воском. Вслед за флаконами появилась простая деревянная шкатулка — совсем небольшая, она могла уместиться на ладони. Не удержавшись, Сулла приподнял плотно прилегающую крышку. Там не было ничего особенного: только несколько унций белесого порошка. Сулла опустил крышку и решительно прихлопнул ее. Потом хмуро оглядел комнату. Куда?

Рядом выстроились на длинном узком столе старинные деревянные ларцы, выполненные в форме храмов. Реликвии дома Корнелия Суллы. Все, что он унаследовал от отца. Все, что отец не сумел выменять на вино — больше из-за того, что не мог найти покупателя, чем из нежелания продавать. Пять кубов со стороной в два фута, между колоннами — расписные деревянные дверцы. У каждого фронтон украшен резными храмовыми фигурами на коньке и на сливах. На простом антаблементе под фронтоном написано мужское имя. Первое — имя предка, общего для всех семи ветвей патрицианского дома Корнелиев. Второе — Публий Корнелий Руфин, консул и диктатор, который жил и умер около двухсот лет назад. Затем — его сын, дважды консул и один раз диктатор в период Самнитских войн, впоследствии изгнанный из Сената за утайку серебряного блюда. Первый Руфин, названный Суллой, — этот всю свою жизнь был фламином Юпитера Наилучшего Величайшего. И последнее имя — сын претора, Публий Корнелий Сулла Руфин, известный как основатель Iudi Apollinares — Аполлоновых игр.

Реликвию первого Суллы открыл Сулла теперешний — очень осторожно, ибо дерево за долгие годы совершенно обветшало. Когда-то краска была яркой, миниатюрные рельефные фигуры имели четкие очертания. Теперь же краски потускнели, облупились, фигуры обтерлись.

Конечно, Сулла никогда не отказывался от мысли найти наконец деньги и подновить семейные реликвии. Он бы хотел иметь дом с внушительным атрием, где мог бы с гордостью выставить ларари. Но сейчас его волновала иная мысль: как спрятать два флакона и шкатулку с порошком? Ему сразу пришло на ум, что для этого отменно подходит обиталище *flamen Dialis* — фламина Юпитера Наилучшего Величайшего, самого почитаемого человека в Риме тех дней.

Внутри находилась восковая маска в парике, выполненная с большим искусством, почти живое лицо. На Суллу смотрели глаза — голубые, в отличие от его собственных, бледно-серых. Кожа Руфина была светлой, но не такой белой, как у Суллы; волосы, густые и кудрявые, были скорее морковно-красного цвета, чем золотисто-рыжего. Маска была надета на деревянную болванку в форме головы, с которой ее можно было снять.

Последний раз ее извлекали во время похорон отца. Сулла оплатил эти похороны неприятной ценой нескольких свиданий с

человеком, которого презирал.

Нежно, осторожно Сулла закрыл дверцу. Потрогал ступени подиума, которые выглядели гладкими и бесшовными. Но, как и у настоящего храма, на самом деле этот подиум был полым. Сулла нажал на нужное место — и из передних ступеней выдвинулся ящик. Он не предназначался для тайного хранения чего-либо. Просто служил надежным местом, где можно держать летопись подвигов предка, а также подробное описание его роста, походки, осанки, физических привычек, особых примет. Когда какой-нибудь очередной Корнелий Сулла умирал, родственники покойногоанимали актера. Он надевал маску и имитировал умершего предка настолько точно, что можно было подумать, будто тот нарочно вернулся, дабы увидеть, как усопшего потомка его патрицианского рода провожают из мира, украшением которого он сам когда-то был.

В ящике находились документы, относящиеся к Публию Корнелию Сулле Руфину-жрецу, но оставалось еще довольно места для флаконов и шкатулки. Сулла положил их туда и задвинул ящик. Руфин сбережет его тайну.

Успокоившись, Сулла открыл ставни, снял с двери засов. Сгреб безделушки, раскиданные по всему столу, и злобно усмехнулся, вынув нужный свиток из стопки других.

Уж конечно, Луций Гавий Стих занимал место хозяина на левом конце среднего ложа. Это была одна из немногих столовых, где женщины скорее возлежали, чем сидели на стульях с высокими спинками, поскольку ни Клитумна, ни Никополис не желали следовать устаревшим правилам.

— Это вам, девочки, — сказал Сулла. Прямо на ходу он кинул двум обожающим его женщинам горсть подарков. Он хорошо выбрал: такие вещи могли быть куплены где угодно, не только на римском рынке.

Прежде чем опуститься на первое ложе между Клитумной и Никополис, он швырнул перед Стихом свиток.

— И кое-что для тебя, Стих, — добавил он.

Пока Сулла устраивался между женщинами, хихикающими и мурлыкающими от удовольствия, пораженный Стих развязал тесьму и развернул свиток. Два алых пятна вспыхнули на его желтовато-бледных прыщавых щеках, когда он увидел великолепно нарисованные и раскрашенные мужские фигуры. Они выполняли друг с другом атлетические упражнения. И у каждого была эрекция. Трясущимися пальцами Стих свернул папирус и перевязал его тесьмой. После этого он еще должен был собраться с силами и взглянуть на дарителя. Страшные глаза Суллы презрительно смеялись поверх головы Клитумны.

— Спасибо, Луций Корнелий, — пропищал Стих.

— Пожалуйста, Луций Гавий, — ответил Сулла низким голосом.

В этот момент внесли закуски, приготовленные наскоро, как подозревал Сулла, в честь его приезда. Помимо обычных оливок, латука и яиц, сваренных вкрутую, подали также фазаны сосиски и куски тунца в масле. Сулла ел с удовольствием, бросая злобные взгляды на Стиха, одиноко сидящего на своем ложе, в то время как его тетя старалась придвигнуться поближе к Сулле, а Никополис без всякого стыда оглаживала его пах.

— Ну, и какие же новости на домашнем фронте? — осведомился он, когда с первым блюдом было покончено.

— Ничего особенного, — сказала Никополис, которую больше интересовало то, что происходило под ее рукой.

Сулла повернулся к Клитумне.

— Я не верю ей, — заявил он, взял Клитумну за руку и стал покусывать ее пальцы. Заметив на лице Стиха выражение отвращения, он начал демонстративно их лизать. — Скажи ты мне, любовь моя, — лизнул, — потому что я отказываюсь верить, — лизнул, — что ничего не случилось. — Лизнул, лизнул, лизнул.

К счастью, в этот момент внесли главное блюдо. Жадная Клитумна вырвала руку, чтобы схватить кусок жареной барабанины в тимьяновом соусе.

— Наши соседи, — сказала она между глотками, — вполне компенсировали ту тишину, которая установилась в нашем доме, пока тебя не было. — Она вздохнула. — Жена Тита Геминия родила мальчика в феврале.

— Боги! Еще один будущий скряга-банкир! — прокомментировал событие Сулла. — Цецилия Пилия в порядке, надеюсь?

— Вполном! Никаких осложнений вообще.

— А что у Цезаря? — Он думал о восхитительной Юлии и о венце из трав, который она возложила на его голову.

— Там большие новости! — Клитумна облизала пальцы. — У них была свадьба. Собралось все высшее общество.

Что-то случилось с сердцем Суллы. Казалось, оно упало, словно камень, в самый низ живота да так и осталось там, болтаясь среди еды. Очень странное ощущение.

— Да? — переспросил он равнодушно.

— Правда! Старшая дочь Цезаря вышла замуж, и не за кого-нибудь, а за Гая Мария! Противный тип, правда?

— Гай Марий...

— Ты должен знать его, — заметила Клитумна.

— Не думаю. Марий... Должно быть, «новый человек».

— Именно. Пять лет назад он был претором, но стать сенатором ему так и не удалось. Зато он губернаторствовал в Верхней Испании и там сколотил крупное состояние: рудники и тому подобное, — пояснила Клитумна.

Почему-то Сулла вспомнил человека с лицом орла, которого видел на инаугурации новых консулов. На нем тогда была тога с пурпурной полосой.

— Как он выглядит?

— Гротеско, мой дорогой! Особенno брови! Как волосатые гусеницы. — Клитумна протянула руку к тушеной брокколи. — И кроме того, он лет на тридцать старше Юлии, бедняжки!

— Что в этом такого необычного? — резко спросил Стих, чувствуя, что пора и ему вставить словцо. — По крайней мере половина девиц в Риме выходят замуж за мужчин, которые годятся им в отцы.

Никополис нахмурилась.

— Я бы не сказала, что половина, — возразила она. — Правильнее было бы сказать, четверть.

— Но это же отвратительно! — воскликнул Стих.

— Отвратительно? Вздор! — энергично заявила Никополис, выпрямляясь, чтобы взгляд ее казался более эффектным. — Позволь заметить тебе, что старик многое может дать молодой девушке! Во всяком случае, более пожилые люди умеют быть заботливыми и благородными! Моим худшим любовникам было меньше двадцати пяти. Думают, что все об этом деле знают, а сами-то не знают ничего. Новобранцы! Кончат, не успев начать! Словно бык тебя боднул.

Поскольку Стиху было двадцать три года, он не сдержался.

— А ты? Полагаешь, ты все в этом деле постигла? — насмешливо осведомился он.

Она спокойно посмотрела на него:

— Да уж побольше тебя, недоносок.

— Ну, хватит! Сегодня давайте только веселиться! — воскликнула Клитумна. — Ведь наш дорогой Луций Корнелий вернулся!

Их дорогой Луций Корнелий тут же схватил свою мачеху, повалил ее на ложе и стал щекотать, пока она не завизжала, высоко вскинув ноги. Никополис в ответ принялась щекотать Суллу, и на ложе образовалась настоящая свалка.

Это уже было слишком. Схватив подаренную ему книгу, Стих поднялся с ложа и твердой походкой вышел из комнаты. А они даже не заметили, что он уходит! Как же все-таки изгнать этого человека? Тетка просто с ума по нему сходит! Даже когда Суллы

не было, Стих так и не удалось убедить ее выбросить его вещи. Она только плакала, жалуясь, что два ее дорогих мальчика не могут поладить.

Хотя Стих почти ничего не ел за обедом, расстраиваться он не стал. В табличии у него имелся хороший склад съестных припасов: полный кувшин его любимых фиг в сиропе, небольшой поднос медовых пирожков, который повар должен был все время пополнять, несколько видов ароматного желе, доставленного из Парфии, коробка крупного, сочного изюма, медовые пряники, вино на меду. Стих вполне мог обойтись без жареной баранины и тушеной брокколи. Он был сладкоежкой.

Подперев подбородок рукой, при свете пяти свечей, рассеивающих вечерние сумерки, Луций Гавий Стих жевал засахаренные фиги и внимательно рассматривал иллюстрации в книге. Читал короткие пояснения на греческом. Конечно, этим подарком Сулла хотел сказать, что сам он не нуждается в подобных книгах, потому что все это уже проделал на практике. Но это не умаляло интереса; Стих не был таким гордым. Ах! Ах, ах! Что-то происходило под его расшитой туникой! И он незаметно опустил руку на колени с таким невинным видом... Даже жаль становилось, что свидетелем этого был лишь кувшин с засахаренными фигами.

Поддавшись импульсу — и ненавидя себя за это, — Луций Корнелий Сулла на следующее утро шел через Палатин к тому месту, где он встретился с Юлиллой. Был самый разгар весны. То и дело попадались яркие пятна цветов: нарциссы, анемоны, гиацинты, фиалки, даже местами ранние розы. Дикие яблони в бело-розовом цвету. Камень, на котором он сидел тогда, в январе, теперь стал почти невидим среди буйно разросшейся травы.

Юлилла со служанкой была там. Она похудела, медовый цвет ее волос поблек. Когда она увидела его, дикая радость залила краской ее лицо, кожу, волосы — она стала красивой! О, никогда в мире, ни одна женщина не была такой красивой! От этого зрелица волосы зашевелились на голове. Сулла остановился как вкопанный. Его охватил благоговейный страх, граничащий с ужасом.

Венера. Она была Венерой. Повелительницей жизни и смерти. Ибо для чего дается жизнь, как не для продолжения рода, и что такое смерть, как не прекращение этой жизни? Все остальное — декорация, безвкусные украшения, которые придумали мужчины, чтобы убедить себя, что жизнь и смерть должны значить больше.

О, она была Венерой!.. Но делало ли это его Марсом, равным ей божеством? Или же он — Анхиз, простой смертный, которого она остановила, только вообразив, будто полюбила его?

Нет, Марсом он не был. Жизнь определила его быть лишь украшением. И при этом — самым дешевым, мишурой, блесткой. Кем же он может быть, как не Анхизом, человеком, чья настоящая слава заключалась лишь в том, что Венера на какой-то момент снизошла до него? Его трясло от ярости. И он направил всю свою злость и разочарование против нее. В нем возникло желание ударить ее, низвести Венеру до Юлиллы.

— Я слышала, что ты вчера вернулся, — сказала она, не двигаясь с места.

— Шпионов разослали? — осведомился он, не приближаясь к ней.

— На нашей улице этого не требуется, Луций Корнелий. Слуги знают все, — взразила Юлилла.

— Надеюсь, ты не воображаешь, что я пришел сюда в поисках тебя? Потому что это не так. Я пришел сюда в поисках покоя.

Она действительно еще больше похорошела, хотя он не думал, что это возможно. «Моя девочка-мед», — подумал он. Юлилла... Имя сорвалось с губ, как капля меда. Как имя Венеры.

— Значит ли это, что я нарушила твой покой? — спросила она. И до чего уверена в себе — необычайно для такой молодой девушки!

Он засмеялся. Ему удалось сделать так, что смех прозвучал легко, весело.

— О боги! Девочка, сколько же тебе еще расти! — воскликнул он, смеясь. — Я сказал, что пришел сюда в поисках покоя. Это значит, что я надеялся здесь его найти. Если подумать хорошенько, то ни на йоту ты не нарушаешь моего покоя.

Она все еще сопротивлялась.

— И вовсе нет! Это должно означать, что ты не ожидал увидеть меня здесь.

— Вот мы и пришли к тому, с чего начали, — к равнодушнию, — сказал он.

Конечно, состязание было не на равных. У него на глазах она съежилась, потускнела — бессмертная стала смертной.

Лицо ее сморщилось, но ей удалось сдержать слезы. Юлилла только смотрела на него — озадаченно. То, как он выглядел и что говорил, никак не соотносилось с тем, что чувствовало ее сердце. А сердце говорило, что он попал в ее сети.

— Я люблю тебя! — сказала она, словно это все объясняло.

Он опять засмеялся:

— Что ты можешь знать о любви в пятнадцать лет?

— Мне уже шестнадцать!

— Послушай, дитя, — резко сказал Сулла, — оставь меня в покое! Ты не только назойлива и несносна, но уже становишься обременительной. — Он повернулся и пошел прочь, ни разу не оглянувшись.

Юлилла не разразилась слезами; но было бы лучше, если бы она заплакала. Неистовые и мучительные рыдания помогли бы ей понять, что она была неправа. Что у нее нет ни шанса заполучить его.

Она направилась туда, где ждала Хрисеис, ее служанка, делая вид, будто разглядывает пустынный Большой цирк. Юлилла шла с высоко поднятой головой. Она была гордой.

— С ним будет трудно, — сказала она, — но ничего. Рано или поздно он будет моим, Хрисеис.

— Не думаю, что он хочет тебя, — сказала Хрисеис.

— Конечно, он хочет меня! — фыркнула Юлилла. — Он отчаянно хочет меня!

Зная Юлиллу, Хрисеис предпочла смолчать. Вместо того чтобы попытаться урезонить хозяйку, она лишь вздохнула, пожала плечами:

— Поступай, как знаешь.

— Я всегда так и делаю, — отрезала младшая дочь Юлия Цезаря.

Они молча направились домой. Это было для них необычно — обе считались болтушками. Госпожа и служанка были почти ровесницами — они и выросли вместе. Возле огромного храма Великой Матери Юлилла решительно сказала:

— Я откажусь есть.

Хрисеис остановилась.

— И как ты думаешь, к чему это приведет?

— Ну, в январе он сказал, что я толстая. Я была толстой.

— Юлилла, ты не толстая!

— Толстая. Поэтому с января я не ела сладостей. И похудела, но еще недостаточно. Ему нравятся худые женщины. Посмотри на Никополис. У нее руки, как палочки.

— Но она старая! — воскликнула Хрисеис. — Что хорошо для тебя, нехорошо для нее. Кроме того, твои родители беспокоятся, если ты перестанешь есть. Они подумают, что ты заболела!

— Вот и хорошо, — молвила Юлилла. — Если они решат, что я заболела, так же подумает и Луций Корнелий. И

забеспокоится обо мне.

Лучших и более убедительных аргументов Хрисеис не могла и придумать, ибо она не блистала ни умом, ни здравомыслием. Поэтому она попросту залилась слезами, чем доставила Юлилле большое удовольствие.

Спустя четыре дня после возвращения Суллы в дом Клитумны Луций Гавий Стих слег с несварением желудка. Встревоженная Клитумна созвала поддюжину самых известных докторов Палатина; общий диагноз гласил: отравление пищей.

— Рвота, колики, понос — классическая картина, — заключил их спикер, римский врач Публий Попиллий.

— Но он же не ел ничего, чего не ели бы и мы! — возразила Клитумна с неподдельным страхом в голосе. — Он вообще ест куда меньше, чем мы, и это меня тревожит больше всего!

— Ах, госпожа, думаю, ты заблуждаешься, — еле слышно пробормотал длинноносый грек Афинодор Сикул, практикующий врач, известный своим стремлением всегда докопаться до самой сути. Он прошелся по дому, заглянул в каждую комнату, в атрий, в покой, расположенные вокруг внутреннего сада. — Тебе, разумеется, известно, что у Луция Гавия в кабинете целая лавка сладостей?

— Фи! — взъигнула Клитумна. — Ну уж и лавка! Несколько фиг да пирожков, вот и все. Да он почти и не притрагивается к ним!

Шестеро ученых мужей переглянулись.

— Госпожа, он поглощает их весь день и еще полночи — так мне сообщили твои слуги, — сказал Афинодор-сицилиец. — Настоятельно советую убедить его отказаться от кондитерских изделий. Если он будет питаться надлежащей пищей, не только исчезнут проблемы с желудком, но и общее состояние существенно улучшится.

Луций Гавий Стих слушал все это, простертый на своем ложе. Он был слишком слаб, чтобы что-то сказать в свою защиту. Его слегка выпущенные глаза перебегали с одного лица на другое.

— У него прыщи, кожа плохого цвета, — заметил другой врач, грек из Афин. — Он делает упражнения?

— Ему этого не требуется, — сказала Клитумна, но в голосе ее прозвучало едва уловимое сомнение. — По роду своих занятий он гоняется по всему городу, постоянно на ногах, уверяю вас!

— И чем же ты занимаешься, Луций Гавий? — поинтересовался врач-испанец.

— Я — работоговец, — сказал Стих.

Поскольку все участники консилиума, кроме Публия Попиллия, начинали свою жизнь в Риме как рабы, в их глазах вспыхнула злость. Они отошли подальше от больного — под тем предлогом, что им пора уходить.

— Если он захочет сладкого, пусть ограничится медовым вином, — рекомендовал напоследок Публий Попиллий. — Дня два-три лучше воздержаться от еды, а потом, когда он вновь почувствует голод, давай ему нормальную пищу. Обрати внимание, госпожа, я сказал: нормальную! Бобы, а не засахаренные фрукты. Холодные закуски, а не сладости.

Через неделю состояние Стиха улучшилось, но полностью он так и не поправился. Хотя он и ел теперь только питательную и здоровую пищу, его иногда мучили тошнота, рвота, боль и диарея. Приступы были не так сильны, как вначале, но изнурительны. Он начал понемногу терять в весе, но пока этого в доме никто не замечал.

К концу лета он уже не мог дойти до своей contadorы в портике Метеллов. Потрясающая книга с иллюстрациями, которую подарил ему Сулла, перестала его интересовать. Он не мог проглотить пищу. Единственное, что ему иногда удавалось, — это выпить медового вина.

К сентябрю у него перебывали все врачи Рима. Диагнозы ставились самые разнообразные, не говоря уже о средствах лечения, особенно после того, как Клитумна прибегла к помощи знахарей.

— Давайте ему кушать все, что он хочет, — советовал один врач.

— Не давайте ему ничего, пусть поголодает, — рекомендовал другой.

— Только бобы! — настаивал врач, последователь Пифагора.

— Успокойтесь, — сказал домашним Стихи носатый Афинодор Сикул. — Что бы это ни было, оно не заразно. Я считаю, что у больного злокачественное образование в пищеводе. Однако следует проследить, чтобы те, кто контактирует с больным, и те, кто чистят его горшок, после этого тщательно мыли руки. Не допускайте их к кухне и к приготовлению пищи.

Прошло еще два дня — и Луций Гавий Стих умер. Вне себя от горя Клитумна после похорон сразу же покинула Рим, умоляя Суллу и Никополис поехать с ней в Цирцею. Там у нее была вилла. Сулла проводил ее до побережья Кампании, однако он и Никополис отказались покинуть Рим.

Возвратившись из Цирцеи, Сулла поцеловал Никополис и выехал из ее комнат.

— Я возвращаюсь в табlinий и свою спальню, — объявил он. — В конце концов, теперь, когда Липкий Стих помер, я — ближайший наследник Клитумны, почти сын.

Он бросил иллюстрированные свитки в ведро и скег их. С искаженным от омерзения лицом он жестом пригласил Никополис, которая стояла на пороге кабинета.

— Полюбуйся! В этой комнате нет ни пяди чистого, не липкого пространства!

Кувшин медового вина стоял на бесценной консоли из цитрусового дерева. Подняв кувшин, Сулла увидел липкие пятна, въевшиеся в древесину среди изящных завитушек. Процедил сквозь зубы:

— Что за таракан! Прощай же, Липкий Стих!

И швырнул кувшин в открытое окно на колоннаду перистиля. Но кувшин пролетел дальше и разбился на тысячу осколков о цоколь «любимой» статуи Суллы — Аполлона, преследующего Дафну. Огромное пятно густого вина разлилось по гладкому камню и длинными струйками стало стекать на землю.

Метнувшись к окну, Никополис захихикала.

— Ты прав, — сказала женщина. — Сущий таракан!

И послала свою маленькую служанку Бити помыть пьедестал и вытереть тряпкой насухо.

Никто не заметил следов белого порошка, приставшего к мрамору, потому что мрамор был тоже белый. Вода сделала свое дело: порошок исчез.

— Я рада, что ты не попал в саму статую, — сказала Никополис, сидя у Суллы на коленях. Оба смотрели, как Бити отмывает скульптуру.

— А мне жаль, — сказал Сулла, но вид у него был очень довольный.

— Жаль? Луций Корнелий, эти восхитительные краски статуи были бы испорчены! Хорошо, что цоколь каменный и не раскрашен.

Верхняя губа Суллы вздернулась, обнажив зубы.

— Ох! Почему так получается, что меня всегда окружают безвкусные дураки? — воскликнул он, сталкивая Никополис со своих колен.

Пятно исчезло полностью. Бити выжала тряпку и вылила воду из таза на анютины глазки.

— Бити! — крикнул Сулла. — Вымой руки, девочка, очень хорошо вымой! Неизвестно, от чего умер Стих, а он очень любил медовое вино. Давай, иди!

Вся засияв от счастья, что Сулла заметил ее, Бити ушла.

* * *

— Сегодня я увидел очень интересного молодого человека, — сказал Гай Марий Публию Рутилию Руфу.

Они стояли возле храма Теллус-Земли в Каринах — одном из самых богатых кварталов Рима, по соседству с домом Рутилия Руфа. В этот ветреный день здесь приветливо светило солнышко.

— Здесь солнца больше, чем в моем перистиле, — заметил Рутилий Руф, подводя своего гостя к деревянной скамье возле просторного, но обветшалого храма. — Исконными древними богами пренебрегают в наши дни, особенно моей дорогой Теллус, — продолжал он. — Все нынче бьют поклоны Великой Матери Азийской и забыли, что Риму лучше бы молиться своей собственной Земле!

Гай Марий заговорил о своей встрече с интересным человеком, чтобы предотвратить угрожающую ему проповедь об исконных римских богах — самых древних, самых призрачных и таинственных. Прием сработал. Рутилий Руф всегда был неравнодушен к интересным людям любого возраста и пола.

— И кто же это был? — спросил он, подставляя лицо лучам солнца и жмурясь от удовольствия, словно старый пес.

— Молодой Марк Ливий Друз. Ему лет семнадцать-восемнадцать.

— Мой племянник Друз?

Марий изумленно повернулся:

— Как? Он..

— Да, если, конечно, твой «интересный молодой человек» — сын Марка Ливия Друза, который одержал победу в январе и намерен выставить свою кандидатуру на должность цензора на следующий год, — сказал Рутилий Руф.

Марий засмеялся, качая головой:

— О, как неловко! Почему я никогда не запоминаю таких вещей!?

— Просто моя жена Ливия никогда не выходила на люди. Никогда не обедала со мной в присутствии гостей. Она умерла несколько лет назад. Она — это я говорю так, просто чтобы освежить твою рассеянную память — была сестрой отца интересующего тебя юноши.. Ливии Друзы склонны, к сожалению, подавлять своих женщин. Замечательная у меня была жена. Подарила мне двух чудесных детей, никогда мне не перечила. Я высоко ценил ее.

— Я знаю, — смущенно проговорил Марий. Ему не нравилось, когда его так «ловили». Неужели он никогда их всех так и не запомнит? Но действительно, хотя Рутилий Руф и был его давним другом, Марий ни разу не видел его застенчивую жену. — Ты должен снова жениться, — сказал он наконец, восторг от собственной недавней женитьбы.

— Чтобы составить тебе компанию? Нет уж, спасибо! Я нашел выход своим чувствам — пишу письма. — Руф открыл свой синий глаз и посмотрел на Мария. — Кстати, чем тебе так приглянулся мой племянник Друз?

— За последнюю неделю ко мне обратилось несколько групп итальянских союзников. Все они принадлежали к разным народам, и все горько жаловались, что Рим злоупотребляет рекрутами, — медленно проговорил Марий. — Я считаю, что у них есть веские основания для жалоб. Вот уж лет десять, если не более, почти каждый консул бездумно жертвует жизнями своих солдат, словно люди — скворцы или воробы! И всегда первыми гибнут итальянские союзники, потому что вошло в привычку пускать их в бой впереди римлян в любом столкновении, где предполагаются большие потери. Редкий консул считается с тем обстоятельством, что итальянские солдаты принадлежат своему народу и именно он платит за них, а не Рим.

Рутилий Руф никогда не возражал против завуалированных дискуссий. Он слишком хорошо знал Мария, чтобы понять: то, о чем сейчас говорил старый друг, не имело никакого отношения к его племяннику Друзу. И охотно поддержал это явное отклонение от темы:

— Итальянские союзники стали частью римской армии, чтобы объединить все силы по обороне полуострова. Они поставляют солдат и за это получили особый статус наших союзников — в дополнение ко многим другим выгодам. И не последнее дело — объединение наций полуострова. Итальянские рекруты нужны Риму, чтобы вместе бороться за общее дело. В противном случае один маленький народ шел бы войной на другой — и, без сомнения, урон был бы куда значительнее, чем от потерь любого римского консула.

— С этим можно поспорить, — возразил Марий. — Они сами могли бы объединиться и образовать единую итальянскую нацию!

— Поскольку союз с Римом существует уже на протяжении трехсот лет, мой дорогой Гай Марий, я не понимаю, к чему ты сейчас клонишь, — сказал Рутилий.

— Депутации, которые обращаются ко мне, утверждают, что Рим использует их войска в иностранных войнах, абсолютно невыгодных для Италии, — терпеливо объяснил Марий. — Начальной наживкой для итальянцев было обещание римского гражданства. Но, как тебе известно, прошло почти восемьдесят лет с тех пор, как последняя итальянская или латинская община получала гражданство. Понадобилось восстание вольсков во Фрегеллах, чтобы добиться от Сената уступок для латинских общин!

— Ты упрощаешь, — сказал Рутилий Руф. — Мы и не обещали итальянским союзникам римских гражданских прав — немедленно и полностью. Мы предложили им постепенное предоставление этих прав в ответ на лояльность. В первую очередь — латинские привилегии.

— Латинские привилегии значат очень мало, Публий Рутилий! В лучшем случае они дают довольно ничтожные, второстепенные права. Италийцы не имеют голоса на выборах в Риме.

— Ну да, но спустя пятнадцать лет после мятежа во Фрегеллах ты должен признать: положение с латинскими привилегиями несколько улучшилось, — упрямо продолжал Рутилий Руф. — Каждый, кто занимает должность судьи в латинском городе, теперь автоматически получает полное римское гражданство для себя и своей семьи.

— Знаю, знаю. Это также означает, что теперь в каждом латинском городе наберется значительное количество римских граждан, которое к тому же все время увеличивается! Не говоря уж о том, что закон обеспечивает Рим новыми гражданами. Причем именно такими, какими им надлежит быть, — состоятельными людьми, важными персонами местного значения. Людьми, которые будут правильно голосовать на римских выборах, — съязвил Марий.

Рутилий Руф вскинул брови:

— И что в этом плохого?

— Знаешь, Публий Рутилий, хоть ты и человек прогрессивных взглядов, в глубине души ты такой же консервативный римский аристократ, как Гней Домиций Агенобарб! — резко прервал его Марий, стараясь все же сдерживаться. — Почему ты отказываешься видеть, что Рим и Италия — это одно и то же, союз равных?

— Потому что это не так, — ответил Рутилий Руф. Ощущение безмятежного благополучия стало улетучиваться. — Послушай-ка, Гай Марий! Как ты можешь сидеть здесь, в стенах Рима, и ратовать за политическое равенство между римлянами Рима и итальянцами? Рим — не Италия! Рим не случайно занимает первое место в мире, и добился он этого без итальянских солдат! Рим — это нечто особое!

— Ты хочешь сказать, что Рим — исключительный, превыше всего? — уточнил Марий.

— Да! — Казалось, Рутилий Руф раздулся от гордости. — Рим — это Рим. Рим — действительно исключительный. И он превыше всего!

— А тебе никогда не приходило в голову, Публий Рутилий, что если бы Рим взял всю Италию — даже итальянских галлов

Падуи — под свою гегемонию, то стал бы только сильнее? — спросил Марий.

— Вздор! Рим перестал бы быть римским, — возразил Рутилий.

— И это, по-твоему, его ослабит?

— Конечно.

— Но сегодняшнее положение — это фарс! — настойчиво произнес Марий. — Италия похожа на шахматную доску! Районы с полным гражданством, районы с латинскими привилегиями, районы просто со статусом союзников — все смешалось. Альба Фуценция и Эзерния, наделенные латинскими привилегиями, окружены италийцами, марсиями и самнитами... Колонии, разбросанные по Падуе среди галлов... Какое там может быть реальное чувство единства с Римом?

— Образуя римские и латинские колонии среди италийцев, мы добиваемся их покорности, — объяснил Рутилий Руф. — Люди с полным гражданством или обладающие латинскими привилегиями нас не предадут. Им это невыгодно, если учесть альтернативу.

— Ты, наверное, имеешь в виду войну с Римом? — спросил Марий.

— Ну, это уж слишком. Я так не сказал бы, — ответил Рутилий Руф. — Скорее потеря привилегий для римских и латинских общин будет невыносимой. Не говоря уж об утрате социальной значимости и положения.

— Dignitas — достоинство — это все, — сказал Марий.

— Именно.

— Значит, ты считаешь, что влиятельные люди из этих римских и латинских общин не допустят мысли о союзе с италийцами против Рима?

Рутилий Руф был в шоке:

— Гай Марий, что ты говоришь? Ты же не Гай Гракх! Ты ведь не сторонник реформ!

Марий поднялся со скамьи, несколько раз прошелся взад-вперед, бросил свирепый взгляд из-под свирепых бровей на Рутилия — тот был значительно меньше ростом, а тут еще как-то сжался, словно готовясь защищаться.

— Ты прав, Рутилий Руф, я не реформатор. Смешно даже сравнивать меня с Гаем Гракхом. Но я практичный человек и, смею надеяться, обладаю толикой разума. Кроме того, я не патриций, не римлянин из римлян, о чем всякий рад мне лишний раз напомнить. Возможно, мои сельские предки одарили меня своеобразной независимостью, какой никогда не было ни у одного римского патриция. Я предвижу неприятности в нашей шахматной Италии. Да, Публий Рутилий, предвижу! Я слушал то, что недавно говорили мне италийские союзники. Я чую перемены. Ради Рима, я надеюсь, наши консулы впредь будут мудрее использовать италийские войска, нежели консулы прошлых лет.

— Я тоже надеюсь, хотя не совсем по тем же причинам, — отозвался Рутилий Руф. — Плохое командование в принципе преступно. Особенно когда приводит к напрасной гибели солдат, римских или италийских. — Он раздраженно глянул вверх на маячившего перед ним Мария. — Да сядь ты, прошу тебя! Твоя ходьба меня раздражает.

— Это ты меня раздражашь, — сказал Марий, но покорно сел, вытянув ноги.

— Ты набираешь клиентов среди италийцев, — сказал Рутилий Руф.

— Правильно. — Марий внимательно смотрел на свое сенаторское кольцо, золотое, а не из железа. Только старейшие сенаторские семьи традиционно носили железные кольца. — Однако я не один так поступаю. К примеру, Гней Домиций Агенобарб целые города числит среди своих клиентов, главным образом защищая уменьшение их налогов.

— Или даже освобождая их от налогов.

— А Марк Эмилий Скавр? Его клиентура — северные италийцы, — продолжал Марий.

— Да, но согласись: он все-таки более цивилизованный по сравнению с Гнеем Домицием, — возразил Рутилий Руф. Он был сторонником Скавра. — По крайней мере, он делает много хорошего для своих городов-клиентов. Там осушит болото, здесь построит новый дом свиданий.

— Допустим. Не забывай, кстати, Цецилиев Метеллов из Эtruрии. Эти тоже — деловые!

Рутилий Руф глубоко вздохнул:

— Гай Марий, ты очень много говоришь, но я так и не пойму, что ты хочешь сказать.

— Да я и сам не знаю, — ответил Марий. — Просто чую скрытое волнение среди известных семей и все больше убеждаюсь в значимости италийских союзников. Не думаю, чтобы сами они сознавали ее — или понимали, какую опасность создает это для Рима. Они действуют, движимые инстинктом. Каким-то чувством, в котором едва ли отдают себе отчет. Что-то витает в воздухе...

— Да ты прозорливец, Гай Марий, — сказал Рутилий Руф. — И хоть я тебя и рассердил, но все же хорошо запомнил то, что ты сказал. На первый взгляд, клиент не так уж и полезен. Патрон дает клиенту куда больше, чем клиент — патрону. Разве что на выборах или при угрозе какого-то бедствия... Может быть, клиент сможет помочь, не поддержав кого-либо, кто действует против интересов его патрона. Инстинкты очень важны, тут я с тобой согласен. Они как маяки — высвечивают скрытые факты задолго до того, как их обнаружит логика. Так что, может, ты и прав, когда говоришь о скрытом волнении. Возможно, присписать всех италийских союзников в качестве клиентов к какой-нибудь известной римской фамилии — один из способов предотвратить грозящую опасность. Честно говоря, я попросту не знаю.

— И я не знаю, — признался Марий. — Но набираю клиентов.

— И сохраняешь спокойствие, — сказал Рутилий Руф, улыбаясь. — Мы начали разговор, как я помню, с моего племянника Друза.

Марий подобрал ноги и вскочил со скамьи так быстро, что даже напугал Рутилия, который вновь подставил лицо солнцу и зажмурил глаза.

— Да, мы начали с этого! Пошли, Публий Рутилий, может быть, мы не опоздали и я покажу тебе пример нового отношения знатных семей к италийским союзникам!

— Иду, иду! А куда?

— На Форум, конечно! — Марий направился вниз по склону, чтобы выйти на улицу. По пути он продолжал говорить: — Сейчас идет суд, и, если нам удастся, мы успеем увидеть финал.

— Удивляюсь, что ты вообще обратил на это внимание, — сухо произнес Рутилий Руф. Обычно Марий не интересовался судебными процессами.

— А я удивляюсь, что ты не посещаешь их каждый день, — отрезал Марий. — В конце концов, это дебют твоего племянника Друза в качестве адвоката.

— Нет! Дебют его состоялся несколько месяцев назад, когда он защищал главного трибуна Казначейства по делу о возмещении определенной суммы, которая непонятно куда подевалась.

Марий пожал плечами, прибавив шагу.

— Тогда это объясняет то, что я считал твоим упущением. Однако, Публий Рутилий, тебе следует повнимательнее следить за карьерой молодого Друза. Если бы ты делал это, мои слова об италийских союзниках имели бы для тебя больший смысл.

— Просвети меня, — сказал Рутилий Руф, немного задыхаясь. Марий всегда забывал, что его ноги длиннее.

— Однажды я услышал, как кто-то говорит на прекрасной латыни, да к тому же прекрасным голосом. Я подумал, что это новый оратор, и остановился посмотреть. Это и был твой молодой племянник Друз, ни больше ни меньше! Удивляюсь, как это я не связал его имя с твоим.

— Кого он обвиняет на этот раз? — спросил Рутилий Руф.

— В том-то и дело, что не обвиняет, — сказал Марий. — Он защищает — причем перед претором по делам иностранцев. Как тебе это нравится? Очень серьезное дело. Присутствуют присяжные.

— Убийство римлянина?

— Нет. Банкротство.

— Странно, — задыхаясь, проговорил Рутилий Руф.

— Думаю, это должно послужить примером, — сказал Марий, не убавляя шага. — Истец — банкир Гай Оппий, обвиняемый — марсий, деловой человек из города Маррувия, по имени Луций Фравк. По словам моего осведомителя, профессионального завсегдатая судов, Оппий устал от больших долгов на итальянских счетах и решил, что настало время устроить показательный процесс над итальянцем здесь, в Риме. Его истинная цель — попугать остальных итальянцев, чтобы они продолжали выплачивать эти непомерные проценты.

— Налог, — пропыхтел Рутилий Руф, — установлен в десять процентов.

— Если ты римлянин, — сказал Марий, — и предпочтительно римлянин из обеспеченных.

— Продолжай в том же духе, Гай Марий, — и ты кончишь, как братья Гракхи: будешь трупом.

— Ерунда!

— Пойду-ка я лучше домой, — сказал Рутилий Руф.

— Ты совсем уж размяк, — констатировал Марий, глядя на своего спутника, бегущего вялой рысцой. — Хороший поход наладил бы твоё дыхание, Публий Рутилий.

— Хороший отдых способствовал бы этому лучше, — замедляя бег, проговорил Рутилий Руф. — Я действительно не понимаю, зачем мы туда идем.

— Во-первых, потому, что, когда я покидал Форум, у твоего племянника оставалось еще два с половиной часа, чтобы подготовить заключительную речь, — сказал Марий. — Понимаешь ли, это экспериментальный процесс, на котором внесены изменения в процедуру суда. Сначала заслушиваются свидетели, потом дают два часа для подготовки обвинителю, затем три часа защитнику, после чего приглашенный претор спросит жюри, какой вердикт они вынесли.

— Старый способ тоже был неплох, — заметил Рутилий.

— Думаю, новый способ ведения сделал весь процесс более интересным для зрителей, — отозвался Марий.

Они спустились по Священной улице, дошли до Римского Форума. Пока Марий отсутствовал, в расстановке фигур на суде никаких изменений не произошло.

— Отлично, мы поспели к заключительной речи, — сказал Марий.

Марк Ливий Друз все еще говорил. Его слушали в полной тишине, затаив дыхание. Адвокат был явно моложе двадцати лет, среднего роста, коренастый, с приятным лицом.

— Разве он не удивительный? — прошептал Марий Рутилию. — Он заставляет тебя думать, что обращается именно к тебе лично — и больше ни к кому.

Марий был, несомненно, прав. Даже на расстоянии — ибо Марий и Рутилий Руф стояли позади большой толпы — казалось, будто черные глаза Друза смотрят в твои глаза. И только в твои.

— Нигде не сказано, что факт римского гражданства автоматически делает человека правым, — говорил молодой человек. — Я произношу это не в защиту Луция Фравка, обвиняемого, я говорю это в защиту Рима! В защиту чести! В защиту честности! В защиту справедливости! Не той фальшивой справедливости, которая толкует закон буквально, а той, что толкует его согласно логике. Закон не должен превращаться в громоздкий и тяжелый груз, который обрушивается на человека и сминает отдельные личности в общую однородную массу. Люди — не однородная масса! Закон должен быть мягкой прстыней, которая обволакивает человека, не скрывая неповторимости каждого. Нам надлежит помнить — помнить всегда! — что мы, граждане Рима, являемся примером для остального мира — особенно в части наших законов и судов. Где еще вы встретите такую умудренность? Такие отточенные формулировки? Такой интеллект? Такую тщательность? Такую мудрость? Разве не признают этого даже афинские греки? Александрийцы? Пергамиты?

Язык его тела был великолепен, даже при недостатках роста и фигуры, которые мало подходили для ношения тоги. Чтобы красиво носить тогу, требуется высокий рост, широкие плечи, узкие бедра, нужно двигаться с необходимой грацией. Марк Ливий Друз не отвечал ни одному из этих требований. Но он замечательно владел своим телом — от малейшего движения пальца до широкого взмаха руки. Поворот его головы, выражение лица, то, как он ходит при этом, — все было замечательно!

— Луций Фравк, итальянец из Маррувия, — продолжал он, — элементарная жертва, а не преступник. Никто — включая самого Луция Фравка! — не оспаривает факта недостачи крупной суммы, полученной им от Гая Оппия в качестве займа. Не оспаривается и то, что эта очень большая сумма должна быть возвращена Гаю Оппию вместе с процентами. Так или иначе, долг будет выплачен. Если это необходимо, Луций Фравк согласен продать своих лошадей, земли, инвестиции, рабов, мебель — все, чем владеет! Более чем достаточно, чтобы возместить ущерб.

Он подошел к переднему ряду, где сидели присяжные, и обратил свой взор на тех, кто сидел позади них.

— Вы выслушали свидетелей. Выслушали моего коллегу обвинителя. Луций Фравк взял заем. Но он не вор. Поэтому, говорю я, Луций Фравк — вот настоящая жертва этого обмана. Он — а не Гай Оппий, его кредитор! Если вы приговорите Луция Фравка, уважаемые присяжные, вы подвернете его полному наказанию в соответствии с римским законом — как человека, который не является гражданином нашего великого города и не пользуется латинскими привилегиями. Все имущество Луция Фравка будет выставлено на распродажу. Вы знаете, что это значит. С молотка будет продано все — и притом значительно ниже истинной стоимости, так что денег может и не хватить на полное погашение долга.

Последние слова сопровождались красноречивым взглядом в сторону, где на складном стуле, окруженный целой свитой клерков и счетоводов, сидел банкир Гай Оппий.

— Итак, все продано ниже фактической стоимости! После чего, уважаемые присяжные, Луций Фравк отдается в долговое рабство до тех пор, пока не выплатят разницу между требуемой суммой и суммой, вырученной от продажи его имущества. Предположим, Луций Фравк плохо разбирался в людях при найме своих служащих, но в своем деле он очень проницательный и преуспевающий человек. Но как же он сможет уплатить долг, если, не имея больше ничего, опозоренный, он будет отдан в рабство? Будет ли он хоть как-то полезен Гаю Оппию — даже в качестве клерка? Кто выиграет от этого так называемого правосудия?

Молодой адвокат теперь направил свое красноречие на римского банкира, человека лет пятидесяти, кроткого с виду и явно потрясенного словами адвоката.

— Человека, не являющегося римским гражданином и обвиненного в преступлении, первым делом секут. Это не порка обычными прутьями, как в случае с римским гражданином, — больно, конечно, но страдает прежде всего достоинство. Нет! Его секут колющим кнутом, пока от кожи и мышц ничего не остается, — и он искалечен на всю жизнь, весь в шрамах, хуже, чем рудничный раб.

У Мария волосы на затылке встали дыбом. Если молодой человек не смотрел прямо на него — одного из крупнейших в Риме владельцев рудников, — тогда глаза сыграли с Марии злую шутку. И все же, как удалось молодому Друзу отыскать его, пришедшего позже всех, в самом последнем ряду огромной толпы?

— Мы — римляне! — восхлинул молодой человек. — Италия и ее граждане находятся под нашей защитой. Неужели мы проявим себя владельцами рудников перед теми, для кого мы призваны служить примером? Неужели мы осудим невиновного

человека на формальном основании, просто потому, что его подпись стоит на заемном документе? Неужели мы проигнорируем тот факт, что он хочет полностью возместить сумму долга? Неужели мы будем к нему менее справедливы, чем к гражданину Рима? Неужели мы станем сечь человека, который должен был бы носить бумажный колпак за глупость, потому что доверился вору? Неужели его жену мы превратим во вдову? Неужели мы лишим детей любящего отца, сделав их сиротами? Конечно, нет, уважаемые присяжные! Ибо мы — римляне. Мы — люди высшего сорта!

Резко повернувшись, так что полы его белой шерстяной тоги завернулись вокруг него, Друз отошел от банкира. Изумленные зрители оторвали взоры от банкира и, как завороженные, проследовали взглядами за оратором. Кроме нескольких присяжных, сидящих в первом ряду, все остальные не отрывали от адвоката глаз. Гай Марий и Публий Рутилий Руф тоже неотрывно следили за каждым движением молодого человека. Только один присяжный тупо смотрел на Оппия, указательным пальцем проводя по горлу, словно хотел почесаться. Последовал немедленный ответ: еле уловимое покачивание головы банкира. Гай Марий заулыбался.

— Благодарю тебя, уважаемый претор, — сказал Друз, поклонившись претору по делам иностранцев. Он вдруг превратился в неловкого, застенчивого юношу, совсем не похожего на того мощного оратора, который несколько минут назад владел умами и чувствами присутствующих.

— Благодарю тебя, Марк Ливий, — отозвался претор и перевел взгляд на присяжных. — Граждане Рима, напишите на ваших табличках приговор и разрешите суду увидеть его.

Все зашевелились. Присяжные вынули белые глиняные таблички и угольные палочки. Но вместо того, чтобы что-то писать, продолжали сидеть неподвижно, глядя на затылки сидящих в середине первого ряда. Человек, безмолвно переговоривший с банкиром Оппием, взял палочку и начертит букву на своей табличке. Затем шумно зевнул, заломив руки над головой. Табличку он держал в левой руке. При этом движении многочисленные складки его тоги упали на левое плечо. После этого и остальные немедленно зачертили по своим табличкам, передавая их ликторам, которые прохаживались среди присяжных в ожидании их решения.

Претор сам подсчитывал голоса. Каждый ждал приговора, затаив дыхание. Претор брал таблички одну за другой, смотрел на них и бросал в одну из двух корзин на столе. В одной оказались почти все таблички, в другой их было совсем немного. Когда была рассмотрена пятьдесят одна табличка, претор поднял голову.

— ABSOLVO! — провозгласил он. — Оправдать! Сорок три голоса — «за», восемь — «против». Луций Фравк из Маррувия, марсий, суд оправдал тебя, однако при условии, что ты, как и обещал, полностью возместишь необходимую сумму. До конца этого дня ты должен согласовать все вопросы с Гаем Оппием, твоим кредитором.

Вот и все. Марий и Рутилий Руф ждали, пока толпа закончит поздравлять молодого Марка Ливия Друса. Наконец остались только его друзья. Возбужденные, они стояли тесным кольцом вокруг молодого адвоката. Но когда к ним приблизились высокий человек с насупленными бровями и маленький человечек, которого знали как дядю Друса, все скромно удалились.

— Мои поздравления, Марк Ливий, — произнес Марий, протягивая руку.

— Спасибо, Гай Марий.

— Молодец! — сказал Рутилий Руф.

Они направились в сторону Велианской стороны Форума, где начиналась Священная улица.

Рутилий Руф не вмешивался в разговор. Он был доволен тем, что его юный племянник превращается в великолепного адвоката, но видел и недостатки, скрытые за его невозмутимой внешностью. Молодой Друз, по мнению его дяди Публия, совершенно не обладал чувством юмора. Очень способный юноша, но странно мрачный, как будто ему не хватает легкости, которая помогла бы разглядеть гротескность реальности, а в будущем — избежать сильной боли. Серьезный. Упорный. Амбициозный. Не отступится от трудно решаемой проблемы. Да. Но при всем этом, сказал себе дядя Публий, молодой Друз остается еще совсем щенком. Правда, породистым.

— Для Рима было бы очень плохо, если бы твоего итальянского клиента осудили, — говорил в это время Марий.

— Я согласен. Фравк — один из наиболее значимых людей в Маррувии, старейшина своего мерсийского народа. Конечно, он уже не будет пользоваться таким влиянием, когда выплатит деньги, которые задолжал Гаю Оппию, но, думаю, он оправится от удара, — сказал Друз.

Они дошли до Велия. Остановившись перед храмом Юпитера Статора, Друз спросил:

— Хотите взойти на Палатин?

— Конечно, нет, — ответил Публий Рутилий Руф, очнувшись от своих мыслей. — Гай Марий идет ко мне обедать.

Юноша торжественно поклонился старшим и стал подниматься к Палатину. Из-за спин Мария и Рутилия Руфа вынырнула не располагающая к себе фигура Квинта Сервилия Цепиона Младшего, лучшего друга молодого Друса. Он старался догнать приятеля, который хотя и услышал его, но не замедлил шага, чтобы подождать.

— Не нравится мне эта дружба, — сказал Рутилий Руф, наблюдая, как два молодых человека удаляются от них.

— Вот как? — хмыкнул Марий.

— Сервилии Цепионы знатны и ужасно богаты. Мозгов у них мало, а высокомерия много. Получается дружба неравных, — объяснил Рутилий Руф. — Мой племянник, кажется, предпочитает своеобразный стиль почтания и лести, предложенный Цепионом Младшим, более стимулирующему — и даже снисходительному! — стилю отношений с ровней себе. Жаль. Боюсь, Гай Марий, что преданность Цепиона Младшего внушит молодому Друзу ложное представление о своих лидерских способностях.

— В бою?

Рутилий Руф остановился.

— Гай Марий, но ведь существуют же другие дела, кроме войны, и другие организации, кроме армии! Нет, я имел в виду лидерство на Форуме.

В конце недели Марий опять пришел к своему другу Рутилию Руфу и застал его в невменяемом состоянии, упаковывающим вещи.

— Панеций умирает, — объяснил Рутилий, смахивая слезы.

— Ох, как нехорошо! — произнес Марий. — Где он? Ты успеешь к нему?

— Надеюсь. Он в Тарсе, зовет меня. Представляешь, он зовет меня — только одного из всех своих римских учеников!

Взгляд Мария смягчился:

— А почему бы ему тебя не позвать? В конце концов, ты был лучшим.

— Нет, нет... — рассеянно возразил коротышка.

— Пойду-ка я домой, — сказал Марий.

— Ерунда, — возразил Руф, направляясь в кабинет.

Комната находилась в ужасном беспорядке — переполненная столами, на которых громоздились горы свитков, и почти все частично были развернуты. Некоторые крепились за один конец к столу. Драгоценный египетский папирус каскадом свисал до пола.

— Лучше пошли в сад, — предложил Марий, не видя места, куда бы встать среди этого хаоса. Только Рутилий Руф мог сразу же отыскать здесь нужную ему книгу, как бы глубоко ни была она похоронена в этой — на взгляд непосвященного — свалке.

— Что ты сейчас пишешь? — спросил Марий, увидев на столе длинную полосу бумаги. Та была обработана по методу

Фанния и уже наполовину исписана безупречным почерком Рутилия Руфа, аккуратным и легко читаемым.

— Кое-что, о чем я хотел бы посоветоваться с тобой, — сказал Рутилий Руф, направляясь к выходу. — Военный справочник. После нашего разговора о бездарных полководцах, которых в последние годы Рим направляет на поля сражений, я подумал: настало время, чтобы кто-нибудь компетентный в подобных вопросах составил полезный трактат на данную тему. До сих пор дело ограничивалось вопросами материально-технического обеспечения и размещения войск, но теперь я перехожу к тактике и стратегии. В этих вопросах ты разбираешься лучше меня. Поэтому я собираюсь подоить твои мозги.

— Считай, что подоил. — Марий сел на деревянную скамью в крошечном, тенистом, довольно запущенном саду, посреди которого скучал неработающий фонтан. — К тебе приходил Метелл Свинка? — спросил он.

— Да. Сегодня, в начале дня, — сказал Рутилий, опускаясь на скамью напротив Мария.

— Он и ко мне приходил нынешним утром.

— Поразительно, как мало он изменился, наш Квирин Цецилий, наша Свинка, — засмеялся Рутилий Руф. — Если бы у меня была свинарня или мой фонтан оправдывал свое название — думаю, я бы опять его макнул.

— Знаю, что ты чувствуешь, но не думаю, что это хорошая идея, — проговорил Марий. — Что он тебе сказал?

— Он собирается баллотироваться в консулы.

— То есть если у нас когда-нибудь будут выборы! Что взбрело ему в голову? Зачем выставлять по второму разу свою кандидатуру на должность плебейского трибуна? Печальный конец Гракхов ничему его не научил?

— Это не должно сорвать выборы в центуриатные комиции — или в трибуутные, — сказал Рутилий Руф.

— Конечно, выборы будут сорваны! Наша парочка претендентов на второй срок вынудит своих коллег наложить вето на все выборы, — сказал Марий. — Ты ведь знаешь, какие народные трибуны! Что попало им в зубы, то уж никто не сможет вырвать.

Рутилий затрясся от смеха:

— Думаю, что знаю! Я был самым худшим из них. Да и ты тоже, Гай Марий.

— Ну да...

— Не бойся, выборы состоятся, — успокоил его Рутилий Руф. — Догадываюсь, что трибуны от плебса пойдут к урнам для голосования за четыре дня до декабрьских ид, а все остальные последуют за ними после.

— И Метелл Свинка станет консулом, — сказал Марий.

Рутилий Руф подался вперед, сложив руки:

— Он кое-что затевает.

— Ты недалек от истины, дружище. Он определенно знает нечто, чего мы с тобой не знаем. Есть какие-нибудь догадки?

— Югурта. Он замышляет войну против Югурты.

— Я тоже так думаю, — сказал Марий. — Только он ли собирается начать ее? Или Спурий Альбин?

— Я бы не сказал, что Спурий Альбин способен на это. Но время покажет, — спокойно проговорил Рутилий.

— Он предложил мне должность старшего легата в его армии.

— Мне он предложил то же самое.

Старые друзья переглянулись и усмехнулись.

— Тогда нам лучше поточнее выяснить, что же, в конце концов, происходит, — сказал Марий, поднимаясь со скамьи. — Предполагается, что Спурий Альбин прибудет сюда на днях, чтобы провести выборы. Но никто до сих пор не сказал ему, что еще некоторое время никаких выборов не будет.

— Он выехал из Африканской провинции до того, как новость дошла до него, — сказал Рутилий Руф, проходя мимо кабинета.

— Ты собираешься принять приглашение Свинки?

— Приму, если примешь ты, Гай Марий.

— Что ж, подумаем.

Рутилий сам открыл входную дверь.

— Как поживает Юлия? У меня не будет возможности повидаться с ней до отъезда.

Марий весь засиял:

— Чудесная, красивая, великолепная!

— Ты глупый стариан, — сказал Рутилий и подтолкнул Мария на улицу. — Следи за событиями, пока меня не будет в Риме, и сразу напиши мне, если учуешь приготовления к войне.

— Я так и сделаю. Счастливого путешествия.

— Это осенью-то? В такую погоду корабль может оказаться склепом.

— Только не для тебя, — усмехнувшись, возразил Марий. — Отец Нептун тебя не захочет. У него не хватит смелости нарушить планы Свинки.

Юлия была беременна, и это ей очень нравилось. Единственное, что ее утомляло, — это чрезмерная забота Мария.

— Правда, Гай Марий, я очень хорошо себя чувствую, — в тысячный раз повторила она.

Был ноябрь, ребенку предстояло родиться в марте следующего года, так что живот был уже заметен. Однако Юлия расцвела, как расцветают все будущие матери. Ее не беспокоила ни тошнота, ни полнота.

— Ты уверена? — озабоченно спросил муж.

— Иди же, ну пожалуйста, — с улыбкой, нежно попросила она.

Успокоенный глупый муж оставил ее со служанками в рабочей комнате и направился в свой кабинет. Это было единственное место в огромном доме, где не чувствовалось присутствия Юлии, где он мог не думать о ней. Не то чтобы он старался забыть ее — просто были периоды, когда ему требовалось поразмыслить о других вещах.

Например, о том, что происходило в Африке.

Сев за письменный стол, Марий положил перед собой бумагу и стал писать своим четким, без завитушек, почерком письмо Рутилию Руфу, благополучно уже приплывшему в Тарс.

Я посещаю каждое заседание Сената и каждое собрание плебеев, и создается впечатление, что в ближайшем будущем выборы все-таки состоятся. Теперь о сроках. Как ты и говорил — за четыре дня до декабрьских ид. Публий Лициний Лукулл и Луций Анний начинают сдавать позиции. Не думаю, что им удастся избраться на второй срок в качестве народных трибунов.

Общее впечатление теперь такое, будто они только создавали видимость. Словно все делается для того лишь, чтобы их имена почаще мелькали перед глазами избирателей. Оба они мечтят в консулы, но ни одному в бытность свою трибуном не удалось произвести сенсацию — неудивительно, учитывая, что они не реформаторы. Как же еще наделать шума, если не всполошить весь голосующий Рим? Должно быть, я становлюсь киником. Возможно ли это для итальянца-деревенщины, который не разумеющий?

Как ты знаешь, в Африке пока все спокойно, хотя наши разведчики сообщают, что Югурта действительно набирает и тренирует очень большую армию. И к тому же — в римском стиле! Однако спокойствие закончилось, когда месяц назад Спурий Альбин вернулся домой, чтобы провести выборы. Он сделал в Сенате доклад, упомянув о сокращении своей армии до

трех легионов: один состоит из местных: другой — римские войска, уже размещенные в Африке; третий он привел прошлой весной из Италии. Новобранцы, крови не нюхали. Кажется, Спурций Альбин вообще не склонен воевать. А вот насчет Свинки я бы этого не сказал.

Но что рассердило наших уважаемых коллег в Сенате — так это новость, что Спурций Альбин назначил своего младшего брата Авла Альбина губернатором Африканской провинции и командующим африканской армией в его отсутствие! Вообрази! Думаю, если бы Авл Альбин был его квестором, такое еще могло бы пройти в Сенате незамеченным, но (тебе это известно, однако я повторюсь) квестор — недостаточно большая должность для Авла Альбина. Посему он был введен в штаб своего брата в качестве старшего легата. Без одобрения Сената! В результате — сидит наша римская провинция Африка, управляемая в отсутствие губернатора тридцатилетней горячей головой. Ни опыта, ни выдающейся ума! Марк Скаэр был в ярости и так отчитал консула, что том в жизни не забудет, будь уверен. Но дело сделано. Можно только надеяться, что губернатор Авл Альбин будет вести себя благоразумно. Скаэр сомневается. Я тоже. Прощай.

Это письмо было отправлено Публию Рутилию Руфу до выборов. Марий думал, что это его последнее письмо, надеясь, что к новому году Руф уже будет в Риме. Потом пришла эпистола от Рутилия, в которой говорилось, что Панеций все еще жив и при виде своего старого ученика так воспрял духом, что, кажется, проживет на несколько месяцев дольше, чем предполагалось, насколько это позволит злокачественная опухоль. Рутилий писал: «Жди меня весной, как раз перед тем, как Свинка отправится в Африку».

Итак, после Нового года Марий опять сел за свой письменный стол и снова написал в Тарс.

Ты, конечно, не сомневался, что Свинка будет избран консулом, и ты был прав. Как бы то ни было, народ и плебеи закончили голосование до того, как проголосовали центурии. Все прошло без сюрпризов. Квесторы заняли свои должности в пятый день декабря, а новые трибуны от плебеев — на десятый. Единственный интересный новый народный трибун — Гай

Мамилий Лиметан. Еще довольно перспективны три новых квестора — наши знаменитые молодые ораторы и судебные звезды Луций Лициний Трасс и его лучший друг Квинт Муций Сцевола. Но куда занимательнее третий — довольно дерзкий парень из плебейской семьи, Гай Сервилий Главция. Он умеет вызывать раздражение. Его, я уверен, ты помнишь еще с того времени, когда он выступал на суде. Сейчас говорят, что он лучший автор судебных законопроектов во всем Риме. Мне он не нравится. При подсчете голосов Свинка занял первое место на выборах в центуриатные комиции, так что он будет старшим

консулом на следующий год. Ненамного отстал от него и Марк Юний Сипан. Голосование проходило, как всегда,

консервативно. Никаких «новых людей» среди преторов. Из шести двое — патриции и еще один патриций, усыновленный плебейской семьей, — не кто иной, как Квинт Лутаций Катул Цезарь. По мнению Сената, выборы прошли отлично и вселяли определенные надежды на новый год.

И тут, мой дорогой Публии Рутилий, грянул гром. Кажется, до Авла Альбина дошли слухи о том, что в нумидийской крепости Сутуле хранятся огромные сокровища. Дождавшись, пока брат-консул уедет в Рим, откуда наверняка не вернется до окончания выборов, Авл вторгся в Нумидию! Во главе трех слабых и неопытных легионов — как тебе это нравится! Осада

Сутула, конечно, провалилась — жители города попросту закрыли ворота и посмеялись над Авлом с городских стен. Но вместо того, чтобы признать свою неспособность провести даже непродолжительную осаду, не говоря уже о целой кампании, — что же сделал Авл Альбин? Вернулся в Римскую провинцию? — спешу я твой ответ, мнение здравомыслящего человека. Так поступил бы ты, будь ты на месте Авла Альбина, но Авл Альбин решил иначе. Он снял осаду и двинулся маршем в Западную Нумидию! Опять же во главе все тех же трех неопытных легионов. Югурта атаковал его на середине пути ночью, где-то возле Каламы, и нанес Авлу Альбину такое сокрушительное поражение, что младший брат нашего консула сдался нумидийцу безоговорочно. Югурта прогнал под ярмом каждого римлянина и каждого союзника из легионов Авла Альбина, заставляя признать свое поражение. После этого Югурта получил подпись Авла Альбина под договором, согласно которому

Югурта получает все, чего не мог добиться от Сената!

Мы, в Риме, узнали об этом не от Авла Альбина, а от Югурты, который приспал в Сенат копию договора с сопроводительным письмом. В нем он резко обвиняет Рим в предательстве, во вторжении в дружественную страну, которая даже пальцем никогда не погрозила Риму. Когда я говорю, что Югурта написал в Сенат, я имею в виду, что он набрался наглости написать своему старейшему и злейшему врагу, Марку Эмилию Скаэру, занимающему пост принцепса Сената. Разумеется, это было сделано как преднамеренное оскорбление — выбрать принцепса Сената в качестве адресата подобной эпистолы! Как же разгневался Скаэр! Он немедленно собрал Сенат и заставил Спурция Альбина выложить многое из того, что прежде было скрыто. Включая и тот факт, что Спурций все-таки знал о планах своего младшего брата, хотя сначала и утверждал обратное.

Сенат был в шоке. Сенаторы обозлились. Сторонники Альбина покинули его, оставив в полном одиночестве. Он признался, что узнал новость из письма Авла, которое получил несколько дней назад. Спурций также сообщил нам, что Югурта приказал Авлу вернуться в римскую Африку и запретил ему переступать границы Нумидии. В результате жадный Авл Альбин ждет указаний своего брата. Что ему еще остается?

Марий вздохнул, пошевелил затекшими пальцами. Он не любил писать письма. Что доставляло Рутилию Руфу удовольствие, для него было сущей пыткой. «Ну, продолжай же, Гай Марий», — приказал он себе. И продолжил.

Естественно, большее всего было то, что Югурта прогнал римскую армию под ярмом. Такое случается редко, но всегда вызывает бурную реакцию всего города, от мала до велика. На моем веку это происходит впервые. Я чувствую себя униженным и опустошенным, как и все истинные римляне. Смею сказать, для тебя это тоже было бы невыносимо. Поэтому я рад, что тебя здесь нет, и ты не видишь всего этого: людей в темных одеждах, рыдающих, рвущих на себе волосы... всадников без пурпурных полос на туниках, сенаторов с узкой полосой вместо широкой... Вся территория у стен храма Беллоны завалена требованиями проучить Югурту. Фортуна преподнесла Свинке хорошенкую кампанию на следующий год! Нам с тобой предстоит маневры — при условии, конечно, если мы сможем поладить со Свинкой в качестве нашего командира.

Новый народный трибун Гай Мамилий жаждет крови Постумиев Альбино. Он хочет, чтобы Авл Альбин и Спурций Альбин были исключены из предательства. И еще за то, что Спурций оказался настолько глуп, назначив Авла губернатором в свое отсутствие. Фактически Мамилий выступает за проведение специального суда и хочет, чтобы был допрошен каждый римлянин, который когда-либо имел сомнительные дела с Югуртой, начиная со времен Луция Олимия. Подумай только! Насмотрение сенаторов таково, что, похоже, он добьется своего. Все в основном возмущены тем, что Авл позволил прогнать себя под ярмом, и сходятся на том, что армия и ее командующий должны были умереть на поле боя, а не подвергать свою страну такому унижению! С этим я не согласен — конечно, как и ты. Я думаю, армия хороша только при хорошем командующем, как бы ни был высок ее изначальный потенциал.

Сенат послал Югурте жесткое письмо, ставя его в известность, что Рим не может признать и ни за что не признает договор, заключенный с человеком, не обладающим властью и не имеющим полномочий от Сената и народа Рима.

И последнее, но не менее важное. Гай Мамилий получил мандат от плебейского собрания устроить специальный суд. Всех кто имел какие-либо дела с Югуртой, или тех, кто только подозревается в этом, будут судить за предательство. Это постскриптум, написанный в самый последний день старого года. На этот раз Сенат одобрил законодательную инициативу плебеев. Скаэр занят тем, что составляет список людей, которые предстанут перед судом. Ему с радостью помогает в этом Гай Меммий — наконец-то реабилитированный. И более того, на этом специальном суде Мамилия шансы быть осужденным за предательство куда выше, чем на традиционном, проводимом центуриатными комициями. Пока рассматриваются дела Луция Олимия, Луция Кальпурния Бестия, Гая Порция Катона, Гая Сульпиция Гальбы, Спурция Постумия Альбина и его брата. Однако происхождение оказывается Спурций Альбин собрал внушительное число адвокатов, чтобы доказать Сенату: что бы его брат ни сделал, он не может легально подвергаться суду, потому что никогда не обладал властью. Из этого ты можешь сделать вывод, что Спурций Альбин собирается принять на себя долю вины Авла — и будет, конечно, осужден. Странно, что если все случится так, как я предполагаю, главный виновник — Авл Альбин — выйдет сухим из воды с незапятнанной карьерой!

Кстати, Скавр будет одним из трех президентов комиссии Мамилия, как именуют этот новый суд. Он примет этот пост с готовностью.

Вот и все, что произошло в уходящем году, мой Публий Рутилий. Все говорят, что это был очень важный год. После узкого запива голова моя вынырнула наконец на просторную поверхность политических вод Рима и держится на плаву благодаря моей женитьбе. Метелл Свинка обхаживает меня, и люди, которые раньше проходили мимо, теперь говорят со мной как с равным. Будь осторожен по пути домой и скорее возвращайся. Прощай.

ГОД ВТОРОЙ (109 Г. ДО Р. Х.)
КОНСУЛЬСТВО КВИНТА ЦЕЦИЛИЯ МЕТЕЛЛА И МАРКА ЮНИЯ СИЛАНА

Панеций умер в Тарсе в середине февраля, и у Публия Рутилия оставалось совсем мало времени, чтобы попасть домой до начала кампании. Сначала он предполагал большую часть пути проделать по суше, но сроки вынудили его и на этот раз плыть морем.

— Мне повезло, — сказал он Гаю Марию на следующий день после приезда, как раз перед мартовскими идами. — Хоть на этот раз ветер дул в нужную сторону.

Марий усмехнулся:

— Я же говорил тебе, Публий Рутилий, даже у Отца Нептуна не хватило духу нарушить планы Свинки! Тебе повезло не только в этом: если бы ты находился в Риме, тебе непременно пришлось бы обхаживать итальянских союзников и убеждать их дать нам войска.

— Я так полагаю, что именно тебе пришлось этим заниматься?

— С первых чисел января, когда Метеллу выпал жребий возглавить войну против Югурты. Набрать войско было нетрудно. Вся Италия горела желаниям отомстить за оскорбление. Но настоящие мужчины сейчас редкость, — сказал Марий.

— Тогда нам лучше надеяться, что в будущем Риму не грозят поражения, — сказал Рутилий Руф.

— Согласен.

— А как к тебе относится Свинка?

— Вполне цивилизованно, если учесть все обстоятельства, — сказал Марий. — На следующий день после инаугурации он пришел ко мне и был довольно откровенен относительно своих мотивов. Я спросил, почему он хотел именно меня — и тебя, кстати, — после того, как мы зло посмеялись над ним тогда, в Нуманции. А он ответил — ему наплевать на прошлое. Единственное, что его сейчас волнует, — как одержать победу в Африке. Лучшего способа выиграть войну он придумать не мог, ведь мы с тобой лучше всех понимаем стратегию Югурты.

— Умно, — отметил Рутилий Руф. — В качестве командующего он ощиплет все лавры. Какое значение имеет, кто для него выиграл войну? Восседать на победной колеснице будет он! Ни тебе, ни мне Сенат не предложит прозвище Нумидийский. А ему — предложит.

— Ну что ж, ему оно нужнее, чем нам. Он ведь Цецилий, наш Свинка! А это значит, его голова управляет сердцем, особенно когда дело касается его шкуры.

— Точно сказано! — оценил Рутилий Руф.

— Он уже лоббирует вовсю, чтобы Сенат продлил его командование в Африке на следующий год, — продолжал Марий.

— Это свидетельствует о том, что он достаточно изучил Югурту за эти годы. И понял: подчинить Нумидию не так-то просто. Сколько легионов он берет с собой?

— Четыре. Два римских и два итальянских.

— Плюс войска, уже находящиеся в Африке, — скажем, еще два легиона. Да, мы должны справиться, Гай Марий.

— Согласен.

Марий встал из-за стола, чтобы налить вина.

— А что с этим Гнеем Корнелием Сципионом? — спросил Рутилий Руф, принимая протянутый ему бокал. Как раз вовремя, потому что Марий тотчас расхохотался и расплескал свое вино.

— О Публий Рутилий, это было великолепно! Честно говоря, я никогда не перестану поражаться комичности старых римских аристократов. Сципион выбран претором и награжден должностью губернатора Дальней Испании. Что же он делает? Он поднимается в Сенате и торжественно объявляет, что отказывается от чести быть губернатором Дальней Испании! «Почему?» — спрашивавший Скавр удивленно — он наблюдал за жребиями. «Потому что, — произносит Сципион с подкупающей откровенностью, — я разграблю это место». Что тут началось! Крики, смех, топтанье ног, аплодисменты. И когда шум наконец стих, Скавр только одно и сказал: «Я согласен, Гней Корнелий, ты действительно разграбишь». И теперь управлять Дальней Испанией они посыпают Квinta Сервилия Цепиона.

— Он ведь тоже разграбит Испанию, — улыбаясь, сказал Рутилий Руф.

— Конечно, конечно! Каждый знал это, включая Скавра. Но у Цепиона, по крайней мере, хватило ума не объявлять об этом открыто. Так что Рим может закрыть глаза на Испанию и жить спокойно, — сказал Марий, опять садясь за стол. — Я люблю этот город, Публий Рутилий, правда люблю.

— Я рад, что хоть Силана держат в Риме.

— К счастью. Кто-то ведь должен управлять Римом! Какое избавление! Сенат с трудом добился продления срока губернаторства Минуция Руфа в Македонии, уверяю тебя. А так как эта ниша уже занята, Силану ничего не оставалось, кроме Рима, где более-менее спокойно. Силан во главе армии — сам Марс побледнеет!

— Вот уж правда! — горячо подтвердил Рутилий Руф.

— И все же год неплохой, — сказал Марий. — Не только Испания спасена от нежных милостей Сципиона, но и Македония избавлена от Силана. Однако сам Рим — гнездо преступников, если мне позволено будет точно охарактеризовать наших консулов.

— Ты имеешь в виду комиссию Мамилия?

— Именно. Бестий, Гальба, Опимий, Гай Катон, Спурий Альбин — все были осуждены. И еще много судов предстоит, хотя стоит ли этому удивляться! Гай Меммий усердно помогал Мамилию в сборе доказательств тайного сговора патрициев с Югуртой, а Скавр — безжалостный председатель суда. Хотя он и выступал в защиту Бестия, но голосовал за приговор.

Рутилий Руф улыбнулся:

— Человек должен быть гибким. Скавр оправдывался перед коллегой, выступая в его защиту, но это не помешало ему выполнить свой долг перед судом. Таков уж Скавр.

— Да! Таков уж Скавр.

— А куда направились осужденные? — спросил Рутилий Руф.

— Некоторые избрали местом ссылки Массилию, а Луций Опимий предпочел Западную Македонию.

— А Август Альбин выкарабкался?

— Да. Спурий Альбин взял всю вину на себя, и Палата голосованием позволила ему это, — вздохнул Марий. — Ничего себе, юридический казус!

Схватки у Юлии начались на мартовские иды, и когда повитухи сказали Марию, что роды будут трудными, он немедленно позвал родителей жены.

— Наша кровь слишком старая и жидкая, — раздраженно сказал Марию Цезарь, когда они устроились в табlinии — муж и отец, которых связывала взаимная приязнь и страх за жену и за дочь.

— Моя кровь помоложе и погуще, — отозвался Марий.

— Но это не может помочь ей! Это когда-нибудь поможет ее дочери, если она у нее будет. Возблагодарим за это богов! Я надеялся, что Марсия добавит моему роду немного плебейской силы, — но, кажется, Марсия слишком еще знатна. Ее мать была патрицианкой из рода Сульпициев. Я знаю, есть люди, которые считают, что кровь должна сохраняться чистой, но я много раз замечал, что девушки старинных фамилий склонны во время родов к кровотечениям. В чем же причина более высокой смертности среди женщин знатных фамилий по сравнению со смертностью женщин более низкого происхождения? — И Цезарь провел рукой по своим волосам цвета позолоченного серебра.

Марий больше не мог усидеть на месте. Он поднялся из-за стола и стал мерить кабинет шагами.

— У нее лучшие врачи, денег я не пожалел, — он кивнул в сторону комнаты роженицы, откуда пока еще не доносилось ни звука.

— Но прошлой осенью эти лучшие врачи не смогли спасти племянника Клитумны, — сказал уныло Цезарь.

— Ты имеешь в виду твою неутешную соседку?

— Да, эту самую Клитумну. Ее племянник скончался в прошлом сентябре после продолжительной болезни. Но этот молодой человек всегда казался совершенно здоровым. Врачи сделали все, что только могли придумать, а он все равно умер. С тех пор я постоянно об этом думаю.

Марий недоуменно взглянул на своего тестя:

— С какой стати ты должен об этом думать?

Цезарь пожевал губу.

— Все повторяется трижды, — проговорил он безрадостно. — Смерть племянника Клитумны случилась совсем рядом со мной и моими близкими. Следует ожидать еще двух смертей.

— Если и так, то смерти должны постигнуть семью Клитумны.

— Не обязательно. Просто — три смерти, каким-либо образом связанные между собой. Но пока не случится второй, я не поверю предсказательнице, что связь существует.

Марий всплеснул руками в отчаянии:

— Гай Юлий, Гай Юлий! Постарайся быть оптимистом, умоляю тебя! Никто еще не пришел и не сказал, что Юлия умирает. Мне просто сообщили, что роды ожидаются трудные. Я послал за тобой, чтобы ты помог мне перенести это ужасное ожидание, а не пугал меня!

Пристыженный, Цезарь сделал над собой усилие.

— На самом деле я рад, что Юлия уже рожает, — с наигранной бодростью произнес он. — Я не хотел ее беспокоить последнее время. Но как только она родит, надеюсь, у нее найдется минута поговорить с Юлиллой.

Лично сам Марий считал: единственное, что требовалось Юлилле, — это крепкая отцовская рука. Отшлепать баловницу по первое число. Но Марий постарался продемонстрировать интерес. В конце концов, он должен себе признаться, что сам может превратиться в такого же сумасшедшего папочки, как Гай Юлий Цезарь.

— А что такого с Юлиллой? — спросил он.

Цезарь вздохнул:

— Она ничего не ест. Мы уже давно не можем заставить ее проглотить хотя бы кусочек. Но за последние четыре месяца стало еще хуже. Она все худеет и худеет! А теперь еще и обмороки. Идет, идет — и вдруг падает, как камень. Врачи ничего не находят.

«Неужели я тоже буду таким отцом? — спросил себя Марий. — У этой избалованной девчонки ничего серьезного. Хорошая доза безразличия быстро ее вылечит!»

Однако это была хоть какая-то тема для разговора, поэтому Марий решил поддержать беседу.

— Я так думаю, ты хочешь, чтобы Юлия узнала у нее, в чем дело?

— Именно!

— Вероятно, она влюбилась в неподходящего для нее человека, — предположил Марий, случайно попав в точку.

— Чепуха! — резко возразил Цезарь.

— Почем тебе знать, что это чепуха?

— Потому что врачи тоже подумывали об этом, и я навел справки, — пояснил Цезарь.

— И у кого же ты навел справки? У нее?

— Естественно!

— Будет больше пользы, если расспросишь как следует ее служанку.

— Но, Гай Марий!

— А она часом не беременна?

— Ты что, Гай Марий!

— Послушай, тестя, не надо смотреть на меня как на насекомое, — равнодушно сказал Марий. — Я член семьи, а не посторонний. Если я, при моем крайне ограниченном опыте общения с шестнадцатилетними девицами, могу предположить такое, то тем более можешь и ты. Вызови ее служанку к себе в кабинет и выколоти из нее всю правду. Гарантирую, она — доверенное лицо Юлиллы, и если ты правильно допросишь ее, она выложит все. Пригрози ей пытками, смертью!

— Гай Марий, но я не могу так! — возмутился Цезарь, прия в ужас от одной мысли о таких драконовских мерах.

— Тебе достаточно только прибить ее, — терпеливо объяснил Марий. — Пара ударов палкой по заднице и лишь упоминание о пытках — и ты будешь знать все, что знает она.

— Я не смог бы этого сделать, — повторил Цезарь.

Марий вздохнул:

— Ну, тогда поступай, как хочешь. Но не думай, что тебе известна вся правда только потому, что ты задавал вопросы Юлилле.

— Но мы никогда друг от друга ничего не скрывали, — кипятился Цезарь.

Марий не ответил, лишь бросил скептический взгляд. В дверь постучали.

— Войдите! — отозвался Марий, довольный, что разговор прервали.

Это был маленький врач, грек из Сицилии Афинодор.

— Господин, твоя жена хочет тебя видеть, — обратился он к Марии. — Думаю, для нее будет полезно, если ты придешь.

Марий почувствовал, что внутри его все упало куда-то вниз. Он издал звук, похожий на рыдание, и протянул руку. Цезарь

вскочил на ноги, с болью глядя на врача.

— Она... она?.. — Цезарь не мог закончить вопрос.

— Нет, нет! Успокойся, господин, с ней все хорошо, — заверил грек.

Гай Марий никогда не присутствовал при родах и теперь пришел в неописуемый ужас. Он спокойно мог смотреть на убитых и покалеченных на поле боя. Это были товарищи по оружию, независимо от того, на чьей стороне они сражались. Он всегда знал: если бы не Фортуна, он мог бы оказаться среди них. Но в случае с Юлией — жертвой была его любимая, которую он обязан защищать, избавлять от любой боли. Кроме того, Юлия была его жертвой. Она страдала по его вине. Эти мысли сильно тревожили Гая Мария.

Однако когда он вошел в комнату, все выглядело, как обычно. Юлия лежала в кровати. Специальный родильный стул, на который ее посадят на последней стадии родов, стоял в углу, прикрытый куском ткани. Марий даже не заметил его. К его великому облегчению, она не выглядела ни изможденной, ни тяжело больной. Увидев мужа, Юлия радостно улыбнулась, протянула к нему руки.

Он взял их в свои и поцеловал.

— С тобой все хорошо? — глуповато спросил он.

— Конечно! Просто мне сказали, что это займет немного больше времени, чем обычно, и есть небольшое кровотечение. Но пока беспокоиться не о чем.

Вдруг лицо ее исказилось от боли. Она вцепилась в его руки с силой, какой он не подозревал в ней, и не отпускала почти целую минуту, пока боль не ушла.

— Я просто хотела с тобой повидаться, — продолжала она, словно их разговор и не прерывался. — Можно, иногда я буду видеть тебя, или это слишком для тебя мучительно?

— Я с удовольствием побуду с тобой, любовь моя, — сказал он, наклоняясь, чтобы поцеловать то место надо лбом, где прилипли влажные завитушки волос. Лоб ее был тоже влажным. Бедняжка!

— Все будет хорошо, Гай Марий, — сказала она, отпуская его руки. — Постарайся не слишком беспокоиться. Я знаю, что все будет хорошо! Папа еще у тебя?

— У меня.

Повернувшись, чтобы уйти, он натолкнулся на бешеный взгляд Марсии, стоявшей в стороне в обществе трех старых повитух. О боги! Вот кто еще не скоро простит его за то, что он сделал с ее дочерью!

— Гай Марий! — окликнула Юлия, когда он уже был у двери.

Он оглянулся.

— Астролог здесь? — спросила она.

— Нет еще. Но за них послали.

Она вроде бы успокоилась.

— Вот и хорошо.

Сын Мария родился через двадцать четыре часа, весь в крови. Он почти стоил своей матери жизни. Но она отчаянно хотела жить, и после того, как врачи ввели ей тамpons и приподняли бедра, кровотечение уменьшилось и наконец остановилось.

— Он станет знаменитым, господин, его жизнь будет полна великих событий и интересных приключений, — сказал астролог, искусно избегая неприятных аспектов, которых родители новорожденных сыновей слышать не хотят.

— Значит, он будет жить? — резко спросил Цезарь.

— Без сомнения, он будет жить, господин. — Астролог ловко накрыл ладонью неблагоприятные знаки, чтобы их никто не заметил. — Он займет самый высокий пост в стране — это хорошо читается в его гороскопе.

— Мой сын сделается консулом, — с огромным удовлетворением промолвил Марий.

— Непременно, — подтвердил астролог и добавил: — Но не таким великим, как его отец, о чем говорит расположение звезд. Это еще больше понравилось Марии.

Цезарь налил два кубка лучшего фалернского, неразбавленного, и протянул один своему зятю, сияя от гордости.

— За твоего сына и моего внука, Гай Марий, — сказал он. — Я приветствую вас обоих!

Таким образом, когда в конце марта консул Квинт Цецилий Метелл отправился в Африканскую провинцию с Гаем Марием, Публием Рутилием Руфом, Секстом Юлием Цезарем, Гаем Юлием Цезарем Младшим и четырьмя многообещающими легионами, Гай Марий мог уехать спокойно, зная, что его жена вне опасности и его сын набирает вес. Даже теща снизошла до разговора с ним!

— Потолкуй с Юлиллой, — попросил Марий Юлию перед своим отъездом. — Твой отец очень беспокоится за нее.

Юлия чувствовала себя намного лучше. Ее радовал сын — очень крупный и здоровый мальчик. Юлия печалилась лишь об одном: ее состояние пока не позволяло ей сопровождать Мария. А как ей хотелось побыть с ним еще несколько дней, прежде чем он покинет Италию...

— Ты, наверное, имеешь в виду эту ее непонятную голодовку, — сказала Юлия, устраиваясь поудобнее в объятиях мужа.

— Я знаю только то, что мне рассказал твой отец, — сказал Марий. — Прости, но меня не интересуют молоденькие девочки.

Его жена, тоже довольно молодая, про себя улыбнулась. Она знала, что Марий никогда не думал о ней как о молодой. Скорее как о женщине своего возраста, такой же зрелой и умной.

— Я поговорю с ней, — обещала Юлия, подставляя лицо для поцелуя. — Гай Марий, как жаль, что я еще не достаточно здорова, чтобы сделать братика или сестричку маленькому Марию!

Но прежде чем Юлия собралась поговорить со своей немощной сестрой, на Рим обрушилось известие о германцах. Город объяла паника. С тех пор как триста лет назад галлы вторглись в Италию и почти покорили недавно созданное Римское государство, Италия с ужасом ожидала нового вторжения варваров. Именно поэтому итальянские союзники и решились связать свою судьбу с Римом. Именно защищаясь от возможной варварской угрозы, Рим и его итальянские союзники вели постоянные войны по всей длине македонской границы между Адриатическим морем и фракийским Геллеспонтом. Чтобы защититься от врага, около десяти лет назад Гней Домиций по прозвищу Агенобарб (Рыжебородый) прошел между Итальянской Галлией и испанскими Пиренеями и покорил племена, жившие по берегам Родана. Он ослабил их, заставил жить по римским законам и взял под опеку Рима.

Еще пять лет назад римляне больше всего боялись галлов и кельтов, но вот появились германцы — и по сравнению с ними галлы и кельты показались цивилизованными, кроткими и говорчивыми. Как и все пугала, страх перед германцами порождался более всего неизвестностью. Германцы возникли ниоткуда (во время консульства Марка Эмilia Скавра) и, нанеся сокрушительное поражение огромному, великколепно обученному римской армии (во время консульства Гнея Папиря Карбона), исчезли, словно их никогда и не было. Загадочно. Непредсказуемо. Чуждо обычным нормам поведения, понятным и уважаемым всеми средиземноморскими народами. В самом деле, почему, когда после страшного поражения Италия лежала перед ними, беспомощная, как женщина в захваченном городе, германцы ушли, скрылись неведомо куда? В этом не было смысла! Но они

действительно ушли, они действительно исчезли. Шли годы, все более отдаляя день сегодняшний от дня страшного поражения Карбона, — и германцы стали для римлян Ламией-чудовищем, Мормоликой — домовым, которым пугают детей. Давний страх перед варварским вторжением стал не таким уже сильным, застяг между трепетом опасения и улыбкой неверия.

А теперь, снова будто ниоткуда, германцы вернулись. Сотни тысяч их хлынули в Заальпийскую Галлию, где река Родан вытекала из Леманского озера. Галльские земли, владения данников Рима — эдуев и амбарров, — наводнили эти страшные, все ростом в десять футов, с мертвенно-бледной кожей, гиганты римских легенд, духи подземного мира северных варваров. Германцы спустились в теплую, плодородную долину Родана, сметая на своем пути все живое, от человека до мыши, от целых лесов до ничтожного папоротника. Посевы интересовали их не больше, чем перелетные птицы.

Новость опоздала на несколько дней. Уже нельзя было отзывать консула Квinta Цецилия Метелла и его армию, достигшую Африки. Таким образом, консул Марк Юний Силан, которого держали губернатором в Риме, где он мог принести наименьший вред, хоть и был дураком, а становился лучшей кандидатурой на роль командующего. Таковы были традиции — таков был закон. Ибо правящий консул в подобной ситуации не мог быть заменен никем другим, если этот консул сам изъявляет желание идти на войну. А Силан просто горел желанием пойти войной на германцев. Как и Гней Папирий Карбон пять лет назад, Силан воображал германские повозки, груженные золотом. И жаждал этого золота.

После поражения Карбона германцы не стали подбирать оружие и доспехи, которые побежденные римляне оставили на своих погибших или побросали на бегу, чтобы легче было уносить ноги. Таким образом, не забывчивые германцы, а именно практичный Рим направил команды собрать с поля боя все оружие и доспехи. Этот военный клад до сих пор лежал на складах по всему городу, ожидая, когда им воспользуются. Ограниченные ресурсы оружейников были исчерпаны Метеллом в самом начале подготовки к африканской экспедиции. Спешно набранные легионы Силана можно было вооружить только с этих складов. Рекрутам, у кого не было ни оружия, ни доспехов, пришлось выкупать их у государства. Так что государство немножко подзаработало на новых легионах Силана.

Набрать войска для Силана оказалось значительно труднее, нежели для Метелла. Вербовщики старались как могли, но их поджимали сроки. На имущественный ценз зачастую попросту закрывали глаза. Торопливо заносили в списки людей с низким имущественным цензом, но желающих воевать. Вооружали их со складов Карбона, а стоимость оружия вычитали из компенсационных выплат. Призывали даже ветеранов, которые безмятежно проводили дни в сельской местности, честно отслужив свои десять сезонов.

И наконец все было готово. Марк Юний Силан отправился в Заальпийскую Галлию во главе великолепной армии из семи легионов, с многочисленной кавалерией фракийцев и галлов из более оседлых районов римской Галлии. Был конец мая, не прошло и восьми недель с тех пор, как новость о вторжении германцев достигла Рима. За это рекордно короткое время Рим набрал, вооружил и частично обучил армию в пятьдесят тысяч человек. Только такое чудовище, как германцы, могло вызвать столь героические усилия.

— Вот живое свидетельство того, на что мы, римляне, способны, когда проявим волю! — сказал Гай Юлий Цезарь своей жене Марсии, когда они возвращались домой. Семья Цезаря уезжала посмотреть, как легионы выступят по Фламиниевой дороге в сторону Италийской Галлии. Великолепное и ободряющее зрелище.

— Да, если Силан справится, — заметила Марсия, истинная жена сенатора, активно интересующаяся политикой.

— Ты думаешь, он не справится? — спросил Цезарь.

— Ты тоже так думаешь, признайся. И все же, глядя, как множество подбитых железом сапог маршируют по Мульвиеву мосту, я радовалась, что у нас теперь есть такие цензоры, как Марк Эмилий Скавр и Марк Ливий Друз, — молвила Марсия, удовлетворенно вздохнув. — Марк Скавр прав: Мульвиев мост шатается и еще одного наводнения не переживет. И что тогда мы будем делать, если все наши войска окажутся на южном берегу Тибра, а потребуется спешно переправить их на северный? Хорошо, что выбрали его, поскольку с него взяли клятву отстроить Мульвиев мост заново. Замечательный человек!

Цезарь улыбнулся немного кисло, но сказал, пытаясь быть справедливым:

— Скавр! Его имя у всех на устах, чума на его голову! Он — фигляр, ловкач и на три четверти мошенник. Но одна его четверть все-таки стоит больше, чем иной человек весь целиком. И за это стоит простить ему все остальное. Кроме того, он прав: нам действительно нужна новая программа общественных работ, а не только поддержание занятости на должном уровне. Все эти скряги, которых последнее время мы вынуждены терпеть в качестве цензоров, едва ли стоят той бумаги, где царапают свои цены! Отдадим должное Скавру: он намеревается пересмотреть некоторые пункты, которым давно следовало уделить внимание. Хотя лично я не могу смириться с его идеей осушения болот вокруг Равенны или с его планами относительно системы каналов и дамб между Пармой и Мутиной.

— Да будет тебе, Гай Юлий, будь великодушен! — воскликнула Марсия немного резковато. — По-твоему, это так ужасно, что он собирается укротить Пад? Германцы в Заальпийской Галлии — разве это не достаточная причина озабочиться тем, чтобы наши армии не оказались отрезанными от альпийских перевалов разлившимся Падом!

— Я уже сказал, что согласен, идея хорошая, — ответил Цезарь, а потом упрямо добавил: — И все же я считаю, что в целом ему удалось осуществить свою программу общественных работ именно в тех местах, где у него в изобилии клиентов. И к концу этих работ их число возрастет раз в шесть. Эмилиева дорога тянется от Армина на Адриатике до Таврасии в предгорьях Западных Альп — триста миль клиентов, прижатых друг к другу, как камни на мостовой.

— Ну и пожелаем ему удачи, — не менее упрямо сказала Марсия. — Думаю, ты найдешь, над чем посмеяться, когда он будет мостить дорогу на западном побережье.

— Ты забыла еще упомянуть ветку к Дертоне, которая связывает дорогу восточного побережья с Эмилиевой, — съязвил Цезарь. — Вот когда он добьется, чтобы его именем назвали все дороги! Представляешь — Эмилиева дорога имени Скавра!

— Брюзга, — сказала Мария.

— Ханжа, — не остался в долгу Цезарь.

— Бывают минуты, когда мне хочется, чтобы ты не нравился мне так сильно, — сказала Марсия.

— Бывают минуты, когда мне хочется того же, — отрезал Цезарь.

В этот момент вошла Юлилла. Она очень похудела, но еще не превратилась в ходячий скелет. В этом состоянии она находилась уже два месяца. Юлилла нашла компромиссную диету, которая позволяла ей вызывать своим видом острую жалость к себе, но при этом не умереть — ни от голода, ни от болезней. Смерть в планы Юлиллы никак не входила.

У нее было две цели: первая — заставить Луция Корнелия Суллу признаться, что он любит ее, а вторая — довести семью до отчаяния. Она знала, что только тогда у нее появится шанс уговорить отца разрешить ей выйти замуж за Суллу. Очень молодая, но уже сильно избалованная, она тем не менее не переоценивала свою власть, не ставила ее выше власти отца. Гай Юлий Цезарь любил свою младшую dochь до безумия, потакал всем ее прихотям, не жалея денег. Но когда дело коснется ее замужества — будет так, как решит он. И еще она знала, что он выберет ей в мужья того, в ком будет уверен. Но Луций Корнелий Сулла в качестве ее супруга? Никогда, никогда, никогда Гай Юлий Цезарь не согласится на это. Никакой аргумент — ее или Суллы — не заставит его передумать. Она могла бы рыдать, умолять, могла говорить о вечной любви, могла вывернуться наизнанку — и все равно ее отец не даст своего согласия. Особенно теперь, когда помещенное в банк ее приданое составляет почти сорок талантов — миллион сестерциев! Это делает ее желанной партией и лишает Суллу последней возможности когда-либо убедить ее отца в том, что он хочет жениться не из-за денег. Когда, конечно, Сулла признается себе, что все-таки хочет жениться на ней.

Еще ребенком Юлилла никогда не показывала, что обладает огромным терпением, но сейчас, когда это стало необходимо, она продемонстрировала его. Терпеливая, как птица, высаживающая пустое яйцо, Юлилла приступила к выполнению своего главного плана. Она была уверена, что если хочет добиться своего, то должна ждать и все вытерпеть. Переждать и перетерпеть

всех — от своей жертвы, Суллы, до своего надсмотрщика, Гая Юлия Цезаря. Она даже сознавала, что на ее пути к успеху могут возникнуть ловушки: Сулла, например, мог жениться на ком-нибудь, уехать из Рима, заболеть, умереть. Но она делала все, что могла.

Главный план развивался медленно. Началом ему послужил результат той первой встречи, когда он обозвал ее толстухой и прогнал прочь. Она перестала обедаться сладостями, немного похудела, а он даже внимания не обратил. Потом, когда он вернулся в Рим и был еще грубее с ней, она утвердила в своем решении и стала отказываться от еды. Сначала приходилось очень трудно, но потом она обнаружила, что после долгого соблюдения полуголодного режима аппетит существенно уменьшился, и голодные спазмы прекратились.

Итак, с того времени, как Луций Гавий Стих умер от своей продолжительной болезни, прошло восемь месяцев, и главный план Юпиллы был почти в полном разгаре. Осталось разрешить некоторые досадные проблемы. Например, требовалось добиться, чтобы Сулла непрерывно думал о ней; нужно было поддерживать себя в правильной весовой категории и при этом не отдать концы.

Проблему Суллы она решала с помощью писем.

Я люблю тебя и никогда не устану говорить тебе об этом. Если письма — единственный способ заставить тебя слушать меня, тогда пусть это будут письма. Десятки. Сотни. Тысячи, если будут проходить годы. Я завалю тебя письмами, утоплю тебя в письмах, раздаю тебя письмами. Что еще остается римлянке, кроме писем? Я насыщаюсь ими, когда пишу тебе. Ведь ты отказываешь мне в той единственной пище, которой жаждет мое сердце, моя душа!

Мой самый жестокий, самый безжалостный и беспощадный возлюбленный! Как можешь ты оставаться вдали от меня?

Разрушь стену между нашими домами, проберись тайком в мою комнату, целуй меня, целуй, целуй меня! Но ты этого не сделаешь. Я так и слышу, как ты говоришь мне это. А я лежу здесь, слишком слабая, не в состоянии покинуть эту ужасную, ненавистную кровать. Что я сделала такого, чтобы заслужить твоё безразличие, твою холодность? А где-то там, под твоей белой, под твоей молочной кожей свернулась клубочкомкрохотная женщина — моя суть, данная тебе на хранение. Та Юпилла, что живет по соседству с тобой, — лишь выжатое, высущенное подобие, и оно становится все слабее и призрачнее. И однажды я исчезну, и все, что останется от меня, — это та маленькая крошка под твоей белой, под твоей молочной кожей. Приди, посмотри на меня, посмотри на дело рук твоих! Целуй меня, целуй меня, целуй меня. Ибо я люблю тебя.

Невзирая на все свои усилия поддерживать нужный вес, Юпилла продолжала терять его. Однажды врачи, которые в течение нескольких месяцев толкались в доме Гая Юлия Цезаря, пошли к хозяину и заявили, что больную следует кормить насилием. Но, как в обычай у врачей, эту неблагодарную обязанность они переложили на семью. Поэтому домашние собирались с духом и мобилизовали все силы, начиная от недавно купленного раба и заканчивая Марсия и самим Цезарем. Это была пытка, о которой никто потом не хотел вспоминать. Юпилла кричала, словно ее убивали, а не пытались спасти. Она слабенько отбивалась, плевалась, давилась. Наконец Цезарь приказал прекратить этот ужас. Семья удалилась на совещание и приняла решение — при одном голосе против: что бы ни ждало Юпиллу в будущем, насилию кормить ее не будут.

Но шум, поднятый Юпиллой во время принудительного кормления, раскрыл тайну дома Цезаря. Все соседи теперь были осведомлены о неприятностях в этом доме. Не то чтобы семья скрывала происходящее из чувства стыда... Просто Гай Юлий Цезарь ненавидел сплетни и старался не давать к ним повода.

Положение спасла не кто иная, как соседка — Клитумна. Она принесла рецепт еды, которую, она ручалась, Юпилла проглотит и ее не вырвет. Цезарь и Марсия горячо приветствовали советчицу и внимательно ее выслушали.

— Найдите, у кого есть коровье молоко, — важно начала Клитумна, радуясь необычному ощущению: она оказалась в центре внимания самого Цезаря. — Я знаю, это нелегко, но думаю, что такие сыщутся в Каменарию, за Капенскими воротами. В чашу с молоком надлежит вбить одно куриное яйцо и положить три ложки меда. Взбить до появления пены и потом добавить полчаши крепкого вина. Если вино влить прежде, то пены не получится. Если у вас есть стеклянный кубок, дайте ей напиток в этом кубке, потому что сквозь стекло он выглядит очень красиво — насыщенный розовый цвет с желтой пеной сверху. Если она выпьет и ее не вырвет — она будет жить и поправится, — сказала Клитумна. Она очень хорошо помнила, как голодала ее сестра, когда ей не позволяли выйти замуж за самого неподходящего человека из Альбы Фуцины — заклинателя змей, ни больше ни меньше!

— Мы попробуем! — сказала Марсия сквозь слезы.

— Это помогло моей сестре, — добавила Клитумна и вздохнула. — Она забыла своего заклинателя и вышла за отца моего дорогого, незабвенного Стиха.

Цезарь встал.

— Я сейчас же пошлю кого-нибудь в Каменарию, — сказал он, исчезая за дверью и тут же вновь просовывая обратно голову: — А какие яйца брать? Как можно крупнее или подойдет обычное?

— Мы брали обычные, — спокойно ответила Клитумна, развалившись в кресле. — Слишком крупные яйца могут нарушить соотношение частей в напитке.

— А мед? — опять уточнил Цезарь. — Обычный, местный, с горы Гимет, или хотя бы добытый без очищения?

— Подойдет самый обычный латинский мед, — твердо ответила Клитумна. — Кто знает? Может быть, наличие дыма в обычном меду сыграло определенную роль. Не будем отходить от рецепта, Гай Юлий.

— Правильно, — согласился Цезарь и опять исчез.

— Только бы ее не вырвало! — дрожащим голосом проговорила Марсия. — Соседка, мы уж и не знаем, что делать!

— Представляю себе. Но не следует так суетиться. По крайней мере, не стоит, чтобы Юпилла слышала, — посоветовала Клитумна, которая могла быть разумной, когда это не касалось ее. С каким удовольствием Клитумна дала бы умереть Юпилле, зная она о письмах в кабинете Суллы! Лицо ее сморщилось, и она шмыгнула носом. — Мы не хотим второй смерти в наших домах.

— Еще бы, конечно, не хотим! — восхликала Марсия в ужасе. И тут же деликатно спросила: — Надеюсь, ты немного утешилась после потери племянника, Клитумна? Я знаю, как это бывает трудно.

— Стараюсь, — отозвалась Клитумна, горе которой по Стиху было многослойным. Но на одном очень важном уровне жизнь ее существенно облегчилась — не было постоянных ссор между покойным Стихом и ее дорогим, дорогим Суллом. Она очень глубоко вздохнула.

Этот визит стал первым из многих, ибо, когда напиток и впрямь действовал, все семейство Цезаря оказалось в неоплатном долгу перед своей вульгарной соседкой.

— Благодарность может обернуться ужасной обузой, — сказал Гай Юлий Цезарь, который взял за правило прятаться в своем кабинете всякий раз, когда из атрия опять доносился резкий голос Клитумны.

— Гай Юлий, умерь гордыню! — восхликала Марсия, защищая соседку. — Клитумна действительно очень добра к нам, и мы не имеем права ранить ее чувства, а ты можешь ее серьезно обидеть, постоянно прячась от нее.

— Я знаю, что она ужасно добрая! Именно этим я и недоволен! — восхликал глава семейства в ярости.

Главный план Юпиллы невероятно осложнил жизнь Суллы. Какое огромное удовольствие доставило бы это девушки, зная она об этом! Но она не знала. Он скрывал пытку от всех, кроме себя самого, старательно притворяясь безразличным к состоянию соседской девчонки. Это помогало вводить в заблуждение Клитумну, которая всегда теперь была осведомлена о происходящем в соседском доме, поскольку носила мантию чудесного спасителя.

— Я очень хочу, чтобы ты зашел в тот дом и навестил бедняжку, — сказала Клитумна. (Разговор происходил примерно тогда,

когда Марк Юний Силан вел свои семь великолепных легионов на север по Фламиниевой дороге.) — Она часто спрашивает о тебе, Луций Корнелий.

— У меня есть занятия получше, чем расхаживать на задних лапках перед дочкой Цезаря, — огрызнулся он.

— Вздор! — решительно вмешалась Никополис. — Тебе абсолютно нечего делать!

— По-твоему, я в этом виноват? — возмутился он, так резко повернувшись к своей любовнице, что та испуганно отпрянула. — У меня могло бы быть дело! Я мог бы сейчас идти с Силаном на войну с германцами.

— Ну и почему же ты не пошел? — спросила Никополис. — Они так снизили ценз, что ты, с твоим именем, быстро попал бы в списки.

Он хищно улыбнулся, обнажив длинные острые клыки, — оскалился:

— Я, патриций из рода Корнелиев, буду топать — ать-два! — как простой солдат в легионе? Да лучше пусть меня германцы прорадут в рабство!

— Это вполне возможно, если германцев не остановят. Правда, Луций Корнелий, иногда ты очень хорошо демонстрируешь, что самый главный твой враг — ты сам! Клитумна лишь попросила тебя сделать одолжение — навестить умирающую девушки, а ты ворчишь, что у тебя нет ни времени, ни желания. Ты поражаешь меня! — Ее глаза хитро блеснули. — В конце концов, Луций Корнелий, признай: твоя жизнь стала намного комфортнее с тех пор, как Луций Гавий так кстати скончался. — И она замурлыкала мелодию популярной песенки, в которой говорилось о том, что певец убил своего соперника и сбежал со своей любовью. — Кста-а-а-ти сконча-а-а-лся! — пропела она.

Лицо Суллы окаменело.

— Дорогая моя Никополис, почему бы тебе не спуститься к Тибуру и не оказать мне огромную услугу, прыгнув в него?

Тема Юлиллы была благоразумно закрыта. На время. То и дело она возникала — вновь и вновь. В глубине души Сулла тайно мучился, сознавая свою уязвимость. В любой момент глупую служанку Юлиллу могут поймать, когда она будет пробираться к нему с письмом. Или саму Юлиллу застанут за написанием письма... И тогда — что будет с ним? Кто поверит, что он, с его-то прошлым, не был замешан ни в какой интриге? Одно дело — иметь сомнительную репутацию, и совсем другое, если цензоры объявит его виновным в совращении дочери сенатора. Он уже никогда, никогда не сможет стать сенатором. А войти в Сенат было его целью.

Он очень хотел уехать из Рима, но не смел. Что еще могла вытворить строптивая девушка в его отсутствие? Признаваться в этом, даже себе самому, было противно, но он не мог покинуть ее сейчас, когда она так больна. Мысли крутились в его голове, словно сбитое с толку животное, неспособные остановиться, выстроиться.

Он вынимал увядший венец, который прятал в одной из своих семейных реликвий, и сидел, держа его в руках и чуть не плача от страстного желания. Он знал, куда собирается идти и что намерен сделать. Эта несчастная девушка невыносимо осложняла его жизнь, и все же она была началом всего — со своим венцом из трав. Что делать, что делать? Выход из путаницы намерений требовалось отыскать один-единственный — сразу безошибочный. И без дополнительного осложнения в виде Юлиллы.

Он даже подумывал о самоубийстве. Это он-то, последний человек в мире, способный это сделать! А потом его мысли вновь возвращались к Юлилле. Всегда к Юлилле. Почему? Он не любил ее, он не способен был любить. И все же наступали минуты, когда он жаждал ее, страстно желал кусать ее, целовать ее, пронзять до тех пор, пока она не закричит в экстазе. Но были и другие минуты — особенно когда он лежал без сна между любовницей и мачехой. Тогда он ненавидел ее, хотел ощутить свои руки на ее тощем горле, видеть ее багровое лицо и выпущенные глаза, когда последний вздох вылетит из ее обессилевших легких.

Потом приходило новое письмо. Почему он не выбрасывал эти послания или не относил их ее отцу с требованием прекратить эту агрессию? Ни разу он так не сделал. Он читал письма, эти страстные и отчаянные мольбы, которые ее служанка продолжала прятать в складках его тоги. Это происходило в слишком людных местах и не привлекало внимания. Он перечитывал каждое письмо десятки раз, потом складывал вместе с другими.

Но никогда не менял своего решения — не видеть ее.

Весна перешла в лето, и летом наступили жаркие дни секстилия, когда Сириус из созвездия Псов мрачно мерцал над Римом, парализованным жарой. А потом, когда Силан уже двигался вверх по течению Родана навстречу несметным полчищам германцев, в Центральной Италии начались затяжные дожди. Для жителей солнечного Рима это было хуже невыносимой жары. Началась депрессия, все боялись наводнения. Рынки закрывались, политическая жизнь остановилась, судебные процессы откладывались, преступность росла. Мужчины заставали своих жен с любовниками и убивали их. Зернохранилища протекали, зерно мокло, Тибр поднялся настолько, что затопил общественные уборные — их содержимое выплеснулось на улицы. Не стало овощей, когда затопило Марсово поле и Ватикан. Построенные наспех высокие дома рушились, по стенам и фундаментам змеились огромные трещины. Все простужались. Старые и хворые умирали от воспаления легких, молодые — от кroupы и гнойного тонзиллита. И независимо от возраста, люди заболевали таинственной болезнью, которая парализовала тело, а если человек и выживал, то нога или рука у него усыхала, мертвела.

Клитумна и Никополис ежедневно скорились. Каждый день Никополис не забывала шепнуть Сулле, как кстати для него умер Стих.

Потом, после двух недель беспощадного дождя, низкие облака протащили свои последние клочки за горизонт, на восток, и появилось солнце. От Рима пошел пар. Струйки пара отрывались от камней мостовых и черепиц крыш. Воздух был пропитан влагой. Балконы, лоджии, окна покрылись пятнами плесени. Стояла невыносимая духота. В домах с маленькими детьми в перистилях сушились многочисленные пеленки. Обувь требовалось очистить от налета, каждый свиток развернуть и тщательно проверить на наличие бумажной плесени, проветрить сундуки с одеждой и буфеты.

Но нашлась в этой зловонной сырости и утешительная сторона: начался обильный сезон грибов. Римляне, жадные до ароматных зонтиков, богатые и бедные, — все объедались грибами.

После двух восхитительных мокрых недель, которые мешали служанке Юлиллы найти Суллу и сунуть ему в тогу очередное письмо, он вновь начал получать послания от своей мучительницы. Его желание покинуть Рим все усиливалось. Однажды он понял, что если хотя бы на день не стражнет с себя миазмы городского пара, то действительно сойдет с ума. Метробий отдыхал в Кумах со своим телохранителем Скилаксом, и Сулле тоже не хотелось проводить день отдыха в одиночестве. Поэтому он решил взять с собой на загородный пикник Клитумну и Никополис.

— Вставайте, девочки, — приказал он им на рассвете третьего дня хорошей погоды. — Наденьте свои лучшие платьица, и я возьму вас на пикник!

«Девочки» посмотрели на него недовольно. Им не нравилось, что их пытаются вытащить из их хандры, из этой смятой коммунальной постели, хотя влажная ночь пропитала ее потом.

— Вам обеим необходим свежий воздух, — настаивал Сулла.

— Мы живем на Палатинском холме, где воздух и так хороший, — сказала Клитумна и отвернулась к стене.

— В данный момент воздух на Палатине не лучше, чем во всем городе, — воняет отходами и стираным бельем! — сказал он. — Ну, вставайте же! Я нашел экипаж, и мы отправимся в сторону Тибура — позавтракаем в лесу. Можно поймать одну-две рыбки, а можно и купить. А еще жирного кролика прямо из капкана. Вернемся домой еще до темноты и почувствуем себя немножко счастливее.

— Не-е-т, — жалобно протянула Клитумна.

Никополис колебалась:

— Ну...

Для Суллы этого было достаточно.

— Будьте готовы, я скоро вернусь, — сказал он и с наслаждением потянулся. — Как же я устал торчать взаперти в этом доме!

— Я тоже, — согласилась Никополис, вставая с постели.

Клитумна продолжала лежать, отвернувшись к стене, а Сулла отправился на кухню, чтобы приказать слугам подготовить все для пикника.

— Поедем, — опять позвал он Клитумну, надевая чистую тогу и зашнуровывая открытые сандалии.

Она не ответила.

— Ну как знаешь, — сказал он и направился к двери. — В таком случае увидимся вечером.

Она опять промолчала.

Таким образом, на пикник поехали только Никополис и Сулла да еще большая корзина всякой снеди, которую успел собрать повар. У подножия лестницы Кала их поджидала открытая двуколка. Сулла помог Никополис подняться на сиденье пассажира, а сам взобрался на место возницы.

— Поехали! — весело воскликнул он, подбирая вожжи. Он чувствовал необыкновенную легкость, непривычное ощущение свободы пьянило. Он не жалел о том, что Клитумна отказалась ехать. Достаточно одной Никополис.

Мулы легко тронулись с места. Двуколка протарахтела по Марсову полю, где был расположен Большой цирк, и они выехали из города через Капенские ворота. Увы, сначала открывшийся перед ними вид был вовсе не интересен. Кольцевая дорога, по которой Сулла двинулся на восток, пересекала самые большие кладбища Рима. Надгробия, надгробия... Не внушительные мавзолеи и склепы богатых и знатных, обрамляющие каждую главную магистраль, выходящую из города, а могильные камни простых людей. Каждый римлянин и грек, даже самый бедный, даже раб, мечтал оставить после себя приличный памятник — свидетельство о том, что и он когда-то жил на земле. По этой причине и бедные, и рабы были членами похоронных клубов и вносили каждый свободный грош в фонд этого клуба. За фондом хорошо присматривали. Воровство процветало в Риме, как и в любом другом месте обитания человека, но похоронные клубы так ревностно охранялись их членами, что управляющим ничего не оставалось, кроме как быть честными.

Перекресток был центром огромного некрополя, раскинувшегося по всему Эсквилинскому полю. Там, посреди священной лиственной рощи, стоял храм Венеры Либитины, богини мертвых. В подиуме храма хранились регистрационные книги, куда заносили имена умерших граждан Рима. Там же стояли сундуки с деньгами — то была плата за регистрацию покойников, умерших за несколько столетий. В результате храм оказался неимоверно богат. Фонды принадлежали государству, но их никогда не трогали. Эта Венера правила мертвыми, а не живыми. Она распоряжалась прекращением детородной силы. Ее роща служила штабом римской гильдии владельцев похоронных бюро. За пределами территории храма Венеры Либитины находилось открытое пространство, где жгли погребальные костры, а дальше простиралось кладбище бедных — постоянно меняющаяся сеть траншей, наполненных телами, известью, землей. Редкие граждане или неграждане предпочитали быть захороненными прямо в земле, кроме евреев, которых закапывали в одной из секций Некрополя, и аристократов знаменитой фамилии Нервлиев, которых хоронили вдоль Аппиевой дороги. Таким образом, памятники превратили Эсквилинское поле в перенаселенный маленький каменный город, хранящий в основном урны с прахом, а не разлагающиеся тела. Никто не мог быть захоронен в священных границах Рима, даже самые великие.

Однако после того, как двуколка проехала под арками двух акведуков, по которым поднималась вода на холмы северо-восточной части города, вид изменился. Везде была возделанная земля: сначала огороды, овощи с которых продавались на римских рынках, за огородами начинались пастбища, а дальше расстилались поля пшеницы.

Ливень почти размыл Тибуртинскую дорогу — плотный слой гравия, туфовой пыли и песка на камнях мостовой были смыты. Двое в двуколке веселились от всего сердца. Солнце светило жарко, но ветерок приятно освежал, а зонт Никополис был достаточно велик, чтобы скрыть белоснежную кожу Суллы от солнечных лучей. Мулы оказались очень послушными. Поскольку они хорошо реагировали на кнут, Сулла отпустил вожжи, и мулы сами с удовольствием побежали рысью.

Любимое место Суллы находилось совсем рядом с началом подъема к Тибуру. На некотором расстоянии от Рима начинался лес, раскинувшийся вплоть до Великой Скалы — самой высокой горы Италии. Этот лес пересекал дорогу по диагонали на протяжении почти мили, а потом отступал в сторону от нее. Дорога доходила до плодородной долины реки Анио, притока Тибра.

На протяжении почти мили почва в лесу была твердая. Сулла свернулся с большой дороги, направляя мулов по грунтовке, уходящей в лес. Грунтовка наконец кончилась.

— Вот мы и приехали! — объявил Сулла, спрыгнув с двуколки. Он обошел ее, чтобы помочь Никополис, которая вдруг сделалась серьезной и немного недовольной. — Я знаю, вид не очень привлекательный, но давай немного прогуляемся, и я покажу тебе место, ради которого стоило приехать.

Сначала он распряг мулов, спутал их, потом откатил двуколку с дороги под тень кустов, вынул корзину и поставил на плечо.

— Где ты научился обращаться с мулями и упряжью? — спросила Никополис, осторожно ступая среди деревьев следом за Суллой.

— Каждый, кто работал в римском порту, это умеет, — отозвался Сулла, не поворачиваясь. — Не торопись, нам недалеко.

Действительно, они хорошо провели время. Было начало сентября, они приехали на место за два часа до полудня.

— Это не дикий лес, — объяснил он. — В стародавние времена здешняя земля была распахана под пшеницу, но после того как зерно начали завозить с Сицилии, Сардинии и из Африканской провинции, крестьяне перебрались в Рим, и земля снова заросла лесом. Почва здесь бедная.

— Ты меня удивляешь, Луций Корнелий, — проговорила Никополис, стараясь не отстать от Суллы. — Как это получилось, что ты так много знаешь?

— Мне просто повезло. Запоминаю все, что слышу или читаю.

И тут они вышли на прелестную полянку, поросшую травой, усеянную поздними осенними цветами — заросли розовых и белых ползучих роз, люпинов, тоже розовых и белых, на длинных стеблях. По поляне протекал ручей, довольно глубокий после прошедших дождей. Его дно было усеяно острыми камнями, которые разделяли его воды на глубокие тихие запруды и пенящиеся каскады. Солнце сверкало и отражалось на его поверхности, а кругом летали стрекозы и птицы.

— О, как красиво! — воскликнула Никополис.

— Я нашел это место в прошлом году, когда на несколько месяцев уехал из Рима, — сказал Сулла, снимая корзину с плеча и ставя ее в тень. — От моей коляски отвалилось колесо — как раз там, где дорога уходит в лес. Я вынужден был посадить Метробия на одного из мулов и послать его в Тибур за помощью. Ожидая его, я все здесь осмотрел.

Никополис не очень-то приятно было услышать, что презренный, противный Метробий первым увидел это восхитительное место. Однако она ничего не сказала — просто опустилась на траву и стала смотреть, как Сулла вынимает из корзины большой бурдюк с вином. Он опустил бурдюк в ручей, между камнями, которые не позволяли ему уплыть, потом снял туннику и сандалии — все, что на нем было.

Настроение Суллы оставалось приподнятым, оно согревало его изнутри подобно тому, как солнце грело его кожу снаружи. Он потянулся, улыбнувшись, и оглядел поляну с нежностью, которая ничего общего не имела ни с Метробием, ни с Никополис. Просто он был доволен, что хоть ненадолго избавился от неприятностей и разочарований, которые то и дело случались в его

жизни. Доволен местом, где мог сказать себе, что время остановилось, что политики не существует, люди не делятся на классы и денег еще не изобрели. Моментов настоящего счастья было так мало и так редко случались они на его жизненном пути, что он отчетливо помнил каждый из них. День, когда замысловатые каракули на листе бумаги вдруг обернулись понятными мыслями. Час, когда один очень добный и заботливый человек показал ему, каким идеальным может быть акт любви. Ошеломляющее ощущение свободы после смерти отца. И наконец, осознание того, что эта поляна в лесу была первым клочком земли, который он мог назвать своим собственным. Никому и в голову не приходило приехать сюда. Только ему. Вот и все моменты. Больше ничего. Счастья он не нашел ни в красоте, ни даже в самом процессе жизни. Счастье оказалось в овладении грамотой, в получении эротических удовольствий и в возможности никому не подчиняться. Еще — в недвижимости. Ибо эти вещи Сулла ценил, именно ими хотел обладать.

Очарованная, Никополис наблюдала за ним, не понимая, в чем источник его счастья. Она восхищалась белизной его тела, освещенного солнцем, — зрелище, никогда не виданное ею раньше. Отгненное золото волос окруживало голову, грудь, пах.

Это было уж слишком — не устоять! Она скинула свое легкое платье и сорочку, длинный подол которой был просунут между ног и закреплен спереди, — и тоже сделалась обнаженной. Солнечные лучи целовали ее кожу.

Они вошли в одну из глубоких запруд, ахнув от холода, и стояли в воде, пока не согрелись. Сулла играл ее сосками, вдруг затвердевшими. Потом они вышли из воды, упали на густую мягкую траву и занимались любовью, пока не обсохли. После этого они поели — хлеб, сыр, яйца вкрутую, крылышки цыпленка — и все это запили холодным вином. Никополис сплела венок из цветов для Суллы, потом для себя. И стала кататься по траве — от избытка радости и благодарности за то, что она жива и здорова.

— Как хорошо! — вздохнула она. — Клитумна не знает, чего лишается!

— Клитумна никогда не знает, чего она лишается, — заметил Сулла.

— Может быть, — лениво отозвалась Никополис. Сомнения опять зашевелились у нее в голове. — Ей не хватает Луция Стиха.

И стала тихонько напевать песенку об убийстве, пока не заметила вспыхнувший взгляд Суллы — он начинал сердиться. Если честно, она не верила, что Сулла как-то причастен к смерти Стиха. Но когда она в первый раз намекнула об этом, то заметила реакцию Суллы и продолжала дразнить его из пустого любопытства.

— Ну, хватит! — Вскочив на ноги, она протянула руки Сулле, который продолжал лежать на траве, растигнувшись во весь рост. — Вставай, лентяй, я хочу погулять в лесу, чтобы охладиться.

Он покорно поднялся, взял ее за руку и пошел с ней под кроны деревьев, где земля была покрыта опавшими листьями, теплыми после дневной порции солнечных лучей. Идти босиком по такому ковру было наслаждением.

И вдруг! Целая армия крошечных изящных грибов, каких Никополис никогда не видела, не тронутых ни червем, ни копытом животного. Белые, толстые, мясистые шляпки на изящных тонких ножках, от которых исходил восхитительный аромат земли.

— О боги! — воскликнула она, упав на колени.

Сулла поморщился:

— Пошли.

— Нет, ну не будь такой врединой только потому, что сам не любишь грибов! Пожалуйста, Луций Корнелий, ну пожалуйста! Пойди к корзине и принеси мне какую-нибудь тряпку. Я наберу для ужина, — попросила Никополис.

— Они могут оказаться несъедобными, — сказал он, не двигаясь с места.

— Ерунда, конечно, они съедобные! Посмотри! Внизу на шляпках нет пластинок, нет бахромы вокруг шляпок, нет пятен, и цвет не красный. И пахнут они великолепно. И ведь это не дуб? — Она подняла голову и посмотрела на дерево, под которым росли грибы.

Сулла глянул на листья, изрезанные глубокими зубцами, и увидел знак неотвратимой судьбы, указующий перст своей богини удачи.

— Нет, это не дуб, — подтвердил он.

— Ну тогда пожалуйста... — лягнулась к нему Никополис.

Он вздохнул:

— Хорошо, делай, как знаешь.

И вся эта армия грибов исчезла. Никополис собрала их все до единого, завернула в салфетку, принесенную Суллой, и уложила свой клад на дно корзины, где он будет надежно укрыт от солнца.

— Я не знаю, почему вы с Клитумной не любите грибов, — сказала она, когда они снова сидели на двуколке, а мулы резво бежали по направлению к своим стойлам.

— Мне они никогда не нравились, — равнодушно отозвался Сулла.

— Мне больше достанется! — хихикнув, сказала она.

— И что в них такого особенного? — осведомился Сулла. — Сейчас можно купить целую тонну грибов на рынках, и совсем дешево.

— Но эти — мои, — пыталась она объяснить. — Это я нашла их, я увидела, что они очень хорошие, я собрала их. Те, что на рынках, — старые, червивые, дырявые, они полны пауков и еще боги знают чего. Мои будут вкуснее, обещаю.

И они действительно оказались вкуснее. Когда Никополис принесла их на кухню, повар взял их не без подозрения, но даже и он должен был признать, что они безупречны — и на глаз, и по запаху.

— Слегка поджарь их в масле, — распорядилась Никополис.

Случилось так, что в то утро раб, отвечающий за покупку овощей, тоже принес с рынка огромную корзину грибов — таких дешевых, что вся прислуга получила разрешение съесть их. Чем они и занимались — целый день. Поэтому ни у кого не появилось желания стащить несколько из хозяйской корзины. Повар жарил их, пока они не стали мягкими, потом выложил на блюдо, добавил молотого перца, полил соком оливок и отоспал в столовую для Никополис. Та жадно их съела — за день нагуляла аппетит. У Клитумны был очередной приступ дурного настроения. Она, конечно, пожалела, что отказалась поехать на пикник, но послать слугу, чтобы догнать их, было уже поздно.

Вынужденная слушать в течение всего обеда хвалебные речи по поводу пикника, она отреагировала на все очень плохо и к концу дня объявила, что спать будет одна.

Через восемнадцать часов Никополис почувствовала боль в животе. Ее стало тошнить, но желудок не расстроился. Боль была несильная, бывала и сильнее. Потом вдруг она увидела в моче кровь и вспала в панику.

Сразу же позвали докторов. Домашние в тревоге метались по дому. Клитумна послала слуг найти Суллу, который рано утром ушел, не сказав куда.

Когда пульс участился и давление упало, доктора помрачнели. У Никополис сделались судороги, дыхание замедлилось, стало поверхностным, началась фибрилляция сердца. Она впала в кому. Когда это случилось, никто даже не подумал о грибах.

— Почки отказали, — сказал Афинодор из Сицилии, теперь самый преуспевающий врач на Палатине.

Все согласились.

К тому времени, как Сулла прибежал домой, Никополис уже умерла от внутреннего кровотечения.

— Надо сделать вскрытие, — сказал Афинодор.

— Согласен, — ответил Сулла, ни словом не упомянув о грибах.

— А это заразно? — жалостно спросила Клитумна, сразу постаревшая, больная и жутко одинокая.

Все сказали, что нет.

Вскрытие подтвердило диагноз: почки и печень вздутые, переполненные кровью. Околосердечная сумка, внутренняя поверхность желудка, тонкий кишечник, ободочная кишка полны крови. Невинные с виду грибы хорошо сделали свое дело.

Сулла организовал похороны (Клитумна была слишком подавлена) и шел в процесии как самый близкий родственник, впереди звезд римских театров комедии и мимов. Их присутствие понравилось бы Никополис.

А когда Сулла возвратился домой после похорон, его ждал Гай Юлий Цезарь. Скинув темную траурную тогу, Сулла присоединился к Клитумне и ее гостю в гостиной. Он видел Гая Юлия Цезаря всего несколько раз и совсем его не знал. Странным показалось Сулле, что сенатор посетил Клитумну в связи со скоропостижной смертью греческой проститутки, поэтому он держался настороже и был педантично корректен, когда его представляли.

— Привет тебе, Гай Юлий, — молвил он.

— Привет тебе, Луций Корнелий, — откликнулся Цезарь, тоже кланяясь.

Они не пожали друг другу рук, но когда Сулла сел, Цезарь сел тоже, явно успокоенный. Он повернулся к плачущей Клитумне:

— Дорогая моя, зачем здесь оставаться? Марсия ждет тебя в нашем доме. Пусть твой управляющий проводит тебя к ней. Когда приходит горе, женщинам легче в компании друг друга.

Не сказав ни слова, Клитумна поднялась и засеменила к выходу, а гость сунул руку в складки своей темной тоги и вынул небольшой свиток, который положил на стол.

— Луций Корнелий, твоя подруга Никополис давно уже попросила меня составить ее завещание и сохранить его у весталок. Госпожа Клитумна знает о его содержании, поэтому ей не обязательно слушать, как я буду его зачитывать.

— Да? — растерянно переспросил Сулла. Он не знал, что говорить дальше, поэтому молча сидел, тупо глядя на Цезаря.

Цезарь перешел к сути дела:

— Луций Корнелий, госпожа Никополис сделала тебя своим единственным наследником.

Лицо Суллы не дрогнуло.

— Вот как?

— Да.

— По справедливости, она просто обязана была это сделать, — заметил Сулла, очнувшись. — Но это не имеет значения. Она растратила все, что имела.

Цезарь пристально посмотрел на него:

— Нет, не растратила. Госпожа Никополис была вполне состоятельной женщиной.

— Ерунда! — сказал Сулла.

— Нет, это правда, Луций Корнелий, у нее было состояние. Она не владела каким-либо имуществом, однако являлась вдовой военного трибуна, который разбогател на трофеях. То, что он оставил ей, она вложила в дело. На сегодняшний день ее состояние составляет больше двухсот тысяч денариев, — произнес Цезарь.

Можно не сомневаться — шок у Суллы был настоящий. Что бы ни думал Цезарь о нем до настоящего момента, он знал, что сейчас перед ним человек, который понятия не имел об этой информации. Сулла сидел, ошеломленный.

Потом он откинулся в кресле, закрыл лицо руками, задрожал весь, ахнул:

— Так много! Никополис!..

— Так много. Двести тысяч денариев. Или восемьсот тысяч сестерциев, если тебе так больше нравится. Состояние всадника.

Сулла опустил руки:

— О Никополис!

Цезарь встал, протянул руку. Сулла взял ее, изумленный.

— Нет, Луций Корнелий, не вставай, — сердечно проговорил Цезарь. — Дорогой друг, не могу сказать, как я рад за тебя. Трудно переносить боль в первые часы... Но я хотел бы, чтобы ты знал: всем сердцем я желал, чтобы однажды удача улыбнулась тебе и твое материальное положение улучшилось. Утром я оглашу завещание. Встречаемся на Форуме во втором часу. У храма Весты. А сейчас разреши откланяться.

После того как Цезарь ушел, Сулла еще долго сидел, не двигаясь. В доме было тихо, как в могиле Никополис. Клитумна, наверное, до сих пор в соседнем доме, у Марсии, а слуги старались ходить неслышно.

Прошло уже часов шесть, когда он наконец поднялся, оцепеневший от неподвижности, и потянулся. Кровь начала циркулировать в венах, сердце загорелось.

— Луций Корнелий, наконец-то ты идешь к цели! — сказал он и засмеялся.

Тихий поначалу смех становился все громче и превратился наконец в крик, рев, вопль радости. Слуги пришли в ужас, заспорили между собой, кто из них осмелится войти в комнату к Сулле. Но прежде чем они решили этот вопрос, смех прекратился.

Клитумна постарела в одночасье. Хотя ей было только пятьдесят, смерть племянника ускорила процесс, а смерть дорогой подруги — и возлюбленной — завершила ее разрушение. Даже Сулле не удавалось вытащить ее из уныния. Ни мими, ни фарс не могли ее выманить из дома. Нередкие гости, Скилакс и Марсии, не способны были вызвать на ее лице улыбку.

Ей было страшно. Ее пугало то, как сужался вокруг нее мир, как быстро покидали ее близкие люди. Дряхłość подкралась к ней незаметно. Если теперь еще и Сулла оставит ее — а благодаря наследству Никополис он был наконец свободен, — она окажется совершенно одна. Такое будущее вызывало у нее ужас.

Вскоре после смерти Никополис она послала за Гаем Юлием Цезарем.

— Нельзя ничего оставлять уже умершим, — сказала она ему. — Поэтому я должна переделать завещание.

Завещание было изменено и вновь отдано на хранение весталкам.

Но Клитумна продолжала хандрить. Слезы текли из ее глаз, как струи дождя, когда-то не знающие покоя руки лежали на коленях пластами сырого теста. Все пребывали в тревоге, все понимали, что сделать ничего нельзя. Надо ждать. Время лечит. Если еще есть время.

А для Суллы его время настало.

Последнее послание Юлии гласило:

Я люблю тебя, хотя месяцы, а теперь уже и годы показали, насколько безответна моя любовь. Как мало значит для тебя моя судьба! В иконе мне исполнилось восемнадцать лет, и я уже должна бы быть замужем, но мне удалось отложить эту проклятую необходимость, вызвав болезнь. Я должна выйти за тебя, и только за тебя, мой ненаглядный, мой самый дорогой Луций Корнелий. Отец в растерянности. Он не может представить меня обществу как подходящую и желанную партию. Я же буду продолжать осуществлять мой план, пока ты не придешь ко мне и не скажешь, что хочешь взять меня в жены. Когда-то

ты сказал, что я еще ребенок и эта моя детская любовь пройдет. Но тому уже почти два года. Я доказала, что моя любовь к тебе так же постоянна, как возвращение солнца каждой весной. Ее больше нет, твоейющей гречанки, которую я ненавидела всеми фибрами моей души и желала ей смерти, смерти, смерти. Видишь, как действуют мои проклятья, Луций Корнелий? Почему тогда ты не понимаешь, что все равно не избежать тебе меня? Ни одно сердце не может быть так наполнено любовью, как мое, и не вызвать ответного чувства. Ты любишь меня, я знаю, что любишь. Сдавайся, Луций Корнелий, сдавайся. Приди ко мне, преклони колени у моего ложа боли и скорби, позволь мне положить твою голову себе на грудь, чтобы ты поцеловал меня. Не приговаривай меня к смерти! Оправдай меня, дай мне жизнь. Женись на мне.

Да, для Суллы наступило его время. Время покончить со многими вещами. Время избавиться от Клитумны, Юлиллы и всех прочих человеческих привязанностей, которые связывали его дух, тянули вниз и отбрасывали такие жуткие тени по углам его разума. Даже Метробий — и он тоже должен уйти.

Итак, в середине октября Сулла поступал в дверь дома Гая Юлия Цезаря, в час, когда хозяин заведомо был дома. Он надеялся, что женщины находятся на своей половине. Гай Юлий Цезарь был не из тех отцов семейства, чтобы позволять своим женщинам толкаться среди его клиентов или друзей. Сулла не желал видеться с Юлиллой. Каждая его клеточка, все мысли, вся энергия должны быть сосредоточены исключительно на Гае Юлии Цезаре и на том, что он должен сказать ему, не вызвав при этом подозрения или недоверия.

Сулла уже виделся с Цезарем при оглашении завещания Никополис. Он вступил во владение завещанным так легко, без угрозений совести, что стал вдвое осторожнее. Даже когда он представлялся цензорам Скавру и Друзу, все прошло гладко, как хорошо отрепетированная театральная постановка. Цезарь настоял на том, чтобы пойти с ним, и был гарантом подлинности документов, которые представляли цензорам для проверки. По завершении процедуры Марк Ливий Друз и Марк Эмилий Скавр — собственной персоной! — встали, протянули ему руки и искренне поздравили его. Это было как сон. Неужели он никогда не очнется от этого сна?

Так, без малейших ухищрений, незаметно, его знакомство с Гаем Юлием Цезарем переросло в нечто отдаленно напоминающее дружеские отношения.

В доме Цезаря он ни разу не был. Виделись они только на Форуме. Оба сына Цезаря находились в Африке со своим зятем Гаем Марием. За те несколько недель, что минули после смерти Никополис, Сулла познакомился с Марссией, так как та считала своей обязанностью навещать Клитумну. Нетрудно было заметить, что Марсия краем глаза поглядывает на него. Сулла подозревал, у Клитумны недостаточно благородства промолчать о нескольких специфических отношениях между Суллой, ею и Никополис. Он очень хорошо знал, что Марсия считала его опасно привлекательным, хотя и дала ему понять, что классифицировала его привлекательность где-то между зловещей красотой змеи и изяществом скорпиона.

Потому и беспокоился Сулла, когда стучал в дверь дома Гая Юлия Цезаря. Он не решался более откладывать следующую стадию своего плана. Необходимо действовать до того, как Клитумна оправится от потери. А для этого он должен быть уверен в Гае Юлии Цезаре.

Парень, дежуривший у двери, отворил сразу же и без колебаний впустил его. Сулла догадался, что внесен в список тех, кого Цезарь готов принять в любое время.

— Могу ли я видеть Гая Юлия? — спросил он.

— Да, Луций Корнелий. Подожди, прошу тебя, — сказал парень и поспешил в кабинет Цезаря.

Приготовившись ждать какое-то время, Сулла вошел в небольшой атрий, отметив изящную простоту этой ничем не украшенной комнаты. А вот Клитумна сумела сделать свой атрий похожим на переднюю гарема восточного властелина. И пока он подбирал в уме подходящее сравнение для атрия Цезаря, вошла Юлилла.

Долго ли она уговаривала привратника, чтобы он немедленно сообщил ей, когда придет Луций Корнелий? И сколько времени должно пройти, прежде чем слуга известит Цезаря о визите?

Эти два вопроса мелькали в голове Суллы быстрее молнии. Увидев Юлиллу, он испытал настояще потрясение.

Колени у него подкосились, он протянул руку, чтобы ухватиться за первый попавшийся предмет. Им оказался старинный кувшин из позолоченного серебра, стоявший на пристенном столике. Поскольку кувшин не был прикреплен к столу, от неосторожного движения он упал на пол с громким звоном. Закрыв лицо руками, Юлилла выбежала из комнаты.

Шум отозвался эхом, как в пещере прорицательницы Сивиллы Кумской, и всех поднял на ноги. Сулла стал белее снега. Его прошиб холодный пот от страха и боли. Ноги перестали его держать. Он скосился на пол и сидел так, сунув голову в колени и плотно закрыв глаза. Страшен был стоящий перед глазами образ скелета, обтянутого золотистой кожей Юлиллы.

Когда Цезарь и Марсия подняли его на ноги и помогли ему дойти до кабинета, он возблагодарил богов за землистый цвет лица и синие губы, ибо являл собою вид действительно больного человека.

Глоток неразбавленного вина привел его в почти нормальное состояние. Вздохнув и смахнув рукой пот со лба, он смог наконец сесть на скамью. Понял ли кто-нибудь из них? И куда ушла Юлилла? Что сказать? Как поступить?

Цезарь был мрачен. Марсия тоже.

— Извини, Гай Юлий, — сказал он, снова глотнув вина. — Обморок — не знаю, что на меня нашло.

— Успокойся, Луций Корнелий, — сказал Цезарь. — Я знаю, что на тебя нашло. Ты увидел призрак.

Нет, он слишком умен, слишком проницателен, чтобы его можно было обмануть, по крайней мере так явно.

— Это была твоя младшая дочь? — спросил он.

— Да, — сказал Цезарь и кивком головы попросил жену выйти.

Та немедленно удалилась, ни взглядом, ни словом не выразив недовольства.

— Несколько лет назад я видел ее у портика Маргарита среди ее друзей, — сказал Сулла. — И я подумал тогда, что она воплотила в себе все, чем должна быть римская девушка — всегда веселая, без тени вульгарности. А потом еще один раз — на Палатинском холме... в тот момент я испытывал боль, боль души... Ты понимаешь?

— Надеюсь, что понимаю, — молвил Цезарь.

— Она подумала, что я болен, и спросила, чем она может помочь. Я обошелся с ней не слишком вежливо. Мне казалось, что ты не хотел бы, чтобы она знакомилась с такими, как я. Но она все не уходила, а я не мог быть чересчур грубым с нею. Знаешь ли, что она сделала?

Глаза Суллы стали странными. Зрачки расширились, стали огромными, а вокруг них — два кольца мертвенных серо-белых и два кольца зелено-черных. Глаза смотрели на Цезаря, как слепые, в них не было ничего человеческого.

— И что же она сделала? — мягко спросил Цезарь.

— Она сплела для меня венец из трав и возложила его мне на голову! Мне! И я заметил... я заметил — нечто!

Наступила тишина. Ни один из собеседников не знал, как прервать ее. Она длилась несколько мгновений, в течение которых каждый старался собраться с мыслями, не зная, друг перед ним или враг. Никто не желал нарушить молчание первым.

— Ну, так о чём ты хотел поговорить со мной, Луций Корнелий? — вздохнув, произнес наконец Цезарь.

Так он давал понять, что считает Суллу невиновным, что бы он ни думал о поведении своей дочери. И еще этим он хотел подчеркнуть, что больше не намерен говорить о дочери. Сулла, который подумывал предъявить письма Юлиллы, решил этого не делать.

Его первоначальная цель прихода к Цезарю казалась теперь очень далекой, почти нереальной. Но Сулла расправил плечи, поднялся со скамьи, пересел в кресло клиента у стола Цезаря — и принял вид клиента.

— Клитумна, — сказал он. — Я хотел поговорить с тобой о ней. Может быть, о Клитумне следовало бы побеседовать с твоей супругой. Но лучше всего, конечно, сначала поговорить с тобой, Гай Юлий. Она совершенно не похожа на себя. Ну, об этом ты знаешь. Подавлена... все время плачет... ничем не интересуется. Такое поведение я не называл бы нормальным. Даже если учесть постигшее нас горе. И я не знаю, что делать. — Он набрал в легкие побольше воздуха. — Я многим обязан ей, Гай Юлий. Да, она бедная, глупая, простая женщина, она не является украшением округи. Но она была добра ко мне. Она хорошо относилась к моему отцу, хорошо относилась ко мне. И я не знаю, чем ей помочь.

Цезарь сидел, откинувшись на спинку стула. Что-то в этой просьбе вызывало у него недоверие. В словах Суллы он не сомневался — он и сам видел Клитумну и часто слышал от Марсии о ней. Нет, смущало его то, что Сулла пришел к нему за советом. Это не в характере Суллы, подумал Цезарь, который крепко сомневался в том, что Сулла не знает, как обращаться со своей мачехой, которая к тому же, как уверяла старая добрая палатинская сплетня, была его любовницей. Но заговорить об этом с гостем Гай Юлий не решался. Нежелание Цезаря верить грязным слухам нельзя было объяснить наивностью. Скорее это была брезгливость, которая определяла его собственное поведение и отражалась на его вере в поведение других. Доказательства — это одно, а слухи — совсем другое. Но, несмотря на все это, было что-то глубоко неискреннее в сегодняшнем поведении Суллы.

И вдруг Цезарь нашел ответ. Ни мгновения не думал он, что между Суллой и его младшей дочерью что-то было. Но для мужчины с характером Суллы упасть в обморок при виде истощенной девушки — невероятно! Потом — эта история с венцом. Конечно, Цезарь понимал важность этого. Вероятно, они встречались очень мало, и главным образом мимоходом. Но, решил Цезарь, между ними определенно что-то произошло. Не мелочь, не что-то дешевое, не мимолетное. Было — нечто. Нечто, за чем надо пристально проследить. Если между ними существует сильная привязанность — дело плохо. Юлия должна выйти за человека, способного высоко держать голову в тех кругах, которым принадлежал Цезарь.

Пока Цезарь обдумывал все это, Сулла тоже откинулся на спинку стула и дивился: что же сейчас происходит в голове Цезаря? Из-за Юлии беседа не пошла по заготовленному плану, даже отдаленно не соответствовала ему. Как он мог так себя не контролировать? Обморок! Он, Луций Корнелий Сулла! Выдал себя с головой! «Я показал себя уязвимым перед Гаем Юлием Цезарем, — подумал Сулла, — и мне это совсем не нравится».

— А у тебя есть какие-нибудь варианты? — спросил Цезарь.

Сулла нахмурился:

— Ну, у нее имеется вилла в Цирцеях. Я подумал, было бы неплохо, если бы удалось уговорить ее побывать там некоторое время, — ответил он.

— Зачем же тебе мой совет?

Сулла еще больше нахмурился. Он увидел перед собой пропасть и решил прыгнуть в нее.

— Ты прав, Гай Юлий. Зачем мне твой совет? Правда в том, что я попал между Сциллой и Харибдой. Я надеялся, что ты протянешь мне весло и спасешь меня.

— Каким образом я могу тебя спасти? Что ты имеешь в виду?

— Я думаю, что Клитумна вполне способна покончить с собой, — сказал Сулла.

— О-о-о...

— Как мне предотвратить подобное несчастье? Вот проблема! Я — мужчина, а после смерти Никополис ни в доме, ни среди родни Клитумны не осталось ни одной женщины. Даже среди служанок нет такой, к которой она была бы привязана. А женская дружба могла бы ей помочь! — Сулла наклонился вперед, увлекшись придуманной темой. — Сейчас Рим — не место для нее, Гай Юлий! Но как я могу послать ее в Цирцеи без женщины, на которую можно положиться? Сейчас она не хочет меня видеть. Кроме того, у меня в Риме дела. Вот я и подумал: не согласится ли твоя супруга сопроводить Клитумну в Цирцеи и побывать там с ней несколько недель? Такое ее настроение продлится недолго, я уверен. Просто в данный момент она меня беспокоит. Вилла очень удобная, а Цирцеи — хороший город для здоровья в любое время года. И твоей жене тоже будет полезно подышать морским воздухом.

Цезарь явно расслабился, словно огромный груз вдруг свалился с его плеч.

— Понимаю, Луций Корнелий, понимаю. И понимаю лучше, чем ты думаешь. Моя жена действительно в последнее время стала для Клитумны важным человеком. К сожалению, я не могу отпустить ее. Ты видел Юлилу — тебе можно не объяснять, насколько ужасно наше положение. Моя жена нужна дома. Да и она не согласится...

Сулла оживился:

— А почему бы и Юлиле не поехать с ними в Цирцеи? Перемена обстановки может хорошо повлиять на нее!

Но Цезарь покачал головой:

— Нет, Луций Корнелий, боюсь, об этом не может быть и речи. Сам я до весны должен оставаться в Риме. Я не могу одобрить отъезд моей жены и дочери из Рима, если меня не будет с ними. Не потому, что я эгоист и отказываю им в удовольствии. Но я буду беспокоиться о них все то время, пока они далеко. Если бы Юлия была здорова — другое дело. А так — нет.

— Я понимаю, Гай Юлий, и сочувствую тебе. — Сулла поднялся, чтобы уйти.

— Отправь Клитумну в Цирцеи, Луций Корнелий. С ней все будет хорошо. — Цезарь проводил гостя до выхода и сам открыл дверь.

— Благодарю тебя за то, что выдержал мою глупость, — сказал Сулла.

— Это было нетрудно. На самом деле я очень рад твоему визиту. Думаю, теперь я смогу справиться со своей дочерью. И признаюсь, ты мне еще больше понравился после событий этого утра, Луций Корнелий. Держи меня в курсе относительно Клитумны. — И, улыбнувшись, Цезарь протянул руку.

Как только дверь за Суллой закрылась, Цезарь сразу же направился к Юлиле. Та была в гостиной матери. Положив голову на руки, она безутешно рыдала. Когда Цезарь появился в дверях, Марсия поднялась, приложив пальцы к губам. Вместе они вышли, оставив ее плачущей.

— Гай Юлий, это ужасно, — сказала Марсия сквозь зубы.

— Интересно, встречались ли они?

Смуглое лицо Марсии вспыхнуло. Она с такой яростью замотала головой, что шпильки посыпались из ее аккуратно уложенных волос и пучок, наполовину распустившийся, свободно повис на затылке.

— Нет, они не встречались! Какойсты! Какое унижение! — воскликнула она, ломая руки.

Цезарь рук не ломал, но кулаки сжал.

— Успокойся, жена, успокойся! Не так все плохо. Не хватало еще, чтобы ты заболела. А теперь расскажи мне все.

— Какой обман! Какая бес tactность!

— Успокойся. Начни сначала.

— Он совершенно в этом не виноват. Это все она! Наша дочь, Гай Юлий, все эти два года позорила себя и свою семью... навязывала себя человеку, который не только не достоин вытереть грязь с ее обуви, но даже и не хочет ее! И более того, Гай Юлий, более того! Она пыталась привлечь его внимание голодовкой и таким способом возложить на него ответственность за то, к чему он не имеет отношения. Письма, Гай Юлий! Ее служанка отнесла ему сотни писем, в которых Сулла обвиняется в равнодушии и пренебрежении. Виня его в своей болезни, моля его о любви, наша дочь как сука стелилась перед ним!

Из глаз Марсии хлынули слезы. Это были слезы разочарования, бешеной ярости.

— Успокойся, — повторил Цезарь. — Подожди, Марсия, поплакать можешь потом. Я должен поговорить с Юлиллой, и ты должна мне помочь.

Марсия вытерла слезы, и вместе они вернулись в гостиную.

Юлилла все еще рыдала. Она не заметила, что была в комнате не одна. Вздохнув, Цезарь сел в любимое кресло жены, пошарил в складках своей тоги и наконец вынул оттуда носовой платок.

— Вот, Юлилла, выти нос и перестань реветь. Будь хорошей девочкой, — сказал он, сунув платок ей в руку. — Слезы не помогут. Пора поговорить.

Слезы Юлиллы были вызваны в основном страхом, что все раскроется. Поэтому твердый, бесстрастный тон отцовского голоса помог ей успокоиться. Рыдания смолкли, она сидела, опустив голову, икота сотрясала ее хрупкое тело.

— Ты голодала из-за Луция Корнелия Суллы. Это правда? — спросил отец.

Она не ответила.

— Юлилла, ты должна ответить на вопрос. Ты не получишь прощения, если будешь молчать. Причина всего этого — Луций Корнелий?

— Да, — прошептала она.

Голос Цезаря оставался сильным, решительным, ровным, но именно поэтому слова все глубже вонзались в Юлиллу. Обычно так он разговаривал с рабом, который сильно провинился перед ним. Никогда — со своей дочерью. До сегодняшнего дня.

— Ты хоть понимаешь, сколько боли, беспокойства ты доставила своей семье за последний год? Как все мы устали от всего этого? Ты была центром, вокруг которого мы вращались. Не только я, но и твоя мать, твои братья и твоя сестра, наши преданные, достойные восхищения слуги, наши друзья, наши соседи! Ты нас чуть с ума не свела. И чего ради? Ты можешь сказать, чего ради?

— Нет, — чуть слышно прошептала она.

— Ерунда! Конечно, ты знаешь! Ты играла с нами, Юлилла. Жестокая, эгоистичная игра, которую ты вела с терпением и умом, достойными лучшего применения. Ты влюбилась — в шестнадцать лет! — в человека, тебе не подходящего, — и ты знала это! В человека, которого я никогда бы не одобрил. В человека, который понимал это и поэтому не поощрял тебя. Но ты продолжала свой обман с таким коварством, так ловко манипулируя нами и эксплуатируя нас! У меня нет слов, Юлилла, — ровным голосом заключил Цезарь.

Дочь вздрогнула. Жена вздрогнула.

— Кажется, я должен освежить твою память, дочь. Ты знаешь, кто я?

Юлилла молчала, опустив голову.

— Посмотри на меня!

Она подняла голову. Ввалившиеся глаза устремились на Цезаря, полные дикого ужаса.

— Нет, вижу, что ты не знаешь, кто я, — сказал Цезарь, словно вел спокойную беседу. — Поэтому, дочь моя, мне следует сообщить тебе. Я — pater familias, абсолютный глава этого семейства. Слово мое — закон. Действия мои не оспариваются. Что бы я ни сделал, что бы ни сказал в пределах этой семьи — это мое право. Никакой закон Сената и народа Рима не стоит между мной и моей абсолютной властью над моими домашними. Если моя жена изменит мне, Юлилла, я могу убить ее своими руками, а могу приказать, чтобы это сделали другие. Если мой сын будет уличен в порочности или в какой-либо иной социальной пакости, я также имею право умертвить его. Если моя дочь нецеломудрена, Юлилла, я могу убить ее. Если любой член моей семьи преступает границы того, что я считаю приличным поведением, я могу убить его. Ты хорошо меня понимаешь, Юлилла?

Она не отрывала глаз от его лица.

— Да, — произнесла она.

— Мне горько и стыдно говорить тебе, дочь, что ты переступила границы того, что я считаю приличным. Ты сделала свою семью и слуг этого дома — и даже его pater familias! — своими жертвами. Своими марионетками. Своими игрушками. И ради чего? Ради потакания своим прихотям, ради личного удовлетворения, ради самого омерзительного из мотивов — ради себя одной.

— Но я люблю его, папа! — воскликнула она.

Цезарь пришел в бешенство.

— Любишь! Да что ты знаешь об этом бесподобном чувстве, Юлилла? Как ты можешь пачкать слово «любовь» той примитивной имитацией, которую ты испытываешь? Разве это любовь — превратить в сплошное страдание жизнь своего возлюбленного? Разве это любовь — принуждать любимого к тому, чего он не хочет, чего сам не просил? Разве все это означает любить, Юлилла?

— Наверное, нет, — прошептала она и добавила: — Но я думала, что это и есть любовь.

Взгляды ее родителей встретились над ее головой. В них была боль и горечь: они наконец поняли ограниченность Юлиллы и призрачность собственных иллюзий.

— Поверь мне, Юлилла, твои чувства заставили тебя поступать жалко, постыдно. Это не было любовью, — сказал Цезарь и встал. — Больше не будет никакого молока, никаких яиц, никакого меду. Ты будешь есть то, что ест твоя семья. Или не будешь есть вовсе. Мне безразлично. Как твой отец и как pater familias, я с самого твоего рождения относился к тебе с уважением, был добр, внимателен, терпелив. А ты даже не подумала ответить мне тем же. Я не отрекусь от тебя. Я не убью тебя и не прикажу убить. Но с этого момента, что бы ты ни сделала со своей жизнью, — это твое личное дело. Ты причинила зло мне и моим близким, Юлилла. Может быть, еще более непростительно то, что ты причинила зло человеку, который ничего тебе не должен. Потом, когда на тебя не так страшно будет смотреть, я потребую, чтобы ты извинилась перед Луцием Корнелием Суллом. Я не требую, чтобы ты извинилась перед всеми нами, ибо ты потеряла нашу любовь и уважение, а это обесценивает всякие извинения.

И он вышел из комнаты.

Лицо Юлиллы сморщилось. Она инстинктивно повернулась к матери и попыталась прильнуть к ней. Но Марсия отшатнулась, словно на дочери было отравленное платье.

— Отвратительно! — прошипела она. — И все это ради человека, недостойного лизать землю, по которой ходит Цезарь!

— О мама!

— Что — «о мама»? Ты хотела быть взрослой, Юлилла. Ты хотела быть женщиной, которой уже пора выходить замуж. Живи теперь с этим желанием.

И Марсия тоже вышла из комнаты.

Несколько дней спустя Гай Юлий Цезарь написал письмо своему зятю:

Итак, с нашим злополучным семетенным делом наконец покончено. Хотелось бы мне сказать, что Юлилла получила хороший урок, но я очень сомневаюсь. Пройдут годы, и ты, Гай Марий, тоже испытаешь все эти пытки и столкнешься с диллеммами отцовства. Если бы я мог утешить тебя, сказав, что ты учтишь мои ошибки!.. Но тебе это не удастся. Все дети разные, и их родители не похожи друг на друга. Где мы ошиблись с Юлиллой? Честно сказать, я не знаю. Я даже не знаю, ошибались ли мы вообще. Может быть, порок ее врожденный? Мне очень больно, и бедной Марсии тоже. Она отвергает все попытки Юлиллы вновь подружиться с нею. Ребенок ужасно страдает. Я спрашиваю себя: следует ли нам сейчас сохранять

расстояние между нами? И я решил, что следует. Любить-то мы ее любили, а вот к дисциплине не приучали. Чтобы из нее вышло что-то хорошее, она должна пострадать.

Справедливость заставила меня разыскать нашего соседа Луция Корнелия Суллу и принести пока общее наше извинение, а потом, когда Юлилла будет выглядеть получше, она лично извинится перед ним. Хотя он не хотел этого, я настоял, чтобы он вернул все письма Юлиллы. Я заставил Юлиллу скечь их, но только после того, как она прочла каждое письмо мне и матери. Как ужасно быть жестоким со своей собственной кровью и плотью! Но я очень боюсь, что только самый язвящий урок может запасть в эгоистичное сердечко Юлиллы.

Довольно о Юлилле и ее махинациях. Есть более важные вещи. Я могу оказаться первым, кто сообщит эти новости в Африканскую провинцию, поскольку мне твердо обещали, что это письмо завтра утром будет отправлено быстрой почтой из Путеол. Марк Юний Силан был наголову разгромлен германцами. Убиты более тридцати тысяч человек, остальные настолько деморализованы и дезорганизованы, что разбрелись во все стороны. Силана это не слишком беспокоит. Точнее было бы сказать, что собственная жизнь ему значительно дороже жизни его солдат. Он сам принес новость в Рим, но в такой слаженной версии, что избежал общественного негодования. Когда же известно стало решительно все, до конца, шококазался уже не таким сильным. Конечно, его цель — избежать обвинения в измене. Думаю, он преуспеет в этом. Если бы Комиссии Мамилия поручили судить его, обвинение было бы возможно. Но суд в присутствии всего центуриата, со всеми этими устаревшими правилами и окостеневшими положениями, при таком количестве присяжных? Не стоит даже начинать — так чувствуют многие из нас.

Я слышу твой вопрос: «А как же германцы? Они что, все продолжают двигаться к побережью Внутреннего моря? Жители Массилии в панике собирают вещи?» Нет. Ты не поверишь! Уничтожив армию Силана, они быстро развернулись и устремились на север. Как можно иметь дело с таким загадочным, таким непредсказуемым врагом? Я скажу тебе, Гай Марий: нам страшно. Ибо они вернутся. Рано или поздно, но вернутся. А у нас даже нет стоящего командующего, чтобы противостоять им. Все вроде Марка Юния Силана. Как повелось в наши дни, больше всего погибло итальянских союзников, хотя и римских солдат пало много. А Сенат вынужден разбираться с настоящим потоком жалоб от марсиев, самнитов и целого ряда других итальянских народов.

Чтобы закончить на более оптимистичной ноте, скажу, что сейчас у нас идет шумная борьба с нашим уважаемым цензором Марком Эмилием Скавром. Другой цензор, Марк Ливий Друз, скоропостижно скончался три недели назад, что автоматически привело к окончанию срока полномочий Скавра. Сразу же после похорон Сенат вызвал Скавра и предложил ему сложить с себя полномочия цензора, чтобы срок полномочий можно было официально закрыть согласно принятой церемонии.

Но Скавр решительно отказался. (Отсюда — весь шум.)

«Я был выбран цензором не просто так! Как раз сейчас я занимаюсь заключением подрядов на выполнение моих строительных программ. Я не могу прекратить работу на данном этапе», — заявил он.

«Марк Эмилий, Марк Эмилий, не тебе это решать! — сказал Метелл Далматик, Великий Понтифик. — Закон гласит, что, когда один из цензоров умирает во время пребывания в этой должности, срок полномочий заканчивается и другой цензор должен немедленно выйти в отставку».

«А мне наплевать, что гласит закон! — ответил Скавр. — Я не могу снять с себя полномочия немедленно — и не буду этого делать».

Они просили, умоляли, кричали, спорили — все напрасно. Скавр вознамерился создать прецедент ротации с остающимся цензором. Они пытались уговорить его, и продолжалось это до тех пор, пока Скавр не потерял терпения.

«Да насрать мне на вас всех! — крикнул он и вышел, схватив свои подряды и планы.

Великий Понтифик еще раз созвал Сенат и заставил его принять официальное постановление, призывающее Скавра к немедленной отставке. Несколько сенаторов пошли на Марсовое поле и там нашли Скавра сидящим на подиуме храма Юпитера Статора. Это здание он выбрал для своей конторы, потому что оно находится рядом с портиком Метеллов, где снимают помещение большинство строителей-подрядчиков.

Теперь, как ты знаешь, я не сторонник Скавра. Он ловок, как Улисс, и отъявленный лгун, как Парис. Но как бы я хотел, что бы ты поглядел, какой фарш он из них сделал! И кто! Безобразный, лысый, худущий недоросток — Скавр! Марсия говорит, что во всем виноваты его красивые зеленые глаза, еще более красивая речь и его неподражаемое чувство юмора. Да, я признаю его своеобразное чувство юмора, но что-то не могу разглядеть красотой его зрительного и голосового аппарата. Марсия называет меня «типичным мужиком», хотя я не понимаю, что она хочет этим сказать. Женщины прибегают к таким репликам, когда все прочие аргументы начинают хромать. Но ведь должна же быть какая-то скрытая логика его успеха? И — кто знает? — может быть, Марсия и имеет право так говорить.

Так вот, на фоне величественного мраморного храма и великолепных конных статуй военачальников Александра Великого, которые Метелл Македонский выкрасил из Леплы, сидит он, этот напыщенный коротышка. Сидит этаким победителем. Невероятно, но факт: лысый римский карлик затмевает коней, изваянных Лисиппом. Клянусь, каждый раз, когда я вижу Александровых военачальников на этих конях, мне так и кажется, что вот сейчас они сойдут со своих постаментов и умчатся прочь.

Но — к делу! Когда Скавр увидел делегацию, он отстранил подрядчиков и уселся, прямой, как копье, в свое курульное кресло — тогда спадает изящными складками, одна нога выставлена вперед в классической позе.

«Ну?» — спросил он, обращаясь к Великому Понтифику, которого определили спикером делегации.

«Марк Эмилий, Сенат принял официальное постановление, предписывающее тебе немедленно снять с себя полномочия цензора», — произнес этот несчастный.

«Я не сделаю этого», — сказал Скавр.

«Ты должен!» — проблеял Далматик.

«Ничего я не должен! — заявил Скавр и отвернулся, знаком подозревав подрядчиков. — Итак, о чем я говорил, когда нас так грубо прервали?» — спросил он.

Понтифик попытался снова:

«Марк Эмилий, пожалуйста!»

Но все, чего он добился, это: «Насрать мне на вас! Насрать, насрать!»

Сенат передал эту проблему плебейскому собранию, тем самым переложив на простой народ ответственность за то, что его не касалось. Цензоров, как известно, выбирают центуриатные комиции, а не трибуутные. Однако плебеи созывали собрание, на котором обсудили позицию Скавра, и передали трибуутным комициям, что те за последний год своего срока полномочий должны выполнить последнее поручение: тем или иным способом добиться отставки Марка Эмилия Скавра.

Итак, вчера, в девятый день декабря, все десять народных трибуун во главе с Гаем Мамилием Лиметаном направились к храму Юпитера Статора.

«Я уполномочен народом Рима, Марк Эмилий, сместься тебя с должности цензора», — сказал Мамилий.

«Так как народ не выбирает меня, Гай Мамилий, народ не может меня сместься», — ответил Скавр. Его безволосый череп сиял на солнце, как отполированное старое зимнее яблоко.

«Тем не менее, Марк Эмилий, народ — суверен, и народ говорит, что ты должен уйти», — сказал Мамилий.

«Я не уйду», — повторил Скавр.

«В таком случае, Марк Эмилий, я уполномочен народом арестовать тебя и держать в тюрьме до тех пор, пока ты официально не подашь в отставку».

«Только дотронься до меня, Гай Мамилий, и ты запоешь детским сопрано!» — сказал Скавр.

При этих словах Мамилий повернулся к толпе, естественно собравшейся поглязеть на спектакль, и крикнул:

«Люди Рима, призываю вас в свидетели! Я накладываю вето на дальнейшую деятельность Марка Эмилия Скавра как цензора!»

Таким образом делу был положен конец. Скавр свернулся подряды и отдал все своим клеркам. Потом велел сложить

кресло из слоновой кости, встал и принял отвешивать поклоны на все стороны под аплодисменты толпы, которая обожает наблюдать столкновения между администраторами и всем сердцем любит Скаура за смелость и дерзость. Затем он величественно спустился со ступеней храма, проходя мимо Александровых полководцев, похлопал чалого коня Пердикки, взял Мамилия под руку — и покинул поле битвы, увенчанный лаврами победителя.

Цезарь вздохнул, откинулся на спинку стула и решил прокомментировать новости, которые Марий сообщал из римской Африканской провинции. В войне против Югурты Метелл увяз в трясине противоречивых действий и плохого руководства армией. По крайней мере, такова была версия Мария. Она сильно не совпадала с содержанием докладов, регулярно присыпаемых Метеллом Сенату.

Вскоре ты услышишь, если еще не слышал, что Сенат временно отстранил Квинта Цецилия от командования в Африканской провинции. Я уверен, что это тебя не удивит. Думаю, преодолев это препятствие, Квинт Цецилий снова продвинется по военной лестнице. Раз Сенат приостановил обязанности губернатора, он может быть уверен в том, что сохранит эту должность, пока считает, что опасность, грозящая его провинции, миновала. Прозорливая тактика — бездействовать, пока не кончится срок консульства. Тогда уж точно ему воздадут полагающиеся почести.

Да, я согласен, что ваш начальник ужасно медлит, — лето почти кончилось, а он даже не начинал кампанию. Но в его рапортах говорится, что армию необходимо обучить более тщательно, и Сенат верит ему. И я до сих пор не могу понять, почему он назначил тебя, пехотинца, командовать кавалерией. Использовать Публия Рутилия в качестве *praefectus fabrum* — начальника снабжения — точно такая же профанация таланта. Куда больше пользы принесет он на поле брани, нежели занимаясь снабжением и ремонтом. Однако это прерогатива полководца — использовать людей, как он пожелает.

Весь Рим радовался, когда пришла весть о взятии Ваги, хотя ты пишешь, что никакого штурма не было — город сдался сам. И — если ты простишь мое выступление в защиту Квинта Цецилия, — я не понимаю, почему ты столь возмущен назначением Турпиллия, его друга, начальником гарнизона в Ваге. Разве это так важно?

Твое описание битвы на реке Мутул произвело на меня куда большее впечатление, нежели версия, изложенная в сенаторских рапортах Квинта Цецилия. Это должно несколько утешить тебя в качестве компенсации за мой скептицизм. Уверяю тебя, что я — на твоей стороне. Ты прав, когда говоришь Квинту Цецилию, что наилучший способ выиграть войну с

Нумидией — захватить самого Югурту. Как и ты, я верю, что он — источник силы сопротивления нумидийцев.

Сочувствую! Этот первый год был таким тяжелым для тебя! Да еще Квинт Цецилий, очевидно, решил, что может победить, не используя в полной мере таланты твои и Публия Рутилия. Через год тебе будет намного труднее стать консулом, если в предстоящей Нумидийской кампании у тебя не появится возможности блеснуть по-настоящему. Но я не жду, что ты безропотно подчинишься своему бездарному назначению. Я уверен, что ты найдешь способ выдвинуться, несмотря на худшее, что может сделать Квинт Цецилий.

Закончу письмо еще одной новостью с Форума. Из-за потери армии Силана в Заальпийской Галлии Сенат аннулировал один из последних действующих законов Гая Гракха, а именно тот, который ограничивал количество призывов на военную службу. Призывают уже не определяется в семнадцать лет. И если человек отслужил уже десять лет и участвовал в шести кампаниях, это не избавляет его от нового призыва. Знамения времени. Риму уже почти не из кого набирать свои легионы.

Будь осторожен, береги себя. Напиши мне сразу, как только мои слабые попытки слегка оправдать Квинта Цецилия изгладятся из твоей памяти и ты сможешь думать обо мне без раздражения. Я все еще твой тестя, и до сих пор очень хорошо мнения о тебе. Прощай.

Гай Юлий Цезарь решил, что это письмо стоило того, чтобы его послать скорой почтой. Оно полно новостей, хороших советов и поддержки. Гай Марий получит его еще до наступления нового года.

Лишь в середине декабря Сулла сопроводил Клитумну в Цирцеи, окружив ее заботой и нежностью. Хотя он беспокоился, что со временем настроение Клитумны может измениться и нарушить его планы, но судьба продолжала ему улыбаться: Клитумна оставалась в глубокой депрессии.

Как все виллы на побережье Кампании, вилла Клитумны была не слишком большой. И тем не менее она была намного больше дома на Палатине. Римляне, которые могли себе позволить иметь собственные загородные виллы, любили, чтобы было просторно. Построенная на вулканическом мысе, имеющая свой пляж, вилла располагалась южнее Цирцеи. Соседей proximity не было. Три года назад один из тех строителей, что часто наведывались на побережье Кампании, построил ее за одну зиму. Как только Клитумна узнала, что строитель может провести водопровод, она не задумываясь купила дом. Так что на вилле имелась ванна.

Таким образом, первое, что сделала Клитумна после приезда, — приняла ванну. Потом пообедала, а затем они с Суллой пошли спать в разные комнаты. Два дня только он пробыл в Цирцеях, посвятив все время мачехе, — та продолжала оставаться угрюмой, хотя и не хотела, чтобы Сулла уезжал.

— У меня для тебя сюрприз, — сказал он в день своего возвращения в Рим. Они прогуливались на территории виллы рано утром.

Даже эти слова оставили ее равнодушной.

— Да? — переспросила она.

— Ты получишь его в первую ночь полнолуния, — продолжал он загадочно.

— Ночью? — спросила она чуть-чуть заинтересованно.

— Ночью — и в полнолуние! То есть при условии, что будет ясная ночь, и ты сможешь увидеть полную луну.

Они стояли под высоким передним фасадом виллы, которая, как и большинство других, была построена на склоне холма. Владелец виллы мог сидеть на лоджии и любоваться видом. За узким фасадом находился сад-перистиль, а за садом располагалась собственно вилла. Конюшни размещались в цокольном этаже переднего фасада; над ним были устроены комнаты для конюхов.

Лужайка перед виллой, поросшая травой и кустами диких роз, со всех сторон была искусно окаймлена деревьями. Таким образом, она была скрыта от любопытных глаз случайных прохожих.

Сулла показал на большую группу солончаковых сосен и стреловидных кипарисов.

— Это секрет, Клитумна, — проговорил он горловым голосом.

Клитумна полагала, что это рычание служило знаком к продолжительному и особенно восхитительному занятию любовью.

— Какой секрет? — спросила она, заинтересовавшись еще больше.

— Если я скажу тебе, это уже не будет секрет, — прошептал он, покусывая ее ухо.

Она поежилась, оживилась немного.

— Этот секрет — тот же, что и сюрприз в ночь полнолуния?

— Да. Но ты должна держать все в тайне, включая и то, что я обещал тебе этот сюрприз. Клянешься?

— Клянусь.

— Ты должна незаметно выйти из дома в начале третьего часа темноты, на восьмой день, считая от этой ночи. Приходи сюда одна и спрячься в этих деревьях, — сказал Сулла, оглаживая ее бок.

Ее апатия исчезла.

— О-о-о! Это хороший сюрприз? — спросила она, взвизгнув на последнем слове.

— Это будет самый большой сюрприз в твоей жизни, — обещал Сулла. — И это не пустые посулы, дорогая. Но я категорически требую соблюдения двух условий.

Она по-детски сморщила нос и глуповато улыбнулась:

— Каких?

— Во-первых, никто не должен знать, даже малышка Бити. Если кому-нибудь скажешь, твоим главным сюрпризом будет разочарование. И я очень-очень рассержусь. Ведь тебе не нравится, когда я очень-очень сержусь, правда, Клитумна?

Она вздрогнула:

— Нет, Луций Корнелий.

— Тогда сохрани нашу тайну. Награда тебя поразит. Абсолютно новое и совершенно незнакомое ощущение, — прошептал он. — На самом деле, если ты постараешься выглядеть особенно подавленной, будет даже лучше, обещаю тебе.

— Я буду хорошо себя вести, Луций Корнелий, — пообещала она горячо.

Он понимал, о чем она думает. Решила, что сюрпризом будет новый и восхитительный компаньон — женщина, привлекательная, бисексуальная, любительница болтать, чтобы скротать длинные дни между чудесными ночами. Но она слишком хорошо знала Суллу и понимала, что должна выполнить все его условия, иначе он отберет обещанный сюрприз. Может быть, оставит ее совсем одну — теперь, когда у него были деньги Никополис. Кроме того, никто не смел противиться Сулле, когда он говорил серьезно.

— Есть и второе условие, — сказал он.

Она прижалась к нему:

— Да, дорогой Луций?

— Если ночь не будет ясной, сюрприз не состоится. Поэтому следи за погодой. Если первая ночь влажная, подожди сухой.

— Понимаю, Луций Корнелий.

Итак, Сулла отбыл в Рим на нанятой двуколке, оставив Клитумну, преданно хранящую свой секрет и усердно пребывающую в глубокой депрессии. Даже Бити, с которой Клитумна иногда спала, верила в безутешность своей хозяйки.

Приехав в Рим, Сулла призвал управляющего Клитумны. Он не уехал в Цирцеи, так как на вилле имелся свой управляющий, который в отсутствие хозяйки следил за порядком и очень умно обкрадывал ее. Впрочем, управляющий на Палатине поступал точно так же.

— Сколько слуг хозяика оставила здесь, Ямус? — поинтересовался Сулла. Он сидел за столом в кабинете и составлял какой-то список — лист бумаги лежал у него под рукой.

— Меня, двух мужчин и двух женщин, мальчика для закупок на рынке, а также младшего повара, Луций Корнелий, — доложил управляющий.

— Хорошо. Тебе предстоит нанять еще несколько человек, потому что дня через четыре я собираюсь устроить праздник.

Сулла кинул список удивленному управляющему, который не знал, нужно ли ему протестовать. Госпожа Клитумна ничего не говорила ему ни о каком торжестве в ее отсутствие. А если он подчиниться Сулле — какие боги защитят его от хозяйственного гнева, когда придут счета?

Но Сулла его успокоил:

— Пишуку устраиваю я, я и буду платить. Тебя ждет большая награда при двух условиях: ты хорошо постараешься и поможешь мне устроить эту вечеринку и ничего не скажешь об этом госпоже Клитумне, когда она возвратится домой. Ясно?

— Абсолютно, Луций Корнелий, — сказал Ямус, лукавый раб, поднявшийся достаточно высоко, чтобы занять должность управляющего, и умевший отменно подправлять конторские книги.

Сам Сулла пошел нанимать танцов, музыкантов, акробатов, певцов, фокусников, мимов и других артистов. Ибо этот праздник должен превзойти все былья, о нем заговорят по всему Палатину.

Напоследок Сулла зашел к Скилаксу, комедианту.

— Я хочу одолжить у тебя Метробия, — заявил он, с шумом вваливаясь в комнату, которую Скилакс обставил как гостиную, а не как кабинет. Это было обиталище сластолюбца — благоухающее ладаном и кассией, сплошь затканное гобеленом, установленное кушетками и пушками.

Скилакс возмущенно выпрямился, глядя, как Сулла погружается в одну из кушеток, сразу объятый многочисленными подушками.

— Клянусь, Скилакс, ты нежен, как кремовый торт, и растлен, как сирийский властелин! — сказал Сулла. — Почему бы тебе не приобрести немного обычной мебели, набитой конским волосом? От твоей мебели всякий мужчина сразу начинает чувствовать себя так, словно угодил в объятия гигантской шлюхи! Уф!

— Мне нашрать на твой вкус, — прошепелявил Скилакс.

— Если одолжишь мне Метробия, можешь срать на что угодно.

— А пошему я должен... ты... ты, дикарь? — Скилакс пригладил руками свои тщательно уложенные золотистые локоны, захлопал длинными ресницами, крашенными стибиумом, и вытаращил глаза.

— Потому что мальчик — не твоя собственность, — сказал Сулла, пробуя ногой пушек, чтобы узнать, такой ли он мягкий, как кушетка.

— Он — мой, телом и душой! Но ш тех пор, как ты выкрал его у меня и ташкал за шобой по вшей Италии, он уже не тот, Луций Корнелий! Я не знаю, что ты щделал ш ним, но ты определенно ишпортил его!

Сулла ухмыльнулся:

— Ты хочешь сказать, что я сделал из него мужчину? Не хочет больше есть твое деръмо, да? — С этими словами Сулла поднял голову и заорал: — Метробий!

Парень влетел в комнату, кинулся к Сулле и стал покрывать его лицо поцелуями.

Поверх черной головы Сулла открыл один глаз, посмотрел на Скилакса и приподнял одну бровь.

— Сдавайся, Скилакс, твой мальчишка любит меня больше, — сказал он и подтвердил это, приподняв подол мальчика, чтобы видна была эрекция.

Скилакс разразился слезами, размазав стибиум по лицу.

— Пойдем, Метробий, — сказал Сулла, с трудом поднимаясь с кушетки. У двери он обернулся и бросил сложенный листок бумаги рыдающему Скилаксу. — Вечеринка в доме Клитумны через четыре дня, — сказал он. — Это будет самая грандиозная вечеринка, так что прекращай хандрить и приходи. Если придешь, получишь назад своего Метробия.

Приглашены были все, даже Геркулес Атлант, считавшийся самым сильным человеком в мире. Он выступал на ярмарках и праздниках по всей Италии. В изъеденной молью львиной шкуре, с огромной палицей в руке, Геркулес Атлант был вроде непременного атрибута города. Однако его редко звали на пиры, потому что стоило ему выпить вина — и он становился очень агрессивным и злым.

— Ты с ума сошел — пригласить этого буйвола! — сказал Метробий. Играя блестящими кудрями Суллы, он перегнулся

через его плечо, чтобы взглянуть на список гостей.

Одной из перемен в Метробий, явившейся результатом его путешествия с Суллой, стала грамотность. Сулла научил парня читать и писать. Преподав мальчику все, что знал сам, от актерской игры до гомосексуализма, Скилакс был слишком хитер, чтобы открыть ему секреты грамоты. Старый комедиант опасался, что Метробий сделается слишком независимым.

— Геркулес Атлант — мой друг, — заявил Сулла, целуя по очереди все пальцы мальчика. Это доставляло ему куда большее удовольствие, чем целовать пальцы Клитумны.

— Но он же становится сумасшедшим, когда напьется! — запротестовал Метробий. — Он разнесет этот дом, а заодно порвёт на куски двух-трех гостей! Найми его для показа, но не делай гостем!

— Не могу, — спокойно сказал Сулла. Он поднял руку и, притянув Метробия через плечо, усадил его к себе на колени. Метробий обвил руками шею Суллы и подставил лицо для поцелуя. Сулла стал целовать его веки — медленно и очень нежно.

— Луций Корнелий, почему ты не хочешь, чтобы я жил у тебя? — вздохнув, спросил Метробий, устраиваясь в объятиях Суллы поудобнее.

Поцелуи прекратились. Сулла нахмурился.

— Тебе будет лучше со Скилаксом, — резко произнес он.

Огромные черные глаза Метробия, полные любви, стали еще больше.

— Но это не так! Нет! Подарки, уроки актерского мастерства, деньги — это ничего не значит для меня, Луций Корнелий! Мне лучше с тобой, пусть даже мы будем бедными!

— Заманчивое предложение. Я принял бы его мгновенно, если бы я хотел остаться бедным, — сказал Сулла, держа мальчика на коленях, словно укачивая. — Но бедность больше не входит в мои планы. Теперь у меня есть деньги Никополис. Сейчас я занят тем, что приумножаю их. И однажды у меня их будет столько, что это откроет передо мной возможность войти в Сенат.

Метробий выпрямился на коленях Суллы.

— В Сенат? — Повернувшись, он пристально посмотрел в лицо Суллы. — Но ты ведь не можешь войти в Сенат, Луций Корнелий! Твои предки были такие же рабы, как я!

— Нет, — сказал Сулла, также глядя в глаза Метробию. — Я — патриций из рода Корнелиев. Мое место — в Сенате.

— Я не верю!

— Это правда, — сказал Сулла серьезно. — Поэтому я и не могу принять твое предложение, как бы заманчиво оно ни было. Когда я получу надлежащий ценз для Сената, то стану образцом благопристойности. Никаких актеров, никаких мимов и никаких сладких мальчиков. — Он хлопнул Метробия по спине и прижал его к груди. — А теперь — к списку, малыш, и перестань ерзать! Ты меня отвлекаешь. Геркулес Атлант будет присутствовать как гость и как актер — и это решено.

Геркулес Атлант был среди первых прибывших гостей. Известие о пирамиде, конечно, разнеслось сразу же на всю улицу, и соседи заранее приготовились выдержать целую ночь хохота, выкриков, громкой музыки и невообразимого грохота. Как обычно, праздник был костюмированный. Сулла вырядился отсутствующей Клитумной: шали с кистями, кольца, рыжий парик, завитый в кудри, похожие на сосиски. Он необыкновенно точно имитировал ее хихиканье и громкий смех, похожий на ржанье. Поскольку гости хорошо знали хозяйку, Сулла сорвал аплодисменты.

Метробий опять надел крылья, но в этот вечер он был Икаром, а не Купидоном. Он искусно опалил по краям огромные перья, так что крылья выглядели наполовину сгоревшими. Скилакс нарядился Минервой. Эту суровую богиню с мальчишескими ухватками он умудрился сделать похожей на старую раскрашенную шлюху. Когда Скилакс увидел, как Метробий ластится к Сулле, он напился и совершенно позабыл, что надо делать со щитом, прялкой, чучелом совы и копьем. В конце концов он запутался во всех этих атрибутах, повалился в угол и безутешно обливался там слезами, пока не уснул.

Поэтому Скилаксу не довелось увидеть всю вечеринку. Не слышал он певцов, которые начали с прекрасных мелодий и потрясающих трелей, а закончили песenkами вроде:

С мельником дочь свою старый застукал отец,

В час, когда те занимались ночной молотьбою.

— Полн! — промолвил старик сокрушителю хлебных колосьев.—

Если не женишься ты — косточки перемелю!

Они были значительно популярнее среди гостей, нежели изысканные камены. По крайней мере, тут гости знали слова и могли подпевать.

Были танцоры, которые с изящным артистизмом раздевались и демонстрировали бритые лобки. Были дрессированные собачки, которые танцевали ничуть не хуже людей, только не так похотливо. И конечно же, знаменитое совокупление девушки и ослика из Антиохии — очень популярный номер среди зрителей, мужскую половину которых несколько устрашал размер ослиного «достоинства».

Последним выступал Геркулес Атлант — как раз в тот момент, когда гости разделились на тех, кто был слишком пьян, чтобы интересоваться сексом, и тех, которые упились до полного безразличия ко всему. Гуляки собирались в колоннаде вокруг перистиля, а в середине на прочном возвышении стоял Геркулес Атлант. Согнув несколько железных брусьев и переломив, как прутья, несколько толстых бревен, этот силач наконец разогрелся. Он подхватил полдюжины визжащих женщин, перекинул пару через плечо, поставил третью на голову, двух взял под мышки. Потом он поднял пару наковален и стал кричать с ужасной мощью, страшнее, чем лев на арене. Ему было очень весело, потому что вино рекой лилось в его горло, а способность Геркулеса Атланта пить была так же феноменальна, как и его сила. Единственное, что внушало тревогу, — чем больше наковален он брал, тем страшнее становились девушкам. Наконец их радостные крики превратились в вопли дикого ужаса.

Сулла вышел на середину сада и вежливо похлопал Геркулеса Атланта по колену.

— Хватит, старина, отпусти девчонок, — сказал он самым дружелюбным тоном. — Ты раздавишь их этими железками.

Геркулес Атлант сразу же освободил женщин, но вместо них схватил Суллу. Его вспыльчивый характер уже вырвался на волю.

— Не указывай, что мне делать! — рявкнул он, вертя Суллу над головой, как жрец Изиды свой жезл. Парик, шали, драпировки каскадом посыпались с Суллы.

Одних гостей охватила паника, другие решили помочь — выбежали в сад и стали умолять сумасшедшего силача отпустить Суллу. Но Геркулес Атлант сунул Суллу под левую руку легко, как пакет, и с ним вместе покинул праздник. Остановить его было невозможно. Пробираясь среди тел, окруживших его, словно стая комаров, силач так ударил в лицо привратника, что тот пролетел пол-atriя. После этого Геркулес Атлант исчез на улице, все еще держа Суллу под мышкой.

Наверху лестницы Весталок он остановился.

— Все правильно? Я все сделал, как надо, Луций Корнелий? — спросил он, осторожно ставя Суллу на землю.

— Идеально, — похвалил Сулла, слегка пошатываясь. У него кружилась голова. — Пошли, я провожу тебя домой.

— Не обязательно, — возразил Геркулес Атлант, подтягивая львиную шкуру, и стал спускаться по лестнице. — Вот сейчас я перепрыгну через две, через три ступеньки — и буду уже далеко, Луций Корнелий. Смотри, какая полная луна!

— Я настаиваю, — сказал Сулла, догоняя его.

— Ну как знаешь, — пожал плечами Геркулес Атлант.

— Я хочу заплатить тебе без свидетелей. Не буду же я расплачиваться с тобой посреди Форума, — объяснил Сулла.

— Да, и правда! — Геркулес Атлант хлопнул себя по лбу. — Я и забыл, что ты еще мне не заплатил. Тогда пойдем.

Он жил в четырех комнатах на третьем этаже отдельно стоящего дома, на окраине Субуры, в красивой местности. Войдя, Сулла сразу заметил, что рабы, воспользовавшись случаем, взяли выходной. Без сомнения, эти бездельники сочли, что когда хозяин вернется, то будет не в состоянии пересчитывать их по головам. Не было заметно в доме и следов пребывания женщины. Но на всякий случай Сулла решил проверить.

— Жены дома нет? — поинтересовался он.

Геркулес Атлант плонул:

— Женщины! Я их ненавижу!

На столе стоял кувшин с вином и несколько чаш. Они сели. Сулла извлек из матерчатого пояса толстый кошелек. Пока Геркулес Атлант наливал две чаши вина, Сулла развязал тую затянутый кошелек и ловко спрятал в ладони бумажный пакетик, который вынул оттуда же. На стол каскадом посыпалась блестящие серебряные монеты. Три или четыре покатились по столу и со звоном упали на пол.

— Эй! — крикнул Геркулес Атлант, становясь на четвереньки в поисках упавших монет.

Пока он ползал по полу, Сулла развернулся пакетик и высыпал белый порошок в чашу, стоящую подальше от него. Пальцем он быстро размешал вино. Наконец Геркулес Атлант поднялся с четверенек и сел.

— Будь здоров! — сказал Сулла, беря чашу, стоящую ближе к нему, и слегка наклонив ее в сторону силача самым дружеским образом.

— Будь здоров — и спасибо за потрясающий вечер! — отозвался Геркулес Атлант, запрокинул голову и залпом осушил чашу. После этого он налил себе еще вина и выпил, не переводя духа.

Сулла встал, подвинул свою чашу под руку силача, другую у него забрал и спрятал в складках туники.

— На память, — сказал он. — Спокойной ночи.

И спокойно вышел.

Дом спал, открытая бетонная дорожка вокруг центрального двора, огороженного, чтобы мусор не попадал в небольшой родничок, была пустынна. Быстро и бесшумно Сулла пробежал три пролета лестницы и незамеченным выскочил на улицу. Выбросил похищенную чашу в сточную канаву. Услышал всплеск далеко внизу. Бросил вслед чаше бумажку. Возле родника Ютурны у подножья лестницы Весталок он остановился, погрузил в воду руки по локоть и мыл их, мыл, мыл... Ну вот! Теперь на коже не должно остаться ни крупинки того порошка, который мог пристать, когда он разворачивал пакетик и размешивал в чаше вино...

На пирамиду Сулла не вернулся. Он обошел Палатин и направился по Новой дороге в сторону Капенских ворот. Выйдя из города, он пошел в одну из конюшен, где давали напрокат лошадей и экипажи. В немногих римских домах держали мулов и лошадей. Дешевле и проще было нанять.

Конюшня, которую он выбрал, была приличной, пользовалась хорошей репутацией, но вот охраняли ее плохо. Единственный конюх крепко спал на куче соломы. Сулла стукнул его по затылку, чтобы тот спал крепче, и не торопясь осмотрелся в конюшне. Он нашел сильного на вид, дружелюбного мула. Никогда раньше не седлавший мулов, Сулла провозился некоторое время, пока не сообразил, как это делается. Но, видимо, слишком сильно затянул подпругу — мул тяжело задышал. Поэтому Сулла терпеливо подождал, чтобы убедиться, что с ребрами животного все в порядке. Потом вскочил в седло и несильно ткнул мула в бока.

Новичок в верховой езде, Сулла тем не менее не боялся ни лошадей, ни мулов. Четыре выступа — на каждом углу седла — обеспечивали седоку устойчивость, — конечно, если животное не брыкается. В этом отношении муль покорнее лошадей. Единственную узду, которую ему удалось убедить мула принять, был простой трензель. Мул спокойно жевал его.

Итак, Сулла направил мула по залитой лунным светом Аппиевой дороге, уверенный, что до утра будет уже далеко. Сейчас было около полуночи.

Без привычки поездка верхом утомительна. Одно дело — ехать легким шагом рядом с носилками Клитумны, совсем другое — торопливая тряска по дороге. Ноги, свисающие с боков мула без опоры, вскоре стали невыносимо болеть, ягодицы все время находились в движении, мошонка ощущала малейший толчок. Однако мул оказался довольно резвым, и еще до рассвета Сулла уже достиг Трипонтия.

Далее он свернулся с Аппиевой дороги и поехал по бездорожью в сторону побережья. Там также имелось несколько мощенных дорог, пересекающих топи Помптиных болот. Так было короче и менее людно, чем ехать по Аппиевой дороге до Тарракины, а потом поворачивать назад, на север — до Цирцей.

Углубившись миль на десять в лес, Сулла остановился. Земля была сухая и твердая. В воздухе — никаких москитов. Привязав мула на длинную веревку, которую предусмотрительно прихватил в конюшне, Сулла снял седло, лег на него, как на подушку, под сосной и провалился в сон.

Переждав десять часов дневного света, напившись сам и напоив мула в ближайшем ручье, Сулла отправился дальше в путь. Скрытый от случайных глаз накидкой с капюшоном, он держался теперь в седле намного ловчее, чем раньше, несмотря на жуткую боль в позвоночнике и болезненную чувствительность крестца. До сих пор он ничего не ел, но голода не чувствовал. Мул же пощипал травы и был вполне доволен и свеж.

С наступлением сумерек Сулла достиг мыса, на котором стояла вилла Клитумны, и спешился с большим облегчением. Снова снял с мула седло и уздечку, снова привязал его на длинную веревку, чтобы он мог попастись. Но на этот раз оставил его отдыхать в одиночестве.

Сулле по-прежнему везло. Ночь стояла великолепная — тихая и звездная, ни облачка на холодном небосводе цвета индиго. На исходе второго часа ночи далеко на востоке над холмами взошла луна и медленно засияла ландшафт своим загадочным светом. Свет этот давал Сулле возможность видеть все, самому оставаясь невидимым. Ощущение собственной неприкословенности распирало грудь Суллы, гнало прочь усталость и боль, разгоняло холодную кровь и веселило мысли. Он богат, он удачив. Все идет превосходно, и так будет и дальше. А это означает, что отныне он может жить спокойно в полном благополучии. Он может по-настоящему радоваться.

Когда неожиданно представился случай избавиться от Никополис, у него не было времени, чтобы порадоваться этому. Времени хватило лишь на то, чтобы быстро принять решение и потом терпеливо ждать. Во время путешествия с Метробием исследования открыли ему существование особого ядовитого гриба, совершенно безвредного на вид. Однако Никополис сама выбрала способ ухода из жизни, Сулла лишь выступил в роли катализатора. Это судьба привела ее туда, под то дерево. И его удача. А сегодня он пришел сам. Тщательно все обдумав. И удача снова ему поможет. А страх — чего ему бояться?

Клитумна — там, ожидает обещанного сюрприза в тени сосен. Явных признаков нетерпения еще не проявляет, но уже близко к этому. Однако Сулла не сразу обнаружил свое присутствие. Сначала он убедился, что она никого с собой не привела. Да, она была одна. Даже в пустых конюшнях и комнатах под лоджией — никого.

Он приближался к ней, намеренно шумя, чтобы подготовить ее к встрече. Поэтому, видя, как он появляется из темноты, она уже заранее знала, что это идет он, и протянула к нему руки.

— Все так, как ты говорил! — прошептала она, с тихим смехом уткнувшись ему в грудь. — А сюрприз? Где мой сюрприз?

— Может быть, сначала поцелуй? — спросил он. Его зубы казались белее кожи — таким странным был лунный свет, такими фантастическими были его чары.

Изголодавшаяся Клитумна жадно подставила ему губы. Она стояла, прильнув к его лицу, привстав на цыпочки, когда он сломал ей шею. Это оказалось так просто. Хруст... Наверное, она так и не осознала случившегося. Когда одной рукой придерживая ее, другой он резко откинул назад ее голову, в ее глазах не отразилось испуга. Движение было мгновенным, как удар. Легким. Лишь хруст. Резкий, отчетливый звук. Он отпустил ее, ожидая, что сейчас она сразу рухнет на землю, но она, наоборот, даже чуть привсталла на пальцах и начала танцевать для него. Подбоченяясь, с откинутой назад головой, она быстро перебирала ногами, потом завертелась, быстрее, быстрее... и — упала бесформенной массой, безобразной, неуклюжей. Сулла почувствовал едкий запах мочи, а потом еще более тяжелый запах кала.

Он не закричал, не отскочил. Его это неимоверно радовало. Пока она танцевала перед ним, он смотрел как завороженный, а когда она повалилась, долго еще с омерзением глядел на нее.

— Да, Клитумна, умерла ты не как знатная женщина, — только и сказал он.

Надо было ее поднять, даже рискуя перепачкаться и потом смердеть. Тело нельзя тащить волоком, на траве не должно быть никаких следов. Для этого Сулле и требовалась светлая ночь. Поэтому он поднял женщину со всеми ее экскрементами и немного пронес к вершине утеса, плотно обмотав тело подолом, чтобы на траве не осталось фекалий.

Он заранее определил подходящее место и отметил его белым камнем еще несколько дней назад, когда привозил Клитумну на виллу. Мышцы его напряглись. Наконец-то он навсегда избавится от нее.

Он сбросил Клитумну с утеса. Она полетела вниз, как призрачная птица, и распласталась внизу бесформенной массой, которую вряд ли смогут смыть морские волны — разве что в сильный шторм. Было абсолютно необходимо, чтобы тело нашли. Сулла не хотел неопределенности в наследовании имущества.

Еще на рассвете он привязал мула возле ручья. Прежде чем напоить его, Сулла вошел в воду — прямо в тунике — и смыв с себя последние следы своей мачехи Клитумны. Оставалось еще одно неотложное дело, и Сулла занялся им, как только вышел из воды. На его пояссе в ножнах висел маленький кинжал. Сулла сделал небольшой надрез с левой стороны лба, чуть ниже линии волос. Сразу обильно потекла кровь. Но это — лишь начало. Рана не должна выглядеть аккуратной. Поэтому Сулла взялся пальцами за края разреза и стал растягивать, пока не разорвал их, значительно увеличив рану. Кровь полила ручьем, капая на грязную маскарадную одежду и расплываясь по мокрой ткани выразительными подтеками. Ну вот! Теперь хорошо! Из пояса он вынул заранее приготовленную прокладку из белой ткани и плотно прижал ее к разрезу, крепко привязав матерчатой лентой. Кровь попала в левый глаз, он небрежно смахнул ее рукой.

Всю ночь он ехал, безжалостно понукая животное, когда оно замедляло бег. Мул очень устал. Но понимал, что бежит домой, в свою конюшню, и, как все ему подобные, был добродушнее и выносливее, чем лошадь. И Сулла ему нравился. Ему, более привыкшему к боям подгубного ремня, нравился вкус уздечки. Ему нравилось молчание хозяина, его миролюбие. Поэтому ради него он бежал рысцой, легким галопом, переходил на шаг, потом, немного отдохнув, опять набирал темп. Пар поднимался от его косматой шерсти. Мул ничего не знал о женщине, лежащей на камнях со сломанной шеей. Для него Сулла был добрым человеком.

За милю до конюшен Сулла спешился и, сняв с мула веревку, забросил ее в кусты. Потом он шлепнул животное по крестцу и направил его в сторону конюшен, уверенный, что тот найдет дорогу. Но когда Сулла с трудом поплелся к Капенским воротам, мул последовал за ним. Сулле пришлось отгонять его камнями. Мул понял намек, махнул хвостом и — пошел прочь.

Закутанный в накидку с капюшоном, Сулла вошел в Рим как раз в тот момент, когда восточный край неба порозовел. За девять часов, в каждом из которых было по семьдесят четыре минуты, он доехал от Цирцеи до Рима, что было подвигом для уставшего мула и человека, впервые севшего в седло.

Лестница Кака вела от Большого цирка к Гермалу, североизападному склону Палатинского холма. Она была окружена наисвященнейшей землей — там обитал дух первоначального города Ромула. Небольшая пещера да родник, бьющий из камня, — вот где волчица выкормила близнецов, Ромула и Рема. Сулле это место показалось подходящим, чтобы спрятать свои вещи. Накидку с капюшоном и повязку с головы он тщательно засунул в полое дерево за статуей *genius loci* — духа местности. Его рана сразу же стала кровоточить, но теперь кровь сочилась медленно.

Ранние прохожие были потрясены, увидев пропавшего Суллу, с трудом бредущего в окровавленной женской тунике, такого грязного и покалеченного.

В доме Клитумны все были на ногах. Слуги не ложились с тех пор, как Геркулес Атлант в бешенстве покинул дом — почти тридцать два часа тому назад. Когда привратник впустил Суллу, похожего на призрак, слуги кинулись к нему со всех сторон, чтобы оказать помощь. Его вымыли, уложили в постель. Вызвали не кого-то, а самого Афинодора-сицилийца, чтобы тот осмотрел рану на голове хозяина. И Юлий Цезарь пришел спросить, что случилось с соседом, потому что весь Палатин разыскивал его.

— Расскажи мне, что можешь, — сказал Цезарь, садясь у ложа.

Сулла выглядел очень убедительно. Синева вокруг губ, бесцветная кожа белее, чем обычно, усталые глаза покраснели и воспалились.

— Глупо, — невнятно произнес он. — Не стоило мне связываться с Геркулесом. Я крепкий, могу постоять за себя. Но уж не думал, что человек может быть так силен! Я полагал, он только даст представление — и все. Но он напился и... просто унес меня с собой, как куль! Я ничего не мог поделать, не мог даже остановить его! Он отпустил меня — потом, но, наверное, перед этим ударил. Я попал в какую-то аллею в Субуре и провалился там, должно быть, целый день. Ты ведь знаешь, что такое Субура! Никто даже не пытался мне помочь. Когда я смог встать на ноги, то пришел домой. Вот и все, Гай Юлий.

— Тебе очень везет, молодой человек! — сказал Цезарь сквозь зубы. — Если бы Геркулес Атлант принес тебя к себе домой, ты мог бы разделить его участь.

— Его участь?

— Твой управляющий пришел ко мне вчера, когда ты не вернулся домой, и спросил, что ему делать. Услышав от него всю историю, я нанял гладиаторов и отправился с ними к Геркулесу Атланту. Мы обнаружили там следы настоящей бойни. По какой-то причине Геркулес Атлант превратил в щепки всю мебель, кулаками пробил в стенах огромные дыры. Он так напугал других жильцов, что они все разбежались. Сам он лежал посреди комнаты — мертвый. Я лично считаю, что у него случилось кровоизлияние в мозг, и он от боли сошел с ума. Или же, возможно, кто-то отравил его. — Выражение брезгливости появилось на лице Цезаря и тотчас исчезло. — Умирая, он учинил этот разгром. Думаю, что первыми его обнаружили слуги, но они исчезли до моего прихода. Поскольку мы не нашли никаких денег, думаю, слуги забрали все, что смогли, и убежали. Ведь ты заплатил ему за выступление?

Сулла закрыл глаза. Притворяться усталым ему не требовалось.

— Я заплатил ему заранее, Гай Юлий, поэтому не могу сказать, были ли у него в доме деньги.

Цезарь поднялся.

— Я сделал все, что мог. — Он сурово посмотрел на неподвижно простертую фигуру. Суровость эта пропала втуне — глаза Суллы были закрыты. — Мне искренне жаль тебя, Луций Корнелий, — добавил Цезарь. — Но так продолжаться больше не может. Дочь моя довела себя почти до смерти из-за своей детской привязанности к тебе. Даже сейчас она еще не оправилась. Ты доставляешь массу неудобств соседям, хотя, надо отдать тебе должное, ты не поощрял мою doch. И если быть справедливым, я признаю, что она сама доставляла тебе неудобства. Словом, я пришел к выводу, что тебе лучше жить где-нибудь подальше отсюда. Я послал письмо твоей мачехе в Цирцеи, чтобы она знала о том, что здесь произошло. Я также написал ей, что она уже давно надоела своим соседям, и ей следовало бы перебраться в другое место. Здесь живут тихие люди.

Мне не хотелось бы подавать жалобу городскому претору с просьбой защитить наши права на покой, тишину и физическое здоровье. Но как бы ни было это неприятно для меня, я готов подать такую жалобу, если буду вынужден это сделать, Луций Корнелий. С меня достаточно. Остальные соседи со мной согласны.

Сулла не шевельнулся, не открыл глаз. Цезарь стоял, раздумывая, дошел ли до Суллы смысл сказанного, и вдруг услышал храп. Тогда Цезарь повернулся и вышел.

* * *

Вести из Цирцей первым получил Сулла, а не Гай Юлий Цезарь. На следующий день прибыл посыльный с письмом от управляющего Клитумны в Цирцеях. В письме говорилось, что тело госпожи найдено у подножия утеса, на границе ее усадьбы. При падении госпожа сломала шею, но ничего подозрительного найдено поблизости не было. Как Сулле хорошо известно, сообщал в письме управляющий, последнее время госпожа Клитумна находилась в крайне подавленном состоянии.

Сулла спустил ноги на пол и встал с постели.

— Пригответьте мне ванну и свежую тогу, — приказал он.

Маленькая рана на лбу благополучно заживала, но края оставались еще лиловато-синими и припухшими. Кроме этого, ничто больше не напоминало о его вчерашнем состоянии.

— Пошли за Гаем Юлием Цезарем, — велел он Ямусу, когда оделся.

Сулла очень хорошо понимал, что все его будущее зависит от предстоящего разговора. Благодарение богам за то, что Скилакс увел Метробия с пирушки, хотя тот и протестовал, непременно желая остаться и узнать, что же случилось с его любимым Суллой. Воистину, его удача в самом зените! Присутствие Метробия в доме Клитумны в тот час, когда обеспокоенный Ямус позвал туда Гая Юлия Цезаря, могло погубить Суллу навсегда. Нет, Цезарь никогда не проклянет Суллу, основываясь только на слухах. Но вот если он увидит собственными глазами... Отныне дорога в этот дом Метробию заказана. «Я иду по самому краю обрыва, — сказал себе Сулла, — и пора остановиться». Стих, Никополис, Клитумна. Сулла улыбнулся. Да, теперь он мог остановиться.

Перед Цезарем предстал истинный римский патриций, с головы до пят. Узкая всадническая полоса на правом плече белоснежной туники. Великолепные волосы подстрижены и уложены. Мужествен, красив.

— Я прошу меня извинить за то, что опять вынужден принимать тебя здесь, Гай Юлий, — сказал Сулла и протянул Цезарю маленький свиток. — Это только что пришло из Цирцей. Я подумал, что тебе нужно с этим немедленно ознакомиться.

С ничего не выражавшим лицом Цезарь медленно читал, шевеля губами, еле слышно произнося слова. Затем отложил письмо.

— Вот и третья смерть, — произнес Цезарь, явно удовлетворенный этим обстоятельством. — Твое семейство катастрофически уменьшилось, Луций Корнелий. Прошу, прими мои соболезнования.

— Полагаю, ты составлял завещание Клитумны, — сказал Сулла, держа спину прямо. — Иначе, уверяю, я не посмел бы снова тебя потревожить.

— Да, я несколько раз переделывал завещание по ее просьбе. Последний раз это было после смерти Никополис. — Красивое лицо, голубые глаза — все в Цезаре было намеренно нейтрально. Сейчас он представлял закон. — Я хотел бы, чтобы ты рассказал мне, Луций Корнелий, какие чувства ты испытывал к своей мачехе.

Вот оно, самое слабое звено во всей цепи! Сейчас он должен, словно кошка, пройти уверенно и точно по подоконнику, усыпанному острыми черепками, — и на очень большой высоте.

— Помню, кое-что я уже рассказывал тебе о ней, Гай Юлий, — начал он. — Но я рад возможности поговорить о ней еще раз. Она была глупая, простая женщина, но мне она нравилась. Мой отец, — лицо Суллы поморщилось, — был неисправимым пьяницей. Мы происходим из древнего рода, Гай Юлий. Но мы не жили так, как полагается жить людям нашего происхождения. Мы были настолько бедны, что не могли позволить себе даже одного раба. Если бы не помог старого рыночного учителя, я, патриций из рода Корнелиев, не умел бы читать и писать! Я никогда не проходил военную подготовку на Марсовом поле, не обучался верховой езде, не был учеником какого-нибудь судебного адвоката. Не знаю ни военной науки, ни риторики, ни общественных наук — ничего я не знаю. В этом виноват мой отец. А Клитумна вышла за него замуж, и мы стали жить у нее. Кто знает? Может быть, если бы отец и я продолжали обитать в нашей норе в Субуре, однажды я сошел бы с ума и убил бы его, нанеся богам такое оскорблечение, за которое нет прощения. А так — до самой его смерти основное бремя она взяла на себя, и я был свободен. Да, я любил ее.

— Она тоже тебя любила, Луций Корнелий, — сказал Цезарь. — Завещание ее очень простое. Все, что она имела, она оставила тебе.

Спокойно, спокойно! Не слишком радуйся, но и не сильно горюй! Человек перед тобой очень проницательный, он хорошо разбирается в людях.

— Она оставила мне достаточно денег, чтобы войти в Сенат? — спросил Сулла, глядя Цезарю прямо в глаза.

— Более чем достаточно.

Сулла обмяк.

— Мне... трудно... поверить в это! Ты не ошибаешься? Я знаю, у нее был этот дом и вилла в Цирцеях, но не думаю, что было что-то еще.

— Напротив, она была очень богатой женщиной. Инвестиции, акции, проценты в ряде компаний, а также дюжина торговых судов. Советую тебе избавиться от кораблей и акций и на вырученные деньги купить недвижимость. Чтобы удовлетворить цензоров, твои дела должны находиться в исключительном порядке.

— Это сон!

— Я могу понять твои чувства, Луций Корнелий. Будь уверен, все это реально. — Цезарь говорил спокойно. Он посчитал реакцию Суллы естественной.

— Она могла бы еще жить и жить, — произнес Сулла с удивлением. — В конце концов, у меня счастливая судьба, Гай Юлий. Никогда не думал, что смогу сказать так. Мне будет не хватать ее. Надеюсь, в будущем мир признает, что самую большую инвестицию она сделала своей смертью. Ибо я намерен стать гордостью своего класса и Сената.

Хорошо ли он сказал? То ли он сказал, что хотел услышать Цезарь?

— Я согласен, Луций Корнелий. Твоя покойная мачеха была бы счастлива узнать, что ты плодотворно используешь ее завещание, — сказал Цезарь, по достоинству оценив мысль Суллы. — Надеюсь, больше не будет диких пирушек? Сомнительных друзей?

— Когда человек может вести образ жизни, подобающий своему происхождению, Гай Юлий, то нет необходимости ни в диких пирушких, ни в сомнительных друзьях. — Сулла вздохнул. — Это был просто способ провести время. Смею предположить, это должно показаться тебе странным. Но жизнь, которую я вел более тридцати лет, висела на мне, как тяжелый жернов.

— Без сомнения, — согласился Цезарь.

И вдруг ужасная мысль пришла в голову Суллы.

— Но ведь цензоров нет! Что же мне делать?

— Одно из условий, которые Марк Скавр выдвинул при своей добровольной отставке, — чтобы новых цензоров выбрали в следующем апреле. Подожди до выборов, — спокойно сказал Цезарь.

Сулла собрался с силами, глубоко вдохнул:

— Гай Юлий, у меня есть к тебе еще одна просьба.

В голубых глазах Цезаря появилось выражение, которое Сулла никак не мог определить. Словно Цезарь знал, о чем намеревается просить собеседник... Но как мог он знать, когда эта идея ему самому только что пришла в голову? Самая блестящая идея самая счастливая. Ибо если Цезарь согласится, обращение Суллы к цензорам будет иметь значительно больший вес. Происхождение Суллы и его деньги, увы, сильно подпорчены тем образом жизни, который он вел.

— Какая просьба, Луций Корнелий?

— Твое согласие на мой брак с твоей дочерью Юлиллой.

— После того, как она столь безобразно поступала с тобой?!

— Я... я люблю ее, — сказал Сулла, веря в то, что говорил.

— Юлилла еще не оправилась в достаточной мере, чтобы думать о замужестве, — сказал Цезарь. — Но я запомню твою просьбу, Луций Корнелий. — Он улыбнулся. — Может быть, вы стоите друг друга и после всех передряг заслужили свое счастье.

— Она дала мне венец из трав, — сказал Сулла. — И только после этого удача повернулась ко мне лицом!

— Я тебе верю. — Цезарь поднялся, собираясь уйти. — Тем не менее пока мы никому не скажем о твоем желании жениться на Юлилле. И кроме того, я настаиваю, чтобы ты держался подальше от нее. Что бы ты к ней ни чувствовал, она все еще пытается найти выход из своего положения, и я не хочу облегчать ее задачу.

Сулла проводил Цезаря до двери и там протянул ему руку, улыбаясь скатыми губами. Никто лучше не знал эффекта этих слишком длинных и слишком острых клыков, чем сам их владелец. Не для Цезаря его отвратительные, страшные осколы. Нет, Цезаря надо беречь, его надо обхаживать. Разве есть лучший способ расположить к себе цензоров — и выборщиков, — чем иметь женой Юлию?

— Ямус! — позвал Сулла, когда закрыл за Цезарем дверь.

— Да, господин.

— Не беспокойся об обеде. Приведи дом в траурный вид по случаю смерти госпожи Клитумны. Проследи, чтобы вернулись все ее слуги из Цирцей. Я ухожу организовывать похороны.

«И упаковывать вещи, — подумал Сулла. — Пора прощаться с прежней жизнью, с Клитумной. Ни о чем я не буду жалеть, кроме Метробия. Я буду скучать о нем. Очень».

ГОД ТРЕТИЙ (108 г. до Р. Х.)
КОНСУЛЬСТВО СЕРВИЯ СУЛЬПИЦИЯ ГАЛЬБЫ И КВИНТА ГОРТЕНЗИЯ

С приходом зимних дождей война в Нумидии утратила прежний характер и была почти остановлена. Ни одна из противоборствующих сторон не оказалась в состоянии развернуть войска. Гай Марий получил письмо от своего тестя, Цезаря, и, размышляя над его содержанием, удивлялся. Знал ли консул Квинт Цецилий Метелл Свинка, что с наступлением нового года станет проконсулом, его командование будет продлено и будущий триумф обеспечен? В штабе губернатора в Утике никто даже не упоминал о поражении Марка Юния Силана и о потере всего его войска.

Все это давно было известно Метеллу, а старший легат Гай Марий будет последним, кому об этом сообщат. Вот что возмущало Мария. Бедному Рутилию Руфу поручили наблюдать за зимними пограничными гарнизонами, что не позволяло связаться с ним при развитии событий, не говоря уже о возобновлении войны. А Гай Марий, которого вызвали в Утику, вообще оказался в подчинении у сына Метелла Свинки! Этот молодой человек двадцати лет от роду, младший офицерик в личном кортеже своего отца, был счастлив командовать гарнизоном и руководить обороной Утики. Когда требовалось решить любой вопрос, связанный с диспозицией войск, Марию приходилось обращаться к невыносимо высокомерному Поросенку, как вскоре все стали его называть. Утика — крепость второстепенная. В обязанности Мария входила вся рутинная работа, которую не хотел выполнять губернатор. Работа, более подходящая для квестора, а не для старшего легата.

Мария это бесило, он терял самообладание, особенно когда Метелл Поросенок забавлялся за счет Мария. Поросенку это очень нравилось, тем более что его отец Свинка дал понять, что это нравится и ему. Полупоражение на реке Мутул спровоцировало Рутилия Руфа и Мария на яростную критику командования. Они заявили, что лучший способ выиграть войну с Нумидией — захватить самого Югурты.

— И как же я это сделаю? — спросил тогда Метелл, отрезвленный своей первой битвой достаточно для того, чтобы выслушать чужое мнение.

— Хитростью, — сказал Рутилий Руф.

— Какой хитростью?

— А это ты сам должен придумать, Квинт Цецилий.

Теперь, когда все вернулись в Африканскую провинцию и сносили эти дождливые дни и рутинную работу, Метелл Свинка держал свои намерения в секрете. А потом он наладил контакт с нумидийским аристократом по имени Набдалса и был вынужден позвать Мария принять участие в беседе с этим человеком.

— Не можешь сам выполнить грязную работу, Квинт Цецилий? — прямо спросил Марий.

— Верь мне, Гай Марий, если бы Публий Рутилий был здесь, ты бы мне не понадобился! — огрызнулся Метелл. — Но ты знаешь о Югурте то, чего не знаю я. Кроме того, тебе немного больше известно о том, как работает у нумидийцев голова. Я только хочу, чтобы ты сидел и слушал. Потом скажешь мне свое мнение.

— Меня поражает твое доверие. Думаешь, я буду откровенен с тобой?

Метелл поднял брови, искренне удивленный:

— Ты здесь для того, чтобы бороться с Нумидией, Гай Марий, так почему бы тебе не быть со мной откровенным?

— Тогда приводи этого человека, Квинт Цецилий, и я сделаю все возможное, чтобы помочь.

Марий знал кое-что о Набдалсе, хотя никогда раньше не видел его. Набдалса был сторонником царевича Гауды, законного претендента на нумидийский трон. В настоящее время этот царевич жил на положении полукороля недалеко от Утики, в цветущем mestechke на территории Старого Карфагена. Набдалса приехал и был принят Метеллом довольно холодно.

Метелл изложил ему свою точку зрения. Наилучший и самый быстрый способ решить нумидийскую проблему (и посадить на престол царевича Гауду) — это захватить самого Югурты. Есть ли у царевича-претендента — или же у Набдалсы — какие-либо соображения насчет того, как осуществить захват Югурты?

— С помощью Бомилькара, господин, — сказал Набдалса.

Метелл вытаращил глаза:

— Бомилькар? Но он же сводный брат Югурты, самый преданный из его вельмож!

— В настоящее время отношения между ними довольно натянутые, — пояснил Набдалса.

— Почему? — спросил Метелл.

— Это вопрос престолонаследия, господин. Бомилькар хочет, чтобы его назначили регентом, если с Югуртой что-нибудь случится, но Югурта отказывается это сделать.

— Регентом? Не наследником?

— Бомилькар знает, что ему никогда не быть наследником, господин. У Югурты два сына. Но они еще очень молоды.

Нахмурившись, Метелл пытался понять ход мыслей чужестранца. «Почему Югурта возражает? Я бы считал Бомилькара идеальным вариантом».

— Неродственная кровь, господин, — ответил Набдалса. — Бомилькар не происходит от короля Масиниссы, поэтому не принадлежит к королевскому дому.

— Понимаю. — Метелл выпрямился. — Очень хорошо. Тогда посмотрим, как ты убедишь Бомилькара стать союзником Рима. — Он повернулся к Марии. — Поразительно! Но ведь человек, недостаточно знатный для трона, вполне может быть отличным регентом!

— В нашем обществе — да, — отозвался Марий. — В обществе Югурты это может послужить соблазном убить его сыновей. Как еще иначе Бомилькар сумеет взойти на престол, если не убив наследников Югурты?

Метелл снова повернулся к Набдалсе:

— Благодарю тебя. Ты можешь идти.

Но Набдалса еще не собирался уходить.

— Господин, я прошу об одном одолжении.

— О каком? — спросил недовольно Метелл.

— Гауда-царевич хочет увидеться с тобой. Он удивлен, почему до сих пор ему не предоставили такую возможность. Год твоего губернаторства заканчивается, а Гауда до сих пор ждет приглашения.

— Если он желает увидеться со мной, что его останавливает? — прямо спросил губернатор.

— Он не может прийти сам, Квинт Цецилий, — объяснил Марий. — Ты должен послать ему официальное приглашение.

— А-а! Ну, если дело только в этом, приглашение будет послано, — сказал Метелл, пряча улыбку.

И на следующий же день Набдалса лично доставил приглашение в Старый Карфаген, и царевич Гауда вскоре явился с визитом к губернатору.

Это была безрезультатная встреча. Вряд ли на свете нашлось бы еще два таких разных человека, как Гауда и Метелл. Слабый, болезненный и не очень умный, Гауда вел себя так, как считал правильным, а Метелл находил его неприлично властным. Метеллу представлялось, что гость будет почтительным, даже подобострастным. Но получилось совсем не так. Гауда начал встречу с того, что пришел в негодование, поскольку Метелл не встал, дабы приветствовать его. Закончив аудиенцию через несколько минут, Гауда торжественно удалился.

— Я — член царской семьи! — тонким голосом пропищал царевич Набдалсе после встречи.

— Это все знают, — успокаивал его Набдалса. — Однако римляне очень странно относятся к этому вопросу. Они считают себя выше царской крови, потому что они ликвидировали своих царей много сотен лет назад. С тех пор они сами управляют собой, обходясь без царей.

— Мне все равно, пусть они преклоняются хоть перед дерьямом! — заявил Гауда. Его раненые чувства еще причиняли боль. — Я — законный сын своего отца, а Югурта — его ублюдок! И когда я появляюсь среди этих римлян, они должны приветствовать меня стоя, они должны передо мной склоняться, они должны отобрать из своих солдат сотню самых лучших и отдать их мне для эскорта!

— Правильно, правильно, — отвечал Набдалса. — Я увижу с Гаем Марием. Может быть, Гай Марий сумеет образумить Квinta Цецилия.

Все нумидийцы слышали о Гае Марии и Публии Рутилий Руфе. Югурта расхвалил их на всю Нумидию еще в те дни, когда первый раз возвратился из Нуманции.

— Тебе непременно следует увидеться с Гаем Марием, — сказал Гауда и отбыл в великом гневе в свой Старый Карфаген, чтобы там пережить оскорбление.

Набдалса ненавязчиво добивался беседы с Гаем Марием.

— Я сделаю, что смогу, — вздохнув, пообещал Марий.

— Я был бы весьма благодарен, Гай Марий, — горячо сказал Набдалса.

Марий усмехнулся:

— Твой господин возложил это на тебя, да?

Набдалса ответил выразительным взглядом.

— Дело в том, друг мой, что Квинт Цецилий считает себя аристократом несравненно более высокого происхождения, чем любой нумидийский царь. Я очень сомневаюсь, чтобы кто-то, особенно я, мог изменить его настрой. Но я попытаюсь, потому что хочу, чтобы ты нашел Бомилькара. Это значительно важнее, чем перепалка между губернаторами и царевичами, — сказал Марий.

— Сирийская прорицательница говорит, что фамилия Цецилий Метелл скоро придет в упадок, — задумчиво проговорил Набдалса.

— Сирийская прорицательница?

— Женщина по имени Марфа, — пояснил нумидиец. — Царевич Гауда нашел ее в Старом Карфагене. Там ее, кажется, оставил несколько лет назад морской капитан, который верил, что она навела проклятие на его корабль. Поначалу одни только бедняки спрашивали у нее совета, а теперь ее слава разнеслась далеко, и Гауда взял ее ко двору. Она предсказала, что царевич Гауда станет царем Нумидии после падения Югурты. Хотя его падение произойдет не сейчас.

— А что она говорила о Цецилиях Метеллах?

— Она говорит, что это семейство уже пережило зенит своего могущества, их станет меньше, они станут беднее, их превзойдут другие, и среди них — ты, господин.

— Я хочу видеть эту сирийскую прорицательницу, — заявил Марий.

— Это можно устроить. Но ты должен приехать в Старый Карфаген, потому что она не выходит из дома Гауды, — сказал Набдалса.

Разговор с сирийской прорицательницей Марфой состоялся после аудиенции у царевича Гауды. Марий терпеливо выслушивал длинный перечень жалоб на Метелла и давал обещания, выполнить которые не имел ни малейшей возможности.

— Не сомневайся, царевич, когда будет такая возможность, я позабочусь о том, чтобы к тебе относились с почтением, достойным твоего рождения, — сказал он, кланяясь так низко, как хотелось Гауде.

— Этот день придет! — пылко восхликал Гауда и радостно улыбнулся, показав гнилые зубы. — Марфа предрекает, что ты будешь Первым Человеком в Риме, и довольно скоро. По этой причине, Гай Марий, я хочу стать твоим клиентом. Я позабочусь, чтобы и мои сторонники в римской провинции Африка тоже стали твоими клиентами. И еще: когда я воссяду на престол Нумидии, вся Нумидия станет твоим клиентом.

Марий слушал с изумлением. Он, простой претор, получает клиентов, которых даже один из Цецилиев Метеллов может не дождаться! О, ему непременно следует встретиться с этой Марфой, этой сирийской прорицательницей!

Вскоре после этого она сама изъявила желание увидеть его. Гауда распорядился, чтобы Гая Мария проводили в апартаменты прорицательницы на огромной вилле, которая служила Гауде временным дворцом. Беглый взгляд убедил Мария,

что эту женщину действительно высоко ценили: апартаменты были роскошно обставлены, стены разрисованы фресками — самыми прекрасными, какие ему доводилось видеть; полы устланы мозаикой под стать фрескам.

Она вошла, одетая в пурпур, — еще один знак высокой чести, оказанной той, что рождена не в царском дворце. А уж царской крови в ее жилах определенно не было. Маленькая, высохшая, тощая старуха, пахнущая старой мочой, с волосами, не мытыми, как заподозрил Марий, несколько лет. Внешность ее была чужеземная: большой тонкий орлиный нос, очень морщинистое лицо и взгляд черных глаз, пронзительный, гордый и бдительный, как у орла. Груди ее висели, как два пустых чулка, в носки которых насыпана галька. Было видно, как они раскачивались под прозрачной пурпурной сорочкой, — кроме этой сорочки, на прорицательнице больше ничего не было, только пурпурная шаль, завязанная на бедрах. Руки и ноги ее были черны от хны. Она шла, позванивая многочисленными колокольчиками, браслетами, кольцами, брелоками — все из чистого золота. Прикрепленная золотым гребнем пурпурная газовая вуаль спускалась по спине, как флаг при безветрии.

— Сядь, Гай Марий, — молвила она, показав на кресло шишковатым пальцем с длинным ногтем, сверкающим от множества колец.

Марий сел, не в силах отвести взгляда от старого коричневого лица.

— Гауда говорил мне: ты сказала — я буду Первым Человеком в Риме, — заговорил он хрипло и прокашлялся. — Я бы хотел услышать подробности.

Она захихикала. Ее смех был похож на блеяние овцы. Показались беззубые десны с одним желтым резцом в верхней челюсти.

— О да, тебе бы этого хотелось, я уверена! — сказала она и хлопнула в ладони, зовя слугу. — Принеси-ка нам настой из сушеных листьев и печенье, которое я люблю, — приказала она. Потом обратилась к Гаю Марии: — Это недолго. Когда все принесут, мы поговорим. А пока посидим и помолчим.

Не желая обижать ее, Марий сидел молча. Принесли дымящийся настой, и он отпил из чаши, которую она ему подала. Запах показался Марии подозрительным, он насторожился. На вкус настой был неплох, но поскольку римлянин не привык к горячим напиткам, то обжег себе язык и отставил чашу. Она же, явный знаток и ценитель, маленькими глоточками попивала из своей чаши, проглатывая каждый раз с явным удовольствием.

— Восхитительное снадобье, хотя ты, наверное, предпочитаешь вино.

— Нет-нет, — вежливо пробормотал он.

— Возьми пирожное, — предложила она с полным ртом.

— Спасибо, не надо.

— Ладно, ладно, намек поняла! — сказала она и прополоскала рот еще одним глотком горячей жидкости. Потом протянула свою когтистую лапу. — Дай мне твою правую руку... Судьба твоя замечательна, Гай Марий, — начала она, разглядывая многочисленные линии на его ладони. — Какая рука! Ей подчиняется все. А какая линия ума! Она управляет твоим сердцем, твоей жизнью — всем, кроме разрушительного действия времени, Гай Марий, но кто в силах противиться времени! Однако ты сможешь противостоять многому, перед чем другие отступают. Очень тяжелая болезнь... Но ты преодолеешь ее первый раз и даже второй раз... Враги, десятки врагов... Но ты преодолеешь их... Ты будешь консулом в будущем году... А после этого ты еще шесть раз будешь консулом... Тебя назовут Третьим Основателем Рима, потому что ты спасешь Рим от самой страшной опасности!

Гай Марий чувствовал, как загорелось у него лицо, стало горячим, словно копье, брошенное в огонь. И сильный шум в голове... Сердце ухало в груди, как барабан. Перед глазами поплыл красный туман. Он знал, что все сказанное ею — правда.

— Тебя любит и уважает знатная женщина, — продолжала Марфа, разбираясь теперь в мелких линиях его ладони. — Ее племянник будет самым великим римлянином на все времена.

— Нет, это я, — перебил он ее. На это менее приятное известие тело его реагировало уже более спокойно.

— Нет, это ее племянник! — упрямо повторила Марфа, — Более великий человек, чем ты, Гай Марий. У него первое имя такое же, как у тебя, — Гай. Но он из ее семьи, не из твоей.

Этот факт он запомнит.

— А что ты скажешь о моем сыне? — спросил он.

— Твой сын тоже будет большим человеком, но не таким великим, как его отец. До старости он не доживет. Но когда наступит твой срок, он будет еще жив.

Она оттолкнула его руку и спрятала свои грязные голые ноги под кушетку, на которой сидела. Колокольчики на пальцах зазвенели, браслеты на щиколотках лязгнули.

— Я увидела все, что надлежало увидеть, Гай Марий, — сказала она, откинувшись назад и закрыла глаза.

— Благодарю тебя, Марфа-прорицательница, — сказал он, поднимаясь и протягивая ей кошелек. — Скажи мне, сколько я тебе должен?

Она открыла глаза, черные, лукавые.

— Для тебя — бесплатно. Достаточно побывать в обществе истинно великого. Плата — для таких, как Гауда, который никогда не будет великим человеком, хотя и станет царем. — Опять она заблеяла. — Ты знаешь не хуже меня, Гай Марий, при всех твоих талантах у тебя нет дара предвидения будущего. Твой дар — смотреть в сердца людей. А у Гауды сердце маленькое.

— Еще раз благодарю тебя.

— Но у меня есть к тебе просьба, — добавила она ему в спину, когда он уже направлялся к двери.

Он быстро обернулся:

— Говори!

— Когда ты будешь консулом второй раз, Гай Марий, пригласи меня к себе и прими с почетом. Перед смертью я хочу увидеть Рим.

— Ты увидишь Рим! — сказал он и ушел.

Семь раз консул! Первый Человек в Риме! Третий Основатель! Возможна ли лучшая судьба? Какой еще римлянин может превзойти его? Гай... Она, наверное, имела в виду сына его младшего шурина, Гая Юлия Цезаря Младшего. Да, его сын будет племянником Юлии — единственным, кого, конечно, назовут Гай.

— Только через мой труп, — сказал Гай Марий и, вскочив на коня, отправился в Утику.

На следующий день он отправился поговорить с Метеллом и застал консула заваленным документами и письмами из Рима: вчера вечером пришел корабль, опоздавший из-за разыгрывшегося шторма.

— Отличные новости, Гай Марий! — восхликал Метелл, на этот раз приветливо. — Мое командование в Африке продлено. За мной сохраняется абсолютная проконсульская власть. И возможна дополнительная пролонгация, если мне потребуется еще время.

Он бегло просмотрел один документ, взял другой — просто для видимости, потому что явно уже все прочитал до прихода Мария.

— И моя армия цела... А вот в Италии острая нехватка людей, благодаря действиям Силана в Галлии. Ты ведь не слышал об этом? Мой коллега консул потерпел поражение от германцев. Огромные потери. — Метелл схватил другой свиток. — Силан пишет, что на поле боя было больше полумиллиона германцев. — Положил свиток. Взял другой, стал размахивать им перед

Марием. — Вот здесь Сенат извещает меня, что аннулировал lex Sempronia — закон Гая Семпрония Гракха, ограничивающий количество кампаний, в которых человек должен участвовать. Давно пора! Если понадобится, мы теперь можем призвать тысячи ветеранов. — Метелл был ужасно доволен.

— Это очень плохо! — возразил Марий. — Если ветеран хочет уйти в отставку после десяти лет службы или шести кампаний, он должен иметь на это право, не боясь, что когда-нибудь его призовут еще раз. Уничтожив закон Семпрония, мы уничтожаем мелких собственников, Квинт Цецилий! Как может человек оставить свое небольшое хозяйство лет на двадцать службы в армии — и при этом надеяться, что в его отсутствие дела будут процветать? Как ему завести сыновей, которые впоследствии заменят его и на пахотных полях, и в легионах? Вся тяжесть хозяйственных забот ложится на плечи его бездетной жены, а женщины не так сильны и прозорливы, где им вести дела!.. Нам нужно искать солдат где-то в другом месте — и мы должны беречь их, защищая в первую очередь от бездарных командиров!

Метелл выпрямился, скжав губы.

— Не твое дело, Гай Марий, сомневаться в мудрости самого выдающегося руководящего органа в нашем обществе! — выпалил он. — И кто ты такой? Что ты о себе возомнил?

— Однажды ты уже сказал мне, кто я такой, Квинт Цецилий. Это было много лет тому назад. Как я помню, ты назвал меня итальянским деревенщиной, не разумеющим по-гречески. Возможно, это правда. Но это не мешает мне считать новое законодательство никуда не годным, — ответил Марий, не повышая голоса. — Мы — а говоря «мы», я имею в виду Сенат, этот выдающийся руководящий орган, членом которого я являюсь, как и ты, — итак, мы допускаем, чтобы целый класс граждан вымирали. Потому только, что они не имели мужества или ума остановить всех этих так называемых полководцев, из-за бездарности которых мы воюем уже много лет! Кровь римских солдат не должна проливаться напрасно, Квинт Цецилий, она предназначена для жизни и продолжения рода! — Марий поднялся, склонился над столом Метелла. — Когда мы только начинали создавать нашу армию, она предназначалась для кампаний исключительно в пределах Италии. Чтобы мужчины каждую зиму могли возвращаться домой — управлять своим хозяйством, зачинять сыновей, приглядывать за своими женами. Но когда сегодня мужчина вербуется в солдаты или становится под орлов по призыву — его увозят за моря. Кампания растягивается на несколько лет, в течение которых он не имеет возможности побывать дома. Шесть кампаний могут занять двенадцать, а то и пятнадцать лет — и к тому же не на родине, а в совершенно чужих местах! Закон Семпрония был направлен на то, чтобы мелкие землевладельцы не становились жертвами выдающихся теоретиков-скотоводов! — Он испуганно охнул и лукаво взглянул на Метелла. — Ах, я и позабыл, Квинт Цецилий! Ты ведь у нас и сам — один из тех выдающихся теоретиков-скотоводов, да? Ты ведь любишь наблюдать, как мелкие хозяйственники попадают в твои лапы? Люди, которые должны сейчас быть дома и вести свое хозяйство, умирают на чужбине из-за обыкновенной аристократической алчности и легкомыслия.

— Ага! Вот мы и договорились! — закричал Метелл, вскочив на ноги и приблизив лицо к Марию. — Вот-вот! Аристократическая алчность и легкомыслie? Аристократы тебе спать не дают спокойно, да? Но ведь ты тоже считаешь себя аристократом! Позволь мне сказать тебе кое-что, Гай Марий, высокочка! Женитьба на Юлии, дочке Цезаря, не в силах превратить тебя в аристократа!

— А я этого и не хочу, — прорычал Марий. — Я презираю вас всех, за исключением единственного — моего тестя, которому, несмотря на древний род, чудом удалось остаться честным человеком!

Они давно уже перешли на крик. Кругом прислушивались.

— Давай, Гай Марий! — выкрикнул один трибун.

— Ударь его побольнее, Гай Марий! — подхватил другой.

— Обделай его, этого fellator, Гай Марий! — добавил третий, усмехнувшись.

Все в армии любили Гая Мария намного больше, чем Квinta Цецилия Метелла. Все, от высших чинов до солдата.

Крики были слышны далеко за пределами кабинета. Когда поспешно вошел сын проконсула Квинт Цецилий Младший, прочие постарались сделать вид, будто очень заняты работой. Не удостоив их взглядом, Метелл Поросенок открыл дверь отцовского кабинета.

— Ваши голоса слышны за милю, — сказал молодой человек, бросив на Мария презрительный взгляд.

Внешне он был очень похож на отца: среднего роста, средней же комплекции, темноволосый, черноглазый, симпатичный, по римским меркам. В нем ничего не было такого, что выделяло бы его из толпы.

Приход сына отрезвил Метелла, но отнюдь не охладил ярости Мария. Они продолжали стоять. Молодой Метелл пребывал в стороне, встревоженный и огорченный. Искренне преданный своему отцу, Поросенок переполошился, когда вспомнил об унижениях, которые сыпал на голову Гая Мария с тех пор, как отец назначил его командовать гарнизоном Утики. Сейчас он впервые увидел другого Гая Мария — огромных размеров, более мужественного, смелого и умного, чем любой из Цецилиев Метеллов.

— Я не вижу смысла в продолжении разговора, Гай Марий, — сказал Метелл, прижав ладони к столу, чтобы скрыть их дрожь. — По какому делу ты вообще пришел ко мне?

— Пришел сказать тебе, что в конце следующего лета я прекращаю участие в этой войне, — сказал Марий. — Я возвращаюсь в Рим — буду баллотироваться в консулы.

Метелл не мог поверить своим ушам.

— Что?!

— Возвращаюсь в Рим баллотироваться в консулы.

— Нет, ты не уедешь, — заявил Метелл. — Ты записался добровольцем как мой старший легат с полномочиями пропретора. На срок, пока я — губернатор провинции. Мой срок продлили. А это значит, что и твой продлен.

— Ты можешь отпустить меня.

— Если захочу. А я не хочу, — сказал Метелл. — По правде сказать, Гай Марий, будь моя воля, я похоронил бы тебя здесь, в провинциях, до конца дней твоих.

— Не делай мне гадостей, Квинт Цецилий, — дружески посоветовал Марий.

— Не делать тебе чего? О, Гай Марий, пошел-ка вон отсюда! Ступай и займись чем-нибудь полезным... Перестань мешать мне! — Метелл заметил, что сын смотрит на него, и подмигнул ему, словно заговорщик.

— Я настаиваю, чтобы ты отпустил меня с военной службы, тогда осенью я смогу выставить свою кандидатуру в консулы.

Осмелевший при виде отца, который уже опомнился и снова напустил на себя надменный вид превосходства, Поросенок захихикал. Это раззадорило его отца.

— Вот что я скажу тебе, Гай Марий, — сказал Свинка, улыбаясь. — Тебе уже почти пятьдесят лет. Моему сыну двадцать. Вы будете баллотироваться в консулы одновременно. К тому времени тебе предстоит получиться кое-чему, чтобы пройти экзамен на звание консула! Хотя я уверен, что мой сын с удовольствием тебя поднатаскает.

Молодой Метелл расхохотался.

Марий посмотрел на обоих из-под щетинистых бровей. Выражение его орлиного лица стало еще более гордым и надменным, чем у обоих Метеллов.

— Я буду консулом, — сказал он. — Будь уверен, Квинт Цецилий, я буду консулом — и не один раз, а целых семь.

И он вышел из кабинета, а двое Метеллов смотрели ему вслед с недоумением и страхом и удивлялись, почему их не рассмешило это нелепое заявление.

На следующий день Марий вернулся в Старый Карфаген и попросил аудиенции у Гауды-царевича.

Допущенный к претенденту на престол, он опустился на одно колено и поцеловал холодную, влажную и вялую руку.

— Встань, Гай Марий! — воскликнул Гауда, очарованный видом этого великолепного человека, оказывающего ему почести таким восхитительным образом.

Марий стал подниматься, но потом снова опустился — уже на оба колена и протянул руки.

— О царевич! — обратился он. — Я недостоин стоять в твоем присутствии, ибо я перед тобой — в качестве самого смиренного просителя.

— Встань, встань! — пронзительно закричал Гауда, еще более довольный. — Я не буду тебя слушать, пока ты на коленях! Вот, садись рядом со мной и расскажи, чего ты хочешь.

Кресло, на которое указал Гауда, стояло действительно рядом с троном царевича, но на ступеньку ниже. Низко поклонившись креслу, Марий пристроился на краешек, словно ему было страшно сесть поудобнее в присутствии столь блестательной особы.

— Когда ты выразил желание стать моим клиентом, царевич Гауда, я согласился, считая это за честь для себя. Ибо чувствовал, что смогу похлопотать за тебя в Риме. Я хотел осенью выставить свою кандидатуру в консулы. — Марий помолчал, глубоко вздохнул. — Но, увы, этому не бывать! Квинт Цецилий Метелл остается в Африке, срок его губернаторства продлен. А я как его легат не могу покинуть службу без его дозволения. Когда я сказал ему, что хочу баллотироваться, он отказался отпустить меня даже на день раньше себя.

Царственный отпрыск нумидийского дома вспыхнул гневом избалованного инвалида. Он очень хорошо помнил, как Метелл и не подумал встать при его появлении, не пожелал низко поклониться, не разрешил царевичу сидеть на троне в присутствии губернатора, как отказался дать ему римлян для эскорта.

— Но это выше всякого понимания, Гай Марий! — воскликнул он. — Как же нам заставить его изменить свое решение?

— О, я преклоняюсь перед твоим умом, твоим пониманием ситуации! — воскликнул Марий. — Это именно то, что нам надлежит сделать, — заставить его передумать. — Он помолчал. — Я знаю, что ты собираешься предложить. Однако, возможно, будет лучше, если мысль изложу я, а не ты, потому что это грязное дело. Я умоляю тебя: позволь мне говорить!

— Говори! — важно разрешил Гауда.

— О царевич, Рим, Сенат и даже народ за время двух собраний должны быть завалены письмами! Письмами от тебя и от каждого горожанина, селянина, земледельца, купца и менялы во всей Африканской провинции! Письмами, в которых Рим извещают о том, насколько неэффективно, некомпетентно Квинт Цецилий Метелл ведет войну против Югурты. Пусть Рим узнает, что теми успехами, которым мы радовались, мы обязаны Гаю Марии, а не Квинту Цецилию Метеллу. Тысячи писем, царевич! Пусть их пишут снова и снова, пока Квинт Цецилий Метелл не смягчится и не отпустит меня в Рим, где я мог бы стать консулом!

Гауда блаженно заржал.

— Разве не поразительно, Гай Марий, что мы с тобой мыслим одинаково? Письма — это именно то, что я собирался предложить!

— Как я уже сказал, я знал это, — сказал Марий. — Но возможно ли это осуществить?

— Конечно, это возможно! — заверил Гауда. — Нужно только время, влияние и деньги. Я думаю, Гай Марий, что у нас с тобой найдется куда больше денег, терпения и времени, чем у Квinta Цецилия Метелла, не так ли?

— Я определенно надеюсь на это, — сказал Марий.

Конечно, Марий на этом не остановился. Он сам лично пересек всю Африканскую провинцию вдоль и поперек, встретился с каждым влиятельным римлянином, латинянином, итальянцем, объясняя, что выполняет поручение Метелла. При себе у него был секретный мандат от Гауды, где тот обещал все виды концессий в Нумидии, если он будет царем, и просил каждого стать клиентом Гая Мария. Дождь, грязь и реки, вышедшие из берегов, не могли остановить Гая Мария. Он ходил, вербую клиентов и собирая обещания написать письма. Тысячи и тысячи писем. Достаточно, чтобы потопить Квinta Цецилия Метелла и покончить с его политической карьерой.

К февралю каждый важный человек в Риме стал получать письма из Африканской провинции. Письма прибывали с каждым кораблем. Вот, например, письмо Марка Целия Руфа, римского гражданина, владельца сотен югеров земли в долине реки Баграды, между Утикой и Карфагеном, крупного поставщика пшеницы для Рима:

Квинт Цецилий Метелл мало полезного сделал в Африке. Главными для него всегда были его личные интересы. Я твердо уверен, что он намеревается нарочно продлить эту войну, чтобы упрочить свою славу и могущество. Прошлой осенью он распустил слух, что это была его идея — ослабить позиции Югурты, предав огню посевы и разорив города Нумидии.

Особенно те, в которых хранились сокровища. В результате мои земли и земли многих других римских граждан в этой провинции находятся в опасности, ибо нумидийцы теперь орудуют среди римлян, мстя за нанесенный ущерб. Вся долина Баграды, столъ важная для Рима житница, живет в постоянном страхе.

Более того, дошло до меня, как и до многих других, что Квинт Цецилий Метелл не может даже управлять своими легионами. Он намеренно пренебрегает опытом и талантами более старших и мудрых — таких, как Гай Марий и Публий

Рутилий Руф, поручив одному командование второстепенной кавалерией, а другому — руководство снабжением. Его поведение по отношению к царевичу Гауде, которого Сенат и народ Рима считают законным правителем Нумидии, было непростительно высокомерным, недальновидным, а иногда — жестоким.

В заключение разреши заметить, что все небольшие успехи, которых мы добились в прошлой кампании, — это исключительная заслуга Гая Мария и Публия Рутилия Руфа. Я уверен, что за свои старания они не слышали даже спасибо. Позволь мне, таким образом, обратить твое внимание на Гая Мария и Публия Рутилия Руфа, и я до глубины души остаюсь возмущенным поведением Квinta Цецилия Метелла. Прощай.

Это послание было адресовано одному из самых крупных и значительных торговцев в Риме, человеку, чье влияние среди сенаторов и всадников было очень велико. Естественно, поскольку он был осведомлен о позорном ведении войны Метеллом, его негодование не было границ. Он прожужжал уши всем — и эффект последовал немедленно. Проходили дни, а письма все шли и шли. К голосу уважаемого торговца присоединились многие другие. Сенаторы уже начали избегать встреч с банкирами и судовладельцами. И самодовольство могущественной семьи Цецилиев Метеллов стало быстро уступать место тревоге.

Полетели эпистолы Цецилиев Метеллов к уважаемому представителю семьи, Квинту Цецилию, проконсулу Африканской провинции, с настоятельной просьбой умерить заносчивость по отношению к царевичу Гауде, отнестишись к своим старшим легатам с большим вниманием, чем к своему сыну, и постараться одержать хотя бы пару побед в битвах с Югуртой.

А затем разразился скандал с Вагой. Этот нумидийский город, расположенный к юго-западу от Утики, сдался Метеллу прошлой осенью. Теперь он восстал и уничтожил большую часть итальянцев, которые вели там дела. Югурта подбил жителей Ваги к мятежу при попустительстве личного друга Метелла, гарнизонного командира Турпиллия. Метелл допустил ошибку, защищая Турпиллия, когда Марий во всеуслышание потребовал предать его военному трибуналу за предательство. К тому времени, когда эта история достигла Рима (в сотнях писем), самого Метелла тоже стали называть изменником — не хуже его друга Турпиллия.

И опять полетели эпистолы Цецилиев Метеллов к уважаемому представителю семьи, Квинту Цецилию, в Утику, умоляя его лучше выбирать себе друзей.

Прошло много недель, прежде чем до Метелла дошло, кто был истинным вдохновителем кампании с письмами. И даже когда сомнений в этом уже не оставалось, он все еще никак не мог понять смысла этой эпистолярной войны — и ничего не мог ей противопоставить. Он, Цецилий Метелл, приобрел дурную славу благодаря деревенщине Гаю Марию, сопливому претенденту на нумидийский трон и нескольким простым колониальным купчишкам? Невероятно! Рим не мог так с ним обойтись. Рим принадлежал ему, а не какому-то Гаю Марии.

Раз в восемь дней, регулярно, как календарь, Марий появлялся перед Метеллом и требовал, чтобы его отпустили с военной службы в конце секстилия. И так же регулярно Метелл ему отказывал.

Надо отдать должное Метеллу: имелись у него и другие заботы, кроме Мария и нескольких жалких писем, отправленных в Рим. Большую часть сил у него отнимал Бомилькар. Набдался потребовалось много дней, чтобы самому встретиться с Бомилькаром, потом еще много дней, чтобы организовать тайную встречу Бомилькара с Метеллом. Решающее свидание состоялось в конце марта, в небольшом флигеле резиденции губернатора в Утике, куда Бомилькара проводили тайно.

Конечно, они очень хорошо знали друг друга. Именно Метелл информировал Югурту через Бомилькара во время тех отчаянных дней в Риме. Бомилькар, а не его сводный брат царь пользовался гостеприимством Метелла и был осведомлен касательно того, что творится в пределах городских стен.

Однако на этот раз встреча их несколько отличалась от предыдущих. Бомилькар держался настороже, боясь, что его пребывание в Утике раскроется. А Метелл в новой для себя роли шпиона чувствовал себя не в своей тарелке. Метелл заговорил прямо, без обиняков.

— Я хочу закончить эту войну по возможности с наименьшими потерями и как можно скорее, — сказал он. — Риму я нужен и в других местах.

— Да, я слышал о германцах, — спокойно отозвался Бомилькар.

— Тогда ты понимаешь, что необходимо поспешить, — сказал Метелл.

— Конечно. Однако я не понимаю, что могу сделать, чтобы уменьшить вражду.

— Мне доложили компетентные люди — и после долгого раздумья я убедился в их правоте, — что самый быстрый и лучший способ решить судьбу Нумидии в пользу Рима — это ликвидировать царя Югурту, — сказал проконсул.

Бомилькар внимательно посмотрел на римлянина. Не Гай Марий, это уж точно, и даже не Рутилий Руф. Более гордый, надменный. Его значительно больше заботит собственное положение. Не так компетентен и самостоятелен. Как всегда для римлянина, Рим — на первом месте. Но понятие о Риме Цецилия Метелла очень отличалось от понятия о Риме Гая Мария. Бомилькар был поражен разницей между прежним Метеллом, тогда, в Риме, и Метеллом нынешним, здесь, в Африке. Хоть он и знал о письмах, но не придавал им особого значения.

— Югурта — вдохновитель сопротивления нумидийцев Риму, это правда, — согласился Бомилькар. — Однако ты не можешь не знать о непопулярности Гауды в Нумидии. Нумидия никогда не согласится, чтобы ею правил Гауда, пусть даже он законный наследник.

При упоминании имени Гауды на лице Метелла появилось выражение презрительности.

— Тьфу! — воскликнул он, махнув рукой. — Ничтожество! Пародия на человека, не говоря уж о правителе. — Взгляд его светло-карих глаз впался в крупное лицо Бомилькара. — Если что-нибудь случится с царем Югуртой, я — и Рим, конечно, — подумаем, кого посадить на нумидийский трон. Здравый смысл и опыт, несомненно, подскажут этому «кому-то», что интересы Нумидии будут соблюдены лучше всего, если она сделается клиентом Рима.

— Согласен. Я тоже думаю, что именно таким образом будут соблюдены интересы Нумидии. — Бомилькар помолчал, облизнул вдруг пересохшие губы. — А ты, Квинт Цецилий, согласен считать меня возможным царем Нумидии?

— Ну конечно! — сказал Метелл.

— В таком случае я помогу тебе избавиться от Югурты.

— Надеюсь, это произойдет скоро, — улыбаясь, заметил Метелл.

— По возможности. Нет необходимости в убийстве. Югурта слишком осторожен. Кроме того, охрана ему предана. И я не думаю, что заговор окончится успехом. Большинство знати удовлетворены тем, как Югурта правит Нумидией и как он ведет эту войну. Если бы Гауда был привлекательной альтернативой, все могло бы быть по-другому. — Бомилькар поморщился. — Во мне не течет кровь Масиниссы, поэтому мне понадобится помочь Рима, чтобы успешно занять трон.

— Говори, что нужно делать! — твердо сказал Метелл.

— Думаю, единственный способ — поставить Югурту в такое положение, чтобы римляне могли взять его в плен. Я не имею в виду битву, я имею в виду ловушку. Потом уж вы можете убить его или посадить в тюрьму и делать с ним, что захотите, — сказал Бомилькар.

— Отлично, Бомилькар! Думаю, ты заранее известишь меня, чтобы я мог подготовить эту ловушку?

— Конечно. Пограничные рейды — идеальная возможность. Югурта планирует множество таких рейдов, как только подсохнет земля. Однако предупреждаю, Квинт Цецилий: прежде чем тебе удастся захватить такого хитрого человека, как Югурта, несколько попыток могут оказаться неудачными. В конце концов, я не могу подвергать опасности свою жизнь. Если я буду мертв, никакой пользы не будет ни Риму от меня, ни мне от Рима. Но будь уверен, в конце концов мне удастся заманить его в хорошую ловушку. Даже Югурта не может наслаждаться жизнью вечно.

Карта 3. Африка

В итоге Югурта был удовлетворен развитием событий. Хотя он и терпел значительный урон от рейдов Мария в заселенные районы его империи, но знал лучше всех: именно просторы Нумидии были самым большим его преимуществом. А заселенные районы имели для царя куда меньшее значение, чем дикая местность. Этим он отличался от других правителей. Большая часть нумидийских солдат, включая знаменитую на весь мир легкую кавалерию, была набрана из племен, ведущих полукучевой образ жизни по окраинам империи, там, где терпеливый Атлант держит небо на своих натруженных плечах. Эти люди — гетулы и гараманты. Мать Югурты была из племени гетулов.

После того как сдалась Вага, царь позабылся о том, чтобы ни денег, ни сокровищ не оставалось ни в одном из городов, расположенных вдоль маршрута движения римских войск. Все было перевезено в такие крепости, как Капса и Зама, отдаленные, труднодоступные, построенные на вершинах неприступных скал и окруженные фанатически преданными гетулами. Впрочем, Вага не задержалась в победном списке римлян. Югурта опять подкупил римлянина, начальника гарнизона Турпиллия. Друга Метелла! Ха!

Однако что-то изменилось. По мере того как зимние дожди шли на убыль, Югурта все более убеждался в этом. Его тревожило то, что он не мог понять сути этой перемены. Двор его находился в постоянном движении. Югурта то и дело переезжал из одной цитадели в другую, распределив по ним своих жен и наложниц, так что, куда бы он ни приехал, везде его встречали любовь и ласка. И все же что-то было не так. Не в расположении войск, не в его армиях, не в хозяйственных частях. Не в преданных ему многочисленных городах, районах и племенах. То, что он чувствовал, было чуть сильнее неприятного запаха. Судорога, звенящее ощущение опасности, исходящей от кого-то, кто был совсем рядом. Но Югурта никогда не связывал свое предчувствие с Бомилькаром. С отказом Югурты назначить сводного брата регентом.

— Это при дворе... — сказал он Бомилькару, когда они в конце марта ехали из Капсы в Цирту впереди огромного каравана кавалерии и пехоты.

Бомилькар повернул голову и посмотрел своему сводному брату прямо в глаза:

— При дворе?

— Что-то затевается, брат. Посеяно и возвращается этим противным маленьким дерьямом Гаудой, готов поспорить, — сказал Югурта.

— Ты имеешь в виду дворцовый переворот?

— Я не знаю, что имею в виду. Просто что-то не так. Я чувствую это кожей.

— Убийца?

— Может быть. Честно, не знаю, Бомилькар! Глаза мои смотрят одновременно во все стороны, уши словно врашаются, и только нос мой учゅял что-то нехорошее. А ты? Ты чувствуешь что-нибудь? — спросил он, полностью уверенный в Бомилькаре, его братской любви, в ответственности и верности.

— Должен признаться — ничего, — сказал Бомилькар.

Трижды Бомилькар пытался заманить в ловушку ни о чем не подозревающего Югурту. И все три раза Югурте удавалось избежать ее. Он по-прежнему не подозревал своего сводного брата.

— Они становятся слишком умными, — сказал Югурта после третьего раза. — Это работа Гая Мария или Публия Рутилия, но не Метелла. В моем лагере предатель, Бомилькар.

Бомилькару удалось сохранить невозмутимый вид.

— Допустим. Но кто посмеет?

— Не знаю. — Лицо Югурты исказилось. — Однако будь уверен, рано или поздно я узнаю.

В конце апреля Метелл напал на Нумидию. Рутилий Руф убеждал его атаковать сначала более доступную цель, чем столица, — Цирту. Но вместо этого римские войска направились в сторону Фалы, и Метелл сделал четвертую попытку захватить царя Югурту. Но поскольку не в обычай Метелла было молниеносным штурмом захватывать города, как того требовали правила ведения войн, Югурте снова удалось бежать. Атака превратилась в осаду. Через месяц Фала была взята. К большому удивлению Метелла, там были захвачены огромные сокровища. Югурта привез их в Фалу с собой и вынужден был бросить, когда бежал.

В июне Метелл направил войска в Цирту, где его ждал еще один сюрприз. Нумидийская столица сдалась без боя, поскольку значительное количество итальянских и римских дельцов вели в городе проримскую политику. Кроме этого, в Цирте Югурту не любили. Впрочем, и он не жаловал этот город.

Погода стояла жаркая и сухая, обычная для сезона. Югурта был недосыпаем для римской разведки — он ушел на юг, сперва к шатрам гетулов, потом в Капсу, родной город своей матери. Небольшая, но мощно укрепленная горная цитадель в самой отдаленной части Гетулии, Капса была излюбленным местом Югурты. Здесь жила его мать с тех пор, как умер ее муж, отец Бомилькара. И здесь же Югурта хранил основную часть своего богатства.

Именно сюда в июне люди Югурты доставили Набдалсу, которого схватили, когда он покидал занятую римлянами Цирту. Его изловили уже после того, как шпионы Югурты в командовании римлян наконец получили доказательства предательства Набдалсы. Теперь они имели право сообщить об этом Югурте.

Известный как человек Гауды, Набдалса тем не менее пользовался правом свободно перемещаться по всей Нумидии. Он приходился царскому дому дальним родственником по линии Масиниссы. Его терпели и считали безвредным.

— Но теперь у меня есть доказательства, что ты активно сотрудничал с римлянами, — сказал Югурта. — Если новость меня и огорчает, то главным образом потому, что ты допустил глупость, связавшись с Метеллом, а не с Гаем Марием. — Он внимательно смотрел на Набдалсу, закованного в железо. На теле пленника остались следы от грубого обращения. — Конечно, ты не один в этом замешан, — задумчиво проговорил царь. — Кто из моих приближенных помогал тебе?

Набдалса не ответил.

— Пытайте, — равнодушно приказал Югурта.

Пытка в Нумидии была не очень изощренной, хотя, как и все восточные правители, Югурта пользовался подземными тюрьмами и длительным заключением. Набдалсу бросили в одну из подземных тюрем, вырытых в основании скалы, на которой стояла Капса. В нее входили через лабиринт туннелей, ведущих из дворца. И там бесчеловечно жестокие солдаты с природными задатками пытошников обрабатывали узников.

Вскоре стало ясно, почему Набдалса решил служить этому низкому человеку — Гауде. Он заговорил. Только и потребовалось, что вырвать у него зубы и ногти на правой руке. Позванный выслушать его признания, ничего не подозревающий Югурта взял с собой Бомилькара.

Зная, что никогда уже не выберется из подземного мира, куда сейчас войдет, Бомилькар долго смотрел на бесконечные просторы синего неба, вдыхал сладкий воздух пустыни, тыльной стороной ладони гладил шелковистые листья цветущего куста. И старался унести воспоминания с собой в ждущую его темноту.

В плохо проветриваемом помещении стояла ужасная вонь. Экскременты, рвотные массы, пот, кровь, тухлая вода и отмершая плоть слагали миазмы Тартара. Атмосфера, которой человек не мог дышать, не испытывая животного страха. Даже Югурта, войдя в камеру, вздрогнул.

Допрос проходил с большим трудом, потому что десны Набдалсы продолжали сильно кровоточить, а сломанный нос не позволял остановить кровотечение с помощью тампонов. «Глупость, — подумал Югурта, испытывая ужас при виде Набдалсы, — эти безмозглые животные должны были оставить в порядке то, с помощью чего он должен говорить!»

Впрочем, Набдалса все-таки промолвил одно очень важное слово в ответ на третий вопрос Югурты, и это слово нетрудно было понять даже сквозь булькающую кровь:

— Бомилькар.

— Оставьте нас, — приказал царь своим палачам, но благородно приказал им забрать у Бомилькара кинжал.

Оставшись наедине с царем и с Набдалой, который оставался в полуబессознательном состоянии, Бомилькар вздохнул:

— Я об одном сожалею: это убьет нашу мать.

При данных обстоятельствах это было самое умное, что он мог сказать. Искренние слова Бомилькара избавили его от медленной мучительной смерти, которую уготовил ему сводный брат.

— Почему? — спросил Югурта.

Бомилькар пожал плечами:

— Когда я вырос достаточно, чтобы взвешивать свои годы, брат, я понял, как ты дурачил меня. Ты обращался со мной как с ручной обезьянкой.

— А чего ты хотел? — спросил Югурта.

— Услышать, как перед всем миром ты называешь меня братом.

Югурта с неподдельным удивлением посмотрел на него.

— И возвысить тебя выше твоего положения? Мой дорогой Бомилькар, значение имеет отец, а не мать! Наша мать — берберка из племени гетулов, она даже не дочь вождя. В ней не течет царская кровь, которую она могла бы передать своим детям. Назови я тебя братом — и все, кто услышал бы меня, посчитали бы, что я причисляю тебя к царскому роду Масиниссы. А

поскольку у меня самого двое сыновей, законных наследников, это было бы, мягко говоря, неблагоразумно.

— Ты должен был назначить меня их опекуном и регентом, — сказал Бомилькар.

— И опять поставить тебя выше твоего положения? Дорогой мой Бомилькар, кровь нашей матери препятствует этому! Твой отец — незначительный человек, по сути — никто. В то время как мой отец был сыном Масиниссы. Царский титул я унаследовал от моего отца.

— Но ведь ты незаконный сын!

— Да. Тем не менее кровь есть кровь. И кровь говорит сама за себя.

Бомилькар отвернулся.

— Кончай со мной, — сказал он. — Я потерпел поражение. Не ты, а я. Причина достаточная, чтобы умереть. И все же берегись, Югурта.

— Беречься? Чего? Попыток меня убить? Других предателей?

— Римлян. Они как солнце, ветер или дождь. В конце концов они все превращают в песок.

Югурта громко крикнул палачей. Те ввалились, готовые на все, но ничего особого не увидели и остановились в ожидании приказа.

— Убейте их обоих, — велел Югурта, направляясь к двери. — Сделайте это быстро. И пришлите мне их головы.

Головы Бомилькара и Набдалы были насажены на шесты и выставлены на стене Капсы. Ибо выставленная голова — это нечто большее, чем простое свидетельство царской кары за предательство. Отрубленная голова выставлялась в людном месте, чтобы показать людям: умер именно тот человек, который должен был умереть, без всякого обмана.

Югурта уверил себя, что не испытывает горя. Просто чувствует себя более одиноким, чем всегда. Урок необходимый: царь не должен доверять никому, даже собственному брату.

Смерть Бомилькара имела сразу два последствия. Первое: Югурта сделался совершенно неуловимым. Он никогда не оставался на одном месте больше двух дней, никогда не сообщал охране, куда поедет дальше, никогда заранее не извещал армию о своих планах. Властью теперь обладал только он один, и никто больше.

Второе последствие касалось его тестя, короля Мавретании Бокха, который не помогал Риму против мужа своей дочери, но и Югурту не поддерживал против Рима. Югурта немедленно послал разведчиков к Бокху и надавил на него, чтобы тот заключил союз с Нуадией. Вместе им предстояло очистить от римлян всю Африку.

К концу лета позиции Квinta Цецилия Метелла в Риме были полностью подорваны. Никто не сказал доброго слова ни о нем самом, ни о его стратегии. А письма продолжали поступать, постоянно, безжалостно — и очень эффективно.

После взятия Фалы и сдачи Цирты клике Цецилиев Метеллов удалось заручиться некоторой поддержкой среди всадников. Но затем пришли новые известия из Африки, из которых стало ясно: ни Фала, ни Цирта не гарантируют окончания войны. После этого поступили сообщения о бесконечных, бессмысленных стычках, о продвижении римлян глубже, на запад Нуадии — с нулевым результатом; о напрасно потраченных фондах; о шести легионах, на содержание которых казна тратит огромные суммы, и конца этому не видно. По милости Метелла война с Югуртой продолжится еще год, никак не меньше.

Выборы консулов были назначены на середину октября, и имя Мария — теперь на устах у всех — звучало уже как имя важнейшего кандидата. Но время шло, а Марий в Риме не появлялся. Метелл упрямо противился этому.

— Я настаиваю на моем уходе, — сказал Марий Метеллу, раз в пятидесятый, наверное.

— Ну и настаивай, — ответил Метелл. — Все равно ты не уйдешь.

— На будущий год я буду консулом, — сказал Марий.

— Выскочка — и вдруг консул? Невозможно!

— Ты боишься, что выборщики проголосуют за меня, да? — спросил Марий самодовольно. — Ты не отпускаешь меня, потому что знаешь наверняка — меня выберут.

— Я не могу поверить, что чистокровный римлянин проголосует за тебя, Гай Марий. Однако ты очень богат, а это значит, что ты можешь купить голоса. Если тебя когда-нибудь выберут консулом — а в будущем году этого не случится! — будь уверен, я с радостью докажу в суде, что ты купил выборы!

— Мне не нужно никого подкупать, Квнт Цецилий. Я никогда не подкупал должностных лиц. Поэтому — давай, попытайся, — сказал Марий, как бы насмехаясь над Метеллом.

Метелл избрал другую тактику.

— Я не отпускаю тебя. Примирись с этим. Как истинный римлянин, я бы предал свой класс, если бы отпустил тебя. Консульство, Гай Марий, — должность, недосягаемая для человека итальянских корней. Консульские курульные кресла должны принадлежать людям по праву рождения, по заслугам их предков и их собственным. Лучше пусть я буду покрыт позором или умру, чем увижу итальянца из самнитских пограничных земель — полуграмотного деревенщины, который и претором-то никогда не должен быть! — сидящим в консульском кресле! Делай, что хочешь! Мне все равно. Лучше опала или смерть. Я не позволю тебе уехать в Рим.

— Если необходимо, Квнт Цецилий, ты заполучишь и то, и другое, — обещал Марий и вышел из комнаты.

Публий Рутилий Руф пытался образумить обоих:

— Оставьте политику! Мы трое здесь, в Африке, чтобы разбить Югурту, а выходит так, что никого из вас это не интересует. Вас больше заботит, кто сумеет настоять на своем и одержит верх. Я ссыплю по горло этой ситуации!

— Ты обвиняешь меня в пренебрежении долгом, Публий Рутилий? — спросил Марий, опасно спокойный.

— Нет, конечно нет! Я обвиняю тебя в том, что ты не используешь в этой кампании искру своего гения. А ты обладаешь ею! В тактике, в логистике я разбираюсь не хуже тебя, но когда дело касается стратегии, долгосрочного взгляда на войну, равных тебе нет. Однако посвятил ли ты хоть какое-то время стратегии, нацеленной на победу в этой войне? Нет!

— И где же в этой хвалебной песне в адрес Гая Мария место для меня? — осведомился Метелл сквозь зубы. — И где мое место в этом панегирике в адрес Публия Рутилия Руфа? Или я уже не имею никакого значения?

— Ты имеешь значение, несчастный зазнайка, потому что назначен командующим в этой войне! — резко ответил Рутилий Руф. — И если ты думаешь, что лучше разбираешься в тактике, чем я, или в стратегии, чем Гай Марий, то так и скажи, не стесняйся! Да у тебя духу не хватит! Но уж если ты хочешь, чтобы тебя похвалили, я готов. Ты не такой продажный, как Спурций Постумий Альбин, не такой бездарный турица, как Марк Юний Силан. Твой главный недостаток — ты не так хороший, как сам о себе думаешь. Когда ты продемонстрировал наличие у тебя ума, попросив Гая Мария и меня стать твоими старшими легатами, я было подумал, что годы пошли тебе на пользу. Но я ошибся. Ты не воспользовался нашими способностями, напрасно растратил деньги государства. Мы не побеждаем в этой войне, мы находимся в очень дорогостоящем тупике. Так воспользуйся же моим советом, Квнт Цецилий! Пусть Гай Марий едет в Рим, пусть Гай Марий выставит свою кандидатуру в консулы — и позволь мне организовать наши ресурсы и разработать нашу тактику на ближайшее время. Что касается тебя — употреби свою энергию на то, чтобы подорвать влияние Югурты. Ради всех богов, я не хочу отнимать у тебя ни грана твоей славы! Просто признай мою правоту — и пусть твое признание не выходит за пределы этих стен.

— Я ничего не признаю! — сказал Метелл.

И так продолжалось весь конец лета, и настало уже осень. Югурту невозможно было поймать. Казалось, он исчез с лица земли. Когда даже самому младшему легионеру стало очевидно, что столкновения между римской армией и армией Югурты не

произойдет, Метелл отозвал войска с западных окраин Нумидии и встал лагерем около Цирты.

Дошли слухи, что король Мавретании Бокх наконец-то поддался уговорам Югурты, собрал армию и отправился на соединение со своим зятем куда-то на юг. По слухам, они намеревались объединенными силами двинуться к Цирте. В надежде на долгожданное столкновение Метелл расположил свои войска, в основном прислушиваясь к советам Гая Мария и Рутилия Руфа. Но столкновения так и не произошло. Две армии стояли на расстоянии нескольких миль друг от друга. Югурта отказывался быть втянутым в драку. Опять тупик: римские позиции были слишком хорошо защищены, чтобы Югурта мог атаковать, а позиции нумидийцев — слишком эфемерны, чтобы выманить Метелла из лагеря.

А потом, за двенадцать дней до консульских выборов в Риме, Квинт Цецилий Метелл Свинка официально освободил Гая Мария от должности старшего легата.

— Убирайся! — сказал Метелл, слаща улыбаясь. — Будь уверен, Гай Марий, я сделаю так, чтобы весь Рим узнал, что я все-таки отпустил тебя перед выборами.

— Ты думаешь, я не попаду в Рим вовремя, — сказал Марий.

— Я ничего не думаю, Гай Марий.

Марий усмехнулся.

— Во всяком случае, на это похоже. — Он щелкнул пальцами. — Где бумага, на которой написано, что я официально отпущен? Дай ее мне.

Метелл передал Марию приказ и, когда тот дошел до выхода, сказал ему в спину, не повышая голоса:

— Кстати, Гай Марий, я только что получил из Рима хорошую новость. Сенат продлил мое губернаторство и мое командование в Нумидии еще на год.

— Молодцы! — сказал Марий — и исчез.

А ожидающему его Рутилию Руфу он сказал так:

— Да пошел он!.. Он думает, что и со мной расправился, и свою шкуру сберег. Но он ошибается. Я сдеру с него его поросью шкуру, Публий Рутилий, вот увидишь. Я буду в Риме вовремя, чтобы баллотироваться в консулы. Я добьюсь, чтобы его сняли с командования.

Рутилий Руф внимательно посмотрел на старого приятеля:

— Я очень уважаю твои способности, Гай Марий, но в этом случае, похоже, Свинка одержал верх. Ты не попадешь в Рим к выборам.

— Попаду, — сказал Марий уверенно.

За два дня он доскакал от Цирты до Утики, останавливаясь по пути только на несколько часов, чтобы поспать. Где только возможно, требовал свежую лошадь. К вечеру второго дня он нанял в гавани Утики небольшой быстроходный корабль. И на рассвете третьего дня отплыл в Италию, совершив на берегу очень богатое жертвоприношение морским ларам как раз в тот момент, когда заалел восток.

— Ты плывешь навстречу невообразимо великой судьбе, Гай Марий, — сказал жрец, который приносил жертву богам — покровителям путешествующих по морю. — Я никогда не видел лучших предзнаменований, чем сегодня.

Его слова не удивили Мария. С тех пор как Марфа открыла ему будущее, он оставался непоколебимым в своем убеждении: все произойдет именно так, как она предсказала. Поэтому, когда корабль вышел из гавани Утики, Гай Марий спокойно прислонился к лееру и стал ждать ветра. Ветер подул с юго-запада со скоростью двадцать морских миль, и через три дня корабль уже бросил якорь в Остии. Хороший ветер, спокойное море, не было нужды прижиматься к берегу, искать укрытия или пополнять провизию. Все боги были на его стороне — как и предрекала Марфа.

Известие о чудесном плавании достигло Рима, опередив путешественника. Он задержался в Остии совсем ненадолго — только чтобы заплатить за корабль и щедро наградить капитана. Когда Гай Марий прискакал на Римский Форум и спешился перед столом консула Аврелия, уже собралась толпа. Она выкрикивала его имя и рукоплескала от всей души, давая понять, что он — герой этого момента. Окруженный людьми, которые хлопали его по спине, дивясь его появлению, Марий приблизился к consul suffectus — консулу, который занял место Сервия Сульпиция Гальбы, осужденного комиссией Мамилия.

— Прошу прощения за то, что не успел переодеться в белую тогу, Марк Аврелий, — сказал он. — Я здесь, чтобы вписать свое имя в списки кандидатов на звание консула.

— Если у тебя есть доказательства того, что Квинт Цецилий освободил тебя от обязанностей перед ним, Гай Марий, я охотно внесу твое имя в списки, — отвечал консул, которого тронула реакция толпы. Он был уверен, что самые влиятельные всадники в городе, услышав новость о неожиданном приезде Мария, торопились сейчас сюда из каждой базилики и портика.

Как вырос Марий! Каким значительным он выглядел, на полголовы возвышаясь над толпой, с улыбкой победителя на лице! Как широки его плечи, готовые выдержать бремя консульства! Впервые за свою долгую карьеру этот итальянский мужлан, по-гречески не разумеющий, испытывал на себе искреннее обожание масс. Не уважение преданных солдат, а именно обожание переменичивой публики Форума. И Гаю Марию это нравилось.

Для него наступили пять самых сумасшедших дней в его жизни. У него не было ни времени, ни сил, чтобы уделить Юлии хотя бы мимолетное объятие. Его никогда не было дома в те часы, когда можно было показать ему сына. Истерически-восторженная реакция толпы еще не гарантировала ему победы на выборах. Пользующийся огромным влиянием, род Цецилиев Метеллов объединился с каждой аристократической семьей в последнем усилии не допустить итальянского деревенщины в курульное кресло консула. Его сила — это всадники, это испанские связи и обещанные Гаудой будущие концессии в Нумидии. Но оставалось еще много всадников, которые были заодно с его противниками.

Народ говорил, народ спорил, народ спрашивал, народ гадал: хорошо ли это будет для Рима, если «нового человека» Гая Мария выбрать консулом? «Новые люди» — это всегда риск. «Новые люди» не были знакомы с жизнью знати. «Новые люди» совершили ошибки, которых не совершила знать. «Новые люди» — это новые люди... Да, его жена — Юлия из рода Юлиев. Да, его послужной военный список — украшение Рима. Да, он очень богат, так что может быть выше коррупции. Но кто хоть раз видел его в суде? Слышал ли кто-нибудь, как он говорит о законах и законотворчестве? Разве он не был разрушительным элементом в трибуутных комициях — еще до своего сенаторства, когда он не считался с мнением тех, кто лучше его знал Рим? А тот отвратительный закон, который уменьшил территорию септы? А его возраст! Когда он станет консулом, ему уже будет пятьдесят! Старики — плохие консулы.

И помимо всего этого, Цецилии Метеллы нажили огромный политический капитал на самом неприемлемом качестве Гая Мария как консула. Он не был чистокровным римлянином. Он был итальянец. Неужели в Риме не найдется больше подходящих римских аристократов, чтобы отдавать консульство итальянскому «новому человеку»? Уж конечно, среди кандидатов сыщется полдюжины людей, более достойных, чем Гай Марий! Все — хорошие люди. И все — римляне.

Марий выступал перед маленькими группами слушателей, перед большими аудиториями, на Римском Форуме, в цирке Фламиния, с подиумов различных храмов, в портике Метеллов, во всех базиликах. Он был хорошим оратором, знал риторику, хотя до вступления в Сенат не пользовался этими знаниями. Ораторскому искусству учил его Сципион Эмилиан. Марий владел вниманием слушателей, хотя и не мог состязаться с Луцием Кассием или Катулом Цезарем. Много вопросов задавали ему. Иные были от тех, кто просто хотел что-либо знать, иные — он сам просил задавать ему. А были вопросы и от тех, кто хотел узнать разницу между тем, что ответит он, и тем, что Метелл сообщал в своих рапортах Сенату.

Сами выборы прошли без эксцессов, с соблюдением порядка, в особом месте, отведенном для голосования на Марсовом

поле. Выборы в тридцати пяти трибунах можно было устроить в месте, где проходили народные собрания на Римском Форуме. Легко можно было собрать выборщиков триб на относительно небольшом пространстве. Но голосование членов центуриатных комиций более масштабно.

Когда голоса центурий были собраны, начиная с первой центурии первого класса, стала вырисовываться следующая картина: Луций Кассий Лонгин — первый кандидат от каждой центурии, но кандидатов на должность второго консула было много. Конечно, первый и второй классы так единодушно голосовали за Луция Кассия Лонгина, что он был поставлен на первое место и назначен старшим консулом. Но имя младшего консула оставалось неизвестным до конца голосования третьего класса. Бок о бок шли Гай Марий и Квнт Лутаций Катул Цезарь.

Победу одержал Гай Марий. Он стал младшим консулом. Цецилии Метеллы еще могли влиять на голосование центуриата — но недостаточно, чтобы совсем вычеркнуть Гая Мария. А это можно было расценивать как триумф Гая Мария.

Он стал действительно одним из «новых людей». Первый в своем роду получил место в Сенате и обустроился в Риме, сделал карьеру в армии, разбогател.

Во второй половине дня выборов Гай Юлий Цезарь устроил праздничный семейный ужин. Его контакты с Марием ограничивались лишь кратким рукопожатием на Форуме и другим таким же кратким рукопожатием на Марсовом поле, когда собирались все центурии, — так сильно занят был Марий в течение пяти дней выборной кампании.

— Тебе невероятно повезло, — сказал Цезарь, ведя своего почетного гостя в столовую, пока его дочь Юлия ушла в поисках матери и младшей сестры.

— Знаю, — кивнул Марий.

— Сегодня за ужином у нас будет мало мужчин. Оба моих сына до сих пор в Африке, но я могу предложить еще одного мужчину, чтобы нас было столько же, сколько женщин.

— Я получил письма от Секста и Гая Юлия; они сообщают много новостей о своих подвигах, — сказал Марий, усаживаясь с Цезарем на скамье.

— Об этом после.

Обещанный третий мужчина вошел в столовую, и Марий вздрогнул от неожиданности. Он узнал молодого, но уже зрелого мужчину, который три года назад стоял среди всадников во время церемонии в честь нового консула. Жертвенный бык тогда никак не хотел умирать... Как можно забыть это лицо, эти волосы?

— Гай Марий, — промолвил Цезарь сдержанно, — позволь представить тебе Луция Корнелия Суллу, не только моего ближайшего соседа, но также коллегу и будущего зятя.

— Ну! — воскликнул Марий, тепло пожимая руку Суллы. — Ты счастливый человек, Луций Корнелий.

— И хорошо сознаю это, — с чувством ответил Сулла.

Цезарь немного нарушил обычай рассаживать гостей за обеденным столом. На среднее ложе он сел сам и усадил Мария. Суллу он устроил на второе ложе. Это ни в коей мере не являлось оскорблением, как он поспешил объяснить, просто нужно рассредоточить гостей, чтобы им не было тесно.

«Как интересно, — подумал Марий озабоченно, — я никогда раньше не видел Гая Юлия Цезаря чувствующим себя неловко. Но этот странно красивый парень каким-то образом выводит его из душевного равновесия...»

А потом вошли женщины, сели напротив мужчин на стулья с высокими спинками, и ужин начался.

Как ни старался Марий не выглядеть ослепленным любовью старым мужем молодой жены, взгляд его постоянно устремлялся в сторону Юлии. За время его отсутствия та превратилась в восхитительную молодую матрону, грациозную, не боящуюся своих новых обязанностей, превосходную мать и хозяйку дома — идеальную жену. А вот Юлилла, решил Марий, тоже изменилась, но не в лучшую сторону. Конечно, он не видел ее в худший период ее болезни, которая, кажется, отступила совсем недавно. Разрушительные следы недуга еще оставались: исхудавшее тело, неразвитый интеллект, отсутствие жизненного опыта, неудовлетворенность... Лихорадочная речь, резкие манеры, вскаивает испуганно, не может спокойно усидеть на стуле. Она все время старалась привлечь внимание своего жениха, так что зачастую он даже не мог вставить слово в разговор Мария и Цезаря.

Однако Сулла относился к этому весьма спокойно. Ему, без сомнения, нравилось внимание Юлиллы. Но, как решил практичный Марий, после женитьбы это не продлится и полугода.

Семейное счастье с истеричкой — не для Луция Корнелия Суллы! Ничто в нем не говорило о будущей преданности супруге. И вряд ли Сулла предпочитает женское общество.

В конце ужина Цезарь объявил, что забирает Гая Мария в свой кабинет для личного разговора.

— Оставайтесь здесь, если хотите, или разбредайтесь, кто куда хочет, — сказал он спокойно. — Мы давно не виделись с Гаем Марием.

— В твоем доме большие перемены, Гай Юлий, — сказал Марий, когда они удобно расположились в табlinии.

— Действительно, перемены есть — и в этом заключается главная причина моего желания, чтобы ты без промедления зажил своим домом.

— Думаю, со следующего года моя жизнь упорядочится, — улыбнулся Марий. — Всем этим я обязан тебе. И не только консульством. Счастьем иметь идеальную жену, идеального партнера во всех моих делах... С тех пор как я возвратился, я мало уделял ей внимания, но теперь намерен исправиться. Через три дня я увезу Юлию и сына в Байи, и на целый месяц мы забудем обо всем на свете.

— Ты не представляешь себе, насколько приятно мне это слышать.

Марий поудобнее устроился в кресле:

— Очень хорошо. А теперь — о Луций Корнелии Сулле. Я помню, ты говорил как-то об одном аристократе без денег, который хотел бы жить так, как подобает ему по праву рождения. И звали его так же, как твоего будущего зятя. Что же случилось, почему такие перемены?

— Ему везет. Он говорит, если все будет идти так, как идет, то он прибавит еще имя «Феликс» к тому, которое унаследовал от отца, пьяницы и никчемного человека. Три года назад Луций Корнелий встретил Юлиллу, и она дала ему венец из трав, не вполне понимая смысла своего действия. Сулла считает, что именно с того дня удача повернулась к нему. Сначала умер племянник Клитумны, который был ее наследником. Потом умерла женщина по имени Никополис и оставила Луцию Корнелию небольшое состояние. Думаю, она была его любовницей. А через несколько месяцев после этого покончила с собой Клитумна. Не имея прямых наследников, все свое состояние она оставила Луцию Корнелию — дом на Палатине по соседству с моим, виллу в Цирцеях и около десяти миллионов денариев.

— Боги! Он действительно имеет полное право носить имя Феликс, — произнес Марий довольно сухо. — Но ты наивен, Гай Юлий, если веришь, что Луций Корнелий Сулла не сам подсадил этих покойников в ладью Харона!

Цезарь принял выпад, выставив руку, усмехнулся:

— Нет, Гай Марий, уверяю тебя, я не наивен. Я не могу подозревать Луция Корнелия ни в одной из этих трех смертей. Племянник Клитумны умер после продолжительной болезни желудка; гречанка Никополис скоропостижно скончалась вследствие отказа почек. В обоих случаях было произведено вскрытие, и ничего подозрительного обнаружено не было. Клитумна перед смертью находилась в глубочайшей депрессии. Она покончила с собой в Цирцеях, в то время, когда Луций Корнелий оставался здесь, в Риме. Я подверг строжайшему допросу всех рабов в доме Клитумны — и в Риме, и в Цирцеях. Больше мы ничего не можем узнать о Луций Корнелии. — Он поморщился. — Я всегда был против пыток рабов с целью получения доказательства

преступления. Доказательства, добытые пытками, не стоят даже ложки уксуса. Не думаю, что рабы Клитумны вообще имеют что сказать, даже под пытками. Поэтому я отказался от этой идеи.

Марий кивнул:

— Я согласен с тобой, Гай Юлий. Показания раба имеют значение, только если они даны добровольно, если в них есть логика и они явно правдивы.

— Так что в результате Луций Корнелий превратился из бедняка в состоятельного человека, — продолжал Цезарь. — От Никополис он унаследовал достаточно, чтобы получить статус всадника, а от Клитумны — довольно, чтобы войти в Сенат. Благодаря шуму, устроенному Скавром по поводу отсутствия цензоров, в прошлом мае были выбраны два новых. Иначе Луцию Корнелию пришлось бы ждать права допуска в Сенат еще несколько лет.

Марий засмеялся:

— Так что же произошло в действительности? Неужели никто не хотел быть цензором? Я хочу сказать, в какой-то степени выбор Фабия Максима Эбурна логичен, но Лициний Гефа? Ведь цензоры изгнали его из Сената за аморальное поведение восемь лет назад. А он все-таки вернулся в Сенат, после того как пролез в народные трибуны!

— Я знаю, — мрачно сказал Цезарь. — Мне кажется, никто не хотел становиться цензором из страха перед Скавром. Подобное желание могло быть расценено как отсутствие уважения к Скавру после его вынужденной отставки. Так что свои кандидатуры выставили только не слишком щепетильные люди. Учти, с Гефой довольно легко вести дела: он стал цензором исключительно ради общественного положения да ради взяток. Компании, добивающиеся для себя государственных контрактов, обычно щедры... А Эбурн — ну что ж, мы все знаем, у него нелады с головой!

«Да, — подумал Марий, — мы это знаем...» Глубокий старик из аристократического рода, выше которого был разве что род Юлиев. Линия Фабиев Максимов вымерла и поддерживалась только с помощью усыновлений. Квинт Фабий Максим Эбурн, выбранный цензором, был усыновленный Фабий Максим. У него имелся единственный сын, но пять лет назад он убил его за непристойное поведение. Хотя законом не запрещалось, пользуясь правом *pater familias*, казнить собственного отпрыска, но все же убийства жен или детей давно уже не практиковалось. Поэтому поступок Эбурна привел в ужас весь Рим.

— Имей в виду, для Рима очень хорошо, что у Гефы такой коллега, как Эбурн, — сказал задумчиво Марий. — Сомневаюсь, что при Эбурне он сильно разживется.

— Уверен, что ты прав. Но тот несчастный молодой человек, его сын! Учти, Эбурн — настоящий Сервилий Цепион, а все Сервилии Цепионы ведут себя довольно странно, когда дело касается сексуальной морали. Они целомудреннее Дианы Охотницы, но говорят о сексе очень много. Вот это меня и удивляет.

— Итак, кто убедил цензоров, что Луция Корнелия Суллу следует допустить в Сенат? — спросил Марий. — Говорят, он не был образцом целомудрия.

— Думаю, моральная распущенность была его главной неприятностью, — спокойно согласился Цезарь. — Эбурн скосил глаза на свой шишковатый маленький носик и поворчал немного по этому поводу. А Гефа допустил бы в Сенат даже звенящую деньгами обезьянку. Так что в конце концов они сочли возможным внести Луция Корнелия в списки сенаторов — но только при некоторых условиях.

— Каких же?

— Луций Корнелий считается сенатором условно. Он должен выставить свою кандидатуру на должность квестора и победить. Если он потерпит поражение, то уже не будет сенатором.

— А он победит?

— А ты как думаешь, Гай Марий?

— С таким именем, как у него? Конечно!

— Я тоже надеюсь. — Но Цезарь произнес это нерешительно. Неопределенно. С долей смущения? Он вздохнул и, улыбаясь, посмотрел на своего зятя. В его голубых глазах застыла печаль. — После твоего великодушного поступка, когда ты женился на Юлии, я поклялся, Гай Марий, что никогда тебя больше ни о чем не попрошу. Но это глупая клятва. Как можно знать, что понадобится в будущем? Вот мне и понадобилось. Я еще раз прошу тебя об одолжении.

— Всегда готов помочь тебе, Гай Юлий, — тепло сказал Марий.

— Было ли у тебя время поговорить с женой, чтобы узнать, почему Юлилла довела себя голодом чуть не до смерти? — спросил Цезарь.

— Нет. — Суровое орлиное лицо на мгновение озарилось искренней радостью. — Те минуты, когда нам удавалось побывать вместе, мы не тряслись на разговоры, Гай Юлий!

Цезарь засмеялся, потом вздохнул.

— Хотел бы я, чтобы моя младшая дочь походила на старшую! Но так не получилось. Наверное, это вина моя и Марсии. Мы испортили ее. Прощали ей то, чего не спускали троим старшим детям. С другой стороны, я твердо убежден, что есть какой-то изъян в самой Юлилле. Как раз перед смертью Клитумны мы обнаружили, что эта дурочка влюбилась в Луция Корнелия и пыталась заставить его... или нас... невозможно знать, да и сама она едва ли понимала... Во всяком случае, она хотела Луция Корнелия и заранее знала, что я никогда не дам согласия на этот союз.

Марий не верил своим ушам:

— И зная, что между ними была тайная связь, ты разрешил этот брак?

— Нет-нет, Гай Марий, Луций Корнелий в этом совершенно не замешан! — воскликнул Цезарь. — Уверяю тебя, он не имеет никакого отношения к тому, что она вытворяла.

— Но ты же сам сказал, что два года тому назад она подарила ему венец из трав, — возразил Марий.

— Поверь мне, та встреча была невинная — по крайней мере, с его стороны. Он не поощрял ее, старался разубедить, оттолкнуть. Она же подстрекала его к любовному свиданию. Но он знал, что я никогда бы этого не простил. Пусть Юлия расскажет тебе всю историю целиком, и ты поймешь, что я имею в виду, — сказал Цезарь.

— Тогда как это вышло, что они собираются пожениться?

— Когда он унаследовал свое состояние и получил возможность вести подобающий образ жизни, то попросил руки Юлиллы. Несмотря на то, как она с ним поступала.

— Венец из трав, — задумчиво молвил Марий. — Да, я могу понять, что он должен чувствовать... Ее подарок изменил его судьбу — и соединил их.

— Я тоже это понимаю, потому и дал согласие. — И опять Цезарь вздохнул, еще тяжелее. — Но дело в том, Гай Марий, что Луций Корнелий не нравится мне так, как нравишься ты. Он очень странный человек... Есть в нем что-то, что раздражает меня, внушиает тревогу. И я никак не могу понять, что это такое. Но в своих оценках следует быть справедливым и беспристрастным.

— Не печалься, Гай Юлий, в конце концов все будет хорошо, — успокоил его Марий. — Так чем я могу быть тебе полезен?

— Помоги Луцию Корнелию стать квестором, — сказал Цезарь, переходя на деловой тон теперь, когда требовалось решить проблему другого человека. — Дело в том, что никто его не знает. О, все знают его имя! Все знают, что он — чистокровный патриций из рода Корнелиев. Но фамилия «Сулла» — такую сейчас почти не услышишь. У него не было возможности проявить себя на Форуме и в судах, когда он еще был довольно молодым человеком. И военную службу он тоже никогда не проходил. Если какой-нибудь зловредный аристократ поднимет по этому поводу шум, тот факт, что Сулла никогда не служил, может не допустить его в Сенат. Мы надеемся, что никто не будет его пристрастно расспрашивать, и в этом отношении имеющаяся

парочка цензоров идеальна. Им в голову не придет, что Луций Корнелий не смог пройти военную подготовку на Марсовом поле или не вступал в легионы в качестве младшего военного трибуна. К счастью, Скавр и Друз зарегистрировали его как всадника, так что наши новые цензоры просто решат, что предыдущие уже тщательно все проверили. Скавр и Друз понимали людей, они чувствовали, что Луцию Корнелию надо дать шанс. И кроме того, в то время вопрос о Сенате не стоял.

— Ты хочешь, чтобы я дал взятку? — прямо спросил Марий.

Цезарь, человек старого уклада, был шокирован:

— Конечно же нет! Я могу еще как-то извинить взятку, если в итоге становишься консулом, но квестором! Никогда! К тому же это слишком рискованно. Эбурн следит за Луцием Корнелием, стараясь уловить любую оплошность, чтобы дисквалифицировать его и отдать под суд. Нет, я хотел бы совсем другого. Сделай Луция Корнелия твоим личным квестором. Когда электорат поймет, что кандидатом в квесторы уже интересуется вновь избранный консул, за него определенно проголосуют.

Марий ответил не сразу. Он обдумывал последствия.

В действительности не имело большого значения, виновен ли Сулла в смертях своей любовницы и мачехи или нет. Позднее, если он добьется в политике успехов, которые позволят ему претендовать на консульство, обязательно начнутся разговоры о том, что он отправил своих благодетельниц на тот свет. Кто-нибудь непременно выкопает эту историю, и слухи об убийствах станут подарком богов для его политических соперников. Женитьба на дочери Гая Юлия Цезаря поможет, конечно, но ничто не смоет пятна полностью. И в конце концов найдутся многие, кто поверит этому. Это первое препятствие.

Второе заключалось в том обстоятельстве, что Гай Юлий Цезарь не мог заставить себя относиться к Луцию Корнелию с симпатией, хотя и не находил рациональных оснований для этого. Что это? Нечто витающее в воздухе или плод размышлений? Инстинкт, быть может?

Ну а третье препятствие — личность Юлиллы. Его Юлия, теперь Марий знал это, никогда бы не вышла замуж за человека, которого посчитала бы недостойным, каким бы отчаянным ни было финансовое положение Юлиев Цезарей. А Юлилла оказалась взбалмошной, неразумной, эгоистичной — тип девушки, которая не в состоянии выбрать достойного человека, даже если бы от этого зависела ее жизнь. Она выбрала Луция Корнелия Суллу.

Потом он отвлекся от Цезаря и мысленно вернулся в то раннее пасмурное утро на Капитолийском холме. Когда он незаметно наблюдал, как Сулла смотрит на истекающую кровью быка.

И тут Марий понял, что должен сделать, каков должен быть его ответ. Луций Корнелий Сулла не был обычным человеком.

Ни при каких обстоятельствах нельзя допустить, чтобы он вновь канул в безвестность. Он должен наследовать привилегии, положенные ему по праву рождения.

— Хорошо, Гай Юлий, — уверенно сказал Марий. — Я попрошу Сенат дать мне Луция Корнелия Суллу в качестве квестора.

Цезарь ожидался:

— Благодарю тебя, Гай Марий! Благодарю тебя!

— Ты можешь их поженить до того, как Народное собрание соберется на выборы квесторов?

— Будет сделано, — сказал Цезарь.

Итак, не прошло и недели, как Луций Корнелий Сулла и Юлия Младшая, младшая дочь Гая Юлия Цезаря, поженились по стариинному обряду *confarreatio* — самому торжественному и священному виду бракосочетания, к которому допускались только патриции. Карьера Суллы была обеспечена. Лично Гай Марий попросил его для себя в квесторы. Сулла стал членом семьи, чьи положение и репутация были безупречны. Теперь он не мог проиграть.

В ликующем настроении он ждал первой брачной ночи, — он, который вообще никогда и не мечтал о том, что будет женат. Менее всего Сулла предполагал увидеть себя в роли главы семьи.

Метробий ушел в прошлое еще до того, как Сулла обратился к цензорам, желая записаться в кандидаты на должность сенатора. Расставание оказалось тяжелее, чем предполагал Сулла. Мальчик очень его любил, и сердце его было разбито. Однако Сулла оставался тверд в своем решении. Ничто из прошлого не должно угрожать его восхождению к славе.

Кроме того, он достаточно разбирался в своем эмоциональном состоянии, чтобы понимать: Юлилла ему очень дорога. Он считал ее своей Фортуной. Сулла был не в состоянии квалифицировать свое чувство к какому-либо человеку как любовь. Любовь для Суллы была чем-то, что чувствуют другие. И этих «других» — меньшинство. Послушать рассказы этих «других», так любовь — это очень странное состояние, наполненное иллюзиями и разочарованиями. Временами она доводит до безумия, а иногда заставляет совершать аморальные поступки. Сулла не мог распознать ее в себе, ведь любовь, как он считал, отрицает всякий здравый смысл, самосохранение, ясность мысли. Может ли быть, что его терпение по отношению к взбалмошной, неуравновешенной жене было, по сути дела, свидетельством настоящей любви? Однако он считал это терпение достоинством собственного характера и поэтому не мог понять ни себя, ни своей любви.

Это была типичная для Юлиев Цезарей свадьба, величественная, пышная, без всяких непристойностей. Те свадьбы, свидетелем которых Сулла был прежде, не были ни величественными, ни пышными, и там часто допускались непристойности. Но они были веселее. Однако когда подошло время, возле спальни новобрачных не толкались пьяные гости, и не пришлось тратить время, выдворяя их всех из дома.

Когда короткое путешествие от дверей одного дома до дверей другого было закончено, и Сулла взял Юлиллу на руки — совсем невесомую, эфемерную! — чтобы перенести ее через порог, сопровождающие их гости растворились.

В его жизни никогда не было неопытных девственниц. Поэтому Сулла не чувствовал никаких сомнений по поводу дальнейшего развития событий. Он избавил себя от преждевременного беспокойства. Каков бы ни был клинический статус ее девственной плевы, Юлилла была вполне созревшей, словно спелый персик, добровольно падающий с дерева. Она, восхищенная и возбужденная, смотрела, как он совлекает с себя свадебную тунику, снимает с головы венок из цветов. И сама стала стягивать с себя одну за другой все одежды новобрачной. Кремовая, огненная, шафрановая... Особые амулеты и пояса... Семиярусную тиару из тончайшей шерсти — прочь с головы...

Они любовались друг другом. Сулла — прекрасно сложенный, Юлилла — очень тоненькая, но сохранившая стройность и гибкость линий, смягчающие то, что у других выглядело бы угловатым и безобразным. Она первая подошла к нему, положила руки ему на плечи и с совершенно естественной и мгновенной чувственностью стала медленно, всем телом, скользить по его телу. Она томно вздыхала, когда его руки стали гладить ее спину смелыми, уверенными движениями.

Он был в восторге от ее невесомости, ее акробатической гибкости, с которой она отвечала ему. Что бы он ни делал, ничто не испугало ее и не оскорбило. Секунды потребовались на то, чтобы научить ее целоваться. И все же все годы их совместной жизни она не переставала учиться поцелуям. Чудесная, красавица, страстная женщина, всегда готовая угодить ему, но и требующая от него того же. Вся — его. Только его. И кто из них в ту ночь мог даже вообразить, что все может измениться, будет уже не таким идеальным?

— Если ты когда-нибудь только посмотришь на кого-нибудь другого, я убью тебя, — сказал Сулла, когда они отдыхали между очередными приступами страсти.

— Я тебе верю, — отозвалась она, помня горький урок, преподанный ее отцом. Теперь она ушла из-под власти отца, чтобы попасть под власть мужа. Патрицианка, она не была и никогда не могла быть хозяйкой себе. Таким, как Никополис или Клитумна, куда лучше.

Они оказались почти одного роста. Юлилла для женщины высокая, а Сулла — среднего роста. Ноги ее были длиннее его ног, и она могла обвить их вокруг его коленей, любуясь белизной его кожи по сравнению с ее собственной — золотистой.

— Рядом с тобой я похожа на сирийку, — молвила она, приложив свою руку к его, чтобы увидеть контраст в свете горящей лампы.

— Я не такой, как все, — резко сказал он.

— Так это и хорошо! — засмеялась она, наклоняясь, чтобы поцеловать его.

Он в свою очередь изучал ее. Угловатая и субтильная, очень похожа на мальчика. Одним шлепком он стремительно перевернул ее на живот, лицом в подушку, и стал разглядывать линии спины, ягодиц и бедер.

— Ты изящна, как мальчик, — заметил он.

Она с негодованием попыталась вскочить, но он прижал ее, заставив лежать.

— Ничего себе! Звучит так, словно ты предпочитаешь мальчиков, Луций Корнелий! — Сказано это было без всякой задней мысли, сквозь смех, заглушенный подушкой.

— Ну, пока я не встретил тебя, полагаю, так оно и было, — сказал он.

— Дурачок! — засмеялась она, приняв его слова за шутку. Высвободившись, она села ему на грудь, коленками прижав его руки. — Можешь внимательно рассмотреть мою маленьку «свинку» и сказать, похожа ли она хоть капельку на твердый, опытный дротик!

— Только посмотреть? — осведомился он, придвигая ее поближе к своим губам.

— Мальчик! — Эта идея продолжала забавлять ее. — Ты дурачок, Луций Корнелий!

А потом она совсем забыла об этом в безумии новых удовольствий.

Народное собрание выбрало Суллу квестором, и, хотя он должен был приступить к исполнению обязанностей не раньше пятого декабря, на следующий же день после выборов Сулла счел необходимым представиться в доме Мария.

В ноябре светало поздно, и Сулла был рад этому обстоятельству. Его безудержныеочные забавы с Юлиллой приводили к тому, что он уже не мог просыпаться рано, как в бытые времена. Но он знал, что должен вставать до восхода солнца. То, что Марий попросил его в качестве своего личного квестора, неуловимо изменило статус Суллы.

Теперь Сулла технически превратился в клиента Мария — на срок исполнения должности личного квестора. А это продлится до тех пор, пока Марий сохраняет свою власть. Клиенту же не пристало до наступления дня валяться в постели с молодой женой. Клиент должен появляться в доме своего патрона с первыми рассветными лучами и выполнять все, что бы тот ни пожелал. Его могли вежливо отпустить. Могли попросить проследовать с патроном на Римский Форум или в одну из базилик по общественным или личным делам. Могли дать какое-либо поручение.

Хотя Сулла опоздал не настолько, чтобы получить выговор, однако широкий атрий дома Мария был уже полон клиентов. Некоторые, как решил Сулла, наверное, так и спали на улице у дверей дома Мария. Вздохнув, Сулла направился в укромный уголок и подготовился к длительному ожиданию.

Некоторые важные люди нанимали секретарей и номенклаторов, чтобы сортировать утренний «улов» клиентов, отсеивая «килек», которые приходили просто ради того, чтобы их заметили, и оставляя только крупную и интересную «рыбу», которой разрешалось увидеть патрона. Но, как с удовлетворением заметил Сулла, Гай Марий сам был сортировщиком своего «улова». Помощника нигде не было видно. Этот важный человек, новый консул, сам выполнял грязную работу, неспешно отделяя нужных от ненужных эффективнее любого секретаря. За двадцать минут четыреста человек, толпившихся в атрии и заполнивших колоннаду перистиля, были рассортированы. Больше половины из них были отпущены. Причем каждому клиенту-вольноотпущеннику или просто свободному человеку более низкого статуса улыбающийся Марий вкладывал в руку подарок — и не принимал никаких возражений.

«Да, — подумал Сулла, — он может быть „новым человеком“, больше итальянцем, нежели римлянином, но он знает, как себя держать. Все правильно. Какой-нибудь Фабий или Эмилий не справлялись бы с ролью патрона лучше».

— Луций Корнелий, тебе не следует ждать здесь! — сказал Марий, добравшись до угла, где стоял Сулла. — Пройди в мой кабинет, устраивайся там поудобнее. Я скоро присоединюсь к тебе, и мы поговорим.

— Нет-нет, Гай Марий, — возразил Сулла, улыбаясь скатыми губами. — Я здесь, чтобы предложить тебе свои услуги как твой новый квестор, и с удовольствием подожду своей очереди.

— В таком случае подожди своей очереди в кабинете. Если ты хочешь хорошо выполнять обязанности моего квестора, тебе лучше посмотреть, как я веду свои дела, — сказал Марий, положив руку ему на плечо.

За три часа все вопросы многочисленных клиентов были рассмотрены — терпеливо, но быстро. Почти все они касались деловой помощи в Африканской провинции.

— Гай Марий, — заговорил Сулла, когда ушел последний клиент, — раз командование Квинта Цецилия Метелла в Африке продлили еще на год, как ты собираешься помочь своим клиентам организовать дела в Нумидии, когда она вновь будет открыта для Рима?

Марий задумался.

— Ну что ж, Квинт Цецилий действительно останется в Африке и на следующий год, так?

Поскольку это был риторический вопрос, Сулла даже не пытался ответить на него. Он молча сидел, с восхищением наблюдая, как работает мысль Мария.

— Да, Луций Корнелий, — продолжал Марий, — я размышлял над проблемой Квинта Цецилия в Африке. Ее можно разрешить.

— Но Сенат никогда не согласится заменить тобой Квинта Цецилия, — отважился сказать Сулла. — Я еще не очень знаком с политическими нюансами внутри Сената, но определенно ощущаю твою непопулярность среди ведущих сенаторов. Кажется, нужна большая смелость, чтобы позволить себе плыть против течения.

— Очень верно, — сказал Марий, продолжая приятно улыбаться. — Я — итальянский деревенщина, по-гречески не разумеющий, — цитирую Метелла, которого лично я называю Свинкой, — и недостоин консульства. Не говоря уж о том, что мне пятьдесят лет. В этом возрасте поздно занимать руководящую должность в армии. В Сенате очень многие против меня. Но знаешь, ведь так было всегда. И все равно — вот он я, консул в пятьдесят лет! Похоже на чудо, не так ли, Луций Корнелий?

Сулла усмехнулся, немного мрачно. Мария это не смущило.

— Да, Гай Марий, похоже.

Марий наклонился вперед в кресле, сложив красивые руки на своем легендарном столе со столешницей из зеленого камня.

— Луций Корнелий, много лет назад я обнаружил, что добиться своей цели можно разными способами. В то время как другие продвигаются вверх по *cursus honorum*, даже не икнув, мне потребовались годы и годы. Но они потрачены не зря. Я подмечал и собирая в копилку все способы достижения цели. Видишь ли, когда ждешь, стоя не в очереди, а в стороне, то поневоле наблюдаешь, оцениваешь, складываешь мозаику. Я никогда не был хорошим законником, никогда не разбирался в нашей неписаной конституции. Пока Метелл Свинка толкался в судах возле Кассия Равиллы и учился добиваться осуждения весталок-девственниц — я говорю это в иносказательном смысле, — я был солдатом. И продолжал служить. Вот что я делаю лучше всего. И все же я не совру, если похвастаюсь, что теперь больше знаю о законах и конституции, чем полсотни метеллов-свинок. Я смотрю на вещи со стороны, мой ум не избалован проторенным дорожками. Поэтому я собираюсь скинуть Квинта Цецилия Метелла Свинку с седла командующего в Африке и сесть в него сам.

— Я верю тебе, — сказал Сулла, вздохнув. — Но каким образом?

— Все они — юридические простофили! — презрительно фыркнул Марий. — Вот этим я и воспользуюсь. Обычно Сенат всегда раздает губернаторства, и никому в голову не приходит, что сенаторские декреты, строго говоря, не имеют законодательной силы. Они так ничему и не научились, даже после уроков, которые им пытались преподавать братья Гракхи! Сенаторские декреты — это лишь традиция. Но не закон! Сегодня законы издает Народное собрание, Луций Корнелий. А в Народном собрании я пользуюсь куда большим влиянием, чем любой Цецилий Метелл.

Сулла сидел тихо. Ему было страшновато, он странно себя чувствовал. Как ни могуч был интеллект Мария, не это приводило Суллу в благоговейный ужас. Нет, это было новое ощущение — ему доверяют, его посвящают. Откуда Марий знал, что ему, Сулле, можно довериться? Надежность никогда не украшала его репутацию. И Марий должен был бы предварительно тщательно изучить ее. Но вот здесь он, Марий, раскрывает перед Суллой свои планы и намерения, чтобы испытать нового квестора, человека, которого он совсем не знает. Полностью открывшись ему, словно это доверие было уже заслужено.

— Гай Марий, — сказал он, не в состоянии промолчать, — почему, покинув твой дом, я не отправлюсь в дом кого-нибудь из Цецилиев Метеллов и не перескажу ему все, что ты сейчас говорил мне? Скажи, что остановит меня?

— Ничто, Луций Корнелий, — спокойно ответил Марий.

— Тогда почему ты посвящаешь меня во все это?

— Это просто. Потому, Луций Корнелий, что я считаю тебя очень способным и умным человеком. А любой способный и умный человек в состоянии понять: верх глупости связать себя с Цецилием Метеллом, когда Гай Марий предлагает тебе несколько лет интересной и стоящей работы. — Он глубоко вздохнул. — Ну вот! По-моему, я хорошо объяснил.

Сулла засмеялся:

— Твои секреты умрут во мне, Гай Марий.

— Я знаю это.

— И тем не менее я бы хотел, чтобы ты знал: я ценю твоё доверие.

— Мы — свояки, Луций Корнелий. Мы связаны друг с другом, и больше, чем родом Юлиев Цезарей. Мы разделяем с тобой еще одну общность — удачу.

— Вот как?

— Удача — это знак, Луций Корнелий. Поймаешь удачу — значит, тебя любят боги. Быть удачливым — значит быть избранным. — И Марий удовлетворенно посмотрел на своего нового квестора. — Я — избранный. И я выбрал тебя, потому что думаю, что ты — тоже избранный. Мы важны для Рима, Луций Корнелий. Мы оба рождены, чтобы оставить свой след.

— Я тоже в это верю, — сказал Сулла.

— Да... В следующем месяце состоится коллегия народных трибунов. На этой коллегии я поставлю вопрос об Африке.

— Ты собираешься воспользоваться законодательным собранием, чтобы провести закон, аннулирующий сенаторский декрет, по которому командование Метелла Свинки в Африке продлено еще на год, — констатировал Сулла.

— Именно, — подтвердил Марий.

— Но действительно ли это законно? Позволят ли этому закону вступить в силу? — спросил Сулла.

И вдруг он понял, как очень умный «новый человек», свободный от старых обычаев и традиций, может перевернуть всю систему.

— Нигде не сказано, что это незаконно, и поэтому нет оснований говорить, что этого нельзя сделать. У меня возникло жгучее желание кастрировать Сенат, а самый эффективный способ добиться этого — подорвать его традиционный авторитет. Как? Запретить в законодательном порядке его традиционную власть. Надо создать прецедент.

— Почему так важно, чтобы ты получил командование в Африке? — спросил Сулла. — Германцы дошли уже до Толозы, а они намного серьезнее, чем Югурта. Кое-кто на будущий год собирается дойти до Галлии, чтобы встретиться там с ними. И я бы предпочел, чтобы это был ты, а не Луций Кассий.

— У меня не будет шанса, — уверенно сказал Марий. — Наш уважаемый коллега Луций Кассий — старший консул, и он хочет командовать галлами против германцев. В любом случае, возглавить войну против Югурты жизненно важно для моего политического выживания. Я предпринял меры, чтобы представлять интересы всадников в Нумидии. Следовательно, я должен находиться в Африке, когда война закончится. Чтобы быть уверенным: мои клиенты получат все концессии, которые я им обещал. В Нумидии будет выделено огромное количество великолепной плодородной земли. Кроме того, там обнаружили превосходный мрамор и большие залежи меди. Вдобавок в Нумидии есть два месторождения драгоценных камней и много золота. А с тех пор как Югурта стал царем, Рим не имеет доступа ни к одному из месторождений.

— Ну хорошо, значит, Африка, — сказал Сулла. — Что я должен делать, чтобы быть тебе полезным?

— Учиться, Луций Корнелий, учиться! Мне потребуется коллектив людей, способных немного на большее, нежели простая лояльность. Мне нужны люди, умеющие действовать самостоятельно, по собственной инициативе, не нанося вреда моим главным планам. Люди, которые будут помогать мне, а не мешать. Меня не волнует то, что придется делить заслуги. Заслуг и славы хватит на всех, если дела пойдут хорошо и легионам будет дан шанс показать, на что они способны.

— Но я же совсем зеленый, как трава, Гай Марий.

— Я знаю это. Однако думаю, что в тебе есть потенциал. Будь все время рядом со мной, будь мне предан, работай хорошо и много, и я предоставлю тебе все возможности для развития. Как и я, ты поздно начинаешь. Но — никогда не поздно. Я наконец все-таки стал консулом, хоть и на восемь лет позже предельного возраста. Ты наконец в Сенате, на три года позже предельного возраста. Как и я, ты собираешься посвятить себя армии. Это хороший способ подняться наверх. Я буду тебе помогать, чем смогу. В ответ я жду помощи от тебя.

— Справедливо, Гай Марий. — Сулла прочистил горло. — Я благодарен тебе.

— Не надо меня благодарить. Если бы я не думал, что получу от тебя хорошую отдачу, Луций Корнелий, ты бы сейчас здесь не сидел. — Марий протянул руку. — Не будем благодарить друг друга. Просто преданность и товарищеские отношения между двумя солдатами.

Гай Марий подкупил народного трибуна и сделал правильный выбор. Ибо Тит Манлий Манцин продал свой голос не только за деньги. Манцин намеревался наделать шума в качестве народного трибуна. Занимался он тем, что пакостил семье Манлиев, членом которой не был, несмотря на собственное имя. Его ненависть к Манлиям распространилась на все важные аристократические фамилии, включая Цецилия Метелла. Поэтому он смог принять деньги Мария с чистой совестью.

Десять новых народных трибунов вступили в должность двенадцатого декабря, и Тит Манлий Манцин не тратил времени зря. В тот же день он ввел на заседании Народного собрания законопроект, который имел целью освободить Квinta Цецилия Метелла от обязанности командующего в Африке и назначить вместо него Гая Мария.

— Римский народ — господин! — кричал Манцин в толпу. — Сенат — только слуга народа, но не хозяин его! Если Сенат выполняет свои обязанности, сохраняя уважение к народу Рима, — пожалуйста, пусть продолжает действовать и дальше. Но если Сенат своими действиями защищает собственных ведущих членов за счет народа, его следует остановить. Квина Цецилия Метелла показал, что он уклоняется от исполнения своего долга. Будучи командующим, он ничего не сделал для римского народа! Почему тогда Сенат продлил его срок еще на год? Потому, народ Рима, что Сенат, как обычно, защищает своих собственных знаменитостей! В лице Гая Мария, нового выбранного консула, народ Рима получил лидера, достойного своего имени. Но по мнению тех, кто управляет Сенатом, имя Гая Мария недостаточно хорошо! Гай Марий — лишь «новый человек», высокочка, никто, видите ли, раз он не патриций!

Толпа была в восхищении. Манцин был хорошим оратором, да и тема исключительности сенаторов его сильно задевала. Давно уже народ не щелкал Сенат по носу. Многие влиятельные лидеры народа были обеспокоены тем, что их крыло в правительстве Рима теряло позиции. Так что в тот момент все было на стороне Гая Мария: общественное настроение, недовольство всадников, десять народных трибунов, готовых натянуть нос Сенату.

Сенат огрызался, посылая своих лучших ораторов-плебеев выступать в собрании. Среди них был Луций Цецилий Метелл Далматик, Великий Понтифик, горячий сторонник своего младшего брата Свинки, и только что выбранный старший консул Луций Кассий Лонгин. Но Марк Эмилий Скавр, который мог бы принести Сенату много очков, был патрицием и поэтому не имел права выступать в Народном собрании. Вынужденный стоять на ступенях Дома Сената, он смотрел вниз, в битком набитый ярусный колодец комиций, в котором заседало Народное собрание. Скавру оставалось только беспомощно слушать.

— Они побьют нас, — сказал он цензору Фабию Максиму Эбурну, другому патрицию. — Будь проклят этот Гай Марий!

Невзирая на проклятия, Гай Марий победил. Безжалостная эпистолярная кампания увенчалась полным успехом: всадники и средний класс отвернулись от Метелла, размазав его имя, подорвав его политическое влияние. Конечно, со временем он вновь поднимется, связи его семьи слишком могущественны. Но в настоящий момент Народное собрание, ловко ведомое Манцином, сняло с Метелла командование в Африке. Имя его в Риме было изгажено сильнее, чем свинарня в Нуманции. Народ лишил его должности, проведя закон, согласно которому командование в Африке было передано Гаю Марию. А поскольку закон — строго говоря, плебисцит — был записан на табличках, его положили в архив под храмом. Прецедент был создан.

— Однако, — сказал Марий Сулле, как только закон принял, — Метелл никогда не оставит мне своих солдат.

О, как многому надо научиться! Сколько всего он, патриций Корнелий, должен бы знать, но не знает! Иногда Сулла отчаялся узнать достаточно много, но потом думал, что ему повезло иметь такого командира, как Гай Марий. Марий всегда находил время и способ объяснить ему что-то и никогда не презирал за неосведомленность.

И сейчас Сулла пополнил свои знания, задав вопрос:

— Но разве солдаты не призваны Римом для войны с королем Югуртой? Разве они не должны оставаться в Африке до победы?

— Они не покинут Африку, только если Метелл захочет этого. Он должен будет объявить армии, что она оставлена для продолжения кампании. В этом случае его уход с поста командующего не повлияет на судьбу солдат. Но он может стать в позицию и заявить, что это он вербовал их и что срок их службы заканчивается одновременно с окончанием его срока. Зная Метелла, можно с уверенностью сказать: именно так он и поступит. Он распустит армию, посадит ее на корабли и отправит прямиком в Италию.

— Что означает, что ты должен будешь набрать новых солдат, — сказал Сулла. — Понимаю. — Потом он спросил: — А ты не мог бы подождать, пока он привезет армию сюда, и потом переписать ее на свое имя?

— Можно, конечно, — ответил Сулла. — Но, к несчастью, у меня не будет такого шанса. Луций Кассий собирается в Галлию воевать с германцами возле Толозы. Это надо сделать обязательно. Мы не можем мириться с полумиллионом германцев на границах нашей провинции. Я думаю, что Кассий уже написал Метеллу и попросил его передать армию ему для галльской кампании, прежде чем она покинет Африку.

— Значит, порядки таковы, — сказал Сулла.

— Да, такие вот дела. Луций Кассий — старший консул. Поэтому он первый имеет право выбора имеющихся войск. Метелл привезет с собой в Италию шесть отлично выученных сезонных легионов. И именно эти войска Кассий возьмет в Заальпийскую Галлию, не сомневаясь. А это значит, мне нужно начинать все сначала: набрать сырой состав, обучить его, снарядить, наполнить энтузиазмом, вызвать желание воевать с Югуртой. — Марий скривил гримасу. — А это значит, что в первый год консульства у меня не будет времени выступить против Югурты. А это, в свою очередь, означает, что я должен быть уверен — мое командование в Африке пролонгируют еще на год. Иначе я сяду в лужу и кончу хуже, чем Свинка.

— А теперь еще есть закон, записанный на табличках, который создает прецедент для любого, кто захочет отобрать у тебя командование. — Сулла вздохнул. — Не так все просто, правда? Я никогда не думал о трудностях, с которыми можно столкнуться, просто чтобы выжить в политике, не говоря уже о том, чтобы способствовать могуществу Рима.

Слова Суллы рассмешили Мария. Он весело засмеялся, хлопнув Суллу по спине.

— Да, Луций Корнелий, это совсем не просто. Но именно поэтому и стоит это делать! Какой человек, способный и честный, захочет гладкой дороги? Чем более тернист путь, чем больше препятствий на пути, тем сильнее удовлетворение.

Это был ответ личностного характера, он не решил главную проблему Суллы.

— Вчера ты сказал мне, что Италия совершенно истощена. Столько людей погибло, что среди граждан Рима уже нельзя набрать войско. Сопротивление вербовщикам среди итальянцев усиливается день ото дня. Где же ты найдешь достаточно призывников, чтобы набрать четыре полных легиона? Ведь ты сам говорил, что не можешь нанести поражение Югурте меньшей силой.

— Подожди, пока я приступлю к выполнению обязанностей консула, Луций Корнелий, и увидишь, — вот все, что мог Сулла узнать от него.

Во время празднования Сатурналий благие намерения Суллы лопнули. В те дни, когда Клитумна и Никополис жили с ним в Риме, конец года всегда был очень веселым. Рабы возлежали, щелкая пальцами, а обе женщины бегали, хихикая и выполняя все их желания. Все очень много пили, и Сулла предоставлял свое место в их коммунальной постели любому рабу, выразившему такое желание. А когда Сатурналии заканчивались, все возвращалось в норму, словно ничего непристойного и не происходило.

Но в этот первый год своего брака с Юлиллой Сулла отпраздновал Сатурналии совсем по-другому. Ему пришлось провести первые рассветные часы в соседнем доме, в семье Гая Юлия Цезаря. Там тоже в течение трех дней, пока длился праздник, все было наоборот: рабам прислуживали их хозяева, рабы дарили им подарки. Потребовались специальные усилия, чтобы обеспечить еду и вино, чтобы все было восхитительно и в большом количестве. Но на самом деле ничего не изменилось. Бедные слуги возлежали на ложе неподвижно, как статуи, и смущенно улыбались Марсии и Цезарю, когда те сновали между триклинием и кухней. никто и не мечтал напиться, и уж определенно никому и в голову не приходило сделать что-нибудь эдакое, что могло бы смутить всех, когда все в доме вернется на прежние места.

— Было очень интересно, — сказал Сулла, когда он и Юлилла прощались на пороге в конце третьего дня праздника. Он держался очень осторожно, чтобы никто, даже Юлилла, не понял, сколько сарказма таилось в его словах.

— Было совсем неплохо, — сказала Юлилла, следя за Суллой в их собственный дом, где, ввиду отсутствия хозяина и хозяйки, рабам предоставили трехдневный отдых.

— Я рад, что ты так считаешь, — сказал Сулла, закрывая ворота на засов.

Юлилла вздохнула и потянулась:

— А завтра обед в честь Красса Оратора. Признаюсь, не могу дождаться, когда пойду туда.

Сулла остановился посреди атрия и повернулся, глядя на жену:

— Ты не пойдешь.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что сказал.

— Но... но я думала, что супруги тоже приглашены! — воскликнула она, лицо ее сморщилось.

— Некоторые супруги. Не ты.

— Но я хочу пойти! Все только и говорят, что об этом обеде, все мои подруги завидуют — я сказала им, что пойду!

— Очень плохо. Ты не пойдешь, Юлилла.

Один из рабов встретил их возле дверей кабинета. Он был навеселе.

— О, как хорошо, вы уже дома! — брякнул он, покачиваясь. — Принесите мне немного вина, да поскорее!

— Сатурналии закончились, — очень мягко ответил Сулла. — Пошел вон, дурак.

Раб ушел, мгновенно пропретев.

— Почему ты в таком зверском настроении? — требовательно поинтересовалась Юлилла, когда они вошли в спальню.

— Я не в зверском настроении, — ответил он, подходя к ней сзади и обнимая ее.

Она отодвинулась.

— Оставь меня!

— А в чем дело?

— Я хочу пойти на обед в честь Кассия Оратора.

— Ты не можешь пойти.

— Почему?

— Потому, Юлилла, — терпеливо стал он ей объяснять, — что это не та вечеринка, которую одобрил бы твой отец. И супруги, которые там будут, — это женщины того sorta, которых твой отец тоже не одобрил бы.

— Но я больше не подчиняюсь отцу и могу делать все, что захочу.

— Это не так, и ты это знаешь. Ты перешла из рук отца в мои руки. И я говорю, что ты не пойдешь.

Не говоря ни слова, Юлилла подобрала с пола одежду, набросила халат на свое тонкое тело. Потом повернулась и вышла из комнаты.

— Как угодно! — крикнул ей вслед Сулла.

Утром она была холодна с ним. Он не обращал на это внимания, а когда он уходил на званый обед, ее нигде нельзя было найти.

— Избалованная девчонка, — буркнул он.

Размолвка должна бы позабавить его. Но ему было невесело. Печаль поднималась откуда-то из глубины, гораздо глубже того пространства, которое занимала Юлилла. Его совсем не прельщала перспектива обедать в богатом особняке аукциониста Квинта Граиня, который устраивал этот обед. Когда он получил приглашение, то был по-глупому доволен, расценив его как предложение наладить дружеские отношения в кругу молодых сенаторов. Потом он услышал всякие сплетни о таких пирушках и понял, что его пригласили из-за его темного прошлого. Это должно будет придать экзотики и развлечь аристократов.

Теперь, направляясь на эту вечеринку, он понял, в какую ловушку он попал, женившись на Юлилле и пополнив ряды своей родни. Да, это была ловушка. И пока он живет в Риме, из нее не вырваться. Хорошо Крассу Оратору — он-то мог безнаказанно посещать вечеринки, устраиваемые исключительно для того, чтобы бросать вызов эдикту его отца, регулирующему государственные расходы. Красс ничем не рисковал. Он легко позволял себе роскошь вести себя вульгарно и благоволить к таким высокочкам, как аукционист Квинт Граиний.

Войдя в просторный триклиний Квинта Граиня, Сулла увидел Колубру, улыбающуюся ему поверх позолоченного бокала. Она призывающе похлопала по сиденью рядом с собой. «Это правда, я здесь как посмешище», — подумал он, широко улыбнулся Колубре и отдал себя в руки подобострастных рабов. Никаких интимностей!

Зал был набит обеденными ложами — шестьдесят гостей будут возлежать на них, чтобы отпраздновать вступление Красса Оратора в Народный трибунат. Но, подумал Сулла, садясь рядом с Колуброй, Квинт Граиний понятия не имеет, как устраивать настоящую вечеринку.

Когда шесть часов спустя он уходил — что означало, что он ушел значительно раньше других гостей, — он был пьян. Его настроение скакало от принятия своей участи до черной депрессии, в которую он, вступив в общество, положенное ему по праву рождения, надеялся больше никогда не впасть. Он чувствовал себя разбитым, обессиленным и — невыносимо одиноким. Всем своим сердцем, всем телом он жаждал подходящей, любящей компании, кого-то, с кем можно от души посмеяться. Друга, свободного от скрытых мотивов. Кого-то, кто будет полностью принадлежать ему. Кого-то с черными глазами, черными кудрями и самой восхитительной попкой в мире.

Он шел быстро, словно на крыльях летел всю дорогу до квартиры Скилакса-актера, запрещая себе думать, какой опасности себя подвергает, куда может завести его эта дорога, как это было опрометчиво, как глупо, как... а, все равно! Скилакс будет там. Придется сидеть, хлебать разбавленное вино и болтать со Скилаксом о пустяках, поедая глазами его мальчика. Никто не сможет сказать ни слова. Невинный визит, ничего больше.

Но Фортуна продолжала ему улыбаться. Метробий был один, оставленный в наказание, а Скилакс уехал навестить друзей в Антий. Метробий был один! Как он рад был снова увидеть его! Суллу переполняли любовь, голод, страсть, горе.

Насытившись, он посадил мальчика на колени, прижал к себе и чуть не заплакал.

— Я слишком много времени провел в этом мире, — сказал он. — О боги, как же я скучал по нему!

— Как я скучал по тебе! — сказал мальчик, прижимаясь к Сулле.

Они молчали. Метробий чувствовал конвульсивные всхлипывания Суллы у своей щеки, ему очень хотелось почувствовать слезы Суллы. Но он знал, что слез не будет.

— В чем дело, дорогой Луций Корнелий? — спросил он.

— Мне все обрыдло, — ответил Сулла. Казалось, голос звучит откуда-то со стороны. — Эти аристократы, сенаторы — такие ханжи, такие ужасно тупые! Хорошая форма и хорошие манеры на людях, а потом, украдкой, — грязные удовольствия. Всякий раз, когда они думают, что их не видят. Сегодня мне было особенно тошно скрывать свое презрение.

— Я думал, что ты будешь счастлив, — заметил Метробий не без удовольствия.

— Я тоже так думал, — отозвался Сулла, скривив губы, и снова замолчал.

— Почему ты сегодня пришел?

— О, я ходил на званый обед.

— Не понравилось?

— Тебе тоже не понравилось бы, дорогой мой. По их меркам, вечеринка имела потрясающий успех. А мне хотелось ржать им в физиономии. А потом, по дороге домой, я понял, что мне не с кем разделить свое ярмо. Я совершенно одинок!

— А я? — воскликнул Метробий и выпрямился на коленях у Суллы. — Ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Ты ведь знаешь, кто такие Лициния Крассы?

Метробий внимательно рассматривал свои ногти.

— Я — маленькая звездочка театра комедии, — сказал он. — Что я могу знать о знаменитых фамилиях?

— Семья Лициниев Крассов поставляет Риму консулов и иногда Великих Понтификов уже в течение — ох! — столетий! Это сказочно богатая семья. Она производит мужчин двух сортов — скряг и сибаритов. Отец Красса Оратора был скрягой и записал на табличке странный закон, регулирующий расходы, ты знаешь какой.

— Никаких золотых тарелок, пурпурных одежд, никаких устриц, никаких импортных вин — этот закон?

— Этот. Но Красс Оратор, который, кажется, не ладит с отцом, обожает окружать себя всевозможной роскошью. А Квинт Ганий, аукционист, нуждается в его политической поддержке. Поэтому Квинт Ганий сегодня устроил званный обед в честь Красса Оратора. Тема вечера: «Проигнорируем lex Licinia Sumptuaria, регулирующий расходы!»

— Поэтому тебя и пригласили?

— Я был приглашен потому, что, оказывается, в высших кругах, то есть кругах Красса Оратора, меня считают «очаровательным». Жизнь настолько низка, насколько величественно рождение. Думаю, они ожидали, что я сниму с себя всю одежду и спою им несколько грязных песенок, а я занимался тем, что разочаровывал Колубру.

Метробий присвистнул:

— Ты и правда вращаешься в высших кругах! Я слышал, она берет серебряный талант за один сеанс *irrumatio* — орального секса.

— Но мне она предложила бесплатно, — сказал Сулла, усмехнувшись. — Я отказался.

Метробий поежился:

— Ох, Луций Корнелий, не наживи себе врагов теперь, когда ты в своем мире! Такие женщины, как Колубра, обладают огромной властью!

Выражение брезгливости появилось на лице Суллы.

— Ха! Да срал я на них!

— Им, наверное, понравилось бы это, — задумчиво сказал Метробий.

Шутка сработала. Сулла расхохотался и решил придать своей истории счастливый конец.

— Там еще были несколько жен — из тех законных супруг, что любят приключения, с мужьями, заклеванными чуть не до смерти. Две Клавдии и одна в маске, которая настаивала, чтобы ее называли Аспазией. Но я-то хорошо знаю, что это была кузина Красса Оратора — Лициния. Помнишь, я иногда спал с ней.

— Помню, — мрачно ответил Метробий.

— Кругом золото и пурпур, — продолжал Сулла. — Даже кухонные полотенца из тирианского пурпурса, расшитого золотом! Поглядел бы ты на обслуживающего раба! Когда его не видел хозяин, он торопливо выхватывал обычное полотенце, чтобы вытереть разлитое кем-нибудь хиоское вино. Пурпурные полотенца, расшитые золотом, конечно, в ход не шли.

— И тебе это очень не понравилось.

— Да, не понравилось, — сказал Сулла, вздохнул и возобновил свой рассказ. — Обеденные ложа были инкрустированы жемчугом. Правда! А гости выковыривали жемчуг из сидений, завертывали его в углы пурпурных салфеток... И ведь там не было ни одного человека, кто не мог бы купить такой жемчуг, даже не интересуясь ценой.

— Кроме тебя, — тихо сказал Метробий и откинулся волосями со лба Суллы. — Ты ведь не взял жемчуг.

— Я скорее умру, — ответил Сулла и покачал плечами. — Вообще-то это был мелкий, речной жемчуг.

Метробий захихикал:

— Не порти рассказ! Мне нравится, когда ты такой гордый и знатный.

Улыбаясь, Сулла поцеловал его.

— Лучше плохой, да?

— Лучше плохой. А какая была еда?

— Заказанная. Даже кухоня Гания не хватит, чтобы накормить шестьдесят — нет, пятьдесят девять! — обжор! Крупнейшие куриные яйца, большая часть их с двумя желтками. Были лебединые яйца, гусиные, утиные, яйца морских птиц и даже яйца с позолоченной скорлупой. Фаршированное вымя кормящей свиноматки, куры, откормленные медовым печеньем, в виноградном фалернском вине, улитки, специально привезенные из Лигурии, устрицы из Байи. В воздухе стоял такой аромат перца разных дорогих сортов, что я стал чихать.

Метробий понял, что Сулле очень хотелось выговориться, понял, в каком странном мире теперь живет его возлюбленный. Совсем не в таком, каким он его себе представлял. Сулла никогда не любил много говорить. До сегодняшнего вечера. Появился ниоткуда! Это любимое лицо — Метробий уже примирился с тем, что больше уже никогда не увидит его, разве что на расстоянии. Но он вдруг возник на пороге, как привидение. Истосковавшийся по любви, по разговору. Сулла! Как ему одноко, наверное!

— Что еще там было? — расспрашивал Метробий.

Сулла вскинулся рыхую бровь. Следов стибиума давно уже не осталось.

— Оказывается, самое лучшее было впереди. Они внесли это на вытянутых руках, на пурпурной подушке, на золотом блюде, украшенном драгоценными камнями. Это была огромная рыба из Тибра, похожая на побитого мастифа. Они несколько раз обошли зал, более церемонно, чем чествуют двенадцать богов на лектистерии. Рыба!

Метробий нахмурился:

— Какая это была рыба?

Сулла откинулся голову, чтобы посмотреть в лицо Метробию.

— Ты же знаешь!

— Если и знаю, то не помню.

Сулла задумался, расслабился.

— Рыба редко встречается на столах комиков. Позволь сказать тебе, молодой Метробий, что любой гастрономический олух в высшем обществе Рима приходит в экстаз при одной только мысли об этой рыбе из Тибра. Она водится между Деревянным и Эмилиевым мостами, омывая свои чешуйчатые бока в сточных водах. Она так наедается римского деръма, что на крючки не обращает внимания. Она пахнет деръмом и на вкус как деръмо. Ешь ее, и такое впечатление, что ешь деръмо. Но Квинт Ганий и Красс Оратор восхищались и пускали слюни, словно это смесь нектара и амброзии, а не питающийся деръмом пресноводный окунь!

Метробий больше не мог слушать. Его чуть не вырвало.

— Хорошо сказано! — восхликал Сулла и рассмеялся. — Ох, если б ты только их видел, всех этих напыщенных дураков! Называют себя лучшими и самыми утонченными представителями Рима, а у самих деръмо с подбородков капает. — Он замолчал, со свистом вдохнул воздух. — Еще раз я этого не вынесу. Ни одного часа. — Он опять помолчал. — Я пьян. Эти Сатурналии были ужасны.

— Сатурналии ужасны?!

— Скучные, ужасные... все равно как назови. Другой слой высшего общества, конечно, чем гости на пирушке Красса Оратора, но такой же никудышный. Скучный. Скучный, скучный, скучный! — Он покачал плечами. — Ладно. В следующем году я буду в Нумидии, и у меня будет стоящее дело. Я не могу ждать! Рим без тебя — без моих старых друзей... я не могу этого вынести. — Дрожь пробежала по его телу. — Я пьян, Метробий. Мне нельзя здесь находиться. Но если бы ты знал, как мне хорошо здесь!

— Я знаю только одно: я счастлив, что ты пришел, — громко сказал Метробий.

— У тебя ломается голос! — удивился Сулла.

— Пора. Мне уже семнадцать, Луций Корнелий. К счастью, для моего возраста я маленького роста, а Скилакс специально

тренировал меня, чтобы у меня был высокий голос. Но теперь иногда я забываюсь. Становится все труднее контролировать. Скоро мне нужно будет бриться.

— Семнадцать!

Метробий соскользнул с колен Суллы и стоял, глядя на него с грустью, потом протянул руки:

— Послушай! Останься со мной еще немного. До рассвета можешь пойти домой.

Сулла неохотно поднялся.

— Я останусь, но только на этот раз. Больше я не приду, — сказал он.

— Знаю. — Метробий поднял руку гостя и положил себе на плечо. — В следующем году ты будешь счастлив в Нумидии.

ГОД ЧЕТВЕРТЫЙ (107 Г. ДО Р. Х.) КОНСУЛЬСТВО ЛУЦИЯ КАССИЯ ЛОНГИНА И ГАЯ МАРИЯ (I)

Никогда еще консульство не имело такого значения для человека, избранного на эту должность, как для Гая Мария — его первый срок. Он направился на инаугурацию в первый день нового года, твердо зная, что предзнаменования — а ночью он следил за знаками небес — не вызывают никаких сомнений и что его белый жертвенный бык наелся одурманивающего корма. Торжественный и отчужденный, Гай Марий стоял там перед всеми — консул с головы до пят: великолепного высокого роста, намного более аристократичный, чем любой из окружавших его в это свежее раннее утро. Старший консул, Луций Кассий Лонгин, низкорослый, коренастый, в тоге выглядел довольно жалко и совершенно терялся в тени своего младшего коллеги.

И наконец появился Луций Корнелий Сулла — теперь тоже сенатор, с широкой пурпурной полосой на правом плече туники, личный квестор консула Гая Мария.

Хотя у Мария не было фасций на январь, — эти перевязанные лиловой тесьмой пучки прутьев до февральских календ являются принадлежностью старшего консула Кассия, — тем не менее он созвал Сенат на следующий же день.

— В настоящий момент, — обратился он к сенаторам, которые решили явиться почти все, поскольку не доверяли Марию, — Рим вынужден вести войну на три фронта, и, следовательно, в Испании сейчас мы драться не можем. Нам нужны войска, чтобы сражаться с царем Югуртой в Нумидии, со скордисками — в Македонии и с германцами — в Галлии. За пятнадцать лет, миновавших со дня смерти Гая Гракха, мы потеряли на полях сражений шестьдесят тысяч римских солдат. Еще тысячи уже не годятся для военной службы. Я повторяю, почтенные сенаторы: прошло всего пятнадцать лет. Это даже не половина жизни одного поколения.

Палата молчала. Среди присутствовавших находился Марк Юний Силан, который чуть менее двух лет назад потерял более трети названного количества солдат — и все еще оправдывался от обвинений в измене. До сих пор никто не осмеливался во всеуслышание назвать эту ужасную цифру в стенах Палаты. И все же присутствующие хорошо знали, что данные, приводимые сейчас Марием, даже немного занижены. Сенаторов просто поразило, что он осмелился произнести все это вслух — на четкой, звучной латыни.

— Мы не можем набрать рекрутов, — продолжал Марий, — по одной убедительной причине. У нас недостаточно мужчин. Нехватка римских граждан и лиц, пользующихся латинскими правами, угрожающая. Но еще меньше у нас итальянцев. Даже если мы объявим призыв в каждом районе к югу от реки Ари, нет никакой надежды набрать необходимое количество войск на этот год. Я предполагаю, что африканская армия, шесть легионов обученных и вооруженных солдат, вернется в Италию с Квинтом Цецилием Метеллом и будет отданауважаемому коллеге Луцио Кассию для кампании против Толозы. Македонские легионы также хорошо вооружены, имеют статус ветеранов и, я уверен, успешно продолжают службу под руководством Марка Минуция и его младшего брата.

Марий перевел дыхание. Палата продолжала слушать.

— Но остается проблема новой африканской армии. Квинт Цецилий Метелл имеет в своем распоряжении шесть очень опытных легионов. Предполагаю, что в условиях крайней нехватки людей смогу обойтись четырьмя. Однако у Рима нет в резерве четырех легионов! У Рима нет даже одного легиона в резерве! Чтобы освежить вашу память, приведу вам точные цифры, сколько человек должно находиться в армии, состоящей из четырех легионов.

Гаю Марию не было нужды заглядывать в записи. Он просто стоял там, на консульском возвышении, впереди своего курульного кресла, и приводил цифры — по памяти:

— Общий состав: пять тысяч сто двадцать пехотинцев в одном легионе, плюс тысяча двести восемьдесят нестроевых вольноотпущенников и еще тысяча нестроевых рабов на легион. Затем кавалерия: две тысячи конников и еще две тысячи нестроевых вольноотпущенников и рабов для ухода за лошадьми. Следовательно, передо мной стоит задача — найти двадцать тысяч четыреста восемьдесят пехотинцев, пять тысяч сто двадцать нестроевых вольноотпущенников, четыре тысячи нестроевых рабов, две тысячи кавалеристов и две тысячи нестроевых вспомогательных сил кавалерии. — Марий оглядел Палату. — Набрать нестроевых солдат проблемой никогда не было и не будет. Для нестроевых солдат не нужен имущественный ценз, они бедны, как издольщики в предгорьях. С кавалерией также не возникает трудностей, поскольку уже много поколений Рим использует в конных войсках не одних только римлян или итальянцев. Мы всегда найдем нужных людей в Македонии, Фракии, Лигурии и Заальпийской Галлии, а они приведут с собой и нестроевых солдат, и лошадей.

Затем он долго молчал, наблюдая за некоторыми из присутствующих. Скавр и неудачливый претендент на звание консула Катул Цезарь, Великий Понтифик Метелл Далматик, Гай Меммий, Луций Кальпурний Пизон Цезоний, Сципион Назика, Гней Домиций Агенобарб... В такую сторону кинутся эти люди, туда и побегут сенаторские овцы.

— Положение наше далеко не лучшее, почтенные сенаторы. Свергнув царей, мы отменили закон, по которому полевое снабжение армии осуществлялось за счет государства. По этой причине мы ограничили вооруженную службу теми гражданами, которые в состоянии вооружить себя сами. И это требование было одинаковым для всех — римлян, латинян, итальянцев. Богатому человеку есть что защищать. Для него жизненно важно сохранить свое государство и свое имущество. В сражение он вкладывает всю душу, все свои силы. По этой причине мы не хотели становиться заморской державой и всякий раз отказывались иметь провинции. Римляне защищали Рим. Но после поражения Персея похвальная попытка ввести в Македонии самоуправление нам не удалась. Македонцы так и не смогли понять иной системы, кроме авторитарии. И мы вынуждены были сделать Македонию римской провинцией, потому что не могли допустить, чтобы племена варваров совершили набеги на западное побережье Македонии — так близко от восточного побережья нашей Италии. Поражение Карфагена вынудило нас управлять Карфагенской империей в Испании, иначе возникла опасность, что ею овладеет кто-нибудь другой. Большую часть африканского Карфагена мы отдали царям Нумидии и сохранили за Римом лишь небольшую провинцию вокруг самого Карфагена, чтобы предотвратить его возрождение. И все же — посмотрите, что происходит только потому, что мы слишком много отдали царям Нумидии! Теперь, чтобы защитить нашу маленьющую провинцию, мы вынуждены завоевывать Африку. Нам необходимо сокрушить вопиющее экспансионистскую политику одного человека — Югурты. Потребовался один-единственный человек, почтенные сенаторы, — и все, мы пропали. Царь Аттал после своей смерти оставил нам по завещанию Азию, а мы все еще пытаемся избежать ответственности объявить ее нашей провинцией! Гней Домиций Агенобарб открыл для нас побережье Галлии между Лигурней и Ближней Испанией, чтобы наши армии имели надежный римский коридор между Италией и Испанией. Но из-за этого нам пришлось создать еще одну провинцию.

Марий остановился, прочистил горло. Такая тишина!

— Наши солдаты вынуждены теперь сражаться за пределами Италии. Они уходят из дома надолго, их поля, сады и дома остаются без присмотра, их жены изменяют им, их дети не рождаются. В результате добровольцев у нас все меньше и меньше.

Мы вынуждены все чаще вербовать новобранцев. Ни один человек, владеющий землей или каким-нибудь делом, не захочет заст�ять вдали от дома на пять, шесть или даже на семь лет! А когда его отпускают домой, то в любой момент могут забрать снова.

Тон оратора стал мрачным:

— Но хуже всего то, что так много этих людей уже умерло за последние пятнадцать лет! А смены им нет! Во всей Италии не осталось необходимого количества мужчин, обладающих необходимым имущественным цензом, чтобы традиционным образом сформировать новую римскую армию.

Голос Мария опять изменился, стал громким, он отдавался эхом от голых потолочных балок древнего зала, построенного еще во времена Тулла Гостилия, третьего римского царя.

— Со времени второй войны с Карфагеном вербовщики вынуждены закрывать глаза на имущественный ценз. А шесть лет назад, после потери армии молодого Карбона, мы даже начали брать в легионы людей, которые не могут купить себе оружие, не говоря уж о другом снаряжении. Но подобное всегда делалось лишь в крайнем случае, завуалированно и без официального одобрения. То время ушло, почтенные сенаторы. Я, Гай Марий, консул Сената и народа Рима, обращаю внимание членов этой Палаты на следующее обстоятельство. Я намерен вербовать свою армию, а не призывать в нее. Мне нужны те, кто пойдет за мной добровольно, а не те, кто с радостью избежал бы призыва и остался бы лучше дома! Вы спросите, где это я собираюсь отыскать двадцать тысяч добровольцев? Ответ прост! Я намерен искать их в гуще простого люда, на самой глубине социального дна, среди тех, кто слишком беден, чтобы быть допущенным в один из пяти классов. Мои будущие солдаты — те, у кого нет денег, нет имущества и очень часто нет постоянной работы. Я собираюсь искать добровольцев среди тех, у кого никогда до этого не было возможности постоять за свою страну, за Рим!

Поднялся ропот. Он все усиливался и усиливался, пока вся Палата не загремела:

— Нет! Нет! Нет!

Не подавая вида, что рассержен, Марий терпеливо ждал. Он не обращал внимания на размахивание кулаками, на красные лица, на крики. Сенаторы, шумя просторными тогами, повскакивали на ноги. Они гневно отталкивали свои складные стулья, и те со скрежетом отъезжали назад, царапали старый каменный пол, отполированный тысячами подошв.

Наконец шум стих. Как бы ни были они возмущены, они знали, что услышали еще далеко не все, и любопытство взяло верх над негодованием.

— Можете кричать, вопить, выть, пока уксус не превратится в вино! — крикнул Марий, как только они могли его услышать. — Но предупреждаю вас здесь и сейчас: я собираюсь поступить именно так, как сказал! И мне для этого не требуется ваше одобрение! Нет такого закона, записанного на таблицах, который определенно запрещал бы мне это сделать. Но через несколько дней на таблицах будет записан другой закон — закон, который скажет, что я могу это сделать! Закон, который скажет, что любой законно избранный старший magistrate при необходимости может набрать армию из capite censi — неимущих. Ибо я, сенаторы, выношу этот вопрос на решение народа!

— Никогда! — крикнул Далматик.

— Через мой труп! — крикнул Сципион Назика.

— Нет! Нет! Нет! — громыхала вся Палата.

— Подождите! — раздался одинокий голос Скавра. — Подождите, подождите! Позвольте мне возразить ему!

Но никто его не слышал. Курия Гостилия, Дом Сената со временем основания Республики, сотрясалась от криков разъяренных сенаторов.

— Идем! — сказал Марий и вышел из Палаты в сопровождении своего квестора Суллы и народного трибуна Тита Манлия Манцина.

При первых же признаках недовольства сенаторов на Форуме собрались толпы. Колодец комиций уже был полон сторонниками Мария. Консул Марий и народный трибун Манцин спустились со ступеней курии, пересекли ростр и пошли вдоль дальней части комиций. Квестор Сулла, будучи патрицием, остался на ступенях Палаты Сената.

— Слушайте, слушайте! — громко крикнул Манцин. — Созывается Народное собрание! Я объявляю собрание для предварительного обсуждения!

На ораторскую платформу перед ростром вышел Гай Марий. Он повернулся так, чтобы видеть и комицию, и открытое пространство нижнего Форума. Те же, кто стоял на ступенях Сената, видели лишь его спину. Когда все сенаторы, за исключением патрициев, стали спускаться с ярусов комиций туда, откуда они могли смотреть на Мария и действовать ему на нервы, ряды клиентов и сторонников новоизбранного консула вдруг заблокировали проход и никуда их не пустили. Начались потасовки, то и дело вспыхивали драки, страсти накалялись, но сторонники Мария выдержали. Только еще девятым трибунам позволили пройти на ростр, где те стояли с суровыми лицами и молча размышляли о том, возможно ли будет наложить вето и остановиться при этом в живых.

— Народ Рима, мне говорят — я не могу делать то, что необходимо для спасения Рима! — кричал Марий. — Риму нужны солдаты, Риму очень нужны солдаты! Мы со всех сторон окружены врагами! Но почтенные сенаторы, как всегда, больше обеспокоены сохранением своего наследственного права управлять, чем обеспечением безопасности Рима! Это они выпили кровь римлян, латинян, италийцев, бездумно бросив на смерть тех, кто традиционно пополнял ряды легионов! Я говорю вам, из тех людей не осталось ни одного! Жадность, самонадеянность и глупость консультов-командующих погубила их. Те же, кто еще дышит, — те либо искалечены и больше уже не могут быть солдатами, либо до сих пор служат в легионах! Но есть другой источник добровольцев, готовых встать в строй и служить Риму! Я имею в виду простых людей — неимущих; граждан Рима или Италии. Они слишком бедны, чтобы иметь право голосовать в центуриях, слишком бедны, чтобы иметь землю, слишком бедны, чтобы купить солдатское снаряжение! Настало время призвать к оружию тысячи тысяч этих людей. Они могут сделать для Рима больше, чем стоять в очереди за дешевым хлебом! Больше, чем локтями и кулаками проталкиваться в цирк по праздникам! Больше, чем плодить сыновей и дочерей, которых они не в состоянии прокормить! Да, у них нет ничего, но они не бесполезны! Я не верю, что они любят Рим меньше, чем состоятельные граждане. На самом деле я убежден, что их любовь к Риму намного чище, чем та, которую демонстрируют большинство почтенных членов Сената!

Марий выпрямился, расправил плечи, широко раскинул руки, словно желая обнять весь Рим.

— Я пришел сюда с Коллегией трибунов за спиной, чтобы получить от тебя, народ Рима, мандат, в котором Сенат мне отказывает! Я прошу у тебя права использовать военный потенциал простого народа! Я хочу превратить неимущих из бесполезного ничтожества в солдат римских легионов! Я хочу предложить пролетариям профессию! Она поможет им обеспечить будущее для себя и своих семей, даст им честь и положение в обществе! Я хочу предложить им сознание своего достоинства и полезности, возможность сыграть важную роль в дальнейшем росте могущества Рима!

Он остановился. Комиция смотрела на него в полном молчании. Взгляды всех были прикованы к его энергичному лицу, горящим глазам, гордо выдвинутому подбородку и выгнутой груди.

— Почтенные сенаторы не дают шанса этим тысячам тысячам людей! Не позволяют мне возвзвать к их преданности, к их любви к Риму, к их желанию послужить Риму! А почему? Уж не потому ли, что почтенные Отцы Сената любят Рим больше, чем я? Нет! Потому что они любят себя и свой собственный класс больше, чем Рим или что-либо еще! Поэтому я обращаюсь к тебе, народ Рима, дай мне — и Риму! — то, в чем отказывает Сенат! Дай мне неимущих! Отдай мне самых униженных из самых низших слоев общества! Позволь мне превратить их в граждан, которыми Рим может гордиться! В граждан, которых Рим может использовать, а не просто терпеть! В граждан, которые будут вооружены, обучены, которые получат от государства плату за верную службу! Даши ли ты мне то, что я прошу? Даши ли ты Риму то, в чем он нуждается?

Поднялся всеобщий крик. Слышались громкие возгласы, топанье ног. Столетние традиции явно рушились. Девять народных трибунов искоса посмотрели друг на друга и молча согласились воздержаться от вето, ибо все они хотели жить.

— Гай Марий — хищный, подлизывающийся оборотень, — сказал Марк Эмилий Скавр в Палате, когда был принят *lex Manlia* — закон Манлия, по которому действующий консул мог набирать в армию добровольцев из числа неимущих. — Гай Марий — зловредная язва на теле Палаты! Гай Марий — вот наиболее очевидная причина, почему, почтенные сенаторы, мы должны сокрушить наши ряды против «новых людей». Нельзя давать им места даже в самом заднем ряду этого почтенного учреждения! Что, спрашиваю я вас, может знать какой-то Гай Марий о сути Рима, о неувядаемых идеалах его традиционного правления? Я — принципеп Сената, лидер Палаты — места, где сохранен самый дух Рима! За те долгие годы, что я пребываю среди этих столь любимых мною стен, я никогда не видел человека более коварного, опасного, вероломного, чем Гай Марий! Дважды за три месяца он захватил свято чтимые прерогативы Сената и швырнул их на грубый алтарь народа! Сначала он ликвидировал наш сенаторский эдикт, по которому Квинту Цецилио Метеллу был продлен срок консульства в Африке. А теперь, чтобы удовлетворить собственные амбиции, он эксплуатирует невежество народа, желая получить от него власть вербовать солдат. Это противоестественно, бессовестно, безрассудно и неприемлемо!

На собрании присутствовали все. Из трехсот сенаторов свыше двухсот восьмидесяти явились на эту сессию Палаты — вытащенные Скавром и другими лидерами Палаты из своих домов и даже поднятые с одра болезни. Они сидели на своих низких складных стульях в три яруса по обе стороны курии, как огромный выводок белоснежных кур на шестах в просторном курятнике. Только пурпур на тогах старших магistratov нарушал эту белизну. Десять народных трибунов восседали на длинной деревянной скамье. По другую сторону, отдельно от основной массы, разместились два курульных эдила, шесть преторов и два консула — на красивых резных креслах из слоновой кости, поставленных на возвышении в дальнем конце зала, напротив огромных бронзовых дверей.

На этом же возвышении находился и Гай Марий — рядом, но чуть позади старшего консула Кассия. Такое расположение было чисто традиционным. Марий выглядел спокойным, удовлетворенным, как кот. Он слушал Скавра без смятения, без гнева. Дело сделано. Он получил необходимый мандат. Он мог позволить себе быть великолюбным.

— Палата должна сделать все возможное, чтобы ограничить полномочия, которые Гай Марий предоставил простолюдинам. Простолюдины должны оставаться тем, чем были всегда, — бесполезным сбродом голодных ртов, о которых мы, более привилегированные, должны заботиться — и никогда не требовать взамен никаких услуг. Раз пролетарий не делает для нас никакой работы, не приносит нам никакой пользы, значит, он не более чем просто зависимый человек. Как жена римлянина, которая не трудится и не обладает властью, не имеет голоса. Простолюдин не может ни на что претендовать, не может требовать от нас то, чего мы не хотим дать, ибо он ничего не делает. Он просто существует. Но благодаря Гаю Марии мы оказались лицом к лицу с проблемами и нелепостями того, что я должен называть «армией профессиональных солдат» — людей, у которых нет иного источника дохода, иного способа обеспечить себе существование, людей, которые захотят оставаться в армии от кампании до кампании, людей, которые обойдутся государству в огромные суммы. И еще, почтенные сенаторы, теперь эти люди будут утверждать, что отныне имеют право голоса в решающих вопросах, поскольку они служат Риму. Вы слышали народ? Сенаторы, которые ведут дела Казначейства и распределяют общественные фонды, должны порыться в сундуках и найти там деньги, чтобы обеспечить армию Гая Мария оружием, снаряжением и всем другим, необходимым для ведения войны. Такова воля народа Рима. Народ также велел нам платить этим солдатам регулярно, а не в конце кампании, когда у нас появляются трофеи, за счет которых мы можем возместить издержки. Снабжение армий из неимущих сломает финансовый хребет государства!

— Чепуха! — возразил Марий. — В казне денег столько, что Рим не знает, что с ними делать! Вы, почтенные сенаторы, никогда их и не тратили! Вы только копите и прячете.

Поднялся ропот, лица стали покрываться пятнами, но Скавр поднял правую руку, призывая к порядку:

— Да, казна Рима полна! Но так и должно быть! Даже при крупных затратах на общественные работы, которые я определял в бытность мою цензором, казна оставалась полной. Но в прошлом были времена, когда она действительно пустела. Три войны, которые мы вели с Карфагеном, подвели нас к самому краю финансового краха. Так что плохого в том, спрашиваю я вас, чтобы постараться предотвратить подобное? Пока казна полна, Рим будет процветать.

— Рим будет процветать куда больше, если его неимущие граждане получат деньги, которые они смогут тратить, — сказал Марий.

— Это не так, Гай Марий! — воскликнул Скавр. — Голодранцы растранижирят свои деньги по мелочам. Эти средства уйдут из обращения и не дадут прироста.

Он отошел от своего стула в первом ряду и встал около больших бронзовых дверей, откуда обе стороны Палаты могли хорошо видеть и слышать его.

— Я говорю вам, почтенные сенаторы, что в будущем мы должны, не щадя сил, противиться, если консул захочет воспользоваться законом Манлия и набрать рекрутов из неимущих. Народ приказал нам оплатить именно армию Гая Мария, но в законе не сказано, что мы должны оплачивать любую армию, какая будет набираться впоследствии! И такой линии поведения мы должны придерживаться и впредь. Пусть следующий консул соберет всех нищих, каких только захочет, чтобы пополнить ряды своих легионов. Но когда он обратится к нам, хранителям денег Рима, мы должны будем отказать ему. Государство не может позволить себе финансировать полевое обеспечение армии нищих, это ясно. Нищие — ленивые, безответственные люди, они не уважают имущество, ни движимое, ни недвижимое. Будет ли человек беречь полученную даром кольчугу как свою собственную? Нет! Конечно, не будет! Зачем? Ведь она не стоила ему ни гроша. Он оставит ее ржаветь на солненом воздухе или под дождем. Он вытащит колья из палатки и забудет взять ее с собой или сложит ее в ногах кровати какой-нибудь иноземной шлюхи. А потом еще будет удивляться, почему эта женщина ночью украла ее, чтобы отдать своему приятелю скордиску! А что будет потом, когда эти нищие уже не смогут служить в легионах? Наши традиционные солдаты имеют собственность, у них есть дома, куда они возвращаются. Неимущие ветераны будут представлять для нас серьезную опасность. Многим ли из них удастся скопить сколько-нибудь денег из тех, что государство будет им платить? Многие ли из них положат в банк свою долю в трофеях? Нет. И в конце своей оплачиваемой службы возвратиться им будет некуда. У них не будет дома, не будет средств к существованию. Ах да, я слышу, как вы говорите: «А нам-то какое до этого дело? Они же всегда кое-как сводят концы с концами!» Но, почтенные сенаторы, эти армейские неимущие за годы военной службы привыкли к тому, что государство их кормит, одевает, дает им жилище. После отставки они лишатся всего этого. Они будут очень недовольны. Любая жена, которую сначала избаловали, а потом начали отказывать в деньгах, становится сварливой. И вот тогда-то от нас потребуют, чтобы мы изыскали возможность платить этим нищим ветеранам пенсии! Этого нельзя допустить! Я повторяю, коллеги, члены возглавляемого мною Сената: наша будущая тактика должна быть направлена на то, чтобы вырвать жало у тех бессовестных, кто вербует солдат среди нищих!

Гай Марий поднялся, чтобы ответить:

— Более близорукое и странное отношение трудно найти даже в гареме парфянского сатрапа, Марк Эмилий! Почему ты отказываешься понимать? Если Рим хочет сохранить то, что сегодня принадлежит ему, тогда он должен вкладывать деньги во всех своих людей, включая и тех, кто не имеет права голосовать в центуриях! Мы допустили, чтобы военные кампании выкосили наших земледельцев и мелких предпринимателей! Мы бездумно посыпали их сражаться, поставив во главе легионов таких безмозглых, некомпетентных начальников, как Карбон и Силан, — о, ты здесь, Марк Юний Силан! Извини! Что плохого в том, чтобы воспользоваться услугами очень многочисленного слоя нашего общества, слоя, который до этого времени был Риму не полезнее, чем сиськи буйволу? Если единственным возражением на это является то, что нам придется немного потратить казну, — в таком случае мы глупы и близоруки! Ты, Марк Эмилий, говоришь, что неимущие окажутся плохими солдатами. Ну а я убежден, что они будут замечательными солдатами! Неужели мы так и будем стенаст по поводу необходимости платить им? И

откажем им в вознаграждении в конце их службы? Вот чего ты добиваешься, Марк Эмилий! А вот мне бы хотелось, чтобы государство выделило некоторые общественные земли для того, чтобы после отставки солдат-простолюдин мог получить небольшой участок земли. Своего рода пенсия. И вливание свежей крови в ряды наших мелких землевладельцев, поредевших в десятки раз. Что принесет это Риму, кроме пользы? Почему вы не хотите понять, что Рим может стать богаче только в том случае, если захочет разделить свое процветание, образно говоря, не только с «китами», но и с «кильками»?

Вся Палата вскочила, заорала, и Луций Кассий Лонгин, старший консул, решил, что благоразумнее закрыть собрание и распустить почтенных отцов Сената.

Марий и Сулла поставили целью найти двадцать тысяч четыреста восемьдесят пехотинцев, пять тысяч сто двадцать нестроевых вольноотпущенников, четыре тысячи нестроевых рабов, две тысячи конников и две тысячи нестроевых солдат для обеспечения кавалерии.

— Я возьму на себя Рим, а ты — Лаций, — мурлыкая от удовольствия, сказал Марий. — Я сильно сомневаюсь, что нам придется далеко углубляться в Италию. Мы на правильном пути, Луций Корнелий! Что бы они ни делали, мы все-таки правы. Я направил Гая Юлия, нашего тестя, поговорить с оружейниками и подрядчиками, а кроме того, послал в Африку за его сыновьями. Мы можем их использовать. Я не считаю, что Секст или Гай Младший способны стать настоящими лидерами, но они — отличные исполнители, трудолюбивые и умные, а еще преданные.

Они прошли в кабинет, где Мария ждали двое. Один — сенатор лет тридцати пяти, чье лицо показалось Сулле смутно знакомым. Другой — молодой человек лет восемнадцати. Марий представил их своему квестору:

— Луций Корнелий, это — Август Манлий, которого я попросил быть моим старшим легатом.

Сенатор. «Один из патрициев Манлиев, — подумал Сулла. — Марий действительно имеет друзей и клиентов во всех слоях общества.

— А этот молодой человек — Квинт Серторий, сын моей кузины Марии из Нерсии, мы зовем ее Рия. Я определил его в мой личный штат.

«Сабинянин», — определил Сулла. Он слышал, что они бесценны в армии — не вполне управляемые, но отчаянно храбрые, неукротимого духа.

— Ну хорошо, пора за работу, — произнес Марий, человек дела, человек, который двадцать лет ждал, чтобы воплотить в жизнь свое представление о римской армии. — Разделим наши обязанности. Август Манлий, ты отвечаешь за мулов, тележки, оборудование, нестроевые службы и за все снабжение, от провианта до баллист. Мои шурины, оба Юлия Цезаря, должны вот-вот приехать — они помогут тебе. Я хочу, чтобы ты был готов отплыть в Африку к концу марта. Ты можешь рассчитывать на любую помощь, какая тебе понадобится, но позволь дать совет: сначала поищи нестроевых солдат и выбери из них лучших, чтобы взять с собой. Так ты сэкономишь деньги и заодно начнешь обучать новобранцев.

Молодой Серторий смотрел на Мария, явно очарованный. А Сулла был очарован Серторием — даже больше, чем Марием, к которому он уже привык. Не то чтобы Серторий был для негоексуально привлекателен, вовсе нет. Но в сабинянине чувствовалась мощь, странная в таком молодом человеке. По достижении зрелости он обещал стать необыкновенно сильным физически. Высокий — но мускулы уже так развиты, что создавалось впечатление, будто Серторий совсем небольшого роста. У него была квадратная голова на короткой шее и пара чудесных светло-карих глаз, глубоко посаженных — неотразимых.

— Сам я намерен отправиться в конце апреля с первой группой солдат, — продолжал Марий, удивленно поглядывая на Суллу, — А ты, Луций Корнелий, продолжай набирать легионы и найди мне приличную кавалерию. Я буду счастлив, если ты управишься со всем и отплывешь к концу июля. — Он повернул голову к Серторию, ухмыльнулся: — Что касается тебя, Квинт Серторий, тебе я покоя не дам, будь уверен. Я не хочу, чтобы про меня говорили, будто я держу при себе родственников без дела.

Парень улыбнулся, медленно и задумчиво.

— А я не люблю покоя, Гай Марий, — сказал он.

Неимущие повалили записываться в легионы толпами. Рим никогда не видел ничего подобного. И в Сенате никто не ожидал такой реакции — и от кого! От презренной черни! Сенаторы никогда не утруждались всерьез озаботиться судьбой этих людей — разве что во времена нехватки зерна, когда благоразумнее было снабжать неимущих дешевым хлебом, чтобы избежать мятежа.

За несколько дней число добровольцев, обладающих статусом римских граждан, достигло двадцати тысяч четырехсот восьмидесяти, но Марий не прекратил набора.

— Записывай всех желающих, — сказал он Сулле. — У Метелла шесть легионов, и я не понимаю, почему бы мне не иметь столько же. Особенно если за все платят государство! Такого больше никогда не будет, если верить нашему дорогому Скавру. А Риму могут понадобиться два лишних легиона — инстинкт мне подсказывает. Во всяком случае, в этом году военной кампании у нас не намечается, поэтому сосредоточимся на обучении и снаряжении. Хорошо то, что эти шесть легионов будут целиком составлены из римских граждан, а не из итальянских наемников. Это означает, что на будущее у нас сохраняется резервная возможность использовать итальянских proletarii — пролетарии.

Все шло по плану. Впрочем, удивляться не приходилось, поскольку Гай Марий все взял в свои руки. К концу марта Август Манлий был уже на пути из Неаполя в Утику. На его транспортные корабли были погружены мулы, баллисты, катапульты, оружие, провиант — тысяча и одна мелочь для обеспечения боеспособности армии. Как только Август Манлий высадился в Утике, корабли возвратились в Неаполь и взяли на борт Гая Мария с двумя из шести легионов. Сулла задержался в Италии — сформировать еще четыре легиона, снабдить их необходимым и набрать кавалерию. Он отправился на север, в районы Итальянской Галлии, на противоположный берег реки Пад, где и навербовал великолепных конников из галло-кельтов.

Армия Мария была поистине новшеством в военном искусстве Рима. Не только потому, что состояла почти исключительно из неимущих. В легионы пришли люди, совершенно не знакомые с традициями военной службы. Они понятия не имели, в чем она состоит. И следовательно, не в состоянии были ни противиться изменениям, ни противопоставить им что-либо свое.

За долгие годы старое тактическое подразделение, называемое манипулой и насчитывающее шестьдесят — сто двадцать человек, доказало, что оно слишком малочисленно. Старой манипуле не под силу стало состязаться с огромными недисциплинированными армиями — теперешним противником легионов. На практике манипулу постепенно вытесняла когорта, бывшая в три раза больше. Но до сих пор никто не перестраивал легионы и не реорганизовывал иерархию центурионов, чтобы иметь дело с когортами, а не с манипулами. А Гай Марий сделал это в первый же год своего консульства, за весну и лето. Теперь манипула как самостоятельная боевая единица официально перестала существовать. Она лишь красиво вышагивала на парадах. На практике осталась когорта — она была куда более эффективна.

Однако в этой новой армии начали возникать непредвиденные препятствия. Прежние солдаты Рима умели читать и считать, поэтому легко распознавали на флагах и легионных значках числа, буквы, символы. Неимущие были неграмотны. Сулла составил программу, согласно которой в каждом подразделении из восьми человек, которые жили и питались вместе, должен находиться хотя бы один грамотный. За вознаграждение он обязывался обучать своих товарищей, чтобы те узнавали числа, буквы, символы и штандарты. По возможности он должен был научить их всех читать и писать. Но дело продвигалось медленно. С полной грамотностью пришло подождать до того времени, когда зимние дожди в Африке сделают кампанию невозможной.

Сам Марий придумал новый объединительный символ для своих легионов — простой, но очень выразительный, и внимательно проследил за тем, чтобы всей армии внушили к нему благоговение и суеверный ужас. Каждому легиону он дал красивого серебряного aquila — орла с распластертыми крыльями на очень высоком посеребренном шесте. Орла должен нести

aquilifer — знаменосец, человек, признанный лучшим воином своего легиона. Это была впечатительная фигура, облечённая в львиную шкуру и серебряные доспехи. «Орел, — говорил Марий, — всегда был для Рима символом легиона. Каждый солдат обязан дать страшную клятву, что скорее умрет, чем позволит орлу своего легиона попасть в руки врага».

Конечно, Гай Марий точно знал, что делает. Он отдал армии половину жизни, имел о легионах собственное — и очень твердое — мнение и знал о солдатской жизни куда больше любого аристократа. Времени для наблюдений и выводов было у него предостаточно. Слишком долго личные его достижения занижали, а неоспоримые способности использовали для продвижения вышестоящих. Гай Марий ждал своего консульства очень долго — и думал, думал, думал...

Реакция Квinta Цецилия Метелла на переворот, спровоцированный Марием в Риме, удивила даже его сына. Метелл всегда считался рациональным человеком, способным вполне управлять своими эмоциями. Но когда до него дошла весть о том, что право командования в Африке у него отобрано и передано Марию, он словно помешался — прилюдно рыдал, вопил, рвал на себе волосы, царапал грудь. И происходило все это, к большому удивлению карфагенского населения, не в уединении, а на рынке Утики. Даже после того как первый шквал горя миновал и Метелл удалился в свою резиденцию, одного только упоминания имени Мария было достаточно, чтобы вызвать новый шумный поток слез. И еще множество непонятных слов — о Нуманции, каком-то «трио» и каких-то свиньях.

Однако письмо, полученное от старшего консула Луция Кассия Лонгина, очень воодушевило Метелла. Несколько дней он потратил на демобилизацию своих шести легионов, получив при этом их согласие вновь записаться в армию Луция Кассия сразу по прибытии в Италию. Ибо, как сказал ему в письме Кассий, в Заальпийской Галлии, в кампании против германцев и их союзников вольков-текtosагов, он намерен добиться куда большего, чем высокочка Марий — в Африке, да еще без войска.

Ничего не зная о том, что Марий решил проблему с армией (он не узнает об этом до самого своего возвращения в Рим), Метелл покинул Утику в конце марта, забрав с собой все шесть легионов. Он отправился в порт Гадрумет, расположенный в сотне миль к юго-востоку от Утики, и там сидел и дулся, пока не услышал, что Марий прибыл в провинцию принимать командование. Ждать Мария в Утике Метелл оставил Публия Рутилия Руфа.

Так что, когда Марий приплыл, на пирсе его приветствовал Рутилий Руф, который и передал ему провинцию — официально.

— А где Свинка? — осведомился Марий, когда они отправились в губернаторскую резиденцию.

— В сильнейшем раздражении удалился в Гадрумет со всеми своими легионами, — вздохнул Рутилий. — Он поклялся Юпитером Статором никогда тебя не видеть и с тобой не разговаривать.

— Ну и дурак, — усмехнулся Марий. — Ты получил мои письма о комплектации новых легионов из числа неимущих граждан?

— Конечно. С тех пор как здесь Август Манлий, у меня уже уши заболели от хвалебных песен в твой адрес. Блестящая идея, Гай Марий! — Но когда Рутилий посмотрел на Мария, он не улыбался. — Они заставят тебя заплатить за эту безрассудную смелость, старина. О, как же дорого заставят они тебя заплатить!

— Они этого не сделают, ты же знаешь. Я добился от них того, чего хотел. И клянусь всеми богами, я буду держать их в руках до самой моей смерти! Я намерен стереть Сенат в порошок!

— Тебе это не удастся. Это Сенат в конце концов сотрет тебя в порошок.

— Никогда!

Рутилий Руф так и не смог его переубедить.

Утика была великолепна. Красивый, чистый город, оштукатуренные дома, заново побеленные после зимних дождей, цветущие деревья, расслабляющее тепло, ярко одетые люди. На рыночных площадях полным-полно лавочек и закусочных, а в центре площадей — тенистые деревья. Камни мостовых выглядят чистыми, подметенными. Как во многих римских, ионийских и карфагенских городах, здесь работала хорошая система стоков. Имелись общественные бани. Вода поступала по акведукам, проложенным по красивым склонам гор, окружающих город и кажущихся на расстоянии голубыми.

— Публий Рутилий, чем ты собираешься заняться? — спросил Марий, когда они устроились в кабинете губернатора. С приятным удивлением Марий смотрел, как прежние слуги Метелла теперь отвешивают почтительные поклоны ему, Гаю Марию. — Не хочешь остаться здесь как мой легат? Я не предлагал высшего поста Августу Манлию.

Рутилий энергично замотал головой:

— Нет, Гай Марий, я поеду домой. Поскольку Свинка уезжает, мой срок закончился, да и Африка мне надоела. Откровенно говоря, я не мечтаю увидеть Югурту в цепях. А теперь, когда командовать будешь ты, именно так оно и произойдет. Нет, впереди меня ждут Рим и отдых. Наконец-то у меня появится возможность что-нибудь написать, завести друзей.

— А что, если когда-нибудь, не в очень далеком будущем, я попрошу тебя выставить свою кандидатуру на должность консула — в качестве моего коллеги?

Недоумевая, Рутилий пристально посмотрел на него:

— А теперь что ты задумал?

— Мне было предсказано, что я стану консулом Рима семь раз.

Любой другой засмеялся бы, ну, хотя бы ухмыльнулся. Или просто не поверил. Но только не Публий Рутилий Руф. Он знал своего Мария.

— Великая судьба. Она ставит тебя выше тебе равных, а я слишком римлянин, чтобы это одобрить. Но если такое предназначено тебе судьбой, ты не можешь ничего изменить. Хотел бы я быть консулом? Да, конечно! Я считаю своим долгом прославить фамилию. Только пусть это случится тогда, когда я буду тебе нужен, Гай Марий.

— Согласен, — ответил Марий, удовлетворенный.

Когда новость о назначении командующим Мария достигла двух африканских царей, Бокх испугался. Он немедленно кинулся домой, в Мавретанию, оставив Югурту против Мария без поддержки. Бегство тестя не обескуражило Югурту. Не страшило его и новое положение Мария. Он навербовал себе солдат из гетулов и теперь выжидал подходящего момента, предоставив Марию сделать первый шаг.

К концу июня четыре из шести легионов уже находились в римской провинции Африка. Участвуя в небольших стычках, попутно грабя города и земли, новые солдаты прошли боевое крещение, и в конце концов Марии удалось объединить их в сильную маленькую армию. Югурта оценил размер римской армии, просчитал последствия того обстоятельства, что она сформирована из неимущих, и решил рискнуть — дать сражение и отвоевать Цирту.

Но Марий пришел прежде, чем город мог пасть, и не оставил Югурте иного выхода, как сражаться. Наконец-то солдаты Мария получили возможность поставить в тупик своих римских критиков. Ликующий Марий написал впоследствии в Сенат, что его войска из бедняков вели себя великодолно. Отсутствие недвижимости в Риме ничуть не повредило их боевому духу. Фактически армия Мария разгромила Югурту, так что тот сам вынужден был бросить щит и копье и бежать, пока его не схватили.

Едва только прослышил об этом, царь Бокх направил к Марии посольство, умоляя того дозволить ему снова стать клиентом Рима. Но Марий ничего не ответил. А Бокх все продолжал слать послов. Наконец Марий согласился принять депутатию, которая тотчас по возвращении доложила царю: мол, Марий ни на каком уровне не желает иметь с ним никакого дела. Бокх остался грызть ногти и терзаться — зачем он только поддался на уговоры Югурты!..

Марий постепенно, милю за милю, забирал у Югурты нумидийскую территорию, заселенную оседлыми племенами. Отрезая Югурту от богатых речных долин и побережья, он добивался того, чтобы царю негде стало набирать войска и пополнять запасы. Кроме того, Марий стремился не дать противнику получать дополнительные источники дохода. Только среди гетулов и

гарамантов, берберских племен, кочевавших во внутренней Нумидии, мог Югурта теперь найти поддержку и спасти свои сокровища от алчных римлян.

В июне Юлилла родила семимесячную болезненную девочку, а в конце квинтилия ее сестра Юлия произвела на свет крупного, здорового, хорошо выношенного мальчика — братика младшему Марию. Но так получилось, что несчастный ребенок Юлиллы выжил, а сильный сынишка Юлии умер, когда в сектении, на исходе лета, зловонные испарения прятнули свои щупальца по холмам Рима и разразилась эпидемия брюшного тифа.

— Я думаю, девочка в полном порядке, — сказал Сулла жене. — Но прежде чем я отправлюсь в Африку, ты должна снова забеременеть и на этот раз родить мальчика.

Юлилла очень огорчало, что она родила Сулле эту жалкую дочь — вечно скучающую, постоянно срыгивающую. Она с энтузиазмом приступила к выполнению поставленной задачи. Странно, но Юлилла перенесла свою первую беременность и рождение ребенка намного легче, чем ее сестра Юлия, хотя сама была нездорова и постоянно раздражалась. А Юлия, куда более устойчивая — и физически, и эмоционально, — вторую беременность перенесла очень тяжело.

— По крайней мере, у нас есть девочка, чтобы вовремя отдать ее замуж за нужного человека, — сказала Юлилла Юлии осенью. К этому времени Юлилла уже знала, что опять беременна. — Надеюсь, на этот раз будет мальчик. — У нее был насморк, она чихнула, стала искать носовой платок.

Еще не оправившаяся от своего горя, Юлия вдруг осознала, что теперь испытывает куда меньше симпатии к младшей сестре. Юлия поняла наконец, почему их мать Марсия мрачно говорила, что Юлилла немного тронутая. «Забавно, — подумала она, — можно вырасти рядом с кем-то и так никогда и не понять, что происходит с этим человеком...»

Юлилла быстро взросла — не физически и даже не умственно; скорее, взросла ее душа, и этот процесс оказался разрушительным. Голодовка в некотором смысле подточила ее. Вряд ли Юлилла теперь способна быть просто счастливой. А может быть, эта сегодняшняя Юлилла всегда скрывалась под смешками и глупостями, таилась за обворожительными девичьими проказами, которые так очаровывали остальных членов семьи.

«Хочется верить, что эту перемену все-таки вызвала болезнь, — печально подумала Юлия. — Всегда хочется найти какую-то внешнюю причину, иначе придется признать, что изъян имелся в ней от рождения...»

Единственным достоинством Юлиллы будет только ее красота — эта волшебная медово-янтарная кожа, грациозные движения, безукоризненные черты лица. Но сейчас под ее огромными глазами появились темные круги, по обеим сторонам носа пролегли глубокие морщины, углы рта опустились. Да, Юлилла выглядела утомленной, недовольной, беспокойной. В ее голосе зазвучали жалобные нотки, она научилась тяжело вздыхать — пусть несознательно, но это сильно раздражало. Как и ее привычка сопеть.

— У тебя есть вино? — вдруг спросила она сестру.

Юлия удивленно посмотрела на Юлиллу. Она была неприятно поражена и в то же время недовольна собой, своей реакцией. Что за старомодное отношение к жизни! В конце концов, теперь многие женщины пьют вино, и это больше не считается признаком морального падения. Так продолжали думать только в тех кругах, которые сама Юлия находила невыносимыми и лицемерными. И все же... когда твоя младшая сестра, которой едва минуло двадцать, юная женщина, выросшая в доме Гая Юлия Цезаря, с самого утра просит у тебя вина — только вина, еще до трапезы, без присутствия мужчины, — да, это впечатляет!

— Конечно, у меня есть вино, — мягко отозвалась Юлия.

— Я бы выпила немного, — сказала Юлилла. Ей не хотелось просить. Так неприятно обнажать свою душу перед старшей, более сильной и более удачливой сестрой, заранее зная, что та не одобрят.

В эти дни Юлилла не могла выносить свою семью. Родные не интересовали ее, надоедали. Особенно ее раздражала всеми обожаемая Юлия, жена консула, быстро ставшая одной из самых уважаемых молодых матрон Рима. Юлия никогда не поступит неправильно. Довольная своей судьбой, добродетельная Юлия любит своего вечно отсутствующего Гая Мария. Образцовая жена, образцовая мать. Боги! Как скучно.

— Ты обычно пьешь вино по утрам? — спросила Юлия как можно спокойнее.

Пожатие плеч, взмах руками, горящий взгляд — о, стрела попала в цель! Но Юлилла отказывалась принимать выпад всерьез:

— Ну, Сулла пьет, и ему нравится иметь компанию.

— «Сулла»? Ты зовешь его вот так запросто, по когномеру — прозвищу?

Юлилла рассмеялась:

— Ох, Юлия, ты невозможна старомодна! Конечно, я зову его по прозвищу! Знаешь, ведь мы с ним живем не в Сенате! Сейчас все люди из нашего круга зовут друг друга по прозвищам. Это — шик. Кроме того, Сулле это нравится. Он говорит, что «Луций Корнелий» заставляет его чувствовать себя так, словно ему тысяча лет!

— Тогда я действительно старомодна, — сказала Юлия, стараясь не быть слишком серьезной. Вдруг улыбка осветила ее лицо. Наверное, сейчас так ложился в помещении свет, но Юлия определенно выглядела моложе своей младшей сестры. И красивее. — Но у меня есть оправдание! У Гая Мария нет прозвища!

Принесли вино. Юлилла налила себе прямо в бокал, не обратив внимания на алебастровый графин с водой.

— Я часто думала об этом, — проговорила она и стала жадно пить. — После того как он побьет Югурту, он непременно найдет для себя какое-нибудь выразительное прозвище. «Нумидийский»! Это следовало бы сохранить для Гая Мария!

— Метелл Нумидийский, — произнесла Юлия, педантично относящаяся к фактам, — получил право на триумф, Юлилла. Он уничтожил достаточно много нумидийцев и добыл достаточно много трофеев. И если он захотел назвать себя «Нумидийским» и Сенат дозволил ему это, то так тому и быть. Кроме того, Гай Марий всегда говорит, что простого латинского имени его отца ему вполне достаточно. Есть только один Гай Марий, а Цецилиев Метеллов десятки. Подожди, и увидишь: мой муж будет Первым Человеком в Риме, и только благодаря своим исключительным способностям.

Юлия, произносящая панегирик Гаю Марию, — отвратительно! Чувства Юлиллы к зятю представляли собой смесь естественной благодарности за его щедрость и презрения, приобретенного ею от ее новых друзей. Все они относились к нему свысока, считали высокочкой и, как следствие, презирали его жену.

Юлилла снова налила себе вина и сменила тему.

— Вино неплохое, сестричка. Должна сказать, у Мария достаточно денег, чтобы баловать себя. — Она снова осушила бокал, но уже не так жадно, как первый. — Ты влюблена в Мария? — спросила она, вдруг поняв, что и в самом деле до сих пор не знает этого.

Ого, румянец! Недовольная тем, что выдала себя, Юлия, как бы обороняясь, ответила:

— Конечно, я люблю его! И очень без него скучаю. Ведь в этом нет ничего дурного — даже для тех, кто вращается в твоих кругах. Разве ты не любишь Луция Корнелия?

— Да! — ответила Юлилла, теперь защищаясь сама. — Но я не скучаю по нему, когда его нет, уверяю тебя! Уж во всяком случае, раз он уехал на два-три года, значит, я не забеременею сразу же после рождения очередного ребенка. — Она засопела. — Ходить повсюду, превознося его таланты, — не в этом заключается мое понятие о счастье. Мне нравится плыть по воздуху, словно перышко... Я ненавижу чувствовать тяжесть! Все то время, что я замужем, я или беременна, или прихожу в себя после родов!

Юлия сдержалась.

— Это твоя работа — быть беременной, — холодно произнесла она.

— Почему женщины сами не могут выбрать себе занятие? — воскликнула Юлилла, готовая вот-вот заплакать.

— О, не будь смешной! — резко оборвала ее Юлия.

— Ужасно жить жизнью другого человека, — возмутилась Юлилла, почувствовав наконец, что вино подействовало. Она повеселела, сделала над собой усилие и улыбнулась. — Давай не будем ссориться, Юлия! Мне достаточно и того, что мама не может относиться ко мне нормально.

И это правда, призналась себе Юлия. Марсия до сих пор не простила Юлилле ее поведения по отношению к Сулле. Хотя почему — так и осталось тайной. Холодность их отца длилась всего несколько дней, после чего он стал относиться к Юлилле с прежней теплотой. Как он радовался, когда она начала выздоравливать! Но неприязнь матери не проходила. Бедная, бедная Юлилла! Неужели Сулле действительно нравится, чтобы она по утрам пила с ним вино, или это просто служит ей оправданием? «Сулла!» Вот уж действительно! Никакого уважения.

Сулла прибыл в Африку в конце первой недели сентября с последними двумя легионами и двумя тысячами великолепных кельтских кавалеристов из Италийской Галлии. Он застал Мария в родовых муках организации решающей экспедиции в Нумидию. Марий очень обрадовался и немедленно включил его в работу.

— Даже с недоукомплектованной армией я заставил Югуруту бежать! — радостно сообщил Марий. — Теперь, когда ты здесь, мы предпримем кое-что еще, Луций Корнелий.

Сулла передал ему письма от Юлии и Гая Юлия Цезаря, а потом набрался храбрости и выразил соболезнование по поводу смерти его второго сына, которого он так и не увидел.

Сулла чувствовал себя неловко из-за того, что его похожая на крысеныша дочка, Корнелия Сулла, упрямо продолжала жить, когда прекрасный мальчик Марк Марий мертв.

Тень пробежала по лицу Мария, но он заставил ее быстро исчезнуть.

— Благодарю, Луций Корнелий. Время еще есть, будут другие дети. К тому же у меня есть младший Марий. Надеюсь, ты оставил мою жену и младшего Мария в добром здравии?

— Они здоровы. Как и все Юлии Цезари.

— Хорошо!

И личные дела были отложены на потом. Марий прошел к своему рабочему столу, где была разложена огромная карта, нанесенная на специально выделанную кожу теленка.

— Ты как раз вовремя. Мы собираемся навестить Нумидию. Через восемь дней отправляемся в Капсу.

Внимательные карие глаза Мария впились в лицо Суллы — облупившееся и покрытое пятнами солнечных ожогов.

— Советую тебе, Луций Корнелий, побродить по рынкам Утики и поискать себе шляпу с широкими полями. Очевидно, все лето ты ходил по Италии. Но в Нумидии солнце куда жарче — здесь оно беспощадное. Ты горишь, как сухое дерево.

Марий был прав. Белоснежной коже Суллы сильно досталось во время многомесячных разъездов по Италии, когда он обучал солдат и — как можно незаметнее — обучался сам. Гордость не позволяла ему бездельничать в тени, когда другие храбро жарились на солнце, и гордость же заставляла его носить афинский шлем, свидетельствующий о его высоком статусе, но не спасающий от солнечных лучей. Худшее было уже позади, но в его коже так мало содержалось пигмента, что он не загорел вовсе. Зажившие после ожогов участки остались такими же белыми, как и раньше. Хорошо хоть руки и ноги переносили солнечные лучи лучше.

Марий видел, как болезненно отреагировал Сулла на совет купить шляпу. Он сел и показал на поднос с вином:

— Угощайся и выслушай меня. Луций Корнелий, надо мной смеялись с тех самых пор, как я в семнадцать лет стал солдатом. Сначала я был слишком тощий и маленький, потом стал длинным и неуклюжим. Я не был греком, я был итальянцем, а не римлянином. Поэтому я понимаю то унизительное положение, в которое ты попал из-за своей нежной белой кожи. Но для меня, твоего командира, важнее, чтобы ты был здоров и чувствовал себя нормально. Нечего переживать из-за того, что твой облик будет мало соответствовать твоему высокому происхождению. Достань себе шляпу? Привяжи ее женским шарфом, или лентами, или пурпурно-золотым шнуром, если найдешь его. И смеяйся над ними сам! Считай шляпу знаком своей эксцентричности. И вскоре, ты увидишь, все перестанут ее даже замечать. И еще я рекомендую тебе найти какую-нибудь густую мазь. Смажь лицо. И если нужный тебе крем будет благоухать, как парфюмерная лавка, то что из этого?

Сулла кивнул, усмехнулся:

— Ты прав, совет отличный. Я сделаю так, как ты говоришь, Гай Марий.

Они помолчали. Марий был раздражителен, беспокоен, но не из-за Суллы — квестор понимал это. И вдруг Сулла догадался, в чем причина тревоги. Да разве и сам он не трудился с тем же самым чувством? Разве не охвачен им весь Рим?

— Германцы, — выговорил Сулла.

— Германцы, — подтвердил Марий и протянул руку, чтобы взять свой бокал с сильно разбавленным вином. — Откуда они пришли, Луций Корнелий, и куда они идут?

Сулла вздрогнул:

— Они идут на Рим, Гай Марий. Мы все это ощущаем — нутром. Откуда они пришли, мы не знаем. Должно быть, от самой Немезиды. Все, что мы знаем, — у них нет дома. Что нас страшит, они хотят сделать наш дом своим.

— Не дураки же они, — хмуро сказал Марий. — Конечно, хотят. Эти набеги в Галлию — лишь пробные, Луций Корнелий. Они просто выжидают, собираясь с духом. Они могут быть варварами, но даже самый последний варвар знает: если он хочет осесть где-то недалеко от Внутреннего моря, сначала ему придется иметь дело с Римом. Германцы придут.

— Согласен. Но ведь мы с тобой не одни. Так чувствуют сейчас все в Риме. Постоянное беспокойство, страх неотвратимого. И наши победы не помогают, — сказал Сулла. — Все вокруг словно говорилось помогать германцам. Есть такие — даже в Сенате! — кто везде и повсюду трубят о нашей обреченности, словно худшее уже случилось. Кое-кто поговаривает, что германцы — это кара богов.

Марий вздохнул:

— Не кара, а испытание. — Он поставил бокал и сложил руки. — Скажи мне, что ты знаешь о Луции Кассии? Официальные бумаги ни о чем мне не говорят. Лишь общие фразы.

Сулла поморщился:

— Он взял те шесть легионов, которые возвратились с Метеллом из Африки, — кстати, как тебе нравится «Нумидийский»? — и повел их по Домициевой дороге к торговому городу Нарбону, куда и явился в начале августа, после восьминедельного похода. Это тренированные войска, они могут передвигаться и быстрее, но никто не винит Луция Кассия за то, что он щадил людей перед трудной кампанией. Метелл Нумидийский решил не оставить в Африке ни одного солдата, поэтому легионы Кассия были усилены еще двумя когортами. Теперь у Кассия почти сорок тысяч пехотинцев, плюс крупное подразделение кавалеристов, которое он пополнял союзниками из галлов, — всего около трех тысяч. Большая армия.

— Это хорошие солдаты, — сказал Марий задумчиво.

— Знаю. Я видел их, когда они шли через долину Пада к Генавскому перевалу. В то время я как раз набирал кавалерию. И хотя тебе будет трудно поверить, Гай Марий, но я никогда прежде не видел римской армии на марше. Они шли шеренгой за

шеренгой, все хорошо вооружены и оснащены, с приличным обозом. Я никогда не забуду этого зреища! — Он вздохнул. — Кажется, германцы соединились с вольками-текtosагами, которые считают себя их кровными родственниками и поэтому отдали им землю к северу и востоку от Толозы.

Карта 4. Длинноволосая Галлия и римская провинция

— Галлы — почти такая же тайна для нас, как и германцы, Луций Корнелий, — сказал Марий, подаввшись вперед. — Но согласно докладам, галлы и германцы — не одна раса. Как могли вольки-текtosаги называть себя родственниками германцев? В конце концов, вольки-текtosаги даже не длинноволосые галлы. Они обитали в окрестностях Толозы еще до того, как Испания стала нашей. И говорят они по-гречески, и торгуют с нами. Так почему?

— Не знаю. Кажется, и никто не знает, — сказал Сулла.

— Извини, что прервал. Продолжай.

— Луций Кассий направился от побережья возле Нарбона вдоль дороги, которую проложил Гней Домиций, и довел свою армию до хорошего места недалеко от самой Толозы. Армия пришла в полную боевую готовность. Вольки-текtosаги образовали тесный союз с германцами, поэтому против наших войск выступила могучая сила. Однако Луций Кассий вынудил их сражаться в правильном месте — и крепко побил. Типичные варвары, они не остались там, где потерпели поражение. Побежали подальше от Толозы и от нашей армии. — Он помолчал, хмуриясь, отпил немного вина, поставил бокал. — Я узнал это от самого Попилия Лената. Он прибыл из Нарбона морем, как раз перед моим отъездом.

— Бедняга, вот кто сделается козлом отпущения для Сената, — сказал Марий.

— Конечно, — согласился Сулла, подняв свои рыжие брови.

— В докладах говорится, что Кассий преследовал убегающих варваров, — заметил Марий, желая продолжить тему.

Сулла кивнул:

— Так оно и было. Они дошли до берегов Гарумны и двинулись по направлению к морю, когда Кассий увидел, что германцы и галлы покидают Толозу в полном смятении. Как, собственно, и ожидалось. Думаю, он искренне презирал их, считал простыми, туповатыми варварами. Он даже не потрудился построить армию в боевой порядок, когда стал преследовать их.

— Он не построил свои легионы в оборонительную позицию на марше? — недоуменно переспросил Марий.

— Нет. Он счел это преследование чем-то вроде обычного перехода. Он даже забрал с собой весь обоз, включая и добычу, взятую из германских повозок после того, как варвары бежали. Как тебе известно, римская дорога заканчивается у Толозы, поэтому иди вниз по течению Гарумны, по незнакомой территории, пришлось небыстро. Кассий больше всего беспокоился о том, чтобы защитить богатый обоз.

— Почему же он не оставил обоз в Толозе?

Сулла пожал плечами:

— Очевидно, не желал доверить никому то, что вольки-текtosаги оставили победителям в Толозе. Во всяком случае, к тому времени, как он добрался до Бурдигалы, прошло уже пятнадцать дней после битвы и у германцев и галлов хватило времени оправиться от поражения. Они вошли в Бурдигалу. Этот город намного больше обычного галльского укрепленного mestечка, там имеются внушительные оборонительные сооружения и большое количество оружия. Местные племена вовсе не хотели, чтобы на их земли ступила римская армия, поэтому они помогли, чем умели, германцам и галлам, дали им людей и предложили укрыться в стенах города. Вот тогда-то «тупые варвары» и подготовили для Луция Кассия весьма хитроумную ловушку.

— Дурак! — не выдержал Марий.

— Наша армия встала лагерем восточнее Бурдигалы. Кассий решил штурмовать город, а обоз он оставил в лагере под охраной в пол-легиона. Извини, я хотел сказать, пяти когорт. Скоро привыкну к новым названиям.

Марий улыбнулся:

— В этом я уверен. Но продолжай!

— Кажется, Кассий был совершенно убежден в том, что не встретит организованного отпора, поэтому он повел армию к Бурдигале, даже не сомкнув ряды, не построив когорт в каре. Он даже не выслал вперед разведчиков! И угодил в идеальную ловушку. Германцы и галлы буквально уничтожили нас. Сам Кассий убит вместе со своим старшим легатом. Говорят, Попилий Ленат оценивает наши потери под Бурдигалой в тридцать пять тысяч римских солдат, — заключил Сулла.

— Я так понял, что сам Попилий Ленат был оставлен охранять обоз и лагерь? — уточнил Марий.

— Правильно. Он слышал, конечно, шум сражения — еще бы! Крики и звон оружия разносился ветром на несколько миль! Но о поражении он узнал только тогда, когда к нему прибежала жалкая горстка римлян, спеша укрыться в лагере. И хотя он продолжал ждать, больше никто не пришел. Вместо этого явились германцы и галлы. Попилий Ленат говорит, что их были тысячи. Они плотным кольцом окружили лагерь. Это было похоже на нашествие мышей на гумно. Вся земля покрылась движущимися варварами. Они обезумели от победы! Вне себя от радости, германцы несли на пиках головы римлян и распевали боевые песни. Все они гигантского роста, волосы, намазанные глиной, стоят дыбом или желтыми косами свисают на грудь. Ужасающее зрелище, по словам Лената.

— В будущем нам придется привыкать к этому зреищу, Луций Корнелий, — мрачно заметил Марий.

— Ленат мог оказать им сопротивление — это правда. Но зачем? Ему казалось разумнее спасти остатки нашей армии для будущего, если только такое возможно. Поэтому он выбросил белый флаг и сам, с перевернутым копьем и пустыми ножами, вышел навстречу их вождям. И они пощадили его, пощадили всех уцелевших римлян. И, чтобы показать нам, какими жадными они нас считали, они даже оставили нам наш обоз! Они лишь забрали свои сокровища — те, что Кассий награбил в Толозе. — Сулла перевел дыхание. — Однако они составили арку из трех копий и прогнали под этим игом Попилия Лената и всех остальных — в знак полного их поражения. После этого они сопроводили римлян до Толозы и проследили, чтобы те ушли в сторону Нарбона.

— В последние годы мы слишком часто проходим под игом, — сказал Марий, скав кулаки.

— Конечно, это главная причина общего возмущения в Риме Попилием Ленатом, — продолжал Сулла. — Против него будут выдвинуты обвинения в измене. Но, судя по тому, что он сказал мне, сомневаюсь, чтобы он остался в Риме до суда. Думаю, он планирует собрать все ценности, какие у него есть, и сразу же отправиться в добровольную ссылку.

— Это разумное решение. По крайней мере, он сохранит то немногое, что сможет. Если он дождется суда, государство конфискует у него все. — Марий стукнул кулаком по карте. — Но мы не повторим ошибок Луция Кассия! Честно или обманом, но мы ткнем Югурту лицом в грязь! И тогда уж мы отправимся домой — требовать мандата у народа, чтобы драться с германцами!

— Ну, Гай Марий, за это я и выпью! — сказал Сулла, поднимая бокал.

Поход на Капсу, против всяких ожиданий, оказался успешным, но — как признали все — исключительно благодаря Марию, который блестяще провел кампанию. Его легат Август Манлий распустил среди кавалерии слухи, будто Марий отправляется в обычную фуражную экспедицию. Этой кавалерии Марий не слишком-то доверял, потому что среди конников имелось несколько нумидийцев. Правда, те утверждали, будто они — люди Рима и царевича Гауды. Благодаря предусмотрительности Гая Мария известие, которое Югурта получил от своих шпионов, совершенно не соответствовало действительности.

Таким образом, когда Марий появился с армией у Капсы, царь продолжал считать, что римлянин находится за сотню миль

оттуда. Никто не сообщал Югурте, что римляне уже запаслись водой и зерном, прежде чем пересечь засушливые земли между рекой Баграда и Капсой. Когда крепость, считавшаяся неприступной, вдруг увидела себя окруженной морем римских шлемов, она сдалась без боя. Но Югурте опять удалось бежать.

Настало время как следует проучить Нумидию, и особенно гетулов, решил Марий. Итак, несмотря на тот факт, что Капса не сопротивлялась, он разрешил своим солдатам разграбить ее, насиловать там и жесть. Все взрослое население крепости было перебито; ее сокровища и огромные деньги Югурты — погружены в римские повозки. Потом Марий вывел свою армию из Нумидии на зимние квартиры под Утикой. Это произошло еще задолго до начала дождей.

Его армия, состоявшая из неимущих граждан, заслужила отдых. Марию доставило большое удовольствие написать в Сенат сладкозвучное письмо (которое будет зачитывать там Гай Юлий Цезарь). В этой эпистоле Марий восхвалял решительность, храбрость и высокое состояние духа своей армии. Он не мог не добавить, что после потрясающее неумелого командования Луция Кассия Лонгина, его старшего коллеги-консула, Риму определенно понадобятся дополнительные армии, составленные из простого люда.

Вот что написал Публий Рутилий Руф в письме Гаю Марии в конце года:

О, как много видел я покрасневших лиц! Твой тестю огласил твое послание выразительным, зычным голосом, так что даже те, кто закинул уши, были принуждены услышать все до последнего слова. Метелл Сцинка, теперь известный как Метелл Нумидийский, выглядел так, словно вот-вот убьет кого-нибудь. Оно и понятно: его старая армия почти полностью уничтожена у Гарумны, а твои разношерстные герои живы и побеждают. «Нет справедливости!» — сказал он потом, на что я обернулся и очень вежливо ответствовал: «Правильно, Квинт Цецилий. Ибо если бы справедливость существовала, ты не назвал бы себя Нумидийским!» Ему это не понравилось, но Скавр рассмеялся — конечно! Что бы ты ни говорил о Скавре, он — человек с юмором. Другого такого я не знаю. Поскольку я не могу сказать того же о его приятелях, то иногда невольно задаюсь вопросом: уж не выбирает ли он себе в друзья таких, чтобы втайне потешаться над их напыщенностью?

Но что меня поражает, Гай Марий, так это сила твоей счастливой звезды. Я знаю, что ты в ней не сомневался, но теперь могу сказать тебе: не думал я, что у тебя был шанс продлить свое командование в Африке еще на год. И что же случается? Луций Кассий пал вместе с самой большой и самой опытной армией Рима — и вот уже Сенат и его лидирующая фракция бессильны противостоять тебе. Твой народный трибун Манцин пошел в Народное собрание и обеспечил тебе плебисцит, благодаря которому твое губернаторство в Африканской провинции было продлено без всяких препятствий. Сенат молчал. Даже для господ сенаторов было ясно, что ты можешь понадобиться. Ибо сейчас в Риме очень непростая обстановка. Угроза германцев нависла над ним, как рок, и многие говорят, что нет такого человека, который в состоянии избавить Рим от этого рока.

«Где Сципион Африканский, где Эмилий Павел, где Сципион Эмилиан?» — в горести вопрошают они. Но у тебя есть преданные сторонники, Гай Марий. После смерти Кассия они все громче и громче заявляют о том, что ты — именно тот человек, который появится в решающий момент и отразит нападение германцев. Среди них — обвиненный в измене легат из Бурдигалы Гай Попилий Ленат.

Поскольку ты — невежественный итальянский деревенщина, расскажу тебе маленьющую историю.

Однажды жил-был очень плохой и злой сирийский царь по имени Антиох. Поскольку он был не первый сирийский царь, которого звали Антиох, и совсем не великий (а его отец приказал именовать себя Антиохом Великим), то после его имени поставили порядковый номер. Он был Антиохом IV, четвертым Антиохом, царем Сирии. Хотя Сирия была богатым царством, у царя Антиоха IV текли сплюнки на соседнее царство — Египет, где совместно правили его кузены Птолемей Филометор (он же Птолемей IV Справедливый), Птолемей Эвергет Пузатый (он же Пузырь) и Клеопатра (она тоже имела цифру после своего имени и была известна как Клеопатра II). Хотел бы я сказать, что их правление было счастливым и согласным, но это было далеко не так. Братья и сестра, мужья и жена (в царских семьях восточных стран инцест разрешается и даже приветствуется) в течение многих летссорились, и в результате им почти удалось уничтожить красивую и плодородную страну на великой реке Нил. Так что когда сирийский царь Антиох IV решил завоевать Египет, он думал, что легко справится с этой задачей, которую существенно облегчили ему ссоры двух Птолемеев и одной Клеопатры.

Но, увы, как только он покинул Сирию, несколько неприятных бунтарских инцидентов вынудили его повернуть обратно.

Он вернулся домой, отрубил несколько голов, расчленил несколько тел, выбил несколько зубов и, вероятно, вырвал чью-то матку. И за четыре последующих года очень много голов, рук, ног, зубов и маток расстались со своими владельцами. И тогда царь Антиох IV решил сделать вторую попытку завоевать Египет. На сей раз в его отсутствие Сирия вела себя тихо и покорно. Царь Антиох IV вторгся в Египет, взял Пелузий, прошел маршем к Дельте Нила, до Мемфиса, захватил его и направился обратно, вверх по течению Нила, по направлению к Александрии.

Страна и армия были загублены, поэтому у братьев Птолемеев и их сестры-жены Клеопатры II оставался единственный выход: обратиться к Риму за помощью против царя Антиоха IV, поскольку римляне — это наилучшая и величайшая нация и всеобщий герой-спаситель. Для спасения Египта Сенат и народ Рима (в то время они были в большом согласии друг с другом, во всяком случае, так говорят книги) послали известного своей храбростью консула Гая Попилия Лената. Любая другая страна дала бы своему герою целую армию, но Сенат и народ Рима выделили Гаю Попилию Ленату только двенадцать ликторов и двух писцов. Однако поскольку это все-таки была иноземная миссия, ликторам разрешили надеть красные туники и вставить в пучки прутьев топоры, так что Гай Попилий не был совсем уж беззащитным. Они отплыли на маленьком судне и прибыли в Александрию как раз в то самое время, когда царь Антиох IV подходил к западной части Нильской Дельты,

направляясь к большому городу Канону, где укрылись египтяне.

Одетый в тогу с пурпурной полосой, с авангардом из двенадцати одетых в красное ликторов (все с топорами в связках прутьев), Гай Попилий Ленат вышел из Александрии через Солнечные ворота и двинулся на восток. Поскольку он был уже немолод, то шел себе спокойно, опираясь на высокую палку. Так как только храбрые, героические и благородные римляне строят приличные дороги, а все прочие этим не озабочились, вскоре ему пришло шагать по толстому слою пыли. Но остановило ли это Гая Попилия Лената? Нет! Он продолжал идти и идти, пока возле большого ипподрома, где александрийцы любили наблюдать за скачками, не наткнулся на стену сирийских солдат и вынужден был остановиться.

Сирийский царь Антиох IV вышел вперед встретить Гая Попилия Лената.

«У Рима нет никаких дел в Египте!» — произнес царь с грозным выражением лица.

«Сирия тоже не имеет никаких дел в Египте», — ответил Гай Попилий Ленат, улыбаясь ласково и спокойно.

«Возвращайтесь в Рим», — сказал царь.

«Возвращайтесь в Сирию», — сказал Гай Попилий Ленат.

Но никто из них не двинулся с места.

«Вы оскорбляете Сенат и народ Рима, — заявил Гай Попилий Ленат, глядя на свирепое лицо царя. — Я получил приказ заставить вас вернуться в Сирию.»

Царь рассмеялся: «И как вы собираетесь заставить меня вернуться домой? Где ваша армия?»

«Мне не нужна армия, царь Антиох IV. Все, что является Римом, было Римом и пребудет Римом вовеки, стоит сейчас здесь, перед тобой. Я — Рим. Я — не меньше, чем самая большая армия Рима. И от имени Рима я снова говорю тебе: возвращайтесь домой».

«Нет», — сказал царь Антиох IV.

Гай Попилий Ленат вышел вперед и неспешно концом своей палки очертил в пыли круг вокруг ног царя Антиоха IV.

«Прежде чем ты выйдешь из этого круга, царь Антиох IV, я советую тебе подумать. А когда ты переступишь этот круг, повернись на восток иди домой, в Сирию».

Царь ничего не сказал. Царь не шевельнулся. Гай Попилий Ленат ничего не сказал. Гай Попилий Ленат не шевельнулся. Поскольку Гай Попилий Ленат был римлянином и не прятал лица, его приятные, спокойные черты были видны всем. А царь Антиох IV прятал лицо за завитой в кольца накладной бородой, но даже это не помогло ему скрыть свой гнев. Время шло. А

потом, все еще стоя в круге, могущественный царь Сирии повернулся на пятках к востоку, вышел из круга и отправился обратно в Сирию со всеми своими солдатами.

На пути в Египет царь Антиох IV уже завоевал остров Кипр, который принадлежал Египту. Египту нужен был Кипр, потому что Кипр давал ему лес для кораблей и домов, и зерно, и медь. После того как Гай Попилий Ленат покинул ликующих египтян в Александрии, он отправился на Кипр, где располагалась оккупированная остров сирийская армия.

«Возвращайтесь домой», — сказал он армии. И армия ушла домой, в Сирию, и спас Египет и Кипр от ужасной судьбы.

Хотел бы я закончить мой маленький рассказ, заверив тебя, что с тех пор Птолемеи и их сестра Клеопатра II жили и правили счастливо, — но нет. Они продолжали ссориться, убили нескольких близких родственников и погубили страну.

Я слышу, как ты спрашиваешь: для чего, во имя всех богов, рассказал я тебе эту детскую историю? Очень просто, мой дорогой Гай Марий. Сколько раз, сидя на коленях твоей матушки, слушал ты историю о Гае Попилии Ленате и круге в пыли вокруг ног царя Сирии? Может быть, в Арпине матери не рассказывают детям эту историю. Но в Риме это как закон. От аристократов до последних нищих, каждый римский ребенок знает эту историю.

И я спрашиваю тебя, как правнук героя Александрии мог уехать в ссылку, не рискнув предстать перед судом?

Добровольно уехать в ссылку — значит признать свою вину. А лично я считаю, что наш Гай Попилий Ленат поступил в Бурдигале именно так, как следовало. Развязка получилась такая: наш Попилий Ленат в конце концов остался и был подвергнут суду.

В интересах некоей анонимной клики действовал народный трибунал Гай Келий Кальд. Ты легко догадаешься, что это за клика. Скажу только, что эти люди задались целью переложить вину за Бурдигалу на плечи кого угодно, только не Луция Кассия. Гай Келий Кальд поклялся, что сделает все для осуждения Лената. Единственный специальный суд по делам об измене, который у нас существует, пока что имел дело лишь с Югуртой. Служение должно было состояться в Центурионатном собрании.

Суд этот вызывающе публичный. Выступающие от каждой центурии выкрикивают приговор своей центурии так, чтобы весь Рим слышал. «CONDEMNO!» — «ABSOLVO!» — «VINOBEN!» — «OPRABDAN!» Но разве тот, кто еще в детстве, у материных колен, слышал историю о Гае Попилии Ленате и круге в пыли вокруг ног царя Сирии, осмелится крикнуть «CONDEMNO»?

Остановило ли это Кальда? Определенно нет. Он представил в Народное собрание законопроект, согласно которому в список дел, по которым следует голосовать тайно, должен быть внесен и суд по делам измены. В этом случае центурии, призванные голосовать, могли быть уверены, что конкретное мнение каждого останется неизвестным. Законопроект прошел. Казалось, все было подготовлено. Надеялись на то, что количество голосов «за» и «против» можно будет подделать.

В начале декабря Гая Попилия Лената судили в Центурионатном собрании по обвинению в измене. Голосование было тайным, как и добавился Кальд. Но некоторые из нас незаметно подходили к членам огромного жюри и нашептывали:

«Однажды жил-был благородный, храбрый консул по имени Гай Попилий Ленат...» — и все.

Когда подсчитали голоса, решение было единогласным — «ABSOLVO!» Попилия оправдали. Что тут скажешь? Справедливость восторжествовала исключительно благодаря старой-старой истории, которую каждый из нас когда-то слышал в детстве.

ГОД ПЯТЫЙ (106 Г. ДО Р. Х.) КОНСУЛЬСТВО КВИНТА СЕРВИЛИЯ ЦЕПИОНА И ГАЯ АТИЛИЯ СЕРРАНА

Квнт Сервилий Цепион ни минуты не сомневался в том что получит приказ выступить против вольков-теккосагов и их германских союзников, которые уже успели обжиться под Толозой. Это и произошло в первый день нового года, во время заседания Сената в храме Юпитера Величайшего после церемонии инаугурации. Произнося свою первую речь в качестве старшего консула, Цепион сообщил многолюдному собранию о своем намерении набрать армию традиционными методами:

— Это будут настоящие римские солдаты, а не толпа нищего сброва!

Слова его были встречены восторженными возгласами.

Конечно, далеко не все сенаторы присоединились к овации. Гай Марий не был одинок в своем противостоянии ретроградам. Его точку зрения поддерживали наиболее просвещенные и образованные «заднескамеечники». Свободомыслящие люди нашлись даже среди представителей именитых фамилий. Но первый ряд занимала клика консерваторов во главе с принципием Сената Марком Эмилием Скавром. Именно эти люди делали политику в Сенате: если они аплодировали, аплодировал и Сенат; если голосовали «против» — за ними следовали остальные.

К этой же фракции принадлежал и Квнт Сервилий Цепион. Благодаря энергичной закулисной борьбе Отцы Нации вынуждены были дать ему восемь хорошо вооруженных легионов, только чтобы он показал германцам, что им не слишком рады на землях Внутреннего моря. Да и вольков-теккосагов следовало бы наказать за неуместное гостеприимство.

Из недавно вернувшегося войска Луция Кассия около четырех тысяч человек были вполне пригодны к воинской службе. Но почти все нестроевые солдаты погибли вместе с большинством легионеров. Конники же благополучно разъехались по домам, прихватив с собой лошадей и обслугу. Таким образом, перед Квнтом Сервилием Цепионом стояла задача — найти сорок одну тысячу пехотинцев, двенадцать тысяч нестроевиков из числа свободных граждан и еще восемь тысяч из рабов; а кроме того, пять тысяч конников и еще пять тысяч человек, чтобы их обслуживать. И все это — в Италии, где днем с огнем не сыщешь человека с необходимым имущественным цензом, будь он римлянин или италиец.

Процедура набора рекрутов была ужасна. Сам Цепион не интересовался тем, как будут подыскивать солдат, и не принимал в этом участия. Он только нанял специальных людей, а все руководство препоручил своему квестору. Себя же он посвятил другим делам, более достойным его консульского внимания. Рекрутты подвергались безжалостному насилию. У них даже не спрашивали согласия — просто уводили. Ветеранам волей-неволей приходилось покидать свои дома. Не по летам развитый четырнадцатилетний сын одного землемельца угодил в солдаты вместе с отцом. Такая же участь постигла и его деда, который выглядел слишком молодо для своих шестидесяти. Если семья не имела достаточных средств на вооружение и экипировку своих членов, в уплату шел земельный участок. Таким образом во владение Квнта Сервилия Цепиона и его сторонников перешло огромное количество земель. Так как римские граждане не могли обеспечить достаточного количества новобранцев, обирали и союзников-италийцев.

В конце концов Цепиону удалось заполучить необходимое количество пехотинцев и нестроевых из числа свободных граждан. Все было сделано согласно традиции, установившейся давным-давно: оружие, доспехи и снаряжение оплачивало не государство, а сам солдат; преобладание в легионах италийцев перекладывало бремя содержания войска на плечи союзников. Сенат вполне одобрил действия Цепиона и даже любезно предложил выделить из казны средства для оплаты наемной конницы из Фракии и обеих Галлий. Цепион чувствовал себя все более уверенно, а римские консерваторы не скучились на похвалы в его адрес.

Пока вербовщики Цепиона орудовали на Апеннинском полуострове, сам он делал все возможное, чтобы укрепить несколько пошатнувшуюся власть Сената. Непростой период настал для Сената еще со времен Тиберия Гракха. Уже почти тридцать лет. Сначала Тиберий Гракх, затем Фульвий Флакк, Гай Гракх и наконец «новые люди» и аристократы-реформаторы — все они неуклонно сводили на нет роль Сената в судебной системе и законодательстве.

Если бы не недавние нападки Гая Мария на сенатские привилегии, Цепион, возможно, и не проявлял бы столько рвения и

решимости. Но Марий растревожил настоящее осиное гнездо. И первые же недели после вступления Цепиона в должность консула стали для плебеев и тех из числа всадников, кто защищал их интересы, настоящей катастрофой.

Будучи патрицием, Цепион созвал Народное собрание, где все еще имел власть, и сумел провести закон, лишающий всадников влияния в имущественном суде, которое они получили при Гае Гракхе. Судьями имущественного суда, как и встарь, отныне могли становиться только члены Сената. Это было в интересах самого Цепиона. В Народном собрании произошло настоящее побоище. Цепиону противостояла влиятельная группа сенаторов с красавцем Гаем Меммием во главе. Но Цепион сокрушил своих противников.

И вот в конце мая, одержав эту замечательную победу, старший консул повел восемь легионов и мощную конницу на Толозу. Он грезил не о славе — о более приятном способе вознаградить себя за труды. Ведь Квинт Сервiliй Цепион был истинным Сервiliем Цепионом: возможность приумножить собственное состояние привлекала его куда больше, нежели воинские почести. Он был претором в Дальней Испании, когда Сципион Назика отказался от должности, и изрядно набил там свою монету. Теперь же, став консулом, он надеялся разбогатеть еще больше.

Если бы было возможно постоянно посыпать войска из Италии в Испанию морем, Гнею Домицию Агенобарбу не пришлось бы сражаться за сухопутный проход через Альпы. Но из-за очень сильных ветров и морских течений море здесь было слишком опасно. Так что легионам Цепиона — как и год назад легионам Луция Кассия — пришлось одолеть дорогу из Кампании до Нарбона, которая была на тысячу миль длиннее морского пути. Впрочем, они не слишком возражали против столь длительного перехода: почти все римляне ненавидели море и боялись его. Одна только мысль о стомильном плавании страшила их куда больше, чем тысячемильный пеший переход.

Дорога от Кампании до Нарбона заняла у легионов Цепиона около семидесяти дней — в день они преодолевали менее пятнадцати миль. Быстрому передвижению препятствовали на этот раз не тяжело нагруженные обозы, а многочисленные вычурные животные, повозки и рабы, которых — все по той же старинной и почтенной традиции — тащили за собой в полевой легионный лагерь состоятельные римские воины для обеспечения собственного комфорта.

В Нарбоне, маленьком портовом городке, превращенном Гнеем Домицием Агенобарбом в римский форпост, армия передохнула после долгого перехода, хотя полностью восстановить силы не удалось. Лето еще только начиналось, и в Нарбоне было чудесно. Прозрачная вода полна креветок, маленьких омаров, больших крабов и всевозможных рыб. У илистого дна в заливе близ Ресциона, в устье Атака, водились не только устрицы, но и камбала. Из всех видов рыб, знакомых римским легионерам, камбала считалась самой изысканной. Круглые и плоские, как тарелки, с глазами по одну сторону глупой головы неприятного вида, они постоянно зарывались в ил. Их вспугивали, били гарпунами, а они беспомощно барабанили, пытаясь снова закопаться поглубже в грязь.

Легионеры никогда не страдали стертыми ногами. Прирожденные пехотинцы, они привыкли к долгим переходам, а высокие сапоги на толстой подошве, подбитой большими гвоздями, отлично предохраняли ступни от острых камней. Однако как приятно купаться в море у Нарбона, расслабляя натруженные мускулы! Попутно обнаружилось, что среди солдат есть несколько человек, которые не умеют плавать, и это упущение было тут же исправлено. Местные девушки ничуть не отличались от любых других — все они были без ума от мужчин в военной форме. Так что в течение шестнадцати дней город сотрясали крики разгневанных отцов и мстительных братьев, хихиканье девиц, кутежи легионеров и скандалы в кабаках. Все это доставляло немало хлопот военной полиции и приводило в отчаяние военных трибунов.

Наконец Цепион собрал своих людей и повел их прочь из города по великолепной дороге, проложенной Гнеем Домицием Агенобарбом между побережьем и Толозой. На холме, в том месте, где река Атак поворачивала под прямым углом на юг, стояла мрачная крепость Каркасон — город текстосагов. Отсюда легионеры, преодолев холмы, отделяющие истоки могучей Гарумны от коротких речушек, что впадают во Внутреннее море, спустились наконец на равнину к Толозе.

Как всегда, Цепиону необыкновенно везло: германцы успели окончательно разругаться со своими хозяевами вольками-текстосагами и вынуждены были по приказу здешнего вождя Копиллы покинуть Толозу. Таким образом, единственным врагом, с которым предстояло сражаться Цепиону, оказались злополучные вольки-текстосаги. А те, в свою очередь, увидев перед собой бесконечную вереницу закованых в броню легионеров, сочли благоразумнее лучшей из доблестей. Копилла со своим войском отступил к устью Гарумны, чтобы поднять местные племена и посмотреть, совершил ли Цепион ту же ошибку, что и Луций Кассий в прошлом году. Толоза, в которой остались одни старики, тут же сдалась. Цепион мурлыкал от удовольствия.

Почему? Да потому, что знал о золоте Толозы. Теперь он завладеет им, даже не прибегая к оружию. О счастливчик Квинт Сервiliй Цепион!

Сто семьдесят лет тому назад вольки-текстосаги кочевали вместе с галлами под предводительством второго из славных в вехах кельтских вождей по имени Брэнн. Этот Брэнн опустошил Македонию, вторгся в Фессалию, опрокинул заслоны греков у Фермопил и вторгся в Центральную Грецию и Эпир. Он захватил и разграбил три богатейших храма в мире: Додоны с оракулом Юпитера в Эпире, Зевса Олимпийского и великое святилище Аполлона в Дельфах — то самое, где вдохновенные пифии от лица своего бога произносят пророчества.

Когда же греки дали захватчикам отпор, галлы отступили к северу, унося с собой награбленное. Брэнн умер от раны, и весь его великий план рухнул. В Македонии кельты, лишившись вождя, решили перейти Геллеспонт и направиться в Малую Азию. Там они основали галльский форпост и назвали его Галатия. Но часть вольков-текстосагов, говорят, захотела вернуться домой в Толозу. Им не по душе было переходить Геллеспонт. На большом совете всех племен было решено вверить истосковавшимся по родине волькам сокровища из полусотни разграбленных храмов — включая и те, что взяли из Эпира и Дельфов. Вернувшись домой, вольки-текстосаги должны были хранить в Толозе общие трофеи всех галлов до того дня, когда прочие племена вернутся в Галлию и потребуют свою долю. Чтобы облегчить себе дорогу, им пришлось все расплывить: и громоздкую статую божества из чистого золота, и высокие серебряные урны, и чаши, и тарелки, и золотые треножники, и венки из золота и серебра — все отправилось в тигли. Наконец тысяча груженых повозок направилась на Запад — через тихие альпийские долины реки Данувий. Спустя несколько лет вольки наконец спустились к Гарумне.

Цепион слышал эту историю три года назад, когда управлял Испанией, и с тех пор мечтал отыскать золото Толозы. Напрасно его испанский советник утверждал, будто награбленные сокровища — не более чем миф. Все, кто побывал в городе вольков-текстосагов, клялись: никакого золота в Толозе нет, и единственное богатство вольков — полноводная река и плодородные земли. Но Цепион верил в свое счастье. В Толозе есть золото, есть! Иначе почему он услышал в Испании этот рассказ? И почему именно ему довелось вслед за Луцием Кассием отправиться в Толозу? В этом определенно видна воля богов! А тут еще обнаруживается, что германцы ушли и город сдается без боя. Фортуна явно покровительствует ему, Цепиону!

Он сбросил доспехи, облачился в тогу с пурпурной каймой и отправился на прогулку по тихим, почти деревенским улочкам, заглянул во все уголки, осмотрел все укрепления, побродил по пастващам и полям, наступающим на городские окраины. Городок выглядел так, будто находился в Испании, а не в Галлии.

Да, в Толозе немного найдется чисто галльского — ни друидов, ни типично галльской нелюбви к городской обстановке. Храмы и прилегающие к ним земли сами походили на отдельные города, вроде тех, что воздвигают в Испании: живописные рощи, несколько искусственных прудов и ручейков, питающихся водами Гарумны. Восхитительно!

Ничего не обнаружив во время своих прогулок, Цепион привлек к поискам армию. В лагере царила приподнятая атмосфера охоты за сокровищами. Солдаты, избежавшие неприятной необходимости встречаться с врагом в бою, почуяли близость своей доли в сказочной добыче и не на шутку увлеклись кладоискательством.

Но найти золото никак не удавалось. В храмах обнаружили несколько бесценных вещиц — но их было слишком мало. И

никаких слитков! В крепости — тоже ничего, в чем Цепион имел возможность убедиться самолично. Ничего, кроме оружия, деревянных идолов и сосудов из рога и обожженной глины. Прежний правитель Толозы Копилла жил предельно просто, и под гладкими плитами в залах не оказалось никаких тайных хранилищ.

Цепиона осенило: он приказал солдатам копать в парках вокруг храма. Но все напрасно: ни в одной ямке, даже самой глубокой не было и следа легендарного золота. Кладоискатели обходили холмы с расщепленными на концах ивовыми прутьями, но тщетно: ни один из чутких прутьев не дрогнул, не согнулся, не кольнулся в ладонь. Проверили поля и улицы города — снова ничего. Окрестности покрывались ямами и котлованами, словно поблизости неутомимо копался гигантский крот, а Цепион все расхаживал и раздумывал, расхаживал.

В Гарумне водилась рыба, в том числе речной лосось и несколько видов карпа. Пруды возле храмов наполнялись водой из Гарумны, и, как следствие, в них тоже было полно рыбы. Легионерам Цепиона казалось куда удобнее удить рыбу в прудах, а не в глубокой реке с быстрым течением. Пока полководец предавался размышлениям, его солдаты ловили мух для наживки и ладили удочки из ивовых прутьев. Глубоко задумавшись, Цепион спустился к самому большому пруду. Остановившись на берегу, он рассеянно наблюдал за игрой света на чешуйках юрких рыбешек, за мерцанием, струящимся от поверхности воды у зарослей водорослей. Этот странный переливающийся свет как будто все время преображался. Он то приближался, то вновь удалялся. Сквозь серебристые блики воды то и дело проскальзывал золотой отблеск, словно отражаясь от чешуи какого-то необыкновенного карпа, скользнувшего мимо.

Мысль медленно зреала в уме Цепиона. И наконец поразила его. В голове как будто началось внезапное извержение вулкана — так, во всяком случае, показалось Цепиону. Он послал за землекопами и приказал им осушить пруды. Не слишком трудная работа принесла отличное вознаграждение. На дне священных озер, покрытое илом, водорослями и наносными породами — следами прошедших десятилетий, лежало золото Толозы.

Когда последний слиток был отмыт и занял свое место в числе прочих, Цепион явился осмотреть обретенное богатство. И изумился. То, что он не наблюдал, как доставали золото, было одной из его прицуд — он жаждал сюрприза. И дождался! Цепион-счастливчик был просто ослеплен. Перед ним лежало пятьдесят тысяч золотых слитков, весом по пятнадцать фунтов каждый, — всего около пятнадцати тысяч талантов. Еще там было десять тысяч серебряных слитков, каждый весом по двадцать фунтов, — всего три с половиной тысячи талантов серебра. Вольки-текtosаги нашли своим богатствам единственное применение: отлили мельничные жернова из чистого серебра. Раз в месяц они поднимали эти жернова со дна реки, чтобы перемолоть месячный запас муки.

— Допустим, — внезапно сказал Цепион. — А сколько фургонов мы можем выделить для перевозки этого добра в Нарбон?

Вопрос был адресован praefectus fabrum Марку Фурию, который отвечал в этой армии за поставки продовольствия, перевозку грузов, за технику, снаряжение, фураж и прочее снабжение.

Вот какой ответ получил Цепион-кладоискатель от своего praefectus:

— Квинт Сервилий, в нашем обозе тысяча фургонов, но пусты лишь около трети из них. А если в каждый фургон поместить по тридцать пять талантов — в самый раз, чтобы лошади свезли поклажу, — то нам понадобится около трехсот пятидесяти фургонов для серебра и четыреста пятьдесят для золота. — Так сказал Марк Фурий.

Он не принадлежал к древнему знаменитому роду Фуриев. Его прадед был рабом Фурия, а сам он стал и клиентом, и банкиром Цепиона.

— Тогда я предлагаю сначала в ста пятидесяти фургонах переправить серебро на корабли, выгрузить его в Нарбоне, а фургоны вернуть в Толозу для последующей перевозки золота, — сказал Цепион. — Тем временем солдаты разгрузят еще сотню фургонов. Так что у нас их будет достаточно, чтобы сразу вывезти золото.

К концу квинтилия груз серебра достиг побережья, фургоны были разгружены и отправлены назад в Толозу за золотом — все по плану. За это время Цепион, как и обещал, приготовил под погрузку еще сто фургонов.

Пока укладывали золотые слитки, Цепион как во сне переходил от одного штабеля к другому, не в силах удержаться, чтобы не погладить их. Он о чем-то глубоко задумался и вздохнул.

— Тебе надо бы поехать с золотом, Марк Фурий, — сказал он наконец. — Кто-то должен остаться с ним в Нарбоне, пока последний слиток не погрузят на борт последнего корабля. — Затем обернулся и обратился к вольноотпущеннику греку Биасу: — Серебро, надеюсь, уже на пути в Рим?

— Нет, Квинт Сервилий, — спокойно ответил Биас. — Корабли, на которых в начале года перевозились тяжелые грузы, рассохлись. Я смог снарядить всего дюжину. Думаю, разумнее приберечь их для золота. Серебро — под надежной охраной, в полной безопасности. Мне кажется, что чем скорее мы отправим золото в Рим, тем лучше. Как только прибавится пригодных кораблей, я нагружу их золотом по самую ватерлинию.

— А нельзя ли отправить серебро в Рим по сушем? — предложил Цепион.

— Даже учитывая риск кораблекрушения, Квинт Сервилий, я скорее вверил бы все золото и серебро морю. Все до единого слитка, — ответил Марк Фурий. — Из-за альпийских племен дорога по сушем слишком опасна.

— Да, да, ты совершенно прав, — согласился Цепион. — Даже не верится! Мы отправляем в Рим золота и серебра больше, чем есть сейчас во всех римских сокровищницах!

— Так оно и есть, Квинт Сервилий, — отозвался Марк Фурий. — Это настоящее чудо!

В середине секстилия золото в четырехстах пятидесяти фургонах было отправлено наконец из Толозы. Его сопровождала всего одна когорта легионеров — ведь римская дорога проходила через вполне цивилизованную страну, где давно уже не видели руки, занесенной в гневе. К тому же разведчики Цепиона сообщали, что Копилла со своим войском все еще находится в Бурдигале. Надеется, что Цепион рискнет пойти той же дорогой, что и Луций Кассий. Той, где погибли консул и его армия.

Едва они достигли Каркасона, дорога пошла под уклон, направляясь к морю, и повозки покатили веселей. Все были бодры и довольны, ничто не предвещало беды. Легионерам уже казалось, что они чувствуют запах моря. А к вечеру будут в Нарбоне, где их ждут устрицы, камбала, жизнерадостные и податливые девушки, которые без ума от мужчин в военной форме!

Внезапно из чащи густого леса, с обеих сторон обступавшего дорогу, на легионеров с гиканьем обрушился вражеский отряд. Более тысячи разъяренных воинов! Им потребовалось совсем немного времени, чтобы перебить всю римскую когорту. Возницы тоже бесследно исчезли, погребенные под месивом исковерканных человеческих тел.

Светила полная луна, ночь была прекрасна. Дожидались, пока совсем стемнеет. За это время не появилось ни души, ведь провинциальные римские дороги использовались в основном для передвижения войск. Что касается торговли между побережьем и внутренними районами страны, то она практически прекратилась после того, как германцы поселились около Толозы.

Как только луна поднялась повыше, мулов снова запрягли в повозки, и кое-кто из нападавших уселся на козлы — править. Остальные шагали рядом. Лес остался позади, и процессия вышла на прибрежную полосу, где на камнях росла скучная растительность, пригодная лишь для выпаса овец. К рассвету миновали Русцион и реку. Караван прошел по Домициевой дороге и в середине дня пересек Пиренейский перешеек.

Оказавшись к югу от Пиренеев, они двинулись кружным путем, и их передвижение невозможно было заметить ни с одной римской дороги. Наконец они перешли реку Сукрон и вышли западнее города Сетабиса. Отсюда их путь лежал прямо через Тростниковую равнину — безлюдную и голую местность, окруженную двумя мощными цепями Испанских гор. Как правило, путники старались обойти это место, скучное питьевою водой. Здесь след похитителей окончательно затерялся, и дальнейшая судьба золота Толозы так и осталась неизвестной.

Груда тел, оставшаяся после схватки на дороге, была обнаружена гонцом, посланным из Нарбона. Когда он сообщил о случившемся Квинту Сервилию в Толозу, тот разрыдался. Он оплакивал судьбу Марка Фурия и убитых солдат; оплакивал жен и семьи, оставшиеся в Италии без кормильцев. Но больше всего оплакивал он сверкающие груды слитков, навсегда потерянное золото Толозы. Это было так несправедливо! «Где же везение?» — вопрошал он сквозь рыдания.

Облаченный в траур, в темной тунике без каймы на правом плече, Цепион созвал свою армию — и снова разразился слезами, пересказывая новость, которая уже облетела лагерь.

— По крайней мере, у нас осталось серебро, — сказал он в заключение, вытирая глаза. — Этого хватит, чтобы обеспечить после похода всех.

— Я готов довольствоваться и малым, — заметил один из ветеранов своему товарищу и сотрапезнику. Их обоих мобилизация, проведенная Цепионом, вынудила бросить свои земельные наделы в Умбрию, хотя и тот, и другой уже участвовали в десяти кампаниях и отдали легионам пятнадцать лет.

— Малым? — переспросил его товарищ. Он туговато соображал после ранения в голову, полученного когда-то в битве со скордисками.

— Я прав, как никогда! Ты когда-нибудь видел, чтобы полководцы делились золотом с солдатней? Они всегда найдут предлог, чтобы завладеть им единолично. Казначейству, конечно, тоже перепадет. Наш военачальник просто откупится от государства. По крайней мере, нам перепадет хоть немного серебра, а его там была целая гора. После всей этой суматохи вокруг пропавшего золота консулу ничего другого не останется, кроме как разделить серебро по справедливости.

— Понятно, — отозвался его товарищ. — Знаешь что? Давай-ка лучше поймаем хорошего жирного лосося на ужин, а?

Год подходил к концу, а армии Цепиона так и не довелось вступить в сражение. Кроме злополучной когорты, сопровождавшей золото, жертв не было. Цепион послал в Рим подробный отчет о случившемся, начиная с отступления германцев и заканчивая потерей золота. Он ожидал новых указаний.

К октябрю пришел ответ, и именно такой, какой ожидался. Зиму армия должна провести в окрестностях Нарбона, ожидая очередных указаний к весне. Таким образом, полномочия Квinta Сервилия Цепиона продлевались еще на год. Он все еще оставался правителем Римской Галлии.

Потеря золота подпортила ему все удовольствие. Цепион частенько лил слезы, и старшие командиры замечали, как он все ходит взад и вперед, не в силах успокоиться. В этом был он весь. Никто, разумеется, не верил, что Цепион оплакивал Мария Фурия или погибших воинов. Нет, Цепион оплакивал совсем другую потерю...

* * *

Одна из особенностей длительной кампании в чужой стране — необходимость приспособиться к новому образу жизни и относиться к этой чужой стране почти как к постоянному своему дому. Несмотря на бесконечные передвижения, походы, набеги и рейды, военный лагерь практически ничем не отличается от обыкновенного города. Большинство солдат находит себе женщин, многие из них рожают легионерам детей. За толстыми стенами форпоста размещаются многочисленные лавки и таверны, поначалу временные, но постепенно становящиеся как будто постоянными. Они сплатаются в беспорядочную сеть узких улочек, где стоят похожие на грибы глиняные хижины для женщин и детей.

Именно так выглядел римский лагерь близ Утики, примерно то же наблюдалось и в другом легионном лагере — под Циртой.

Поскольку Марий очень тщательно выбирал для своей армии центурионов и военных трибунов, период зимних дождей, во время которого не было дано ни единого сражения, был посвящен исключительно учениям и тренировкам. Армия была разделена на восьмерки, состоящие из сотоварищ, которые жили в одной палатке и делили между собой трапезу. Были решены и многочисленные дисциплинарные проблемы, которые неизбежно возникают, если множество людей вынуждены так долго находиться вместе.

Однако с приходом африканской весны — теплой, буйной, пышной и засушливой — лагерь тут же оживился. Так дрожь пробегает по спине коня от головы до хвоста. Снаряжение для предстоящей кампании было готово, распоряжения составлены и переданы писарям, доспехи смазаны маслом и отполированы, мечи заточены, кинжалы навострены, шлемы подбиты войлоком, чтобы уберечь голову от жары, сапоги тщательно осмотрены и недостающие гвозди вбиты в подметки, туники зачинены, подпорченное или изношенное снаряжение заменено.

Зимой из Рима прибыл квестор казначейства. Он привез легионерам деньги, и писари активно принялись за составление списков и выплат.

Поскольку его солдаты были неплатежеспособны, Марий учредил два обязательных фонда, в которые отчислялась часть заработка каждого. Из одного фонда деньги шли на достойные похороны легионера, погибшего в пути, но не в битве (погибшего в битве традиционно хоронят государство). Сберегательный банк вернет воину неизрасходованные деньги, если он благополучно выйдет в отставку.

Африканская армия знала: что-то важное планируется на эту весну. Хотя только высшее командование ведало, что именно. Вышел приказ об облегченном маршевом порядке. Не будет многомильного обоза из тяжелых фургонов, влекомых буйволами, — только небольшие повозки, запряженные мулами, чтобы не отставали от быстро передвигающихся воинских частей. Солдаты были теперь обязаны нести свое снаряжение на себе. Легионеры тут же приспособились: к толстой жерди в форме буквы У, носимой на левом плече, привязывали суму с бритвенными принадлежностями, запасной туникой, одеялом, толстыми прокладками, которыми предохраняли шею от потертостей в том месте, где жмут края доспехов. В поклажу каждого легионера входили также сагумы — непромокаемые накидки, походная посуда, фляги с водой, минимальный запас пищи на три дня и один кол с зарубами для лагерного частокола. В той же суме размещались инструменты для рытья траншеи, кожаный черпак, плетеная корзина, пила, серп, а также принадлежности для чистки доспехов. Щит, помещенный в футляр из мягкой кожи, привязывался за спиной чуть ниже прочего скарба, а шлем (с которого предварительно снимался султан из конской гривы) — к правому плечу, чтобы можно было быстро нахлобучить его на голову, когда скомандуют «к бою». Почти двадцатифутовый груз не давил на плечи — основная тяжесть приходилась на бедра. Справа на ремне легионер носил меч в ножнах, слева — кинжал.

На каждые восемь человек выделяли одного мула, на которого они грузили свою кожаную палатку и шесты для нее, а также копья и дополнительный запас провизии. Восемьдесят легионеров и двадцать нестроевиков, как обычно, составляли центурию во главе с центурионом. Каждая центурия имела в обозе повозку, на которой помещался весь лишний скарб: запасная одежда, инструменты, дополнительное вооружение, а также плетеный бруствер для лагерных укреплений и продукты. Если армия не собиралась возвращаться по своим же следам, то трофеи и метательные орудия тоже взваливали на буйолов, которые совершили многомильные переходы в тыл и обратно под тщательной охраной.

Отправившись весной в Западную Нумидию, Марий весь тяжелый груз оставил под Утикой. Ведь поход — не парад, где можно растягивать колонну сколько угодно. Каждому легиону и его обозу предписывалось занимать не более мили дороги. Конница вплотную прижалась к пехоте.

На открытой местности колонна не страшилась внезапной атаки. Неприятель не мог атаковать все части колонны одновременно и при этом оставаться незамеченным. При любом нападении на отдельный легион остальные развернулись бы к нападающим и окружили их.

Каждую ночь неизменно разбивали лагерь. Выбирали обширный участок, выкапывали глубокие рвы, вбивали на дно колья, сооружали насыпи и частоколы. Трудов это стоило немалых, зато солдаты могли заснуть, не беспокоясь, что враг проникнет в лагерь и застанет их врасплох.

Авангард называл себя «мариевыми мулами». Марий и впрямь нагружал легионеров как вьючных животных. В армии старого

образца, набранной из состоятельных людей, даже рядовые двигались налегке, сгрузив пожитки на осла либо раба. В результат трудно было присматривать за телегами, многие из которых были личной собственностью воинов. В конечном итоге армия старого образца двигалась куда медленнее и была гораздо уязвимей, чем африканская армия Мария — и многие другие, которые строились по ее образцу в течение последующих шестисот лет.

Марий требовал от своего войска многоного. Но он дал солдатам и некоторые послабления. Например, избавил от необходимости сгибаться под тяжестью пятифунтового щита прежних лет. Новый, облегченный щит был куда удобнее и, главное, не бил солдата сзади по ногам.

Так они двигались в Западную Нумидию, во все горло распевая песни, чтобы ровно держать шаг и ощущать радость солдатского братства. Шаг в шаг, голос в голос — единая машина, без устали катящаяся вперед. В центре колонны вышагивал полководец Марий со своим штабом, распевая вместе со всеми. Никто из командования не ехал верхом — это было бы неприлично, хотя лошадей держали поблизости — на случай атаки, когда полководцу понадобится седло, чтобы лучше видеть всю картину в целом.

— Грабим каждый город и всякую деревушку, какие попадутся на пути, — такое распоряжение Марий отдал Сулле.

И приказ выполнялся неукоснительно. Даже, пожалуй, с излишним усердием. Содержимое амбаров и мясных складов тащили на полевые кухни. Местные женщины повсеместно подвергались насилию, поскольку солдаты уже стосковались по своим женам, а гомосексуализм в Мариевой армии карался смертью.

Кроме того, каждый высматривал добычу, которую не разрешалось брать себе, а полагалось помещать в армейские повозки.

Каждый восьмой день армия отдыхала. А когда достигла побережья, Марий дал всем даже три дня отдыха кряду, чтобы солдаты вволю поплавали, половили рыбы, отъелись как следует. К концу мая они уже находились западнее Цирты, а к концу винктилия вышли к реке Мулуха — еще на сто миль к западу.

Карта 5. Африка и Средиземное море

Все шло как по маслу. Армия Югурты не показывалась, местные жители были не в состоянии сопротивляться наступлению римлян, и не ощущалось нехватки ни в воде, ни в пище. Армейский рацион — грубый хлеб, молотая овсянка, соленое сало, твердый сыр — разбавлялся рыбой, телятиной, бараниной, фруктами и овощами, так что настроение среди солдат царило приподнятое.

К кислому винцу, которым разжились легионы, добавились берберское ячменное пиво и хорошее местное вино.

Река Мулуха служила границей между Западной Нумидией и Восточной Мавретанией. Зимой — ревущий поток, к середине лета она превращалась в цепь мелких водоемов, а поздней осенью и вовсе пересыхала. В центре ее долины находилась крутая гора вулканического происхождения, на вершине которой Югурта соорудил крепость. Там, как сообщили Марию лазутчики, хранились огромные богатства.

Римская армия спустилась на равнину, подступила к высоким берегам Мулухи и разбила лагерь в виду горной крепости. Затем командиры — Марий, Сулла, Серторий, Август Манлий и остальные — стали изучать цитадель. Выглядела она, прямо сказать, неприступной.

— Нечего и думать о лобовом штурме, — молвил Марий. — Не вижу ни одного способа взять ее.

— Нет такого способа, — подтвердил молодой Серторий, уже совершивший несколько вылазок, чтобы поближе осмотреть крепость со всех сторон.

Сулла вскинул голову, чтобы из-под полей своей шляпы видеть вершину горы.

— Думаю, мы просидим здесь, у подножия, так и не добравшись до вершины, — сказал он, мрачно улыбнувшись. — Даже если бы мы построили гигантского деревянного коня, как данайцы, то все равно не смогли бы дотащить его до ворот.

— Тем не менее доставить туда осадную башню мы должны, — заметил Август Манлий.

— Ну что ж, у нас впереди еще месяц, — подытожил Марий. — Станем лагерем здесь. Следует позаботиться о сносных условиях для солдат, насколько это возможно. Луций Корнелий, решай, где будем брать питьевую воду и где устроим бассейны для купания. Август Манлий, ты организуешь рыбную ловлю. Разведчики говорят, что до моря — десяток миль. Давайте проедем вместе вдоль берега — разведаем местность. Они не собираются вылезать из цитадели и нападать на нас. Так пусть наши люди как следует отдыхают. Квинт Серторий, твоя забота — о фруктах и овощах.

— По-моему, — сказал Сулла, оставшись с Марием наедине в палатке командующего, — пока что вся эта кампания больше напоминает увеселительную прогулку к морю на воды. Когда же я увижу кровь?

— А тебе здесь скучно, Луций Корнелий?

— Вовсе нет. — Сулла помрачнел. — Я не мог даже представить, насколько интересна такая жизнь. Здесь ты все время чем-то занят, решаешь интересные задачи. Я вовсе не против того, чтобы считать деньги. Просто я хотел бы наконец увидеть кровь. Взять хотя бы тебя, Гай Марий. В моем возрасте ты уже участвовал в полусотне битв. А теперь взгляни на меня... Зеленый новичок!

— Ты еще отведаешь крови, Луций Корнелий. И очень скоро. Вот увидишь.

— Да?

— Конечно. Почему, по-твоему, мы расположились здесь и не рвемся в бой?

— Нет, не говори, дай мне догадаться самому, — остановил его Сулла. — Мы здесь потому... Потому, что ты надеешься приплугнуть царя Бокха, чтобы тот тот поспешил соединиться с Югуртой... Союз с Мавретанией придаст Югурте сил для нападения.

— Прекрасно! — Марий улыбнулся. — Эта страна столь необъятна, что мы можем потратить еще десяток лет на скитания по ее просторам, так и не приблизившись к Югурте. Если бы у него не было гетулов, точинимое нами разорение Нумидийского царства сломило бы его сопротивление. Но у него, к сожалению, есть гетулы... К тому же он чересчур горд, чтобы позволить римской армии хозяйничать в его селах и городах. И, несомненно, наши рейды нарушают снабжение его войск зерном. Он слишком опытен, чтобы рискнуть на открытую битву, пока армией командую я. Вот мы и подтолкнем Бокха прийти ему на помощь. Мавры могут выставить по крайней мере двадцать тысяч пехотинцев и пять тысяч конников. Итак, если Бокх присоединится к Югурте, тот выступит против нас, это яснее ясного.

— А тебе не беспокоит, что в таком случае враг будет превосходить нас числом?

— Нет! Шесть римских легионов, толково обученных и под толковым руководством, справятся с любой вражеской силой, и численность войск тут ни при чем.

— Но Югурта имеет опыт войны со Сципионом Эмилианом в Нуманции, — напомнил Сулла. — Он будет воевать на римский манер.

— Иностранные полководцы, знакомые с римской стратегией и тактикой, есть. А вот римских войск у них нет. Наши методы созданы для наших людей — римлян, латинян, италийцев.

— Дисциплина, — кивнул Сулла.

— И организованность, — добавил Марий.

— Но ни то, ни другое не вознесет нас на вершину этой горы, — напомнил Сулла.

Марий засмеялся:

— Верно! Однако есть еще кое-что, чего нельзя пощупать. И скопировать тоже нельзя.

— Что же?

— Удача. Никогда не забывай про удачу.

В ту пору они были друзьями, Сулла и Марий. Разные почти во всем, они были схожи в основном: оба мыслили нестандартно, оба были людьми неординарными, оба прошли через невзгоды и были способны и на беспристрастность, и на большую страсть. А главное — не боялись работы и стремились выдвинуться.

— Есть и такие, кто считает, будто удачу свою человек готовит сам, — заметил Сулла.

Марий поднял брови:

— Ну конечно... Интересно бы только познакомиться хоть с одним таким...

Публий Вагенний, родом из Лигурии, служил в армии Мария во вспомогательном конном отряде. С тех пор как Марий разбил лагерь на берегу реки Мулухи, у Публия забот был полон рот. К счастью, на равнине обильно росла густая высокая трава, красиво серебрявшаяся на солнце, так что с пастищем для нескольких тысяч армейских мулов не возникало сложностей. А вот лошади оказались более разборчивыми, чем мулы, и щипать здешнюю грубую растительность не желали. Их приходилось гонять к северу от горной цитадели, на середину долины, туда, где благодаря подземным ключам травы росли более нежные.

«Будь командиром не Гай Марий, — думал обиженно Публий Вагенний, — коннице наверняка разрешили бы разбить свой отдельный лагерь — поближе к пастищу...» Так нет же! Гай Марий не желал соблазнять обитателей крепости легкой добычей и отдал приказ всем до последнего солдата располагаться в основном лагере. Каждый день разведчики сначала должны были убедиться, что поблизости не скрывается враг, и только тогда конникам позволялось выводить лошадей на луга. А разве можно вдали от бивуака оставлять лошадь одну, без присмотра? Не найдешь потом...

И вот каждое утро Публию Вагенному приходилось вести табун через всю равнину, выпускать коней, чтобы насытились на целый день, а потом тащиться назад в лагерь — за пять миль. Не успеешь передохнуть — опять пора тащиться на пастище, чтобы пригнать лошадей обратно. А ведь ни один конник пеших прогулок не любит...

Однако спорить не приходилось, приказ есть приказ. Оставалось только исхитриться и чем-нибудь облегчить свою участь. Публий стал ездить без седла и уздечки — только идиот оставит седло и уздечку без присмотра на целый день. Он взял за правило прихватывать с собой большой меш с водой и немного еды. Выпустив двух своих лошадей около горной цитадели, он мог укрыться в тени и отдохнуть.

Выехав в четвертый раз, он отлично устроился в долине, усеянной благоухающими цветами и окруженной отвесными утесами. Прилег на ковер из трав и задремал. Лицо его ласкал влажный ветерок, доносивший соблазнительный дымок от очагов за стенами крепости и... Что это? Публий Вагенний привстал, раздувая ноздри. Этот запах он хорошо знал! Улитки! Большие, толстые, сочные, сладкие, мясистые... божественные улитки!

В Лигурии улитки водились. Публий вырос на улитках. Он так привык к улиткам с чесноком, что добавлял его теперь и во все остальные блюда. Он стал одним из лучших в мире знатоков улиток. Он мечтал о разведении их на продажу и даже о выведении новой породы. У одних людей носы приспособлены различать по запаху вина, у других — чувствительны к духам. Нос Публия Вагенния специализировался на улитках. Аромат, доносимый ветром с горы, сообщал ему о том, что где-то наверху обитают улитки бесподобно нежного вкуса.

Как свинья, отыскивающая трюфелей, он стал крадучись двигаться на этот дивный аромат, прокладывая себе дорогу по уступам скалы к заветной цели. С тех пор как Публий Вагенний прибыл в Афики вместе с Луцием Корнелием Суллой, ему ни разу не довелось отведать улиток. Африканские улитки считались лучшими в мире, но где они водятся, лигуриец так и не узнал. А те, что поступали на рынки Утики и Цирты, попадали прямиком на столы военных трибунов и легатов — если только не сразу в Рим.

Не испытывай Вагенний столь неодолимую страсть к моллюскам — вряд ли наткнусь бы на угасший еще в давние времена вулкан. Изучая причудливую стену базальтовых колонн, он обнаружил огромный кратер. За несколько миллионов лет молчания ветра забили его пылью, сгладив некогда огнедышащий зев с землей. Однако еще оставалась узкая пещера, и туда вполне можно было протиснуться. Было в ней около двадцати футов в ширину, а высоко наверху синел кусочек неба. Вертикальные стены казались неприступными. Однако Публий Вагенний не только гурман, но и горец. Он взобрался по скале хоть и не без труда, однако не слишком рискуя упасть, и поднялся на поросший травой уступ. Ноги его вымокли от росы. Из скал сочилась вода. Стеной стояли папоротники и осока.

Публий Вагенний, конечно, понимал, что базальтовый утес, зловеще нависавший над его головой, когда-нибудь обрушится и завалит старый кратер. Ниша — большая, как пещера, — между двумя уступами служила обиталищем улиток. Постоянная сырость и тень, гниющие остатки растений и безветрие — как раз то, что им требуется.

Запах улиток неотступно преследовал его. Но — какого-то нового, неведомого Публию вида! Обнаружив в конце концов одну, он изумился: ее раковина оказалась величиной с его ладонь! Вскоре он увидел сотни огромных улиток! Не смея поверить собственным глазам, Вагенний забрался в пещеру и осмотрел ее. Его изумление все возрастало. Наконец в дальнем краю пещеры он обнаружил тропу, выводящую наверх, — но не змеиную, а улиточную. Тропинка ныряла в расщелину и уходила в пещерку поменьше, густо заросшую папоротником. Здесь улиток было еще больше. Влекомый любопытством, Публий продолжал карабкаться, пока не попал из Улиточного Рая в Улиточный Ад — сухой и выметенный ветрами слой лавы на поверхности навеса. С трудом переведя дыхание, он на мгновение застыл — и тут же быстро нырнул за скалу: менее чем в пятистах футах от него находилась крепость! И таким пологим был здесь уклон, что Публий мог бы легко пройти по нему, а стена цитадели так низка, что взобраться на нее ничего не стоило. Публий Вагенний вернулся на улиточную тропу, спустился вниз и остановился, чтобы прихватить с полдюжины самых крупных улиток, тщательно обернуть их мокрыми листьями и засунуть в глубокий нагрудный карман туники. Затем он начал трудный спуск в покрытую цветами лощину.

Большой глоток воды — и счастливец почувствовал себя лучше. Улитки в кармане целехоньки. Делиться ими он ни с кем не собирался. Вагенний переложил добычу в сумку с едой, вместе с мокрыми листьями и несколькими кусками перегноя. Надежно завязал тесемки, чтобы улитки не расплзлись. Потом сел перекусить. В предусмотрительно прихваченном котелке сварил пару добытых улиток и хороший чесночный соус к ним. О! Что за вкус! Крупные улитки были мягкими, зато какой аромат! А как мясисты!

Каждый день Вагенний съедал за обедом по две улитки. Добычи хватило почти на неделю. Затем он сделал еще одну ходку на гору — за новой порцией. Но на седьмой день почувствовал угрязения совести. Будь он наблюдательней — непременно пришел бы к выводу, что совесть мучает его тем сильней, чем тяжелее приступы несварения желудка. Сначала он обругал себя эгоистической жопой, которая лакомится в одиночку, не угощая друзей. Затем задумался над тем, что открыл путь на неприступную гору.

Еще дня три он боролся со своей совестью — пока в конце концов жесточайший приступ гастрита не отбил у него аппетит и не заставил пожалеть, что вообще нашел улиток. Тогда он решился...

Он не стал надоедать своему эскадронному командиру и отправился с докладом прямо к командующему.

Примерно в центре лагеря, на площади, образованной пересечением двух главных лагерных дорог — via praetoria и via principalis, находилась палатка полководца, отмеченная флагштоком. Площадь перед палаткой была достаточной обширной для общего построения армии. Здесь, под кожаным пологом, натянутым на укрепленную деревянную раму, Гай Марий оборудовал

свой штаб. Под тенью навеса, защищавшего главный вход от солнца и дождя, стояли стул и стол — место дежурного военного трибуна, который решал, допускать ли посетителя к командующему. Две центурии охраняли входы в шатер. Часовые развлекались, слушая разговоры между военным трибуном и посетителями.

Дежурным офицером в тот день был Квинт Серторий. Его сильно занимали многочисленные головоломки, которые возникали перед ним постоянно. Множество вопросов, связанных с самыми различными сторонами армейской жизни, от снабжения до сложностей морали. Кроме того, к нему постоянно обращались люди, каждый со своим делом. Серторий с удовольствием погружался в пучину проблем и ответственных заданий, которые давал ему Гай Марий. К Марию он относился с обожанием. Что бы ни поручал ему Гай Марий — Квинт Серторий рад был любой, даже самой неприятной, обыденной работе. И если другие младшие трибуны недолюбливали обязательные дежурства у входа в палатку полководца, Квинту Серторию эта повинность была по душе.

Когда лигуриец приковылял к шатру своей кавалерийской походкой, Квинт Серторий уставился на него не без любопытства. Парень так себе — разве что собственная мамаша, возможно, сочла бы его красавчиком. Зато панцирь надраен, так и горит. Обувка украшена парой сверкающих шпор, кожаные наколенники чисты. От него, конечно, попахивало конюшней — так ведь на то и кавалерист. От всех из них пахло лошадьми и навозом, этот запах впитался в ауксилиариев — сколько ни принимай ванну, как часто ни стирай одежду.

Они посмотрели друг другу в глаза — и понравились друг другу.

«Ни наград, ни знаков отличия, — отметил Квинт Серторий. — Но ведь кавалерия еще и не участвовала ни в одной операции».

«Молод для своей работы, — подумал Публий Вагенний, — зато солдат ладный, настоящий римский пехотинец... Наверняка ничего не понимает в лошадях».

— Публий Вагенний, Лигурийский кавалерийский эскадрон, — доложил проситель. — Хотел бы видеть Гая Мария.

— Чин? — спросил Квинт Серторий.

— Рядовой кавалерии.

— По какому делу?

— По частному.

— Полководец, — мягко начал Квинт Серторий, — не принимает рядовых, да еще из вспомогательного эскадрона, да еще явившихся без вызова. Где твой трибун, рядовой?

— Он не знает, что я здесь, — упрямо заявил Публий Вагенний. — Я по частному делу.

— Гай Марий — человек очень занятой.

Публий Вагенний облокотился на стол и обдал Сертория едким чесночным духом:

— Послушай меня, юный трибун. Просто доложи Гаю Марию, что у меня к нему очень выгодное предложение. Но говорить я буду только с ним. Это все.

Глядя в сторону, чтобы удержаться от смеха, Квинт Серторий встал:

— Подожди здесь, рядовой.

Внутри палатка была перегорожена надвое кожаной занавеской. Одна часть служила Марию жилищем, а вторая — штабом.

Штаб был просторней личных покоя. Там помещались складные стулья, горы карт, кое-какие макеты осадных конструкций, которые разрабатывались для штурма, стеллажи для документов.

Гай Марий сидел на своем стуле из споновой кости у большого складного стола. Август Манлий, его легат, расположился по другую сторону, Луций Корнелий Сулла занимал место между ними. Они были заняты утомительным и ненавистным для них делом, достойным бюрократов, но не воинов: просматривали счета. За маловажностью занятия обходились без секретарей и писцов.

— Гай Марий, прошу прощения, что прерываю... — неуверенно начал Серторий.

Что-то в его тоне заставило всех троих поднять головы и пристально посмотреть на дежурного трибуна.

— Считай, что прощен, Квинт Серторий. Что случилось? — спросил Марий, улыбаясь.

— Наверное, я напрасно вас отвлекаю... Но здесь, у входа, один лигурийский конник, который упорствует в желании увидеть Гая Мария. Зачем — не говорит.

— Рядовой, лигуриец... — повторил Марий задумчиво. — А что говорит его трибун?

— Он не поставил в известность трибуна.

— О, так это секрет? И почему же я должен его принять, Квинт Серторий?

Серторий ухмыльнулся:

— Знал бы я почему... Говорю честно — понятия не имею. Но что-то подсказывает мне, что тебе стоит выслушать его, Гай Марий.

Марий отложил документы:

— Пусть войдет.

Вид начальства ничуть не смутил Публия Вагенния.

— Вот это и есть Публий Вагенний, — доложил Серторий, готовясь снова уйти.

— Останься, Квинт Серторий, — велел Марий. — Итак, Публий Вагенний, что у тебя ко мне за дело?

— Много чего разного, — ответствовал Публий Вагенний.

— Ну так давай, выкладывай.

— Сейчас, сейчас. Вот только решу, что лучше: сразу выложить все, что знаю, или предложить сделку.

— А первое связано со вторым? — полюбопытствовал Август Манлий.

— Еще как!

— Тогда начни сразу с конца, — посоветовал Марий. — Я не люблю окольных разговоров.

— Улитки! — выпалил Публий Вагенний.

Все четверо посмотрели на него, но ничего не сказали. Солдат продолжал:

— Я знаю, где добыть улиток. Самых больших и самых сочных. Вы таких и не видывали!

— Так вот почему от тебя несет чесноком, — молвил Сулла.

— Кто же ест улиток без чеснока! — удивился Вагенний.

— Хочешь, чтобы мы помогли их съесть? — насмешливо поинтересовался Марий.

— Я хочу получить концессию, — пояснил Вагенний. — И чтоб меня свели в Риме с нужными людьми, которые заинтересуются поставками улиток.

— Вот оно что! — Марий посмотрел на Манлия, Суллу, Сертория. Никто из них не улыбался. — Хорошо, считай, что получил свою концессию. А где же сделка? Что ты дашь мне взамен?

— Я нашел путь на гору.

Сулла выпрямился.

— Ты нашел путь на гору? — медленно повторил Марий.

— Ага.

Марий встал из-за стола:

— Покажи.

Публий Вагенний уклонился:

— Покажу потом обязательно. Но не раньше, чем мы окончательно разберемся с улитками.

— Они что, не могут подождать? Расползутся? — Глаза Суллы зловеще засверкали.

— Нет, Луций Корнелий, подождать они не могут, — отрезал Публий Вагенний, мимоходом показав, что знает все начальство по именам. — Путь на вершину горы лежит прямо через мою плантацию улиток. Она — моя! К тому же там — лучшие в мире улитки. Вот, — он развязал свою сумку, осторожно извлек раковину в восемь дюймов длиной и положил на стол перед Марием.

Римские военачальники в полной тишине пристально смотрели на раковину. Попав на прохладную и скользкую поверхность стола, улитка, проголодавшаяся во время тряского путешествия в суме, обрадовалась отдыху. Студенистая масса выступила из-под раковины, сзади вытянулся мясистый хвост, спереди показалась тупоконечная голова, расправились рожки.

— Вот это улитка! — поразился Гай Марий.

— Да уж! — согласился Квинт Серторий.

— Мы бы могли накормить такими целую армию, — сказал Сулла, который и за столом оставался консерватором и улиток любил не больше, чем грибы.

— Вот о чём я и tolkую! — вскричал Публий Вагенний. — Я не хочу, чтобы эти жадные *mentulae*, — (его слушатели так и подскочили от неожиданности), — порастающими моих улиточек! Там их, конечно, много, но пятьсот алчных чавок сожрут всех, съевшав их до единой! А я хочу перенести их поближе к Риму и выращивать там. Не позволю, чтоб мою плантацию затоптали! Хочу концессию! Хочу спасти моих сплизнячков от этих армейских прожорливых потаскун!

— Да уж, точно, армия полна прожорливых потаскун, — серьезно согласился Марий.

— Между прочим, — заговорил Август Манлий с акцентом, выдающим представителя высшего света, — могу поспособствовать тебе в твоем деле, Публий Вагенний. У меня есть клиент из Тарквинии — это в Этуруии, знаешь ли, — который исключительно занимается чрезвычайно прибыльным делом на Деликатесном рынке — это в Риме, знаешь ли. Он торгует улитками. Его имя Марк Фульвий — не из благородных Фульвиев, конечно, понимаешь ли. Года два назад я дал ему немного денег, помог начать дело. Теперь он процветает. Думаю, увидев эту поистине величественную улитку, он будет счастлив заключить с тобой хороший договор.

— Буду премного тебе обязан, Август Манлий, — важно кивнул кавалерист.

— А теперь показывай дорогу в гору, — потребовал Сулла, еле сдерживая нетерпение.

— Сейчас, сейчас... — Вагенний повернулся к Гаю Марии, который с видимой скучкой полировал свои сандалии. — Пусть сначала главнокомандующий подтвердит, что плантация — за мной.

Гай Марий прекратил чистить сандалии и распрымился.

— Публий Вагенний, — произнес он, — ты мне решительно нравишься. Светлая голова, деловая хватка и сердце патриота. Даю тебе слово, что твоя плантация не пострадает. А теперь, пожалуйста, отведи нас туда.

Чуть позже они двинулись в путь, прихватив с собой опытного военного инженера. Чтобы сэкономить время, ехали верхом: Вагенний — на своем лучшем коне, Гай Марий — на немолодом, изящном лошаке, которого он берег для парадов; Сулла отдал предпочтение мулу. Август Манлий с Квинтом Серторием ехали чуть поостальнее.

— Ничего трудного, — заверил инженер, осмотрев засыпанный пеплом кратер. — Я построю отличную лестницу до самого верха.

— Сколько времени это займет? — спросил Марий.

— Понадобится несколько повозок с досками, маленькие брусья... И два дня — если работать день и ночь.

— Тогда приступай немедленно, — распорядился Марий. На Вагенния он посмотрел с нескрываемым уважением: — Уж не от горного ли козла ты ведешь свой род, если сумел сюда взобраться?

— Родился в горах, воспитывался в горах, — похвастался Вагенний.

— Пока не построят лестницу, твои улитки в безопасности. А потом я лично за ними присмотрю. — Так обещал Марий.

Через пять дней крепость у реки Мулухи перешла в руки Гая Мария — вместе с целым кладом серебряных монет и слитков, с тысячью талантами золота и с двумя сундуками. Один был битком набит прекраснейшими карбункулами, отливавшими кровавым огнем; второй — камнями, которых не видел еще никто и никогда. Это были гладкие прозрачные кристаллы, с одного конца ярко-розовые, а с другого — темно-зеленые.

— Да тут целое состояние, — сказал Сулла, вертя в руках один из многоцветных камней.

Публий Вагенний был торжественно награжден перед строем. Ему вручили полный комплект из девяти фалер. Эти большие круглые медали чистого серебра, украшенные рельефом и соединенные по три в ряд расшифты серебряными полосками, носились поверх лат на груди. Лигуриец был весьма доволен. Но еще больше обрадовался он тому, что Марий сдержал слово и спас его плантацию от гурманов. Все улитки заблаговременно были перенесены поближе к вершине горы. Обиталище их Марий предварительно укрыл кожами, так что солдаты даже не узнали, какие аппетитные штучки прячутся в здешних папоротниках. А лестницу, когда гора была взята штурмом, Марий приказал разобрать. В довершение радости Август Манлий написал своему клиенту, Марку Фульвию, чтобы тот, когда война закончится и конник выйдет в отставку, непременно заключил с Вагеннием договор о поставках.

— Помни, Публий Вагенний, — сказал Марий, цепляя ему на грудь девять серебряных фалер, — четверо из нас рассчитывают в будущем на ответную награду от тебя — бесплатных улиток к нашему столу. И самая большая доля причитается Августу Манлию.

— Разумеется, — заверил Публий Вагенний, который обнаружил, что собственная его страсть к улиткам, увы, безвозвратно ушла. Желудок кавалериста дрогнул под яростным натиском деликатесов и разразился ответным гастритом. Сейчас моллюски интересовали Вагенния исключительно с коммерческой стороны.

Конец секстилия застал армию в пути обратно к приграничным районам. Питались солдаты отменно — уборка урожая была в самом разгаре. Рейд по окраинным землям Бокса возымел желаемый результат. Убежденный в том, что Марий завоевал Нутидию и на этом не остановится, Бокс решил связать свою судьбу с судьбой своего зятя Юргорта. Он двинул мавретанскую армию к реке Мулухе и встретился там с нумидийским царем, который, выждав, пока Марий уйдет, снова занял разграбленную горную цитадель.

Два царя отправились следом за римлянами на восток, но атаковать неприятеля не спешили и держались поодаль, чтобы оставаться незамеченными. Лишь когда Марий находился уже в ста милях от Цирты, цари нанесли удар.

Это случилось в сумерки, когда римляне обустраивали походный лагерь. Тем не менее атака не застала легионеров врасплох — Марий всегда держался начеку. Разведчики высматривали подходящую площадку, помечали кольями ее углы, и вся армия вступала в будущий лагерь строем, без суматохи, по легионам, по когортам, по центуриям. Каждый знал, где встать и что делать. Обозы заводили за ограду, нестроевые присматривали за семеркой мулов своего подразделения, возницы оборудовали

стола. Легионеры располагались вдоль своего сектора границы лагеря, закрепляемого за каждым подразделением раз и навсегда. Они работали, не снимая доспехов, меча и кинжала. Копья втыкали в землю рядом с собой, щиты прислоняли к копьям.

Разведчики врага не обнаружили. Сообщив, что все спокойно, они тоже приступили к строительству своей части ограды. Солнце уже зашло. Под покровом темноты нумидийская и мавретанская армии выскоцкнули из-за гребня ближайшей горы и спустились к недостроенному лагерю.

Битва происходила в темноте. Несколько часов события складывались не в пользу римлян. Однако Квинт Серторий раздал нестроевикам факелы, и в конце концов поле боя было освещено достаточно, чтобы Марий мог разглядеть происходящее. С этого момента положение римлян начало улучшаться. Отличился Сулла. Он подбадривал те части, которые под написком врага готовы были сложить оружие или поддавались панике. Сулла появлялся сразу повсюду, где дела были плохи. У него оказалось врожденное чутье и верный глаз, которым он мог определить, всякий раз упреждая события, когда и где возникнет слабина. Меч его был в крови. Сулла держался как бывалый боец — неудержимый в атаке, осторожный в обороне, изворотливый в беде.

К восьмому часу темноты победа осталась за римлянами. Нумидийская и мавретанская армии отступили — отступили в полном порядке, но оставив на поле несколько тысяч павших, в то время как Марий потерял на удивление мало.

Наутро армия двинулась дальше. Своих погибших кремировали, вражеских — оставили стервятникам. Теперь легионы двигались, построившись в каре, конница располагалась спереди и сзади этого квадрата, обоз — в середине.

Следующая атака — буде Югурта решится напасть снова — застала бы армию на марше. Легионы тут же развернулись бы к врагу лицом, конница прикрыла бы фланги. Теперь у каждого солдата на голове был шлем с цветным султаном из конского волоса и оба копья — наготове. До самой Цирты они ни на мгновение не теряли бдительности.

На четвертый день, когда к ночи армия должна была достичь Цирты, цари снова ринулись в бой. Марий был к этому готов. Каждый легион образовал каре; эти каре сомкнулись в большой квадрат с обозом в центре. Малые каре быстро перестроились в шеренгу, наращивая толщину живых стен. Югурта рассчитывал, что его многотысячная конница, как всегда, прорвет фронт римлян. Превосходные наездники, нумидийцы не пользовались ни седлом, ни уздечкой, не носили доспехов. Они полагались лишь на своих лошадей да на собственную храбрость и отменное владение дротиком и длинным мечом. Однако конница — ни нумидийская, ни мавретанская — так и не смогла пробиться в центр римского каре.

Сулла сражался в первом ряду передовой когорты передового легиона. И когда Югурта дрогнул, именно Сулла повел римлян в контратаку.

Отчаянное желание покончить с римлянами помешало Югурте вовремя вывести войско из битвы. Когда же он решил отступить, было уже слишком поздно. Оставалось биться до победы или до полного поражения. Именно поэтому римлянам удалось полностью уничтожить нумидийскую и мавретанскую армии. Большая часть воинов противника навсегда осталась лежать на окровавленной земле. Югурте и Бокху удалось скрыться.

Марий въехал в Цирту впереди колонны измученных легионеров. И все же, несмотря на усталость, солдаты ликовали: конец войне в Африке! Марий расквартировал армию за стенами Цирты, в домах нумидийцев. Самих горожан на следующий день выгнали на работы — очищать поле битвы, сжигать трупы своих сограждан, вывозить в город павших римлян для торжественного погребения.

Квинт Серторий отвечал за награждение отличившихся и за погребальные костры для павших. Впервые он участвовал в такой важной церемонии и понятия не имел, что и как следует делать, но природная находчивость выручала новичка. Он разыскал старого *primus pilus*, ветерана легионов, и высказал у него подробности.

— Первое, что тебе надлежит сделать, юный Серторий, — сказал старший центурион, — это извлечь все личные награды Гая Мария и выставить их на всеобщее обозрение, дабы люди знали, каков он солдат. Большинство легионеров — новички. Даже их папаш в армию не брали — нищета! Кто ж им мог порассказать, хорошим ли солдатом был наш Гай Марий? А вот я — знаю. Все потому, что был во всех кампаниях, где участвовал Марий, начиная с... э-э... с Нуманции.

— Думаешь, он возит награды с собой? — засомневался Серторий.

— Конечно, возит, молодой Серторий! — успокоил ветеран. — Они должны приносить ему удачу...

И действительно, Гай Марий признался Серторию, что награды держит при себе. Он немного смущался, когда Серторий пересказал ему слова центуриона насчет удачи.

Вся Цирта собралась поглазеть на волнующую церемонию. Легионеры при всех парадных регалиях, серебряные орлы увенчаны лавровыми венками, штандарты манипул в виде серебряной руки с лавровым венком, *vexillum* — полотняные знамена центурий — также украшены знаком победы. Виктория! Солдаты надели все свои награды. Впрочем, армия состояла из новичков, так что лишь несколько центурионов и полдюжины бойцов носили нарукавные повязки, нашейные кольца, медали. Среди них выделялся, конечно, Публий Вагенний со своими девятью фалерами.

Гай Марий был поистине великолепен! Квинт Серторий с восхищением смотрел на знаки отличия любимого полководца. Сам он стоял в ожидании золотого венка, которым его обещали увенчать за первый в жизни бой. Сулле причитался такой же.

Награды Гая Мария были выставлены в ряд на высоком помосте. Шесть серебряных дротиков — каждый за голову одного врага в одном бою; пурпурный стяг, расшитый золотом и с подвеской из золотого слитка — за жизни сразу нескольких врагов в одном бою; два инкрустированных серебром овальных щита — за отраженные атаки врага. Часть наград красовалась на самом Марии. Его кожаный панцирь был тяжелее обычного, ибо сплошь был покрыт фалерами в позолоченных оправах — не меньше трех полных наборов, два спереди, один на спине; шесть золотых и четыре серебряных бляхи свисали на узеньких лямках через плечи и шею; руки и запястья блестели от *armillae* — золотых и серебряных браслетов. На голове у него был венок из дубовых листьев — *civica*. Так награждали только тех, кто спас жизни своих соотечественников и удержал свой участок обороны, чем повлиял на весь ход битвы. Еще два таких венка висели на серебряных копьях. На двух других — *civica aurea*, венки из золотых лавровых листьев за беспредельную храбрость. На пятом копье поблескивала *corona muralis* — золотой венец в виде крепостной стены — награда тому, кто первым поднялся на стену вражеского города. На шестом копье находилась *corona vallaris* — золотой венок воину, первым ворвавшемуся в стан врага.

«Что за человек!» — думал Квинт Серторий, пересчитывая награды. Действительно, из всех отличий Республики Гай Марий не был удостоен лишь *civica navalis* — морского венка (да и то лишь потому, что на море никогда не воевал) и *civica graminea* — простого венца из трав тому, кто лично доблестно спас от верной гибели легион или всю армию. Впрочем, последняя награда присуждалась очень редко — по пальцам можно перечесть. Во-первых, легендарному Луцию Сикцию Дентату, который имел двадцать шесть венков, но только один — из трав. Потом — Сципиону Африканскому во время второй войны с Карфагеном. А еще... Серторий нахмурился, пытаясь вспомнить остальных ее обладателей. Публий Деций Мус заслужил эту награду во время Первой Самнитской войны. Квинт Фабий Максим Кунктатор получил ее за то, что заставил Ганнибала кружить по Италии и тем самым помешал ему напасть на сам Рим.

Назвали имя Суллы — он должен был получить золотой венок и полный комплект золотых фалер за доблесть, проявленную в первой из двух битв. Как же счастлив он был, как горд! Квинт Серторий слышал, что человек он холодный и не без жестокости, но ни разу за все их совместное пребывание в Африке не нашел подтверждения этим обвинениям. Квинт Серторий не понимал, что холодность и жестокость можно до времени скрыть.

Внезапно Квинт Серторий так и подскочил: углубившись в свои мысли, он не услышал, как выклинули его имя, вот и получил толчок под ребра от слуги, гордившегося своим господином почти так же, как сам Квинт Серторий гордился собою.

Серторий поднялся на помост и замер, пока сам великий Гай Марий надевал на его голову золотой венок. Затем под одобрительные крики солдат Гай Марий и Август пожали ему руку. После того как раздали все бляхи, браслеты и знамена — некоторые когорты получили коллективные награды, золотые и серебряные кисти к штандартам, — Марий заговорил.

— Прекрасно поработали, солдаты! — прокричал он. — Вы доказали, что вы — храбрецы храбрых, мужественное

мужественных, трудолюбивее трудолюбивых и умнее умных. Посмотрите, сколько штандартов украсились теперь наградами! Когда мы с триумфом пройдем через Рим, там будет на что посмотреть!

Надвигались ноябрьские дожди. Когда в Цирту прибыло посольство от царя Мавретании, Марий заставил послов несколько дней поволноваться, пропуская мимо ушей их уверения в безотлагательности дела.

— Не будет царю Бокху моего прощения! — заявил Марий. — Убирайтесь домой! Вы зря отнимаете у меня время.

Послом был младший брат царя — Богуд. Богуд подскочил к Марию прежде, чем тот дал ликторам знак выгнать посольство:

— Гай Марий, Гай Марий, мой царственный брат прекрасно понимает, сколь велик его проступок! Он не смеет просить прощения. Не смеет молить, чтобы ты посоветовал Сенату и народу Рима по-прежнему обращаться с ним как с другом и союзником. Все, чего он хочет, — это чтобы весной ты направил двух своих легатов к его дворцу в Тингисе, что близ Геркулесовых столбов. Там он объяснит — во всех подробностях! — как это вышло, что он вступил в сговор с Югуртой. Пусть они выслушают его молча, и только после этого дай нам свой ответ. Умоляю, обещай, что выполнишь просьбу моего брата!

— Послать двух легатов? В самый Тингис? Да еще в начале сезона военных действий? — Марий изобразил на лице крайнее изумление. — Все, что я могу, — это направить их в Салды.

Это был большой морской порт, чуть западнее от Рузикады — морских ворот Цирты. Послы в ужасе воздели руки.

— Это невозможно! — вскричал Богуд. — Мой брат не хотел бы встретиться на этом берегу с Югуртой.

— Тогда — в Икозий. — Марий назвал другой морской порт, миль на двести западнее Рузикады. — Я пошлю своего старшего легата Авла Манлия и моего квестора Суллу. В Икозий. Но сейчас, а не весной.

— Это невозможно! — снова воскликнул Богуд. — Царь пребывает в Тингисе!

— Вздор! — скривился презрительно Марий. — Царь сейчас плетется в Мавретанию с поджатым хвостом. Если вы пошлете за ним гонца на хорошем коне, Бокх успеет в Икозий примерно в одно время с моими легатами. Вот мое единственное предложение! Хочешь — принимай его. Нет — ступай на все четыре стороны.

Богуд предложение принял. Двумя днями позже посольство погрузилось на корабль и вместе с Авлом Манлием и Суллой отбыло в Икозий, послав гонца вслед потрепанным остаткам мавретанской армии.

— Он уже был там и поджидал нас, как ты и сказал, — доложил Сулла месяц спустя, после возвращения легатов.

— А где Авл Манлий? — спросил Марий.

— Нездоров и решил возвращаться сушей.

— Что-нибудь серьезное?

— Никогда не видел, чтобы на море человеку становилось так плохо.

— Вот уж не знал за ним такого! — удивился Марий. — Следовательно, надо так понимать, что большую часть переговоров провел ты, а не Авл Манлий?

— Да, — сказал Сулла. — Этот Бокх — очень забавный. Маленький, круглый, как мячик. Наверно, сладости ест без меры. Очень напыщенный и важный с виду и робкий в душе.

— Так обычно и бывает, — заметил Марий.

— Я сразу понял, что он до смерти боится Югурты. Едва ли притворяется. И если бы мы дали ему крепкие гарантии, что не намерены лишать его мавретанского трона, думаю, он был бы рад верно служить интересам Рима. Но на него очень сильное влияние оказывает Югурта.

— Всюду этот Югурта... Вы, как просил Бокх, слушали его молча — или все-таки высказывались?

— Сначала я дал высказаться ему, — ответил Сулла. — А потом высказался и сам. Он надеялся получить желаемое и отдельаться от меня, но на это я ему заметил, что в таком случае сделка получится односторонняя, а так не бывает.

— А еще?

— Еще — что если бы он был умным правителем, то впредь держался бы от Югурты подальше, а вместо того поближе сошелся бы с Римом.

— И как он к этому отнесся?

— Очень хорошо. Вообще, когда я покидал его, он находился в приподнятом настроении.

— Тогда подождем, что будет дальше, — сказал Марий.

— Я узнал там кое-что еще. Силы Югурты на исходе. Даже гетулы уже отказываются давать ему солдат. Нумидия очень устала от войны. И вряд ли кто-нибудь в царстве, будь то оседлый житель или кочевник, верит, что у царя есть хоть малейший шанс на победу.

— Но выдадут ли они нам Югурту?

— Конечно, нет.

— Ничего, Луций Корнелий. На следующий год мы его сцепаем.

Незадолго до конца старого года Гай Марий получил письмо от Публия Рутилия Руфа, которого надолго задержали в пути затяжные штормы.

Помнится, ты хотел, чтобы я выдвинул свою кандидатуру на консульскую должность совместно с тобой. Однако появилась возможность,ренебречь которой может лишь дурак. Да, я впишу свое имя в список кандидатов завтра же. Других претендентов пока нет. «Неужто? А Квинт Лутаций Катул Цезарь?» — так и слышу твой вопрос. Нет, дела его сейчас слишком плохи: он ведь испачкал свою репутацию, принадлежа к той группировке, что защищала наших консулов-растяп, потерявших несколько армий. Претендентом можно считать только одного из «новых людей» — Гнея Малия Максима. Я прекрасно с ним сработаюсь.

Твое командование, как ты, вероятно, знаешь, продолжают на следующий год.

Рим сейчас — действительно скучное место. У меня едва ли найдутся какие-нибудь новости для тебя. Увы, ничего остренького, ни одного самого завалящего скандалчика.

Семья твоя в порядке, маленький Марий — прекрасный ребенок. Кстати, властен не по годам и шаловлив — тоже. Часто выводит из себя свою мать, — впрочем, как и подобает маленькому мальчику. А вот твой свекор, Гай Юлий Цезарь, нездоров. Однако он никогда не забывает о том, что он — Цезарь, и потому никогда не жалуется. У него что-то с голосом, и даже усиленные дозы меда не помогают.

Вот и все новости! Ужасно, правда? О чём бы еще тебе написать? Страница едва заполнена, да и то какими-то пустяками. Ну ладно, расскажу о своей племяннице Аврелии. «Да кто она такая, эта Аврелия?» — фыркнешь ты. Не сомневаюсь, что тебя это мало интересует, но ты все-таки прочти, а я постараюсь быть кратким. Ты, конечно, знаешь историю о Елене Троянской, хоть ты и итальянский деревенщина, по-гречески не разумеющий. Она была такой красивой, что все цари и царевичи в Греции жаждали на ней жениться. Такова же и моя племянница. Она так красива, что каждый в Риме просто рвется взять ее в жены. Все дети моей сестры Рутилии красивы, но Аврелия — особенно. Когда она была еще ребенком, все жалели ее, поскольку она считалась дурнушкой. Но теперь, когда ей скоро исполнится восемнадцать, все наперебой восхваляют ее очарование. Кстати, я очень люблю племянницу. Почему? Действительно, обычно я не слишком интересуюсь родней женского пола — даже собственной дочерью и двумя внучками. Но знаешь ли ты, за что я обожаю мою дорогую Аврелию? За... ее служанку! Когда милой моей племяннице исполнилось тринадцать, моя сестра и муж ее, Марк

Аверлий Котта, решили, что дочери пора иметь собственную служанку-подружку. А заодно и сторожевого пса для девочки. Они купили рабыню и отдали Аверелии. Но та вскоре объявила, что видеть не желает эту девушку. «Почему?» — спросила моя сестра Руттилия. «Потому что она ленива», — ответила девочка. Родители снова отправились к работоговцу и, пересмотрев множество живого товара, выбрали другую девушку. И ее Аверелия также отвергла.

«Почему?» — спросила моя сестра Руттилия.

«Потому что она полагает, будто может командовать мной», — сказала Аверелия.

В третий раз вернулись родители и купили еще одну девушку. Все три, замечу, были гречанки, все три — высокообразованы и музыкально одаренные. Но Аверелии не понравилась и третья.

«Почему?» — спросила моя сестра Руттилия.

«Потому что она не успела прийти в дом, как уже строит глазки нашему управляющему», — был ответ Аверелии.

«Ну ладно, иди и сама приведи себе служанку!» — в сердцах сказала моя сестра Руттилия.

Когда Аверелия привела домой свою находку, вся семья пришла в ужас. Эдакая шестнадцатилетняя девица родом из галлов арвернов, долговязая, с круглым розовым лицом и носом пуговкой, блеклыми голубыми глазами, коротко обромсанными волосами (они были проданы на парик, когда ее предыдущий хозяин нуждался в деньгах), с безобразными руками и ногами.

«Это Кардикса», — объявила Аверелия.

Меня всегда интересует подноготная тех, кого мы приводим в дом в качестве рабов. Удивительное дело: мы тратим гораздо больше времени на обсуждение обеденного меню, чем на выбор людей, которым доверяем свою одежду, самих себя, своих детей и даже свою репутацию! Поразило же меня, что моя тринадцатилетняя племянница Аверелия выбрала эту страшнушку, руководствуясь совершенно правильными критериями. Ей была нужна служанка верная и трудолюбивая, а не такая, чтобы хорошо выглядела, обладала чистым греческим произношением и могла болтать без умолку.

Мне захотелось побольше разузнать про эту Кардиксу. Тем более что это не составило особого труда: я просто расспросил Аверелию, а та уже успела узнать всю историю этой девушки. Кардиксу вместе с ее матерью продали в неволю, когда ей было четыре года, — это случилось после того, как Гней Домиций Агенобарб завоевал земли арвернов и разорил всю Заальпийскую Галлию. Вскоре после того, как обеих привезли в Рим, мать умерла. Девочка прислуживала в домах — носила туда-сюда ночные горшки, подушки и пухфики. Ее продавали несколько раз. Особенно нехорошо ее держали в семьях после того, как она потеряла детскую миловидность и начала превращаться в тот самый нескладный чертополох, который я только что описал. Один хозяин домогался ее, восьмилетнюю. Другой — порол девочку всякий раз, когда его жена на нее жаловалась. Зато третий научил ее читать и писать, обучая грамоте вместе со своей дочерью.

«Итак, ты решила привести это убогое создание в свой дом из жалости?» — спросил я Аверелию.

Нет, не зря я люблю племянницу больше, чем собственную дочь! Мое замечание ей не понравилось. Она отпрянула от меня и сказала: «Вовсе нет! Жалость достойна восхищения, дядя Публий, так нам говорят поэты и наши родители. Но я считаю, что жалость — слабоватый критерий при выборе служанки. Если жизнь Кардиксы была тяжела — в том нет моей вины. И не обязана я исправлять то, что сделали другие. Я выбрала Кардиксу потому, что уверена: она покажет себя верной, работящей, послушной и добронравной. Красивый футляр — еще не гарантит, что книгу, которая в нем содержится, стоит читать».

Как же ее не любить после этого, Гай Марий?! Тринадцать лет ей было тогда! Здравый смысл у моей племянницы, завидный здравый смысл. Много ли ты знаешь женщин с таким удивительным даром? Все эти молодые люди хотят жениться на ней из-за ее красивой внешности и ради немалого приданого. А я бы отдал ее за того, кому понравится ее здравый смысл.

Отложив письмо, Гай Марий взял свое стило и положил перед собой лист. Без колебаний вывел начало ответного письма:

Вперед же, Публий Руттилий! Гнею Малию Максиму нужен в пару сильный консул — именно такой, как ты. Что касается твоей племянницы — почему бы не позволить ей самой выбрать себе мужа? По-моему, со служанкой у нее это получилось.

Хотя я, честно говоря, не понимаю из-за чего весь сыр-бор.

Луций Корнелий говорит, что стал отцом, но известие он получил не от Юлии, а от Гая Юлия. Не сделаешь ли ты мне одолжение, приглядев за этой молодой особой? Ибо я не думаю, что у Юлии столько же здравого смысла, как у твоей племянницы. А больше попросить мне некого.

Спасибо, что известил о болезни Гая Юлия.

Надеюсь, это письмо ты получиши, уже будучи новым консулом. Прощай.

ГОД ШЕСТОЙ (105 Г. ДО Р. Х.) КОНСУЛЬСТВО ПУБЛИЯ РУТИЛИЯ РУФА И ГНЕЯ МАЛЛИЯ МАКСИМА

Югурта еще не стал изгнаником в собственной стране, хотя, кажется, именно к этому дело и шло: наиболее плотно населенные восточные части Нумидии беспрекословно признали владычество римлян. Столица Нумидии, город Цирта, располагалась в самом центре страны, и Марий решил, что благоразумнее остаться на зиму там, а не в Утике. Жители Цирты никогда не проявляли особой любви к своему драчливому царю. Но Марий знал, что, побежденный и униженный, Югурта может, как это ни парадоксально, сискать симпатии своих подданных. Сулла уехал, чтобы из Утики управлять римской провинцией Африка, а Август Манлий оставил службу и получил разрешение вернуться домой. Манлий забрал с собой в Рим обоих сыновей Гая Юлия Цезаря. Они не хотели покидать Африку, но письмо Руттилия встревожило Мария, и он почувствовал, что будет разумнее вернуть Цезарю его сыновей.

В январе нового года нерешительный владыка Мавретании Бокх наконец решился. Несмотря на кровные и брачные узы, связывавшие его с Югуртой, он изъявил готовность присоединиться к Риму, если Рим снизойдет до этого. Бокх поехал из Иола в Икозий, где двумя месяцами раньше беседовал с Суллой и хворающим Манлием, и оттуда отправил небольшое посольство — договориться с самим Гаем Марием.

К несчастью, он никак не ожидал, что Марий на зиму покинет Утику. Посланники Бокха отправились именно туда, пройдя севернее Цирты, — и таким образом разминулись с Гаем Марием.

Посольство состояло из пяти знатных и достойных доверия человек. В их числе находились младший брат царя Богуд и один из его сыновей. Но воинов для охраны этих посланников Бокх не дал. В этом был определенный смысл. Не желая портить отношений с Марием, Бокх опасался демонстрировать какую-либо военную силу. От послов требовалось только одно — не попасть на зуб к Югурте.

В результате посольство царя Мавретании выглядело группой преуспевающих торговцев, едущих домой с недурной прибылью от успешной сезонной торговли. Подобная группа, естественно, не могла не привлечь самого пристального внимания разбойников, которые бесчинствовали по всей стране, пользуясь бессилием нумидийского царя. За рекой Убус, к югу от Гиппона Регийского, на посольство было совершено разбойное нападение. Послов и даже рабов и слуг раздели почти догола.

Лучшие головы из числа римлян в Африке состояли при Марии, так что Сулле достались куда менее сообразительные помощники. Поэтому он взял за правило самолично интересоваться всем, что происходит у ворот правительенного дворца. И вот по счастливой случайности Сулла увидел толпу путников-оборванцев, безуспешно пытающихся пройти мимо тупоголовой охраны.

— Нам необходимо увидеть Гая Мария! — твердил принц Богуд, стараясь быть убедительным. — Нас направил к нему сам царь Мавретании Бокх, уверяю!

Сулла подошел поближе, пригляделся, послушал.

— Впусти их, идиот, — велел он стражнику и взял Богуду под руку, чтобы поддержать его, — посол сбил себе ноги. — Объяснения подождут, царевич, — молвил Сулла. — Сейчас — ванна, чистая одежда, еда и отдых.

Несколько часов спустя римлянин внимательно выслушал рассказ Богуда.

— Мы добирались сюда дальше, чем предполагали, — сказал Богуд. — Боюсь, мой царственный брат будет в отчаянии. Могу ли я наконец увидеть Гая Мария?

— Гай Марий в Цирте, — ответил Сулла. — Расскажи мне, чего хочет твой царь, я сам свяжусь с Циртой. Так получится быстрее.

— Мы — кровные родственники царя, который просит Гая Мария отправить нас в Рим. Там мы принесем Сенату просьбу нашего владыки вновь считать его клиентом великого Рима.

— Понятно. — Сулла встал. — Устраивайся здесь удобнее, Богуд, и со спокойным сердцем жди. Я немедленно сообщу обо всем Гаю Марию. Ответ придет через несколько дней.

Спустя четыре дня в Утику действительно пришло письмо, в котором говорилось:

Отлично, превосходно, замечательно! Все это могло бы оказаться чрезвычайно кстати, Луций Корнелий. Я, однако, должен быть осмотрителен. Новый старший консул, Публий Рутилий Руф, сообщает мне, что наш дражайший Метелл Нумидийский повсюду трезвонит о том, что собирается обвинить меня в вымогательстве и коррупции во время моей службы в провинции. Так что нельзя давать ему в руки такое оружие в борьбе против нас. Пусть сам стряпает какие угодно факты — за мной не числится ни вымогательства, ни коррупции.

Итак, вот что я хочу от тебя. Я приму принца Богуда в Цирте. Пусть посольство едет сюда. Но пока ты его еще не отоспал, собери всех римских сенаторов, казначея, официального представителя Сената и народа Рима со всей Римской Африки. Вместе с ними отправляйся в Цирту. Я же представлю Богуда этим почтенным римлянам — пусть они будут беспристрастными свидетелями того, что переговоры велись честно.

Сулла со смехом отложил письмо.

— Превосходно сделано, Гай Марий! — сказал он и тотчас обременил всех чиновников своей администрации поручением разыскать знатных и уважаемых римлян по всей провинции.

Поскольку Рим особое внимание уделял поставкам зерна, Африканскую провинцию — житницу Республики — любили навещать наиболее рьяные члены Сената. Особенно — в начале года, когда морской путь благодаря северным ветрам становился безопаснее. Сезон дождей их не слишком пугал. Ведь дождь лил далеко не каждый день, зато погода в промежутке между ливнями была куда приятнее, нежели зимой в Италии, — да и климат здесь был здоровее.

Сулле удалось собрать двух таких рьяных сенаторов и двух землевладельцев (в том числе — крупнейшего из них, Марка Целия Руфа), старшего хранителя казны, приехавшего на зимний отдых, и одного римского богатея, который производил крупные закупки зерна и в Утике был проездом.

Прежде чем принять мавретанских послов, Марий созвал знатных римлян.

— Хочу объяснить вам ситуацию. После беседы с царевичем и его спутниками нам следует прийти к единому решению — как быть с царем Бокхом. Пусть каждый из вас изложит свое мнение письменно. Тогда в Риме увидят, что я не превысил своей власти, — так сказал Марий двум сенаторам, двум землевладельцам, одному казначею, одному квестору и одному правительству провинции.

Исход встречи был в точности таким, как хотел Марий: он красноречиво изложил свои доводы и был поддержан квестором Суллой. «Мирное соглашение с Бокхом необходимо», — заключили знатные римляне. И сошлись на том, что троих посланцев Мавретании следует отправить в Рим в сопровождении казначея Гнея Октавия Рузона. Двое других пусть возвращаются обратно к Бокху, чтобы доложить царю о благожелательном отношении Рима.

Гней Октавий Рузон опекал Богуда и двух его двоюродных братьев на пути в Рим, куда они прибыли в начале марта и были немедленно выслушаны на специальном заседании Сената. Собрались в храме Беллоны. Беллона была древней, исконно римской богиней войны. Намного старше Марса. Ее храм служил местом заседаний Сената, когда речь шла об объявлении войны.

Консул Публий Рутилий Руф огласил вердикт Сената при широко открытых дверях, чтобы собравшиеся снаружи могли его услышать.

— Передайте царю Бокху, — так сказал Рутилий Руф, — что Сенат и народ Рима помнят все: и нанесенное им оскорбление, и старые дружеские узы. Нам ясно, что царь Бокх искренне раскаивается в своем проступке. Было бы несправедливо с нашей стороны не простить его. Итак, царь Мавретании Бокх прощен Сенатом и народом Рима! Однако Сенат и народ Рима требуют, чтобы царь Бокх отплатил нам добром за добро. Мы не ставим никаких определенных условий. Какой будет эта дружеская услуга, пусть царь Бокх решает сам. И когда он со всей очевидностью проявит добрую волю, Сенат и народ Рима будут счастливы заключить с ним договор о мире и сотрудничестве.

Бокх ответил в конце марта. Сам он предпочел остаться в Икозии. Гай Марий, рассудил он, может вести переговоры и на расстоянии — через Богуда. А чтобы защититься от Югурты, боязливый Бокх ввел в Икозий новую армию и, как смог, укрепил маленький порт.

Богуд же отправился к Гаю Марию в Цирту.

— Мой царственный брат просит Гая Мария сказать ему, какую услугу можем мы оказать Риму.

Произнеся это, Богуд опустился на колени.

— Встань, встань! — раздраженно сказал Марий. — Я тебе не царь! Я проконсул Сената и народа Рима! Не надо пресмыкаться передо мной. Это унижает меня даже больше, чем тебя.

Смушенный Богуд поднялся.

— Гай Марий! Помоги нам! — вскричал он. — Скажи прямо, чего хочет от нас Сенат?

— Я бы помог вам, если бы... — начал Марий и замолчал, пристально изучая свои ногти.

— Так отправь одного из своих приближенных, чтобы он поговорил с царем с глазу на глаз. Возможно, в личной беседе они быстрее придут к согласию.

— Хорошо. В таком случае Луций Корнелий Сулла поедет к вашему царю. При условии, что место встречи будет отстоять от Цирты не дальше, чем Икозий.

— Самое главное, разумеется, — выторгуй у них голову Югурты, — напутствовал Марий Суллу, когда квестор готовился в путь. — Ах, многое бы я отдал, чтобы оказаться на твоем месте, Луций Корнелий! Но не могу. Остается только одно: послать к ним такого человека, как ты.

Сулла в ответ безмолвно ухмыльнулся.

— А если сможешь, привези мне самого Югурту! — добавил Марий. — Это было бы лучше всего.

Итак, в середине мая Сулла выступил из Рузиады в сопровождении когорты легионеров, когорты легковооруженных всадников-самнитов, личного эскорта, состоящего из балеарцев, и эскадрона конников под командованием лигурийца Публия Вагенния.

На протяжении всего пути до Икозия Сулла нервничал, хотя на море чувствовал себя превосходно и даже успел проникнуться симпатией к мореплаванию. Экспедиция обещала быть удачной. И очень важной лично для него. Он верил в это

так, словно кто-то ему напророчествовал удачу. Как ни странно, Сулла совершенно не стремился встретиться и поговорить с предсказательницей Марфой Сириянкой, хотя Гай Марий частенько предлагал ему это и даже пробовал настаивать. Отказывался Сулла вовсе не из-за того, что не был склонен к предрассудкам. Как всякий истинный римлянин, Луций Корнелий Сулла был преисполнен суеверий. Он просто-напросто боялся. Хоть Луций Корнелий Сулла, патриций и сенатор, и старался внушить всем и каждому, а паче всего самому себе, что его ждет славное будущее, он слишком многое знал о собственных слабостях, чтобы встречаться с предсказательницей по примеру Мария.

Что-то сулило ему туманное будущее? Сулла явственно ощущал надвигающуюся беду. Греческие философы постоянно диспутировали о природе зла. Находились такие, которые утверждали, будто зла не существует вовсе. Но Сулла слишком хорошо изведал: зло есть. Оно вполне реально.

С залива открывался чудесный вид на город. В период зимних дождей множество потоков устремлялось к заливу с гор, и на затопленном побережье с десяток островов плавали, как корабли. Кипарисы были похожи на мачты и паруса. «Прекрасное место!» — подумал Сулла.

На берегу близ города их ждала тысяча берберских всадников, снаряженных по-нунидийски: без седел и упряжи, без доспехов, лишь с копьями, длинными мечами и щитами.

— Смотри! — сказал Богуд, когда они с Суллой сошли на берег. — Царь приспал своего любимого сына встречать тебя, Луций Корнелий.

— Как его зовут?

— Волюкс.

К нему приблизился юноша, вооруженный так же, как его воины; однако лошадь его была оседлана. Сулле понравились открытые рукопожатие и спокойные манеры царевича Волюкса. Такого юношу стоило любить. Но где же сам царь Бок?

Наметанным глазом посланец Мария пытался обнаружить владыку Мавретании по многочисленной свите.

— Луций Корнелий! Мой отец уехал на юг, в горы, — объяснил царевич. Они остановились на берегу, где Сулла мог наблюдать выгрузку своих войск и снаряжения.

Сулла вздрогнул от неожиданности.

— В договоре между царем Боком и Гаем Марием такого не было, — молвил он. — Встреча должна быть личной.

— Знаю, — смущенно отозвался Волюкс. — Но дело в том, что царь Югурта совсем близко.

Сулла похолодел:

— Это что — ловушка, царевич?

— Нет, нет! — запротестовал молодой человек. — Клянусь тебе всеми твоими богами, Луций Корнелий, это не ловушка! Но Югурта — опасен... Он наслышан о планах моего отца. Югурта двинулся сюда с небольшим отрядом гетулов. Сил этих не хватит, чтобы напасть на нас. Зато мы можем напасть на него. Отец решил покинуть взморье, чтобы обмануть Югурту. И Югурта поверили. Он ничего не знает о прибытии римлян, мы в этом уверены. Очень хорошо, что вы прибыли морем.

— Югурта быстро пронохает, что я здесь, — мрачно сказал Сулла, думая о своем отрядике в пятьсот человек.

— Будем надеяться на лучшее, — проговорил Волюкс. — Три дня назад я вывел тысячу своих воинов из лагеря отца — будто бы для учений. А привел их сюда. Мы не объявляли войну Нунидии. Поэтому у Югурты мало поводов нападать на нас. Вместо открытых военных действий он предпочел побольше разузнать о наших намерениях. Клянусь, он остался на юге, возле нашего лагеря. Его лазутчикам не подобраться к Икозию, пока мои воины охраняют эту область.

Сулла скептически посмотрел на юношу, но ничего не сказал. Их было маловато, этих мавров. Беспокоила его и затянувшаяся разгрузка судов. Закончат ли завтра?

— Где конкретно находится Югурта? — спросил он наконец.

— В тридцати милях от моря, в маленькой долине среди гор, к югу отсюда. Как раз между Икозием и лагерем отца, — ответил Волюкс.

— И как же мне попасть к твоему отцу, избежав стычки с Югуртой?

— Я могу провести тебя в обход — так, что он и не узнает. В самом деле, Луций Корнелий! Отец доверяет мне, доверься и ты. — Волюкс подумал немного и добавил: — Думаю, будет лучше, если ты оставишь своих людей здесь. Чем меньше нас будет, тем легче проскользнуть незамеченными.

— Почему я должен тебе доверять, царевич? Я не знаю тебя. Да и Богуда, и твоего отца — тоже. Вдруг ты нарушишь слово и предашь меня Югурте? Я — прекрасная добыча! Попади я в плен — трудно придется Гаю Марии, сам знаешь.

Богуд ничего не сказал, только помрачнел, но юный Волюкс и не думал сдаваться.

— Так дай мне задание, которое докажет, что мне и моему отцу — нам можно доверять! — вскричал он.

Сулла поразмыслил над услышанным — и продемонстрировал свой знаменитый волчий оскал.

— Хорошо, — сказал он. — Ведите же меня. Чего мне терять?

Он посмотрел на мавра, его странные светлые глаза вспыхнули под полями соломенной шляпы, как два драгоценных камня. Смешной головной убор, какого никогда не носят римские солдаты. Что ж, тем вернее запомнят здешние жители необычного героя в забавной шляпе и долго еще будут рассказывать у костров и очагов о его деяниях.

«Я должен ввериться судьбе», — подумал Сулла. — Она ни разу еще не обманула моих надежд. Это — проверка. Испытание моих сил. Способ доказать им всем — от царя Бокха и его сына до того могущественного человека, который остался в Цирте, — что я равен им... нет, выше их! Фортуна не посмеет играть со мной в прятки. Вперед! Такова моя участь. Делай, что делаешь, Сулла. Верши свою судьбу. Постарайся».

— Нынче, как только стемнеет, — обратился он к Волюксу, — ты и я да совсем небольшой конный отряд отправимся в лагерь твоего отца. Мои люди останутся здесь. Если Югурта и обнаружит их — пусть думает, что римляне закрепились в Икозии и твой отец придет сюда, чтобы встретиться с нами.

— Но этой ночью не будет луны, — испуганно сказал Волюкс.

— Знаю, — ехидно улыбнулся Сулла. — Это испытание, царевич. Нам будут светить лишь звезды. При их свете ты и проведешь меня прямо через лагерь Югурты.

Богуд выкатил глаза.

— Но это же безумие! — воскликнул он.

Волюкс, напротив, осмелел:

— Да, это заманчиво!

— Ну как, ты хорошо меня понял? — повторил Сулла. — Прямо через лагерь Югурты! Нас не заметят и не услышат — если будем скользить, как тени. Если все пройдет удачно, я буду знать, что могу доверять тебе, а также твоему отцу царю.

— Я принимаю твой вызов, — торжественно возвестил Волюкс.

— Оба вы спятили, — заключил Богуд безнадежно.

Сулла решил оставить Богуда в Икозий, сомневаясь, что этому члену царской семьи можно доверять. Придержали царского брата вполне вежливо, однако на всякий случай приставили к нему двух военных трибунов, которым было приказано не спускать с него глаз.

Волюкс подобрал четырех лошадей — лучших в Икозий, а Сулла подготовил своего мула, с некоторых пор твердо уверовав, что скромняга мул гораздо надежнее большого боевого коня. Прихватил он и свою замечательную шляпу, хотя ночью в ней не было нужды. Небольшой дерзкий отряд состоял из Суллы, Волюкса и трех знатных мавров. Сулла распорядился ехать без седел и уздечек.

— Никакого металла — чтобы звон его не выдал нас, — согласился Волюкс. — Ты прав.

Однако для себя Сулла тщательно выбрал простое седло.

— Оно, конечно, может скрипеть. Но если я упаду — наделаю больше шума, — пояснил он.

Все пятеро окнулись в черноту безлунной ночи. Звезды указывали им путь, и не было ветра, чтобы поднять тучи пыли и скрыть бледный их свет в песчаной мгле. Неподкованные лошади шаркали, а не цокали по каменистой дороге, пересекавшей чередующиеся овраги и холмы вокруг залива.

— Следует благодарить судьбу за то, что ни одна из лошадей не хромает, — сказал Волюкс, когда его конь споткнулся.

— Где я — там и судьба, — не удержался Сулла.

— Не разговаривайте, — напомнил им один из их спутников. — В такую безветренную ночь голоса разносятся на много миль.

Так они ехали в тишине и мраке. Яркий отблеск затухающих костров над небольшим водоемом, у которого расположился Югурта, указал им местонахождение нумидийского лагеря.

Пятероочных всадников спешились. Волюкс отстранил Суллу и принял за работу. Сулла со стороны не без интереса наблюдал, как мавры надевают на ноги лошадям специальные башмаки. Обычно такую «конскую обувь» с деревянной подошвой использовали на рыхлой земле, чтобы сохранить нежные копыта. Эта же обувка была изготовлена из толстого войлока. Ее закрепляли, обернув вокруг копыта мягкие кожаные завязки с металлическими крючками.

Каждый вел свою лошадь в поводу, пока она не привыкла идти обутой. На последней полумилю перед лагерем Югурты Волюкс остановил отряд. Наверняка перед лагерем были выставлены часовые, но всадники пока что никого не увидели. Обученный на римский лад, Югурта разбил свой лагерь в подражание легионному. Но нумидийцам, в отличие от римлян, никогда не хватало терпения и основательности, чтобы доводить начатое до конца.

Югурта хорошо знал, что Марий и его армия находятся далеко — в Цирте, а у Бокха недостанет сил, чтобы напасть на него. Поэтому нумидийский царь и не побеспокоился о том, чтобы возвести настоящие укрепления. Только насыпал невысокий земляной вал по всему периметру лагеря. Кони запросто могли его перемахнуть, не ломая ног. Сулла подумал, что это сделано скорее ради того, чтобы не разбежались животные, нежели для защиты людей от врага. Будь Югурта настоящим римлянином, лагерь оброс бы целой сетью рвов, ощетинился частоколами.

Пятеро всадников подъехали к стене и перепрыгнули ее в двухстах шагах от главных ворот. Внутри лагеря они передвигались очень осторожно, тесно прижимаясь к стенам. Свежевсконанная рыхлая земля скрадывала звуки. Лазутчики видели часовых, но те смотрели в другую сторону и не слышали, как пятеро пробираются по широкой дороге от ворот до ворот. Сулла, Волюкс и три знатных мавра проехали с полмили по проходу между шатрами, снова свернули к стене, вдоль нее пробрались к воротам и, убедившись, что стража далеко, проскользнули за ограду. Спустя еще милю они сняли с лошадей башмаки.

— Прошли! — прошептал Волюкс, победно оскалив зубы. — Теперь ты мне доверяешь, Луций Корнелий?

— Доверяю, Волюкс, — хищно улыбнулся Сулла в ответ.

Они ехали шагом, оберегая своих неподкованных лошадей, и на рассвете обнаружили стоянку берберов. Четырех уставших лошадей Волюкс предложил обменять на свежих. Берберы согласились дать лошадь и взамен мула: это животное для них было заморской новинкой. Пять свежих лошадей скакали весь день без передышки. Уже стемнело, когда они добрались наконец до лагеря царя Бокха. Здесь Сулла остановил коня и спешился.

— Не то чтобы я не доверял тебе, царевич, — сказал он. — Пойми меня правильно. Ты — сын царя. Ты здесь у себя дома. Я же чужак. Как знать, чем здесь меня встретят. Так что я лучше подожду тебя здесь. Устроюсь поудобней, полежу и отдохну, а ты повидайся с отцом и переговори с ним. Убедись, что все хорошо, и уж тогда возвращайся за мной.

— Я бы на твоем месте здесь не ложился, — заметил Волюкс дружески.

— Почему же?

— Скорпионы.

Волосы у Суллы встали дыбом. Он едва сдержался, чтобы не отпрянуть в сторону. Но в последнее мгновение сдержался и решил показать, что римлянину пауки и скорпионы не страшны. С равнодушным лицом Сулла повернулся к Волюксу:

— Ну, не так уж и страшно. После Югурты со скорпионами я как-нибудь уживусь.

— Верю, — сказал царевич. В душе он уже начинал преклоняться перед Суллой.

Сулла разлегся на мягкем песке, вырыл себе ямку, сделал холмик в изголовье, мысленно попросил у Фортуны защиты от скорпионов и прикрыл глаза... Вернувшись спустя четыре часа, Волюкс обнаружил, что Сулла спит как убитый, и вполне мог убить его. Но Луцию Корнелию по-настоящему везло в эти дни: Волюкс оказался настоящим другом.

Ночь была холодной, и Сулла совсем замерз.

— Ползать по песку как лазутчик — разве это профессия для юноши? — пошутил он, протягивая Волюксу руку, чтобы тот помог ему подняться. И только потом различил за спиной царевича неясную фигуру.

— Все в порядке, Луций Корнелий. Это — друг моего отца. Его зовут Дабар, — быстро проговорил Волюкс.

— Еще один двоюродный брат твоего отца?

— Нет. Дабар — двоюродный брат Югурты. Как и Югурта, рожден от берберийки. Он хочет попытать счастья с нами — ведь Югурта предпочитает быть единственным царским отприском в Нумидии!

Втроем осушили бутыль крепкого и сладкого неразбавленного вина. Сулла выпил свою долю не отрываясь и почувствовал, как усталость, боль, холод — все растворяется в волшебном тепле. Затем последовали медовые печенья, кусок приправленного козьего мяса и еще одна бутыль вина. Лучшего, показалось Сулле, он в жизни не пробовал.

— О, мне полегчало! — молвил он, разминая мышцы. — Какие новости?

— Чутье тебя не обмануло, Луций Корнелий, — начал Волюкс. — Югурта первым успел прибыть к моему отцу.

— Меня предали?

— Нет, нет! Положение нисколько не изменилось. Пусть объяснит Дабар — он был при этом.

— Кажется, Югурта прослыпал о посланцах от Гая Мария, — сказал Дабар. — Он послал одного из своих приближенных, Аспара, к моему царю, чтобы вызнать, о чем совещаются царь Мавретания и римляне.

— Понятно. Каковы наши планы?

— Завтра царевич Волюкс сопроводит вас к царю. Вы сделаете вид, будто только что вместе приехали из Икозия. Аспар, к счастью, не видел сегодня царевича. Скажи моему царю, что приехали вы по прихоти Гая Мария, а вовсе не по приглашению царя Бокха. Попроси царя отпасть от Югурты. Мой царь ответит уклончиво. Он прикажет тебе расположиться поблизости и подождать десять дней, дабы он мог обдумать предложения римлян. Ты отправишься в лагерь и будешь ждать там. Однако царь встретится с тобой завтра ночью в другом месте, где вы сможете поговорить без опаски. — Дабар пронзительно посмотрел на Суллу. — Тебя это устраивает?

— Вполне, — ответил Сулла, зевнув. — Единственная проблема — где мне переночевать и вымыться? Я воняю, как

лошадь. И по мне ползает всякая нечисть.

— Волюкс подготовил для тебя удобную стоянку недалеко.

— Так ведите же меня туда — и поскорее! — И Сулла поднялся.

На следующий день у Суллы состоялся нелепый разговор с Бокхом. Нетрудно было догадаться, кто из присутствующих — шпион Югурты. Аспар стоял слева от великолепного трона Бокха, и никто не отважился встать с ним рядом.

— Что мне делать, Луций Корнелий? — откровенно взмолился Бокх на второй,тайной, встрече — ночью, встретившись с Суллой в лесах между своим лагерем и стоянкой римлянина.

— Оказать услугу Риму, вот что.

— Скажи, какой услуги хочет Рим, и я все сделаю! Золото, драгоценности? Земля? Воины? Конница? Зерно? Только назови! Ты — римлянин. Ты должен хорошо понимать, что означает это загадочное послание вашего Сената. Клянусь, я не понимаю! — Бокх затрясся от страха.

— Все, что ты перечислил, Рим может взять и сам, царь Бокх, — презрительно ответил Сулла.

— Так что же? Скажите мне, что?

— Думаю, ты должен был сам это уяснить, царь Бокх. Жаль, что не догадался. И я отлично понимаю — почему Югурта! Сенат хочет, чтобы ты подарил Риму Югурту. Мирно и полюбовно. Слишком много крови пролилось уже в Африке, слишком много сожжено селений, слишком много земель запущено. И пока Югурта по-прежнему остается в силе, разорение страны не прекратится. Разорение Нумидии беспокоит нас. Разорение Мавретании — тоже. Так что отдай мне Югурту, царь, и я буду доволен.

— Ты хочешь, чтобы я предал своего зятя, отца моих внуков, кровного родственника по Масиниссе?

— Вот именно.

Бокх зарыдал:

— Но я не могу! Луций Корнелий, я не могу так поступить! Мы — такие же берберы, как и пунийцы, нас связывает закон кочевого народа. Выходит, не выслужить мне доброго союза с Римом! Кто я буду отныне? Предатель мужа собственной дочери? Невозможно, невозможно!

— Нет ничего невозможного, — холодно ответил Сулла.

— Мой народ никогда не простит меня!

— Рим тебя тоже не простит. Выбирай, что хуже.

— Не могу! — зарыдал Бокх. Настоящие слезы лились по его щекам, сверкали в тщательно завитой бороде. — Пожалуйста, Луций Корнелий! Я не могу!

Сулла с презрением отвернулся.

— Значит, не будет и договора с Римом, — сказал он.

Так изо дня в день — восемь дней кряду — продолжался этот фарс. Аспар и Дабар разъезжали с записками туда-сюда между маленькой стоянкой Суллы и царским шатром — и все без толку. Сулла и Бокх, храня тайну, общались только по ночам.

Сулла обнаружил, что ему нравится ощущение власти, которое давало ему звание посланца Рима. Ему нравилось демонстрировать непреклонность, подтасчивавшую — капля за каплей — волю мавретанского царя. Он, не бывший царем, повелевал царям. Быть римлянином — значит обладать реальной властью. Это волновало и радовало.

На восьмую ночь Бокх снова вызвал Суллу на тайное место их встреч.

— Хорошо, Луций Корнелий, я согласен, — сказал царь с красными от слез глазами.

— Отлично! — отрывисто похвалил Сулла.

— Но как это сделать?

— Проще не бывает. Ты посылаешь Аспара к Югурте с предложением выдать меня ему.

— Он мне не поверит. — В голосе Бокха прозвучало отчаяние.

— Поверит! Увидишь, он поверит.

— Но ты всего лишь квестор!

Сулла засмеялся:

— Хочешь сказать, что римский квестор ниже нумидийского царя?

— А разве это не так?

— Позволь кое-что объяснить тебе, царь, — мягко произнес Сулла. — Я — римский квестор при особе Гая Мария. И это действительно не высшая должность. Однако я еще и патриций. Я — Корнелий. Моя семья дала Риму Сципиона Африканского и Сципиона Эмилиана. Мой род древней и знатней, чем твой или Югурты. Если бы Римом правили цари, они, возможно, были бы из семьи Корнелиев. И еще — я свояк Гая Мария. Что еще следует тебе знать, чтобы ты понял — я прав?

— Югурта... Он это знает? — прошептал царь.

— Все он знает, — сказал Сулла, сел и стал ждать.

— Хорошо, Луций Корнелий. Будет так, как ты требуешь. Я пошлю Аспара к Югурте и предложу выдать тебя. — Надменность шелухой осыпалась с царя. — Однако скажи мне точно, как следует поступать. Изложи свой план в деталях.

— Ты попросишь Югурту прийти сюда послезавтра ночью. Дай ему обещание, что он получит римского квестора Луция Корнелия Суллу, тепленьким и связанным. Сообщишь, что квестор в своем лагере один и пытается убедить тебя стать союзником Гая Мария. Он знает, что это рано или поздно должно было случиться, — Аспар уже известил его. Он также знает, что на сотню миль вокруг нет римских солдат. Значит, Югурта не потащит за собой свое войско. Ему и не снилась такая добыча. — Сулла притворился, что не видит, как дрожит Бокх. — Ни тебя, ни твоей армии Югурта не страшится. Боится он только одного Гая Мария. Он придет. Он поверит каждому слову Аспара.

— Но что будет, когда Югурта не вернется в свой лагерь? — спросил Бокх, содрогаясь всем телом.

Сулла оскалился радостно и зло:

— Придется тебе, едва Югурта попадет в мои руки, сняться и как можно быстрее уходить в Тингис.

— И тебе не понадобится мое войско, чтобы схватить Югурту? У меня не найдется людей, чтобы помочь довезти его до Икоэзия! И лагерь его — на пути туда...

— Понадобятся мне только хорошие цепи да шесть быстрых коней.

Сулла был заранее готов к трудностям. Сомнения не одолевали его. Он был уверен в том, что прославится, захватив Югурту! Поручение Гая Мария будет выполнено исключительно благодаря доблести, уму и инициативе Луция Корнелия Суллы. Гай Марий предоставил ему возможность отличиться. Сам Марий не стремится уже к славе — он и без того уверен в своем будущем величии. Значит, он не станет приписывать себе заслуги Суллы и не утаит от Рима историю пленения Югурты. Личная слава жизненно необходима патрицию, чтобы сделаться впоследствии консулом. Ведь патриций не может стать народным трибуном. Этот путь к карьере для знати закрыт. Приходится искать другие пути к сердцам выборщиков. Имя Югурты многое значит для Рима. Пусть же Рим узнает, как неутомимый Луций Корнелий Сулла одной рукой управился с неукротимым

нунидийцем!

Отправляясь на встречу с Бокком, Сулла был уверен в себе, бодр и настроен идти до конца.

— Югурта ждет не дождется увидеть вас в цепях, — сообщил ему Бокк. — Он удивился, когда услышал, что римляне надеялись склонить его сдаться. Югурта наказал мне взять побольше людей, чтобы схватить тебя, Луций Корнелий.

— Хорошо, — коротко бросил Сулла.

Когда Бокк явился с Суллой и с мощной конницей, Югурта ожидал их в сопровождении кучки придворных, среди которых был и Аспар. Подгоняя лошадь, Сулла обогнал Бокка и пустился рысью к Югурте, затем спешился и сделал всем понятный жест дружелюбия:

— Царь Югурта!

Югурта посмотрел на протянутую руку и покинул коня, чтобы ответить тем же.

— Луций Корнелий!

Пока они пожимали друг другу руки, конница тихо взяла их в кольцо. И Югурту тут же схватили. Без кровопролития, как и наказывал Гай Марий. Придворных его тоже одолели без крови. Югурту едва повалили на землю — так яростно он сопротивлялся. Поднялся он уже в оковах.

Глаза его, как заметил Сулла при свете факела, были очень светлы для темнокожего. Был он крепок и здоров не по возрасту. Только ранние морщины старили нумидийского царя — выглядел он намного старше Гая Мария.

— Положите его на гнедую лошадь, — приказал Сулла людям Бокка и самолично проследил, как защелкнулись замки на наручниках и специальном седле, затем проверил подпругу, подергал защелки. Поводья гнедой он привязал к своему седлу: вздумай Югурта пинать свою лошадь, Сулла может ее придержать. Четырех запасных лошадей привязали к седлу Югурты. Наконец, для полной безопасности, Югурту приковали цепью к самому Сулле.

За все это время Сулла ни словом не перекинулся с маврами. Молча пришпорил он лошадь и помчался. Лошадь Югурты покорно поскакала за ним. Поводья и цепь то и дело натягивались. Запасные лошади пошли следом. Вскоре кавалькада исчезла из виду.

Бокк плакал. Волюкс и Дабар беспомощно смотрели на него.

— Отец, позволь мне пуститься за ним! — взмолился Волюкс. — Он не может ехать быстро с такой обузой — я догоню его!

— Слишком поздно, — молвил безутешный мавретанский владыка. Слуга подал царю платок. Бокк вытер глаза и нос. — Он не дастся тебе. Мы беспомощные дети по сравнению с Луцием Корнелием Суллой. Он — римлянин, патриций, квестор. Нет, сын мой, не в наших руках отныне судьба бедного Югурты. Нам надлежит думать о Мавретании. Самое время отправиться домой в любимый наш Тингис. Наверное, берега Внутреннего моря — не для нас.

Молча и без остановок Сулла отмахал около мили. Он ликовал: Югурта захвачен! Удалось!

О, даже если он разделит славу с Гаем Марием, историю пленения Югурты будут долгие годы пересказывать матери детям. Прыжок юного Марка Курция в пропасть, разверзшуюся на Форуме, героизм Горация Коклеса, оборонявшего Деревянный Мост от Ларса Порсенны, круг, очерченный у ног сирийского царя Гаем Попилием Ленатом, убийство Луцием Юнием Брутом своих любимых сыновей, убийство Спурния Маллия претендентом на царский трон Гаем Сервилием Ахалой — и пленение Югурты Луцием Корнелием Суллой! Какие волнующие подробности ждали юных слушателей! Один только ночной рейд сквозь лагерь Югурты чего стоит... Но Сулла был не настолько романтик и фантазер, чтобы долго упиваться этими мечтами. Пора было спешиться и переменить коня под Югуртой. Сулла отвязал одного из четверки запасных.

— Вижу я, — сказал Югурта, наблюдая за ним, — что нам предстоит пройти еще сотню миль. Как ты переложишь меня с одного коня на другого? — Он засмеялся. — Моя конница схватит тебя, Луций Корнелий!

— Посмотрим, — ответил Сулла, подхлестывая навьюченного коня.

Вместо того чтобы двигаться на север, к морю, он повернул на восток и прошел десять миль через небольшую долину. Стояла безветренная летняя ночь, путь освещала луна. Сулла поднялся в горы, держа в темноте курс на скопище гигантских скал, поросших редким лесом.

— Должно быть, это здесь! — радостно провозгласил Сулла и пронзительно свистнул. Его лигурийская конница высыпала из-за валунов. Каждый всадник вел двух запасных лошадей.

— Они ждали меня, Югурта, — объяснил Сулла. — Царь Бокк думал, что я прибыл к нему совершенно один. Но, как видишь, это далеко не так. Позади себя я оставил Публию Вагеннию и отоспал его за подмогой.

Сулла теперь скакал налегке — пленника приковали к Публию Вагеннию. Вскоре они уже мчались на северо-восток, обходя лагерь Югурты далеко стороной.

— Об одном я жалею, царь Югурта, — сказал Публий Вагенний. — Не покажешь ты мне теперь, где можно поживиться улитками в окрестностях Цирты. Да и вообще в Нумидии...

К концу июня война в Африке завершилась. На некоторое время Югурту поместили в подходящем месте в Утике. Там же содержались два его сына — чтобы составили компанию отцу, пока формируется новый двор Нумидии и идет дележ хлебных mestechek при новом правительстве. Царь Бокк заключил с Сенатом договор о дружбе и сотрудничестве, а царевич Гауда сделался наконец царем несколько поуменьшившейся Нумидии. Именно Бокк — с разрешения Рима — и прибрал к рукам территории, ранее подвластные Югурте.

А когда подоспел небольшой флот, Марий посадил царя Югурту и двух его сыновей на один из кораблей и отправил в Рим. Нумидия больше не угрожала римским владениям.

С пленниками отбыл и Квинт Серторий, решивший поучаствовать в войне с германцами в Заальпийской Галлии. За разрешением он обратился к Марии.

— Я человек военный, Гай Марий, — сказал серьезный молодой воин. — В Африке война закончена. Рекомендуй меня своему другу Публию Рутилию Руфу, пусть возьмет меня на службу в Галлии.

— Ступай. Благодарю тебя и благословляю, Квинт Серторий, — сказал Марий с любовью. — И передай от меня поклон своей матери.

Лицо Сертория посветлело:

— Непременно передам, Гай Марий!

— Помни, юный Серторий, — напутствовал Марий, провожая его на корабль, — ты еще понадобишься мне. Береги себя в бою. Рим удостоил тебя за храбрость и умелые действия золотым венцом, фалерами и браслетами. Редкая награда в твоем возрасте. Не спеши сложить голову. Ты нужен Риму живой, а не мертвый.

— Я останусь в живых, Гай Марий, — пообещал Серторий.

— И не отправляйся на войну сразу, — напомнил Марий, — Побудь сперва с матерью.

— Хорошо, Гай Марий.

Когда юноша отплыл, Сулла иронически посмотрел на своего начальника:

— Тебя ли я вижу, суровый Гай Марий? Кудахчешь над парнем, как старая наследка, снесшая единственное яйцо.

Марий фыркнул:

— Ерунда! Он мой родственник. И я люблю его.

— Еще бы! — ослабился Сулла.

Марий засмеялся:

— Попробуй, Луций Корнелий, представить себе, что ты любишь юного Септория, как я!

— Представляю! Уж я бы не кудахтал, Гай Марий.

— Ах ты, член засранный! — ответствовал Марий.

На том разговор и закончился.

* * *

Рутилия, единственная сестра Публия Рутилия Руфа, побывала замужем дважды — и оба раза за братьями Котта. Первым ее мужем был Луций Аврелий Котта, избранный консулом вместе с Метеллом Далматиком, Великим Понтификом, четырнадцать лет назад, в тот самый год, когда народный трибун Гай Марий бросил вызов Великому Понтифику Метеллу Далматику.

Рутилия попала к Луцию Аврелию Котте юной девушкой, в то время как он уже был один раз женат и имел девятилетнего сына, названного, как и он, Луцием. Поженились они через год после того, как случилось восстание во Фрегеллах. А в первый год трибуна Гая Гракха у них родилась дочь, Аврелия. Сынишка Луция Котты был счастлив получить маленькую сестричку, поскольку очень полюбил свою мачеху Рутилию.

Когда Аврелии исполнилось пять лет, ее отец, Луций Аврелий Котта, внезапно умер — спустя лишь день после окончания его консульских полномочий. Для большего удобства двадцатичетырехлетняя вдова осталась в доме младшего брата Луция — Марка, не имевшего тогда жены. Случилось так, что они полюбили друг друга, и, с позволения отца и брата, Рутилия вышла замуж за своего деверя — через одиннадцать месяцев после смерти Луция Котты. Вместе с ней под защиту Марка попали ее приемный сын Луций Младший и ее дочь Аврелия. Семья быстро увеличивалась. Менее чем через год Рутилия родила Марку сына — Гая; еще через год — Марку Младшего. Последний сын, тоже Луций, появился на свет спустя семь лет.

Аврелия оставалась единственной девочкой среди многочисленных отпрысков Рутилии. Положение ее было весьма занятным. Младшие ее братья одновременно приходились ей кузенами — ведь ее отец был их дядей. Многие путались в родственных связях этой семьи, особенно если за объяснения брались дети.

— Она — моя двоюродная сестра, — говорил Гай Котта, показывая на Аврелию.

— Он — мой брат, — возражала Аврелия, указывая на Гая Котту.

— Он — мой брат, — мог сказать Гай Котта, указав на Марка Котту.

— Она — моя сестра, — утверждал в свою очередь Марк Котта, указывая на Аврелию.

— Он — мой двоюродный брат, — могла Аврелия представить Марка Котту.

Так иной раз продолжалось часами. Редко кто разбирался в семейной путанице. Но сложные кровные узы не волновали всерьез никого из ребятишек, искренне любивших друг друга, Рутилию и ее мужа Котту, который тоже обожал их всех.

Род Аврелиев был одним из самых благородных, а Аврелии Котты, пожалуй, дольше других занимали места в Сенате и чаще прочих становились консулами. Они были богаты благодаря правильно вложенным средствам, колоссальным земельным владениям — и предусмотрительно заключенным бракам. Аврелии Котты могли позволить себе иметь много сыновей, не беспокоясь об их будущем, да и дочерей наделяли изрядным приданым.

Словом, под крышей Марка Аврелия Котты и его жены Рутилий собирались завидные женихи и невеста — красавцы как на подбор. И прекрасней всех — Аврелия.

— Безупречна! — таков был вердикт любящего роскошь Луция Лициния Красса Оратора, одного из самых настойчивых соискателей ее руки.

— Восхитительна! — так выразил свои впечатления Квинт Муций Сцевола — лучший друг и родич Красса Оратора, тоже пополнивший собою список соискателей.

— Вдохновляюща! — признал Марк Ливий Друз.

— Елена Троянская! — описывал ее Гней Домиций Агенобарб Младший, добивавшийся ее руки вместе с прочими.

Да, каждый в Риме хотел жениться на племяннице Руфа. Те немногие из претендентов, которые уже имели жен, всерьез подумывали о разводе. Развестись было просто, а приданое Аврелиев столь велико, что будущему мужу красавицы не стоило беспокоиться о потере приданого предыдущей жены.

— Я действительно чувствую себя как царь Тиндарей, когда цари вереницей шли к нему просить руки Елены, — признался Марк Аврелий Котта жене.

— Только ему-то Одиссей помог с ними разобраться, — смеялась в ответ Рутилия.

— Ну ладно, я и сам разберусь, без Одиссея! Будь что будет! Отдам ее тому, кто не добивается ее руки.

— Точно как Тиндарей, — кивнула Рутилия.

Вскоре явился и «хитроумный Одиссей» с предложением о том, как лучше разрешить проблему. Марк Котта пригласил на ужин Публия Рутилия Руфа. Когда молодежь ушла спать, разговор, как всегда, перекинулся на выбор жениха для Аврелии. Рутилий Руф слушал с интересом и предложил свое решение. Он, впрочем, не стал говорить сестре и шурину, что решение это подсказано ему только что полученным коротким письмом Гая Мария.

— Ничего сложного, Марк Аврелий, — заявил Рутилий Руф.

— Если так, то я весь внимание, — сказал Марк Котта. — Просвети меня, Улисс!

Рутилий Руф улыбнулся.

— Нет, я не могу в песне и танце рассказать об этом, подобно Улиссу, — сказал он. — Рим наших дней, увы, не Древняя Греция. Мы не можем заколоть лошадь, разрезать ее на четыре части и заставить всех поклонников Аврелии дать над ней клятву верности тебе.

— Особенно до того, как они узнают, кого из них мы осчастливим! — улыбнулся Котта. — Ах, что за романтики были эти древние греки! Нам же, боюсь, придется иметь дело с группой алчных и мелочных римлян.

— Именно, — кивнул Рутилий Руф.

— Прошу, брат, помоги же нам! — горячо попросила Рутилия.

— Я же сказал, дорогая Рутилия, что ответ прост. Позвольте девочке самой выбрать себе мужа.

Котта с женой были поражены.

— Ты уверен, что это мудро? — спросил Котта.

— Если мудрость не дает вам ответа — гоните ее прочь, — посоветовал Рутилий Руф. — Вам нет необходимости искать для нее богача. Нет нужды и бояться печально известных охотников за удачей — таких в списке ее женихов не водится. Маловероятно, что к гнездам Аврелиев, Юлиев или Корнелиев слетятся за добычей низкосортные аферисты. К тому же дочь ваша здраво мыслит, не сентиментальна и, само собой, не охоча до приключений. Она не бросит тени на вас. Кто угодно, только не она.

— Ты прав, — кивнул Котта. — Не думаю, что найдется на свете мужчина, способный вскружить Аврелии голову.

На следующий день Котта и Рутилия вызвали Аврелию в гостиную ее матери, чтобы рассказать ей о принятом решении.

Она пришла, не волнуясь, ступая спокойным, ровным шагом. Сильные ноги, прямая спина, плечи отведены назад, голова вскинута. Возможно, фигуре ее не хватало непринужденности, зато одевалась девушка с исключительным изяществом, не прибегая к помощи высоких пробковых каблуков и драгоценностей. Ее прекрасные волосы — длинные, каштановые — были собраны в тугой узел на затылке. Нежная молочно-белая кожа не ведала грима. Прямой и тонкий, словно у скульптуры Праксителя, нос не выдавал присутствия в ее роду кельтов. Сочные, темно-красные, изящно очерченные губы словно манили к лобзаниям. Подбородок с ямочкой, бледный лоб — высокий и широкий... и фиалковые глаза в оправе из длинных и тонких ресниц, над которыми, подобно черным аркам, поднимались тонкие брови.

Часто на мужских вечеринках заходили споры (редкая обходилась без того, чтобы среди гостей не оказалось двух-трех из многочисленных ее поклонников) о том, в чем же состоит знаменитая привлекательность Аврелии. Одни говорили — в ее умных и бесстрастных глазах. Другие находили особое очарование в замечательной чистоте ее кожи. Иные вспоминали о совершенстве всех черт лица. Немногие страшно шептали о губах, подбородке с ямочкой, о плавных линиях рук и ног.

— Ни то, ни другое, а все вместе, — ворчал Луций Лициний Красс Оратор. — Дураки! Она весталка на выданье — она Диана, не Венера! Недостижимость — вот в чем тайна.

— Нет, это ее фиалковые глаза! — сказал младший сын принцепса Скавра, тоже Марк, как и его отец. — Это пурпур, знак благородства! А сама она — живое, дышащее знамение!

Но когда «живое, дышащее знамение» вошла в гостиную матери, как всегда невозмутимая и безупречная, она вовсе не принесла с собой атмосферу высокой драмы. Вообще-то говоря, характер Аврелии не поощрял излишней патетики.

— Садись, дочь, — сказала Рутилия с улыбкой.

Аврелия села и сложила руки на коленях.

— Мы хотим поговорить с тобой о твоем замужестве, — сказал Котта и откашлялся, желая, чтобы она каким-нибудь вопросом помогла ему выбрать верный тон.

Но дочь просто смотрела на него с некоторым интересом — и не более.

— Что ты об этом думаешь? — спросила Рутилия.

Аврелия пожала плечами:

— Надеюсь, вы выберете кого-нибудь, кто придется мне по душе.

— Мы тоже на это надеемся, — заверил ее Котта.

— А кто тебе не по душе? — спросила Рутилия.

— Например, Гней Домиций Агенобарб Младший.

Котта счел, что она права.

— А еще кто? — спросил он.

— Марк Эмилий Скавр Младший.

— Ах, как жаль! — воскликнула Рутилия. — А мне кажется, что он очень мил.

— Это правда, он мил, — согласилась Аврелия. — Но робок.

Котта даже не попытался скрыть усмешку:

— Чем тебе плох робкий муж, Аврелия? Ведь ты могла бы командовать им!

— Хорошая жена не управляет в доме, как центурион.

— Ладно, со Скавром покончено. Аврелия свое слово сказала. Есть еще нежелательные кандидатуры?

— Луций Лициний.

— А этот почему?

Она поджала губы:

— Толстый.

— Некрасивый, да?

— Это указывает на отсутствие самодисциплины, отец.

Иногда Аврелия называла Котту отцом, иногда — дядей, но всегда к месту. Когда во время беседы видно было, что он выступает в роли отца, она обращалась к нему как к отцу.

— Ты права, так оно и есть, — признал Котта.

Рутилия попробовала зайти с другой стороны:

— А кого ты бы предпочла?

— Честное слово, мама, у меня никого на примете нет. Я буду вполне счастлива, если выбор сделаете вы с отцом.

— Чего же ты ждешь от брака? — спросил Котта.

— Мужа, подходящего мне по положению, любящего... и нескольких прекрасных детей.

— Детский ответ! — разочарованно заметил Котта. — Будь взросле, Аврелия.

Рутилия весело взглянула на мужа:

— Скажи же ей, Марк Аврелий, скажи!

Котта откашлялся.

— Хорошо, Аврелия. Ты ставишь нас в трудное положение. На сегодня я имею тридцать семь официальных просьб о твоей руке. Ни одного из твоих поклонников, преисполненных надежд, нельзя с ходу отвергнуть как совершенно недостойных. Некоторые из них занимают положение гораздо выше нашего, некоторые намного богаче нас, а иные опережают нас и в том, и в другом. Понимаешь ли ты, в чем заключается трудность? Выбрав тебе мужа — одного из многих, — мы превратим отвергнутых в злостных своих недругов. Нам с матерью нет дела до них, но твоим братьям эти враги могут значительно осложнить жизнь — впоследствии. Я уверен, это ты понимаешь.

— Понимаю, отец, — серьезно сказала Аврелия.

— К счастью, твой дядя Публий нашел единственный возможный выход. Ты сама выберешь себе мужа, дочь моя.

На миг она потеряла самообладание:

— Я?

— Ты.

Она прижала ладони к вспыхнувшим щекам:

— Но это же... это же не по-римски!

— Согласен. В Риме так не принято. А чем ты смущена, Аврелия? Боишься, что не сможешь принять решение? — спросила Рутилия.

— Нет, не в этом дело, — сказала Аврелия. Краска схлынула с ее лица. — Просто это... Ну ладно. — Она встала. — Я могу идти?

— Да, конечно.

У дверей она обернулась, чтобы поклониться Котте и Рутилии. Видно было, что девушка находится в сильном замешательстве.

— Как долго я смогу размышлять?

— Ну, торопиться некуда, — успокаивающе сказал Котта. — В конце января тебе исполнится восемнадцать. До твоего совершеннолетия не может идти никакого разговора о браке. Как видишь, время еще есть.

— Спасибо, — молвила она и вышла.

Ее собственная маленькая комната выходила в атрий и потому была без окон. Из предосторожности семья не позволяла единственной дочери спать в каком-либо другом, менее защищенном месте. Впрочем, ей, единственной девочке, многое позволялось, и она могла бы вырасти весьма испорченной, будь в ней к тому хоть малейший задаток. К счастью, этого не случилось. В семье бытовало убеждение, что Аврелию ничем не испортишь, — в ней не было ни капли жадности или зависти, которые могли бы подтолкнуть ее на скользкую дорожку.

Родители чувствовали, что их единственной дочери нужен собственный укромный уголок, порога которого не переступает юноша. Тогда из темной кубикулы ее переселили в небольшую, но очень светлую комнату с отдельным выходом в сад перистиля. Здесь она и обитала со своей служанкой Кардикой. Когда Аврелия выйдет замуж, верная служанка вместе с нею уйдет в дом мужа.

Кардиксе достаточно было мельком взглянуть на лицо вошедшей Аврелии, чтобы понять: произошло нечто важное. Но она промолчала. Да и не надеялась она, что хозяйка поделится с нею новостью. Отношения между госпожой и служанкой были добрыми, но не настолько доверительными и уж тем более не фамильярными. Поняв, что Аврелии требуется побывать в одиночестве, Кардикса незаметно вышла.

Комната отражала вкусы своей владелицы: вдоль стен тянулись полки с книжными свитками, на столе лежали отточенные грифели, восковые таблички и kostяные стилосы для письма, спрессованные плитки сепии ожидали, когда их, растворив в воде, превратят в чернила; чернильница с крышкой; полная коробка великолепного песка для присыпания только что написанного, счеты.

В одном углу стоял настоящий ткацкий станок. Стена за ним была увешана полотнищами шерстяной ткани разной плотности и цвета: красные и пурпурные, голубые и зеленые, розовые и кремовые, желтые и оранжевые — Аврелия сама ткала их, сама подбирала изысканные оттенки для своих одежд. На станке же обычно лежала тонкая огненно-красная ткань из тончайшей шерстяной пряжи — покрывало, заранее приготовленное ко дню свадьбы. Шафрановая ткань для платья невесты ждала своего часа. Считалось дурной приметой начинать кроить и шить платье до того, как будет полностью оформлен брачный договор.

Имея талант к работе по дереву, Кардикса уже наполовину закончила резные украшения для дверной ширмы. Изготовлены они были из редкостных африканских пород. Кусочки полированного камня — сарда, яшмы, карнелина и онекса, — из которых она намеревалась выложить на ширме листья и цветы, были бережно завернуты и сложены внутри резной деревянной шкатулки — одного из ранних образцов ее искусства.

Аврелия закрыла ставни, но решетки оставила открытыми, чтобы свежий воздух проникал в комнату. Ей никого не хотелось видеть — ни служанку, ни младших братьев. Смузенная и озабоченная, она уселась за стол, положила руки на столешницу и глубоко задумалась.

Как бы поступила на ее месте Корнелия — мать Гракхов?

Она была для Аврелии высшим образцом. Как бы поступила Корнелия, мать Гракхов? Что подумала бы Корнелия, мать Гракхов? Так она ежесекундно обращалась к своему идеалу. Корнелия была идолом Аврелии, эталоном, по которому девушка сверяла свои поступки.

Среди свитков, выстроившихся на полках ее комнаты, были все опубликованные письма и заметки матери Гракхов и все работы, в которых хотя бы упоминалось имя Корнелии.

Кем же она была, эта Корнелия, мать Гракхов? Она была всем тем, чем должно быть знатной римлянке.

Младшую дочь Сципиона Африканского, победителя Ганнибала, ее в девятнадцать лет выдали замуж за очень знатного человека — Тиберия Семпрония Гракха, которому было тогда сорок пять. Ее мать, Эмилия Павла, была сестрой великого Эмилия Павла.

Двадцать лет Корнелия оставалась безупречной женою Тиберию Семпронию Гракху. Она подарила мужу двенадцать детей. Гай Юлий Цезарь, пожалуй, счел бы, что из-за смешения двух очень древних кровей — Корнелиев и Эмилиев — дети ее рождались слабыми. Но Корнелия упорно выхаживала каждого ребенка — и сумела спасти троих из них. Первой из выживших детей была девочка, Семпрония, вторым — мальчик, унаследовавший имя отца, Тиберий. Последнего сына Корнелии звали Гай. Достойная дочь своего великого отца, преклонявшегося перед всем эллинским, Корнелия была прекрасно образована и сама обучала своих детей.

Когда ее муж умер, многие хотели жениться на вдове Гракха, ибо та умело управляла хозяйством, да и рожать еще могла. К тому же привлекали ее знатность и довольно большое состояние. Среди претендентов на ее руку был даже сам Птолемей Эвергет — бывший царь Египта, сохранявший власть над Киреной. Он провел в Риме долгие годы изгнания — после его бегства из Египта и до восстановления в царских правах (это произошло через девять лет после смерти Тиберию Гракха). Занимался Птолемей Эвергет в Риме тем, что забрасывал Сенат жалобами и подкупал власть предержащих, дабы те помогли ему в конце концов вернуть египетский трон.

Царь Птолемей был на восемь лет моложе тридцатишестилетней вдовы и не так безобразно толст, как впоследствии.

Он добивался ее руки столь долго и настойчиво, как будто речь шла по меньшей мере о возвращении царства. Но даже египетский владыка успеха не имел... Корнелия, истинная римлянка, не могла принадлежать какому-то там иноземному царьку, как бы богат и могуч он ни был.

Более того. Мать Гракхов решила, что настоящая знатная римлянка, овдовев, вообще не должна вторично выходить замуж. И поклонник за поклонником получали вежливый отказ. Вдова предпочитала одна растиль детей покойного Тиберию Семпрония Гракха.

Когда ее старший сын, народный трибунал Тиберий Гракх, был убит, она держалась с поразительным мужеством и не обращала внимания на слухи о причастности ее двоюродного брата Сципиона Эмилиана к этому убийству. Не трогала ее и смертельная ненависть, вспыхнувшая между Сципионом Эмилианом и его женой — ее дочерью Семпронией. Не тронула ее и загадочная смерть Сципиона Эмилиана, который, опять же по слухам, был убит своей собственной женой — ее дочерью Семпронией. Невозмутимая, добротельная, Корнелия осталась одна со своим последним, со своим дорогим сыном Гаем Гракхом — воспитывала его и готовила к политической карьере.

Однако когда ей исполнилось семьдесят, Гай Гракх пал жертвой насилия. Все решили, что этот страшный удар сломит Корнелию, мать Гракхов. Но — нет. В знак траура она ходила с непокрытой головой, но продолжала жить — овдовевшая, потерявшая двух прекрасных сыновей. Оставалась еще дочь, Семпрония, — но и та после совершенного ею преступления озлобилась и затворилась от людей.

— Я должна вывести в жизнь мою дорогую маленькую Семпронию, — твердила Корнелия, сосредоточив все свои интересы на крошечной дочери Гая Гракха.

Из Рима она уехала, поселилась в огромной вилле в Мизене, ставшей эталоном вкуса и изящества. Друзья долго уговаривали ее не утаивать от потомков свои письма и статьи, и здесь, на вилле, она наконец собрала свое эпистолярное наследие и великодушно позволила старому Сосию из Аргилета опубликовать его. Личность автора ярко отразилась в этих заметках — остроумных, изящных, обаятельных и весьма содержательных. В Мизене Корнелия закончила и свои записи.

Когда Аврелии было шестнадцать, а матери Гракхов — восемьдесят три, Марк Аврелий Котта с Рутилией, проезжая через Мизену, нанесли Корнелии визит. С ними были все их дети, включая надменного Луция Аврелия Котту, который в свои двадцать шесть держался от семьи особняком. Детям велели вести себя скромнее весталки и сосредоточенное кота перед прыжком: не суетиться, не качаться на стульях, не пинать друг друга ногами — под страхом смерти!

Впрочем, то были напрасные предосторожности. Корнелия, мать Гракхов, прекрасно понимала мальчиков, а ее внучка, Семпрония, была лишь годом моложе Аврелии. Каким прекрасным было то время, когда сама Корнелия была молода, а ее сыновья — теперь уже принадлежащие римской истории — были еще славными, живыми мальчишками!

Очарованная младшими Коттами, она засиделась в их обществе даже дольше, чем хотелось бы секретарю Корнелии, ее верному рабу: старая матrona была уже слишком слаба.

Домой Аврелия вернулась вдохновленная: она поклялась, что, когда вырастет, будет столь же твердой, терпеливой и честной, как Корнелия, мать Гракхов. После этого ее библиотека и пополнилась трудами замечательной женщины.

Встрече их не суждено было повториться: следующей зимой мать Гракхов умерла — сидя с непокрытой головой и держа за руку внучку. Она только-только успела известить юную Семпронию о ее помолвке с Марком Фульвием Флакком Бамбалионом — «Заикой». Он был единственным из семьи Фульвиев Флакков, кто спасся в те ужасные дни, когда истребляли союзников Гая Гракха. Корнелия с удовольствием сообщила внучке, что все еще обладает в Сенате достаточным влиянием, чтобы противостоять *lex Voconia de mulierum hereditatibus* — закону Вокония, лишающему женщин права наследования. В данном случае — в связи с тем, что несколько неожиданно объявились кузены, пользуясь этим законом, предъявили свои права на обширное достояние Семпрониев. «Требование, — добавила она, — распространяется и на следующее поколение — в том случае, если женщина будет иметь лишь прямого наследника».

Смерть Корнелии, матери Гракхов, была столь легкой и благостной, что весь Рим увидел: боги действительно любили Корнелию, мать Гракхов, и позаботились о ней. Как представительница рода Корнелиев, она была погребена в земле, а не предана сожжению. Семья Корнелиев была среди знатных фамилий Рима (да и незнатных — тоже!) единственной, которая оставляла тела своих умерших после смерти нетронутыми. Великолепное надгробие на Латинской дороге стала ей монументом, где всегда лежали свежие цветы. С течением лет оно превратилось в своего рода святыню, в некий алтарь, хотя культ Корнелии официально и не вводили. Римские женщины при случае молились Корнелии и оставляли у ее могилы подношения. Она сделалась их богиней — но весьма необычной для воинственного римского пантеона: символом непобедимости духа перед лицом величайших страданий.

Так как же поступила бы Корнелия, мать Гракхов? Впервые Аврелия не знала, как ответить на этот вопрос. Ни логика, ни инстинкт помочь не могли. Ведь идеалу Аврелии родители никогда не предоставили бы свободу выбора. Конечно, Аврелия понимала, почему хитрый дядюшка Публий предложил такой выход. Она была достаточно начитанной, чтобы обнаружить параллели между своим положением и положением Елены Троянской, хотя и не считала себя роковой женщиной.

В конце концов она пришла к решению, которое наверняка одобрила бы Корнелия, мать Гракхов: холодным рассудком тщательно исследовать личности своих поклонников и выбрать среди них наилучшего. Не обязательно того, кто больше понравится. Главное — чтобы он соответствовал идеалу истинного римлянина и гражданина. Пусть он будет благородного происхождения, по меньшей мере — из сенаторской семьи, репутация которой за все время существования Республики ни разу не была запятнана бесчестием. Пусть будет храбр, равнодушен к деньгам, неподкупен — готов, если необходимо, отдать жизнь за Рим или за свою честь.

Немалый список необходимейших достоинств... Вот только как девушке со скромным жизненным опытом убедиться, что суждение ее не ошибочно? Она решила поговорить со старшими членами семьи: Марком Коттом, Рутилией и старшим братом Луцием Аврелием, чтобы те тоже постарались непредвзято оценить каждого из кандидатов. Все трое честно постарались помочь. Увы, и это не помогло: мнения старших только сбивали ее с толку. Аврелия так и не определила, какой из женихов лучше.

— Ни один ей не понравился, — печально сказал Котта жене.

— Ни один, — со вздохом подтвердила жена.

— Невероятно, Рутилия! Восемнадцать лет девочонке — и ни по кому не вздыхает! Что с ней такое?

— Откуда я знаю? — отозвалась Рутилия. — Тут она пошла не в меня.

— Ха! Ну уж конечно и не в меня! — огрызнулся было Котта, но затем сдержал раздражение и поцеловал жену. Впрочем, уныние от этого не прошло. — Готов биться об заклад, ты знаешь, что в конце концов она не найдет ни в одном из них ничего хорошего!

— Согласна.

— Ну и что же нам тогда делать? Если ничего не предпримем — останемся с первой в истории Рима своевольной старой девой на руках!

— Отправим-ка ее лучше к моему брату, — сказала Рутилия. — Пусть поговорит с ним.

Котта просветлел:

— Прекрасная мысль!

На следующий день Аврелия вышла из особняка Котты на Палатине и отправилась в дом Публия Рутилия Руфа в Каринах. Ее сопровождали Кардикса и два огромных раба-галла, чьи обязанности были многочисленны и разнообразны, но чаще всего требовалась их колоссальная сила. Ни Котта, ни Рутилия не хотели мешать разговору Аврелии с дядей. О встрече договорились заранее, так как консул был очень занят. В Рим он прибыл улаживать административные дела — Гней Маллий Максим набирал большую армию, намереваясь перебросить ее в конце весны в Заальпийскую Галлию. И все же Руф не мог не выкроить время для родни: Рутилии всегда стояли друг за друга горой.

Марк Котта встретился с деверем еще затемно и объяснил ситуацию, которая необыкновенно удивила Рутилия Руфа.

— Вот так малышка! — воскликнул он. — Какое непоколебимое целомудрие! Во всяком случае, можно быть уверенными, что она не примет неверного решения и сохранит целомудрие до конца жизни, сколько бы мужей и детей ни имела.

— Надеюсь, ты знаешь, как быть, Публий Рутилий, — сказал Котта. — Я же не вижу просвета...

— А я вижу, — уверенно сказал Рутилий Руф. — Пришли ее ко мне к десятому часу. Мы победаем вместе. Домой я отправлю ее в носилках, под надежной охраной — не бойся.

Когда Аврелия пришла, Рутилий Руф отоспал Кардиксу и галлов в людскую, чтобы те пообещали там и подождали, пока их позовут. Аврелию же провел в триклиний и предложил устроиться на стуле с высокой спинкой.

— Я ожидаю только одного гостя, — сообщил он, сам устраиваясь на обеденном ложе. — Бррр! Холодно, да? Как насчет теплых шерстяных носков, племянница?

Любая другая девушка согласилась бы скорее умереть, чем надеть шерстяные носки — больно уж неизящно. Но только не Аврелия, лишенная излишнего кокетства, с ее поразительно трезвым умом. В триклинии действительно было холодно, а простудиться ей не хотелось. Поэтому она просто кивнула.

Вызвали Кардиксу и приказали взять у экономки носки, что было исполнено с завидно быстротой.

— Ах ты, умница моя! — сказал Рутилий Руф. Он действительно от всей души восхищался здравым смыслом племянницы, как восхищался бы красивой океанской жемчужиной, найденной на заплеванном побережье Остии. Никогда не преклонявшийся перед женщинами, он ни разу в жизни не давал себе труда задуматься над тем обстоятельством, что чувство здравого смысла

встречается у мужчин отнюдь не чаще, чем у женщин. Тем естественнее Аврелия казалась ему чудесным перлом на грязной отмели людского моря, и ею он чрезвычайно дорожил.

— Спасибо, дядя Публий, — сказала Аврелия и перевела взгляд на Кардикса, опустившуюся на колени, чтобы надеть ей носки.

Обе девушки были поглощены этим занятием, когда вошел тот самый единственный гость Публия Рутилия Руфа. Никто из них даже не отреагировал на его появление. Гость устроился на ложе по левую руку от хозяина.

Наконец Аврелия посмотрела в глаза Кардиксе и сказала ей «спасибо» с чарующей улыбкой, а затем подняла голову и посмотрела через стол на дядю и его гостя. Улыбка, предназначенная Кардиксе, еще играла у нее на лице, а на щеках пропустила нежная краска. Аврелия была восхитительна.

— Гай Юлий, это дочь моей сестры, — сказал Публий Рутилий Руф учтиво. — Аврелия, позволь представить тебе сына моего старого друга — Гая Юлия Цезаря. Он — тоже Гай, как и отец, но он не старший сын.

Широко распахнутыми фиалковыми глазами смотрела Аврелия в глаза своей судьбы, и ни тени мысли об идеале римлянина, о Корнелии, матери Гракхов, не промелькнуло в ее голове. Она видела только удлиненное, типично римское лицо с длинным носом, небесно-голубые глаза, пышные, слегка вьющиеся золотые волосы и прекрасный рот. И — после недолгой внутренней борьбы с собой — Аврелия влюбилась.

Конечно, они поговорили — о том, о сем. Рутилий Руф постарался им не мешать. Он был доволен собой. Из сотен знакомых молодых людей он выбрал одного-единственного, достойного его драгоценной морской жемчужины. Он любил юного Гая Юлия Цезаря и ожидал от него в будущем славных деяний. Молодой Гай Юлий был настоящий римлянин. К тому же из прекрасной семьи. Сам стопроцентный римлянин, Публий Рутилий Руф бы особенно доволен, если бы в результате взаимной привязанности между юными Цезарем и Аврелией он, Публий Рутилий Руф, породнился со своим старинным приятелем Гаем Марием.

Обычно слишком застенчивая, чтобы пускаться в многословные беседы, Аврелия вдруг позабыла о всякой сдержанности и говорила, говорила с молодым Гаем Юлием Цезарем, говорила долго, открыто, по душам. Она узнала, что Гай состоял младшим военным трибуном в Африке при Марии и несколько раз его воинские заслуги отмечались различными почетными наградами: он получил *corona muralis* — крепостной венок — за битву у Мулухской цитадели, штандарт — за первую битву у Цирты, девять серебряных фалер — за вторую. Во время второго сражения под Циртой он был тяжело ранен в ногу и с почестями отправлен домой. Ей было нелегко вытянуть из него эти признания. С гораздо большим увлечением он рассказывал о подвигах своего старшего брата Секста.

И еще она узнала, что в этом году Гай Юлий назначен на монетный двор. Он был одним из троих молодых людей, которым в их предсенаторские годы предоставлялась возможность изучить систему римской экономики, разобравшись в природе денег.

— Деньги исчезают из оборота, — рассказывал Гай Юлий. — Наша работа — делать как можно больше денег. Но не ради личного обогащения. Богатство всего Рима зависит от того, сколько новых денег будет выпущено в году. Вот мы их и чеканим.

— Но как может такая основательная вещь, как монета, исчезнуть? — спросила Аврелия, хмурясь.

— Может упасть в канаву, может расплываться в огне, — ответил Цезарь. — Некоторые монеты просто превращаются в ожерелья. Но большинство исчезает в копилках. А когда деньги лежат в кубышке, они перестают выполнять свою основную работу.

— А что это за основная работа? — спросила Аврелия, никогда не имевшая дел с деньгами, так как ее нужды были весьма незатейливы, а родители относились к ним благосклонно.

— Постоянно менять владельца. Это называется циркуляцией. Когда деньги циркулируют, то на каждого, через чьи руки они прошли, падает часть их благодати. Человек покупает товары или услуги. Одно условие: деньги должны постоянно циркулировать!

— Таким образом, вы должны восполнить те монеты, которые кто-то отложил в кубышку, — понимающе сказала Аврелия. — Однако спрятанные деньги все еще здесь, в Риме, ведь так? И что же произойдет, если огромное количество этих утаенных денег будет вдруг снова puщено в оборот?

— Тогда стоимость денег упадет.

Так Аврелия получила свой первый урок экономики.

— А сейчас мы обсуждаем, какое изображение должно быть отчеканено на монетах, — продолжал Гай Юлий Цезарь, покоренный тем, как восхищенно она слушала.

— Ты имеешь в виду образ Виктории?

— Да, например. Проще чеканить повозку с двумя лошадьми, чем с четырьмя, — вот почему Победа на наших монетах едет в биге, а не в квадриге. Но те из нас, у кого сохранилось хоть немного фантазии, хотят сделать что-нибудь более оригинальное. Деньги выпускают трижды в год, и каждый из нас троих определяет, что именно будет вычеканено в очередной раз.

— А ты уже что-нибудь выбрал? — спросила Аврелия.

— Да. Серебряный денарий, выпускавшийся в этом году, будет содержать на одной стороне голову Юлия — сына Энея, а на другой — Аквы Марсии, в честь моего деда Марсия Рекса, — сказал юный Цезарь.

Потом Аврелия узнала, что летом Гай будет добиваться звания военного трибуна. А его брат Секст был выбран трибуном в этом году и собирается в Галлию вместе с Гнеем Маллием Максимом.

Когда было съедено последнее блюдо, дядя Публий усадил племянницу в крытые носилки и отправил домой под охраной, как и обещал. Второго же гостя он попросил еще немного задержаться.

— Выпьем бокал-другой неразбавленного вина, — предложил он. — Я так уже налился водой, что, чувствуя, отолью сейчас целое ведро.

— Второе вели принести для меня, — улыбнулся гость.

— Ну а что ты думаешь о моей племяннице? — спросил Рутилий Руф после того, как им подали великолепного тосканского.

— Что тут можно думать? Я покорен!

— Как по-твоему, понравился ты ей, а?

— Я — ей? Пожалуй, да. Но уж я-то точно влюблен, — сказал юный Цезарь.

— Хочешь на ней жениться?

— Конечно, хочу! Я пол-Рима за нее отдам!

— Отлично. А это тебя не пугает?

— Нет. Я представлюсь ее отцу... или надо говорить — ее дяде? В общем, Марку Котте. И постараюсь еще раз увидеться с ней и добиться ее благосклонности. Непременно попробую! Я люблю ее, тут и сомневаться нечего.

Рутилий Руф улыбнулся:

— Думаю, что и она тебя полюбила. — Он соскочил с ложа. — Ну хорошо. Отправляйся домой, молодой Гай Юлий, и расскажи отцу о своих планах. А завтра повидай Марка Аврелия. Что до меня — я устал и отправляюсь спать.

По дороге домой молодой Гай Цезарь изрядно подрастерял свою уверенность и приуныл. Некоторых Марк Котта вовсе отказывался внести в список претендентов на руку Аврелии. Среди тех, кому улыбнулась удача, были и более знатные, чем Цезарь, да еще и куда более богатые. Правда, тому, кто зовется Юлием Цезарем, богатство ни к чему — даже бедность не могла подпортить ему репутацию. Но мог ли он соперничать с Марком Ливием Друзом, или младшим Скавром, или Лицинием

Оратором, или Муцием Сцеволой, или старшим Агенобарбом? Не зная, что Аврелии дана возможность самой выбрать себе мужа, юный Цезарь оценивал свои шансы чрезвычайно низко. Войдя в родной дом, он заметил, что в кабинете отца еще горит огонь. Смахнув печальную слезу, он постучался.

— Войди, — отозвался усталый голос.

Гай Юлий Цезарь умирал. Это знали все в доме, в том числе и сам Цезарь. Но вслух об этом не говорили. Болезнь началась с того, что Цезарю стало трудно глотать. Казалось бы, пустяк, ничего страшного. Затем голос его стал прерываться, а после начались боли. Вначале легко переносимые, сейчас они стали постоянными и мучительными. Цезарь уже не мог глотать твердую пищу, хотя Марсия каждый день убеждала его показаться врачу.

— Отец...

— Входи и составь мне компанию, младший Гай, — сказал Цезарь. Разменявший шестой десяток, в свете лампы он выглядел на все восемьдесят. Он сильно потерял в весе, кожа на нем обвисла складками, скулы выпирали. Из-за постоянных болей он едва держался на ногах. Протягивая сыну руку, Цезарь через силу улыбался.

— О отец! — Молодой Гай Юлий Цезарь постарался, как положено мужчине, сдержать свои чувства, но голос выдал его. Гай подошел, поцеловал отцу руку, затем обнял его заострившиеся плечи, прижался щекой к седой голове.

— Не плачь, сын мой. — Цезарь закашлялся. — Скоро это кончится. Завтра придет Афинодор Сиул.

Римляне не плачут. Плакать им не полагается. Юному Цезарю это всегда казалось неправильным, бесчеловечным, но он сдерживал слезы и сел поближе к отцу.

— Может быть, Афинодор подскажет, что делать, — проговорил он.

— Афинодор знает то же, что и мы все: у меня неизлечимая опухоль в горле, — откликнулся Цезарь. — Тем не менее твоя мать надеется на чудо. Однако болезнь зашла уже слишком далеко, и даже Афинодор не поможет. На этом свете меня еще удерживает одно только желание — делать так, чтобы все члены моей семьи были обеспечены и устроены.

Цезарь умолк. Его свободная рука протянулась к чашке с неразбавленным вином, которое было теперь его единственным утешением. Через пару минут он продолжил.

— Ты последний, юный Гай, — прошептал он. — Какие надежды я возлагаю на тебя... Много лет назад я дал тебе право, которым ты еще не воспользовался, — право самому выбрать себе жену. Пришло время воспользоваться им. Мне было бы легче уходить, если бы я знал, что ты хорошо устроен.

Младший Гай Цезарь взял руку отца и прижал ее к щеке.

— Я нашел ее, отец, — сказал сын просто. — Сегодня вечером я встретил ее. Так удивительно...

— У Публия Рутилия? — скептически спросил Цезарь.

Юноша кивнул:

— Думаю, он это нарочно подстроил.

— Ничего не скажешь, подходящее занятие для консула!

— Слышал ли ты о его племяннице, приемной дочери Марка Аврелия?

— Об этой красавице? Думаю, о ней слышали все.

— Так вот, это — она.

Похоже было, что Цезарь огорчен:

— Твоя мать говорила мне, что список претендентов на руку Аврелии длинен и включает самых знатных и богатых холостяков в Риме и даже тех, кто пока еще не стал холостяком.

— Все это правда, — сказал младший Цезарь. — Но я должен жениться на ней и соперников не боюсь.

— Если твое чувство истинно — ты должен чувствовать уверенность, — согласился отец. — Однако из таких красавиц обычно получаются плохие жены, Гай. Они вздорны, капризны, своеобразны и дерзки. Уступи ее другому, а себе выбери девушку попроще. К счастью, тебе не тягаться с Луцием Лицинием Оратором и Гнеем Домицием Младшим, хоть ты и патриций. Уверен, Марк Аврелий даже не захочет включить тебя в список.

— Она выйдет за меня, папа. Подожди — и увидишь!

У Гая Юлия Цезаря уже не хватило сил на спор. Он позволил сыну перенести себя в постель, где он спал теперь в одиночестве, ибо сон его был очень короток и беспокоен.

Аврелия покачивалась в плотно занавешенных носилках, в которых ее несли по холмам от дома дяди Публия до дома дяди Марка. Гай Юлий Цезарь Младший! Как он прекрасен! Настоящее совершенство! Но захочет ли он жениться на ней? Что бы подумала Корнелия, мать Гракхов?

Сидя вместе с госпожой в носилках, Кардикса смотрела на нее смеющимися глазами: такой Аврелия еще никогда не бывала. Справа в углу горел заботливо прикрепленный светильник, оправленный в алебастр, так что внутри паланкина было не вполне темно, и служанка могла заметить перемены в своей госпоже. Губы полуоткрыты, опущенные веки взволнованно подрагивают... Умная Кардикса сразу вычислила причину — красивый юноша в доме Публия Рутилия. Ах, старый коварный сводник! Но, честно говоря, Гай Юлий Цезарь Младший был человеком необычным — как раз подходящим для Аврелии; в этом Кардикса была уверена.

Так и не решив, как поступила бы в подобной ситуации Корнелия, мать Гракхов, Аврелия на следующее утро проснулась, уже зная, как поступит она сама. Первым делом она послала Кардиксу в дом к Цезарю с запиской для юноши. «Проси моей руки» — вот что написала она без всякого жеманства.

После этого ей оставалось только уединиться в своей комнате и ждать. Она выходила только поесть, да и то украдкой, чтобы наблюдательные родители не заметили произошедших с ней перемен прежде, чем она сама объявит им о случившемся.

На следующий день она ждала, пока Марк Котта отпустит своих клиентов. Она не торопилась: секретарь Котты сказал, что заседаний в Сенате нет и отец задержится дома на час или два после того, как выпроводит последнего клиента. Наконец она вошла.

— Отец!

Котта посмотрел на нее поверх документов и писем, разложенных на столе.

— А-а, сегодня нам и отец понадобился, да? Входи, дочь, входи. — Он тепло улыбнулся ей. — Ты хотела, наверно, чтобы и мать была здесь?

— Да, если можно.

— Тогда сходи и пригласи ее.

Она вышла и вернулась — следом за Рутилией.

— Садитесь, женщины, — пригласил Котта.

Они устроились друг против друга.

— Итак, Аврелия, что ты хочешь нам сказать?

— Объявлялись ли новые претенденты? — взволнованно спросила она.

— Да. Гай Юлий Цезарь Младший приходил ко мне вчера. И, поскольку я против него ничего не имею, то внес в список и его.

Теперь в списке тридцать восемь имен.

Аврелия всхынула. Пораженный, Котта внимательно посмотрел на дочь. Никогда еще он не видел ее смущенной.

— Я приняла решение, — сказала Аврелия.

— Великолепно! Скажи нам, — поторопил ее Котта.

— Гай Юлий Цезарь Младший.

— Что? — спросил Котта озадаченно.

— Кто? — переспросила Рутилия удивленно.

— Гай Юлий Цезарь Младший, — повторила Аврелия.

— Вот так так! Последняя лошадь пришла к финишу первой! — воскликнул Котта.

— А лошадка-то — из конюшен моего брата, — заметила Рутилия. — Боги, как же он умен! Но откуда он знал?

— Он замечательный человек, — сказал ей Котта и обратился к дочери: — Ты встретилась с Гаем Юлием Младшим позавчера у своего дяди... Впервые?

— Да.

— И именно он — тот, за кого ты хочешь замуж?

— Да.

— Милая девочка, он весьма небогат, — напомнила мать. — Учи, жене молодого Гая Юлия не купаться в роскоши.

— Не ради роскоши выходят замуж.

— Рад, что ты это понимаешь. И все же я выбрал бы для тебя не его, — сказал Котта, по-настоящему огорченный.

— Хотелось бы знать, отец, почему?

— Странная у них семья. Очень, очень необычная. К тому же они — и идейно, и кровными узами — связаны с Гаем Марием, с человеком, которого я просто ненавижу.

— А вот дядя Публий любит Гая Мария.

— Твой дядя Публий иногда способен заблуждаться. Тем не менее он не настолько одурманен своими бредовыми идеями, чтобы выступать в Сенате против собственного класса, чего не скажешь о роде Гаев Юлиев! Твой дядя Публий служил с Гаем Марием много лет. Понятно, что их многое связывает. Старый Гай Юлий Цезарь принимал Гая Мария с распростертыми объятиями и детям своим привил уважение к нему.

— Разве Секст Юлий не женился на одной из младших Клавдий? — спросила Рутилия.

— Да, кажется.

— И брак их счастлив. Может быть, сыновья не столь привязаны к Гаю Марии, как ты думаешь?

Аврелия вмешалась:

— Отец, мама, право решать вы предоставили мне, — сказала она сурово. — Я хочу выйти замуж за Гая Юлия Цезаря — и все.

Сказано это было твердо, но без заносчивости.

Котта и Рутилия поняли: дотоле холодная Аврелия влюблена.

— Ну что ж, — отрывисто сказал Котта, понимая, что ничего не попишешь. — Ладно, валяй! — Жестом он приказал жене и племяннице уйти. — Пришлите ко мне секретарей. Мне надо написать тридцать семь писем... А потом я пойду прогуляюсь. Повидаю Гая Юлия. Я имею в виду — обоих Гаев Юлиев. И отца, и сына.

Письмо-образец Марк Аврелий Котта прочитал вслух:

После долгих размышлений я решил, что мне следует позволить своей племяннице и приемной дочери Аврелии выбрать себе мужа самой. Моя жена — ее мать — согласилась. Сим объявляю, что Аврелия сделала свой выбор. Мужем ее будет Гай Юлий Цезарь Младший — младший сын Гая Юлия Цезаря. Надеюсь, ты присоединишься ко моим поздравлениям молодой паре в связи с будущим браком.

Секретарь смотрел на Котту широко открытыми глазами.

— Что пляшишься? Хватит сидеть, переписывай! — грубо прикрикнул Котта, всегда такой спокойный. — Мне нужно тридцать семь копий в течение часа. Каждая — на имя одного из этого списка, — он показал список. — Подпишу сам. Затем пошлешь, чтобы их немедленно вручили адресатам лично.

Секретарь сел за работу.

Много появилось у Котты завистников и недоброжелателей, когда новость распространилась. Ибо ясно было, что выбор Аврелия сделала по любви, а не по расчету. С одной стороны, это позволяло неудачникам легко забыть свое поражение. С другой — претендентам на руку Аврелии обидным казалось уступить младшему сыну простого члена Сената, пусть даже такого знатного рода. Счастливчик был к тому же весьма хорош собою, и это особенно уязвляло получивших от ворот поворот.

Оправившись от первого потрясения, Рутилия отнеслась благосклонно к выбору дочери.

— О, подумай о ее будущих детях! — мурлыкала она на ухо Котте, надевавшему тогу с пурпурной каймой перед визитом в особняк Юлия Цезаря. — Если не думать о деньгах, то это — наилучшая партия для Аврелиев, не говоря уж о Рутилиях. Юлии — живая история Рима!

— Ты все о родословной, — ворчал Котта.

— О Марк Аврелий, ведь это очень неплохо! Родственная связь с Марием основательно поправила состояние Юлия. Я не вижу, что мешало бы юному Гаю Юлию сделаться консулом. Я слышала, он очень умен.

— Красив тот, кто красиво поступает, — ответил Котта поговоркой, оставаясь при своем мнении.

Как бы то ни было, для визита к Цезарям он выбрал лучшую тогу, да и сам собою он был красив. Портило его только багровое лицо — как у всех Аврелиев. В их роду мужчины, увы, долго не жили, поскольку были весьма подвержены апоплексии.

Встретил Котту управляющий:

— Извини, Марк Аврелий, я пойду справлюсь... Видишь ли, хозяин нездоров.

Котта впервые услышал о болезни старшего Цезаря, но тут же вспомнил, что старика действительно давненько уже не видели в Сенате.

— Я подожду.

Управляющий вернулся быстро.

— Гай Юлий примет тебя, — доложил он и проводил Котту в кабинет. — Я должен тебя предупредить... Не пугайся его вида.

Хорошо, что управляющий сказал об этом заранее: Котта был подготовлен и сумел скрыть свое потрясение, когда хозяин дома протянул ему костлявые пальцы для бессильного рукопожатия.

— Марк Аврелий! Рад тебя видеть. Садись же! К сожалению, я не могу подняться. Управляющий, должно быть, сказал, что мне несколько нездоровится. — Чуть заметная улыбка тронула его тонкие губы. — Это эвфемизм, конечно. Просто я умираю.

— О нет! — Котта сидел на самом краю стула, ноздри его подергивались: в комнате пахло как-то неприятно тревожно.

— Увы, это так. У меня опухоль в горле. Сегодня утром авторитетный врач Афинодор это подтвердил.

— Это весьма прискорбно, Гай Юлий. Тебя будет крайне не хватать в Сенате. Особенно — моему шурину Публию Рутилию.

— Он надежный друг. — Воспаленные глаза Цезаря то и дело закрывались от усталости. — Не хочу гадать, зачем ты здесь, Марк Аврелий. Пожалуйста, скажи сам.

— Список поклонников Аврелии, моей племянницы и подопечной, стал чересчур длинным — и все сплошь известные имена. В конце концов я уже начал бояться, как бы после свадьбы у моих сыновей не оказалось врагов больше, чем друзей. И тогда я позволил ей самой выбрать себе супруга. Два дня назад в доме своего дяди Публия Рутилия она встретилась с твоим младшим сыном. А сегодня объявила, что выбрали его.

— И тебе это не нравится. Как и мне.

— Да. — Котта вздохнул и пожал плечами. — Тем не менее я дал слово. И должен его сдержать.

— Я сделал такую же уступку своему младшему сыну много лет назад, — сказал Цезарь и улыбнулся. — Надеюсь, наши дети окажутся разумнее нас.

— Будем надеяться, Гай Юлий.

— Ты, вероятно, хочешь знать об обстоятельствах моего сына.

— Он рассказал, когда просил ее руки.

— Возможно, он был не до конца откровенен. Земли у него более чем достаточно, чтобы гарантировать ему место в Сенате. Но это — все, что у него есть, — сказал Цезарь. — К сожалению, я не в состоянии купить второй дом в Риме, вот в чем беда. Этот дом отойдет моему старшему сыну Сексту, который недавно женился и теперь живет здесь со своей женой. Они уже ждут первенца. Смерть моя неизбежна, Марк Аврелий. После моей смерти *pater familias* станет Секст. Младшему после свадьбы придется подыскать себе другое жилище.

— Уверен, что ты знаешь: за Аврелией — очень богатое приданое, — сказал Котта. — Вероятно, разумнее всего будет вложить ее приданое в дом. Ей досталась в наследство от ее отца, моего брата, большая сумма, вот уже несколько лет вложенная в дело. Несмотря на подъемы и спады, в настоящий момент на ее счету около сотни талантов. На сорок талантов можно купить весьма приличный дом на Палатине или в Каринах. Естественно, дом будет записан на имя твоего сына. Но если они вдруг разведутся, твой сын должен будет выплатить Аврелии стоимость дома. Впрочем, в распоряжении Аврелии все еще останется приличная сумма, на которую она сможет купить все, что пожелает.

Цезарь нахмурился:

— Мне не нравится даже мысль о том, что мой сын будет жить в доме, купленном на деньги его жены. Это было бы наглостью с его стороны. Нет, Марк Аврелий, я думаю, что деньги Аврелии надо вложить в нечто более надежное, чем дом, который будет принадлежать ей лишь отчасти. На сто талантов можно купить отличную инсулу где-нибудь на Эсквилине. И купить именно для нее, на ее имя. Молодая пара может жить бесплатно в одной из квартир первого этажа, а твоя племянница могла бы получать доход с других квартир. Доход больший, чем от любых других инвестиций. Моему сыну придется постараться самому заработать на собственный дом, это придаст ему целеустремленности.

— Я не могу допустить, чтобы Аврелия жила в доходном доме, — ужаснулся Котта. — Нет, я выделю сорок талантов на покупку дома, а остальные шестьдесят вложу в какое-нибудь надежное дело.

— Инсула на ее имя, — упрямо повторил Цезарь. Он закашлялся и с трудом справился с удущием.

Котта налил в кубок вина, вложил в руку Цезаря и помог поднести к губам.

— Теперь лучше, — поблагодарил Цезарь немного погодя.

— Наверное, мне следует зайти в другой раз, — сказал Котта.

— Нет, давай сейчас выясним все до конца, Марк Аврелий. Обоим нам не слишком по душе их союз. Что ж, в таком случае не будем устилать им путь цветами. Пусть узнают цену любви. Если они действительно любят друг друга, некоторые трудности только крепче соединят их. Если нет — ускорят разрыв. Сделаем так, чтобы все приданое Аврелии осталось у нее. Этим мы не унизим моего сына. Инсула, Марк Аврелий! Она должна быть хорошо устроена. Так что постараитесь нанять для осмотра будущей покупки честных людей. И, — добавил он шепотом, — не особо придирайся к ее местоположению. Рим быстро растет, а рынок недорогого жилья куда стабильнее рынка дорогих домов. Когда наступают тяжелые времена, обеспеченные люди беднеют. Поэтому на более дешевое жилье всегда найдутся съемщики.

— О боги, моя племянница не будет обыкновенной домовладелицей! — закричал взбешенный Котта.

— А почему бы и нет? — спросил Цезарь, устало улыбаясь. — Я слышал, она — необыкновенная красавица. Почему бы ей не соединить эти две роли? Если не получится, она еще дважды подумает, стоит ли выходить замуж за моего сына.

— Она действительно очень красива, — сказал Котта, широко улыбнувшись. — Я приведу ее к тебе, Гай Юлий, и ты сможешь сам убедить ее, в чем захочешь. — Он поднялся и положил руку на костяк плеча собеседника. — Вот мое последнее слово: пусть Аврелия сама распорядится своим приданым. Ты предложишь ей купить инсулу, а я — дом. Годится?

— Годится, — сказал Цезарь. — Только присытай ее побыстрее, Марк Аврелий! Завтра, в полдень.

— Ты скажешь сыну?

— Конечно. Он как раз может и доставить ее.

Обычно Аврелия не раздумывала, что надеть. Она любила яркие цвета, любила их сочетать — но со строгим расчетом. Тем не менее, зная, что за ней должен зайти жених, чтобы отвести ее к своим родителям, она засомневалась. Наконец выбрала нижнее платье из тонкой светло-вишневой шерсти, а поверх — розовую драпировку, достаточно тонкую, чтобы более глубокий цвет платья был виден. Еще одна драпировка сверху, более бледного розового оттенка — тонкая, как свадебная вуаль. Аврелия приняла ванну, затем надушилась розовым маслом, волосы зачесала назад и уложила в узел. От предложения матери нанести немного румян она отказалась.

— Сегодня ты слишком бледна, — возразила Рутилия. — Ты волнуешься. Ну же, расслабься! Всего лишь мазок румян на щеки. И подведи глаза.

— Нет.

Бледность ее тут же прошла, когда за ней зашел Гай Юлий Цезарь Младший. Все краски, об отсутствии которых сожалела мать, заиграли на лице Аврелии.

— Гай Юлий! — Она протянула ему руку.

— Аврелия! — Он взял ее за руку.

Что делать дальше, они не знали.

— Ну идите же, до свидания! — раздраженно напутствовала их Рутилия. Так странно из-за этого привлекательного молодого мужчины терять своего первого ребенка... Замужество дочери как бы старило ее саму. А ведь там, в глубине души, она все еще чувствовала себя восемнадцати летней.

Они тронулись в путь. Кардикса и галлы плелись сзади.

— Я должен предупредить тебя: мой отец болен, — сказал Цезарь. — У него злокачественная опухоль в горле. Мы боимся, что он скоро покинет нас.

— О! — вымолвила Аврелия.

Они повернули за угол.

— Я получил твою записку, — сказал он, — и поспешил встретиться с Марком Аврелием. Не могу поверить, что ты выбрали меня!

— А я не могу поверить, что встретила тебя.
— Думаешь, Публий Рутилий сделал это специально?

Она улыбнулась:

— Наверняка!

Они прошли до конца квартала, снова повернули за угол.

— Вижу, ты не очень-то разговорчива.

— Да.

Вот и все, о чем они успели поговорить, прежде чем дошли до дома Цезарей.

С первого взгляда старший Цезарь понял, что ошибался. Перед ним предстала вовсе не избалованная, капризная красотка! Избранница сына действительно оказалась необыкновенной красавицей — но красота ее не отвечала общепринятым стандартам. Наверно, из-за этой-то непохожести ее и называли «необыкновенной». Какие красивые дети будут у них! Но внуков Юлию Цезарю уже не видать.

— Садись, Аврелия. — Его голос был едва слышен, поэтому он сопроводил приглашение жестом. Стул стоял так, чтобы Цезарь мог видеть невестку. Сына он усадил с другой стороны.

— Что рассказал тебе Марк Аврелий о нашем с ним разговоре? — спросил он.

— Ничего.

Он пересказал ей спор о приданом, не объясняя, какую позицию занимает он сам, а какую — Котта.

— Твой дядя, твой опекун говорит, что выбор за тобой. Ты хочешь приобрести дом или же инсулу? — спросил он, глядя ей в лицо.

Как поступила бы Корнелия, мать Гракхов? На этот раз Аврелия знала ответ: самым благородным образом. Теперь ей следует поддерживать честь и свою, и своего возлюбленного. Выбрать дом? Это, конечно, удобнее, да она и лучше знает, как управляться с домом. Но сознание того, что их гнездо куплено на деньги жены, унизило бы возлюбленного.

Она отверла взгляд от Цезаря и серьезно посмотрела на его сына:

— Что предпочел бы ты?

— Тебе решать, Аврелия, — ответил он.

— Нет, Гай Юлий, тебе. Я собираюсь стать твоей женой. Хорошей женой. И знаю свое место. Главой дома будешь ты. Все, чего я прошу взамен, уступая тебе первенство, — это всегда обходиться со мною честно и благородно. Выбор места, где нам жить, — за тобой. Будет по-твоему.

— В таком случае мы попросим Марка Аврелия найти нам инсулу и запишем право владения на твое имя, — не колеблясь, ответил юный Цезарь. — Это должна быть самая доходная инсулла, какая только найдется. Я согласен с отцом: ее расположение не имеет значения. Доход с ренты — твой. Жить будем в одной из квартир первого этажа, пока я не смогу купить нам собственный особняк. Я буду обеспечивать тебя и наших детей доходами, которые получаю со своей земли. Инсулой же распоряжайся как пожелаешь, я вмешиваться не стану.

Видно было, что Аврелия довольна. Но она не сказала ничего.

— Ты неразговорчива! — с удивлением сказал старший Цезарь.

— Да, — ответила Аврелия.

Котта принялся за дело с желанием, несмотря на то, что предпочел бы найти для племянницы уютное гнездышко в одном из лучших районов Рима. Тем не менее он и сам понимал: самое практическое — вложить деньги в большую инсуллу в центре Субуры. Доходный дом, который Котта присмотрел, был не нов. Владелец выстроил его около тридцати лет назад и с тех пор жил в двух самых больших квартирах первого этажа. Построен дом был на века. Фундамент из камня и бетона, пятнадцати футов в глубину и пяти в ширину. Внешние и несущие стены в два фута толщиной с обеих сторон облицованы небольшими камнями неправильной формы, а внутри заполнены плотной смесью из цемента и гравия. Все окна обрамлены рельефными арками из кирпича. Все укреплено толстыми деревянными балками. Широкая светлая лестница служила дополнительной опорой. Вдоль нее стояли в два ряда мощные колонны, на каждом этаже здания скрепленные массивными балками.

Рисунок 1. Инсулла Аврелии

Девять этажей по девять футов в высоту каждый — довольно скромно. Инсулы по соседству были на три-четыре этажа выше. Зато этот дом занимал целиком небольшой треугольный квартал на стыке двух улиц — Малой Субуры и улицы Патрициев.

Осматривали они эту инсуллу после знакомства с целой чередой других. Котта, Аврелия и юный Цезарь за это время уже успели привыкнуть к болтовне невысокого бойкого агента с безупречной римской родословной — разве какой-нибудь вольноотпущенник мог бы работать в фирме Тория Постума, торговца недвижимостью!

— Обратите внимание на штукатурку на стенах, снаружи и внутри, — трещал агент. — Ни одной трещины! А фундамент? Прочнее, чем хватка скупца, вцепившегося в свой последний золотой слиток... Восемь лавок — все сданы в аренду на долгий срок, не придется подыскивать арендаторов и беспокоиться о плате... Две квартиры с гостиными на двух нижних этажах... На следующем этаже — только две квартиры. До шестого этажа — по восемь квартир. Двенадцать — на седьмом, двенадцать на восьмом... Над всеми лавками имеются жилые комнаты... Дополнительные кладовки на антресолях спален первого этажа...

Он все превозносил и превозносил достоинства доходного дома. Вскоре Аврелия уже перестала его слушать, углубившись в собственные мысли. Пусть вникают дядя Марк и Гай Юлий. Ведь она — на пороге неведомого дотоле мира, который предстоит обжить и подчинить себе. Конечно, кое-что ее страшило. Не так просто осваивать сразу две новые роли — роль замужней женщины и роль владелицы инсуллы. В то же время она замечала в себе и храбрость, рожденную ощущением свободы, столь новым, столь непривычным пока. Прежде она не сталкивалась со скучой или с разочарованием. Детство ее было счастливым и заполненным, ей некогда было скучать. Но теперь, перед замужеством, она заметила, что задумывается, чем ей заниматься целыми днями, если природа не даст ей столько детей, как у Корнелии, матери Гракхов. В знатных семьях редко имели больше двоих детей. Аврелия была исполнительна и трудолюбива, но с самого рождения ее, единственную девочку в семье, оберегали от забот. Теперь же она вот-вот станет домовладелицей и женой. Это обещало ей немало хлопот в самом ближайшем будущем.

Вот почему взгляд ее сиял. Она строила планы, старалась представить себе, как все это будет выглядеть.

Квартиры первого этажа были разной площади. Домовладелец, строя инсуллу, поскучился насчет собственного жилища. После особняка Котты на Палатине эта инсулла казалась очень маленькой. Действительно, особняк Котты занимал большую площадь, чем весь первый этаж инсуллы, включая лавки, таверну у перекрестка и обе квартиры.

Несмотря на то что в столовой вряд ли смогли бы поместиться три обычновенных обеденных ложа, а табличий был меньше любого кабинета в частных домах, потолки в них были очень высоки. Стена между ними не доходила до потолка, что позволяло воздуху и свету проникать с лестницы через столовую в кабинет. В гостиной пол выложен терракотовой плиткой, стены красиво оштукатурены, две толстые деревянные колонны посередине комнаты окрашены под мрамор причудливой расцветки. Воздух и свет проникали сюда с улицы сквозь огромную железную решетку, расположенную высоко на наружной стене между лавкой и лестницей, которая вела на верхние этажи. Из гостиной можно было попасть в три спальни, традиционно лишенные окон, а из кабинета — в две другие, одна из которых была чуть побольше. В квартире имелась еще одна небольшая комната, которую

Аврелия могла бы использовать как свою гостиную, а между ней и лестницей — кубикула, как раз для Кардиксы. Но всего приятнее было обнаружить, что в квартире есть ванная и уборная. Как радостно сообщил агент, инсула находится прямо напротив одной из главных сточных труб Рима, к ней подведен водопровод!

— Прямо напротив, на Малой Субуре, — общественная уборная, а рядом — Субурские бани, — заметил агент. — С водой здесь проблем нет. Идеальное место. Не слишком высокое, поэтому вода поступает бесперебойно. И не слишком низкое — не будут беспокоить наводнения на Тибре. Конечно, прежний владелец сам следил за состоянием водопровода и канализации, зато и цену с жильцов брал хорошую за эти удобства.

Аврелия воодушевилась. Прежде ее больше всего пугала перспектива лишиться собственной ванны и туалета. Ни в одной другой инсуле, где они побывали, не было ни водопровода, ни канализации, хоть и находились они в лучших районах. И если раньше Аврелия еще не была уверена, устроит ли ее эта инсула, теперь она уже точно знала — устроит!

— Какой доход может принести аренда? — поинтересовался юный Цезарь.

— Десять талантов в год — четверть миллиона сестерциев.

— О боги! — покачал головой Котта.

— Ремонт здания не будет вам стоить ничего, оно выстроено на совесть, — сказал агент. — Так что у вас не будет недостатка в жильцах. Сейчас многие инсулы рушатся, другие вырастают как грибы — слишком быстро, чтобы жильцы доверяли качеству строительства. Кроме того, обратите внимание: инсула стоит особняком. Тем больше шансов на то, что, если в соседнем доме начнется пожар, к вам огонь не перекинется. Не дом, а скала, поверьте моим словам!

Так как бессмысленно было пробираться в паланкине через заваленную мусором Субуру, Котта и юный Цезарь прихватили с собой двух галлов, чтобы без риска провести Аврелию пешком. Впрочем, стоял полдень, люди на шумных улицах, казалось, больше интересовались своими делами и не имели намерения беспокоить красавицу Аврелию.

— Ну и как тебе понравилось это жилье? — спросил ее Котта, когда они спустились к Аргилету и собирались пройти через Римский Форум.

— О, дядя, это превосходно! — сказала она и повернулась, чтобы посмотреть на юного Цезаря. — Ты согласен, Гай Юлий?

— Думаю, нам подходит, — сказал он.

— Что ж, хорошо. Документы оформлю сегодня же. Девяносто пять талантов... Выгодная сделка. Пять оставшихся талантов можете истратить на мебель.

— Нет, — твердо заявил юный Цезарь. — Мебель за мной. Тебе известно, что я не нищий! Земля в Бовиллах дает мне неплохие доходы.

— Да, знаю, Гай Юлий, — спокойно ответил Котта. — Ты же говорил, помнишь?

Нет, этого он не помнил. Единственное, о чем мог в эти дни думать юный Цезарь, была Аврелия.

Поженились они в апреле. Стоял чудесный весенний день, предзнаменования были благоприятны; даже Цезарю-отцу, казалось, полегчало.

Плакала Рутилия, плакала и Марсия; одна — потому что выдавала замуж первого своего ребенка, вторая — потому что женила последнего. Были на этой свадьбе Юлия и Юлилла, но их супруги отсутствовали: Марий и Сулла все еще оставались в Африке, а Секст Цезарь набирал войско в Италии, не сумев выпросить у консула Гнея Маллия Максима отпуск.

Котте хотелось снять дом на Палатине, чтобы молодая пара провела там свой первый месяц.

— Сначала вам надо привыкнуть к тому, что вы муж и жена, а уж потом начинать жить в Субуре, — сказал он.

Котта очень заботился о судьбе своей единственной девочки.

Но молодая пара решительно отказалась. Поэтому свадебное шествие затянулось: путь до Субуры неблизкий.

Юный Цезарь был очень доволен, что лицо его невесты скрыто вуалью; непристойные шутки зевак он героически выдерживал один, улыбаясь и раскланиваясь в ответ.

— Это наши новые соседи, придется ладить с ними, — сказал он молодой супруге. — Ты просто не слушай, что они говорят.

— Я бы на твоем месте предпочел избегать встречи с ними, — промолвил Котта, который хотел нанять гладиаторов для сопровождения свадебной процесии. Толпичка на улицах Субуры, преступные наклонности местных жителей и даже их жargon — все это раздражало его.

Когда они подошли к инсуле Аврелии, за ними уже тянулась целая толпа ротозеев, которые, видимо, надеялись, что в конце пути их ожидает море вина, и рассчитывали повеселиться.

Однако когда юный Цезарь открыл дверь и взял молодую жену на руки, чтобы пронести ее через порог дома, Котта-старший, Луций Котта и два галла придержали толпу, пока юный Цезарь не зашел в дом и не запер за собою дверь. Под недовольные возгласы собравшихся Котта с высоко поднятой головой пошел прочь.

Дома находилась только Кардикса. Аврелия хотела потратить деньги, оставшиеся от приданого, на домашних слуг, но решила сделать это после свадьбы — чтобы обойтись без советов матери и свекрови. Юному Цезарю тоже необходимы были слуги — управляющий, виночерпий, секретарь. Но Аврелии требовалось больше: две служанки для черных работ, прачка, повар с поваренком, две «приислузы за все» и один раб помускулистей. Не так уж много, но и не мало.

На улице темнело. Свет, проникавший через лестницы с девятого этажа, рано померк, так же как и свет с улицы, затененной стоящими вокруг высокими домами. Кардикса зажгла все лампы, но их не хватало, чтобы осветить все темные углы. Служанка ушла в свою каморку, чтобы оставить молодоженов наедине.

Аврелию удивил шум. Он доносился отовсюду — с улицы, с лестницы, ведущей на верхние этажи, с центральной лестницы. Крики, ругань, треск, визг, брань, плач младенцев... Она слышала, как мужчины и женщины кашляли и плевались, как прошел по улице оркестр, грохоча барабанами и тарелками. До нее долетали обрывки песен, мычание быков, блеяние овец, хрюповые крики мулов и ослов, беспрестанный скрип повозок, взрывы смеха.

— Тебе не кажется, что мы не услышим самих себя? — сказала она, пытаясь скрыть внезапно набежавшую слезу. — Гай Юлий, мне так жаль! Я вовсе не подумала о шуме!

Юный Цезарь был достаточно мудр и достаточно чуток, чтобы понять, что отчасти эти слезы были вызваны не шумом, а волнением последних нескольких дней — естественными переживаниями девушки, выходящей замуж. Он волновался и сам; что же говорить о юной супружке?

Он засмеялся:

— Мы привыкнем, не бойся. Уверен, что через месяц даже перестанем замечать весь этот шум. Кроме того, в нашей спальне должно быть тише.

Он взял ее за руку и почувствовал, как она дрожит.

Действительно, в спальне, в которую можно было попасть из его кабинета, было тише. Зато — еще темнее. И душно, если не оставлять дверь в кабинет открытой.

Цезарь сходил в гостиную за лампой. Рука об руку они вошли в комнату и замерли, очарованные. Кардикса украсила спальню цветами, постель усыпала душистыми лепестками. Вдоль стены стояли вазы, наполненные розами, левкоями, фиалками; на столе — графин с вином и графин с водой, две золотые чаши и большое блюдо медовых лепешек.

Никто из них не смущался. Как все римляне, они были хорошо осведомлены в вопросах секса, хотя и до известных пределов. Каждый римлянин, которому позволяли средства, предпочитал уединение, если приходилось обнажать свое тело, но

необходимость обнажиться прилюдно тоже никого не пугала.

Конечно, на счету юного Цезаря были кое-какие приключения. Но искушенным его не назовешь. Младший Цезарь при всех своих несомненных способностях был очень скромен. Ему явно не хватало напористости.

Предчувствия не обманули Публия Рутилия Руфа. Юный Цезарь и Аврелия почти идеально подходили друг другу. Он был мягок, внимателен, вежлив. Он не пытал пламенем страсти и не стремился зажечь Аврелию. Их любовь была нежна в прикосновениях, ласкова в поцелуях, нетороплива в движении. Это устраивало обоих.

И Аврелия могла сказать себе, что она, несомненно, заслужила бы одобрение Корнелии, матери Гракхов, так как исполнила свою супружескую обязанность точно так же, как, вероятно, делала это Корнелия, мать Гракхов: с удовольствием и с чувством выполненного долга. Она знала теперь, что любовное соитие само по себе не превратится в цель ее жизни, не заставит ее искать наслаждения на стороне — и что брачное ложе ей никогда не опротивеет.

* * *

Зиму Квинт Сервилий Цепион провел в Нарбоне, скрущаясь о своем потерянном золоте. Здесь он получил письмо от блестящего молодого адвоката Марка Ливия Друза, одного из самых пылких — и самых разочарованных — поклонников Аврелии:

*Мне не было и девятнадцати, когда мой отец, цензор, умер и оставил мне в наследство не только все свое богатство, но и положение *pater familias*. К счастью, единственной тягостной моей ношей была тринадцатилетняя сестра, лишенная и отца, и матери. В это самое время моя мать, Корнелия, попросила разрешения взять сестру к себе в дом. Я, конечно, отказал. Хоть и не было никакого развода, тебе, я знаю, известно, как холодно относились мои родители друг к другу, особенно после того, как отец согласился отдать моего младшего брата в приемные сыновья. Мать всегда любила его гораздо больше, чем меня. Поэтому, когда брат сделался Мамерком Эмилием Лепидом Ливианом, она, оправдываясь его юным возрастом, уехала жить к нему, где — это правда — вела жизнь более свободную и распущенную, чем могла себе позволить в доме моего отца. Я пытаюсь напомнить тебе об этом, ибо тут замешан вопрос чести, а честь моя задета гнусным, себялюбивым поведением матери.*

Смею надеяться, что я воспитал сестру мою, Ливию Друзу, так, как приличествует ее высокому происхождению. Сейчас ей восемнадцать, и она готова выйти замуж. Так же, как и я — жениться, несмотря на мой юный возраст: мне двадцать три. Я знаю, что обычно дожидаются двадцати пяти, а многие женятся только став сенаторами. Но я не могу ждать так долго. Я — глава семейства и единственный мужчина из Ливиев Друзов в моем поколении. Мой брат Мамерк Эмилий Лепид не может более носить имя Ливия Друза или претендовать на состояние отца. Поэтому мне следует жениться и произвести потомство. После смерти отца я принял решение жениться не прежде, чем выдам замуж сестру.

Тон письма был так же прямолинеен и суховат, как и сам юноша, его писавший; но Квинт Сервилий Цепион не усмотрел в этом ничего дурного. Цепион был дружен с отцом юноши; теперь его сын общался с младшим Друзом.

Поэтому, Квинт Сервилий, я, как глава моей семьи, хочу предложить тебе, как главе твоей семьи, брачный союз. Мне в данном случае показалось неразумным обсуждать этот вопрос с моим дядей, Публием Рутилием Руфом. Хоть я и не имею ничего против него, но ни его происхождение, ни его характер не внушают мне особого доверия к его мнению. Только недавно, например, до моего сведения дошло, что он убедил Марка Аврелия Комту разрешить его падчерице, Аврелии, самой выбрать себе мужа. Трудно себе представить поступок, менее свойственный римлянину. Конечно же, она выбрала смазливого юнца Юлия Цезаря, ненадежного, бесхарактерного, который никогда ничего не достигнет.

Решив прежде выдать замуж сестру, я надеялся освободить мою будущую жену от необходимости жить с моей незамужней сестрой в одном доме и тем самым быть в ответе за ее поведение. Я вовсе не вижу какой-то особенной добродетели в том, чтобы перекладывать свои обязанности на чужие плечи.

Вот что я предлагаю. Квинт Сервилий: разреши мне жениться на твоей дочери, Сервилии, а твоему сыну Квинту Сервилию Младшему — на моей сестре Ливии. Это идеальное решение для нас обоих. Связь наших семейств, укрепившись узами брака, пройдет через многие поколения. И у моей сестры, и у твоей дочери — совершенно одинаковое приданое, а это значит, что деньги не придется передавать из рук в руки, что тоже немаловажно в наше время дефицита наличных денег.

Пожалуйста, сообщи мне о твоем решении.

А что здесь решать? О такой партии для своих детей Квинт Сервилий Цепион мог только мечтать. Состояние Ливия Друза было столь же внушительно, как и его родовитость.

Ответ Цепион написал сразу же:

Мой дорогой Марк Ливий, я восхищен. Согласен. Действуй.

Друз приступил к обсуждению брачного плана со своим другом Цепионом Младшим. Ему не терпелось подготовить друга к знакомству с письмом, которое, он знал, тот скоро получит от отца. Будет лучше, если Цепион Младший будет сам заинтересован в предстоящей женитьбе, нежели просто исполнит родительскую волю.

— Я хотел бы жениться на твоей сестре, — сказал Друз Цепиону.

Тот удивленно посмотрел на друга, но ничего не ответил.

— А еще мне хотелось бы, чтобы ты женился на моей сестре, — продолжал Друз.

Цепион заморгал, но опять же ничего не ответил.

— Ну так что ты скажешь? — не выдержал Друз.

Наконец Цепион собрался с мыслями и сказал:

— Я должен поговорить с отцом.

— Я уже поговорил, — сообщил Друз. — Он согласен.

— Тогда, думаю, все в порядке.

— Квинт Сервилий, Квинт Сервилий, я хочу знать, что ты сам — сам! — об этом думаешь! — рассердился Друз.

— Ну, ты нравишься моей сестре, здесь все в порядке... И мне твоя сестра нравится, но... — Он осекся.

— Но — что?

— Не уверен, что я ей нравлюсь.

Теперь пришел черед Друза удивляться:

— Что за чушь? Как ты можешь ей не нравиться? Ты — мой лучший друг! Конечно же, нравишься! Я все здорово придумал — мы останемся вместе!

— Неплохо бы.

— Ну вот что. Я обсудил все детали в переписке с твоим отцом — приданое и все такое прочее. Ни о чем не беспокойся.

— Ну и хорошо.

Они сидели на скамейке под великолепным старым дубом, который рос рядом с прудом Курциев в нижнем Форуме; они только что съели изысканный завтрак — пресный пирог с начинкой из чечевицы и свиного фарша, сдобренного специями.

Поднявшись, Друз отдал слуге салфетку. Тот заботливо проверил, не запачкал ли хозяин белоснежную тогу.

— Куда ты так торопишься? — спросил Цепион Младший.

— Домой, рассказать сестре. — Друз приподнял бровь. — Тебе не кажется, что тебе также следовало бы отправиться домой, к твоей сестре, и все ей сообщить?

— Пожалуй, да, — неуверенно сказал Цепион. — А может, лучше ты сам все ей скажешь? Ты ведь ей нравишься.

— Что ты, дурачок! Она должна узнать обо всем от тебя. Это — родительское благословение, передать его должен ты, ее брат, а мое дело — поговорить с Ливией Друзой.

И Друз пошел к себе домой в направлении лестницы Весталок.

Его сестра была дома — где ей еще быть? С тех пор как Друз стал главой семьи, а их матери, Корнелии, было запрещено переступать порог дома, Ливия Друза не могла отлучиться без разрешения брата. Она даже не осмеливалась уйти украдкой, так как в глазах брата на ней лежало клеймо позора ее матери. В Ливии он видел слабое, подверженное соблазну создание, которому нельзя давать ни малейшей свободы. Он охотно поверил бы во все дурное, что бы о ней ни сказали, даже если единственной уликой ее вины было бы ее отсутствие.

— Пожалуйста, попроси сестру зайти ко мне в кабинет, — сказал он управляющему.

Рисунок 2. Дом Марка Ливия Друза на Палатине

Дом Дровоз считался одним из самых красивых в Риме. Строительство его закончилось как раз перед смертью Друза-цензора. Вид, открывавшийся с лоджии верхнего этажа, был просто великолепен. Здание находилось на самой высокой точке Палатина прямо над Форумом. По соседству был пустырь, где раньше стоял дом Марка Фульвия Флакка, а чуть подальше — дом Квинта Лутация Катула Цезаря.

Выстроили его в чисто римском стиле. Даже на той внешней стене дома, которая выходила на пустырь, не было окон. Когда там снова построят дом, его внешние стены примкнут к стенам дома Друза. Высокая стена с тяжелыми деревянными дверями и огромными воротами, выходившая на кливус Победы, по сути дела, являлась задней частью дома. Фасад возвышался над всей округой. Дом был трехэтажный, на сваях, прочно вбитых в склон скалы. Верхний этаж, на одном уровне с кливусом Победы, занимало благородное семейство; хранилища, кухни и комнаты для служащих располагались ниже, там, где часть внутренней площади помещения скрадывала крутая скала.

Ворота в стене, идущей вдоль улицы, открывались прямо в сад перистиля — такой большой, что в нем помещалось шесть замечательных огромных деревьев, завезенных из Африки девяносто лет назад Сципионом Африканским, которому принадлежала тогда эта территория. Каждое лето они утопали в цветах: два — в красных, два — в оранжевых и два — в золотисто-желтых. Больше месяца они наполняли весь дом благоуханием; затем на них появлялось нежное бледно-зеленое покрывало из причудливой формы листьев, похожих на папоротник. Зимой же они стояли голые, и солнце беспрепятственно проникало сквозь их короны во двор. Длинный, узкий, мелкий бассейн облицован белым мрамором, на каждом из четырех углов были фонтаны, выполненные из бронзы великим Мироном, а по всей длине бассейна расположились бронзовые статуи работы Мирона и Лисиппа — сатиры и нимфы, Артемида и Актон, Дионис и Орфей. Скульптуры были так правдоподобно раскрашены, что на первый взгляд казалось, будто во дворике собирались бессмертные обитатели лесных кущ.

По периметру сада стояли дорические колонны. Их основания и капители были выкрашены в яркие цвета. Пол колоннады был облицован гладкой терракотой, стены вдоль нее были ярко-зеленого, синего и желтого цвета, а между красными пиластрами красовались превосходные картины: ребенок с кистью винограда у ног Зевса, безумный Аякс, несколько обнаженных мужских фигур, один из портретов Александра Великого работы Апеллеса. Конь, нарисованный Апеллесом, был словно живой, и когда на него смотрели издалека, казалось, что он привязан к стене.

Кабинет выходил на заднюю часть колоннады по одну сторону от больших бронзовых дверей, столовая — по другую. А за ними располагался великолепный атрий — величиной с весь дом Цезаря; он освещался через прямоугольное отверстие в крыше, поддерживаемое колоннами по углам и вдоль длинных сторон бассейна. Стены художник раскрасил так, чтобы создать иллюзию пиластров, цоколей, антаблементов; между ними шли панели из черно-белых кубов, которые казались объемными, и панели с узором из цветочных гирлянд. Цвета были насыщенными — оттенки красного, синего, зеленого и желтого.

В ларях, переходивших по наследству от одного представителя рода к другому, лежали *imago* — сделанные из воска маски предков Ливия Друза. Их очень берегли. На разрисованных подставках стояли бюсты предков, богов, лифий, греческих философов, все они были раскрашены весьма натуралистично. Статуи в полный рост, тоже будто живые, стояли вокруг бассейна и вдоль стен, одни — на мраморных постаментах, другие — просто на полу. Огромные серебряные и золотые люстры свисали с очень высокого потолка, богато украшенного лепкой. Цветная мозаика пола изображала пирушку Бахуса и вакханок — они танцевали и пили, кормили оленей и обучали львов искусству винопития.

Друг не замечал этого великолепия. Он с детства привык к роскоши. К тому же душа его была закрыта для прекрасного; это отец его и дед обладали тонким вкусом и смысли знатоками искусства.

Управляющий нашел сестру Друза сидящей на лоджии. Ливия Друза всегда была одна и всегда одинока. Она даже не смела попросить разрешения прогуляться по улице, а когда говорила, что хочет пройтись по лавкам, брат просто-напросто приглашал в дом целые лавки и торговые ряды, продавцы раскладывали свои товары между колоннами, а управляющий платил за все, что ни выберет Ливия Друза. И если обе Юлии осматривали достопримечательности Рима под надзором своей матери или надежных слуг, а Аврелия постоянно ходила в гости к родственникам и в школу, то Ливия Друза жила словно в заточении — узница богатства, из-за которого ее никуда не пускали, заложница бегства своей легкомысленной матери и ее нынешней свободы.

Ливий Друзе было десять лет, когда ее мать, Корнелия из рода Сципионов, покинула дом, в котором жила семья Дровоз. Ливия осталась во власти отца, которому все было безразлично (он предпочитал бродить вдоль своих колоннад и рассматривать шедевры искусства), и была предоставлена заботам служанок и домашних учителей — а те слишком боялись власти Ливия Друза, чтобы стать друзьями девочки. Своего старшего брата, которому тогда было пятнадцать, она почти не видела. А через три года после того, как мать ушла следом за младшим братом, Мамерком Эмилием Лепидом Ливианом, как его теперь называли, Друзы переехали из старого дома в этот громадный мавзолей, и девочка затерялась на его просторах, крошечная частица в бесконечной пустоте космоса, лишенная любви, общения, внимания.

Когда почти сразу после переезда отец ее умер, ничего в ее жизни не изменилось.

Она не знала, что такое веселье, и если время от времени снизу, из душных, переполненных комнат прислуги до нее долетал смех, она удивлялась этим звукам, и ей хотелось знать, зачем их издают.

Единственный мир, который она смогла полюбить, был миром книг. Потому что ни читать, ни писать не мешал ей никто. Ежедневно она подолгу занималась и тем, и другим. Ее приводили в трепет гнев Ахилла, подвиги греков и троянцев, восхищали сказания о героях, чудовищах, богах и смертных девушках, которых те желали более страстно, нежели бессмертных олимпиек. А когда она сумела побороть ужасный шок от физического созревания своей плоти (ведь никто ей об этом ничего не рассказывал), ее жаждущая и страстная натура открыла для себя богатство любовной поэзии. Свободно читая как на латыни, так и на греческом, она открыла для себя Алкмена, создателя любовного стиха (так, по крайней мере, говорилось), и перешла к девичьим песням Пиндара, прочитала Сапфо и Асклепиада. Старый Сосий из Аргилета, который время от времени подбирал и пересыпал связки книг в дом Друза, не имел ни малейшего представления о том, кто будет их читать; он просто полагал, что читает их сам Друз. Вскоре после того как Ливий Друзе минуло семнадцать, Сосий начал посыпать ей сочинения нового поэта Мелеагра, чьи чрезвычайно откровенные стихи были полны любви и вожделения. Ливия Друза была очарована, познакомившись с чувственной литературой, и благодаря Мелеагру плоть ее наконец проснулась.

Но ей вовсе не стало от этого лучше. Она по-прежнему никуда не ходила, никого не видела. В этом доме было просто немыслимо завязать близкие отношения с рабом. Иногда она знакомилась с друзьями своего брата, но лишь мимоходом. За

исключением лучшего друга — Цепиона Младшего. А Цепион — коротконогий, с прыщавым лицом, невзрачный, с какой стороны ни посмотри — ассоциировался у нее с буффонами из пьес Менандра или с отвратительным Терситом, которого Ахилл убил одним ударом руки за то, что тот обвинил великого героя в соитии с трупом Пентезилией, царицы амазонок.

Конечно, Цепион не делал ничего такого, что заставило бы вспомнить о буффонах или Терсите. Просто в своем истощенном воображении Ливия наделяла эти мужские образы ее внешностью. Любимым героем Ливии был царь Одиссей (она думала о нем по-гречески, потому и называла греческим именем, а не латинским — Улисс). Ей нравилось, как блестяще он находил выход из любого положения. То, как он сватался к своей невесте и как она потом двадцать лет пускалась на разные хитрости, чтобы избавиться от назойливых поклонников, потому что ждала возвращения Одиссея, было для Ливии самой романтичной и счастливой из всех любовных историй Гомера. Одиссея она наделила внешностью юноши, которого видела всего лишь раз или два на лоджии дома, стоявшего ниже дома Друзов. Это был дом Гнея Домиция Агенобарба, имевшего двух сыновей; юноша этот не был одним из сыновей Агенобарба: их она как-то раз видела, когда они приходили к ее брату.

Одиссей был рыж, он был левшой. Если бы она читала более внимательно и обнаружила, что ноги у Одиссея были слишком коротки, она, возможно, и потеряла бы к нему интерес, поскольку короткие ноги считали главным и непростительным недостатком. Но сейчас Одиссей для Ливии был прямо как тот незнакомый юноша на лоджии Домиция Агенобарба. Незнакомец был очень высок, широкоплеч, и по тому, как сидела на нем тога, ясно было, что тело у него сильное и стройное. Его рыжие волосы блестели на солнце, голова на длинной шее гордо — царственно — поднята. Одиссей... Даже на расстоянии ясно выделялся орлиный нос. Больше она ничего не смогла различить. Но в глубине души была уверена, что глаза у него — большие, светло-серые, как у царя Итаки. Поэтому, читая страстные любовные стихи Мелеагра, она представляла себя девушкой или мальчиком, которого атаковал поэт, а в роли поэта всегда выступал юноша с балкона Агенобарба. О Цепионе Младшем она думала лишь с гримасой отвращения.

— Ливия Друза, Марк Ливий желает немедленно видеть тебя у себя в кабинете, — сказал управляющий, прервав ее мечты.

Она повернулась и последовала за управляющим.

Друз сидел за столом и изучал какую-то бумагу, но, как только сестра вошла в комнату, поднял голову и посмотрел на нее снисходительно и с некоторым интересом.

— Садись, — он указал на кресло для клиентов.

Она села и посмотрела на него спокойно, без тени улыбки. Она никогда не слышала, чтобы Друз смеялся, улыбался он тоже очень редко. То же самое и он мог бы сказать о ней.

Немного встревоженная, Ливия Друза заметила, что брат разглядывает ее пристальней, чем обычно. Он как бы пытался увидеть ее глазами Цепиона Младшего — чего она, конечно, знать не могла.

«А что, она вполне миленькая, — думал он, — хоть и невысокая. По крайней мере, ей не передался семейный недостаток — короткие ноги. Фигура восхитительна: полная, высокая грудь, узкая талия, красивые бедра; кисти рук, стопы тонкие и изящные, ногти не обгрызены. Острый подбородок, широкий лоб, довольно длинный нос с горбинкой. Рот и глаза отвечают всем требованиям истинной красоты: глаза — большие и красивой формы, рот — маленький, свежий, как бутон розы. Густые черные волосы — в цвет глаз, бровей и ресниц — красиво причесаны».

Да, Ливия Друза и вправду была хороша. Конечно, не Аврелия... Его сердце скжалось от боли; оно все еще трепетало, когда он думал о той, что его отвергла. Как же быстро он написал письмо Квинту Сервилию, едва узнал о приближающейся свадьбе Аврелии! Все — к лучшему; он ничего не имел против Аврелиев, но ни богатством, ни положением им не сравниться с патрициями Сервилиями.

Кроме того, ему всегда нравилась юная Сервилия, и в отношении их будущего у него не было никаких сомнений.

— Дорогая моя, я нашел тебе мужа, — без всякого вступления заявил он и, казалось, был при этом очень доволен собой.

Она явно не ожидала такого известия, хотя и не подала виду. Только облизала пересохшие губы и выдавила:

— И кто он?

Друз воодушевился:

— Замечательный юноша, необыкновенный друг! Квинт Сервилий Младший!

Ее взгляд был полон ужаса, она разлепила сухие губы, желая что-то сказать, но не смогла.

— В чем дело? — спросил он, искренне удивленный.

— Я не могу выйти за него замуж, — прошептала Ливия Друза.

— Почему?

— Он... Он отвратителен, мерзок!

— Не будь смешной!

Она мотала головой:

— Я не выйду за него, не выйду!

Ужасная мысль посетила Друзу, всегда помнившую о своей матери; он поднялся, обошел вокруг стола и встал над сестрой:

— Ты с кем-нибудь встречаешься?

Она перестала мотать головой и, оскорблённая, посмотрела на него снизу вверх:

— Я? Да как я могу с кем-нибудь встречаться, если меня держат взаперти дни напролет? Я вижу только тех мужчин, которые приходят вместе с тобой, и даже с ними у меня нет возможности поговорить! Если ты с ними обедаешь, то меня не приглашаешь — мне разрешается выйти к столу только при этом противном дурочке Квинте Сервилии Младшем!

— Да как ты смеешь?! — Ему и в голову не приходило, что она относится к его лучшему другу иначе, нежели он.

— Я не выйду за него замуж! — закричала она. — Да лучше мне умереть!

— Ступай в свою комнату, — сказал он с каменным лицом.

Она встала и пошла к двери, которая открывалась на колоннаду.

— Не в гостиную, Ливия Друза. В спальню. И оставайся там, пока не придешь в себя.

Единственным ответом ему был испепеляющий взгляд. Но она повернулась и вышла в дверь, ведущую в залу.

Друз так и остался стоять около кресла, где она только что сидела. Тщетно пытался он побороть свой гнев. Неслыханно! Как она посмела ослушаться?

Через некоторое время страсти немного поутихли. Он, конечно, всегда раньше умел поставить ее на место, но сейчас он попросту не знал, что и делать. За всю его жизнь никто никогда не перечил ему. Ливий Друз привык к этому. Привык, что к нему относятся уважительно, с почтением, какого редко удостаиваются лица столь юные. Как быть? Если бы он получше знал свою сестру, а отец был жив... Если бы их мать... О горе! Но что же делать?

Надо ее наказать, решил он. И тут же послал за управляющим.

— Госпожа Ливия Друза обидела меня, — сказал он спокойно. — И я велел ей пойти в свою спальню. Пока ты не поставишь на дверь засов, кто-нибудь пусть охраняет ее дверь. Посытай к ней женщину, чтобы прислуживала ей. Но ни под каким предлогом не позволяй ей выходить из спальни. Понятно?

— Да, Марк Ливий, — равнодушно ответил управляющий.

И вот поединок начался. Ливию отправили в тюрьму, еще более тесную, нежели та, к которой она привыкла. Эта комната примыкала к лоджии и в ней имелась вентиляционная решетка. И все же это была мрачная тюрьма. Когда Ливия попросила книг для чтения и бумаги для письма, ей было отказано. Тут она поняла, что ей уготовано. Четыре стены, кровать, ночной горшок, невкусная еда на подносе, который приносила женщина, совершенно ей незнакомая, — вот ее участье.

Между тем перед Друзом стояла задача скрыть от лучшего друга столь явную неблагосклонность сестры. Отдав приказания относительно Ливии Друзы, он снова надел тогу и отправился к Цепиону Младшему.

— О, привет! — расплылся в улыбке Цепион.

— Знаешь, мне надо еще кое-что тебе сказать, — начал Друз с порога. Впрочем, сам толком не знал, что же ему следует сказать.

— Хорошо, Марк Ливий. Но прежде не хочешь ли зайти к моей сестре? Она вся в волнении.

Хоть это — хороший знак. Сервилия, должно быть, приняла весть о своей помолвке если не с радостью, то, по крайней мере, спокойно, подумал Друз.

Но по всему было видно — не просто спокойно, а с радостью. Едва Ливий Друз показался в дверях, как Сервилия бросилась к нему на грудь.

— О Марк Ливий! — Она смотрела на него с нежностью и обожанием.

Почему Аврелия никогда не смотрела на него так? Он постарался не думать об этом и улыбнулся трепещущей Сервилий. Она не была красавицей: коротконогая, как все в их семье, но без прыщей, какие в изобилии имелись у ее братца. Глаза, правда, хороши: большие, темные и влажные. Хоть он и не был в нее влюблен, но полагал, что со временем сможет полюбить — ведь она всегда ему нравилась.

Он поцеловал ее в мягкий рот. Его удивило и обрадовало, что она ему ответила. Они успели немного поговорить.

— А твоя сестра, Ливия Друза, — она рада? — спросила Сервилия, когда он встал, чтобы уйти.

— Очень, — ответил он. И добавил: — К сожалению, сейчас она немного нездорова.

— Да, это плохо! Но не горчайся. Скажи ей, что, когда ей станет лучше и она сможет принимать гостей, я ее навещу. Мы станем золовкой и снохой, но мне бы больше хотелось стать ее подругой.

Это вызвало у него улыбку:

— Спасибо.

Цепион с нетерпением ждал в кабинете, который занимал в отсутствие отца.

— Я в восторге, — присаживаясь, объявил Друз. — Твоей сестре выбор пришелся по душе.

— Я же говорил, что ты ей нравишься. А как восприняла новость Ливия Друза?

Теперь Друз знал, что ответить.

— С радостью, — соврал он. — К сожалению, когда я пришел домой, у нее был жар. Доктор уже пришел и был немного обеспокоен. Налицо какие-то осложнения. Он опасается, что болезнь может оказаться заразной.

Цепион побледнел.

— Подожди, увидим, — успокоил его Друз. — Ведь она тебе очень нравится, Квинт Сервилий, не так ли?

— Мой отец говорит, что лучше Ливии Друзы я никого не найду. Он похвалил мой вкус. Ты писал ему, что она мне нравится?

— Да. — Друз незаметно улыбнулся. — Видишь ли, мне уже года два как все ясно.

— Сегодня я получил письмо от отца. Он пишет, что Ливия Друза очень знатна и богата. Она ему тоже нравится.

— Что ж, как только ей станет лучше, мы соберемся вместе пообедать — и поговорить о свадьбе. В начале мая, а? Перед несчастливым периодом. — Друз поднялся. — Не могу больше оставаться. Квинт Сервилий. Надо идти домой — посмотреть, как там сестра.

И Цепион Младший, и Друз были выбраны военными трибуналами, и им следовало ехать в Галлию с Гнеем Маллием Максимом. Но знатность, богатство и политическое влияние сыграли свою роль. Если относительно неизвестный Секст Цезарь, набирающий армию, не получил отпуск, чтобы съездить на свадьбу к своему брату, то Друз и Цепион благополучно болтались дома. Конечно, Друз не видел ничего сложного в том, чтобы сыграть двойную свадьбу в начале мая, даже если к этому времени женихов привлекут к исполнению военных обязанностей. Пусть армия будет уже в походе — они всегда смогут ее нагнать.

Он отдал приказание слугам на тот случай, если Цепион и его сестра придут справиться о здоровье Ливии Друзы, и урезал рацион Ливии до пресного хлеба и воды. Пять дней он ее не тревожил, затем велел привести к нему в кабинет.

Она вошла, щурясь от яркого света, ноги ее плохо держали, волосы были расчесаны кое-как. По ее глазам было видно, что она не спала, но брат не увидел ни следа слез. Руки ее дрожали, нижняя губа была искусана до крови.

— Садись! — резко бросил он.

Она села.

— Что ты теперь думаешь о свадьбе с Квинтом Сервилием?

Она задрожала всем телом; бледный румянец, еще сохранившийся на лице, теперь совсем исчез.

— Не хочу, — сказала она.

— Ливия Друза, я — глава семьи. Я властен над твоей жизнью. И — над твоей смертью. Я тебя очень люблю. Значит, мне будет неприятно доставлять тебе боль. Мне тяжко видеть, что ты страдаешь. А ты страдаешь. И мне больно. Но мы оба — римляне. Для меня это — все. Для меня это — важнее, чем любовь к сестре, чем все на свете! Мне очень жаль, что ты не можешь полюбить моего друга Квinta Сервилия. Тем не менее ты станешь его женой! Повиноваться мне — твоя обязанность как римлянки. Ты это знаешь. Квинт Сервилий — муж, которого наш отец выбрал для тебя. Так же как его отец хочет, чтобы Сервилия стала моей женой. Было время, когда я сам хотел выбрать себе жену, но события только доказали, что отец оказался мудрее меня. Кроме всего прочего, на нас падает тень позора нашей матери, которая оказалась недостойной звания римлянки. Из-за нее на тебе лежит еще большая ответственность. Нельзя допустить, чтобы кто-нибудь, судя по твоим словам и поступкам, мог заключить, что тебе передались ее пороки.

Ливия Друза глубоко вздохнула и повторила, но уже не так уверенно:

— Не хочу!

— «Хочу» здесь ни при чем, — сурово сказал Друз. — Кто ты такая, Ливия Друза, чтобы ставить свои желания выше чести семьи? Подумай над этим. Ты выйдешь замуж за Квinta Сервилия — и ни за кого другого. Если будешь продолжать упорствовать, вообще не выйдешь ни за кого и — никуда. До конца своей жизни не выйдешь из своей спальни. Там проведешь — одна, без развлечений — дни и ночи. Всю жизнь. — Он смотрел на нее глазами, холодными, как черные камни. — Я не шучу, сестра. Ни книг, ни табличек для письма. Никакой еды, кроме хлеба с водой. Ни ванны, ни зеркал, ни прислуги. Ни чистой одежды, ни свежего белья. Ни печки зимой, ни теплого одеяла, ни обуви. Ни ремней, ни поясов, ни лент — чтобы ты не могла повеситься. Ни ножниц, чтобы стричь ногти и волосы, ни ножей — не заколешься. А если попытаешься уморить себя голодом, я силой запихаю еду тебе в глотку.

Он щелкнул пальцами, и на этот негромкий звук управляющий появился так быстро, словно подслушивал под дверью.

— Отведи сестру в ее комнату. И приведи ее ко мне завтра на рассвете — перед тем, как в доме появятся гости.

Управляющему пришлось помочь ей подняться.

— Завтра я жду твоего ответа, — сказал Друз.

Пока управляющий вел ее через залу, он не проронил ни слова. Закрыл за ней дверь и запер на засов, который Друз велел навесить.

Смеркалось. Ливия Друза знала, что оставалось более двух часов до полной темноты, густого небытия, которое окружало ее всю долгую зимнюю ночь. До сих пор она не плакала. Гнев и уверенность в своей правоте поддерживали ее силы первые три дня и ночи. Позже она стала утешать себя тем, что в таком же положении побывали героини прочитанных ею книг. Самой первой в списке, конечно, стояла Пенелопа, которой пришлось ждать двадцать лет. Даною запер в спальню отец. Тезей покинул Ариадну на морском побережье. Но все закончилось хорошо: Одиссей вернулся домой, у Даны родился Персей, а Ариадну спас Дионис.

Но теперь она начала понимать разницу между высокой литературой и реальной жизнью. Литература никогда не стремилась отражать реальную жизнь. Ее целью как раз было на время оторваться от повседневности, освободить разум, уставший от мирских забот, чтобы тот мог насладиться величественным языком и яркими образами, вдохновляющими и заманчивыми идеями. Пенелопа хотя бы была свободна в своем дворце и могла общаться с сыном; на Даною обрушился золотой дождь; Ариадна, брошенная Тезеем, настрадалась бы еще больше, если бы вышла за Тезея замуж. В реальной же жизни Пенелопу изнасиловали бы или насильно выдали замуж, ее сына убили бы, а Одиссей никогда не вернулся бы домой. Даная и ее младенец плавали бы в сундуке, пока море не поглотило бы их. А несчастная Ариадна забеременела бы от Тезея и, одинокая, умерла во время родов на пустынном берегу.

Разве Зевс снизойдет в образе золотого дождя, чтобы скрасить долгое заточение Ливии Друзы в Риме сегодняшнем? Разве явится к ней, в эту маленькую темную комнатку, Дионис — на колеснице, запряженной леопардами? Разве натянет Одиссей тетиву своего огромного лука и сразит одной стрелой и ее брата, и Цепиона Младшего? Нет! Конечно, нет! Все они жили больше тысячи лет назад — если вообще существовали где-либо, кроме как в нетленных стихах поэта.

Каким-то образом она внушила себе мысль, что рыжеволосый герой с балкона дома Агенобарбов узнает о ее заточении, выпломает решетку в стене, ворвется в дом и унесет, чтобы жить с нею на каком-нибудь заколдованным острове посреди моря. Герой виделся ей высоким, похожим на Одиссея, хитроумным и смелым. Что ему крепкие стены дома Друзов, узнай он, что там держат в плена красавицу!

Но этой ночью все было не так. С сегодняшнего вечера началось настоящее тюремное заключение, которому не предвидится счастливого конца, волшебного освобождения. Кто знал о ее заточении, кроме брата и слуг? А кто из слуг из жалости к ней пересилит страх перед Друзом и послушается его? Он не был жестоким, это она хорошо понимала. Но он привык, что ему подчиняются. Младшая сестра была для него таким же подвластным существом, как его рабы или собаки, которых он держал в охотничье домике в Умбрии. Его слово должно было быть законом. Его желания — приказом. Желания какой-то там младшей сестры не принимались в расчет и потому существовали только в ее мечтах.

Ливия почувствовала, как у нее защекотало в глазах, как горячий, щекочущий след протянулся по щеке. Что-то капнуло ей на ладонь. Капли зачастали, словно короткий летний дождик, все быстрее и быстрее. Ливия Друза рыдала. Сердце ее было разбито. Она раскачивалась взад-вперед, вытирая лицо и снова заливала его слезами. Она плакала долго — одна в океане уныния, умирая прихотей брата и своего нежелания выполнять его волю.

Но когда управляющий пришел отпереть ее дверь и осветил зловонную темноту ее спальни слепящим светом своей лампы, она сидела на краю кровати, тихая, с сухими глазами. Она поднялась и первой вышла из комнаты. Она шла впереди управляющего через огромную залу в кабинет брата.

— Ну? — спросил Друз.

— Я выйду замуж за Квinta Сервилия.

— Хорошо. Но я требую от тебя еще одного, Ливия Друза.

— Попытаюсь во всем угодить тебе, Марк Ливий, — сказала она спокойно.

— Хорошо. — Он щелкнул пальцами, тут же появился управляющий. — Принеси в гостиную госпожи Ливии Друзы горячего медового вина и медовые лепешки. И пусть служанка приготовит ванну.

— Спасибо, — равнодушно сказала она.

— Мне доставляет истинное удовольствие приносить тебе радость, Ливия Друза, когда ты ведешь себя, как подобает достойной римлянке, и делаешь то, чего от тебя хотят. Я надеюсь, что ты будешь вести себя с Квинтом Сервилием как молодая женщина, которая рада замужеству. Ты покажешь ему, что ты довольна, и будешь оказывать ему уважение, почтение, интерес и участие. Никогда — даже наедине в спальне, когда вы пожениитесь, — ты не намекнешь ему, что он не такой муж, какого ты выбирала бы сама. Ты поняла? — сурохо спросил он.

— Поняла, Марк Ливий.

— Иди за мной.

Он привел ее в залу, где огромный прямоугольник в крыше начал бледнеть, сменяясь жемчужным светом — призрачнее света ламп, но все красивей. В стене было место для поклонения богам-хранителям домашнего очага — ларам и пенатам, по обеим сторонам которого художник искусно изобразил миниатюрные храмы, где обитали духи знаменитых мужей семьи Ливиев Друзов, начиная с умершего отца-цензора и далее, в глубь веков, к самым истокам рода. Здесь Марк Ливий Друз заставил сестру дать ужасную клятву римским богам, не имевшим ни статуй, ни мифов, ни обличья, — богам, которые были олицетворением внутренних качеств человека, а не божественными мужчинами и женщинами. Под страхом их гнева она поклялась быть нежной и любящей женой Квинту Сервилию Цепиону Младшему.

Когда дело было сделано, он отпустил сестру в комнату, где ее ждали горячее медовое вино и медовые лепешки. Она выпила немного вина и почувствовала облегчение, но горло ее скжалось от одной мысли, что ей надо проглотить лепешку, поэтому она отложила их в сторону, с улыбкой глядя на служанку.

— Я хочу принять ванну, — сказала она.

В этот день Квint Сервилий и его сестра Сервилия пришли на обед к Марку Ливию Друзу и его сестре, Ливий Друзе. Это был милый quartet, строивший планы о двойной свадьбе. Ливия Друза сдержала клятву и благодарила небеса за то, что семья их славилась неуязвимостью: никому не казалось странным, что она хранит чрезмерную супровость, — все Друзы таковы. Тихим голосом она разговаривала с Цепионом, в то время как ее брат занимал Сервилию. Постепенно страхи Цепиона рассеялись. И с чего он взял, будто не нравится Ливий Друзе? Возможно, она была утомлена после болезни, но с несомненным энтузиазмом приветствовала планы своего властного брата сыграть двойную свадьбу в начале мая, перед началом похода Гнея Маллия Максима через Альпы.

«Перед несчастливым периодом, говорит Друз. Но для меня любой период — несчастливый», — подумала Ливия. Однако вслуш этого не сказала.

* * *

Публий Рутилий Руф писал Гаю Марию в июне, еще до того, как весть о захвате Югурты и об окончании войны в Африке достигла Рима:

У нас выдалась тяжелая зима и довольно напряженная весна. Германцы определенно пришли в движение. Они направляются на юг, в нашу провинцию по реке Родан. Мы получили срочные сообщения от наших галльских союзников эдуев. Их непрошеные гости, германцы, собираются двинуть дальше. А потом, в апреле, прибыл первый из посланцев эдуев с известием о том, что германцы опустошили их зернохранилища и загрузили хлебом свои повозки. Однако при этом они

заявили, будто направляются в Испанию. И те в Сенате, кто отрицает всякую возможность германской угрозы, быстро распространяли эту информацию.

К счастью, Скаэр не из их числа, и Гней Домиций Агенобарб — тоже. Вскоре после того, как Гней Маллий и я вступили в должность консулов, в Сенате образовалась влиятельная группировка, требующая набрать новую армию — на случай неожиданного нападения германцев, и Гней Маллий издал приказ собрать шесть новых легионов.

Рутилий Руф вдруг заметил, что напрягся, будто в ожидании гневной тирады Мария, и грустно улыбнулся. Затем продолжил письменную беседу с отсутствующим другом:

Да, я знаю, знаю! Попридержи свое негодование, Гай Марий, и, прежде чем топтать меня солдатским сапогом, позволь изложить до конца! Поделом бы! Это я должен был набирать новую армию и командовать ею. Я — старший консул, у меня за плечами долгая и успешная военная карьера, и сейчас я даже наслаждаюсь некоторой славой, потому что мой учебник по военному искусству наконец-то вышел в свет. В то время как мой юный коллега, Гней Маллий, — совершенный новичок в этом деле.

А все — твоя вина! Наша с тобой дружба известна всем, а твои враги в Сенате проявят некоторую благосклонность к твоим сподвижникам не раньше, чем Рим падет под нашествием германцев. Таково мое скромное мнение.

И вот Метелл Свинка встает и произносит пламенную речь, цель которой — доказать, что я слишком стар, чтобы возглавить армию, и что мои — о, несомненные! — способности будут использованы куда лучше, если я останусь в Риме. Сенаторы последовали за ним, как овцы за пастухом, который ведет их на живодерню, и приняли соответствующие законы. Почему я не боролся? О Гай Марий, ведь я — не ты! У меня нет ни твоей ненависти к ним, ни твоей феноменальной энергии. Поэтому я утешился, добившись, чтобы Гнею Маллию придали несколько по-настоящему опытных и способных легатов. Хотя бы это...

У него имеется хорошая поддержка в лице Марка Аврелия Скаэра. Да, да, я сказал: «Аврелия», а не «Эмilia».

Единственное, что у него общего с нашим уважаемым принципепом — это имя. Тем не менее я предполагаю, что военные таланты его выше, чем у Скаэра. По крайней мере — ради Рима и ради Гнея Маллия! — я на это надеюсь.

Гней Маллий справился неплохо. К концу апреля, когда пришла весть о том, что германцы направляются на юг, Гней Маллий уже имел шесть легионов, состоящих исключительно из римских и латинских неимущих. Но затем прибыла новая делегация эдуев, и впервые Сенат получил точные сведения о количестве наступающих германцев. О, многое неожиданного и любопытного! Мы узнали, например, что варвары, которые убили Луция Кассия в Аквитании, — по нашим сведениям, их было около четверти миллиона, — составили бы только третью нынешнего полчища, если не меньше. Так, если верить нашим союзникам-эдуям, сейчас к галльскому побережью на Внутреннем море движется около восьмиста тысяч германских воинов, женщин и детей. Есть над чем поразмыслить, не правда ли?

Сенат разрешил Гнею Маллию набрать еще четыре легиона, чтобы увеличить его силы до десяти легионов, плюс пять тысяч конников. После этого весть о германцах облетела всю Италию, хоть Сенат и пытался всех успокоить. Мы очень, очень встревожены. И особенно тем, что до сих пор не одержали над германцами ни одной победы. Со временем Нарбона наша военная история стала историей поражений. А есть и такие (особенно много их среди простых людей), кто говорит, будто

наше знаменитое изречение о том, что «шесть хороших римских легионов могут победить четверть миллиона недисциплинированных варваров», просто-напросто сенаторское говно. Да, Гай Марий, вся Италия в страхе! И не мне, во всяком случае, винить ее за это.

Мне кажется, из-за всеобщей паники несколько наших итальянских союзников пересмотрели свою политику последних лет и добровольно пополнили отряды Гнея Маллия. Самниты прислали легион легковооруженной пехоты, а марсии — замечательный пехотный легион римского образца. Прибыл и легион из Умбрии, Этрурии и Пицена. Поэтому, можешь себе представить, наши полководцы теперь точно кот на рыббалке — самодовольны и самоуверенны. Из четырех дополнительных легионов три оплачиваются и содержатся итальянскими союзниками.

Это все, что есть хорошего. Все остальное, разумеется, плохо. Нам катастрофически не хватает центурионов. А это значит, что ни один из новых легионов, набранных из граждан без имущественного ценза, не прошел надлежащего обучения.

Один только что созданный — и вовсе не обучен. Его легат Аврелий предложил Гнею Маллию разделить опытных центурионов пополам между семью легионами. Соответственно, в каждом из легионов не более сорока процентов центурионов будут иметь боевой опыт. У нас неплохие военные трибуны, но не тебе объяснять, что именно на центурионах держатся центурии, и когорты.

Говоря откровенно, я боюсь. Чем это кончится? Гней Маллий неплохой парень, но не думаю, что он справится с германцами. Он и сам в конце мая заявил в Сенате, что не уверен, будут ли его воины знать, что им делать на поле боя! Вот это да! Всегда среди солдат найдутся такие, кто не знает, чем заняться на поле боя, но никто же не объявляет об этом в Сенате!

И что же сделал Сенат? Поспал приказ Квинту Цепиону в Нарбон немедленно передислоцировать армию к Родану и соединиться с армией Гнея Маллия, когда она достигнет Родана. На этот раз Сенат не мешкал — послание отправили конным курьером, который добрался из Рима до Нарбона меньше чем за две недели. Не замедлил с ответом и Квинт Сервiliй. Мы получили его вчера. И что это был за ответ!

Естественно, согласно распоряжению Сената, Квинт Цепион должен будет подчиняться сам и подчинить свои войска консулу. Прошлогодний консул, возможно, имеет свои права. Но в любом совместном деле последнее слово — за консулом нынешнего года.

О Гай Марий, это не очень-то понравилось Квинту Цепиону! Неужели Сенат и впрямь надеялся, что он — патриций Сервiliй, прямой потомок Гая Сервiliя Ахалы, спасителя Рима, — подчинится выскочке, у которого в доме нет ни одной маски предков? Человеку, который попал в консулы только потому, что на выборах не нашлось ни одной кандидатуры выше его по происхождению? «Ну и консулы, ну и консулы!» — воскликнул Квинт Сервiliй Цепион. Да, клянусь тебе, именно так он и сказал! В годы его правления кандидаты заслуживали уважения, а нынче лучшее, что мог выбрать Рим, — это разбитый, старый, нешибко знатный гражданин (я) и самонадеянный выскочка, у которого денег больше, чем вкуса (Гней Маллий). Вот чем заканчивалось письмо Цепиона. Он, конечно, сразу отправился к Родану — но ко времени его прибытия ожидает увидеть там гонца от Сената с известием о том, что главнокомандующим будет он, невыносимо знатный Квинт Сервiliй Цепион.

Если Гней Маллий станет действовать под его началом, то — в этом Цепион уверен — все пройдет великолепно.

Руки Рутилия Руфа задрожали. Он со вздохом отложил стилос и начал массировать пальцы. Нахмурившись, он смотрел в никуда. Вскоре веки его начали слипаться, голова упала на грудь, он задремал. Когда спустя короткое время он проснулся, будто от толчка, руке полегчало, и он снова вернулся к письму.

О, какое длинное, длинное письмо! Но кто еще расскажет тебе о том, что происходит! А тебе нужно это знать. Письмо Квинта Цепиона было адресовано скорее принципепу Скаэру, чем мне, а ты, безусловно, сам знаешь, каков наш любимец Марк Эмiliй Скаэр! Он зачитал это ужасное письмо в Сенате целиком, от первого слова до последнего, — и с явным удовольствием. У него просто слюнки текли! Были и побагровевшие лица, и тумаки, и шумнаяссора между Гнеем Маллием и Метеллом Свинкой, которую я сумел прервать, только кликнув ликторов. Это не понравилось Скаэру. О, какие воинственные мухи! Жаль, что нельзя сохранить их пыл и направить на германцев это оружие — самое ядовитое, какое только может изобрести Рим. Вот что смело бы варваров с лица земли!

В результате Квинта Цепиона действительность будет ждать на берегах Родана курьер. Но новые приказы не лучше прежних. Он обязан подчиниться законно избранному консулу, Гнею Маллию Максиму. Какая жалость, что этот идиот унаследовал имя «Максим», не так ли? Все равно что нахлобучить на себя венок из трав, corona graminea, после того, как

твои подчиненные спасли тебя, а не ты их. Если ты не Фабий, имя «Максим» звучит весьма дерзко.

Как бы то ни было, здесь я чувствую себя боевым конем на сочном пастбище. Мне хочется оказаться на месте Гнея Маллия, и в то же время беспокоит решение других первостепенных проблем. Например, сможем ли мы в этом году

наполнить государственные зернохранилища после того, как оплатим вооружение семи новых легионов. Веришь ли, когда весь Рим только и говорит что о германцах, Сенат восемь дней обсуждал этот вопрос! От этого можно сойти с ума!

У меня есть идея, и я хочу воплотить ее в жизнь. Ждет ли нас в Галлии победа или поражение, я все равно займусь этим делом. Когда в Италии не останется ни одного воина, я наберу военных инструкторов из гладиаторских школ. В Капуе таких школ полным-полно — и самых лучших. Что может быть удобнее, особенно если учесть, что Капуя тоже является военной базой наших новых войск. И если после этого какой-нибудь Луций Блохастик не сможет набрать достаточно гладиаторов для достойного зрелища на похоронах своего бедушки, значит, ему не повезло! Нужды Рима важнее нужд Луция Блохастика, это я говорю! Ты, наверно, понял, что я собираюсь продолжать набор в армию из неумных.

Я, конечно, буду держать тебя в курсе. Как идут дела в стране мечтателей, сирен и заколдованных островов? Еще не заковали в кандалы Югурту? Это не за горами, я уверен. Метелл Свинка (он же Нумидийский) в эти дни чувствует себя слегка взволнованным. Не знает, на ком остановить выбор — на тебе или на Гне Малли. Конечно, он выступил с великолепной речью, чтобы поддержать выдвижение Квинта Сервилия на должность главнокомандующего. Мне доставило удовольствие испортить все дело несколькими умелыми пущенными стрелами.

О боги, как они мне надоели! Кичатся своими несчастными предками именно тогда, когда Риму необходим настоящий, живой военный гений! Скорее возвращайся домой. Ты нам необходим. Мне одному не хватает сил, чтобы бороться с целым Сенатом.

В письме имелся еще постскриптум:

Междуроччим, в Кампании произошло два необычных случая. Они мне не нравятся. К тому же я не могу понять причин. В начале мая в Нуцери был мятеж рабов. Его легко подавили. Закончилось все казнью тридцати несчастных, родом с разных концов света. Но три дня назад вспыхнуло еще одно восстание, на этот раз на большом невольничем рынке около Капуи, где второсортные рабы ожидали покупателей, которым понадобится сопня-другая работников таскать грузы на пристани, ворочать камни на каменоломнях — словом, для однообразного механического труда. Почти двести пятьдесят рабов участвовали в этом бунте. Бунт был сразу же подавлен — вокруг расквартировано несколько когорт. Около пятидесяти мятежников погибло сразу, остальных немедленно казнили. Но мне это не нравится, Гай Марий. Чрезвычайно не нравится.

Это — предзнаменование. Сейчас боги против нас, нутром чувствую.

И еще один постскриптум:

Только что узнал еще несколько грустных новостей. Поскольку я уже договорился, что письмо мое доставят срочной морской почтой, решил написать тебе, что случилось. Твой горячо любимый тестя, Гай Юлий Цезарь, сегодня скончался. Как ты знаешь, у него была злокачественная опухоль в горле. Сегодня он заколотился мечом. Он сделал правильный выбор. Уверен, ты со мной согласишься. Никто бы не захотел долго оставаться обузой для своих близких, особенно когда это ущемляет достоинство мужчины и римлянина. Разве кто-нибудь из нас предпочел бы жизнь смерти, если жить — значит бессильно лежать в собственных испражнениях и ждать, пока раб обмоет тебя? Нет, когда человек не может управлять своим организмом, пора уходить. Я думаю, Гай Юлий Цезарь ушел бы и раньше, если бы не тревожился так о своем младшем сыне, который (уверен, ты знаешь) недавно женился. Я заходил навестить Гая Юлия два дня назад, и он сумел прошептать мне в короткие перерывы между удушьями, что его сомнения в правильности выбора Гая Юлия развеялись, потому что красавица Аврелия — которая, должен признать, мила и моему сердцу — как раз то, что нужно его мальчику. Итак — ave atque vale, привет тебе и прощай, Гай Юлий Цезарь.

В самом конце июня консул Гней Маллий Максим отправился в долгий поход на северо-запад, включив в свиту двух своих сыновей. Двадцать четыре военных трибуна, выбранных в этом году, были распределены по семи из десяти его легионов. Секст Юлий Цезарь, Марк Ливий Друз и Квинт Сервилий Цепион Младший отправились с ним. Взяли и Квinta Сертория — в качестве младшего военного трибуна. Из трех легионов итальянских союзников самым многочисленным и лучше других подготовленным был легион, присланный марсиами. Им командовал двадцатипятилетний сын знатного марсия Квинт Поппедий Силон — конечно, под надзором римского легата.

По настоянию Маллия Максима взяли с собой закупленного государством зерна столько, чтобы его хватило на питание всей армии в течение двух месяцев. Поэтому продовольственный обоз был огромен, и армия двигалась медленно. Спустя шестнадцать дней она даже не добралась до Адриатики у Фана. Решительные и страстные речи легата Аврелия в конце концов смогли убедить Максима оставить обоз под охраной одного из легионов, а остальные девять и конницу бросить вперед, взяв с собой только легкий груз. Трудно было доказать Маллию Максиму, что войска его не умрут от голода, прежде чем доберутся до Родана, и что рано или поздно основной груз благополучно прибудет на место.

Двигаясь на сближение гораздо более коротким путем по суше, Квинт Сервилий Цепион добрался до широкой реки Родан раньше Маллия Максима. Он взял с собой семь из восьми своих легионов — восьмой он отправил по морю в Ближнюю Испанию. И никакой конницы. Ее он распустил в прошлом году — за ненадобностью и из-за дороговизны. Несмотря на приказания Максима и настояния легатов, Цепион долго отказывался выступать из Нарбона, пока не придут долгожданные известия из Смирны. К тому же он был не в духе и постоянно возмущался равнодушiem Сената, который надеялся, что он, Цепион, уступит верховное командование какому-то высокочке. Но в конце концов ему пришло выступить в поход, не дождавшись письма из Смирны. Он оставил в Нарбоне подробные инструкции о том, чтобы таковое переправили, как только получат.

Даже несмотря на задержку, Цепион добрался до места назначения гораздо раньше Маллия Максима. В Немаузе, небольшом торговом городке на западном краю обширных соленых болот дельты Родана, его встретил курьер Сената, который передал ему новые приказания.

Цепиону и в голову не приходило, что его возмущенное письмо (о знатности рода Сервилиев) не тронет государственных мужей. Развернув свиток и прочитав краткий ответ Сената, он был взбешен. Невероятно! Он, патриций Сервилий, должен исполнять прихоти Маллия Максима, какого-то простолюдина? Никогда! Никогда!

Римская разведка сообщила, что германцы направились на юг через земли кельтов-аллоброгов, закоренелых ненавистников Рима. Аллоброги попали в непростую ситуацию: Рим — это враг, которого они знают, германцы — враг пока неведомый. Братство друидов вот уже два года твердило всем галльским племенам, что в Галлии нет места, где могли бы поселиться германцы. Конечно, аллоброги не собирались уступать слишком много земли народу, во много раз численно их превосходящему. К тому же рядом жили эдуи и амбарры, и известно было, в какие пустоши превратили германцы земли этих запуганных племен. Поэтому аллоброги отступили к предгорью своих любимых Альп, стараясь как можно больше измотать германцев.

В конце июня германцы вторглись в римскую провинцию Заальпийская Галлия севернее Виенны и, не встретив сопротивления, хлынули вперед. Вся масса — более чем три четверти миллиона людей — двигалась вдоль восточного берега Родана.

Узнав об этом, Цепион свернул с Домициевой дороги и, вместо того чтобы идти через болота дельты по дороге, построенной Агенобарбом, повел свою армию на север по западному берегу, так чтобы река оставалась между ним и германцами. Было это в середине секстилия.

Из Немауза он сразу же послал в Рим курьера с еще одним письмом для Скавра, где заявлял, что не будет выполнять приказы Маллия Максима и это — его последнее слово. После такого письма ему оставался один путь — по западному берегу.

На восточном берегу Родана, сорока милями севернее места, где Домициева дорога пересекала реку, находилась римская фактория, имеющая важное значение. Называлась она Аравсион. А на западном берегу, в десяти милях от Аравсиона, встал лагерь Цепиона. Армия из сорока тысяч пехотинцев и пятнадцати тысяч нестроевых. Здесь Цепион ждал появления Маллия Максима на противоположном берегу. А еще он ждал ответа на свое последнее послание Сенату.

Маллий Максим появился раньше, чем ответ из Сената. Он расположил пятьдесят пять тысяч пехотинцев и тридцать тысяч нестроевых в мощно укрепленном лагере у берега реки, в пяти милях севернее Аравсиона, чтобы использовать реку и как

средство защиты, и как источник воды.

Поле к северу от лагеря было идеальным для битвы, думал Маллий Максим, считая, что река — мощная преграда на пути врага. Это была его первая ошибка. Вторая заключалась в том, что он вывел из лагеря пятисотскую конницу и послал ее в дозор на тридцать миль к северу. Третьей ошибкой было назначение своего самого опытного легата Аврелия командовать конницей — тем самым командующий лишился ценных советов Аврелия. Все эти ошибки были частью великой стратегии Маллия Максима: он ведь собирался с помощью Аврелия и конницы остановить наступление германцев еще до генерального сражения. Пусть увидят, на что способны римляне, — станут говорчай. Маллий Максим надеялся покончить дело переговорами, а не битвой, и по-мирному развернуть германцев обратно в Центральную Галлию, подальше от римских провинций. Во всех предыдущих сражениях между германцами и Римом первыми нападали римляне — даже после того, как германцы заявляли, что согласны без боя уйти с римской территории. Маллий Максим решил переломить эту традицию.

Первой его задачей было переправить войска Цепиона с западного берега реки на восточный. Все еще испытывая жгучую боль от оскорбительного письма Цепиона, которое Скавр с таким наслаждением зачитал в Сенате, Маллий Максим продиктовал краткий приказ Цепиону: перебраться вместе с армией через реку и немедленно быть в лагере. Приказ он передал с гребцами.

Цепион отправил ответ с той же лодкой. В нем так же коротко и резко говорилось, что он, патриций Сервилий, не будет выполнять приказаний многое возомнившего о себе потомка торгаши и не сдвигнется с места.

Следующая директива Маллия Максима гласила:

Как вышестоящий командир, я повторяю свой приказ о передвижении твоей армии через реку без промедления. Мой второй приказ — последний. Если ты снова не подчинишься, в Риме по моему докладу против тебя будет выдвинуто обвинение в государственной измене. Можешь не сомневаться, за твое наглое поведение перед лицом всеобщей угрозы тебе вынесут самый суровый приговор.

Цепион отвечал:

Вышестоящим я тебя не признаю. Выдвигай свое обвинение, если хочешь. Я сделаю то же в отношении тебя. Так как оба мы знаем, чей будет верх, немедленно передай мне командование.

Маллий Максим ответил с еще большим высокомерием.

Так продолжалось до середины сентября, когда из Рима прибыло шесть сенаторов, совершенно разбитых путешествием. Консул Рутилий Руф усиленно добивался, чтобы эту группу отправили к Родану, и преуспел. Но Скавр и Метелл Нумидийский сумели ослабить депутатию, запретив включать в ее состав сенаторов, некогда занимавших консульский пост, и вообще известных политических деятелей. Вот почему старшим из шести сенаторов был всего лишь претор не очень знатного происхождения — не кто иной, как шурин Рутилия Руфа Марк Аврелий Котта. Уже через несколько часов после прибытия посольства в лагерь Маллия Максима Котта понял всю сложность создавшегося положения.

Котта взялся за дело с присущими ему энергией и энтузиазмом. Сосредоточился на Цепионе как самом непреклонном из двух соперников. Посещение лагеря конницы в тридцати милях на севере только удвоило его решимость. Следовало как можно быстрее покончить с тяжкой командующих. Легат Аврелий отвел Котту на высокую гору, откуда хорошо был виден авангард приближающихся германцев.

Котта взглянул и побледнел.

— Тебе следует находиться не здесь, а в лагере Гнея Маллия, — сказал он.

— Да, если битва будет такой, какой мы ее себе представляем, — отозвался Аврелий спокойно. Он уже много дней видел приближающихся германцев и успел привыкнуть к этому зрелищу. — Гней Маллий думает, что нам удастся, как и прежде, покончить дело победоносными переговорами. Германцы сражались только тогда, когда мы их к тому вынуждали. Я не стану затевать здесь битвы, а они первыми не начнут. У меня имеется несколько опытных толмачей, и я уже давно начал диктовать им все, что собираюсь сказать, когда германцы пришлют на переговоры своих вождей. А так оно и будет, я уверен, едва они прознают, что здесь их ждет многочисленная римская армия.

— Не сомневаюсь, что они уже знают! — сказал Котта.

— Не уверен. У них своя манера воевать. Если они и пользуются разведкой, то, конечно, не посыпают ее так далеко. Они просто кочуют! Так кажется нам с Гаем Маллием. Они живут по принципу «будь что будет».

Котта развернулся своего коня.

— Я должен вернуться к Гнею Маллию как можно быстрее. Надо разобраться с этим упрямым глупцом Цепионом на той стороне реки. Иначе мы вообще можем остаться без его армии.

— Согласен, — сказал Аврелий. — Тем не менее, если можно, мне хотелось бы, чтобы ты вернулся ко мне, когда получишь от меня весть о том, что германцы прибыли на переговоры. Ты — и остальные сенаторы тоже. Германцы будут поражены, узнав, что Сенат послал в такую даль шесть представителей, чтобы вести переговоры с варварами. — На его лице появилась с кривая ухмылка. — Конечно, мы им не скажем, что Сенат послал своих представителей в такую даль, чтобы справиться с дураками-полководцами...

Квинт Сервилий, этот упрямый недоумок, совершенно непонятно почему был в гораздо лучшем настроении и гораздо более склонен слушать Котту после того, как сам на следующий день переправился через Родан.

— Откуда такая неожиданная веселость, Квинт Сервилий? — осведомился Котта, озадаченный.

— Я только что получил письмо из Смирны. То, которое должно было прийти несколько месяцев назад. — И, не вдаваясь в объяснения, чем же так обрадовало его письмо, Цепион приступил к делу: — Хорошо, завтра я переправлю войска на восточный берег, — он ткнул в карту указкой из слоновой кости, украшенной золотым орлом. — Вот здесь.

— А не будет ли разумнее переправиться южнее Аравсиона? — усомнился Котта.

— Конечно, нет! — сказал Цепион. — Если я переправлюсь севернее, то окажусь ближе к германцам.

Как и обещал, Цепион снялся с места на рассвете следующего дня и отправился на север к броду в двадцати милях от укрепленного лагеря Маллия Максима. В каких-нибудь десяти милях от этого места находился лагерь Аврелия и его конников.

Котта и пять его спутников-сенаторов тоже поскакали на север, чтобы находиться в лагере Аврелия, когда вожди германцев прибудут на переговоры. На восточном берегу они встретили Цепиона, чья армия уже почти полностью переправилась через реку. Но увиденное вселило новый страх в их сердца: Цепион готовился разбить лагерь прямо на том месте, где стояли его войска сейчас. С холма, который возвышался над новым лагерем, было видно, как внизу копали траншеи и сооружали из вырытой земли крепостные валы.

— Квинт Сервилий, нельзя здесь оставаться! — закричал Котта.

— Почему это? — Цепион приподнял бровь.

— Потому что в двадцати милях на юг от тебя уже есть лагерь — достаточно большой, чтобы вместить и твои легионы. Там твое место. Отсюда же слишком далеко и от Аврелия, и от Гнея Маллия. Ни ты не сможешь им помочь при случае, ни они — тоже. Пожалуйста, Квинт Сервилий, умоляю! Разбей здесь обыкновенный бивуак, только чтобы переночевать, а утром отправляйся на юг, к Гнею Маллию! — Котта изо всех сил старался придать своим словам убедительность.

— Я обещал, что переправлюсь через реку, — заявил Цепион, — но ничего не говорил о том, что собираюсь делать после переправы. У меня есть семь отлично обученных легионов, это опытные, закаленные солдаты. И не только в этом дело. Все они — настоящие римские легионеры, не шушера какая-нибудь. Неужели ты действительно подумал, что я соглашусь находиться в лагере, в котором живут римские подзaborники и всякая нищая деревенщина — простолюдины, не умеющие ни читать, ни

писать? Марк Котта, да я скорее помру!

— Возможно, так оно и случится, — сухо ответил Котта.

— Со мной? С моей армией? — засмеялся Цепион. — Я нахожусь в двадцати милях севернее Гнея Маллия и его ленивой черни. Значит, я первый встречусь с германцами. И нанесу им сокрушительное поражение. Целый миллион варваров не сможет справиться с семью легионами настоящих римлян. Есть ли к нему — к этому торговцу Маллию — хоть крупица доверия? Нет! Квинт Сервилий Цепион отпразднует свой второй триумф на улицах Рима. А Маллий будет стоять в толпе и глязеть на меня разинув рот — как и подобает простолюдину.

Наклонившись вперед в седле, Котта схватил Цепиона за руку.

— Квинт Сервилий, — никогда в жизни Котта не говорил так серьезно и убедительно, — я тебя умоляю: объедини силы с Гнеем Маллием! Что для тебя важнее: победа всего Рима или триумфы римской знати? Разве важно, кто победит, если победит весь Рим? Это не просто междуусобная война с скордисками или короткий рейд против лузитанцев! Нам нужна самая лучшая, самая многочисленная армия, какая имелась у Рима когда бы то ни было, и твой вклад в это дело жизненно важен. У людей Гнея Маллия не было ни времени на подготовку, ни такого военного опыта, как у твоих. Твое присутствие вдохновит новичков — кто-то должен подать им пример! Сражение будет — будет — нутром чую! Не важно, как вели себя германцы раньше, в этот раз все произойдет по-другому. Германцы узнали вкус нашей крови, и он пришелся им по душе. Они испытали наш характер и обнаружили нашу слабину. Рим в опасности, Квинт Сервилий, весь Рим — а не просто римская знать! Но если ты все же будешь настаивать на отделении от остальной армии, говорю тебе откровенно: будущее римской знати действительно поставлено на карту. В твоих руках будущее Рима — и твое собственное. Не ошибись, пожалуйста, делая выбор. Отправляйся завтра утром в лагерь Гнея Маллия и заключи с ним союз.

Цепион пришпорил коня и поскакал прочь от Котты.

— Нет! — крикнул он на скаку. — Я остаюсь здесь!

Котта и пять его спутников отправились в лагерь Аврелия, пока Цепион прямо на берегу реки возводил уменьшенную копию лагеря Маллия Максима.

Сенаторы успели как раз вовремя: на рассвете следующего дня германцы явились в лагерь Аврелия для переговоров. Их было пятьдесят, возраст — между сорока и шестьдесятю. Так, во всяком случае, показалось Котте, сердце которого было полно благоговейного страха. Он никогда не видел таких рослых людей. И ехали они на исполинских лошадях, для римского глаза непривычно лохматых и нескладных, с массивными копытами, заросшими дикой шерстью, с гривами, спадающими на кровью налитые глаза; шли они без седел, но в узде.

— Их лошади похожи на боевых слонов, — заметил Котта.

— Не все, — спокойно сказал Аврелий. — Большинство ездит на обычновенных галльских лошадях. Эти же господа, надо понимать, находятся на вершине власти.

— Взгляните на молодого! — воскликнул Котта, увидев, как мужчина не старше тридцати слез со своего зверя, встал в величественной позе и с откровенным пренебрежением осмотрелся.

— Ахиллес! — оценил Аврелий.

— Я думал, германцы носят только плащи на голое тело, — не переставал удивляться Котта, увидев на варварах кожаные штаны.

— Возможно, у себя в Германии... Так о них говорят. Но сколько мы германцев ни видели, все они носят штаны, как и галлы.

Да, штаны на них были, но в такую жару ни один не надел рубашки. Многие носили на груди квадратные золотые украшения, и у всех на перевязи — пустые ножны. Золота на них было много: ожерелья-торки, пластинчатые узоры на шлемах, ножны, пояса, перевязи, пряжки, браслеты. Котта нашел германские шлемы восхитительными: без полей, в форме горшка, некоторые симметрично украшены великолепными рогами, крыльями или полыми трубками, из которых торчали густые связки перьев; украшения на остальных напоминали головы змей, драконов или ужасных птиц. Все германцы чисто брились. Длинные соломенного цвета волосы либо заплетены в косы, либо свободно свисали. Растительности на груди у них почти не было. Кожа — не такая розовая, как у кельтов, скорее бледно-золотистая. Веснушек или рыжих волос — ни у одного. Глаза — светло-голубые, совсем не встретишь серых или зеленых. Даже самые старые из них были очень подтянуты, с плоскими животами, и выглядели они как настоящие воины, никаких следов изнеженности. Римляне не знали, что мужчин, начинающих жиреть, германцы убивали.

Переговоры велись через переводчиков Аврелия, которые в основном были из эдуев или амбарров, хотя среди них и имелось два-три германца, захваченных в Норике.

Германцы хотели бы — как объяснили их вожди — мирно пройти через Заальпийскую Галлию, так как направлялись в Испанию. Аврелий самолично вел первую часть переговоров. Он выглядел эффектно, одетый в полную парадную военную форму: серебряные латы, украшенный алым пером серебряный аттический шлем, темно-красная туника, а поверх нее pteryges — юбочка из кожаных ремешков. Как консулляр, он носил алый плащ и темно-красный пояс поверх лат, а прямо над талией — значок, указывающий на его высокое звание.

Котта словно находился во власти каких-то злых чар. Вот уж не думал он, что так испугается! Но сейчас он смотрел в лицо римской погибели. Месяцами эта картина являлась ему во сне: германские вожди, такие ужасные, что он просыпался среди ночи с воспаленными глазами, ничего не соображающий... Потом он просыпался уже реже, но зато подолгу не мог заснуть, и вдруг обнаруживал, что сидит на постели с распахнутым ртом... А сейчас перед ним стояли те самые чудовища из ночных кошмаров. Разведка сообщила, что их — более трех четвертей миллиона. Значит, по меньшей мере триста тысяч воинов-исполинов.

Как большинству людей его положения, Котте доводилось видеть варваров. Но не германцев. Все знали, как внушительны галлы. Но по сравнению с германцами те были самого обыкновенного роста.

Да, они принесут Риму погибель. А все из-за того, что в Риме относятся к ним недостаточно серьезно. Как можно надеяться одержать победу над таким врагом, если два римских полководца отказываются воевать совместно? Если бы Цепион и Маллий Максим объединились, римская армия насчитывала бы около ста тысяч человек и имела бы значительный перевес — при наличии высокого духа, отличной боевой подготовки и умелого командования.

«Похоже, вершины римской славы остались позади, — размышлял Котта горестно. — Ибо нам не одолеть эту светловолосую орду, раз уж мы не можем преодолеть самих себя».

Наконец Аврелий закончил переговоры, и стороны разошлись, чтобы посовещаться.

— Ну, мы что-то узнали, — сказал Аврелий Котте и другим сенаторам. — Они не называют себя германцами. Они считают себя тремя отдельными народами. Есть среди них кимбры, есть тевтоны. И еще одна группа — многоязычная. Состоит она из небольших народностей, которые присоединились к кимбрам и тевтонам на время странствий, — маркоманов, херусков и тигуринов. Мой переводчик говорит, что у них скорее кельтские, чем германские корни.

— На время странствий? — спросил Котта. — И долго они странствовали?

— Они, похоже, не знают своей истории. Но, судя по всему, они в пути уже многие годы. Не меньше, чем продолжительность жизни одного поколения. Молодой красавец, который похож на варварского Ахиллеса, был совсем маленьким, когда его племя, кимбры, покинуло свои земли.

— У них есть какой-то царь? — спросил Котта.

— Нет. Только совет племенных вождей. Большинство членов совета мы только что видели. Кстати, этот юный Ахиллес быстро набирает авторитет, и его сторонники начинают называть его королем. Зовут его Бойорикс, он самый воинственный из них. Его не особенно интересует, дадим ли мы свое разрешение пройти на юг, — он верит в собственные силы и хочет прервать

с нами переговоры и просто двинуться на юг — любой ценой.

— Слишком он молод, чтобы называть себя вождем... Да, вижу, что он опасен, — сказал Котта. — А это кто? — Он указал на мужчину лет сорока в золотом нагрудном укращении.

— Это Тевтобод, предводитель тевтонцев, вождь вождей. Ему тоже, кажется, начинает нравиться, когда его называют королем. Как и Бойорикс, он уверен в своей силе. И считает, что они должны продолжать путь на юг. Мне это не нравится, брат. Оба моих толмача из Карбона говорят, что германцы теперь настроены иначе, нежели раньше. Нынче в их сердцах поселились уверенность в себе и презрение к нам. — Аврелий покусал губу. — Они достаточно долго жили среди эдуев и амбарров и многое узнали о Риме. И то, что они узнали, развеяло их страхи. Более того: если не считать первого сражения с Луцием Кассием, они одерживали победы во всех столкновениях с нами. Теперь Бойорикс и Тевтобод говорят им, что не стоит нас бояться только из-за того, что мы лучше вооружены и обучены. Мы, мол, как игрушечные солдатики — красивы, и только. Бойорикс и Тевтобод хотят войны. Победив Рим, они смогут пойти, куда пожелают, и поселиться, где захотят.

Переговоры возобновились. Но теперь Аврелий выставил вперед своих гостей в тогах, в сопровождении двенадцати ликторов в темно-красных туниках и широких поясах с золотым выпуклым рисунком в руках.

Конечно, все германцы обратили на них внимание. Развевающиеся белые одежды — столь необычные для воинов — были им в диковинку. Так вот как выглядят римляне! Только на Котте была *toga praetexta* с пурпурной каймой, и именно к нему обращались германцы с речами, которых Котта не мог разобрать.

Несмотря на перекрестный огонь взглядов и перешептывания пришельцев, Котта держался с достоинством: гордая посадка головы, стройное тело, спокойные жесты и выражение лица, мягкая речь. Казалось, он не испытывает к германцам неприязни: он не гневался, не брызгал слюной, не истергдал злобных словес. Германцы были поражены таким поведением. Тем не менее они слышали от Котты один ответ: нет. Нет, им нельзя двигаться дальше на юг. Нет, германские племена не смогут пройти по территории римских провинций. Нет, в Испанию нельзя, за исключением Лузитании и Калабрии, остальная территория — римская. Поворачивайте на север — единственный совет, который дал им Котта. Идите домой, если у вас есть дом, или отправляйтесь за Рен, где живут родственные вам племена.

Уже почти наступила ночь, когда германские вожди умчались на своих лошадях. Последними покидали римский лагерь Бойорикс и Тевтобод, который то и дело оглядывался на ряды римских войск. В глазах его не было ни восхищения, ни одобрения. «Аврелий прав, это настоящий Ахиллес», — думал Котта. Такой дорого продаст свою жизнь, тогда как большая часть его соплеменников будет умирать как мухи. Сердце Котты всколыхнулось от неясного предчувствия.

Через два часа полная луна показалась на небе. Закутавшись в тоги, Котта и пять его молчаливых спутников отправились обратно на юг, слегка перекусив перед этим у Аврелия.

— Подождали бы до завтра, — увещевал их Аврелий. — Это вам не Италия, где дороги замощены или крепко утоптаны. Часом больше, часом меньше — какая разница?

— Нет, я собираюсь добраться до лагеря Квинта Сервилия к рассвету, — ответил Котта. — Попробую еще раз убедить его объединиться с Гнеем Маллием. Расскажу, что видел сегодня. А завтра отправлюсь к Гнею Маллию. Глаз не сомкну, пока не увижу с ним.

Они пожали друг другу руки. Пока Котту и сенаторов, сопровождаемых ликторами и охраной, не скрыла плотная завеса ночного мрака, лишь слегка рассеиваемого луной, Аврелий стоял, четко выделяясь на фоне костра, и высоко держал руку в прощальном жесте.

«Я никогда больше его не увижу, — подумал Котта. — Какой отважный человек. Им может гордиться Рим».

Цепион не стал и слушать Котту. Не стал он прислушиваться и к голосу разума.

— Я останусь здесь, — вот и весь ответ.

Поэтому Котта, даже не перекусив, направился в лагерь Гнея Маллия Максима.

На рассвете, когда Котта и Цепион только что встретились, германцы уже выступили. Наступал второй день октября, погода еще стояла отличная, без малейших признаков похолодания. Германцы обрушивали на Аврелия одну волну атаки за другой. Аврелий так и не понял до конца, что же случилось. Он полагал, что еще успеет собрать и организовать свою конницу, но германцы, казалось, находились повсюду. Они лезли одновременно со всех четырех сторон и тысячами облепляли стены. Застигнутые врасплох, воины Аврелия делали все, что было в их силах, но битва все больше походила на бойню. За какие-то полчаса не осталось уже ни пехоты, ни конницы, а Марк Аврелий Скавр был захвачен в плен, даже не успев обнажить меч.

Доставленный к Бойорикусу, Аврелий проявил максимум выдержки. Та же горделивая осанка, то же надменное выражение лица. Его, казалось, не коснулось ни унижение, которое он испытывал, ни боль. Германцы посадили его в клетку, достаточно большую, чтобы он мог в ней сидеть, а сами — так, чтобы ему было видно, — собрали огромную поленницу и подожгли. Аврелий наблюдал за ними без тени страха на лице. Он почти не двигался в своей клетке-тюрьме. Но в планы германцев вовсе не входило, чтобы пленник скончался от удушья или принял быструю смерть в языках гигантского костра. Они дождались, пока дрова прогорят, а затем опустили клетку в самый центр, чтобы заживо зажарить побежденного. Единственной победой, которую одержали в этой битве римляне, стала победа Аврелия. Он не издал ни стона, не позволил ни единой слезе скатиться по щеке, даже не переменил позы. Он умер, как истинный патриций, показывая варварам, на что могут быть способны истинные римляне. Это внушило германцам некоторую опаску и уважение к Риму, где рождаются такие люди.

Два дня обращали германцы в руины все, что было некогда лагерем римской конницы, а затем двинулись на юг. Так же беспорядочно, как и прежде, но отнюдь не наугад. Достигнув лагеря Цепиона, они продолжали идти на юг, тысяча за тысячу, ужасая римских солдат, постоянно сбивавшихся со счета. Кое-кто из легионеров даже дезертировал на западный берег реки. Цепиону оставалось скучать все, кроме одной, лодки и плоты, выставить вдоль берега посты и карать каждого, кто попытается сбежать. Пятидесятятисычная армия Цепиона оказалась островком в океане германцев. Оставалось только бессильно ждать, пока склынет этот бесконечный поток.

К шестому дню октября передовые отряды германцев добрались до укрепленного лагеря Маллия Максима, который предпочел не укрывать армию за стенами, а построить все десять легионов и направить колонной на север, пока германцы их не обнаружили. Он выстроил войска в боевые порядки на равнине между рекой и ближними отрогами Альп. Легионы стояли лицом на север в четырех милях друг от друга. Тут Маллий ошибся. Не только потому, что его можно было легко обойти с флангов (у него ведь не было конницы, чтобы правильно организовать оборону), но и из-за того, что силы его были теперь разрознены.

Ни от Аврелия, ни от Цепиона сообщений не поступало. Маллий не располагал достоверными сведениями о германцах — всех разведчиков и следопытов он отправил в свое время в лагерь Аврелия. Ничего иного ему не оставалось, как только пассивно ждать, когда появится враг.

Командный пункт находился на верхушке самого высокого в лагере вала, откуда курьеры то и дело разносili его приказы по легионам. В число этих посыльных входили оба его сына и юный сын Метелла Нумидийского. Оттого ли, что Маллий Максим считал легион марсиев под командованием Квинта Поппедия Силона наиболее дисциплинированным и тренированным, или же марси казались ему воинами даже лучшими, нежели римляне, но этот легион он поставил на крайний правый фланг. За ним уже не было никого. Левее располагался легион под командой Марка Ливия Друса, который назначил своим заместителем Квинта Сертория. Далее — самнитская пехота и легион из новобранцев. На берегу реки стояли наименее подготовленные, неопытные части — и с ними основная часть военных трибунов. Легион Цепиона Младшего примыкал к легиону Секста Юлия Цезаря.

Атака германцев, начавшаяся через два часа после рассвета шестого дня октября, была все-таки мало-мальски

спланирована, так как они почти одновременно напали на лагерь Цепиона и линию войск Гнея Маллия.

Ни один человек из армии Цепиона не спасся. Германцы окружили лагерь со всех сторон и скимали смертоносное кольцо все туже, круша все на своем пути. Сам Цепион не стал дожидаться лютой смерти от рук варваров. Увидев, что его солдаты не в состоянии противостоять германцам, он бросился в реку, где стояла припасенная на этот случай лодка, и быстро переправился на другой берег Родана. Покинутые своим полководцем, солдаты пытались спастись вплавь, однако среди германцев оказалось немало прекрасных пловцов. Вниз по течению река уносила трупы римлян. Уцелели лишь сам Цепион и гребцы его лодки.

Маллий Максим поступил несколько лучше. Марсии, боровшиеся до последнего человека, не выдержали наплыва противника. Легион Друса оказался лицом к лицу с очередной атакой. Силон истекал кровью, а Друз был поражен германским мечом. Квинт Серторий пытался вновь организовать сопротивление, но ничто уже не могло сдержать натиск германцев, опьяневших от крови. Падали одни — на смену им тотчас являлись новые. Казалось, силы варваров неисчерпаемы. Серторий получил рану в бедро. Ему перерезали один из важнейших нервных узлов, но это же и спасло его: мышцы, сведенные судорогой, подобно жгуту остановили кровотечение.

Легионы, стоявшие на берегу, кинулись в воду, сбрасывая на ходу тяжелое обмундирование, и бежали от кровавой резни, перебравшись на другой берег Родана. Цепион Младший одним из первых поддался искушению, а Секст Юлий Цезарь был сражен своим же солдатом, когда безуспешно пытался предотвратить бегство, казавшееся ему недостойным.

Несмотря на протесты Котты, всех шестерых сенаторов переправили через реку еще до начала битвы. Маллий Максим настоял на том, чтобы они покинули поле боя и наблюдали за ходом сражения из безопасного места.

— Если судьба обернется против нас, вам придется доставить горькую весть в Рим, Сенату и народу, — сказал им Маллий.

Римляне обычно не проливали зря крови пленных, поскольку сильных воинов можно было продать за высокую цену туда, где требовалась рабочая сила, — в рудники, на верфи и стройки. Но ни кельты, ни германцы не придерживались этого обычая — они предпочитали иметь рабов, говорящих на одном с ними языке. Большего для их кочевой жизни и не требовалось.

Быстро закончилась эта бесславная битва, и германцы, захмелевшие от победы, бродили по полю боя, усеянному трупами, добивая живых. К счастью, это не считалось обязательным, иначе ни один из двадцати четырех военных трибунов не уцелел бы. Друз, залитый кровью, казался мертвым всем, кто проходил мимо. За телами убитых марсиев укрылся Квинт Поппейдий Силон — ноги его не двигались, он готовился умереть. Секст Цезарь хрюпал и пускал кровавую пену изо рта — он был так плох, что германцы оставили его в покое, давая возможность умереть своей смертью.

Оба сына Маллия Максима погибли, сражаясь до последнего. Так же отважно бился и их отец. Метелл Поросенок не стал дожидаться, пока его постигнет та же участь. Увидев, что поражение неизбежно, бросился — увлекая тех, кто стоял рядом, — к реке, сел в лодку и переправился на другой берег. Нет, он не был трусом — он спасал главнокомандующего Маллия, которого силой увел с собою.

Шел пятый час дня. Германцы повернули на север и отошли миль на тридцать к повозкам, которые оставили неподалеку от бывшего лагеря Аврелия. В лагерях Маллия Максима и Цепиона их ждало приятное открытие — огромные корзины с пшеницей и запасы других продуктов, а также множество мулов, волов и повозок.

Золото, деньги, одежда, даже оружие и доспехи их не интересовали. Зато они утащили весь провиант до последнего ломтика копченого мяса и последнего горшка меда. Кроме того, им досталось несколько сотен амфор с вином.

Один из германских толмачей, захваченный в плен, когда пал лагерь Аврелия, и возвращенный в семью кимбров, не захотел жить среди своих — нескольких часов ему хватило, чтобы осознать, что он слишком долго оставался среди римлян и не может вернуться к варварской жизни. Он украл лошадь и направился в городок Аравсион. Ему пришлось заложить большой крюк, чтобы обойти поле боя, провонявшее гниющей плотью.

На девятый день октября, спустя три дня после битвы, он ехал на уставшей лошади по главной улице цветущего городка, разыскивая, кому бы сообщить новости, но не видел там никого. Казалось, что все население сбежало перед приближением германцев. И лишь в конце главной улицы он натолкнулся на виллу самой важной в Аравсионе персоны — естественно, римского гражданина — и разглядел там признаки жизни.

Самой важной в Аравсионе персоной оказался местный галл по имени Марк Антоний Меминий. Марк Антоний пожаловал ему гражданство за службу в армии Гнея Домиция Агенобарба.

Возвысившись таким образом и при содействии семьи Антониев получив прибыльные концессии на торговлю между Галлией и Италией, Антоний Меминий весьма преуспевал.

Став главою магistraturы города, он пытался уговорить людей не покидать дома — по крайней мере до тех пор, пока не будет ясно, как закончится битва. Уговоры оказались тщетными, но сам он тем не менее решил остаться, благородно отправив из города детей под присмотром учителя, закопав золото и задвинув вход в винный погреб большой каменной плитой. Жена его заявила, что предпочитает остаться с ним. Таким образом, они — вместе с горсткой преданных слуг — слушали страшную музыку битвы, доносявшуюся до города.

Никто не появлялся — ни римляне, ни германцы. Меминий послал одного из рабов узнать, что произошло. Новости повергли его в шок. Принесли эти новости первые спасшиеся римляне, укрывшиеся в городе. Это были Гней Маллий Максим и куча его помощников. Римляне? Скорее — безразличный ко всему скот, идущий на заклание. Сын Метелла Нуридийца гнал это стадо, как злая пастушеская собачонка. Меминий с женой вышли, чтобы провести гостей на виллу, накормили их и попытались получить более-менее внятные сведения о том, что стряслось. Но — тщетно. Единственный из них, кто что-то соображал, Метелл так отчаянно заикался, что не смог связать и двух слов, а Меминий с женой не знали не только греческого, но и в латыни не prodвинулись дальше азов. Понять возбужденные речи замики было им уже не под силу.

Основная масса воинов притащилась в Аравсион в течение следующих двух дней, но это были лишь жалкие остатки армии — без командиров. Один центурион говорил, что на западном берегу реки осталось несколько тысяч живых, не знающих, что делать. Цепион приехал последним, вместе с сыном, которого встретил по пути в Аравсион. Когда Цепион узнал, что Маллий Максим нашел приют в доме Меминия, то отказался оставаться там и решил ехать с сыном дальше — в Рим. Меминий дал ему две повозки с возницами и запас еды.

Подавленный смертью сыновей, Маллий Максим в течение трех дней не был способен узнать что-либо о судьбе шести сенаторов. Меминий же ничего о них не знал. Когда Маллий Максим потребовал послать на розыски, Меминий замялся, боясь, что германцы все еще остаются на поле боя. Его больше беспокоило, как ему, жене и уставшим гостям вовремя сбежать в случае новой опасности.

Таково было положение дел, когда толмач въехал в город и обнаружил Меминия. Меминий понимал, что этот человек привез важные новости. Но, к несчастью, они не могли понять друг друга, и Меминий не догадался провести толмача к Маллию Максиму. Он дал толмачу приют и велел ожидать кого-либо, кто владеет двумя языками и сможет поговорить с новым гостем.

Потерявшееся сенаторское посольство во главе с Коттом рискнуло переправиться обратно через реку, когда германцы ушли на север. Они надеялись найти спасшихся после резни. При этом они вовсе не заботились о собственной безопасности — хотя германцы могли и вернуться...

Друз очнулся с наступлением темноты, приблизительно в середине ночи. Единственное его желание было — воды! Река находилась приблизительно в трех милях отсюда. Когда забрезжил рассвет, он отправился на поиски. В нескольких шагах от себя он увидел Квinta Сертория, который подзывал его взмахами руки.

— Не могу двигаться — нога, — сказал Серторий, облизывая потрескавшиеся губы. — Жду кого-нибудь. Думаю — вдруг

германцы.

— Пить хочу, — прохрипел Друз. — Найду воду и вернусь.

Трупы громоздились всюду. Но вокруг Друса и Сертория было свободней. Они были сражены в самом начале боя, потом римляне только отступали и отступали... Окажись Серторий в куче трупов, Друз и не заметил бы его.

Друз потерял свой аттический шлем. Порыв ветра бросил прядь волос на большую шишку над правым глазом. Шишка сильно опухла, кожа на ней так натянулась, что простое прикосновение волос заставило Друса содрогнуться от боли.

Но желание жить оказалось всего сильнее. Друз со стоном продолжал путь. Только сейчас он вспомнил, что воду ему нести не в чем, а раненых много и всех томит жажды. Постанывая от невыносимой боли, Друз нагнулся, снял шлемы с двух убитых солдат-марсиев и отправился дальше. Посреди поля трупов стоял маленький ослик-водовоз. Он косил своим огромным прекрасным глазом в длинных ресницах на недвижимые тела, но не мог двинуться, поскольку повод его был намотан на руку солдата, погребенного под трупами. Он пытался освободиться, натягивая веревку, но тщетно. Друз кинжалом обрезал повод и привязал его к поясу: даже если он потеряет сознание, ослик не сможет убежать. Животное так счастливо было видеть живого человека, что сначала терпеливо стояло, пока Друз утолял жажду, а затем радостно последовало за ним.

Посреди горы тел вокруг ослика Друз увидел дергающиеся ноги. Он уже не мог говорить и просто взывал, как зверь, — ослик печально вторил ему. Друз начал растаскивать трупы, чтобы откопать еще одного живого. Бронзовые латы офицера-марсия были проломлены справа, под рукой. Из середины дыры сочилась кровь.

Действуя как можно осторожней, Друз вытащил марсия, положил на траву и начал расстегивать панцирь. Глаза легионера были закрыты, но на шее билась жилка. Когда Друз с трудом снял пластины с его груди и живота, человек вскрикнул. Затем на чистом латинском языке раздраженно произнес:

— Полегче!

Друз остановился на мгновение, затем продолжил расстегивать кожаные застежки.

— Лежи спокойно, дурак! — зашипел он. — Я всего лишь пытаюсь помочь. Может, хочешь воды?

— Воды... — эхом отозвался тот.

Друз принес ему в шлеме воды и был вознагражден полным благодарности взглядом желто-зеленых глаз, прямо-таки змеиных. Марсии и были почитателями змей: танцевали с ними, заклинали их и даже целовались с ними — язык к языку.

— Я — Квинт Поппедий Силон, — сказал марсий. — Этот *irruminator*, этот дылда застал меня врасплох. — Он закрыл глаза, и две слезы стекли по его окровавленным щекам. — Мои люди — они все погибли?

— Боюсь, что так, — мягко сказал Друз. — Как и мои. Как, похоже, и все остальные. Мое имя — Марк Ливий Друз. А сейчас держись — я сниму с тебя кожаный панцирь.

Рана сама перестала кровоточить: благодаря шерстяной тунике удар длинного германского меча пришелся несколько вскользь. Друз чувствовал, как сломанные ребра марсия шатаются под его рукой, но латы, кожаный панцирь и ребра преградили путь мечу.

— Ты не умрешь, — сказал Друз. — Сможешь встать, если я помогу? Там лежит мой товарищ из легиона. Ему нужна моя помощь. Так что или оставайся здесь и добирайся ко мне сам, когда сможешь, или идем со мной — но на своих ногах. — Прядь волос снова упала на рану Друза, и он застонал.

Квинт Поппедий Силон поразмыслил над сложившимся положением.

— Вряд ли ты сумеешь мне помочь, — сказал он наконец. — Если ты дашь мне мой кинжал, я отрежу кусок туники и перевяжу рану. Не хочу истечь кровью в этом Тартаре.

Друз отдал ему нож и отправился дальше вместе с осликом.

— Где мне тебя искать? — спросил Силон.

— Вон там, где полег следующий легион, — ответил Друз.

Серторий все еще был в сознании. Он напился воды и сел. Из них троих он был ранен серьезней всех. Без помощи Друса и Силона он не смог бы двигаться. Друз опустился отдохнуть рядом с Серторием и пошевелился лишь тогда, когда час спустя явился Силон. Солнце поднялось высоко, становилось жарко.

— Надо отнести Квinta Сертория подальше от трупов, чтобы в его рану не попала зараза, — сказал Силон. — Потом соорудим над ним какой-нибудь навес и пойдем искать других. Есть же тут еще кто-нибудь живой!

Они действовали упорно, хотя раны и мучили их. Наконец Сертория устроили по возможности удобно. Друз и Силон отправились на поиски. Они отошли совсем недалеко, когда Друз почувствовал тошноту и свалился на землю в судорогах. Каждая конвульсия сопровождалась ужасным стоном. Силон сел рядом с ним. Ослик, все еще привязанный к поясу Друса, терпеливо ждал. Силон осмотрел голову Друза.

— Я думаю, тебе полегчает, Марк Ливий, если я вскрою твой нарыв ножом. Согласен?

— Да я бы согласился и с гидрой встретиться, лишь бы это помогло, — проговорил, задыхаясь, Друз.

Перед тем как вскрыть нарыв, Силон пробормотал несколько заклинаний на древнем языке, неведомом Друзу. Это был не оскарский, который он хорошо знал. «Змеиные заклятья, вот что он шепчет», — подумал Друз. Боль ослепила его — и Друз потерял сознание. Пока он был без сознания, Силон выдавил из нарява столько крови, сколько смог. Куском туники он отер лицо раненого, потом вытерся сам. Друз зашевелился.

— Тебе лучше? — спросил Силон.

— Немного.

— Если перевяжу, то будет только сильнее болеть. Лучше вытирай кровь время от времени. Рано или поздно она перестанет сочиться. Нам нужно перейти в тень, иначе помрем. Тогда и Серторию конец, — сказал он, поднимаясь.

Чем ближе они подходили к реке, тем больше убеждались, что среди кровавого месива еще есть живые. Кто-то слабым голосом звал на помощь, кто-то стонал.

— Не было битвы позорней, — мрачно сказал Силон. — Будь проклят Гней Маллий Максим! Пусть великий лучезарный Змей обовьет и задушит его сны.

— Да, это был полный крах. И командовали нами не лучше, чем людьми Кассия в Бурдигале. Но позор следует честно разделить, Квинт Поппедий! Если виноват Гней Маллий, то разве не виновен и Квинт Сервилий Цепион? — Тяжело было ему говорить это, ведь Цепион — отец его жены.

— Цепион? При чем тут он? — спросил Силон.

Голова болела куда меньше. Друз обнаружил, что может легко вертеть ею, и обернулся к Силону:

— Разве ты не знаешь?

— Что может знать простой итальянец о решениях высшего римского командования? — Силон сплюнул на землю. — Мы, итальянцы, здесь затем, чтобы сражаться. А как сражаться — об этом нам ни одна сука не сказала ни слова.

— Тогда слушай. С первого дня после приезда из Нарбона Квинт Сервилий отказался сотрудничать с Гнеем Маллием. — Друз вздохнул. — Он патриций — не желал получать приказы от «нового человека».

Силон уставился на Друза:

— Ты имеешь в виду, что Гней Маллий хотел, чтобы Квинт Сервилий находился здесь, в лагере?

— Ну конечно! Того же добивались и сенаторы, присланные из Рима. Но Квинт Сервилий не подчинился «новому человеку».

Не подчинился — и все тут.

— Говоришь, это Квант Сервилий оставил армии разделенными? — Силон, казалось, не в силах был поверить услышанному.

— Да, именно он. Он — мой тесть. Я женат на его единственной дочери. Как я могу вынести это? Его сын — мой лучший друг и женат на моей сестре. Он сражался сегодня здесь вместе с Гнеем Маллием. И, думаю, погиб. Гордыня, Квант Поппединий Глупая, упрямая гордыня!

Силон остановился:

— Шесть тысяч марсийских солдат и две тысячи их слуг погибли здесь вчера, а сейчас ты мне говоришь, что это произошло из-за того, что один знатный идиот поцарапался с каким-то незнатным римским идиотом? — Силона просто сотрясало от ярости. — Пусть великий лучезарный Змей сожрет их обоих!

— Может, кто-нибудь из твоих людей жив? — Друз не оправдывал своих начальников, а лишь пытался утешить человека, к которому успел привязаться. Он почувствовал боль. Нет, не от раны — от горя. Он, Марк Ливий Друз, ничего не знал до сегодняшнего дня о жизни, сгорал от стыда при мысли, что римлян вели в бой люди, способные пожертвовать соотечественниками ради пустых и глупых амбиций.

— Нет, все мертвы, — сказал Силон. — Как ты думаешь, почему мне потребовалось так много времени, чтобы добраться до тебя? Я ходил и смотрел. Ходил и смотрел. Мертвые. Все мертвые!

— И мои! — заплакал Друз. — Мы на правом фланге приняли на себя главный удар. И ни одного конника, чтобы прикрыть пехоту.

Вскоре они увидели сенаторов и возвзвали о помощи.

Марк Аврелий Котта сам доставил военных трибунов в Аравсион, проделав пять миль на волах. Своих людей он оставил наводить порядок. Марк Антоний Меминий смог уговорить нескольких галлов, возделывавших свои земли вокруг Аравсиона, чтобы те выехали на поле боя и прибрали трупы.

— Идет вечер третьего дня после битвы, — напомнил Котта, прибыв на виллу местного магистрата. — Надо что-то сделать с телами.

— Горожане разбежались, землепашцы убеждены, что германцы вернутся... Ты даже не представляешь себе, как трудно мне было хоть кого-нибудь убедить помочь вам, — сказал Меминий.

— Где сейчас германцы, не знаю, — сказал Котта. — И почему они повернули на север — тоже не знаю. Не вижу даже следа их. К сожалению, у меня нет никого, кого я мог бы послать на разведку. Прибрать поле боя сейчас важнее. Может начаться эпидемия.

Меминий хлопнул себя по лбу:

— Как я мог забыть!.. Приехал один парень, насколько я понял из его бормотания — из числа толмачей при коннице. Он знает латинский, но у него чудовищный акцент. Ничего не разберу. Может, поговоришь с ним? Может, он согласится пойти на разведку?

Котта послал за германцем и узнал кое-что важное.

— Они пересорились. Совет вождей раскололся. Три человека — каждый пошел своей дорогою, — сообщил толмач.

— Говоришь, вожди теперь не в ладах?

— Да, Тевтобод тевтонский теперь в раздоре с Бойориксом кимбrijским. Воины вернулись, чтобы забрать повозки, и совет собрался делить добычу. Было много вина, и вожди упились. Тевтобод сказал, что видел сон. Во сне его посетил великий бог Зиу. Зиу сказал: если его люди поедут на юг через земли римлян, то римляне нанесут им поражение и все воины, женщины и дети будут убиты или проданы в рабство. Тевтобод заявил, что поведет тевтонов в Испанию через земли галлов, а не римлян. Бойорикс возмутился, обвинил Тевтобода в трусости и объявил, что кимбры пойдут на юг, через римские земли.

— Ты уверен? — Котта не верил своим ушам. — Откуда ты знаешь? По слухам? Или был при сем?

— Я был там, господин.

— Но как ты там оказался?

— Я ждал, когда меня заберут в стан кимбров, — я же кимбр... Но они все были пьяны, и никто не заметил меня. Я понял, что больше не хочу быть германцем. Подумал: нужно разузнать побольше и бежать.

— Продолжай!

— Геторикс, глава маркоманов, херусков и тигуринов, предложил остаться среди эдуев и амбарров. Но никто, за исключением его людей, этого не хотел. Тевтонские вожди стали на сторону Тевтобода, кимбrijские — Бойорикса. Троє великих вождей — каждый при своем мнении. Тевтобод приказал тевтонам отправиться в Галлию и дойти до Испании через земли кардурсиев и петрокориев. Геторикс и его люди собираются остаться среди эдуев и амбарров. Бойорикс поведет кимбров через Родан и отправится в Испанию по окраинам римских земель.

— Так вот почему о них ничего не слышно!

— Да, господин. Они не собираются идти на юг через римские земли.

Котта пересказал Марку Антонию Меминию новости.

— А теперь, Марк Меминий, разнеси эту весть. Все трупы следует побыстрее скечь, чтобы не отравляли землю и воду, — болезни нанесут городу урон больший, чем даже германцы, — сказал Котта. — Где Квант Сервилий Цепион?

— На пути в Рим, Марк Аврелий.

— Чего?

— Он отправился со своим сыном в Рим, чтобы побыстрей донести туда новости.

— Следовало этого ожидать... Он поехал по дороге?

— Конечно, Марк Аврелий, — ответил самый важный человек в Аравсионе. — Я дал ему повозку с четырьмя мулами из моих конюшен.

Котта встал, разминая затекшие ноги.

— Нет уж! Я сам доставлю новости в Рим! — сказал он. — Даже если мне для этого понадобятся крылья. Клянусь, я обгоню Квinta Сервилия. Дай мне самую лучшую лошадь. На заре я отправляюсь в Массилию.

Котта галопом поскакал в Массилию — без охраны. В Глануме и в Аквах Секстиих он менял лошадей и добрался до Массилии всего за семь часов. Большой морской порт, основанный несколько столетий назад греками, уже слышал о великом побоище и пребывал в лихорадке.

Котта отыскал дом городского головы. Поскольку Массилия была связана с Римом дружескими связями, но не подчинялась римлянам, Котте могли вежливо показать на дверь. Но этого не случилось. Особенно после того, как этнарх и его советники услышали принесенные Коттой новости.

— Мне нужен самый быстрый корабль, лучшие моряки и гребцы, — сказал римлянин. — Я плыву налегке — мне нужна только скорость. Так что я возьму две запасные команды гребцов — придется грести в открытом море против ветра. Увидишь, этнарх Аристид, в Риме я буду через три дня. Поплыvем не вдоль берега, а по прямой. Нужен хороший лоцман. Когда следующий прилив?

— Корабль будет готов на заре, Марк Аврелий. Как раз к приливу, — сказал этнарх. И деликатно кашлянул: — Кто будет платить?

— Сенат и народ Рима.

Счет был выписан тут же. Котта посмотрел на баснословную цену и проворчал:

— Вот где трагедия: плохие новости стоят столько же, сколько целая война с германцами! Ясно, что вы не скинете ни драхмы.

— Трагедия трагедией, — мягко сказал этнарх, — а деньги деньгами. Мы назвали цену. Не хочешь — никто тебя не принуждает.

— Согласен, — сказал Котта.

Цепиону не нужно было делать крюк, чтобы попасть в Массилию. Он, ветеран Нарбона и Испании, знал, что в Галльском море всегда дуют встречные ветра. Он делал в среднем по семьдесят миль в день, часто меняя мулов. Цепион все более уверялся в том, что обгонит даже курьера сенаторов. Он так быстро пересек Альпы, что в окончании, разбойное племя, вечно подстерегающее одиночных римских путников на Домициевой дороге, не успели даже напасть на две бешено несущиеся повозки.

Достигнув Аrimина и конца Эмилиевой дороги, Цепион удостоверился, что доберется до Рима за семь дней. Дороги были хороши, свежих мулов хватало. Пусть он устал, пусть голова у него болит, но свою версию случившегося под Аравсионом он должен первым изложить Сенату и народу Рима. Когда показалась Фан и повозки свернули на Фламиниеву дорогу, чтобы затем пересечь Апеннины и спуститься в долину Тибра, Цепион понял, что победил. Рим поверит именно той версии событий, которую преподнесет он, Квинт Сервилий Цепион!

Но у Фортуны был припасен на этот случай другой любимчик — Марк Аврелий Котта. Он переплыл Галльское море из Массилии в Остию на маленьком корабле, похожем на боевой, хотя жителям Массилии и запрещено было иметь военный флот без позволения римлян. Тем не менее это мирное судно при случае легко превращалось в боевое. Пиратство было занятием выгодным и широко распространенным по всему Внутреннему морю.

Корабль вышел из прекрасной гавани Массилии на заре одиннадцатого дня октября и бросил якорь в маленькой чумазой гавани Остии на заре — за день до октябрьских ид. Спустя три часа Котта вошел в дом консула Публия Рутилия Руфа, разгоняя клиентов, как лисица куриц.

— Прочь! — рявкнул он на того, что сидел возле стола Руфа, и когда тот трусливо убежал за дверь, сам устало опустился в кресло.

В полдень Сенат был созван на срочное заседание в курии Гостилия. В это самое время Цепион со своим сыном преодолевали последний участок Эмилиевой дороги.

— Оставьте двери открытыми, — велел Публий Рутилий Руф. — Народ должен нас слышать. И пусть писцы запишут все дословно.

Сторонники Цепиона были угрюмы — боялись новых доказательств своей вопиющей неправоты. Неделями не получая вестей от Цепиона, достойный Марк Эмилий Скавр попал в трудное положение и слишком хорошо знал это. Поэтому, когда консул Рутилий Руф приказал оставить двери Сената открытыми, Скавр даже не пошевелился, чтобы воспротивиться этому. Промолчал и Метелл Нумидийский. Все взоры были устремлены на Котту, которому поставили стул в первом ряду.

— Марк Аврелий Котта сегодня утром прибыл из Остии, — начал Рутилий Руф. — Три дня назад он был в Массилии, а за день до того — в Аравсионе, где размещается сейчас наша армия. Я прошу Марка Аврелия Котту рассказать то, что он знает обо всем этом. Учтите все, ход нашего заседания записывается слово в слово.

Разумеется, Котта привел себя в порядок после долгой дороги, принял ванну и переоделся, но смыть с посеревшего, с черными кругами под глазами, лица усталость ему так и не удалось. Каждое его движение выдавало крайнее утомление.

— За день до октябрьских нон, многочтимые отцы народа, под Аравсионом состоялась битва, — заговорил Котта. Ему не пришлоось повышать голос — в собрании стояла мертвая тишина. — Германцы почти полностью уничтожили нас. Восемьдесят тысяч наших солдат погибли.

Ни восхищения, ни движения, ни стона. Тишина. Котте внимали так, словно он прорицал от лица Сивиллы Кумской.

— Я сказал — восемьдесят тысяч. Именно так. Нестроевиков погибло более двадцати четырех тысяч. Конница тоже сгинула, погибла или рассеялась во время бегства...

Бесцветным, лишенным всякого выражения голосом Котта рассказывал сенаторам о том, что произошло под Аравсионом с того самого момента, когда он и пятеро его товарищей сенаторов появились в расположении римской армии: об атмосфере недоверия и недоброжелательства в высших сферах римского командования, о нежелании Цепиона подчиняться Маллию Максиму и вызванных этим беспорядках, об отсылке консуляря Аврелия и его конницы, что привело к раздроблению войска и оголению флангов. Из-за нелепой распри командования конница оказалась на отшибе.

— Пять тысяч конников, все их нестроевики из obsługi, все животные из отряда Аврелия погибли. Сам легат Марк Аврелий Скавр был захвачен в плен германцами. Его участь должна послужить нам предостережением и примером. Он был сожжен заживо на медленном огне, уважаемые отцы народа. Он умер, как рассказывают свидетели, проявив поразительную выдержку и бесстрашие.

Сенаторы сидели с мрачными лицами, побледневшими, посеревшими — у большинства из них в этих армиях были сыновья, или братья, или племянники. Сенаторы натянули в знак скорби край тоги на голову, в безмолвии роняя слезы и скрыв лицо в ладонях. Лишь принципец Сената Скавр держался невозмутимо, лишь на его лице горели багровые пятна, а рот скжился в жесткую прямую линию.

— Сегодня вы должны разделить ответственность за это сокрушительное поражение, — продолжал, обращаясь к сенаторам, Котта. — Вы не отрядили к армиям ни одного влиятельного лица, ни одного консуляря. Я, всего лишь бывший претор, единственный из шестерых курульный магистрат. В результате Квинт Сервилий Цепион отказался говорить с нами как с равными ему — по рождению, положению и даже опыту. Более того, подобный состав делегации он принял за знак поддержки Сената в его, Цепиона, противостоянии с Гнеем Маллием Максимом. И он был совершенно прав, уважаемые отцы сенаторы, когда так думал! Если бы вы серьезно отнеслись к тому обстоятельству, что Квинт Сервилий отказывается подчиняться распоряжениям консула нынешнего года, вы бы включили в делегацию консуляров! Но вы этого не сделали. Вы безответственно послали пятерых сенаторов второго ранга и одного экс-претора, чтобы мы призвали к порядку одного из самых знатных и высокопоставленных членов Сената!

Ни одна голова не поднялась. Все больше и больше сенаторов закутывались в тоги, как в саваны. Только Скавр все так же продолжал сидеть прямо, не сводя с Котты горящих глаз.

— Распрая между Квинтом Сервилием и Гнеем Маллием не позволила им соединить свои силы. Вместо крепко спаянной армии римляне растянулись по всему полю двумя армиями на расстоянии двадцати миль друг от друга. Цепион лично говорил мне, что не намерен делить триумф с каким-то худородным Гнеем Маллием Максимом. Поэтому он безответственно отвел свою армию слишком далеко, чтобы не дать Гнею Маллию возможности принять участие в его собственной битве.

В полной тишине голос Котты заскрежетал так резко, что Рутилий Руф вздрогнул. Скавр не дрогнул. Сидящий рядом со Скавром Метелл приспустил с лица тогу, чтобы взглянуть на своих окаменевших соседей сенаторов.

— Надлежит посмотреть правде прямо в глаза и признать: ни Квинт Сервилий, ни Гней Маллий не обладали достаточным

талантом, чтобы победить германцев! Однако из двух полководцев именно Квинт Сервилий несет главную ответственность за позорное и кровавое поражение. Он — не просто плохой военачальник, как Гней Малпий. Он преступил закон! Он полагает, что законы можно приспособить под свои маленькие желания — вроде желания выиграть битву для себя самого. Верные римляне, уважаемый принцепс Сената! — Котта обратился прямо к главе Сената, который продолжал сидеть неподвижно. — Вы должны хорошо знать, что законы существуют не только для черни. Перед законом все равны. Квинт Сервилий Цепион вел себя так, как будто он — Первый Человек в Риме. Но, согласно закону, он не может являться Первым Человеком в Риме. И я утверждаю, что Квинт Сервилий нарушил закон, в то время как Гней Малпий — просто бездарный полководец.

Гробовая тишина. Тишина и молчание. Они все делятся и делятся. Котта вздохнул:

— Аравсион — более страшная беда, чем Канны, уважаемые сотоварищи мои сенаторы. Погибли лучшие, цвет римских мужчин. Я знаю, потому что был там. Спаслось примерно тринадцать тысяч солдат. Они беспорядочно отступали, бросая оружие и доспехи на поле боя и переплыvав реку нагишом. Они все еще сплюются без командиров где-то к западу от реки Родан. Говорят, они так напуганы германцами, что скорее станут возить дерьмо, чем вернутся в армию. Когда Секст Юлий Цезарь попытался остановить их бегство, на него напали собственные солдаты. Рад сообщить, что он жив. Я сам нашел его на поле боя. Германцы забыли добить его. Я и мои товарищи — всего двадцать девять, если говорить точно, — были единственными, кто разыскивал раненых и помогал им. В течение трех дней мы не видели никакой другой помощи. Я не сомневаюсь, что многие так и умерли на этом поле — умерли только потому, что не нашлось вовремя никого, кто протянул бы им руку и вывел из этого страшного места.

Метелл Нумидийский наконец не выдержал — железный контроль над чувствами был утрачен, и движением руки он выдал наконец смертельное свое волнение. Котта уловил этот жест и взглянул на врага Гая Мария как на любимого друга; не в правилах Котты возлагать чужие чувства на алтарь Гая Мария.

— Твой сын, Квинт Цецилий Метелл, жив и почти не ранен. Он уцелел вовсе не потому, что проявил трусость, — нет. Он спас консула Гнея Малпия и нескольких человек из его окружения. Зато оба сына Гнея Малпия погибли. Из двадцати четырех военных трибунов в живых осталось трое: Марк Ливий Друз, Секст Юлий Цезарь и Квинт Сервилий Цепион Младший. Марк Ливий и Секст Юлий тяжело ранены. Квинт Сервилий Младший, командовавший самым неопытным легионом в армии, остался цел и невредим, переплыv реку. Как это согласуется с его понятием о чести — не знаю.

Котта перевел дыхание и взглянул в глаза Метелла. Тот явно приободрился — от того ли, что сын его жив, или же от того, что Метелл Младший не прослынет трусом.

— Но главная потеря — в армии не уцелело ни одного центуриона! Рим остался без младшего офицерского состава, уважаемые отцы сенаторы. Великой заальпийской армии больше не существует. — Котта выдержал небольшую паузу и добавил: — Да ее никогда и не было — благодаря Квинту Сервилию Цепиону.

Те, кто стоял ближе к огромным бронзовым дверям курии Гостилия, передавали новости дальше в толпу. Толпа все прибывала — спускаясь с Аргилета, по кливусу Аргентарию, стекая на Римский Форум, заполняя комиции. Толпа была огромной. Толпа была безмолвной. Доносились только иногда всхлипывания — других звуков не было. Рим потерпел поражение в решающей битве. Вся Италия лежала теперь открытая перед германцами.

Перед тем как Котта сел, заговорил Скавр:

— Где же сейчас германцы, Марк Аврелий? Много ли их просочилось на юг от Аравсиона?

— По правде сказать, не знаю, принцепс. Через час после сражения германцы ушли на север. Скорее всего, чтобы забрать свои повозки, женщин и детей, которые оставались севернее места, где размещалась наша кавалерия. Но когда я уезжал, они еще не вернулись. Я разговаривал с одним германцем, которого Марк Аврелий Скавр нанял в толмачи для переговоров с германскими вождями. Он был взят германцами в плен, но ему как своему не причинили вреда. Если верить ему, германцы рассорились и раскололись на три группы. Похоже, ни одна из них не уверена в своих силах настолько, чтобы прорываться на юг. Они собираются идти в Испанию через Длинноволосую Галлию, каждая своим путем. Скорее подогрело римское вино, захваченное в лагерях. Как долго будет действовать вино — кто знает? Да я и не уверен, что толмач говорил правду. Он сказал, что бежал, потому что не хочет снова жить, как варвар. Но вполне возможно, что его подослали германцы — чтобы обманом успокоить нас и сделать еще более легкой добычей. Единственное, что я могу сказать с уверенностью, так это то, что, когда я уезжал, признаков продвижения германцев на юг не было.

Котта сел.

Поднялся Рутилий Руф:

— Сейчас не время для споров. И не время для взаимных обвинений. Время действовать.

— Слушаем! Слушаем! — раздались голоса из задних рядов.

— Завтра октябрьские иды. Военный сезон завершен. Но у нас осталось очень мало времени, чтобы предотвратить вторжение германцев в Италию. Сейчас я изложу свой план. Но вначале торжественно обещаю, что, заметив малейший признак раскола в Сенате, вынесу его на суд народа, на Народное собрание. Сенаторы, вы сами лишили себя исключительного права заниматься обороной Рима. Поведение Квinta Сервилия Цепиона ярко выяснило всю убийственную слабость нашей системы. Фортуна чаще снисходит к людям менее знатного происхождения, но гораздо более высоких способностей, чем наши. Хотя мы, аристократы, по традиции правим Римом и возглавляем его армию.

Он повернулся к открытым дверям, и его сильный голос разнесся над комициями:

— Мы призываем всех здоровых мужчин Италии! Я требую декрета, обращенного к народу, в котором указывалось бы, что все мужчины в возрасте от семнадцати до тридцати пяти, будь они римлянами, латинянами или итальянцами, не могут покинуть берега Италии или пересечь Арно и Рубикон и уйти в Италийскую Галлию. Завтра я разошлю гонцов во все концы полуострова с запретом пускать на борт кораблей здоровых мужчин. Наказание — смерть! И тем, кто бежит, и тем, кто помогает бежать.

Никто в Сенате не проронил ни слова.

— Кто способен нести службу — в легионные ряды! Это значит, уважаемые сенаторы, что те из вас, кому тридцать пять и меньше, тоже должны записаться в легионы, независимо от того, сколько кампаний провели прежде. У нас будут солдаты, если мы примем этот закон. Вот только хватит ли их?

Молчали все. Молчал Скавр, принцепс Сената, молчал Метелл Нумидийский, молчал Метелл Далматик, Великий Понтифик, Агенобарб-старший, Катул Цезарь, Сципион Назика. «Вот и хорошо, — подумал Рутилий Руф. — Оппозиции новому закону, кажется, не будет».

— Надлежит также внимательно изучить, какими силами располагаем, — продолжал он. — В Македонии всего два вспомогательных легиона, которые вряд ли возможно оттуда отозвать. Испания — два легиона в дальней провинции и один в ближней, два укомплектованы римскими солдатами, один ауксилиариями. Но их тоже придется оставить на месте и даже усилить, ведь германцы намерены вторгнуться в Испанию.

Он сделал паузу.

Скавр наконец ожидал:

— Ну, продолжай, продолжай, Публий Рутилий! Переходим к Африке и Гаю Марию.

Рутилий Руф притворился удивленным:

— Спасибо, принцепс! Если бы не ты, я мог бы и забыть! Не зря же тебя называют сторожевым псом Сената! Что бы мы без тебя делали?

— Хватит с меня твоего сарказма, Публий Рутилий! Ближе к делу! — огрызнулся Скавр.

— Есть три момента, которых я хотел бы коснуться, говоря об Африке. Ну, во-первых, война там удачно завершена, враг полностью разбит, царь с семьей ожидают выкупа здесь, в Риме, в доме уважаемого Квинта Цецилия Метелла Свинки — о-о-о, прошу прощения, Квинт Цецилий! — Нумидийского, хотел я сказать. Второй момент — армия состоит из шести прекрасно подготовленных легионов и доблестной двухтысячной конницы. И третье — человек. Я, конечно же, имею в виду проконсул Гай Мария, командующего африканской армией и творца победы, сравнимой с победами Сципиона Эмилиана. Нумидия больше не восстанет. Угрозы гражданам Рима, их благосостоянию со стороны Югурты больше не существует. Гай Марий навел в Африке такой порядок, что нет нужды оставлять там хотя бы один легион.

Он сошел с помоста, ступил на разноцветный пол, подошел к дверям и встал так, чтобы его голос был слышен прежде всего снаружи, на Форуме:

— Полководец нужен Риму даже больше, чем солдаты. Как однажды сказал в этих же стенах Гай Марий: многие тысячи римских солдат погибли в последние годы исключительно из-за бездарности людей, командовавших ими. Когда Гай Марий говорил это, в Италии было на сто тысяч воинов больше, чем сейчас. Сколько народу потерял сам Гай Марий? Ни одного человека! Три года назад он ушел в Африку с шестью легионами — и у него по-прежнему те же самые шесть легионов, целые и невредимые. Шесть легионов — ветеранов, шесть легионов — с центурионами! Гай Марий — вот полководец, которого ищет Рим! Одаренный и знающий военачальник, в котором нуждается армия! — Руф вернулся на помост. — Вы слышали слова Марка Аврелия Котты о ссоре в стане германцев и их отказе совместно идти через Заальпийскую Галлию, но мы не можем позволить себе расслабиться. К обнадеживающему известию следует отнести скептически, чтобы опять не наделать глупостей. Ясно одно: у нас есть всего одна зима, чтобы подготовиться к войне. И первое, что мы должны сделать, — это назначить Гая Мария проконсулом в Галлию. До тех пор, пока германцы не будут разбиты.

Нарастал ропот — предвестник нарастающего протesta. Раздался голос Метелла Нумидийского:

— Дать Гаю Марии полномочия в Заальпийской Галлии на многие годы? Через мой труп!

Рутилий Руф вскочил и вскинул кулак:

— О боги, куда вас несет! Квинт Цецилий, Квинт Цецилий! Неужто ты и сейчас не понимаешь всю сложность нашего положения? Нам нужен полководец масштаба Гая Мария!

— Нам нужны его войска. Нам вовсе не нужен сам Гай Марий! Есть и другие, не хуже его! — громко сказал Скавр.

— Ты имеешь в виду своего друга Квinta Цецилия Свинку? — Рутилий Руф издал неприличный звук. — Чушь! В течение двух лет Квинт Цецилий валял дурака в Африке. Я-то знаю — я же был там! Я имел дело с Квинтом Цецилием и заявляю: Свинка — вот самое подходящее имя этому господину, потому что голова у него соображает чуть поуже, чем женская «свинка». Служил я и с Гаем Марием. Впрочем, стоило ли мне надеяться на то, что этот уважаемый Сенат вспомнит о моей военной карьере! Если бы вспомнили, то командование в Заальпийской Галлии поручили бы мне, а не Гнею Маллию Максиму. Но это дело прошлое, не о том сейчас речь. Говорю вам, слишком серьезно положение, чтобы потворствовать прихотям отдельных граждан, пусть и свалившихся с самого знатного генеалогического древа. Вам говорю — вам, сидящие в Сенате: только один человек способен избавить нас от этой чумы, от страшной германской напасти, и это — Гай Марий! Что до того, что он не занесен в книгу знатных родов! Квинт Сервилий Цепион там числится — но посмотрите, что он с нами сделал? Где мы оказались по его милости? По самые уши в говне! — Рутилий Руф уже кричал — гневно и в то же время со страхом, что они не станут слушать. — Уважаемые члены Сената, друзья мои, лучшие люди Рима, отцы семейств! Я призываю вас отказатьсь от предрассудков! Мы должны дать Гаю Марии проконсульские полномочия в Заальпийской Галлии — на любой срок, сколько бы времени ему ни понадобилось на то, чтобы изгнать германцев обратно в Германию!

Последняя страстная мольба убедила их. Они услышали. Его понял Скавр. Его понял даже Метелл Нумидийский.

Поднялся со своего места претор Маний Аквиллий, человек достаточно знатный, хотя род его, по правде сказать, более славился алчностью, нежели доблестью. Это его отец после войны с пергамским царем Атталом передал его царство Риму, а все фригийские земли продал Митридату Понтийскому за огромную сумму золотом.

— Публий Рутилий! Я хочу говорить! — сказал он.

— Говори! — сказал Рутилий Руф и сел, совершенно истощенный.

— Говорить хочу я! — зло сказал Скавр.

— После Мания Аквиллия, — мягко ответил Рутилий Руф.

— Публий Рутилий, Марк Эмилий, я согласен с консулом. Есть только один человек, способный отвести от нас беду. И этот человек — Гай Марий. Но уважаемый консул требует слишком малого. Мы не можем ограничить проконсульские полномочия Гая Мария пределами заальпийской долины. Что, если война выплеснется за ее пределы? Что, если она перекинется в Италийскую Галлию, в Испанию или даже в саму Италию? Что будет тогда? Ведь командование автоматически перейдет к губернатору или консулу года! У Гая Мария в этом Сенате много врагов, и я не уверен, что Рим им дороже, чем собственные интересы. Отказ Квinta Сервилия Цепиона сотрудничать с Гнеем Маллием Максимом — пример того, как представитель древней фамилии способен поставить свое личное достоинство выше достоинства всех римлян.

— Ошибаешься, Маний Аквиллий! — прервал его Скавр. — *Dignitas* Квinta Сервилия и есть достоинство римлянина.

— Благодарю за это замечание, принцепс! — льстиво промолвил Аквиллий и отвесил легкий поклон, в котором сквозила неприятная ирония. — Ты решительно прав, поправляя меня. Достоинство римлянина и достоинство Квinta Сервилия Цепиона — одно и то же. Но почему вы полагаете, что чувство достоинства у Гая Мария слабее, чем у Цепиона? Да, Гай Марий богат. Карьера Гая Мария стремительна! Неужели кто-нибудь в Сенате серьезно думает, что для Гая Мария Арпин, где он родился, стоит на первом месте, а Рим — на втором? У любого из нас найдется предок, который в свое время был «новым человеком»! Даже Эней, пришедший в Лаций из разрушенного Илона, был, в конце концов, «новым человеком»! Гай Марий занимал должности претора и консула, он сам завоевал себе почет и славу, и все его потомки будут знатными людьми. — Аквиллий обвел глазами зал. — Я вижу нескольких сенаторов, носящих имя Порций Катон. Их дед был «новым человеком», но сейчас мы видим в этих Порциях Катонах опору Сената, славных потомков человека, который в свое время так же раздражал людей из семейства Корнелиев Сципионов, как Гай Марий — семейство Метеллов!

Он сошел с помоста и, подражая Рутилию Руфу, занял место недалеко от дверей.

— Гай Марий, и никто другой, должен возглавить армию в войне с германцами. Где бы ни развернулись военные действия! Следовательно, облечь его полномочиями проконсула одной только Заальпийской Галлии — недостаточно. Ясно, что Гай Марий не может здесь сам выразить свое мнение, а время мчится, как обезумевшая лошадь. Гай Марий должен быть консулом! Его следует представить кандидатом на выборы — заочно!

В Сенате поднялся глухой ропот, но Маний Аквиллий упрямо продолжал:

— Станет ли кто-либо отрицать роль центуриатных комиций? Так позвольте самому народу решать, выбрать ли Гая Мария консулом в его отсутствие. Пусть сам римский народ, уважаемые отцы сенаторы, избирает того, кто поведет их на германцев, кому доверят они свои жизни.

«О! Вот ведь хитроумный Улисс! — подумал Рутилий Руф. — Никогда бы не подумал. Как ловко он обезоружил клику Скавра! Конечно, смысла нет выносить этот вопрос на собрание плебса, где властвует орущая толпа. Для людей, подобных Скавру, плебейское собрание — сброд, неспособный отличить белое от черного. Голосование в центуриатных комициях — другое дело! Умница, умница Маний Аквиллий! А ведь за ним надо присматривать: сидел годами тихо, как овечка, но подвернулся случай — овечья шкура сброшена, а под ней волк. Волк Маний Аквиллий».

Наведение порядка в Африке было приятным занятием не только для Гая Мария, но и для Луция Корнелия Суллы. Ратный труд сменился государственным. Предстояло объединить два близлежащих царства в новую африканскую провинцию.

Нумидией правил теперь царь Гауда. Человек никудышный, он имел прекрасного сына — принца Химпсала, который, как думал Марий, мог вскоре сам стать царем, если все сложится удачно. Подтвердив свои дружественные и союзнические обязательства перед римским народом, Бокх, царь Мавретанский, обнаружил, что, после того как римляне подарили ему большую часть западной Нумидии, его царство значительно увеличилось. Раньше восточная граница пролегала по реке Мулухе, теперь же — пятьдесят милями западнее Цирты и Рузикады. Большая часть восточной Нумидии вошла в африканскую провинцию, подвластную Риму. Таким образом, Марий мог наделить всех своих легионеров и клиентов богатыми прибрежными землями Малого Сырта, включавшими древний и все еще оживленный пунический торговый город Лептис, берега Тритонского озера и порт Такапы. Лично за собой Марий оставил большие плодородные острова Малого Сырта. Он строил далеко идущие планы в отношении двух из них: Менинкса и Церцины.

— Когда нам придется распустить армию, — говорил Марий Сулле, — встанет вопрос, что делать с солдатами из числа неимущих. Нет у них ни надела, ни мастерской, к которым они могли бы вернуться. Они могли бы записаться в другие армии, и большинство, я думаю, так и поступит. Однако снаряжение их принадлежит государству. Значит, им нельзя брать его с собой. Следовательно, единственная армия, в которую они смогут записаться, — наша. При наличии же оппозиции со стороны Скавра и Свинки — такой армии больше не бывать, по крайней мере после окончания германской кампании. Ах, Луций Корнелий, какая это была бы честь — участвовать в войне с германцами! Но ведь они никогда не пустят нас туда — увы!

— Готов позакладывать оба глаза и все зубы — так и будет, — сказал Сулла.

— Прибереги их, еще пригодятся.

— Ладно, и что же будет с легионерами, которые захотят демобилизоваться?

— Думаю, что государство должно предоставлять солдатам из числа неимущих не просто долю военной добычи по окончании кампании. Я буду настаивать в Сенате, чтобы даровать им по участку земли, — там, где они хотели бы поселиться. Другими словами, сделать их богатыми и преданными гражданами — гражданами в полном смысле этого слова.

— Военные поселения, какие пытались ввести братья Гракхи? — Сулла нахмурился.

— Именно. Ты не согласен?

— Я думаю об оппозиции в Сенате...

— Оппозиция сопротивлялась бы меньше, если бы земли, о которых идет речь, не входили в римский земельный реестр. Попробуй только начать говорить о раздаче участков из ager publicus — государственного земельного фонда — накличешь беду. Они принадлежат слишком многим влиятельным людям. Нет, думаю, что лучше поселить наших неимущих легионеров здесь, на Церцине и Менинксе. Дай каждому солдату сотню югеров, и он сослужит Риму двойную службу: во-первых, он и его товарищи составят костяк армии на случай новых войн в Африке, а во-вторых, такой поселенец будет распространять в провинции римские обычаи, традиции, образ жизни, языки.

Сулла нахмурился:

— Не знаю, Гай Марий. Мне кажется, что второе — ошибка. Римские традиции, язык, образ жизни принадлежат Риму. Прививать их в пунической Африке, с ее берберами и маврами, — по-моему, это предательство по отношению к Риму.

— Сразу видно, Луций Корнелий, что ты — аристократ! Жить жизнью простых людей ты можешь, а вот думать, как они, — нет. — И Марий сменил тему: — Списки трофеев у тебя? Да помогут нам боги сосчитать все до последнего гвоздя!

— Трофейная команда, Гай Марий, это осадок на дне римской фляги с вином, — сказал Сулла, пробежав список глазами.

— Любой винной фляги, Луций Корнелий. Не только римской.

Ноябрьскими идами в Утику пришло письмо от консула Публия Рутилия Руфа. Марий давно взял в обычай читать эти письма вместе с Суллой — тот лучше разбирал торопливый почерк Рутилия Руфа. Однако на этот раз Марий был рад познакомиться с текстом один, спокойно и вдумчиво.

Но едва он уселился и начал читать, как вскочил на ноги и, взревев: «Юпитер!», кинулся бежать в кабинет Суллы. Марий ворвался к нему с бледным лицом, потрясая свитком:

— Луций Корнелий! Письмо от Публия Рутилия!

— Что? Что такое?

— Погибли сто тысяч римлян! — Марий начал торопливо цитировать самое важное из того, что успел прочитать сам: — Восемьдесят тысяч — все солдаты... Германцы уничтожили нас... Этот надутый болван Цепион отказался соединиться с Маллием Максимом... расстояние между армиями в двадцать миль... Секст Юлий Цезарь тяжело ранен, как и молодой Серторий... Только трое из двадцати четырех военных трибунов остались живы... Ни одного центуриона... Уцелели самые молодые, они деморализованы... Погиб целый легион знатных марсиев, и марсии уже выступили с протестом в Сенате... Требуют наказания виновных, и если необходимо, то и среди знатных... Самниты тоже в бешенстве...

— Юпитер! — вздохнул Сулла и откинулся на спинку кресла.

Марий продолжал читать — то про себя, то повторяя вслух для Суллы, а затем вдруг издал необычный звук. Испугавшись, уж не удар ли его хватил, Сулла вскочил, но не успел обойти стол, как Гай Марий выдавил:

— Я снова консул!

Сулла остановился.

— Юпитер! — только и вымолвил он, не зная, что еще сказать.

Марий начал читать вслух:

День еще не закончился, когда римский народ закусил удила. Маний Аквилий еще не успел занять свое место, когда десять народных трибунов повскакали со своих скамей и устремились на трибуну. Казалось, что одна половина Рима стоппилась в комиции, а другая заняла весь Форум. Само собой разумеется, сенаторы последовали за трибунами, оставив Скавра и нашего дорогоего Свинку ораторствовать перед пустыми стульями.

Народные трибуны, не теряя времени, провели два плебисцита. В мгновение ока удалось добиться большего, чем мы смогли бы в других условиях за несколько месяцев.

Котта сказал мне, что Цепион изо всех сил спешил в Рим, стремясь предъявить свою версию первым, но намеревался оставаться за пределами померия, пока его сыновья и агенты вовсю орудуют в городе. Он думал, что это поможет, что ему удастся отсидеться в Заальпийской Галлии, пока шум не утихнет.

Но народ достал его из Галлии! Они проголосовали за то, чтобы немедленно лишить Цепиона его владений. Так что, достигнув окраин Рима, он увидит, что гол, как Улисс на берегу. Второй плебисцит поручил выборному лицу — то есть мне — внести твое имя в список кандидатов на консульство, несмотря на твое отсутствие в Риме во время выборов.

— Это дело Марса и Беллоны, Гай Марий! — сказал Сулла. — Подарок богов войны.

— Марс? Беллона? Нет! Это дело Фортуны, Луций Корнелий! Твоей и моей покровительницы! Фортуны!

Марий продолжал читать дальше:

Народ поручил мне провести выборы, и мне оставалось только подчиниться воле народа.

Между прочим, после плебисцита не кто иной, как Гней Домиций Агенобарб, который не прочь бы сам претендовать на консульство, пытался выступить с трибуны против плебисцита, позволившего тебе стать консулом. Сам знаешь, как Агенобарбы горячи, и Гней Домиций просто исходил яростью. Когда толпе надоели его речи и ему велели замкнуться, он

попытался перекричать толпу! Думаю, что у Гнея Домиция тоже был шанс выиграть. Но с ним что-то вдруг приключилось, и он прямо с трибуны упал замертво. Это охладило страсти, и собрание закончилось — толпа разошлась.

Плебисцит продолжался утром. Я ни на шаг не отступал от правил, уверяю тебя! Вопрос решала коллегия народных трибунов. Они собрали новую комиссию в течение дня. Среди претендентов были: старший сын покойного Гнея Домиция Агенобарба и старший сын покойного Луция Кассия Лонгина. Мне кажется, Кассий рвется доказать, что не все члены его семьи только и умеют, что бездарно губить римских солдат. Тем внимательнее надо отнестись к этой попытке, сам понимаешь. Был там и Луций Марий Филипп и — ха-ха! — Клодий из на редкость многочисленной семейства Клодиев. О боги, как же они расплодились!

Центуриатные комиции вчера провозгласили, что Гай Марий назначается главным консулом. Некоторые высокопоставленные сенаторы хотели бы подмочить твою репутацию, но ты слишком хорошо известен. У голосовавших единодушно не было и тени сомнения насчет возможности повторного избрания консула, не дожидаясь истечения трехгодичного срока, не говоря уж об избрании консула в его отсутствие.

Марий возбужденно посмотрел поверх свитка:

— Это что же, я получил мандат от народа, а, Луций Корнелий? Консул на второй срок... А я даже не знал, что участвую в выборах! — Он воздел руки над головой, словно стараясь дотянуться до звезд. — Я должен взять с собой в Рим прорицательницу Марфу. Пусть увидит своими глазами мой триумф и мою инаугурацию. Все — в один день, Луций Корнелий! Я решил: мой триумф состоится в Новый год!

— И мы отправимся в Галлию, — сказал Сулла, более заинтересованный дальнейшим развитием событий. — Если ты, конечно, возьмешь меня с собой, Гай Марий.

— Дорогой мой друг, я не могу без тебя! И без Квинта Сертория!

— Дочитаем письмо, — сказал Сулла, которому нужно было время, чтобы переварить обрушившуюся информацию, прежде чем обсуждать ее с Марием.

Так что, когда мы встретимся, я передам тебе все знаки моей нынешней консульской должности. Я хочу сказать, что ради этого от всей души. Для спасения Рима было необходимо, чтобы такой консул, как ты, возглавил народ и поднял его на борьбу с германцами. Хотя лучше бы это произошло более традиционным способом. С содроганием думаю о новых врагах, которых ты нажил, — в дополнение к тем, которых уже имел. Из-за тебя в нашей законодательной системе произошли серьезные изменения. Да, я знаю: все они необходимы для того, чтобы обеспечить тебе победу. Но, как говорили греки о своем Одиссее: нить его жизни была так прочна, что перетирала все прочие, пересекавшие ее, и те рвались. Может быть, эти новшества будут губительны для Рима.

Голос Мария не дрогнул, он все так же продолжал зачитывать письмо вслух для Суллы, хотя окончание послания было менее приятным.

— Осталось совсем немного, — сказал он, — я дочитаю.

В заключение я должен добавить, что твоя кандидатура отпугнула многих известных людей. Некоторые записавшиеся кандидатами забрали свои заявления обратно. Как, например, Квинт Лутаций Катул Цезарь, который заявил, что он скорее будет работать в паре со своей собачонкой, если ее вздумают избрать консулом, чем с тобой. Твой партнер по консульству — не соперник тебе. Он не окажет тебе сопротивления. Не упади в обморок, когда прочтешь его имя. Это... Гай Флавий Фимбрия.

Сулла фыркнул:

— О, я его знаю! Любитель острых ощущений. Не вылезал из публичных домов. Кривой, как задняя лапа собаки. Смотри, Гай Марий, как бы он не задрал лапу да не нассал бы на тебя.

— Я должен срочно отправиться туда и приступить к делу, — мрачно сказал Марий. Он протянул Сулле руку: — Я знаю, Луций Корнелий: мы разобьем германцев — ты и я.

Африканская армия и ее командующий отправились из Утики в Путеолы в конце ноября. Море в это время года всегда спокойно. Сбылись ожидания Мария: начался взлет его карьеры, Фортуна подчинялась ему, как исправный солдат. Да и плавание сирийская прорицательница Марфа предсказала ему быстрое и легкое. Царь Гауда скрепя сердце отпустил ее с Марием. Обычно она сидела перед мраморным троном царя, отводила дурной глаз от него и всех домашних. Конечно, ему не очень-то хотелось оставаться без ее защиты.

В Путеолях Марий и Сулла были встречены одним из новых квесторов, который вел себя с ними крайне почтительно. Марию и Сулле было приятно, когда ими восхищались, оказывали услуги, подносили подарки, в том числе несколько редкостных книг.

Армия расположилась лагерем под стенами Капуи. Вокруг уже стояли лагеря с новобранцами, которых натаскивали наставники гладиаторов, присланные Руфилем Руфом. Теперь им помогали искусные центурионы Мария. Плохо только то, что рекрутов не хватало. Италия оскудела на воинов. Пройдет несколько лет, прежде чем подрастет новое поколение семнадцатилетних. Даже нищебродов подходящего возраста мало осталось среди римских граждан.

— Вряд ли Сенат посмотрит сквозь пальцы на то, что я набираю рекрутов из итальянских бедняков, — сказал Марий.

— Выбора у них нет, — заметил Сулла.

— Да. Или я их разгоню. Правда, сейчас это не в моих интересах. И не в интересах Рима.

Марий и Сулла расстались до Нового года. Сулла мог совершенно спокойно въезжать в город; Марий же не мог пересечь священной черты города, не потеряв проконсульских полномочий. Поэтому Сулла поехал в Рим, а Марий отправился на свою виллу в Кумах.

Мыс Мизенум был крайней северной точкой земли в заливе Кратера, обширном и удобном для стоянки судов месте. Здесь было много портов: Путеолы, Неаполь, Геркуланум, Стабии и Суррент. Согласно очень древней легенде, раньше на этом месте находился кратер вулкана. Вулкан взорвался, и в него проникли воды моря. Следы вулканической активности еще оставались здесь заметны. По ночам огни долины Пламени озаряли сплохами небо над Путеолами, на поверхности кипящих грязевых прудов лопались пузыри. То тут, то там встречались ярко-желтые отложения серы. В воздух поднимались струи пара. Над всей местностью господствовал Везувий — взметнувшаяся на много тысяч футов вверх гора, о которой говорили, что она уже однажды извергала из себя лаву. Но никто не помнил, когда это было.

На узком перешейке Мизенума расположились два небольших городка, окруженные несколькими великолепными озерами. Со стороны моря находились Кумы, со стороны залива — Байи. Озера были разные. Одни с кристально чистой и удивительно теплой водой изобиловали устрицами. Другие были горячи, и из глубин их со свистом вырывался пар, насыщенный серой. Из всех римских курортов Кумы считалась самым дорогим, Байи же были попроще. Зато именно Байи, похоже, становились центром разведения устриц. Занимались этим делом несколько человек во главе с обедневшим римским аристократом Луцием Сергием, который пытался восстановить благополучие своей семьи, поставляя устриц к столу римских эпикурейцев и гурманов.

Вилла Мария стояла на краю утеса в Кумах. Она была обращена фасадом к островам Энария, Пандатария и Понтия. Три пика пронзали бледно-голубой туман. Здесь, на вилле, ждала своего мужа Юлия.

Они виделись последний раз два с половиной года назад. Ей было уже двадцать четыре, ему — пятьдесят два. Марий знал, что она с нетерпением ждет его. Соскучившись по мужу, она не побоялась ехать в Кумы из Рима в то время года, когда море особенно бурно. Обычай запрещал ей сопровождать мужа в деловой поездке, особенно если речь шла о государственных интересах. Она не могла поехать с ним ни в провинцию Африка, ни в любое другое место за пределами Италии, если он

официально не пригласит ее. Но такое приглашение считалось признаком слабости мужчины. Летом, когда римская знать отправлялась на побережье, Марий старался навестить Юлию. Однако путешествовали они раздельно. И на свои многочисленные виллы под Римом жену он редко брал с собой.

Юлия с этим свыклась. Она еженедельно писала Марию, он регулярно отвечал. Не желая давать повод для слухов, писали они кратко, касаясь только семейных дел. Письма их тем не менее были очень теплыми. Появлялись ли у него женщины во время долгих разлук? Юлия была слишком хорошо воспитана, чтобы роптать, приставать с вопросами, требовать объяснений.

Все это было частью мужской жизни и жен не касалось. Ее мать Марсия очень осторожно растолковала дочери, что ей просто посчастливилось выйти замуж за человека тридцатью годами старше ее, так как его сексуальные потребности умеренней, чем у человека молодого.

Да, Юлии было тягостно расставаться с мужем. Она любила и уважала его. Так что с его отъездом она разом теряла и друга, и мужа, и возлюбленного.

Когда он неожиданно вошел в комнату, она вскочила и тут же снова упала на стул — ноги не держали ее. Как он высок! Как крепок и полон жизни! Как загорел! Не постарел совсем. Напротив, ей показалось, что он стал даже моложе со дня последней их встречи. Улыбка обнажала ряд крепких, как у юноши, зубов. Изящно изогнутые густые брови, темные глаза, полные огня... Его красивые сильные руки протянуты к ней — а она не в силах двинуться! Что он подумает?

Он подошел к ее стулу, осторожно поднял ее на ноги, но не обнял, а просто стоял рядом и смотрел на нее, широко улыбаясь. Затем осторожно обхватил ладонями ее лицо и нежно поцеловал ее лоб, ресницы, щеки, губы. Она обняла его и прильнула лицом к его плечу.

— О Гай Марий! Как же я рада видеть тебя!

— Не больше, чем я тебя, жена.

Его руки гладили ее по спине, и она чувствовала, как они дрожат.

Юлия подняла лицо:

— Поцелуй меня, Гай Марий! Поцелуй крепко!

Оба были счастливы. Их связывала теплая дружеская привязанность, объединяла пылкая страсть. Но не только это. Оба они одинаково гордились своим сыном, который стал своим родителям еще дороже после смерти второго мальчика.

Отец не переставал удивляться красоте своего сына — для Гая Мария это стало неожиданностью. Юный Марий был прекрасен — высокий, сильный, с великолепным цветом лица. Большие серые глаза бесстрашно смотрели на отца. Кое-что в его воспитании, как полагал Марий, было упущено, но это легко поправимо. Проказник быстро поймет, что с отцом не своеобразничает. Отца надо уважать, с ним надо считаться — как сам Марий считался со своим отцом.

Кроме смерти второго сына, были в семье и другие несчастья. Умер отец Юлии, а из ее рассказа Гай Марий узнал и о кончине собственного отца. Тот успел узнать, что старший его сын вновь стал консулом — да еще при столь выдающихся обстоятельствах. Смерть Мария-старшего была легкой и быстрой: удар хватил его, когда он разговаривал с друзьями.

Марий спрятал лицо на груди у жены и заплакал. Ему было хорошо. Выплакавшись, он утешил себя мыслью, что судьба была к его отцу милосердна. Старый Марий остался один, когда его супруга Фульциния скончалась. Это случилось семь лет назад. Если боги и не дали старику перед смертью повидать сына, то хотя бы позволили узнать о его успехе.

— Значит, мне нет смысла ехать в Аргин, — сказал Марий. — Мы останемся здесь, любовь моя.

— Скоро приедет Публий Рутилий. Как только новые народные трибуны немного освоятся. Руф боится, что им придется трудно, хотя среди них немало умных людей.

— Ну и ладно. Пока не заявился Публий Рутилий, моя дорогая жена, мы и думать не станем о вещах столь несносных, как политика.

Сулла возвращался домой без удовольствия. Как и Марий, он былдержан в сексуальной жизни все два года службы в Африке. Трудно сказать почему. Нет, не из-за горячей любви к жене. Просто прежняя жизнь — с ее интригами, кознями, сплетнями, неверностью, излишествами, постоянным унижением чести рода Корнелиев — опротивела ему, и он решил никогда уже не возвращаться к старому.

Актер в душе, он полностью отдался увлекательной роли квестора. Она не надоедала ему. Столько разных обязанностей, столько приключений... Не имея возможности воплотить собственный образ, пока не стал консулом или не занял другой столь же значительный пост, он всецело отдался сбору обильной жатвы военных полей. Трофеи, венки, фалеры станут ему памятником — пусть пока не на Римском Форуме, а в собственном атрии. Годы, проведенные в Африке, были годами самоутверждения. Он стал настоящим солдатом. И трофеи, выставленные в атрии его дома, расскажут об этом всему Риму.

И все же он знал, что остается прежним Суллой: стремление увидеть Метробия, интерес к уродливому и болезненному — к карликам и старым шлюхам, к необычным нарядам и характерам, — невероятное презрение к женщинам, вечно пытающимся взять над ним власть, нетерпимость к дуракам, терзания, амбиции... Африканское приключение закончилось, но длительного отдыха пока не предвиделось. Будущее сулило новые роли. Сценой для него был теперь весь Рим. Так что ехал он домой в тревожном состоянии духа. По правде говоря, актер в перерыве между представлениями — довольно жалкое создание.

И Юлилла ждала его иначе, чем Юлия ждала Мария, и любила она его иначе, чем Юлия любила Мария. Любовь младшей сестры была своеобразна, не ведала дисциплины и самоконтроля, она была чем-то вроде всесожигающего пламени. Она крушит все преграды внутри человека, сметает с пути все, подобно боевому слону, волны чувств захлестывают с головой и топят человека навсегда. Юлилла пребывала в нетерпении. За весь день уже не нашлось времени присесть — разве что для того, чтобы выпить вина. Платье она меняла несколько раз за день. Служанки выбились из сил, укладывая ей волосы. Так паучиха целый день сучит нить, готовя сети для добычи.

Когда Сулла вошел в атрий, она с криком кинулась к нему, вытянув руки навстречу. Подбежав, она вцепилась в его губы, ладонями оглаживая его пах. Она урчала от удовольствия, она обвила его ноги своими — у всех на виду, на глазах у дюжины любопытных рабов, большая часть из которых была ему незнакома.

Он ускользнул от ее губ и отвел ее руки:

— Следи за собой, женщина! Мы не одни!

Она отпрянула, словно он плюнул ей в лицо, но вскоре постаралась успокоиться. Взявшись за руки, они вошли в перистиль, где располагалась ее гостиная, — по забавной случайности, именно там, где когда-то были комнаты Никополис.

— Здесь место достаточно уединенное? — осведомилась она язвительно.

Но его настроение было испорчено уже и без этого. Он не хотел, чтобы она лезла руками, куда не следует, и целоваться тоже не хотел.

— Потом, потом! — сказал он, садясь на стул.

Она стояла, испуганная и разозленная. Красивей, чем обычно, одетая с необыкновенным вкусом, — человек с опытом Суллы не мог не оценить этого, — она стояла перед ним, и в глазах ее плескались темно-синие тени.

— Не понимаю! — выкрикнула она. В ее взоре не было больше страсти. Она словно пыталась понять: друг перед нею или враг?

— Юлилла, — произнес он, стараясь быть терпеливым, — я устал. У меня не было времени омыть ноги. В доме полно каких-то незнакомых служ. А когда я не пьян вдребезги, я весьма благонамеренный и здравомыслящий человек и не занимаюсь любовью публично.

— Но я тебя люблю! — возмутилась она.

— Надеюсь, что так. Я тебя — тоже. Тем не менее существуют границы, — сказал он твердо.

Теперь он играл по правилам и хотел, чтобы правила римской жизни распространялись всюду: на его жену, его дом и на грядущую карьеру на Форуме.

Там, в Африке, целых два года думая о Юлилле, он никак не мог вспомнить, какой она человек. Только — во что наряжалась и как возбуждалась в постели. Любовница — но уж никак не супруга. Как много женщин, похожих на его жену, он встречал: он видел их в банях, они толпами приходили в его дом, волочились за его друзьями.

Пожалуй, не следовало на ней жениться. Удача пришла к нему после того, как он увидел свое будущее в ее глазах. Это было все, что она для него сделала. Послужила первой ступенью к восхождению, открыла видение новой дороги — дороги Фортуны. Нужно было остановиться на этом. В Риме полным-полно других знатных молодых женщин, более ему подходящих, чем это глупое создание, готовое умереть от любви. Ее стихия — скандал. А скандалы ему больше не нужны, их следует избегать. И вот пожалуйста: он, Сулла, объект безумных выходок! Только скандалов ему сейчас и не хватало. Как же его угораздило связать судьбу с этой женщиной, которая желает владеть им во что бы то ни стало?

Юлилла переменилась в лице. Ее глаза застыли — две неподвижные круглые плошки, в которых не было больше ни любви, ни желания. Что же ей еще остается? Она вспомнила, чуть ожила — ступор прошел. Вино, благодатное вино. Она шевельнулась, приблизилась к столу, плеснула в чашу неразбавленного вина, выпила и лишь тогда вспомнила о муже:

— Вина, Сулла?

Он нахмурился:

— Немедленно прекрати! Ты всегда пьешь залпом, как сейчас?

— Мне нужно выпить! Ты очень холоден и не в духе.

Он вздохнул:

— Да, я виноват. Не думай о дурном, Юлилла. Я исправлюсь. Или, может быть, ты... Да, да, налей мне вина!

В тот же миг она стремительно налила полную чашу и протянула ему, а он выпил почти все.

— Когда я последний раз получал от тебя вести? Ты не очень любишь писать письма, да?

Слезы текли по лицу Юлиллы, и она не в силах была удержать их. Голос ее прозвучал почти беззвучно:

— Я ненавижу писать письма!

— Довольно хныкать, — произнес Сулла сухо.

— Письма, при чем тут письма? — сказала она, налила себе вторую чашу и выпила тоже залпом.

— Кажется, у нас двое детей? Мальчик и девочка, да? Ты даже не побеспокоилась сообщить мне о мальчике. Я узнал об этом от твоего отца.

— Я болела. — Юлилла по-прежнему плакала.

— Могу я увидеть своих детей?

— Они вон там! — Она зло ткнула рукой в глубину перистиля.

Сулла оставил ее с носовым платком, кувшином и уже наполненной чашей.

Сначала он увидел их через окно детской. Позади что-то бормотал женский голос, но Сулла не разбирал слов и не видел женщины. Все его чувства сосредоточились на двух крошечных существах, которых он произвел на свет. Девочка стояла рядом с мальчиком.

Она была самым очаровательным существом, какое Сулла когда-либо видел, — миниатюрная куколка, само совершенство. С копной рыжевато-золотистых локончиков на голове, с румянцем, как лепестки роз, на молочно-белом лице, с золотыми ресницами и голубыми глазами, такая хорошененькая, такая счастливая, полная нежной любви к маленькому братцу.

А он был самым прелестным мальчуганом на свете — Сулла и представить себе не мог, что у него будет такой сын. Он уже ходил — это было хорошо. Не лежал заплеленный в тряпки. Сестра поддерживала его, а он, злодей ужасный, все время шатался и падал на нее. Оба очень веселились. Они были похожи на Цезаря: тот же удлиненный выразительный овал лица, те же золотые волосы и живые голубые глаза, что и у покойного тестя Суллы. И спящее сердце Суллы начало неспешно пробуждаться, оно словно бы потянулось и зевнуло, готовясь воспрять, и вот оно подпрыгнуло и выскочило в мир — подобно тому, как Афина, созрев, выступила на свет из головы Зевса, и зазвенело, и запело.

Сулла вбежал в комнату, сия глазами, он опустился перед детьми на колени, он протянул к ним руки.

— Это папочка. Папочка приехал домой, — сказал он.

Они не стали колебаться, не стали сомневаться и ждать — они кинулись в его объятия, покрывая его лицо поцелуями.

Оказалось, что Публий Рутилий Руф был не первым, кто нанес визит Марию в Кумах. Едва успел вернувшийся герой вникнуть в дела, как слуга доложил ему о прибытии Луция Марция Филиппа. Марий никогда не встречался с ним и даже не был знаком с этой семьей. Удивившись, он приказал слуге провести гостя в кабинет.

Филипп не стал ходить вокруг да около. Он сразу приступил к делу. Это был довольно красивый, самоуверенный молодой человек, представитель древнего рода Марциев, возводящих свой род к четвертому царю Рима — Анку Марцию, который построил Деревянный мост.

— Мы незнакомы, Гай Марий, — начал гость, — но я решил при первой же возможности исправить эту ошибку. Ты — новый консул следующего года, а я только что избранный народный трибун.

— Как славно, что ты хочешь исправить ошибку, — отозвался Марий, скрывая иронию за улыбкой.

— Да, думаю, что так, — сказал Филипп вежливо. Он откинулся на стул и положил ногу на ногу, удивив Мария, который всегда находил, что мужчинам так сидеть не пристало.

— Что я могу сделать для тебя, Луций Марций?

— В данный момент — немало. — Филипп наклонил голову вперед и посоветовал: — У меня возникли некоторые финансовые затруднения, Гай Марий, и я решил предложить тебе свои услуги. Я имею в виду — вдруг ты захочешь протолкнуть какой-нибудь закончик... Или, может быть, тебе просто понадобятся сторонники в Риме, когда ты будешь отгонять германского волка от наших ворот. Глупые германцы! Они еще не поняли, что римляне — сами наследники волчицы! Но они поймут, я уверен. Если кто и втолкует им, так это ты.

Марий обдумывал это вступление.

— По правде говоря, есть один пустяк, дорогой мой Луций Марций. Хорошо бы он прошел через Народное собрание без особого шума. Рад буду избавить тебя от финансовых затруднений, если поможешь мне избавиться от законодательных.

— Чем щедрее ты будешь, Гай Марий, тем меньше шума поднимется вокруг закона, который тебе нужен, — сказал Филипп с широкой улыбкой.

— Великолепно! Назови свою цену.

— Ну, так сразу!

— Назови свою цену, — повторил Марий.

— Полмиллиона.

— Сестерциев.
— Денариев.
— Хм, за полмиллиона денариев я захочу получить гораздо больше, чем какой-то пустяковый закон.
— За полмиллиона ты и получишь гораздо больше, Гай Марий. Отслужу не только во время моего трибуnата, но и после. Обещаю.

— Договорились.
— Как просто! — воскликнул Филипп, расслабившись. — Что я должен для тебя сделать?
— Мне нужен аграрный закон, — сказал Марий.
— Это уже непросто. Зачем тебе закон о земле? Деньги мне нужны, Гай Марий, но если мне их придется истратить, протаскивая закон, что же останется в моей мoshне? Я не претендую на пожизненное избрание в Сенат, на что, я думаю, претендует ты, Гай Марий. Я не Тиберий Гракх.
— Закон — аграрный по форме, но не по содержанию, — сказал Марий успокаивающе. — Я не реформатор, не революционер. У меня есть идея наделения бедняков землей не из неприкосновенного государственного земельного фонда, над которым все так трясутся! Я запишу нищих в легионы и заставлю работать на той земле, которую им дам!
— О каких же землях, помимо государственного земельного фонда, может идти речь? Хочешь, чтобы земли для неимущих легионеров купило государство? Но откуда Рим возьмет для этого средства?

— Земли, о которых идет речь, уже принадлежат Риму. Когда я был проконсулом в Африке, ко мне отошли многие бывшие владения неприятеля. Я могу их сдать в аренду моим клиентам, продать с аукциона, подарить кому-нибудь иноземному королю. Но я должен знать, что Сенат поддерживает меня. Нет у меня никакого желания перегавливаться с Метеллом Нумидийским и уж тем более ему уступать. Я собираюсь делать так, как делал всегда, — строго придерживаться закона или прецедента. К Новому году я намерен сдать свои проконсульские полномочия в Африке. Нельзя, чтобы она досталась Метеллу. План освоения территории я предложил Сенату и народу Рима и уже получил согласие сенаторов. Но есть один вопрос, который я не могу огласить сам. Вопрос настолько деликатный, что я разбил его на две части. Одну надо принимать немедленно, другую — на следующий год. Твоя задача, Луций Марций, — обеспечить выполнение первой. Короче, если Рим, как я надеюсь, рассчитывает получить приличную армию, следует добиться, чтобы служба стала привлекательной для бедняков. Призывать неимущего на службу в час опасности и вышвыривать, едва наступил мир, — так не полагается. Простое вознаграждение — небольшое солдатское жалованье, малая доля в добыче — может неимущего не заинтересовать. А вот если ему дать надел хорошей земли, который он мог бы или продать, или осесть на нем после отставки, — то это уже будет хорошим стимулом пойти в солдаты. Тем более что земли могут находиться и не в Италии.

— Мне кажется, я начинаю понимать, чего ты хочешь, Гай Марий, — сказал Филипп. — Интересно.
— Я тоже так думаю. Два острова в Малом Сырте в Африке я держу специально для отставных солдат. Впрочем, из-за германцев распускать легионы по домам в ближайшее время не придется. За это время я должен оформить свою идею законодательно. Но у меня слишком много врагов, которые попытаются помешать мне. Ведь кое-кто из них именно на этом может сделать карьеру.

Филипп сидел и кивал головой:
— Да, Гай Марий, врагов у тебя много.
Марий уловил нотку сарказма в этом замечании и пристально посмотрел на Филиппа:

— Твоя забота, Луций Марций, провести через Народное собрание решение о запрете распоряжаться островами Малого Сырта до плебисцита. Но о землях для солдат ты не должен пока даже заняться. Пусть враги мои не знают, что за этим законом стою я.

— Думаю, это мне удастся.
— Хорошо. В день принятия закона мои банкиры переведут на твой счет полмиллиона денариев — да так, что никто и не заподозрит ничего дурного.

Филипп поднялся:
— Только что ты купил себе народного трибуна, Гай Марий, — сказал он и протянул руку. — Более того, я буду твоим верным сторонником до тех пор, пока занимаюсь политикой.

— Рад слышать это. — Марий пожал ему руку.
Но как только Филипп ушел, Марий приказал принести таз теплой воды и вымыл руки.

— Если я даю взятки, то это не значит, что человек, которому я их даю, мне нравится, — говорил Марий Публию Рутилию Руфу, когда тот пять дней спустя приехал в Кумы.

— Он выполнил обещанное, — сказал Рутилий Руф. — Выступал так, что всем показалось, будто он действительно много и серьезно думал о необходимости сберечь несколько островков у Африканского побережья для нужд великого Рима. Хитроумный парень, этот Филипп, и скользкий в общении. Много патриотизма и размышлений о будущем римского народа. Кое-что из твоих врагов подумал даже, что он делает это с единственной целью — насолить тебе. Закон прошел без сучка, без задоринки. Никто даже не бубнил на задних рядах.

— Отлично! — Марий облегченно вздохнул. — Пусть острова ждут своего часа. Недалек тот день, когда неимущим легионерам предстоит потрудиться — и каждый заработает свой участок земли. Ну да ладно, хватит об этом! Что еще нового?

— Я провел закон, который позволит консулу перед лицом смертельной опасности, угрожающей Риму, самому назначать военных трибунов, не проводя выборов, — сказал Рутилий.

— Ты, как всегда, предусмотрителен. И сколько же человек попадают под действие твоего закона?

— Двадцать один. Столько, сколько погибло под Аравсионом.

— Включая...

— ...Юного Гая Юлия Цезаря.

— Вот это действительно приятная весть! Жаль, что таких мало. Помнишь ли ты Гая Лусия? Того, что женился на Гратидии, сестре моего зятя? Был его приятелем.

— Смутно припоминаю. В Нуманции?

— Да, это он. Противный, как бородавка, но очень богат. Во всяком случае, у него и Гратидии родился сын и наследник,

которому сейчас уже двадцать пять лет. Родители просят меня взять его с собой на войну с германцами. И брат мой Марк их поддерживает: парень ему нравится.

— Кстати, о твоих родственниках. Тебе будет, наверно, приятно узнать, что Квинт Серторий прибыл в Нерсию вместе с матерью. Он здоров и готов идти с тобой в Галлию.

— Отлично! Как и Котта, который тоже едет в Галлию в этом году, да?

Рутилий Руф присвистнул:

— Неужто, Гай Марий? Один экс-претор и с ним пяток заднескамеечников, как та делегация, что была отправлена уговаривать Цепиона?

— А Цепион вернулся?

— Ходит мрачнее тучи, но влияние его еще велико. Хотя и врагов у него теперь немало, скажу я тебе. На улицах показывается с осторожностью.

— Бросить бы его в Карцер, пусть бы мучился до конца дней, — жестко сказал Марий.

— Только после того, как нарубит дров на восемьдесят тысяч погребальных костров.

— А что с марсиями? Успокоились?

— Ты знаешь, какие потери они понесли? Такие события не прибавляют нам друзей. Командир их легиона — Квинт Поппей Силон — прибыл в Рим, чтобы дать показания. А знаешь, кто будет подтверждать его показания? Мой племянник, Марк Ливий Друз. Во время сражения их легионы находились рядом. Цепион впал в настоящую истерику, когда узнал, что против него будет свидетельствовать мой племянник.

— У этого волчонка острые зубки, — сказал Марий, припоминая юного Друса.

— Он сильно повзрослел после Аравсиона.

— Такие Риму вскоре и понадобятся.

— Да, похоже на то. Но я заметил: все, кто остался жив после битвы под Аравсионом, сильно переменились, — с грустью сказал Руф. — Им не удалось еще собрать всех спасшихся вплавь через Родан. Да и вряд ли удастся.

— Я найду их.

— Цепион пытался обвинить во всем Гнея Маллия и «сброд» как он называл армию своего образца. Марсиям не понравилось что их причислили к «сброду». Самнитам тоже. Мой молодой племянник — прекрасный оратор, да и актер неплохой — выступил и прилюдно заявил, что у неимущих легионеров не было шанса выиграть то сражение.

— Зять Цепиона критикует Цепиона! — Марий подивился курьезности ситуации. — Как же теперь быть с семейной лояльностью?

— Он в общем не критиковал Цепиона — не напрямую. Он ничего не высказал против Цепиона лично. Но я заметил, что молодой Марк Ливий и молодой Цепион Младший вернулись более дружными, чем были до сих пор, — сказал Рутилий Руф. — Цепион Младший женат на моей племяннице, сестре Друса.

— Откуда ждать притока свежей крови, если все аристократы без конца будут заключать браки между собой? — заметил Марий. — Есть другие новости?

— Только о марсиях и прочих италийских союзниках. Они сильно настроены против нас, Гай Марий. Как ты знаешь, последние месяцы я набирал солдат. Но италийцы отказались сотрудничать с нами. Когда я сказал им, чтобы прислали хоть неимущих, они ответили, что неимущих у них больше нет.

— Да они ведь народ сельский. Так что вполне возможно.

— Ерунда! У них полно ремесленников. Но союзники настаивают на том, что неимущих у них нет. Почему? Отвечают, что италийские бедняки все теперь отданы в рабство за долги. Знал бы ты, какие письма отправили представители италийских племен в Сенат, протестуя против действий Рима! Марсии, пелигны, пицентины, умбрии, самниты, апулии, лукании, этруски, марруцины, вестини — список полон, Гай Марий!

— Противоречия между союзниками и римлянами существуют уже давно, — возразил Гай Марий. — Но я надеюсь, что германская угроза быстро сплотит все народы полуострова.

— Не думаю. Они говорят, что римляне забирают у них мужчин на слишком большой срок. А когда те, выйдя в отставку, возвращаются домой, то находят свои хозяйства запущенными, а иной раз и проданными за долги. Вот почему неимущие италийцы становятся рабами и рассеиваются по всему побережью Внутреннего моря, где римлянам требуются умелые землепельцы: в Африке, Сардинии, Сикии.

Карта 6. Регионы Италии

— Об этом я как-то не задумывался. У меня самого много земли в Этрурии, есть и такие, что взяты были за долги. Но что же еще делать? Не куплю я — купит Свинка или его брат Далматик. Мне эти земли в Этрурии достались от матери. Никуда тут не денешься.

— Не ошибусь, если скажу, что ты даже не представляешь себе, что сделали твои управляющие с местными жителями, чьи наделы конфисковали.

— Ты прав, не знаю. Я даже не знал, что у нас так много италийцев-рабов. Это же все равно что обращать в рабство римлян.

— То же будет и с римлянами, влезшими в долги.

— Это уж слишком, Публий Рутилий!

— Так и есть.

— Я хочу видеть жалобы италийцев, — поставил Марий точку в разговоре.

Разочарование италийцев нарастало. В конце декабря искры этого недовольства уже готовы были воспламенить обитателей долин Тибра и Лириса. Больше других возмущались марсии и самниты. Но имелись еще и банды, которые одни знатные римляне подстрекали против других.

Новые трибуны развили невиданную активность. Чувствуя стыд за своего отца, опозорившегося военачальника, Луций Кассий Лонгин вынес на обсуждение вопрос о лишении места в Сенате тех, чьи владения конфискованы. Через Народное собрание наносился жестокий удар по Цепиону. Благодаря своему влиянию и состоянию, он имел еще сторонников в первом и втором классах, но Народное собрание... Метелл Нумидийский с друзьями попытались, правда, сопротивляться, однако законопроект прошел и вступил в силу. Так Луций Кассий старался смыть с себя позор своего отца.

Затем разразился скандал религиозный. Все шло более-менее благополучно, пока на голосовании по передаче Гаю Марии консульских полномочий на общем собрании не умер от удара — видя, что не может этому помешать, — Гней Домиций Агенобарб, верховный жрец Рима.

Коллегия жрецов составлялась обычно наполовину из плебеев, наполовину из патрициев. По традиции, сан Великого Понтифика переходил из рук в руки в рамках одной семьи. Естественно, Гней Домиций Агенобарб Младший рассчитывал занять место отца.

Однако имелась одна заковыка... А все Скавр! Когда коллегия понтификов собралась, чтобы принять в свои ряды нового жреца, Скавр объявил, что не хотел бы видеть младшего Агенобарба преемником отца. Он не назвал всех причин, но все и так знали, что Гней Домиций Агенобарб был упрям, вспыльчив, неприятен, а его сын и того хуже. Людям вроде Скавра, которые вечно не ладили со старшим Агенобарбом, вовсе не улыбалось увидеть на этом месте копию покойного. Был бы только повод отвести его кандидатуру. Тут Скавр и предложил вниманию коллег два веских довода против избрания младшего Агенобарба на сей пост.

Во-первых, по смерти цензора Марка Ливия Друза пост не перешел тогда его девятнадцатилетнему сыну — еще несовершеннолетнему. А во-вторых, Марк Ливий Друз, неожиданно нарушив традиционный консерватизм отца, выступил чуть ли не с позиций Гая Гракха, с которым отец его вечно спорил. Вот Скавр и предложил младшего Друса в Коллегию с тем, чтобы он

образумился.

Остальные тридцать жрецов решили, что это лучший выход из затруднительного положения.

Но сам Гней Домиций Агенобарб Младший был отнюдь не в восторге, когда узнал, что должность его отца переходит к Друзу. На следующем же заседании в Сенате он объявил, что намерен обвинить Марка Эмилия Скавра, принцепса Сената, в святотатстве. Заявление не вызвало волнения ни в Сенате, ни у самого Скавра.

— Ты, Гней Домиций, даже не понтифик, а обвиняешь меня, Марка Эмилия, понтифика и принцепса Сената, в святотатстве, — произнес Скавр ледяным тоном. — Катись-ка ты отсюда и играй в игрушки в Народном собрании, пока не подрастешь!

Похоже, этим все и закончилось. Агенобарб уходил из зала под смешки и оскорбительные выкрики присутствующих. Но Агенобарб еще не проиграл. Скавр отправил его в Народное собрание? Хорошо же! В течение двух дней он внес законопроект, провел его через обсуждение и голосование и превратил в закон. Отныне новички будут вводиться в Коллегию понтификов и авгуротов не волей остальных ее членов, но выбираться специальным собранием, и занять вакантное место сможет любой — так гласил *lex Domitia de sacerdotiis*.

Но Скавр только посмеялся, узнав об этом.

— Как только кто-то из нас умрет, он будет баллотироваться, — мрачно предрек Метелл Далматик.

— Пусть, если ему так этого хочется, — сказал Скавр.

— А если умру я? Он же станет верховным жрецом!

— Вот это будет карьера! — весело сказал Скавр.

— Я слышал, что он сейчас поддерживает Марка Юния Силана, — сказал Метелл Нумидийский.

— Да, а война с германцами в Заальпийской Галлии неофициально уже началась, — добавил Далматик.

— Ого, этак он может провести через Народное собрание этого Силана, а оттуда — прямой путь в центурии! — Скавр присвистнул. — А он молодец! Может зря мы не взяли его на место отца?

— Да как можно! — возмутился Метелл Нумидийский. — Хочешь каждый день вспоминать о позоре его отца и всего Рима, глядя на его рожу?

— Рим всегда Рим, — ответствовал Скавр.

— Ерунда, ерунда, ерунда! — Метелл Нумидийский все еще кипел негодованием при мысли о том, что Гай Марий скоро снова будет консулом. — Рим, каким мы его знали, умер! Рим выбирает человека консулом на второй срок в течение трех лет, а он к тому же отсутствует в городе. Всякий сброд записывают в легионы. Жрецов и авгуротов выбирают толпою. Решения Сената то и дело изменяются народом. Государство не имеет денег на армию! «Новые люди»! Поражения! Тыфу!

ГОД СЕДЬМОЙ (104 Г. ДО Р. Х.)

КОНСУЛЬСТВО ГАЯ МАРИЯ (II) И ГАЯ ФЛАВИЯ ФИМБРИИ

ГОД ВОСЬМОЙ (103 Г. ДО Р. Х.)

КОНСУЛЬСТВО ГАЯ МАРИЯ (III) И ЛУЦИЯ АВРЕЛИЯ ОРЕСТА

ГОД ДЕВЯТЫЙ (102 Г. ДО Р. Х.)

КОНСУЛЬСТВО ГАЯ МАРИЯ (IV) И КВИНТА ЛУТАЦИЯ КАТУЛА ЦЕЗАРЯ

Организация триумfalного шествия Мария была возложена на Суллу, который в точности выполнял все распоряжения старого полководца, несмотря на то, что эти указания вызывали у него определенные сомнения.

— Я хочу, чтобы мой триумф был чем-то вроде стремительного и неотразимого удара мечом, — сказал Марий Сулле еще в Птеолях, когда они только что вернулись из Африки. — Мне надлежит быть в Капитолии самое позднее к шести часам пополудни, оттуда — прямо на торжества по поводу вступления в консульскую должность и на собрание в Сенат. Этот праздник должен запомниться надолго. В конце концов, у меня два повода для торжества: я снова победил врагов Рима, а кроме того, избран старшим консулом. Поэтому угощение должно быть первоклассным, Луций Корнелий! Никаких вареных яиц и молочных сыров, слышишь? Самые дорогие блюда, лучшие певцы, танцоры и музыканты, золотая посуда и обитые пурпуром ложа!

У Суллы упало сердце. «Гай Марий как был, так и остался грубым крестьянином», — подумал он. — Высокое положение ничуть не изменило его. Торопливое шествие, скомканные консульские церемонии — все говорит о его вульгарности. А уж этот его роскошный пир! Дурновкусница».

Тем не менее Сулла в точности выполнил все указания. Повозки с глиняными бочками, покрытыми изнутри воском, чтобы сделать их водонепроницаемыми, везли в Рим устриц из Байи, речных раков из Кампании, креветок из Кратерной бухты. С верхнего течения Тибра доставляли пресноводных угрей, окуней и щук. Всех римских рыбаков согнали к городским каналам. В Рим были присланы каплуны и утки, откормленные медовыми, пропитанными вином лепешками, козлята и пороссята, фазаны и антилопы.

Все это поступало на кухни, где пекли и жарили, шпиговали и фаршировали. Вместе с Марием и Суллой из Африки прибыла большая партия гигантских улиток — дар Публия Вагенния, которому не терпелось узнать реакцию на них известных римских гурманов.

Таким образом, Сулла подготовил Марию достойное триумfalное шествие. А сам Сулла при этом думал о том, что, когда настанет черед его, Суллы, праздновать свой триумф, у него три дня уйдет только на повторение традиционного маршрута триумфаторов, как это было у Эмилия Павла. Желание растянуть триумfalное шествие во времени и придать ему возможно большее великолепие было естественным стремлением истинного аристократа. Собрать на празднестве огромные ликующие толпы — дабы приветствовать его, Суллу! А желание Мария устроить обильный и роскошный пир в храме Юпитера Наилучшего Величайшего являло собой потуги крестьянина произвести впечатление на вечно голодную чернь.

Несмотря на недовольство, Сулла удалось сделать триумfalное шествие Мария запоминающимся. Напоказ выставлялось все, чем славна африканская кампания, начиная с огромных улиток с реки Мулухи и заканчивая удивительной сирийской прорицательницей Марфой. Последняя являла собою гвоздь программы. Она развалилась на обитом пурпуром и золотом ложе, поставленном на копию трона Гауды в Старом Карфагене. Рядом неотлучно находились два актера, один из которых изображал Гая Мария, а другой носил туфли с загнутыми носами, как у царевича Гауды. На богато украшенные повозки Сулла приказал уложить все воинское снаряжение и боевые награды Мария. Катились вазы с захваченной добычей, вражескими доспехами и оружием, которые были размещены так, чтобы каждый мог увидеть и оценить трофеи по достоинству. Следом везли клетки со львами, похожими на людей обезьянками и забавными мартышками, а за ними тяжеловесно ступали две дюжины слонов, хлопая огромными ушами. Позади этого экзотического великолепия печатали шаг шесть легионов с деревянными копьями, украшенными венками из лавра.

— Шевелите ногами, сучьи дети! — орал Марий своим солдатам, устало топотавшим по газонам Марсова поля, где проводились учения перед началом шествия. — Я должен быть на Капитолии к шести часам, так что не смогу за вами присматривать. Но если вы меня опозорите, тогда вам и боги не помогут. Слышите, *fellatores*?

Солдаты любили, когда Марий при них сыпал непристойностями. Впрочем, Сулла полагал, что они обожают своего полководца независимо от того, как он с ними разговаривает.

Югурта принимал участие в этом шествии, облаченный в царские пурпурные одеяды. Голова его была — в последний раз — увенчана царской диадемой, белой лентой с кисточками; золотые кольца, браслеты и ожерелья переливались на утреннем солнце. Несмотря на то, что стояла зима, было безветренно и не холодно. Оба сына Югурты, тоже в пурпуре, находились рядом с отцом.

Когда Марий привез Югурту обратно в Рим, тот едва мог в это поверить. Ведь когда они с Бомилькаром покидали Рим, нумидийский царь так надеялся, что никогда ему не бывать больше здесь! Город, выстроенный из терракоты, — но сияющий подобно бриллианту. Расписные колонны, яркие стены, и всюду, куда ни глянь, статуи — настолько совершенные, что кажутся живыми: вот-вот заговорят, зашевелятся, заплачат. Полная противоположность африканским городам. В Риме не строят из грязного камня и не белят потом стены. Наоборот, римляне их расписывают. Холмы и расселины, густая растительность, стройные свечи кипарисов и раскидистые зонтики сосен, высокие храмы, широкие площади, Победа, правящая квадригой, медленно зарастающие травой следы большого пожара на Виминале и верхнем Эсквилине. Рим, избранный город. Прекрасный город, продажный город. Но теперь у него, Югурты, нет денег, чтобы купить Рим! Вот где трагедия! А ведь все могло сложиться иначе.

Квинт Цецилий Метелл Нумидийский приютил Югурту, высокого гостя, которому, однако, запрещалось выходить за ворота. Под покровом темноты, тайно, чуть ли не контрабандой его провели в дом, и в течение многих месяцев он жил здесь. Ему не позволялось находиться в крытой галерее, выходящей на Римский Форум и Капитолий. Он расхаживал по внутреннему дворику и чувствовал себя львом, запертым в клетке. Гордость не позволяла ему раскиснуть. Каждый день он бегал по кругу, занимался гимнастикой, борьбой с воображаемым противником, прыгал, пока не доставал подбородком до суха, который выбирал как перекладину. Он хотел, чтобы они, эти посредственности, эти римляне, восхищались, увидев его на триумфальном шествии Гая Мария. Хотел, чтобы простые римляне увидели в нем грозного противника, а не слабовольного деспота.

С Метеллом он держал себя отчужденно. Югурта вовсе не хотел быть пособником одного римлянина, уязвляя другого. Нумидиец сразу почувствовал, что тот был крайне разочарован. Метелл надеялся найти у своего пленника-гостя доказательства того, что Марий злоупотребил своим положением проконсула. И — ничего не добился! Югурта веселился от души. Ему было приятно. Он хорошо знал, какого римлянина боится этот патриций и какой римлянин одержал над ним верх. Конечно, Метелл Свинка был знатен и в какой-то мере граждански честен, но... С какой стороны ни посмотрели, ни по-человечески, ни с точки зрения воинских качеств, этот Метелл недостоин даже поцеловать сандалии Гая Мария. Метелл пеняет Марии, что тот — низкого происхождения. По его мнению, деревенщина Марий — чуть лучше, чем ублюдок. Что тут сказать, уж Югурта-то отлично знает, что такое быть ублюдком. В этом вопросе Югурта был связан с Гаем Марием странным и безжалостным братством.

Вечером торжественного дня, накануне триумфального входа Гая Мария в Рим, Метелл Нумидийский и его сын-зайка обедали вместе с Югуртой и его сыновьями. С ними был еще один человек — Публий Рутилий Руф, которого пригласил Югурта. Из тех, кто сражался в Нуманции под предводительством Сципиона Эмилиана, отсутствовал только Гай Марий.

Странный был этот вечер. Метелл Нумидийский приложил немало усилий, чтобы устроить роскошный обед, объясняя, что не намерен трапезничать за столом Мария после его торжественной встречи с Сенатом в храме Юпитера Наилучшего Величайшего.

— Не ждите ни раков, ни устриц, ни улиток, — предупредил Метелл, когда подавали обед. — Марий опустошил все лавки и продуктовые рынки.

— Ты и в этом его обвиняешь? — спросил Югурта при молчаливой поддержке Руфа.

— Я обвиняю Мария во всем, — ответил Метелл Свинка.

— Не следует этого делать, — заметил Югурта Нумидийский. — Если бы вы, аристократы, смогли выдвинуть такого полководца из своих рядов, Квинт Цецилий, — тогда в добрый час. Но Гая Мария выдвинул Рим. Я имею в виду не город, не римлян как народ, а самый дух города, Рим как бессмертное божество. Ему был нужен такой человек. И такой человек нашелся.

— Любой из людей высокого рождения мог бы сделать то же, что и Гай Марий, — упрямился Метелл. — Фактически это должен был сделать я. Марий украл мою власть и завтра будет пожинать то, что по праву предназначалось мне. — Тусклый блеск недоверчивых глаз Югурты раздражал хозяина дома, поэтому он ядовито добавил: — Вот тебе пример: ведь не Гай Марий захватил тебя в плен! Пленил тебя настоящий патриций, законнорожденный — Луций Корнелий Сулла. Следовательно — простейший силлогизм! — Луций Корнелий, а не Гай Марий положил конец войне.

Метелл вздохнул, принося свое самолюбие на алтарь патриция Суллы:

— Вообще следует заметить, что Луций Корнелий обладает всеми признаками здравого рассудка. А этот итальнец Марий...

— Ну нет, — усмехнулся Югурта, зная, что Руф пристально за ним наблюдает. — Он — леопард с совершенно другими пятнами. Марий — более прямой человек, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Не имею ни малейшего представления, о чем ты там говоришь, — чопорно ответил Метелл.

— Зато я очень хорошо это знаю, — заявил Рутилий Руф с довольной улыбкой.

Югурта усмехнулся Метеллу — усмешкой, памятной еще по старым временам Нуманции:

— Гай Марий — это каприз судьбы. Плод обычного, заурядного дерева, случайно выросшего за оградой фруктового сада. Таких людей нельзя остановить, мой дорогой Квинт Цецилий. У них есть сердце, сила, разум. И своего рода бессмертие. Все это помогает им преодолевать любые препятствия на своем пути. Их любят боги! Фортуна изливает на них свои щедроты! Так что такой вот Гай Марий идет прямым путем, а когда обстоятельства вынуждают его идти в обход, то дорога все равно оказывается прямой.

— Как же ты прав! — воскликнул Рутилий Руф.

— Лу-лу-луций Кор-корнелий л-л-лучше! — раздраженно заявил молодой Метелл Поросенок.

— Нет! — тряхнул головой Югурта. — Наш друг Луций Корнелий тоже имеет силу... И разум... И, может быть, сердце... Но я не думаю, чтобы он обладал тем же самым ощущением бессмертия! Ему свойственноходить извилистыми и кривыми путями, хоть издалека и кажется, будто дорога Суллы прямая и пролегает правильно. По этой дороге не промчишься на боевом слоне — по ней лучше ехать верхом на муле, с оглядкой. О, Сулла прекрасен, как бык! В бою никто быстрее его не ринется в атаку, лучше его не построит легионеров в колонну, отважнее не бросится в пропасть. Но Луций Корнелий не слышит голоса Марса. А Гай Марий слышит его всегда. Кстати, позволю себе заметить, что «Марий» — производное от латинского «Марс». «Потомок Марса», кажется. Разве не знаешь? Или не хочешь знать, Квинт Цецилий? Жаль. Латинский язык столь выразителен. Очень резкий, но подвижный.

— Расскажи мне побольше о Луций Корнелии Сулле, — попросил Руф, взяв кусочек свежего белого хлеба и вареное яйцо.

Югурта отправил в рот улитку, он не пробовал их с самого начала ссылки.

— Что тут особенного рассказывать? Он — типичный представитель своего класса. Все, что он делает, он делает хорошо. Девять наблюдателей из десяти ни за что не поймут, от природы у него, это умение или же его поведение является результатом тщательно отработанной нормы. За все то долгое время, что я находился с ним рядом, мне ни разу не удалось вытащить из него правду: к чему он имеет настоящую склонность, в чем истинная сфера его интересов? Не сомневаюсь, что он способен выиграть войну, стать правителем. Но никогда не будет в этом участвовать его сердце.

По его подбородку потек жирный чесночный соус. Подбежавший слуга тщательно вытер ему рот. Югурта громко рыгнул и продолжил:

— Он всегда поступает целесообразно, потому что ему не хватает силы, которую дает человеку только ощущение бессмертия. Если перед Луцием Корнелием предстают две дороги — он выбирает ту, которая, как ему кажется, потребует меньше усилий. Он не так упорен, как Гай Марий, и не обладает таким даром предвидения, как Гай Марий.

— П-п-почему ты т-так м-много знаешь п-п-про Лу-лу-луция Кор-корнелия? — спросил Метелл Поросенок.

— Однажды я совершил с ним замечательную прогулку, — ответил Югурта, задумчиво ковыряя в зубах. — Мы вместе прошли от Икозия до Утики. Мы много времени провели вместе. — Он произнес это так, что все удивились: что скрывается за странными словами Югурты? Однако никто так и не задал вопроса.

Принесли салаты и жаркое. Метелл Нумидийский и его гости вернулись к ужину, за исключением молодых царевичей, сыновей Югурты, Оксинты и Ямпсы.

— Они хотят умереть вместо меня, — понизив голос, сказал Югурта Руфу.

— Этого не разрешат.

— Я им тоже говорил.

— Они знают, куда поедут?

— Оксинта в любом случае отправится в Венузию, а Ямпса — в Аскул Пицентийский.

— Венузия — это юг Кампании, по дороге в Брундизий, а Аскул находится на северо-востоке от Рима, по другую сторону Апеннин. Им будет там неплохо.

— И долго они там пробудут? — поинтересовался Югурта.

Рутилий поклонился:

— Трудно сказать. Наверное, несколько лет. До тех пор, пока местные магистраты не сообщат Сенату, что они не представляют опасности для Рима.

— Боюсь, они останутся там навсегда. Лучше бы им погибнуть со мной, Публий Рутилий!

— Нет, Югурта. Ты ведь не знаешь, какое будущее им суждено. Кто знает, что будет?

— Ты прав.

Обед закончился сладостями и фруктами. Но Ямпса и Оксинта не отдали десерту должное.

— Скажи мне, Квинт Цецилий, — обратился Югурта к Метеллу, когда остатки обеда были унесены и слуги подали неразбавленное вино из лучших сортов винограда, — что ты будешь делать, если когда-нибудь появится новый Гай Марий, с теми же силой, разумом, сердцем, такой же несокрушимый и обладающий бессмертием — но уже в шкуре римского патриция?

Метелл растерянно моргнул:

— Не знаю, что ты имеешь в виду, царь. Гай Марий — это Гай Марий.

— Не обязательно, — ответствовал умудренный Югурта. — Как бы ты отнесся к Гаю Марию, происходящему из знатных патрициев?

— Этого не может быть.

— Чепуха! Конечно, может, — сказал Югурта, смахнув великолепное хиосское вино и обтирая рот краем туники.

— Я думаю, Квинт Цецилий хочет сказать, что Гай Марий может быть порожден только своим классом, — мягко заметил Рутилий Руф.

— Гай Марий может народиться решительно в любом классе, — возразил Югурта.

Теперь уже все римляне, бывшие за столом, покачали головой.

— Нет, — ответил за всех Руф. — То, что ты говоришь, может быть верно для Нумидии или для какой-нибудь еще страны. Но не для Рима. Никогда римский патриций не может быть таким, как Гай Марий.

Спор прекратился. Вскоре Публий Рутилий Руф отправился домой, обитатели дома Метелла разошлись по своим спальням. Югурта, царь Нумидийский, разморенный отличной пищей, вином и приятной компанией, заснул крепко, без сновидений.

Когда слуга разбудил его за два часа до рассвета, Югурта почувствовал себя отдохнувшим и свежим. Он принял горячую ванну, тщательно оделся. Ему завили горячими щипцами волосы и бороду, уложили длинные, как колбасы, локоны, перевили бороду золотыми нитями, выбрали щеки, надели на него золотые и серебряные бусы, надушили, украсили диадемой и драгоценностями (которые уже были занесены в каталог писцами казначейства — после триумфа они будут разделены вместе с трофеями на Марсовом поле). Югурта вышел из своих покоев — истинный владыка эпохи эллинизма, увешанный регалиями и знаками своего достоинства с головы до пят.

— Сегодня, — сообщил Югурта своим сыновьям по дороге на Марсово поле, — я впервые увижу Рим.

Сулла встретил их среди хаоса толпы, освещенной лишь факелами, хотя из-за Эсквилина уже вставало солнце. Югурте показалось, что вся эта толкотня и шумиха понадобилась только для того, чтобы привлечь на Марсово поле — туда, где собираются обычно солдаты, — побольше народу.

Цепи, сковывавшие Югурту, были скорее символическими: куда в Италии бежать побежденному пуническому царю?

— Вчера вечером мы говорили о тебе, — доверительно сообщил Югурта.

— Да? — отозвался Сулла, одетый в серебряные доспехи и *rteruges*. Его серебряный аттический шлем был украшен алыми перьями, а за спиной развевался алый плащ. Югурта, привыкший видеть Суллу в широкополой соломенной шляпе, даже не сразу узнал его. Позади Суллы слуги несли на дощечках его награды — впечатляющая коллекция.

— Да, — подтвердил Югурта спокойно. — Мы спорили, кто же в действительности положил конец войне против меня — Гай Марий или ты.

Странные светлые глаза Суллы остановились на лице Югурты:

— Интересный спор, царь. На чьей же стороне был ты?

— На стороне правды. Я сказал, что войну выиграл Марий. Он принимал решения, а остальные выполняли их, кто лучше, кто поуже. В том числе и ты. И по его решению ты встретился с моим тестем Боком. — Югурта помолчал, улыбнулся: — Но поддержал меня в этом споре только Публий Рутилий, мой старый друг. Квинт Цецилий и его сын считают, что выиграл войну ты — потому что именно ты взял меня в плен.

— Ты выбрал правильную сторону, — согласился Сулла.

— Правильная сторона относительна.

— Только не в этом случае. Я никогда не находил общего языка с ними. — Пышный плюмаж на шлеме Суллы качнулся, указывая в сторону солдат. — У меня никогда не будет его дара общаться с ними. Видишь ли, я не испытываю к ним товарищеских чувств.

— Ты неплохо это скрываешь, — заметил Югурта.

— Да, но они об этом знают, можешь мне поверить, — сказал Сулла. — Войну выиграл Марий — с их помощью. То, что сделал я, мог совершить любой легат. — И Сулла, вздохнув, сменил тему: — Хорошо ли ты провел вечер, царь?

— С превеликим наслаждением. — Югурта тряхнул цепями, и они показались ему очень легкими. — Квинт Цецилий и его косноязычный сын устроили для меня великолепный обед. Если нумидийца спросить, что бы он хотел съесть перед смертью, он ответит: «Улиток». Вчера вечером я ел улиток.

— И сейчас ты сыт и доволен, царь.

Югурта улыбнулся:

— Хороший способ подготовиться к петле душителя, скажу я тебе.

— Нет, это я должен тебе сказать, — возразил Сулла, оскалив зубы, которые казались темнее его белоснежной кожи.

Югурта стал серьезным:

— Что ты имеешь в виду?

— Этим триумфальным шествием распоряжаясь сегодня я, царь Югурта. Значит, только я могу решать, как ты умрешь. Обычно таких, как ты, душат арканом. Но не обязательно. Есть ведь и другие способы. Например, сгноить тебя в Карцере. — Сулла улыбнулся еще шире. — После такого роскошного обеда — и особенно после попытки посеять разногласия между мной и моими соратниками — думаю, было бы обидно, если бы ты не успел переварить вчерашних улиток. Так что тебя не задушат, царь. Ты отдашь свою жизнь медленно, капля за каплей.

К счастью, сыновья Югурты стояли далеко и не слышали этого. Югурта смотрел, как Сулла взмахнул рукой в знак прощения, как он направился к царевичам и проверил их цепи. Кругом кипела суматоха, бурлили слуги, раздавали венки на головы и победные лавровые гирлянды. Музыканты настраивали свои рожки и причудливые трубы, украшенные лошадиными головами, которые Агенобарб привез из Длинноволосой Галлии. Танцоры повторяли пируэты, лошади фыркали и в нетерпении рыли копытами землю, запряженные в повозки быки с позолоченными рогами сонно покачивали цветочными гирляндами на шеях. Тут же стоял маленький ослик в нелепой соломенной шляпе, украшенной лавром, и его длинные уши торчали из специально вырезанных дыр. Беззубая старая ведьма с высохшей грудью, закутанная с ног до головы в пурпурную с золотом ткань, сидела на запряженной этим осликом повозке с видом первой в мире красавицы и таращила на царя глаза — глаза собаки, охраняющей преисподнюю. Ей бы пристало иметь три головы.

А шествие уже началось. Обычно Сенат и все магистры, кроме консулов, шли впереди; следом — лучшие музыканты, танцоры и комедианты; за ними — повозки с военными трофеями, а там уж — все остальные танцоры, музыканты и комедианты, а также предназначенные в жертву животные и жрецы. Вслед за ними — самые знатные пленники и отличившийся в битве военачальник на колеснице. Замыкая шествие, маршировали легионы.

Но Гай Марий изменил традиционную последовательность шествия. Он ехал впереди трофеев, живых картин и платформ с тем, чтобы приехать на Капитолий и принести в жертву животных, а потом присутствовать на инаугурационном собрании в Сенате. После этого должно состояться угощение в храме Юпитера Наилучшего Величайшего.

Югурта смог наконец в первый — и последний — раз пройти по улицам Рима. Он понял, что еще не разучился радоваться. Что с того, что скоро ему предстоит умереть? Любой человек рано или поздно должен умереть, и нужно наслаждаться жизнью, даже если она заканчивается поражением. А эти римляне неплохо распорядились тут его деньгами. Его брат Бомилькар... Он ведь тоже окончил свои дни в тюрьме. Наверное, братоубийство неугодно богам, и неважно, ради чего оно совершается. В конце концов, только боги знают, сколько всего родственной крови было пролито Югуртой, — если не им самолично, то, во всяком случае, по его вине. Что отмоет руки от братской крови?

О, как высоки эти здания! Шествие стремительно двигалось по Тусканской улице в Велабре, одном из беднейших кварталов города. Многоквартирные инсулы, казалось, хотели обняться через узкие улочки, упав на каменную грудь друг друга. В каждом окне виднелись радостные лица, и Югурта с изумлением заметил, что они улыбаются и ему тоже и, провожая его на смерть, шлют ему наилучшие пожелания.

Процессия обогнула мясные лавки Бычьего форума, где обнаженная в обычные дни статуя Геркулеса Триумфатора была по случаю праздника облачена в пурпурную с золотом тогу и расшитую пальмовыми листьями тунику. В одной руке статуи красовалась лавровая ветвь, в другой — увенчанный изображением орла жезл из слоновой кости. Лицо Геркулеса было красно от киновари. Все лавки Бычьего рынка были закрыты, площадь за ними вычищена, повсюду поставлены временные шатры и прилавки. А вот и он — храм Цереры, самое прекрасное, что встречает путника при входе в город! Но красота этого храма — все те же кричащие краски: красное, синее, зеленое, желтое. И высокий подиум, как у всех римских храмов. Югурта знал, что этот храм сооружен по решению плебеев и здесь обитают плебейские эдилы.

Теперь шествие вступало в Большой цирк. Такого огромного сооружения Югурта никогда еще не видел. Он вытянулся во всю длину Палатинского холма и вмещал сто пятьдесят тысяч зрителей. Каждый из его деревянных ярусов был усеян орующимися зрителями, которые приветствовали Гая Мария. Следуя неподалеку от триумфатора, Югурта слышал радостные выкрики, обращенные к победоносному полководцу. Никто не возмущался торопливостью шествия, ибо Марий поручил своим агентам и клиентам рассредоточиться по всему цирку и напоминать всем и каждому в толпе, что он, Марий, так спешит свидеться с римлянами, чтобы поскорее отправиться навстречу новому врагу — в Заальпийскую Галлию, к германцам.

На великолепном Палатине, застроенном роскошными домами, тоже теснились зрители, они кричали и ликовали, бушевали и рвались вперед — все эти знатные женщины и нянки их детей, девушки и юноши из знатнейших и богатейших фамилий. И вот процессия выступила из Цирка на улицу Триумфаторов, огибавшую дальний конец Палатина. Слева были скалы и парки, а справа, у подножия Целиева холма, располагалась еще один район высоких многоквартирных домов. Дошли до Церолиева болота в нижней части Карин — одного из самых богатых кварталов Рима. И вот уже поворот к высоте Велия, спуск к Римскому Форуму по стертым бульжникам древнего священного пути — Священной улицы.

Наконец-то Югурта видит его — центр мира, каковым раньше был Афинский Акрополь. Но, подняв глаза на Форум, Югурта почувствовал страшное разочарование: все здания оказались маленькими и старыми, построены они были как попало, и даже более новые постройки производили впечатление неряшливости. (Правду говоря, храмы, которые Югурта видел по дороге, выглядели намного массивнее, чище, богаче.) Жилища жрецов выделялись яркими пятнами — краска на них была совсем свежая, да и храм Весты, совсем небольшой, круглый, выглядел прелестно. Но лишь величественный храм Кастора и Поллукса и строгий дорический аскетизм храма Сатурна притягивали взгляд, являясь великолепными образцами в своем роде. Неряшливая и унылая площадь, утопленная в неприглядной и безотрадной низине.

Напротив храма Сатурна, с подиума которого важные должностные лица взирали на триумфальное шествие Гая Мария, Югурту с сыновьями и пленниками поимениней вывели из колонны и отогнали в сторону. Они стояли и смотрели, как проходили мимо ликторы полководца, его музыканты, танцоры, носильщики курильниц, его барабанщики и трубачи, его легаты, а потом показался и сам победоносный военачальник на колеснице, совершенно неузнаваемый в своих регалиях, с покрытым киноварью красным лицом. Все они поднялись на холм, к подножию великого храма Юпитера Наилучшего Величайшего, и останавливались у той его стороны, которая обращена к Форуму. С той стороны — юг. Юг, где находилась Нутидия.

Югурта посмотрел на своих детей.

— Живите долго и счастливо, — произнес он.

Их отправят в заключение в отдаленные римские города, а его жен и соратников — домой, в Нутидию.

Ликторы потянули Югурту за цепь, и он двинулся по каменным плитам нижнего Форума, под деревьями вокруг Курциева пруда, мимо статуи фригийского сатира Марсия, дующего в свою дудку, по краю широкого ярусного колодца, где собирались на голосование трибы, вверх по холму. Наверху была крепость Капитолия и храм Юноны Монеты, где размещался монетный двор. И там же был древний ветхий дом Сената, а за ним — маленькая Порциева базилика, построенная Катоном Цензором.

Вот и все его путешествие по Риму. Впереди высилась Римская цитадель и Туллианская тюрьма — совсем небольшое серое строение из грубого камня, а рядом — ступени Гемонии, по которым крючьями стаскивают тела казненных. Высотой в один этаж, лишь с одним отверстием — открытой прямоугольной дырой в камнях, — такой была темница. Считая себя очень высоким, Югурта пригнулся голову, чтобы войти, но прошел легко — отверстие оказалось выше человеческого роста.

Ликторы сняли с царя его праздничные одежды и украшения и передали их служителям казны. Все эти вещи принадлежали государству. Ликторы получили расписку, в которой официально подтверждалось, что вся эта государственная собственность передана в казну в строгом соответствии с ранее составленной описью. Югурте оставили только набедренную повязку из простого льняного полотна — он надел ее по совету Метелла Нутидийского, который хорошо знал обычай. Первоествочество узника должно оставаться благопристойно прикрытым — мужчина выходит навстречу смерти достойно.

Единственным источником света служил вход в темницу, оставшийся позади, но Югурта все же смог разглядеть круглое отверстие в полу. Его бросят сюда. Сулла не солгал — его не задушат. Если бы царя собирались удавить, то прислали бы душителя и достаточное количество помощников, чтобы удерживать пленника, а потом сбросили бы тело в канализационную трубу. А те, кому суждено жить дальше, поднимутся по приставной лестнице и вернутся в Рим.

Сулла все же нашел время, чтобы отменить обычную процедуру. Душителя не было. Принесли лестницу, но Югурта отказался от нее. Он встал на край отверстия в полу и спрыгнул вниз, не издав ни звука. Какие слова нужны, чтобы отметить это событие? Звук его падения раздался почти сразу, поскольку камера была неглубока. Услышав этот звук, сопровождавшие молча повернулись и ушли. Никто не закрыл отверстие. Никто не запер вход. Ибо никому еще не удавалось выбраться из ужасной ямы под Туллианом.

Два белых вола и бык были долей Мария для жертвоприношений в этот день, но только волы приносились в жертву по случаю триумфа. В запряженной четверкой колеснице полководец остановился у подножия храма Юпитера Наилучшего Величайшего и сошел с колесницы. Марий пешком, в одиночестве проследовал в храм. Там он возложил к ногам статуи Юпитера все свои лавровые венки и боевые награды, после чего ликторы, войдя в храм вслед за Марием, также посвятили божеству свои лавровые венки.

Был еще только полдень. Ни один триумф еще не проходил столь поспешно. Но остальная часть шествия двигалась значительно медленнее, чтобы люди могли хорошо рассмотреть пышное зрелище — трофеи, солдат, платформы.

Наступал главный момент дня. В пурпурной с золотом тоге, украшенной пальмовыми листьями тунике, с покрытым красной краской лицом, со скрепетром из слоновой кости в руке, триумфатор торопливо вошел в собрание сенаторов, желая, чтобы церемония закончилась быстрее.

— Итак, приступим! — произнес он нетерпеливо.

В ответ на это требование наступило гробовое молчание. Никто не шевелился. Лица вокруг сохраняли по возможности бесстрастное выражение. Нынешний соратник Мария, Гай Флавий Фимбрания, и уходящий в отставку консул минувшего года Публий Рутилий Руф (Гней Маллий Максим прислал известие о своей болезни) застыли в неподвижности.

— Что это с вами? — раздраженно поинтересовался Марий.

Из толпы выступил Сулла — уже не офицер в серебряных доспехах, но патриций в подобающей слушаю тоге. Он широко улыбнулся, взмахнул рукой — до кончиков пальцев предупредительный, изысканный, всегда преданный квестор:

— Гай Марий, Гай Марий, ты что, забыл? — заорал он по-солдатски, явно подражая своему начальнику, и, вплотную приблизившись к Марию, подтолкнул его с неожиданной силой. — Ступай домой, переоденься! — прошептал он.

Марий открыл было рот, чтобы обругать его, но, уловив насмешливый взгляд Метелла, провел рукой по лицу и увидел на своей ладони красную краску.

— Боги мои! — воскликнул он. Его лицо исказилось, как комическая маска. — Прошу простить меня, уважаемые сенаторы, за спешку, которая делает меня смешным, — я тороплюсь навстречу германцам! Прошу меня извинить! Я вернусь сюда так быстро, как только смогу. Военные регалии — даже триумфальные — не к месту на встрече с Сенатом в границах померия.

Уже на ходу он бросил через плечо:

— Благодарю тебя, Луций Корнелий!

Сулла поклонился безмолвным зрителям этой сцены и побежал за ним следом — настолько быстро, насколько позволяла ему тога, которая была очень красива, но сильно сковывала движения.

— Я тебе действительно благодарен, — заверил Марий, когда Сулла догнал его. — Но вообще-то, много ли значения имеет, успел ли я надеть тога praetexta! Как же они будут стоять целый час на ледяном ветру, пока я смою всю эту краску и переоденусь?

— Для них это имеет значение, — отозвался Сулла. — И для меня, можешь мне поверить, тоже. — Чтобы поспеть за Марием, ему пришлось шагать как можно шире. — Тебе нужны сторонники среди сенаторов, Гай Марий? Тогда, прошу тебя, постарайся не портить с ними отношения! Они не хотят смешивать в одну кашу инаугурацию и триумф. Пожалуйста, не раздражай их сегодня!

— Ладно, ладно, — проворчал Марий.

Он спустился по лестнице от крепости к задней двери своего дома, шагая через три ступени, и так резко рванул дверь, что привратник упал и в ужасе вскрикнул.

— Заткнись, парень, я ведь не галл, и мы живем не триста лет назад!

Ворвавшись в дом, Марий принял громко звать жену, рабов, банную прислугу.

— Я уже все приготовила, — отвечала похожая на царицу Юлия, пленительно улыбаясь. — Я так и знала, что ты будешь спешить. Горячая ванна ждет тебя, Гай Марий. — Она обернулась к Сулле все с той же мягкой, ласковой улыбкой. — Добро пожаловать, брат. Снаружи довольно холодно, ты не находишь? Отдохи пока в моей гостиной и согрейся у жаровни. Я распоряжусь, чтобы принесли тебе немного вина.

— Ты права, там действительно прохладно, — отвечал Сулла, принимая кубок от свояченицы и направляясь следом за ней в гостиную. — Я привык к Африке. Поспевая за Великим, я несколько разгорячился, но теперь чувствую, что основательно озяб.

Она уселась напротив и доверительно наклонилась к нему:

— Что-нибудь не так?

— О, ты настоящая супруга! — отозвался он, невольно выдав себя горечью, прозвучавшей в голосе.

— Это потом, Луций Корнелий. Расскажи мне сперва, что не так.

Он криво улыбнулся, покачал головой:

— Ты знаешь, Юлия, я люблю этого человека, твоего мужа. Но иногда я готов поменяться местами с палачом и бросить его в Туллианскую темницу, как своего злейшего врага!

— Ну и что ж, — усмехнулась Юлия. — Со мной это тоже бывает. Ничего особенного тут нет. По-моему, это как раз нормально. Он — действительно великий человек, и жить с ним очень непросто. Что он натворил?

— Пришел на инаугурацию в полном триумфальном облачении, — сообщил Сулла.

— О дорогой мой брат! Полагаю, он был недоволен тем, что попусту теряет время, и в результате успел всех их настроить против себя? — спросила эта преданная великому человеку супруга, ясная головушка.

— К счастью, я понял, что он собирается сделать, — разглядел даже сквозь красную краску на его лице. — Сулла хмыкнул. — Эти его брови... После трех лет, проведенных с Гаем Марием, любой, если он не полный идиот, может угадать его мысли по движению бровей. Они так и скакали по красной физиономии. Да ты сама знаешь.

— О, я знаю! — И она широко, любяще улыбнулась.

— Я первым выскоцил к нему навстречу и завопил что-то вроде того, что он все забыл. Тьфу! У меня в горле так и пересохло, язык прилип к гортани — я просто видел, как у него на кончике языка вертится приказание утопить меня в Тибре. Потом он увидел Квинта Цецилия Метелла и тут же изменил свои намерения. Ну и ну! Что за актер! Думаю, все, кроме Публия Рутилия, поверили, что он действительно позабыл, во что одет.

— Благодарю тебя за все, Луций Корнелий, — сказала Юлия.

— Не стоит, — отозвался он совершенно искренне.

— Еще горячего вина?

— Да, спасибо.

К вину Юлия принесла маленькие свежие булочки:

— Вот, только что из печи. На дрожжах, с колбасой. Очень вкусные. Мы все время готовим их для маленького Мария. Мальчик как раз в таком возрасте, когда не хочет есть того, что положено.

— А мои двое сорванцов лопают все, что только ни положи перед ними, — сказал Сулла, и лицо его засияло. — О, Юлия, они замечательные! Я никогда не понимал, как что-нибудь живое может быть таким... таким... идеальным!

— Я сама их очень люблю.

— Хотел бы я, чтобы Юлилла их любила, — начал Сулла и замолчал. Лицо его омрачилось, потемнело.

— Знаю, — мягко отозвалась сестра Юлиллы.

— Что с ней происходит? Ты это понимаешь?

— Думаю, мы слишком избаловали ее. Ты ведь знаешь, наши отец с матерью не хотели четвертого ребенка. У них уже было два мальчика. Против моего рождения они не возражали — но на девочке решили покончить. Известие о грядущем рождении Юлиллы вызвало у них настоящий шок. Мы тогда были очень бедны. Так что когда Юлилла немного подросла, все стали жалеть ее. Мне кажется, она всегда служила живым укором. Особенно отцу и матери: они ведь не хотели ее рождения. Что бы она ни натворила, ей все прощалось. Когда у нее заводились деньги, она легко тратила их на пустяки. Думаю, недостаток заключался именно в этом, и мы не помогли ей избавиться от него. Мы не воспитывали в ней терпения и выдержки. Юлилла всегда считала себя самой важной персоной во всем мироздании, она становилась эгоистичной, эгоцентричной, готовой прощать себе любые выходки. Мы все виноваты в этом несчастии. А теперь бедная Юлилла страдает.

— Она слишком много пьет.

— Я знаю.

— Совсем не заботится о детях.

На глазах Юлии выступили слезы.

— Я знаю.

— Что я могу сделать?

— Разве что расторгнуть этот брак, — произнесла Юлия, и слезы потекли по ее щекам.

Сулла развел руками. К его пальцам прилипли крошки.

— Как мне заниматься расторжением брака, если я немедленно уезжаю из Рима — воевать против германцев? И кроме того, она — мать моих детей. Я на самом деле любил ее, насколько вообще способен любить.

— Что ты такое говоришь, Луций Корнелий! Когда ты любишь — ты любишь! Как можно любить кого-то больше или меньше?

Сообразив, что сказал слишком много, Сулла прикусил язык.

— Я с детства не знал любви и не учился этому искусству, — произнес он, как будто извиняясь. — Я больше не люблю ее. На самом деле я ее ненавижу. Но она — мать моей дочери и моего сына. И пока я не вернусь с войны против германцев, она — все, что у них есть. Если я с ней разведусь, она что-нибудь вытворит в своем духе — эдакое театральное: сойдет с ума, покончит с собой, или сольется, или учинит еще что-нибудь подобное.

— Да, ты прав. В разводе она может навредить детям куда больше. — Юлия вздохнула, вытерла мокрые глаза. — В нашей семье сейчас две женщины, которые вызывают беспокойство. Могу я предложить тебе другое решение?

— Да, конечно.

— Хорошо. Вторая — моя мать. Она несчастна, живя с моим братом Секстом, его женой и их сыном. Главное противоречие — между моей невесткой Клавдией и мамой. В основном потому, что она привыкла быть в доме хозяйкой. Они постоянно ссорятся между собой. Все Клавдии самодуры и властолюбивы и с презрением относятся к древним женским добродетелям, которые столь дороги моей матери. — Юлия всхлипнула, решительно тряхнула головой.

Сулла усиленно делал вид, будто понимает всю эту женскую логику.

— Мама после смерти отца изменилась. Не думаю, что кто-нибудь из нас сознавал, какая прочная связь существовала между ними, как сильно она привыкла полагаться на его мудрость, на его советы. Теперь она становится своенравной и нервной, капризной, придиричной. Гай Марий, увидев, какая неприятная складывается обстановка, предложил купить для мамы виллу на берегу моря, чтобы бедный Секст пожил в покое. Но она набросилась на него, как кошка, заявила, что знает: таким образом от нее просто хотят избавиться. И пусть, мол, ее считают клятвопреступницей, если она уйдет из своего дома!

— Ты хочешь, чтобы я пригласил Марсию жить со мной и Юлиллой? — произнес Сулла. — А почему она должна согласиться, коль скоро отказалась от виллы у моря?

— Да потому, что она знала: Гай Марий хочет от нее отделаться. И не собирается доставлять своим переездом радость жене бедного Секста, — призналась Юлия откровенно. — Ты и Юлилла — совсем другое дело. Она будет жить совсем рядом — это во-первых. А во-вторых, она будет нужна. Полезна. И сможет приглядеть за младшей дочерью.

— А она захочет? — удивился Сулла. — Со слов Юлиллы я понял, что ее мать никогда к нам не приходит, хотя и живет рядом.

— Они с Юлиллой не в ладах, — сказала Юлия. Теперь, когда беспокойство отступило, она снова улыбалась. — О, как они ссорятся! Стоит только Юлилле увидеть, как мама подходит к двери, она тут же гонит маму прочь. Но если ее пригласишь ты — Юлилла ничего не сможет сделать.

Сулла тоже улыбнулся:

— Похоже, ты хочешь, чтобы мой дом превратился в Тартар.

Юлия подняла брови:

— Тебе-то что за забота, Луций Корнелий? Ты, в конце концов, уезжаешь.

Сулла окунул пальцы в чашку с водой, поднесенную рабом.

— Благодарю тебя, Юлия. — Он чмокнул ее в щеку. — Завтра увижу с Марсией и приглашу ее жить с нами. Я буду с ней откровенен. Если я буду знать, что моих детей любят, то смогу вынести разлуку с ними.

— Разве рабы плохо заботятся о них? — спросила Юлия.

— Рабы их только балуют и портят, — отвечал отец сына и дочери. — Юлилла купила им самых лучших девушек в няньки, но это — всего лишь рабы, Юлия! Гречанки, фракийки, девушки из кельтских племен, они полны своих суеверий, они следуют своим обычаям и думают на своем родном языке. И дети вырастают похожими на них, а родители превращаются в далекие авторитарные фигуры. Нет, я хочу, чтобы моих детей воспитывали правильно, чтобы истинная римлянка вырастила из них истинных римлян. Лучшей бабушки, чем стойкая представительница рода Марсиев, мне и придумать трудно.

— Вот и хорошо, — сказала Юлия.

Они вышли из комнаты.

— Юлилла неверна мне? — спросил вдруг Сулла.

Юлия не стала изображать ужас или гнев:

— Сомневаюсь, Луций Корнелий. Вино — вот ее порок, а не мужчины. Ты как мужчина можешь считать разврат худшим

пороком. Я не согласна. Думаю, пьянство матери может принести твоим детям больше вреда, чем ее распутство. Неверная жена всегда помнит о детях и не позволит себе спалить семейный кров. У пьющей же память плоха. — Она махнула рукой. — Сейчас главное — задействовать маму.

Гай Марий величественно вплыл в комнату, облаченный в тогу с пурпурной каймой. С головы до ног — воплощенный консул.

— Идем, идем, Луций Корнелий! Нужно закончить все это театрализованное представление до захода солнца!

Его жена и зять обменялись печальными улыбками, и двое мужчин отправились на инаугурацию.

Марий сделал все, что мог, чтобы успокоить итальянских союзников.

— Конечно, они не римляне, — сказал он в Палате на первом собрании в январские ноны, — но они — самые близкие наши союзники и разделяют с нами полуостров. Кроме того, они разделяют с нами и кое-что другое — например, обеспечивают нас солдатами, когда возникает необходимость защищать Италию. С ними же обходится плохо. Как вы знаете, досточтимые сенаторы, в настоящий момент в Народном собрании слушается печальное дело: консул Марк Юний Силан обвинен народным трибуном Гнеем Домицием. Хотя слово «измена» до сих пор еще не прозвучало, смысл этого обвинения совершенно ясен: Марк Юний — один из тех консулов последних лет, что позволяли себе терять целые армии. В том числе — легионы, полностью укомплектованные итальянскими союзниками.

Гай Марий повернулся и посмотрел прямо на Марка Юния Силана. Сегодня он находился в Палате, поскольку эти ноны совпадали с присутственными днями, когда Народное собрание не собиралось.

— Разумеется, я не имею право судить о степени виновности Силана — сегодня. Я просто констатирую факт. Пусть другие лица и иные компетентные органы разбирают дело Силана. Я просто констатирую факт. Марк Юний не обязан сейчас вставать и начинать говорить здесь что-то в свое оправдание только потому, что я упомянул его имя. Я просто констатирую факт.

Он прокашлялся, выдерживая небольшую паузу, чтобы Силан мог, если захочет, принять участие в разговоре. Однако тот сидел молча, словно каменный, и усердно делал вид, будто Гая Мария для него не существует.

— Я просто констатирую факт, почтенные сенаторы, — повторил Марий. — И ничего более. Факт есть факт.

— Да продолжай же! — скучающим тоном произнес Метелл.

Марий поклонился с широкой улыбкой:

— Благодарю тебя, Квина Цецилий! Как же мне не продолжить, если меня просит об этом столь высокородный и знатный консулляр, как ты?

— «Высокородный» и «знатный» — это одно и то же, Гай Марий, — заметил Великий Понтифик Метелл Далматик. Он говорил таким же утомленным голосом, что и его младший брат. — Ты сэкономишь Палате много времени, если будешь поменьше употреблять тавтологий. Следовало бы изучить латынь получше!

— Прощу прощения, высокородный и знатный консулляр Луций Цецилий, — откликнулся Марий, отвесив еще один поклон, — но в нашем жутко демократическом обществе Палата открыта для всех римлян, даже для таких, кто не может претендовать ни на знатность, ни на высокородность, — вроде меня. — Он сделал вид, что пытается что-то вспомнить. Его густые брови сошлись на переносице. — Так на чем же я остановился? Ах да! Бремя, которое делят с нами итальянские союзники, обеспечивая нас солдатами, чтобы защитить Италию. А они, знаете, не хотят теперь давать нам солдат! — Он взял у служащего пачку небольших свитков и показал ее Палате. — Настоящий поток писем от магистратов самнитов, апулийцев, марсиев и других. Они сомневаются в законности наших требований. Говорят, что мы просим у итальянских союзников войска для проведения кампаний вне Италии и Итальянской Галлии! Да, высокородные и знатные сенаторы, итальянские союзники утверждают, что поставляли солдат и теряли их тысячами в иноземных войнах Рима!

Сенаторы зашумели.

— Совершенно голословное утверждение! — резко заметил Скавр. — Враги Рима — враги всей Италии!

— Я всего лишь цитирую их письма, Марк Эмилий, — спокойно ответил Марий. — Мы все должны знать их содержание. Причина проста: думаю, скоро эта Палата будет вынуждена принимать посольства от всех итальянских народов, которые уже высказали свое несогласие. — Голос его изменился, прежнего слегка добродушного тона не было теперь и в помине. — Хватит перепалок! Мы живем на полуострове бок о бок с нашими итальянскими друзьями. Они не римляне и не смогут ими стать. Они достигли в мире важного положения исключительно благодаря великим достижениям Рима — это так. Большое количество итальянцев присутствует во всех провинциях и сферах влияния Рима — это так, и произошло это благодаря великим достижениям Рима. Хлебом на столе, огнем в очагах холодными зимними вечерами, здоровьем своих детей — всем этим они обязаны Риму. До воцарения на полуострове Рима здесь был хаос, здесь отсутствовало единство, на севере — жестокие этруски, на юге — жадные греки; не говоря уже о кельтах-захватчиках.

Палата успокоилась, притихла. Когда Марий заговорил серьезно, его стали слушать со вниманием — даже те, кто были самыми ожесточенными его противниками. Военный человек, он был груб и прямолинеен, но оставался тем не менее сильным оратором. Латынь была его родным языком, и когда Гай Марий держал свои эмоции в узде, его произношение почти не отличалось от изысканного выговора Скавра.

— Почтенные сенаторы и ты, народ Рима, — вы дали мне поручение освободить Италию от германцев! Как можно скорее я возьму с собой пропретора Мания Аквилия и доблестного сенатора Луция Корнелия Суллу в качестве моих легатов в Заальпийской Галлии. Мы освободим вас от германцев, даже если это будет стоить нам жизни. Рим — и Италия! — навсегда будут защищены от варварской опасности. Это я торжественно обещаю вам — от своего имени, от имени моих легатов, от имени каждого моего солдата. Мы помним свой священный долг и приложим все усилия для того, чтобы достойно понести серебряных орлов римских легионов и победить!

В задних рядах сенаторов послышались одобрительные выкрики, последние ряды захлопали, затопали ногами, и даже Скавр приложил ладонь к ладони. Лишь Метелл Нутийский не изволил присоединиться к аплодисментам.

Марий дождался тишины.

— Однако прежде чем уехать, я должен попросить Сенат сделать все возможное, чтобы успокоить наших итальянских союзников. Мы не можем соглашаться с их утверждениями, будто итальянские войска используются только в зарубежных кампаниях, которые никак не касаются интересов Италии. Мы также не можем перестать набирать солдат. Германцы угрожают всему полуострову. Катастрофическая нехватка мужчин, способных нести службу в легионах, сказывается как на римлянах, так и на итальянцах. Колодец вычерпан почти до самого dna, дорогие мои коллеги сенаторы, и понадобится время, чтобы он наполнился снова. Я хотел бы лично заверить наших итальянских союзников в том, что пока в этом *не*-высокородженном и *не*-знатном теле еще теплится жизнь, никогда больше итальянские — или римские! — войска не будут напрасно терять жизнь на поле боя. Жизнь каждого человека, которого я беру с собой, чтобы защитить мою родину, я буду ценить и уважать больше, нежели свою собственную, — клянусь!

Приветственные выкрики и топот возобновились. Теперь передние ряды присоединились к аплодисментам почти мгновенно. Не пошевелились только Метелл Нутийский и Катул Цезарь.

Марий вновь дождался тишины и продолжал:

— Я обратил внимания на порочную и достойную порицания ситуацию. Мы взяли в долговую зависимость несколько десятков тысяч итальянских союзников и отправили их в земли, расположенные вокруг Внутреннего моря. Фактически мы превратили их в своих рабов! Большинство из них раньше занимались сельским трудом, и сейчас они отрабатывают свои долги на наших посевах в Сицилии, Корсике и Африке. Это, почтенные сенаторы, несправедливо! Нам не следует превращать в рабов наших должников, будь они итальянцами или римлянами! Да, итальянские союзники — не римляне. Да, они никогда не смогут

стать римлянами. Но они — наши младшие братья по Итальянскому полуострову. А римлянин не ставит своего младшего брата в долговую зависимость.

Гай Марий не позволил нескольким сенаторам из числа землевладельцев протестовать и сразу перешел к заключительной части своей речи:

— Пока я не дам нашим землевладельцам германских рабов вместо итальянцев, пусть они поищут где-нибудь других. Мы должны освободить рабов итальянского происхождения. Они — наши союзники и должны быть свободны! Мы не имеем права поступать с нашими старейшими и преданными друзьями так, как никогда не поступаем с собой. Пусть вернутся домой и, вспомнив свой долг перед Римом, вступят в легионы. Мне говорят, что в Италии больше нет неимущего населения, которое я могу поставить под своих орлов! Да, коллеги сенаторы, итальянских неимущих можно использовать и получше, нежели обратить в рабов и заставить работать на полях римских богатеев! Мы больше не можем набирать солдат традиционным способом. Все имущие либо слишком стары, либо погибли в сражениях. Другие же еще слишком молоды. В настоящее время единственный источник нашей военной силы — беднота! Моя храбрая африканская армия — если вы помните, составленная исключительно из неимущих! — уже доказала, что бедняки могут быть отличными солдатами. Мы знаем примеры из нашей истории, когда бедняки итальянского происхождения оказывались ничуть не худшими воинами, чем состоятельные римляне. И следующие несколько лет подтвердят это еще раз!

Он спустился с курульного возвышения и вышел на середину Палаты.

— Я хочу получить на это разрешение, сенаторы! Вы дадите его мне?

Это был кульминационный момент. Все было проделано великолепно. Увлеченная силой ораторского искусства Мария, Палата кинулась голосовать. Что-то кричали Метелл Нумидийский и Метелл Далматик, Скавр, Катул Цезарь, но никто их не слушал.

Позже, неспешно направляясь к дому Мария, Публий Рутилий Руф осведомился:

— Каким образом ты собираешься примирить землевладельцев с этим решением? Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, что решил оттолкнуть пальцы именно тем всадникам и деловым людям, в поддержке которых ты будешь нуждаться больше всего! Все милости, которые ты раздавал этим людям в Африке, выглядят дутыми. Ты понимаешь, сколько «зерновых» рабов — итальянцы? В Сицилии они на каждом шагу!

Марий пожал плечами:

— Мои люди уже готовят почву. Не пропаду. Кроме того, если я провел весь последний месяц в Кумах, то это еще не означает, что я бездельничал. Я сделал обзор. Довольно содержательные результаты — не говоря уж о том, что они захватывающие интересы. Действительно, «зерновых» рабов из числа итальянцев очень много. Но в Сицилии, например, большинство из работающих на хлебных полях — греки. А в Африке царь Гауда выделит своих людей, чтобы заменить освобожденных. Гауда — мой клиент, у него нет выбора. Будет делать, что я скажу. Труднее всего придется с Сардинией, потому что как раз там все «зерновые» — итальянцы. Однако нового губернатора, нашего уважаемого пропретора Тита Альбуция, думаю, можно убедить встать на мою сторону.

— У него очень высокомерный квестор, Помпей Страбон из Пицена, — заметил Рутилий Руф с сомнением.

— Квесторы — как москиты, — презрительно отозвался Марий, — чувствуют себя хозяевами положения, пока их не прихлопнут.

— Не слишком лестно для Луция Корнелия!

— Нет, он — другое дело.

Рутилий Руф вздохнул:

— Не знаю, Гай Марий. Но надеюсь, ты прав и все будет, как ты думаешь.

— Старый киник, — тепло сказал Марий.

— Старый скептик, с твоего позволения, — поправил Рутилий Руф.

Марий получил известие о том, что германцы пока не собираются на юг, в Заальпийскую Галлию, за исключением кимбров, которые двинулись к западному берегу Родана, избегая сфер влияния римлян. Тевтоны, как говорилось в отчете агента, засланныго Марием, шли на северо-запад, а херуски вернулись к эдум и амбаррам, словно вообще не собирались никуда идти. Конечно, ситуация могла измениться в любой момент. Но в любом случае понадобится время, чтобы восемьсот тысяч людей собрали свои пожитки и скот и тронулись в путь. До мая или даже до июня Гай Марий не увидит германцев, перемещающихся к нижнему течению Родана. Если они вообще придут.

Этот отчет сильно не нравился Гаю Марию. Его люди были возбуждены и рвались в дело — они стосковались по сражениям. Легаты стремились показать себя, офицеры и центурионы усиленно трудились, превращая легионы в идеальную военную машину. Хоть Марий и знал от германского переводчика, что германцы ссорились между собой, на самом деле он не очень-то верил, что они не возобновят движение на юг через римскую провинцию. Германцы ликвидировали огромную римскую армию. Было бы только естественно воспользоваться победой и двинуться на территорию, которую они завоевали силой оружия. Возможно, осесть на ней. Иначе для чего вообще сражаться? Зачем мигрировать? Зачем все это?

— Я их не понимаю! — воскликнул расстроенный Марий, получив очередное донесение в присутствии Суллы и Аквилия.

— Дикари, — заметил Аквилий. Он получил должность старшего легата, посоветовав сделать Мария консулом, и теперь очень старался продемонстрировать, на что он способен.

Но Сулла был необыкновенно задумчив.

— Мы почти ничего о них не знаем, — сказал он.

— Именно это я только что говорил! — оборвал его Марий.

— Нет, я думал и так, и эдак. Но... — Он хлопнул себя по коленям. — Нет, лучше я еще немного подумаю, прежде чем скажу. В конце концов, мы совершенно не знаем, что обнаружим, когда перейдем Альпы.

— А это еще предстоит решить, — сказал Марий.

— Что? — спросил Аквилий.

— Нужно ли переходить Альпы, — ответил Гай Марий. — Германцы не двинутся с места до мая или июня. Я теперь вообще не хочу идти за Альпы. По крайней мере, по обычному пути. Мы выступим в конце января с большим обозом, поэтому будем двигаться медленно. Календарный фанатизм оставим Метеллу Далматику, он у нас Великий Понтифик, и у него сезоны и месяцы совпадают. Чувствуешь, как холодна нынче зима? — обратился он к Сулле.

— Еще бы!

— И я тоже. У нас кровь жидкая, Луций Корнелий. Это тебе не Африка, где морозы кратковременны, а снег можно увидеть только на вершинах гор. Солдаты чувствуют холод не хуже нашего. Если мы пойдем через Альпы зимой, им будет очень тяжело.

— После отдыха в Кампании армии это пойдет на пользу, — неприязненно заметил Сулла. — Пусть закаляются.

— Да, если только эти засранцы не поотмораживают себе пальцы. Зимняя одежда у них есть, только вот будут ли эти упрямцы носить ее?

— Будут, если заставят.

— Ты намерен быть строгим, — молвил Марий. — Хорошо. Я не буду их убеждать, просто издаю приказ. Мы не поведем легионы в Заальпийскую Галлию обычным путем. Мы все время будем идти вдоль побережья.

— О боги! Это займет целую вечность! — воскликнул Аквиллий.

— Сколько времени прошло с тех пор, как армия ходила в Испанию или Галлию вдоль побережья? — осведомился Марий.

— Не припомню такого случая, — ответил Аквиллий.

— А теперь такой случай будет! — торжествующе заявил Марий. — Я хочу знать, насколько это трудно, сколько времени это займет, какие там дороги, земля — все. Я беру четыре легиона налегке, а ты, Маний Аквиллий, — еще два и те когорты, которые мы наскребли, вместе с обозом. Если, повернув на юг, германцы направятся в Италию вместо Испании, то как мы узнаем, пойдут ли они через Генавский перевал в Итальянскую Галлию или направятся прямо в Рим по побережью? Они, кажется, не особенно стараются понять образ наших мыслей, так откуда же им знать, что быстрейший и кратчайший путь в Рим проходит не по побережью, а через Альпы в Итальянскую Галлию?

Легаты молча смотрели на него.

— Понимаю, что ты задумал, — молвил Сулла. — Но зачем брать целую армию? Ты с небольшим эскадроном сделал бы это лучше.

Марий энергично замотал головой:

— Нет! Я не хочу разделять армию и разбрасывать ее на сотню миль в горах. Куда пойду я, туда пойдет и вся армия.

Таким образом, в конце января Гай Марий двинул армию на север, по прибрежной Аврелиевой дороге, послав в Сенат гонцов с требованиями о ремонте дорог и мостов, прочистке или сооружении виадуков. «Это Италия, — говорилось в одном из писем, — и все имеющиеся маршруты на север полуострова и в Итальянскую Галлию и Лигурию должны содержаться в идеальном порядке, иначе мы пожалеем».

В Пизах, где Арн впадает в море, они вступили в Итальянскую Галлию — место странное: ни провинция, ни собственно Италия. Забытое, заброшенное место! От Пиз до крепости Вада Сабатии была проложена новая дорога, но работы на ней еще не завершились. Дорогу эту начал строить Скавр в бытность свою цензором, и называлась она дорогой Эмилия Скавра. Марий написал принципцу Сената Марку Эмилию Скавру:

Следует похвалить тебя за умение заглядывать в будущее. Я считаю, что дорога Эмилия Скавра является важной частью оборонительных сооружений Рима и всей Италии с тех пор, как открылся Генавский перевал. Было это довольно давно — если учесть, что именно там прошел Ганнибал. Твоя обездная дорога в Дертону стратегически жизненно важна. Это единственный путь через лигурийские Апеннины от Пада до Тирренского побережья — римского побережья.

Проблемы здесь огромные. Я говорил со здешними строителями и инженерами — очень способные специалисты — и буду счастлив передать тебе их просьбу об увеличении денежных средств и рабочей силы на этом отрезке дороги. Там нужны очень высокие и крайне протяженные акведуки. Возведение акведуков даже важнее строительства дорог. К счастью, здесь имеется местная каменоломня — строительный материал можно брать оттуда, но численность рабочей силы ничтожна, и это сильно задерживает темп строительства. А строить нужно быстро — это мое мнение. Могу ли я почтительно просить тебя использовать твоё значительное влияние в Палате и добиться в казне денег, чтобы ускорить процесс? Если дорога будет закончена к концу этого лета, Рим сможет спать спокойно: пятьдесят с лишним миль дороги в состоянии спасти несколько сотен солдат.

— Ну вот, — сказал Марий Сулле, — это должно и занять старину Скавра, и осчастливить его!

— Да уж, — усмехнулся Сулла.

Виа Эмилия Скавра заканчивалась у Вады Сабатии. С того места и дальше, с точки зрения римлян, дороги уже не было. Лишь колеи, оставленные повозками, — там, где высокие горы спускались к морю.

— Ты еще пожалеешь о том, что избрал этот путь, — сказал Сулла.

— Напротив, я очень рад. Я уже теперь вижу тысячи мест, где возможна ловушка. Я вижу, почему никто в здравом уме не пойдет в Заальпийскую Галлию этим путем. Я понимаю, почему нам не следует бояться того, что германцы изберут этот маршрут. О, они могут идти по побережью, но пара дней — и быстрый всадник, отправленный вперед на разведку, убедит их повернуть назад. Если здесь трудно для нас, то для них это попросту невозможно. Вот что хорошо!

Военачальник обернулся к Квинту Серторию. Тот, несмотря на молодость, успел достичь довольно высокого положения — и исключительно благодаря личным заслугам.

— Квинт Серторий, мальчик, как ты думаешь, где сейчас может находиться обоз? — спросил Марий.

— Полагаю, между Популонием и Пизами, учитывая скверное состояние Аврелиевой дороги, — сказал Серторий.

— Как твоя нога?

— Ехать верхом еще не смогу. — Кажется, Серторий всегда догадывался, что у Мария на уме.

— Тогда найди трех человек, которые могут сесть на лошадь, и отправь вместе с ними вот это, — Марий протянул ему три восковые таблички.

— Ты собираешься послать обоз по Кассиевой дороге во Флоренцию, по Аппиевой — в Бононию, а потом через Генавский перевал, — проговорил Сулла удовлетворенно.

— Нам еще могут пригодиться эти бревна, краны и блоки, — ответил Марий, прикладывая печатку к воску и закрывая табличку створками. — Вот, — снова обратился он к Серторию. — И проследи, чтобы ее перевязали и вновь запечатали. Я не желаю, чтобы любопытные совали туда свои носы. Это должно быть передано Манио Аквилию лично в руки, понятно?

Серторий ушел.

— Что касается нашей армии, ты прав — пусть немного поработает, — сказал Марий Сулле. — Высыпай вперед дорожных специалистов. Проложим приличную тропу, если не настоящую дорогу.

В Лигурии, как и во всех горных районах, количество пахотных земель было незначительно. Местные жители занимались скотоводством, разбоем и грабежами — или, как Публий Вагенний, который был родом как раз отсюда, поступали в римские вспомогательные легионы и кавалерию. Где бы Марий ни увидел деревню, ютившуюся на берегу, и корабли, он хорошо понимал: корабли куда лучше подходят для пиратства, чем для рыбной ловли. Он скигал корабли и дома, оставляя на прежнем месте лишь женщин, стариков и детей. Всех мужчин он забирал с собой — строить дорогу. Тем временем из отчетов, присланных из Аравсиона, Валентин, Виенны и Лугдунса, становилось ясно, что и в нынешнем году столкновения с германцами не будет.

К началу июня, после четырех месяцев изнурительного пути, Марий вывел свои четыре легиона на широкие прибрежные равнины Заальпийской Галлии и остановился лагерем между Арелатом и Аквами Секстииевыми — близ города Гланум, южнее реки Друенции. Примечательно, что его обоз уже был здесь, потратив на дорогу лишь три с половиной месяца.

Марий тщательно выбрал для лагеря место, где не было пахотной земли. Это был большой каменистый холм с отвесными склонами. На вершине имелось несколько хороших родников. Один склон был достаточно пологим и широким — здесь армия могла быстро подняться наверх или спуститься вниз, из лагеря.

— Вот здесь мы будем жить долго, — сказал Марий, удовлетворенно кивая головой.

Ни Сулла, ни Маний Аквилий не сказали ни слова, но Квинт Серторий не выдержал:

— Если ты считаешь, что мы задержимся здесь надолго, то не проще ли разместить войска в Арелате или Глануме? Почему нужно оставаться именно здесь? Почему бы не поискать германцев и не схватиться с ними прежде, чем они доберутся до нас?

— Молодой Серторий, — ответил Марий, — германцы рассеяны сейчас по очень большим территориям. Кимбры, которые,казалось, намерены были двинуться вдоль Родана в западном направлении, теперь передумали и пошли в Испанию через земли арвернов. Тевтоны и тигурины ушли с земель эдуев и намерены осесть среди белгов. По крайней мере, так говорят мои источники. На самом деле об этом можно лишь гадать.

— А можно ли выяснить точно? — спросил Серторий.

— Каким это образом? У галлов нет причин любить нас, а получить информацию мы можем только от них. Они снабжают нас кое-какими сведениями лишь потому, что германцы не нужны им на их землях. Будь уверен в одном: когда германцы дойдут до Пиренеев, они повернут обратно. И я очень сомневаюсь, что белги обрадуются им больше, чем кельтиберы. Нет, на месте германцев я направился бы в Италию. Поэтому мы останемся здесь и будем ждать их, Квнт Серторий. Мне все равно, сколько времени для этого понадобится. Пусть хоть несколько лет.

— За годы ожидания наша армия разложится, Гай Марий, а у тебя отберут командование, — заметил Маний Аквилий.

— Наша армия не разложится, потому что я зайду ее работой, — парировал Марий. — У нас здесь сорок тысяч человек — неимущих. Государство кормит их, одевает, платит им. Когда они закончат службу, я прослежу, чтобы государство позаботилось о них. Но пока они служат, они лишь наемная сила государства. Как консул, я представляю здесь это государство. Следовательно, они — моя наемная сила. И они обходятся мне в огромную сумму. Если в ответ на это от них требуется лишь сидеть на заднице в ожидании битвы — посчитай, во что обойдется нам это сражение, когда оно наступит! — Брови Мария то опускались, то поднимались, находясь все время в энергичном движении. — В их контракте не говорится о сидении на жопе в полном безделии в ожидании сражения. Они записались в армию государства и должны делать то, что велит им государство. Пока Рим платит им, они обязаны работать на Рим! И они будут работать! В этом году отремонтируем Домициеву дорогу. В следующем — пророем судоходный канал от моря до Родана близ Аrelата.

Некоторое время все молчали, восхищенно глядя на Мария и не зная, что сказать. Наконец Сулла присвистнул:

— Солдату платят за то, чтобы он сражался!

— Если он сам покупает свое снаряжение и ничего не ждет от государства в будущем, тогда может делать все, что захочет. В нашем случае дело обстоит иначе, — сказал Марий. — Когда солдаты не сражаются, пусть выполняют общественные работы. Хотя бы для того, чтобы лучше понимали, что находятся на службе у государства. Как любой служащий у нанимателя. Кроме того, это позволит поддерживать их в форме.

— А мы? — поинтересовался Сулла. — Кого ты намерен сделать из нас — инженеров или землекопов?

— Почему бы и нет? — фыркнул Марий.

— Для начала, я не нанимался на службу к государству, — произнес Сулла очень вежливо. — Я отдаю государству свое время даром, как все остальные легаты и трибуны.

Марий пристально посмотрел на него.

— Поверь мне, Луций Корнелий, я ценю этот дар, — сказал он и на том закончил разговор.

Тем не менее Сулла ушел неудовлетворенный. Государственные работники! Ну вот еще! Может быть, для неимущих это и справедливо, но никак не для трибунов и легатов. Он так ему и высказал прямо в лицо. Марий понял намек и отступил. Но то, о чем Сулла промолчал, тоже было правдой. Денежным вознаграждением для трибунов и легатов являются их доли в трофеях. Однако никто даже представления не имел о том, какие трофеи могут достаться им от германцев. Выручка от продажи пленных в рабство принадлежит полководцу — он не делит ее со своими легатами, трибунами, центурионами или солдатами, — и что-то подсказывало Сулле, что после этой многолетней кампании, кроме рабов, поживиться будет особенно нечем.

Вообще Сулле не нравился этот длительный, утомительный поход к Родану. Квнт Серторий рвался вперед, как собака на веревке, он вилял хвостом и трясясь от удовольствия при малейшем намеке на активную деятельность. Он научился пользоваться геодезическими инструментами. Он наблюдал за работой инженеров, когда река вздувалась, когда случались оползни и рушились мосты. Он привел несколько центурий солдат, чтобы выкупить пиратов из одной пещеры. Он вкалывал, ремонтируя дороги. Он уходил вперед, на разведку. Он даже вылечил и приручил молодого орла с перебитым крылом, и тот время от времени навещал своего спасителя. Любое зерно перемалывалось на мельнице по имени Квнт Серторий. Если не в чем-либо ином, то хотя бы в этом было очевидно: вот — кровный родственник Гая Мария.

Но Сулле требовалась драма, ему насущно нужен был театр. Он достаточно разобрался в себе и понял, что теперь, когда он стал сенатором, это стало его уязвимым местом. В тридцать шесть он уже не думал, что сможет применять свои врожденные способности к драматическому искусству. До этого ужасного, бесконечного похода по дороге Эмилия Скавра и через приморские Альпы он так радовался своей военной карьере! Она была наполнена действием, духом соревнования — он участвовал в битвах, создавал новую Африку. Но прокладка дорог? Но рытье каналов? Не для этого он пришел в Заальпийскую Галлию! Не для этого!

А поздней осенью пройдут консульские выборы, и Мария заменит кто-нибудь враждебно к нему настроенный. Все, что Великий Человек сможет предъявить в конце своего второго консульства, будет великолепной дорогой, которая уже носит имя кого-то другого. Как может этот человек оставаться таким спокойным? Он даже не потрудился ответить Аквилию, когда тот прямо заметил, что у него, мол, могут отобрать командование. Что еще задумала арпинская лиса? Почему Марий не беспокоится?

И внезапно все эти раздражающие вопросы повылетали у Суллы из головы. Он заметил нечто чрезвычайно пикантное. В его глазах мелькнул интерес, в груди щекотнуло от удовольствия.

Около палатки старших трибунов разговаривали два человека. Во всяком случае, именно это увидел бы случайный свидетель. Но для Суллы эта сцена выглядела прологом к замечательному фарсу. Один, более высокий, — Гай Юлий Цезарь. Второй, ростом поменьше, — Гай Лусий, племянник Великого Человека. Марий еще раньше поторопился уведомить сослуживцев, что племянник этот не кровный — по первой жене.

«Интересно, сразу ли мужчины узнают себе подобных при встрече?» — спросил себя Сулла, направляясь к ним. Цезарь, очевидно, был не из них, и все же Сулле стало ясно, что каждая клеточка в теле Цезаря била тревогу.

— О, Луций Корнелий! — воскликнул Гай Лусий. — Я как раз спрашивал у Гая Юлия, какова ночная жизнь в Аrelате и не хочет ли отправиться туда со мной.

Длинное, довольно симпатичное лицо Цезаря ничего не выражало: он нацепил на себя маску вежливости. Но Сулла видел, что он очень хочет покинуть эту компанию. Он отводил глаза от Лусия и нервно шевелил пальцами рук.

— Кажется, Луций Корнелий знает об этом лучше меня, — сказал он, переступив с ноги на ногу.

— О нет, Гай Юлий, не уходи! — запротестовал Лусий. — Чем нас больше, тем веселее! — И он захихикал.

— Извини, Гай Лусий, мне пора заступать на дежурство, — бросил Цезарь и быстро удалился.

Сулла подхватил Лусия под локоть и отвел подальше от палатки. И сразу же отнял руку.

Гай Лусий был очень хорош собой. Зеленые глаза под длинными ресницами, копна темно-рыжих кудрей, темные брови другой, греческий нос — длинный, с горбинкой. Маленький Аполлон, подумал Сулла, молча глядя на него. Спокойно, без волнения. Вряд ли Марий положил глаз на молодого человека. Непохоже на Мария.

Поскольку семья надавила на Великого и заставила взять Гая Лусия к себе, Марий назначил того невыбранным военным трибуном: он подходил по возрасту. После чего Гай Марий предпочел забыть о существовании этого своего некровного племянника, пока не придет время и молодой человек не привлечет его внимания — хочется надеяться, что каким-нибудь смелым поступком или необыкновенными способностями.

— Гай Лусий, я хочу дать тебе совет, — жестко проговорил Сулла.

Длинные ресницы затрепетали, опустились.

— Буду признателен за любой совет, Луций Корнелий.

— Ты присоединился к нам только вчера, прибыв прямо из Рима, — начал Сулла.

— Нет, не из Рима, Луций Корнелий, — прервал его Лусий. — Из Ферентина. Мой дядя, Гай Марий, позволил мне остаться в Ферентине, потому что моя мать была больна.

«Вот оно что, — подумал Сулла. — Это объясняет грубоватую небрежность Мария по отношению к своему родственнику. До него противно, наверное, было ему объяснять причину опоздания молодого человека, если сам Марий никогда не позволял этого себе!»

— Дядя до сих пор не пожелал меня увидеть, — посетовал Лусий. — Когда я смогу с ним встретиться?

— Не раньше, чем он тебя вызовет. И я сомневаюсь, что он вообще это сделает. Ты для него обуза, хотя бы потому, что кампания еще не началась, а ты уже требуешь к себе особого отношения. Ты опоздал!

— Но у меня мать болела! — возмущенно воскликнул Гай Лусий.

— У всех есть матери, Гай Лусий. Точнее, у всех они были. Многие из нас отправлялись в походы, покидая больных матерей. Многие узнавали о смерти матери, находясь от нее очень далеко. Многие из нас глубоко привязаны к матерям. Но обычно болезнь матери не считается уважительной причиной опоздания на военную службу. Полагаю, ты уже все разболтал своим товарищам по палатке?

— Да, — ответил Лусий, смущаясь все больше и больше.

— Жаль. Лучше бы ты промолчал и оставил их в неведении. Теперь они будут дурно думать о тебе. А твой дядя знает — им не понравится, что он дал тебе поблажку. Родство есть родство, часто оно бывает несправедливым. — Сулла нахмурился. — Но я не об этом хотел с тобой поговорить. Это — армия Гая Мария, а не Сципиона Африканского. Ты меня понимаешь?

— Нет. — Лусий был совершенно сбит с толку.

— Катон Цензор обвинил Сципиона Африканского и его старших офицеров в моральном разложении. А Марий скорее придерживается принципов Катона Цензора, нежели Сципиона Африканского. Я ясно выражаюсь?

— Нет, — побледнел Лусий.

— А я думаю, что тебе понятно, — улыбнулся Сулла, демонстрируя длинные зубы. — Ты ластишься к красивому мужчине. Я не могу обвинить тебя в женоподобности, но если ты будешь по-прежнему хлопать ресницами возле Гая Юлия — который, кстати, доводится тебе родственником, — думаю, ты скоро окажешься по горло в кипятке. Страсть к мужчинам никогда не числилась среди доблестей римского воина. Это — порок, особенно в легионах. Будь иначе, женщины тех городов, близ которых мы встаем лагерем, не зарабатывали бы так много. А женщины побежденных у нас подвергают изнасилованию. И ты должен хотя бы изведать, что это такое!

Лусий поежился. Его разрывало чувство непонятной неполноты и жгучее ощущение несправедливости. Наконец он взорвал:

— Времена меняются. Теперь это не считают нарушением правил приличия, как раньше.

— Ты путаешь времена, Гай Лусий. Вероятно, потому, что хочешь, чтобы они изменились. Наверное, раньше ты водился с людьми, которые чувствовали, как ты, но были старше. Вы собираетесь вместе, читаете книги, хватаетесь за любое высказывание в свою поддержку. Уверяю тебя, — добавил Сулла очень серьезно, — чем больше ты будешь вращаться в том мире, в котором рожден, тем больше будешь понимать свое заблуждение. И нигде так не карается однополая любовь, как в армии Гая Мария. Если Марий узнает твою тайну — я тебе не завидую.

Ломая руки, Лусий закричал со слезами в голосе:

— Я сойду с ума!

— Не сойдешь, — заверил его Сулла. — Ты будешь вести себя паинькой, ты будешь очень внимательно следить за своим поведением и быстро научишься распознавать незаметные посторонним сигналы, которыми здесь обмениваются люди твоих наклонностей. Я не могу тебе назвать этих знаков, поскольку сам подобным шалостям не предаюсь. Если ты амбициозен и хочешь чего-либо достигнуть в обществе, Гай Лусий, то настоятельно советую тебе избегать этого порока. Но если все же — в конце концов, ты молод, — если ты почувствуешь, что не можешь противиться желанию, то сначала убедись, что выбрал именно того человека, который тебе нужен.

И с доброй улыбкой Сулла повернулся и пошел прочь.

Некоторое время он просто бродил без всякой цели, заложив руки за спину и почти не замечая бурной деятельности, которая так и кипела вокруг. Возводился временный легионный лагерь, хотя в провинции врага не было. Просто так было заведено: ни одна римская армия не ложилась спать незащищенной. Постоянный лагерь на вершине холма уже подготавливается геодезистами и инженерами, и те войска, которые не были заняты строительством временного лагеря, доставляли бревна для балок, столбов, зданий. В долине нижнего Родана имелись леса. Она была заселена уже несколько столетий — с тех пор, как греки основали Массилию.

Армия стояла к северу от обширных соленых болот, образующих дельту Родана и тянущихся на запад и восток от дельты. Как всегда, для возведения своих лагерей, постоянных и временных, Марий выбрал невозделанную землю.

— Нет смысла порождать антагонизм у потенциальных союзников, — говорил он. — Кроме того, им придется кормить пятьдесят тысяч лишних ртов. Каждый дюйм пахотной земли в такой ситуации — на вес золота.

Фуражиры Мария уже разъехались заключать договоры с местными землевладельцами, а солдаты начали возводить на верху холма зернохранилища. Туда будет засыпано зерно, необходимое для пропитания пятидесяти тысяч человек на срок от урожая до урожая. В тяжелом обозе имелось все, что, согласно источникам Мария, было невозможно добыть в Заальпийской Галлии в необходимых количествах: смола, массивные брусья, веревки с блоками, инструменты, краны, известка, большое количество драгоценных железных болтов и гвоздей. Популюний и Пизы, два порта, получали тугоплавкие стальные заготовки с острова Ильва, которые были закуплены на тот случай, если инженерам потребуется изготовить стальной инструмент. Были привезены с собой наковальни, плавильные тигли, молоты, огнеупорный кирпич. Солдаты уже собирали бревна, чтобы построить просторное хранилище для каменного угля: без каменного угля невозможно накалить печь до такой степени, чтобы расплавить и закалить железо.

К тому времени, как Сулла вернулся к палатке командующего, он уже принял решение. Время настало. Он тщательно обдумал все за и против и решил дать своей скуке решающий бой. Он заполучит свой театр, о котором так мечтал. Идея зародилась еще в Риме; она зрела, пока они шли по побережью; теперь же ей пора расцвести. Стоит увидеться с Марием.

Марий был один — что-то усердно писал.

— Можешь уделить мне час? Я хочу прогуляться — составь мне компанию, — сказал Сулла, откидывая полог палатки и загораживая навес, где сидел дежурный офицер. Луч света ворвался вместе с Суллой в палатку, и легат стоял как будто облитый жидким золотом. Его плечи были словно охвачены огнем длинных рыжих вьющихся волос.

Подняв голову, Марий неодобрительно оглядел дивное видение.

— Тебе пора подстричь волосы, — резко произнес он. — Еще немного, и ты будешь похож на танцовщицу!

— Удивительно, — отозвался Сулла, не двигаясь с места.

— Я бы сказал — неряшливо, — фыркнул Марий.

— Нет, удивительно другое. Ты месяцами не замечал, а как раз в тот момент, когда я тоже думал об этом, ты заметил. Может быть, ты и не умеешь читать мысли, Гай Марий, но ты умеешь настраиваться на мысли своих сотрудников.

— Ты и выражаться начал, как танцовщица. Зачем это тебе моя компания для прогулки?

— Потому что мне нужно поговорить с тобой кое о чем очень личном, Гай Марий, и в таком месте, где не будет ни стен, ни окон, ни чужих ушей. Прогулка как раз обеспечит нам все это.

Перо было отложено, свиток свернут. Марий сразу поднялся.

— С удовольствием пройдусь, Луций Корнелий. Всяко лучше, чем писать. Пошли.

Они в молчании быстро пересекли лагерь, ловя на себе любопытные взгляды. Люди служили в этих легионах уже третий год. Они были уверены в своих командах. И еще знали: нечто важное должно вскоре произойти. Все чувствовали, что сегодня именно такой случай.

Было уже слишком поздно, чтобы взбираться на холм. Поэтому Марий и Сулла остановились там, где даже ветер не смог донести их разговор до посторонних.

— Ну, в чем дело? — спросил Марий.

— Я начал отращивать волосы еще в Риме, — ответил Сулла.

— До сих пор не замечал. Я так понимаю, длинные волосы имеют какое-то отношение к теме нашего разговора?

— Я превращаю себя в галла, — заявил Сулла.

Марий насторожился:

— Ого! Продолжай, Луций Корнелий.

— Все неудачи нашей кампании кроются в нашем полном неведении. Мы недооцениваем германцев. Знаем только, что они мигрируют. Кто они, откуда и куда идут, каким богам молятся, почему ушли со своих исконных земель, как организованы, как живут? Мы даже не разобрались, почему они, разбив наши войска, тут же уходят из Италии, когда Ганнибала или Пирра не остановила бы баррикада из миллиона боевых слонов.

Он не смотрел на Гая Мария, отвернув лицо в сторону. Последние лучи заходящего солнца отражались в его беспокойных зрачках, наполняя Мария каким-то непонятным страхом. Иногда его поражала эта, обычно спрятанная, черта характера Суллы, которую он называл «нечеловечностью». Сулла внезапно мог сбросить завесу и предстать не как человек — но и не как божество, — а как некое совсем иное изобретение богов, нежели человек. Впечатление в данный момент усиливалось странным освещением. Солнце прыгало в его глазах, словно оно там жило.

— Продолжай, — сказал Марий.

— Перед отправлением из Рима я купил двух новых рабов. Они путешествуют со мной, они и сейчас здесь. Один из них — галл из карнотов, которые заправляют всей кельтской религией. У них довольно странная религия: они верят, что деревья живые, имеют души или тени. В общем, что-то в этом роде. Нам это трудно понять. Другой раб — германец из кимбров, захваченный в Норике, когда Карбон потерпел поражение. Я держу их изолированными друг от друга. Ни один не знает о существовании другого.

— Ты узнал что-либо интересное о германцах у своего германского раба? — спросил Марий.

— Нет. Притворяется, что не знает, кто они и откуда. Думаю, что незнание — общая черта тех немногочисленных германцев, которых нам удалось захватить и обратить в рабство. Впрочем, сомневаюсь, чтобы кто-то из римлян, у кого есть рабы-германцы, пытался получить у них информацию. Но сейчас это уже неважно. Да, я купил его, чтобы кое-что у него выведать, но он упрям и туп, как бык. Его даже пытать бесполезно. У меня возникла идея получше. Обычно мы получаем сведения из вторых рук. Для нас это не вполне хорошо.

— Верно, — согласился Марий; теперь он понимал, куда клонит Сулла, но не торопил собеседника.

— Поэтому я решил получить информацию непосредственно от самих германцев. Оба мои раба служили у римлян достаточно долго и выучили латынь, хотя германец говорит на ней из рук вон плохо. Интересную вещь я узнал от моего карнутского галла: в глубине Длинноволосой Галлии вторым языком среди галлов является латынь, а не греческий! Не хочу сказать, что галлы обмениваются мудрыми изречениями на латыни, но благодаря контактам между оседлыми племенами — например, эдюями, — и нами везде непременно найдется галл, который умеет даже читать на латыни. Своей письменности у них нет, потому читают и пишут они по-латыни. Не на греческом, нет. Интересно, не правда ли? Мы-то считали, что греческий — международный язык для всего мира, а теперь оказывается, что где-то в мире уже предпочитают латынь!

— Поскольку я не учений и не философ, Луций Корнелий, это меня трогает мало, — чуть улыбнулся Марий. — Впрочем, о германцах интересно все.

Сулла поднял руки, будто сдаваясь.

— Ну хорошо, Гай Марий! Почти пять месяцев я изучаю язык карнотов центральной Длинноволосой Галлии и язык кимбров. Мой учитель-галл занимается со мной с большим удовольствием — он более смышлен, чем германец.

Сулла помолчал, поразмыслил над сказанным, и ему это не понравилось.

— Возможно, я напрасно считаю моего германца таким уж тугодумом. Может быть, он испытал потрясение, когда его вырвали из привычного ему окружения, — куда более сильное, чем галл. Он просто живет, стараясь мысленно дистанцироваться от своего нынешнего положения. С другой стороны, он уцелел в сражении, но позволил взять себя в плен — и это после того, как его народ выиграл битву. Нет, возможно, он действительно просто тупой германец.

— Луций Корнелий, мое терпение не безгранично, — сказал Марий, отнюдь не сердясь. — Ты похож на самого ярого последователя Аристотеля.

— Извиняюсь, — молвил Сулла с усмешкой.

Он повернулся и посмотрел прямо в лицо Марию. Свет исчез из его глаз, и легат снова стал самым обыкновенным человеком.

— С моими волосами, кожей и глазами, — быстро заговорил Сулла, — я очень легко сойду за галла. Да, я хочу стать галлом и пойти туда, куда ни один римлянин не осмелится сунуть свой длинный римский нос. Я намерен идти с германцами в Испанию, где определенно имеются кимбры. Теперь я знаю их языки достаточно, чтобы хотя бы понимать, что они говорят. Поэтому я сосредоточусь именно на кимбрах. — Он засмеялся. — Кстати, мои волосы должны быть намного длиннее, чем у танцовщицы. На данный момент, впрочем, этого достаточно. Если меня спросят, почему они такие короткие, скажу, что из-за болезни пришлось обрить голову наголо. К счастью, они растут быстро.

Он замолчал. Марий молчал тоже. Он поставил ногу на бревно, облокотился о колено и подпер подбородок кулаком. Дело в том, что он не мог придумать, что сказать. Уже несколько месяцев Марий беспокоился, что потеряет Луция Корнелия в злачных местах Рима, поскольку кампания обещала быть довольно скучной. А на самом деле все это время Луций Корнелий упорно разрабатывал план, который скучным уж никак не назовешь. Что за план! Что за человек! Улисс был первым известным в истории шпионом. Под видом троянца он пробрался в Илион и собирая там информацию. Улисса тоже были рыжие волосы. Улисс тоже был высокорожденным. И все же Марий не мог думать о Сулле как о современном Улиссе.

Сулла ни от кого не зависел. Как и его план. В нем не было страха. Это было очевидно. Он подходил к своей чрезвычайной миссии по-деловому и как-то неуязвимо. Другими словами — как истинный римский аристократ. Сулла не сомневался, что все получится хорошо. Сулла знал, что он — лучше всех.

Марий выпрямился, вздохнул, спросил:

— Ты уверен, что справишься с этим, Луций Корнелий? Ты же римлянин с ног до головы! Блестящий, блестящий план! Я восхищен. Но тебе придется позабыть о том, что ты — римлянин, чтобы никто не смог даже заподозрить... Я не уверен, что такое римлянину по плечу. Наша культура оставляет в нас неизгладимые следы. Это как пожизненное клеймо. Тебе придется постоянно притворяться и лгать.

Рыжая бровь поднялась, углы красивого рта опустились:

— О Гай Марий, я всю жизнь прожил, притворяясь.

— Даже теперь?

— Даже теперь.

Они повернули обратно.

— Ты намерен идти один, Луций Корнелий? — осведомился Марий. — А ты не думаешь, что было бы неплохо иметь кого-то для компании? Если ты захочешь срочно послать мне весть, а сам не сможешь уйти — как ты поступишь тогда? Разве товарищ, который мог бы послужить тебе зеркалом, не был бы хорошим подспорьем?

— Я и об этом подумал. Я хотел бы взять с собой Квинта Сертория.

Сначала Марий был будто доволен, но потом нахмурился:

— Он слишком темный. Он никогда не сойдет за галла, не говоря уж о германце.

— Ты прав. Однако он мог бы сойти за грека с примесью кельтиберской крови. — Сулла прочистил горло. — Когда мы уходили из Рима, я нарочно подарил ему раба, кельтибера из племени иллэретов. Я не сказал Квинту Серторию о своих планах, но наказал ему научиться говорить, как кельтибер.

Марий удивленно посмотрел на Суллу:

— Ты хорошо подготовился. Одобряю.

— Значит, я могу взять с собой Квинта Сертория?

— О да. Хотя я все же думаю, что он слишком темный. Не погубит ли это и его, и тебя вместе с ним?

— Нет, все обойдется наилучшим образом. Квинт Серторий очень ценен для меня, и я думаю, что его темная масть может обернуться ценным качеством. Видишь ли, Квинт Серторий умеет обращаться с животными, а такие люди вызывают священный трепет у всех дикарей. Его смуглая кожа вполне сослужит ему добрую службу. Его будут считать заклинателем.

— Умение обращаться с животными? Что ты имеешь в виду?

— Квинт Серторий может подзывать к себе диких животных. Я заметил это в Африке, когда он свистом подозвал леопарда и стал гладить его. Однако всерьез начал я думать над его ролью в этой миссии, когда он приручил орлена, которого вылечил, но не лишил естественного желания оставаться свободным и диким. Так что теперь орленок живет так, как и подобает орленку, и в то же время остается другом Сертория, прилетает к нему, садится на руку, целует его. Солдаты уважают Квинта Сертория. А это отличный знак.

— Я знаю. Орел — символ легионов.

Они стояли, глядя на то место, где шесть серебряных орлов на серебряных древках, украшенных коронами, фалерами и ожерельями, были воткнуты в землю. Перед ними горел огонь в треноге. Часовые стояли по стойке смирно. Жрец в тоге со складками, натянутыми на голову, кинул на угли фимиам и начал читать вечерние молитвы.

— Каково именно значение этого умения обращаться с животными? — спросил Марий.

— Галлы очень суеверны относительно духов, которые обитают во всем живом, и, я думаю, так же суеверны и кимбрьи. Квинт Серторий будет выдавать себя за заклинателя из одного испанского племени, которое обитает так далеко, что даже пиренейские племена мало о нем знают.

— Когда ты хочешь отправиться?

— Теперь уже скоро. Но я предпочитаю, чтобы ты сказал Квинту Серторию обо всем сам. Он, конечно, захочет пойти со мной, но его преданность тебе безгранична. Поэтому будет лучше, если он получит это поручение от тебя. — Сулла шумно выдохнул через нос. — Никто не должен знать. Никто!

— Я полностью с тобой согласен. Однако трое рабов уже знают кое-что, поскольку они давали тебе уроки языка. Ты хочешь, чтобы всех продали и отправили куда-нибудь морем?

— Зачем столько беспокойства? — удивился Сулла. — Я думал просто убить их.

— Отличная идея. Но тогда ты потеряешь деньги.

— Это же не состояние. Называй это моим скромным вкладом в успех кампании против германцев, — спокойно сказал Сулла.

— Я прикажу их убить, как только ты уйдешь.

Но Сулла покачал головой:

— Нет, эту грязную работу я выполню сам. И сейчас. Они научили меня и Квинта Сертория всему, что знают сами. Завтра я отшлю их в Массилию как будто бы с поручением. — Он потянулся, сладко зевнул. — Я хорошо стреляю из лука, Гай Марий. А соленые болота пустынны. Все просто подумаю, что они убежали. Включая и Квинта Сертория.

«Я слишком близок к земле, — подумал Марий. — Я, конечно, не против убийства людей, даже хладнокровного. Смерть — часть жизни, как нам известно, и убийство не раздражает богов. Но ведь Сулла — римлянин из древнего патрицианского рода. Слишком высоко от земли. Действительно, почти полубог». И Марий вдруг вспомнил слова сирийской прорицательницы Марфы, теперь роскошествующей в его римском доме на правах почетной гостьи. Народится намного более великий римлянин, чем он, Гай Марий, и он тоже будет Гай, но Юпий, а не Марий... Было ли это то, что нужно? Эта полубожественная капля патрицианской крови?

* * *

В письме Гаю Марию, помеченному концом сентября, Публий Рутилий Руф писал:

Публий Лициний Нерва наконец-то решился со всей откровенностью доложить Сенату о ситуации, сложившейся на Сицилии. Как старшему консулу, тебе, конечно, посыпают официальные отчеты, но сначала ты ознакомишься с моей версией, ибо, я уверен, ты прочитаешь сперва мое письмо, а потом уж эти скучные запоздавшие донесения. Я нарочно выпросил место для моего письма в сумке официального курьера.

Но прежде чем я расскажу тебе о Сицилии, необходимо вернуться к началу года, когда, как ты знаешь, Палата рекомендовала народу принять в своих трибунах закон, освобождающий всех рабов итальянского происхождения. Но ты не знаешь об одном непредвиденном последствии этого закона, а именно: другие рабы, особенно принадлежащие к тем народам, которые официально считаются друзьями и союзниками Рима, требуют, чтобы закон был распространен и на них. Грозят общим недовольством союзников. Это особенно относится к рабам-грекам — а это большинство «зерновых» рабов Сицилии и вообще основная часть всех рабов в Кампании.

В феврале сын одного всадника из Кампании, полноправный римский гражданин по имени Тит Веттий двадцати лет, явно утратил рассудок. Причина его сумасшествия — долг. Он обязался уплатить семь талантов серебром — надо же! — за скифскую девушку-рабыню. Но поскольку старший Тит Веттий — первоклассный скряга, да еще слишком старый, чтобы быть отцом двадцатилетнего, младший Тит Веттий занял деньги под непомерные проценты, да еще под обеспечение всего своего наследства. Конечно, он оказался беспомощным в руках ростовщиков, как ощипленный цыпленок. Ростовщики настаивали, чтобы он заплатил им по истечении тридцати дней. Естественно, он не сумел сделать этого и получил еще одну тридцатидневную отсрочку. Но когда он опять оказался несостоятельный, ростовщики прямиком отправились к его отцу и потребовали свои деньги — с непомерными процентами. Отец отказался платить и отрекся от сына. И сын сошел с ума.

Далее, молодой Тит Веттий надел диадему и пурпурное платье, объявил себя царем Кампании и стал подстрекать всех здешних рабов к мятежу. Спешу добавить, что его отец — крупный землевладелец консервативных взглядов; он хорошо

относится к своим рабам, среди которых нет итальянцев. Но чуть далее по дороге как раз обитал один из новых крупных землевладельцев, из тех ужасных людей, которые скупают рабов по дешевке, сковывают их цепями и заставляют работать день и ночь, не интересуясь, кто они родом, и запирая в бараки, словно катаржников. Имя этого презренного человека Марк Макрин Мактатор. Он оказался большим другом твоего коллеги консула, нашего справедливого и честного Гая Флавия Фимбрии.

В тот день, когда младший Тит Веттий рехнулся, он вооружил своих рабов, купив пятьсот штук старого оружия, которое распродавала гладиаторская школа, и маленькая армия зашагала по дороге к виновнику страданий рабов — Марку Макрину Мактатору. Они пытали и убили Мактатора и его семью, освободили целую толпу рабов, многие из которых оказались итальянцами и содержались в рабстве незаконно.

Очень быстро Тит Веттий Младший, царь Кампании, уже имел за плечами армию, насчитывающую свыше сорока тысяч рабов. Он забаррикадировался в прекрасно укрепленном лагере на вершине холма. А рабы все прибывали и прибывали! Капуя заперла городские ворота, привела в готовность все гладиаторские школы и обратилась в Сенат за помощью.

Фимбрия не устает произносить речи по этому поводу, он страшно скорбит о потере своего друга — Мактатора Палача. Сенаторы по горло объелись всем этим и делегировали претора по делам иностранцев Луция Лициния Лукулла собрать армию и подавить восстание рабов. Ну, ты же знаешь, какой колossalный аристократ наш Луций Лициний Лукулл!

Ему не понравилось то, что какой-то таракан, вроде Фимбрии, приказывает ему очистить нужники Кампании.

А теперь небольшое отступление. Думаю, тебе известно, что Лукулл женан на сестре Метелла Свинки — Метелле Кальве. У них два сына, четырнадцати и двенадцати лет. Все считают их многообещающими мальчиками. И поскольку сын Свинки, Поросенок, не может плавно связать два слова, вся семья возлагает надежды на маленького Луция и маленького Марка Лукулов. Перестань, Гай Марий! Я даже из Рима слышу твоё ворчание, что тебе скучно читать про выводок поросёнят.

Но все это важно и имеет отношение к делу, поверь мне. Как ты сможешь невредимым пройти сквозь лабиринт общественной жизни, если не будешь знать, что делается в других семьях, и все сплетни? Жена Лукулла — сестра Свинки — известна своей аморальностью. Во-первых, она выставляет свои сердечные дела напоказ; не стесняясь, устраивает истерики у прилавков модных ювелирных лавок; временами пытается покончить с собой, срывая с себя одежду и норовя сгннуть в

Тибр. Во-вторых, бедная Метелла Кальва не распутничает с мужчинами своего класса, и именно это обстоятельство причиняет наибольшую боль нашему высокомерному Свинки. Не говоря уже о заносчивом Лукулле. Нет, Метелла Кальва любит красивых рабов или крепко сбитых работников, которых она высматривает на пристанях римского порта. Поэтому она является кошмарным бременем для Свинки и Лукулла, хотя я считаю ее великолепной матерью.

Я упоминаю об этом, чтобы придать некоторую оструту всему этому эпизоду. Теперь тебе понятна причина особенного, специфического страдания Лукулла. Он ушел в Кампанию, вынужденный подчиниться мужчине именно такого сорта, к которому Метелла Кальва могла воспылать любовью, будь тот победнее. Грубее он быть не мог! Кстати, с Фимбрией вообще происходит что-то подозрительное. Из всех обитателей многотысячного Рима он выбрал себе в друзья Гая Меммия, и теперь этих двоих водой не разольешь. Огромные суммы денег переходят из рук в руки, а для чего — неизвестно.

Во всяком случае, Лукулл вскоре очистил Кампанию. Молодой Тит Веттий был казнен, а также его «офицеры» и вся армия из рабов. Лукулл похвалили за отлично выполненную работу, и он вернулся слушать выездные сессии присяжных в городах вроде сабинской Реаты.

Но разве я не говорил тебе еще раньше, что у меня нехорошее предчувствие относительно небольших волнений рабов в Кампании, что были в прошлом году? Мой нюх меня не подвел. Сначала Тит Веттий. А теперь у нас полномасштабная война с рабами в Сицилии.

Я всегда считал, что Публий Лициний Нерва похож на мышь и действует, как мышь, но кто же мог подумать, что столь опасно посыпать его претором-губернатором в Сицилию? Он такой пискливо-дотошный, что подобная работа должна была удовлетворять его во всех отношениях. Бегом сюда, бегом туда, делать запасы на зиму, писать пространные, подробные отчеты кончиком хвоста, обмакивая его в чернила и подвергая усиcами.

Конечно, все было бы хорошо, если бы не этот несчастный закон об освобождении рабов — итальянских союзников. Наш претор-губернатор Нерва поскакал в Сицилию и стал освобождать итальянцев, которые составляют четвертую часть общего числа сельскохозяйственных рабов. И начал он с Сиракуз, а его квестор отправился на другой конец острова, на мыс Лилибей. Все шло в точности по плану. Кстати, Нерва придумал отличную систему, позволяющую уличать во лжи рабов, которые говорят, будто они итальянцы, а сами таковыми не являются. Он задает им вопросы на османском диалекте про географию нашего полуострова. Он опубликовал свой декрет только на латыни, думая, что это поможет отсеять потенциальных самозванцев. В результате те, кто читал по-гречески, должны были полагаться на других, чтобы те перевели. И замешательство росло, росло, росло...

За две недели в конце мая Нерва освободил восемьсот итальянских рабов в Сиракузах, а его квестор в Лилибее тянул время, ожидая приказа. И тогда в Сиракузы прибыла очень сердитая депутация крупных поставщиков зерна, и все они грозили что-нибудь сделать с Нервой, если он будет продолжать освобождать их рабов. Они или кастрируют его, или подадут на него в суд. Нерва запаниковал и сразу прекратил свою деятельность. Больше ни одного раба освобождено не было. Директива о прекращении освобождения рабов достигла его квестора в Лилибее поздновато, к сожалению. Квестор устал ждать и организовал собственную комиссию на территории рынка. А теперь, едва начав, он тоже прекратил освобождение. Рабы, выстроившиеся в очередь на рынке, буквально обезумели от гнева и стали расходиться с острым желанием кого-нибудь убить.

В результате на западном конце острова возник открытый бунт. Началось с убийства двух братьев, владевших огромным землевладельческим хозяйством вблизи города Галикин. Оттуда бунт распространился дальше. По всей Сицилии рабы сотнями, а потом и тысячами покидали латифундии, некоторые из них перед этим убивали своих надсмотрщиков и даже хозяев. Все сходились у могилы Паликов, божественных близнецовых Юпитера и нимфы Талии. Она находится, думается, приблизительно в сорока милях на юго-запад от горы Этна.

Нерва созвал народное ополчение и взял штурмом старую цитадель, полную рабов-беженцев. После этого он решил, что бунт подавлен, распустил ополчение и отправил всех по домам.

Но бунт еще только начинался. Беспорядки возникли возле Гераклеи, а когда Нерва пытался снова собрать ополчение, все словно бы оглохи. Губернатор был вынужден взять когорту вспомогательных войск, расквартированную в Энне, далеко от критской Гераклеи. Но эти солдаты оказались ближе всех. На этот раз Нерва не победил. Вся когорта погибла в сражении с мятежниками, и таким образом восставшие рабы добыли себе оружие.

Пока все это происходило, рабы выбрали себе лидера, итальянца, который не успел освободиться до прекращения работы комиссии по освобождению. Его имя Сальвий, он из племени марсиев. Его профессия, когда он был свободным, кажется, была укротитель змей. Он завораживал их игрой на флейте. Его обратили в рабство, когда учили в том, что он играет на флейте для женщин, участвующих в Дионисийских празднествах, которые так беспокоили Сенат несколько лет назад. Теперь Сальвий называет себя царем, но, будучи итальянцем, он представляет себе царя с точки зрения римлянина, а не грека. Он носит тогу, а не диадему, и перед ним шествуют самые настоящие ликторы с фасциями и топорами.

На дальнем конце Сицилии, недалеко от Лилибета, появился еще один раб-царь, на этот раз грек по имени Афенион. Он тоже создал армию. Сальвий и Афенион встретились у могилы Паликов и там посовещались. В результате Сальвий (который теперь называет себя царем Трифоном) стал правителем всех рабов и выбрал для своего штаба неприступное место.

Называется оно Триокала и находится на полпути между Аргирентом и Лилибетом.

Как раз в этот момент Сицилия была сама Илиада бед. Урожай втоптан в землю, рабы убрали ровно столько, чтобы набить себе животы. В этом году Риму нечего ждать зерна с Сицилии. Сицилийские города трещат по швам от огромного количества сбежавших рабов, которые нашли прибежище в их стенах. Голод и болезни уже крадутся по улицам. Свыше шестидесяти тысяч хорошо вооруженных рабов и пять тысяч их кавалерии орудуют, где им вздумается, свободно перемещаясь из одного конца острова на другой, а когда встречают сопротивление, возвращаются в эту неприступную

крепость Триокалу. Они атаковали и взяли Мургантнию. Им почти удалось взять и Лилибей, который, к счастью, был спасен ветеранами, услышавшими об этих неприятностях и приплывшими из Африки, чтобы помочь.

И теперь наступает самое худшее. Мало того, что Рим угрожает катастрофическая нехватка зерна, так еще кто-то пытается манипулировать событиями в Сицилии, чтобы вы звать эту нехватку! Бунт рабов превратил то, что могло быть случайными перебоями, в реальную угрозу голода. Нашуважаемый принцепс Сената Скавр идет по следу, как ищейка, надеясь найти виновного или виновных. Думаю, он подозревает нашего жалкого консула Фимбрию и Гая Меммия. Почему такой порядочный и справедливый человек, как Меммий, связался с Фимбriей? Наверное, я смогу ответить на этот вопрос: он уже давно должен был стать претором, но получил эту должность только сейчас. Чтобы сделаться консулом, у него недостаточно денег. А когда отсутствие денег не дает человеку сесть в то кресло, в котором, по его мнению, он должен сидеть, он может совершить много безрассудных поступков.

Гай Марий со вздохом отложил письмо, придинул к себе официальную почту из Сената и стал громко, во весь голос читать донесения, с трудом преодолевая нагромождение слов. В такой манере чтения не было ничего зазорного. Все читали вслух, но предполагалось, что все другие образованнее его.

Публий Рутилий был прав, как всегда. Его собственное письмо содержало информации намного больше, чем донесения, хотя в них и приводился текст письма Нервы и было полно статистики. Просто они не были интересными. Они не могли сразу поставить человека в центр событий, как это делал Рутилий.

Гай Марий легко мог представить себе ужас, охвативший Рим. Отсутствие зерна означало, что все политические планы находились под угрозой. Нытье казначеев, эдилы, стремящиеся найти другие источники закупки зерна... Сицилия была главным поставщиком зерна, и когда на Сицилии случался неурожай, Риму грозил голод. Ни Африка, ни Сардиния не поставляли Риму и половины того количества зерна, которое поставляла Сицилия. Этот кризис приведет к тому, что народ будет обвинять Сенат за неспособного губернатора, а неимущие обвинят и народ, и Сенат в том, что у них пустые желудки!

Неимущие не имели политических прав, управление их интересовало не больше, чем вообще то обстоятельство, что ими кто-то управляет. Участие бедняков в общественной жизни сводилось к присутствию на играх и получению бесплатных подаяний в праздники — до тех пор, пока желудки черни были полны. В противном случае неимущие представляли грозную силу, с которой приходилось считаться.

Они получали зерно, конечно, не бесплатно. Но Сенат через своих эдилов и квесторов делал так, чтобы бедняки покупали зерно по разумной цене, даже если во время неурожая это означало, что закупалось зерно дорогое, а продавалось по прежней невысокой цене, к большому неудовольствию казначейства. Любой римский гражданин, проживающий в Риме, мог быть уверен, что получит от государства свою долю дешевого зерна, безразлично, богат он или нет, — при условии, что отстоит огромную очередь к столу эдила в портике Минуция и получит талон на зерно. По предъявлении этого талона в одном из зернохранилищ, расположенных на Авентинском холме, как раз над римским портом, разрешается купить свои пять модиев дешевого зерна. Но многие этого не делали. Им было гораздо проще покупать зерно на рыночной площади Велабр, и пусть торговцы сами достают зерно для продажи из личных зернохранилищ, расположенных у подножия Палатина на Тусканской улице.

Зная, что может оказаться вовлеченым в рискованную политическую ситуацию, Гай Марий нахмурил свои замечательные брови. Как только Сенат попросит у казны открыть ее заросшие паутиной хранилища, чтобы закупить зерно по дорогой цене для неимущих, начнутся стоны. Начальники казначейских трибуналов — финансовые бюрократы — начнут утверждать, что они не могут выделить такие огромные суммы на зерно, когда шесть легионов неимущих сейчас находятся в Заальпийской Галлии, выполняя общественные работы! Это, в свою очередь, перенесет ответственность на Сенат, который должен будет начать неприятную борьбу с казначейством, чтобы все-таки получить свой дешевый хлеб. И тогда Сенат начнет жаловаться народу, что, как всегда, неимущие представляют собой очень дорогостоящее неудобство.

Чудесно! Как же Гай Марий собирается стать консулом второй год подряд, да еще выбранным в отсутствие, когда у него вся армия состоит из накормленных неимущих, а Рим — во власти голодных неимущих? Пропади он пропадом, этот Публий Лициний Нерва! И все спекулянты зерном вместе с ним!

Один только Марк Эмилий Скавр, принцепс Сената, еще до кризиса чувствовал что-то неладное. Обычно с поступлением нового урожая цена зерна в Риме немного падала — это происходило в конце лета. Но в этом году она постоянно росла. Причина казалась очевидной: освобождение «зерновых» рабов-италийцев снизило количество посевов, и, значит, урожай должен был уменьшиться. Однако во время посевной эти рабы освобождены еще не были, и урожай поэтому ожидался нормальный. Значит, в конце лета цена должна была, как обычно, резко снизиться. Но не снизилась. Она продолжала расти.

Для Скавра было совершенно ясно, что манипуляции с зерном исходят из Сената, и его собственные наблюдения указывали на консула Фимбрю и на претора по делам граждан Гая Меммия, который отчаянно собирал деньги всю весну и лето. Чтобы купить зерно дешево и продать потом по баснословной цене, решил Скавр.

И вдруг пришло известие о восстании рабов на Сицилии. Фимбрю и Меммий стали судорожно продавать все, что имели, кроме домов на Палатине и земель, так, чтобы достало сохранить за собой сенаторский имущественный ценз. Поэтому Скавр заключил: какова бы ни была природа их авантюры, она не могла иметь ничего общего с запасами зерна.

Если бы консул Фимбрю и претор по делам граждан Гай Меммий были вовлечены в эскалацию цен на зерно, они сидели бы сейчас довольные, ковыряя в зубах, а не крутились бы в поисках денег, чтобы вернуть ссуды. Нет, это не Фимбрю и не Меммий! Надо искать где-то в другом месте.

После письма Публия Лициния Нервы, где он признавался, что кризис в Сицилии скоро достигнет Рима, Скавр начал слышать имя одного сенатора, часто упоминавшееся среди торговцев зерном. Его чувствительный длинный нос почувствовал свежий след — и с большим душком, чем обманный след Фимбрю и Меммия. Луций Апулей Сатурнин, квестор в порту Остии. Молодой человек и новичок в Сенате, но сейчас занимает важное для нового молодого сенатора положение. Квестор в Остии наблюдал за погрузкой зерна на корабли и его хранением, он знал нужных людей, имеющих дело со всем процессом заготовки зерна, был знаком со всей информацией по данному вопросу еще задолго до всех остальных в Сенате.

Дальнейшие расследования убедили Скавра, что он нашел виновного. Луций Апулей Сатурнин был главным инициатором преждевременного повышения цен на зерно, что помешало казне приобрести дополнительные запасы для государственных зернохранилищ по приемлемой цене, сообщил Скавр, принцепс Сената, притихшей Палате. И Палата нашла козла отпущения. Возмущенные сенаторы единогласно проголосовали за смещение Луция Апулея Сатурнина с поста квестора, тем самым лишая его права занимать место в Палате. Требовали предъявить ему судебный иск за вымогательство.

Отозванный из Остии для явки в Палату, Сатурнин мог только голословно отвергать обвинения Скавра. Явных доказательств не было — ни за, ни против. А это означало, что дело сводилось к простому вопросу, кто из двоих больше достоин доверия.

— Докажи, что я виновен! — крикнул Сатурнин.

— Докажи, что ты не виновен! — насмешливо отозвался Скавр.

И естественно, Палата поверила своему принцепсу, ибо Скавр ни в коем случае не мог быть обвинен в несправедливости. Это знали все. И Сатурнин был лишен всего.

Но Луций Апулей Сатурнин был по природе борцом. По возрасту, в тридцать лет, он имел право быть квестором и сенатором. Но о нем почти ничего не было известно, поскольку по молодости он не был блестял на судебных процессах и не выделялся большими способностями во время военных учений. Родом он был из сенаторской семьи в Пицене. Он ничего не мог сделать, потеряв должность квестора и свое место в Сенате. Он даже не мог протестовать, когда Палата отдала его любимую работу в Остии не кому-нибудь, а Скавру, принцепсу Сената, на период до конца года! Но он был борцом.

Никто в Риме не верил в его невиновность. Где бы он ни появлялся, вслед ему плевали, его толкали, даже кидали в него

камнями. Стены его дома были крупно исписаны: «СВИНЬЯ, ПЕДЕРАСТ, ЯЗВА, ОБОРОТЕНЬ, ЧУДОВИЩЕ, ИНДЮШАЙ ПЕНИС»... Эти слова ярко выделялись на оштукатуренной поверхности. Его жена и маленькая дочь большую часть времени проводили дома в слезах. Даже слуги косо смотрели на него и не спешили выполнять его приказания, пока он не начинал орать на них.

Его лучшим другом был почти никому не известный Гай Сервилий Главция. На несколько лет старше Сатурнина, Главция радовался своей репутации неплохого адвоката в судах и хорошего законодателя. Но он не был ни знатным патрицием Сервилием, ни даже известным плебеем Сервилием. Если бы не репутация блестящего законника, Главция оставался бы наравне с другим Гаем Сервилием, который наскреб деньжат и пробрался в Сенат, ухватившись за подол тоги своего патрона Агенобарба. Этот другой плебей Сервилий, однако, еще не приобрел когномена, а «Главция» было вполне уважаемым прозвищем, ибо оно означало, что у всех членов его семьи красивые серо-зеленые глаза.

Они были красивой парой, Сатурнин и Главция. Один очень темный, другой очень светлый, и каждый в наилучшей физической форме. Основой для их дружбы послужила сходная острота ума и глубина интеллекта. У них была одинаковая цель в жизни — стать консулами и навсегда возвысить свои фамилии. Политика и законотворчество просто завораживали их, что означало, что они очень подходили к тому виду работы, к которой у них было призвание.

— Я еще не побежден, — жестко сказал Сатурнин Главции. — Есть другой способ вернуться в Сенат, и я использую его.

— Не цензоры, — сказал Главция.

— Определенно не цензоры! Нет, я выставлю свою кандидатуру на выборах в народные трибуны, — заявил Сатурнин.

— Ты никогда туда не пройдешь. — Главция не был чрезмерно мрачен, он просто был реалистом.

— Пройду, если найду достаточно сильного союзника.

— Гая Мария.

— А кого же еще? Он не испытывает любви ни к Скавру, ни к Метеллу Нумидийскому, ни к кому-либо из тех, кто делает политику в Сенате, — сказал Сатурнин. — Утром я отплываю в Массилию, объясню все единственному человеку, кто сможет высушить меня, и предложу ему свои услуги.

Главция кивнул:

— Да, это хорошая тактика, Луций Апулей. В конце концов, тебе терять нечего. — Он усмехнулся. — Подумай, какой замечательно невыносимой станет жизнь Скавра, когда ты сделаешься народным трибуном!

— Нет, не за ним моя охота, — презрительно возразил Сатурнин. — Он поступал, как считал нужным. Спорить с этим я не могу. Кто-то намеренно расставил мне ловушку, и вот этого «кого-то» я и хочу. И если я стану народным трибуном, я смогу сделать его жизнь невыносимой. Главное — выяснить, кто это был.

— Поехай в Массилию и повидайся с Гаем Марием, а я тем временем начну выяснять, кто виновен в истории с зерном.

Осенью можно было спокойно плыть морем на запад, и Луций Апулей Сатурнин благополучно добрался до Массилии. Оттуда он верхом доехал до римского лагеря близ Гланума и попросил встречи с Гаем Марием.

Со стороны Мария не было большим преувеличением, когда он говорил своим старшим офицерам, что планирует построить еще один Каркасон, хотя Марииев лагерь представлял собой деревянную версию каменного города. Холм, на котором разместился большой лагерь римлян, весь ощетинился фортификационными укреплениями. Сатурнин сразу оценил крепость. Германцы, не имеющие представления о правильной осаде, никогда не смогут взять это укрепление, даже если набросятся на него всеми имеющимися силами.

— Но здесь сражения не будет, — заметил Гай Марий, знакомя своего неожиданного гостя с диспозицией. — Это лишь для того, чтобы германцы так подумали.

«И этого человека не назовешь хитрым? — подумал Сатурнин, вдруг оценив качество интеллекта Мария. — Если кто-то и может мне помочь, так это именно он».

Между ними сама собой возникла взаимная симпатия, они чувствовали родственную беспощадность, целеустремленность и, вероятно, своеобразную неримскую борьбу с традиционными предрассудками. Сатурнин был очень рад обнаружить, что в Глануме еще не знают о его позоре. Следовательно, Марий получит весть от самого Сатурнина. Однако Гай Марий был главнокомандующим очень ответственного мероприятия, и его жизнь уже давно ему не принадлежала. Сатурнину пришлось подождать удобного времени для серьезного разговора.

Ожидая увидеть переполненную столовую, Сатурнин удивился тому, что он и Маний Аквиллий были единственными, кто составил компанию Гаю Марии во время обеда.

— Луций Корнелий в Риме? — спросил он.

Совершенно спокойно Марий взял себе фаршированное яйцо.

— Нет, он уехал выполнять специальное задание, — кратко сказал он.

Понимая, что не было смысла скрывать свое положение от Мания Аквиллия, который в прошлом году убедительно доказал, что он человек Мария, и который получает письма из Рима со всеми слухами и сплетнями, Сатурнин приступил к рассказу о себе, как только обед был закончен. Оба собеседника молча выслушали его до конца, не прервав ни одним вопросом, что позволило Сатурнину почувствовать, что он излагает ясно и логично.

Марий вздохнул.

— Я очень рад, что ты лично приехал ко мне, — сказал он. — Это значительно усиливает твои шансы, Луций Апулей. Виновный человек мог бы прибегнуть к разным уловкам, но не приехал бы ко мне лично. Я не считаюсь легковерным человеком. Да и Марк Эмiliй Скавр — тоже, кстати. Но, как и ты, я считаю, что, кто бы ни расследовал эту запутанную ситуацию, он намеренно был введен в заблуждение и целый ряд ошибочных выводов привел его к тебе. В конце концов, как квестор в Остии, ты — отличный вариант для западни.

— Если дело против меня потерпит неудачу, Гай Марий, то лишь благодаря тому обстоятельству, что у меня попросту нет денег закупать зерно оптом, — сказал Сатурнин.

— Верно. Но это не может послужить автоматическим оправданием, — возразил Марий. — Ты легко мог это сделать за очень большую взятку или взяв заем.

— Ты думаешь, что я так и поступил?

— Нет. Я считаю, что ты — жертва, а не преступник.

— Я тоже так думаю, — сказал Маний Аквиллий. — Все другое было бы слишком просто.

— Тогда ты поможешь мне на выборах в народные трибуны? — спросил Сатурнин.

— О, конечно, — не колеблясь, сказал Марий.

— Я отплачу всем, чем смогу.

— Хорошо! — сказал Марий.

После этого события последовали одно за другим. Сатурнин не терял времени, поскольку выборы в трибунат были назначены на начало ноября, а он должен был вернуться в Рим вовремя, чтобы выдвинуть свою кандидатуру и обеспечить поддержку, которую обещал Марий. Вооруженный большим пакетом писем от Мария к разным людям в Риме, Сатурнин отправился в сторону Альп в легкой двуколке, запряженной четырьмя мулами, и с кошельком достаточно тугим, чтобы нанимать хороших животных по пути.

Когда он уезжал, необычная тройка пешком проходила через главные ворота римского лагеря. Три галла. Варвары галлы!

Никогда не видевший варвара за всю свою жизнь, Сатурнин даже разинул рот. Один был, очевидно, пленником двух других, ибо он был в наручниках. Странно, по виду и по одежде он был меньше похож на варвара, чем те двое! Среднего роста, волосы длинные, но стрижка греческая, гладко выбрит, одет в галльские штаны, накидка с рукавами из лохматой шерсти, с еле заметным и сложным клеточным рисунком. Второй человек был очень смуглый, в высоком головном уборе из черных перьев и золотой проволоки, который выдавал в нем кельтибера. По одежде больше ничего нельзя было сказать, можно только угадывать мускулистое тело. Третий человек был, очевидно, лидером — истинным варварам галлом. Обветренная белая кожа его груди была как молоко, штаны подвязаны ремнем, как у германца или белга. Длинные золотисто-рыжие волосы падали на спину, длинные золотисто-рыжие усы свисали по обе стороны рта, а на шее красовался массивный золотой амулет в виде головы дракона.

Двуколка тронулась в путь. Проезжая мимо маленькой группы на близком расстоянии, Сатурнин встретил ледяной взгляд рыжего и содрогнулся.

Войдя через главные ворота римского лагеря, три галла продолжали подниматься на холм, никого не встретив, пока не дошли до стола дежурного офицера, укрытого под навесом возле добротного деревянного дома генерала.

— К Гаю Марии, пожалуйста, — произнес рыжий на безупречной латыни.

Дежурный офицер глазом не моргнул.

— Я посмотрю, принимает ли он, — сказал он, вставая. Буквально сразу же он вышел обратно и широко улыбнулся: — Полководец говорит, что ты можешь войти, Луций Корнелий.

— Умен, — тихо обронил Серторий, проходя мимо дежурного офицера. — Никому об этом не говори. Слышишь?

Увидев двоих своих офицеров, Марий стал так же пристально вглядываться в них, как Сатурнин, но с меньшим удивлением.

— Пора уже возвратиться домой, — сказал он Сулле, сердечно пожимая ему руку, потом поздоровался с Серторием.

— Мы сюда ненадолго, — отозвался Сулла, выдвигая вперед пленного. — Мы вернулись, только чтобы привести тебе подарок для твоего триумфального парада. Познакомься с вождем Копиллом из племени вольков-тектоносагов, тем самым, кто помог уничтожить армию Луция Кассия при Бурдигале.

— А-а! — Марий посмотрел на пленного сверху вниз. — А он не похож на галла, правда? Ты и Квинт Серторий выглядите более впечатляюще.

Серторий усмехнулся. Сулла ответил:

— Имея столицу в Толозе, он долгое время был приобщен к цивилизации. Он хорошо говорит на греческом. По образу мышления он, наверное, наполовину галл. Мы захватили его за пределами Бурдигалы.

— Он действительно стоит таких трудов? — спросил Марий.

— Ты согласишься, когда выслушаешь меня, — сказал Сулла, улыбаясь своей звериной улыбкой. — Видишь ли, он может рассказать любопытную историю, и рассказать ее языком, понятным римлянину.

Заинтересованной выражением лица Суллы, Марий более внимательно посмотрел на Копиллу.

— Какую историю?

— О, насчет золота. Того самого золота, которое было погружено на римские повозки и увезено из Толозы в Нарбон в то время, когда некий Квинт Сервилий Цепион был проконсулом. Золота, которое таинственным образом исчезло недалеко от Каркасона, вследствие чего когорта римских солдат осталась лежать на дороге без оружия и доспехов. Копилла был недалеко от Каркасона, когда то золото исчезло, — в конце концов, он считал это сокровище своей собственностью. Но отряд людей, которые увезли золото на юг, в Испанию, был слишком большим и хорошо вооруженным, чтобы его атаковать. А с Копиллом находилось лишь несколько человек. Интересно то, что уцелел один римлянин — Фурний, *raefectus fabrum*. И еще уцелел вольноотпущенник грек — Квинт Сервилий Биас. Но Копиллы не было около Малаки несколько месяцев спустя, когда повозки с золотом выехали на территорию рыбоперерабатывающего хозяйства, владельцем которого был один из клиентов Квinta Сервилия Цепиона. Не было его у Малаки и тогда, когда золото отправляли морем в Смирну. Груз был помечен «Рыбный соус из Малаки для Квinta Сервилия Цепиона». Но у Копиллы есть друг, а у того тоже имеется друг, который тоже обладает другом, а тот, в свою очередь, хорошо знаком с бандитом из Турдатами по имени Бригантия. Он-то и был нанят украсть золото и доставить его в Малаку. С помощью двух агентов Квinta Сервилия Цепиона, Фурния и вольноотпущенника Биаса, которые заплатили Бригантию повозками, мулами и шестьюстами комплектами добротного римского оружия и снаряжения, отобранного у убитых Бригантием солдат. Когда золото было отправлено на восток, Фурний и Биас ушли с ним.

«Никогда я не видел Гая Мария таким ошеломленным, — подумал Сулла, — даже когда он читал письмо, в котором сообщалось, что он выбран консулом в свое отсутствие. Тогда он сильно обрадовался. А в этот рассказ он просто не может поверить».

— О боги! — прошептал Марий. — Как он посмел?

— А вот посмел, — презрительно подтвердил Сулла. — Какое значение имело то, что цена этому ловкому трюку — шестьсот жизней римских солдат? В конце концов, в этих повозках было пятнадцать тысяч талантов золотом! Вольки-тектоносаги считали себя не хозяевами этого золота, но только его хранителями. Богатство Дельфов, Олимпии, Додоны и десятков других, более мелких храмов, которое Брэнн Второй хранил как общее имущество всех галльских племен. Так что теперь вольков-тектоносагов проклинают, а вождя Копиллу проклинают вдвойне. Богатство Галлии ушло.

Шок постепенно проходил. Теперь Марий смотрел больше на Суллу, чем на Копиллу. Да. Краткая история, рассказанная очень эмоционально. Но эту историю рассказывал Марии бард-галл, а не римский сенатор.

— Ты великий актер, Луций Корнелий, — признал Марий.

Сулла был до смешного доволен:

— Благодарю, Гай Марий.

— Но разве ты не останешься? А как же зимой? Здесь вам было бы лучше. — Марий усмехнулся. — Особенно молодому Квинту Серторию, если у него из одежды больше ничего нет, кроме этой ужасной короны из перьев.

— Нет, завтра мы уходим. Кимбры кружат у подножия Пиренеев, а местные племена бросают в них все, что могут найти, с каждого выступа, скалы, камня, утеса. Германцев, кажется, притягивают высокие горы! Но мне и Квинту Серторию понадобилось несколько месяцев, чтобы подобраться поближе к кимбрам. Нам пришлось подтвердить подлинность своего происхождения у половины Галлии и Испании, — сказал Сулла.

Марий налил две чаши вина, посмотрел на Копиллу и налил третью, которую и подал пленнику. Протягивая чашу Серторию, он серьезно оглядел своего сабинского родственника.

— Ты похож на Плутона петуха, — сказал он.

Серторий отпил немного вина и блаженно вздохнул.

— Тускуланское! — сказал он и стал прихорашиваться. — Петух Плутона, говоришь? Всяко лучше, чем ворона Прозерпины.

— Какие новости у вас есть о германцах? — спросил Марий.

— Если коротко — подробнее скажу за обедом, — то очень мало. Еще очень рано для подробной информации — откуда они пришли, почему кочуют. В следующий раз. Не бойся, я вернусь задолго до того, как они тронутся с места и двинутся в сторону Италии.

Но могу сказать тебе, где они находятся в данный момент. Тевтоны и тигурины, маркоманы и херуски пытаются через Рен

попасть в Германию, а кимбры — через Пиренеи в Испанию. Не думаю, что какой-то группе удастся задуманное, — сказал Сулла, ставя свою чашу. — Хорошее вино!

Марий позвал дежурного офицера.

— Пожалуйста, пришли ко мне трех надежных солдат. И посмотри, сможешь ли найти удобное помещение для вождя Копиллы. К сожалению, его надо держать взаперти, но только до тех пор, пока мы не сможем отправить его в Рим.

— Я бы не посыпал его в Рим, — задумчиво молвил Сулла, когда дежурный офицер ушел. — Мне было бы спокойнее, если бы он остался здесь.

— Цепион? Он не посмеет, — сказал Марий.

— Он же присвоил золото.

— Хорошо. Мы поместим пленника в Нерсии, — сказал Марий решительно. — Квинт Серторий, у твоей матери есть друзья, которые были бы не прочь на год-два поместить у себя варварского вождя? Я прослежу, чтобы деньги заплатили хорошие.

— Она кого-нибудь найдет, — заверил Серторий.

— Какая удача! — радостно воскликнул Марий. — Я никогда не думал, что мы получим надлежащие доказательства, чтобы отправить Цепиона в заслуженную ссылку, но Копилла — это веское доказательство. Мы пока никому об этом не скажем. Сначала одолеем германцев и вернемся в Рим с победой, а потом привлечем Цепиона к суду, обвинив его в вымогательстве и измене!

— Измене? — удивленно переспросил Сулла. — Да у него полно друзей в центуриях! Кто нам позволит обвинять Цепиона в измене?

— Но, — вежливо возразил Марий, — друзья в центуриях не смогут ему помочь, если его будут судить специальным судом по делам измены, где выступают только вспадники.

— Что ты хочешь сказать, Гай Марий? — серьезно спросил Сулла.

— У меня теперь на следующий год есть два народных трибуна! — победоносно объявил Марий.

— Они могут и не пройти в трибунат, — прозаически заметил Серторий.

— Пройдут! — одновременно сказали Марий и Сулла.

И все трое засмеялись, а пленник продолжал стоять с большим достоинством, делая вид, что понимает их латынь, и ожидая, что же с ним будет дальше.

Марий внезапно вспомнил про хорошие манеры и перешел с латыни на греческий, дружески вовлекая Копиллу в разговор и для начала пообещав ему, что цепи скоро с него снимут.

* * *

— Ты знаешь, Квинт Цецилий, — сказал Марк Эмилий Скавр, принцепс Сената, Метелл Нумидийскому, — я очень доволен своим назначением квестором в Остию. Я, пятидесятипятилетний старик, с головой лысой, как яйце, с морщинами такими глубокими, что брадобрей не может чисто выбрать меня, — я снова чувствую себя мальчишкой! И так легко решаются все проблемы! В тридцать лет они громоздятся, как непреодолимые высокие горы. Я это хорошо помню. А в пятьдесят пять лет они вдруг стали пустячными булыжниками.

Скавр вернулся в Рим для специального собрания Сената, созданного praetor urbanus — претором по делам граждан Гаем Меммием, чтобы обсудить некоторые вопросы, касающиеся Сардинии. Младший консул Гай Флавий Фимбрания был нездоров. Какказалось многим, это слишком уж часто случалось в эти дни.

— До тебя доходили слухи? — спросил Метелл Нумидийский, поднимаясь вместе со Скавром по ступеням здания Сената и входя внутрь. Большинство сенаторов, прибывших рано, уже собирались в курии Гостилия, продолжая беседовать. Собрание должно было начаться с того, что магистрат, созвавший сенаторов, принесет жертву и прочитает надлежащие молитвы.

— Какие слухи? — спросил Скавр немного рассеянно. В эти дни голова его была занята исключительно заготовкой зерна.

— Луций Кассий и Луций Марций объединились и намерены поставить вопрос в Народном собрании, чтобы Гая Мария снова выдвинуть в консулы в его отсутствие!

Скавр резко остановился, немного не дойдя до того места, где слуга уже поставил его стул на обычное место в первом ряду. Принцепс Сената уставился на Метелла Нумидийского с огромным удивлением.

— Они не посмеют! — воскликнул он.

— Еще как посмеют! Ты можешь себе это представить? Третий срок консульства — беспрецедентно! Это значит сделать человека долгосрочным диктатором! Почему же в тех редких случаях, когда Рим нуждался в диктаторе, срок диктаторства ограничивался шестью месяцами? Это делалось для того, чтобы человек на этой должности не возомнил себя выше всех! А теперь — пожалуйста, какой-то крестьянин устанавливает свои собственные правила, желая постоянно быть консулом! — Метелл Нумидийский в ярости брызгал слюной.

Скавр тяжело, по-стариковски, опустился на стул.

— Мы сами в этом виноваты, — медленно проговорил он. — У нас не хватило смелости отделаться от этого ядовитого гриба! Почему так получилось, что Тиберий Гракх, Марк Фульвий и Гай Гракх были вовремя ликвидированы, а Гай Марий живет себе и живет? Его надо было уничтожить еще много лет назад!

Метелл Нумидийский пожал плечами:

— Он — крестьянин. Гракхи и Фульвий Флакк были аристократы. Ядовитый гриб! Какое точное определение! Ночью, незаметно, он вырастает, но когда придешь вырвать его, он уже где-то в другом месте.

— Это должно прекратиться! — воскликнул Скавр. — Никто не может быть выбран консулом в отсутствие, тем более дважды подряд! Этот человек больше вторгается в традиции правления Римом, чем любой другой за всю историю Республики! Я начинаю всерьез верить, что он хочет стать царем Рима, а не Первым Человеком в Риме.

— Согласен, — сказал Метелл Нумидийский, усаживаясь рядом со Скавром. — Но как мы можем отделаться от него? Он никогда не задерживается здесь достаточно долго, чтобы можно было организовать его убийство.

— Луций Кассий и Луций Марций, — удивленно проговорил Скавр. — Не понимаю. Аристократы из прекрасных старинных семей! Неужели никто не может напомнить им о необходимости соответствовать своему положению, возвратить к их чувству порядочности?

— Мы все знаем о Луции Марции, — сказал Метелл Нумидийский. — Марий скупил его долги. Впервые за всю свою довольно бурную жизнь он платежеспособен. Но Луций Кассий — это другое. Он стал болезненно чувствительным к мнению народа о некомпетентных военачальниках, вроде его покойного отца. Он очень хорошо знает, какой репутацией пользуется Марий среди простонародья. Думаю, он хочет, чтобы в Риме знали: он помогает Марию отделаться от германцев. Этим он желает восстановить репутацию своей фамилии.

Выслушав эту теорию, Скавр только хмыкнул.

Продолжать разговор стало невозможно. Палата вся собралась, и Гай Меммий, в эти дни изрядно осунувшийся, что делало его привлекательнее, поднялся, чтобы взять слово.

— Почтенные сенаторы, — начал он, держа в руке небольшой документ, — я получил письмо от Гнея Помпея Страбона из Сардинии. Оно было адресовано мне, а не нашему уважаемому консулу Гаю Флавию, потому что, как претор по делам граждан,

я обязан наблюдать за судопроизводством Рима.

Он помолчал, со свирепым выражением лица всматриваясь в задние ряды сенаторов. В этот момент он был почти безобразным. Задние ряды поняли намек и сделали вид, что внимательно слушают.

— Чтобы напомнить тем из обитателей задних рядов, кто лишь изредка оказывает честь этому помещению своим присутствием, Гней Помпей Страбон является квестором губернатора Сардинии, которым — напоминаю вам! — в этом году является Тит Анний Альбуций. Всем понятны эти сложные взаимоотношения, почтенные сенаторы? — осведомился он с сарказмом.

Послышалось общее бормотание, которое Меммий принял за положительный ответ.

— Хорошо! — сказал он. — Итак, я зачитываю письмо Гнея Помпея ко мне.

Меммий развернул свиток и, держа его перед собой, начал читать — у него была четкая дикция хорошо обученного оратора, к которой никто не мог придраться.

— «Я пишу, Гай Меммий, с просьбой разрешить мне подать в суд на Тита Анния Альбуция, губернатора-пропретора нашей провинции Сардинии, сразу же после нашего возвращения в Рим в конце года. Как известно Палате, месяц назад Тит Анний сообщил, что ему удалось разделаться с разбойниками в своей провинции. Он просил отметить его работу овацией. Просьба была отклонена — и совершенно справедливо. Хотя некоторые гнезда этих негодяев и были порушены, провинция все же не освободилась от разбоя. Причина, по которой я намерен подать в суд на губернатора, заключается в следующем. Узнав об отказе ему в овации, он повел себя не как римлянин. Он не только считает уважаемых членов Сената „сборищем неблагодарных *irrumatores*“, но он еще не поскупился и устроил грандиозное шутовское триумфальное шествие по улицам Каралеса! Это обошлось ему в большую сумму денег. Я считаю его действия угрозой Сенату и народу Рима, а его триумф — предательским. Я твердо убежден в том, что только я смогу быть обвинителем на этом суде. Пожалуйста, ответь мне, когда сможешь!»

Меммий положил письмо при полной тишине.

— Я был бы признателен нашему ученому принцепсу Сената Марку Эмилию Скавру, если бы он высказал свое мнение по этому поводу, — заключил оратор и сел.

С суровым лицом Скавр прошел на середину.

— Как странно, — начал он, — но я говорил почти об этом же как раз перед этим собранием. Я говорил о вещах, указывающих на разрушение наших древних систем правления и личного поведения членов правительства. В последние годы этот высочайший орган, состоящий из благороднейших людей Рима, теряет не только свою власть, но и свое достоинство. Нам — благороднейшим людям Рима! — больше не дозволяют прокладывать для Рима пути. Мы — благороднейшие люди Рима! — уже привыкли к тому, что народ — перемечивые, неквалифицированные, жадные, неразумные, кратковременные политики-дилетанты — сует нас лицом в грязь! С нами — с благороднейшими людьми Рима! — попросту не считаются! Наша мудрость, наш опыт, знатность наших семей, традиции, заложенные за время жизни многих поколений со времени основания Республики, — все это уже ничего не значит. Теперь значение имеет только народ. А я говорю вам, почтенные сенаторы, что народ не умеет править Римом!

Он повернулся к открытым дверям, в сторону колодца комиций.

— Какой народ участвует в Народном собрании? — очень громко продолжал он. — Люди второго, третьего и даже четвертого классов, второстепенные всадники, амбициозные, желающие ворочать Римом, как своей лавочкой, торговщи и мелкие землевладельцы и даже кустари. Люди, называющие себя патронами, которые набирают себе клиентов среди сельчан и всяких дурачков! Люди, которые называют себя агентами, представителями, но даже не знают, что именно они представляют! Их личные дела им надоели, поэтому они зачастыли в комицию, льстя себе надеждой, что они в своих драгоценных трибах могут управлять Римом лучше, чем мы в своей курии. Политические лицемеры треплют языками, и это действует как рвотное. Они несут чепуху, они встают на сторону того или другого народного трибуна и аплодируют, когда сенаторские прерогативы передаются всадникам! Они — средние люди! Ни достаточно известные, чтобы принадлежать к первому классу центурий, ни достаточно низкие, чтобы заниматься лишь своим делом, как люди пятого класса и неимущие! Я повторяю, почтенные сенаторы, что народ не умеет править Римом! Слишком много власти дано плебсусу! В своем самонадеянном высокомерии, при поддержке и подстрекательстве различных членов этой Палаты, плебс теперь игнорирует наши советы, наши директивы и наших людей!

Все признали, что эта речь станет одной из тех знаменитых речей Скавра, что запоминаются надолго. Его личный секретарь и несколько других писарей дословно записывали все, что он говорил. А говорил он медленно, чтобы его слова запечатлевались правильно.

— Давно пора, — продолжал он торжественно, — нам, сенаторам, обратить этот процесс вспять. Давно пора показать народу, что это он — младший в нашей системе совместного правления! — Он передохнул и стал говорить более спокойно. — Конечно, истоки этой эрозии власти сенаторов легко обнаруживаются. Это благородное учреждение ввело в старшие магистратуры слишком много высокочек, слишком много ядовитых грибов, слишком много «новых людей». Что значит Сенат Рима для человека, который в лучшем случае полулатинянин из пограничных самнитов? Который получил свое первое консульство на юбках патрицианки, которую он купил? И что значит Сенат Рима для косоглазого гибрида с холмов Северного Пицена, кишащих кельтами?

Естественно, Скавр собирался атаковать Мария, этого следовало ожидать. Но он сначала отклонился от темы, и Палата почувствовала, что ее хорошо отчитали. Поэтому Палата продолжала слушать, делая вид, что ей интересно.

— Наши сыновья, почтенные сенаторы, — печально продолжал Скавр, — робкие создания, растущие в удущливой политической атмосфере! Сенат Рима задыхается. Как можем мы ждать от наших сыновей, чтобы, когда настанет их черед, они возглавили Рим, если народ их запугивает? Я говорю вам: уже сегодня вы должны начать учить своих сыновей, чтобы впоследствии они могли стать сильными ради Сената — и безжалостными к народу! Заставьте их понять естественное превосходство Сената! Подготовьте их к борьбе, чтобы поддерживать это естественное превосходство!

Он отошел от дверей и теперь обращался к скамье трибунов, которая была вся занята.

— Может ли кто-нибудь сказать мне, почему член этой благородной Палаты намеренно принижает ее? А это случается на каждом шагу! Вот они сидят, называя себя не только сенаторами, но и народными трибунами! Служа двум хозяевам! Я говорю, и пусть они запомнят, что сначала они сенаторы, а уж потом народные трибуны. Их настоящий долг перед народом — учить народ подчиняться. Но выполняют ли они свой долг? Нет! Конечно, нет! Некоторые из этих трибунов остаются лояльными к своему первому долгу, они — сенаторы, я признаю и хвалю их за это. А некоторые ничего не делают — ни для Сената, ни для народа. Они слишком боятся, что если они сдвинутся к одному концу скамьи, а на противоположном конце кто-нибудь встанет, то они упадут и над ними будут смеяться. Но есть и такие, почтенные сенаторы, кто намеренно принижает значение этого благородного учреждения — Сената Рима. Почему? Что может двигать ими в их желании разрушить естественный порядок вещей?

Десять трибунов сидели на скамье. Лояльные к Сенату трибуны чопорно выпрямились, глаза их сверкали. Люди в середине скамьи слегка пригнулись, потупив голову. У активных трибунов лица были суровые, непокорные. Они ни в чем не раскаивались.

— Я могу сказать вам почему, коллеги сенаторы, — молвил Скавр голосом, полным презрения. — Некоторые позволяют себе покупать, как подделку-безделушку на прилавке дешевого рынка. Этих людей мы понимаем! Но у других имеются более скрытые причины, и из этих людей первым в списке стоял Тиберий Семпроний Гракх. Я говорю о том типе народных трибунов, которые видят в народе инструмент для удовлетворения своих амбиций, о том типе трибунов, которые страстно желают стать Первым Человеком в Риме, не завоевав этого звания среди равных себе. Например, таких, как Сципион Эмилиан и Сципион Африканский, Эмилий Павел и — прошу извинить меня за смелость — Марк Эмилий Скавр, принцепс Сената! Мы заимствовали слово у греков, чтобы описать народных трибунов вроде Тиберия и Гая Гракхов. Мы называем их демагогами. Однако мы не

используем это слово в том смысле, в каком его употребляют греки. Наши демагоги не приводят весь город на Форум, требуя крови, не стаскивают сенаторов с лестницы курии, навязывая свою волю посредством массового насилия. Наши демагоги довольствуются тем, чтобы зажигать завсегдатаев комиции и навязывать свою волю через законотворчество. Конечно, время от времени случается насилие, но зачастую именно мы, сенаторы, вынуждены прибегать к насилию, чтобы восстановить статус-кво. Ибо наши демагоги — законодатели и авторы законопроектов — более ловкие, более мстительные, намного более опасные, чем простые подстрекатели мятежей. Они коррумпируют народ, чтобы осуществлять свои амбиции. И это, почтенные сенаторы, ниже всякого предела. И все же каждый день это происходит у нас на глазах, и каждый день это становится все откровеннее. Кратчайший путь к власти, легкая дорога к превосходству.

Он замолчал, сделал круг, левой рукой собрал массивные складки тоги, спускающиеся с левого плеча, подвинул их к шее. Согнулся оголенную правую руку, чтобы жестами подчеркивать наиболее важные моменты своей речи.

— Кратчайший путь к власти, легкая дорога к превосходству, — повторил он громко. — Все мы знаем этих людей, не так ли? Первый среди них — Гай Марий, наш высокочтимый старший консул, который, как я слышал, собирается опять стать консулом, и опять в отсутствие! По нашему ли это происходит желанию? Нет! Конечно, с помощью народа! Как еще мог Гай Марий попасть туда, где он сейчас, кроме как не с помощью народа? Некоторые из нас были против него, мы дрались зубами и ногтями, мы боролись до изнеможения, используя каждый законный способ из арсенала нашей конституции! Все напрасно. Гая Мария поддерживает народ, его слушает народ, он сыплет деньги в кошельки некоторых народных трибунов. И таких предостаточно сегодня. Богатый, как Крез, он может купить то, чего не может получить другим способом. Таков Гай Марий. Но я вышел сюда не для того, чтобы говорить о Гае Марии. Простите меня, почтенные сенаторы, за то, что я позволил своим эмоциям увести меня так далеко от главной темы моего выступления.

Он вернулся на прежнее место, повернулся лицом к возвышению, на котором сидели курульные магистры, и обратился к Гаю Меммию.

— Я поднялся, чтобы говорить о другом выскочке, менее заметном, чем Гай Марий. Выскочке, который утверждает, будто его предки были сенаторами. Он умеет говорить на хорошем греческом, образован, живет в своем доме при большом количестве слуг, следящих за тем, чтобы его взор никогда не оскорблял вид свиного помета. Сколько бы он ни утверждал обратное, он — не римлянин из римлян! Я говорю о квесторе Гне Помпее Страбоне, направленном этой почтенной Палатой служить губернатору Сардинии Титу Аннию Альбуцию. Кто такой этот Гней Помпей Страбон? Какой-то Помпей, который претендует на кровное родство с Помпеями, заседающими в этой Палате в течение нескольких поколений! Было бы интересно посмотреть, насколько близко это кровное родство. Богач, половина Северной Италии ходит в его клиентах, настоящий царь в границах своих собственных земель — вот кто такой этот Гней Помпей Страбон.

И Скавр заревел:

— Члены Сената, к чему идет это благородное учреждение, когда абсолютно новый сенатор в должности квестора имеет безрассудную смелость и глупость предавать суду своего начальника? Как же у нас мало молодых римлян, если мы не можем занять какие-то триста сидений истинно римскими задницами? Я возмушен! Неужели этот Помпей Косоглазый действительно ничего не слыхал о правилах хорошего тона — а чего, собственно, следует ждать от сенатора, как не хорошего тона! — что мог даже подумать о том, чтобы обвинить своего начальника? Что с нами происходит, если мы позволяем таким, как этот Помпей Косоглазый, плюхнуться своей неотесанной задницей на сенаторский стул? И что происходит с ним, что он смеет так поступать? Невежество и отсутствие воспитания — вот что происходит! Некоторые вещи, почтенные сенаторы, просто — не — делаются! Например, нельзя подавать в суд на своего начальника или на близкого родственника. Не делаются такие вещи! Никогда! Глупый, тупой, дурно воспитанный, бесцеремонный, бесполковый! В нашем латинском языке слишком мало едких эпитетов, чтобы перечислить недостатки такого ядовитого гриба, как этот Гней Помпей Страбон, этот Помпей Косоглазый!

Со скамьи трибунов раздался голос:

— Ты хочешь сказать, Марк Эмилий, что Тита Анния Альбуция следует похвалить за его поведение?

Это спросил Луций Кассий.

Принцепс Сената выпрямился, как кобра, вставшая на хвост, и такой же ядовитый:

— О, не будь ребенком, Луций Кассий! Здесь речь идет не о Тите Аннии. Естественно, он свое получит. Если его признают виновным, он будет подвергнут наказанию, которое определит закон. Здесь речь идет о протоколе, политесе, этикете. Другими словами, Луций Кассий, о хороших манерах! Наш ядовитый гриб Помпей Косоглазый виновен в вопиющем нарушении приличий! — Он обратился к Палате: — Я предлагаю, почтенные сенаторы, привлечь к суду Тита Анния Альбуция, обвинив его в измене. И в то же время пусть претор по делам граждан напишет очень жесткое письмо квестору Гнею Помпею Страбону, в котором сообщит ему, что, во-первых, ни при каких обстоятельствах ему не позволяют предъявлять иск своему начальнику и, во-вторых, что он ведет себя, как мужлан.

Палата зааплодировала, что сделало голосование излишним.

— Я думаю, Гай Меммий, — медленно, гнусавым голосом, как бы демонстрируя свое аристократическое превосходство, сказал Луций Марк Филипп, обиженный намеком Скавра на то, что Марий купил его услуги, — что Палата должна сейчас назначить обвинителя по делу Тита Анния Альбуция.

— Будут возражения? — спросил Меммий, оглядываясь.

Никто не возражал.

— Очень хорошо. Тогда запишем, что Палата назначает обвинителя по иску государства против Тита Анния Альбуция. Какие будут предложения? — спросил Меммий.

— Оуважаемый претор по делам граждан, есть только одно имя! — так же медленно протянул Филипп.

— Тогда назови его, Луций Марк.

— Это наш ученый молодой юрист Цезарь Страбон, — сказал Филипп. — Давайте не будем лишать Тита Анния ощущения, что его преследует голос из прошлого! Я считаю, что его обвинитель должен быть косоглазым!

Палата захочатала, а Скавр — громче всех. Когда все успокоились, то проголосовали и назначили обвинителем Тита Анния Альбуция косоглазого молодого Гая Юлия Цезаря Страбона — младшего брата Катула Цезаря и Луция Цезаря. Сделав это, Палата крайне эффективно отомстила Помпею Страбону. Когда Помпей Страбон получил суровое письмо из Сената (плюс копию речи Скавра, вложенную Гаем Меммием, как соль на рану), он все понял. И поклялся, что когда-нибудь сделает так, что все эти высокомерные могущественные аристократы будут нуждаться в нем больше, чем он в них.

Как бы усердно они ни боролись, ни Скавр, ни Метелл Нумидийский не смогли переманить на свою сторону достаточно голосов в Народном собрании, чтобы не допустить назначения Гая Мария кандидатом на консультскую должность в его отсутствие. Не смогли они поколебать и Центурионатное собрание, потому что выборщики второго класса не могли простить Скавру его памятной речи, в которой он назвал их средними людьми. Центурионатное собрание дало Гаю Марию мандат на продление его консульства, чтобы он мог остановить германцев, и слушать не хотелось, чтобы его место занял кто-то другой. Выбранный старшим консулом второй раз подряд, Гай Марий, не боясь возражений, мог претендовать на звание Первого Человека в Риме.

— Но только не *primus inter pares* — первого среди равных, — сказал Метелл Нумидийский молодому Марку Ливию Друзу, возобновившему судебную практику после кратковременной военной карьеры в прошлом году. Они встретились у трибунала претора по делам граждан, где Друз стоял со своим другом и зятем Цепионом Младшим.

— Боюсь, Квинт Цецилий, — ответил Друз, даже не думая извиниться при этом, — что на этот раз я не соглашусь с мнением

сенаторов. Я голосовал за Гая Мария. Ты поражен, не правда ли? Но я не только голосовал за Гая Мария, но и убедил большинство моих друзей и всех своих клиентов голосовать за него.

— Ты предал свой класс! — резко прервал его Метелл.

— Вовсе нет, Квинт Цецилий. Видишь ли, я был при Аравсионе, — спокойно возразил Друз. — Я видел своими глазами, что происходит, когда сенаторская исключительность берет верх над здравым смыслом. И я откровенно скажу тебе, что если бы Гай Марий был такой же косоглазый, как Цезарь Страбон, такой же невоспитанный, как Помпей Страбон, такой же низкорожденный, как портовый рабочий, такой же грубиян, как всадник Секст Перквитиний, — я все равно голосовал бы за него! Я не верю, что у нас есть другой военачальник такого же калибра. И я не хочу, чтобы над ним поставили консула, который обращался бы с ним, как Квинт Сервилий Цепион обращался с Гнеем Маллием Максимом!

И Друз с достоинством отошел, оставив Метелла Нумидийского стоять с разинутым ртом.

— Он изменился, — сказал Цепион Младший, который еще продолжал ходить следом за Друзом, но уже с меньшим энтузиазмом. — Мой отец говорит, что, если Марк Ливий не будет осторожен, он превратится в худшего демагога.

— Не мог он так измениться! — воскликнул Метелл Нумидийский. — Ведь его отец, цензор, был самым ярым противником Гая Гракха, а молодой Марк Ливий получил самое консервативное воспитание!

— Аравсион изменил его, — продолжал Цепион Младший. — Может быть, в этом виноват полученный им удар по голове. По крайней мере, так считает мой отец. С тех пор как он вернулся, его водой не разольешь с марсием Силоном, с которым он подружился после сражения. — Он фыркнул. — Силон, родом из Альбы Фуцентии, свободно чувствует себя в его доме, словно это он здесь хозяин. Они часами сидят, разговаривают, и хоть бы раз позвали меня.

— Печальная история с этим Аравсионом, — признал Метелл Нумидийский, чувствуя себя немного неловко, потому что говорил это сыну человека, который больше всех был в этом виновен.

Цепион Младший как можно скорее удалился и отправился домой, чувствуя смутную неудовлетворенность, поселившуюся в нем с некоторого времени. Точно он не знал, когда это началось. Приблизительно — с того самого времени, как он женился на сестре Друза, а Друз женился на его сестре. Не было никакой особой причины для подобных чувств, просто эти чувства были, и все тут. Все так изменилось после Аравсиона! Его отец — тоже. То он радостно хихикал над шуткой, которую Цепион Младший не понимал, то вдруг впадал в отчаяние, когда вновь нарастала волна общественного возмущения поражением при Аравсионе. А то кричал в ярости о несправедливости «всего этого». Что отец подразумевал под «всем этим», Цепион Младший не постигал.

Цепион Младший так и не мог освободиться от чувства вины, когда думал об Аравсионе. Друз, Серторий, Секст Цезарь и даже этот Силон остались лежать на поле, принятые за убитых, а он бежал через реку, как дворняжка от пинка, желая выжить не меньше, чем последний неимущий рекрут в его легионе. Естественно, об этом он никому не говорил, даже отцу. Это была ужасная тайна Цепиона Младшего. И все же каждый день, когда он видел Друса, у него было такое ощущение, что Друз что-то подозревает.

Его жена Ливия Друса сидела в своей гостиной, держа маленькую дочку на коленях. Она только что закончила кормить малышку грудью. Как всегда, его приход вызвал улыбку, которая должна была согреть его. Но этого почему-то не происходило. Ее глаза жили как бы отдельно от лица и никогда не улыбались, в них еще ни разу не просыпался интерес. Разговаривая с ним, она не смотрела ему в глаза, ни на мгновение. И все же ни у кого не было жены милее и услужливее. Она никогда не отвергала его, ссылаясь на усталость или на недомогание. Занимаясь с ним любовью, она делала все, о чем бы он ее ни попросил. Конечно, в такие моменты он не мог видеть выражения ее глаз. Откуда же ему было узнать, что глаза ее не отражали ни капли удовольствия?

Более проницательный и умный муж мягко упрекнул бы Ливию Друзу в этом, но Цепион Младший склонен был приписать все своему воображению, не понимая, что воображения-то у него и нет. Он знал, что что-то в основе своей неправильно, но не настолько он был проницателен, чтобы сделать правильный вывод. Определенно, ему и в голову не приходило, что она не любит его, хотя до свадьбы он был совершенно уверен в том, что не нравится своей избраннице. Но как такое могло быть, если она доказала, что она — образцовая римская жена? Нет, она должна его любить! Все дело в воображении.

Дочь, Сервилия, была для Цепиона Младшего скорее объектом, чем живым существом. Он был разочарован тем, что родился не сын.

Он сел. Ливия Друса потерла спинку дочери и передала няне-македонянке.

— Ты знала, что твой брат голосовал за Гая Мария на консульских выборах? — спросил он.

Ливия Друса удивилась:

— Нет. Ты уверен?

— Он сегодня сам сказал Квинту Цецилию Метеллу Нумидийскому. Я там был. Он что-то болтал о том, что, мол, был при Аравсионе. Ох, хоть бы враги моего отца перестали наконец об этом говорить!

— Дай время, Квинт Сервилий.

— Но становится все хуже, — уныло протянул Цепион Младший.

— Ты будешь ужинать дома?

— Нет, я опять ухожу. Буду ужинать у Луция Лициния Оратора. Марк Ливий тоже придет.

— О-о! — безжизненно отреагировала Ливия Друса.

— Извини, хотел предупредить тебя еще утром, но забыл, — сказал муж, вставая. — Ты не возражаешь?

— Нет, конечно, — равнодушно заверила Ливия Друса.

Конечно, она возражала, но не потому, что она жаждала компании своего мужа, а потому, что, если бы он предупредил ее, это сэкономило бы деньги и усилия поваров. Они жили вместе с Цепионом-отцом, который всегда жаловался на большие расходы по хозяйству и постоянно обвинял Ливию Друзу в том, что она не очень экономная хозяйка. Как Цепиону-отцу, так и его сыну не приходило в голову предупреждать ее о своих передвижениях, и поэтому каждый день она была обязана проследить за тем, чтобы обед был приготовлен на всех, даже если некому было его есть, и обед возвращался на кухню почти нетронутым и попадал в глотки весьма довольных этим слуг Цепиона-отца.

— Госпожа, отнести ребенка в детскую? — спросила девушка.

Ливия Друза очнулась от своих дум.

— Да, — сказала она, даже не взглянув на ребенка.

Няня унесла девочку. Ливия кормила грудью свою дочку не потому, что она заботилась о здоровье маленькой Сервилии. Просто она знала, что пока она кормит грудью, ей не грозит снова забеременеть.

Она не очень интересовалась Сервилией. Каждый раз, когда она смотрела на эту малютку, она видела в ней миниатюрную копию ее отца. Короткие ноги, кожа такая смуглая, что делалось неприятно. На спине вдоль позвоночника, на руках и ногах густая темная растительность. На голове жесткие черные волосы, растущие низко на лбу и на затылке — как шкура животного. В глазах Ливии Друзы маленькая Сервилия не обладала никакими положительными качествами. Она даже не пыталась рассмотреть дочку повнимательнее. А между тем у малышки была пара черных глаз, больших и темных, — в будущем они обещали стать очень красивыми, а маленький, словно бутончик розы, ротик, спокойный и замкнутый, служил еще одним предвестником грядущей красоты.

Восемнадцать месяцев брака не примирили Ливию Друзу со своей судьбой, хотя ни разу она не воспротивилась приказам своего брата Друза. Ее учтивость, ее поведение были безупречны. Даже во время ее частых сексуальных занятий с Цепионом Младшим она вела себя безукоризненно. К счастью, ее высокое рождение и статус не позволяли ей демонстрировать страсть.

Цепион Младший был бы потрясен, если бы в постели она вела себя, как любовница, — стонала в экстазе или металась по простыням. Она была обязана — как диктовали правила поведения жены — лежать спокойно на спине, бедра неподвижны, соответствующее моменту теплого отношения и безупречная скромность. Но это было так трудно! Труднее, чем все остальное в ее жизни, ибо, когда ее муж дотрагивался до нее, она готова была кричать, словно ее насилиют, и блевать ему в лицо.

В ней не было никакой жалости к Цепиону Младшему, который в принципе ничего не сделал, чтобы заслужить такое страшное отвращение к себе. Теперь он и ее брат Друз объединились для нее во что-то большое и грозное. Страшно боясь их, она день за днем приближалась к смерти, сознавая, что никогда не узнает, что значит по-настоящему жить.

Хуже всего для нее была «географическая» ссылка. Дом Сервилия Цепиона находился на той стороне Палатина, где располагался Большой цирк. Он выходил на Авентинский холм. Ниже строений не было, только крутая каменистая скала. Ливия больше не могла стоять в лоджии, наблюдая за балконом дома, расположенным ниже, чтобы хоть на мгновение увидеть своего рыжеволосого Одиссея.

Цепион-отец был исключительно неприятным человеком и со временем становился все более и более неприятным. У него даже не было жены, которая могла бы разделить бремя с Ливией Друзой. Отношения молодой женщины со свекром и его сыном были настолько холодны, что у нее не хватало смелости спросить у кого-нибудь из них, была ли эта супруга Цепиона-старшего жива или же умерла. Конечно, характер Цепиона-отца ухудшился из-за его роли в поражении при Аравсионе. Сначала у него отняли право исключительной власти, потом народному трибуну Луцио Кассию Лонгину удалось провести закон, по которому его исключили из Сената, и теперь месяц не проходил, чтобы какой-нибудь предпримчивый претендент на любовь толпы не попытался привлечь его к суду по плохо замаскированному обвинению в измене. Запертый в собственном доме злобной ненавистью народа, Цепион-отец проводил большую часть своего времени, наблюдая за Ливией Друзой и безжалостно критикуя ее.

Однако она сама не способствовала улучшению положения вещей. Однажды мания свекра следить за ней настолько ее рассердила, что она вышла на середину сада-перистиля, где никто не мог ее подслушать, и стала громко разговаривать сама с собой. Как только рабы стали собираться за колоннадой, гадая, что бы это могло значить, Цепион-отец выскочил из кабинета с каменным выражением лица. Он прошел в сад и, рассвирепевший, представал перед ней.

— Чем это ты занимаешься, девочка? — строго спросил он.

Ее большие темные глаза простодушно смотрели на него.

— Я читаю наизусть поэму о царе Одиссее, — сказала она.

— Перестань! — прорычал свекор. — Ты делаешь из себя посмешище! Слуги говорят, что ты головой тронулась! Если ты должна читать Гомера, то делай это там, где люди хотя бы могут понять, что это Гомер!

— Так быстрее проходит время, — ответила она.

— Есть лучшие способы проводить время, девочка. Поработай на ткацком станке, спой песенку ребенку, делай что-нибудь, что делают женщины. Иди, иди!

— Я не знаю, что делают женщины, отец, — сказала она. — А что обычно делают женщины?

— Сводят мужчин с ума! — в сердцах сказал он, ушел в свой кабинет и с шумом захлопнул дверь.

После этого она, вняв совету Цепиона-отца, села за ткацкий станок. И начала ткать первое из целой серии траурных платьев. Работая, она очень громко разговаривала с воображаемым царем Одиссеем, представляя, что он отсутствовал несколько лет, а она пытается отсрочить тот день, когда должна будет выбрать себе нового мужа. Часто она останавливалась своей монолог и сидела, склонив голову набок, словно слушала кого-то.

На этот раз Цепион-отец послал сына узнать, в чем дело.

— Я тку мое траурное платье, — спокойно пояснила она, — и пытаюсь узнать, когда царь Одиссей вернется домой, чтобы спасти меня. Ты знаешь, он спасет меня. Когда-нибудь.

Цепион Младший открыл рот от удивления:

— Спасет тебя? О чем ты говоришь, Ливия Друса?

— Я ни разу не выходила из этого дома, — сказала она.

Воздев руки, Цепион Младший раздраженно воскликнул:

— Во имя Юноны, кто тебе не дает выйти из дома, если ты хочешь?

Она открыла рот, но ничего не могла придумать, что сказать, кроме:

— У меня нет денег.

— Ты хочешь денег? Я дам тебе денег, Ливия Друса! Только перестань беспокоить моего отца! — воскликнул Цепион Младший, находясь между двух огней. — Иди, куда хочешь! Покупай, что хочешь!

Лицо ее оживила улыбка, она прошла по комнате, подошла и поцеловала мужа в щеку.

— Спасибо, — сказала она очень искренне и даже слегка прижалась к нему.

Это оказалось так просто! Годы вынужденной изоляции остались далеко в прошлом. Ведь Ливия Друса и подумать не могла, что при ее переходе из-под власти брата под власть мужа и его отца правила могли слегка измениться.

* * *

Когда Луций Апулей Сатурнин был выбран народным трибуном, его благодарность Гаю Марии не имела границ. Теперь он мог оправдаться! Как он вскоре обнаружил, у него имелись союзники. Один из народных трибунов был клиентом Мария из Этрурии — некий Гай Норбан, довольно богатый, но без перспективы стать сенатором, потому что в роду у него не было сенаторов. И еще был некий Марк Бебий, один из клана Бебиев, вечных членов трибунала, известных тем, что брали взятки. При необходимости его можно было купить.

К сожалению, противоположный конец скамьи трибунов был занят тремя страшно консервативными оппонентами. На самом конце скамьи сидел Луций Аврелий Котта, сын умершего консула Котты, племянник экс-претора Марка Котты и сводный брат Аврелии, жены молодого Гая Юлия Цезаря. Рядом с ним сидел Луций Антистий Регин из приличной, но незнатной семьи. Шел слух о том, что он — клиент бывшего консула Квинта Сервилия Цепиона, поэтому он был слегка запачкан позором своего патрона. Третий был Тит Дикий, очень спокойный человек из Кампании, заслуживший репутацию хорошего солдата.

На середине скамьи располагались весьма скромные, робкие народные трибуны. Они, казалось, считали, что их главная роль в наступающем году — разделять противоположные концы скамьи, чтобы те не вцепились друг в друга в глотки. Действительно, не было любви между теми, кого Скавр окрестил «демагогами», и теми, кого он похвалил за то, что они никогда не забывают: сенаторство — на первом месте, трибунат — только на втором.

Не то чтобы Сатурнин был обеспокоен. При выборах в коллегию он набрал самое большое количество голосов. Вторым был Гай Норбан. Консерваторы поняли, что народ продолжает оставаться на стороне Гая Мария и что Марий посчитал целесообразным потратить много денег, купив голоса за Сатурнина и Норбана. Было необходимо, чтобы Сатурнин и Норбан нанесли молниеносный удар, ибо интерес к Народному собранию резко убывал. Частично это было вызвано тем, что народу сделалось скучно, частично — из-за того, что ни один народный трибун не мог выдержать бешеного темпа дольше трех месяцев. Народный трибун рано выыхался, как заяц Эзопа, в то время как старая сенаторская черепаха продолжала упорно брести с одинаковой скоростью.

— Я заставлю их понервничать, — сказал Сатурнин Главции при приближении десятого дня декабря, дня, когда новая

коллегия приступит к своим обязанностям.

— Что сначала? — лениво осведомился Главция, немного недовольный тем, что он все еще не имел возможности стать народным трибуном.

Сатурнин улыбнулся, словно оскалился.

— Маленький аграрный закончик, — сказал он, — чтобы помочь моему другу и благодетелю Гаю Марии.

Тщательно спланировав все и произнеся великолепную речь, Сатурнин вынес на обсуждение *ager Africanus insularum* — закон о распределении африканских земель, зарезервированных за государством Луцием Марцием Филиппом в позапрошлом году. Теперь эти земли предлагалось разделить среди неимущих солдат армии Гая Мария по окончании их службы в легионах — по сто югеров на человека. О, как же он радовался этому! Рев одобрения народа, рев разгневанного Сената. Этот кулак, поднятый Луцием Коттом, сильная и искренняя речь Гая Норбана в поддержку закона! О!

— Я никогда не думал, что так интересно быть народным трибуном, — сказал он после того, как собрание было распущено, и они с Главцией обедали в доме Главции.

— Да, ты заставил этих политиков в Сенате защищаться, — сказал Главция, усмехнувшись при воспоминании о случившемся. — Я думал, у Метелла Нумидийского случится кровоизлияние.

— Жаль, что не случилось. — Сатурнин откинулся на обеденном ложе, удовлетворенно вздохнув. Он стал рассматривать узоры, которые чадный дым от ламп и жаровен вывел на потолке, остро нуждавшись в побелке. — Странные они какие-то, правда? Стоит только произнести «аграрный законопроект» — и они уже готовы к борьбе, волят о братьях Граахах, приходят в ужас от одной лишь мысли бесплатно отдать что-то людям, не способным что-то приобрести. Даже неимущие против того, чтобы что-то отдавать даром!

— Да, довольно новая концепция для всех благомыслящих римлян, — согласился Главция.

— Оправившись от первого шока, они завопили об огромных размерах участков. «Это же в десять раз больше участков в Кампании!» — стонали политики. Можно подумать, они не знают, что остров в африканском Малом Сырте в десять раз менее плодороден самого худшего участка в Кампании, и осадков там в десять раз меньше, — продолжал Сатурнин.

— Да, но на самом деле спор был о тысячах новых клиентов Гая Мария, не так ли? — спросил Главция. — Вот где главная мозоль. Каждый ушедший в отставку ветеран из армии неимущих — это потенциальный клиент своего полководца. Особенно когда этот полководец заботится о том, чтобы в старости его солдат получил клочок земли. Ветеран признателен Марию! Ветеран не видит, что истинный его благодетель — это государство, поскольку государство должно найти землю. Нет, солдат благодарит своего военачальника. Он благодарит Гая Мария. Вот против чего борются политики.

— Согласен. Но это не ответ, Гай Сервилий. Ответ — это принятие общего закона, действующего на все времена, для всех армий из неимущих. Десять югеров хорошей земли каждому человеку, кто заканчивает службу в легионах. Скажем, пятнадцать лет? Даже двадцать? Независимо от того, под началом скольких полководцев он будет служить, в скольких кампаниях он будет участвовать.

Главция засмеялся, искренне забавляясь.

— Это слишком хорошо звучит, Луций Апулей! И подумай о всадниках, которых такой закон сильно охладит. Они же будут меньше земли сдавать в аренду, не говоря уже о сенаторах-землевладельцах!

— Если бы эта земля была в Италии, я понял бы это, — сказал Сатурнин. — Но острова у побережья Африки? Что толку в этих землях для собак, стерегущих свои дочиста обглоданные кости? По сравнению с миллионами югеров, которые Гай Марий раздал от имени Рима вдоль Уба, Челифа и вокруг Тритонского озера — и все тем же людям, которые сейчас орут! — это же просто курьи на смех!

Главция завращал своими серо-зелеными глазами под длинными ресницами. Лежа на спине, он замахал руками, как выброшенная на берег черепаха — плавниками. И опять засмеялся:

— Тем не менее мне очень понравилась речь Скавра. Он умница. Все остальные почти ничего не значат, кроме того, что имеют влияние. — Он поднял голову и посмотрел на Сатурнина. — Ты готов к завтрашнему дню в Сенате?

— Думаю, да, — весело ответил Сатурнин. — Луций Апулей возвращается в Сенат! И на этот раз они не смогут вышвырнуть меня до окончания моего срока! Чтобы сделать это, понадобится согласие тридцати пяти триб, а они не согласятся. Нравится это политикам или нет, я влетел в их священные двери, как оса, и такой же злой.

Он вошел в Сенат, как хозяин, мимоходом быстро поклонился Скавру, принцепсу Сената, помахал правой рукой обеим сторонам Палаты, почти заполненной, — явный признак того, что предстоит борьба. Результат, решил он, не имел большого значения, ибо арена, на которой будет разыгрываться реальный конфликт, находилась за пределами курии. Она — там, в колодце комиций. Это будет день оправдания. Опозоренный квестор по закупке зерна, превращенный в народного трибуна, — действительно, вот уж горький сюрприз для политиков.

В общении с почтенными сенаторами Сатурнин взял новый курс, который полностью продемонстрирует потом в Народном собрании. А сейчас это будет пробный прогон.

— Сфера влияния Рима уже очень давно не ограничивается Италией, — начал Сатурнин. — Все мы знаем, какие неприятности доставил Риму царь Югурта. Все мы навсегда благодарны глубокочтимому старшему консулу Гаю Марию за блестящее и полное окончание войны в Африке. Но как мы можем сегодня гарантировать будущим поколениям римлян, что наши провинции останутся мирными и они смогут наслаждаться их плодами? У нас сложилась определенная традиция относительно обычаем неримлян, хотя они и живут в наших провинциях. Неримляне могут соблюдать свои религиозные ритуалы, свои торговые обычай, политическую практику. Но только в том случае, если эти занятия не мешают Риму, не угрожают ему. Один из наименее желательных побочных эффектов нашей традиции невмешательства — это незнание. За пределами Италийской Галлии и Сицилии ни одна из наших провинций не знает о Риме и римлянах достаточно, чтобы сотрудничать с нами, а не сопротивляться. Если бы народ Нумидии знал о нас больше, Югурте никогда не удалось бы убедить их последовать за ним. Если бы народ Мавратании знал о нас больше, Югурте никогда не удалось бы убедить царя Бокха последовать за ним.

Сатурнин прочистил горло. Пока Палата воспринимала его речь хорошо. Но он еще не дошел до заключительной части. Теперь он приступил к ней.

— И это подводит меня к землям африканских островов. Стратегически эти острова почти ничего не значат. По размерам они средние. Никто из нас здесь, в этой Палате, не захочет их. Там нет золота, нет серебра, нет железа, нет экзотических специй. И не так уж они плодородны по сравнению с замечательными посевными землями по реке Баграда, где совсем немногие из нас имеют собственность. Так почему не отдать их неимущим солдатам Гая Мария после окончания их службы? Неужели мы действительно хотим, чтобы почти сорок тысяч ветеранов-неимущих превратились в завсегдатеев таверн и болтались по улицам Рима? Без работы, без цели, без денег, после того как они потратят ту небольшую долю трофеев, которая им достанется? Разве не лучше для них — и для Рима! — если мы поселим их на землях африканских островов? Ибо, почтенные сенаторы, для них после отставки остается еще одна работа, которую они смогут выполнить. Они должны принести Рим и римские традиции в африканскую провинцию! Наш язык, наши обычай, наших богов, наш образ жизни! Через этих храбрых и энергичных римских солдат-эмигрантов жители африканской провинции лучше поймут Рим, ибо они, эти храбрые и энергичные солдаты-эмгранты, — не богаче, не умнее, не привилегированнее, чем многие из тех местных, с которыми они будут общаться каждый день. Некоторые женятся на местных девушках, и все побратаются. И в результате — меньше войн, больше мира.

Все это было сказано убедительно, разумно, без многозначительных пауз и пышных жестов азиатской риторики. Переходя к заключительной части своей речи, Сатурнин начал верить, что он заставит этих упрямцев увидеть будущее Рима глазами Гая

Мария.

А когда он шел к своему концу скамьи трибунов, то не почувствовал в наступившей тишине ничего, что говорило бы о противостоянии. Но потом он понял, в чем дело. Они ждали. Ждали, когда кто-нибудь из политиков подскажет, как надо реагировать.

— Можно мне? — спросил Луций Цецилий Далматик, Великий Понтифик, председательствующий магистрата, младшего консула Гая Флавия Фимбрию.

— Тебе слово, Луций Цецилий, — разрешил Фимбрин.

И он взял слово. Его гнев, хорошо скрываемый до этого момента, прорвался, как вспыхнувшее сухое дерево.

— Рим — единственный! — прогремел он так оглушительно, что некоторые даже вскочили с мест. — Как смеет римлянин, которому оказана честь быть членом этой Палаты, предлагать программу, нацеленную на превращение остального мира в имитацию римлян?

Обычная для Далматика поза надменной отчужденности куда-то исчезла. Он надулся, покраснел, красноватые жилки на пухлых розовых щеках перестали выделяться. Он дрожал и выбирал — так он был зол. Все присутствующие в Палате сидели восхищенные, благоговейно подавшись вперед.

— Да, почтенные сенаторы, мы все знаем этого римлянина, не правда ли? — пронзительно выкрикнул он. — Луций Апулей Сатурнин — вор, он использовал нехватку продуктов в своих интересах. Женоподобная вульгарность, осквернитель маленьких мальчиков, питающий грязное вожделение к своей сестре и своей маленькой дочери. Кукла в руках арпинского кукольника в Заальпийской Галлии! Таракан из самого мерзкого публичного дома! Подлец, гомосексуалист, любитель порнографии, тварь на конце каждого члена в городе! Что он знает о Риме, что знает о Риме его сельский кукольник из Арпина? Рим — единственный! Рим нельзя выбрасывать в мир, как дермью в канализационную трубу, как плевок в сточную канаву! Неужели мы стерпим разложение нашей расы посредством гибридных союзов с проститутками полусотни наций? И в будущем мы должны будем ездить в места, далекие от Рима, чтобы наши уши оскверняли ублюдочным латинским жаргоном? Пусть они говорят на греческом! Пусть они поклоняются Серапису мошонки или Астарте ануса! Какое нам до этого дело? Неужели мы отдадим им нашего Квирина? Кто такие квириты, дети Квирина? Мы! Ибо кто такой Квирин? Только римлянин может это знать! Квирин — дух римского гражданства. Квирин — это бог сообщества римлян. Квирин — непобедимый бог, потому что Рим никогда не был побежден и никогда не будет побежден, коллеги квириты!

Вся Палата взорвалась криками. Великий Понтифик Далматик, шатаясь, добрел до своего стула и почти упал на него. Люди плакали, люди топали ногами, люди хлопали, пока ладони не онемели, люди поворачивались друг к другу и обнимались, а слезы текли по их щекам.

Но ничем не сдерживаемые эмоции быстро иссякли, как пена на базальтовой скале, и когда слезы высохли и тела перестали дрожать, члены Сената Рима почувствовали себя опустошенными, не способными больше ни к чему в этот день. Они устало разошлись по домам, волоча напитые свинцом ноги, чтобы снова, во сне, пережить тот единственный волшебный момент, когда пред ними во весь рост встал безликий Квирин, чтобы накинуть на них свою божественную тогу, как отец на своих преданных и неизменно лояльных сыновей.

Палата была почти пустой, когда Красс Оратор, Квинт Муций Сцевола, Метелл Нумидийский, Катул Цезарь и Скавр, принципы Сената, опомнились и прервали свою эйфорическую беседу, решив последовать за остальными. Луций Цецилий Метелл Далматик все еще сидел на своем стуле, спина прямая, руки сложены на коленях, как у воспитанной девицы. Но голова была опущена, подбородок на груди, тонкие пряди седеющих волос шевелил легкий бриз из открытых дверей.

— Брат мой, это была величайшая речь, которую мне приходилось слышать! — воскликнул Метелл Нумидийский, потрепав брата по плечу.

Далматик сидел, не двигаясь, ничего не говоря. И только тогда они поняли, что он мертв.

— Это замечательно! — сказал Красс Оратор. — Я бы умер счастливым, если бы знал, что на пороге смерти произнесу свою лучшую речь.

Но ни речь Метелла Далматика, ни смерть его, ни гнев и власть Сената не могли помешать Народному собранию принять аграрный закон Сатурнина. И карьера трибуна Луция Апулея Сатурнина взяла оглушительный старт. Странная смесь позора и лести.

— А мне это нравится, — сказал Сатурнин Главции за ужином в день, когда закон Апулея был принят. Они часто обедали вместе и обычно — в доме Главции. Жена Сатурнина так и не оправилась от ужасных событий, последовавших за обвинением Сатурнина Скавром, когда Сатурнин был квестором в Остии. — Да, мне действительно это нравится! Только подумай, Гай Сервiliй, у меня могла быть совершенно другая карьера, если бы не этот носатый старый хрен, Скавр.

— Ничего, ростра тебе к лицу, — сказал Главция, поедая тепличный виноград. — Может быть, есть что-то на свете, что управляет нашими жизнями.

Сатурнин фыркнул:

— Ты имеешь в виду Квирина?

— Можешь фыркать, сколько тебе угодно. Но я повторяю, что жизнь — очень странная штука, — сказал Главция. — Она более схематична и более предсказуема, чем игра коттаб.

— Как? Ни элемента стоицизма или эпикуреизма, Гай Сервiliй? Ни фатализма, ни гедонизма? Лучше будь осторожен, иначе ты можешь поставить в тупик всех старых греческих передунов, которые громко твердят, что мы, римляне, никакие не философы и лишь заимствуем у них, — засмеялся Сатурнин.

— Греки — существуют. Римляне — поступают. Выбирай! Я никогда еще не видел человека, кому удалось бы соединить оба состояния бытия. Мы — противоположные концы пищеварительного тракта. Греки и римляне. Римляне — рот, мы загружаем его. Греки — дырка в заднице, они выбрасывают. Никакого неваждания к грекам, просто метафора, — сказал Главция. Он проиллюстрировал свою мысль, сунув виноград в римский конец пищеварительного тракта.

— Поскольку у одного конца нет работы без контрибуций другого, нам лучше держаться вместе, — сказал Сатурнин.

Главция усмехнулся:

— И это говорит римлянин!

— Именно. Несмотря на то, что Метелл Далматик сказал, будто я не римлянин. Разве это не хороший сюжет для книги? Старый импотент блеснул и умер так вовремя! Если бы политики были более предприимчивы, они могли бы сделать его вечным примером. Метелл Далматик — Новый Квирин!

Сатурнин покрутил осадком на дне своей чаши и ловко опрокинул на пустую тарелку. Сосчитал количество выплесков из основной массы.

— Три, — сказал он и поежился. — Это число смерти.

— И где теперь наш скептик? — насмешливо спросил Главция.

— Три — это необычно.

Главция ловко плюнул и разрушил форму пятна тремя зернышками винограда.

— Вот! Три убиты тремя!

— Мы оба умрем через три года, — сказал Сатурнин.

— Луций Апулей, ты сплошное противоречие! Ты такой же благородный, как Луций Корнелий Сулла, и имеешь не меньшие права. Успокойся, это же только игра коттаб! — Главция сменил тему. — Я согласен, жизнь на ростре интереснее, чем жизнь любимца политиков. Требуется много сил и умения, чтобы манипулировать людьми. У полководца есть его легионы. У демагога ничего нет острее языка. — Он хихкнул. — И разве не удовольствие наблюдать, как толпа прогоняет Марка Бебия с Форума, когда он пытается наложить вето?

— Картина, способная заставить человека прозреть! — усмехнулся Сатурнин, стараясь выбросить из головы страшные цифры — три или тридцать три.

— Кстати, — заметил Главция, вдруг опять меняя тему, — ты слышал последнюю новость на Форуме?

— О том, что этот Квинт Сервилий Цепион стащил золото Толозы? — спросил Сатурнин.

Главция был разочарован:

— Чтоб тебя Дис забрал! Я думал, что первым тебе скажу!

— Я получил письмо от Мания Аквиллия, — пояснил Сатурнин. — Когда Гай Марий слишком занят, мне пишет Аквиллий. И признаюсь, я не жалуюсь, поскольку он пишет намного лучше, чем Великий Человек.

— Из Заальпийской Галлии? Как они узнали?

— Оттуда слух и пошел. Гай Марий заполучил пленника. Царь Толозы, ни больше ни меньше. И он утверждает, что Цепион украл золото — все пятнадцать тысяч талантов.

Главция присвистнул:

— Пятнадцать тысяч талантов! С ума сойти! Многовато. Все понимают, что губернатор имеет право на дополнительный доход, но столько золота? Больше, чем в казне? Многовато!

— Да, да. Однако слух будет на руку Гаю Норбану, когда он выдвинет обвинение против Цепиона. История с золотом пойдет гулять по городу быстрее, чем Метелле Кальве потребуется для того, чтобы задрать подол перед здоровенным мужланом.

— Мне нравится твое сравнение! — похвалил Главция. И вдруг ожиился: — Хватит об этом! Нам с тобой надо работать над законопроектом о судах по делам измены. Мы не можем позволить себе пропустить что-нибудь важное.

Работа Сатурнина и Главции над законом о судах по делам измены была тщательно спланирована и скоординирована, как большая военная кампания. Они намеревались изъять такие суды из компетенции центурий и избавиться от вечных тупиков и каменных стен, в которые приходилось упираться каждый раз. Они хотели также вывести суды по делам о вымогательстве и взяткам из-под контроля Сената, заменив сенаторских присяжных присяжными, состоящими целиком из всадников.

— Во-первых, нам нужно, чтобы Норбан выдвинул в Народном собрании какое-нибудь обвинение против Цепиона. Но в обвинении не должно звучать слова «измена». Мы можем привлечь его хоть сейчас, народ и так уж возмущен Цепионом, — сказал Сатурнин.

— До сих пор в Народном собрании такого не случалось, — с сомнением протянул Главция. — Наш вспыльчивый друг Агенобарб попробовал было, когда обвинял Силана в том, что тот незаконно вызвал войну с германцами. Измена там не упоминалась! Но Народное собрание все-таки отказалось от дела. Проблема в том, что никому не нравятся суды по делу об измене.

— Ну а мы будем над этим работать, — заявил Сатурнин. — Чтобы центурии вынесли обвинительный приговор, обвиняемый должен встать и сам сказать, что он намеренно попустительствовал нанесению вреда стране. И не найдется такого дурака, который так скажет. Гай Марий прав. Мы должны подрезать крыльшки политикам, показав им, что они вовсе не стоят ни над моралью, ни над законом. Мы можем осуществить это, только в другом учреждении, не в Сенате.

— А почему нельзя сразу принять твой новый закон об измене, а потом уже специальным судом судить Цепиона? — спросил Главция. — Да, да, я знаю, сенаторы завизжат, как пойманые свиньи. Они всегда так реагируют.

Сатурнин скривился:

— Ведь мы хотим жить, не так ли? Даже если у нас впереди еще три года, это уже лучше, чем умереть послезавтра.

— Опять ты с этими тремя годами!

— Послушай, если мы сможем обвинить Цепиона в Народном собрании, Сенат поймет наш намек. Сенат поймет, что народ сыт сенаторами, укрывающими своих коллег от справедливого возмездия. Не существует одного закона для сенаторов, а другого — для всех остальных. Пора народу проснуться! И я — тот, кто нанесет удар по спящему и пробудит его. Со временем образования Республики Сенат дурачит народ, чтобы простые люди поверили, будто сенаторы — лучшая порода римлян, будто этой породе разрешено делать и говорить все, что им вздумается. Голосуйте за Луция Блохастика, его род дал Риму первого консула! И какое имеет значение, что этот Луций — своекорыстный, алчный, некомпетентный? Нет! Луций Блохастик имеет родовое имя, он продолжает родовую традицию службы Риму в общественной сфере. Братья Гракхи были правы. Отними суды от когорт Луция Блохастика и передай их всадникам!

Главция глубокомысленно сказал:

— Вот о чем я подумал, Луций Апулей. Народ-то, по крайней мере, ответственный и образованный. Столп римской традиции. Но что, если однажды кто-то начнет говорить о неимущей черни так, как ты говоришь сейчас о народе?

Сатурнин засмеялся:

— Пока животы простолюдинов набиты и эдилы устраивают красивые зрелища и игры, неимущие будут счастливы. Чтобы заставить голодранцев соображать что-то в политике, надо Римский Форум превратить в Большой цирк!

— Этой зимой их животы не будут набиты так, как следовало бы, — заметил Главция.

— Будут, и все благодаря нашему уважаемому лидеру Палаты Марку Эмилию Скавру лично. Ты знаешь, меня нисколько не огорчает, что мы никогда не сможем сделать нашими единомышленниками Метелла Нумидийского или Катула Цезаря, но я не могу не сожалеть о том, что никогда не перетяну на свою сторону Скавра, — признался Сатурнин.

Главция удивленно посмотрел на него:

— И ты не держишь на Скавра зла за то, что он выкинул тебя из Сената?

— Нет. Он поступил так, как считал правильным. Но придет день, Гай Сервилий, я найду настоящих преступников, и тогда они пожалеют, что их не постигла судьба царя Фив Эдипа! — в ярости сказал Сатурнин.

В начале января народный трибун Гай Норбан предъявил обвинение Квинту Сервилию Цепиону в Народном собрании. Обвинение было сформулировано как «потеря армии».

С самого начала страсти разбушевались, поскольку весь народ был заранее настроен против исключительности сенаторов. Сенат был представлен всеми своими плебеями, чтобы сражаться за Цепиона. Задолго до того, как трибы были созваны для голосования, начались драки, и пролилась первая кровь. Народные трибуны Тит Диодор и Луций Аврелий хотели наложить вето на всю процедуру, но их стащила с ростры разъяренная толпа. В воздухе летали камни, палками ломали ребра и ноги. Диодор и Луция Котту на руках вынесли из комиций, и толпа буквально вывела их в Аргипет и держала там. Покрытые синяками, они пытались выкрикивать свое вето через море сердитых голосов, но их снова и снова заглушала толпа.

Исход дела против Цепиона и Сената решил слух о золоте Толозы, в этом сомнения не было. От неимущих граждан до римлян первого класса — весь город проклинал вора Цепиона, предателя Цепиона, карьериста Цепиона. Даже женщины, которые прежде никогда не проявляли интереса к событиям на Форуме или в Собрании, пришли посмотреть на этого Цепиона, преступника невиданного масштаба. Были споры о том, какой высоты была бы гора из золотых слитков, какие они тяжелые и как

много их. Ненависть ощущалась повсюду, ибо никому не нравится человек, удирающий с общественными деньгами. Особенно когда этих денег так много.

Решив продолжать судебное разбирательство, Норбан не обращал внимания на шум и крики, доносившиеся снаружи, когда заседатели Собрания сталкивались с толпой, единственной целью которой было увидеть и обвинить Цепиона, стоявшего на ростре в окружении ликторов, которые скорее защищали его, нежели держали под стражей. Сенаторы, чей патрицианский статус не позволял им участвовать в заседании Народного собрания, стояли на ступенях курии, оскорбляя Норбана, пока толпа не начала забрасывать их камнями. Скавр упал без сознания, из раны на голове потекла кровь. Но это не остановило Норбана, который даже не сделал паузу, чтобы выяснить, умер принцепс Сената или просто лежит без чувств.

Голосование прошло очень быстро. Первые восемнадцать из тридцати пяти триб прокляли Квinta Сервилия Цепиона, а это означало, что остальные трибы могут даже не голосовать. Ободренный этим беспрецедентным показателем степени ненависти к Цепиону, Норбан попросил Народное собрание голосованием вынести специальный приговор. Приговор настолько суровый, что сенаторы взывали. Но все было напрасно. И снова восемнадцать первых триб проголосовали за ужасное наказание Цепиону. Он лишился прав римского гражданства, ему запретили приближаться к Риму ближе чем на восемьсот миль, он должен был заплатить штраф в пятнадцать тысяч талантов золотом. До отъезда в ссылку ему предстояло находиться под охраной в тюрьме Лаутумии, без права разговаривать с кем-нибудь, даже с членами своей семьи.

Сопровождаемый победными криками толпы — всех особенно радовало, что у осужденного не будет случая увидеться со своими банкирами и тем самым утаить свое личное состояние, — Квнт Сервилий Цепион, экс-гражданин Рима, под охраной ликторов прошел короткое расстояние от колодца комиций до полуразрушенных камер Лаутумии.

Вполне удовлетворенная финальными событиями этого волнующего и необычного дня, толпа разошлась по домам, предоставив Римский Форум нескольким сенаторам.

Десять народных трибунов стояли отдельными группами. Луций Котта, Тит Диций, Марк Бебий и Луций Антистий Регин с унылым видом толпались вместе. Четверо «средних» трибунов беспомощно поглядывали то налево, то направо. И только ликующие Гай Норбан и Луций Апулей Сатурнин, громко смеясь, что-то говорили Гаю Сервилию Главции, пришедшему их поздравить. В пылу схватки все десять трибунов посыпывали тоги.

Марк Эмилий Скавр сидел, прислонившись спиной к цоколю статуи Сципиона Африканского, а Метелл Нумидийский и два раба пытались остановить кровь, льющуюся из пореза на виске принцепса. Красс Оратор и его двоюродный брат Квнт Муций Сцевола вертились около Скавра, потрясенные. Два молодых человека, Друз и Цепион Младший, застыли на сенатских ступенях под присмотром дяди Друза, Публия Рутилия Руфа, и Марка Аврелия Котты. Младший консул Луций Аврелий Орест, и в лучшие времена несильный человек, лежал, вытянувшись, в вестибюле. За ним ухаживал волнованный претор.

Рутилий Руф и Котта метнулись к Цепиону Младшему, чтобы поддержать его, когда тот вдруг обмяк и навалился на побледневшего Друза, ухватившего его за плечи.

— Чем мы можем помочь? — спросил Котта.

Друз покачал головой, не в состоянии что-либо сказать, а Цепион Младший, казалось, вообще ничего не слышал.

— Кто-нибудь догадался послать ликторов к дому Квinta Сервилия, чтобы охранять его от толпы? — спросил Рутилий Руф.

— Я это сделал, — наконец промолвил Друз.

— А жена его? — спросил Котта, кивнув в сторону Цепиона Младшего.

— Я распорядился, чтобы ее и ребенка отвели в мой дом, — ответил Друз, дотрагиваясь рукой до щеки, словно хотел убедиться, что это не сон.

Цепион Младший пошевелился, удивленно посмотрел на троих мужчин, окруживших его.

— Только золото, — проговорил он. — Все, что их волновало, это золото! Они даже не подумали об Аравсионе. Они не прокляли его за Аравсион. Они думали только о золоте!

— Такова натура человеческая, — тихо молвил Рутилий Руф. — Заботиться больше о золоте, чем о жизни людей.

Друз внимательно посмотрел на дядю. Но если Рутилий Руф и произнес свои слова с иронией, Цепион Младший этого не заметил.

— В этом я вину Гая Мария, — сказал Цепион Младший.

Рутилий Руф взял Цепиона Младшего под руку.

— Успокойся, Квнт Сервилий, Марк Аврелий и я проводим тебя до дома Марка Ливия.

Когда они стали спускаться со ступеней Сената, Луций Антистий Регин отошел от Луция Котты, Диция и Бебия и приблизился к Норбану, который отступил, приняв оборонительную позу.

— Можешь не волноваться! — выпалил Антистий. — Я не собираюсь пачкать руки о разных дворняжек вроде тебя! — Он выпрямился. Он был высокий, очевидно, с примесью кельтской крови. — Я отправлюсь в Лаутумию и освобожу Квinta Сервилия. Никто в истории нашей Республики еще не был брошен в тюрьму в ожидании ссылки, и я не допущу, чтобы первым стал Квнт Сервилий! Попытайся остановить меня, но я послал домой за мечом и клянусь Юпитером, Гай Норбан, если ты станешь на моем пути, я убью тебя!

Норбан засмеялся:

— Забирай его! Отведи Квinta Сервилия домой и утри ему слезы! Не забудь заодно подтереть ему задницу! Хотя на твоем месте, я даже близко не подошел бы к его дому.

— Смотри, слуши с него побольше! — крикнул Сатурнин вслед удалявшемуся Антистию. — Он может заплатить золотом, ты ведь знаешь!

Антистий резко обернулся, поднял руку и сделал всем известный жест.

— О, мне этого не надо! — воскликнул Главция, смеясь. — Если ты педераст, это еще не значит, что и все остальные тоже.

Гай Норбан потерял интерес к происходящему.

— Хватит, пошли домой, поедим.

Хотя Скавра сильно тошнило, он скорее умер бы, чем унизил себя рвотой на людях. Поэтому он заставил себя отвлечься и сосредоточиться на удалявшейся тройке, смеющейся, оживленной, победившей.

— Они оборотни, — сказал он Метеллу Нумидийскому, чья тога была испачкана в крови Скавра. — Посмотри на них! Куклы Гая Мария!

— Ты можешь встать, Марк Эмилий? — спросил Метелл.

— Не могу, пока не пройдет тошнота.

— Я видел, как Публий Рутилий и Марк Аврелий повели домой двух парней Квinta Сервилия, — сообщил Метелл.

— Хорошо. Нужно, чтобы за ними кто-то присмотрел. Я никогда не видел, чтобы толпа так жаждала нашей крови, даже в худшие дни Гракха, — молвил Скавр, стараясь глубоко дышать. — Нам нужно идти очень спокойно, Квнт Цецилий. Если мы будем торопиться, эти оборотни побегут за нами.

— Будь проклят Квнт Сервилий и это золото! — не выдержал Метелл.

Почувствовав себя лучше, Скавр с помощью своего приятеля поднялся на ноги.

— Значит, ты веришь, что он взял его?

Метелл Нумидийский презрительно фыркнул;

— Перестань, Марк Эмилий, не пытайся одурачить меня! Ты знаешь Цепиона так же хорошо, как и я. Конечно, он взял это проклятое золото! Я никогда его не прошу за это. Это золото принадлежало казне.

— Дело в том, — проговорил Скавр, трогаясь в путь неуверенными шагами, — что у нас отсутствует наша, внутренняя система правосудия, с помощью которой такие люди, как ты и я, могли бы наказывать предателей из нашей среды.

Метелл Нумидийский пожал плечами:

— Такой системы и быть не может, ты же сам знаешь. Учредить такую систему — значит признать, что сенаторы не всегда соответствуют надлежащему уровню. И если мы продемонстрируем нашу слабость — нам конец.

— Я лучше умру, чем допущу это, — согласился Скавр.

— И я тоже. — Метелл Нумидийский вздохнул. — Я только надеюсь, что наши сыновья будут такими же сильными, как мы.

— Тебе бы не следовало это говорить, — заметил Скавр, скривив губы.

— Марк Эмилий, Марк Эмилий! Твой мальчик еще очень молод! Я пока что не вижу в нем ничего плохого, правда.

— Тогда, может, поменяемся сыновьями?

— Нет — хотя бы потому, что такой жест убьет твоего сына. Больше всего ему мешает твое неодобрение. Он знает: что бы он ни сделал, ты его не поддержишь.

— Он слабак, — сказал сильный Скавр.

— Вероятно, ему могла бы помочь сильная жена, — предположил Метелл.

Скавр остановился, повернулся к своему другу.

— А это мысль! Правда, я еще не подобрал ему жены. Он еще совершенно незрел. У тебя есть кто-нибудь на примете?

— Моя племянница Метелла Далматика. Дочь Далматика. Через два года ей будет восемнадцать. Сейчас, после смерти Далматика, я ее опекун. Что ты скажешь на это, Марк Эмилий?

— Договорились, Квинт Цецилий! По рукам!

Как только Друз понял, что Цепиона-отца признают виновным, он послал своего управляющего Кратиппа и всех физически сильных рабов в дом Сервилия Цепиона.

Обеспокоенная судом и тем немногим, что ей удалось подслушать из разговора Цепиона Младшего с Цепионом-отцом, Ливия Друза, за неимением иного дела, решила поработать за ткацким станком. Книга не могла ее отвлечь, и даже пикантные любовные стихи Мелеагра пропадали втуне. Не ожидая вторжения слуг своего брата, она испугалась. На лице Кратиппа читалась явственная паника.

— Быстрее, госпожа, собери все, что ты хочешь взять с собой! — сказал он, оглядывая ее гостиную. — Твоя служанка уже складывает твою одежду, а няня собирает ребенка. Ты только скажи мне, что ты хочешь унести — книги, ткани.

Большими глазами — от удивления они сделались просто огромными — она смотрела на управляющего, ничего не понимая.

— Что это? В чем дело?

— Твоего свекра, госпожа, как сказал Марк Ливий, суд собирается признать виновным, — объяснил Кратипп.

— Но почему из этого следует, что я должна уйти? — спросила она, придя в ужас от одной только мысли жить опять в доме-тюрьме своего брата — теперь, когда она наконец почувствовала свободу.

— Город жаждет его крови, госпожа.

Она побледнела.

— Его крови? Они что, собираются его убить?

— Нет, нет, до этого не дойдет, — успокоил ее Кратипп. — Они конфискуют его собственность. Но толпа в страшном гневе, и твой брат предполагает, что после окончания суда самые мстительные из толпы могут прийти сюда и начать грабить.

Через час дом Квinta Сервилия Цепиона опустел, внешние ворота были заперты. Когда Кратипп с Ливией Друшой спускались по Палатинскому холму, ликторы поднимались им навстречу — одетые лишь в туники, без фасций, вооруженные дубинками. Они должны были дежурить возле дома Цепиона и не подпускать толпу, потому что государство желало сохранить имущество Цепиона в целости, чтобы сделать полную опись и продать на аукционе.

Сервилия стояла на пороге дома Друза, встречая свою невестку. Лица у обеих женщин были бледные.

— Иди, посмотри, — сказала она, торопливо ведя Ливию Друшу через сад-перистиль и дом на лоджию, выходящую на Римский Форум.

Они увидели окончание суда над Квинтом Сервилием Цепионом. Беспорядочно двигавшаяся толпа делилась по трибам, чтобы осудить на дальнюю ссылку того, кто нанес Риму огромный ущерб. Наблюдатели увидели странно колеблющиеся ряды людей, до этого сохранявших порядок в колодце комиций. Огромные толпы зрителей смешались с ними, и начался хаос. «Узлы» в толпе означали, что там шла драка. Завихрения выделяли места, где драки переходили в нечто большее — почти в бунт. На ступенях Сената скопилось множество людей. На ростре, у края колодца комиций, стояли народные трибуны и маленькая фигура в окружении ликторов. Ливия Друза догадалась, что это — ее свекор, подсудимый.

Сервилия заплакала. Ливия Друза подошла к ней поближе.

— Кратипп сказал, что толпа может пойти к дому отца, чтобы грабить, — сказала она. — А я не знала! Никто ничего мне не говорил!

Вынув платок, Сервилия вытерла слезы.

— Марк Ливий все время опасался этого, — сказала она. — Это все та отвратительная история с золотом Толозы! Если бы о ней не заговорили, все обернулось бы по-другому. Но, кажется, большинство римлян осудили отца раньше суда — и за то, за что сейчас его даже не судят!

Ливия Друза отвернулась.

— Я должна посмотреть, куда Кратипп пристроил моего ребенка.

Эти слова вызвали новый поток слез у Сервилии, которая до сих пор, несмотря на свое горячее желание, никак не могла забеременеть.

— Ты такая счастливая! Марк Ливий говорит, что ты собираешься завести второго ребенка, а я даже не могу зачать первого!

— Времени еще много, — успокоила ее Ливия Друза. — Не забывай, что после наших свадеб мужчин не было дома по несколько месяцев, и твой Марк Ливий был куда больше занят, чем мой Квинт Сервилий. Обычно говорят, что чем более муж занят, тем труднее жене забеременеть.

— Нет, просто я бесплодна, — прошептала Сервилия. — Я знаю, что бесплодна. Я это нутром чувствую. А Марк Ливий такой добрый, такой великолдуший! — И она опять заплакала.

— Ну-ну, не переживай так, — сказала Ливия Друза, дойдя с невесткой до атрия, где она надеялась найти помощницу. — Знаешь ли, если ты будешь так расстраиваться, тебе трудно будет зачать. Дети любят жить в спокойной матке.

Появился Кратипп.

— Слава богам! — воскликнула Ливия Друза. — Кратипп, приведи, пожалуйста, служанку моей невестки! И может быть, ты покажешь мне, где я буду спать и где сейчас маленькая Сервилия?

В таком огромном доме устроить несколько дополнительных важных гостей не составляло труда. Кратипп разместил Цепиона Младшего и его жену в комнатах, выходящих в сад-перистиль, Цепиона-отца — в других помещениях, а малютку Сервилию устроили в детскую в дальнем конце колоннады.

— Какие будут распоряжения насчет обеда? — спросил управляющий Ливию Друзу, когда она попросила распаковать ее вещи.

— Об этом, Кратипп, спроси у моей сестры! Я совсем не хочу узурпировать ее власть.

— Она лежит сейчас, госпожа, совсем расстроенная.

— Понимаю. Ну ладно. Хорошо бы, чтобы через час обед был готов. Мужчины придут голодные. Но будь готов к тому, что обед придется отложить.

В саду послышалось какое-то движение. Ливия Друза вышла посмотреть и увидела, что ее брат Друз идет по колоннаде, поддерживая Цепиона Младшего.

— Что случилось? Чем я могу помочь? — спросила она.

— Квинт Сервилий осужден. Ссылка за восемьсот миль от Рима, штраф в пятнадцать тысяч талантов золотом, что означает конфискацию каждого фитиля от лампы, каждого опавшего листа в саду — всего, чем владеет его семья. И заключение в Лаутумию, пока Квина Сервилия не вышлют, — объяснил Друз.

— Но все, чем владеет отец, не составит пятнадцати тысяч талантов золотом! — воскликнула Ливия Друза, пораженная.

— Конечно. Поэтому он никогда не сможет возвратиться домой.

Примчалась Сервилия. Она была похожа на Кассандру, убегающую от побеждавших греков: волосы распущены, глаза огромные, полные слез, рот трагически распахнут.

— Что это? Что это? — кричала она.

Друз справился с ней решительно, но по-доброму. Вытер ей слезы, запретил бросаться брату на грудь. И она очень быстро успокоилась.

— Соберемся все в твоем кабинете, Марк Ливий, — предложила она и сама пошла впереди.

Ливия Друза в ужасе отпрянула.

— Что с тобой? — спросила ее Сервилия.

— Но мы ведь не можем сидеть в кабинете с мужчинами!

— Конечно, можем! — нетерпеливо ответила Сервилия. — Сейчас не такое время, чтобы держать женщин семью в неведении, и Марк Ливий это превосходно понимает. Либо мы выстоим — вместе, либо пропадем — вместе. Сильного мужчину должны окружать сильные женщины.

Голова кругом! Пытаясь понять эти резкие скачки настроения, Ливия Друза осознала наконец, какой же мышкой прожила она всю свою жизнь. Ливий Друз знал, что его встретит обезумевшая жена, но когда он ее успокоит, она сразу станет практичной и окажет ему необходимую поддержку. И Сервилия ничуть не обманула его ожиданий.

Ливия Друза последовала за невесткой и мужчинами в кабинет. Ей даже удалось скрыть смятение, когда Сервилия налила для всех неразбавленного вина. Впервые в жизни пробуя крепкое вино, Ливия Друза изо всех сил старалась не выдать окружающим, какой же страшный сумбур царит у нее в голове. И еще — злость.

В конце десятого часа Луций Антистий Регин привел Квина Сервилия Цепиона в дом Друза. Цепион выглядел уставшим, но скорее раздраженным, чем подавленным.

— Я освободил его из Лаутумии, — сказал обычно молчаливый Антистий. — Ни один римский консулляр не будет посажен в камеру, пока я — народный трибун! Это наносит оскорблениеРомулу, Квирину и Юпитеру Величайшему. Да как эти людишки смеют!

— Они посмели, потому что народ поощрял их, — сказал Цепион, залпом проглотив вино. — Более того, — теперь он обращался к сыну, счастливому, что отец находился сейчас в безопасности. — Я погиб для Рима, — молвил Цепион-отец и уставился своими черными цепкими глазами сначала на Друза и только потом опять на сына. — Отныне вы, молодые люди, должны защищать право моей семьи пользоваться ее древними привилегиями и ее природной исключительностью. Если нужно будет, пожертвуйте ради этого своими жизнями. Все эти марии, сатурнины, норбаны должны быть истреблены. Вырезаны мечом, если это окажется единственным способом отделаться от них. Вы меня понимаете?

Цепион Младший послушно кивнул. Друз сидел с бокалом в руке, и лицо его ничего не выражало.

— Клянусь тебе, отец, пока я — глава семьи, наш род никогда не утратит своего достоинства, — торжественно провозгласил Цепион Младший. Теперь он уже успокоился.

В эти минуты Ливия Друза ненавидела своего мужа даже больше, чем его отца. «Почему я так его ненавижу? — думала она. — Почему мой брат заставил меня выйти за него?»

Потом ее мысли рассеялись. Выражение лица Друза ее удивило, озадачило, вызвало новый поток мыслей. Не то чтобы Друз был совершенно не согласен с тем, что сказал их свекор и тестя. Он словно квалифицировал услышанное и отложил это в уме вместе со всем другим. Совершенно явно, что не все из сказанного Цепионом-старшим имело для Друза смысл. И вдруг Ливия поняла: «Ведь мой брат сильно не любит нашего свекра-тестя! О, он изменился, этот Друз! А вот Цепион Младший никогда не изменится, только закоснеет».

— Что же ты теперь намерен делать, отец? — осведомился Друз.

Ох, какая интересная улыбка появилась на лице Цепиона! Раздражение ушло из его глаз, сменилось смешанным выражением торжества, лукавства, боли, ненависти.

— А что я должен делать? Дорогой мой, я уезжаю в ссылку, как повелело Народное собрание, — сказал он.

— Но куда, отец? — спросил Цепион Младший.

— В Смирну.

— А как же нам быть с деньгами? — спросил Цепион Младший. — Не так мне — Марк Ливий мне поможет, — как тебе. Как ты сможешь нормально жить в ссылке?

— У меня депозит в Смирне. Мне хватит. Что касается тебя, сын мой, не беспокойся. Твоя мать оставила большое состояние, которым я управлял на правах опекуна. Оно тебя поддержит, — сказал Цепион.

— Но разве его не конфискуют?

— Нет, по двум причинам. Во-первых, деньги вложены на твое имя, не на мое. Во-вторых, они на депозите не в Риме, а в Смирне, вместе с моими деньгами. — Улыбка Цепиона-отца стала еще шире. — Тебе придется прожить здесь, в доме Марка Ливия, несколько лет. После этого я начну частями посыпать тебе твое состояние. И если что-нибудь со мной случится, мои банкиры продолжат это делать. А тем временем, зятек, записывай все деньги, что ты будешь тратить на моего сына. Со временем он выплатит тебе все, до последнего сестерция.

Сильные чувства почти осязаемы были в наступившей тишине. Каждый понимал, о чем умолчал Квинт Сервилий Цепион. О том, что он украл золото Толозы, что золото Толозы находилось в Смирне. Золото Толозы было теперь собственностью Квина Сервилия Цепиона. Надежная собственность, надежно укрытая, вне всяких подозрений. Квинт Сервилий Цепион был почти так же богат, как весь остальной Рим.

Цепион повернулся к Антистию, молчавшему, как и все остальные:

— Ты подумал о том, что я тебе говорил по пути сюда?

Антистий громко откашлялся:

— Подумал, Квент Сервилий. Я согласен.

— Хорошо! — Цепион посмотрел на сына и зятя. — Мой дорогой друг Луций Антистий согласился сопровождать меня в Смирну. Он составит мне приятную компанию и, кроме того, сможет защитить меня, пользуясь привилегиями народного трибуна. Когда мы достигнем Смирны, я попытаюсь убедить Луция Антистия оставаться там со мной.

— Этого я еще не решил, — сказал Антистий.

— А мы никуда не спешим, — спокойно отозвался Цепион. Он потер руки, словно хотел согреть их. — Я так голоден, что способен съесть ребенка. Готов ли обед?

— Конечно, отец, — сказала Сервилия. — Если вы, мужчины, пройдете в триклиний, мы с Ливией Друзой пойдем на кухню и посмотрим, как там дела.

Это, конечно, было не принято. За кухней следил Кратипп. Обе женщины искали его и наконец нашли в лоджии. Он смотрел на Римский Форум, где уже сгущались сумерки.

— Гляньте только! Вы видели когда-нибудь такой беспорядок? — возмущался управляющий. — Везде разбросанные вещи! Обувь, тряпки, палки, обедки, пустые бутылки из-под вина — это же позор!

И там был он, ее рыжеволосый Одиссей, он стоял с Гнеем Домицием Агенобарбом на балконе дома, расположенного ниже.

Как и Кратипп, те двое, казалось, возмущались беспорядком на Форуме.

Ливия Друза вся затрепетала, облизнула пересохшие губы, голодными глазами глядя на молодого человека, который так близко был от нее и так далеко. Управляющий убежал на кухню. Вот теперь у нее появился шанс. Сейчас это будет выглядеть как простое любопытство.

— Сестра, кто этот рыжеволосый человек на террасе с Гнеем Домицием? Он уже много лет приходит в этот дом, а я не знаю, кто он, и никак не могу узнать.

Сервилия фыркнула:

— Ах, этот! Это Марк Порций Катон, — объяснила она презрительно.

— Катон? Из Катонов Цензоров?

— Тех самых. Выскочки! Он — внук Катона Цензора.

— Но разве его бабушка не была Лицинией, а его мать Эмилией Павлой? Ведь это делает его довольно знатным! — возразила Ливия Друза. Глаза ее сияли.

Сервилия Цепиона опять фыркнула:

— Не та ветвь, моя дорогая. Он не сын Эмилии Павлы. Будь он ее сыном, он был бы значительно старше. Нет, нет! Он Катон не от Лициниев. Он — Катон от Салониев. И правнук раба.

Придуманный мир Ливии Друзы поколебался, в нем появились едва заметные трещинки.

— Я не понимаю, — промолвила она, озадаченная.

— Как, ты не знаешь эту историю? Он — сын сына Катона Цензора от второго брака.

— С дочерью раба? — ахнула Ливия Друза.

— Точнее, с дочерью его раба. Салония — так ее звали. Думаю, это полный позор, что им разрешили официально общаться с нами наравне с потомками от первой жены Катона Цензора, Лицинии! Они даже пробрались в Сенат. Конечно, Порции Катоны от Лицинии не разговаривают с ними. Мы — тоже.

— Тогда почему Гней Домиций принимает его у себя в доме?

Сервилия засмеялась так же громко, как ее невыносимый отец.

— Домиций Агенобарбы не так уж знатны, не так ли? У них больше денег, чем предков, несмотря на все эти рассказы о том, что Кастор и Поллукс, мол, покрасили их бороды в красный цвет! Не знаю в точности, почему Агенобарб его принимает. Но могу догадаться. Мой отец вычислил.

— Что вычислил? — спросила Ливия Друза с замиранием сердца.

— Рыжеволосое потомство Катона Цензора — от второго брака. Катон Цензор был сам рыжеволосый, кстати. Но Лициния и Эмилия Павла имели темные волосы, так что у их отпрысков каштановые волосы и карие глаза. А вот раб Катона Цензора Салониан был кельтибером из долины реки Салон в Близней Испании, и он-то был очень светловолосый. И его дочь Салония была белесой. И поэтому все Катоны от Салонии наследуют рыжие волосы и серые глаза. — Сервилия Цепиона пожала плечами. — Домиций Агенобарбы должны поддерживать миф о том, что они наследовали рыжие бороды от предка, которого коснулись Кастор и Поллукс. Поэтому они всегда женятся на рыжеволосых. И если нет рыжеволосой женщины хорошего происхождения, то, думаю, какой-нибудь Домиций Агенобарб женился бы на женщине из рода Катона от Салонии. Они такие высокомерные, что думают, будто их кровь способна поглотить любой старый хлам.

— Значит, у друга Гнея Домиция должна быть сестра?

— У него есть сестра. — Сервилия Цепиона поежилась. — Надо идти. Боги! Какой день! Пойдем, обед, наверное, уже подали.

— Ты иди, — сказала Ливия Друза. — А я должна сперва накормить дочь.

Упоминания о ребенке было достаточно, чтобы бедная бездетная Сервилия поспешила удалиться. Ливия Друза вернулась к балюстраде и посмотрела вниз. Да, они все еще были там, Гней Домиций и его гость. Его гость, чей прадед был рабом. Может быть, наступающие сумерки были виноваты в том, что волосы того человека внизу были уже не такими яркими, и сам он уже не казался таким высоким, и плечи его уже перестали выглядеть такими широкими. У него немного странная шея — слишком длинная и тонкая для настоящего римлянина. Четыре слезинки упали звездочками на крашенные желтым перила. Но — не больше.

«Как и всегда, я была дурой, — подумала Ливия Друза. — Целых четыре года я мечтала о человеке, который оказался потомком раба. Реального раба, а не мифического. А я представляла его себе царем, знатным и храбрым, как Одиссей. Я превратила себя в терпеливую Пенелопу, ожидавшую его. А теперь я узнаю, что он вовсе не знатен. И даже не прилично рожденный! В конце концов, кто был этот Катон Цензор, как не тускуланский крестьянин, которому помог патриций Валерий Флакк? Такая же судьба, как у Гая Мария. Этот человек на террасе внизу — близкий потомок испанского раба и тускуланского крестьянина. Какая я дура! Глупая, глупая идиотка!»

Придя в детскую, она увидела маленькую Сервилию голодную, кричащую, всю в слезах. Ливия села и в течение пятнадцати минут кормила малышку, чье расписание кормлений было нарушено в этот важный для всех день.

— Тебе лучше подыскать для нее кормилицу, — сказала она няне, уходя. — Я хочу несколько месяцев отдохнуть, пока не родится новый ребенок. А когда он появится на свет, немедленно приведешь к нему кормилицу. Кормление грудью, очевидно, не мешает зачатию, иначе я не была бы опять беременна.

Она тихо вошла в столовую, как раз когда подавали главное блюдо, и села как можно незаметнее на стул с высокой спинкой, напротив Цепиона Младшего. Все, казалось, были увлечены едой. Ливия Друза поняла, что тоже голодна.

— С тобой все в порядке? — спросил Цепион Младший чуть встревоженно. — У тебя больной вид.

Удивленная, она посмотрела на него, и впервые за все эти годы он не вызвал в ней отвращения. Да, у него нет огненно-рыжих волос. Да, глаза у него не серые. Он не рослый и широкоплечий. И уж конечно, он никогда не превратится в царя Одиссея. Но он ее муж. Он предан ей. Он отец ее детей. Он — чистокровный римский патриций, как со стороны отца, так и со стороны

матери.

Она улыбнулась ему, и на этот раз улыбка затронула ее глаза.

— Думаю, это из-за тяжелого дня, Квинт Сервилий, — мягко отозвалась она. — Сама я чувствую себя лучше, чем когда-либо.

Ободренный результатом суда над Цепионом, Сатурнин повел себя так высокомерно, что потряс Сенат до основания. Почти сейчас же после суда над Цепионом Сатурнин сам выдвинул в Народном собрании обвинение против Гнея Маллия Максима за «потерю своей армии». И с тем же результатом. Маллий Максим, потерявший своих сыновей в битве при Аравсионе, теперь был лишен римского гражданства и всего имущества и отправлен в ссылку — более разбитым, чем жадный до золота Цепион.

Потом, в конце февраля, вышел новый закон Апулея, *Iex Appuleia de maiestate*, по которому суды по делам измены изымались из ведения центурий и превращались в специальный суд с присяжными исключительно из числа всадников. Сенат в таком новом суде вообще не участвовал. И все же во время обязательных дебатов сенаторы не сказали о законопроекте ничего плохого и даже не пытались противиться его превращению в закон.

Суды по делам измены не могли заинтересовать Сенат и народ так сильно, как выборы Великого Понтифика, проходившие в это же самое время. Смерть Луция Цецилия Метелла Далматика пробила настоящую брешь в Коллегии понтификов и образовала не одну, а целых две вакансии. Поскольку эти две должности были заняты одним человеком, появились люди, которые утверждали, что нужны только одни выборы.

— Но, — возразил Скавр, принцепс Сената, дрожащим голосом, дрожащими губами, — это будет возможно лишь в том случае, если человек, выбранный рядовым понтификом, будет также кандидатом на должность Великого Понтифика.

Наконец было решено, что сначала следует избрать Великого Понтифика.

И Скавр, принцепс Сената, и Метелл Нумидийский выдвинули свои кандидатуры на эту должность, как и Катул Цезарь, и Гней Домиций Агенобарб.

— Если выберут меня или Квinta Лутация, тогда потребуется второй тур для выбора рядового понтифика, поскольку мы и так состоим в Коллегии понтификов, — сказал Скавр уже уверенным голосом.

Новый закон оговаривал, что жребием назначаются семнадцать из тридцати пяти триб, и только они принимают участие в голосовании. Жребии определили голосующие трибы. Все это было проделано с хорошим настроением, с ожиданием лучшего, в обстановке полной терпимости. Никакого насилия на Форуме в тот день! Многие, не только Скавр, радостно посмеивались. Ничто так не взвывало к чувству юмора римлян, как остроумная перебранка самых благородных граждан.

Естественно, Гней Домиций Агенобарб был героем дня. Никто не был особенно удивлен, когда Гней Домиций Агенобарб был выбран Великим Понтификом. Тем самым вторые выборы автоматически сделались ненужными. Торжествующий, среди радостных криков и летающих цветочных гирлянд, Гней Домиций Агенобарб идеально отомстил тем, кто отдал жречество его умершего отца молодому Марку Ливию Друзу.

Скавр просто катался от смеха, когда огласили результаты выборов. К большому неудовольствию Метелла Нумидийского, который не видел в этом ничего смешного.

— Право, Марк Эмилий, ты невыносим! Это же безобразие! — проблеял он. — Эта злобная, раздражительная пиписка — и Великий Понтифик? После моего дорогого брата Далматика? Его предпочли мне! И тебе! — Он стукнул кулаком по носу корабля вольсков, который дал ростре свое имя. — Если и наступит когда-нибудь время, когда я начну презирать римлян, то это будет тот день, когда их извращенное чувство юмора полностью одержит верх над здравым смыслом! Я еще могу простить им, что так легко был принят закон Сатурнина, но только не это! По крайней мере, в законе Сатурнина отражены глубоко укоренившиеся убеждения народа. Но этот фарс! Обыкновенная безответственность! Я хочу в ссылку, к Квинту Сервилию. До такой степени мнестыдно.

Но чем больше ярился Метелл Нумидийский, тем больше веселился Скавр. Наконец, схватившись за бока и глядя на Метелла сквозь выступившие от смеха слезы, он с трудом вымолвил:

— О, перестань вести себя, как старая весталка при виде пары волосатых яиц и торчащего члена! Это же весело! И мы заслуживаем всего, что он нам всыпал!

И он опять расхохотался. Издав звук, похожий на писк придавленного котенка, Метелл Нумидийский зашагал прочь.

В сентябре Публий Рутилий Руф получил одно из редких писем Гая Мария:

Знаю, что должен писать чаще, дружище, но дело в том, что я неудобный корреспондент. Теперь твои письма — как кусок пробкового дерева, брошенного утопающему. В них весь ты — никаких выкрутасов, ничего лишнего, никакого формализма. Вот тебе! Мне даже удалось блеснуть стилем, но какой ценой — ты не поверишь.

Несомненно, ты посещал Сенат и претерпевал все причитания нашего Свинки по поводу стоимости содержания армии неимущих, которая второй год бездельничает по ту сторону Альп? И еще насчет того, что я собираюсь в четвертый раз стать консулом? Но я должен это сделать. Иначе потеряю все, чего хочу добиться. Потому что следующий год, Публий Рутилий, будет годом германцев. Я чувствую это нутром. Да, признаю, у меня еще нет реальной основы для подобного утверждения, но когда Луций Корнелий и Квинт Серторий вернутся, я уверен, они скажут именно это. С тех пор как они приходили в прошлом году и приводили Копиллу, я ничего о них не слышал. И хоть я и рад, что моим двум народным трибуналам удалось осудить Квinta Сервилия Цепиона, мне все еще жаль, что я не смог сделать этого сам, предъявив Копиллу как свидетеля. Ну да ладно. Квинт Сервилий получил по заслугам. Жаль, однако, что Рим никогда не увидит золота Толозы.

Этими деньгами можно было бы оплатить много армий из неимущих.

Жизнь проходит здесь, как обычно. Теперь Домиццева дорога совсем новенькая от Немауза до Окела, что намного облегчит переходы легионов в будущем. Дорога была совершенно запущена. К некоторым ее участкам не прикасалась рука строителя с тех самых пор, как папаша нашего нового Великого Понтифика был здесь проездом лет двадцать назад.

Наводнения, морозы, ливни почти совсем разрушили покрытие. Если дорогу выложить одним только камнем, то основание дороги будет вечным. Но ведь нельзя ожидать, чтобы по большим бульжникам благополучно прошла армия, проехали повозки, процокали кони. Ведь так? Поэтому надо на камни насыпать песок, гравий, каменную пыль, все разровнять, чтобы поверхность была гладкая, как яйцо. А потом поливать ее водой, пока она не уплотнится и не станет как цемент. На все нужны время и заботы. Поверь мне, сейчас Домиццева дорога делает честь моим людям.

Кстати, мы еще проложили новую гать по болотам Родана от Немауза до Арелата. И еще только что закончили копать новый судоходный канал от моря до Арелата, чтобы обойти болота, грязевые отмели и наносные песчаные острова. Все влиятельные греческие акулы в Массилии готовы целовать мою задницу в знак благодарности. Противные лицемеры! Нет, чтобы в знак этой самой благодарности снизить цены на поставки моей армии!

Я расскажу тебе, что произошло с Гаем Лусием. Я уверен, что до тебя доберется искаженная версия, — впрочем, как и все прочие рассказы обо мне и моих близких. Ты помнишь сына сестры моей свояченицы? Он пришел ко мне как военный трибунал. Только оказалось, что он совершенно не так представлял себе службу. Две недели назад мой начальник военной полиции пришел ко мне с очень плохой вестью. Гай Лусий был найден мертвым в бараке для рядовых солдат, аккуратно разрезанный мечом от горла до живота. Виновный сам признался в содеянном. Пряятый молодой парень. Его центурион был очень хорошего мнения о нем. Оказывается, Лусий был гомосексуалистом и ему понравился этот легионер. Лусий непрерывно преследовал парня, и это уже стало предметом шуток в центурии. При виде его все жеманничали, всплескивали руками, хлопали ресницами. Бедный молодой человек не мог этого вынести. Результат — убийство. Я должен был судить его полевым судом. Должен сказать, что мне доставило огромное удовольствие оправдать легионера, похвалив его, повысив в

должности и вручив кошелек, полный денег. Вот, гляди! Опять я блеснул литературным стилем.

Этот инцидент и мне сослужил неплохую службу. Во-первых, я смог доказать, что Лусий не был моим кровным родственником. Во-вторых, это был шанс показать солдатам, что их военачальник следит за тем, чтобы справедливость торжествовала. Никакого предпочтения членам моей семьи! Я считаю, что для гомосексуалиста тоже где-нибудь найдется работа, но в легионах им не место. Это определенно. Ты согласен, Публий Рутилий? Можешь вообразить, что мы сделали бы с таким Лусием в Нуманции? Он не отдался бы легкой смертью! Он долго визжал бы от страха. Хотя в конце концов человек взрослеет. Я никогда не забуду, как был потрясен, услышав на похоронах Сципиона Эмилиана все те вещи, которые о нем болтали. Он никогда не говорил со мной грубо, поэтому я до сих пор ни в чем не уверен. Странный человек. Думаю, подобные истории возникают, когда мужчины не имеют детей.

Хватит об этом. Я еще внес в этом году некоторые изменения в метательные копья. Думаю, новая версия скоро станет общепринятой. Если у тебя найдутся свободные деньги, купи несколько акций одной из фабрик, где они будут изготавливаться. Или сам организуй такую фабрику. У тебя же есть здание, и цензоры не смогут обвинить тебя в занятиях, не связанных со званием сенатора.

Вот какие изменения я внес. Я изменил способ соединения железной части копья с деревянным древком. Метательное копье, пилум, — такое эффективное оружие по сравнению со старой гастью! Но, несомненно, оно дороже в изготовлении.

Маленький, хорошо заостренный наконечник вместо большого листового, длинное железное древко, а потом деревянная часть, сделанная так, чтобы удобнее было метать. С годами я заметил, что враги любят держать пальцы на метательном копье и намеренно провоцировать наших неопытных солдат, чтобы те начинали бросать копья, когда могут попасть лишь в щиты врагов. А тогда, завладев нашими копьями, враги смело отправляли их обратно.

Я разработал способ слабого соединения железного древка с деревянной частью легким шплинтом. Как только пилум ударяется обо что-то, он ломается в месте соединения, так что враг не может метнуть его в нас или прихватить с собой. Более того, если в конце сражения поле битвы остается за нами, оружейники могут обойти поле, подобрать сломанные части и снова их соединить. Экономия денег и спасение жизней. Вот и все новости. Прощай.

Публий Рутилий Руф с улыбкой отложил письмо. С точки зрения грамматики — не очень, не слишком изящно и совсем не выдержан стиль. Но ведь это Гай Марий. Он был сам похож на свои письма. Эта одержимость консульством вызывала тревогу. С одной стороны, Рутилий Руф мог понять, почему Марий хочет оставаться консулом до поражения германцев. Марий хорошо знал, что больше никому не удастся победить их. С другой стороны, Рутилий Руф был слишком римлянином своего класса, чтобы это одобрить. Даже принимая во внимание германцев.

Неужели Рим, измененный политическими нововведениями Мария, — уже не тот город Ромула? Неужели эти изменения были неизбежны? Хотелось бы Рутилию это знать. Было очень трудно любить человека так, как Рутилий Руф любил Гая Мария, и жить среди разрушаемых им традиций. Метательное копье! Пилум вместо гасти! Ради Юноны! Неужели он не мог оставить все как есть?

Публий Рутилий Руф сразу же ответил на письмо. Потому что он действительно любил Гая Мария.

Дорогой Гай Марий, нынешнее лето было довольно спокойным. Боюсь, особенно нечего и сообщить тебе. Во всяком случае, на данный момент Твой уважаемый коллега Луций Аврелий Орест, младший консул, хворает, но он не был здоров и во время выборов. Я вообще не понимаю, почему он выдвинул свою кандидатуру. Вероятно, почувствовал, что заслуживает этой должности. Посмотрим, заслуживает ли должностного его. В этом я иногда сомневаюсь.

Пара скандалов — вот и все новости. Но я знаю, что тебе они понравятся. Что интересно, в обоих замешан твой народный трибун Луций Апулей Сатурнин. Знаешь, он необычный человек. Масса противоречий. Очень жаль, что Скаев так обошелся с ним. Сатурнин вернулся в Сенат с открытым намерением стать первым Апулеем, который займется консульское кресло. Теперь он намерен подорвать репутацию Сената, доказав, что консулы не более эффективны, чем восковые маски их предков. Я необоснованно пессимистичен, говоришь ты, я преувеличиваю? Моя точка зрения на вещи деформирована моей склонностью к старинке? Но все равно я прав! Надеюсь, ты извинишь меня за то, что я всех называю лишь по прозвищам. Это будет длинное письмо, и таким образом я сэкономлю слова.

Сатурнин был реабилитирован. Что ты думаешь по этому поводу? Поразительное дело — этому очень способствовал наш высокочтимый принцепс Сената Скаев. Ты должен признать, что он намного лучше, чем его приятель Свинка. Да и имена у них разные — один Эмилий, а другой Цецилий.

Скаев продолжает оставаться куратором заготовок зерна и проводит время в членочных поездках Остии — Рим, доставляя много неприятностей владельцам зерна, которые в результате могут ничего не заработать. Мы можем лишь одного человека благодарить за поразительную стабильность цен на зерно последних двух урожаев, несмотря на дефицит, — Скаеву!

Да, да, заканчиваю панегирик и перехожу к рассказу. Кажется, когда Скаев был в Остии около двух месяцев назад, он натолкнулся на одного агента по закупке зерна, обычно останавливающегося на Сицилии. Нет нужды рассказывать тебе о восстании рабов на этом острове, поскольку ты регулярно получаешь донесения Сената. Могу только сказать, что мы послали губернатором на Сицилию правильного человека. Он может быть чопорным аристократом, и рот у него как дырка в кошачьей заднице, но Луций Лициний Лукулл крайне педантичен в делах.

Кстати, повершил ли, один идиот претор — из рода довольно сомнительно древних плебейских Сервилиев, которому удалось купить себе должность авгура с помощью денег своего патрона Агенобарба, — теперь называет себя Гаем Сервилием Авгуром. Как тебе это нравится? На днях он имел нахальство встать в Палате и обвинить Лукулла в намеренном продлении войны на Сицилии, чтобы обеспечить свое командование еще на год!

«На каком основании сделал он это поразительное заявление?» — слышу я твой вопрос. Вот на каком. После того как Лукулл так решительно разбил армию рабов, он не бросился немедленно атаковать Триокалу. Он не оставил тридцать пять тысяч убитых рабов гнить на поле битвы, не позволил всем очагам сопротивления рабов в районе Гераклея превращаться в свежие раны на римской шкуре! Нет, Лукулл хорошо выполнил свою работу. Победив в сражении, он взял недельную паузу, чтобы избавиться от убитых и очистить очаги мятежа. А уж потом двинулся на Триокалу, куда скрылись уцелевшие в битве.

Но Сервилий Авгур утверждает, что Лукулл должен был сразу же после битвы лететь к Триокале, как птица! «Ибо, — утверждает Сервилий Авгур, — укрывшиеся в Триокале рабы пребывали в такой панике, что немедленно сдались бы ему!»

Но на самом деле получилось так. К тому времени, как Лукулл подошел к Триокале, рабы оправились от паники и решили продолжать борьбу. Теперь ты спросишь, откуда получает Сервилий Авгур информацию? Из своих гаданий, конечно! Как еще мог он знать, какой настрой у толпы восставших рабов, скрывшихся в неприступной крепости? Послушать Авгура — какое хитрец этот Лукулл, какой продуманный план! Выиграть огромное сражение, а потом заставить рабов продолжить мятеж и тем самым обеспечить себе продление губернаторского срока! Можешь себе представить? Какое нагромождение чушей! Лукулл делал то, что диктовала ему его натура, — он аккуратно прибрал за собой «альфу», прежде чем перейти к «бете».

Мне было противно слушать речь Сервилия Авгура. И еще противнее, когда Великий Понтифик Агенобарб принялся орать, поддерживая все эти нелепые и необоснованные нагромождения ересь. И уж конечно, наши «кабинетные» полководцы-заднекамеечники посчитали, что Лукулл действовал недостойно! Не удивляйся, если услышишь, что Палата решила, во-первых, не продлевать срок Лукуллу, во-вторых, назначить губернатором Сицилии на следующий год ни кого иного, как Сервилия Авгура, который и начал-то эту охоту только для того, чтобы пробраться в губернаторы Сицилии! Это замечательная должность для такого неопытного и запутавшегося человека, как Сервилий Авгур. Лукулл действительно сделал для него всю работу. Поражение при Гераклеев привело к тому, что рабы, оставшиеся в крепости, не могут выйти оттуда — Лукулл осадил крепость. Лукуллу удалось вернуть на поля достаточно земледельцев, чтобы в этом году был хоть какой-то урожай. Теперь армия рабов больше не будет опустошать открытые сельские районы Сицилии.

Появляется новый губернатор Сервилий Авгур на этой уже установленной сцене, кланяясь направо и налево и собирая похвалы в свой адрес. Амбиции без таланта — самая опасная вещь в мире.

Мне очень жаль Лукулла, клянусь Поллуксом. Однако продолжаю рассказ о Скавре в Остии и о его встрече с агентом по закупке сицилийского зерна. Когда сочли, что четверть зерновых рабов Сицилии будет освобождена до сбора урожая этого года, продавцы зерна высчитали, что четверть урожая останется лежать на земле. Поэтому никто не позабылся купить эту четверть до окончания двухнедельного срока, в течение которого этот язва Нерва освободил восемьсот итальянских рабов. Упомянутый агент по закупке зерна был одним из группы, которая все эти две недели ходила по Сицилии, судорожно скупая последнюю четверть урожая по крайне низкой цене. Затем производители силой заставили Нерву завершить кампанию по освобождению рабов. Внезапно Сицилия получила достаточно рабочей силы, чтобы обеспечить сбор всего урожая. Так что последняя четверть, купленная за «песню рыночного бродяги», теперь оказалась собственностью неизвестного лица. Или лиц. Причина массовой аренды всех свободных зернохранилищ между Путеволами и Римом стала очевидной. Последняя четверть должна была содержаться в этих хранилищах до следующего года, когда насточайшее требование Рима освободить рабов-итальянцев привело бы к потерям сицилийских урожаев. И тогда цена зерна стала быть очень высокой. Но на что эти неизвестные предпримчивые лица не рассчитывали, так это на восстание рабов. Вместо всех четырех четвертей урожая не было убрано ничего. Поэтому грандиозная схема получения огромной прибыли от последней четверти ничего не дала, и арендованные хранилища так и остались пустыми.

Однако возвращаюсь к тем ужасным двум неделям, во время которых Нерва освободил нескольких итальянских рабов, а закупщики зерна старались скупить последнюю четверть урожая. Как только они завершили свои сделки, а комиссия по освобождению прекратила свою деятельность, на наших закупщиков зерна напали вооруженные бандиты, и все агенты были перебиты. Но один из них — тот самый человек, который разговаривал со Скавром в Остии, — только притворился мертвым и таким образом остался жив.

Скавр унохал гигантское предательство. Что за нос у него! А какой ум! Он сразу понял всю схему. И как же я его люблю, несмотря на его закоснелый консерватизм! Роясь в земле, как терьер, он обнаружил, что этими неизвестными лицами были не кто иные, как твои уважаемый коллега консул по прошлому году Гай Флавий Фимбрис и нынешний губернатор Македонии Гай Меммий! В прошлом году они искусно направили нашего терьера Скавра по ложному следу, который сразу же привел к квестору Остии — к нашему народному трибуну Луцию Апулею Сатурнину.

Собрав все доказательства, Скавр дважды извинился перед Сатурнином. Один раз — в Палате и другой раз — в комиции. Он был подавлен, конечно, но не потерял достоинства. Вседе в мире любят тех, кто умеет так искренне и изящно извиняться. Должен сказать, что Сатурнин никогда не выделял Скавра, когда возвращался в Палату народным трибуном. Сатурнин тоже — один раз в Палате, другой раз в комиции — встал и сказал, что никогда не имел зуба на Скавра, потому что понимал, насколько искусны настоящие негодяи. И теперь он чрезвычайно благодарен Скавру за восстановление своей репутации. Таким образом, Сатурнин тоже сохранил свое достоинство. Весь мир любит сдержанно-снисходительного получателя красивого извинения.

Скавр также предложил Сатурнину заняться Фимбрисом и Меммием в новом суде по делам измены. Естественно, Сатурнин согласился. Так что теперь, когда Фимбрис и Меммий будут судить, мы ожидаем взлетающих к небу огненных искр и очень мало заволакивающего дыма. Я заранее представляю себе, как их приговорят суд, состоящий из всадников, ибо многие всадники, занимающиеся зерном, потеряли деньги. К тому же Фимбрис и Меммий обвиняют еще и во всех сицилийских беспорядках. И все это продемонстрирует, что иногда настоящие преступники все-таки получают по заслугам.

Другая история с Сатурнином намного смешнее и куда более интригующая. Я до сих пор не могу понять, что замыслил наш народный трибун.

Около двух недель назад на Форуме появился один человек. Он забрался на ростру. Ростра в это время была пуста. Собрания комиций не было, а ораторы любители решили взять выходной. Человек объявил на весь Форум, что его зовут Луций Эквиций, что он вольноотпущенник римский гражданин из города Фирм в Пицене и — подожди, Гай Марий, это великолепно! — что он настоящий сын не кого-то там, а самого Тиберия Семпрония Гракха!

Он хорошо выучил свой рассказ, и, насколько можно судить, это вполне правдоподобная история. Вот она — екратце. Его мать была свободная римлянка, занимающая хорошее, но скромное положение. Она влюбилась в Тиберия Гракха, который тоже полюбил ее. Но, конечно, ее рождение не было достаточно высоким для брака, поэтому она стала его любовницей и жила себе поживала в небольшом, но уютном доме в одном из сельских поместий Тиберия Гракха. В положенное время родился Луций Эквиций — его мать звали Эквиция.

Потом Тиберия Гракха убили. И вскоре после этого умерла Эквиция, оставив маленького сына заботам Корнелии, матери Гракхов. Но Корнелия, мать Гракхов, не захотела быть опекуншей незаконнорожденного внука и отдала его в семью рабов в одном из ее собственных поместий в Мизене. Потом она продала его как раба людям из Фирм в Пицене.

Он говорит, что не знал, кто он на самом деле. Но если он действительно совершил те вещи, о которых говорит, тогда он не был младенцем в день смерти его отца, Тиберия Гракха. И в таком случае он лжет.

Во всяком случае, проданный в рабство, он так прилежно трудился, и его так полюбили его хозяева, что, когда умер отец семейства, Эквиций не только был освобожден, но и сделался наследником состояния семьи, поскольку у его бывших хозяев не было своих детей. Он получил отличное образование, поэтому, завладев наследством, занялся делами. В течение последующих нескольких лет он служил в наших легионах и сколотил небурное состояние. Если его послушать, ему должно быть около пятидесяти лет, но выглядит он лет на тридцать.

А потом ему встретился человек, который поднял большой шум, найдя сходство с Тиберием Гракхом. Эквиций, мол, всегда знал, что он итальянец, но страстно желал бы выяснить, кто же его родители.

Ободренный своим сходством с Тиберием Гракхом, он нашел семью, в которую поместила его Корнелия, и там ему рассказали историю его рождения. Поразительно, правда? Я еще не решил, что это — греческая трагедия или римский фарс.

Конечно, наши легковерные сентиментальные завсегдатаи Форума прямо с ума посходили, и за день-два Луций Эквиций уже во всем Риме считался сыном Тиберия Гракха. Жаль, что все законные сыновья Гракха умерли, не так ли? Кстати, Луций Эквиций действительно очень похож на Тиберия Гракха, просто необыкновенно. Он говорит, как Гракх, ходит, как он, у него такая же мимика, даже в носу так же ковыряет. Меня очень смущает то обстоятельство, что ух слишком они похожи. Прямо двойник, а не сын. Однако я часто замечал, что сыновья не во всем похожи на своих отцов. Есть много женщин, которые тратят массу послеродовой энергии, чтобы убедить папу новорожденного, что его отприск — точная копия ее двоюродного дедушки Луция Блохастика. О боги!

И вот что мы, сенаторы-консерваторы, знаем. Сатурнин берет этого Луция Эквицию, поднимается с ним на ростру и подбивает Эквицию набрать себе много-много сторонников. Буквально через неделю Эквиций стал героем для всех римских торговцев, владельцев лавочек, ремесленников, мелких землевладельцев — цвета третьего, четвертого и пятого классов. Ты понимаешь, кого я имею в виду. Они боготворят землю, по которой ходили братья Гракхи, все эти маленькие, честные, трудолюбивые люди, которые не часто ходят голосовать, но чувствуют себя намного выше вольноотпущенников и простолюдинов. Тот сорт людей, которые слишком горды, чтобы принять милостыню, но не слишком богаты, чтобы вынести астрономические цены на зерно.

Почтенным сенаторам, особенно тем, кто носят тогу с пурпурной полосой, немного стало не по себе от такого низкопоклонства. Они начали беспокоиться из-за участия в этом Сатурнина, который до сих пор является для всех загадкой. Но что можно было сделать? Наконец наш новый Великий Понтифик Агенобарб (у него появилось новое прозвище *rippina* — пиписка!) предложил, чтобы сестру братьев Гракхов Семпронию (вдовицу Сципиона Эмилиана — мы до сих пор помним, какие скандалы закатывала эта парочка!) привели на Форум и поставили на ростру рядом с предполагаемым самозванцем.

Три дня назад это было проделано. Сатурнин стоял в стороне с глупой улыбкой — но ведь он не дурак, так что же у него на уме? Луций Эквиций тупо смотрел на эту женщину, сморщенную, как высохшее дикое яблоко. Агенобарб Пиписка принял наивеличественнейшую позу, подобающую Великому Понтифику, взял Семпронию за плечи — ей это совсем не понравилось, и она стряхнула его, как волосатого паука, — и вопросил ее громовым голосом: «Дочь Тиберия Семпрония Гракха Старшего и Корнелии, ты узнаешь этого человека?»

Конечно, она тут же ответила, что никогда в жизни его не видела и что ее самый дорогой, самый любимый брат Тиберий никогда, никогда, никогда не вынул бы пробку из своей бутылки вне священных уз брака, так что все это сущая ерунда. Потом она принялась колотить Эквиций своей эбонитовой палкой с набалдашником из слоновой кости, и все действительно превратилось в самый яркий мим, какой только можно себе представить. Я от души жалел, что там не было Луции Корнелия Суллы. Вот кто получил бы огромное удовольствие!

В конце Агенобарб Пиписка вынужден был стащить ее с ростры под общий смех аудитории. Скавр хохотал до слез. Он прямо завизжал, когда Пиписка, Свинка и Поросенок наперебой стали упрекать его в легкомысленном поведении, которое не к лицу сенатору.

Как только Луций Эквиций оказался на ростре один, Сатурнин приблизился к нему и спросил, знает ли он, кто эта ужасная старуха. Эквиций сказал, что не знает, что доказывало: либо он не слушал, когда Агенобарб орал свою вступительную речь, либо врем. Сатурнин объяснил ему коротко, что это была его тетка Семпрония, сестра братьев Гракхов. Эквиций был поражен, сказал, что в своей полной приключений жизни никогда не встречал своей тетки Семпронии. А потом заявил, что был бы очень удивлен, если бы Тиберий Гракх мог когда-либо поведать сестре о любовнице и ребенке в их маленьком уютном любовном гнездышке на одной из ферм Семпрония Гракха.

Толпа оценила здравый ответ и с удовольствием продолжает безоговорочно верить, что Луций Эквиций — настоящий сын Тиберия Гракха. А Сенат, не говоря уже об Агенобарбе, мечет громы и молнии. Все, кроме Сатурнина, который только улыбается, Скавра, который смеется, и меня. Отгадай, что делаю я?

Публий Рутилий Руф вздохнул, выпрямил затекшую руку. Вот бы ему так же не хотелось писать письма, как Гаю Марии! Тогда он не излагал бы всех тех интересных подробностей, которые отличают официальную эпистолу от пространного послания личного характера.

Вот теперь, дорогой Гай Марий, определенно все. Если я хоть минуту еще просижу здесь, я вспомню еще несколько занимательных историй и в конце концов засну, уткнувшись носом в чернильницу. Я действительно хотел бы, чтобы имелся лучший — то есть более традиционно римский — способ сохранить твое командование, чем новое консульство. Я не вижу, как ты этого добьешься. Но смею сказать, что ты будешь консулом. Будь здоров. Помни, ты уже не весенний цыпленок, ты уже старый петух, так что не кувыркайся, не поломай кости. Я напишу, когда будет что-нибудь интересное.

Гай Марий получил письмо в начале ноября и отложил его, чтобы прочитать с удовольствием потом, в компании Суллы. Сулла приводил себя в порядок. Он вернулся окончательно, сбрив рыжие усы и постриг волосы. Пока Сулла наслаждался ванной, Марий читал ему письмо и был удивительно счастлив тем, что Сулла здесь и может разделить с ним такие немудрящие радости.

Они расположились в личном кабинете военачальника. Марий распорядился, чтобы его не беспокоили, даже Маний Аквиллий.

— Сними ты этот ужасный талисман! — попросил Марий, когда Сулла, уже истинный римлянин, облаченный в тунику, наклонился и показал ему большую золотую вещь.

Но Сулла покачал головой, улыбаясь и прикасаясь к головам драконов, почти смыкающимся на концах массивного полуокружия.

— Нет, не думаю, что когда-нибудь сниму его, Гай Марий. Дикарская штука, да?

— На римлянина не смотрится, — проворчал Марий.

— Дело в том, что это мой талисман удачи, поэтому я не могу его снять. С ним вместе от меня уйдет удача. — Сулла удобно устроился на ложе, наслаждаясь покоем. — О, какое блаженство вновь откинуться на ложе, как приличествует цивилизованному человеку! Я так долго сидел за столом прямой как палка на твердых деревянных скамьях, что начал уж думать, будто обеденные ложа видел только во сне. И как хорошо опять стать во всем умеренным! И галлы, и германцы делают все в избытке: едят и пьют, пока не облюют друг друга, или голодают до полусмерти, потому что совершают набеги или идут сражаться, даже не подумав взять с собой что-нибудь поесть. Но какие они неудержимые, Гай Марий! Храбрые! Если бы им хоть одну десятую нашей организованности и самодисциплины, их было бы не победить.

— К счастью для нас, у них нет и сотой доли обоих качеств, поэтому мы сможем их побить. По крайней мере, я думаю, что ты именно это хочешь сказать. Вот, выпей. Это фалернское вино.

Сулла пил большими глотками, но медленно.

— Вино, вино, вино! Нектар богов, бальзам для больного сердца, клей для разбитой души! Как же я жил без него? — Он засмеялся. — Мне наплевать, если я за всю свою жизнь никогда больше не увижу рога пива или кружки меда! Вино — это цивилизация! Ни отрыжки, ни газов, ни раздувшегося живота. От пива человек становится ходячей цистерной.

— А где Квинт Серторий? Надеюсь, с ним все хорошо?

— Он тоже возвращается, но мы шли отдельно. Я хотел рассказать тебе обо всем наедине, Гай Марий, — сказал Сулла.

— Как тебе угодно, Луций Корнелий, — сказал Марий, глядя на Суллу с искренней привязанностью.

— Не знаю, с чего и начать.

— Тогда начни с начала. Кто они? Откуда пришли? Как долго кочуют?

Наслаждаясь вином, Сулла закрыл глаза.

— Они не называют себя германцами, они не считают себя единственным народом. Они — кимбры, тевтоны, маркоманы, херуски, тигурины. Первоначальная родина кимбров и тевтонов — длинный широкий полуостров к северу от Германии, туманно описанный некоторыми греческими географами, которые называют его Кимбриским Херсонесом. Кажется, половина самой северной части была родиной кимбров, а половина, соседствующая с материковой Германией, — родиной тевтонов. Хотя они считают себя отдельными народами, очень трудно заметить какие-либо физические особенности,ственные тем или другим. Наречия немного разные. Но все они понимают друг друга. Они не были кочевники в полном смысле этого слова, но они не выращивали зерна, не занимались сельским хозяйством в нашем понимании. Их зимы более влажные, чем снежные, и земля круглый год покрыта великолепной травой. Они разводили скот, выращивали немного овса, ржи. Ели мясо, некоторые овощи, грубый черный хлеб, овсяную кашу, пили молоко. Потом, приблизительно в то время, когда умер Гай Гракх, — почти двадцать лет назад, — у них случился год наводнений. Слишком много снега с гор сошло в реки, слишком было много дождей, шквальных ветров, очень высоких приливов. Океан покрыл весь полуостров. А когда море отступило, почва оказалась слишком соленой, чтобы на ней могла расти трава, а вода в их колодцах оказалась горькой. Поэтому они построили много повозок, собрали уцелевший скот, лошадей и отправились искать новые земли.

Карта 7. Путь германцев

Марий слушал внимательно, с интересом. Ему было любопытно. Он выпрямился на ложе, забыв о вине.

— Все? А сколько их было?

— Не все, нет. Старых и слабых стукнули по голове и зарыли в огромных курганах. Только воины, молодые женщины и дети. Насколько я могу судить, около шестисот тысяч отправились на юго-восток в долину большой реки, которую мы называем Альбис.

— Но я считал, что те земли едва заселены, — нахмурясь, сказал Марий. — Почему же они не остались по берегам Альбиса?

Сулла пожал плечами:

— Кто знает, почему? Может быть, они отдали себя в руки своих богов и ждали какого-то священного знака, который подсказал бы им, что они нашли свою новую родину. Они не встретили почти никакого сопротивления на всем своем пути, по крайней мере по берегам Альбиса. Наконец они пришли к истокам реки и впервые на памяти своего народа увидели высокие горы. Кимбрейский Херсонес был плоский и низменный.

— Это очевидно, если океан мог затопить его, — сказал Марий и тут же предостерегающе поднял руку: — Нет, это не сарказм, Луций Корнелий! Я не в ладу со словами, не очень тактичен. — Он встал, чтобы налить вина в чашу Суллы. — Я так понял, что на них большое впечатление произвели горы?

— Действительно. Их боги раньше находились на небе, но когда германцы увидели эти башни, касающиеся облаков, то стали поклоняться тем богам, которые обитали под этими башнями и извергли из земли эти огромные пики. И с тех пор германцы уже не уходили далеко от гор. На четвертый год они пересекли высокогорный водораздел и двинулись от верховья Альбиса к верховью Данувия. Затем они повернули на восток по течению Данувия, к равнинам гетов и сарматов.

— Значит, они направились туда? К Эвксинскому морю? — спросил Марий.

— Получается, что так. Однако в бассейн северной Дакии их не пустили бойи, и они были вынуждены продолжить путь вдоль Данувия, где он резко поворачивает на юг в Паннонию.

— Бойи — это, конечно, кельты, — вслух подумал Марий. — Я так понял, что кельты и германцы не смешиваются.

— Нет, конечно. Но интересно, что германцы решили нигде не останавливаться и не драться за землю. При малейшем сопротивлении местных племен они двигались дальше. Так они ушли с земель бойев. Потом где-то в месте слияния Данувия с Тисой и Савой они наткнулись на других кельтов, на этот раз скордисков.

— Наши вечные враги скордиски! — воскликнул Марий, усмехнувшись. — Немного успокаивает, что у нас и у скордисков общий враг, да?

Одна рыжая бровь взметнулась вверх.

— Принимая во внимание, что это случилось около пятнадцати лет назад, и мы ничего об этом не знали, вряд ли это успокаивает, — сухо заметил Сулла.

— Сегодня я что-то все говорю невпопад, да? Извини, Луций Корнелий. Ты это пережил. А я сижу здесь и нервничаю и потому выражаясь коряво, — сказал Марий.

— Все нормально, Гай Марий, я понимаю, — сказал, улыбаясь, Сулла.

— Продолжай, продолжай.

— Вероятно, одной из самых больших проблем было то, что у них не было достойного вожака. Никакого генерального плана, что ли. Я думаю, они просто ждали того дня, когда какой-нибудь великий царь разрешит им осесть на какой-нибудь из его незаселенных земель.

— И конечно, великие цари не хотят этого делать, — сказал Марий.

— Нет. Во всяком случае, германцы повернули обратно и пошли на запад. Они ушли от Данувия. Сначала они пошли по берегу Савы, потом чуть севернее и вдоль Дравы, к ее истокам. К этому времени они уже кочевали больше шести лет, не останавливаясь нигде дольше нескольких дней.

— Они не путешествуют в повозках? — спросил Марий.

— Редко. Они привязаны к скоту. Поэтому они следуют за своими стадами. Если кто-то заболеет или какая-то женщина должна родить, повозка становится транспортом. Только в таких случаях. — Сулла вздохнул. — И конечно, мы все знаем, что случилось потом. Они вторглись в Норик и в земли тавридов.

— Которые обратились за помощью к Риму, Рим послал Карбона справиться с захватчиками, и Карбон потерял армию, — продолжил Марий.

— И, как всегда, германцы после этого ушли, — сказал Сулла. — Вместо того чтобы вторгаться в Италийскую Галлию, они повернули направо, к высоким горам, и вернулись к Дунаю, немного восточнее того места, где он сливается с Эном. Бойи не собирались пропускать их на восток, поэтому они направились на запад вдоль Дуная, через земли маркоманов. По причинам, которые я не смог выяснить, большая часть маркоманов присоединилась к кимбрам и тевтонам спустя семь лет миграции.

— А что там за гроза была? — спросил Марий. — Ну, знаешь, та, которая прервала сражение германцев с Карбоном и тем самым спасла несколько человек Карбона? Кое-кто считает, что германцы приняли грозу за знак божьего гнева и что это, мол, и спасло нас от их вторжения.

— Сомневаюсь, — спокойно сказал Сулла. — Я уверен, когда разыгралась гроза, кимбры — а с Карбоном сражались именно кимбры, они были ближе всех к его позициям — убежали в ужасе. Но я не верю, что именно это помешало им вторгнуться в Италийскую Галлию. Реальная причина проста: они никогда не развязывали войн для завоевания земель для себя.

— Как интересно! А сейчас перед нами орды дикарей, жаждущих Италии. — Марий внимательно посмотрел на Суллу. — И что случилось потом?

— На этот раз они дошли до истоков Дуная. На восьмой год к ним присоединилась группа настоящих германцев, херусков, которые ушли со своих земель по берегам реки Визургий. А на девятый год — люди из Гельветии, называются тигурины, которые, кажется, жили к востоку от Леманского озера и определенно являются кельтами. Думаю, так же, как и маркоманы. Однако и маркоманы, и тигурины, безусловно, являются германскими кельтами.

— Ты хочешь сказать, что они не питают вражды к германцам?

— Намного меньше, чем германцам не нравятся кельты! — усмехнулся Сулла. — Маркоманы столетиями воевали с боями, а тигурины — с гельветами. Так что я полагаю, когда германские повозки проезжали через их земли, они подумали, что для разнообразия было бы неплохо отправиться с ними посмотреть на незнакомые места. К тому времени, как миграция пересекла горную цепь и достигла Длинноволосой Галлии, она уже насчитывала восемьсот тысяч человек.

— И все они нагрянули на бедных эдуев и амбарров и остались там, — сказал Марий.

— Больше трех лет, — кивнул Сулла. — Эдуи и амбарры, видишь ли, были более спокойные люди. Романизированные, Гай Марий! Гней Домиций вырвал у них зубы, чтобы наша провинция Заальпийская Галлия чувствовала себя безопаснее. Германцам понравился наш белый хлеб. Что-то, на что они могли намазать свое масло, чем могли собрать жир и кровь, капающие с мяса, и подмешать в свои ужасные кровяные пудинги.

— Ты говоришь об этом с большим чувством, Луций Корнелий.

— Да, конечно! — Перестав улыбаться, Сулла задумчиво стал рассматривать вино в чаше, потом посмотрел на Мария. Светлые глаза его засияли. — Они выбрали себе общего вождя, — вдруг сказал он.

— Ого! — тихо воскликнул Марий.

— Его зовут Бойорикс. Он кимбр. Кимбры — самое многочисленное племя.

— Но это кельтское имя, — заметил Марий. — Бойорикс — бойи. Очень грозная нация. Везде есть колонии бойев — в Дакии, Фракии, Длинноволосой Галлии, Италийской Галлии, Гельветии. Кто знает, может быть, много лет назад они внедрили колонию среди кимбров. В конце концов, если этот Бойорикс говорит, что он кимбр, тогда он кимбр. Они не могут быть настолько примитивны, чтобы не знать свою генеалогию.

— На самом деле они очень плохо знают генеалогию, — заметил Сулла, облокотившись на ложе. — Не потому, что они примитивны, а потому, что вся их структура отличается от нашей. Кстати, она отличается и от любого народа, рассеянного вокруг Среднего моря. Они не земледельцы, а когда у людей нет своей собственной земли, и на протяжении поколений они не

занимаются этой землей, у них не развивается чувства места. Это значит, что у них нет и чувства семьи. Жизнь племенная, групповая жизнь, — если тебе так больше нравится, — для них более важна, нежели семейная. Они пытаются общиной, что в их ситуации более разумно. Когда дом существует только для сна, когда там нет кухни или же когда дом стоит на колесах — проще убить крупное животное, разделать его, зажарить целиком и накормить все племя. Их генеалогия — это генеалогия племени. У них есть свои герои, о которых они слагают песни, но они приукашают их подвиги, сильно преувеличивая их. Вождь, живший лишь два поколения назад, уже равен Персею или Геркулесу, он уже не воспринимается как реальный человек. Их понимание места тоже лишено реальности. Положение человека — вождь, жрец, шаман — превалирует над личностью. Индивидуум становится должностью! Он отделяется от своей семьи, семья не идет за ним. И когда он умирает, должностность переходит к тому, кого выберет племя. У них нет семейного права, преемственности должностей. Их представления о семье очень отличаются от наших, Гай Марий.

Сулла поднялся, чтобы налить еще вина.

— И ты по-настоящему жил среди них! — поразился Марий.

— Но я же должен был! — Отпив немногого вина, Сулла добавил в него воды. — Я отвык от вина, — удивился он. — Не обращай внимания, голова моя скоро придет в норму. — Сулла нахмурился. — Мне удалось внедриться к кимбррам, пока они пытались перейти Пиренеи. Это было в прошлом ноябре, когда я возвратился к ним после встречи с тобой.

— Каким образом тебе это удалось? — пораженный, спросил Марий.

— Они начали испытывать трудности, как и все люди в период затяжной войны, — включая и нас, особенно после Аравсиона. С тех пор как вся нация, кроме старииков и ослабевших, движется как единое целое, каждый погибший воин оставляет вдову и сирот. За этих женщин отвечает племя, пока их сыновья не подрастут и не станут воинами. Вдовы стараются найти себе нового мужа среди воинов. Если женщина удастся привлечь к себе и своим детям какого-нибудь воина, ей позволяют остаться в племени. Ее повозка — это ее приданое. Хотя не все вдовы имеют повозки. И не все вдовы находят себе новых мужей. Наличие повозки, несомненно, помогает в этом. Женщинам дается срок, чтобы вновь устроить свою жизнь. Три месяца, то есть один сезон. После этого их убивают вместе с их детьми. Члены племени, у которых нет повозок, бросают жребий, решая, кому достанется освободившаяся. Они убивают и тех, кто становится слишком старыми, чтобы приносить племени какую-то пользу. Убивают также и лишних новорожденных девочек.

Марий поморщился:

— А я-то думал, что только мы были жестокими.

Но Сулла покачал головой:

— Что такое жестокость, Гай Марий? Германцы и галлы — такие же, как и все другие. Они строят свое общество таким образом, чтобы выжить. Те, кто становится обузой для сообщества, то есть просто ничего не могут дать, — те должны уйти. Что лучше — бросить их на произвол судьбы, без присмотра, или стукнуть по голове? Умирать медленно от голода и холода или умереть быстро и без боли? Вот как они рассуждают. Вот как они вынуждены решать эту проблему.

— Наверное, это так, — неохотно согласился Марий. — Лично мне очень нравятся наши старики. Их рассказы стоят того, чтобы давать им пищу и кровь.

— Но это потому, что мы можем позволить себе содержать наших старииков, Гай Марий! Рим очень богат. Поэтому Рим может позволить себе поддерживать хотя бы некоторых из тех, кто уже не приносит пользы обществу. Но ведь мы не порицаем обычай подкидывать нежелательных детей, не так ли? — спросил Сулла.

— Конечно, нет!

— Тогда какая разница? Когда германцы найдут родину, они станут больше похожими на галлов. А галлы, находящиеся под влиянием греков и римлян, становятся все больше похожими на греков и римлян. Наличие родины позволит германцам умерить жестокость своих законов. Они приобретут достаточно всего, чтобы кормить своих старииков и вдов, обремененных детьми. Они не горожане, они сельский народ.

Марий почесал в голове.

— Я запутался, Луций Корнелий. Вернемся к теме. Что случилось с тобой? Ты нашел себе вдову и влился в племя как воин?

Сулла кивнул.

— Именно так оно и случилось. Серторий проделал то же самое в другом племени. Вот почему мы подолгу не виделись. Только иногда, чтобы обменяться наблюдениями. Каждый из нас нашел себе вдовую женщину с повозкой. Конечно, это случилось уже после того, как мы начали жить в племени в качестве воинов.

— И племя вас не отвергло? — спросил Марий. — В конце концов, вы же выдавали себя за галлов, а не за германцев.

— Правильно. Но мы хорошо сражались, Квинт Серторий и я. А ни один вождь не пренебрегает хорошиими воинами, — усмехнулся Сулла.

— По крайней мере, тебе не пришлось убивать римлян! Хотя, несомненно, ты стал бы их убивать, если бы это было необходимо.

— Конечно, — сказал Сулла. — А разве ты — нет?

— Конечно, стал бы. Любовь — для многих. Сантименты — для некоторых, — отозвался Марий. — Человек должен сражаться во имя многих и никогда во имя меньшинства. — Он повеселел. — Разве что у него будет возможность делать и то, и другое.

— Я был галлом из племени карнотов на службе у кимбров, — продолжал Сулла, которому философствование Мария было непонятно. — В самом начале весны состоялся большой совет вождей всех племен. К тому времени кимбры уже очень далеко продвинулись на запад, надеясь пройти в Испанию там, где Пиренеи ниже всего. Совет проходил в Аквитании на берегу реки Атур. Видишь ли, дошел слух, что все иберийские племена — кантабры, астуры, веттоны, западные лузитаны, вакконы — собрались на испанской стороне гор, чтобы не позволить германцам вторгнуться в их земли. И на этом совете вдруг, совершенно неожиданно, возник Бойорикс!

— Я помню отчет Марка Аврелия Котты после Аравсиона, — заметил Марий. — Бойорикс был одним из вожаков, который отдался, другим был Тевтобод из тевтонов.

— Он очень молод. Ему около тридцати, не больше. Чудовищно высокого роста, сложен, как Геркулес. Огромные ступни. Но что интересно — ум у него сродни нашему. Галлы и германцы воспринимают жизнь настолько непохоже на то, как это делают обитатели Внутреннего моря, что нам их образ мыслей кажется варварским! Но Бойорикс выказал себя за прошедшие девять месяцев совсем другим варварам. Во-первых, он умеет читать и писать — на латыни, не на греческом. Я, наверное, уже говорил тебе, что, когда галл грамотен, он предпочитает латынь, а не греческий.

— Бойорикс, Луций Корнелий! — напомнил Марий.

Улыбнувшись, Сулла продолжил:

— Возвращаюсь к Бойориксу. Почти четыре года он пользовался авторитетом на советах, но этой весной он преодолел оппозицию и стал главным вождем. Мы бы назвали его царем, конечно, потому что за ним оставалось последнее слово во всех ситуациях. Он не боится разногласий со своим советом.

— Как же он добился своего избрания? — спросил Марий.

— Старым способом. Ни германцы, ни галлы не проводят выборов, хотя иногда на совете прибегают к голосованию. Но решения обычно принимает тот, кто больше всех остается трезвым или у кого самый громкий голос. А Бойорикс стал царем по праву победителя. Он собрал всех вождей на совет и убил. Одиннадцать вождей оспаривали его право. И все они были убиты, в

лучших традициях старики Гомера.

— Царь, убивший своих соперников, — задумчиво промолвил Марий. — Воистину по-варварски! Уничтожь соперника в споре или на суде, и он будет жить, чтобы продолжить борьбу. У каждого человека должны быть соперники. Если они живы, он выделяется среди них, потому что он лучше их. А если они мертвы — никого нет, среди кого он мог бы выделяться. Какое удовлетворение можно получить, убив их всех?

— Я согласен с тобой, — сказал Сулла. — Но в мире варваров существует обычай убивать всех своих соперников. Так безопаснее.

— Что происходило с Бойориксом после того, как он стал царем?

— Он сказал кимбррам, что они не пойдут в Испанию. Есть намного лучшие места, сказал он. Например, Италия. Но сначала, сказал он, кимбры соединятся с тевтонами, тигуринами, маркоманами и херусками. А потом он станет царем германцев и кимбров.

Сулла снова налил себе вина, добавил много воды.

— Мы провели весну и лето в пути на север через Длинноволосую Галлию. Мы перешли Гарумну, Лигер, Секвану, а потом ступили на земли белгов.

— Белгов? — удивился Марий. — Ты их видел?

— Да, конечно, — спокойно ответил Сулла.

— Наверное, война была не на жизнь, а на смерть.

— И совсем нет. Видишь ли, царь Бойорикс начал, как мы с тобой это назвали бы, переговоры. До нашего летнего похода через Длинноволосую Галлию германцы не проявляли интереса к переговорам. Каждый раз, например, когда они наталкивались на одну из наших армий, преграждавшую им путь, они посыпали к нам послов с просьбой разрешить им пройти через нашу территорию. Естественно, мы всегда отказывали. Они уходили и второй попытки не делали. Они никогда не торговались по мелочам, не просили сесть за стол переговоров, не пытались узнать, что мы хотим потребовать от них в обмен на разрешение. А Бойорикс повел себя по-другому. Он договорился о проходе кимбров через Длинноволосую Галлию.

— Он так сделал? Что же он предложил от себя?

— Он купил галлов и белгов мясом, молоком, маслом и работой на полях. Он обменял свой скот на их пиво, пшеницу, предложил своих воинов, чтобы помочь вспахать побольше земли, дабы нового урожая хватило на всех, — сказал Сулла.

Брови Мария сердито задвигались:

— Умный варвар!

— Он действительно умен, Гай Марий. И таким образом, совершенно мирно, в обстановке дружелюбия, мы прошли вдоль реки Исара на север от Секваны и наконец явились в земли племени белгов, которые называются атуатуки. В основном атуатуки — это германцы, жившие по берегам реки Мозы, вниз по течению от реки Саб, и на краю большого леса, который они называют Ардуенским. Он простирается к востоку от Мозы вплоть до Мозеллы, и если ты не германец, для тебя он непроходим. Германцы самой Германии живут в лесах и используют их так же, как мы используем фортификации.

Марий задумался. Его брови продолжали двигаться, словно жили сами по себе.

— Давай дальше, Луций Корнелий. Я нахожу германцев все более и более интересными.

Сулла наклонил голову.

— Я так и знал. Херуски происходят из того района Германии, который расположен не так далеко от земель атуатуков, и утверждают, что атуатуки — их кровные родственники. Поэтому они убедили тевтонов, тигуринов и маркоманов пойти с ними в земли атуатуков, пока кимбры были далеко на юге, любуясь Пиренеями. Но когда мы, кимбры, появились там в конце августа, согласия не было и в помине. Тевтоны враждовали с атуатуками и с херусками. Было много стычек, несколько смертей и враждебность, которая, как мы, кимбры, могли заметить, явно усиливалась.

— Но царь Бойорикс все уладил, — предположил Марий.

— Царь Бойорикс все уладил, — с усмешкой подтвердил Сулла. — Он успокоил атуатуков и потом созвал большой совет кимбров, тевтонов, тигуринов, херусков и маркоманов. На совете он объявил, что он царь не одних только кимбров, но всех германцев. Некоторые бросили ему вызов, и состоялось несколько поединков, но только не с серьезными соперниками — Тевтободом от тевтонов и Геториксом от тигуринов. Они немного поразмыслили — совсем как римляне! — потому что им обоим нравилось жить. К тому же живые они смогут досаждать царю Бойориксу больше, чем мертвые.

— И как же ты все это узнал? — спросил Марий. — Ты что, стал вождем? Ты сидел на их совете и слушал?

Сулла попытался выглядеть скромником, хотя застенчивость была не в его характере.

— На самом деле я стал у них младшим вождем. Не очень влиятельным, правда, ты же понимаешь, но этого оказалось достаточно, чтобы меня приглашали на совет. Моя жена Германа родила мне двойняшек как раз в тот момент, когда мы подошли к Мозе, и это посчитали таким хорошим знамением, что мне позволили участвовать в общем совете германских вождей.

Марий захохотал:

— Ты хочешь сказать, что через несколько лет какой-нибудь бедный римлянин столкнется с парочкой маленьких германцев, похожих на тебя?

— Возможно, — усмехнулся Сулла.

— И на нескольких маленьких Квинтов Серториев?

— По крайней мере, на одного.

Марий стал серьезным:

— Продолжай, Луций Корнелий.

— Он очень, очень умен, этот наш парень Бойорикс. Что бы мы ни делали, мы не должны недооценивать его только потому, что он варвар. Его стратегией ты и сам бы гордился. Я не преувеличиваю, поверь мне.

Марий напрягся:

— Я верю тебе! Что за великая стратегия?

— В следующем году, как только позволит погода — самое позднее в марте, — германцы намерены вторгнуться в Италию тремя фронтами, — сказал Сулла. — Это произойдет, когда все восемьсот тысяч германцев соберутся покинуть земли атуатуков. Бойорикс дал каждой группе шесть месяцев, чтобы от реки Мозы дойти до Итальянской Галлии.

Карта 8. Вторжение германцев в Италию

Марий и Сулла наклонились друг к другу.

— Он разделил их на три отдельных отряда. Тевтоны должны вторгнуться в Итальянскую Галлию с запада. Их двести пятьдесят тысяч, и их ведет Тевтобод. Сейчас они планируют пойти к низовью Родана по Лигурийскому побережью к Генуе и Пизам. Однако я думаю, что скоро они изменят свой первоначальный маршрут и пойдут к Домициевой дороге и Генавскому перевалу. Что выведет их к реке Пад, недалеко от города Таврасия.

— А он и географию учит, твой Бойорикс, не только латынь, да? — угрюмо спросил Марий.

— Я говорил тебе, что Бойорикс любит читать. Он также допрашивал пленных римлян. Не все, кого мы потеряли под Аравсионом, были убиты. Если они попадали к кимбррам, Бойорикс оставлял их живыми, пока не узнавал от них все, что хотел узнать. Нельзя судить наших людей за это. — Сулла сделал гримасу. — Германцы всегда прибегают к пыткам.

— И это означает, что тевтоны пойдут по тому же маршруту, каким шла вся орда перед Аравсионом, — сказал Марий. — А каким путем другие планируют вторгнуться в Италийскую Галлию?

— Кимбры — самые многочисленные из трех германских отрядов, — сказал Сулла. — Не меньше четырехсот тысяч. Если тевтоны идут прямо вниз по реке Моза к Аару и Родану, кимбры пойдут вниз по Рену вплоть до озера Бригантина, далее на север от озера через водораздел и вниз к истоку Дуная. Они пойдут на восток по Дунавию до Эна, потом вниз по Эну и перейдут в Италийскую Галлию через перевал Бренна. Это приведет их к реке Атес, около Вероны.

— Под предводительством самого царя Бойорикса, — добавил Марий, вобрав голову в плечи. — Мне все меньше и меньше это нравится.

— Третья группа — самая малочисленная и наименее сплоченная, — продолжал Сулла. — Тигурины, маркоманы и херуски. Их около двухсот тысяч. Их поведет Геторикс. Сначала Бойорикс собирался послать их прямо через большие германские леса — Герцинский лес, Габретский и другие, — чтобы они с юга через Паннонию вошли в Норик. Потом, я думаю, он усомнился, смогут ли они это сделать, и решил сам пойти с ними по Дунавию до Эна. Они войдут в Италийскую Галлию через карпинские Альпы и попадут в Тергесту, а там недалеко Аквилея.

— И каждая группа имеет в распоряжении шесть месяцев, ты говоришь? — спросил Марий. — Я могу еще допустить, что тевтонам это удастся, но у кимбров маршрут намного длиннее, а у третьей, смешанной группы самый длинный путь.

— А вот тут ты ошибаешься, Гай Марий, — возразил Сулла. — В действительности от сборного пункта на Мозе, откуда начинают движение все три группы, все три расстояния почти одинаковы. За последние восемнадцать лет германцы переходили Альпы везде! Они ходили от истоков Дуная до Дакии. Они ходили от истоков Рена до Геллеллы. Они ходили от истоков Родана до Аравсиона. Они горные ветераны.

Марий со свистом вдохнул воздух через сжатые зубы:

— Клянусь Юпитером, Луций Корнелий, это блестящее! Но неужели они смогут это сделать? Я имею в виду, что Бойорикс должен рассчитывать на то, что все три отряда достигнут Италийской Галлии к октябрю?

— Думаю, тевтоны и кимбры обязательно успеют. У них хороший предводитель, и им все хорошо объяснили. В других я не уверен. Подозреваю, что и Бойорикс тоже.

Сулла поднялся с ложа и принял ходить по комнате.

— Есть еще одно, Гай Марий, и очень серьезное. После восемнадцати лет бездомного скитания германцы устали. И очень хотят осесть. Огромное количество детей успели вырасти и стать молодыми воинами, не зная своей родины. Был даже разговор о том, чтобы вернуться в Кимбрейский Херсонес. Море давно отступило, и земля опять стала хорошей.

— Если бы так и случилось! — сказал Марий.

— Слишком поздно, — возразил Сулла, продолжая мерить шагами комнату. — Они выросли на хрустящем белом хлебе, на который они могут намазать свое масло, которым могут съесть жир и кровь, капающую с мяса, и который могут добавить в этот их ужасный кровяной пудинг. Им нравится тепло южного солнца и близость высоких белых гор. Сначала Паннония и Норик, потом Галлия. Наш мир богаче. А теперь, когда у них есть Бойорикс, они решили завоевать для себя этот мир.

— Нет, пока я командую, этому не бывать! — произнес Марий и расслабился в кресле. — Это все? — спросил он.

— И все, и ничего, — отозвался Сулла немного печально. — Я мог бы рассказывать о них днями напролет. Но это все, о чем тебе нужно знать для начала.

— А что же твоя жена, сыновья? Ты оставил их, чтобы их там стукнули по голове, потому что нет воина, который стал бы их сдерживать?

— Забавно, правда? — удивленно спросил сам себя Сулла. — Я не смог так с ними поступить! Когда пришло время уходить, я понял, что не в силах их вот так оставить. Поэтому я отвез Герману и мальчиков к херускам. Они живут к северу от племени хаттов, по берегам реки Визургий. Ее родное племя входит в племя херусков, и называются они марсами. Странно, правда? У нас тоже есть марсии. У германцев — марсы. Названия произносятся почти одинаково. Удивительно... Как все мы пришли туда, где сейчас живем? Неужели это в природе людей — бродить в поисках новых мест? Неужели и мы однажды устанем от Рима и отправимся куда-нибудь? Я очень много думал о мире с тех пор, как присоединился к германцам, Гай Марий.

Неизвестно почему последние слова Суллы вызвали у Мария слезы. Поэтому он ответил мягче, чем обычно:

— Я рад, что ты не бросил ее умирать.

— Я тоже, хотя у меня почти не было времени. Я беспокоился, что не попаду к тебе до консульских выборов, потому что считал, что моя информация очень поможет. — Он прокашлялся. — Фактически я взялся — от твоего имени, конечно, — заключить договор о мире и дружественном союзе с марсами Германии. Я считал, что таким образом мои германские сыновья смогут хотя бы почувствовать слабое дуновение Рима, вдохнуть его своими короткими прямыми носами. Германа обещала вырастить их так, чтобы они хорошо думали о Риме.

— Неужели ты ее никогда не увидишь? — спросил Марий.

— Конечно, нет! — быстро ответил Сулла. — И близнецов тоже. Я больше никогда, Гай Марий, не отращу ни волос, ни усов, не уйду далеко от земель Внутреннего моря. Моему римскому желудку не нравятся мясо, молоко, масло, овсяная каша. Мне не нравится жить без ванны, мне не нравится пиво. Я сделал, что мог, для Германы и мальчиков, оставив их там, где отсутствие воина не будет означать для них смерть. Но я сказал Германе, что она должна попытаться найти себе другого мужа. Это разумно и правильно. Если все будет хорошо, они выживут. И мои мальчики вырастут хорошими германцами. Надеюсь, сильными воинами! И надеюсь, намного выше меня ростом! Ну а если Фортуна не уготовила им жить — что ж, я ведь не узнаю об этом, верно?

— Верно, Луций Корнелий. — Марий посмотрел на свои руки, державшие чашу с вином, и, кажется, удивился тому, что костяшки побелели.

— Я верю утверждениям Метелла Нумидийского Свинки о твоем плебейском происхождении, — весело сказал Сулла, — только в тех случаях, когда какой-нибудь случай пробуждает скрытую в тебе сентиментальность.

Марий рассвирепел:

— А самое худшее в тебе, Сулла, — это то, что я никогда не узнаю, какие скрытые пружины приводят тебя в движение. Что заставляет твои ноги ходить, твои руки — размахивать, почему ты улыбаешься, как волк. И о чем ты на самом деле думаешь. Этого я никогда, никогда не узнаю!

— Если тебя это утешит, свойя, никто этого не узнает. Даже я, — сказал Сулла.

* * *

В ноябре было похоже, что не стать Гаю Марии консулом на следующий год. Письмо от Луция Апулея Сатурнина, казалось, отнимало всякую надежду. Плебисцит не выдвинет кандидатуру Мария на третий срок, пока он отсутствует.

Сенат не будет бездействовать. Весь Рим теперь убежден, что германцы вообще больше не придут. Фактически германцы превратились в страшилку для детей, которая стала привычной и уже не пугает.

Естественно, твои враги очень выиграли от того обстоятельства, что второй год ты находишься в Заальпийской

Галлии. Твое присутствие там обходится государству слишком дорого и стоит больше средств, чем оно может предложить, даже продав всю имеющуюся пшеницу.

Я прощупал, каковы твои перспективы стать консулом в третий раз. Шансы существенно возрастут, если ты прибудешь в Рим. Но если ты сделаешь это, твои противники начнут говорить, что твое непременное присутствие в Галлии совершенно необязательно.

Я сделал все, что мог, — в основном заручился поддержкой в Сенате, чтобы тебе продлили срок командования со статусом проконсула. Это означает, что консулы, выбранные на следующий год, будут главнее тебя. И наконец, хорошая новость. Фаворит на должность консула в будущем году — Квинт Лутаций Катул. Выборщикам надоело, что он каждый год выставляет свою кандидатуру, поэтому они решили отделаться от него, проголосовав «за». Надеюсь, у тебя все хорошо.

Прощай.

Закончив читать короткое послание Сатурнина, Марий долго сидел нахмурившись. Новости были неутешительные, и в тоне письма чувствовалась еле уловимая развязность. Похоже, Сатурнин уже решил, что Гай Марий — человек прошлого. Теперь он устанавливает для себя новые приоритеты. Гай Марий не наберет нужного количества голосов. И поддержки всадников не будет. Ибо германцы представляют собой меньшую угрозу, нежели война сицилийских рабов или проблема снабжения зерном. Ламия-чудовище издохла.

Но Ламия отнюдь не издохла, и имелся Луций Корнелий Сулла — живое доказательство этому. Только какой смысл посыпать Суллу в Рим для подтверждения этого факта, если он, Гай Марий, не имеет предлога, чтобы сопровождать его? Без авторитетной поддержки Сулла в Риме ничего не добьется. Рим посчитает его историю штакой, ненадежной, неприемлемой. Или оба они приедут в Рим, или никто не поедет.

Гай Марий взял чистый лист, перо и написал Луцию Апулею Сатурнину следующий ответ:

Что бы ты ни говорил, Луций Апулей, помни: благодаря мне ты выжил, пока тебя не реабилитировали. Ты все еще мне обязан, и я ожидаю от тебя преданности.

Не думай, что я не сумею приехать в Рим. Еще может появиться такая возможность. По крайней мере, я ожидаю, что ты поступишь так, как если бы я действительно смог прибыть в Риме. И вот чего я хочу. Самая экстренная необходимость — отложить консульские выборы. Ты и Гай Норбан вполне можете это устроить. Народным трибунам такое под силу. И вы организуете мне это. Со всем усердием. Употребив всю свою энергию. А после этого ты мобилизешь свои мозги — а они у тебя есть! — воспользуешься первой же возможностью и надавишь на Сенат и народ, чтобы меня вызвали в Рим.

Я буду в Риме, не сомневайся. Если ты хочешь подняться выше народного трибуна, тебе выгоднее оставаться человеком Гая Мария.

И к концу ноября восточный ветер принес Гаю Марии смачный поцелуй Фортуны в виде второго письма от Сатурнина. Оно прибыло морем за два дня до того, как курьер Сената и его экспедиторы достигли Гланума. Сатурнин писал на этот раз довольно смиренно:

Я не сомневаюсь, что ты сумеешь вовремя быть в Риме. И дня не прошло после получения мною твоего отрезвляющего письма, как твой уважаемый коллега Луций Аврелий Орест, младший консул, внезапно скончался. И, все еще болезненно ощущая твое неудовольствие, я воспользовался этим случаем, чтобы заставить Сенат вызывать тебя в Рим. Это не входило в планы политиков. С помощью принцепса Сената они порекомендовали господам сенаторам выбрать консула-супфекта, чтобы занять кресло, освобожденное Орестом. Но — поразительная удача! — только за день до этого Скаев произнес в Палате длинную речь о том, что твое присутствие в Заальпийской Галлии является оскорблением доверия всех хороших людей, что панику насчет германцев ты вызвал специально, чтобы тебя выбрали фактическим диктатором. Конечно, как

только Орест умер, Скаев полностью изменил тон: что Палата не смеет отзывать тебя ввиду германской грозы.

У меня не было времени, чтобы отложить выборы. Теперь я считаю, что этого делать и не следует. Вместо этого я выступил в Палате с очень хорошей речью о том, что наш уважаемый принцепс не может придерживаться одновременно двух противоположных точек зрения. Или угроза со стороны германцев есть, или ее не существует. Я напомнил о его речи, сказанной накануне. Тогда, заявил я, он уверял, что германской угрозы нет, поэтому нет нужды сажать супфекта в опустевшее кресло. Нет, сказал я, необходимо вызывать Гая Мария, и Гай Марий должен наконец выполнить работу, для которой он был выбран, — выполнить консульские обязанности. Мне не обязательно было обвинять Скаэва в том, что он изменил свои позиции, желая подладиться к новым обстоятельствам. Все и так поняли.

Надеюсь, мое письмо опередит курьера. В это время года море надежнее суши. Я не хочу сказать, что ты не успеешь продумать все последствия. Но если мое письмо придет раньше курьера, у тебя будет немного больше времени, чтобы спланировать кампанию в Риме. Я начинаю обрабатывать выборщиков. Естественно, к тому времени, как ты приедешь в Рим, самые уважаемые представители народа уже будут управлять тебя баллотироваться в консулы.

— Мы едем! — радостно сообщил Марий Сулле, отдав ему письмо Сатурнина. — Пакуй вещи — времени терять нельзя. Ты доложишь в Палате, что германцы вторгнутся в Италию тремя фронтами осенью следующего года. А я скажу выборщикам, что я — единственный человек, способный остановить их.

— И далеко ли я могу зайти? — изумленно спросил Сулла.

— Только если будет необходимо. Я лишь обозначу тему и скажу о выводах. А ты подтвердишь их истинность, но так, чтобы Палата не поняла, что ты сам стал «варваром». — Марий посмотрел печально. — О некоторых вещах, Луций Корнелий, лучше не говорить вслух. Эти господа еще недостаточно тебя знают, чтобы понять, что ты за человек. Не давай им информации, которую потом они смогут использовать против тебя. Ты — римский патриций. Так что пусть они думают, что твои подвиги ты совершил, оставаясь стопроцентным римским патрицием.

Сулла покачал головой:

— Но ведь невозможно шпионить среди германцев в тоге римского патриция!

— Они этого не знают, — усмехнулся Марий. — Помнишь, что говорил в своем письме Публий Рутилий? Он назвал их «кресельными вояками из задних рядов». А кроме того, все они шпионы, что в задних рядах, что в передних. Но правил шпионажа они не ведают. И не постигли бы их, даже если бы эти правила заталкивали им прямо в задницы! — И он засмеялся. — В самом деле, жаль, что я не попросил тебя еще ненадолго походить с усами и с длинными волосами. Тогда я нарядил бы тебя германцем и провел бы по Форуму. И знаешь, что бы случилось тогда?

Сулла вздохнул:

— Да. Никто бы меня не узнал.

— Правильно. Поэтому не будем их так смущать. Сначала говорить буду я. А ты — после меня, — сказал Марий.

В отличие от Гая Мария. Луцию Корнелию Рим не сулил ничего заманчивого — ни в политическом отношении, ни в семейной жизни. Несмотря на блестящую карьеру квестора и блестящее же исполнение роли шпиона, он оставался просто одним из многих энергичных молодых сенаторов под покровительством Первого Человека в Риме. Его политическая карьера продвигалась не слишком быстро, особенно если учесть, что Сулла довольно поздно появился в Сенате. Он был патрицием, и поэтому ему нельзя стать народным трибуном. У него недоставало денег, чтобы сделаться эдиплом, и в Сенате он провел еще слишком мало времени, чтобы его выбрали претором. Это что касается политики.

Домашнюю атмосферу отправляли жена, которая слишком много пила и слишком мало обращала внимания на детей, и теща, которой Сулла очень не нравился.

Но как бы подавлен он ни был, он понимал: политический климат еще может измениться. А вот обстановка в доме могла теперь только ухудшаться. На этот раз ему куда труднее было вернуться в Рим — от германской жены к римской. Около года он

жил с Германом в окружении, более чуждом его аристократическому миру, нежели старый мир Субурских трущоб. Германа была его утешением, его крепостью, его опорой в том странном варварском обществе.

Внедриться в германское племя кимбров оказалось нетрудно. Сулла был чем-то большим, чем просто воин, храбрый и сильный. Он был воин думающий. В храбости и физической мощи он, конечно, много уступал германцам. Но там, где германцы были нелегированным металлом, он представлял собой сплав — прочный, скользкий, упругий. Сулла был маленьким человеком, встретившимся с гигантом. Человеком, который должен думать, чтобы превзойти противника в сражении. Поэтому в бою с испанцами на Пиренеях его сразу же заметили и приняли в воинское братство.

Потом он и Серторий поняли: если им нужно адаптироваться в этом странном мире, они должны превратиться не просто в солдат. Им необходимо найти себе ниши в политической жизни этих племен. Поэтому они разделились, выбрали разные племена, а потом взяли себе жен — из числа недавно овдовевших.

Сулла заметил Герману, потому что та сама была чужачкой. Бездетная. Родом из чужого племени. Ее муж был вождем племени кимбров, иначе местные женщины не потерпели бы ее присутствия. Фактически она узурпировала место, которое должна была занять кимбрейка. И разъяненные женщины мысленно уже разрывали ее на куски, когда Сулла — метеор среди воинов — забрался в ее повозку и тем самым предъявил на нее права. В том, что Сулла выбрал женщину из племени херусков, не было ни сантиментов, ни какой-то особенной симпатии. Просто она нуждалась в нем больше, чем любая другая. А также была обязана племени гораздо меньше, чем любая другая. Таким образом, если она и обнаружит его римские корни, то не выдаст.

Она была обычной германской женщиной. Большинство их были рослыми, сильными, но грациозными, с длинными ногами, высокой грудью, соломенными волосами, самыми голубыми на свете глазами — и довольно симпатичным лицом, если не обращать внимания на большой рот и прямой маленький носик. Германа была намного меньше ростом, чем Сулла (для римлянина тот был высок), и полнее, чем большинство ее соплеменниц. Ее волосы, очень густые и длинные, были неопределенного оттенка, всем известного под названием «мышиный», а глаза — под стать волосам, серые с желтовато-коричневыми пятнышками. Что касается остального, она была типичной германкой: череп правильной формы, нос — как короткое лезвие, ост्रое и тонкое. Ей было тридцать лет. Не будь ее муж могущественным вождем, ее изгнали бы из племени и она бы погибла.

Что же в ней таилось такого, что заставило двух мужчин, занимавших высокое положение, выбрать именно ее? Сразу и не поймешь. Ее первый муж находил ее непохожей на других и интересной — и только. Сулла считал ее истинной аристократкой, утонченной и очень сексуальной.

Они во всем подходили друг другу. Она была достаточно умной, чтобы понимать его, достаточно рассудительной, чтобы не мешать ему, достаточно страстной, чтобы доставлять ему удовольствие в постели. С ней было интересно разговаривать, она была достаточно трудолюбива и не доставляла ему лишних хлопот. Скот она содержала в порядке, кормила, доила, спаривала, лечила. Повозка Германы была всегда в идеальном состоянии, тент крепко натянут, починен, деревянный настил чист, все щели заделаны. Оси и чеки больших колес смазаны смесью масла и мясного жира. Все спицы и сегменты на месте. Кухонная утварь блестела, продукты тщательно оберегались от сырости и мародеров. Одежда и коврики проветривались и были заштопаны. Ножи отточены. Она всегда помнила, что где лежит. Германа была полной противоположностью Юлии.

Когда Германа обнаружила, что беременна — а это случилось сразу же, — оба они очень обрадовались. Германа была счастлива еще по одной причине. Теперь она была оправдана в глазах племени, к которому не принадлежала. И обвинение в ее бесплодии пало теперь на голову умершего вождя. Это пришло не по вкусу кимбрам — они давно ее ненавидели. А поделать ничего не могли, потому что к весне, когда кимбры отправились на север, в земли атуатуков, Сулла уже сделался новым вождем. Это еще более усилило радость Германы.

В августе, после утомительной, но стойко перенесенной беременности, Германа родила близнецовых, двух мальчиков, крупных, здоровых, рыжеволосых. Сулла назвал одного Германом, другого Корнелем. Он ломал голову над именем, которое увековечило бы его род, патрицианский род Корнелиев, но при этом не звучало бы слишком странно для германца. И он выбрал — Корнель.

Близнецы были так похожи между собой, что даже родители не могли их различить. Им хорошо было вдвоем. Они быстро росли, хорошо развивались, почти не плакали.

Близнецы были редкостью, и их рождение у этой странной иноземной пары посчитали знаком достаточно важным, чтобы выбрать Суллу вождем целой группы небольших племен. Он стал членом Большого Совета, созываемого Бойориксом от трех германских народов, после того как царь кимбров положил конец трениям между атуатуками и тевтонами.

Конечно, Сулла знал, что должен будет уйти, но отложил свой уход до Большого Совета. Он беспокоился о судьбе Германы и сыновей. Что будет с ними, когда он уйдет? Мужчинам своего племени он мог доверять, но женщинам — никогда. В любой ситуации, касающейся внутренней жизни племени, женщины решают все. Как только Сулла уедет, Герману до смерти забьют палками. Может быть, ее сыновей и оставят в живых, но ее — нет, ни за что.

Настал сентябрь, пора было что-либо решать. И Сулла принял решение. Оно противоречило его собственным интересам и интересам Рима. Хотя времени оставалось в обрез, перед возвращением к Марии Сулла отвез Герману в ее собственное племя. Как неизбежное следствие, ему пришлось открыть ей, кто он такой на самом деле. Но она не столько удивилась, сколько пришла в восхищение. Он увидел, как изумленно посмотрела она на сыновей, словно только сейчас поняла, какое значение они имели — эти отпрывки полубога. Она не стала горевать, когда он сообщил, что вынужден покинуть ее навсегда, и была благодарна, когда узнала, что сначала он отвезет ее к марсиям, в надежде, что среди своего народа она будет в безопасности.

В начале октября они под покровом темноты переместили свои повозки и скот на отдаленный участок занятой германцами гигантской территории, откуда их отъезд не сразу был замечен. Когда рассвело, они все еще двигались среди других повозок, и никто не обращал на них внимания, а через два дня их и след простыл.

Расстояние от территории атуатуков до земель марсиям — меньше сотни миль, и местность равнинная. Но между Длинноволосой Галлией беллов и Германией протекала самая большая река во всей Западной Европе — Рен. Сулле предстояло каким-то образом переправить повозку жены через Рен. И защитить семью от мародеров. Он сделал это по-своему, очень просто — доверившись своей богине Фортуне, которая до сих пор не покидала его.

Когда они достигли Рена, то увидели, что по берегам живут люди. Людей этих не интересовали длинная повозка и одинокая германская женщина с рыжеволосыми близнецами. По реке регулярно ходила баржа, достаточно большая, чтобы на нее можно было поместить повозку. Цена — кувшин пшеницы, самая большая ценность. Лето было относительно сухим, река спокойной, и Сулла за три кувшина пшеницы смог переправить через реку повозку и весь скот Германы.

Оказавшись в Германии, они стали быстро продвигаться вперед. Земля в низовьях Рена очищена от лесов, здесь высевали мелкую порось в основном на корм скоту. На третью неделю октября Сулла нашел племя Германы и оставил жену на попечение ее родичей. И заодно заключил договор о мире и дружбе между германцами-марсиями и Сенатом и народом Рима.

Затем, когда наступил самый миг расставания, они оба плакали от горя. Разлука оказалась тяжелее, чем они думали. Держа на руках близнецов, Германа шла следом за конем Суллы, потом остановилась и долго стояла, горестно воя, пока его конь не исчез навсегда. А Сулла многие мили ехал на юг, доверившись инстинкту своего коня, ослепший от слез.

Люди Германы дали ему хорошую лошадь. В конце дня он смог обменять ее на другую, свежую, и так продолжал он ехать двенадцать дней, от истоков реки Амисии, где располагались поселения марсиям, до лагеря Мария за пределами Гланума. Он пересек всю страну, избегая высоких гор и густых лесов и продвигаясь вдоль рек — от Рейна до Мозеллы, от Мозеллы до Арара, от Арара до Родана.

На сердце было так тяжело, что ему приходилось заставлять себя отмечать, по какой местности и среди какого народа он едет. Однажды он с удивлением поймал себя на том, что машинально отвечает местному жителю на галльском языке друидов, и

подумал: «А ведь я бегло говорю на нескольких германских диалектах, на карнутском диалекте галльского... Я, Луций Корнелий Сулла, римский сенатор!»

Ни он, ни Квинт Серторий так и не смогли разузнать о диспозициях германцев среди атуатуков. Это стало известно лишь с наступлением весны, спустя много времени после того, как Сулла и Серторий покинули Германию. Тысячи повозок двинулись в путь, разделившись перед вторжением в Италию на три большие группы. Кимбры, тевтоны, тигурины, херуски и маркоманы добросовестно постарались, чтобы защитить атуатуков. Они оставили шесть тысяч своих лучших мужчин, дабы атуатуки не пострадали от набегов других племен. И еще оставили сокровища своих племен: золотые статуи, золотые колесницы, золотую упряжь, золотые приношения по обету, золотые монеты, золотые слитки, несколько тонн чистейшего янтаря и многое другое. Когда они двинулись в путь, у германцев осталось только то золото, которое они носили на себе. Все остальное было спрятано у атуатуков.

Когда Сулла снова увидел Юлиллу, то сравнил ее с Германой и нашел свою римскую жену неряшливой, умственно отсталой, непоследовательной и — противной. Она хотя бы усвоила по его предыдущим возвращениям, что не следует кидаться ему на шею в присутствии слуг. Но, подумал он с горечью в первый же день своего возвращения, за ужином, то, что она избавила его от этой пытки, было результатом присутствия в доме Марсии, а не желания Юлиллы доставить мужу приятное.

Марсия — прямая как палка, строгая, нелюбящая, непрощающая. Старость не красила ее, а после стольких лет счастья быть женой Гая Юлия Цезаря вдовство легло на нее тяжелым бременем. Сулла, кроме того, подозревал, что ей ненавистно было считаться матерью такой дочери, как Юлилла.

С другой стороны, у Суллы не имелось резона отказываться от жены. Юлилла была не из тех матрон, что вступают в связь без разбору — даже с людьми низшего класса. Да и с мужчинами своего круга она не водилась. Верность оказалась, наверное, единственным ее достоинством. К сожалению, пристрастие Юлиллы к спиртному не достигло еще того уровня, когда все в Риме сочли бы ее алкоголичкой. Марсия прилагала максимум усилий для того, чтобы скрыть это. Следовательно, развод (даже при согласии Суллы пройти через подобную мерзость) был невозможен.

И все же жить с Юлиллой стало для него неприемлемо. Ее физические претензии в постели были настолько неистовы и грубы, что он не мог испытывать каких-либо эмоций, кроме сильного смятения. Стоило ему лишь взглянуть на Юлиллу, как каждая клеточка его тела, способная возбудиться, сжималась, свертывалась в клубок, словно змея. У него не возникало желания даже дотронуться до нее, и он не хотел, чтобы и она дотрагивалась до него.

Женщина легко может симулировать сексуальное желание, но мужчина не в состоянии имитировать ни желания, ни тем более удовольствия. Если по природе мужчины более правдивы, чем женщины, думал Сулла, так это потому, что у них между ног есть такой поборник истины, который в вопросе секса никогда не обманет. И это каким-то образом окрашивает все аспекты жизни мужчины. Если и существует рациональная причина возникновения тяги женщины к мужчине, так это потому, что тут в истинности желаний партнера сомневаться не приходится.

Эти мысли были не в пользу Юлиллы, которая понятия не имела, о чем думает ее муж. Две ночи подряд Сулла отвергал ее. Его терпение истощалось, его отговорки становились все небрежнее. А на третью утро Юлилла поднялась даже раньше Суллы, чтобы обильно позавтракать вином, и была поймана на месте материю.

В результате разразился скандал — такой ожесточенный и язвительный, что дети заплакали, рабы разбежались, а Сулла заперся в кабинете, проклиная всех женщин на свете. Из того, что ему удалось разобрать из их воплей, он понял: предмет ссоры не нов, и ссора эта — не первая. «Дети совсем заброшены! — кричала Марсия, да так громко, что ее слышно было у храма Великой Матери. — Что ты за мать, если не обращаешь на них внимания!» Юлилла в ответ визжала так, что слышно было аж в Большом цирке: «Ты украла любовь моих детей, так что же теперь ждешь?»

Эта битва длилась дольше любой словесной перепалки — еще один знак, решил Сулла, что тема и аргументация тщательно разработаны в многочисленных предшествующих стычках. Казалось, обе повторяют текст, заранее выученный наизусть. Ссора завершилась в атрии, как раз у дверей кабинета Суллы. Марсия сообщила Юлилле, что берет детей и няню на прогулку, гулять они будут долго, она не знает, когда они вернутся, но Юлилле к их возвращению лучше быть трезвой.

Заткнув уши, чтобы не слышать рыданий детей, которые умоляли маму и бабушку помириться, Сулла постарался направить свои мысли в другое русло. Какие хорошие у него дети! После такой долгой разлуки он очень рад был снова их увидеть. Корнелий Сулле шел уже шестой год, а маленькому Луцию Сулле было четыре. Еще малыши, но все же достаточно большие, чтобы страдать. Он слишком хорошо знал это по собственному детству, склоненному в глубине души.

Если и находилось какое-то оправдание тому, что Сулла покинул своих германских близнецовых, так это то обстоятельство, что они еще были младенцами, еще даже головок не держали, лишь пускали пузыри. Расстаться с римскими детьми будет куда труднее, потому что они уже были людьми. Он испытывал к ним сильную жалость. И любил он их сильно. Это было совсем другое чувство, не такое, как он испытывал к мужчине или к женщине. Бескорыстное и чистое, неиспорченное и всепоглощающее.

Дверь кабинета распахнулась. Юлилла ворвалась в комнату как вихрь, со сжатыми кулаками, с лицом, побагровевшим от злости. И от вина.

— Ты слышал это? — закричала она.

Сулла отложил перо.

— Как я мог не слышать? Весь Палатин в курсе, — устало ответил он.

— Старая дура! От этой высохшей мумии только одни неприятности! Как она смеет упрекать меня, что мои дети заброшены?

«Что же мне делать? — спрашивал себя Сулла. — Почему я терплю ее? Почему бы мне не достать ту маленькую коробочку пизанского литья с белым порошком и не сыпать ей в вино, пока у нее не выпадут все зубы, пока язык не свернется в кольцо, а груди не распухнут и не лопнут? Почему бы не поискать симпатичный дуб, не набрать под ним безобидных на вид грибов и не скормить ей, пока из всех пор ее тела не начнет сочиться кровь? Почему бы мне не подарить ей поцелуй, которого она так жаждет, и не сломать ее тощую, противную шею? Скольких людей убил я мечом, кинжалом, стрелой, ядом, камнем, топором, палкой, ремнем, руками! Что в ней такого, чего бы не было в других?»

Конечно, он сразу нашел ответ. Юлилла дала ему его мечту. Юлилла дала ему удачу. И еще — она была римской патрицианкой, одной с ним крови. Скорее он убьет Герману.

Ну что ж, словами ее не убешь, эту жилистую римскую матрону, поэтому говорить-то он мог:

— Ты действительно пренебрегаешь детьми. Поэтому я пригласил твою мать пожить здесь.

Она театрально ахнула, поперхнулась, схватилась руками за горло:

— О-о-о! Как ты смеешь? Я никогда не пренебрегала детьми, никогда!

— Чушь. Ты нисколько не заботилась о них, — повторил он так же устало, терпеливо. Казалось, едва лишь перешагнув порог дома, он тотчас взял за правило говорить с ней таким тоном. — Единственное, что тебя заботит, — это кувшин с вином.

— Кто может меня упрекнуть? — спросила она, опустив руки. — Кто может с чистой совестью упрекнуть меня? Я вышла замуж за человека, который меня не хочет, который не может даже возбудиться в одной постели со мной, хотя я стараюсь до ломоты в челюстях!

— Если мы собираемся вдаваться в подробности, тогда закрой дверь, пожалуйста.

— Зачем? Чтобы наши драгоценные слуги не услышали? Какой же ты грязный лицемер, Сулла! И кому надо стыдиться, тебе или мне? Почему тебе — никогда? Твоя репутация любовника широко известна в этом городе, поэтому я не могу назвать тебя

импотентом. К несчастью! Это только меня ты не хочешь! Меня! Твою собственную жену! А я даже никогда не взглянула на другого мужчину — и какая же благодарность мне за это? Тебя не было два года! Ты холoden, как лед, когда я готова взорваться! — Из огромных впалых желтых глаз хлынули слезы. — Что я такого сделала? Почему ты даже не хочешь меня? О Сулле, посмотри на меня с любовью, дотронься до меня любящими руками, и до конца моей жизни я больше не возьму в рот ни капли вина! Неужто можно любить так, как люблю я, и в ответ не получить даже искорки чувства?

— Возможно, в этом-то и заключается проблема, — сказал он отвлеченно. — Мне не нравится, когда меня любят слишком сильно. Это неправильно. В принципе, это даже вредно для здоровья.

— Тогда скажи, как мне перестать любить тебя! — воскликнула Юлилла сквозь слезы. — Потому что я этого не знаю! Неужели ты думаешь, что я не старалась разлюбить тебя? Если бы только я смогла... Я молюсь, чтобы разлюбить тебя! Я жажду разлюбить! Но не могу. Я люблю тебя больше жизни!

Сулла вздохнула:

— Может быть, пора наконец повзросльть. Ты до сих пор выглядываешь и поступаешь, как подросток. И умом, и телом ты еще шестнадцатилетняя. Но ведь это не так, Юлилла. Тебе уже двадцать четыре. У тебя двое детей.

— Может быть, в шестнадцать лет я последний раз была счастлива, — сказала она, ладонями размазывая слезы.

— Если ты не была счастлива с шестнадцати лет, вряд ли в этом надо винить меня, — заметил Сулла.

— Ты ведь никогда ни в чем не виноват, да?

— Истинная правда, — ответил он высокомерно.

— А как же другие женщины?

— А что они?

— Ты оставил женщину в Галлии? В этом причина?

— Не женщину, — мягко поправил он. — Жену. И не в Галлии, а в Германии.

От изумления она так и разинула рот:

— Жену?

— Во всяком случае, согласно германским обычаям. И еще двух мальчиков-близнецов четырех месяцев от роду. — Он опустил веки, боль была слишком личная, чтобы позволить Юлилле увидеть ее. — Я очень по ней скучаю. Странно, да?

Юлилла закрыла рот, сглотнула.

— Та женщина... она так красива? — прошептала она. Его светлые глаза открылись. В них стояло удивление.

— Красивая? Германа? Нет, совсем нет. Она коренастая. Ей за тридцать. Даже и сотой доли твоей красоты в ней нет. Не белокурая — серая. И даже не дочь вождя. Просто варварка.

— Тогда почему?

Сулла покачал головой:

— Не знаю. Знаю только, что она мне очень нравилась.

— Что же есть в ней такого, чего нет у меня?

— У нее великолепная грудь, — пожав плечами, сказал Сулла. — Хотя я равнодушен к женской груди... Она много работала. Никогда не жаловалась. Никогда ничего от меня не ждала. Нет, не то. Лучше сказать, что она никогда не требовала от меня того, чего я не могу дать. — Он кивнул, улыбнулся с нескрываемой нежностью. — Да, думаю, это именно то. Она была самостоятельной и поэтому не навязывалась мне. Ты — словно камень у меня на шее. А Германа — это крылья на моих сандалиях.

Не сказав ни слова, Юлилла повернулась и вышла из таблиния. Сулла поднялся, подошел к двери и закрыл ее.

Но не успел Сулла достаточно успокоиться и привести в порядок свои мысли — ибо в это утро он уже вряд ли был в состоянии написать что-либо разумное, — как дверь опять отворилась.

На пороге появился управляющий — великолепная имитация неодушевленного бревна.

— К тебе посетитель, Луций Корнелий. Ты дома?

— Кто это?

— Я бы назвал тебе его имя, господин, если бы знал его, — ответил управляющий деревянным голосом. — Посетитель предпочел передать через меня послание: «От Скилакса Сулле — привет».

Лицо Суллы прояснилось, словно с зеркала сошли следы дыхания. Медленно стала проявляться улыбка. Один из старых друзей! Мим, комедиант, актер — из когорт ее давних знакомых. Этот простофиля управляющий, которого купила Юлилла, конечно же не знает, кто это. Рабы Клитумны недостаточно хороши для Юлиллы.

— Пригласи же его!

Он узнал бы его всюду, в любое время. И все же как он изменился! Был мальчик — стал мужчина.

— Метробий! — воскликнул Сулла, поднимаясь. Бросил быстрый взгляд на дверь, чтобы убедиться, что она закрыта. Окна нараспашку, но это не имело значения — в доме Суллы установлено железное правило: никто не смеет стоять в колоннаде так, чтобы видеть в окно, что делается в кабинете Суллы.

«Ему, должно быть, уже двадцать два», — подумал Сулла. Высокий для грека. Длинная грива черных кудрей изящно уложена, как подобает мужчине. Там, где кожа на щеках и подбородке раньше была молочно-белой, появилась синева тщательно выбритой густой бороды. У него по-прежнему профиль Аполлона работы Праксителя. И та же двуполая гармония — мраморная раскрашенная статуя Никия, как живая, словно вот-вот шагнет с постамента... но остается на месте, храня тайны своего ремесла.

И вот тщательно охраняемая мраморная неподвижность раскололась. Метробий с любовью посмотрел на Суллу и протянул к нему руки.

Слезы выступили на глазах Суллы, губы задрожали. Когда Сулла огибал стол, то сильно ударился об угол, но даже не почувствовал боли. Он заключил Метробия в объятия, положил подбородок ему на плечо, обхватил руками его спину. И ощутил наконец-то, что вернулся из странствий домой. Поцелуй был бесподобен. Все понимающее сердце зашлось от счастья, искренность желания не вызывала сомнения. Все произошло само собой.

— Мой мальчик, мой красивый мальчик! — прошептал Сулла и заплакал от благодарности, что хоть что-то в его жизни не изменилось.

Стоя у открытого окна таблиния, Юлилла наблюдала, как ее муж упал в объятия красивого молодого человека, видела, как они поцеловались, услышала слова любви. Затем они направились вместе к кушетке и опустились на ложе. Из увиденного она заключила, что их отношения начались много лет назад, что они доставляли обоим наслаждение. Именно в этом крылась истинная причина холодности к ней мужа, источник ее пристрастия к вину и пренебрежения детьми. Его детьми.

Не дожидаясь, пока они начнут снимать с себя одежду, Юлилла отвернулась и пошла — с высоко поднятой головой и сузими глазами — в их общую с Суллой спальню. К спальне примыкала небольшая комната, которой пользовались как кладовой. Сейчас она была битком набита. Парадная одежда и снаряжение Суллы висели на вешалке, шлем — на специальной подставке, меч с рукоятью из слоновой кости в виде головы орла — в ножнах на стене.

Снять со стены меч оказалось нетрудно. Труднее вынуть его из ножен и освободить от ремня. Наконец ей это удалось. При

этом Юлилла до кости порезала руку, настолько острым оказалось лезвие. Она немного удивилась тому, что еще способна ощущать боль, а потом выкинула эту мысль из головы. Не колеблясь, Юлилла взяла меч за рукоять, направила острие в грудь и бросилась на стену.

Но получилось плохо. Лезвие соскользнуло, и она упала в лужу крови с клинком в животе. Сердце ее бешено колотилось, дыхание отдавалось в ушах, словно кто-то притаился за спиной, чтобы украсть у нее жизнь, а может быть, и честь. Но ни жизнью, ни честью она больше не располагала, так какое это имело теперь значение? Она чувствовала на коже тепло собственной крови. Началась агония. Но она была из рода Юлиев Цезарей. Она не стала звать на помощь или жалеть о своем решении, сколько бы времени ей ни осталось. Она даже не подумала о своих малолетних детях. Она могла думать только о своей глупости. Столько лет любить человека, которому нравятся мужчины!

Причина достаточная, чтобы умереть. Она не станет жить, чтобы над ней смеялись, чтобы в ее адрес отпускали шуточки все эти удачливые счастливицы, чьи мужья предпочитают женщин.

По мере того как кровь покидала ее, унося с собой жизнь, разгоряченный ум становился все холоднее, а потом стал цепенеть. О, как это чудесно — наконец перестать любить его! Больше никакой пытки, никакой муки, никакого унижения, никакого вина. Она просила показать ей, как разлюбить его, — и он показал. Наконец-то ее дорогой Сулла был добр к ней. Ее последние ясные мысли были о детях. По крайней мере, она оставляет что-то после себя. Юлилла вошла в ласковые воды океана по имени Смерть, желая своим детям долгой жизни и большого счастья.

Сулла возвратился за стол и сел.

— Вон там вино, налей мне немного, — попросил он Метробия. Теперь, когда лицо Метробия оживилось, он снова стал прежним мальчиком. И Сулла сразу вспомнил, как однажды этот мальчик согласился жить в нищете — лишь бы со своим дорогим Суллом.

Мягко улыбаясь, Метробий принес вино и уселся в кресло клиента.

— Я знаю, что ты собираешься сказать, Луций Корнелий. Это не должно войти в привычку.

— Да. — Сулла отпил немного вина, потом пристально посмотрел на Метробия. — Это невозможно, дорогой мой. Лишь изредка, когда просто не будет сил терпеть. Я уже близок ко всему, чего хотел добиться всю жизнь. А это значит, что я не могу быть с тобой. Если бы мы были в Греции или если бы я был Первым Человеком в Риме, тогда, возможно, дело другое. Но мы не в Греции, и Первый Человек — Гай Марий.

Метробий погрустнел:

— Понимаю.

— Ты все еще в театре?

— Конечно. Играть — это единственное, что я умею. Кроме того, Скилакс, отдадим ему должное, был хорошим учителем. Поэтому у меня много ролей и мало свободного времени. — Он чуть смутился. — Единственное, что изменилось, — я стал серьезным.

— Серьезным?

— Да. Видишь ли, выяснилось, что у меня нет комедийного дара. Все шло очень хорошо, пока я оставался ребенком, но когда я вырос из крыльев Купидона, то обнаружил, что мой талант — в трагедиях, а не в комедиях. Так что теперь я играю Эсхила и Актия вместо Аристофана и Главта. Я не жалуюсь.

Сулла пожал плечами:

— Ну, по крайней мере, это значит, что я смогу ходить в театр, не выдавая себя, когда ты играешь несчастного инженера. Ты получил римское гражданство?

— Увы, нет.

— Я посмотрю, что можно сделать. — Вздохнув, Сулла поставил бокал и сложил руки, как банкир. — Мы обязательно будем встречаться. Но не слишком часто. И не здесь. Здесь — больше никогда. У меня сумасшедшая жена, которой я не могу доверять.

— Если бы мы могли встречаться хоть иногда, это было бы чудесно.

— У тебя собственное жилье или ты все еще живешь со Скилаксом?

Метробий удивился:

— Я думал, что ты знаешь. Ну конечно, откуда ты мог знать! Когда ты последний раз был в Риме? Полгода назад Скилакс умер. Он оставил мне все, чем владел, включая квартиру.

— В таком случае там и будем встречаться. — Сулла встал. — Пойдем, я провожу тебя. Я внесу тебя в списки моих клиентов. Так что если когда-нибудь тебе понадобится прийти сюда, у тебя будет уважительная причина.

В прекрасных черных глазах застыл поцелуй, когда они расставались у входа. Ни слова, ни жеста лишнего. Вертевшийся рядом управляющий или привратник и догадаться не могли бы, что этот поразительно красивый молодой человек — кто-то больший, чем новый клиент из прошлого.

— Передавай привет всем, Метробий.

— Полагаю, когда будут проходить театральные игры, тебя уже не будет в Риме?

— Боюсь, что так, — ответил Сулла, чуть улыбнувшись. — Все из-за германцев.

Итак, они расстались. Как раз в этот момент показалась Марсия — она возвращалась с прогулки с детьми и их няней. Сулла подождал ее и закрыл за ними дверь.

— Марсия, пройдем в табlinий, пожалуйста.

Насторожившись, она вошла в кабинет первая и направилась к кушетке, на которой Сулла с ужасом увидел мокрое пятно. Оно бросалось в глаза, как сигнальный огонь.

— В кресло, если ты не возражаешь, — поспешил предложить он. Она уселась и воззрилась на него, вздернув подбородок и скваж губы.

— Дорогая теща, я понимаю, что не нравлюсь тебе. Не стану и стараться искать твоего расположения, — начал Сулла, стараясь говорить непринужденно. — Я попросил тебя переехать к нам не из любви к тебе. Я беспокоился о детях. Их положение и сейчас меня тревожит. Я должен поблагодарить тебя от всего сердца за хорошую заботу о них. Они снова стали маленькими римлянами.

Она немного отаяла:

— Рада, что ты так думаешь.

— И теперь не дети являются моей главной проблемой, а Юлилла. Я слышал вашу утреннюю скору.

— Весь мир, должно быть, слышал ее! — резко прервала Суллу Марсия.

Он тяжело вздохнул:

— После того как ты с детьми ушла на прогулку, она поссорилась со мной, и это тоже весь мир слышал. Есть ли у тебя какие-нибудь соображения? Что нам делать?

— Единственный повод к разводу — ее пьянство, — сказала Марсия. — Думаю, тебе следует набраться терпения. Она пьет все больше. Скоро я уже не смогу скрывать ее порок от всех. Как только это станет общезвестным, ты сможешь выгнать ее.

Так сказала мать Юлиллы.

— А если в это время меня не будет в Риме?

— Я — ее мать. Я могу ее выгнать. Если это произойдет в твоем отсутствие, я отшлю ее на вашу виллу в Цирцеях. А потом, когда ты вернешься, сможешь развестись с ней и отправить ее куда угодно. Со временем она совсем сопьется и умрет. — Марсия поднялась. Ей хотелось поскорее уйти, чтобы он не заметил, как больно ей говорить все это. — Я не люблю тебя, Луций Корнелий, — добавила она. — Но не виню тебя за теперешнее состояние Юлиллы.

— Ты вообще любишь кого-нибудь из родственников? — спросил Сулла.

Она фыркнула:

— Только Аврелию.

Он вышел с нею в атрий.

— Интересно, где сейчас Юлилла? — спросил он, вдруг поняв, что не видел ее с тех пор, как пришел Метробий. Холодок пробежал у него по спине.

— Наверное, лежит где-нибудь и ждет тебя или меня, — ответила Марсия. — Раз она начинает день со ссоры, то уж ссорится весь день и под вечер напивается до беспамятства.

Сулла презрительно скрипнул губы.

— Я не видел ее с тех пор, как она выбежала из кабинета. Почти сразу же меня навестил старый друг. Я как раз провожал его, когда ты вернулась с детьми.

— Обычно она не столь застенчива, — сказала Марсия и перевела взгляд на управляемого. — Ты видел госпожу?

— Последний раз я видел ее, когда она направлялась в спальню. Спросить у ее служанки?

— Нет, не надо. — Марсия краем глаза взглянула на Суллу. — Думаю, нам нужно вместе пойти к ней, Луций Корнелий. Скажем ей, что произойдет, если она не прекратит это свинство.

Они нашли Юлиллу на полу, скорченную и уже застывшую. Ее одежда из дорогой шерсти впитала большую часть крови, поэтому было похоже, что она одета в мокрые ржаво-красные одеяния — Нереида, вышедшая из вулкана.

Марсия схватилась за руку Суллы, чтобы не упасть. Он обхватил ее за талию. Но дочь Квинта Марсия Рекса сделала над собой усилие и взяла себя в руки.

— Такого решения нашей проблемы я не ожидала, — ровным голосом произнесла она.

— Я тоже, — признался Сулла, привыкший уже к смертям.

— Что ты сказал ей?

Сулла покачал головой:

— Насколько я помню, ничего, что бы могло спровоцировать такое. Можно, наверное, узнать у слуг. Наверняка они слышали.

— Нет, не думаю, что следует спрашивать у них, — сказала Марсия и вдруг прильнула к Сулле, как бы ища у него защиты. — В моем понимании, Луций Корнелий, это наилучшее решение вопроса. Лучше детям испытать мгновенный шок от смерти своей матери, чем ужас медленного разочарования в ней из-за ее пьянства. Сейчас они еще маленькие и быстро забудут. Но проживи она дольше — они будут помнить. — Она прижалась щекой к его груди. — Да, это самый лучший исход. — Слеза скатилась из-под ее опущенных век.

— Идем, я провожу тебя в твою комнату. — Он увел ее из залитой кровью кладовой. — Я, дурак, даже не подумал, что здесь висит мой меч!

— А с какой стати ты должен об этом думать?

— Задним умом крепок, — сказал Сулла.

Он знал, почему Юлилла нашла его оружие и воспользовалась им. Она видела в открытое окно его встречу с Метробием. Марсия права. Это наилучший выход из положения. И ему, Сулле, ничего не пришлось для этого делать.

* * *

Чудо опять свершилось. Когда состоялись выборы, Гай Марий вновь стал старшим консулом. Никто не смог опровергнуть факты, приведенные Луцием Корнелием Суллой, а также утверждение Сатурнина, что существует только один человек, способный разгромить германцев. Старая германомания затопила Рим, как разлившийся Тибр. Снова Сицилия отошла на второй план в списке бед, который, казалось, никогда не уменьшится.

— Едва только мы справимся с одной напастью, из ниоткуда возникает новая, — сказал Марк Эмилий Скавр Квинту Цецилию Метеллу Нумидийскому Свинке.

— Включая Сицилию, — отозвался шурин Лукулла со злостью. — Как только мог Гай Марий поддержать эту пиписку Агенобарба, когда тот настаивал, что Луция Лукулла нужно сместить с поста губернатора Сицилии? И заменить его — кем? — Сервилием Авгуром, надо же! Это же «новый человек», прикрывающийся древним именем!

— Он вертел тобой, как хотел, Квинт Цецилий, — заметил Скавр. — Гай Марий и ломаного гроша не даст за того, кто управляет Сицилией. Плевать он хотел на Сицилию, особенно сейчас, когда германцы вот-вот нагрянут. Если ты хотел, чтобы Луций Лукулл оставался там, тебе следовало бы сидеть тихо. Тогда Гай Марий и не вспомнил бы, что ты и Луций Лукулл что-то значите друг для друга.

— Сенаторские списки надо строже проверять, — сказал Метелл Нумидийский. — Я выдвину свою кандидатуру на должность цензора!

— Хорошая мысль! С кем на пару?

— С моим кузеном Каприем.

— Клянусь Венерой, великолепно! Он будет делать то, что ты ему скажешь.

— Настало время выполоскать из Сената сорняки. И всадников тоже следует проверить. Я буду строгим цензором, Марк Эмилий, не сомневайся! Сатурнин и Главция будут изгнаны. Они опасные люди.

— Не надо! — воскликнул Скавр, вздрогнув. — Если бы я не выдвинул против него ложное обвинение в хищении зерна, он мог бы стать совсем другим политиком. Я всегда чувствую себя виноватым перед Луцием Апулеем.

Метелл Нумидийский вскинул брови:

— Мой дорогой Марк Эмилий, тебе определенно следует принять что-нибудь тонизирующее! Что бы ни побудило этого волка Сатурнина поступить так — это не материальный стимул. Он таков, какой есть. Только это и имеет сейчас значение. Он должен уйти. — Метелл сердито засопел. — Мы все еще представляем силу в этом городе. И по крайней мере в наступающем году коллегой Гая Мария будет истинный муж, а не эти соломенные тюфяки Фимбрия и Орест. Надо сделать так, чтобы Квинту Лутацию дали армию. Пусть примет участие в сражении, и тогда малейший его успех мы раздадим в Риме как триумф.

Электорат выбрал вторым консулом Квinta Лутация Катула Цезаря — конечно, младшим, под начальством Мария. Но он был «как колючка в боку», по определению Мария.

— Твой младший брат избран претором, — сказал Сулла.

— И уезжает в Дальнюю Испанию — от него избавились по возможности пристойно.

У подножия Сенатской лестницы они столкнулись с Марком Эмилием Скавром, который только что расстался с Метеллом Нумидийским.

— Я должен поблагодарить тебя за твоё усердие и предприимчивость в деле пополнения запасов зерна, — вежливо обратился к нему Марий.

— Пока где-то в мире можно купить пшеницу, Гай Марий, это нетрудно сделать, — также вежливо ответил Скавр. — Меня беспокоит иное: вдруг настанет день, когда негде будет достать пшеницы?

— В настоящий момент это исключено! К следующему урожаю Сицилия уже придет в норму.

Скавр отреагировал немедленно.

— При условии, что мы не потеряем все, что мы завоевали, коль скоро этот пустозвон Сервилий Авгур стал губернатором! — отрезал он.

— Война в Сицилии закончилась, — сказал Марий.

— Будем надеяться, консул. Но я не уверен.

— А где ты доставал пшеницу эти последние два года? — торопливо поинтересовался Сулла, желая предотвратить открытое столкновение.

— В Азии, — ответил Скавр, довольный, что его отвлекли этим вопросом. Ему нравилось быть *curator annonae* — куратором урожая, хранителем запасов зерна.

— Но ведь там не выращивают столько, чтобы продавать излишки, — заметил Сулла.

— На самом деле едва ли наберется модий, — ответил Скавр самодовольно. — Нет, нам следует благодарить царя Понтийского Митридата. Он очень молод, но чрезвычайно предприимчив. Завоевав все северные районы Эвксинского моря и установив контроль над плодородными долинами Танаиса, Борисфена, Гипаниса, Данастриса, он получает приличный доход для Понта, а киммерийский излишек кораблями отправляет в Азию и продает его нам. Более того, я собираюсь следовать своей интуиции и снова купить зерно в Азии в следующем году. Молодой Марк Ливий Друз едет в Азию квестором, и я уполномочил его действовать от моего имени.

Марий фыркнул:

— Он небось непременно посетит своего тестя Квинта Сервилия Цепиона в Смирне, пока будет там?

— Без сомнения, — вежливо ответил Скавр.

— Тогда пусть Марк Ливий пошлет счета за зерно Квинту Сервилию Цепиону, — сказал Марий. — У него больше денег, чем в Казначействе!

— Это голословное утверждение.

— Нет, согласно утверждению царя Копиллы.

Наступила неловкая тишина. Потом заговорил Сулла:

— И сколько из этого азиатского зерна достигает нас, Марк Эмилий? Я слышал, что с каждым годом пираты наглеют все больше.

— Около половины, — мрачно ответил Скавр. — Каждая пещера, каждая укромная бухта на побережьях Памфилии и Киликии служит убежищем для пиратов. Конечно, они» занимаются работоголовлей, но раз они грабят зерно, чтобы кормить своих украденных рабов, то, стало быть, барыши у них огромные. А излишки украденного зерна продают нам снова, причем в два раза дороже, чем мы за него заплатили первый раз. Зато гарантируют, что зерно доберется до нас, минута разбойников.

— Поразительно, что даже среди пиратов есть посредники! — сказал Марий. — Пора что-то предпринимать, принцепс, не так ли?

— Конечно, пора, — горячо согласился Скавр.

— Что ты предлагаешь?

— Дать специальные полномочия одному из преторов — назовем его губернатором по особым поручениям, если существует такой зверь. Дадим ему корабли и моряков и поручим разорить пиратские гнезда вдоль всего побережья Памфилии и Киликии, — сказал Скавр.

— Можно назвать его губернатором Киликии, — предложил Марий.

— Хорошая идея!

— Хорошо, принцепс, давай как можно скорее созвовем господ сенаторов и сделаем это.

— Согласен, — кивнул Скавр, олицетворение отзывчивости. — Знаешь, Гай Марий, я могу не соглашаться с тем, что ты делаешь, но мне действительно нравится твоя способность делать дела, не превращая все в цирк.

— Казначейство завопит, как весталка, приглашенная на обед в публичный дом, — усмехнулся Марий.

— Ну и пусть! Если мы не избавимся от пиратов, торговля между Востоком и Западом прекратится. Корабли и моряки... — задумчиво проговорил Скавр. — Сколько их потребуется, как ты думаешь?

— Восемь-десять флотов и, скажем, десять тысяч выученных моряков. Если наберем столько, — ответил Марий.

— Достать можно, — спокойно сказал Скавр. — Если возникнет такая необходимость, найдем некоторое количество в Роде, Галикарнасе, Книде, Афинах, Эфесе — не беспокойся, найдем.

— А поведет их Марк Антоний, — сказал Марий.

— Что? Не твой собственный брат? — спросил Скавр, притворившись удивленным.

Но Марий усмехнулся, спокойный:

— Мой брат Марк Марий — новичок в морском деле, как и я. А все Антонии любят ходить в море.

Скавр засмеялся:

— Когда они не на море!

— Правда. Но он в порядке, наш претор Марк Антоний. Думаю, он справится с этим делом.

— Я тоже так думаю.

— А тем временем, — добавил Сулла, улыбаясь, — Казначейство будет так стечь по поводу закупок зерна и пиратских нападений, что даже не заметит, сколько денег потратило на армии простолюдинов. Ибо Квинту Лутацию тоже придется набрать такую армию.

— О Луций Корнелий, ты слишком долго был на службе у Гая Мария! — сказал Скавр.

— Я подумал о том же, — неожиданно сказал Марий. Но больше не добавил ничего.

В конце февраля, покончив с делами, связанными с похоронами Юпиллы, Сулла и Марий уехали в Заальпийскую Галлию. Марсия согласилась остаться в доме Суллы на некоторое время — присматривать за детьми.

— Не жди, чтобы я поселилась здесь навсегда, Луций Корнелий, — сказала она угрожающим тоном. — Теперь, когда мне за пятьдесят, я хочу переехать на побережье Кампании. Моим костям не по нраву здешняя сырья погода. А тебе лучше жениться снова, чтобы у твоих детей была хорошая мать и сводные братья или сестры, с которыми они могли бы играть.

— С женитьбой придется подождать, пока мы не покончим с германцами, — ответил Сулла, стараясь говорить вежливо.

— Ну что ж, тогда после германцев, — согласилась Марсия.

— Но это будет года через два, — предупредил он.

— Два?! Один — и ни месяцем больше!

— Может быть, хотя лично я сомневаюсь. Рассчитывай лучше на два, дорогая теща.

— Ни секундой дольше, Луций Корнелий.

Сулла посмотрел на нее, вскинув бровь:

— А тебе лучше уже сейчас начать присматривать для меня подходящую жену.

— Ты шутишь?

— Нет, не шучу! — воскликнул Сулла, начинавший терять терпение. — Как, по-твоему, я могу уехать сражаться с германцами и одновременно подыскивать себе в Риме новую жену? Если ты хочешь уехать в Кампанию сразу же после моего возвращения, тогда загодя подбери мне жену, да так, чтобы та была согласна.

— А какую жену ты хотел бы?

— Мне все равно! Только чтобы она была добра к моим малышам, — сказал Сулла.

Сулла был рад покинуть Рим. Чем дольше он оставался, тем сильнее становилось желание видеть Метробия. Но чем больше Сулла его видел, тем больше уверялся в том, что всегда будет его хотеть. Однако над взрослым Метробием Сулла уже не мог сохранять прежнее влияние. Теперь Метробий достиг того возраста, когда чувствовал, что сам может высказать свое мнение о том, как должны развиваться их отношения. Да, лучше быть подальше от Рима! Только о детях он будет скучать, о своих дорогих маленьких человечках. Очаровательных. Любящих искренне, не рассуждая. Много лун не будет его дома, но в тот миг, когда он возвратится, они встретят его с раскрытыми объятиями и миллионами поцелуев. Почему любовь взрослых не такова? Ответ прост: любовь взрослых слишком эгоистична и рассудительна.

Сулла и Марий оставили младшего консула Квинта Лутация Катула Цезаря в муках набора новой армии. Ему предстояло набирать солдат из простолюдинов, и он неустанно жаловался на это.

— Конечно, она должна быть из простолюдинов. — Марий был лаконичен и безжалостен. — Нечего хныкать — это не я потерял восемьдесят тысяч солдат при Аравсионе и в других проигранных битвах!

При этих словах Катул Цезарь, конечно, заткнулся, но сжал губы очень аристократично.

— Не стоило кидать ему в лицо такие обвинения, — сказал Сулла.

— Тогда пусть не тычет мне в лицо простонародными армиями! — проворчал Марий.

Сулла сдался.

К счастью, события в Галлии развивались, как и ожидалось. Маний Аквилий сохранил армию в хорошем состоянии. Солдаты строили мосты, акведуки и очень много занимались муштвой. Квинт Серторий возвратился, но потом снова уехал к германцам. Он сказал, что там принесет больше пользы. Он будет продвигаться вместе с кимбррами и при каждой возможности отсыпать Марию сообщения. А в войсках уже поднялось настроение — предвкушали военные действия кампании нынешнего года.

В этом году в календарь надо было вставить дополнительный месяц — еще один февраль. Сразу же стала очевидна разница между прежним Великим Понтификом Далматиком и новым, Агенобарбом: Агенобарб не видел ничего хорошего в сохранении календаря, составленного по сезонам. Так, когда наступал март, была все еще зима, ибо календарь теперь опережал сезоны. В году, состоящем лишь из 355 дней, лишний месяц вдвадцать дней приходилось вставлять через каждые два года — традиционно в конце февраля. Но это решение принимала Коллегия понтификов. Если членов Коллегии не подталкивал добросовестный Великий Понтифик, вопрос о календаре не поднимался — как это и случилось на этот раз.

Вскоре после того, как Сулла и Марий вошли в привычный ритм жизни армейского лагеря по ту сторону Альп, пришло письмо от Публия Рутилия Руфа.

Определенно, нынешний год будет насыщен событиями, поэтому моя главная проблема — с чего начать. Конечно, все ждали, что ты уйдешь с их дороги. Клянусь, ты не дошел даже до Окела, а они уже, как крысы, прыгали по всему нижнему краю Форума. Как они разыгрались! Кота бы на них!

Ну хорошо, начну с нашей драгоценной парочки цензоров — Свинки и его ручного кузена Козла. Свинка, который боится хрюкнуть в твоем присутствии, ходил и всем говорил, что он «прочистит Сенат» — так он выражался.

Одно можно сказать о них: становиться продажными цензорами они не собираются, так что все государственные контракты будут заключены по цене, включающей комиссионные. Однако они успели восстановить против себя

Казначейство, потребовав большую сумму денег на ремонт и убранство храмов, недостаточно богатых, чтобы заплатить самим. А еще — на покраску и мраморные скамьи в уборных в трех домах главных флавиев, а также в доме Великого

Понтифика. Лично меня устраивает в моей уборной деревянная скамья. Мрамор слишком холодный и тяжелый! Возникла оживленная маленькая перебранка, когда Свинка упомянул Общественный дом Великого Понтифика. Казначейство считает, что новый Великий Понтифик достаточно богат, чтобы покрасить сортиры и поставить мраморные скамьи в них за свой счет.

Затем они утвердили все ординарные контракты — и сделали это отменно, я считаю. Предложений было очень много, торги оживленные. Я сомневаюсь, что будет много бюрократических придиорок. В этом деле они продвигались с неслыханной скоростью, потому что их главной целью на самом деле было пересмотреть список сенаторов и всадников. Поэтому они знали, как на пожар. Клянусь, за один, месяц они выполнили работу, на которую обычно уходило восемнадцать месяцев! Не прошло и двух дней после заключения всех контрактов, как Свинка созвал Народное собрание, чтобы огласить результаты расследования цензорами морального облика господ сенаторов. Однако кто-то, наверное, предупредил Сатурнина и Главцию, что их имена вычеркнут. Когда Собрание открылось, все вокруг было набито гладиаторами и другими громилами, обычно не посещающими собрания на Форуме.

И как только Свинка объявил, что они с Козлом исключили из списка сенаторов Луция Апулея Сатурнина и Гая Сервилия Главцию, собрание взорвалось. Гладиаторы окружили трибуну и стащили с нее бедного Свинку, стали передавать его из рук в руки, хлестали его по щекам своими огромными ручищами. Это было что-то новенькое — никаких деревянных дубинок, только ладони. Теоретически я могу предположить, что ладонью убить нельзя, разве что стиснув ее в кулак. Я слышал, что этот метод называли «минимальным насилием». Какая патетика! Все произошло так быстро и было так хорошо организовано, что Свинку забросили аж к Меняльному спуску, и только там Скаэр, Агенобарб и несколько других «добрячков» подхватили его и спрятали в храме Юпитера Величайшего. Лицо у Свинки стало вдвое больше обычного размера, глаза заплыли, губы в нескольких местах лопнули, из носа фонтаном текла кровь, уши покалечены, брови рассечены — просто древний греческий борец после Олимпийских игр.

Кстати, как ты думаешь, какой термин они избрали для архиконсервативной фракции? Boni — «хорошие люди», «добрячки». Скаэр всем вокруг жужжит, что это он придумал такое название, — после того как Сатурнин стал называть архиконсерваторов «политиканами». Но он-то должен бы знать: многие из нас достаточно стары, чтобы помнить, что и Гай Гракх, и Луций Оптимий так же называли людей их фракции. Однако возвращаюсь к рассказу.

Узнав, что кузен Нумидийский спасен, кузен Капрарий решил восстановить порядок на Форуме. Он приказал трубить в фанфары, потом стал кричать, что не согласен со своим старшим коллегой, поэтому Сатурнин и Главция останутся в списках сенаторов. Ты скажешь, что Свинка не выполнил своих обещаний. Но методы нашего друга Сатурнина мне тоже не понравились. А он попросту заявляет, что к насилию не имеет никакого отношения, однако за поддержку — весьма благодарен народу.

Не думай, однако, что этим все кончилось. Нет! Затем цензоры приступили к оценке финансового ценза всадников, предварительно построив новый трибунал возле Курциева пруда — деревянный, конечно, но вполне подходящий для предстоящего спектакля, со ступеньками по бокам. Опрашиваемый поднимается с одной стороны, отвечает на вопросы

цензоров перед их столом и спускается с другого бока. Хорошо придумано. Ты знаешь порядок. Каждый всадник должен предоставить документальное свидетельство своей родословной, места рождения, гражданства, военной службы, недвижимости, состояния и ежегодного дохода.

Хотя требуется несколько недель на то, чтобы выяснить, действительно ли доход этих лиц достигает хотя бы четырехсот тысяч сестерциев в год, в первые два дня зрелище всегда привлекает большую толпу. Именно так все и произошло, когда Свинка и Козел начали просматривать всаднические списки. Бедный Свинка! Стоило на него поглядеть! Синяки приобрели цвет разлитой желчи, порезы покрывали его темной сеткой. Но глаза открывались уже достаточно, чтобы видеть. Хотя для него было бы лучше, чтобы они не видели того, что предстало перед ним вечером первого дня на новом трибунале!

Это был не кто иной, как Луций Эквиций, самопровозглашенный незаконный сын Тиберия Гракха! Когда подошла его очередь, он степенно поднялся по ступеням и предстал перед Метеллом Нумидийским. Свинка так и застыл на месте, узрея

Эквиция, за спиной которого выстроилась небольшая армия писцов и служащих, нагруженных бухгалтерскими книгами и документами. Тут Свинка повернулся к своему секретарю и объявил, что трибунал на день закрывается. Пусть секретарь попросит этого субъекта, стоящего перед ним, уйти.

«У тебя есть немного времени, чтобы принять меня», — сказал Эквиций.

«Ладно. Чего ты хочешь?» — спросил он с угрозой в голосе.

«Я хочу, чтобы меня внесли в списки всадников», — объявил Эквиций.

«Нет, только не в это пятилетие!» — прорычал «добрячок» Свинка.

Должен сказать, что терпения у Эквиция хватало. Оглядел толпу, стоявшую вокруг трибунала, и увидев, что гладиаторы и громилы опять здесь, он сказал:

«Ты не можешь отказать мне, Квинт Цецилий. Я отвечаю всем требованиям».

«Нет, не отвечаешь! — возразил Метелл Нумидийский. — Ты дисквалифицирован на самом веском основании — ты не гражданин Рима».

«Но я — гражданин Рима, уважаемый цензор, — сказал Эквиций громко, чтобы все вокруг могли услышать. — Я стал гражданином Рима после смерти моего хозяина, который назвал меня таковым в своем завещании и оставил мне все свое состояние и имя. То, что я ношу имя моей матери, — несущественно. У меня имеются доказательства моего освобождения от рабства и усыновления. Кроме того, я прослужил десять лет в легионах».

«Я не стану регистрировать тебя в качестве всадника, а когда мы начнем проверять ценз римских граждан, то не внесу тебя и в списки граждан Рима», — упорствовал Нумидийский.

«Но я имею на это право, — очень отчетливо произнес Эквиций. — Я — гражданин Рима, числюсь в трибе Субура. Я прослужил десять лет легионером. Я высоконравственный и уважаемый человек. У меня четыре дома, десять таверн, сотня югров земли в Ланувии, тысяча югров земли под Фирмом Пиценским, рынок в этом городе — мой доход превышает четыре миллиона сестерциев в год, так что имущественный ценз позволяет мне занять место даже в Сенате!»

И он щелкнул пальцами своему старшему секретарю, тот щелкнул пальцами своим помощникам, и все они дружно выступили вперед, держа в руках огромные кипы документов.

«У меня есть доказательства, Квинт Цецилий».

«А мне наплевать, сколько бумаг ты можешь принести, ты, вульгарный худородный гриб, и мне наплевать, кого ты приведешь с собой в качестве свидетелей, ты, ненасытный денежный мешок! — кричал Свинка, — Я не занесу тебя в списки граждан Рима, не говоря уже о всаднических! Мне насстать на тебя, прыш! Проваливай отсюда!»

Эквиций повернулся к толпе, трагически вскинул руки — на нем была тога — и закричал:

«Граждане Рима, слышите вы это? Мне, Луцию Эквицию, сыну Тиберия Семпрония Гракха, отказывают в праве гражданства и в статусе всадника!»

Свинка так быстро вскочил на ноги и подбежал к Эквицию, что том даже не успел его заметить. Наш доблестный цензор ударил Эквицию в челюсть, да так, что том покатился с лестницы и плюхнулся на задницу. Мозги его загремели в голове, как шарик в детской погремушке. Потом Свинка так поддал Эквицию ногой, что том полетел прямо в толпу.

«Ссал я на вас на всех! — рявкнул он, потрясая кулаками и перед зрителями, и перед гладиаторами. — Вон отсюда! И забирайте с собой это неримское дермо!»

И опять началось все по новой. Только на этот раз гладиаторы не трогали лица Свинки. Они стащили его с трибунала и стали бить его кулаками, сапогами, драить ногтями, зубами. Наконец Сатурнин и Главция — забыл сказать тебе, что оба они стояли позади всех, — выступили вперед и вытащили Метелла Нумидийского из толпы. Думаю, что в их планы не входило убивать Свинку. Сатурнин поднялся на трибунал и постарался успокоить всех. Пусты, мол, послушают, что скажет Капрарий.

«Я не согласен с моим коллегой, я беру на себя ответственность и включаю Луция Эквицию в списки всадников!» — прокричал Капрарий. Лицо у бедняги было бледное. Не думаю, что ему приходилось видеть такую жестокость даже во времена военных кампаний.

«Заноси в списки имя Луция Эквиция!» — громко крикнул Сатурнин. И Капрарий внес имя в списки.

«Все по домам!» — скомандовал Сатурнин. И все быстро разошлись, неся на плечах Луция Эквиция.

Свинка был сильно избит. К счастью, не до смерти. Но как же он рассердился! Он набросился на кузена Козла, как мегера, за то, что том опять уступил. Бедный Козел чуть не плакал и не знал, что сказать в свое оправдание.

«Черви! Все они черви!» — повторял Свинка снова и снова, пока накладывали ему повязки. У него было сломано несколько ребер. Кроме того, стоило проверить, есть ли еще какие повреждения, скрытые под тогой. Да, конечно, все это очень глупо, но каков кураж Свинки!

Марий оторвался от письма, поднял голову, хмурясь.

— Интересно, чего добивается Сатурнин? — спросил он.

Сулла был занят более поэтическими вопросами.

— Плавт! — вдруг воскликнул он.

— Что?

— Вони, «хорошие люди», «добрячки»! Гай Гракх, Луций Оптимий и наш дорогой Скавр уверяли, будто они придумали этот термин в качестве названия их фракции. Но еще сто лет назад Плавт называл так плутократов и других патронов! Помню, я слышал словцо *вони* в «Пленниках» Плавта, поставленных Фестидом, когда Скавр занимал пост курульного эдила. Я был тогда достаточно взрослым, чтобы стать завзятым театралом.

Марий изумленно посмотрел на него:

— Луций Корнелий, перестань ломать голову над тем, кто изобрел бессмысленные слова, и обрати внимание на более важные вещи! Только упомяни о театре — и ты уже обо всем забываешь!

— О, извини, — сказал Сулла, но неискренне.

Марий вернулся к письму.

Теперь — от Римского Форума к Сицилии, где случилось многое, но ничего хорошего; некоторые события — из области черного юмора, а некоторые — просто невероятны.

Позволю себе освежить твою память, потому что ненавижу небрежность в рассказе. В конце прошлогодней кампании Луций Лициний Лукулл держал осаду оплота восставших рабов — Триокалу. Он вселил в них ужас, переслав с парламентером легенду о вражеской крепости, которая в своем ответе на ultimatum римлян заявила, что запасов еды у них хватит на десять лет. А римляне на это сообщили, что они, мол, захватят ее на одиннадцатый год.

Фактически Лукулл проделал великолепную работу. Он окружил Триокалу лесом осадных пандусов, башен, навесов, таранов, катапульт и бастионов. Потом заполнил землей и бульджиками огромный ров, который служил природной защитой

стен города. Он построил огромный лагерь для своих людей, так добросовестно укрепленный, что даже если бы осажденным удалось вылазка, они все равно не смогли бы проникнуть в лагерь Лукулла. И стал ждать зимы. Люди его отлично устроились, и сам он был уверен, что его командование будет продлено.

Потом в январе пришло известие, что новым губернатором стал Гай Сервилий Авгур. С официальными документами пришло письмо от нашего дорогого Метелла Нумидийского Свинки с подробностями о том скандальном способе, которым Агенобарб добился губернаторства для своего любимчика Авгура.

Гай Марий, ты не знаешь Лукулла так хорошо, как знаю я. Есть такие типы — для всех он холодный, спокойный, независимый и невыносимо надменный. Всем своим видом словно говорит: «Я — Луций Лициний Лукулл, очень знаменитый римлянин, самого древнего и престижного рода, и вам чрезвычайно повезло, что я снизошел до вас и даже время от времени вас замечую». Но за этим фасадом скрывается совершенно другой человек — легкоранимый, остро чувствующий неуважение, страшный и в гневе — ужасный. Так что, когда Лукулл получил это известие, он принял отставку внешне спокойно, с полным достоинством, как и можно было от него ожидать. А потом уничтожил построенные ранее навесы, пандусы, осадную башню, «черепаху», другие орудия, заново раскопал засыпанный ров! Он скрежетал, что можно было скрежетать, велел отнести ведрами землю и бульджники как можно дальше от Триокалы и рассыпать по всем направлениям. После этого он разрушил собственный укрепленный лагерь и даже ликвидировал материал, из которого он был построен.

Думаешь, этим он ограничился? Отнюдь — Лукулл только начал! Он уничтожил всю документацию за период своего пребывания в Сиракузах и Лилибее и отправил семнадцать тысяч своих солдат в порт Агригент.

Его квестор доказал полную свою преданность и помогал ему во всем, что Лукулл ни делал. Прибыли деньги для армии; кроме того, кое-какие средства имелись в Сиракузах — из числа трофеев, взятых после битвы при Гераклее Минской.

Затем Лукулл обложил поборами всех неримлян Сицилии, доставлявших слишком много неприятностей предыдущему губернатору, Публию Лицинию Нерве, и прибавил полученные суммы к уже имеющимся. После этого он позаимствовал также некоторое количество денег из пришедших для Сервилия Авгура, чтобы нанять корабли для своей армии.

На берегу в Агригенте он распустил армию, раздал все деньги, которые ему удалось сбратить, — до последнего сестерция. Теперь люди Лукулла снова превратились в разношерстную толпу. Помимо итальянских и римских ветеранов, которых он набирал в Кампании, у него имелся легион и несколько когорт из Вифинии, Греции и македонской Фессалии. Он потребовал их у царя Вифинии Никомеда, но царь заявил было, что людей у него нет, потому что римские колонизаторы-де везут их сделали своими рабами. Довольно дерзкий намек на наше освобождение итальянских рабов. Никомед посчитал, что его договор о дружбе и союзе с нами должен предусматривать освобождение и вифинских рабов! Лукулл, конечно, поставил его на место и в результате получил своих вифинских солдат.

Теперь вифинские солдаты были отправлены домой, а римские и итальянские — отосланы в Италию и в Рим. Всем были даны документы о демобилизации. Убрав все следы своего губернаторства из анналов Сицилии, Лукулл отплыл также.

Как только он уехал, рабский «царь» Трифон и его «советник» Афенион выехали из Триокалы и снова принялись грабить и мародерствовать по всей Сицилии. Теперь они были абсолютно уверены, что победят в войне, и их лозунгом стало: «Не быть рабом, а иметь раба!» Поля засеяны не были, и в города хлынули беженцы из сельской местности. Сицилия снова превратилась в место трагедий.

Вот в такую замечательную ситуацию и угодил Сервилий Авгур. Конечно, он не мог поверить этому. И ну слать письмо за письмом своему патрону Агенобарбу Пиписке.

А тем временем Лукулл вернулся в Рим и стал готовиться к неизбежному. Когда Агенобарб обвинил его в преднамеренном уничтожении римской собственности, Лукулл, скосив глаза на кончик своего носа, ответил, что новый губернатор наеверняка захочет сделать все по-своему.

«Сам я, — сказал Лукулл, — привык оставлять после себя только то, что было до меня. Именно так я и поступил в Сицилии в конце своего срока. Я оставил Сицилию такой, какой нашел ее, когда приехал».

Главное, о чем горевал Сервилий Авгур, — у него не имелось армии. Он рассчитывал, что Лукулл оставит после себя хотя бы солдат. Ему даже в голову не пришло послать официальную просьбу Лукуллу относительно войска. Лукулл доказывал, что при отсутствии надлежащего запроса от Сервилия Авгура его войска принадлежали ему, и он мог делать с ними все, что хотел. А он, Лукулл, счел наиболее правильным распустить их.

«Я оставил Гаю Сервилию Авгуре чистую дощечку. Я стер с нее все, что было написано мною прежде, — заявил Лукулл в Палате. — Гай Сервилий Авгур — „новый человек“, а „новые люди“ все делают по-своему. Поэтому я посчитал, что оказываю ему услугу».

Конечно, в Сицилии Сервилий Авгур немногого добьется без армии. К тому же Катул Цезарь выуживает всех немногочисленных рекрутов, которых Италия бросает в его сеть. Так что в нынешнем году вряд ли возможно набрать армию для Сицилии. Ветераны Лукулла разъехались во всей стране, большинство из них — с толстыми кошельками. Они отнюдь не жаждут, чтобы их отыскивали вербовщики.

Лукулл хорошо сознает, что ему будет предъявлено обвинение в суде. Не думаю, чтобы это его беспокоило. Он совершенно удовлетворен тем, что полностью уничтожил все шансы Сервилия Авгура добиться успеха за его счет. А для Лукулла это важнее, чем избежать наказания. Поэтому он сейчас занят тем, что пытается защитить своих сыновей. Он, без сомнения, полагает, что Агенобарб и Авгур используют суд всадников по делам о государственной измене, чтобы выдвинуть иск против него и обеспечить обвинение. Он перевел большую часть своего имущества на старшего сына, Луция Лукулла, а младшего, тринацатилетнего, уже отдал на усыновление Теренцию Варрону. В этом поколении нет Марка Теренция Варрона, и к тому же это очень богатая семья.

Свинка очень удручен всем этим, и не напрасно: если Лукулла обвинят, он вынужден будет забрать обратно свою скандально известную сестру Метеллу Кальву. Я слышал от Скафра, будто бы оба мальчика поклялись, что когда вырастут, то отомстят Сервилию Авгуре. Кажется, старший, Луций Лукулл Младший, особенно ожесточен. Неудивительно. Внешне он очень похож на отца, так почему бы ему не походить на него и нутром? Быть опозоренным из-за чрезмерных амбиций мерзкого «нового человека» Авгура — это же проклятие!

Вот и все пока. Буду держать тебя в курсе. Хотелось бы мне сейчас быть с тобой, чтобы помочь тебе с германцами. Не потому, что ты нуждаешься в моей помощи, а потому, что я чувствую себя невостребованным. Прощай.

Только в середине апреля Марий и Сулла узнали, что германцы готовятся сняться с земель аттуатуков. И прошел еще месяц, прежде чем Серторий явился самолично и сообщил, что Бойорикс, вождь бойев, объединил всех германцев в единый народ, дабы успешно претворить в жизнь свои планы. Кимбры и смешанная группа под предводительством тигуринов направились вдоль Рена, а тевтоны двинулись на юг, вдоль Мозы.

— Следует предположить, что осенью германцы действительно появятся тремя отдельными отрядами на границе Италийской Галлии, — сказал Марий, тяжело дыша. — Хотел бы я быть там лично, чтобы приветствовать Бойорикса, когда он подойдет к реке Атес. Но это неразумно. Во-первых, я должен обезвредить тевтонов. Надеюсь, тевтоны будут продвигаться быстрее всех и доберутся по крайней мере до Друенции, поскольку пока что идут по равнинной местности. Если мы сможем побить тевтонов здесь — и побить хорошо, — тогда у нас будет время пройти Генавский перевал и перехватить Бойорикса и кимбротов, прежде чем они вступят в Италийскую Галлию.

— Ты не допускаешь мысли, что Катул Цезарь может сам справиться с Бойориксом? — спросил Маний Аквиллий.

— Нет, — отрезал Марий.

Позднее, наедине с Суллой, он высказал все, что думал о шансах своего младшего коллеги против Бойорикса. Квинту Лутацию Катулу предстояло повести армию на север к Атес, как только солдат обучат и снарядят.

— У него будет около шести легионов и весна и лето в запасе, чтобы подготовить войска. Но полководец из него слабый, — сказал Марий. — Вся наша надежда на то, что Тевтобод, вождь тевтонов, придет раньше прочих, что мы побьем Тевтобода, спешно перейдем Альпы и соединимся с Катулом Цезарем, прежде чем Бойорикс достигнет озера Бенак.

Сулла удивился.

— Так не получится, — уверенно сказал он.

Марий вздохнул:

— Я знал, что ты так скажешь.

— А я знал, что ты знал, что я так скажу, — усмехнулся Сулла. — Вряд ли какой-нибудь из двух отрядов, продвигающихся без Бойорикса, опередит кимбров. У тебя попросту не будет достаточно времени, чтобы в нужный момент оказаться в нужном месте.

— В таком случае я остаюсь здесь и жду Тевтобода, — сказал Марий, приняв наконец решение. — Моя армия знает каждую травинку и каждое дерево между Массилией и Аравсионом. После двух лет бездействия моим людям очень нужна наконец победа. А шансы очень велики. Поэтому я должен остаться здесь.

— Я заметил, что ты сказал «я», Гай Марий, — мягко заметил Сулла. — У тебя есть какое-то поручение для меня?

— Есть. Извини, Луций Корнелий, что лишаю тебя заслуженного шанса отдать несколько тевтонов, но, думаю, я должен послать тебя к Катулу Цезарю как его старшего легата. Он переварит тебя в этой роли, ты — патриций, — сказал Марий.

Чувствуя горечь разочарования, Сулла посмотрел на свои руки.

— Какая польза от меня будет, если я буду служить не в той армии?

— Я не беспокоился бы так, если бы не видел в моем младшем консуле все симптомы Силана, Кассия, Цепиона и Маллия Максима. Но я их вижу, Луций Корнелий, я вижу! У Катула Цезаря нет хватки ни в стратегии, ни в тактике. Он думает, что боги вложили их ему прямо в голову, когда предназначали ему высокое рождение. Он думает, что, когда придет время, он все сообразит. Но так не бывает, как тебе хорошо известно.

— Да, известно, — сказал Сулла.

— Если Бойорикс и Катул Цезарь встретятся до того, как я пересеку Италийскую Галлию, Катул Цезарь совершил самую страшную из возможных ошибок и потеряет армию. А если мы позволим ему это сделать, то... я не знаю, как тогда победить. Кимбры — лучшие воины из всех трех отрядов и самые многочисленные. К тому же я плохо ориентируюсь на местности в Италийской Галлии с той стороны реки Пад. Если я могу побить тевтонов силами меньше сорока тысяч, так это потому, что я знаю местность.

Сулла попытался выведать тайные мысли своего начальника по выражению его лица, но — увы! — эти густые брови ничего ему не сказали.

— Но что же мне там делать? Плащ военачальника — у Катула Цезаря, а не у Корнелия Суллы! Чего же ты ожидаешь от меня?

Марий накрыл ладонью руку Суллы.

— Если бы я знал это, то смог бы отсюда контролировать Катула Цезаря. Дело в том, Луций Корнелий, что тебе удалось прожить больше года среди варваров. Ты словно бы сам был одним из них. Ум твой так же остер, как и меч в твоей руке, и ты великолепно владеешь и тем, и другим. Я не сомневаюсь: что бы ни пришлось делать, чтобы спасти Катула Цезаря от него самого, — ты сделаешь это.

Сулла затаил дыхание:

— Значит, приказ мне — спасти его армию любой ценой?

— Любой ценой.

— Даже ценой Катула Цезаря?

— Даже ценой Катула Цезаря.

Весна расцвела цветами; потом пришло лето, триумфально, как полководец на параде в честь одержанной им победы. Но потом стало жарко и сухо. Тевтобод и его тевтоны прошли по землям эдуев и вступили в земли аллобргов, которые занимали всю территорию между верхним Роданом и Икарой, на много миль к югу. Аллобрги — воинственный народ, они ненавидели Рим и римлян, но три года назад германцы уже вторгались в их земли, и аллобргам совсем не хотелось оказаться у них под пятой. Была жаркая битва, и продвижение тевтонов замедлилось.

Марий шагал по кабинету, не зная, как обстоят дела у Суллы, находившегося в армии Катула Цезаря в Италийской Галлии, стоявшей лагерем вдоль Пада.

В конце июня Катул Цезарь прошел маршем по Фламиниевой дороге во главе шести еще слабых, недавно набранных легионов. Достигнув Бононии на Эмилиевой дороге, он свернул на Анниеву дорогу и двинулся к большому промышленному городу Патавию. Этот город находился к востоку от озера Бенак, но избранная Катулом дорога была лучше для армии, нежели обходные дороги, тропинки и проселки, которых в Италийской Галлии имелось великое множество. От Патавия Катул двинулся по одной из таких скверных обходных дорог на Верону — и там разбил свой базовый лагерь.

До сих пор Катул Цезарь не сделал ничего, что Сулла посчитал бы неправильным. Но теперь Луций Корнелий лучше понимал, почему Марий перевел его в Италийскую Галлию. Марий, думал Сулла, не ошибся в характере Катула Цезаря. В высшей степени аристократичный, надменный, самонадеянный, он напоминал Сулле Метелла Нумидийского. Но неприятность заключалась в том, что нынешняя война и враг, стоящий перед Катулом Цезарем, были намного опаснее, чем противник Метелла. Кроме того, Метелл Нумидийский располагал Гаем Марием и Публием Рутилием Руфом в качестве легатов. Они-то хорошо помнили полезный урок, полученный в этой грязной дыре, в Нуманции. А Катул Цезарь при своем восхождении по ступеням военной карьеры никогда не имел рядом Гая Мария. Он начинал младшим командиром, потом стал военным трибуном, под началом которого было немного солдат. И воевал он в мелких стычках — в Македонии, в Испании. Он никогда не участвовал в широкомасштабных кампаниях.

Он принял Суллу без особого восторга, поскольку уже выбрал себе легатов, прежде чем покинуть Рим. Когда войско дошагало до Бононии, Катул застал там Суллу, ожидавшего его с директивой от главнокомандующего Гая Мария, где говорилось, что Луций Корнелий Сулла назначается старшим легатом и вторым командующим. Приказ был произвольным и своевольным, но у Мария не было выбора. Катул Цезарь отнесся к Сулле холодно, он просто не замечал его. Защитой Сулле служило только его высокое происхождение, но чистота его патрицианской крови была несколько замутнена его бывшей жизнью в нищете.

А еще Катул Цезарь немного завидовал Сулле, ибо видел в нем человека, который не только был очевидцем основных военных действий на главных театрах войны, но и блестяще справился с ролью шпиона среди германцев. Если бы Катул знал истинную роль Суллы в этом шпионском деле, то еще меньше доверял бы Сулле и относился бы к нему куда подозрительнее.

В принципе Марий проявил свою обычную гениальность, послав к Катулу легатом Суллу, а не Мания Аквиллия, который тоже мог бы быть полезным как наблюдатель и блюститель. Но Сулла действовал Катулу Цезарю на нервы. Тому все время чудилось, что этот белый леопард преследует его, но когда командующий оборачивался, чтобы встретиться с соглядатаем лицом к лицу, — никого не оказывалось. Никогда еще ни один старший легат не был столь полезен; никто другой так не старался снять с плеч военачальника груз повседневных забот — армейских и административных. И все же... И все же Катул Цезарь ЗНАЛ: что-то здесь было не так. Зачем вообще понадобилось Гаю Марии присыпать этого человека, если только он не задумал что-то поистине демонское?

В планы Суллы не входило успокаивать Катула Цезаря, усыплять его страхи и подозрения. Наоборот, целью Суллы было поддерживать их. И таким образом получить психологическую власть над ним, которую, когда — и если — будет необходимо, он сможет продемонстрировать. А тем временем Сулла вменил себе в обязанность познакомиться со всеми трибуналами и центурионами в армии и со многими рядовыми солдатами. Предоставленный самому себе в деле обучения солдат и строевой

муштыры, Сулла стал особенным старшим легатом — легатом, которого все знали, которого уважали, которому доверяли.

Когда Сулла думал о том, что от Катула Цезаря придется избавиться, то вовсе не имел намерения убивать или калечить его. Сулла был патрицием и хотел защищать своих собратьев по классу, даже от самих себя. Он не мог чувствовать симпатии к Катулу Цезарю лично. Но людям этого класса он симпатизировал вполне искренне.

Под водительством Бойорикса кимбры продвинулись далеко в глубь чужой территории. Вождь бойев провел оба своих отряда и отряд Геторикса до места слияния Дуная и Эна. Здесь он оставил Геторикса, которому предстояло самому пройти оставшийся путь, не такой уж длинный; кимбры же повернули на юг, вдоль реки Эн. Вскоре они миновали альпийские земли, населенные кельтским племенем брэннов, названных по имени Брэнна, первого их вождя. Эти кельты контролировали самый низкий из всех перевалов, ведущих в Итальянскую Галлию, однако не смогли помешать Бойориксу и его кимбрам воспользоваться им.

В конце июля кимбры дошли до реки Атес, там, где она сливается с Исарой. От перевала Брэнна они направились вниз по течению этой реки. На зеленых альпийских лугах они немного передохнули — в окружении высоких гор, красиво вырисовывающихся на фоне синего, безоблачного неба. Вот здесь-то и обнаружили их разведчики Суллы, которых он разоспал заблаговременно.

Хотя Сулла думал, что подготовлен ко всяkim случайностям, ему даже и не снилось то, с чем он должен был справиться. Ибо он еще не изучил Катула Цезаря достаточно, чтобы предсказать, как тот будет реагировать, узнав, что кимбры уже в долине реки Атес и вот-вот вторгнутся в Итальянскую Галлию.

— Покуда я жив, нога германца не ступит на землю Италии! — воскликнул Катул Цезарь звенящим голосом. — Нога германца не ступит на землю Италии! — повторил он, величественно поднявшись со стула и поглядев поочередно на каждого старшего офицера. — Мы выступаем.

Сулла посмотрел на него удивленно:

— Выступаем? Куда мы выступаем?

— К реке Атес, конечно, — ответил Катул Цезарь, глядя на него как на идиота. — Я погоню германцев обратно через Альпы, пока ранний снег не сделал это невозможным.

— И как далеко мы пойдем? — спросил Сулла.

— Пока их не встретим.

— В такой узкой расщелине, как долина реки Атес?

— Конечно. Мы будем в гораздо лучшем положении, чем германцы. У нас дисциплинированная армия, а они — большая неорганизованная толпа. Это наш лучший шанс.

— Наш лучший шанс там, где будет достаточно места, чтобы развернуться легионам, — сказал Сулла.

— По берегу Атес места более чем достаточно. Там и развернемся! — И Катул Цезарь больше не хотел ничего слышать.

Сулла покинул совет с ощущением, что планы, которые он разработал относительно кимбров, совершенно бесполезны. Он-то рассчитывал подкинуть один из них Катулу Цезарю так, чтобы тот посчитал его своим. И вот теперь Сулла не знал, как действовать дальше. Разве что он сумеет переубедить Катула Цезаря.

Но Катул Цезарь настаивал на своем. Он снял армию с места и погнал ее скрым маршем к верховью Атес — туда, где эта река текла несколькими милями восточнее Бенака, одного из крупнейших альпийских озер, заполняющих долины у подножия итальянских Альп. И чем дальше маленькая армия (всего двадцать две тысячи солдат, две тысячи кавалерии и около восьми тысяч вспомогательных сил) продвигалась на север, тем уже и непроходимее становилась долина Атес.

Наконец Катул Цезарь достиг фактории под названием Тридент. Здесь возвышались три огромные горы, три зазубренных ломаных клыка, давшие название месту — «Три Зуба». В этом месте Атес была очень глубока, с быстрым и сильным течением. Эта река сбегала с гор, где снега полностью не таяли никогда и круглый год снабжали ее водой. За Тридентом долина сделалась еще уже. Дорога, проложенная по долине до фактории, заканчивалась там, где вздувшаяся река с ревом несла свои воды под длинным деревянным мостом на каменных столбах.

Проехав вперед со старшими офицерами, Катул Цезарь пустил своего коня пасться.

— Это напоминает мне Фермопилы, — молвил он. — Идеальное место, где можно удерживать германцев, пока они не уступят и не уйдут обратно на север.

— Спартанцы, защищавшие Фермопилы, все погибли, — напомнил Сулла.

Катул Цезарь сердито поднял брови:

— Какое это имеет значение, если германцы будут отброшены?

— Но они вовсе не собираются поворачивать назад, Квинт Лутаций. Повернуть назад в это время года, когда на севере ничего нет, кроме снега, а трава и зерно Итальянской Галлии — лишь в нескольких милях южнее? — Сулла энергично покачал головой. — Нам их здесь не остановить.

Другие командиры беспокойно зашевелились. Все они, конечно, заметили, как сильно Сулла нервничал с тех пор, как начался этот переход. Их здравый смысл просто кричал, что действия Катула Цезаря неумны. Сулла и не скрывал от них своего волнения. Если он должен помешать Катулу Цезарю потерять армию, ему потребуется поддержка старших офицеров.

— Мы дадим бой здесь! — сказал Катул Цезарь решительно. Перед его мысленным взором стоял бессмертный Леонид, царь Спарты, защитник Фермопил, с горсточкой героических спартанцев. Разве имеет значение, что тело безвременно умерло, если наградой стала неувядаемая слава?

Кимбры были совсем близко. Продвигаться дальше на север римская армия уже не могла. Она остановилась у Тридента. При этом Катул Цезарь еще настоял на том, чтобы перейти мост всей армией и разбить лагерь по ту сторону реки, в таком узком месте, что лагерь растянулся на целые мили на север и на юг. Каждый легион буквально сидел на плечах другого, с последним легионом — у самого моста.

— Я слишком избалован, — сказал Сулла старшему центуриону легиона, ближайшего к мосту, сильному, спокойному самниту из Атины по имени Гней Петрей. Его легион состоял тоже из самнитов-простолюдинов, и был он вспомогательным.

— Как так? — спросил Гней Петрей, глядя на сверкающую водную гладь со стороны моста. Мост не имел перил, лишь низкий барьер из бревен.

— Я проходил службу только под началом Гая Мария, — объяснил Сулла.

— Поделись удачей, — попросил Гней Петрей. — Я-то надеялся, что у меня будет шанс! — Он фыркнул иронически. — Однако похоже, что не будет у нас такого шанса, Луций Корнелий.

С ними был еще третий человек, командир этого же легиона, военный трибун. Не кто иной, как Марк Эмилий Скавр Младший, сын принципса Сената — горькое разочарование для своего доблестного отца. Скавр Младший, тоже глядевший на реку, повернулся к старшему центуриону.

— Что ты хочешь этим сказать? — осведомился он.

Гней Петрей снова фыркнул:

— Мы все здесь умрем, трибун.

— Умрем? Все? Почему?

— Гней Петрей хочет сказать, Марк Эмилий, что очередной высокородный тупица поставил всех нас в очередную

невозможную ситуацию.

— Ты ошибаешься! — горячо воскликнул молодой Скавр. — Я заметил, что ты, кажется, не понял стратегию Квinta Лутация, когда он объяснял ее нам.

Сулла подмигнул старшему центуриону.

— Тогда объясни нам ее ты, военный трибун! Я весь внимание.

— Ну вот. Германцев — четыреста тысяч, а нас — только двадцать четыре тысячи. Поэтому мы, вероятно, не можем встретить их на открытом месте, — стал объяснять молодой Скавр, ободренный пристальным вниманием этих двух воинов. — Единственная возможность для нас побить их — это зажать противника в таком узком пространстве, в каком только может развернуться наша армия, не шире, и колотить их со всей силой и умением. Когда они поймут, что мы не двинемся с места, тогда они сделают то, что и всегда, — они уйдут.

— Так вот как ты понял, — протянул Гней Петрей.

— Так это так и есть! — нетерпеливо воскликнул молодой Скавр.

— Так это так и есть! — повторил Сулла и засмеялся.

— Так это так и есть! — Гней Петрей тоже засмеялся.

Молодой Скавр изумленно уставился на них. Ему вдруг стало страшно от этого зловещего веселья.

— Ради всех богов, что в этом смешного?

Сулла вытер выступившие от смеха слезы.

— Смешно, молодой Скавр, потому что это безнадежно наивно. — Рука его взметнулась вверх и жестом художника обвела горные склоны с обеих сторон долины. — Посмотри вон туда! Что ты видишь?

— Горы, — отозвался молодой Скавр, удивляясь все больше и больше.

— Пешеходные тропы, вьючные и звериные тропы — вот что видим мы со старшим центурионом! Разве ты не заметил эти маленькие, словно украшенные бахромой, терраски, которые делают горы похожими на критские юбки? Кимбрам много не потребуется — всего лишь забраться на эти террасы, и они в три дня окружат нас. А тогда, молодой Марк Эмилий, мы окажемся между молотом и наковальней. Раздавленные, как жук под сапогом.

Молодой Скавр побледнел так страшно и внезапно, что Сулла и Петрей поспешили подхватить его, чтобы он не упал в воду. В этом ледяном потоке почти мгновенно погибало все живое.

— Наш начальник придумал плохой план! — резко сказал Сулла. — Нам следовало ждать кимбров между Вероной и озером Бенак, где у нас была бы тысяча вариантов, как их заманить в ловушку, и достаточно места, чтобы эту ловушку захлопнуть.

— Почему же тогда никто не скажет Квинту Лутацию? — прошептал молодой Скавр.

— Потому что он — еще один тупоголовый, упрямый консул, — объяснил Сулла. — Он не желает слушать ничего, кроме той напыщенной тарабарщины, которая стучит в его собственной голове. Единственный человек, кого он еще мог бы выслушать, — это Гай Марий. Но Гай Марий не будет ничего говорить. Нет, Марк Эмилий, наш полководец Квнт Лутаций Катул Цезарь полагает, что лучше всегда драться так, как при Фермопилах. Но если ты помнишь историю, то знаешь: одной-единственной узенькой тропинки вокруг горы оказалось достаточно, чтобы разбить Леонида.

Молодой Скавр икнул.

— Простите! — воскликнул он и бросился в свою палатку.

Сулла и Петрей смотрели, как он петлял, стараясь сдержать тошноту.

— Это не армия, это фиаско, — махнул рукой Петрей.

— Нет, просто хорошая маленькая армия, — возразил Сулла. — Но вот командиры — полное фиаско.

— Кроме тебя, Луций Корнелий.

— Кроме меня.

— У тебя что-то на уме, — сказал Петрей.

— Да, это правда. — И Сулла улыбнулся, показав свои длинные зубы.

— А можно спросить, что именно?

— Конечно, Гней Петрей. Но давай условимся: я расскажу тебе, скажем, в сумерки, хорошо? На месте сбора твоего легиона. Мы с тобой проведем остаток дня, предупреждая всех командиров, что с наступлением сумерек будет совещание. — Он что-то быстро просчитал в уме. — Всего около семидесяти человек. Но эти семьдесят много стоят. Ты берешь на себя три легиона в этом конце долины, а я вскочу на своего мула и приведу три других легиона с дальнего конца.

Кимбры появились в тот же день с северной стороны. Они ворвались в долину, значительно опередив свои повозки, и остановились недалеко от укреплений римского лагеря. И остались там. А шепоток уже полетел по легионам, и разведчики отправились на север, чтобы заглянуть через плетеный бруствер. И там они увидели столько вооруженных людей, сколько ни один римлянин не видел никогда в жизни. И все эти вооруженные люди были гигантского роста.

Совещание, проведенное Суллой в самнитском лагере, было очень коротким. Когда оно закончилось, было еще достаточно светло, и они прошли с Суллой во главе через мост, в деревню Тридент. Катул Цезарь собрал там свое совещание, чтобы обсудить появление кимбров. Он как раз выражал недовольство отсутствием своего заместителя, когда Сулла — без кирасы, в кожаном доспехе и мечом и кинжалом на поясе — вошел в переполненную комнату.

— Я был бы тебе крайне благодарен, Луций Корнелий, если бы ты не опаздывал, — сказал Катул Цезарь холодно. — Пожалуйста, сядь, и мы приступим к делу — составим план нашей завтрашней утренней атаки.

— Прошу прощения, времени рассиживаться у меня нет! — сказал Сулла.

— Если у тебя нашлись более важные дела, то ступай! — сказал Катул Цезарь. Лицо его покрылось пятнами.

— Да я никуда не и собираюсь идти, — отозвался Сулла, улыбаясь. — Важные дела мои как раз здесь, в этой комнате. И самое важное — то, что завтра утром никакого сражения не будет.

Катул Цезарь вскочил на ноги:

— Не будет сражения? Почему?!

— Потому что в армии мятец и я — его подстрекатель. — Сулла извлек меч из ножен. — Входите, центурионы! — крикнул он. — Будет немного тесновато, но мы все поместимся.

Никто из присутствующих в комнате не проронил ни слова: Катул Цезарь — потому что был слишком зол, остальные — от изумления. Некоторые почувствовали облегчение: далеко не всем старшим офицерам было по душе предстоящее утром сражение. Семьдесят центурионов вошли в дверь и встали за спиной Суллы и по сторонам. Таким образом, образовалось небольшое пустое пространство между мятежниками и старшими офицерами Катула Цезаря, которые теперь были прижаты к стене — в буквальном смысле этого слова.

— Тебя за это скинут с Тарпейской скалы! — крикнул Катул Цезарь.

— Если потребуется — пусть! — сказал Сулла и вложил меч в ножны. — Но когда мятец можно считать действительно мятецом, Квнт Лутаций? Как долго может солдат слепо повиноваться? Разве это истинный патриотизм — покорно тащиться на смерть, когда полководец, отдающий приказы, — полный туписца?

Было очевидно, что Катул Цезарь не мог найти достойного ответа на такую грубую откровенность. С другой стороны, он был слишком горд, чтобы нечленораздельно лепетать протесты, и слишком уверен в своем положении, чтобы вообще не вести

разговоры с наглецами. В конце концов он вымолвил с холодным высокомерием:

— Это необоснованно, Луций Корнелий!

Сулла кивнул:

— Согласен, необоснованно. С другой стороны, наше присутствие здесь, в Триденте, также необоснованно. Завтра кимбры отыщут по склонам гор сотни тропинок, проложенных домашним скотом и волками. И здесь не одна гора Анопея, а сотни таких Анопей! Ты не спартанец, Квинт Лутаций, ты римлянин, и я удивляюсь, что ты вспоминаешь Фермопили как спартанец — не как римлянин! Разве твои учителя не рассказывали тебе, как Катон Цензор использовал тропу Анопея, чтобы окружить царя Антиоха? Или твой воспитатель считал Катона Цензора слишком низкородным, чтобы служить примером для чего-нибудь, кроме высокомерного презрения? Лично меня в Фермопилах восхищает Катон Цензор, а не Леонид и его воины, которые погибли все до одного! Спартанцы согласны были лечь костьми до последнего бойца, с единственной целью — надо было задержать персов, чтобы дать время греческому флоту подготовиться к сражению у Артемисии. Только это не помогло, Квинт Лутаций! Это не помогло! Греческий флот был разбит, и Леонид погиб ни за что. И разве Фермопили повлияли на ход войны с персами? Конечно, нет! Когда вновь созданный греческий флот одержал победу у острова Саламин, не было героической прелюдии, как при Фермопилах. Можешь ли ты честно сказать, что ты предпочитаешь самоубийственную храбрость Леонида стратегическому гению Фемистокла?

— Ты путаешь ситуации, — высокомерно отозвался Катул Цезарь. Его гордость сильно страдала из-за этого рыжеволосого хитреца Улисса. Истина заключалась в том, что полководца куда больше заботили собственное достоинство и личный авторитет, нежели судьба армии или кимбры.

— Нет, Квинт Лутаций, это ты путаешь ситуации. Твоя армия — теперь моя, по праву мятежа. Когда Гай Марий послал меня сюда, — он с удовольствием упомянул это имя в полной тишине, — я прибыл с единственным приказом: сделать все, чтобы сохранить армию, пока Гай Марий не сможет взять ее под свое начало. То есть пока он не разобьет тевтонов. Гай Марий — наш главнокомандующий, и в данный момент я действую по его приказу. Когда его приказы идут вразрез с твоими, я подчиняюсь ему, а не тебе. Если я позволю продолжить эту безрассудную эскадру, то наша армия вся ляжет на поле боя при Триденте. Но этого не будет. Сегодня же ночью мы отступаем. Все легионы. Сразу. И будем ждать другого дня, когда у нас появится шанс победить.

— Я поклялся, что нога германца не ступит на землю Италии. И не нарушу клятвы.

— Не тебе сейчас принимать решения, Квинт Лутаций, поэтому ты не нарушишь клятвы.

Квинт Лутаций Катул Цезарь был одним из тех сенаторов «старой гвардии», кто отказывался носить золотое кольцо как знак своего сенаторского достоинства. Вместо этого он носил старинное — железное, какое когда-то носили все сенаторы. Поэтому, когда он повелительным жестом указал на людей, заполнивших комнату, его указательный палец не блеснул желтым лучом, он лишь оставил в воздухе серое пятно. До того как командиры увидели это пятно, они стояли онемевшие; теперь же все зашевелились, завздыхали.

— Оставьте нас, все. Подождите снаружи. Я хочу говорить с Луцием Корнелием наедине.

Центурионы один за другим покинули комнату, потом удалились трибуны, следом — личный персонал Катула Цезаря и его старшие легаты. Когда остались только Катул Цезарь и Сулла, бывший командующий вернулся к своему креслу и тяжело опустился в него.

Он угодил в тупик и знал об этом. Гордыня завела его в верховья реки Атес. Не гордость за Рим или за свою армию, а обыкновенная человеческая гордыня, которая не позволяла взять обратно безрассудную клятву. Чем дальше он продвигался по долине, тем сильнее чувствовал, что совершил грубейшую ошибку. И все же не мог признаться в этом. Чем выше он поднимался к истокам Атеса, тем ниже падал его дух. Когда он дошел до Тридента, то подумал: до чего похоже на Фермопили! Хотя, конечно, в строго географическом смысле это место вовсе не было похоже на Фермопили. Катул Цезарь задумал достойно погибнуть и тем самым спасти свою честь, эту самую роковую личную гордыню. Как о Фермопилах помнят столетиями — так будут помнить и о Триденте. Смерть отважного меньшинства в битве с подавляющим большинством. «Путник, поведай гражданам там, в Ромула граде, что, повинуясь приказу, здесь мы костьми полегли!» С великолепным памятником, паломниками и бессмертными эпическими поэмами.

Зрелище кимбров, хлынувших в долину с севера, отрезвило его. Потом Сулла завершил этот процесс. Конечно, у него имелись и глаза, и ум, пусть даже этот ум слишком легко затуманивался чувством собственного величия. Глаза отметили множество террас, образующих гигантскую лестницу на отлогих зеленых склонах, и ум оценил, как быстро кимбры смогут окружить римлян. Это не было ущельем с утесами, это была просто узкая альпийская долина, совершенно не подходящая для развертывания армии. Ее пастбища поднимались вверх под таким углом, что развернуть армию было просто невозможно, не говоря уж о маневрировании.

Но он не понимал, как разрешить ситуацию, не потеряв лица. Сначала вторжение Суллы во время совещания показалось ему великолепным выходом из тупика. Он мог переложить всю ответственность на мятеж, выступить в Сенате с пламенной речью, организовать суды по обвинению в измене над всеми офицерами, принимавшими участие в мятеже, от Суллы до последнего центуриона. Но эта мысль жила лишь несколько мгновений. Мятеж был самым серьезным преступлением в армии — да, но не в данном случае. Сейчас Катул Цезарь один противостоял всем офицерам своей армии (он мгновенно понял по их лицам, что ни один из присутствующих не откажется присоединиться к мятежникам). В таком неповиновении чувствовалось достаточно здравого смысла, способного преодолеть монументальную глупость незадачливого полководца. Если бы никогда не было Аравсиона, если бы Цепион и Маллий Максим навеки не запятали абсолютную власть главнокомандующего в глазах народа Рима — и даже некоторых фракций в Сенате! — тогда все могло бы обернуться по-другому. Но теперь при появлении Суллы Катул Цезарь быстро осознал, что может и сам низко пасть в глазах Рима и закончить свою карьеру судом по обвинению в измене.

В результате Квинт Лутаций Катул Цезарь глубоко вздохнул и приступил к согласительной процедуре.

— Я больше не хочу слышать никаких разговоров о мятеже, Луций Корнелий. Тебе не следовало так открыто выражать свое мнение. Тебе надо было поговорить со мной лично. Если бы ты поступил так, все можно было бы уладить между нами.

— Я не согласен, Квинт Лутаций, — спокойно возразил Сулла. — Если бы я пришел к тебе для личного разговора, ты просто велел бы мне заниматься своим делом. Тебе следовало преподать урок.

Катул Цезарь поджал губы. Он посмотрел на свой длинный римский нос. Красивый представитель красивого рода, светлые волосы, голубые глаза, надменное выражение лица.

— Ты слишком много времени провел с Гаем Марием. Такое поведение не подобает патрицию.

Сулла так сильно хлопнул по ремням своей кожаной юбки, что зазвенели металлические украшения.

— О, ради всех богов, оставим трескучее фразерство, Квинт Лутаций! Меня уже тошнит от исключительности патрициев! И прежде чем ты начнешь свои тирады в адрес нашего с тобой начальника, позволь мне напомнить тебе: когда дело касается отношения к солдатам и командования, Гай Марий против нас — как Александрийский маяк против свечек! Как военный специалист ты не лучше меня. Но у меня есть перед тобой преимущество: я учился военному ремеслу под руководством Александрийского маяка, поэтому моя свеча светит ярче, чем твоя!

— Способности этого человека сильно преувеличивают! — процедил сквозь зубы Катул Цезарь.

— О нет, совсем нет! Можешь блеять и мычать об этом сколько угодно, Квинт Лутаций, но Гай Марий — Первый Человек в Риме! Человек из Арпина взял вас всех одной рукой и разбил наголову.

— Удивляюсь, что ты такой его сторонник, но обещаю тебе, Луций Корнелий, что никогда этого не забуду.

— Еще бы!

— Я дам тебе совет, Луций Корнелий. В будущем несколько поменяй свои приверженности. Иначе ты никогда не станешь претором, не говоря уже о консульстве.

— О, мне нравятся неприкрытые угрозы, — спокойно отреагировал Сулла. — Кого ты пытаешься обмануть? Я такой же патриций, как и ты. И если настанет такое время, когда для тебя же будет полезнее лебезить передо мной, — ты будешь лебезить! — Он посмотрел на Катула Цезаря лукаво. — Знаешь ли, придет день, и я буду Первым Человеком в Риме. Самым высоким деревом в лесу, как Гай Марий. А такие высокие деревья срубить невозможно. И если они все-таки падают, так это потому, что гниют изнутри.

Катул Цезарь ничего не ответил. Сулла сел в кресло и подался вперед, чтобы налить себе вина.

— А теперь о нашем мятеже, Квинт Лутаций, — продолжал он. — Выбрось из головы всякую надежду, что у меня не хватит смелости дойти до самого конца.

— Признаюсь, я тебя совсем не знаю, Луций Корнелий, но за эти два месяца вполне смог оценить твою твердость. Ты готов почти на все, чтобы поступить по-своему, — сказал Катул Цезарь. Он разглядывал свое старинное железное сенаторское кольцо, словно хотел почерпнуть из него силы. — Я говорил это раньше, повторю и сейчас: не будем больше говорить о мятеже. — Он громко слглотнул. — Я согласен с решением армии отступить. На одном условии. О мятеже никому ни слова.

— От имени армии — я согласен.

— Я бы хотел лично отдать приказ об отступлении. После этого... полагаю, ты уже выработал стратегию?

— Абсолютно необходимо, чтобы ты сам отдал приказ об отступлении, Квинт Лутаций. В том числе тем, кто ждет нас снаружи. Да, стратегия разработана. Очень простая стратегия. На рассвете армия снимается с места и уходит отсюда как можно быстрее. До наступления завтрашней ночи все должны перейти мост и двигаться на юг от Тридента. Самниты ближе всех располагаются к мосту, поэтому они смогут охранять его, пока не переправятся прочие, а затем перейдут мост сами — последними. Мне же сейчас необходимы инженеры, потому что как только последний солдат перейдет мост, его придется разрушить. Жаль, что он построен на каменных столбах: их мы снести не успеем. Германцы смогут восстановить переправу. Но у них нет инженеров, а это значит, что работа займет значительно больше времени, чем у нас. Возведенный ими мост может еще несколько раз разрушиться, пока Бойорикс будет переводить через него своих людей. Если он захочет идти дальше на юг, ему придется пересечь реку именно здесь, в Триденте. Поэтому следует максимально замедлить скорость его продвижения.

Катул Цезарь поднялся:

— Тогда давай покончим с этим фарсом. — Он вышел из комнаты и остановился, внешне спокойный. Уже начался процесс восстановления *dignitas* и *auctoritas* — достоинства и авторитета. — Наша позиция здесь непригодна для обороны, поэтому я отдаю приказ о полном отступлении, — произнес он решительно и отчетливо. — Я дал Луцию Корнелию подробные инструкции, так что командовать отступлением будет он. Однако я хочу, чтобы вы поняли: слово «мятеж» должно быть забыто. Это ясно?

Офицеры пробормотали что-то утвердительное. Все они были рады, что о мятеже можно больше не думать.

Катул Цезарь повернулся, чтобы вернуться в комнату.

— Можете быть свободны, — бросил он через плечо.

Когда командиры разошлись, Гней Петрей оказался рядом с Суллой и пошел вместе с ним к мосту.

— Я так понял, что все прошло хорошо, Луций Корнелий. Он справился лучше, чем я ожидал. Лучше, чем это сделали бы другие, подобные ему, клянусь.

— За самомнением у него еще жили остатки ума, — просто отозвался Сулла. — Но он прав, слово «мятеж» больше никогда не должно быть произнесено.

— От меня его не услышат, — горячо заверил Петрей.

Уже совсем стемнело, но мост освещался факелами, поэтому они без труда прошли по рубленым бревнам. На дальнем конце Сулла обогнал центурионов и трибунов, которые шли за ним и Петреем, и повернулся к ним лицом:

— Все войска должны быть готовы свернуться, как только начнет светать, — приказал он. — Инженерам и центурионам доложить о готовности здесь, за час до рассвета. А теперь прошу трибунов пойти со мной.

— Я рад, что он у нас есть! — сказал Гней Петрей своему второму центуриону.

— Я тоже, но вот печаль: у нас ведь есть еще он, — второй центурион показал глазами на Марка Эмилия Скавра Младшего, спешащего за Суллой и трибунами.

Петрей ухмыльнулся:

— Да, не подарок. Завтра я пригляжу за ним. Может, мы и не слыхали никогда слова «мятеж», но самнитов не обманет римский идиот, кем бы ни был его отец.

На рассвете легионы снялись с места. Отход начался при полной тишине, как и все маневры хорошо обученных римских войск. Никакого беспорядка. Первым через мост перешел самый дальний легион, потом перешел легион, который был перед ним, и так далее. Армия словно бы скатывалась, как ковер. К счастью, обоз и все выьючные животные, кроме нескольких коней для высших командиров, были оставлены южнее деревни и моста. Сулла распорядился отправить их с рассветом задолго до начала движения легионов и отдал приказ, чтобы половина войска обошла обоз и пошла впереди него, а вторая половина следовала за обозом вплоть до Вероны. Сулла знал: если они уйдут из Тридента, то кимбры уже не догонят их.

Как оказалось, кимбры настолько были заняты разведыванием троп на горных террасах, что прошел целый час после восхода солнца, прежде чем они поняли, что римляне уходят. Возникло смятение. Прибыл сам Бойорикс, навел относительный порядок. Тем временем колонна римлян двигалась с большой быстротой. Когда кимбры наконец готовы были атаковать, самый дальний от моста легион уже бежал по мосту.

Среди балок и стоек под насыпью, начав задолго до рассвета, лихорадочно работали инженеры.

— Всегда одно и то же! — жаловался Сулле начальник инженерной группы, когда тот пришел посмотреть, как идут дела. — Когда требуется, чтобы мост развалился от одного толчка, всегда попадается добротно построенный.

— Вы можете развалить его? — спросил Сулла.

— Надеюсь, легат! В мосту нет ни связок, ни болтов. Пазы и шпунты, все зафальцовывано вниз, а не вверх. Поэтому я не могу быстро растянуть его в стороны — нужен кран побольше нашего. Да и времени у меня нет. Боюсь, идти будет трудно. Когда последние наши солдаты пройдут по мосту, он уже будет слегка шататься.

Сулла нахмурился:

— Что значит — идти трудно?

— Мы подпиливаем главные опоры и стойки.

— Тогда продолжайте! Я пришлю вам сотню волов, чтобы толкнуть этот мост. Достаточно?

— Должно хватить, — ответил старший инженер и отошел, чтобы взглянуть на работу под другим углом.

В долину с диким гикаем и криками ринулась кавалерия кимбров, с ходу заняв покинутые пять римских лагерей, ибо это были лишь обычные стены и траншеи: не хватило времени построить что-то еще. У дальнего конца моста остался лишь самнитский легион. Он уже был готов выйти из ворот своего лагеря, когда ворвались кимбры, отрезав их от моста. Самниты построились, пики наперевес, лица суровые.

Беспомощно глядя на эту картину с противоположной стороны моста, Сулла ждал первого набега кавалерии, стараясь

угадать, что предпримет командир самнитского легиона, молодой Скавр. Сулла ругал себя: почему он не отстранил этого робкого сына бесстрашного отца и сам не взял на себя командование!.. Но теперь уже было поздно. Он не мог снова пройти по мосту, потому что с ним было мало людей. Кроме того, он не верил, что Катул Цезарь справится с отступлением. А это означало, что сам он должен выжить.

И еще он не хотел привлекать внимание кимбров к мосту, ибо если они его заметят, то сразу же увидят и пять римских легионов, направляющихся на юг. Если будет необходимо, он пустит волов, чтобы они расшатали мост. Но как только мост рухнет, судьба самнитского легиона будет решена.

— Скавр! Гони их на север! — бормотал Сулла. — Отбрось их назад, очисти подступ к мосту для своих людей!

Кавалерия кимбров разворачивалась, потому что ее передние ряды в порыве атаки зашли далеко за лагерь самнитов. Задние ряды конницы отступили, чтобы дать место авангарду повернуться и быстро отойти назад. Закончив перегруппировку и объединившись, кавалерия кимбров обрушится на лагерь самнитов. Враги пустят своих коней и все растопчут, а потом орды пехотинцев закончат разрушение. После этого кавалерия превратится в гигантский ковш, оттесняя самнитов на север, к основному войску кимбров.

Единственный шанс самнитов — не дать коннице объединиться, копьеносцам убивать вражеских лошадей, пока остальные будут прорываться к мосту. Но где же молодой Скавр? Почему он этого не делает? Еще немного — и будет поздно!

Подбадривающие крики трех центурий Суллы раздались прежде, чем сам он увидел атаку самнитов. Сулла высыпал на коне, а атаку возглавил пеший — Гней Петрей, старший центурион.

Радостно крича, Сулла стал приплясывать на месте, когда часть самнитов бегом ринулась к мосту, очень плотно друг к другу, чтобы кимбры не смогли их вновь отрезать от него. Кони кимбров, сражающихся в первых рядах, сотнями падали под дождем самнитских копий. Всадники старались освободиться из-под упавших коней, но количество падающих все росло, а копья самнитов впивались в бока все новых лошадей. Задние ряды конницы кимбров были не в лучшем положении. В конце концов павшая конница кимбров сама задержала пехоту. Гней Петрей прошел через мост последним — и ни одного германца не было позади него.

Задолго до этой битвы волы начали свою работу. Соединенные попарно, они долго не могли дать нужный толчок. Пара за парой они расшатывали мост, пока цепи ненатянулись и мост не начал деформироваться. Крепкий и устойчивый, он сопротивлялся сильнее и дальше, чем даже предполагал старший инженер, большой пессимист. Но вот наконец одна стойка отошла — и с треском, щелканьем, грохотом мост через реку Атес в Триденте рухнул. Бревна упали в водоворот, и их понесло вниз по течению, покачивая, как соломинки под струями садового фонтана.

Гней Петрей был ранен в бок, но, к счастью, несильно. Сулла нашел его сидящим, хирурги легиона снимали с него колчугу. Лицо его было измазано грязью, но тем не менее выглядел он вполне здоровым и бодрым.

— Не трогайте рану, пока не вымоете его, вы, *mentulae!* — рявкнул Сулла. — Сперва смойте с него всю грязь. Он не собирается умереть от заражения крови, ведь так, Гней Петрей?

— Только не Гней Петрей! — ответил центурион, широко улыбаясь. — Мы сделали это, Луций Корнелий! Мы всех перевели через мост, и только горсточка осталась лежать на той стороне!

Сулла опустился рядом со старшим центурионом и приблизил лицо к нему так близко, чтобы никто не мог подслушать:

— А что случилось с молодым Скавром?

Губы Петрея искривились:

— Ему немного досталось. Надо думать!.. Когда я стал вбивать ему в голову, что требуется сделать, он упал в обморок. С ним все нормально, с беднягой. Ребята перенесли его через мост. Жаль, но ничего не поделаешь. Полная противоположность отцу. Ему бы стать библиотекарем.

— Ты не представляешь себе, как я рад, что там оказался ты, а не какой-нибудь другой центурион. Я просто не подумал заранее... Как я потом пожалел, что не отстранил его от командования! — сказал Сулла.

— Да ладно, Луций Корнелий, в конце концов все получилось хорошо. По крайней мере, теперь он знает, на что способен.

Вернулись хирурги с водой и губками в количестве достаточном, чтобы вымыть дюжину легионеров. Сулла поднялся, чтобы они могли приступить к работе, он протянул Гнею руку. Оба они в безмолвном рукопожатии выразили все, что хотели сказать друг другу.

— Тебе полагается венец из трав, — сказал наконец Сулла.

— Нет! — воскликнул Петрей, смутившись.

— Да, да. Ты спас от смерти целый легион, Гней Петрей, а когда один человек спасает от смерти целый легион, на его голову возлагают венец из трав. Я прослежу за этим, — повторил Сулла.

Мысль о венце из трав натолкнула его на давние воспоминания. Сулла все думал об этом, направляясь вниз по склону в город, чтобы организовать повозку для Гнея Петрея, героя Тридента. Бедная Юпилла! Бедная, бедная Юпилла... Ей никогда не удавалось сделать что-то правильно. Вероятно, это повлияло и на странные проявления Фортуны в ее жизни. Единственная из всех Юлий, рожденная не для того, чтобы сделать мужчину счастливым, досталась ей — Юпилла. Затем его ум переключился на более важные вещи. Луций Корнелий Сулла не сбирался винить себя за судьбу Юпиллы. Ее судьба не имела к нему никакого отношения. Она сама навлекла на себя беду.

Катул Цезарь вернул армию в лагерь под Вероной прежде, чем Бойорикс сумел перевести последнюю из своих повозок через маленький шаткий мосток — пришлось воспользоваться несколькими ненадежными переправами — и германцы двинулись по зеленым равнинам вдоль реки Пада.

Сначала Катул Цезарь настаивал на том, чтобы дать кимбрам бой у озера Бенак, но Сулла не одобрил этого. Вместо этого он заставил Катула Цезаря предупредить жителей всех городов и деревень, от Аквилеи на востоке до Комы и Медиолана на западе, о том, что из Италийской Галлии должны уйти все римские граждане, все люди, пользующиеся латинскими правами, и те галлы, кто не хочет брататься с германцами. Беженцам следует двигаться на юг и оставить кимбрам всю Италийскую Галлию по ту сторону Пада.

— Германцы будут похожи на свиней в желудевой каше, — уверенно сказал Сулла, проживший среди них год. — Когда они почувствуют вкус наших пастбищ и вкусят покоя между озером Бенак и северным берегом Пада, Бойорикс уже не сможет собрать свой народ. Они рассеются в сотнях направлений. Подожди — и увидишь.

— Будут грабить, рушить, жечь, — сказал Катул Цезарь.

— Да, и забудут, что им надо делать. Война вылетит из их памяти! Голову выше, Квинт Лутаций! По крайней мере, это самое галльское племя из всех галлов на итальянской стороне Альп, и германцы не перейдут Пада, пока не обгрязут его так, как голодный человек объедает куриные косточки. Наши люди далеко уйдут от германцев и унесут с собой все ценное. А земля никуда не денется. Мы отберем ее, когда придет Гай Марий.

Катул Цезарь поморщился, но сдержался. Он уже испытал на себе, каким колючим может быть язык Суллы. И кроме того, узнал, каким безжалостным был Сулла. Каким холодным, несгибаемым и решительным.

Странно близок он Гаю Марию, хотя... они свояки. Или были свояками. «Отдался ли Сулла от своей Юпиллы?» — гадал Катул Цезарь. В долгие часы раздумий о Сулле он вспомнил слух, прошедший среди братьев Юлиев Цезарей и их семей еще в то время, когда Сулла вдруг возник из небытия и начал участвовать в общественной жизни, а потом женился на Юлии. Говорили, будто для такой жизни он нашел деньги, убив свою мать (или мачеху?). А еще — любовницу. И племянника. «Когда придет время

возвращаться в Рим, — думал Катул Цезарь, — обязательно следует проверить эти слухи. О нет, не стоит использовать их явно и сразу. Умнее припрятать их на будущее, когда Луций Корнелий вознамерится стать претором. Не эдипом, пусть порадуется этому званию, тем более что при этом его кошелек похудеет. Претором. Да, претором!»

Когда легионы вошли в лагерь под Вероной, Катул Цезарь знал: первое, что ему надо сделать, — послать сообщение о печальных событиях при Атесе быстрой почтой в Рим. Если он этого не сделает, то Сулла сообщит сам — через Гая Мария. Важно было, чтобы Рим узнал его версию событий первой. В случаях, когда оба консула находятся на театре военных действий, послание в Сенат должно быть адресовано лидеру Палаты. Поэтому Катул Цезарь адресовал свой доклад Марку Эмилию Скавру, принцепсу Сената, сопроводив его личным письмом, в котором излагал подробности случившегося. Он доверил отчет и письмо, тщательно запечатанные, молодому Скавру, сыну принцепса, приказав галопом доставить все в Рим.

— Он у нас лучший наездник, — вкрадчиво объяснил Сулле Катул Цезарь.

Сулла поглядел на него с той же ядовитой ironией, как и при беседе по поводу мятежа.

— Знаешь, Квинт Лутаций, ты обладаешь самым изощренным видом жестокости, с каким я сталкивался, — сказал он.

— Хочешь отменить приказ? — насмешливо осведомился Катул Цезарь. — У тебя есть на это право.

Но Сулла только пожал плечами и отвернулся:

— Это твоя армия, Квинт Лутаций. Делай, что хочешь.

А он уже сделал, что хотел. Послал молодого Марка Эмилия Скавра скорой почтой в Рим с новостями о собственном позоре.

— Я выбрал тебя, Марк Эмилий Младший, потому что не могу придумать худшего наказания для труса из такой славной семьи! Ты принесешь своему отцу сообщение о военной неудаче и твоей трусости, — ровным голосом сказал ему Катул Цезарь, непогрешимый.

Молодой Скавр — мертвенно-бледный, сильно похудевший, презираемый, — стоял, вытянувшись и стараясь не встречаться с командующим глазами. Но когда Катул Цезарь объявил, с каким поручением тот поедет, глаза молодого Скавра — более бледная, менее красивая копия зеленых глаз его отца — невольно обратились к надменному лицу Катула Цезаря.

— Пожалуйста, Квинт Лутаций! — испуганно воскликнул он. — Пожалуйста, умоляю, отправь кого-нибудь другого! Позволь мне увидеться с отцом в свое время!

— Твое время, Марк Эмилий Младший, — это время Рима, — ледяным тоном отрезал Катул Цезарь. — Ты галопом поскакешь в Рим и отдашь принцепсу Сената мой консульский пакет. Хоть ты и оказался трусом на поле битвы, но, к сожалению, ты у нас лучший наездник. Имя у тебя достаточно известное, оно обеспечит тебе лучших коней на всем пути. Не бойся! Германцы далеко. Они на севере. Тебе никто не будет угрожать.

Молодой Скавр, как мешок в седле, ехал миля за миля в Рим — по Анниевой дороге, потом по Кассиевой, более короткому, но скверному пути. Голова его качалась в такт, зубы стучали, словно удары сердца, действуя удивительно успокаивающе. Временами он разговаривал сам с собой.

— Если бы я собрал там все свое мужество, как вы полагаете, смог бы я? — спросил он воображаемых слушателей — ветер, дорогу, небо. — Что мне делать, если я не смелый, отец? Откуда берется смелость? Почему я не получил своей доли? Как мне рассказать тебе о боли, страхе, ужасе, которые я почувствовал, когда эти ужасные дикари явились — с ревом и криками, как Фурий? Я не мог двинуться с места! Я даже не мог контролировать свой кишечник, не говоря уже о сердце! Оно раздувалось, раздувалось, пока не лопнуло! Я упал без чувств, радуясь тому, что мертв! А потом я очнулся и понял, что жив, все еще охваченный ужасом. Я... обгадился! Солдаты, которые унесли меня с поля боя, смывали с себя в реке мое дерзко на моих глазах — с таким презрением, таким отвращением! О отец, что такое смелость? Где затерялась моя доля мужества? Отец, выслушай меня, позовь мне объяснить! Как можешь ты осуждать меня за то, чего во мне нет? Отец, выслушай, выслушай меня!

Но Марк Эмилий Скавр, принцепс Сената, так его и не выслушал. Когда его сын прибыл с пакетом от Катула Цезаря, он находился в Сенате, а когда вернулся домой, то сын заперся в своей комнате, передав через управляющего, что привез пакет от консула и будет ждать в своей комнате, пока отец прочтет и пошлет за ним.

Скавр сначала прочитал донесение, с мрачным видом, но благодарный по крайней мере за то, что легионы сохранены. Затем он стал читать послание Катула Цезаря. Губы его громко повторяли слово за словом, он все глубже вдавливался в кресло, пока, кажется, не уменьшился вдвое. Слезы полились прямо на письмо, оставляя на нем размытые пятна. Конечно, он знал, кто такой Катул Цезарь. Эта часть донесения отнюдь не удивила его, и он искренне порадовался, что такой сильный и бесстрашный легат, как Сулла, вовремя оказался под рукой.

Но он никогда не сомневался, что в самый ответственный момент, когда придет нужда обороняться до последнего солдата, его сын проявит то мужество, которое, как неприменимо считал Скавр, присуще всем мужчинам. Или, по крайней мере, всем мужчинам, имя которых — Эмилий. Мальчик был его единственным ребенком. А теперь род Эмилиев Скавров оборвется — с таким позором, с таким бесчестием! И поделом, если его сын, его единственный ребенок, оказался трусом.

Скавр тяжело вздохнул и принял решение. Не будет никакого обмана, никаких попыток обеления, оправданий, никакого скрытия случившегося. Оставим вранье Катулу Цезарю. Доказано, что сын Скавра — трус. В час смертельной опасности он покинул своих солдат. И не просто сбежал! Это произошло самым малодушным, самым унижительным образом: он обделался и упал в обморок! Солдаты отнесли его в безопасное место, когда все должно было быть наоборот. Этот позор Скавр решил пережить с присущей ему стойкостью. Пусть его сын почувствует на себе кару, познав презрение всего города!

Слезы Скавра высохли, лицо стало спокойным. Он хлопнул в ладони, позвав управляющего, и когда тот вошел, то застал своего господина сидящим очень прямо, со сложенными на столе руками.

— Марк Эмилий, твой сын очень хочет видеть тебя, — сказал управляющий, понимая, что что-то случилось: молодой человек вел себя странно.

— Можешь передать Марку Эмилию Скавру Младшему, — надменно произнес Скавр-старший, — что хоть я и отказываюсь от него, но не лишаю его родового имени. Мой сын — трусливая дворняшка, и пусть об этом узнает весь Рим. Пока я жив, я никогда его больше не увижу. Скажи ему это. И еще скажи, что в этом доме ему не рады, даже если он вздумает просить милости у порога. Скажи ему! Скажи ему, пусть не попадается мне на глаза — никогда! Иди, скажи ему! Скажи ему!

Управляющий вздрогнул, как от удара, и заплакал от жалости к несчастному молодому человеку, которого он очень любил. У старого слуги было двадцать лет, чтобы открыть отцу, что у его сына нет ни смелости, ни внутренних ресурсов, откуда он мог бы перерпнуть все это. Он мог рассказать об этом своему господину в любое время, но не сделал этого. Поэтому управляющий просто ушел и передал молодому Скавру все, что сказал его отец.

— Благодарю тебя, — молвил молодой Скавр и закрыл за ним дверь, но не запер ее.

Когда хозяин пожелал узнать, покинул ли дом его бывший сын, управляющий рискнул зайти в его комнату. Он нашел молодого Скавра мертвого на полу. Единственной жертвой, которую его меч посчитал недостойной жить на земле, оказался он сам. Поэтому он наконец обагрил его кровью — своей собственной.

Но Марк Эмилий Скавр, принцепс Сената, остался верен своему слову. Он отказался увидеть сына, даже мертвого. А в Сенате сделал отчет обо всем случившемся в Италийской Галлии — как всегда, энергично и смело. Включая и страшно откровенный, неприкрашенный рассказ о трусости своего сына и о его самоубийстве. Он не щадил себя и не демонстрировал своего горя.

Когда после заседания Скавр дождался на ступенях Сената Метелла Нумидийского, то удивлялся себе. Может быть, боги выделили ему мужества так много, что для его сына в их семейном шкафу уже ничего не осталось. Скавру понадобилась значительная доля этого достояния, пока он стоял и ждал, а сенаторы торопливо и застенчиво проходили мимо, жалея его, волнуясь, но не желая остановиться.

— О мой дорогой Марк! — воскликнул Метелл Нумидийский, как только они остались наедине. — Мой дорогой, дорогой Марк... Что я могу сказать?

— О моем сыне — ничего. — Тоненький осколочек тепла проник в лед, накопившийся в его груди. Как хорошо иметь друзей! — О германцах — кое-что. Как нам удержать Рим от паники?

— Да не забивай ты себе голову, — спокойно отозвался Метелл Нумидийский. — Рим выживет. Паника сегодня, паника завтра, послезавтра, а к следующему базарному дню — торговля, как обычно! Скажи, ты знал людей, которые уезжают с насыженного места только потому, что там возможно землетрясение или вулкан пыхтит за задним двором?

— Правда, не уезжают. По крайней мере, пока балка не упадет и не убьет бабушку или старая дева не свалится в лаву, — сказал Скавр, обрадовавшись тому, что еще может поддерживать обычный разговор и даже улыбаться.

— Выживем, Марк, не бойся. — Метелл Нумидийский слготнул, потом продемонстрировал, что тоже не лишен смелости, добавив решительно: — Гай Марий все еще ждет свою порцию германцев. Если и он потерпит поражение — вот тогда будем беспокоиться. Если Гай Марий не сможет разбить их, то никто не сможет.

Скавр моргнул. Он посчитал жест Метелла Нумидийского настолько героическим, что у него недостало слов. И лучше забыть навсегда, что Метелл Нумидийский только что признал Гая Мария единственной надеждой Рима и его лучшим военачальником.

— Квинт, есть только одно, что я должен сказать о своем сыне, а потом мы закроем эту тему, — сказал Скавр.

— О чём речь?

— О твоей племяннице, о твоей подопечной Метелле Далматике. Этот отвратительный эпизод доставит тебе и ей много неудобства. Передай, что ей повезло. Для Цецилии Метеллы было бы мало радости выйти замуж за труса, — хриплым голосом произнес Скавр.

Вдруг он заметил, что остался один. Обернулся и увидел, что Метелл Нумидийский стоит в стороне, как громом пораженный.

— Квинт? Квинт? В чём дело? — спросил удивленно Скавр, приближаясь к другу.

— Дело? — переспросил Метелл Нумидийский, очнувшись. — Добрый Купидон! Нет, дело ни в чём! Дорогой, дорогой Марк! У меня появилась великолепная идея!

— Какая идея?

— Почему бы тебе самому не жениться на моей племяннице Далматике?

Скавр даже рот открыл:

— Мне?

— Да, тебе! Ведь ты уже давно вдовец, а теперь остался без сына, которому мог бы передать свое имя и состояние. Марк, это трагедия, — тепло произнес Метелл Нумидийский, но в тоне прозвучала настойчивость. — Она очень хорошая девушка — и такая милая! Давай, Марк, похорони прошлое, начни все сначала! К тому же она очень богата.

— От меня будет пользы не больше, чем от сварливого старого козла Катона Цензора, — сказал Скавр с сомнением в голосе, которого допустил ровно настолько, чтобы дать Метеллу понять: окрутить старика Скавра можно, было бы предложение по-настоящему серьезным. — Квинт, мне пятьдесят пять лет!

— Ты выглядишь так, словно готов прожить еще столько же!

— Посмотри на меня! Ну же, посмотри на меня! Лысый, с животом, морщин больше, чем у Ганнибала слона, сутулый, ревматик, да еще с геморроем! Нет, Квинт, нет!

— Далматика так молода, что любой муж покажется ей дедушкой, — успокоил его Метелл Нумидийский. — О Марк, мне так было бы приятно! Ну, решайся!

Скавр погладил свою лысину, вздохнул, но вдруг почувствовал, как в нем забил новый животворный родник:

— Ты на самом деле считаешь, что получится? Ты думаешь, я еще в состоянии завести новую семью? Я ведь могу умереть, прежде чем дети вырастут!

— А почему ты должен умереть молодым? Ты мне напоминаешь одну из этих египетских штуковин: хорошо сохранился и готов жить еще тысячу лет. Когда ты умрешь, Марк Эмилий, сам Рим рухнет.

Они пересекли Форум и направились к лестнице Весталок, увлеченно разговаривая и жестикулируя при этом.

— Видишь эту парочку? — спросил Сатурнин Главция. — Ручаюсь, готовят падение всех народных трибунов.

— Бессердечное старое дермо этот Скавр, — отозвался Главция. — Как он мог так говорить о своем собственном сыне?

Сатурнин презрительно оттопырил губу:

— Потому что семья значит куда больше, чем отдельные люди, ее составляющие. И все же это была блестящая тактика! Он всем показал, что его семья обладает мужеством! Его сын чуть не лишил Рим легиона, но никто не осмелится теперь осуждать ни Марка Эмилия, ни его семью.

К середине сентября тевтоны прошли через Аравсион и приблизились к месту слияния Родана и Друенции. Решительность защитников римской крепости возрастала.

— Хорошо, — сказал Гай Марий Квинту Серторию, когда они все осмотрели.

— Солдаты ждали этого мига долгие годы, — сказал Серторий.

— И не боялись?

— Они верят, что ты приведешь их к победе, Гай Марий.

Известие о неудаче при Триденте принес Квинт Серторий, который на некоторое время перестал маскироваться под кимбара. Он тайно встречался с Суллой и доставил от него письмо, в котором кратко описывались все события. В заключение Гая Мария информировали о том, что армия Катула Цезаря стала лагерем на зиму у стен Плаценции. Потом пришло письмо от Публия Рутилия Руфа из Рима, в котором тот описывал точку зрения Рима на события.

Думаю, это было твое личное решение — послать Луция Корнелия, чтобы он приглядел за нашим высокомерным другом Квинтом Лутацием. От всего сердца аплодирую тебе. Ходят самые разные слухи, но, кажется, никто не способен установить истину, даже «добраччики». Без сомнения, тебе уже все известно через Луция Корнелия. Позднее, когда все дела с германцами закончатся, я, пользуясь нашей дружбой, надеюсь получить истинную информацию. До сих пор я слышал лишь о мятеже, трусости, неумелом командовании и других военных преступлениях. Самое потрясающее — краткость и, если можно так выразиться, честность отчета Квinta Лутация. Но честен ли он? Так просто согласиться с его версией: увидел кимбров, понял, что Тридент — неподходящее место для сражения, поэтому развернулся и отступил, чтобы спасти армию, попутно разрушив мост и тем самым замедлив продвижение кимбров. Но за всем этим должно скрываться что-то еще. Так и вижу, как ты улыбаешься, читая эти строки.

Без консультов жизнь здесь остановилась. Мне было очень жаль Марка Эмилия. Думаю, и тебе тоже. Что делать, когда в конце концов понимаешь, что твой сын не достоин носить родовое имя? Но скандал быстро заглох — по двум причинам.

Первая — все глубоко уважают Скавра, независимо от того, любят они его или нет. Вторая причина — значительно более сенсационная. Хитрый старый пердун дал пищу новым толкам. Он женился на невесте своего сына, Цецилии Метелле Далматике, опекуном которой является Метелл Нумидийский Свинка. Ей — семнадцать лет! Если бы это не было так смешно, я бы заплакал. Хотя я не видел ее, говорят, она довольно мила. Правда, трудновато поверить, что из того стойла может выйти такое, но я верю. Нужно видеть Скавра — ты бы похихикал. Он положительно ходит гоголем. Я серьезно подумываю о том, чтобы поискать в престижных школах Рима девицу брачного возраста — для себя!

Этой зимой у нас ожидается серьезная проблема с зерном. О старший консул, я говорю это, чтобы напомнить тебе о твоих обязанностях, выполнить которые тебе помешали германцы. Однако я слышал, что Катул Цезарь вскорости оставит

Суллу командовать в Плаценции и на зиму возвратится в Рим. Относительно тебя — новостей никаких. После событий в Триенте позиции твои окрепли — очень вероятно, что тебя выдвинут в консулы на следующий год в твое отсутствие. Но Катул Цезарь уже не будет откладывать выборы и ждать, пока ты встретишься с германцами. Наверное, ему очень тяжело.

С одной стороны, в интересах Рима он надеется, что ты одержишь великую победу. А уже лично ради себя — что ты шлепнешься на свою крестьянскую задницу. Если ты победишь, Гай Марий, то, конечно, будешь консулом на следующий год. Кстати, это был умный ход — освободить Мания Аквилия, чтобы он выставил свою кандидатуру на консула. На выборщиков это произвело огромное впечатление: он приехал, объявил о своем намерении баллотироваться в консулы, а потом очень твердо заявил, что отправляется назад, к тебе, чтобы сражаться с германцами. Даже если не успеет в Рим на выборы и его выберут из списка. Если ты разгромишь германцев, Гай Марий, и немедленно пришлешь сюда Мания Аквилия, у тебя будет младший коллега, с которым ты действительно сможешь работать.

Гай Сервiliй Главция, сбутыльник твоего «почти клиента» Сатурнина — признаюсь, недобродое замечание! — объявил, что он будет баллотироваться в народные трибуны. Вот будет огромный пущистый серый кот среди голубей! Кстати, о

Сервiliях и возвращаясь к дефициту зерна. Сервiliй Авгур продолжает бездействовать в Сицилии. Он действительно ожидал, что Лукулл покорно передаст ему все, чего с таким трудом достиг. Теперь в каждый базарный день Палата получает письмо. Кишечник любителя спив не работает с такой регулярностью. В эпистолах Сервiliй Авгур жалуется на свой жребий

и все повторяет, что привлечет Лукулла к суду сразу по возвращении в Рим. Рабский царь умер — Сальвий или Трифон называл он себя. Теперь избран другой, азиатский грек по имени Афинион. Он умнее Сальвия-Трифона. Если Маний Аквилий станет твоим младшим консулом, его можно было бы направить на Сицилию и покончить с этой проблемой раз и навсегда.

На данный момент Сицилией правит «царь» Афинион, а не Сервiliй Авгур.

Однако мои стенания по поводу беспорядков на Сицилии — чисто языковые упражнения.

А ты знаешь, что этот презренный старый пердун имел наглость сказать на днях в Палате? Скавр (я говорю о нем), вероятно, переутомил свой детородный орган с молодой женой. «Сицилия, — ревел он, — стала Илиадой бедствий!» И после совещания все бросились к нему и стали приторно восхвалять его за такую удачную эпиграмму. Как тебе известно из моего предыдущего письма, это МОЯ удачная эпиграмма! Он, наверное, слышал, как я говорил ее. Сгинул бы он весь!

Теперь о народных трибунах. В этом году состав трибуна та был на редкость неудачным. Это одна из причин, почему (говорю это с содроганием) я рад, что Главция выставляет свою кандидатуру на следующий год. Рим — очень скучное место без одного-двух приличных скандалистов. Но здесь только что произошел один из самых странных инцидентов в трибунате, и слухи поползли по всему городу.

Около месяца назад в городе появились человек двенадцать-тринадцать, облаченных в удивительные одежды.

Сверкающие плащи разного цвета с вплетенными золотыми нитями, ниспадающие до земли, драгоценные камни на бородах, в ушах, в волосах, головы покрыты великолепными вышивками шарфа ми. У меня было такое ощущение, что я среди карнавального шествия. Они представились как посольство и попросили разрешения присутствовать на специальном заседании Сената. Но, быстро просмотрев их верительные грамоты, наш уважаемый помолодевший Скавр, принцип Сената, отказал им в аудиенции на том основании, что у них нет официального статуса. Они объяснили, что пришли из храма Великой Богини в Песинунте, что в Анатолийской Фригии. Они посланы самой Великой Богиней пожелать Риму удачи в его борьбе с германцами! Но почему, слышу я твой вопрос, Анатолийскую Великую Богиню должны беспокоить германцы? Мы все были в недоумении, и я уверен, что именно по этой причине Скавр отказался общаться с ряжеными.

Но никто не может знать, что у них на уме. Восточные люди такие мошенники, что каждый опытный римлянин, как только завидит их, крепко заезжает свой кошелек и сует его под мышку. Эти пришельцы расхаживают по Риму и раздают щедрые дары, словно их кошельки бездонны. Их лидер — роскошно эффектный экземпляр по имени Баттак. В глазах режет, когда смотришь на него, ибо он с головы до ног одет в одежды из чистого золота и носит на голове огромную золотую же корону. Я слыхал об одеждах из золота, но не думал, что когда-нибудь такое увижу, если только не отправлюсь в

путешествие, чтобы лицезреть царя Птолемея или царя парфян.

От роскошного Баттака женщины нашего глупого города лишились последнего ума. Их заворожил вид такого большого количества золота. Они потянули свои жадные ручки, чтобы поймать жемчуг или карбункуп, который может упасть с бороды или... ни слова больше! Я просто деликатно добавлю, что они не — повторяю, не — евнухи.

То ли потому, что его собственная жена оказалась в числе очарованных римлянок, то ли по другим, альтруистским, мотивам народный трибун Август Помпей появился на трибуне и объявил Баттака и его жрецов шарлатанами и обманщиками.

Он потребовал выдворить их из нашего честного города, посадив на ослов задом наперед, вымазав их смолой и вывалив в первых. Баттак яростно возражал против обличительной речи Августа Помпея и отправился жаловаться в Сенат. Несколько жен членов этого достойного учреждения, должно быть, тоже были заражены симпатией к послам Великой Богини, ибо Палата немедленно приказала Августу Помпею прекратить и впредь воздержаться от придиорок к этим важным персонам. Оптиматы из числа сенаторов взяли сторону Августа Помпея. Мол, не в компетенции Сената призывать к дисциплине народного трибуна в пределах Форума. Затем возник спор, можно ли считать Баттака и его людей послами или же все-таки нельзя. Никто не мог найти Скавра — думаю, он рылся в моих старых речах в поисках моих удачных эпиграмм или заглядывал под юбку своей жены в поисках чего-то еще, — не знаю.

Август Помпей продолжал, как разъяненный лев, обвинять с три буны римских матрон в алчности и непристойном поведении. После этого на трибуну взошел сам Баттак, сопровождаемый блестящими жрецами и не менее разряженными римскими матронами, которые вились вокруг него, как бродячие кошки возле торговца рыбой. К счастью, я был там — ты же знаешь, что такое Рим! Меня предупредили — впрочем, как и половину города — и я стал свидетелем ужасного фарса. Пьеса намного интереснее всего, что наш театрал Сулла мог увидеть в своем любимом театре. Разыгралась перепалка — увы, только словесная — между Баттаком и Августом Помпеем. Наш замечательный народный трибун настаивал на том, что его уважаемый оппонент — шарлатан. Баттак же утверждал, что достойный Август Помпей играет с огнем, ибо Великая Богиня не любит, когда оскорбляют ее жрецов. Сцена закончилась тем, что Баттак произнес чудовищное проклятие — он пожелал смерти Августу Помпею. На греческом, чтобы все поняли. Я подумал, что богине больше понравился бы фригийский.

А теперь — самая лучшая сцена, Гай Марий! Как только проклятие было произнесено, Август Помпей стал давиться и кашлять. Он с трудом сошел с трибуны, его проводили до дома, где он три дня провел в постели, слабея все более и более. И через три дня он умер! Протянул ноги и перестал дышать. Представляешь эффект, произведенный на всех — от Сената до женщин Рима! Теперь Баттак может ходить, куда ему вздумается, и делать, что захочет. Мужчины обходят его стороной, словно у него золотая проказа. Его бесплатно кормят, Палата передумала и официально признала его посольский статус (а Скавр все не показывается!). Женщины буквально висят на нем, а он улыбается и размахивает руками, благословляя их, и вообще держится, как Зевс. Я поражен, мне противно, меня тошнит... Главный вопрос — как Баттак сделал это? Было ли это действительное вмешательство богов или же какой-то неизвестный яд? Я уверен, что это яд. В таком случае я — скептик, если не отчаянный киник. Прощай.

Гай Марий посмеялся до колик в боку, а потом вернулся к своим германцам.

Четверть миллиона тевтонов перешли Друенцию восточнее того места, где она впадала в Родан, и устремились к римской крепости. Колонна растянулась на несколько миль, на флангах и в авангарде поставлены были сто тридцать тысяч воинов. Ее извивающийся хвост представлял собою повозки, скот, лошадей под присмотром женщин и детей. Стариков было совсем немного, еще меньше — старых женщин. Последняя группа повозок и животных отстала от основной колонны миль на двадцать пять. В первых рядах воинов шло племя амбронов — свирепых, гордых, доблестных.

Германские разведчики обнаружили римскую цитадель, но Тевтобод был уверен в победе. Вместо Рима они двинутся на

Массилию. А в Массилии — самом большом городе помимо Рима — они найдут для себя женщин, рабов, пищу, предметы роскоши. Ограбив и спалив этот город, они повернут на восток вдоль побережья и направятся в Италию. Тевтобод понимал, что Домициева дорога через Генавский перевал была в отличном состоянии, но все же считал, что путь вдоль побережья скорее приведет его в Италию.

На полях еще не был убран урожай, поэтому его вытоптали. Никому из германцев, даже Тевтободу, и в голову не пришло спасти зерно, которое можно было сжать и сохранить на предстоящую зиму. Повозки были полны провизии, отобранный у всех, кто попадался им на пути. А что касается потоптанного зерна, его могли жевать быки и лошади. Неубранные поля для них превратились в пастища.

Когда амброны достигли подножия горы, на которой стояла римская крепость, ничего не произошло. Марий не шевельнулся, а те не стали атаковать укрепление. Но Марий с его крепостью был своего рода психологическим барьером. Амброны остановились, остальные воины толпились позади них. Постепенно германцы собрались у горы в кучу, как муравьи. Прибыл сам Тевтобод. Сначала они пытались выманить римлян свистом, насмешками, проводя перед ними пленных, которые подверглись пыткам. Ни один римлянин не ответил, не вышел. Потом вся орда кинулась в атаку, просто фронтальным штурмом, который захлебнулся. Лагерь Мария укреплен был великолепно. Римляне метнули несколько пик в легко доступные цели, но больше ничего не предприняли.

Тевтобод пожал плечами. Его младшие вожди пожали плечами. Ну и пусть римляне остаются здесь! Это не имело значения. Поэтому германская орда обтекла подножие горы, как море большую скалу, и исчезла в южном направлении. Тысячи повозок скрипели следом в течение семи дней, каждая германская женщина и ребенок оглядывались на безмолвную цитадель. Римская крепость казалась безжизненной. Кавалькада с трудом продвигалась в сторону Массилии.

Но едва последняя повозка исчезла за горизонтом, Марий быстрым маршем двинулся следом — всеми шестью легионами. Тихо, дисциплинированно, в радостном предвкушении битвы.

Наконец-то! Колонна римлян незаметно обошла германцев, пока те громыхали по дороге от Арелата до города Аквы Сестиевы, откуда Тевтобод намеревался привести свое войско к морю. Переходя реку Арс, Марий занял идеальную позицию на ее южном берегу, на вершине отвесной скалы, и там зарылся, глядя сверху вниз на реку.

Амброны, все еще возглавлявшие колонну, подошли к броду, посмотрели наверх и увидели римский лагерь, сверкающий пиками и шлемами с плюмажем. Но это был обычный лагерь, легкая добыча. Не ожидая подкрепления, амброны бегом преодолели брод и с ходу атаковали. Вверх по склону.

Римские легионеры просто перешагнули через стену по всему фронту и стали спускаться навстречу орущей толпе неорганизованных варваров. Сначала они метнули свои копья — и довольно удачно. Потом вынули мечи, передвинули щиты со спины на грудь и ринулись в бой — как крепко сцепленные части одной гигантской машины. Едва ли один амброн уцелел, чтобы перейти брод обратно. Тридцать тысяч их, убитых, устлали склон скалы. А Марий почти не понес потерь.

Сражение длилось менее получаса. Еще за час убитые амброны были сложены, как крепостной вал, вдоль края брода. Предварительно с них было снято все: мечи, щиты, браслеты, нагрудные украшения, дротики, шлемы — иброшено в римский лагерь. Первое препятствие, которое должна будет преодолеть вторая волна германцев, — этот крепостной вал из своих же убитых. Теперь на противоположном берегу Арса кишили тысячи раздраженных тевтонов. Со смущением и гневом глядели они на огромную стену мертвых амбронов и на лагерь Мария на вершине скалы, вдоль стен которого тысячи упоенных победой римских солдат свистели, пели, дразнили германцев. Ибо это случилось впервые, чтобы римская армия перебила так много германцев.

Конечно, это лишь начало. Главная битва впереди. Но она обязательно будет! Чтобы завершить тщательно продуманную операцию, Марий выделил три тысячи лучших воинов и в тот же вечер послал их под командованием Мания Аквилия, чтобы они перешли реку вниз по течению. Они должны были ждать начала главного сражения, а потом в самый разгар битвы напасть на германцев со спины.

Едва ли кто уснул той ночью, так велика была радость. Но на следующий день германцы атаковать не стали, и усталость здесь была ни при чем. Бездействие варваров обеспокоило Мария, который не хотел откладывать окончательное сражение. Ему нужна решающая победа, и он ее добудет. Но на противоположном берегу тысячи тевтонов встали неукрепленным лагерем. Разве что численность врага охраняла его плохо оборудованную стоянку. Тевтобод — такой длинный на своем низкорослом галльском коне, что его болтающиеся ноги почти шаркали по земле, — рыскал по броду в сопровождении дюжины младших вождей. Весь день он мучил бедного коня: вверх — вниз, туда — обратно. Две длинные светло-желтые косы спускаются на золотую нагрудную пластину, золотые крылья на шлеме блестят под солнцем. Даже с большого расстояния можно было разглядеть беспокойство и нерешительность на его лице.

Рассвет следующего утра, безоблачный, как и накануне, обещал жару. Скоро разлагающиеся тела амбронов начнут смердеть. В план Мария не входило оставаться на прежнем месте, пока болезнь не станет угрозой худшей, чем враг.

— Ладно, — сказал он Квинту Серторию. — Рискнем. Если они не атакуют, я навяжу им сражение. Выдем из лагеря и нападем на них. Мы потеряем преимущество: им не придется взбираться по склону, — но даже и в этом случае наши шансы лучше здесь, чем где-нибудь в другом месте. К тому же Маний Аквилий уже занял позиции. Труби в рог, собирая войско, я буду говорить с ним.

Это была обычная практика. Ни одна римская армия не начинала главного сражения без напутствия командира. Во-первых, это давало возможность увидеть военачальника в полном боевом снаряжении, во-вторых, это поднимало боевой дух. Наконец, это была единственная возможность для полководца рассказать каждому легионеру, каким образом он намерен победить. Сражение никогда не проходило строго по намеченному плану — все это понимали, но обращение командования давало солдатам понять, что от них требуется. И если в сражении случится замешательство, легионеры сами смогут принять решение.

Поражение амбронов подействовало ободряюще. Легионы стремились к победе, все были в отличной физической форме, оружие и доспехи начищены, снаряжение безукоризненное. Построенные на открытом месте посреди лагеря, ряды стояли, готовые выслушать Гая Мария. Они пошли бы за ним даже в Тартар — они обожали его.

— Вот и настал он, этот долгожданный день! — обратился к ним Марий с походной трибуны. — Вчера мы оказались слишком хороши, вот в чем дело. И теперь они не хотят драться! Тогда мы их так разозлим, что они будут готовы сразиться с легионами драконов! Мы перелезем через нашу стену и спустимся вниз, а потом станем раскидывать их мертвцев. Пинать их, плевать на них, мочиться на них, если понадобится! И будьте уверены, они перейдут этот брод, их будет больше тысяч, чем вы, неграмотные засранцы, можете сосчитать по единицам. И у нас не останется преимущества — мы не будем сидеть, как петухи на заборе. Нам предстоит встретиться с ними глазами, а это значит, что придется смотреть снизу вверх. Потому что они длиннее нас! Они — гиганты. Это вас страшит? Да?

— Нет! — рявкнули они в один голос. — Нет, нет, нет!

— Нет! — эхом повторил Марий. — А почему? Потому что мы — римские легионы. Мы следуем за серебряными орлами на смерть или на славу! Римляне — лучшие солдаты в мире! А вы — солдаты Гая Мария — лучшие солдаты Рима!

Они приветствовали его, и казалось, этому не будет конца. Их распирала гордость, слезы текли по лицам. Каждой клеточкой своей они были готовы сразиться.

— Отлично! Мы преодолеваем стену и начинаем упорный бой. Иного способа победить в этой войне нет. Надо поставить на колени этих сумасшедших дикарей. Будет бой! Он будет длиться, пока каждый дикарь не будет сбит со своих гигантских ног!

Он повернулся туда, где стояли шесть человек в львиных шкурах поверх доспехов (клыкастые пасти надеты на шлемы, когти лап сцеплены на одетой в кольчугу груди). Они стояли, держа древки штандартов. Шесть серебряных орлов с распростертыми крыльями.

— Вот они, ваши серебряные орлы! Эмблемы храбрости! Эмблемы Рима! Эмблемы моих легионов! Следуйте за орлами во славу Рима!

Даже в апогее такого восторга соблюдалась дисциплина. В полном порядке, не торопясь, шесть легионов Мария вышли из лагеря, спустились по склону, развернувшись, чтобы защитить свои фланги, поскольку место не подходило для кавалерии. Построившись серпом, они предстали перед германцами. Те начали требовать от Тевтобода сражения при первой же демонстрации презрения римлян по отношению к мертвым амбронам. Тевтоны перешли брод и бросились на легионеров, которые даже не шелохнулись. Первые ряды германцев пали от пик, брошенных с удивительной точностью, ибо солдаты Мария готовились к этому дню два года.

Сражение было долгим и утомительным, но ряды римлян были непробиваемы, и никто не мог вырвать серебряных орлов из рук знаменосцев. Тела германцев все нагромождались, присоединяясь к телам амбронов. Но враги все прибывали, переходя брод, чтобы заменить павших, пока Маний Аквиллий и его три тысячи солдат не зашли к ним в тыл и не уничтожили.

К середине дня тевтонов больше не было. Вдохновленные военными традициями Рима, ведомые великодушным полководцем, тридцать семь тысяч хорошо обученных и хорошо вооруженных римских легионеров вписали в военную историю Рима славные страницы. В двух сражениях при Аквах Сестиевых они разбили свыше ста тысяч германских воинов. Всемьдесят тысяч трупов прибавились к тридцати тысячам амбронов вдоль реки Арс. Очень немногие тевтоны остались в живых, предпочитая гордо умереть с незапятнанной честью. Среди павших был и Тевтобод. А победителям достались трофеи, несколько тысяч женщин и детей, семнадцать тысяч пленных воинов. Когда из Массилии нагрянули работогонцы, Марий передал вырученные за пленников деньги своим солдатам и офицерам, хотя по традиции выручка от продажи пленных принадлежала исключительно полководцу.

— Деньги мне не нужны, а они честно заработали их, — сказал он. И усмехнулся, вспомнив ту колоссальную сумму, которую массилийцы потребовали у Марка Аврелия Котты за судно, на котором он должен был доставить в Рим известие о событиях под Аравсионом. — Я так понимаю, что власти Массилии послали нам выражение признательности за спасение их честного города. Я отправлю им счет.

Он вручил Манию Аквиллию свой отчет для Сената и послал его в Рим.

— Доставь отчет и баллотируйся в консулы. Только не откладывай, — напутствовал он.

Маний Аквиллий не стал ничего откладывать. За семь дней он доехал по суше до Рима. Письмо было передано младшему консулу Квинту Лутацию Катулу Цезарю, чтобы тот огласил его на собрании Сената. Сам Маний Аквиллий отказался что-либо сообщить.

Я, Гай Марий, старший консул, считаю своим долгом сообщить Сенату и народу Рима, что сегодня в бою при Аквах Сестиевых, в римской провинции Заальпийская Галлия, легионы под моим командованием разбили всех германских тевтонов.

Убито германцев — сто тридцать тысяч, пленных — семнадцать тысяч мужчин, сто тридцать тысяч женщин и детей. Взято тридцать две тысячи повозок, сорок одна тысяча лошадей, двести тысяч скота. Я издал указ о том, что все трофеи, включая деньги от продажи пленных, должны быть поровну разделены между моими воинами. Да славится Рим!

Весь Рим точно с ума сошел от радости. На улицах плакали, танцевали, кричали, обнимались — все, от рабов до самых великих. И Гая Мария, в его отсутствие, снова выбрали старшим консулом на следующий год, а Мания Аквиллия — младшим консулом. Сенат объявил трехдневный праздник в честь Гая Мария, а народ прибавил еще два дня.

— Сулла намекал на это, — заметил Катул Цезарь Метеллу Нумидийскому после того, как шумиха улеглась.

— Ого! А ты не любишь нашего Луция Корнелия! Так на что он намекал, этот Сулла?

— Он что-то толковал о том, что самое высокое дерево в мире никто не сможет срубить. Везет Гаю Марии. Я не мог убедить свою армию идти в бой, а он побеждает целый народ и при этом почти не несет потерь, — мрачно промолвил Катул Цезарь.

— Ему всегда везло, — согласился с ним Метелл Нумидийский.

— Везет, и ничего больше? — решительно прервал их Публий Рутилий Руф, слышавший их разговор. — Отдайте же человеку должное, когда он заслуживает это!

Рутилий Руф писал Гаю Марии:

После этих моих слов им нечего было сказать. Как тебе хорошо известно, не нравится мне, что ты уже который год не слезаешь с консулского кресла. Да и некоторым из твоих более агрессивных друзей — тоже. Но признаюсь, мне становится противно, когда я вижу зависть и злобу в людях, которые должны бы быть выше этого. Эзоп очень остроумно охарактеризовал их: «Зелен виноград!» «Удача!» Человек — сам кузнец своей удачи. Мне хочется плюнуть, когда я слышу, как они призывают твою превосходную победу.

Ну, довольно об этом, иначе меня хватит удар. Кстати, о твоих агрессивных друзьях. Гай Сервилий Главция, избранный народным трибуном восемь дней назад, уже организует небольшой штурмик на Форуме. Он созвал свое первое собрание, чтобы обсудить новый закон, который предлагает обнародовать. Его намерение — перечеркнуть работу героя Толозы, Квинта Сервилия Цепиона, да продлится его ссылка на Смирну вечно! Не нравится мне этот человек. И никогда не нравился!

Главция намерен вернуть в компетенцию всадников суд за вымогательство. Отныне — если закон пройдет, на что я надеюсь, — государство сможет предъявлять иск о возмещении ущерба или о возврате присвоенного имущества или присвоенных денег. Итак, если прежде жадный губернатор мог отписать свои незаконные доходы своей тете Лиции или папе своей жены Луцию Блохастику, или даже своему сыну, то по новому закону Главции тетя Лиция, Луций Блохастик и сын должны будут все вернуть.

Я считаю, что закон справедливый, но куда ведут подобные законодательные инициативы, Гай Марий? Это дает государству слишком много власти, не говоря уже о том, что оно дает ему слишком много денег. Это порождает демагогов и бюрократов! Существует огромный стимул для занятия политикой — возможность обогатиться. И это нормально. Все ведь люди. Это простительно. Это можно понять. Вот за кем надо следить, так это за теми, кто идет в политику, желая изменить мир. Они-то и наносят реальный ущерб — власть предержащие и альтруисты.

Вредно думать сначала о других, потом уж о себе. Другие люди могут этого не заслуживать. Я говорил тебе, что я скептик? Ну что ж, я скептик. А иногда — немного киник.

Прошел слух, что ты скоро возвращаешься в Рим. Я не могу дождаться! Я хочу взглянуть на лицо Свинки в тот момент, когда он увидит тебя. Катул Цезарь был назначен проконсулом в Итальянскую Галлию, как ты, наверное, и ожидал. Он уже уехал к своей армии в Плаценцию. Берегись его. Он попытается, если сможет, украсть у тебя следующую победу. Надеюсь, твой Луций Корнелий Сулла, как и раньше, верен тебе — теперь, когда Юлия умерла и ваше родство закончилось.

Баттак и его сверкающие жрецы наконец-то сочли за благоразумное убраться домой. Стены разных высокорожденных матрон можно было слышать аж в Брундизии. Теперь мы принимаем у себя не такое внушающее трепет, но намного более зловещее посольство. Его прислал очень опасный молодой человек, которому удалось захватить большую часть территории Эвксинского моря — Царь Понтийский Митридат. Он хочет заключить договор о дружбе и союзе. Скаэр в опале. Почему бы?

Может ли это иметь какое-то отношение к энергичному лоббированию нашего дружественного союзника Битинии представителями царя Никомеда? Клянусь Поллуксом! Опять во мне заговорил скептик! Но пока еще не киник.

В заключение немного сплетен и личные новости. У уважаемого сенатора Марка Кальпурния Бибула родился сын и наследник, что невероятно обрадовало разных представителей рода Домицьев Агенобарбов и Сервилиев Цепионов. Хотя я заметил, что Кальпурний Пизони остался к этому событию равнодушен. Некоторым уважаемым старцам судьба выпала жениться на юных девах, вообще-то обычная их судьба — умирать. Наш литературный гений Гай Луций умер. Мне очень жаль, правда. Он, конечно, был невероятным занудой, но на бумаге он блестал остроумием! Мне также жаль — и совершенно искренне, — что скончалась старая сирийская предсказательница Марфа. Мне будет не хватать старой ведьмы. Свинка

пускал пену всякий раз, когда видел, как ее несли по Риму в ярком пурпурном паланкине. Твоя милая чудесная Юлия уверяет, что тоже скучает без нее.

Кстати, надеюсь, ты понимаешь, на каком сокровище ты женился. Не каждая жена будет горевать о смерти госты, которая приехала на месяц, а осталась на всю жизнь, особенно о гостью, которая считала вполне приличным плевать на пол и писать в бассейн с рыбками.

Закончу твоими словами. Как ты мог, Гай Марий? «Да славится Рим!», действительно! Какое зазнайство!

ГОД ДЕСЯТЫЙ (101 Г. ДО Н. Э.)
КОНСУЛЬСТВО ГАЯ МАРИЯ (V) И МАНИЯ АКВИЛИЯ
ГОД ОДИННАДЦАТЫЙ (100 Г. ДО Н. Э.)
КОНСУЛЬСТВО ГАЯ МАРИЯ (VI) И ЛУЦИЯ ВАЛЕРИЯ ФЛАККА

Сулла оказался прав. Кимбры совершенно не желали переходить Пад. Как коровы, пущенные на заливные луга, они с удовольствием паслись на восточной половине Италийской Галлии, по ту сторону Пада. Их окружали такие богатые сельскохозяйственные земли и пастища, что они не обращали никакого внимания на увещевания своего предводителя. Бойорикс остался в одиночестве. Он беспокоился. Получив известия о поражении тевтонов при Аквах Сестиевых, он совсем пал духом. А когда к этому еще прибавились вести о том, что тигурины, маркоманы и херуски испугались, повернули назад и отправились в свои родные края, Бойорикса охватило отчаяние. Военное превосходство римлян и стратегическая беспомощность германцев уничтожили великолепный план захвата Италии. И теперь Бойорикс усомнился в своей способности управлять кимбрами.

Он все еще считал, что они, самые многочисленные из трех группировок, могли бы и без посторонней помощи завоевать Италию. Но это возможно только при том условии, если Бойорикс сумеет внушить своему народу, что огромное значение для победы имеет чувство единого коллектива и индивидуальная дисциплина.

Всю следующую зиму после Акв Сестиевых он молчал, понимая, что ничего не сможет сделать, пока кимбрам не надоест это место или пока они не съедят здесь все подчистую. Поскольку кимбры не были крестьянами, второй вариант более вероятен. Однако нигде раньше не видел Бойорикс такого плодородия, такой возможности прокормиться. Если Италийская Галлия по ту сторону Пада была собственною Рима, не удивительно, что Рим такой могущественный. В отличие от Длинноволосой Галлии, здесь не было обширных лесов. Заботливо охраняемые дубовые рощи обеспечивали щедрый урожай желудей для многих тысяч свиней, пущенных зимой пастью среди деревьев. Остальная часть сельской местности была возделана: просо — там, где по берегам Пада земля была слишком болотистой, пшеница — где земля была достаточно сухой. И везде — нут и чечевица, люпин и горох. Даже когда весной не оказалось крестьян (все они находились в бегах или боялись сеять зерно), оно все равно всходило, потому что слишком много семян пролежало на земле всю зиму.

Но чего Бойорикс не понимал, так это физической структуры Италии. Будь иначе, он мог бы, скажем, объявить, что здесь, в Галлии, по ту сторону Пада, теперь будет новая родина кимбров. И если бы он сделал это, то Рим в конце концов дал бы свое согласие. Эта территория, по большей части населенная кельтами, не была для Рима жизненно важной. Ибо физическая структура Италии не позволяла самому полуострову Италия пользоваться невероятными богатствами долины реки Пад. Все реки текли с востока на запад, с запада на восток, и пугающая горная цепь Апеннин отделяла полуостров от Италийской Галлии на всем его протяжении. Фактически Италийская — Заальпийская — Галлия была отдельной страной, разделенной, в свою очередь, еще на две страны к северу от великой реки и к югу от нее.

Когда весна перешла в лето и стала проявляться голая земля, Бойорикс вновь начал подумывать о перемещении. Зерно действительно проросло само, без посредства человека, но всходы были редки и не собирались образовывать колосьев, стручков, розеток. Невероятно коварные и умные создания, свиньи, полностью исчезли, не потеряв ни единой хрюшки. И полумиллионные стада, приведенные кимбрами, вытоптали все, что не съели, превратив поля в засоренную кострой пыль.

Настало время двигаться дальше. Бойорикс ходил среди своих младших вождей и торопил их. Те, в свою очередь, тормошили народ. В результате в начале июля скот был собран в стадо, лошади осмотрены, повозки подтянуты. Кимбры, снова объединившись в одну большую массу, направились на запад вверх по течению, вдоль северного берега Пада — в более романизованные районы вокруг большого города Плаценции.

В Плаценции находилась римская армия, пятьдесят четыре тысячи солдат. Два легиона Гай Марий выделил Манию Аквилию, который в самом начале года ушел с ними на Сицилию — разбираться с рабом-царем Афенионом. Тевтоны были наголову разбиты, поэтому не обязательно было оставлять солдат, чтобы охранять Заальпийскую Галлию.

Ситуация в точности повторяла положение при Аравсионе: опять старшим командиром был «новый человек», а младшим — высокомерный аристократ. Но разница между Гаем Марием и Гнеем Маллием Максимом была огромна. «Новый человек» Марий не собирался выслушивать всякую чушь от аристократа Катула Цезаря. Катул Цезарю бесцеремонно указывали, что делать, куда идти и почему он должен делать это и идти именно туда. От него требовали одного: повиновения. Он точно знал, что произойдет, если он не подчинится. Потому что Гай Марий нашел время, чтобы сказать ему. Очень откровенно.

— Считай, что я провел черту, за которую ты не можешь переступить, Квинт Лутаций. Хоть одним пальцем заползи за эту черту — и я отправлю тебя в Рим так быстро, что ты сам не поймешь, как там очутился! — вот что сказал Марий. — Я не потерплю никаких цепионовских трюков! Скорее я предпочел бы иметь на твоем месте Луция Корнелия. И он мгновенно появится там, если ты переступишь эту черту хотя бы в мыслях. Понятно?

— Я не младший командир, Гай Марий, и не потерплю, чтобы со мной так обращались! — воскликнул Катул Цезарь. Лицо его покрылось малиновыми пятнами.

— Послушай, Квинт Лутаций, мне все равно, что ты там чувствуешь! — отозвался Марий преувеличенно терпеливо. — Меня заботит только то, что ты делаешь. А делать ты будешь то, что я тебе скажу, и ничего больше.

— Я не предвижу никаких трудностей, Гай Марий. Твои приказы точны и подробны, — проговорил Катул Цезарь, стараясь унять раздражение. — Но, повторяю, не обязательно разговаривать со мной так, словно я — нижний чин. Я — твой заместитель!

Марий неприятно ухмыльнулся:

— Ты тоже мне не нравишься, Квинт Лутаций. Ты просто еще один из многих высокородных посредственостей, которые думают, будто обладают священным правом править Римом. С моей точки зрения, ты похож на человека, который не сумеет как следует управлять баром, сидя между публичным домом и мужским клубом. Поэтому так мы и будем сотрудничать. Я даю инструкции, ты следишь им буквально.

— Против воли, — сказал Катул Цезарь.

— Против воли, но буквально, — сказал Марий.

— Не мог бы ты быть потактичнее? — спросил Сулла Мария вечером того же дня. Он имел случай наблюдать, как Катул Цезарь целый час ходил взад-вперед, разражаясь тирадами в адрес Гая Мария.

— А зачем? — искренне удивился Марий.

— Потому что в Риме он кое-что значит, вот почему! А еще он значит кое-что и здесь, в Италийской Галлии! — раздраженно ответил Сулла. Он посмотрел на упорствующего Гая Мария и покачал головой. — О, ты невыносим! И становишься все невыносимее. Клянусь!

— Я уже старый, Луций Корнелий. Мне уже пятьдесят шесть. Такого же возраста, как и принцепс Сената, которого все называют стариком.

— Это потому, что наш принцепс — лысый, морщинистый старожил Форума. А ты — бодрый, полный сил командующий на поле битвы. Никто не считает тебя стариком.

— Я слишком стар, чтобы охотно терпеть таких дураков, как Квинт Лутаций. Есть пословица: «На своей навозной куче и петух храбрец». Так вот, я не намерен приглаживать перышки таким петухам, чтобы они продолжали считать себя храбрецами.

— Потом не говори, что я тебя не предупреждал, — сказал Сулла.

Ко второй половине июля кимбры собирались в долине у подножия западных Альп, на Рыжих полях, недалеко от небольшого города Верцеллы.

— Почему здесь? — спросил Марий Квinta Сертория, который то смешился с кимбрами, то покидал их, пока они уходили на запад.

— Если бы я знал, Гай Марий! Мне никогда не удавалось попасть в окружение Бойорика. Кимбры, кажется, думают, что они возвращаются домой, в Германию, но два знакомых вождя считают, что Бойорикс все еще намерен двигаться на юг.

— Тогда он слишком далеко зашел на запад, — заметил Сулла.

— Мои приятели полагают, что он пытается успокоить людей, заставив их верить, будто скоро они перейдут Альпы и возвратятся в Длинноволосую Галлию, а на будущий год уже будут дома. Но Бойорикс собирается держать их в Италийской Галлии достаточно долго, пока не закроются альпийские перевалы. Тогда он поставит их перед выбором — остаться в Италийской Галлии и голодать всю зиму или вторгнуться в Италию.

— Это очень хитрый маневр для варвара, — скептически заметил Марий.

— Вторгнуться в Италийскую Галлию трезубцем — тоже не похоже на стратегию варвара, — напомнил ему Сулла.

— Они как стервятники, — вдруг сказал Серторий.

— Почему? — нахмурился Марий.

— Они обгладывают кости дочиста, Гай Марий. Поэтому они и кочуют с места на место, мне кажется. Или, может быть, их лучше сравнить с саранчой. Они съедают все, что попадается на глаза, а потом летят в другое место. Эдуям и амбаррам понадобится лет двадцать, чтобы восстановить разрушения после того, как германцы погостили у них четыре года. Да и атуатуки выглядели довольно бледно, когда я уезжал оттуда.

— Тогда как же германцам удалось оставаться на своих родных землях так долго? — спросил Марий.

— Во-первых, их было меньше. У кимбров был огромный полуостров, у тевтонов — вся земля к югу от полуострова, тигурины обитали в Гельветии, херуски — вдоль реки Визургис в Германии, а маркоманы — в Бойгеме, — объяснил Серторий.

— Климат другой, — сказал Сулла, когда Серторий замолчал. — К северу от Рена дожди идут круглый год. Поэтому трава растет очень быстро, она сочная, сладкая, нежная. И зимы не морозные. Даже в глухую зимнюю пору у них больше дождя, чем снега и льда. Поэтому они могут ничего не выращивать, а только пасти скот. Не думаю, что германцы живут так, потому что таковы по природе. Это их земля диктует им образ жизни.

Марий посмотрел исподлобья:

— Значит, ты считаешь, если, например, они достаточно долго проживут в Италии, то научатся земледелию?

— Без сомнения, — сказал Сулла.

— Тогда нам лучше этим летом вступить с ними в последнее сражение и покончить — и с войной, и с ними. Почти пятнадцать лет Рим живет под нависшей над ним тенью германцев. Я не смогу засыпать спокойно, если моя последняя мысль перед сном будет о полумиллионе германцев, бродящих по Европе в поисках Элизиума, который они оставили где-то к северу от Рена. Миграция германцев должна быть окончательно остановлена. И единственный способ это сделать — оружием.

— Согласен, — сказал Сулла.

— Я тоже, — кивнул Серторий.

— У тебя есть где-нибудь ребенок от кимбридки? — спросил Марий Сертория.

— Есть.

— Ты знаешь, где?

— Да.

— Хорошо. После того как все закончится, можешь отвезти ребенка и мать, куда захочешь, даже в Рим.

— Спасибо, Гай Марий. Я отошлю их в Верхнюю Испанию, — сказал Серторий, улыбаясь.

Марий удивился:

— В Испанию? Почему в Испанию?

— Мне там понравилось, когда я учился быть варваром. Племя, в котором я жил, присмотрит за моей германской семьей.

— Хорошо! А теперь, друзья, посмотрим, как нам навязать кимбрам сражение.

И Марий решился на сражение. Был назначен день — последний день июля. Он был назначен официально, на встрече Мария и Бойорика. Ибо Марий был не единственным, кому надоели годы нерешительности. Бойорикс тоже желал, чтобы это поскорее кончилось.

— Победителю достанется Италия, — сказал Бойорикс.

— Победителю достанется весь мир, — уточнил Марий.

Как и при Аквах Сестиевых, Марий сражался пехотой. Его малочисленная кавалерия защищала два массивных крыла пехоты. Они состояли из его собственных войск, которые находились в Заальпийской Галлии. Между ними Марий поставил Катула Цезаря и его двадцать четыре тысячи еще не очень опытных легионеров. Ветераны на флангах будут их поддерживать, вселять в них уверенность. Сам Марий командовал левым крылом, Сулла — правым, а Катул Цезарь — центром.

Сражение началась пятнадцатитысячной кавалерии кимбров, великолепно одетая и вооруженная, на огромных северных конях, а не на маленьких галльских лошадках. На каждом великанине-варваре — высокий шлем в виде головы мифического чудовища с раскрытым пастью и огромными прямыми перьями по бокам, что еще больше увеличивало рост всадника. Грудь прикрыта железной пластиной, на руке — круглый белый щит. Вооружение германцев составляли длинные мечи и тяжелые копья.

Всадники ехали по четверо в ряд, растянувшись почти на четыре мили. За ними шла пехота. Когда они бросились в атаку, то повернули вдруг вправо и увлекли за собой римлян. Они старались потеснить римлян как можно ближе к их левому флангу, чтобы пехота кимбров могла обойти фланг Суллы и напасть на римлян сзади.

Легионы так стремились схватиться с врагом, что план германцев почти удался. Тогда Марий остановил свои войска и принял главный удар кавалерии на себя, предоставив Сулле отбить первую атаку пехоты кимбров. Катул Цезарь в центре сражался и с теми, и с другими.

Подготовленность, натренированность римлян, их хитрость дали возможность римлянам победить при Верцеллах. Марий начал сражение до полудня, и таким образом войска его были обращены лицом на запад. Утреннее солнце светило в глаза кимбрам, которым это, разумеется, мешало. Привыкшие к более прохладному климату и позавтракав, как обычно, очень плотно

— мясом, они сражались с римлянами под безоблачным небом и в удушающей пыли. Для легионеров такое неудобство было мелочью, но германцы чувствовали себя, как в раскаленной печке. Они падали тысячами. От жары у них пересыхало в горле, снаряжение горело на теле, точно пропитанная ядом рубашка Геркулеса. Шлемы раскалились, мечи сделались неподъемными.

К полудню войска кимбров уже не было. Восемьдесят тысяч их пали на поле боя, включая и Бойорика. Остальные убежали к повозкам — предупредить женщин и детей и перевезти все, что можно, через Альпы. Но пятьдесят тысяч повозокельзя не увезти быстро. Да и полмиллиона голов скота и лошадей собрать за час-два невозможно. Те, кто находился ближе всех к альпийским перевалам «Прощание Салассов», — спаслись. Остальным не удалось. Многие женщины, отвергая самую мысль о плене, убивали себя и детей, а некоторые даже разили убегавших воинов. И все равно после этой битвы в рабство были проданы шестьдесят тысяч женщин и детей и двадцать тысяч воинов.

Тем, кто ушли за перевал «Прощание Салассов» в Заальпийскую Галлию, пришлось иметь дело с кельтами. Аллобрги с большим удовольствием атаковали разбитых германцев. Может быть, тысячи две кимбров наконец воссоединились с теми шестью тысячами воинов, что оставались среди атакующих. И там, где в реку Моза впадала Сабис, последние остатки великого кочевья осели навсегда и со временем стали называть себя атакующими. Только огромные богатства их предков напоминали им о том, что некогда они были грозным германским племенем, насчитывающим более семисот пятидесяти тысяч человек. Но сокровищами они больше не распоряжались, лишь охраняли их от римлян.

На совет, который Марий созвал после битвы, Катул Цезарь явился готовый к новой войне, но другого рода. И... нашел Мария смягчившимся, любезным, готовым исполнить любую его просьбу.

— Дорогой мой, конечно, ты получишь свою долю триумфа! — сказал Марий, хлопнув его по спине. — Забирай две трети добычи! В конце концов, мои люди уже получили свое после Акв Сестиевых, а я вдобавок раздал им деньги от продажи пленных. Поэтому они закончили кампанию богаче твоих людей — разве что ты тоже отдашь им свою выручку за рабов... Нет? Ну, это же понятно, дорогой мой Квинт Лутаций! — сказал Марий, сунув ему в руки блюдо с едой. — Дорогой мой, я и не думал приписывать себе всю заслугу! Зачем? Ведь твои солдаты боролись так же умело и с таким же энтузиазмом! — сказал Марий, забирая у него блюдо с едой и заменив его бокалом с вином. — Садись, садись! Сегодня великий день! Я не смогу уснуть!

— Бойорикс мертв, — удовлетворенно улыбался Сулла. — Все закончилось, Гай Марий. Определенно закончилось.

— А что твоя женщина с ребенком, Квинт Серторий? — спросил Марий.

— В безопасности.

— Хорошо. Хорошо! — Марий оглядел всех присутствующих в командирской палатке. Казалось, даже его брови ликовали. — И кто хочет доставить известие в Рим? — спросил он.

Ответили десятка два голосов. Еще больше промолчали, но лица говорили красноречивее слов. Марий оглядел всех по очереди, и, конечно же, его взгляд остановился на том, кого он выбрал уже давно.

— Гай Юлий, ты выполнишь это поручение. Ты — мой квестор, но у меня есть большие основания послать именно тебя. Ты — часть нас, высшего командования. Мы должны остаться в Италийской Галлии, пока все не уляжется. Но ты к тому же шурин Луция Корнелия и мой. В наших детях течет и твоя кровь. А Квинт Лутаций — один из Юлиев Цезарей по рождению. Так что очень хорошо, что один из Юлиев Цезарей доставит в Рим весть о победе. — Он повернулся к присутствующим. — Это справедливо? — спросил он.

— Справедливо! — ответили все хором.

* * *

— Какой чудесный способ войти в Сенат! — сказала Аврелия, не в силах отвести глаз от лица Цезаря. Как он загорел, совсем стал мужчиной. — Теперь я рада, что цензоры не приняли тебя до службы у Гая Мария.

Он все еще находился в приподнятом настроении, все еще переживал те славные мгновения, когда Сенат воспринял известие. Письмо Мария — из рук в руки, от Цезаря к принцепсу... Угрозы германцев больше не существует! Аплодисменты, крики... Сенаторы танцевали, сенаторы плакали. И Гай Сервилий Главация, глава Коллегии народных трибунов, побежал, подхватив свою тогу, из курии к Форуму — чтобы с трибуны возвестить о победе. Такие заслуженные сенаторы, как Метелл Нумидийский и Великий Понтифик Агенобарб, торжественно обменялись рукопожатием, стараясь все-таки сохранить величественный вид.

— Это знамение, — сказал Цезарь своей жене, глядя на нее с дурманящим голову восхищением. Как она красива! Четырехлетнее проживание в Субуре на ней нисколько не отразилось. Она там была домовладелицей и сдавала в аренду квартиры в своем многоэтажном доме-инсуле.

— Когда-нибудь ты будешь консулом, — произнесла она уверенно. — Всякий раз, когда они будут вспоминать о нашей победе при Верцеллах, они вспомнят и о том, что это ты доставил известие в Рим.

— Нет, — возразил он, оставаясь справедливым. — Они сразу подумают о Гае Марии.

— И о тебе, — настаивала любящая жена. — Это твое лицо они увидели, это ты был его квестором.

Он вздохнул, устроился поудобнее на обеденном ложе и похлопал по пустующему месту возле себя.

— Иди сюда, — позвал он.

Сидя, как и полагается женщине, на стуле с высокой спинкой, Аврелия посмотрела на дверь столовой.

— Гай Юлий! — укоризненно воскликнула она.

— Да мы ведь одни, дорогая моя жена, и я не такой уж сторонник строгих правил. Не хочу, чтобы в первый же вечер моего пребывания дома нас разделял этот стол. — Он опять похлопал по ложу. — Иди, женщина! И немедленно!

Когда они поселились в Субуре, то сразу привлекли всеобщее внимание. Молодые супруги были любопытны решительно всем, кто жил на соседних улицах. Аристократы-домовладельцы — явление нередкое; но аристократы-домовладельцы в тех местах не жили. Гай Юлий Цезарь и его жена оказались редкими птичками и поэтому вызвали пристальный интерес. Несмотря на громадную территорию, Субура оставалась по сути дела многолюдной деревней, где обожали сплетни. Как говорится, хлебом не корми, только дай новую сенсацию.

Все предсказывали, что молодая пара проживет в Субуре недолго. Субура, этот ревностный нивелировщик притязаний и гордости, скоро разоблачит этих людей с Палатина. Какие истерики начнет закатывать эта госпожа! Как высокомерен и вспыльчив сделается господин! Ха, ха..! Именно так всегда и бывало в Субуре. И соседи пребывали в веселом ожидании.

Но ничего подобного не случилось. Они увидели, что госпожа не гнушалась сама делать закупки, не демонстрировала аристократического отвращения при виде какого-нибудь мужчины, который заговаривал с ней. Она не испугалась, когда местные женщины окружили ее на улице Патрициев и стали кричать, что она возвращалась на свой Палатин. А что касается господина, он истинный патриций: спокойный, вежливый, проявляет интерес ко всему, о чем ему говорят окружающие, всегда поможет составить завещание, договор об аренде, контракты.

Очень скоро эти пришельцы с Палатина завоевали уважение. В конце концов их даже полюбили. Многое в них было жителям Субуры в новинку. Например, их желание самим вести свои дела и не совать нос в дела чужие. Они никогда не жаловались, не критиковали. Только заговори с ними — и можешь быть уверен: в ответ тебе улыбнутся, будут вежливы, проявят интерес. Хотя поначалу казалось, будто они притворяются, но потом соседи поняли: Цезарь и Аврелия таковы на самом деле.

Для Аврелии это признание было значительно важнее, чем для Цезаря. Ведь это она занималась делами в Субуре, она

была хозяйкой инсулы. В первое время ей приходилось трудно, и только после отъезда Цезаря она поняла почему. Сначала она считала свои трудности результатом того, что дело это ей незнакомое и у нее нет опыта. Агенты, которые продали ей дом, предложили свои услуги. Они от ее имени будут собирать арендную плату и иметь дело с жильцами. Цезарь посчитал это хорошей идеей. И послушная жена согласилась. Спустя месяц после их переезда в дом она рассказала ему о жильцах.

— Такое разнообразие, даже не верится, — говорила она оживленно. От ее привычной сдержанности не осталось и следа.

Он решил подыграть ей:

— Разнообразие?

— На верхних этажах живут вольноотпущенники-греки, которые, кажется, стараются вести образ жизни своих прежних хозяев. Перебиваются кое-как и чаще держат при себе мальчиков, чем жен. Валяльщик сукна и его жена — римляне. Пастух с семьей... Ты можешь себе представить — пастух в Риме? Он приглядывает за овцами на Овчье поле, где они ждут, пока их купят на убой. Интересно, правда? Я спросила его, почему он не живет поближе к месту работы, а он сказал, что он и его жена родились в Субуре и не могли бы жить в другом месте. Кроме того, ему нравится ходить пешком на работу, — рассказывала она.

Но Цезарь нахмурился:

— Я не сноб, Аврелия, и все же не уверен, что тебе подобает самой разговаривать с твоими жильцами. Ты — супруга Юлия Цезаря и должна придерживаться определенных норм поведения. Никогда нельзя говорить с этими людьми повелительным тоном, тем более грубо, или совать нос в их дела. Но я скоро уеду и не хочу, чтобы моя жена заводила себе друзей среди едва знакомых людей. Ты должна быть чуть выше тех, кто арендует у тебя квартиры. Поэтому я рад, что агенты от твоего имени получают арендную плату и ведут все дела.

Лицо ее погрустнело, она посмотрела на него с испугом и, запинаясь, проговорила:

— Я... прости, Гай Юлий, я... я не подумала... Правда, я с ними почти не разговаривала. Просто думала, что будет интересно узнать, чем все они занимаются.

— Конечно, это интересно, — смягчился он, поняв, что отравляет ей удовольствие. — Расскажи мне еще что-нибудь.

— Еще есть грек, преподаватель риторики, с семьей. Римлянин — школьный учитель, тоже с семьей. Он хочет арендовать дополнительные две комнаты, соседние с его квартирой. Чтобы в этих помещениях заниматься с учениками. — Она быстро взглянула на Цезаря и добавила: — Это агенты мне сказали. — Так Аврелия впервые соглашала мужу.

— Это уже лучше, — похвалил он. — Кто еще у нас есть, любовь моя?

— Над нами живут странные люди. Торговец специями со своей страшно высокомерной женой. И изобретатель! Он холостяк, его квартира буквально завалена массой маленьких действующих моделей кранов, насосов, мельниц, — стала перечислять она, опять забыв об осторожности.

— Не хочешь ли ты сказать, Аврелия, что ты была в квартире холостяка? — спросил Цезарь.

И она опять соглашала с сильно бьющимся от страха сердцем:

— Нет, Гай Юлий, правда! Агент сказал, что будет лучше, если я буду сопровождать его при обходе, а заодно проверю, как они живут.

Цезарь расслабился:

— Понимаю! Конечно. И что же он изобрел, наш изобретатель?

— Большой частью тормоза и блоки, я так поняла. Он показал мне, как они работают, — на модели крана. Но у меня не технический ум — так он сказал — и боюсь, что все это не имело для меня никакого смысла.

— Очевидно, его изобретения приносят ему хороший доход, если он может себе позволить жить непосредственно над нами, — заметил Цезарь, чувствуя, что жена его рассказывала уже не так оживленно. Лишенный интуиции, он не мог догадаться, чья в этом вина.

— Блоки он изобретает по договору с литейным цехом, который производит работы для крупных строительных подрядчиков. А тормоза изготавливает сам где-то на этой улице неподалеку. — Она передохнула и перешла к описанию самых необычных жильцов. — Агенты сообщили мне, что целый этаж у нас занимают евреи. Им понадобился отдельный этаж, потому что они соблюдают очень много правил, которые, кстати, сами и придумали. Очень религиозные люди! Мы в их глазах просто моральные уроды. Они не работают по найму, потому что каждый седьмой день обязаны отдыхать. Странная система, правда? В Риме базарный день — каждый восьмой, а потом есть еще праздники... Но наши праздники никак не совпадают с праздниками у евреев. Поэтому они работают только по договорам. У них не бывает регулярной работы.

— Как необычно! — удивился Цезарь.

— Все они ремесленники и ученые, — продолжала Аврелия, стараясь не выдавать своей заинтересованности. — Один из этих людей — его зовут Шимон — искуснейший писец. Очень красивый почерк, Гай Юлий. Правда, красивый! Он пишет только по-гречески. Никто из них не знает хорошо латыни. Когда издатель или автор готовит специальное издание произведения, которое они хотят продать подороже, они идут к Шимону. У него четыре сына, и все учатся на писцов. Они посещают школу нашего учителя-римлянина, а также и свою религиозную школу. Шимон хочет, чтобы они говорили на латыни так же бегло, как на греческом, и на арамейском, и иудейском — кажется, он так сказал. Тогда у них в Риме всегда будет много работы.

— И все евреи — писцы?

— О нет, только Шимон. Есть один, который работает по золоту. Он берет заказы у торговцев из портика Маргарита. А еще у нас имеются портретный скульптор, портной, оружейник, текстильщик, каменщик и торговец бальзамом.

— Надеюсь, они не все работают на дому? — осведомился Цезарь с тревогой.

— Только писец и золотых дел мастер. У оружейника есть мастерская на Высокой дороге, скульптор арендует мастерскую на большой ферме на Велабре, а каменщик работает в портовой мастерской, недалеко от мраморных причалов. — Как ни старалась Аврелия скрыть свои чувства, глаза ее засияли. — Они очень много поют. Думаю, это религиозные песни. Очень странное пение, знаешь, восточное, немелодичное. Но это ведь лучше, чем детский плач.

Цезарь протянул руку, чтобы убрать локон, упавший ей на лоб. Что толку сердиться — она ведь совсем девчушка, всего восемнадцать лет.

— Я так понимаю, что нашим евреям нравится здесь жить? — спросил он.

— На самом деле всем нравится здесь жить, — ответила она.

В ту ночь, когда Цезарь заснул, Аврелия долго лежала рядом, пролив на подушку несколько слезинок. Ей и в голову не приходило, что здесь, в субурской инсуле, Цезарь будет ожидать от нее того же поведения, что и на Палатине. Неужели он не понимал, что в этих перенаселенных кварталах для женщин с Палатина не было никаких развлечений, любимых занятий? Нет, конечно, он не понимал. Он все свое время посвящал растущей карьере. Его дни проходили между судами, важными сенаторами, монетным двором, казначейством, разными аркадами и колоннадами, куда начинающий сенатор ходил учиться своей профессии. Мягкий, добрый и тактичный муж Аврелии почти здесь и не жил. Но Гай Юлий Цезарь по-прежнему считал свою жену исключительной.

Истина заключалась в том, что Аврелия хотела сама управлять своей инсулой, отказавшись от агентов. Поэтому она сама обошла всех своих жильцов на каждом этаже, поговорила с ними, познакомилась поближе. Они ей понравились. Она не понимала, почему не должна вести с ними дела лично, пока не поговорила с мужем и не осознала, что она — женщина особая и стоит высоко на пьедестале достоинства Юлиев. Ей никогда не позволял сделать что-то, что может скомпрометировать его семью. Ее собственный род был так же высок, и она ценила аристократизм и понимала его. Но чем же ей заполнить свои дни? Она не смела и подумать о том, что уже два раза соглашала мужу. Так, всхлипывая, она и заснула.

К счастью, ее дилемму временно разрешила беременность. Она стала спокойнее. Обошлось без традиционных неудобств: Аврелия находилась в расцвете здоровья и юности, в ней не было болезненности девушек старой патрицианской знати. Кроме этого, она взяла за правило каждый день ходить пешком, чтобы не сойти с ума от безделья. Громоздкая, как тумба, служанка Кардикса служила ей достаточно надежной защитой на улицах.

Еще до рождения их первого ребенка Цезаря откомандировали на службу к Гаю Марии. Он очень волновался, оставляя жену в последние недели беременности, такую уязвимую.

— Не беспокойся, со мной все будет хорошо, — сказала она.
— До родов обязательно поживи у своей матери, — наставлял он ее.
— Предоставь все мне, я справлюсь, — ответила она кратко.

Конечно, она не переехала к матери. Она родила в своей собственной квартире. И помогали ей не модные палатинские врачи, а лишь местная повитуха и Кардикса. Роды были легкими и быстрыми. Родилась девочка, еще одна Юлия, такая же светленькая и голубоглазая — великолепная, как и подобает всем Юлиям.

— Для краткости будем звать ее Лия, — сказала она своей матери.

— О нет! — воскликнула Рутилия, считая, что «Лия» — слишком просто и невнушительно. — А что, если Юлилла?

Аврелия решительно качнула головой:

— Нет, это несчастливое имя. Нашу девочку будут звать Лия.

Лия была слабенькая. Шесть недель подряд она все плакала и плакала, пока жена Шимона, Руфь, не решилась спуститься к Аврелии. Выслушав рассказ Аврелии о докторах, о волнующихся бабушке и дедушке Котта, о коликах и простуде, она презрительно фыркнула.

— У тебя ребенок голодный, — сказала Руфь с сильным греческим акцентом. — У тебя нет молока, глупая девочка!

— Да где же я поселю кормилицу? — спросила Аврелия, почувствовав огромное облегчение. Она сразу поняла, что Руфь говорила правду, но никак не могла сообразить, как ей убедить прислугу потесниться, пустив еще одного человека.

— Тебе не нужно искать кормилицу, глупенькая. В этом доме полно кормящих матерей. Не беспокойся, мы все дадим малышке молока.

— Я заплачу вам, — несмело предложила Аврелия, чувствуя, что тон ее не должен быть покровительственным.

— За что? Предоставь это мне, глупая. И я присмотрю за тем, чтобы все они сначала мыли свои соски! Малышка должна прибавить в весе, мы не хотим, чтобы она болела, — так сказала Руфь.

И у маленькой Лии появился целый дом кормилиц. Самые разные соски побывали у нее во рту, но ей это было безразлично — она питалась греческим молоком, еврейским, римским, испанским, сирийским. И стала поправляться.

Аврелия оправилась после родов и больше не испытывала страха по поводу плачущего ребенка. Без Цезаря стал проявляться истинный характер Аврелии. Для начала она сделала фарш из своих родственников по мужской линии, которых Цезарь просил присматривать за ней.

— Если ты мне будешь нужен, отец, я пришлю за тобой, — сказала она Котте твердо.

— Дядя Публий, оставь меня в покое! — сказала она Рутилию Руфу.

— Секст Юлий, отправляйся-ка ты лучше в Галлию! — ответила она старшему брату своего мужа.

После этого она посмотрела на Кардикса и радостно потерла руки.

— Наконец-то моя жизнь принадлежит мне! — воскликнула она. — Грядут некоторые перемены!

Она начала с собственной квартиры, где всем заправляли рабы, купленные после свадьбы. Они работали достаточно хорошо под руководством управляющего, грека по имени Евтих, поэтому у Аврелии не было веских оснований жаловаться на них Цезарю. Только теперь она поняла, что у них с мужем совершенно разные взгляды на вещи. Он был довольно рассеянным и некоторых вещей не видел вовсе, особенно в домашних делах. В течение одного лишь дня Аврелия добилась, чтобы слуги делали то, что велела она. Для начала она с ними поговорила, потом составила для них распорядок дня. Гай Марий был бы в восторге от ее речи — краткой, захватывающей откровенной, произнесенной тоном бывшего полководца.

— О-о-о-о! — только и сказал повар Мург управляющему Евтиху. — А я-то думал, что она — просто милая малышка!

Управляющий закатил свои красивые глаза под длинными ресницами:

— А как же я? Я-то думал, что нырну к ней в постель и утешу ее немного, пока Гай Юлий отсутствует! Вот незадача! Уж скорее я заберусь в кровать ко льву!

— Ты действительно думаешь, что у нее хватит духу потерпеть такие финансовые убытки, продав всех нас с плохими рекомендациями? — спросил повар Мург, дрожа при одной только мысли об этом.

— У нее рука не дрогнет распять нас, — сказал управляющий.

— О-о-о-о! — взвыл повар.

Уладив дело со слугами, Аврелия сразу занялась постоянцем, тоже живущим на первом этаже. Тот первый разговор с Цезарем о жильцах лишил ее решимости немедленно отделаться от этого субъекта. И в конце их разговора Аврелия не упомянула о нем, поняв, что муж ее не поймет. Но теперь, когда у нее развязаны руки, она будет действовать.

В другую квартиру на первом этаже войти можно было изнутри. Аврелия потребовалось бы для этого лишь пройти через двор. Однако подобное вторжение придаст ее визиту нежелательный фривольный оттенок, а этого она определенно не хотела. Поэтому она войдет к жильцу через входную дверь. Это означало, что она должна была выйти из своей квартиры на улицу Патрициев, повернуть направо и пройти мимо ряда магазинов, которые она сдавала в аренду, к таверне на перекрестке — вверх по улице. Оттуда ей предстояло повернуть направо, в Малую Субуру, и пройти вниз, мимо другого ряда магазинов, которые она тоже сдавала.

И вот наконец она подходит к входной двери второй квартиры, расположенной на первом этаже.

В квартире проживал знаменитый актер по имени Эпафродит — согласно бухгалтерским книгам, уже более трех лет.

— Скажи Эпафродиту, что хозяйка желает его видеть, — велела Аврелия привратнику.

Ожидая в гостиной — большой, как и в ее квартире, — Аврелия успела оценить ее состояние глазом эксперта и не удержалась от вздоха. Ни трещин, ни отбитых кусков штукатурки, ни отставшей краски. Гостиная была в лучшем состоянии, чем ее собственная. Совсем недавно она была отделана фресками — купидоны с ямочками на щеках держат в руках цветы и фрукты. По бокам фресок висели впечатительные пурпурные портьеры.

— Не верю! — проговорил хорошо поставленный голос на греческом.

Аврелия резко обернулась и оказалась лицом к лицу со своим жильцом. Он был значительно старше, чем можно было бы судить по голосу или по тому, как он выглядел на сцене.

Ему было за пятьдесят. Золотоволосый парик, тщательно подкрашенное лицо. Просторное платье из тирского пурпурса, вышитое золотыми звездами. И этот пурпур — в отличие от многих! — действительно был из Тира, блестящий, пурпурный до черноты, меняющий оттенок в зависимости от освещения — то синевато-сливовый, то интенсивно-малиновый. Только однажды Аврелия видела одежду из настоящего тирского пурпурса — когда была на вилле Корнелии, матери Гракхов, которая с гордостью демонстрировала мантию, взятую Эмилием Павлом у македонского царя Перселя.

— Чему ты не веришь? — спросила Аврелия также на греческом.

— Тебе, уважаемая! Я слышал, что наша хозяйка красива и обладает парой фиалковых глаз, но действительность

многочтимо превосходит то, что я воображал, глядя на тебя через двор! — заливался он. В его мелодичном голосе звучали женоподобные нотки. — Садись же, садись!

— Я предпочла бы постоять.

Он остановился, повернулся к ней, подняв тонкие, выщипанные брови.

— Так ты пришла по делу?

— Конечно.

— Чем могу помочь в таком случае? — осведомился он.

— Тем, что освободишь помещение, — сказала Аврелия.

Он так и раскрыл рот. Он так и покачнулся, схватился рукой за грудь. Выражение ужаса появилось на лице.

— Что?

— Даю тебе восемь дней, — спокойно продолжала домовладелица.

— Но ты не можешь! Я аккуратно вношу арендную плату. Я ухаживаю за этой квартирой, словно она моя собственная! На каком основании, госпожа? — возмущался он, теперь уже достаточно мужским голосом. Сквозь краску проступили явно мужские черты.

— Мне не нравится твой образ жизни, — пояснила Аврелия.

— То, как я живу, касается только меня! — возразил Эпафродит.

— Но не в тех случаях, когда я вынуждена растить детей, которые могут увидеть через двор такие сцены, каких не следует видеть даже мне. Не тогда, когда шлюхи обоих полов выходят во двор, чтобы продолжить свои занятия.

— Повесь на окна шторы, — посоветовал Эпафродит.

— Этого я делать не буду. Не удовлетворит меня и то, если ты занавесишь свои окна. У моих домашних есть не только глаза, но и уши.

— Мои извинения! Жаль, что ты такого мнения, но это ничего не меняет, — быстро промолвил он. — Я отказываюсь выехать.

— В таком случае я обращаюсь к приставам и выселяю тебя.

Используя свое актерское мастерство, он вдруг словно стал выше. Нависая над Аврелией, Эпафродит подошел к ней почти вплотную. Он был похож на Ахилла, прятавшегося среди женщин царя Ликомеда. Аврелия, впрочем, не испугалась.

— А теперь послушай меня, малышка. Я потратил целое состояние, делая это место таким, чтобы оно мне нравилось. И я не намерен покидать его. Если ты попытаешься позвать сюда приставов, я привлеку тебя к суду. Выдворив тебя из моей квартиры, я направлюсь прямо в трибунал к городскому претору и выдвину против тебя обвинение!

Ее фиалковые глаза словно издавались над ним. Она насмешливо улыбнулась.

— Попробуй! — ласково промолвила она. — Претора зовут Гай Меммий, он мой кузен. Однако сейчас нет времени для судебного процесса, поэтому тебе сперва придется обратиться к его помощнику. Он — новый сенатор, но я хорошо его знаю. Спроси, как его зовут, давай! Его зовут Секст Юлий Цезарь. Он — мой деверь. — Она отошла от актера и принялась рассматривать украшенные стены, пол, выполненный дорогой мозаикой. Такой роскошью не могла похвастаться ни одна арендованная квартира. — Да, все это очень красиво! Я рада, что в вопросах декоративного убранства ты проявил куда больше вкуса, чем при выборе знакомых. Но ты понимаешь, конечно, что любые усовершенствования на арендованной площади принадлежат домовладельцу, и что домовладелец ни по какому закону не обязан компенсировать их стоимость.

Через восемь дней Эпафродит выехал, осыпая проклятиями всех женщин на свете. Ему не удалось сделать то, что он намеревался: изуродовать фрески и выломать мозаику с пола. Аврелия наняла пару гладиаторов, чтобы те присутствовали в квартире, пока жилец не съедет.

— Хорошо! — молвила она, стряхивая пыль с рук. — А теперь, Кардикса, я могу поискать приличного жильца.

Существовало несколько способов сдать помещение. Домовладелец мог вывесить объявления на входной двери своего дома, на стенах своих магазинов, в банях, в общественных уборных, на любой стене жилищ своих друзей. А еще можно было просто передавать новость о сдаче помещения — устно. Поскольку инсула Аврелии имела репутацию особо надежной и безопасной, желающих нашлось много. Она сама разговаривала с каждым. Некоторые ей нравились; некоторым она чувствовала, что могла доверять. Находились и такие, которым она ни за что не сдала бы квартиру, даже если бы они были единственными претендентами. Но все равно никто не подходил. Поэтому она продолжала искать.

И только семь недель спустя она нашла идеального жильца. Всадник, сын всадника. Обеспеченный человек. Звали его Гай Матий. Он был того же возраста, что и Цезарь. А жена его была одного возраста с Аврелией. И даже поженились они почти в то же самое время, что и Цезарь и Аврелия. И девочка у них ровесница Лии. Жену звали Присцилла. Они занимались маклерством, заключали контракты. Отец Гая Матия жил со своей второй женой и младшими детьми в просторном доме на Квиринале. Аврелия тщательно навела справки, и когда сведения подтвердились, сдала Гаю Матию пустующую квартиру за десять тысяч денариев в год. Дорогие настенные фрески и мозаичный пол способствовали заключению контракта. А еще Аврелия обещала, что все свои будущие сделки будет оформлять только через фирму Матиев.

С этих пор — никаких агентов для сбора арендной платы. Отныне Аврелия намеревалась управлять своей инсулой сама. Все квартиры будут сдаваться с заключением письменного договора об аренде, который должен был возобновляться каждые два года. В договор были вставлены пункты о возмещении ущерба собственности, а также пункты, лишающие домовладельца права самовольно выселять жильцов.

Она превратила свою гостиную в офис, полный бухгалтерских книг. Из всех своих любимых занятий она сохранила лишь ткацкий станок. Вскоре она обнаружила, что быть домовладелицей очень трудно. Собрав все документы у прежних агентов, Аврелия увидела, что для всего были заведены особые свитки: для каменщиков, маляров, штукатуров, всех типов продавцов, свиток расхода воды, налогов, прав на землю, счета, рецепты. Она узнала, что большая часть доходов почти сразу же исчезает. Налог на воду, на канализацию, на каждое окно в инсule, на каждую дверь, выходящую на улицу, на каждый пролет лестницы. И хотя дом был построен на совесть, все время приходилось что-то ремонтировать. В списках ремесленников было несколько плотников.

Просмотрев даты, Аврелия нашла человека, который выполнял большую часть работ и жил здесь дольше всех. Она послала за ним и приказала ему снять деревянные экраны с балконов, загораживающие свет.

Это она намеревалась сделать с первого же дня, как въехала сюда. Аврелия очень хотела устроить сад и мечтала превратить заброшенный двор в оазис, который доставлял бы удовольствие всем жильцам. Но обстоятельства оборачивались против, начиная с Эпафродита, который также желал пользоваться двором. Сам Цезарь никогда не видел вечеринок Эпафродита. Актер был достаточно хитер, чтобы устраивать свои дебоши только в отсутствие господина. А Цезарь считал, что все женщины склонны преувеличивать.

Унылые, плотные деревянные экраны были зафиксированы между колоннами балконов верхних этажей. Поэтому никто из живших наверху не видел этого безобразия. Надо признать, что экраны загораживали от всех двор и помогали глушить постоянный шум, исходящий из каждой квартиры. С другой стороны, эти щиты превращали световой колодец в раскаленную печку высотой в десять этажей, а двор — в такую же ужасную раскаленную плиту. И в результате верхние этажи оставались почти без света и свежего воздуха.

Итак, как только Цезарь уехал, Аврелия послала за плотником и приказала ему снять все экраны. Он посмотрел на нее так, словно она с ума сошла.

— В чем дело? — с удивлением спросила она.

— Госпожа, через три дня вы по колено будете в деръме. По пояс — во всем том мусоре, который они захотят выбросить, от дохлой собаки до мертвой бабушки.

Аврелия почувствовала, как горячая волна заливает ей лицо, даже уши запылали. Не неприкрыта правда слов плотника убивала, а ее собственная наивность. Дура, дура, дура! Почему она не подумала об этом? «Потому что, — ответила она себе, — хоть всю жизнь ходи мимо дверей дома, где живешь, но не будешь иметь ни малейшего представления о том, что происходит за этими дверями». Возраст и неопытность тут ни при чем. Привычка жить в особняке — вот в чем дело! Ее дядя Котта догадался бы о назначении этих деревянных щитов не быстрее, чем она.

Она стиснула ладонями пылающие щеки и бросила на плотника такой восхитительный, смущенный взгляд, что он потом мечтал о ней почти год, регулярно приходил, справлялся, не надо ли чего починить, и по крайней мере на сто процентов улучшил качество своей работы.

— Спасибо! — горячо поблагодарила она.

Выезд Эпафродита дал ей возможность приступить к устройству сада во дворе. А потом и новый жилец, Гай Матий, продемонстрировал, что тоже любит заниматься садоводством.

— Позволь мне помочь тебе! — умолял он.

Трудно было отказать. Тем более она столько времени потратила на то, чтобы найти этих идеальных жильцов.

— Конечно, ты можешь помочь.

Она получила еще один урок. Через Гая Матия Аврелия узнала, что одно дело — мечтать о красивом саде, но совсем другое — создавать его. Сама Аврелия ничего в этом не понимала, а Гай Матий — он-то понимал. Можно сказать, он был гений садоводства. Раньше вода из ванны Цезарей уходила в канализацию, а теперь по трубопроводу стекала в маленькую цистерну во дворе для поливки растений. Эти растения Гай Матий выращивал с поразительной быстротой — заимствовал, как он сообщил Аврелии, в основном из особняка своего отца на Квиринале, а также у других, у кого находился нужный куст или виноградная лоза, или дерево, или трава. Он знал, как привить слабое растение на сильный подвой. Знал, каким растениям нужен немного известны, а каким подходит обычай римская кислая почва. Знал, в какое время года сеять семена цветов, когда высаживать цветы в клумбу, подрезать ветки. За двенадцать месяцев двор превратился в тенистый сад, ползучие растения обвили решетки на колоннах, пробиваясь вверх, к клочку неба высоко вверху.

Однажды к Аврелии пришел Шимон, писец. На взгляд римлянки, он выглядел странно: длинная борода, кольца волос вокруг маленькой ермолки.

— Госпожа Аврелия, пятый этаж хочет попросить тебя об одолжении, — начал он.

— Если я смогу, Шимон, конечно, я сделаю, — серьезно ответила она.

— Мы поймем, если ты откажешься, потому что то, о чем мы просим, — это вторжение в твою собственность, — сказал Шимон, тщательно подбирая фразы, как делал, когда работал. — Но если мы дадим слово, что никогда не оскорбим твоего доверия, кидая вниз отбросы, то... можем ли мы снять с нашего этажа деревянные экраны? Мы могли бы дышать свежим воздухом и любоваться прекрасным садом.

Аврелия просияла:

— Я счастлива выполнить вашу просьбу! Но я никогда не прощу вам, если вы станете выбрасывать отходы из окон на улицу. Обещай мне, что весь мусор вы будете уносить через улицу в общественную уборную или выливать в канализацию.

Довольный, Шимон обещал.

На пятом этаже сняли экраны с балкона, хотя Гай Матий умолял оставить их там, где они закрывали колонны, так чтобы ползучие растения могли продолжать тянуться вверх. Еврейский этаж положил начало. Изобретатель и продавец специй на втором этаже тоже попросили разрешения снять экраны, а потом и четвертый этаж, и седьмой, и третий, и шестой, пока наконец не остались лишь муравейники вольноотпущенников на двух верхних этажах.

Весной, перед сражением при Аквах Сестиевых, Цезарь совершил молниеносное путешествие через Альпы с донесением для Рима. Его краткий визит закончился для Аврелии новой беременностью. В феврале она родила вторую девочку — опять у себя дома и опять с помощью лишь местной повитухи и Кардиксы. На это раз Аврелия уже знала, что молока у нее не будет. И вторую маленькую Юлию, которая потом всю жизнь будет недовольна приставшим к ней детским прозвищем «Ю-ю», немедленно приложили к дюжине сосков, рассеянных по разным этажам инсулы.

«Это очень хорошо, — писал Цезарь в ответ на письмо Аврелии, в котором она сообщала о рождении Ю-ю. — У нас теперь есть две Юлии, как и положено по традиции. На этом мы можем производство девочек прекратить. При следующих поездках с донесениями в Рим начнем делать мальчиков Юлиев».

Ее мать, Рутилия, сказала нечто похожее, желая утешить Аврелию по поводу рождения двух девочек подряд.

— Могла бы заранее догадаться, что бросаешь слова на ветер, — сказал ей Котта, довольный.

— Да, но!.. — раздраженно воскликнула Рутилия. — Честное слово, Марк Аврелий, дочь меня поражает! Когда я попыталась утешить ее, она удивленно вскинула брови и сказала, что ей абсолютно все равно, какого пола у нее дети, лишь бы они все были здоровы!

— Но она же замечательная мать! — возразил Котта. — Те из нас, кто может прокормить детей, уже не подкидывают новорожденных девочек, как это делали четыреста-пятьсот лет назад. Всегда лучше, когда мать рада рождению девочек.

— Конечно, лучше! Я и не спорю, — резко прервала его Рутилия. — Нет, меня бесит не ее спокойствие, а то, как она делает из меня дуру, пытаясь втолковать мне очевидное!

— Я люблю ее, — тихо засмеялся Публий Рутилий Руф, присутствовавший при разговоре.

— Ну конечно! — фыркнула Рутилия.

— Девочка хорошенькая? — спросил Руф.

— Она — совершенство! А чего ты ждал? У этой пары не получится урод, даже если они будут делать детей, стоя на головах, — отвечала Рутилия, задетая за живое.

— Ну-ну, кто это у нас истинная римская матrona? — упрекнул ее Котта, подмигнув Рутилию Руфу.

— Чтоб у вас все зубы повыпали! — воскликнула Рутилия, бросаясь в них подушками.

Вскоре после рождения Ю-ю Аврелия вынуждена была наконец заняться таверной на перекрестке. Она все откладывала решение этой проблемы. Таверна располагалась в ее инсуле, однако Аврелия не могла получать за нее плату, поскольку та считалась местом встреч религиозного братства. Это братство не имело своего храма, но тем не менее считалось официальным и было зарегистрировано в книгах претора по делам граждан.

Это заведение досаждало решительно всем. Казалось, в таверне и вокруг нее жизнь не замирала ни на миг, даже ночью. Некоторые из ее завседателей проворно сталкивали людей с тротуара, но при этом никогда не торопились прибирать с того же тротуара отходы.

Кардикса первой узнала черную сторону этого религиозного братства в таверне. Ее послали в лавку в доме Аврелии, чтобы купить мазь для попки Ю-ю. Войдя в помещение, Кардикса вдруг увидела, как двое бандитов прижали к стене хозяйку лавки. Это была старая женщина из Галатии — она знала толк во всяких снадобьях и лекарствах. Головорезы, издеваясь, спорили между собой, какой горшок или бутылку разбить сперва. Благодаря вмешательству Кардиксы ничего не было разбито — напротив,

крепкая служанка Аврелии здорово отделала обоих. После того как бандиты, выкрикивая проклятия, разбежались, она заставила перепуганную старуху рассказать ей все. Оказывается, хозяйка не могла заплатить за охрану лавки.

— Каждый владелец должен платить братству, чтобы ему и дальше позволяли заниматься торговлей, — рассказывала Кардикса Аврелии. — Мол, это плата за то, что они обеспечивают охрану лавочек от грабителей. На самом деле настоящий грабеж случается тогда, когда владелец им не заплатит. Бедная старая галатийка недавно похоронила мужа, как ты знаешь, госпожа, — и похоронила его достойно. Поэтому у нее сейчас нет денег.

— Все, хватит! — сказала Аврелия, готовая к войне. — Пошли, Кардикса, кончим этот вопрос раз и навсегда.

Она решительно вышла из дома. И у каждого из хозяев лавочек по улице Патрициев выспрашивала, сколько тот платит за охрану. От некоторых она узнала, что темные дела братства не ограничиваются ее магазинами. Поэтому она обошла всех соседей. Постепенно перед ней открылась поразительная картина вонющего вымогательства. Даже двух женщин, содержащих общественную уборную на противоположной стороне Малой Субуры, и тех заставляли платить братству проценты. Когда братство обнаружило, что эти женщины оказывали жильцам дополнительные услуги, собирая ночные горшки, опорожняя и отмывая их (этот доход работницы от «покровителей» скрывали), они перебили все горшки. Женщинам пришлось покупать новые. Бани по соседству с общественной уборной были частной собственностью — как и все бани в Риме. Здесь братство также установило плату. Иначе, пригрозили заправилы, посетителей утопят в воде.

К тому времени, как Аврелия закончила расспросы, она разгневалась так, что решила сперва пойти домой и успокоиться, прежде чем встречаться с братством в его логове.

— Я выгоню их из моего дома! — сказала она Кардиксе. — Из моего дома!

— Не беспокойся, госпожа Аврелия, мы дадим им хорошую взбучку, — утешала ее Кардикса.

— Где Ю-ю? — спросила Аврелия, переводя дыхание.

— Наверху, на пятом этаже. Сейчас очередь Ребекки кормить малышку.

Аврелия нервничала:

— Почему у меня нет молока? Как у высохшей старухи!

Кардикса пожала плечами:

— У некоторых женщин есть молоко, у других нет. Никто не знает почему. Не унывай из-за этого. Что тебя действительно должно беспокоить, так это братство и его делишки. Никто не отказывается давать Ю-ю молоко, ты ведь знаешь. Я пошлю служанку наверх попросить Ребекку ненадолго подержать Ю-ю у себя, а мы с тобой отправимся в таверну и выгоним этих негодяев.

Аврелия поднялась:

— Ну так покончим с этим раз и навсегда.

Таверна была плохо освещена. Но вот на пороге, на фоне светлого дверного проема, возникла Аврелия — в расцвете своей знаменитой красоты, которая не увядала всю ее жизнь. Шум сразу утих, но снова все зашумели, когда за спиной Аврелии замаячила Кардикса.

— Эта слониха поколотила нас утром! — послышался голос из мрака.

Скамьи заскрипели. Аврелия решительно вошла и встала посреди таверны, оглядываясь по сторонам. Кардикса за ее спиной держалась настороже.

— Где у вас главный, отребье? — требовательно спросила Аврелия.

В дальнем углу поднялся из-за стола худощавый мужчина — небольшого роста, лет сорока с небольшим. Без сомнения, римлянин.

— Это я, — сказал он, выходя вперед. — Луций Декумий, к твоим услугам, госпожа.

— Ты знаешь, кто я? — спросила Аврелия.

Он кивнул.

— Вы занимаете — без арендной платы! — жилую площадь, которая является моей собственностью, — сказала она.

— Эта площадь не принадлежит тебе, госпожа, — спокойно возразил Луций Декумий. — Она принадлежит государству.

— Нет, она не государственная, — возразила Аврелия и огляделась вокруг. Теперь ее глаза уже привыкли к тусклому освещению. — Это место портит репутацию моего дома. Вы совсем не следите здесь за чистотой. Я выселяю вас.

Все дружно ахнули. Луций Декумий прищурил глаза, насторожился.

— Ты не можешь нас выселить, — сказал он.

— Увидишь.

— Я буду жаловаться претору по делам граждан.

— Пожалуйста! Он — мой кузен.

— Тогда Великому Понтифику.

— Он тоже мой кузен.

Луций Декумий фыркнул — презрительно? Или насмешливо?

— Не могут же все в Риме быть твоими кузенами!

— Могут. — Аврелия грозно выдвинула вперед подбородок. — Не совершай ошибки, Луций Декумий! Будет лучше, если ты со своими головорезами уберешься отсюда!

Он стоял в раздумье. Разглядывал ее, почесывая подбородок. Где-то в глубине его ясных серых глаз притаилась улыбка. Потом он отступил и кивнул в сторону стола, за которым раньше сидел.

— Может, обсудим нашу проблемку? — спросил он, спокойный, как Скавр.

— Нечего обсуждать, — отозвалась Аврелия. — Вы освободите помещение.

— Фу-у! Всегда есть что обсудить. Прошу, госпожа, давай лучше сядем, — попытался подольститься Луций Декумий.

Аврелия почувствовала, что с ней происходит что-то ужасное. Ей началал нравиться Луций Декумий! Но это же смешно. И тем не менее это факт.

— Хорошо, — согласилась она. — Кардикса, встань за моим столом.

Луций Декумий подал ей стул, а сам уселся на скамью.

— Немного вина, дорогая госпожа?

— Конечно, нет.

— О-о...

— Ну?

— Что — ну? — спросил Луций Декумий.

— Это же ты хотел что-то обсудить, — напомнила она.

— Правильно. — Луций Декумий прочистил горло. — Так против чего именно ты возражаешь, госпожа?

— Против вашего присутствия под моей крышей.

— Ну-ну, это несколько расплывчатое заявление, не так ли? Я хочу сказать, мы ведь можем достигнуть некоторой

договоренности. Ты скажешь мне, что именно тебе не нравится, а я посмотрю, можно ли что-то сделать в этом отношении.

Аврелия начала перечислять, загибая пальцы:

— Ветхость помещения. Грязь. Кругом отбросы. Шум. Вы, кажется, считаете, что это помещение и прилегающая улица принадлежат вам. Но ни то, ни другое вам не принадлежит. А еще ваши мелкие делишки! Терроризируете хозяев лавочек, заставляя их платить вам, чего они не могут и не должны! Какое презренное занятие!

— Наш мир, госпожа, — Декумий наклонился через стол и серьезно посмотрел на Аврелию, — разделен на волков и овец. Это естественно. Если бы это было противоестественно, не было бы овец больше, чем волков. А мы знаем, что на одного волка приходится по крайней мере тысяча овец. Считай нас здесь волками. Но мы не такие плохие, как думают о волках. Куснем раз другой. Шеи не ломаем.

— Эта отвратительная метафора нисколько не повлияла на мое решение. Вы уедете отсюда.

— Голубушка! — воскликнул Луций Декумий, откидываясь назад. — Скажи мне... — Он быстро взглянул на нее. — Они все действительно твои кузены?

— Мой отец — бывший консул Луций Аврелий Котта. Мой дядя — консул Публий Рутилий Руф. Мой другой дядя — претор Марк Аврелий Котта. Мой муж — квестор Гай Юлий Цезарь. — Аврелия чуть вскинула голову, прикрыла глаза и самодовольно заключила: — И более того, Гай Марий — мой свояк.

— Ну а мой свояк — египетский фараон, ха-ха! — сказал Луций Декумий, запутавшийся в именах.

— Тогда советую тебе убираться домой, в Египет! — сказала Аврелия, нисколько не задетая этим неудачным сарказмом. — Консул Гай Марий действительно мой свояк.

— О да! Конечно, свояченица Гая Мария будет жить в инсуле на задворках Субуры! — продолжал упорствовать Луций Декумий.

— Эта инсула принадлежит мне. Это мое приданое, Луций Декумий. Мой муж — младший сын. Поэтому некоторое время мы будем жить в моей инсуле. А потом переселимся в другое место.

— И Гай Марий на самом деле твой свояк?

— До последнего волоска в его бровях.

Луций Декумий глубоко вздохнул:

— Мне здесь нравится. Так что нам лучше начать переговоры.

— Я хочу, чтобы вы все убрались отсюда.

— Послушай, госпожа, у меня ведь тоже есть некоторые права. Люди из этой таверны являются хранителями алтаря на перекрестке. На вполне законном основании. Ты, видимо, решила: раз все в Риме твои кузены, значит, и государство — твоя собственность? Если мы уедем, помещение займут другие, ведь так? Эта религиозная община на перекрестке, госпожа, вполне официальная, ее зарегистрировали в преторских списках. Раскрою, так и быть, маленькую тайну. — Он опять наклонился к ней. — Все мы, братья перекрестка, — волки! — Он резко вытянул шею, как черепаха из-под панциря. — А теперь, полагаю, можно прийти к соглашению, госпожа. Мы будем соблюдать здесь чистоту, слегка подкрасим стены, с наступлением темноты будем ходить только на цыпочках. Станем даже помогать старушкам переходить через дренажные и сточные канавы, прекратим вымогательство в округе — словом, превратимся в истинных столпов общества! Как тебе это нравится?

Как ни старалась Аврелия подавить улыбку, она все равно появилась в уголках губ.

— Знакомый дьявол всегда лучше, не так ли, Луций Декумий?

— Намного лучше! — тепло отозвался он.

— Не могу сказать, что хочу вновь пройти через это с другими. Очень хорошо, Луций Декумий. Даю тебе срок — полгода.

Аврелия встала и направилась к двери, Луций Декумий пошел за ней.

— Но даже мысли не допускай, что у меня духу не хватит отделаться от вас! — сказала она, выходя из таверны.

Луций Декумий шел с ней по улице Патрициев, легко освобождая для нее дорогу сквозь толпу.

— Уверяю, госпожа, мы будем истыми столпами общества!

— Но это очень трудно сделать без значительных средств, к которым вы привыкли, — сказала Аврелия.

— Это ничего! — оживленно отозвался Луций Декумий. — Рим ведь большой! Мы просто перенесем сферу нашей деятельности подальше, чтобы не беспокоить тебя. Виминал, Аgger, фабричные болота — множество мест... Не забивай свою прелестную головку проблемой Луция Декумия и его братьев священного перекрестка. С нами все будет хорошо.

— Это не ответ! Какая разница, кого вы терроризируете, — нас или каких-то других людей, в другом месте?

— Чего не видит глаз, не слышит ухо, о том и сердце не болит, — произнес он, искренне удивляясь ее упрямству. — Ведь это так, госпожа.

Тем временем они добрались до ее двери. Аврелия остановилась и посмотрела на него с сожалением.

— Уверена, что ты сделаешь все по-своему, Луций Декумий. Но чтобы я никогда так и не узнала, куда вы перенесли свои дела!

— Это будет секретом, госпожа, клянусь! Слеп, глух, нем!

Он протянул руку, чтобы постучать в дверь, которую подозрительно быстро открыл управляющий.

— А-а, Евтих, что-то я уже несколько дней не видел тебя в братстве, — ласково обратился к нему Луций Декумий. — Следующий раз, когда госпожа даст тебе выходной, жду тебя у нас, в общине. Мы там будем чистить все и слегка подкрасим, чтобы доставить удовольствие госпоже. Надлежит угодить свояченице Гая Мария, не так ли?

Евтих выглядел совсем несчастным.

— Конечно, — пробормотал он.

— А ведь ты кое-что утаиваешь от нас... Почему ты не сказал нам, кто твоя госпожа? — шелковым голосом осведомился Луций Декумий.

— За эти годы у тебя было время заметить, Луций Декумий, что я вообще никогда не говорю о своей семье, — важно ответил Евтих.

— Несносные греки, все они одинаковы! — Луций Декумий тряхнул своими прямыми каштановыми волосами. — Доброго тебе дня, госпожа. Очень рад был познакомиться. Если наше братство сможет в чем-то помочь, только скажи.

Когда дверь закрылась, Аврелия с каменным лицом обратилась к управляющему:

— Что ты хочешь мне сообщить?

— Госпожа, мне следовало быть среди них! — запричитал он. — Я — управляющий домовладельцев, они не посмели бы меня не принять!

— Ты понимаешь, Евтих, что за это я могу приказать выпороть тебя, — ровным голосом сказала Аврелия.

— Да, — прошептал он.

— Порка — установленное наказание, не так ли?

— Да, — снова прошептал он.

— Тогда тебе повезло, что я — жена своего мужа и дочь своего отца. Незадолго до смерти мой свекор, Гай Юлий, сказал, что никогда не мог понять, как семья может жить в одном доме с людьми, которых подвергают порке, будь это дети или рабы.

Однако существуют другие способы наказать за нелояльность и наглое поведение. Не думай, что я не готова понести убытки, продав тебя с плохой рекомендацией. Ты хорошо знаешь, что это означает. Вместо цены в десять тысяч денариев тебя продадут за тысячу сестерциев. И твой новый хозяин немилосердно будет пороть тебя, потому что тебя продали ему за бесценок как плохого раба.

— Я знаю, госпожа.

— Хорошо! Продолжай оставаться членом братства — я понимаю твое затруднительное положение. Хвалю тебя за благородное относительно нас. — Она хотела было уйти, но остановилась. — Этот Луций Декумий... чем он занимается?

— Он — смотритель нашей общины, — сказал Евтих, чувствуя себя еще более неловко.

— Ты что-то утаиваешь.

— Нет, нет!

— Ну-ка, выкладывай мне все!

— Но, госпожа, это лишь слухи. Никто не знает правды, понимаешь? Слышали, будто он это сам говорил. Хотя это могло быть просто хвастовством. Или просто чтоб напугать нас.

— Так что он говорил?

Управляющий побледнел:

— Он говорит, что он — убийца.

— Убийца! И кого же он убил?

— Мне кажется, он имеет в виду того нумидийца, которого несколько лет назад зарезали на Римском Форуме.

— Чудеса, да и только! — молвила Аврелия и ушла посмотреть, чем заняты ее дети.

— Ее, наверное, как-то по-другому делали, — только и сказал Евтих Кардиксе.

Огромная галльская служанка протянула руки и придавила плечо красавчика управляющего, как кошка прижимает лапой хвост мыши.

— Действительно, делали ее по-другому, — произнесла она, дружески тряхнув Евтиха. — Поэтому мы все должны присматривать за ней.

Вскоре после этого Гай Юлий Цезарь прибыл домой из Италийской Галлии с донесением Мария из Верцелл. Он просто постучал в дверь, и управляющий впустил его, помог внести вещи. И Цезарь отправился искать жену.

Аврелия была в дворовом саду — надевала на зреющие гроздья винограда маленькие кисейные мешочки. Услышав за спиной шаги, она даже не обернулась.

— Никогда бы не подумала, что в Субуре так много птиц, — проговорила она, не оборачиваясь. — Но в этом году я намерена поесть винограда. Посмотрю, помогут ли эти мешочки.

— Я тоже очень хочу попробовать винограда, — сказал Цезарь. Она резко обернулась, мешочки посыпались на землю.

— Гай Юлий!

Он протянул к ней руки. Она упала в его объятия. Никогда поцелуй не был таким нежным. А потом еще, еще, еще... Гром аплодисментов вернул их к действительности. Цезарь взглянул наверх, увидел, что на балконы высыпали все жильцы, и помахал им рукой.

— Большая победа! — крикнул он. — Гай Марий уничтожил германцев! Рим не должен больше их бояться!

Оставив жильцов радоваться и распространять новость по всей Субуре, прежде чем узнает об этом Сенат и народ Рима, Цезарь обнял Аврелию за плечи и прошел с ней в узкий коридор между гостиной и кухней. Кругом все было аккуратно, чисто, изящно и недорого отделано. Повсюду вазы с цветами. «Аврелия — прекрасная хозяйка», — удивленно думал Цезарь.

— Мне немедленно надо увидеть Марка Эмилия Скавра. Но я не собирался идти в его дом, пока не посещу свой. До чего хорошо дома!

— Это замечательно, — сказала она, дрожа всем телом.

— Будет еще чудеснее ночью, жена, когда мы начнем делать нашего первого мальчика! — сказал он, снова целуя ее. — О, как же я тосковал по тебе! Воистину, ни одна женщина с тобой не сравнится. А ванну можно принять?

— Я видела, как Кардикса побежала туда минуту назад, так что ванна уже наполняется. — Аврелия, вздохнув от удовольствия, прильнула к его груди.

— И как это тебе не тяжело следить за домом, воспитывать наших девочек и вообще присматривать за всем этим местом? Я знаю, ты всегда говоришь мне, что агенты берут слишком большие комиссионные, но...

— Ничего, Гай Юлий! Этот дом в полном порядке, а наши жильцы лучше всех, — твердо сказала она. — Я даже справилась с небольшой трудностью — таверной на перекрестке. Теперь это очень спокойное и чистое место. — Она засмеялась, радуясь тому, что так легко упомянула об этом. — Ты не представляешь, как все стараются помочь, как сразу хорошо себя ведут, едва узнают, что я — свояченица Гая Мария!

— Сколько цветов! — заметил Цезарь.

— Правда, красивые? Я получаю их через каждые четыре-пять дней.

Он прижал ее к себе:

— Так у меня появился соперник?

— Не думаю, что тебя это будет беспокоить, когда ты познакомишься с ним. Его зовут Луций Декумий. Он — убийца.

— Кто?

— Нет, любимый, я шучу, — успокоила она его. — Это он говорит, будто он убийца. Подозреваю — для поддержания своей власти над братьями. Он смотритель общины.

— Где он достает цветы?

Она тихо засмеялась:

— Дареному коню в зубы не смотрят. В Субуре все по-другому.

* * *

Публий Рутилий Руф информировал Гая Мария о событиях в Риме, произошедших сразу после того, как Цезарь доставил сообщение о победе.

В *здешнем* воздухе чувствуется что-то отвратительное, главным образом из-за того, что тебе удалось уничтожить германцев, а народ Рима настолько тебе благодарен, что, выставь ты снова свою кандидатуру на должность консула, тебя бы вновь избрали. Но у всех высокородных на устах слово «Диктатор», и граждане первого класса уже начинают вторить им. Я, конечно, знаю, что у тебя в клиентах ходят много влиятельных всадников и есть друзья среди граждан первого класса. Но ты должен понять: политическая структура Рима и все его традиции предназначены для того, чтобы подавлять желающих возвыситься над людьми высшего общества. Единственный допустимый Первый — это первый среди равных. После пяти сроков консульства, когда три из них были получены в твоем отсутствие, становится слишком понятно, что ты возвышаешься над твоей так называемой ровней. Скавр, конечно, возмущается, но с ним-то ты договоришься, если

потребуется. Нет, настоящее дермо на дне праздничного пунша — наш с тобой друг Свинка, умело поддерживаемый своим сыном-зайкой Поросенком.

Как только ты двинулся на восток от Альп, чтобы соединиться с Катулом Цезарем в Итальянской Галлии, Свинка и его Поросенок задались целью раздуть вклад Катула Цезаря в кампанию против кимбров выше всех разумных пределов. Так что когда пришла весть о победе под Верцеллами и Палата собралась в храме Веллоны, было уже много желающих послушать, что скажет Свинка.

Говоря коротко, он предложил отметить лишь два триумфа: твой — за Аквы Сестии и Катула Цезаря — за Верцеллы! Тот факт, что в сражении при Верцеллах главнокомандующим был ты, а не Катул Цезарь, совершенно игнорируется! Его аргумент — чисто юридический: участие принимали две армии, одна под командованием консула, то есть тебя, а другая — под командованием проконсула, то есть Катула Цезаря. Количество трофеев, сказал Свинка, к сожалению, невелико. Недостаточно, чтобы праздновать три триумфа. Поэтому, поскольку ты еще не отмечал свой триумф за Аквы Сестии, ты можешь это сделать сейчас, а Катул Цезарь отметит Верцелльский триумф.

Второй триумф за то же сражение, положенный тебе, был бы излишеством.

Луций Апулей Сатурнин вскочил и начал было возражать, но его заглушили криками, поскольку в этом году он не занимает государственных постов и, следовательно, не может заставить уважаемых сенаторов уделить ему внимание. В результате Палата проголосовала за два триумфа. Твой — только за Аквы Сестии, прошлогоднее сражение, поэтому менее важное. А Верцеллы — сражение нынешнего года и поэтому в глазах всех самое важное — представлены чуть ли не исключительной заслугой Катула Цезаря. Таким образом народу будут навязывать мнение, что ты не имеешь никакого отношения к поражению кимбров в Итальянской Галлии, что героям сражения был Катул Цезарь. Твоя собственная глупость отдала ему большую часть трофеев и все германские штандарты, захваченные на поле боя. Это окончательно решило вопрос. Когда у тебя хорошее настроение и твоя щедрость затмевает твой разум, ты совершаешь свои самые грубые ляпсы.

Не знаю, что ты можешь сделать по этому поводу. Все это было подготовлено заранее, подтверждено голосованием официально и записано в архивы. Меня душит гнев, но те, кто «делает политику» (как их называет Сатурнин), или «дебраки» (как их именует Скавр), одержали верх. Тебе не достичь заслуженного престижа. Много лет назад в Нуманции мы увековечили грязевую ванну, которую Метелл принял среди своих сотоварищей-свиней, навесив на него свиное прозвище. «Свинка» — вообще-то это словцо употребляют няни, говоря о гениталиях маленькой девочки. Я бы теперь сказал, что Метелл — гениталии не маленькой девочки, а вполне взрослой женщины. Что касается Поросенка, не может же он всю свою жизнь оставаться маленькой девочкой? Следовательно, и он — гениталии взрослой женщины. Ты знаешь это слово, нет нужды пачкать им пергамент.

Довольно, не то не миновать мне апоплексического удара. Закончу послание известием о том, что в Сицилии дела идут хорошо. Маний Аквиллий великолепно справляется со своими обязанностями, и это выставляет Сервилия Авгурра в совершенно невыгодном свете. Однако он выполнил обещанное — привел Лукулла к суду за измену. Лукулл настаивал на том, что сам будет себя защищать, но ничего хорошего из этого не вышло — из-за этих проклятых сопливых всадников. Он выступал на суде с замораживающим высокомерием. Присутствующие и судьи тотчас вообразили, что это высокомерие направлено против них. Еще один упрямый идиот, этот Лукулл. Естественно, его признали виновным! Думаю, единогласно. Жестокость приговора невероятна. Его изгоняют из Рима. Отныне он имеет право проживать на расстоянии не менее тысячи миль от Города, а это означает лишь два места — Антиохию или Александрию. Лукулл предпочел Птолемея Александрийского Грипу Антиохийскому. По решению суда у него конфисковано все — дома, земли, инвестиции, все имущество в городе.

Лукулл не стал ждать, пока его выдворят. Он даже не узнал, в какую же сумму оценили его имущество. Препоручил свою шлюху-жену заботам ее брата, Свинки — это ему небольшое наказание! — а старшего сына, шестнадцатилетнего и, с точки зрения государства, уже совершенолетнего, предоставил самому себе. Он не поручил своего одаренного сына Свинке!

Интересно, правда? Младшего, четырнадцатилетнего, усыновил Марк Теренций Варрон Лукулл.

Скавр говорил мне, что оба мальчика поклялись предъявлять иск Сервилию Авгурру, как только Варрон Лукулл сможет надеть тогу мужчины. Прощание их с отцом было душераздирающим, можешь себе представить. Скавр уверяет, будто Лукулл уедет в Александрию и там покончит с собой. И что оба мальчика в этом не сомневаются. Но важнее всего для Лициниев Лукуллов то обстоятельство, что всю эту боль и нищету навлек на них высокачка, «новый человек», Сервилий Авгур.

Вы, «новые люди», никогда не будете друзьями для сыновей Лукулла.

Во всяком случае, когда мальчики Лукулла будут достаточно взрослыми, чтобы вместе привлечь к суду Сервилия Авгурра, это будет уже другой суд — за вымогательство. Подготовленный другом Сервилием, довольно неясного происхождения, —

Гаем Сервилием Главцией. Клянусь Поллуксом, этот парень великодержавный законодатель! Система суда жесткая и непривычная, но работает. Конечно, суд опять находится в руках всадников, что не по душе губернаторам, но — искусный. Любой обвиненный этим судом нигде не может выступать публично. Люди с латинскими правами, успешно обвинившие преступника, становятся гражданами Рима. Теперь в процессе судопроизводства разрешается делать перерыв. Старая процедура суда ушла в прошлое. Показания свидетелей, как продемонстрировали несколько слушаний, теперь не столь важны, как выступления самих адвокатов. Великое благо великим адвокатам.

И — последнее, но не менее важное. У этого странного человека Сатурнина опять неприятности. Правда, Гай Марий, я боюсь за его рассудок. Нет логики. Я считаю, что он заразился от своего друга Главции. У обоих блестящий ум, но иногда они так непостоянны, словно выжили из ума. Или, может быть, принимая участие в общественной жизни, они просто не знают, чего хотят. Даже самый отъявленный демагог имеет перед собой цель и идет к ней. Он хочет чего-то определенного — стать претором или консулом. Но ничего подобного я в этой паре не вижу. Они ненавидят старый стиль правления, они ненавидят Сенат. Но не могут предложить что-то взамен. Может быть, они — то, что греки называют «анархистами»? Я ни в чем не уверен.

Есть еще новость. Недавно чаша весов склонилась не в пользу вифинского царя Никомеда. Дело касается понтийского царя Митридата. Наш молодой друг с восточных окраин Эвксина приспал послов. И достаточно умных послов, которые сразу же разглядели тайную слабость всех нас, римлян, — деньги! Не добившись успеха с петицией о заключении договора о дружбе и союзе, они принялись подкупать сенаторов! И те хорошо отблагодарили — у Никомеда появился повод к беспокойству, скажу я тебе.

Тогда Сатурнин появился на трибуне и стал проклинать всех тех в Сенате, кто готов был предать Никомеда и Вифинию в пользу Митридата и Понта. «У нас уже много лет договор с Вифинией, — сказал он, — а Понт — извечный враг Вифинии. Здесь деньги, конечно, сыграли роль, — сказал он, — и Рим собирается предать своего друга и союзника ради того, чтобы несколько сенаторских кошельков стали еще толще!»

Передают — сам я не был там и не слышал, — что он сказал что-то вроде: «Мы все знаем, как дорого может обойтись трясущимся старым сенаторам женитьба на резвых девицах, едва окончивших школу, не правда ли? Я хочу сказать, жемчужные ожерелья и золотые браслеты значительно дороже бутылки того тоника, который Тицин продает в своем киоске сластей. И кто может сказать, что резвая девица не является более эффективным тоником, чем тоник Тицина?» О-х-х! Он высмеял еще и Свинку, а потом обратился к толпе: «А что же наши парни в Итальянской Галлии?»

В результате несколько понтийских послов были избиты. Они пошли в зал заседаний Сената жаловаться. На что Скавр и Свинка привлекли Сатурнина к его же собственному суду, обвиняя его в сеянни раздора между Римом и аккредитованным посольством от иноземного монарха. В день суда наш народный трибунал Главция созвал собрание Народного собрания и обвинил Свинку в том, что он организует еще одно слушание, чтобы отдалиться от Сатурнина. Мол, раньше, будучи цензором, он не мог сделать этого, а теперь дорвался. И нанятые гладиаторы, которые, кажется, у Сатурнина всегда под рукой, окружили присяжных. Вид у них был такой, что присяжные предпочли не рассматривать иск. Понтийские послы быстро убрались домой без договора. Я согласен с Сатурнином: было бы гадко отказаться от нашего друга и союзника в пользу его традиционного врага только потому, что его враг теперь намного богаче и сильнее.

Все, заканчиваю, Гай Марий! Я же только хотел сообщить тебе о триумфах до того, как получишь официальное сообщение, с которым Сенат не будет спешить. Хотел бы я, чтобы ты что-то предпринял, но сомневаюсь.

— Так вот, значит, как! — угрожающе воскликнул Марий, закончив читать письмо. На ответное послание, совсем короткое, он потратил немало времени. Потом послал за Квинтом Лутацием Катулом Цезарем.

Катул Цезарь явился, полный энтузиазма, ибо курьер, который доставил Марию письмо от Рутилия Руфа, вручил письма и ему — от Метелла Нумидийского и от Скавра.

Катул Цезарь был разочарован, узнав, что Марию уже известно о двух триумфах. Катул Цезарь представлял себе, какое лицо будет у Мария, когда он услышит об этом. Но это было уже не столь важно. Триумф есть триумф.

— Я бы хотел вернуться в Рим в октябре, если ты не возражашь, — сказал Катул Цезарь, растягивая слова. — Я отмечу свой триумф первым, поскольку ты, как консул, не можешь уехать так рано.

— Я не разрешу тебе уехать, — весело ответил Марий. — Мы возвратимся в Рим вместе в конце ноября, как и планировали. Я только что отправил письмо в Сенат от имени нас обоих. Хочешь послушать? Я не заставлю тебя разбираться в моем почерке. Сам тебе прочитаю.

Он взял небольшой лист, расправил его и прочитал Катулу Цезарю:

Гай Марий, консул пятого срока, благодарит Сенат и народ Рима за проявленный интерес и внимание к празднованию триумфов — его и проконсула Квinta Лутация Катула. Я восхищен экономностью почтенных сенаторов, которые назначили всего по одному триумфу для каждого из римских военачальников. Однако непомерно высокая цена этой длинной войны беспокоит меня и Квinta Лутация даже больше, нежелиуважаемых сенаторов. А поэтому Гай Марий и Квint Лутаций Катул разделяют один общий триумф. Пусть весь Рим станет свидетелем полного согласия и единомыслия своих полководцев, когда они, соединенные узами дружбы и общей победы, вместе будут шествовать по улицам Рима. Поэтому я имею удовольствие известить вас, что Гай Марий и Квint Лутаций Катул будут отмечать триумф в декабре. Вместе. Да славится Рим.

Катул Цезарь весь побелел:

— Ты шутишь!

— Я? Шучу? — Марий прищурился. — Что ты, Квint Лутаций! Конечно, нет!

— Я... я... я не согласен!

— А у тебя нет выбора, — ласково возразил Марий. — Они вообразили, будто уже победили меня, да? Дорогой старина Метелл Свинка Нумидийский и его друзья — и твои друзья, кстати! Так вот, вам никогда не удастся победить меня. Никому из вас!

— Сенат утвердил два триумфа — и будут два триумфа! — крикнул Катул Цезарь, весь дрожа.

— Конечно, ты можешь настаивать. Но это же некрасиво, ведь так? Выбирай. Или мы с тобою вместе отмечаем один триумф, или ты будешь выглядеть как один огромный дурак. Вот так-то.

Вот так и было. Письмо Мария ушло в Сенат, и был назначен один триумф на первое декабря.

Катул Цезарь поспешил взять реванш. Он направил в Сенат жалобу. Консул Гай Марий узурпировал прерогативу Сената и народа Рима и утвердил гражданские права тысячи вспомогательных солдат из Камериана, что в Пицене, прямо на поле боя в Верцеллах. Гай Марий также превысил консульские полномочия, писал далее Катул Цезарь, объявив, что он, Марий, основывает колонию римских ветеранов-легионеров в небольшом городе Эпоредии в Италийской Галлии. Чуть ниже в письме говорилось следующее:

Гай Марий образовал эту неконституционную колонию, чтобы наложить руку на золото, которое добывается со дна Большой Дурии в Эпоредии. Проконсул Квint Лутаций Катул желает также отметить, что это он победил при Верцеллах, а не Гай Марий. В качестве доказательства он предоставляет тридцать пять захваченных германских штандартов, находящихся у него на хранении, в то время как у Гая Мария их только два. Как победитель при Верцеллах, он требует, чтобы все пленные были проданы в рабство. Гай Марий настаивает, чтобы в рабство была обращена лишь третья часть пленных.

В ответ Марий ознакомил с письмом Катула Цезаря солдат своей армии и солдат армии Катула Цезаря. К письму была приложена краткая записка от самого Мария, в которой говорилось, что деньги, вырученные от продажи всех кимбротов, взятых в плен после сражения при Верцеллах, были подделены. Третья часть, которую по праву он потребовал себе, была отдана войску Квinta Лутация Катула. Его собственная армия уже получила деньги, вырученные от продажи пленных тевтонов после сражения при Аквах Сестиевых, и он, Гай Марий, не хотел, чтобы армия Катула Цезаря почувствовала себя обделенной. Поскольку он, Гай Марий, понимал, что Квint Лутаций — впрочем, по праву — оставит деньги от продажи своей доли кимбротов себе.

Главция прочитал оба письма на Форуме, и народ смеялся до колик. Никто уже не сомневался, кто был истинный победитель и кто заботился о войсках больше, чем о самом себе.

— Пора прекращать эту кампанию по принуждению заслуг Гая Мария, — сказал Скавр, принцепс Сената, Метеллу Нумидийскому. — Иначе тебя опять побьют. И тебе лучше написать об этом Квintу Лутацию. Нравится нам это или нет, Гай Марий — Первый Человек в Риме. Это он — победитель германцев, и весь Рим знает это. Он — герой, народный полубог. Только попытайся свалить его, и город объединится, чтобы свалить тебя, Квint Цецилий.

— Да пошел он, этот народ! — воскликнул Метелл Нумидийский. Его нервы и так были напряжены до предела с тех пор, как в его доме поселилась распутная сестра — Метелла Кальва. Она постоянно меняла любовников, выбирая их из самых низов.

— Мы можем поступить по-другому, — посоветовал Скавр. — Во-первых, ты снова можешь выставить свою кандидатуру на консула. Уже десять лет, как ты не был консулом. Уверен, что Гай Марий снова захочет баллотироваться. Будет замечательно, если его шестой срок будет омрачен соседством враждебного к нему коллеги!

— Когда же мы наконец избавимся от этой неизлечимой болячки? — воскликнул в отчаянии Метелл.

— Надеюсь, это продлится недолго, — отозвался Скавр, явно спокойный. — От силы год. Не думаю, что больше.

— Сомневаюсь.

— Нет, нет, Квint Цецилий, ты слишком легко сдаешься! Ты, как и Квint Лутаций, позволяешь ненависти брать над тобой верх. Думай! Сколько времени за все эти пять лет Гай Марий провел в Риме?

— Считанные дни. Но при чем это?

— При всем, Квint Цецилий! Гай Марий — не политик, хотя у него острый. Он — солдат и организатор. Уверяю тебя, он не преуспеет в комиции и в курии, и его влияние постепенно сойдет на нет. Мы не позволим ему преуспеть! Мы загоним его, как быка, мы вонзим зубы в его плоть — и уже не отпустим. И мы свалим его. Подожди — и увидишь, — очень уверенно заключил Скавр.

Воображая эти столь приятные перспективы, Метелл улыбнулся:

— Понимаю. Я буду баллотироваться в консулы.

— Прекрасно! Ты пройдешь в консулы. Не можешь не пройти, после того как мы надавим на граждан первого и второго класса, как бы они ни любили Гая Мария!

— Не могу дождаться, когда стану его коллегой! — Метелл чуть заметно поиграл мускулами. — Я буду мешать ему, где только смогу! Я превращу его жизнь в сплошные несчастья!

— Подозреваю, что определенные круги окажут нам неожиданную помощь, — сказал Скавр, теперь похожий на кота.

— Какие круги?

— Луций Апулей Сатурнин собирается баллотироваться народным трибуном на следующий срок.

— Это же ужасно! И как это может нам помочь?

— Напротив, это отлично, поверь мне. Когда ты вонзишь свои консулские клыки в крестец Гая Мария, а к тебе присоединимся и я, и Квина Лутаций, и еще человек пятьдесят, Гай Марий не устоит и попросит помощи у Сатурнина. Я его знаю. Когда он сильно раздражен, то начинает лягаться во все стороны. Как раненый бык. Он непременно обратится за помощью к Сатурнину. И я думаю, что Сатурнин — худший инструмент, которым может воспользоваться Гай Марий. Подожди и увидишь! Гая Мария свалят его же собственные союзники!

А «инструмент» находился уже на пути в Италийскую Галлию. На этом этапе развития событий Сатурнин был более заинтересован в союзе с Марием, нежели наоборот. Сатурнин с головой ушел в политику, а Марий все еще жил в Элизии, обители воинов.

Они встретились в курортном городке Ком на берегу озера Ларий, где Гай Марий снял виллу, принадлежавшую покойному Луцию Кальпурнию Пизону, погибшему вместе с Луцием Кассием при Бурдигале. Марий очень устал от Катула Цезаря, который был моложе его почти на десять лет. Он отоспал Катула Цезаря в самый дальний конец провинции на выездные сессии суда. А сам спокойно уехал отдохнуть, оставив Суллу командовать вместо себя.

Естественно, когда Сатурнин явился, Марий пригласил его остаться, и оба удобно устроились для разговора на фоне озера, намного более красивого, чем озера в самой Италии.

Марий так и не стал более дипломатичным. Когда настало время перейти к главной теме, он сразу бросился в атаку:

— Мне не нужен Метелл Нумидийский в качестве моего коллеги консула на следующий год, — вдруг заявил он. — Я хочу, чтобы консулом стал Луций Валерий Флакк. Он послушный.

— Да, он тебе подойдет, но боюсь, тебе этого не добиться. Политики уже агитируют за Метелла. — Сатурнин с любопытством посмотрел на Мария. — Послушай, почему ты хочешь стать консулом шестой раз? Ведь сейчас, когда с германцами покончено, ты можешь почивать на лаврах.

— Если бы я мог! Но работа еще не завершена. Мало просто разгромить германцев. Мне надо будет распустить две армии из простолюдинов. Вернее сказать, у меня армия из шести очень сильных легионов, а у Квinta Лутация армия из шести довольно слабых легионов. Но я считаю себя ответственным за обе армии. Квина Лутаций думает, будто может распустить их с демобилизационными документами на руках и благополучно позабыть о них.

— Ты все еще намерен дать им землю?

— Да. Если я этого не сделаю, Рим во многом обеднеет. Свыше пятидесяти тысяч легионеров-ветеранов намереваются сейчас осесть в Риме и Италии с некоей суммой денег в кошельках. За несколько дней они спустят все, а потом везде, где они будут жить, они превратятся в источник постоянных неприятностей. Если опять начнется война, они снова запишутся в войска. Но если войны не случится, они сделаются настоящим бедствием, — сказал Марий.

Сатурнин опустил голову:

— Понимаю.

— Эта идея появилась у меня в Африке, поэтому я зарезервировал африканские острова, на которых могут осесть ветераны. Тиберий Гракх хотел поселить римских бедняков на землях Кампании, чтобы сделать Рим более спокойным и безопасным — и к тому же добавить новой крови в провинцию. Но Италия ошиблась, — мечтательно заметил Марий. — В наших провинциях должны жить римляне не очень высокого происхождения. А для этого лучше всего подходят именно солдаты-ветераны.

Перспектива была очень хороша, но Сатурнин этого не видел.

— Мы все слышали речи о насаждении в провинциях римского образа жизни, — сказал он. — И все мы слышали ответ Далматика. Но ведь не это твоя настоящая цель, не так ли?

Глаза блеснули из-под бровей.

— А ты проницательный! Конечно, не это! — Марий наклонился к нему. — Риму обходится очень дорого посыпать армии в провинции — подавлять мятежи и поддерживать порядок. Посмотри на Македонию. Два легиона постоянно несут там службу. Не римские легионы, признаюсь, но они стоят государству немалых денег, которые оно могло бы потратить с большей пользой на что-нибудь другое. Что, если двадцать-тридцать тысяч римских ветеранов осядут в трех-четырех колониях по ту сторону Македонии? Сейчас Греция и Македония обезлюдели, и это случилось более ста лет назад. Все уехали оттуда. Везде — города-призраки! А римские землевладельцы, живущие далеко от своих латифундий! Богачи, обладающие огромными земельными участками, почти ничего не производящие, ничего не вкладывающие в страну! Супердяди, которые не хотят нанимать на работу местных мужчин и женщин. И каждый раз, когда скордиски переходят границу, вспыхивает война. Землевладельцы, отсиживаясь в Риме, лепечут что-то Сенату, губернатор вынужден метаться между мародерами-кельтами и гневными письмами из Рима. А я бы куда лучше использовал пустующие земли римских латифундистов. Я заселил бы их колониями солдат-ветеранов. Больше населения — и уже готовое войско на случай серьезной войны.

— И эта идея пришла тебе в голову в Африке?

— Пока я против своей воли раздавал большие участки римлянам, которые вряд ли вообще собираются посетить Африку. Они направят туда надсмотрщиков и рабов-землевладельцев, они будут игнорировать местные условия и местных жителей, станут тормозить развитие Африки и в конце концов откроют ее для другого Югурты. Я вовсе не хочу лишить римлян возможности владеть провинциальными землями. Просто я хочу, чтобы несколько участков земли в провинциях были густо заселены хорошо обученными профессиональными воинами, которых мы всегда при необходимости можем призвать. — Марий заставил себя непринужденно откинуться, чтобы не показать, как страстно он желает этого. — Уже имелся небольшой пример того, как колонии ветеранов в иноzemных странах могут помочь в случае крайней необходимости. Маленькая группа, которую лично я послал на острове Менинкс, услышала о восстании рабов на Сицилии, организовала отряды, наняла корабли и высадилась возле Лилибее как раз вовремя, чтобы предотвратить захват города Афенионом.

— Я понимаю, чего ты добиваешься. Отличный замысел!

— Но они будут ставить мне палки в колеса, хотя бы потому, что это я, — вздохнул Марий.

Легкая дрожь пробежала по спине Сатурнина. Он быстро отвернулся, делая вид, что любуется отражением деревьев, гор, неба, облаков в зеркале озера. Марий устал! Марий сдавал! Марий совершенно не думал о шестом сроке своего консульства!

— Смею предположить, ты был свидетелем всех воплей в Риме по поводу того, что я дал гражданство этим замечательным солдатам из Камерина? — осведомился Марий.

— Да. Вся Италия слышала этот шум, и всей Италии понравилось то, что ты сделал. А вот политикам Рима это определенно не понравилось.

— Ну вот. Почему они не должны быть гражданами Рима? — сердито спросил Марий. — Они сражались лучше всех, и это факт. Если бы я мог, я дал бы гражданство всему населению Италии. — Он глубоко вдохнул. — Когда я говорю, что хочу дать землю ветеранам — простым гражданам, я имею в виду всех — римлян, латинян и италийцев.

Сатурнин присвистнул:

— Ты нарвешься на неприятности! Политики никогда не согласятся на это.

— Знаю. Я только не ведаю, хватит ли у тебя смелости поддержать меня.

— На самом деле я никогда не разбирался, смелый я или нет, — задумчиво проговорил Сатурнин. — Поэтому и не могу понять, сколько во мне смелости. Но думаю, Гай Марий, что смогут тебя поддержать.

— Мне нет необходимости давать взятки кому-либо, чтобы обеспечить себе консульство. Я не могу проиграть. Однако нет причины не нанять несколько человек, чтобы они позаботились о кандидате на пост младшего консула. И чтобы помочь тебе, если ты будешь нуждаться в помощи. И Гаю Сервилию Главции — тоже. Я так понимаю, он собирается баллотироваться в преторы?

— Да. Конечно, мы оба будем счастливы принять от тебя помощь на выборах. А в ответ мы сделаем все необходимое, чтобы ты получил свою землю.

Марий вынул из рукава свиток.

— Я уже немного поработал — набросал нечто вроде счета, чего и сколько нам понадобится. К сожалению, я не специалист в области законодательства. А ты в этом деле поднаторел. Но... надеюсь, ты не будешь возражать, если я скажу, что Главция — гений в законодательстве. Сможете ли вы оба сформулировать великие законы из того, что я тут нацарапал?

— Ты поможешь нам, Гай Марий, и не сомневайся, мы дадим тебе нужные законы, — заверил Сатурнин.

Марий явно почувствовал облегчение. Он как-то весь обмяк.

— Только помоги мне в этом, Луций Апулей, и я клянусь, мне будет уже безразлично, стану ли я консулом в седьмой раз, — сказал он.

— В седьмой раз?

— Мне было предсказано, что я буду консулом семь раз.

Сатурнин засмеялся:

— А почему бы и нет? Никто никогда не думал, что это вообще возможно. Но ты — ты будешь.

Выборы в новую Коллегию народных трибунов прошли в то время, когда Гай Марий и Катул Цезарь вели армии на юг, в сторону Рима, навстречу своему совместному триумфу. Между ними были очень натянутые отношения. На выборах на десять должностей было выше тридцати кандидатов. Около половины их состояли на службе у политиков, поэтому выборная кампания была ожесточенной и яростной.

Главция, президент сегодняшних девяти народных трибунов, был делегирован проводить выборы будущей коллегии. Если бы выборы центуриата в консулы и преторы уже были проведены, он не мог бы выполнять эту обязанность — его статус выбранного, но еще не вступившего в должность претора дисквалифицировал бы его. А пока ничто не мешало ему проводить выборы трибуна.

Процедура происходила в колодце комиций. Главция председательствовал на трибуне, а его девять коллег тянули жребий. Требовалось определить, в каком порядке будут голосовать тридцать пять триб. Потом предстоит следить за порядком голосования каждой трибы.

Много денег было потрачено на взятки, некоторые — в пользу Сатурнина, а большая часть — на анонимных кандидатов, поддерживаемых политиками. Каждый богатый человек от консерваторов порылся в своем кошельке, и как следствие были куплены голоса за таких, например, кандидатов, как Квинт Ноний из Пицена, политическая пустышка, но ярый консерватор.

Сулла не имел никакого отношения ни к вступлению Нония в Сенат, ни к его желанию стать народным трибуном. Квинт Ноний просто был братом зятя Суллы. Сестра Суллы, Корнелия Сулла, вышла замуж в богатую помещичью семью Нониев из Пицена. Известность ее имени вдохновила мужчин из семьи Нониев попытать счастья в этом почетном состязании. К этой серьезной попытке готовили сына Корнелии, но дядя юноши решил сначала сам посмотреть, чего он сможет добиться.

Эти выборы были полны шокирующих эпизодов. Например, Квинт Ноний легко стал народным трибуном, а Луций Апулей Сатурнин вообще не попал в необходимую десятку. Он стал одиннадцатым.

— Я... не... верю! — изумленно сказал он Главции. — Я просто не верю! Что произошло?

Главция нахмурился. Его шансы стать претором вдруг показались ему сомнительными. Потом он пожал плечами, хлопнул Сатурнина по спине и сошел с трибуны.

— Не беспокойся. Еще что-нибудь может случиться, и все изменится.

— Что же может изменить результаты голосования? — недоумевал Сатурнин. — Нет, Гай Сервилий, я проиграл.

— Я скоро вернусь. Жди меня здесь, домой не уходи, — сказал Главция и быстро смешался с толпой.

Как только Квинт Ноний из Пицена услышал свое имя в числе десяти вновь избранных трибунов, он решил отправиться домой, в свой дорогой новый дом в Каринах. Там ждала его жена вместе со священицей, Корнелией Суллой, и ее сыном. Они с нетерпением ожидали результатов голосования. Как истинные провинциалы, они сильно сомневались в шансах Квinta Нония.

Однако покинуть Форум оказалось труднее, чем предполагал Квинт Ноний. На каждом шагу его останавливали, чтобы поздравить. Естественная вежливость не позволяла ему пренебречь доброжелателями, поэтому он продвигался медленно, сияя улыбкой, кланяясь, пожимая сотни рук.

Постепенно спутников становилось все меньше, и вот Ноний свернулся на аллею, ведущую к его дому. Его сопровождали теперь лишь трое близких друзей, которые тоже жили в Каринах. Когда на них напала дюжина человек, вооруженных дубинками, одному из друзей удалось выбраться, и он помчался к Форуму, взывая о помощи. Но на Форуме уже никого не оказалось. К счастью, возле трибуны стояли Сатурнин и Главция, разговаривая с несколькими оставшимися. У Главции лицо было красное, и весь он был какой-то взъерошенный. Услышав, что зовут на помощь, они все побежали. Но было уже поздно. Квинт Ноний и его два друга были мертвы.

— Клянусь Поллуксом! — Удостоверившись, что Квинт Ноний действительно мертв, Главция вскочил на ноги. — Квинт Ноний только что был выбран народным трибуном, а я ответственный за выборы. — Он нахмурился. — Луций Апулей, проследи, пожалуйста, чтобы Квinta Нония отнесли домой. Я вернусь на Форум — надо решить вопрос с результатами выборов.

Вид Квinta Нония и его друзей, лежавших в луже крови, поверг в шок всех, включая и Сатурнина. Никто не заметил — даже Сатурнин, — как ненатурально держался Главция. Стоя на опустевшей трибуне на покинутом всеми Форуме, Гай Сервилий Главция громко возвестил о смерти вновь избранного народного трибуна Квinta Нония. Потом он объявил, что кандидат под номером одиннадцать займет место Квinta Нония в новой Коллегии. И это будет Луций Апулей Сатурнин.

— Все в порядке, — самодовольно заявил Главция позднее, в доме Сатурнина. — Теперь ты — законно избранный народный трибун вместо Квinta Нония.

Он не страдал угрызениями совести с тех пор, как его лишили поста квестора в Остии. Но Сатурнин пришел в ужас. Он смотрел на Главцию, пораженный.

— Нет, это не мог быть ты! — восхликал он.

Главция дотронулся пальцем до своего носа и улыбнулся Сатурнину из-под бровей. Улыбка получилась отвратительная.

— Не задавай мне вопросов, и я не солгу тебе, — только и сказал он.

— Весь кошмар и стыд заключается в том, что он был хорошим человеком...

— Да, был. Но такова уж его судьба. Он единственный, кто жил в Каринах, поэтому его и выбрали. Очень трудно сделать что-то на Палатине — на улицах недостаточно людей.

Сатурнин вздохнул, стараясь отогнать мрачные мысли.

— Ты прав. Я — народный трибун. Благодарю тебя за помощь, Гай Сервилий.

— Не думай об этом, — посоветовал Главция.

Замять скандал было трудно, но доказать, что Сатурнин замешан в убийстве, — совершенно невозможно. Ведь даже уцелевший друг погибшего мог подтвердить, что и Сатурнин, и Главция стояли на нижнем Форуме, когда совершалось убийство. В народе поговаривали и намекали, но это ничего не значило, как заметил с презрительной усмешкой Главция. А когда Великий Понтифик Агенобарб потребовал провести перевыборы трибунов, у него ничего не получилось. Главция создал прецедент, как разрешать подобный кризис, которого никогда раньше не случалось.

— Разговоры ничего не стоят! — снова повторил Главция, на этот раз в Сенате. — Утверждения, будто Луций Апулей и я замешаны в смерти Квinta Нония, абсолютно голословны. Что касается произведенной мною замены мертвого народного трибуна на живого, я сделал то, что должен был бы сделать любой ответственный за выборы! Никто не может оспорить тот факт, что Луций Апулей в результате подсчета голосов стоял на одиннадцатом месте и что выборы были проведены по всем правилам. Вполне логично, что место Квinta Нония занял Луций Апулей. Народное собрание, которое я вчера созвал, единогласно одобрило мои действия. Все присутствующие здесь могут это подтвердить. Данная дискуссия, уважаемые сенаторы, бесполезна и беспричинна. Вопрос закрыт.

Гай Марий и Квинт Лутаций Катул Цезарь отметили свой совместный триумф в первый день декабря. Совместный триумф был гениальным решением, ибо ни у кого не возникло сомнений, что Катул Цезарь (его колесница следовала за колесницей возлежащего на ней старшего консула) занимает второе место, а главный герой событий — Гай Марий. Имя Гая Мария было у всех на устах. И еще был очень умный ход, который присоветовал Луций Корнелий Сулла, — он, как обычно, организовывал шествие. Марий позволил людям Катула Цезаря нести все тридцать пять германских штандартов, потому что он еще раньше очень много штандартов захватил в Галлии.

На следующий день в собрании в храме Юпитера Величайшего Марий с чувством говорил о своем решении наградить гражданством солдат из Камерина и закупорить долину салассов, образовав там колонию ветеранов в небольшом городке Эпоредии. Его объявление о том, что он выдвигает свою кандидатуру на шестой срок, было встречено различно — гулом неодобрения, насмешками, яростным протестом и радостными возгласами. Последние были громче. Когда шум утих, Марий объявил, что вся его личная доля в трофеях отдается на постройку нового храма воинской Чести и Достоинства. В этом храме будут храниться воинские трофеи — лично его и его армии. Храм будет воздвигнут на Капитолийском холме. Он также намерен возвести храмы Чести и Достоинства в честь римских солдат в Олимпии, в Греции.

Катул Цезарь слушал с замиранием сердца. Он понимал, что если хочет сохранить свою репутацию, то должен и свою долю трофеев пожертвовать на что-то подобное. На какой-нибудь религиозный памятник, а не на увеличение своего личного состояния. Конечно, деньги у Катула есть — но все-таки их куда меньше, чем у Мария.

Никто не удивился, когда Центурионатное собрание выбрало Гая Мария консулом шестой раз — и опять старшим. Теперь он был не только неоспоримым Первым Человеком в Риме. Многие стали его называть еще и Третьим Основателем Рима. Первым Основателем Рима был, конечно, сам Ромул. Вторым — Марк Фурий Камилл, который изгнал галлов из Италии триста лет назад. Поэтому совершенно справедливо дать Гаю Марию титул Третьего Основателя, поскольку он тоже отразил нападение варваров.

Консульские выборы тоже не обошлись без сюрпризов. Квинт Цецилий Метелл Нумидийский Свинка не был выбран младшим консулом. Гай Марий одержал верх даже в этом. Он объявил, что поддерживает кандидатуру Луция Валерия Флакка, и Луций Валерий Флакк был, разумеется, избран. Флакк был *flamen Martialis* — фламином Марса. Должность сделала его тихим человеком, послушным и соблюдающим субординацию. Идеальная кандидатура для властного Гая Мария.

Никого не удивило, когда Гай Сервилий Главция был избран претором, ибо он был человеком Мария и Марий щедро заплатил выборщикам. Сюрпризом был тот факт, что он вышел на первое место и поэтому стал претором по делам римских граждан, самым старшим из шести избранных преторов.

Вскоре после выборов Квинт Лутаций Катул Цезарь публично заявил, что жертвуя свою долю германских трофеев. Он намерен приобрести старый участок с домом Марка Фульвия Флакка на Палатине — этот участок находился рядом с его собственным домом — и построит там величественный портик, где будут храниться тридцать пять германских штандартов, которые он захватил на поле боя при Верцеллах. И еще он возведет на Марсовом поле храм богини Фортуны.

В десятый день декабря, когда новые народные трибуны приступили к своим обязанностям, началось самое интересное. Народный трибун второго срока Луций Апулей Сатурнин доминировал в Коллегии безоговорочно. Пользуясь страхом остальных трибунов, вызванным смертью Квinta Нония, он решал законодательные проблемы, как хотел. Хотя он по-прежнему отрицал свою причастность к убийству, в частных беседах с коллегами он нет-нет да и бросал словцо-другое, отчего те задумывались: не закончат ли они, как Квинт Ноний, если только вздумают перечить ему? В результате Сатурнину позволили своеизвольничать вовсю. Ни Метелл Нумидийский, ни Катул Цезарь не могли убедить ни одного народного трибуна хоть раз воспользоваться правом вето.

Не прошло и восьми дней после вступления в должность, как Сатурнин внес первый из двух законопроектов — раздать общественные земли ветеранам обеих войн с Германией. Все земли были расположены не в Италии — в Сицилии, Греции, Македонии и материевой Африке. В законопроект было внесено дополнительное условие: сам Гай Марий должен иметь право лично предоставлять гражданство трем итальянским солдатам в каждой колонии.

Сенат взорвался.

— Этот человек, — возмущался Метелл Нумидийский, — даже не собирается выделить своих, римских солдат! Он хочет землю для всех на равных условиях — для римлян, латинян, италийцев. Никакой разницы! Никакого предпочтения гражданам Рима! Я спрашиваю вас, коллеги сенаторы, что вы думаете о таком человеке? Разве Рим для него что-то значит? Конечно, нет! А почему, собственно, Рим должен что-то для него значить? Ведь Марий — не римлянин! Он — италиец! И покровительствует своим. Целой тысяче он предоставил права гражданства на поле боя, а римские солдаты должны были стоять в стороне и лишь наблюдать. Они так и не дождались благодарности. Но чего еще можно ожидать от такого человека, как Гай Марий?

Когда Марий поднялся, чтобы ответить, поднялся такой шум, что его даже не было слышно. Он вышел из здания заседаний Сената, встал на трибуну и обратился к присутствующим. Некоторые из них были возмущены. Но он был их любимцем, и они начали слушать.

— Земли достаточно для всех! — кричал он. — Никто не может меня обвинить в предпочтительном отношении к италийцам! Сто югеров земли на каждого солдата! Почему так много, слышу я ваш вопрос? Потому, народ Рима, что эти колонисты поедут в места, намного худшие, чем наша любимая Италия! Им предстоит возделывать плохие земли, они поселятся в плохом климате, где человеку, чтобы прилично жить, нужно куда больше земли, чем в Италии!

— Вот! — крикнул Катул Цезарь со ступенек Сената; голос его дрожал. — Вот! Слушайте, что он говорит! Не Рим! Италия! Италия, Италия, всегда Италия! Он не римлянин, ему наплевать на Рим!

— Италия и есть Рим! — раздался громовой голос Мария. — Это одно и то же! Без одного нет другого — и не может быть! Разве римляне и италийцы не одинаково отдают свои жизни за Рим на полях сражений? А раз это так — и никто не посмеет отрицать, что это так! — то почему один солдат должен отличаться от другого?

— Италия! — продолжал вопить Катул Цезарь. — Всегда — Италия!

— Чушь! — возразил Марий. — В первую очередь земля дается римским солдатам, не италийцам! Разве это свидетельствует о предпочтении италийцев? И разве не лучше, если из тысячи ветеранов-легионеров, которые поедут в эти колонии, трое италийцев станут гражданами Рима? Я сказал — трое, народ Рима! Не три тысячи италийцев! Не три сотни! Не тридцать италийцев, народ Рима! Трое! Капля в людском океане! Даже частичка капли в людском океане!

— Капля яда в людском океане! — пронзительно выкрикнул Катул Цезарь со ступенек Сената.

— В законе можно оговорить, что римские солдаты получат землю первыми, но где говорится, что первая земля будет лучшая? — громко спросил Метелл Нумидийский.

Квинт Поппей Силон, нынешний глава племени марсиев, довольно молодой еще человек, приехал в Рим по приглашению Марка Ливия Друса — послушать дискуссию на тему о земельных законах. Силон остановился в его доме.

— Они подняли большой шум, противопоставляя Рим Италии, не так ли? — заговорил Силон с Друзом.

— Действительно, — угрюмо согласился Друз. — Подобное отношение изменит только время. Я живу надеждой, Квинт Поппей.

— И все же тебе не нравится Гай Марий.

— Я ненавижу этого человека. Но я голосовал за него, — признался Друз.

— Прошло только четыре года с тех пор, как мы сражались при Аравсионе, — задумчиво проговорил Силон. — Да, думаю, ты прав, со временем все изменится. Я очень сомневаюсь, что до Аравсиона Гай Марий имел шанс раздать итальянским солдатам земли в колониях.

— Это же благодаря Аравсиону итальянские рабы были освобождены, — заметил Друз.

— Я рад, что мы умирали не зря. И все же — посмотри на Сицилию. Итальянские рабы там не были освобождены. Они там умерли.

— Мне стыдно становится, как подумаю о Сицилии, — сказал Друз, краснея. — Это сделали два продажных карьериста, двое римских судей. Два говнюка! Признай, Квинт Поппей, Метелл Нумидийский или Эмiliй Скавр могут тебе не нравиться, но никто из них не запачкает подола своей тоги мошенничеством с зерном.

— Признаю, — согласился Силон. — Однако они до сих пор считают, что быть римлянином — значит принадлежать к самой исключительной касте на земле. С их точки зрения, ни один итальянец не заслуживает того, чтобы стать римлянином, даже при усыновлении.

— Усыновлений?

— А чем еще является наделение римским гражданством, как не усыновлением? Принятием в семью Рима?

Друз вздохнул:

— Ты прав. Меняется только имя. Гражданство не может сделать римлянином итальянца или грека. С течением времени Сенат все более и более будет противиться созданию искусственных римлян.

— Тогда, может быть, нам, итальянцам, самим сделать себя искусственными римлянами — с согласия Сената или без него? — сказал Силон.

За первым законом о земле последовал второй, касающийся всех новых государственных земель, которые Рим приобрел за время войн с германцами. Из двух законов о земле этот был наиболее важен. Речь шла о целинных землях. Ни земледельцы, ни скотоводы не пользовались ими. В этих недрах скрывалось иное богатство: минералы, строительный камень, самоцветы. То были земли вокруг Нарбона, Толозы на реке Гарумна, Каркасона и в центральной части Заальпийской Галлии. А добавок — территория в Близней Испании, население которой восстало, когда кимбры устроили заварушку у подножия Пиренеев.

Много нашлось римских всадников и римских компаний, желающих завладеть землями в Заальпийской Галлии. В ожидании поражения германцев они — дальновидные! — постарались заранее заручиться поддержкой своих патронов в Сенате, которые могли бы обеспечить им доступ к новым государственным землям Галлии. А теперь вот выясняется: чтобы получить эти земли, надо было записаться в простые солдаты. Открытие вызвало такое возмущение, какого не наблюдалось в худшие дни Гракхов.

И по мере того, как ожесточался Сенат, ожесточались и всадники первого класса, некогда самые горячие сторонники Мария. Теперь же, чувствуя, как их лишают шанса стать «отсутствующими» владельцами земель в Дальней Галлии, они пришли в ярость и сменили симпатию к Марии на ненависть. А агенты Метелла Свинки и Катула Цезаря шныряли повсюду, нашептывая, нашептывая...

— Он раздает то, что принадлежит государству, словно все это его собственность — и земля, и государство! — произносилось поначалу шепотом, потом во весь голос.

— Он намерен завладеть государством, иначе зачем ему становиться консулом теперь, когда война с германцами закончилась?

— Рим никогда не раздавал земли своим солдатам!

— Итальянцы получают больше, чем они заслуживают!

— Земля, отобранная у врагов Рима, принадлежит только римлянам!

— Он начинает с государственных земель за пределами Италии, но не успеем мы оглянуться, как он начнет раздавать государственные земли Италии! Их он тоже отдаст итальянцам!

И так далее, и так далее... Чем громче говорил Марий на Форуме и в Сенате, тем ожесточенное становилась оппозиция. Она усиливалась, а не ослабевала и с каждым днем набирала силу и энергию. Пока медленно, почти незаметно, общественное отношение ко второму аграрному проекту Сатурнина начинало меняться.

Многие политики из народа — а были те, кто делает политику, и среди завсегдатаев Форума, и среди самых влиятельных всадников, — постепенно засомневались в правоте Мария. Ибо они никогда раньше не сталкивались с таким яростным противостоянием.

— Не может ведь быть столько дыма без огня, — стали поговаривать они между собой.

— Это не просто очередная глупая стычка сенаторов — слишком уж она непримирима.

— Когда у такого человека, как Квинт Цецилий Метелл Нумидийский — а ведь он, кстати, был и цензором, и консулом, и разве мы забыли, каким смелым цензором он был? — число сторонников все увеличивается, значит, какая-то правота в его словах есть.

— Я вчера слышал, что один всадник, в чьей поддержке Гай Марий очень нуждается, публично отрекся от него! Земля в Толозе, которую пообещал ему сам Гай Марий, теперь будет отдана солдатам-ветеранам.

— Кто-то мне передавал, как лично слышал, будто Гай Марий говорил: дескать, он хочет предоставить римское гражданство каждому холостому итальянцу.

— Это уже шестой срок консульства Гая Мария — и пятый подряд. Говорят, на днях за обедом он сказал, что будет консулом всегда! Намеревается выставлять свою кандидатуру каждый год, пока не умрет.

— Наверное, он хочет стать царем Рима!

Таким образом, кампания слухов, развернутая Метеллом Нумидийским и Катулом Цезарем, начала приносить плоды. И в результате даже Главция и Сатурнина стали бояться, что второй закон о земле обречен на провал.

— Я должен получить эту землю! — в отчаянии сказал Марий своей жене, которая все эти дни терпеливо ждала, пока он наконец поговорит с ней об этом. Не потому, что она могла предложить свежие идеи или сказать что-нибудь дельное. Просто потому, что знала: она — единственный настоящий друг, который у него остался в Риме. Сулла после триумфа был отослан обратно в Итальянскую Галлию, а Серторий отправился в Близнюю Испанию навестить свою германскую жену и ребенка.

— Разве это столь существенно? — спросила Юлия. — Признайся мне честно, так ли много будет для тебя значить, если

твои солдаты не получат землю? Римских солдат никогда не наделяли землей — не было такого прецедента. В любом случае они не смогут сказать, что ты не пытался.

— Ты не понимаешь! — нетерпеливо перебил он. — Речь идет теперь уже не столько о солдатах, сколько о моем *dignitas*, о моем положении в общественной жизни. Если закон не пройдет, я больше не Первый Человек в Риме.

— А Луций Апулей помочь не может?

— Он старается, боги знают, как он старается! Но мы не побеждаем — мы проигрываем! Я, как Ахилл в реке, не в силах выплыть на берег, потому что берег все отдаляется. Слухи невероятные, Юлия! И никто не борется с ними, потому что клеветники никогда не высказываются публично. Будь я виновен хотя бы в десятой доли того, что обо мне говорят, я бы давно втащив валуны на гору в Тартаре.

— Да, с клеветой бороться трудно, — согласилась Юлия. — Но рано или поздно слухи приобретают такие причудливые формы, что люди вдруг приходят в себя. И в твоем случае произойдет точно так же. Люди ужасно наивны и легковерны, но даже самые наивные и легковерные когда-то достигнут насыщения. Сколько можно колоть уже мертвое тело? Закон будет принят, Гай Марий, я уверена. Просто ты слишком с этим торопишься. Не спеши. Подожди, пока всеобщее мнение опять окажется на твоей стороне.

— Да, конечно, закон может быть принят. Но что помешает Палате опровергнуть его, как только Луций Апулей уйдет с этой должности и у меня уже не будет такого способного народного трибуна? — Марий тяжело вздохнул.

— Понимаю.

— Понимаешь?

— Конечно. Ведь я, муж мой, из рода Юлиев Цезарей, а это значит, что я выросла среди политических дискуссий, пусть даже мой пол запрещает мне заниматься общественными делами. — Она покусала губу. — Это — проблема, не так ли? Аграрные законы нельзя ввести в жизнь за сутки. На это уходят годы и годы. Требуется подобрать земельные участки, осмотреть их, размежевать, найти людей, на чьи имена они будут записаны, затем создать комитеты и назначить специальных уполномоченных... Это бесконечный процесс.

Марий усмехнулся:

— Ты говорила с Гаем Юлием!

— Конечно. Но я и сама кое-что понимаю. — Она похлопала по свободному месту рядом с собой на ложе. — Иди сюда, любимый, сядь.

— Не могу, Юлия. — Он продолжал нервно ходить по комнате взад-вперед.

— Неужели нет никакого способа защитить этот законопроект?

Марий вдруг остановился, повернулся, посмотрел на жену из-под густых бровей.

— По правде говоря, есть...

— Расскажи мне, — спокойно попросила она.

— Гай Сервилий Главция об этом подумывал, и Луций Апулей стоит за это. Они оба стараются склонить меня на свою сторону, но я не уверен...

— Это нечто совсем новое? — спросила Юлия, зная репутацию Главции.

— Достаточно новое.

— Пожалуйста, Гай Марий, расскажи мне!

«Как хорошо, что есть кому рассказать... Кому-то, кто не точит на меня топор, а наоборот — хочет помочь», — подумал Марий устало.

— Я — военный человек, Юлия. Я предпочитаю принимать военные решения. В армии каждый знает: когда я отдаю приказ, этот приказ — наилучший в данных обстоятельствах. Поэтому каждый подчиняется, не задавая вопросов. Солдаты знают меня и доверяют мне. Но ведь этот народ Рима тоже знает меня! Римляне тоже должны доверять мне! Но разве это так? Нет! Они столь озабочены осуществлением своих идей, что даже не желают выслушать, что говорят другие. Направляясь в Сенат, я знаю заранее — еще не доходя до этого ужасного места! — что буду вынужден делать свое дело в атмосфере ненависти и злой критики. Это заранее лишает меня сил. Я слишком стар. Я чересчур закоснел в своих привычках, чтобы заниматься этими людьми, Юлия. Они все идиоты, они погубят Республику, если будут продолжать делать вид, будто ничего не изменилось с тех пор, как Сципион Африканский был мальчиком! Мои солдатские поселения — это же так хорошо! Вот и все.

— Согласна, — сказала Юлия, скрывая свой испуг. Марий в эти дни выглядел измотанным, старше своих лет. Впервые за всю свою жизнь он начал поплыть. Вот оно, сидение на собраниях! А ведь он привык мерить землю шагами на открытом воздухе... Его волосы вдруг поседели и поредели. Да, война для тела мужчины более благоприятна, чем законотворчество. — Давай-ка рассказывай все до конца, — настояла она.

— Этот второй проект содержит дополнительный пункт, который специально придумал Главция. — Марий вновь принялся вышагивать по комнате, роняя слова. — В течение пяти дней после принятия закона каждый сенатор должен принести клятву, что будет соблюдать этот закон вечно.

Юлия не удержалась — ахнула, поднесла руки к щекам, посмотрела на Мария в отчаянии и произнесла самое сильное слово, какое только знала:

— Ecastor!

— Потрясающе, правда?

— Гай Марий, Гай Марий, они никогда не простят тебе, если ты включишь этот пункт в законопроект.

— Ты думаешь, я этого не знаю? — воскликнул он, воздев руки к потолку. — Но что еще я могу поделать? Я должен получить землю!

Она облизала пересохшие губы.

— Ты еще много лет будешь в Палате. Разве ты не можешь продолжать бороться, пока закон не будет принят?

— Продолжать бороться? Когда же я остановлюсь? Я устал бороться, Юлия.

Она решила подшутить над ним:

— Фу! Кто это мне говорит? Гай Марий устал бороться? Ты же борешься всю свою жизнь!

— Тогда было иначе, — попытался он объяснить. — Эта борьба грязная. Ведется не по правилам. И даже неизвестно, кто твои враги и где они скрываются. На поле битвы я готов выйти в любое время! По крайней мере, то, что происходит во время сражения, — происходит быстро и чисто. И побеждает лучший. Но Сенат Рима — это публичный дом наихудшего пошиба. И я провожу дни, пробиваясь сквозь эту муть! Я скажу тебе, Юлия: лучше искупаться в крови павших на поле боя! И если кто-то наивный считает, будто политическая интрига губит меньше жизней, чем война, то пусть политики отольют ему на голову!

Юлия поднялась, подошла к нему, заставив его остановиться, и взяла его за руки.

— Мне не хочется так говорить, любовь моя, но Форум — явно не для такого прямолинейного человека, как ты.

— Если до сегодняшнего дня я не знал этого, то теперь, спасибо, знаю, — уныло произнес он. — Я считаю, что пункт о специальной клятве, добавленный Главцией, должен быть сохранен. Но, как все время спрашивает меня Публий Рутилий Руф, куда все эти новые законы приведут нас? Действительно ли мы заменяем дурное хорошим? Или просто дурное меняем на худшее?

— Только время покажет, — спокойно ответила Юлия. — Что бы еще ни случилось, Гай Марий, никогда не забывай: люди всегда с ужасом твердят, что тот или иной новый закон означает конец Республики, что Рим больше не Рим... А я знаю по книгам: Сципион Африканский говорил то же самое о Катоне Цензоре! И, наверное, какой-нибудь наш предок Юлий Цезарь говорил так о Бруте, когда тот убил своих сыновей. Республика нерушима, и они знают это, хоть и волят, что она обречена. Помни об этом.

Ее здравые рассуждения наконец-то подействовали — он стал успокаиваться. Юлия с удовлетворением заметила, что краснота глаз побледнела, с лица сошли пятна. Она решила сменить тему разговора:

— Кстати, мой брат Гай Юлий хочет завтра встретиться с тобой, поэтому, пользуясь случаем, я пригласила его и Аврелию на обед. Надеюсь, ты согласен.

Марий ахнул:

— Конечно! Очень хорошо! А я и забыл! Он уезжает на остров Церцина организовывать там мою первую колонию ветеранов! — Он опустил голову, обхватил ее руками. — Он ведь уезжает, да? О боги, моя память! Что происходит со мной, Юлия?

— Ничего, — успокоила она. — Тебе нужна передышка. Лучше, если ты несколько недель проведешь вдали от Рима. Но поскольку это невозможно, почему бы нам с тобой вместе не поискать Мария Младшего?

Этот славный девятилетний малыш был удачным сыном: высокий для своего возраста, крепкого сложения, блондин, с настоящим римским носом, что его отцу было особенно приятно. Нравилось Мариио также и то, что сына больше интересовала физическая подготовка, чем умственные занятия. Тот факт, что Марий Младший все еще оставался единственным ребенком в семье, огорчал мать больше, чем отца. После смерти второго сына две беременности Юлии оказались неудачными. Теперь она уже боялась, что не сможет выносить ребенка до положенного срока. Однако Марий был согласен иметь и одного сына. Он отказывался слушать, когда ему говорили, что необходимо отложить несколько яиц в запасную корзину.

Обед удался на славу. Из гостей присутствовали только Гай Юлий Цезарь, его жена Аврелия и дядя Аврелий Публий Рутилий Руф.

Цезарь уезжал на африканскую Церцину в конце восьмидневной базарной торговли. Поручение ему нравилось, и только одно отравляло ему удовольствие.

— Меня не будет в Риме, когда родится наш первый сын, — сказал он с улыбкой.

— Аврелия, нет! Опять? — со стоном вопросил Рутилий Руф. — Ведь будет еще одна девочка, вот увидишь. Где ты найдешь еще одно приданое?

— Фу, дядя Публий! — воскликнула неунывающая Аврелия, засовывая в рот кусочек цыпленка. — Во-первых, нам не понадобится приданое для наших девочек. Отец Гая Юлия заставил нас пообещать, что мы не будем упрямими Цезарями и освободим наших девочек от порока плутократии. Поэтому мы намерены выдать их замуж за ужасно богатых, но никому не известных. — Она съела еще несколько кусочков. — И потом, нам уже хватит девочек. Теперь мы заведем мальчиков.

— Как, сразу нескольких? — заморгал глазами Рутилий Руф.

— О, было бы замечательно, если бы получились двойняшки! У Юлиев они бывали? — спросила отважная мать свою свояченицу.

— Думаю, да, — нахмурясь, ответила Юлия. — Конечно! У нашего дяди Секста были двойняшки, хотя один умер... Ведь Цезарь Страбон — из двойни, да?

— Да, — с усмешкой ответил Рутилий Руф. — Наш бедный молодой косоглазый друг обладает многими именами, и Вописк, одно из них, как раз означает «выживший из двойни». Но я слышал, что у него есть еще и прозвище.

Насмешливая нотка в голосе Рутилия Руфа насторожила собравшихся. Марий спросил за всех:

— Какое?

— Как-то раз у него на заднице вскочил свищ, и один остряк сказал, что теперь у Цезаря Страбона на заднице полторы дырки. С тех пор его зовут «Полупорным», — объяснил Рутилий Руф.

Все расхохотались, включая и женщин, которым разрешили послушать эту небольшую непристойность.

— Близнецы могли быть и в семье Луция Корнелия, — сказал Марий, вытирая выступившие от смеха слезы.

— Почему ты так говоришь? — поинтересовался Рутилий Руф, предвкушая еще одну сплетню.

— Ну, как вам всем известно, — хотя в Риме этого не знают, — он целый год прожил среди кимбров. Там у него была жена из племени херусков по имени Германа. Она родила ему двух мальчиков.

Юлия помрачнела:

— Они попали в плен? Умерли?

— Едепол, нет! Он отвез ее в ее родное племя в Германию, а потом присоединился ко мне.

— Занятный парень, этот Луций Корнелий, — задумчиво проговорил Рутилий Руф. — Что-то у него с головой.

— Вот здесь-то ты и ошибаешься, — возразил Марий. — Ничья голова так крепко не сидит на плечах, как голова Луция Корнелия. Я бы даже сказал, что он — человек будущего.

Юлия хмыкнула:

— У его были причины удрать в Итальянскую Галлию после триумфа. Они с мамой ужасно воевали все это время.

— Ну, это же понятно! — храбро сказал Марий. — Твоя мать даже меня может напугать до смерти!

— Приятная женщина Марсия, — припомнил Рутилий Руф. И торопливо добавил, заметив, что все посмотрели на него: — Во всяком случае, внешне. В те далекие дни.

— Она очень старается найти новую жену Луцию Корнелию, — сказал Цезарь.

Рутилий Руф поперхнулся кусочком сливы:

— Несколько дней назад я был на обеде у Марка Эмилия Скавра, — произнес он плутовским голосом, — и готов был бы поспорить, что Луций Корнелий сам нашел бы себе жену, не будь она уже женой другого человека.

— Не может быть! — воскликнула Аврелия, подаввшись к Рутилию Руфу. — Дядя Публий, расскажи нам, кто она!

— Маленькая Цецилия Метелла Далматика, — сказал Рутилий Руф.

— Жена самого принцепса Сената? — взвигнула Аврелия.

— Она самая. Луций Корнелий только взглянул на нее, когда их знакомили, сразу стал краснее своих волос и весь обед просидел, как болван, не отрывая от нее глаз.

— Ты преувеличиваешь, — не выдержал Марий.

— Может быть. Но даже Марк Эмилий это заметил. Он относится к своей дорогой крошке Далматике, как старая курица к единственному цыпленку. Поэтому после главного блюда ее сразу же отослали спать. Она была очень разочарована. Уходя, она посмотрела на Луция Корнелия с застенчивым восхищением. Он даже пролил свое вино.

— Хорошо еще, что он не пролил свое вино на ее подол, — мрачно заметил Марий.

— О нет, только не еще один скандал! — воскликнула Юлия. — Луций Корнелий не должен этого допустить! Не мог бы ты намекнуть ему, Гай Марий?

Марий посмотрел на жену так, как смотрят обычно мужья, когда их жены требуют от них совершенно не мужских поступков:

— Конечно, нет!

— Почему? — спросила Юлия. Для нее просьба была вполне разумной.

— Потому что частная жизнь человека — это его личное дело. И он не поблагодарит меня за совет.

У Юлии и Аврелии был разочарованный вид. Цезарь, вечный миротворец, прокашлялся:

— Но поскольку Марк Эмилий Скавр собирается жить тысячу лет и умереть не от старости, а от чужого топора, не думаю, что нам следует слишком тревожиться о Луций Корнелии и Далматике. Наша мать уже подобрала Сулле жену, и, как я слышал, он одобрил ее решение. Так что, как только Луций Корнелий вернется, мы получим приглашение на свадьбу.

— Кто бы это? — спросил Рутилий Руф. — Я ничего не слышал!

— Элия, единственная дочь Квина Элия Туберона.

— Немного старовата, кажется? — заметил Марий.

— Около сорока. Ровесница Луция Корнелия, — спокойно ответил Цезарь. — Он больше не хочет детей, кажется. А наша мать считает, что в данном случае бездетная вдова — идеальный вариант. К тому же она недурна собой.

— Из старинной аристократической семьи, — заметил Рутилий Руф. — К тому же богатой.

— В таком случае я рада за Луция Корнелия! — тепло отозвалась Аврелия. — Ничего не могу поделать, он мне нравится!

— Он всем нам нравится, — сказал Марий, подмигнув ей. — Гай Юлий, это профессиональное восхищение не вызывает у тебя ревности?

— О, у меня есть более серьезные соперники, чем обыкновенные патриции-легаты, — усмехнулся Цезарь.

Юлия подняла голову:

— Действительно? Кто?

— Его зовут Луций Декумий. Это неопрятный маленький человечек около сорока лет, с тонкими ножками, жирными волосами и пахнущий чесноком, — описал «соперника» Цезарь, выискивая на блюде с сухофруктами самую большую изюмину. — Мой дом постоянно наполняется великолепными цветами — в сезон, не в сезон, безразлично для Луция Декумия. Он присыпает свежий букет каждые четыре-пять дней. И посещает мою жену (как вам это нравится?), обхаживая ее самым тошнотворным образом. Он так радуется нашему будущему ребенку, что у меня иногда возникают нехорошие предчувствия.

— Перестань, Гай Юлий! — смеясь, воскликнула Аврелия.

— Кто он? — спросил Рутилий Руф.

— Смотритель, или как он там называется, обшины на перекрестке, которая находится в доме Аврелии. Она не берет с них арендной платы, — объяснил Цезарь.

— Между Луцием Декумием и мной существует договоренность, — добавила Аврелия, перехватив у Цезаря изюминку, которую тот уже готов был положить в рот.

— Какая договоренность? — поинтересовался Рутилий Руф.

— Своим ремеслом он будет заниматься, где хочет, только не около моего дома.

— Каким ремеслом?

— Он — наемный убийца, — сказала Аврелия.

Когда Сатурнин внес на рассмотрение свой второй аграрный законопроект, пункт о клятве прозвучал на Форуме, как гром среди ясного неба. Не обычная молния Юпитера, но катастрофическое громыхание древних богов, настоящих богов, *nimina* — безликих духов.

Не просто клятва требовалась от сенаторов. Вместо привычной присяги в храме Сатурна закон Сатурнина требовал, чтобы клятва была произнесена под открытым небом, на нижнем Квиринале, в храме сабинского бога Семо Санка Диля Фидия, блюстителя нерушимых клятв, — там, где безликое божество хранит старая статуя Гаи Цецилии, добродетельной супруги царя Тарквания Приска, — лишь она очеловечивала его жилище. О, те божества, именем которых давалась эта клятва, не были величественными, но понятными божествами Капитолия; они были маленькими безликими божками, *nimina*, — настоящими, латинскими, архаичными, как сама земля. Это были боги-хранители священной семьи и священного Римского государства, боги-покровители государственного кошелька и кладовых. Лары и Веста, род и очаг. Никто не знал, как они выглядели или откуда появились; неизвестно даже, какого пола они были и существовал ли у них пол. Просто они — были. Они имели значение. Они были римские. Ни один римлянин не мог поклясться этими божествами и замышлять при этом клятвопреступление, ибо поступить подобным образом — значило навлечь все несчастья на свою семью, свой дом, свой род.

Но законник Главция не просто полагался на безымянный страх перед безымянными божествами. Чтобы смысл клятвы дошел до сенаторов, закон Сатурнина предусматривал наказание любому сенатору, отказавшемуся дать клятву. Ему будет отказано в праве пользования огнем и водой в пределах Италии, с него возьмут штраф в размере двадцати серебряных талантов, и он будет лишен гражданства.

— Все дело в том, что нам пока еще мало удалось, — говорил Метелл Нумидийский Катулу Цезарю, Великому Понтифику Агенобарбу, Метеллу Поросенку, Луцию Котте и его дяде Марку Котте. — Народ пока не готов отвернуться от Гая Мария. Они проголосуют за этот закон. И от нас потребуют клятвы. — Он содрогнулся. — А если я поклянусь, то должен буду сдержать свою клятву.

— В таком случае этот закон принимать нельзя, — произнес Агенобарб.

— Ни один народный трибун не осмелится наложить вето, — молвил Марк Котта.

— Тогда мы должны прибегнуть к помощи религии, — сказал Скавр, многозначительно взглянув на Агенобарба. — Привлек же религию наш противник, так почему мы не можем сделать так же?

— Думаю, я знаю, чего ты добиваешься, — заметил Агенобарб.

— А я не знаю, — сказал Луций Котта.

— Когда настанет день голосования, авгуры исследуют знамения, дабы убедиться, что собрание проводится не в нарушение священной воли богов. Мы сделаем так, что оно окажется противно богам, — пояснил Агенобарб. — Плохие приметы будут преследовать нас до тех пор, пока один из народных трибунов не решится наложить вето — на религиозных основаниях. Вот что убьет закон Сатурнина.

И план стал претворяться в жизнь. Авгуры известили о неблагоприятных знамениях. К сожалению, сам Луций Апулей Сатурнин также был авгуром — и он трактовал знамения по-иному.

— Это трюк! — кричал он народу, стоявшему в колодце комиций. — Посмотрите на них, они все ставленники политиков Сената! Знаки сплошь благоприятные! Ложное толкование — просто еще один способ ослабить власть народа! Мы все знаем, что Скавр, Метелл и Катул Цезарь пойдут на все, чтобы лишить наших солдат справедливой награды. И они решились на все! Они намеренно вмешиваются в волю богов!

Народ поверил Сатурнину, который принял меры предосторожности и в толпе распределил гладиаторов. Когда кто-то из народных трибунов попытался наложить вето — мол, знамения неблагоприятные, и к тому же он будто слышал раскаты грома, — гладиаторы Сатурнину сразу приступили к действиям. Пока Сатурнин звенящим голосом кричал, что не допустит вето, его парни сдернули злополучного трибуна с ростры и потащили на Серебряный холм, где заперли и держали, пока собрание не

кончилось. Второй законопроект о земле был поставлен на голосование, и народ в своих трибах проголосовал «за». Пункт о клятве сделал его непривычным, пикантным, и завсегдатаи Народного собрания были заинтригованы. Что произойдет, если такое станет законом, кто будет противиться, как отреагирует Сенат? Очень интересно! И народ решил: надо посмотреть, что же будет.

На следующий день после принятия закона Метелл Нумидийский поднялся в Сенате и с большим достоинством произнес, что он подобной клятвы не даст.

— Мое сознание, мои принципы, сама моя жизнь зависят от этого решения! — гремел он. — Хорошо, я заплачу штраф и уеду в изгнание на Родос. Но клятвы я не дам! Вы слышите меня, почтенные сенаторы? Я — не — дам — клятвы! Я не могу поддерживать то, чему противится все мое существо. Что считается более тяжким преступлением? Дать клятву соблюдать закон, против которого восстает душа, или не давать подобной клятвы? У каждого будет свой ответ. Мой ответ: худшее преступление — дать такую клятву. Поэтому я говорю тебе, Луций Апулей Сатурнин, и тебе, Гай Марий: я — не — буду — клясться! Я выбираю штраф и ссылку.

Впечатление было потрясающим. Все присутствующие знали: как он сказал, так и сделает. Брови Мария застыли, сойдясь на переносице; Сатурнин оскалил зубы. Шепот нарастал. Сомнения и недовольство шевелились в душе, терзали, усиливались.

— Будет трудно, — шепнул Главция со своего курульного кресла, стоявшего рядом с креслом Мария.

— Если я сейчас не закрою собрание, они все откажутся давать клятву, — пробормотал Марий. Он поднялся с кресла и распластил Палату. — Я прошу вас разойтись и подумать в течение трех дней о последствиях. Квинту Цецилию решение далось сравнительно легко: у него есть деньги заплатить штраф и еще останется много, чтобы обеспечить себе комфортабельную ссылку. Но сколько из вас могут сказать о себе то же самое? Идите домой, почтенные сенаторы, и поразмыслите три дня. На четвертый день Палата соберется вновь. Тогда вы должны будете сообщить о своем решении. Мы не должны забывать, что во втором аграрном законе Апулея, *lex Appuleia agraria secunda*, определен срок.

«Нельзя с ними так», — говорил себе Марий, вышагивая по своему огромному и красивому дому около храма Юноны Монеты. Его жена беспомощно наблюдала за ним, а обычно бойкий сын спрятался в своей комнате.

«Ты не можешь с ними так говорить, Гай Марий! Они — не солдаты. Они — даже не подчиненные тебе офицеры, пусть даже ты — консул, а они — заднекамеечники, чьи жирные задницы никогда не плохнутся в курульные кресла. Но до самого распоследнего заседателя они действительно считают себя выше! Я, Гай Марий, шестикратный консул этого города, этой страны. Я должен победить их. Я не могу унизиться до поражения. Я значительно выше их, что бы они там ни воображали. Я — Первый Человек в Риме. Я — Третий Основатель Рима. И после моей смерти они это поймут и признают, что Гай Марий, италиец, деревенщина, был величайшей фигурой в истории нашей Республики, Сената и народа Рима!»

В те три дня, что он дал сенаторам на размышление, его мысли нешли дальше этого. Его охватывал ужас, едва он думал о поражении. Он не мог допустить, чтобы его достоинство пострадало. На рассвете четвертого дня он направился в здание заседаний Сената, собираясь победить. Только победить! Он совершенно не думал о том, какую тактику на этот раз разработают политики, чтобы одолеть его. Марий тщательно оделся, причесался — он не хотел, чтобы Рим увидел его таким, каким он три дня кружил по своему дому. Он спустился по кливусу Банкиров в сопровождении двенадцати ликторов, словно Рим и в самом деле принадлежал ему.

В Палате было необычно тихо. Лишь где-то скрипнут стулья, кто-то кашлянет или тихо пройдут, что-то бормоча, посетители. Процедура жертвоприношения прошла безукоризненно. Знамения благоприятствовали собранию.

Крупный мужчина, великолепно владеющий собой, — Марий поднялся с места во всем своем устрашающем величии. Хотя он заранее не заботился о том, что предпримут политики, свою собственную тактику проработал до мельчайших деталей и держался очень уверенно.

— Почтенные сенаторы, я тоже провел эти три дня в размышлении, — начал он.

Взгляд его был устремлен на слушающих его сенаторов, на всех сразу. Он не выискивал в толпе отдельных лиц, ни дружелюбных, ни враждебных. Никто не мог сказать, куда именно смотрит Марий, ибо глаза его прятались под бровями и рассмотреть их можно было только с очень близкого расстояния. Левой рукой он прижал спускающиеся до колен красиво уложенные складки тоги и сошел с курульного возвышения на пол.

— Одно очевидно. — Марий сделал несколько шагов и остановился. — Если этот закон имеет силу, он обязывает нас дать клятву в том, что мы будем соблюдать этот закон. — Он сделал еще несколько шагов. — Если этот закон имеет силу, мы все должны дать клятву. — Он прошел к двери, повернулся, оглядел всю Палату. — Но имеет ли он силу? — громко спросил он.

Вопрос замер в абсолютной тишине.

— Вот оно! — прошептал Скавр, принцепс Сената, Метеллу Нумидийскому. — С ним покончено! Он сам себя уничтожил!

Но Марий, стоя у дверей, не слышал этого. Поэтому он продолжал:

— Среди вас есть некоторые, кто настаивает, что никакой закон, принятый в подобных обстоятельствах, не может иметь силу. Я слышал, что обоснованность закона оспаривается на двух основаниях. Во-первых, он был принят вопреки неблагоприятным знамениям; во-вторых, он был принят, несмотря на то, что над неприкосновенной личностью народного трибуна было совершено насилие.

Марий опять сделал несколько шагов и остановился.

— Конечно, будущее такого закона сомнительно. Народное собрание должно будет пересмотреть его в свете этих двух обстоятельств, подвергающих сомнению его конституционность. — Маленький шажок. — Но не это, почтенные сенаторы, будем мы сегодня обсуждать. Действенность закона сама по себе не должна волновать нас в первую очередь. У нас есть более неотложная проблема. — Еще один шажок. — Согласно принятому закону, мы должны дать клятву, что будем его соблюдать. И об этом нам необходимо поговорить. Сегодня — последний день. Поэтому вопрос о клятве неотложен. Потому что сейчас мы имеем дело с уже принятым законом. Мы должны дать клятву, что будем соблюдать его.

Он быстро двинулся вперед, почти уже дошел до своего возвышения, но повернулся и медленно направился опять к дверям, где опять обернулся, чтобы вновь оглядеть Палату:

— Сегодня, почтенные сенаторы, мы все дадим эту клятву. Мы обязаны это сделать согласно особому наказу народа Рима. Это они — законодатели! Мы, сенаторы, лишь слуги народа. Итак, поклянемся. Потому что это не имеет значения для нас, почтенные сенаторы! Если в какое-то время в будущем Народное собрание пересмотрит закон и найдет его неудовлетворительным, тогда и наши клятвы тоже не будут иметь силы! — Его голос победно зазвенел. — Вот что мы должны понять! Любая клятва, которой мы поклянемся следовать закону, будет иметь силу до тех пор, пока закон остается законом. Если народ решит аннулировать закон, тогда он также аннулирует и наши клятвы.

Скавр с умным видом ритмично кивал головой. Для Мария это выглядело так, словно принцепс Сената соглашался с каждым сказанным словом. Но Скавр кивал совершенно по другой причине. Движения его головы сопровождали слова, которые он шепотом говорил Метеллу Нумидийскому:

— Мы свалим его, Квинт Цецилий! Наконец-то мы свалим его! Он пошел на попятный. Он не выдержал гонки. Мы заставим его признать перед всей Палатой, что действенность закона Сатурнина вызывает сомнения. Мы перехитрили арпинскую лису!

Уверенный в том, что теперь Палата на его стороне, Марий вернулся к своему возвышению, взошел на него и выпрямился перед курульным креслом из резной слоновой кости, чтобы перейти к заключительной части речи.

— Я первый дам клятву. И если я, Гай Марий, ваш старший консул, готов поклясться, почему этого не могут сделать остальные? Я переговорил со жрецами, и храм Семо Санка готов принять нас. Это недалеко отсюда. Ну, кто присоединится ко мне?

Пронесся вздох, донеслись еле слышный шепот, шарканье обуви по полу. Заднескамеечники стали медленно подниматься.

— Один вопрос, Гай Марий, — остановил их Скавр.

Палата вновь замерла. Марий кивнул.

— Я хотел бы услышать твое личное мнение, Гай Марий. Не официальное — личное.

— Если для тебя имеет значение мое личное мнение, Марк Эмилий, тогда, конечно, ты можешь его узнать, — сказал Марий. — Мнение о чём?

— Что лично ты думаешь, — спросил Скавр голосом, слышным во всех уголках курии, — о втором аграрном законе Апулея? Является ли он действительным в свете того, что происходило при его принятии?

Тишина. Полная тишина. Все затаили дыхание. Задохнулся и Гай Марий, который слишком увлекся, не думая, что излишняя уверенность может загнать его в тупик.

— Ты хочешь, чтобы я повторил свой вопрос, Гай Марий? — ласково осведомился Скавр.

Марий облизал пересохшие губы. Куда идти? Что делать? «Вот ты и оступился, Гай Марий. Провалился в ловушку, из которой тебе не выбраться. Почему я не подумал, что мне обязательно зададут этот вопрос, и задаст его единственный умный человек среди них всех? Неужели мой собственный ум настолько меня ослепил? А ведь вопрос был неизбежен! И я даже не подумал об этом. Ни разу — за эти долгие три дня. Да, выбора нет. Скавр ухватил меня за самое уязвимое место. Давай, Гай Марий, плаши! Он свалил меня, — думал Марий смятенно, — потому что у меня нет выбора. Теперь я должен встать и сказать Палате, что лично я считаю закон несостоятельным. Иначе никто не поклянется. Я же дал им понять, что закон вызывает сомнения! Более того, я дал им понять, что сомнение позволяет взять клятву обратно. Если я отрекусь от собственных слов, то потеряю доверие сенаторов. А если скажу, что лично я считаю закон несостоятельным, то потеряю самого себя».

Он взглянул на скамью трибунов, увидел Луция Апулея Сатурнина — сидит, подаввшись вперед, руки скаты, лицо непроницаемо, зубы обнажены.

«И этого человека потеряю — человека, который для меня так важен, — если скажу, что закон несостоятелен. И величайшего законодателя, какого когда-либо видел Рим, — Главцию — его я потеряю тоже... Вместе мы смогли бы привести в порядок всю Италию, как бы ни накостили политики. Но если я скажу, что их закон несостоятелен, я потеряю их навсегда. И все же — и все же — я должен это сказать. Потому что в противном случае эти хрены не дадут клятвы и мои солдаты не получат землю. Вот о чем я должен думать. Земля для моих людей. Я погиб. Ибо я проиграл».

Когда ножка кресла под Главцием заскрипела по мраморной плите, половина сенаторов вскочили. Главция посмотрел на свои ногти, сжал губы. Его лицо было лишено всякого выражения. Минута проходила за минутой, а тишина не прерывалась.

— Думаю, мне лучше повторить свой вопрос, Гай Марий, — бесстрашно заговорил в полном молчании Скавр. — Каково твое личное мнение? Действителен этот закон или недействителен?

— Я считаю... — Марий замолчал, нахмурился. — Лично я считаю, что закон, вероятно, недействителен.

Скавр хлопнул себя по коленям.

— Благодарю тебя, Гай Марий! — Он поднялся, радостно оглядел задние ряды, потом перевел взгляд на тех, кто сидел напротив него. — Итак, досточтимые сенаторы, если даже такой человек, как наш собственный непобедимый герой Гай Марий, считает закон Апулея недействительным, тогда я буду счастлив принести клятву! — И он отвесил поклон Сатурнину и Главции. — Идемте, коллеги сенаторы! Как принцепс Сената, я предлагаю всем поторопиться в храм Семо Санка!

— Остановитесь!

Все замерли. Метелл Нумидийский хлопнул в ладони. С самого верхнего ряда спускался его слуга, держа в обеих руках по большому мешку — такому тяжелому, что бедняга сгибался под их тяжестью и вынужден был волочь их по широким ступеням. Мешки звенели, со стуком переваливаясь с одной ступени на другую. Когда оба они оказались у ног Метелла Нумидийского, слуга вернулся наверх и снова спустился вниз еще с двумя мешками. Несколько сенаторов-заднескамеечников посмотрели, сколько еще мешков стояло у стены, после чего дали знак своим слугам помочь. Дело пошло быстрее, и вскоре все сорок мешков были сложены у кресла Метелла Нумидийского. И только тогда он поднялся.

— Я не дам клятвы. Я отказываюсь — пусть старший консул хоть тысячу тысяч раз уверяет, что закон недействителен! Я плачу свой штраф в двадцать талантов серебра и объявляю, что завтра на рассвете я уезжаю в ссылку.

Что тут началось!

— Тихо! Соблюдайте порядок! — кричал Скавр, кричал Марий.

Когда наконец все стихло, Метелл Нумидийский оглянулся и через плечо сказал кому-то:

— Квестор казначейства, пожалуйста, подойди сюда.

Сверху спустился видный молодой человек с каштановыми волосами и карими глазами. Его белая тога мерцала, каждая складка была идеальна. Это был Квинт Цецилий Метелл Поросенок.

— Квестор казначейства, я передаю тебе эти двадцать талантов серебра в уплату штрафа, наложенного на меня за отказ поклясться соблюдать второй аграрный закон Апулея, — молвил Метелл Нумидийский. — Однако пока Палата еще вся в сборе, я требую, чтобы деньги были пересчитаны. Пусть почтенные сенаторы убедятся, что сумма верна до последнего денария.

— Мы верим твоему слову, Квинт Цецилий, — сказал Марий, улыбаясь невесело.

— Я настаиваю! Никто не двинется с места, пока не будет сосчитана последняя монета. — Он кашлянул. — Я думаю, общая сумма составляет сто тридцать пять тысяч денариев.

Все со вздохом сели. Двое служащих Палаты принесли стол и поставили около Метелла Нумидийского. Сам Метелл Нумидийский, придерживая тогу левой рукой, правую положил на стол. Служащие открыли один из мешков и высипали монеты на стол. Молодой Метелл приказал держать пустой мешок открытым, а сам принялся считать монеты, сбрасывая их по одной в правую ладонь под столешницей. Когда ладонь наполнилась, он опустил монеты в мешок.

— Подожди! — сказал Метелл Нумидийский.

Метелл Поросенок остановился.

— Считай громко, квестор казначейства.

Все ахнули, потом вздохнули, потом раздался всеобщий стон. Метелл Поросенок вернул сосчитанные монеты на стол и стал считать снова:

— Р-р-раз, д-д-два, т-т-три...

Когда солнце зашло, Гай Марий поднялся:

— День закончился, почтенные сенаторы, но дело наше не окончено. После захода солнца официальные заседания в Палате не проводятся. Поэтому я предлагаю теперь же направиться в храм Семо Санка и дать наши клятвы. Это надо сделать до полуночи. Иначе мы нарушим прямой наказ народа.

Он посмотрел туда, где стоял Метелл Нумидийский, а его сын все еще считал деньги. До финала было еще очень далеко, хотя Поросенок заикался уже меньше — перестал волноваться.

— Марк Эмилий Скавр, принцепс Сената, твой долг остаться здесь и наблюдать за окончанием этой длительной процедуры. Я надеюсь, что ты это выполнишь. Я разрешаю тебе принести твою клятву завтра. Или послезавтра, если пересчет денег займет завтра весь день. — В уголках губ Мария пряталась улыбка.

Но Скавр — он не улыбнулся, нет. Откинув голову назад, он громко расхохотался.

Поздней весной Сулла вернулся из Италийской Галлии и сразу же, только приняв ванну и переодевшись, пришел к Гаю Марии. Марий выглядел неважно, что было вовсе не удивительно. Даже на самом севере страны стали известны события, сопровождавшие принятие закона Апулея. Марию не потребовалось пересказывать всю историю. Они просто молча посмотрели друг на друга и без слов поняли все, чем хотели поделиться.

Однако когда первые эмоции улеглись и первая чаша хорошего вина была выпита, Сулла затронул неприятную сторону событий.

— Доверие к тебе сильно подорвано, — сказал он.

— Знаю, Луций Корнелий.

— Я слышал, это работа Сатурнина. Так ли это?

Марий вздохнул:

— Ну и можно ли винить его за то, что теперь он ненавидит меня? Он произнес с полсотни речей и в каждой обвиняет меня в том, что я его предал. А поскольку он блестящий оратор, то и рассказ о моем предательстве всегда получается очень убедительным. Он собирает большие аудитории. Его слушают не просто завсегдатаи Форума, а люди третьего, четвертого и пятого классов. Они, кажется, восхищаются им до такой степени, что спешат на Форум послушать его всякий раз, когда у них выдается свободное время.

— Он так часто выступает? — спросил Сулла.

— Каждый день!

Сулла присвистнул:

— Это что-то новенькое в анналах Форума! Каждый день? В дождь и в солнечную погоду? Официальные это собрания или неофициальные?

— Говорю же тебе, каждый день. Когда претор по делам римских граждан — его же приятель Главция, — подчиняясь приказу Великого Понтифика, велел Сатурнину не произносить речи в базарные дни или в праздники, тот вроде бы не расслышал. А так как он народный трибун, никто серьезно и не пытался стащить его с трибуны. — Марий нахмурился, обеспокоенный. — В результате его слава растет, и теперь мы столкнулись с совершенно новым сортом завсегдатаев Форума — теми, кто приходит исключительно ради того, чтобы послушать разглагольствования Сатурнина. Он обладает... Даже не знаю, как назвать это... Думаю, как всегда, у греков найдется слово... Да, харизма. Он обладает харизмой. Они просто чувствуют его страсть. Не будучи регулярными посетителями Форума, они не являются знатоками риторики. Они не умеют по достоинству оценить, как он вертит мизинцем или меняет свою походку. Нет, они просто стоят и смотрят разинув рты, а в конце речи устраивают ему овацию.

— Нам следует последить за ним, да? — спросил Сулла. Он очень серьезно посмотрел на Мария. — Почему ты это сделал?

Марий не пытался пожимать плечами — мол, и сам не знает. Он ответил сразу:

— У меня не было выбора, Луций Корнелий. Правда в том, что я не... недостаточно хитер, чтобы предвидеть все варианты, если хочу опережать на шаг таких людей, как Скавр. Он очень ловко поймал меня. Я сам это признаю.

— Но в одном ты еще не проиграл, — сказал Сулла, стараясь его успокоить. — Второй закон о земле все еще записан на табличках, и я не думаю, что Народное собрание собирается посчитать его недействительным. Во всяком случае, мне сказали, что именно так обстоят дела.

— Правда, — произнес Марий, совсем не успокоенный. Он втянул голову в плечи, вздохнул. — Сатурнин — победитель, Луций Корнелий. Не я. Это его оскорбленное чувство заставляет народ быть непреклонным. Я потерял его. — Лицо его исказилось, он протянул руки. — Как я дотяну до конца этого года? Какая пытка — иди под гиканье и свист мимо ростры, с которой веет Сатурнин... А войти в курию? Ненавижу! Я не выношу эту елейную улыбку на морщинистом лице Скавра, я не выношу самодовольную ухмылку на лице этого верблюда Катула. Я не предназначен для политической арены, и эту истину я начинаю понимать только сейчас.

— Но ведь ты достиг огромной славы, поднявшись по cursus honorum, Гай Марий! Ты был одним из величайших народных трибунов! Ты знал политическую арену, и тебе она нравилась.

Марий пожал плечами:

— Тогда я был молодым, Луций Корнелий. И у меня были хорошие мозги. Но я не политик.

— Значит, ты собираешься уступить центральное место на сцене такому позеру-хищнику, как Сатурнин? Это совсем не похоже на того Гая Мария, какого я знаю, — сказал Сулла.

— Я не тот Гай Марий, какого ты знаешь, — с еле заметной улыбкой отозвался Марий. — Новый Гай Марий очень, очень устал. Мне он так же незнаком, как и тебе, поверь!

— Тогда уезжай на лето, пожалуйста!

— Уеду, как только ты женишься на Элии.

Сулла удивился, потом засмеялся:

— О боги, я совсем забыл об этом! — Он грациозно поднялся — красивый мужчина в расцвете лет. — Пойду-ка я домой, попрошу аудиенции у нашей общей тещи. Не сомневаюсь, она побежит из моего дома сломя голову. — При этих словах он вздрогнул.

— Да, она не дождется, когда сможет переехать, — просто молвил Гай Марий, даже не заметив содрогание Суллы. — Я купил для Марсии небольшую приличную виллу в Кумах недалеко от нашей.

— Тогда поспешу домой, как Меркурий, заключивший договор на ремонт Аппиевой дороги! — Сулла протянул руку. — Береги себя, Гай Марий. Если Элия еще не передумала, я тут же женюсь. — Какая-то мысль мелькнула у него в голове, он засмеялся. — А ты абсолютно прав! Катул Цезарь похож на верблюда! Монументальное высокомерие — о-о!

Юлия поджидала за дверью кабинета, чтобы перехватить Суллу, когда тот будет уходить.

— Как он? — с волнением спросила она. — Что ты думаешь?

— С ним все будет хорошо, сестренка. Они бьют его, и он страдает. Уезжай с ним в Кампанию, пусть купается в море и наслаждается розами.

— Я так и сделаю, как только ты женишься.

— Да женюсь я, женюсь! — воскликнул он, подняв руки, словно сдаваясь.

Юлия вздохнула:

— Есть еще одно, от чего мы не можем избавиться, Луций Корнелий. Полгода на Форуме измотали Гая Мария больше, чем десять лет непрерывных сражений.

Кажется, в отдыхе нуждались все. Стоило Марию уехать в Кумы, как бурная общественная жизнь в Риме постыла. Один за другим аристократы покидали город, где в середине лета оставаться было невыносимо. Любая разновидность лихорадки распространялась эпидемией в Субуре и на Эсквилинском холме. И даже на Палатинском и Авентинском холмах люди были не совсем здоровы.

Не то чтобы жизнь в Субуре чрезмерно беспокоила Аврелию. Она жила в центре прохладной низины, в зелени двора, за

толстыми стенами своей инсулы, отгораживающими ее от жары. Гай Матий и его жена Присцилла были в таком же положении, как она и Цезарь. Присцилла была тоже на сносях. Они с Аврелией и родить должны были в одно время.

За обеими женщинами был очень хороший уход. Много помогал Гай Матий; Луций Декумий заглядывал каждый день, чтобы убедиться, что все хорошо. Цветы поступали регулярно, а с тех пор как хозяйка забеременела, цветы сопровождались сластями, редкими специями, вообще — всем, что, по мнению Луция Декумия, должно возбуждать аппетит его дорогой Аврелии.

— Можно подумать, будто у меня пропал аппетит! — смеясь, говорила она Публию Рутилию Руфу, еще одному регулярному посетителю.

Ее сын, Гай Юлий Цезарь, родился тринадцатого июля. Его рождение было зарегистрировано в книгах храма Юноны Луцины, покровительницы рожениц. Роды произошли за два дня до июльских ид. Статус — патриций, ранг — сенатор. Он был длинненогий и поэтому весил больше, чем казалось. Малыш был очень сильный. Спокойный — почти не плакал. Волоски совсем беленые, почти невидимые, хотя при близком рассмотрении оказывалось, что волос довольно много. Глаза светлые, зеленовато-голубые, а по краям радужки были обведены полоской темно-синего, почти черного цвета.

— Он особенный, этот твой сын, — заметил Луций Декумий, внимательно глядываясь в лицо мальчика. — Посмотри на его глаза! Старушку напугают!

— Не говори так, прыщ низкорослый! — заворчала Кардикса, уже покоренная этим первым мальчиком в семье.

— Посмотрим-ка, как у нас дела внизу! — продолжал Луций Декумий, разворачивая узловатыми пальцами пеленки. — Ого! — радостно воскликнул он. — Как я и думал! Большой нос, большие ступни и большой хлыстик!

— Луций Декумий! — воскликнула возмущенная Аврелия.

— Ну, хватит! Проваливай! — рявкнула Кардикса. Она схватила его за шиворот, как котенка, подтащила к двери и вытолкнула на улицу.

Сулла зашел к Аврелии спустя месяц после рождения ребенка. Объяснил, что она осталась единственным знакомым лицом в Риме. Извинился, кстати, за то, что явился без приглашения.

— Ну что ты! — воскликнула она, обрадовавшись его визиту. — Надеюсь, ты останешься на ужин. Или, если не сможешь сегодня, может быть, придешь завтра? Мне так не хватает общения!

— Я могу остаться, — согласился он, не церемонясь. — Сказать по правде, я приехал в Рим, чтобы повидаться со старым другом. Он заболел лихорадкой.

— Кто это? Я знаю его? — спросила она скорее из вежливости, чем из любопытства.

На какой-то миг ей показалось, что вопрос был нежелателен. Или затронул что-то болезненное для Суллы. Выражение его лица, которое вдруг потемнело, стало несчастным, сердитым, заинтересовало ее больше, чем имя его больного друга. А потом все ушло, и он опять улыбался:

— Сомневаюсь, что ты его знаешь. Его имя Метробий.

— Актёр?

— Да. Я знал многих людей в театре. Раньше. До женитьбы на Юлилле, до моего сенаторства. Это совершенно другой мир. — Его странные светлые глаза переходили с одного предмета на другой. — Похожий на наш, только как бы с изнанки. Странно! Сейчас это кажется сном.

— Ты говоришь так, словно жалеешь, — тихо сказала Аврелия.

— Нет, правда.

— А он поправится, твой друг Метробий?

— О да! Это же только лихорадка.

Наступило неловкое молчание, которое он прервал, подойдя к открытому окну, выходящему во двор.

— А там красиво.

— Да, красиво.

— А твой сын? Как он?

Она улыбнулась:

— Скоро сам увидишь.

— Хорошо. — Он продолжал смотреть в окно.

— Луций Корнелий, о чём ты задумался? — спросила она.

Он повернулся, улыбаясь. Она подумала: какой привлекательный мужчина. Не такой, как все. Его глаза смущают, они такие светлые, а по краям — темные. Как глаза ее сына. И по какой-то причине эта мысль заставила ее вздрогнуть.

— Ни о чём, Аврелия, все хорошо, — проговорил Сулла.

— Хотелось бы этому верить.

Он открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент вошла Кардикса, неся младенца.

— Мы поднимемся на пятый этаж, — сказала она.

— Сначала покажи ребенка Луцию Корнелию.

Но если Сулла и интересовалась детьми, то только своими собственными. Поэтому он, как полагалось, посмотрел на лицо ребенка, потом взглянул на Аврелию — убедиться, что этого достаточно.

— Ступай, Кардикса, — приказала она, положив этим конец мучениям Суллы. — Чья сейчас очередь?

— Сары.

Аврелия повернулась к Сулле, приятно улыбаясь без всякого смущения.

— Увы, у меня нет молока! Поэтому моего ребенка кормят весь дом. Это одно из преимуществ проживания в инсуле. Всегда найдется по крайней мере поплюжины кормящих матерей, и каждая готова накормить моих детей.

— Он вырастет и будет любить весь мир, — сказал Сулла. — Наверное, у тебя жильцы со всего света.

— Да. Это делает жизнь интересной.

Он опять вернулся к окну.

— Луций Корнелий, ведь ты здесь лишь наполовину, — мягко пожурила она его. — Что-то с тобой все-таки случилось! Ты не можешь со мной поделиться? Или это касается только мужчин?

Он сел напротив нее.

— Просто мне никогда не везло с женщинами, — вдруг сказал он.

Аврелия моргнула:

— Как это?

— С женщинами, которых я люблю. С женщинами, на которых женюсь.

Интересно, что ему было легче говорить о браке, чем о любви.

— А сейчас это что? — спросила она.

— И то, и другое. Люблю одну, женился на другой.

Аврелия посмотрела на него с искренней симпатией. Совершенно чистой — сестринской. Ни тени желания.

— Я не буду интересоваться именами, потому что не хочу этого знать. Лучше ты спрашивай меня, а я буду отвечать.

Сулла пожал плечами:

— Да говорить-то особо и нечего! Я женился на Элии, которую подыскала мне теща. После Юлиллы мне требовалась идеальная римская матрона. Кто-нибудь вроде Юлии или тебя, только постарше. Когда Марсия познакомила меня с Элией, я думал: вот то, что нужно, — спокойная, тихая, добродушная, привлекательная, в общем, хорошая женщина. Наконец-то я нашел римскую матрону. Я подумал так: поскольку я не могу никого любить, пусть хоть женюсь на той, которая мне по душе.

— Наверное, тебе нравилась твоя германская жена, — сказала Аврелия.

— Да, очень. Я все еще скучаю по ней. Но она не римлянка, поэтому не подходит для римского сенатора, ведь так? Во всяком случае, я вообразил, будто Элия окажется похожа на Герману. — Он зло рассмеялся. — Но я ошибся! Элия оказалась тупой, надоеливой, скучной. Вообще-то она неплохая. Но пять минут в ее компании — и я уже зеваю!

— Она хорошо относится к твоим детям?

— Очень хорошо. В этом отношении никаких претензий! — Он опять засмеялся. — Мне следовало бы нанять ее няней. Она была бы идеальной няней. Она обожает детей, и они обожают ее.

Сулла говорил сейчас так, словно Аврелии не было рядом, — будто размышлял вслух.

— Вернувшись из Италийской Галлии, я сразу попал на обед к Скавру, — продолжал он. — Я был слегка польщен, немного встревожен. Думал, что, может быть, они все сойдутся там — Метелл Свинка и остальные — и постараются оторвать меня от Гая Мария. А там была она, бедняжка, жена Скавра. Боги! Почему она вышла замуж за этого Скавра? Он годится ей в прадедушки! Далматика. Так они зовут ее. Способ отличать одного из Цецилиев Метеллов от тысячи других. Я только взглянул на нее — и влюбился. По крайней мере, я думаю, что это любовь. И еще жалость. Но я не перестаю думать о ней. Значит, это любовь, да? Она беременна! Разве это не отвратительно? Конечно, никто ее и не спрашивал, чего она хочет. Метелл Свинка просто отдал ее Скавру, как медовый пряник ребенку. «Вот, сын твой умер, — возьми это как утешительный приз! Сделай себе еще сына!» Отвратительно. Не могу я этого понять, Аврелия. Они еще более аморальны, чем я. И никогда не поймут этого!

Аврелия очень многое узнала с тех пор, как переехала в Субур. Все, от Луция Декумия до вольноотпущенников на двух верхних этажах, посвящали ее в свою жизнь. И нравилось ей это или нет, но она, хозяйка дома, была вовлечена в такие дела, которые шокировали бы ее мужа, если бы только он знал.

АбORTы. Колдовство. Убийство. Грабежи с насилием. Изнасилования. Сумасшествие. Отчаяние. Самоубийство. Все это случалось в каждой инсупле, и конец всегда был одинаков. Ни одного случая не было отправлено на рассмотрение претору по делам граждан. Все решали сами жильцы, и суд был скор и справедлив. Глаз за глаз, зуб за зуб, жизнь за жизнь.

Слушая своего гостя, Аврелия составила полный портрет Луция Корнелия Суллы, мало чем отличающейся от истинного. Аврелия была единственной из всех римских аристократов, знакомых с Суллой, кто отдавал себе отчет в том, из каких низов он поднялся. И еще она понимала, какие ужасные трудности он испытывал из-за своей натуры и воспитания. Он говорил о праве своего рождения, а сам постоянно позорил себя в публичных домах.

Пока Сулла рассказывал, мысли его бродили среди вещей, о которых он не смел заговорить с Аврелией. Как отчаянно хотел он маленькую беременную супругу Скавра. И не только из-за ее тела или ума. Она во всех отношениях была его идеалом. Но ее выдали замуж за Скавра *confarreatio*, по самому торжественному и священному патрицианскому брачному обряду. А он привязан к унылой Элии. Правда, на этот раз не было патрицианского брака, как с Юлиллой. Но развод — отвратителен. Далматика стала еще одним подтверждением давно выученного урока. Женщины. Он нутром чувствовал, что ему никогда не повезет с женщиной. Было ли это из-за второй натуры? Чудесные, красивые, великолепные отношения с Метробием! И все же он хотел жить с Метробием не больше, чем с Юлиллой. Может быть, потому, что не хотел делить себя ни с кем. Слишком опасно. И все же Сулла страстно желал Цецилию Метеллу Далматику, жену Марка Эмилия Скавра, принцепса Сената! Омерзительно. Не то чтобы Сулла обычно был против стариков, женившихся на совсем молоденьких девочках... Это в принципе личное дело каждого. Но в Далматику Сулла был влюблена, поэтому Далматика была особенная.

— Ты понравился ей? — спросила Аврелия, врываясь в его мысли.

По крайней мере в этом Сулла не сомневалась:

— О да! Без сомнения.

— И что ты собираешься делать?

Лицо его исказилось:

— Я слишком далеко ушел. Я слишком дорого заплатил! Я не могу остановиться сейчас, Аврелия! Даже ради Далматики. Если я заведу с ней роман, наши «добрячки» поставят себе целью погубить меня. Да и денег у меня еще не очень-то много. Достаточно только для Сената. Я получил кое-что после войны с германцами, но не больше, чем мне полагалось. И проделать весь оставшийся путь мне будет нелегко. Они относятся ко мне так же, как к Гаю Марию, пусть по другой причине. Ни он, ни я не отвечаю за них жалким идеалам. Но они не могут взять в толк, почему мы — можем, а они — нет. Они просто чувствуют, что их используют, ими злоупотребляют. Я безусловно счастливее Гая Мария. По крайней мере, в моих жилах течет благородная кровь. Но она заражена Субурой. Актеры. Жизнь в низах... Я определенно не «добрячок». — Он глубоко вздохнул. — И все же я обскаку их, Аврелия! Потому что я — лучший конь на скачках!

— И что же будет, если приз окажется не стоящим скачек? Он широко открыл глаза, удивленный ее глупым вопросом:

— А он никогда и не стоит затраченных усилий! Никогда! И не поэтому мы принимаем участие в гонках. Когда нас запрягают, чтобы сделать семь кругов, мы состязаемся сами с собой. Что еще может двигать Гаем Марием? Он — лучший конь на поле боя. И он обгоняет самого себя. И я — тоже. Я могу это сделать. И я сделаю это! Но это имеет значение лишь для меня.

Она покраснела:

— Ну конечно! — Поднявшись, она протянула руку. — Пойдем, Луций Корнелий! Сегодня хороший день, несмотря на жару. Субур совершенно опустела. Все, кто может позволить себе покинуть Рим на лето, уехали. Остались только бедные и сумасшедшие. И я. Давай прогуляемся, а когда вернемся, то поужинаем. Я послала за дядей Публием, чтобы он присоединился к нам. Я думаю, что он еще в городе. — Аврелия сстроила гримасу. — Мне следует быть осторожной. Мой муж доверяет мне, потому что любит меня, что немало. Но ему не понравится, если обо мне пойдут разговоры. Вот я и стараюсь быть старомодной женой. Он, конечно, придет в ужас, если я не приглашу тебя поужинать со мной. И все же будет лучше, если поприсутствует также дядя Публий. Гай Юлий похвалит меня за это.

Сулла посмотрел на нее с симпатией:

— Как плохо мужчины знают своих жен! Ты даже отдаленно не похожа на существа, о котором Гай Юлий грезит над солдатским обедом в лагере.

— Я знаю. Но он же этого не знает!

Жара на улице Патрициев обрушилась на них, как удушливое одеяло. Аврелия ахнула и нырнула обратно в дом.

— Ну вот, значит, будем сидеть дома! Не думала, что так жарко! Евтих может сбежать за дядей Публием, пусть поупражняется! А мы посидим в саду. — Она шла впереди, не умолкая. — Не унывай, Луций Корнелий! Все в конце концов наладится, я уверена. Возвращайся в Цирцеи, к своей добротной, скучной жене. Уверена, со временем она будет нравиться тебе больше. И для тебя лучше не видеться с Далматикой. Совсем. Сколько тебе лет?

Настроение Суллы начало улучшаться. Лицо прояснилось, улыбка стала более натуральной.

— В этом году — веха, Аврелия. В первый день нового года стукнуло сорок.

— Еще не старик!

— В некоторых отношениях уже старик. Я еще не был претором, а уже год прошел, как мог им стать.

— Ну-ну, опять погрустнел, и совершенно напрасно. Посмотри на нашего старого боевого коня Гая Мария! Первый раз стал консулом в пятьдесят лет. Через восемь лет после крайнего срока. А сейчас? Если бы ты увидел его на скачках в честь бога Марса, ты назвал бы его лучшим скакуном? Был бы ты готов поспорить, что он выиграет? А ведь все свои величайшие подвиги он совершил после пятидесяти.

— Да, это так, — согласился Сулла, и на душе у него, помимо воли, полегчало. — Какой благосклонный бог направил меня к тебе сегодня? Ты хороший друг, Аврелия. Ты — помошь.

— Ну что же, может быть, когда-нибудь я обращусь за помощью к тебе.

— Тебе стоит только попросить. — Он вскинул голову, увидел балконы на верхних этажах без экранов. — А ты смелая! Нет экранов? И они хорошо себя ведут?

— Всегда!

Он засмеялся гортанным смехом искреннего веселья.

— Я уверен, что ты крепко держишь в своей маленькой ручке всех шалопаев Субуры!

Кивая, она тихо покачивалась в садовом кресле.

— Мне нравится так жить, Луций Корнелий. Честно говоря, меня не волнует, удастся ли Гаю Юлию скопить достаточно денег, чтобы купить тот дом на Палатине. Здесь, в Субуре, я занята, делаю полезные дела, окружена интересными людьми. Видишь ли, у меня свои скачки.

— У тебя пока что только один мальчик. Перед тобой длинная дорога.

— Перед тобой тоже, — сказала Аврелия.

Юлия знала, конечно, что Марий ни за что не проведет все лето в Кумах, хотя и говорил, что до сентября в Рим не вернется. Как только его состояние улучшится, он захочет вернуться в драку. Поэтому каждый день она возносила благодарственные молитвы богам. Как хорошо, что Марий, едва попав в сельскую местность, скинул и окаймленную пурпуром тогу политика, и кирасу воина и — пусть ненадолго — сделался землевладельцем средней руки, как все его предки. Они купались в море, отдыхали на пляже рядом с их великолепной виллой и объедались устрицами, крабами, креветками, тунцом. Гуляли по малонаселенным холмам среди зарослей роз, наполнявших воздух благоуханием. Они мало принимали гостей и в гости предпочитали неходить. Гай Марий построил что-то вроде лодки для Мария Младшего. Она была похожа на донную рыбку и вызывала у отца и сына одинаковое восхищение. Никогда Юлия не была так счастлива, как в то безмятежное лето в Кумах.

Но Марий не вернулся в Рим. Без боли, исподтишка, в ночь на первое августа с ним случился удар. Проснувшись, Марий лишь заметил, что подушка мокрая, и подумал, что во сне пустил слюни. Когда он вышел к завтраку, Юлия на террасе любовалась морем. Затем она посмотрела на него — на ее лице появилось странное выражение. Никогда прежде Юлия так на него не смотрела.

— В чем дело? — пробормотал Марий, чувствуя, что язык повинуется плохо. Странное ощущение.

— Твое лицо, — вымолвила она, вся побелев.

Он потрогал щеку. Пальцы левой руки тоже почти не слушались.

— Что это? — спросил он.

— Твое лицо... Левая сторона вся отвисла... — Дыхание у нее перехватило, когда она поняла, что случилось. — О Гай Марий! У тебя был удар!

Он не чувствовал никакой боли, не ощущал никаких изменений — он отказывался верить ей, пока она не принесла большое полированное серебряное зеркало и он сам смог увидеть себя. Правая сторона лица оставалась нормальной. Как обычно. Не очень, конечно, строго очерченная, как и следует в его возрасте. Зато левая выглядела расплывавленной восковой маской.

— Но я не чувствую никакой разницы! — потрясенный, воскликнул он. — Голова совершенно ясная, ничего не болит. Язык не очень ворочается, но ты ведь понимаешь, что я говорю, и я понимаю, что ты говоришь! Левая рука неловкая, но я могу ею двигать. Нигде не болит!

Когда он, трясясь от гнева, запретил звать доктора, Юлия согласилась только из страха, что, если она ослушается, его состояние ухудшится. Весь день она наблюдала за ним. Когда ей вскоре после полуночи удалось уговорить его лечь спать, она уже могла сообщить ему, что паралич не прогрессирует. Изменений в состоянии мужа она не заметила.

— Уверена, это хороший знак, — сказала Юлия. — Со временем тебе станет лучше. Тебе просто надо отдохнуть. Побудем здесь подольше.

— Я не могу! Они подумают, что у меня не хватает мужества встретиться с ними лицом к лицу!

— Если они захотят навестить тебя, — а я уверена, что они приедут, — они сами убедятся, в чем дело. Нравится тебе это или нет, ты останешься здесь, пока тебе не станет лучше, — сказала Юлия властно. Прежде это было совершенно ей не свойственно. — Нет, и не спорь со мной! Я права. Ты знаешь, что я права! Чего ты сможешь добиться, если вернешься в Рим в таком состоянии? Разве что еще одного удара!

— Ничего, — пробормотал он и в отчаянии бросился на кровать. — Юлия, Юлия! Я чувствую себя уродливым — но вовсе не больным! Я должен поправиться!

— Им не одолеть тебя, Гай Марий, — уверенно произнесла она. — Единственное, что способно победить тебя, — это смерть. А ты ведь не собираешься умирать от этого маленького удара. Паралич пройдет. И если ты отдохнешь, будешь заниматься гимнастикой, умеренно питаться, перестанешь пить вино и прекратишь беспокоиться о том, что творится в Риме, — это произойдет значительно быстрее.

* * *

Весенних дождей не было ни на Сицилии, ни на Сардинии. И в Африке их было мало. А потом, когда пшеница стала колоситься, с неба полило. Наводнения и насекомые-паразиты совершенно погубили посевы. Небольшой урожай из Африки достался Путеолам и Остии. Это означало, что в Риме четвертый год подряд будут высокие цены на зерно, недостаток в его количестве и, как следствие, голод.

Младший консул, фламин Марса Луций Валерий Флакк, остался с проблемой лицом к лицу. Зернохранилища, расположенные у подножия Аventинского холма, рядом с римским портом, были почти пусты. И личные зернохранилища вдоль Тусканской улицы тоже не ломились от запасов. И это малое количество, как сообщили Флакку и его эдилам торговцы зерном, будет продано по пятьдесят сестерций за один модий — около шести килограммов. Вряд ли кто-то из простых людей сможет позволить себе выложить за хлеб хотя бы четверть этой суммы. Имелись, конечно, другие, более дешевые продукты, но нехватка пшеницы привела к общему повышению цен на все продукты — из-за возросшего спроса. Желудки, привыкшие к хорошему хлебу, трудно переносили жидкую овсянную кашу и турнепс, которые превращались в основные блюда на кухне простонародья в голодные времена. Сильные и здоровые выживали, а старые, слабые и больные зачастую умирали. Погибали и дети.

К октябрю среди простого люда началось брожение. Начал распространяться страх. Бедняков Рима подстерегала голодная смерть. Многие граждане третьего и четвертого классов начали обзаводиться оружием, чтобы защитить свои кладовые от налетов.

Луций Валерий Флакк посоветовался с курульными эдилами, ответственными за закупку зерна от имени государства.

Вместе они обратились к государству за дополнительной суммой, чтобы где-нибудь — где только можно — купить зерно. Какое угодно — ячмень, просо, пшеницу любого сорта. Но Сенат остался равнодушным. Бедняки умирали слишком далеко — где-то внизу. Сенаторам не было дела до голодных бунтов простонародья.

И, что еще хуже, два молодых человека, занимавших должности квесторов казначейства, оказались исключительно безжалостны. Судьба простых граждан Рима мало беспокоила их даже в лучшие времена. Когда их попросили дать заем на нужды Рима, оба ответили, что намерены прекратить необоснованное расхищение казны, то есть не станут давать деньги ни на армию простолюдинов, ни на зерно для них. Старшим из двух казначеев был не кто иной, как Цепион Младший, сын того консула, который украл золото Толозы и проиграл сражение при Арависоне. Другой — Метелл Поросенок. У обоих были счеты с Гаем Марием.

В практике сенаторов не было еще случая, когда рекомендации казначейства не выполнялись. На запрос Палаты о состоянии финансов Цепион и Метелл Поросенок ответили, что денег на зерно нет. Из-за огромных расходов, вызванных многолетней необходимостью вооружать и кормить армии из простолюдинов, казна опустела. Трофеи и дани — результат войн с Югуртой и с германцами — не смогли выправить отрицательный финансовый баланс казны. Так доложили два квестора казначейства. Они показали бухгалтерские книги, чтобы доказать свою правоту. Рим разорен. Те его граждане, кто не в состоянии заплатить за зерно, будут голодать. Извините, но такова реальная ситуация.

К началу ноября весь Рим уже знал, что государственного зерна по разумным ценам не будет. Но ни слова не говорилось о неурожае или о скупых квесторах. Просто говорили: мол, дешевого хлеба не будет.

И сразу же Форум стал заполняться людьми, которые обычно туда не ходили, а завсегдатаи исчезли или прятались в задних рядах пришельцев. Эти толпы состояли из простых людей и граждан пятого класса. Настроены они были решительно. Сенаторы и другие облаченные в тогу люди шли по территории — которая, как они думали, принадлежала им — под градом насмешек и свиста. Сначала казалось, что запугать сенаторов трудно, но потом свист сменился дождем фекалий, навоза, вонючего ила из Тибра, отбросов. Чтобы избежать этого, Сенат отменил свои собрания, оставив без сенаторской поддержки горемык банкиров, торговцев, адвокатов, трибунов казначейства, страдающих от нападок разъяренной толпы.

Недостаточно сильный, чтобы взять на себя инициативу, младший консул Флакк решил не вмешиваться. Цепион Младший и Метелл Поросенок поздравили себя с хорошо выполненной работой. Если за зиму умрут несколько тысяч простолюдинов, меньше народа придется кормить.

В это самое время народный трибун Луций Апулей Сатурнин собрал Народное собрание и внес законопроект о зерне. Государство должно немедленно закупить зерно — пшеницу, ячмень, просо — в Италии и Итальянской Галлии и продать его по очень низкой цене — по одному сестерцию за модий. Конечно, Сатурнин ни слова не сказал ни о невозможности привезти морем что-то из Итальянской Галлии, ни о том, что нигде южнее Апеннин невозможно купить зерна. Он лишь хотел собрать толпу, то есть выставить себя в глазах народа единственным его спасителем. Оппозиции почти не было ввиду отсутствия сенаторов. От голода так или иначе страдали все, кроме богачей. Поэтому все были на стороне Сатурнина: и третий, и четвертый классы, и даже многие центурии второго класса. К концу ноября весь Рим стал его сторонником.

— Если народ не может позволить себе купить пшеницу, он остается без хлеба! — кричала гильдия мукомолов и пекарей.
— Если народ голодный, он не может хорошо работать! — кричала гильдия строителей.
— Если люди не могут прокормить своих детей, что станется с их рабами? — кричала гильдия вольноотпущенников.
— Если люди настолько голодны, что начинают грабить магазины и опрокидывать прилавки на рынке, что с нами-то будет? — кричала гильдия торговцев.

— Если люди примутся совершать набеги на наши участки в поисках пищи, нам нечего будет продавать! — кричала гильдия зеленщиков.

Но сенаторы продолжали откладывать заседания. Они боялись собираться даже в храмах, в стороне от легких дорог. Так что решение проблемы предоставлялось Сатурнину. А его решение основывалось на ложной предпосылке о том, что зерно есть и государство может его купить. Он сам вполне искренне считал, что кризис создан искусственно и виновны в этом политики Сената, вступившие в преступный союз с высшими эшелонами торгаши и производителей зерновых.

Все лица на Форуме были обращены к нему, как гелиотропы к солнцу. Распаляя себя магией своего ораторского искусства, он начал верить в каждое сказанное им слово; более того — он поверил каждому лицу в толпе, на котором останавливался его взор. Он уверовал в новый способ управления Римом. Для чего нужны все эти консулы, сенаторы, когда толпы народа заставляют их бежать домой, поджав хвости? Когда ставки сделаны и настает момент бросать кости, только он, народ, и имеет значение. Только эти обыкновенные лица в огромной толпе. Именно у них была реальная власть, а те, кто воображал, будто власть принадлежит им, владели ею лишь до тех пор, покуда дозволял народ.

Так какое значение имело консульство? Какое значение имел Сенат? Болтовня, жаркие споры — и ничего более! В Риме не было армий — те оставались в центрах военной подготовки под Капуей. Консулы и Сенат держали в руках власть, не обладая военной поддержкой. Но здесь, на Форуме, — здесь была истинная власть. Здесь были массы, способные поддержать эту власть. Так ли уж непременно требуется быть консулом, чтобы стать Первым Человеком в Риме? Это неизбывательно! Постиг ли эту истину Гай Гракх? Или его заставили покончить с собой, прежде чем он смог понять это?

«Я буду Первым Человеком в Риме, — думал Сатурнин, вглядываясь в лица толпы. — Но не как консул. Как народный трибун. Настоящая власть — у народных трибунов, а не у консулов. И если Гаю Марии удается быть консулом постоянно, то что помешает Луцию Апулею Сатурнину постоянно быть народным трибуном?»

Однако для того чтобы провести свой закон о зерне, Сатурнин выбрал относительно спокойный день. Потому, главным образом, что сохранил еще способность понимать: сенаторская оппозиция должна сохраняться. Пусть кто-нибудь будет против решения дать народу дешевый хлеб. Поэтому на Форуме не нужно в этот день огромной толпы. Не стоит давать Сенату повода обвинить Народное собрание в мятеже и насилии и, как следствие, объявить закон не имеющим силы.

Сатурнин все еще продолжал возмущаться по поводу второго аграрного закона, предательства Гая Мария, ссылки Метелла Нумидийского. В том, что закон все еще оставался записанным на табличках, была его, Сатурнина, заслуга, а вовсе не Гая Мария. Это он, Сатурнин, — истинный автор земельных наделов для ветеранов-простолюдинов.

В ноябре мало праздников, особенно тех, когда можно созвать Народное собрание. Но ему удалось найти спокойный день. Умер очень богатый всадник, и его сыновья устроили гладиаторские бои в честь своего отца. Для игр был выбран не Римский Форум, как обычно, а Фламиниев цирк, чтобы избежать толпы, — народ продолжал каждый день клубиться на Форуме.

Но Цепион Младший нарушил планы Сатурнина.

Было созвано Народное собрание. Знамения благоприятствовали. На Форуме оставались только обычные завсегдатаи, потому что толпа ушла к Фламиниеву цирку. Другие народные трибуны были заняты бросанием жребиев, определяя порядок голосования триб. Сам Сатурнин стоял перед рострой, призываю голосовать по его указаниям.

При подозрительном отсутствии собраний сенаторов Сатурнин даже не подумал о том, что все члены Сената, кроме девяти народных трибунов — его людей, — следили за событиями на Форуме.

Среди сенаторов были и такие, кто чувствовал презрение к трусливому поведению остальных. Все они были самое большее на два года старше возраста, годного для избрания квесторами. У них имелись союзники среди сыновей сенаторов и всадников первого класса, еще слишком молодых, чтобы войти в Сенат или занять высокие посты в деле своих отцов. Собираясь у кого-либо в доме, они слушали речи Цепиона Младшего или Поросенка. Кроме того, у них был советник — доверенное лицо. Зрелый человек, который давал направление умственному брожению молодых и определял цель их действий. Без надлежащего руководства все вполне могло закончиться серией перебранок, подогретых вином.

Этот советник быстро стал для них чем-то вроде идола, ибо он обладал всеми теми качествами, которыми восхищаются молодые люди. Он был бесстрашен, уравновешен, умудрен опытом, темпераментен и — бабник; остроумен; модно одет; участник многих военных сражений. Звали его Луций Корнелий Сулла.

Поскольку Марий задерживался в Кумах еще на несколько месяцев, Сулла взял на себя обязанность наблюдать за событиями в Риме. Свою задачу он выполнял таким способом, какой, например, Публию Рутилию Руфу никогда бы и в голову не пришел. Мотивы Суллы не были продиктованы исключительно преданностью Гаю Марии. После памятного разговора с Аврелием он уже вполне беспристрастно думал о своем будущем в Сенате и пришел к выводу, что Аврелия права: он, как Гай Марий, будет — как это называют садовники — «позднецветом». А в таком случае бесполезно ему искать союзников среди тех сенаторов, которые старше его. Скавр, например, совсем не годился. И как удобно было именно это его решение! Он будет вдали от восхитительно маленькой девочки-матроны, теперь уже матери крошки Эмилии Скавры. Когда Сулла услышал, что у Скавры родилась дочь, он был доволен. Так ему и надо, старому крикливому козлу.

Думая о том, как обезопасить собственное политическое будущее, сохранив при этом и будущее Мария, Сулла принялся привлекать на свою сторону молодое сенаторское поколение. Он выбирал тех, кто был податлив, легко подпадал под чужое влияние, тех, кто не слишком умен, очень богат, из важной семьи. Или же тех, кто был очень высокого мнения о себе и падок на лесть.

В качестве главных целей Сулла наметил Цепиона Младшего и Метелла Поросенка. Первого — потому что он был тупой патриций, знакомый с такими молодыми людьми, как Марк Ливий Друз (вот к кому Сулла даже и не думал подступаться). Второго — ради его осведомленности о том, что происходило среди старшего поколения «добрячков».

Никто лучше Суллы не знал, как обхаживать молодых людей, даже когда в этом не крылось ничего сексуального. Вскоре он уже разрешал все их спорные вопросы, выступая в роли непогрешимого арбитра. С легкой насмешкой наблюдал он их еще юношеское позирование, но делал это, оставляя им надежду, что со временем он передумает и начнет относиться к ним серьезно. И подростками-то они уже не были. Самые старшие из них всего лет на семь—восемь младше его самого. Достаточно взрослые, чтобы считать себя окончательно оформленными, но и достаточно молодые, чтобы Сулла смог вывести их из равнovesия. Именно они представляли собой будущее ядро Сената. Следовательно, со временем они будут иметь большое значение для человека, цель которого — стать консулом.

В этот момент, однако, главной заботой Суллы был Сатурнин. Вот за кем Сулла очень бдительно следил с тех самых пор, как на Форуме начали собираться толпы и облаченные в тогу сановники забеспокоились. Суллу совершенно не интересовало, прошел ли *lex Appuleia frumentaria* — закон Апулея о зерне — или нет. Сулла просто считал, что Сатурнина следует поучить: не всегда получается так, как ему хочется.

Накануне того дня, когда Сатурнин планировал провести свой закон о зерне, около пятидесяти молодых людей собрались в доме Метелла Поросенка. Сулла возлежал на ложе, с явной насмешкой слушая их разговор. Вдруг к нему подошел Цепион и решительно спросил, что, по его мнению, они должны сделать.

Сулла выглядел великолепно. Густые волосы цвета красного золота, превосходно уложенные в локоны, белая кожа — безукоризненна, брови и ресницы — достаточно темные и хорошо очерчены на атласе лица (присутствующие не знали, что он их слегка подкрасил стибумом, иначе их не было бы видно), холодные голубые глаза завораживали, как у голубоглазого кота. — Я думаю, все это хвастливая болтовня, — молвил он. Метеллу Поросенку дали понять, что Сулла был кем угодно, только не дрессированной собачкой Мария. Как любой другой римлянин, он был не против того, чтобы человек примкнул к какой-то фракции. Он даже считал, что человек может отойти от этой фракции.

— Нет, у нас тут вовсе не пустая болтовня, — огрызнулся он. — Просто мы не знаем, какую тактику считать правильной.

— Ты возражаешь против небольшого насилия? — осведомился Сулла.

— Нет, когда требуется защитить право Сената решать, как тратить государственные деньги, — ответил Цепион.

— Сейчас как раз тот случай, — сказал Сулла. — Народ никогда не имел права тратить деньги города. Пусть народ принимает законы, мы не возражаем. Но право Сената — предоставлять требуемые этими законами суммы. И Сенат имеет право отказать закону в финансировании. Если нас лишают нашего исконного права контролировать финансы — тогда мы лишены вообще всякой власти. Деньги — единственный для нас способ объявить законы народа не имеющими силы, когда мы с ними не согласны. Вот так мы поступили с законом о зерне Гая Гракха.

— Мы не будем мешать Сенату голосовать за деньги, когда этот закон о зерне пройдет, — сказал Метелл Поросенок, совершенно не заикаясь. Среди друзей он не заикался.

— Конечно, нет! — воскликнул Сулла. — Мы не будем возражать и против его прохождения. Но в любом случае мы в состоянии слегка показать Луцию Апулею нашу силу.

Таким образом, когда Сатурнин призывал голосовать за свой закон о зерне, почти вся толпа находилась во Фламиниевом цирке, и собрание проходило организованно, спокойно. Цепион привел на нижний Форум человек двести. Вооруженные дубинками и поленьями, парни с мощной мускулатурой — бывшие гладиаторы. Теперь они нанимались на любую работу, где требовалось применить силу или, скажем, кого-нибудь отлупить. В авангарде шли те самые пятьдесят, кто накануне собирался в доме Метелла. Цепион был общим лидером. Луция Корнелии Суллы среди них не было.

Сатурнин пожал плечами, равнодушно наблюдая, как эта банда движется через Форум, потом повернулся к голосующим и распустил собрание.

— Никому не проломят голову по моей вине! — крикнул он. — Идите по домам, приходите завтра! И мы примем наш закон!

На следующий день люди явились вновь, вчерашних парней на Форуме не оказалось, и закон о зерне был принят.

Сатурнин встретил Цепиона в храме Юпитера Наилучшего Величайшего, где собирались сенаторы. Консул Валерий Флакк посчитал, что здесь они будут в безопасности и смогут спокойно обсудить финансирование закона.

— Все, что я пытался сделать, ты, тупой идиот, — сказал Сатурнин Цепиону, — это провести закон на юридически обоснованном Собрании. Толпы не было, атмосфера мирная, предназначения безукоризненные. И что же происходит? Ты и твои кретины-друзья приходят, чтобы проломить несколько голов? — Он повернулся к собравшимся вокруг сенаторам. — Не меня вините за то, что закон мы вынуждены были принимать среди двадцати тысяч простолюдинов! Вините этого дурака!

— Этот дурак винит себя за то, что не использовал силу там, где сила могла решить все! — закричал Цепион. — Мне следовало убить тебя, Луций Апулей!

— Спасибо, что сказал это в присутствии беспристрастных свидетелей, — молвил Сатурнин, улыбаясь. — Квинт Сервилий Цепион Младший, я официально обвиняю тебя в измене. Ты пытался препятствовать народному трибуну выполнить свой долг, ты угрожал неприкосновенной личности народного трибуна.

— Ты оседлал норовистого коня и рискуешь упасть, Луций Апулей, — вмешался Сулла. — Слезай, парень, пока этого не случилось.

— Я выдвинул официальное обвинение против Квinta Сервилия, почтенные сенаторы, — повторил Сатурнин, игнорируя Суллу как пустое место. — И теперь этот иск можно направить в суд по делам измены. Сегодня я здесь, чтобы потребовать денег для моего закона.

Присутствовало меньше восьмидесяти сенаторов, хоть помещение и считалось безопасным. И ни одного важного лица. Сатурнин смотрел на них презрительно.

— Мне нужны деньги, чтобы купить хлеб для народа Рима, — сказал он. — Если их нет в казне, советую занять их где-нибудь. Ибо деньги я все равно получу!

И Сатурнин получил свои деньги. Разъяренному, протестующему Цепиону, финансовому квестору, приказали отчеканить монеты из запаса серебра в храме богини Опы и заплатить за зерно без промедления.

— Увидимся в суде, — ласково простился Сатурнин с Цепионом, когда собрание закончилось. — Я намерен доставить тебе огромное удовольствие и судить тебя сам.

Но в этом он превысил свои возможности. Всадникам, членам жюри, Сатурнин не понравился. Им больше по душе был Цепион.

А тут и Фортуна показала, что она на его стороне. Как раз в середине речи защитника пришло письмо, где сообщалось, что отец обвиняемого, Квент Сервий Цепион, скончался в Смирне, одинокий — окруженный лишь своим золотом. Цепион Младший горько плакал, жюри было тронуто, и обвинение сняли.

Предстояли выборы, но никто не хотел быть ответственным за них, потому что каждый день толпы продолжали собираться на Форуме, а зернохранилища так и оставались пустыми. Младший консул Флакк настаивал: надо подождать с выборами. Пусть время докажет, что Гай Марий не может принимать в них участие. Хотя Луций Валерий Флакк и был жрецом Марса, в робком фламине почти ничего не было от воинственного бога. Флакк не хотел рисковать собой, руководя выборами в подобной обстановке.

Марк Антоний Оратор провел очень успешную трехгодичную кампанию против пиратов Киликии и Памфилии. Он закончил ее из своего штаба в восхитительно космополитическом и культурном городе — Афинах. Здесь к нему присоединился его хороший друг Гай Меммий, который по возвращении в Рим после губернаторства в Македонии был привлечен к суду за вымогательство. Его судили вместе с Гаем Флавием Фимбрией, его сообщником в мошенничестве с зерном. Фимбрия понес сурьое наказание, а Меммий был осужден с перевесом лишь в один голос. Он выбрал местом ссылки Афины, потому что его друг Антоний провел там много времени. Поддержка Антония — вот что требовалось Меммию. Он хотел подать апелляцию в Сенат с просьбой отменить обвинение. То, что он мог позволить себе такие большие расходы, объяснялось простой случайностью. Еще в бытность свою губернатором Македонии он наткнулся на тайник с золотом в захваченной деревне племени скордисков — на сумму в сто талантов. Как Цепион в Толозе, Меммий не видел причины с кем-то делиться. Он и не стал этого делать. Но в Афинах некоторое количество монет он насыпал в подставленную ладонь Антония. И через несколько месяцев был вызван в Рим и вновь занял свое место в Сенате.

Поскольку война с пиратами закончилась, Гай Меммий ждал в Афинах, пока Марк Антоний Оратор тоже будет готов отправиться домой. Их дружба крепла, и они решили вместе выставить свои кандидатуры на должность консулов.

Был конец ноября, когда Антоний привел свою небольшую армию на пустое Марсово поле и потребовал отметить триумф. На что Сенат, собравшийся в безопасном храме Беллоны, с удовольствием дал согласие. Однако Антонию сказали, что с триумфом придется подождать до десятого декабря, поскольку еще не проведены выборы в трибунал и Форум до сих пор забит простым людом. Есть надежда, что выборы трибунов состоятся и они приступят к своим обязанностям одиннадцатого декабря; но о триумфальном шествии по городу в такой ситуации не может быть и речи. Так сказали Антонию.

Антоний понимал, что не сможет баллотироваться в консулы, потому что, пока его триумф не будет отмечен, он должен оставаться за пределами померия — священной границы города. У него еще сохранялась предоставленная ему власть, а это ставило его в положение, равноценное положению иноземного царя. А если он не имел права войти в Рим, то не мог и выставить свою кандидатуру на консульских выборах.

Однако успешно законченная война сделала его очень популярным среди торговцев зерном и других деловых людей. Теперь движение по Средиземному морю сделалось менее опасным и более предсказуемым. При желании Антоний легко стал бы старшим консулом, обойдя даже такого соперника, как сам Гай Марий. Несмотря на причастность к хлебным махинациям, шансы Гая Меммия также были неплохими, поскольку он был бесстрашным врагом Югурты и отважно сражался с Цепионом, когда тот возвратил Сенату право судить за вымогательство. Как сказал Катул Цезарь Скавру, принцепсу Сената, оба претендента пользовались популярностью и среди всадников, большинство которых составляли первый и второй классы, что было на руку «добрячкам»; к тому же оба предпочитательнее Гая Мария.

Конечно, ожидалось, что Гай Марий в последнюю минуту вернется в Рим, и все собирались голосовать за него в седьмой раз. Сведения об ударе подтвердились, но он, казалось, не слишком-то вывел Мария из строя. Те, кто приехал в Кумы повидаться с ним, уехали оттуда, убежденные в том, что удар ни в малейшей степени не отразился на умственных способностях старшего консула. Никто в этом и не сомневался. Гай Марий обязательно выставит свою кандидатуру.

Идея представить электорату двух кандидатов, желающих баллотироваться в паре, очень понравилась политикам. Антоний и Меммий, оба вместе, действующие заодно, имели шанс согнать Гая Мария с кресла старшего консула, в котором старики уже явно засиделся. Но Антоний упрямо отказывался променять триумф на должность консула. Он не желал раньше времени сложить с себя абсолютную власть и переступить границу Рима, чтобы выставить свою кандидатуру.

— Я могу баллотироваться в консулы в следующем году, — заявил он, когда Катул Цезарь и Скавр пришли к нему на Марсово поле. — Триумф для меня важнее. Мне, может быть, уже никогда не удастся победить в какой-либо войне. — И на этом он стоял твердо.

— Хорошо же, — сказал Скавр Катулу Цезарю, когда они в подавленном настроении покидали лагерь Антония. — Нам теперь следует слегка изменить правила. Гай Марий не слишком-то их соблюдает, так почему мы должны стесняться? Чрезесчур многое сейчас от этого зависит.

Именно Катул Цезарь предложил готовое решение Палате. Он встретился с достаточным для обеспечения кворума количеством членов в другом безопасном месте — в храме Юпитера Статора, недалеко от Фламиниева цирка.

— Сейчас тяжелые времена, — сказал Катул Цезарь. — Обычно все кандидаты в курульные магистратуры должны предстать перед Сенатом и народом на Форуме, чтобы выставить свои кандидатуры. К сожалению, нехватка зерна и постоянные демонстрации на Форуме сделали эту территорию неприемлемой. Могу ли я смиренno просить почтенных сенаторов перенести трибунал кандидатов — исключительно лишь на этот год! — для специального созыва Центурионного собрания на Марсово поле? Нужно ведь что-то делать, чтобы выборы состоялись! И если мы перенесем место регистрации курульных кандидатов на Марсово поле, это будет уже стартом к собственно выборам. Необходимое время между регистрацией и выборами будет сохранено. Кроме того, это восстановит справедливость по отношению к Марку Антонию, который хочет баллотироваться в консулы, но не может пересечь границу Рима, не отказавшись от триумфа. На Марсовом поле он представится как кандидат. Мы все ждем, пока толпы народа разойдутся по домам — после того, как народные трибуны будут выбраны и вступят в должность. Как только соберется новая Коллегия, Марк Антоний отметит свой триумф, после чего мы проведем курульные выборы.

— Почему ты так уверен, что толпы разойдутся по домам, как только новая Коллегия народных трибунов приступит к своим обязанностям? — спросил Сатурнин.

— Я думаю, из всех нас только ты один можешь ответить на этот вопрос! — обрезал его Катул Цезарь. — Это ты заставляешь их приходить на Форум! Это ты день за днем разлагольствуешь перед ними, раздавая обещания, которые ни ты, ни это почтенное учреждение не сможете выполнить! Как мы купим зерно, которого не существует?

— Я все равно приду на Форум и буду говорить с людьми — даже после окончания моего срока! — заявил Сатурнин.

— Нет, не будешь, — сказал Катул Цезарь. — Только стань снова частным лицом, Луций Апулей! Пусть мне потребуется месяц времени и сто человек помощников, но я найду на табличках закон или какой-либо прецедент, который запретит тебе выступать с речью с ростры или с любого другого места на Форуме!

Сатурнин засмеялся — захохотал! — но никто не поверил, что ему так уж весело.

— Ройся в архивах, сколько твоей душе угодно, Квант Лутаций! Все равно после окончания моего срока я не собираюсь становиться частным лицом! Я снова буду народным трибуном! Да, я следую примеру Гая Мария, и нет никакого закона, который запретил бы мне это. Можете волить, стенать, жаждать моей крови! Ничто не может остановить человека, желающего вновь и вновь становиться народным трибуном!

— Есть обычай и традиция, — возразил Скавр. — Этого всегда было достаточно, чтобы остановить любого — кроме тебя и Гая Гракха, — кто захочет пойти на третий срок. И ты должен помнить, что случилось с Гаем Гракхом. Он умер в роще Фурины в обществе одного лишь раба.

— У меня найдется компания получше, — ответил Сатурнин. — Мы, люди из Пицена, держимся вместе. Эй, Тит Лабиен! Эй, Гай Сауфей! Вам так легко от нас не отделаться.

— Не искушай богов, — предостерег Скавр. — Они любят принять вызов человека, Луций Апулей!

— Я не боюсь богов, Марк Эмилий! Боги на моей стороне, — молвил Сатурнин и покинул собрание.

— Я пытался с ним поговорить, — сказал Сулла, проходя мимо Скавра и Катула Цезаря. — Он поставил не на ту лошадь и проиграл.

— Он так считает, — сказал Катул Цезарь Скавру, когда Сулла уже не мог их услышать.

— Так считает половина Сената, — отозвался Скавр, оглядываясь по сторонам. — А это действительно красивый храм, Квант Лутаций! Надо отдать должное Метеллу Македонскому. Но без Метелла Нумидийского сегодня здесь было одиноко. — Он пожал плечами, взбодрился. — Пойдем, нам надо найти нашего уважаемого младшего консула, прежде чем он запрется в самом конце своего лабиринта. Он может принести жертву Марсю и Юпитеру Величайшему. Если мы пожертвуем трех белых животных, то обязательно получим добро на проведение церемонии регистрации курульных кандидатов на Марсовом поле!

— А кто будет платить за белую корову, белую овцу и белую свинью? — спросил Катул Цезарь, кивнув в сторону Метелла Поросенка и Цепиона, стоявших вместе. — Наши квесторы казначейства завизжат громче, чем все три жертвы вместе.

— О, я думаю, Луций Валерий — этот белый кролик — сможет заплатить, — усмехнулся Скавр. — У него же есть прямой доступ к самому Марсу!

В последний день ноября пришло послание от Гая Мария с просьбой созвать Сенат на следующий день в здании заседаний. На этот раз беспорядки на Форуме не могли остановить почтенных сенаторов — так им хотелось увидеть, как выглядит сейчас Гай Марий. Палата была битком набита. Все пришли пораньше, чтобы стать свидетелями, как его будут проваливать. Высказывались разные мнения.

Он вошел, такой же величественный, высокий, широкоплечий, такой же гордый, как всегда. Ничто в его походке не выявляло инвалида. Левая рука, как всегда, лежала на правом плече, придерживая складки окаймленной пурпуром тоги. Но — ах! — его лицо!.. Правая сторона — обычный лик пожилого человека, но левая — печальная пародия.

Марк Эмилий Скавр, принцепс Сената, поднял руки и стал хлопать. Первый хлопок отдался эхом от голых балок древнего зала, рикошетом отлетел от красного купола из терракотовых черепиц. Один за другим присоединялись к принцепсу почтенные сенаторы. К тому времени, как Марий подошел к своему курльному креслу, вся Палата аплодировала ему. Он не улыбался. Улыбнуться — значило акцентировать внимание на клонунской асимметрии его лица. И это было невыносимо. Потому что всякий раз, когда он улыбался, у всех, кто видел это, наворачивались слезы на глаза — от Юлии до Суллы. Поэтому Марий просто стоял возле своего кресла, кивая и кланяясь с царственным видом, пока овация не стихла.

Скавр встал, широко улыбаясь:

— Гай Марий, мы очень рады видеть тебя! Палата все эти месяцы была унылой, как дождливый день. Как лидеру Палаты, мне доставляет огромное удовольствие приветствовать твоё возвращение.

— Благодарю вас, принцепс Сената, почтенные сенаторы, мои коллеги, магистраты, — сказал Марий. Голос его звучал ясно, слова он произносил четко. Несмотря на решение не улыбаться, он все же приподнял чуть-чуть правый уголок рта, но левая сторона оставалась опущенной. — Если для вас является удовольствием приветствовать мое возвращение, то вдесятеро сильнее моя радость от того, что я наконец здесь! Как видите, я был болен. — Он глубоко вдохнул. — И хотя болезнь прошла, шрамы остались. Прежде чем я призову Палату к порядку и мы перейдем к нашим делам, которые требуют неотложного внимания, я хочу сделать заявление. Я не буду выставлять свою кандидатуру на должность консула — по двум причинам. Первая: опасность, в результате которой мне была оказана беспрецедентная честь избираться консулом несколько раз подряд, теперь окончательно миновала. Вторая: я не считаю, что состояние моего здоровья позволяет мне должным образом выполнять свои обязанности. Ответственность, которую я несу за сегодняшний хаос здесь, в Риме, ни у кого не вызывает сомнения. Если бы я находился здесь, в Риме, многих бед удалось бы избежать. Присутствие старшего консула помогло бы справиться с беспорядками. Вот для чего существует старший консул. Я не обвиняю Луция Валерия, или Марка Эмилия, или любого другого чиновника этого уважаемого органа. Руководить должен старший консул. Я был не в состоянии руководить. И это показало мне, что я не имею права переизбираться. Пусть обязанности старшего консула перейдут к здоровому человеку.

Никто не ответил Марии. Никто даже не шевельнулся. Священный ужас, который почувствовал сейчас каждый, был наглядным доказательством того, насколько он стал выше их за эти последние пять лет. Сенат без Гая Мария в консультском кресле? Невозможно! Даже Скавр, даже Катул Цезарь были в шоке.

И тут за спиной Скавра раздался голос. Это был Метелл Поросенок:

— Хо-хо-хорошо! Теперь мой о-о-отец сможет в-в-вернуться домой.

— Благодарю тебя за комплимент, молодой Метелл, — сказал Марий, подняв голову и глядя прямо на него. — Значит, ты думаешь, что это я держу твоего отца в ссылке? Но это не так, и ты это знаешь. Закон о земле — вот что держит в ссылке Квinta Цецилия Метелла Нумидийского. И я настоятельно требую, чтобы каждый член этого величественного учреждения помнил об этом! Не должно быть никаких опровергающих декретов, плебисцитов, законов на том основании, что я больше не консул!

— Молодой дурак! — прошептал Скавр Катулу Цезарю. — Если бы он этого не сказал, мы могли бы в самом начале будущего года пресекойно вернуть Квinta Цецилия. А теперь ему не позволят вернуться. Я действительно думаю, что пора молодому Метеллу придумать новое прозвище.

— Какое? — спросил Катул Цезарь.

— Пи-Пи-Пи-Пий — «Добродетельный!» — в ярости зашипел Скавр. — Любящий сынок все старается вернуть папочку домой! Заткнулся бы он!

Было необычно видеть, как быстро Палата перешла к делам, стоило Гаю Марии вновь утвердиться в своем кресле. Необычным было и ощущение успокоенности, охватившее всех членов Палаты, словно внезапно толпы, собравшиеся за стенами Палаты, перестали иметь какое-либо значение. Марий — здесь. Теперь все иначе.

Когда Марии доложили об изменении места представления курульных кандидатов, он просто кивнул в знак согласия. Потом довольно резко приказал Сатурнину созвать Народное собрание, чтобы сделать свой выбор. Ведь только после этого могут быть выбраны другие магистраты.

Затем Марий повернулся к Гаю Сервилию Главции, сидевшему в кресле претора по делам граждан.

— Я слышал, Гай Сервилий, — обратился он к Главции, — что ты намерен выставить свою кандидатуру на должность консула на основании несостоятельности, которую ты якобы обнаружил в *lex Villia* — законе Виллия. Не делай этого, пожалуйста. Этот закон недвусмысленно гласит, что человек должен ждать два года между окончанием должности претора и началом консульства.

— Вы только посмотрите, кто это говорит! — ахнул Главция, пораженный тем, что встретил противодействие там, где надеялся обрести поддержку. — Как ты можешь, Гай Марий, так бессовестно обвинять меня в том, что я нарушаю закон, если сам фактически нарушал его пять раз подряд? Если закон Виллия имеет силу, тогда он недвусмысленно гласит, что ни один человек, бывший консулом, не может снова выставлять свою кандидатуру, пока не пройдет десять лет!

— Я выставлял свою кандидатуру только один раз, — спокойно возразил Марий. — Меня выдвигали — и трижды в мое отсутствие! — из-за германцев. Когда возникает опасность, все обычай — даже законы! — теряют силу. Но когда опасность ликвидирована, то какие бы экстраординарные меры ни принимались раньше, от них следует отказаться.

— Ха-ха-ха! — словно заикаясь, произнес Поросенок с заднего ряда.

— Наступил мир, почтенные сенаторы, — продолжал Марий, словно ничего не слышал. — Поэтому мы возвращаемся к обычным делам и обычному способу управления. Гай Сервилий, закон запрещает тебе баллотироваться в консулы. И как официальное лицо, наблюдающее за выборами, я отвергаю твою кандидатуру. Пожалуйста, воспринимай это как справедливое предупреждение. Откажись от намерения достойно. Рим нуждается в законниках своего уровня, твоего неоспоримого таланта. Ты не можешь издавать законы, если сам нарушаешь их.

— Я же говорил тебе! — громко сказал Сатурнин.

— Меня не может остановить ни Марий, ни кто другой, — заявил Главция достаточно громко, чтобы его слышала вся Палата.

— Марий тебя остановит, — возразил Сатурнин.

— А что касается тебя, Луций Апулей, — Марий повернулся теперь к скамье трибунов, — то я слышал, будто ты намерен баллотироваться народным трибуном на третий срок. Это не противоречит закону. Поэтому я не могу остановить тебя. Но я могу попросить тебя отказаться от своего намерения. Не придавай нового значения слову «народный трибун». То, чем ты занимался последние несколько месяцев, — это не привычная политическая практика для члена Римского Сената. Мы располагаем огромным количеством законов. Мы наделены большим талантом заставлять все механизмы управления работать в интересах Рима — так, как мы понимаем эти интересы. Нет никакой необходимости эксплуатировать политическую доверчивость низших слоев общества. Они — невинные души, которых не следует коррумпировать. Наш долг — заботиться о них, а не использовать их для достижения своих политических целей.

— Ты закончил? — спросил Сатурнин.

— Вот теперь уже закончил, Луций Апулей. — И то, как Марий это произнес, подразумевало очень и очень многое.

«Ну вот и все», — думал он, идя домой своей искусственной походкой, которую выработал, чтобы скрыть легкое прихрамывание на левую ногу. Как странны и как ужасны были эти месяцы в Кумах, когда он прятался и старался как можно меньше встречаться с людьми! Не мог вынести выражения ужаса, жалости, злорадного удовлетворения на их лицах... Самыми невыносимыми стали те, кто любил его, для кого это тоже было горем. Например, Публий Руф. Нежная и мягкая Юлия превратилась в настоящего тирана. Она запретила всем, даже Публию Рутилию, хоть слово говорить о политике. Марий ничего не знал ни о кризисе с зерном, ни о заигрывании Сатурнина с бедняками. Его жизнь была ограничена строгим режимом диеты, упражнений, чтения классической литературы. Вместо аппетитного кусочка бекона с жареным хлебом он жевал вяленый арбуз, потому что Юлия слышала, будто это средство очищает почки и мочевой пузырь. Вместо того чтобы ходить на битвы в здание Сената, он совершал длительные прогулки в Байи и в Мизену. Вместо чтения сенаторских протоколов и посланий из провинций он корпел над Исократом, Геродотом и Фукидидом. И кончилось это чтение тем, что он перестал всем им верить. Эти авторы были не практиками, а теоретиками.

Но все-таки успехи были. Медленно, очень медленно ему становилось лучше. Но уже никогда он не будет прежним. Никогда левая сторона лица не подтянется, никогда он не сможет скрыть своей усталости. Предатель, скрывавшийся в его теле, поставил на нем печать. И именно на таком месте, чтобы видели все. Вот что подтолкнуло его к бунту. И Юлия, которая и так удивлялась тому, что он столь долго оставался послушным, сдалась сразу же. Марий послал за Публием Рутилием и возвратился в Рим, чтобы исправить то, что еще можно.

Конечно, он знал, что Сатурнин не отступит, но чувствовал, что обязан предупредить его. Что же касается Главции, ему никогда не разрешат выбираться, поэтому здесь Гай Марий мог особенно не волноваться. По крайней мере, выборы теперь будут проведены. Народные трибуны будут выбираться за день до нон, то есть четвертого декабря, а квесторы — в сами ноны, пятого декабря. В день, когда они должны вступить в должность. Это будут трудные выборы, потому что они должны пройти в комиции Форума, где каждый день собирались толпа — выкрикивала непристойности, забрасывала людей в тогах грязью, грозила кулаками и в слепом обожании внимала Сатурнину.

Но эти возбужденные простолюдины не посмели тронуть Гая Мария, когда он проходил среди них, направляясь домой после того памятного собрания. никто не бросил в сторону старшего консула недоброго взгляда. Как и братья Гракхи, он был героем. Встречались и такие, кто смотрел на его перекошенное лицо и плакал при этом. Были и те, которые раньше никогда его не видели и думали, что всегда он был с таким лицом. Эти восхищались им еще больше. Но никто не пытался дотронуться до него, все расступались, чтобы дать ему дорогу. И он гордо, но в то же время застенчиво шел, мысленно протягивая к ним руки. Общение без слов. Он чувствовал тепло их любви. А Сатурнин наблюдал это с ростры и удивлялся.

— Толпа — удивительное явление, не правда ли? — спросил Сулла Мария в тот вечер. Они ужинали в компании Публия Рутилия Руфа и Юлии.

— Знак времени, — сказал Рутилий.

— Знак того, что мы не оправдали их ожиданий, — хмуриясь, поправил Марий. — Рим нуждается в отдыхе. Со временем Гая Гракха у нас все время серьезные неприятности: Югурта, германцы, скордиски, недовольство италийцев, восстания рабов, пираты, нехватка зерна — список бесконечный. Нам нужна передышка. Немного времени, чтобы позаботиться в первую очередь о Риме, а не о себе. Надеюсь, мы получим эту передышку. Во всяком случае, как только ситуация с зерном улучшится.

— У меня известие от Аврелии, — сообщил Сулла. Марий, Юлия и Рутилий Руф повернулись, глядя на него с любопытством.

— Ты видишься с ней, Луций Корнелий? — строго осведомился бдительный дядя.

— Нечего кудахтать, Публий Рутилий, нет необходимости! Да, я вижусь с ней время от времени. Она живет в Субуре, а это и мой мир тоже, — спокойно пояснил он. — У меня еще сохранились там друзья, которых я навещаю, а Аврелия живет по пути.

— О боги! Мне давно следовало пригласить ее на обед! — воскликнула Юлия. Стоило ей подумать о своей невнимательности, как она по-настоящему огорчилась. — Почему я все время о ней забываю?

— Она понимает, — сказал Сулла. — Не думайте дурного. Ей нравится ее мир. Но она также интересуется тем, что делается на Форуме, и я ей рассказываю. Ты ее дядя, Публий Рутилий. Ты хочешь избавить ее от всех неприятностей. Я ее рассказываю ей обо всем. Она поразительно умна.

— Так о чём твое известие? — напомнил Марий, отпивая воду маленькими глотками.

— Она передает слова своего друга Луция Декумия, странного маленького человечка, смотрителя общину перекрестка. Слова примерно следующие: «Если вы думаете, что на Форуме были толпы народа, то еще ничего не видели. В день выборов в трибуны море лиц станет океаном».

Луций Декумий оказался прав. С восходом солнца Гай Марий и Луций Корнелий Сулла поднялись на вершину Капитолия и остановились там, облокотившись о низкий парапет, ограждающий вершину утеса. Они смотрели на раскинувшийся внизу

Форум. Перед ними был настоящий океан людей, разлившийся от Капитолийского холма до высоты Велия. Люди держались спокойно, но были мрачны, хотя никому не угрожали. Зрелище поистине захватывающее.

— Почему? — спросил Марий.

— Если верить Луцию Декумию, они пришли, чтобы мы почувствовали их присутствие. В комиции будут проходить выборы новых народных трибунов, а они слышали, что Сатурнин выставил свою кандидатуру, и думают, что в нем — их надежда. Голод только начался, Гай Марий. А они не хотят голодать, — объяснил Сулла ровным голосом.

— Но они могут повлиять на результаты выборов в трибах не больше, чем на выборы в центуриях. Почти все они принадлежат к четырем трибам города.

— Правильно. И будет немного выборщиков от тридцати одной сельской трибы помимо тех, кто живет в Риме. Сегодня нет праздника, который мог бы привлечь сельских выборщиков. Поэтому голосовать будет лишь та горстка внизу. Они это знают. Они здесь не для того, чтобы голосовать. Они здесь для того, чтобы мы знали: они — здесь.

— Идея Сатурнина? — спросил Марий.

— Нет. Его толпа — та, которую ты видел первого декабря и потом ежедневно. Я называю их засранцами. Они — просто сброд. Обитатели общин перекрестков, бывшие гладиаторы, воры, недовольные, легковерные владельцы лавочек, которым грозит разорение, вольноотпущенники, которым надоело пресмыкаться перед бывшими хозяевами. Многие думают, что им перепадет пара денариев, если Луций Апулей опять станет народным трибуном.

— Нет, они гораздо серьезнее, — возразил Марий. — Они будут верны первому, кто встанет на ростру и начнет относиться к ним серьезно. — Он переступил на левую ногу. — Но эти люди там, внизу, — они не принадлежат Луцию Апулею Сатурнину. Они никому не принадлежат. О боги! На поле боя под Верцеллами я не видел столько кимбров, сколько вижу здесь римлян! А у меня нет армии. Все, что я имею, — это тога с пурпуром. Вот что по-настоящему отрезвляет!

— Действительно, — согласился Сулла.

— Хотя... Может быть, моя тога с пурпуром — это и есть та армия, которая мне нужна. Я вдруг стал видеть Рим в ином свете. Сегодня эти люди пришли сюда, чтобы показать нам себя. В обычные дни этот людской океан растворен в Риме. Каждый занимается своим делом. И вот, оказывается, в течение какого-то часа они могут собраться здесь, чтобы мы их опять увидели. А мы еще считаем, будто бы управляем ими!

— Именно, Гай Марий. Они не могут управлять собой. Они отдают себя в наши руки. Но Гай Гракх дал им хлеб, а эдилы дали им замечательные игры, которые они могут наблюдать. А теперь приходит Сатурнин и обещает им в разгар голода дешевое зерно. Они начинают подозревать, что он не сможет выполнить свое обещание. Вот поэтому-то они и пришли показаться ему в день выборов, — сказал Сулла.

Марий нашел удачное сравнение:

— Они как гигантский, но добродушный бык. Когда он подходит к тебе, увидев в твоей руке ведро, его интересует только еда, которая должна находиться в этом ведре. Но стоит ему обнаружить, что ведро пусто, как он впадает в ярость. Не потому, что ни с того ни с сего хочет забодать тебя. Он орудует рогами потому, что считает: ты спрятал его еду где-то на себе. Он топчет тебя до смерти в поисках этой еды, даже не замечая, что под его копытами уже не человек, а кровавое месиво.

— А Сатурнин несет пустое ведро, — сказал Сулла.

— Вот именно. — Марий отвернулся от ограды. — Пойдем, Луций Корнелий, возьмем быка за рога.

— И будем надеяться, что на его рогах не окажется сена! — усмехнулся Сулла.

Никто в этой гигантской толпе не препятствовал сенаторам и гражданам, интересующимся политикой, проходить для голосования. Пока Марий поднимался на ростр, Сулла остановился на ступенях вместе с другими сенаторами-патрициями. Выборщики Народного собрания в тот день оказались островом в океане молчаливых зрителей — и к тому же затопленным островом; а ростра была как скала, возвышающаяся над колодцем комиций и поверхностью океана. Конечно, ожидали появления тысячного сброва Сатурнина. Поэтому у многих сенаторов и рядовых выборщиков были спрятаны под тогами ножи и дубинки, особенно у маленькой группы консервативных молодых «добрячков» Цепиона. Но сатурниновского сброва здесь не было. Здесь протестовали все низшие слои Рима. Ошибкой было брать с собой ножи и дубинки.

Один за другим двадцать кандидатов в народные трибуны восходили на ростру и представлялись выборщикам. Марий стоял в стороне и держался настороже.

Сначала должен был представиться главный трибун, Луций Апулей Сатурнин. И вся толпа бурно приветствовала его. Это его очень удивило, как заметил Марий, — он нарочно встал так, чтобы видеть лицо Сатурнина.

Сатурнин явно думал: так много поклонников для одного человека! Чего же он не сможет достичь, имея за спиной триста тысячи римлян-бедняков? Кто посмеет помешать ему, Сатурнину, стать народным трибуном еще раз, раз это многоголовое чудовище так приветствует его?

А те, кто представлялся после Сатурнина, были встречены безразличным молчанием. Публий Фурий, Квинт Помпей из пиценских Помпеев, Секст Тиций из самнитов и рыжеволосый, сероглазый, очень аристократичный Порций Катон Салониан, внук крестьянина из Тускула Катона Цензора и правнук кельтского раба.

Последним появился не кто иной, как Луций Эквиций, незаконный сын Тиберия Гракха, которого Метелл Нумидийский, будучи цензором, пытался исключить из сословия всадников. Толпа снова ожила — зашумела, приветствуя его. Вот он, потомок их обожаемого Тиберия Гракха. И Марий понял, насколько точным было сравнение с большим добрым быком. Толпа стала приближаться к Луцию Эквицию. Тот стоял на возвышении и совершенно не сознавал ее мощи. Ее неумолимая приливная волна все теснее сдавливалась находившихся в комиции. Среди выборщиков началась легкая паника. Они почувствовали беспомощный ужас — как все, кто оказываются в эпицентре неумолимой силы.

Пока все стояли, словно парализованные, действительно парализованный Гай Марий быстро вышел вперед и поднял руки ладонями к толпе, — жест, означающий: «Стой, стой, стой!»

Толпа немедленно остановилась. Давление понемногу улеглось, и теперь приветственные возгласы раздавались уже в адрес Гая Мария, Первого Человека в Риме, Третьего Основателя, Победителя германцев.

— Быстрее, дурак! — рявкнул он Сатурнину, который стоял, явно восхищенный ревом, исходящим из тысяч орущих глоток. — Скажи им, что ты слышал гром! Скажи что угодно, чтобы распустить собрание! Если нам не удастся вызволить выборщиков из комиции, толпа затопчет их!

Затем он приказал трубить в трубы и в наступившей тишине снова поднял руки.

— Гром! — закричал он. — Голосование будет завтра! Иди домой, народ Рима! Идите все по домам, расходитесь! И толпа стала расходиться.

К счастью, большинство сенаторов укрылось внутри курии, куда последовал и Марий, как только смог пробраться. Он заметил, что Сатурнин спустился с ростры и бесстрашно направился в гущу народа, улыбаясь, протягивая руки, словно один из тех странных мистиков, которые верили в наложение рук. А что же Главция, претор по делам граждан? Он поднялся на ростру и стоял, наблюдая за Сатурнином в толпе. На его лице сияла широкая улыбка.

Лица, обращенные к вошедшему в курию Марии, были белые, вытянутые.

— Здесь, как в кадуше с соленными! — сказал Скавр, как всегда несгибаемый, но определенно немного напуганный.

Марий посмотрел на кучку почтенных сенаторов и твердо произнес:

— Идите домой, пожалуйста! Толпа вас не тронет, но лучше пробираться через Аргилет, даже если вам нужно на Палатин. Путь немного длиннее, но зато безопаснее. А теперь идите! Расходитесь!

Тех, кто был ему еще нужен, он хлопал по плечу. Сулла, Скавр, цензор Метелл Капрарий, Великий Понтифик Агенобарб, Красс Оратор и кузен Красса Сцевола — курульные эдилы. Сулла, заметил Марий с интересом, подошел к Цепиону Младшему и Метеллу Поросенку, что-то пошептал им и подозрительно дружески похлопал их по плечу, когда они уходили. «Я должен знать, что происходит, — подумал Марий, — но это потом. Когда у меня будет время. Если оно у меня когда-нибудь будет, судя по этой заварухе...»

— Итак, сегодня мы видели нечто, чего не видели никогда, — начал он. — Страшно, не правда ли?

— Я не думаю, что они хотели причинить какой-нибудь вред, — сказал Сулла.

— Я тоже, — согласился Марий. — Но все же толпа — это гигантский бык, который не осознает своей силы. — Он дал знак своему старшему писцу. — Найди кого-нибудь, пусть пробежит по Форуму. Мне срочно нужен президент Коллегии ликторов.

— Что ты нам посоветуешь? — спросил Скавр. — Отложить плебейские выборы?

— Нет, следует их провести и с этим покончить, — уверенно ответил Марий. — В данный момент наша толпа-бык — покорное животное. Но кто знает, в какую ярость он может впасть, если голод ужесточится? Давайте не будем ждать, пока нашему быку обмотают сеном рога, чтобы предупредить, что он бодучий. Если мы будем бездействовать, он вонзит свои рога в грудь одного из нас. Я послал за старшим ликтором, потому что, думаю, нашего быка мы обманем завтра. Построим забор, сквозь который он мог бы легко пройти. Я заставлю общественных рабов работать всю ночь, чтобы соорудить баррикаду вокруг колодца комиций и территории между комицией и ступенями Сената. Обыкновенную перегородку, которую мы воздвигаем на Форуме, чтобы отгородить площадку от зрителей во время погребальных игр.

Они знают, как это обычно выглядит, и не посчитают ее свидетельством нашего страха. Затем я поставлю всех ликторов, какие только есть в Риме, внутри баррикады — в малиновых туниках без тог, и никакого оружия, кроме розг. Мы не должны вбить в голову нашего быка опасную идею, будто бы он больше и сильнее нас, — знаете, ведь быки умеют думать! И завтра мы проведем выборы в трибуны — мне все равно, даже если проголосует всего тридцать пять человек. А это значит, что все вы сегодня по дороге домой должны посетить сенаторов, живущих рядом с вами, и предупредить их, чтобы они завтра рано утром пришли проголосовать. Таким образом, у нас будет по крайней мере по одному члену от каждой трибы. Это может быть укороченное голосование, но тем не менее голосование. Понятно всем?

— Понятно, — сказал Скавр.

— Где сегодня был Квинт Лутаций? — спросил Сулла у Скавра.

— Наверное, заболел. Смелостью он не обижен.

Марий посмотрел на цензора Метелла Капрария:

— У тебя, Гай Цецилий, завтра будет самая тяжелая работа. Когда Эквиций объявит себя кандидатом, я должен буду спросить тебя, разрешаешь ли ты ему баллотироваться. Что ты ответишь?

Капрарий ответил сразу:

— Я скажу — «нет», Гай Марий. Человек, который был рабом, и вдруг — народный трибун? Это немыслимо.

— Хорошо. Вот и все, благодарю вас, — заключил Марий. — Идите — и чтобы все наши дрожащие мелкой дрожью коллеги были завтра здесь! Луций Корнелий, останься. Тебе предстоит руководить ликторами, поэтому тебе лучше быть здесь, когда придет их начальник.

На рассвете толпа вернулась на Форум и увидела, что колодец комиций отгорожен простым переносным забором из шестов и веревок. Такой они видели всякий раз, когда Форум становился ареной гладиаторских игр по случаю чьих-то похорон. Ликторы в малиновых туниках с розгами в руках были расставлены на небольшом расстоянии друг от друга с внутренней стороны перегородки по всему периметру. В этом не было ничего необычного. А когда Гай Марий выступил вперед и объяснил, что он не хотел бы, чтобы кого-нибудь по неосторожности задавили, его приветствовали громко, как и накануне. Чего толпа не видела — это группу внутри курии, которую задолго до рассвета поместили туда Сулла. Это были его пятьдесят молодых людей первого класса — все в кирасах и в шлемах, с мечами и кинжалами на поясе, со щитами. Возбужденный Цепион был лишь заместителем начальника, потому что командовал ими сам Сулла:

— Выходим только по моему приказу. Если кто-нибудь двинется раньше — убью.

На ростре все были готовы. В колодце комиций собралось удивительно большое количество регулярных выборщиков и примерно половина Сената. Сенаторы-патриции стояли, как всегда, на ступенях. Среди них был Катул Цезарь, действительно выглядевший больным, так что ему даже принесли кресло. Среди них был и цензор Капрарий, чей плебейский статус позволял ему находиться в комиции, однако он предпочел остаться там, где все могли его видеть.

Когда Сатурнин снова объявил о намерении выставить свою кандидатуру, толпа стала истерически приветствовать его. Ясно, что внерашнее хождение в толпу с наложением рук совершило чудеса. Как и прежде, остальных кандидатов встретили молчанием. Пока последним не появился Луций Эквиций.

Марий резко повернулся к ступеням Сената и приподнял свою подвижную бровь в немом вопросе к Метеллу Капрарию. Метелл Капрарий энергично покачал головой. Задать вопрос вслух было невозможно, потому что толпа продолжала приветствовать Луция Эквиция. Она кричала так, словно не собиралась останавливаться никогда.

Затрубли в трубы, Марий выступил вперед, наступила тишина.

— Этот человек, Луций Эквиций, не может быть выбран народным трибуном! — крикнул Гай Марий как можно громче. — Статус его гражданства до сих пор не определен. Прежде чем Луций Эквиций сможет занять любую общественную должность при Сенате, цензор должен выяснить, каков его статус!

Сатурнин метнулся мимо Мария и встал на самый край ростры:

— Я утверждаю, что никаких нарушений нормы в данном случае нет!

— От имени цензора я объявляю, что нарушение нормы существует! — невозмутимо повторил Марий.

И тогда Сатурнин обратился к толпе.

— Луций Эквиций — такой же римлянин, как любой из вас! — пронзительно закричал он. — Посмотрите на него! Вы только посмотрите на него! Это же вылитый Тиберий Гракх!

Но Луций Эквиций смотрел вниз, в колодец комиций, в то место, которого толпе не было видно. Там сенаторы и сыновья сенаторов, вытаскивая из-под одежды ножи и дубинки, двинулись вперед, словно хотели стащить Луция Эквиция с ростры к себе.

Луций Эквиций, бравый ветеран, прослуживший десять лет в легионах, — во всяком случае, он так говорил, — отпрянул, повернулся к Марию, схватил его за руку:

— Помоги мне!

— Я бы тебе помог — такого бы дал пинка, глупый ты смутьян! — прорычал Марий. — Но с выборами пора заканчивать. Ты не можешь быть выбран. Если ты останешься на ростре, кто-нибудь тебя прирежет. Единственный способ спасти тебя — спрятать в темнице. Тебя не найдут. Посидишь там, пока все не разойдутся.

Два десятка ликторов стояли на ростре, десяток из них были с фасциями — символом консульской власти; они принадлежали консулу Гаю Марию. Консул Гай Марий окружил ими Луция Эквиция, и они повели его в сторону темницы. Толпа расступалась, завидев пучки прутьев с топориком в середине на плече малиновых туник.

«Не верится, — подумал Марий, глядя, как расступается народ-оcean. — Они могут так кричать! Они так преклоняются перед человеком, как не преклоняются перед богами! Для них это должно выглядеть так, словно я арестовал человека. Но что

они делают? Что они делают всегда, когда видят ликторов с фасциями на плечах, а позади них кого-то в тоге с пурпурной каймой? Они уступают дорогу Величию Рима. Даже ради Луция Эквиция они не посягнут на авторитет фасций и тоги с пурпурной каймой. Это шестает Рим. Что такое Луций Эквиций, в конце концов? Жалкое подобие Тиберия Семпрония Гракха, которого они любили, любили, любили. Это не Луций Эквиций они приветствуют! Они приветствуют память Тиберия Гракха...»

С неизвестным ему раньше чувством гордости смотрел Гай Марий на ликторов, словно спинной плавник гигантской рыбы рассекавших волны людского океана. Это была гордость за традиции, сохранявшиеся в течение шестисот пятидесяти четырех лет и все еще такие устойчивые, что могут отразить поток и более грозный, нежели нашествие германцев. И для этого не требуется армии, хватит лишь пучка прутьев на плече. «И я, — думал Гай Марий, — стою здесь в своей тоге с пурпурной каймой и ничего не боюсь, потому что на мне эта тога и я могущественнее любого царя, который когда-либо ступал по этой земле. У меня нет армии, и в городе я не ношу на плече топора в связке прутьев. У меня нет вооруженной охраны. А они все равно расступаются, завидев лишь символы моей власти — несколько палочек и бесформенный кусок ткани, на котором пурпура меньше, чем на одежде мужчины-проститутки, демонстрирующего свои достоинства. Да, лучше я буду консулом Рима, чем владыкой мира!»

Вернувшись ликторы, а вскоре после этого появился и Луций Эквиций, которого толпа без всяких эксцессов освободила из камеры и водрузила опять на ростр — без всякой суеты и, как показалось Марии, словно бы извиняясь. И он стоял там, трясущаясь развалина, мечтающая очутиться где угодно, только не здесь. Марий понимал мысли толпы: «Наполни мое ведро, я голодаю, не прячь мою еду».

А тем временем Сатурнин старался как можно быстрее провести выборы. Ему очень хотелось убедиться в том, что он снова народный трибун, — прежде чем что-либо помешает этому. Голова его полнилась ослепительными планами на будущее. Он думал о мощи и величии толпы, о том, как она умеет демонстрировать свое восхищение. Люди приветствовали Луция Эквиция, потому что тот похож на Тиберию Гракха? Они приветствовали Гая Мария, этого старого разбитого идиота, потому что он спас Рим от варваров? Но они не приветствовали Эквиция или Мария так, как приветствовали его, Сатурнина! А какой это материал, если над ним поработать! Это вам не сброд из сточных канав Субуры! Эта толпа состоит из респектабельных людей. Пусть желудки их пусты, зато принципы остались незыблыми.

Один за другим выступали кандидаты — и трибы голосовали, регистраторы тщательно все записывали, а Марий и Сатурнин наблюдали. И наконец наступил момент, когда пришло решать вопрос о Луции Эквиции. Последний вопрос. Марий и Сатурнин обменялись взглядами. Затем Марий перевел глаза на ступени Сената.

— Что ты хочешь сказать мне сейчас, цензор Гай Цецилий Метелл Капраций? — крикнул Марий. — Хочешь ли ты по-прежнему, чтобы я лишил этого человека права быть выбранным, или же снимаешь свое возражение?

Капраций беспомощно уставился на Скавра, тот — на посеревшее лицо Катула Цезаря, а последний — на Великого Понтифика Агенобарба. Наступила долгая пауза. Толпа молча ждала, не имея ни малейшего представления о том, что происходит на самом деле.

— Пусть баллотируется! — крикнул Метелл Капраций.

— Пусть баллотируется! — повторил Марий Сатурнина.

А когда результаты были подсчитаны, Луций Апулей Сатурнин вышел на первое место. Он был избран народным трибуном на третий срок. Были выбраны также Катон Салониан, Квинт Помпей Руф, Публий Фурий и Секст Тиций. На втором месте оказался бывший раб Луций Эквиций, отстающий от Сатурнина на три-четыре очка.

— Жалкая коллегия будет у нас в этом году! — насмешливо произнес Катул Цезарь. — Мало нам Катона Салониана — теперь еще и настоящий вольноотпущенник!

— Республика умерла, — молвил Великий Понтифик Агенобарб, с презрением взглянув на Метелла Капрария.

— А что я мог сделать? — проблеял тот.

Подходили другие сенаторы. Вооруженная охрана Суллы, снявшая с себя снаряжение, появилась из курии. Ступени Сената казались самым безопасным местом. Толпа, убедившись, что ее герои выбраны, расходилась по домам.

Цепион плонул вслед уходившим.

— Прощай, сброд, на сегодня! — воскликнул он с искаженным лицом. — Посмотрите только на них! Воры, убийцы, растлители собственных дочерей!

— Они вовсе не сброд, Квинт Сервилий, — сурово обрезал его Марий. — Они — римляне. Пусть они бедны, но они не воры и не убийцы. И пытаются они сейчас лишь просом и турнепсом. Лучше надеялся на то, что их друг Луций Эквиций не подымет их на мятеж. Они очень хорошо вели себя во время этих отвратительных выборов, но все может измениться, когда цена на просо и турнепс подскочит.

— Ну, об этом можно не беспокоиться! — радостно воскликнул Гай Меммий, довольный тем, что выборы в народные трибуны все-таки состоялись. — Через несколько дней положение улучшится. Марк Антоний говорил мне, что наши агенты в провинции Азия сумели закупить много пшеницы — где-то к северу от Эвксина. Первые корабли с зерном должны вот-вот прибыть в Путеолы.

Все уставились на него, разинув рты.

— Ну что ж, — произнес Марий, забывая, что уже не может улыбаться с легкой иронией, как раньше, — у него получилась ужасная гримаса. — Все мы знаем, что у тебя, похоже, имеется дар предвидения. Итак, ты предвидишь поступление зерна? Отлично! Но каким же образом ты получил эту информацию, когда я — старший консул! — и Марк Эмилий — принципеп Сената и куратор урожая! — никто из нас и слыхом об этом не слыхивал?

Двадцать пар глаз прилипли к лицу Меммия. Он слготнул:

— Это не секрет, Гай Марий. Разговор об этом велся в Афинах, когда Марк Антоний возвратился из своей последней поездки в Пергам. Он видел там некоторых наших агентов по закупке зерна, и они ему сказали.

— А почему Марк Антоний не счел нужным известить об этом меня, куратора наших зерновых запасов? — ледяным тоном осведомился Скавр.

— Думаю, он считал, что вы знаете. Да и я так думал... Агенты писали, значит, ты должен был знать.

— Их письма не дошли, — сказал Марий, подмигнув Скавру. — Я благодарю тебя, Гай Меммий, за эту прекрасную новость.

— Да, конечно, — поддержал его Скавр, успокаиваясь.

— Нам лучше надеяться ради нас всех, что не случится шторма, и наше зерно не опустится на дно Внутреннего моря, — сказал Марий, выжидавший, пока рассеется толпа, потому что был нерасположен разговаривать с народом по дороге домой. — Сенаторы, завтра утром встречаемся здесь — выбирать квесторов. А послезавтра пойдем на Марсово поле знакомиться с кандидатами в консулы и преторы. Доброго вам дня.

— Ты кретин, Гай Меммий! — угрожающе проговорил хворающий Катул Цезарь со своего кресла.

Меммий решил не ввязываться в пререкания с одним из высших аристократов и поспешил вслед за Гаем Марием. Он надумал навестить Марка Антония на вилле, нанятой на Марсовом поле, чтобы рассказать ему о событиях дня. Торопливо шагая, он уже видел, как они с Марком Антонием получают дополнительные очки у выборщиков. Когда они собираются послезавтра на презентацию курульных кандидатов, он позаботится о том, чтобы их сторонники отправились в центурии. Они будут распространять новость о подходе флота с зерном. Все будут считать, что это заслуга его и Марка Антония. После зрелица огромной толпы на Форуме Меммий не сомневался: знатные и богатые римляне будут благодарны тем, кто сумеет наполнить желудки средних и бедных слоев населения дешевым хлебом.

На рассвете дня презентации Меммий отправился с Палатина на Марсово поле в сопровождении радостно возбужденной толпы клиентов и друзей, уверенных в том, что победа ему, Меммию, и его другу Антонию обеспечена. Радостно смеясь и слегка поеживаясь в прохладном осеннем ветерке, они быстро миновали Форум и вышли через Ключевые ворота. А там, внизу, на залитой солнцем равнине у подножия горы, их ожидала победа. Гай Меммий будет, будет консулом!

Люди уже шли к месту собрания. Группами по двое, по трое, но никогда — в одиночку. Человек достаточно высокого класса, чтобы голосовать на курульных выборах, любил появляться на публике в чьем-либо сопровождении — это еще больше подчеркивало его достоинство.

Там, где дорога спускалась с Квиринала и переходила в улицу Широкую, Гай Меммий и его свита повстречались с пятьюдесятью сопровождавшими не кого-то, а самого Гая Сервilia Главцию.

Меммий остановился, пораженный.

— И куда же ты направляешься в такой одежде? — спросил он, глядя на *toga candida* — белоснежную туго Главция. Такую туго отбелывали специально: она несколько дней висела под солнечными лучами, выгорая, потом ее начищали до блеска белизны порошком мела. Такую туго мог носить лишь тот, кто представлялся в качестве кандидата на государственную должность.

— Я — кандидат в консулы, — заявил Главция.

— Ты же знаешь, что это не так, — сказал Меммий.

— Но это так!

— Гай Марий сказал, что ты не можешь выставлять себя.

— Гай Марий сказал, что я не могу выставлять себя! — жеманно передразнил Главция. Он нарочито повернулся к Меммию спиной и обратился к своим спутникам. Громким голосом, сюсюкая, как педераст, он сказал: — Гай Марий сказал, видите ли, что я не могу баллотироваться! Ну и что? Несправедливо, когда настоящие мужчины не могут выставить свою кандидатуру, а женоподобные недорости могут!

Перебранка собрала зрителей. Это не было необычным явлением при выборах, ибо частью общего развлечения в такие моменты становились стычки между соперничающими кандидатами. Число наблюдателей все увеличивалось, по мере того как люди выходили из города на Широкую улицу.

Болезненно воспринимая присутствие зевак, Гай Меммий опустил голову. Всю свою жизнь он страдал из-за того, что был слишком красив. Его преследовали насмешки: он слишком хорошеный, ему нельзя доверять, он любит мальчиков, он несерьезный человек — и все в том же роде. Сейчас Главция насмехался над ним в присутствии всех этих людей, выборщиков. О, не надо бы в этот день напоминать о старом ярлыке гомосексуалиста!

Вполне понятно, что Гай Меммий рассвирепел. Прежде чем сопровождавшие смогли его остановить, он сделал шаг вперед, положил руку на левое плечо Главции и сорвал с него белоснежную туго. И когда Главция резко обернулся, чтобы увидеть, кто нанес ему такое оскорбление, Меммий со всего маху дал ему в левое ухо. Главции упал, Меммий — на него. Чистые туго обоих теперь были измазаны в грязь. Но люди Главции прятали на себе дубинки. Они набросились на онемевшие ряды меммииевской свиты, с безудержным весельем нанося удары направо и налево. И вот уже спутники Меммия лежат на земле, взывая о помощи.

Сторонние наблюдатели, как водится, стояли не двигаясь и только глазели с откровенным любопытством. Однако стоит отдать им должное: никто из зрителей даже не подозревал, что в глупой потасовке крылось нечто большее, чем простая драка между двумя кандидатами. Дубинки оказались сюрпризом для всех, но сторонники кандидатов и раньше носили оружие. Об этом все знали.

Двое крупных мужчин подняли Меммия и держали его, яростно отбивавшегося. Главция встал, отбросил ногой свою приведенную в негодность туго. Не сказав ни слова, он выхватил палку у рядом стоявшего и долго смотрел на Меммия. Затем поднял палку, держа ее обеими руками, как молот, и со всего маху опустил ее на красивую голову Меммия. Никто даже не попытался вмешаться. А Главция наклонился над упавшим Меммием и колотил, колотил эту голову, которая уже больше не была красивой. И только когда она превратилась в сплошную кровавую массу, Главция перестал бить. Выражение невероятного ужаса появилось на его лице. Он отбросил окровавленную палку и уставился на своего друга Гая Клавдия, который стоял рядом, мертвенно-бледный.

— Можно я поживу у тебя, пока не сумею скрыться? — спросил он.

Клавдий кивнул, не промолвив ни слова.

Зрители начали что-то бормотать, подходить ближе. Другие бросились бежать. Главция повернулся и поспешил к Квириналу. Его свита последовала за ним.

Новость дошла до Сатурнина в септе, когда он расхаживал туда-сюда, агитируя за кандидатуру Главции. Кое-кто бросал на него сердитые взгляды — весть об убийстве Меммия начала распространяться, а Сатурнин считался лучшим другом Главции. Среди молодых сенаторов и сенаторских сыновей вспыхнуло яростное недовольство. Некоторые из отпрысков наиболее влиятельных всадников собирались вокруг своих сенаторов-патронов. В их числе был и этот загадочный человек — Сулла.

— Нам лучше уйти отсюда, — сказал Гай Сауфей, только вчера выбранный финансовым квестором.

— Ты прав, я тоже так думаю, — согласился Сатурнин, чувствуя себя все более неуютно среди всеобщего негодования.

В сопровождении своих пиценских сторонников, Тита Лабиена и Гая Сауфея, Сатурнин спешно покинул септу. Он знал, куда мог пойти Главция, — в дом Гая Клавдия на Квиринале. Но когда Сатурнин явился туда, дверь была заперта. Гай Клавдий открыл дверь и впустил троих друзей только после того, как узнал голос Сатурнина.

— Где он? — строго спросил Сатурнин.

— В моем кабинете, — ответил Гай Клавдий весь в слезах.

— Тит Лабиен, — обратился Сатурнин к своему стороннику, — пожалуйста, найди Луция Эквиция. Он нам нужен, толпа любит его.

— Что ты намерен делать? — спросил Лабиен.

— Скажу, когда приведешь Луция Эквицию.

Главция с серым лицом сидел в кабинете Гая Клавдия. Когда Сатурнин вошел, он поднял голову, но не издал ни звука.

— Почему, Гай Сервiliй? Почему?

Главция вздрогнул:

— Я не хотел этого. Я просто... я просто вышел из себя.

— И лишил нас шанса добиться чего-либо в Риме.

— Я вышел из себя, — повторил Главция.

Всю ночь перед презентацией курульных кандидатов он провел в этом доме. Гай Клавдий устроил вечеринку в его честь. Трус и тряпка, Гай Клавдий восхищался смелостью Главции, решившего идти на презентацию наперекор закону. Он полагал, что самый лучший способ продемонстрировать Главции свое восхищение — это дать ему денег на предвыборную кампанию. Пятьдесят человек, которые потом сопровождали Главцию, были все приглашены на вечеринку. Но — никаких женщин. В результате получилась лишь дикая пьяница.

На рассвете все чувствовали себя ужасно, однако пришлось идти с Главцией, чтобы поддержать его. Хорошей идеей показалось взять с собой дубинки. Главция проглотил рвотное, принял ванну, облачился в белую туго и отправился на

презентацию с раскалывающейся от боли головой.

Увидеть безукоризненно одетого, смеющегося Меммия, его красивую голову — как победительна была его осанка! — нет, перенести это расстроенные нервы Главции уже не смогли. И он ответил на замечание Меммия жестокой колкостью, а когда Меммий сорвал с него тогу, Главция окончательно утратил над собой контроль. Теперь дело сделано, и ничего уже не поправить. Все его будущее разбито вдребезги — ничего не стоящие осколки, рассыпанные вокруг измочаленной головы Меммия.

Молчаливое присутствие Сатурнина в табlinии явилось новым ударом. Главция начинал понимать, что натворил. Последствия его поступка постепенно вырисовывались все очевиднее. Главция разрушил карьеру не только свою, но и, по всей вероятности, своего лучшего друга. А этого он вынести не мог.

— Скажи хоть что-нибудь, Луций Апулей! — восхлипал он.

Моргнув, Сатурнин чуть ожидался.

— Я думаю, нам осталось одно, — спокойно проговорил он. — Мы должны привлечь на свою сторону толпу и использовать ее, чтобы заставить Сенат дать нам постановление о смягчающих обстоятельствах для тебя и гарантию, что никто из нас не пойдет под суд. Я послал Тита Лабиена за Луцием Эквицием, потому что с ним легче склонить толпу на нашу сторону. — Он вздохнул, согнулся-разогнулся руки. — Как только Лабиен придет сюда, мы отправимся на Форум. Нельзя терять времени.

— Я тоже должен пойти? — спросил Главция.

— Нет. Ты останешься здесь с твоими людьми. Пусть Гай Клавдий вооружит своих рабов. И не впускайте никого, пока не услышите знакомый голос — мой, Лабиена или Сауфеля. — Он встал. — К ночи я должен взять Рим под контроль. Иначе я тоже погиб.

— Откажись от меня! — вдруг сказал Главция. — Нет никакой необходимости в том, что ты задумал! В ужасе от моего поступка всплесни руками, а потом взглянь тех, кто потребует моего осуждения. Это — единственный путь. Рим еще не готов для новой формы правления! Это голодная толпа. Конечно, ее уже тошнит от неумелого правления. И безусловно, она хочет хоть какой-то справедливости. Но она не готова разбивать головы и рвать глотки. Они будут приветствовать тебя, пока не охрипнут, но убивать ради тебя они не станут.

— Ты неправ, — возразил Сатурнин, у которого возникло ощущение, словно он идет по воде, легкий, свободный, неуязвимый. — Гай Сервилий, всех этих людей, заполняющих наш Форум, значительно больше, чем легион, и они сильнее, чем армия! Разве ты не видел, как политики опустились на колени? Ты не видел, как пошел на попятный Метелл Капрарий в отношении Луция Эквиция? И без всякого кровопролития! Форум видел драки сотен людей, но раньше их никогда не собирались сотни тысяч! Никто не намерен игнорировать толпу, но, чтобы она проламывала головы и рвала глотки, вооружать ее вовсе не обязательно. Их сила — в их массе! А массу я могу контролировать. Все, что мне нужно, — так это мои речи. Доказательство моей преданности их делу. И еще — помочь от Луция Эквиция. Кто может противостоять человеку, который управляет этой толпой, как гигантским осадным орудием?

— Гай Марий, — сказал Главция.

— Нет, даже Гай Марий не может! Во всяком случае, он с нами.

— Нет, не с нами, — возразил Главция.

— Он может думать, будто он не с нами, но толпа приветствует его так же, как меня и Луция Эквиция. Вот что заставит политиков видеть его в том же свете, что и нас! Я не прочь разделить власть с Гаем Марием — ненадолго. Он стареет, у него уже был удар. Что более естественно для него, чем умереть от второго удара? — нетерпеливо спросил Сатурнин.

Главция почувствовал себя лучше. Он выпрямился в кресле и посмотрел на Сатурнина со смешанным чувством сомнения и надежды:

— А это сработает, Луций Апулей? Ты действительно думаешь, что у нас может получиться?

Сатурнин воздел руки к потолку с улыбкой дикой радости на лице. Он был твердо уверен в своей правоте.

— Все так и будет, Гай Сервилий. Предоставь все мне.

Итак, Луций Апулей Сатурнин направился из дома Гая Клавдия к ростре на Форум в сопровождении Лабиена, Сауфеля, Луция Эквиция и еще десяти-двадцати сторонников. Он пересек вершину холма, чувствуя, что должен появиться с высоты, как полубог, спустившийся оттуда, где полно храмов и богов. Поэтому первый его взгляд на Форум был брошен с верхней ступени Гемонии — лестницы, высеченной в скалистом склоне Капитолийского холма, откуда крючьями стаскивали тела казненных. С этих ступеней он хотел низойти, как царь. Но шок заставил его остановиться. Толпа! Где же толпа? Ушла домой. Квесторские выборы закончились накануне. А так как на Форуме больше ничего не планировалось, то не было и смысла туда возвращаться. И ни одного сенатора нигде не было видно. Ведь все события дня происходили на зеленом поле септы.

Однако на Форуме имелись люди. Тысячи две-три горлопанов из числа малоуважаемого люда бродили по Форуму — крича, потрясая кулаками, требуя хлеба у пустого воздуха. Слезы разочарования готовы были брызнуть из глаз Сатурнина. Но потом он еще раз посмотрел на этих упорных людей и принял решение. Они подходят ему. Их вполне достаточно. Он использует их как головной отряд. С их помощью он опять привлечет на Форум большую толпу, потому что они смешивались с этой большой толпой, а он — нет.

Жалея, что некому возвестить о его появлении, Сатурнин спустился с лестницы и прошел к ростре. Его маленький отряд сторонников начал подзывать толпу послушать Луция Апулея.

— Квириты! — уважительно обратился он к черни среди всеобщих выкриков и поднял руки, призывая к тишине. — Квириты! Сенат Рима готов подписать нам смертные приговоры! Меня, Луция Апулея Сатурнина, а также Луция Эквиция и Гая Сервилия Главцию собираются обвинить в убийстве любимца аристократов! В убийстве женоподобной куклы, которая баллотировалась в консулы с единственной целью — заставить тебя, народ Рима, голодать и дальше!

Люди, собравшиеся у ростры, слушали молча, неподвижно. Сатурнин черпал уверенность и энергию у своих внимательных слушателей. Он продолжал развивать тему:

— Почему вы не получили зерна даже после того, как я провел свой закон, способный хоть как-то обеспечить вам скучную пищу? Как вы считаете — почему? Потому что первый и второй классы нашего города предпочитают покупать поменьше, а продавать дороже! Потому что первый и второй классы нашего города не хотят, чтобы ваши голодные рты повернулись к ним! Они считают вас кукушонком в своем гнезде! А изысканный Рим не нуждается в кукушонке! Вы, простые люди и низшие классы, вы больше не имеете никакого значения — теперь, когда все войны выиграны, а добыча надежно упрятана в казне! «Зачем же тратить это добро, чтобы наполнить ваши никому не нужные желудки?» — спрашивает Сенат Рима, отказываясь выдать мне деньги, которые нужны, чтобы купить для вас хлеб! Очень кстати окажется и для Сената, и для богатеев, если несколько сотен тысяч желудков иссохнут так, что их обладатели перемрут с голода! Вообразите только! Деньги сохранены, вонючие, переполненные инсульты пусты — каким зеленым и просторным может стать Рим! Там, где вы вынуждены жить в стесненных условиях, они будут разгуливать в увеселительных парках. В их кошельках будут звенеть монеты, а их желудки будут наполнены яствами. Они вовсе не думают о вас! Они рады от вас избавиться — а что может быть лучше, чем искусственно вызванный голод?

Конечно, он завоевал их. Они взвыли, как разъяренные псы, ропот наполнил воздух опасностью, а сердце Сатурнина — торжеством.

— Но я, Луций Апулей Сатурнин, так долго и так упорно боролся за то, чтобы накормить вас, что теперь меня хотят уничтожить за убийство, которого я не совершил!

Отличный ход! Он ведь действительно не совершал убийства. Он говорил правду и мог сказать ее так, чтобы эта правда

звенела в каждом его слове.

— Вместе со мной погибнут все мои друзья — они и ваши друзья тоже. Вот здесь Луций Эквиций, наследник имени и стремлений Тиберия Гракха! И Гай Сервiliй Главция, который так блестяще формулирует мои законы! Даже аристократы, которые вертят Сенатом, — и те не могут толковать их по-своему! — Он помолчал, он вздохнул, он беспомощно воздел руки. — А когда мы умрем, квириты, — кто останется, чтобы заботиться о вас? Кто продолжит нашу справедливую борьбу? Кто будет бороться с привилегированными классами, чтобы наполнить ваши желудки? Никто!

Теперь рычание перерастало в рев. Толпа была готова к насилию. Сатурнин мог делать с ней все, что хотел.

— Квириты, вам решать! Вы намерены стоять в стороне, когда нас поведут на казнь? Или же вы отправитесь домой, вооружитесь сами, призовете ваших соседей — и приведете сюда толпы?

Они задвигались, но Сатурнин остановил их своим пронзительным голосом:

— Возвращайтесь сюда, и пусть вас будут тысячи тысяч! Возвращайтесь ко мне и позвольте мне руководить вами! Прежде чем наступит ночь, Рим будет принадлежать вам, потому что он будет принадлежать мне! И тогда мы посмотрим, кто наполнит желудки! Мы откроем казну и купим зерно! Приведите ко мне весь город! Я буду ждать здесь, в сердце Рима, и мы покажем Сенату, кто действительно правит нашим городом и нашей империей!

Как огромная масса маленьких шариков разлетается из корзины во все стороны от удара молота, так рассеялась толпа, крича что-то бессвязное. Сатурнин повернулся на пятках и посмотрел на своих сторонников.

— О, чудесно! — воскликнул Сауфей. Он просто рвался в бой.

— Мы победим, Луций Апулей, мы победим! — крикнул Лабиен.

Окруженный людьми, в эйфории хлопающими его по спине, Сатурнин стоял в царственной позе и размышлял о величии своего будущего.

И вдруг Луций Эквиций заплакал.

— Но что ты собираешься делать? — сквозь слезы спросил он, вытирая лицо краем тоги.

— Делать? Как ты думаешь, слабоумный, о чем я здесь говорил? Конечно, я собираюсь взять власть в Риме!

— Вот с этими?

— А кто устоит перед ними? И они приведут еще людей. Подожди, Луций Эквиций. Никто не устоит перед нами!

— Но на Марсовом поле целая армия — два морских легиона! — всхлипнул Луций Эквиций, дрожа.

— Ни одна римская армия не появлялась в пределах Рима, разве что только для триумфа. Ни один человек, который прикажет римской армии войти в Рим, не останется после этого в живых, — сказал Сатурнин, презрительно глядя на бедного недотепу. Как только он возьмет власть, Эквицию придется уйти. И неважно, похож он на Тиберия Гракха или нет.

— Гай Марий сделает это, — прорыдал Эквиций.

— Гай Марий, дурак ты эдакий, будет на нашей стороне, — усмехнулся Сатурнин.

— Мне это не нравится, Луций Апулей!

— И не нужно, чтобы тебе это нравилось. Если ты со мной, перестань вопить. Если ты против меня, то я заставлю тебя заткнуться! — И Сатурнин провел пальцем по горлу.

Одним из первых, кто ответил на призыв о помощи от друзей Гая Меммия, был Гай Марий. Он прибыл на место несчастья почти сразу после того, как Главция и его подручные удрали на Квиринал. Марий застал сотню одетых в тоги членов центурий, толпившихся вокруг того, что осталось от Гая Меммия. Они расступились, чтобы дать дорогу старшему консулу. Сулла стоял рядом. Марий увидел размозженную голову, окровавленную палку с прилипшими волосами, кожей и осколками черепа.

— Кто это сделал? — спросил Сулла.

Человек десять хором ответили:

— Гай Сервiliй Главция.

Сулла выдохнул через нос.

— Сам?

Все закивали.

— Кто-нибудь знает, куда он отсюда пошел?

На этот раз ответы были разные, но Сулла наконец установил, что Главция и его банда побежали на Квиринал. Поскольку Гай Клавдий был среди них, показалось вполне вероятным, что они направлялись к его дому.

Марий не двинулся, не поднял головы, он просто молча смотрел на останки Гая Меммия. Сулла тихонько дотронулся до его руки. Марий шевельнулся, вытер слезы складкой тоги — не хотел выдавать неуклюжесть левой руки, разыскивая носовой платок.

— В бою это естественно. На Марсовом поле это — мерзость! — крикнул он громко, повернувшись к окружившим его людям.

Подходили другие старшие сенаторы, среди них — Марк Эмилий Скавр. Он увидел залитое слезами лицо Мария, потом опустил взгляд на землю, и дыхание у него перехватило.

— Меммий! Гай Меммий! — воскликнул он, словно не веря.

— Да, Гай Меммий, — подтвердил Сулла. — Убит Главцией лично, при свидетелях.

Марий опять заплакал, уже не пытаясь скрыть это.

— Принцепс Сената, — обратился он к Скавру, — я созываю Сенат в храме Беллоны. Немедленно. Ты согласен?

— Согласен.

Ликторы догнали наконец старшего консула, который намного опередил их. Несмотря на свой недуг, Марий двигался быстро.

— Луций Корнелий, возьми моих ликторов, найди глашатаев, отмени презентацию кандидатов. Отправь жреца Марса в храм Венеры Либитины, чтобы он принес нам священные топоры фасций в храм Беллоны, и созвони Сенат, — распорядился Марий. — Я пойду вперед с Марком Эмилием.

— Ужасный был этот год, — сказал Скавр. — Я не помню такого кошмарного года с тех пор, как убили Гая Гракха.

Слезы Мария высохли.

— Думаю, тогда было хуже, — произнес он.

— Будем надеяться, по крайней мере, что ничего худшего, чем смерть Меммия, не случится.

Но надеждам Скавра не суждено было сбыться, хотя поначалу это казалось возможным. Сенат заседал в храме Беллоны, обсуждая убийство Меммия. Свидетелей нашлось достаточно, поэтому вина Главции была очевидна.

— Однако, — твердо сказал Марий, — Гая Сервiliя за его преступление следует подвергнуть обычной процедуре судопроизводства. Римского гражданина нельзя осудить без суда, если он не объявляет Риму войны, а сегодня не тот случай.

— Боюсь, это именно тот случай! — крикнул Сулла, вбегая в храм.

Все посмотрели на него с удивлением. Никто не проронил ни слова.

— Луций Апулей и группа людей, включая квестора Гая Сауфея, захватили Форум. Они показали толпе Луция Эквиция. Луций Апулей объявил, что намерен заменить Сенат народоуправством во главе с самим собой. Они еще не провозгласили его царем Рима, но об этом уже повсеместно говорят на улицах и рынках.

— Можно мне сказать, Гай Марий? — спросил Скавр.

— Говори.

— В нашем городе кризисная ситуация, — начал Скавр тихо, но отчетливо. — Как раз такая, как в последние дни Гая Гракха. В то время, когда Марк Фульвий и Гай Гракх прибегли к насилию как к последнему средству достижения своих целей, в Палате возник спор — нужен ли Риму диктатор на период кризиса, пусть и кратковременного? Остальное — история. Палата отказалась назначить диктатора. Вместо этого она издала Постановление Сената о защите Республики. Согласно этому декрету, Палата облекала своих консулов и магистратов властью защищать суверенность государства любыми средствами, которые они посчитают необходимыми. За ранее освободив их от судебного преследования и вето трибунов.

Скавр помолчал, сурохо оглядел присутствующих.

— Я предлагаю, почтенные сенаторы, поступить подобным же образом и в данном случае. Примем Постановление Сената о защите Республики.

— Я проведу голосование, — сказал Марий. — Кто «за» — встает слева от меня. Кто «против» — справа.

И сам отступил влево.

Место справа не занял никто. Палата приняла свое второе Постановление Сената о защите единогласно.

— Гай Марий, — продолжал Скавр, — я уполномочен членами этой Палаты поручить тебе как старшему консулу Рима защиту суверенности нашего государства любым способом, какой ты сочтешь нужным. Более того, от имени этой Палаты я объявляю, что ты не подчиняешься вето трибуна. Как бы ты сам ни поступил, как бы ты ни приказал поступить, тебя не привлекут к ответственности. Эти полномочия распространяются на младшего консула, Луция Валерия Флакка, и всех преторов — при условии, что они будут действовать по твоим указаниям. Ты, Гай Марий, также можешь выбирать себе помощников среди членов этой Палаты, которые не являются консулами или преторами. Они наделяются аналогичными полномочиями — в тех случаях, когда действуют под твоим руководством.

Видел бы сейчас Метелл Нумидийский, как его, Гая Мария, фактически назначают диктатором — и кто! Не кто иной, как сам Скавр, принцепс Сената! Хотел бы Марий увидеть сейчас лицо старины Свинки... Скавр бросил на Мария плутовской взгляд, но усмешку постарался скрыть. Он набрал в легкие воздуха и громко провозгласил:

— Да славится Рим!

— Вот те на! — только и сказал Публий Рутилий Руф.

Но у Мария не было ни времени, ни терпения возиться с тугодумной Палатой, которая способна упражняться в красноречии, даже если Рим будет гореть. Твердым, но спокойным голосом он назначил Суллу своим заместителем, приказал открыть хранилище в подвале храма Беллоны и раздать оружие тем, у кого не имелось личного снаряжения. Тех, у кого оно было, Марий отправил по домам забрать его, пока еще можно было свободно передвигаться по улицам.

Сулла разослал свою подопечную молодежь в разные места. Самыми нетерпеливыми оказались Цепион и Метелл Поросенок. Неверие в истинность происходящего сменилось яростью. Итак, римский сенатор при помощи всякого сброва пожелал захватить власть и провозгласить себя царем! Политические разногласия были забыты, фракции попросту исчезли, ультраконсерваторы встали плечом к плечу с наиболее прогрессивными сторонниками Мария. Все сплотились против этого оборотня на Римском Форуме. Те, кто ждал, пока принесут им из дома оружие, суетились и сыпали проклятиями. Остальные занимались делами.

Даже организуя свою маленькую армию, Сулла помнил о ней. Не о Далматике — об Аврелии. Он послал четырех ликторов в Субуру — передать ей, чтобы она заперлась в доме; Луцию Декумию приказали, чтобы ни он, ни кто-либо из его общины несколько дней не появлялись на Форуме. Римская чернь буйствовала, избивая случайных прохожих. ТERRITORIA Субуры, которую обычно патрулировали члены общины, могла быть подвергнута налету. Пусть Луций Декумий лучше позаботится о безопасности Аврелии.

Через два часа все были готовы. За пределами храма Беллоны имелось открытое пространство, известное под названием «Вражеская земля». На середине храмовой лестницы возвышалась квадратная каменная колонна. Когда объявлялась война против иноземного врага — а разве были другие враги, кроме иноземных? — звали специального жреца, который метал копье со ступеней храма через вершину древней каменной колонны в почву «Вражеской земли». Никто не знал, как и почему возник этот ритуал, но это была часть традиции, и поэтому она до сих пор соблюдалась. Но сегодня не было иноземного врага, которому надлежало объявлять войну. Требовалось лишь подчиниться декрету Сената. Поэтому жрец не метал копья, и «Вражеская земля» была заполнена римлянами первого и второго классов.

Все собравшиеся — может быть, тысяча человек — были готовы к войне. Все в панцирях, некоторые даже надели наколенники. Большинство облачились в pteruges — юбки и наруувники из кожаных ремешков. У всех шлемы с гребнем. Копий не было — вооружились добрыми римскими короткими мечами и кинжалами, а также старыми овальными щитами, которыми пользовались еще до Мария.

Гай Марий вышел на подиум Беллоны и обратился к своей маленькой армии с речью:

— Помните, что мы — римляне и входим в Рим. Мы переступим священную границу нашего города. По этой причине я не буду призывать морские легионы Марка Антония. Мы справимся сами. Нам не нужна профессиональная армия. Я категорически против чрезмерного насилия. Предупреждаю вас всех со всей серьезностью, особенно молодежь: клинок только против клинка. От ударов палками заграживайтесь щитами, старайтесь бить плащами. Где возможно, вырывайте у толпы деревянное оружие, прячьте острые клинки в ножны и деритесь деревянными. Не должно быть в сердце Рима гор мертвых и умирающих! Это лишит Республику удачи, и Республики больше не будет. Сегодня мы должны предотвратить насилие, а не насадить его. Сегодня вы — мое войско, — продолжал он. — Но мало кто из вас до сегодняшнего дня служил у меня под началом. Поэтому отнеситесь к моим словам внимательно. Ослушники караются смертью на месте. Сейчас не место фракциям. Сегодня нет различий среди римлян. Многие из вас не испытывают любви к простому люду. Но запомните мои слова: простой человек — тоже римлянин, и его жизнь так же священна и защищена законом, как моя или ваша. Не будет кровопролития! Если я увижу хоть одного из вас с поднятым мечом, я подниму свой меч против него, и, по условиям сенатского декрета, ваши наследники не смогут потребовать возмездия. Вы должны подчиняться приказам только моим и Луция Корнелия Суллы. Больше — ничьим! Никто не должен атаковать, если я или Луций Корнелий не прикажем. Мы будем действовать как можно осторожнее. Понятно?

Катул Цезарь дернул прядь волос на лбу с деланным подобострастием:

— Мы слышим и повинуемся, Гай Марий. Я уже служил у тебя и знаю — ты делаешь то, что говоришь.

— Хорошо! — спокойно, словно не замечая сарказма, произнес Марий. Он повернулся к младшему консулу. — Луций Валерий, возьми пятьдесят человек и иди на Квиринал. Если Гай Сервiliй Главция в доме Гая Клавдия, арестуй его. Если он откажется выйти, останетесь охранять дом, не входя внутрь. И присыпай мне донесения, как у вас дела.

Был уже день, когда Гай Марий ввел свою маленькую армию в город. Пройдя Велабр, они появились из аллеи, проходящей между храмом Кастора и базиликой Семпрония, и застигли толпу в нижней части Форума врасплох. Вооруженные кто чем мог — дубинками, поленьями, ножами, топорами, кирками, вилами, — люди Сатурнина насчитывали около четырех тысяч, но по сравнению с хорошо организованной тысячу, вступившей тесными рядами на Форум, они выглядели жалкой кучкой сброва. Одного взгляда на нагрудные пластины, шлемы, мечи пришедших было достаточно, чтобы половина бросилась наутек — к Аргилету, району между Субурой и Форумом, к Эсквилину, к безопасности своих жилищ.

— Луций Апулей, прекрати это безобразие! — громовым голосом прокричал Марий. Он шагал впереди своего войска плечом к плечу с Суллой.

Стоя на ростре вместе с Сауфеем, Лабиеном, Эквицием и десятком других сторонников, Сатурнин посмотрел на Мария, разинув от изумления рот. Откинув голову, он расхохотался. Он хотел, чтобы смех был уверененный и вызывающий, а получился — глухой.

— Твое решение, Гай Марий? — спросил Сулла.

— Мы атакуем их, — сказал Марий. — Внезапно, жестко. Без мечей, только щиты. Я никогда не думал, что они — такой сброд, Луций Корнелий! Они же сразу побежали!

Сулла и Марий обошли свою армию, построили ее. Получилась линия длиной в двести человек, в глубину пять.

— В атаку! — пронзительно крикнул Гай Марий. Маневр получился успешным. Сплошная стена щитов врезалась в толпу, как огромная волна. Люди и самодельное оружие мелькали повсюду, но ответных ударов не последовало. Не успевали люди Сатурнина перестроиться, как стена щитов вновь и вновь обрушивалась на них.

Сатурнин и его союзники сошли с ростры, угрожающе размахивая мечами, чтобы принять участие в драке. Эффекта никакого. Когорта Мария испытывала своеобразное удовольствие от новизны таранного приема. Они даже делали это ритмично, врезаясь в беспорядочную толпу и собирая людей в кучу, как камни. Чуть отступали, чтобы снова надвинуться стеной. Несколько человек затоптали насмерть, но битвы как таковой не было. Лишь разгром.

Прошло очень немного времени — и армия Сатурнина покинула поле. Захват Форума не состоялся. Сатурнин, Лабиен, Сауфей, Эквиций, с десяток других римлян и примерно тридцать вооруженных рабов побежали на Капитолийский холм, чтобы забаррикадироваться в храме Юпитера, вызывая к великому богу.

— А вот теперь прольется кровь! — кричал Сатурнин с подиума храма на вершине Капитолия. Слова его отчетливо слышали Марий и его люди. — Я заставлю тебя убивать римлян, прежде чем со мной будет покончено, Гай Марий! Я увижу, как этот храм обагрится римской кровью!

— Он может оказаться прав, — заметил Скавр. Вид у него был довольный и счастливый, несмотря на эту новую угрозу.

Марий рассмеялся от души:

— Нет! Он просто позер, как один из тех беззащитных маленьких животных со страшными глазами. Есть простой ответ на это, поверь мне. Мы выкуrim их оттуда, не пролив ни капли римской крови. — Он повернулся к Сулле. — Луций Корнелий, найди городских водопроводчиков, и пусть они перекроют подвод воды на Капитолий. Сразу. Везде.

Принцепс Сената удивленно покачал головой:

— Так просто! Я никогда не догадался бы. И сколько же нам ждать, пока Сатурнин сдастся?

— Недолго. Они ведь поработали, захотели пить. Их мучает жажда. Думаю, завтра они сдадутся. Я пошлю достаточно людей, чтобы взять храм в кольцо, и прикажу им безжалостно дразнить водой наших беглецов.

— Сатурнин очень отчаянный человек, — напомнил Скавр.

С этим Марий не мог согласиться:

— Он политик, Марк Эмилий, а не солдат. Он понял вкус власти, но ничего не понимает в силе оружия. Он не может выработать для себя приемлемую стратегию.

Марий повернулся к Скавру большой стороной лица. Принцепс Сената вздрогнул. В левом глазу Гая Мария застыла ирония; улыбка, которая приподняла здоровую половину лица, была ужасна.

— Если бы я был на месте Сатурнина, Марк Эмилий, — вот тогда у тебя была бы причина волноваться! Потому что к этому времени я бы уже объявил себя царем Рима, а все вы были бы мертвые!

Скавр инстинктивно отступил назад:

— Знаю, Гай Марий, знаю.

— Во всяком случае, — весело продолжал Марий, отвернувшись от Скавра, чтобы тот больше не видел левой стороны его лица, — к счастью, я не царь Тарквиний, хотя моя мать — из Тарквииев! Одна ночь наедине с великим богом отрезвит Сатурнина.

Пойманых и задержанных собрали и поместили в темницы, где служащие цензора спешно сортировали римлян и неримлян. Тех, у кого не было римского гражданства, следовало казнить немедленно, а римлян, всех вместе, будут завтра судить и сбросят с Тарпейской скалы Капитолия.

Сулла возвратился в тот момент, когда Марий и Скавр стали уходить с Форума.

— У меня сообщение от Луция Валерия на Квиринале, — сказал он. Вид у него был довольно свежий, несмотря на бурные события дня. — Он говорит, что Главция находится в доме Гая Клавдия. Они забаррикадировали ворота и отказываются выйти.

Марий посмотрел на Скавра:

— Ну, принцепс Сената, как мы поступим в данной ситуации?

— Как и с теми, кто находится в компании с Юпитером Величайшим. Почему бы не подождать до завтра? А тем временем пусть Луций Валерий охраняет дом. После того как Сатурнин сдастся, мы сможем крикнуть об этом через забор, а потом посмотрим, что будет.

— Хороший план, Марк Эмилий.

И Скавр засмеялся:

— Это дружеское общение с тобой, Гай Марий, не улучшит мою репутацию среди моих друзей — «добрячков»! — сказал он, перестав взвешивать каждое слово, и схватил Мария за руку. — Тем не менее я очень рад, что ты сегодня с нами. Что ты скажешь на это, Публий Рутилий?

— Скажу, что лучших и более правдивых слов ты при всем желании найти бы не смог.

Из тех, кто укрылся в храме Юпитера Величайшего, первым сдался Сатурнин. Последним — Гай Сауфей. Человек пятнадцать римлян из них были выставлены на ростре, чтобы их могли видеть все, кто захочет. В их присутствии мятежников с римским гражданством судили специально созванным судом по делам измены и приговорили к смерти. Их должны были сбросить с Тарпейской скалы.

Выступавшая с юго-западной стороны Капитолия базальтовая Тарпейская скала была в высоту примерно около восьмидесяти футов. Сброшенные со скалы умирали, упав на острые игольчатые камни, торчавшие внизу.

Изменников привели на вершину Капитолийского холма, мимо ступеней храма Юпитера Величайшего, к месту у Сервиевых стен перед храмом богини плодородия Опы. Выступ Тарпейской скалы выдавался из стены и был хорошо виден в профиль с южной части Форума, где появились толпы желающих посмотреть, как сторонники Луция Апулея Сатурнина пойдут на смерть. Это была все та же голодная толпа, но сегодня она не желала демонстрировать свое неудовольствие. Римляне просто хотели увидеть, как с Тарпейской скалы будут сбрасывать людей. Такого давно уже не случалось, а слух прошел, будто казнят около сотни человек. Никто не посмотрел на Сатурнина или на Эквиция с любовью или хотя бы с жалостью. А ведь это были те же самые люди, которые приветствовали их во время выборов в трибуны. Кроме того, шла молва, что из Азии спешат корабли с зерном, и все благодаря Гаю Марию. Но не это было для римлян главным. Что они действительно хотели увидеть, так это как тела будут сбрасывать с Тарпейской скалы. Смерть на безопасном расстоянии — новый акробатический номер.

— Мы не можем судить Сатурнина и Эквиция, пока страсти ненового не улягутся, — сказал Скавр Марию и Сулле, когда все

тroe стояли на ступенях Сената, глядя, как вереница крохотных человечков падает с выступа.

Марий и Сулла поняли, что хотел сказать Скавр. Скавра тревожила не толпа на Форуме. Его забота — наиболее импульсивные и рассерженные члены Сената. Теперь, когда все было кончено, их ярость только возросла. Озлобление их перешло со сторонников Сатурнина на него самого. Особенно они ополчились на Луция Эквицию. Молодые сенаторы и те аристократы, кто был слишком молод, чтобы стать сенатором, стояли группой на краю комиций с Цепионом и Поросенком во главе, глядя голодными глазами на Сатурнина и его приспешников, стоявших на ростре.

— Будет еще хуже, когда Главция сдастся и присоединится к ним, — задумчиво сказал Марий.

— Ну какой сброд! — брезгливо промолвил Скавр. — А я еще надеялся, что хоть кто-то из них сделает то, что положено в таких случаях, и покончит с собой! Даже у моего трусливого сына хватило ума и воли!

— Согласен, — кивнул Марий. — Однако сейчас мы имеем пятнадцать человек — шестнадцать, когда выйдет Главция, — которых надо судить за измену, и нескольких донельзя возмущенных юных аристократов, которые очень напоминают мне стаю волков, следящих за оленем стадом.

— Их надо где-то продержать, хотя бы несколько дней, — предложил Скавр. — Только где? Ради Рима, мы ведь не можем допустить самосуда.

— А почему, собственно, нет? — спросил Сулла, внося свою первую лепту в дискуссию.

— Волнения, Луций Корнелий. Мы избежали кровопролития на Форуме, но толпа обязательно придет, чтобы посмотреть, как этих политиков, стоящих сегодня на ростре, будут судить за измену. Сегодня чернь развлекалась, глядя на казнь людей, которые не имеют для нее никакого значения. Но кто даст гарантию, что простолюдины не взбунтуются, когда мы осудим Луция Эквицию, например? — спокойно спросил Марий. — Ситуация очень трудная.

— Почему они не могли заколоться! — раздраженно спросил Скавр. — От стольких неприятностей они избавили бы нас! Самоубийство — признание вины, никакого суда, никакого душителя в Туллиановой тюрьме, — жаль, что мы не имеем права бросать их с Тарпейской скалы!

Сулла стоял, внимательно слушая, но глаза его задумчиво устремлялись на Цепиона и Метелла. Однако он ничего не сказал.

— Ну, о суде мы будем думать, когда настанет время, — сказал Марий. — Пока что требуется найти для арестованных надежное место, где они будут в безопасности.

— Темницы Лаутумии исключаются, — сразу же ответил Скавр. — Если по какой-то причине — или по чьему-либо подстрекательству — толпа решит освободить заключенных, эти камеры не выдержат натиска, даже если у каждой камеры поставить по ликтору. Я не о Сатурнине забочусь, а об этом ничтожестве Эквиции. Достаточно, чтобы хоть одна глупая женщина заплакала и стала причитать, что, дескать, сынок Тиберия Гракха умрет, — и у нас возникнут неприятности. А посмотрите на нашу молодежь! У них просто слюнки текут. Они-то не прочь своими руками растерзать Сатурнина.

— Тогда я предлагаю запереть их в здании Сената! — весело предложил Марий.

Скавр был ошеломлен:

— Мы не можем этого сделать, Гай Марий!

— Почему?

— Запереть изменников в Сенате? Это... это... это все равно как предложить нашим древним богам деръмо в качестве жертв!

— Они уже осквернили храм Юпитера Величайшего. Во всяком случае, все связанное с государственной религией, придется теперь очищать. В курии нет окон, там самые крепкие в Риме двери. Есть альтернатива — некоторым из нас держать их в своем доме. Хочешь себе Сатурнина? Возьми его, а я возьму Эквицию. Я думаю, Квинт Лутаций должен взять Главцию, — с кривой усмешкой заключил Марий.

— А что, Сенат — отличная идея, — поддержал Мария Сулла, продолжая смотреть на Цепиона и Метелла.

Скавр, принцепс Сената, зарычал — не на Мария или Суллу, а на обстоятельства. Потом он решительно кивнул:

— Ты прав, Гай Марий. Боюсь, что это должно быть здание Сената.

— Хорошо! — Марий хлопнул Суллу по плечу в знак того, что пора трогаться в путь, и добавил, усмехнувшись: — Я займусь деталями, Марк Эмiliй, а ты объясни твоим коллегам «добрячкам», почему следует почтенное здание Сената использовать в качестве тюрьмы.

— Ну, спасибо тебе! — язвительно сказал Скавр.

— Не стоит.

Когда их уже нельзя было подслушать, Марий с любопытством взглянул на Суллу:

— Что ты задумал?

— Не уверен, что хочу поделиться с тобой.

— Пожалуйста, будь осторожен. Мне не хотелось бы, чтобы тебя судили за измену.

— Я буду осторожен, Гай Марий.

Сатурнин и его приспешники сдались на восьмой день декабря, а на девятый день Гай Марий вновь созвал Центуриатное собрание и выслушал заявления от кандидатов на должность курульных магистратов.

Луций Корнелий Сулла не потрудился пойти на септу. Он был занят другими делами. Например, вел длинные беседы с Цепионом Младшим и Метеллом Поросенком. Еще умудрился навестить Аврелию, хотя от Публия Рутилия Руфа знал, что она в безопасности и что Луций Декумий не пустил своих людей на Форум.

Десятого декабря вновь избранные народные трибуны приступили к своим обязанностям. Но двое из них, Сатурнин и Эквиций, были заперты в Сенате. И все беспокоились, что толпа появится опять, ибо казалось, что больше всего чернь интересуют дела народных трибунов.

Марий не разрешил своей маленькой армии ходить на Форум с мечами. Порциеву базилику он приказал закрыть для торговцев и банкиров и использовать только как хранилище для оружия и доспехов. На ее первом этаже, там, где располагалось здание Сената, находились помещения Коллегии народных трибунов. Именно здесь восемь трибунов, не принимавшие участия в мятеже Сатурнина, должны были собраться на рассвете и как можно быстрее провести первое собрание Народного собрания. Отсутствие двух трибунов приказано было игнорировать.

Рассвет еще не наступил, и Форум был пуст. Цепион Младший и Метелл Пий Поросенок со своим отрядом двигались к зданию Сената. Им пришлось сделать большой крюк, чтобы охрана не заметила их. Когда они окружили курию, то обнаружили, что близости никого нет.

Они принесли с собой длинные лестницы, которые приставили сейчас к обеим сторонам здания. Лестницы как раз доставали до древних веерообразных черепиц карниза, поросших лишайником и очень ломких.

— Помните, — обратился Цепион к своему отряду, — не пользоваться мечом, так сказал Луций Корнелий. Мы должны неукоснительно выполнять приказы Гая Мария. Никакого оружия.

Один за другим они взирались по лестницам, и вот уже все пятьдесят человек расположились на краю невысокой крыши, где, как выяснилось, можно было удобно устроиться. И там, в темноте, они ждали, пока бледный сизо-серый свет на востоке не сменился ярко-золотым. Первые лучи солнца робко показались из-за Эсквилинского холма и осветили крышу Сената. Внизу

начали уже появляться люди, но приставные лестницы были тоже подняты на крышу курии, и никто не заметил ничего подозрительного, потому что никому и в голову не пришло посмотреть наверх. — Начали! — крикнул Цепион.

Быстро — Луций Корнелий предупредил их, что времени будет очень мало, — они начали вынимать черепицу из дубовых рам между массивными кедровыми балками. В помещение, открывшееся внизу, хлынул свет. Пятнадцать бледных лиц, скорее удивленных, нежели испуганных, уставились наверх. А каждый на крыше, поспешно собрав возле себя кучу черепицы, принялся метать обломки в пролом — прямо в эти лица. Сатурнин и Луций Эквиций упали сразу. Некоторые узники спохватились и попытались укрыться в дальних углах зала. Но молодые люди на крыше чрезвычайно быстро наловчились попадать точно в цель. В зале не имелось никакой мебели. Обычно посетители захватывали с собой стулья, а служащие Сената приносили пару столов из Сенатских зданий, расположенных совсем близко, на Аргилете. Поэтому узникам нечем было защищаться от падающих обломков. Битая черепица — тяжелые осколки с очень острыми краями — оказалась куда более эффективным оружием, чем предполагал Сулла.

К тому времени, как Марий и его легаты, в том числе и Сулла, явились туда, все уже было закончено. Молодые люди спустились по лестницам на землю и стояли совершенно спокойно. Никто из них и не собирался убегать.

— Должен ли я арестовать их? — спросил Сулла Мария.

Марий вздрогнул — вопрос вырвал его из глубоких раздумий.

— Нет! — сказал он. — Пусть остаются на месте. — И взглянул на Суллу с немым вопросом в глазах. Сулла еле заметно подмигнул — ответ был получен.

— Откройте двери, — приказал Марий ликторам.

Лучи раннего солнца, пронзая медленно оседающую пыль, озаряли разбросанные по всему полу осколки покрытой лишийником черепицы. Поверхность сколов была ржаво-красной — почти цвета крови. В разных позах, полузасыпанные обломками, застыли пятнадцать тел.

— Только ты, принцепс Сената, и я. Больше никто, — распорядился Марий.

Вместе они вошли в зал, вместе переходили от одного тела к другому в поисках живых. В Сатурнина попали так точно, что он даже не попытался защититься. Он весь был покрыт черепичным крошевом, а когда лицо обмакнули от обломков, то Сатурнин уставился невидящими глазами в пролом в крыше — на небо. Его черные ресницы слиплись от красноватой пыли. Скавр наклонился, чтобы закрыть ему глаза, и брезгливо поморщился: так много мусора лежало на высохших глазных яблоках, что веки отказывались опускаться. Луцию Эквицию досталось больше всех. На нем не осталось ни одного живого места. Марию и Скавру потребовалось немало времени, чтобы раскидать все обломки и освободить его. Сауфей убежал в угол и умер там от черепка, который, видимо, отскочил от пола и, как толстый наконечник длинного римского копья, впился жертве в шею. Голова была почти отрезана. А в Тита Лабиена попал длинный конец цельной черепицы — вонзился прямо в поясницу и рассек по позвоночнику почти до самого низа.

Марий и Скавр коротко посовещались между собой.

— И как мне поступить с этими молодыми болванами? — спросил Марий.

— А что ты можешь с ними сделать?

Правая половина верхней губы Мария поднялась.

— Перестань, принцепс! Возьми же хоть что-нибудь и на свои тощие старые плечи! Обещаю, тебе не удастся отвертеться от всего этого. Или поддерживай меня — или будь готов к борьбе. Но в таком случае здесь все будет выглядеть так, как после женского праздника Благой Богини!

— Хорошо, хорошо! — раздраженно ответил Скавр. — Я не хотел сказать, что не собираюсь поддержать тебя, ты, педантический крестьянин! Я имел в виду только то, что сказал: что ты можешь в данном случае сделать?

— Властью, данной мне Постановлением Сената, я могу поступить как угодно. Могу арестовать всех этих храбрецов, могу отправить их по домам, даже не сделав им выговора. Что ты предпочитаешь?

— Из соображений целесообразности лучше всего отослать всех по домам. Если действовать по закону — арестовать их и обвинить в убийстве соотечественников-римлян, поскольку узников не судили. Они все еще оставались римскими гражданами, когда встретили смерть.

Марий вскинул свою единственную подвижную бровь.

— Так какое же решение я должен принять, принцепс? Целесообразное или принципиальное?

Скавр пожал плечами:

— Целесообразное, Гай Марий. Целесообразное. Ты это знаешь, и я знаю. Принципиальным решением ты загонишь в дерево Рима такой клин, что весь мир рухнет вместе с ним.

Они вышли на открытый воздух и остановились на верхней ступени лестницы Сената. На них смотрело несколько сотен лиц. А за этими несколькими сотнями Форум был безлюден и чист. Сонный, купающийся в лучах утреннего солнца.

— Объявляю всеобщую амнистию! — как можно громче крикнул Марий. — Идите домой, молодые люди, — обратился он к молодым друзьям Луция Корнелия Суллы. — Вы вместе со всеми освобождаетесь от ответственности. — Он снова заговорил с сенаторами. — Где народные трибуны? Здесь? Хорошо! Толпы нет — созывайте ваше собрание. Первой повесткой дня будут выборы еще двух трибунов. Луций Апулей Сатурнин и Луций Эквиций мертвты. Старший ликтор, пошли за своими людьми и общественными рабами. Пусть очистят здание Сената. Выдайте тела их семьям, чтобы умерших похоронили с подобающими почестями, ибо их не судили за преступления, и поэтому они все еще считаются римскими гражданами, занимающими высокое положение.

Он сошел со ступенек и пересек ростру, так как был старшим консулом и наблюдателем инаугурации новых народных трибунов. Если бы он был патрицием, эту обязанность выполнили бы его младшие коллеги. Один из консулов обязательно должен быть плебеем, чтобы иметь право присутствовать на Народном собрании.

А потом это произошло. Может быть, потому, что хорошо поработала мольба, распространяясь, как всегда, со скоростью солнечных лучей. Форум стал заполняться. Тысячи людей спешили с Эсквилина, Целиева холма, Виминала, Квиринала, Субуры, Палатина, Авентина, Опия. Та же толпа — Гай Марий сразу понял это, — которая заливалась Форум во время выборов в народные трибуны.

Чувствуя, что все неприятности позади, со спокойным сердцем он смотрел на этот океан лиц и видел то же, что видел и Луций Апулей Сатурнин: источник силы — еще не использованной, еще не наученной вероломству, готовой поверить своеобразной харизме красноречивого демагога и подчиниться любому хозяину. «Это не для меня, — думал Гай Марий. — Быть Первым Человеком в Риме по прихоти легковерных — это не победа. Я взошел наверх по cursus honorum старым путем, трудным путем, сражаясь с предубеждениями и уродством. Я шел по пути чести. Но, — весело подумал Гай Марий, — я сделаю еще один жест, последний жест, чтобы показать Скавру, и Катулу Цезарю, и Агенобарбу, и прочим „добрячкам“, что, выбери я путь Сатурнина, они все погибли бы внутри курии под грудами черепицы, а я один правил бы Римом. Что Сатурнин! Марий — вот кто им опасен. Ибо я по сравнению с Сатурнином, что Юпитер против Купидона!»

Он прошел на конец ростры, обращенный не к колодцу комиций, а к нижней части Форума, и раскинул руки, словно хотел обхватить ими толпу, привлечь ее к себе, как отец, обнимающий своих детей.

— Народ Рима, возвращайся в свои дома! — загремел он. — Кризис миновал. Рим спасен. И я, Гай Марий, с огромным удовольствием сообщаю тебе, что вчера в Остии прибыли корабли с зерном. Весь день сегодня баржи будут подвозить зерно, а завтра уже можно будет покупать хлеб в государственных зернохранилищах Авентина по цене один сестерций за модий. По цене,

которая определена законом Луция Апулея Сатурнина. Однако Луций Апулей мертв, и его закон не имеет силы. Это я, Гай Марий, консул Рима, даю тебе хлеб, народ Рима! Специальная цена будет действовать девятнадцать дней, пока я не сложу с себя консульские полномочия. После этого новые магистраты решат, какую цену ты будешь платить. Цена в один сестерций — это мой прощальный подарок вам, квириты! Ибо я люблю вас, я сражался за вас, и я побеждал для вас. Никогда, никогда не забывайте об этом! Да славится Рим!

Он сошел с ростры под гром приветствий, воздев руки над головой, с очень кривой улыбкой. С одного бока он был здоров, а с другого — болен.

Катул Цезарь стоял, словно пригвожденный к месту.

— Слышал? — с трудом, задыхаясь, спросил он Скавра. — Он будет девятнадцать дней даром раздавать зерно — от своего имени! Казне это обойдется в тысячи талантов! Как он смеет!

— Хочешь подняться на ростру и возразить ему, Квинт Лутаций? — с усмешкой осведомился Сулла.

— Будь он проклят! — Катул Цезарь готов был заплакать.

Скавр расхохотался:

— Он опять нас обошел, Квинт Лутаций! Что за потрясающий человек! Как он нас, а? И заставил нас же платить по счетам! Я ненавижу его, но, клянусь всеми богами, я его обожаю! — И он опять захохотал.

— Бывают времена, Марк Эмилий, когда я тебя не понимаю! — воскликнул Катул Цезарь и торжественно удалился — ну просто вылитый верблуд!

— А я, Марк Эмилий Скавр, даже очень хорошо тебя понимаю, — вымолвил Сулла, смеясь еще громче, чем Скавр.

Когда Главция покончил с собой и Марий амнистировал Гая Клавдия и его сторонников, Рим вздохнул свободнее. Разногласия на Форуме все сочли исчерпанными. Но это было не так.

Юные братья Лукуллы привлекли к суду Гая Сервилия Авгура за измену, и страсти разгорелись с новой силой. Эмоции захлестнули сенаторов. Процесс над Авгуром расколол «добрячков». Катул Цезарь, Скавр и их сторонники твердо стояли на стороне Лукуллов, а Великий Понтифик Агенобарб и Красс Оратор были связаны с Сервилием Авгуром узами патронажа и дружбы.

Гигантские, еще никогда не виданные толпы, заполнившие Форум во время мятежа Сатурнина, рассеялись, но завсегдатаи Форума были тут как тут. Им не терпелось стать свидетелями слушания. Привлекали молодость и пафос обоих Лукуллов, которые понимали это и готовы были использовать, как только могли. Варрон Лукулл, младший брат, надел мужскую тогу только за несколько дней до суда. Ни ему, ни восемнадцатилетнему Луцию Лукуллу еще не требовалась бритва. Их агенты, хитро расставленные среди толпы, нашептывали зевакам, что эти двое несчастных юношей только что получили известие о смерти их высланного отца и что в древней аристократической семье Луция Лукулла остались теперь только эти два мальчика. Больше некому защитить честь фамилии, ее достоинство.

Жюри, состоящее из всадников, решило заранее держаться на стороне Сервилия Авгура, которого ввел в Сенат его патрон — Великий Понтифик Агенобарб. Но на решение жюри повлияло насилие: бывшие гладиаторы, нанятые Сервилием Авгуром, попытались прервать слушание дела. Однако проворные молодые люди во главе с Цепионом Младшим и Метеллом Поросенком оттеснили этих громил со сцены, при этом убив одного из них. Жюри восприняло намек и решило отнести к братьям Лукуллам более благосклонно, чем намеревалось прежде.

— Они приговорят Авгуря, — сказал Марий Сулле. Они отошли в сторону и оттуда внимательно слушали ход разбирательства.

— Действительно, — отозвался Сулла немного рассеянно. Он восторгался старшим, Луцием Лукуллом. — Великолепно! — воскликнул он, когда юный Лукулл закончил свою речь. — Мне он нравится, Гай Марий!

Но на Мария юноша не произвел никакого впечатления.

— Он такой же высокомерный и чопорный, каким был его отец.

— Неужели ты поддерживаешь Авгуря? — явственно спросил Сулла.

Стрела в цель не попала. Марий усмехнулся:

— Я бы поддержал тингитанскую обезьяну, если бы это осложнило жизнь «добрячкам» вроде нашего отсутствующего Свинки, Луций Корнелий.

— Сервилий Авгур и есть тингитанская обезьяна, — сказал Сулла.

— Пожалуй, да. Он проиграет.

Предсказание подтвердилось. Перед взором жюри неотступно маячили бравые молодцы Цепиона. И жюри единогласно вынесло приговор: DAMNO — ВИНОВЕН. «Виновен» — даже после того, как всех до слез растрогали душепитательные речи защитников Красса Оратора и Муция Сцеволы.

Неудивительно, что слушание закончилось дракой, которую Марий и Сулла наблюдали издали и с огромным удовольствием. Особенно когда Великий Понтифик Агенобарб хлопнул по губам чересчур развеселившегося Катула Цезаря.

— Клянусь Поллуксом и Линкеем! — возрадовался Марий и принялся подзадоривать дерущихся: — Давай, Квинт Лутаций Поллукс! Врежь ему!

— Неплохой классический каламбур! Говорят, все Агенобарбы клянутся, будто именно Поллукс добавил красноты в их чернильные бороды! — сказал Сулла, когда удар Катула Цезаря залил кровью все лицо Великого Понтифика.

— Надеюсь, — сказал Марий, отворачиваясь, как только драка закончилась поражением Агенобарба, — что в этом ужасном году на Форуме больше не будет никаких событий.

— О, не знаю, не знаю, Гай Марий. Нам еще предстоит консульские выборы.

— Хорошо, во всяком случае, что они проводятся не на Форуме.

Два дня спустя Марк Антоний отметил свой триумф, а еще через два дня он был избран старшим консулом. Младшим консулом стал не кто иной, как Август Постумий Альбин, чье вторжение в Нумидию десять лет назад вызвало войну с Югуртой.

— Выборщики — полные ослы! — гневно воскликнул Марий. — Худшей кандидатуры на должность младшего консула просто представить себе не могу. Одни амбиции — и никакого таланта! Ха! Коротка же у них память! Не длиннее их дермы!

— Говорят, запор вызывает тупоумие, — задумчиво молвил Сулла, усмехнувшись.

У него вдруг появилось одно опасение. На будущих выборах он надеялся выставить свою кандидатуру в преторы, но сегодня по настроению выборщиков Центурионатного собрания почувствовал, что в будущем кандидаты, близкие к Марии, могут проиграть. «Но как же я отделю себя от этого человека, который так хорошо ко мне отнесся?» — грустно спросил он себя.

— К счастью, будущий год ожидается довольно скучным, так что у Авла Альбина не будет шансов все испортить, — продолжал Марий, не догадываясь, о чем думает Сулла. — Впервые за долгий период у Рима нет настоящих противников. Мы можем наконец перedoхнуть.

Усилием воли Сулла отогнал мысли о должности претора, которая, как он знал, ускользнет от него.

— А как же предсказание? — вдруг спросил он. — Ведь Марфа определенно сказала, что ты будешь консулом Рима семь раз.

— Я и буду консулом семь раз, Луций Корнелий.

— Ты веришь в это?

— Верю.

Сулла вздохнул:

— А я был бы счастлив стать претором.

Лицевой полупаралич позволял человеку издавать самые невероятные звуки. Сейчас Марий издал именно такой звук.

— Ерунда! — бодро произнес он спустя короткое время. — Ты же настоящий консул, Луций Корнелий. И однажды ты будешь Первым Человеком в Риме.

— Благодарю, что веришь в меня, Гай Марий. — Улыбка Суллы оказалась такой же кривой, как у Мария. — Учитывая нашу разницу в возрасте, мне не придется соперничать с тобой за этот титул.

Марий засмеялся:

— Да, это была бы битва титанов!

— Если ты освободишь курульное кресло и уйдешь из Сената, ты уже не будешь Первым Человеком в Риме, Гай Марий.

— Правильно. Правильно. Но я хорошо поработал. А как только болезнь моя пройдет, я вернусь.

— Но кто же пока будет Первым Человеком в Риме? — спросил Сулла. — Скавр? Катул?

— Нето! — рявкнул Гай Марий и от души расхохотался. — Никто! Вот это и есть самая лучшая шутка! Никто не сможет занять мое место!

И Сулла засмеялся тоже. Он обхватил правой рукой спину Мария и с искренней любовью тиснул его, а потом они отправились домой. Вдали виднелся Капитолийский холм. Широкий луч холодного солнца отражался от позолоты квадриги Победы на фронтонах храма Юпитера Наилучшего Величайшего, заливая весь Рим слепящим золотом.

— Смотреть больно! — воскликнул Сулла.

Но глаз не отвел.

ОТ АВТОРА

Эту книгу написала я одна, без соавторов. Я сама провела исследования, сама рисовала карты и рисунки и составила собственный словарь-глоссарий. Какие бы недостатки и ошибки ни были замечены в книге, в этом только моя вина, больше ничья. Однако есть несколько человек, которых я хочу искренне поблагодарить. Это доктор Алана Ноббса из Университета Маквери, Сидней, Австралия, которая была моим редактором, и мисс Шила Хидден, которая изъездила весь мир в поисках источников и книг, разговаривала со многими экспертами в данной области, разыскивала портретные бюсты. Я благодарна моему мужу. Спасибо моему литературному агенту Фреду Мейсону, моему издателю Кэролин Рейди, Джине Истхоуп, Джо Ноббсу и всему персоналу.

Чем прилагать длинную научную диссертацию в защиту моих догадок касательно описываемой эпохи, я решила вставить минимум рассуждений на эту тему в глоссарий. Тем, кто обладает достаточными познаниями, чтобы критически отнестись к моей версии истории отношений между Марием и Суллой, к проблеме первой жены Суллы и к количеству дочерей Гая Юлия Цезаря Непота, я предлагаю посмотреть глоссарий на имя «Юпилла». Глоссарий, насколько позволяет объем книги, довольно полный и точный.

Библиографический список не прилагается. Во-первых, этого не принято делать в романах. Во-вторых, библиография заняла бы много страниц. Восемнадцать томов классической библиотеки Лоэба были бы лишь началом этого списка. Скажу лишь, что где только возможно, я искала в древних источниках, читала работы многих замечательных историков, включая Паули-Виссова, Броутона, Сайма, Моммзена, Мюнцера, Скалларда и др. Моя подготовленность будет очевидна для тех, кто имеет достаточную квалификацию для того, чтобы судить об этом и без библиографического списка. Однако если какой-нибудь читатель заинтересуется данной литературой, он может написать мне через издателя.

Я прошу быть снисходительными читателям, знакомых с латинским языком, которые найдут несколько латинских слов, употребленных в именительном падеже, когда по смыслу правильнее были бы косвенные. Это было сделано, чтобы было легче читать прозу, насыщенную латинизмами.

Несколько слов о рисунках. Я так устала слышать, что Клеопатра была похожа на Элизабет Тейлор, Марк Антоний — на Ричарда Бартона, и т. д., что решила показать читателю истинные римские лица времен Республики. Где возможно, рисунки имеют портретное сходство, а где о внешности конкретного исторического лица ничего нельзя было узнать достоверного, я выбирала какую-нибудь анонимную голову римлянина нужного возраста или типа. В этой книге имеются девять портретов персонажей. Но только два из них — подлинные портреты. Это Гай Марий и Луций Корнелий Сулла. Все остальные скопированы с анонимных портретных бюстов времен Республики.

Следующая книга этой серии будет называться «Венец из трав».

СЛОВАРЬ-ГЛОССАРИЙ

Авгуры — жрецы, ритуалы которых сначала были связаны с богами плодородия. Они улавливали поданные божеством знаки и толковали их. Для своих предсказаний (авгурний) жрецы пользовались атмосферными явлениями (громом, молнией, зарницей), эхом, наблюдением за поведением диких животных, полетом и голосами птиц, кормлением священных кур (лат. avis — птица, вещая птица, предзнаменование, знак). Особое значение имело гадание по полету птиц (ауспциация). Римские государственные деятели должны были прибегать к ауспции перед выборами и битвами, чтобы определить, благосклонны ли боги к предстоящему событию.

Авгуры образовывали так называемую «коллегию авгуротов», состоявшую из шести патрициев и шести плебеев. До введения закона *lex Domitia de sacerdotiis* (104 г. до н. э.) новые авгуры избирались по решению этой коллегии; после принятия этого закона они избирались публично.

В римском обществе не слишком доверяли людям, которые объявляли о своих «исключительных способностях». Поэтому человек не обязан был обладать особым складом психики, чтобы претендовать на должность авгура. Существовали специальные книги по интерпретации предзнаменований. Со временем гадание авгуротов превратилось в формальную процедуру. Цицерон уверяет, что авгуры не могут без улыбки смотреть друг на друга при совершении гаданий, ибо не верят в них (отсюда выражение «улыбка авгура»).

Авгуры носили особую тогу — *toga trabea* и особый посох — *lituus*, изогнутую палку без единого сучка. Без посоха авгур не мог выполнять свои обязанности.

Аventин — один из семи холмов Рима, находящийся в южной части города. После возведения Сервилиевой городской стены Аventинский холм оказался включен в черту городских стен. Был заселен плебеями в глубокой древности.

Акведук (от лат. *aqua* — вода и *ductus* — веду) — желобочные водоводы, перекрытые сверху для предохранения от загрязнения и испарения, с характерными арочными пролетами в местах понижения уровня земной поверхности. Первый из акведуков — Аква Аппия — был построен в 312 г. до н. э. Во времена Гая Мария действовало четыре акведука, снабжавших Рим

водой. Кроме Аквы Аппия были Аква Анио Ветус — «Старый Аниен» (272 г. до н. э.), Аква Марсия — «Марциева вода» (144 г. до н. э.) и Аква Тепула — «Тепловатая вода» (125 г. до н. э.). В эпоху Республики акведуки и вода, текущая по ним, находились под надзором компаний, подряжаемых цензорами по контракту.

Рисунок 3. Акведук

Аквилея — латинская колония в дальних восточных областях Италийской Галлии, основанная для защиты торговых путей через Альпы из Норика и Иллирика в 181 г. до н. э. Вскоре после этого было проложено несколько дорог, связавших ее с Равенной, Патавией, Вероной и Плаценцией, что сделало Аквилею самым значительным городом в верхней части Адриатики.

Аквитания — область между Пиренеями и рекой Гарумной, населенная иберийскими племенами.

Аквы Секстиеы — город, название которого связано с наличием там целебных источников. Находился в римской провинции Нарбонская Галлия (ныне Экс-ан-Прованс). Известен в связи с победой, одержанной здесь Гаем Марием над тевтонцами в 102 г. до н. э.

Александр Великий — македонский царь (356–323 гг. до н. э.), сын царя Филиппа II и Олимпиады, один из великих античных полководцев и завоевателей. Воспитанный Аристотелем, он, несмотря на спорность своего права на престол (Филипп был в разводе с его матерью), в возрасте двадцати лет взял власть в Македонии. Александр укрепил свое господство в Греции (подчинение Фессалии, разрушение Фив, война против Фракии, покорение Афин, верховная власть в Коринфском союзе) и расширил его в Азии. В 334 г. до н. э. Александр начал поход против персов, держава которых к тому времени начала распадаться. Причиной войны явилось в первую очередь стремление ликвидировать персидское влияние в средиземноморских районах и в Малой Азии.

Первый этап войны: 334 г. до н. э. — переправа через Геллеспонт; 333 г. — битва на реке Гранин (освобождение греческих городов, покорение западной части Малой Азии); взятие Гордия (здесь Александр разрубил «гордиев узел»); 332 г. — сражение при Иссе, завоевание Финикии; осада Тира, поход в Египет (в 331 г. основание Александрии), посещение святилища Амона западнее Мемфиса.

Второй этап: поход в Месопотамию, вступление в Вавилон, Сузы, Персеполь и Экбатану; покорение исконных персидских территорий и Мидии, обеспечение тыла; чистка в оппозиционно настроенных македонских кругах, распуск греческих вспомогательных войск.

Третий этап: 329 г. до н. э. — окончательное покорение Средней Азии, захват Бактрии и Согдианы (Узбекистан), обеспечение торговых путей, военная реформа (создание небольших оперативных отрядов), женитьба на бактрийской княжне Роксане, подавление оппозиции в собственных войсках.

Четвертый этап: поход в Индию, переправа через Инд, формирование нового войска. Истощение войск и мятеж заставили Александра «на краю света» повернуть в обратный путь. Внезапная смерть от лихорадки помешала осуществлению плана покорения Аравии и Северной Африки. Ближайшие сподвижники Александра разделили его державу между собой.

Аллоброги — союз кельтских племен, населявших земли между Изерой и Роной. Главным городом аллобров была Виенна. В 121 г. до н. э. аллобрги были завоеваны римлянами, а их территория включена в состав провинции Нарбонская Галлия.

Альба Лонга — древний центр Лация (близ соврем. Альбано), основан Юлом, мифическим сыном Энея, у подножия Альбанской горы и считается предтечей Рима. В древней Италии город представлял собой столицу и культурный центр латинов. Согласно легенде, Альба Лонга была разрушена царем Туллом Гостилием.

Альбис — река Эльба.

Альпы. Только после перехода Ганнибала через Западные Альпы этот горный массив заинтересовал греков и римлян. Дороги, связывающие север и юг, шли в обход Альп с запада или востока. Как природное образование Альпы не изучались и представляли интерес только с хозяйственной точки зрения (дерево, золото, железо). Их освоение ограничивалось прокладкой дорог.

Амбарры — ветвь союза кельтских племен.

Амброзия — пища богов, дающая бессмертие всякому вкушающему ее. Амброзией назывались также благовонные мази и масла.

Амброни — ветвь германского народа, называемого тевтонами. Они погибли все до одного при Аквах Секстиеых.

Анас — река Гвадиана в Испании.

Анатолия — Малая Азия.

Анк Марций — четвертый из семи легендарных древних царей Рима, внук Нумы Помпилия. История приписывает ему создание жреческой коллегии фециалов, закладку порта Остии на морском побережье, разработки соляных залежей, захваченных им у этрусков, строительство транспортной дороги (*via Salaria* — «соляной путь») от устья Тибра до горной Сабинской области, сооружение в Риме Деревянного моста через Тибр, возведение Карцера, поселение покоренных латинов на Авентинском холме (квартал плебеев). Плебейский род Марциев позднее признавал его своим предком. Анк Марций умер в 617 г. до н. э., оставил сыновей, которые не унаследовали трона, что стало источником беспорядков.

Анио (ныне Аниене) — левый приток Тибра, протяженностью около 118 км. Анио образует несколько озер.

Анна Перенна — одна из многочисленных «малых богинь» местного, чисто римского происхождения. У нее нет никаких параллелей в греческой мифологии. Она не имела ни изображения, ни связанных с ней мифов. В ее честь римляне устраивали ежегодно в первое полнолуние после древнего нового года народное празднество в небольшом лесу возле Рима (в древности новый год начинался 1 марта; следовательно, празднества Анны Перенны отмечались около 15 марта, то есть мартовских ид).

Антиохия (ныне Антакья) — одна из столиц царства Селевкидов на реке Оронт. Город был основан в 300 г. до н. э. Вместе с Александрией Антиохия являлась крупнейшим экономическим и культурным центром Ближнего Востока.

Апеннини — в античные времена богатый лесами горный хребет на Апеннинском полуострове, протянувшийся от Генуи через всю Италию до Калабрии. Центральные и южные области Апеннин населяли племена осков и умбров. Самая высокая вершина — 3000 м.

Аравсион (ныне Оранж) — маленькая крепость, подвластная Риму, на восточном берегу реки Родан в Заальпийской Галлии.

Арап — река Сона во Франции.

Ардуеннский лес — горный хребет в Галлии от области треверов до областей нервиев. Во времена Гая Мария этот лес был непроходим и тянулся от Мозы до Мозеллы.

Арелат (ныне Арль) — торговый город в области, населенной лигурскими салиями в провинции Нарбонская Галлия недалеко от устья Роны. Приблизительно с 120 г. до н. э. Арелат принадлежал Риму. Значение города выросло после того, как Гай Марий соорудил там судоходный канал.

Арн (ныне Арно) — главная река в Этрурии, протяженностью 241 км, берущая свое начало к северу от Арретия (ныне Ареццо) в Апеннинах. Своим руслом эта река некогда обозначала границу между собственно Италией и Италийской Галлией.

Арпин — город в Лации, недалеко от областей самнитов. Изначально был населен вольсками. Это была последняя латинская колония, которая получила права римского гражданства в 188 г. до н. э., но не имела полного статуса римского

муниципалитета во времена Гая Мария.

Асс — римская денежная единица, бронзовая, позднее медная монета, лицевую сторону которой украшало, как правило, изображение головы Януса.

Атес (ныне Адидже) — река в Ретии и Верхней Италии.

Атрий (лат. *atrium* — помещение, почерневшее от копоти) — первоначально главное помещение в римском доме; главная приемная частного дома. В крыше атрия делалось прямоугольное отверстие, под которым располагался бассейн, использовавшийся как хранилище воды для домашних нужд. Впрочем, уже во времена Гая Мария он выполнял исключительно декоративную роль.

Аттал III — последний царь Пергама и правитель большей части Эгейского побережья Западной Анатолии и Фригии. Умер в 133 г. до н. э., не оставив прямого наследника. В своем завещании назначил римлян наследниками своих земель. Война, разгоревшаяся после его смерти, была выиграна Манием Аквиллием. В 129 г. до н. э. из этих земель была организована римская провинция Азия. Большую часть Фригии Аквиллий продал царю Митридату V Понтийскому, положив выручку в свой карман.

Аттический шлем — декоративный шлем, который носили офицеры римской армии начиная с центуриона.

Атуатуки — союз племен, населявших районы Галлии около впадения Сабиса в Мозу. Предполагалось, что это скорее германские, нежели кельтские племена, так как сами они провозглашали свое родство с тевтонцами.

Ауксиларии — вспомогательные войска в римских легионах. Солдаты не имели римского гражданства. Сначала были созданы отряды пехоты, потом отряды кавалерии. Солдат для ауксилариев поставляли союзники (такие, как эдуи), или же они набирались в провинциях, или, наконец, из жителей покоренных стран. Иногда они нанимались и у независимых народов. Эти отряды являлись с национальным вооружением, во главе их стояли местные князья или римляне с титулом префектов.

Ауспicionia — гадание по полету птиц.

Африка. Первоначально территория была названа римлянами по имени жившего в прилегающих к Карфагену местностях племени афров. Название употреблялось для обозначения территории северного побережья материка вокруг Карфагена (ныне Тунис).

Баграда (ныне Меллег) — самая значительная река римской провинции Африка, протекавшая между Утикой и Карфагеном.

Байи — город в Кампании к западу от Неаполя, с теплыми сернистыми источниками; любимое дачное место римлян.

Базилика — крупное общественное сооружение в республиканском Риме; большой просторный зал, в котором оглашались постановления, заседали суды, заключались сделки. Внутреннее пространство базилики представляло собой большой прямоугольный зал, разделенный рядами колонн на несколько продольных помещений, чаще на три или четыре. Самой древней римской базиликой считается Порциева базилика, построенная около 184 г. до н. э. Катоном Цензором. Там размещались конторы банкиров и заседала коллегия плебейских трибунов. Ко времени Гая Мария появились также базилики Семпрония, Эмилия, Опимия — все расположенные на краю нижнего Форума.

Белги — племена северогалльской провинции, кельты, отчасти смешанные с германскими выходцами. К основным племенам белгов, живших на территориях между Сеной, Северным морем и Рейном, принадлежали белловаки, свессионы, ремы, атребаты, морины, менапийцы, нервийцы, атуатуки, эбуроны и треверы. Главным городом считался Дуроцерторум в области, где жили ремы (отсюда нынешнее название — Реймс).

Бенак (ныне Лаго ди Гарда) — самое крупное озеро в Верхней Италии, расположено к западу от Вероны.

Бетис (ныне Гвадалквивир) — река в Испании. Согласно Страбону, долина Бетиса — самая плодородная в мире.

Ближняя Испания (*Hispania Citerior*) — тянулась по прибрежным равнинам Средиземного моря и предгорьям от Нового Карфагена на юге до Пиренеев на севере. Во времена Гая Мария самым большим поселением Ближней Испании считался Новый Карфаген (ныне Картахена). Богатые серебряные месторождения делали эту землю привлекательной для римлян; долина реки Ибар (ныне Эбро) и ее притоков были очень плодородны. Римский правитель имел резиденции в Новом Карфагене на юге и в Тарраконе на севере.

Бойгем (ныне Чехия) — страна бойев в бассейне Дуная. Названа по имени кельтского племени бойев, переселившегося из Галлии частью в долину По, частью на Дунай.

Бонония (ныне Болонья) — этрусский город в Северной Италии. С 189 г. до н. э. — римская колония, соединенная с Аrimином и Плаценцией Эмилиевой дорогой, а с Арретием — Фламиниевой.

Борисфен — река Днепр.

Бренн (I) — царь галлов (кельтов). Разграбил Рим и почти захватил Капитолий, на котором укрылись жители города. Однако священные гуси Юноны начали кричать и кричали, пока сенатор Марк Манилий не проснулся и не увидел, что галлы подбираются все ближе. Римляне отбили атаку галлов, но никогда не простили собак, которые так и не залаяли при виде опасности, и с тех пор прославляют гусей. К несчастью, осажденные не могли продержаться — у них не было продовольствия. Тогда они решили откупиться. Цена была установлена в тысячу фунтов золота. Когда золото было доставлено, Бренн потребовал взвесить его еще раз и нарочно испортил весы, заявив при этом, что его обманывают. Он назвал римлян лжецами, вытащил свой меч и бросил его на чашу весов со словами «*Vae victis!*» — «Горе побежденным». Однако прежде, чем он смог убить римлян, которые обвинили его в обмане, на Форуме появился Марк Фурий Камилл, срочно избранный диктатором. Он и его воины отбили у Брэнна золото. Завязалась битва на улицах города. Галлы были изгнаны, а Камилл провозглашен Вторым основателем Рима. Это случилось в 390 г. до н. э. Что произошло потом с самим Бренном, римский историк Тит Ливий не упоминает.

Бренн (II) — более поздний князь галлов. Возглавив единый союз кельтских племен, захватил Македонию и Фессалию (279 г. до н. э.), сломил греческую оборону возле Фермопил, разграбил Дельфы; затем проник в Эпир и разграбил святилища Зевса в Додоне и в Олимпии. Спасаясь от сил сопротивления греков, вернулся в Македонию, где умер от старых ран. Лишившись сильного вождя, союз кельтов — толистобогов, трокмов, вольков-тектоносагов — распался. Некоторые переправились через Геллеспонт (ныне Дарданеллы) и оказались в Малой Азии, где и осели на землях, названных Галатией. Остальные вернулись в Юго-Западную Галлию (возле Толозы) и унесли с собой всю добчу.

Брундизий (ныне Бриндизи) — портовый город в Калабрии на Адриатическом побережье Италии с чрезвычайно удобной гаванью. В 244 г. до н. э. превращен в римскую колонию. Аппиеву дорогу из Капуи до Брундизия удлинили в юго-восточном направлении. Из Брундизия отправлялись корабли в плавание к берегам Греции.

Бурдигала (ныне Бордо) — главный город кельтского народа битуригов. Галльская крепость (*oppidum*) в Аквитании.

Вала Сабатия (ныне Савонна) — порт на Лигурском побережье.

Вейовис (Ведовис) — исконно римский бог, чрезвычайно загадочная фигура. Как и большинство таких божеств, не имел своей мифологии. Впоследствии представлялся как ипостась молодого Юпитера. Даже Цицерон не дает точного определения этому богу. Известно, что он принадлежал к числу хтонических божеств, связанных с подземным миром; считался владыкой страданий и разочарований. В Риме ему было посвящено два храма — на Капитолии и на острове посреди Тибра. За пределами Рима не был известен, за исключением Бовилл, где несколько членов рода Юлиев воздвигли алтарь Вейовиса от имени своей семьи (в 100 г. до н. э.).

Венок, венец — атрибут высшей воинской доблести. Вот типы таких венков, приведенные в порядке уменьшения значимости: *corona graminea* — венок из трав, вручался человеку, благодаря которому был спасен легион или, в редких случаях, целая армия; *corona civica* — гражданский венок из дубовых листьев, вручался воину, который спас жизнь товарища по оружию и не отступил до конца сражения; *corona aurea* — малая золотая корона, которая вручалась воину, убившему врага в единоборстве и не отступившему до конца сражения; *corona muralis* — крепостной венок, зубчатый золотой венец, вручавшийся воину, который первым поднялся на стены вражеской крепости во время штурма; *corona nivalis* — морской венок, золотая

корона, украшенная изображениями кораблей, — награда за заслуги в морской битве; *corona vallaris* — осадный венок, золотая корона тому, кто первым пересек вал вражеского лагеря.

Верцеллы (ныне Верчелли) — небольшой городок в итальянской Галлии. Расположен на северном берегу Пада. За ним находились две небольшие равнины, где Гай Марий и Катул Цезарь нанесли поражение кимбрам в 101 г. до н. э.

Веста — исконная древняя римская богиня, покровительница священного очага городской общины, курии, дома. Культ Весты был тесно связан со святынями Рима, которые хранились в ее храме. Ее причисляли к пенатам Рима, так как магистраты, вступая в должность, приносили жертву пенатам и Весте. Большое значение имела Веста и для семейного круга, где почиталась наряду с семейными ларами. Ее официальный культ отправлял Великий Понтифик. Храм Весты на Форуме представлял собой маленькое круглое здание. На алтаре Весты постоянно горел огонь, который нельзя было гасить ни при каких обстоятельствах. Веста изображалась с лицом, закрытым покрывалом, с чашей, факелом и скрипетром. В частных домах Весте посвящался вход в дом — вестибул.

Весталки — жрицы Весты, числом шесть. Они отбирались в возрасте семи лет, давали обет девственности и служили богине тридцать лет, после чего возвращались в общество. Бывшие весталки могли выйти замуж, но делали это редко, поскольку такой брак, как считалось, не приносил счастья. Непорочность весталок считалась связанный с судьбой всего Рима. Потерявшая невинность весталка была судима особым судом. Виновную опускали в подземную камеру и замуровывали там.

Во времена Республики весталки жили в одном доме с Великим Понтификом. Они поддерживали в очаге храма Весты постоянный огонь как символ государственной надежности; участвовали в обрядах, изготавливали смесь из муки, соли, пепла жертвенных животных во время жертвоприношений. Хотя угасание огня Весты считалось дурным предзнаменованием, в первый день нового года его гасили и зажигали вновь трением священного дерева о дерево и от него зажигали потом огни очагов курий.

Вия — дорога. Римляне были истинными мастерами дорожного дела. Нормы ширины дорог определяются очень рано — уже в законах Двенадцати таблиц. Аппиева дорога, соединившая Рим с Капуей в 312 г. до н. э., была покрыта каменной мостовой. Все римские дороги постоянно благоустраивались и расширялись. В горах для них пробивались тоннели. У дорог создавались почтовые станции, постоянные дворы, сторожевые заставы, стояли мильные столбы. Общая протяженность дорог составляла около 80 тысяч км. В покоренных римлянами областях вдоль дорог романизация местного населения происходила куда интенсивнее, чем вдали от них. Для путешественников выпускались особые путеводители. За пользование некоторыми дорогами взималась пошлина.

В книге упоминаются дороги: вия Эмилия — построена в 187 г. до н. э.; вия Эмилия Скавра — закончена к 103 г. до н. э.; вия Ания — 131 г. до н. э.; вия Аппия — 312 г. до н. э.; вия Аврелия Ветус — 241 г. до н. э.; вия Аврелия Нова — 118 г. до н. э.; вия Кампана (дата не установлена); вия Кассия — 154 г. до н. э.; вия Клодия — построена в III в. до н. э.; вия Домиция — построена в 121 г. до н. э. (названа по имени строителя — Гнея Домиция Агенобарба); вия Эгнация — 130 г. до н. э.; вия Фламиния — 220 г. до н. э.; вия Минуция — 22 г. до н. э.; вия Остийская, вия Салария (Старая Соляная дорога) — слишком древние для датировки; вия Валерия — 307 г. до н. э.

Виенна (ныне Виенна) — торговый город на реке Родан.

Визургис — река Везер в Германии.

Вилла — римский загородный дом, усадьба имения (*villa rustica*) или все имение (*villa magna*). В сельскохозяйственных сочинениях Катона слово «вилла» обозначает земельное владение средней величины. Такой участок относится к городской территории и обрабатывается рабами или свободными крестьянами. Ко временам Корнелии, матери Грахов, богатые римляне строили виллы больше для отдыха, чем для хозяйственных целей, и предпочитали селиться на берегу моря.

Виноделие — наиболее доходная отрасль сельского хозяйства, которая требовала максимальных затрат труда. Виноград сажали на хорошо вспаханном поле или в траншеях. Удобрение виноградников компостом производилось с большой осторожностью, так как древним виноградарям было известно, что фекалии вредят аромату вина. Саженцы выращивались в рассадниках.

Сбор винограда всегда был большим, богатым обрядностью праздником. Для брожения молодое вино ставили в погреба в больших, окраинных серой глиняных сосудах на срок около шести месяцев. В римское время брожение нередко происходило на солнце, а винные погреба отапливались и окуривались. Для того чтобы избежать чрезмерного брожения, вино добавляли гипс, известь или морскую воду. Сладкое вино получали путем подавления процессов брожения за счет хранения в прохладном месте без доступа воздуха или уваривания. Чаще всего вино настаивали на изюме. Перебродившее в течение 5-10 лет вино разливалось в амфоры. В различные времена ценились разные сорта марочных вин, однако хиоское вино неизменно славилось среди греческих, а фалернское — среди итальянских. Вино редко подавалось неразбавленным. Как правило, в него добавлялись вода или лед. Во время застолья соблюдались многочисленные обычаи: полагалось непременно выпить за здоровье присутствующих, вспомнить отсутствующих, воздать благодарение богам. Один из знатоков вин, Квинт Гортензий Гортал (ум. в 50 г. до н. э.) оставил свыше десяти тысяч амфор вина по завещанию.

Римлянки эпохи Гая Мария пили немногого; в период ранней Республики женщина, замеченная главой семьи в пьянстве, тут же была бы высечена. Однако несмотря на презрение к пьяницам, алкоголизм был одной из проблем Древнего Рима.

Вифиния — область на северо-западе Малой Азии, омываемая Пропонтидой (Мраморное море) и Понтом Эвксинским (Черное море). Первоначально Вифинию заселяли фракийцы. Во времена персидского господства в V в. до н. э. возросла власть местных племенных вождей. Никомед I основал в 264 г. до н. э. царство Никомедию. В период правления Никомеда II Вифиния стала зависимым от Рима государством. Впоследствии Никомед IV (74 г. до н. э.) завещал Вифинию Риму, и она превратилась в римскую провинцию.

Военная реформа. Наиболее известная военная реформа в Риме была проведена Гаем Марием (105 г. до н. э.). В соответствии с ней в армию принимались добровольцами граждане без имущественного ценза, пролетарии, которым устанавливалось денежное содержание и которым после 16–20 лет службы гарантировалось обеспеченное существование.

Военный трибун — молодой человек (24–29 лет), преимущественно из сословия всадников, избранный трибуутными комициями для службы в консульских легионах. Эти выборы производились каждый год. Военные трибуны отправлялись в четыре легиона, принадлежащие консулу, по шесть трибунов на легион, и выполняли там командирские функции по очереди, каждый в течение двух месяцев.

Воконтии — союз кельтских племен, проживавших по берегам реки Друенция в Заальпийской Галлии.

Вольки-текtosаги — союз кельтских племен, расселившихся в Средиземноморской Галлии и захвативших все дороги к Нарбону и Толозе (см. Брэнн II). В I в. до н. э. вольки жили в Герцинском лесу; другое племя того же названия обитало близ Нарбона и Толозы. Восточнее, на территории современного Лангедока (его центром был Немауз, ныне Ним), жили вольки-арекомики. Под названием текtosагов известно одно из трех кельтских племен в Галатии (Малая Азия). Вольки, очевидно, долгое время были соседями германцев.

Вольноотпущенники — рабы, отпущеные на волю актом освобождения. Если хозяин раба являлся римским гражданином, то освобождение превращало бывшего раба в римского гражданина. Однако гражданские права вольноотпущенников оставались ограниченными, во многих случаях они по-прежнему были обязаны служить своим патронам. Вольноотпущенник принимал имя своего господина, добавляя к нему свое. Чаще всего вольноотпущенники принадлежали к классу мелких производителей и были доверенными лицами своих патронов в деловых и политических предприятиях; многие становились врачами, учителями, банкирами.

Вольски — итальянское племя, населявшее долину реки Лириса на юге Лация. Вольски успешно воевали с римлянами в начале V в. до н. э. В 338 г. до н. э. вольски были окончательно покорены римлянами, их города получили право римского гражданства без права голоса, то есть статус муниципиев. Вскоре вольски романизировались и после этого перестали считаться

самостоятельным народом.

Всадники. Создание постоянной конницы приписывается Ромулу. Древние родовые трибы выставляли по сто всадников, они составляли три центурии по 100 воинов из патрицианской знати, служившей пожизненно. В те времена в Италии породистые лошади были очень редки и дороги, кроме того, такие приспособления, как седло и стремена, изобретены не были. К эпохе ранней Республики в Риме насчитывалось уже 1800 человек, способных содержать лошадь. Эти люди были разбиты на восемнадцать центурий. Шло время, увеличивалось число всадников, однако все они покупали лошадей сами и содержали их за свой счет. В III в. до н. э. всадники превратились во второе после сенаторов сословие, развившееся позднее в римскую денежную аристократию. К этому времени большинство всадников были плебеями. Обычными занятиями всадников были крупная торговля и откуп налогов с провинций. Они образовали верхний слой общества в муниципиях, имели крупные поместья, занимали административные должности, были юристами. Во времена поздней Республики всадники вместе с сенаторами были правящим классом. Хотя политическое влияние всадников было менее значительным, чем сенаторов, в их руках сосредоточивались огромные капиталы.

Некоторые цензоры упорно добивались проведения конных парадов всадников, чтобы удостовериться, что они поддерживают себя и своих коней в надлежащей форме. Такие парады проводились, вероятно, в иды июля. Цензоры сидели на верхних ступенях храма Кастора и Поллукса на Форуме, а всадники проводили перед ними коней.

Со времен Гая Гракха всадники контролировали деятельность судов, которые расследовали дела о государственной измене и вымогательстве. Часто отношения между ними и Сенатом обострялись.

Всадники носили тунику с узкой пурпурной полосой «ангустиклаву» (лат. *angustus* — узкий).

Выборы. В республиканском Риме голосование в народных собраниях и на суде производилось с помощью табличек. Голосующие отмечали на них свое согласие или отклоняли обсуждаемое предложение. При избрании должностных лиц на табличках голосующие писали имена кандидатов. Магистраты, в том числе цензоры, избирались на народном собрании под наблюдением консулов.

Вымогательство. До Гая Мария не существовало стандартной практики наказания губернаторов провинций, использовавших свои полномочия для самообогащения. Для этой цели заседали один-два суда или комиссии в год по конкретным делам. Такие суды комплектовались из сенаторов и быстро становились формальными, поскольку подсудимые принадлежали к тому же сословию, что и судьи, и зачастую были их друзьями или родственниками. В 122 г. до н. э. Маний Ацилий Глабрион, соратник Гая Гракха, провел *lex Acilia* — закон о создании постоянного суда по делам о вымогательстве, состоящего из всадников, и представил список из 450 человек, которых можно было бы избирать в этот суд. В 106 г. до н. э. Квинт Сервилий Цепион возвратил власть над всеми судами Сенату, но в 101 г. до н. э. Гай Сервилий Главк смог добиться того, что судебные дела по вымогательствам, со многими усовершенствованиями в системе ведения процесса, вновь были отданы в руки всадников. После принятия в 122 г. до н. э. *lex Acilia* суд, первоначально разбирающий лишь дела по вымогательствам со стороны правителей провинций, стал рассматривать любые дела, касающиеся незаконного обогащения. Информаторы-граждане получали вознаграждение; информаторы, не имеющие гражданства, получали римское гражданство.

Галлия — земля галлов, занимала территорию современной Франции, Западной Швейцарии и Бельгии, а также Италийской (Цизальпинской) Галлии и западной части равнины реки По. Около 600 г. до н. э. на юге современной Франции греками была основана Массилия (Марсель). В конце II в. до н. э. римляне захватили Южную Францию и основали провинцию Нарбонская Галлия с главным городом Нарбон.

Галлия Длинноволосая — включала в себя территорию современной Бельгии и Франции южнее Рейна. Огромная, с широкими низменностями и обширными лесами, гигантскими невозделанными пространствами плодородной земли, орошающейся многочисленными реками — Лигер (Луара), Секвана (Сена), Моза (Maac), Мозелла (Мозель), Матроне (Марна), Гарумна (Гаронна), во времена Гая Мария она была почти неизвестна. Жители принадлежали в основном к кельтским племенам, за исключением нескольких племен германцев, обитавших по берегам Рейна.

Хотя все длинноволосые галлы знали о существовании Рима, они старались избегать контактов с ним — за исключением тех племен, которые жили у границ римских провинций. Галлы занимались скотоводством и отчасти земледелием. Они не строили больших городов, предпочитая малые поселения. Их крепости (*oppidum*) предназначались для защиты имущества племени, вождя и зерна. Жрецы галлов были известны римлянам как друиды. Хоть война и не была смыслом их жизни, галлы считались превосходными воинами. Их излюбленным напитком было пиво, они предпочитали мясо хлебу, пили молоко и пользовались животным, а не оливковым маслом. Высокие, прекрасно сложенные, они выделялись рыжими волосами и голубыми или серыми глазами.

Галлия Заальпийская — провинция, завоеванная Гнеем Домицием Агенобарбом в 120 г. до н. э., чтобы обеспечить безопасный проход римской армии между Италией и Испанией. Провинция состояла из прибрежных территорий от Лигурии до Пиренеев с двумя удалениями в глубь материка — к Толозе (Аквитания) и к долине Родана (Рона).

Галлия Италийская (Цизальпинская) — включала земли севернее рек Арно и Рубикон до Альп. С запада на восток по ней протекает многоводная река Пад (По). В районах Италийской Галлии, расположенных ниже по течению Пада, население было сильно романизировано, многие города обладали латинским правом. Чем дальше к северу, тем больше было кельтских черт в укладе жизни местного населения. Во времена Гая Мария число общин с латинскими правами на севере ограничивалось Аквилеей и Кремоной; латынь была вторым языком в этой области лишь в лучшем случае. Политически Италийская Галлия существовала в замкнутом круге: она не имела ни статуса провинции, ни привилегий итальянских союзников. Во времена Гая Мария мужчины из Италийской Галлии не призывались в армию Рима даже во вспомогательные подразделения — ауксилиарии.

Ганнибал (247–183 гг. до н. э.) — сын Гамилькара Барки, с 221 г. до н. э. главнокомандующий карфагенскими войсками в Испании. Чтобы помешать римским наступательным планам против Испании и Африки, Ганнибал в 218 г. до н. э. предпринял поход через Пиренеи и Альпы. Он нанес поражение римской армии при Тицине и Требии, Тразименском озере и при Каннах (216 г. до н. э.), а затем вторгся в Италию и в 211 г. до н. э. угрожал Риму. Однако римский полководец Квинт Фабий Максим Кунктатор (Медлитель) разработал стратегию, которая позволяла выматывать карфагенскую армию. Он безжалостно преследовал пуничес, однако не ввязывался в серьезные сражения. Из-за постоянной близости врага и опасности нападения со стороны Фабия Максима Ганнибал так и не решился атаковать сам Рим. Затем силы его союзников ослабели, и Фабий смог отогнать Ганнибала на юг. Узнав о высадке Публия Корнелия Сципиона в Африке, в 203 г. до н. э. Ганнибал был вынужден вернуться и в 202 г. до н. э. потерпел поражение в битве при местечке Зама. После этого поражения Карфаген утратил значение великой державы. Ганнибал стремился провести в Карфагене реформы, однако по настоянию его политических противников, связанных с Римом, ему пришлось покинуть Карфаген (195 г. до н. э.). Он отправился в Сирию к Антиоху III, после поражения последнего бежал в Вифинию. Когда в 183 г. до н. э. Рим потребовал его выдачи, Ганнибал принял яд. Враг Рима, он тем не менее завоевал у римлян восхищение и уважение.

Гарумна — река Гаронна во Франции.

Гаста — копье длиной до 2 метров. Использовалось в римской пехоте. После введения во времена Гая Мария копья пилума почти вышло из употребления.

Гений — у римлян первоначально сверхъестественное существо, олицетворяющее мужскую силу, жизненную силу; затем — спутник и дух-покровитель мужчин (женщинам покровительствовала Юнона). Зашитник семьи, дома, общины, города, государства. Главы семьи приносили клятвы гению. Отдельные местности имели своих гениев — *genius loci*. Символом гения являлась змея.

Геркулесовы столбы — два каменных столба на противоположных берегах пролива, отделяющего Европу от Африки. По преданию, сооружены Гераклом.

Германцы — народ, принадлежащий по языку к индоевропейской группе. Название «германцы» для всех племен, обитающих в Южной Скандинавии и Средней Европе между Рейном и Вислой, стало известно римлянам от галлов, которые называли так всех своих восточных соседей, то есть название одного из племен было распространено на всю общность. Древнейшие племена германцев жили на Нижней Эльбе и в Ютландии в VII в. до н. э.

Гетулы — многочисленное племя кочевников, обитавших в Северной Африке, от Малого Сырта до Мавретании.

Гидра — легендарное чудовище у источника Лерны в Аргосе. Обычно ее представляли с девятью головами. Ядовитое дыхание гидры уничтожало все живое. На месте каждой отрубленной головы у гидры вырастали две новые. Геракл стал прижигать обрубки шеи и таким образом победил гидру. Символ проблемы, которая только кажется решенной, а на самом деле становится сложнее.

Гиметанский мед — мед, собираемый на горе Гимет. Причина особого вкуса этого меда заключалась не в цветах, используемых для сбора пыльцы, а в том, что местные пасечники никогда не окуривали свои ульи.

Гиппон Регийский — город в Северной Африке, ныне Аннаба.

Гладиатор (лат. *gladius* — меч) — в Древнем Риме профессиональные бойцы, «солдаты опилок (арены)», сражающиеся для удовольствия и развлечения публики. Впервые бои гладиаторов были организованы в Риме в 264 г. до н. э. в подражание обычаям этрусков, которые ввели их взамен прежних человеческих жертвоприношений при погребальных церемониях. Развившись из погребальных игр, такие публичные зрелища устраивались иногда частными лицами, а иногда — государством с целью снискать популярность у народа. Наряду с профессиональными гладиаторами в боях участвовали военнооплленные, рабы, осужденные преступники. Гладиаторы жили в школах (глава школы назывался ланистом), где обучались и получали вооружение. Большинство школ эпохи Республики было расположено вокруг Капуи. Гладиатор считался выгодным вложением денег. Школы принадлежали людям, которые получали огромные доходы, представляя битвы гладиаторов по всей Италии. Среди владельцев бойцов были сенаторы и всадники; некоторые из них были настолько богаты, что могли содержать до тысячи и более гладиаторов.

Существовали четыре основных типа вооружений гладиаторов (на основе традиционного национального оружия): мирмиллон (от греческого слова «*мормир*» — рыба; гладиатор-галл, имевший большой щит и рисунок рыбы на шлеме), самнит, ретиарий (от латинского слова «*рета*» — сеть; вооруженный сетью и коротким мечом или трезубцем) и фракиец (вооруженный квадратным щитом и изогнутым мечом). Однако доспехи нарочито делались неудобными: грудь оставлялась открытой, щель для глаз в шлеме была слишком узкой и т. д.

После завершения карьеры на арене гладиатор мог получить службу в качестве телохранителя, вышибалы или учителя других гладиаторов. Гладиаторы пользовались большой популярностью среди определенных слоев населения и никогда не знали недостатка в женщинах, в том числе и знатных римлянках, готовых предоставить им свое ложе. Особый привкус таким связям придавало то обстоятельство, что гладиатор — герой на арене — считался тем не менее существом презренным и отверженным.

Гражданин — лицо, наделенное совокупностью политических и иных прав и обязанностей в соответствии с законами. Обладание римским гражданством позволяло принимать участие в голосовании в своей трибе и классе на выборах. Гражданина не подвергают телесному наказанию, он может обратиться в суд, подать апелляцию. В разные времена для получения статуса гражданина необходимо было, чтобы оба родителя обладали гражданскими правами. Римские граждане обязаны были проходить военную службу. До времен Гая Мария состоятельный римский гражданин мог откупиться от военной службы и присоединиться к кампании уже в самом конце, выплачивая при этом государству довольно незначительную сумму.

Гракхи — прозвище плебейского рода Семпрониев, выдающимися представителями которого были оба сына Корнелии — дочери Сципиона Африканского и Эмилии Павлы. Корнелия вышла в 18 лет замуж за 45-летнего Тиберия Семпрония Гракха. Он был консулом в 177 г. до н. э. и умер в 154 г. до н. э. Все двенадцать их детей рождались очень болезненными, поэтому Корнелии удалось вырастить лишь трех. Старший ребенок, дочь Семпрония, вышла замуж за своего двоюродного брата Сципиона Эмилиана.

Двое младших — братья Тиберий (род. в 163 г. до н. э.) и Гай (род. в 154 г. до н. э.) — получили воспитание у матери.

Оба они служили под командованием двоюродного брата матери Сципиона Эмилиана (Тиберий — во время Второй Пунической войны, Гай — при осаде Нуманции). Тиберий был послан в качестве квестора в Ближнюю Испанию (137 г. до н. э.) и собственноручно подписал договор, благодаря которому спас побежденного при Нуманции Гостилия Манция и его армию. Однако Сципион Эмилиан счел эту акцию неверной и заставил Сенат отказать в ратификации его, чего Тиберий никогда не прости своему родственнику.

Будучи народным (плебейским) трибуном в 133 г. до н. э., Тиберий Гракх в условиях нестабильного положения в стране (разорение свободных крестьян, растущее число безземельных граждан, слабость армии) предложил восстановить древний аграрный закон. В соответствии с ним римлянину — главе семьи — запрещалось иметь долю *ager publicus* (общественного земельного фонда) площадью выше 500 югеров (дополнительные 250 югеров давались каждому сыну). Чтобы получить новые земельные участки, Тиберий Гракх предложил изъять излишки против установленной нормы у владельцев крупных наделов и разделить их между бедными гражданами за незначительную арендную плату (аренда планировалась наследственной). Когда сенаторы решили затормозить принятие закона, Тиберий направил его в Плебейское собрание, чем растревожил настоящее осиное гнездо, поскольку это шло вразрез с принятой практикой. Один из плебейских трибунов, Марк Октавий, наложил на закон вето, после чего силой был отстранен от власти — еще одно нарушение общепринятого порядка.

После того как царь Пергама Аттал III умер и завещал свое царство Риму, Тиберий Гракх, проигнорировав право Сената решать, что делать с этим завещанием, издал закон, согласно которому эти земли должны были быть распределены между римскими бедняками. Оппозиция Гракху Сената и Форума возрастила день ото дня.

В 133 г. до н. э. подошел к концу срок правления Тиберию Гракха, но его предложениям так и не было найдено приемлемого решения. Тогда Тиберий нарушил еще одну заповедь неписанных правил, которая не позволяла человеку находиться на посту плебейского трибуна больше одного срока. Тиберий Гракх решил выставить свою кандидатуру в народные трибуны вторично. В день выборов Гракх со своими сторонниками был убит сенаторами во главе с Великим Понтификом Корнелием Сципионом Назикой. Хотя закон Гракха остался в силе, проведение его в жизнь было существенно затруднено.

Младший брат Тиберию Гай в 123 и 122 гг. до н. э. был избран народным трибуном. Он очень походил на своего брата, но усвоил его ошибки и был более гибок. Для продолжения реформ своего брата он стремился заручиться поддержкой всех свободных граждан. Он проводил более широкие реформы, не ограничиваясь аграрными законами. Ему принадлежат законы о доставке дешевого зерна беднейшим слоям городского населения; о регулировании службы в армии; об основании колоний римских граждан за рубежом; о распространении общественных работ по всей Италии; о передаче судебных разбирательств по делам вымогательства от Сената всадникам; о предоставлении римского гражданства всем жителям латинских колоний; об аренде земель в Азии по контрактам; о предоставлении прав латинских колоний всем союзникам Рима в Италии.

Конечно, далеко не все законы были приняты к тому времени, когда срок его деятельности в качестве плебейского трибуна подошел к концу. Тогда Гай сделал невозможное — заранее обеспечил свои перевыборы на второй срок. В условиях все возрастающей ненависти и враждебности он стал бороться за выполнение своей программы реформ, которая не была завершена и к 122 г. до н. э. И тогда он выдвинул свою кандидатуру на третий срок. Однако он и его друг Марк Фульвий Флакк потерпели поражение.

В 121 г. до н. э. законы и проекты Гая Гракха подвергаются нападкам со стороны консула Луция Оптимия и бывшего народного трибуна Марка Ливия Друса, что вызывает народные волнения. Сенат вводит чрезвычайное правление, чтобы остановить возрастающее беззаконие, это дает консулу Луцию Оптимию чрезвычайные полномочия. Происходят столкновения

между сторонниками Луция Оптимия и Гая Гракха. В результате Фульвий Флакк, два его сына и еще 3000 приверженцев Гая Гракха были убиты, а преследуемый Гай покончил жизнь самоубийством в роще Фурины на склоне АVENTина.

Личная жизнь братьев Гракхов также представляла собой цепь трагедий. Тиберий Гракх пошел против традиций семьи, которые призывали его жениться на Корнелии Сципионе, и взял в жены дочь Аппия Клавдия Пульхра, бывшего консулом в 143 г. до н. э., старого противника Сципиона Эмилиана. У них было три сына, из которых ни один не стал заниматься общественной деятельностью.

Сестра Гракхов Семпрония не была счастлива в браке — ее муж изменял ей, и ходили слухи, будто Семпрония отравила Сципиона Эмилиана.

Гай Гракх был женат на Лиции, дочери его соратника Публия Лициния Красса. Их дочь Семпрония вышла замуж за Фульвия Флакка Бамбалиона. Дочь от этого брака Фульвия была по очереди женой Публия Клодия Пульхра, Гая Скрибония Куриона и Марка Антония.

Грамматик — не учитель грамматики, а преподаватель основных видов искусств и риторики.

Дальняя Испания (*Hispania Ulterior*) — наиболее удаленная от Рима испанская провинция. Крупнейший город — Гадес (ныне Кадис); резиденция губернатора — Кордуба (ныне Кордова).

Данастрис — река Днестр.

Данувий — река Дунай. Греки называли его Истром, считали великой рекой, но не использовали для судоходства — лишь создали несколько колоний в нижнем течении Дуная при впадении его в Понт Эвксинский (Черное море). Римляне эпохи Гая Мария знали эту реку по верховьям, лежащим в Альпах. Как и греки, они лишь теоретически предполагали его течение по Паннонии и Дакии.

Дельфы — святилище Аполлона в Фокиде, в ущелье Парнас, где находился знаменитейший оракул Греции и проводились Пифийские игры. Славу этого святилища составлял Дельфийский оракул, который давал предсказания, входя в экстатическое состояние. Этую роль выполняла женщина, называемая пифией.

Демагог — в переводе с греческого «воаждь народа», термин, обозначающий политика, который в выступлениях апеллировал к толпе. Влияние демагогов на политическую жизнь общества основывалось не на богатстве или служебном положении, а лишь на ораторских способностях. Римские демагоги предпочитали выступления в Комиции, а не в Сенате. Этот термин использовался для обозначения более радикальных плебейских трибунов в устах консервативных членов Сената.

Денарий (от лат. *deni* — десять) — римская серебряная монета, первоначально равная 10 ассам. Стала чеканиться, по-видимому, со Второй Пунической войны и имела вначале массу 4,55 г. 6250 денариев составляли талант.

Деревянный мост — наиболее распространенное название моста Сублиция, который был построен из дерева.

Дертона — город Тортоне в Северной Италии.

Диадема — головная повязка, белая лента с вышитыми концами, которые часто завершались бахромой. Диадему повязывали вокруг головы, через лоб, располагая узел на затылке. Концы спускались на плечи. Сначала диадема являлась отличительным знаком принадлежности персидскому царскому дому, позднее стала символом эллинистических правителей, начиная с Александра Великого, который перенял традицию носить диадему после разгрома персов, отвергнув менее подходящие греческим представлениям тиару и венец.

Дис — Плутон, владыка подземного царства мертвых.

Додона — религиозный центр, где находился Додонский оракул при храме Зевса в Эпире. Святилище обслуживали жрицы, которые прорицали по шелесту священного дуба. Дуб был также обиталищем священных птиц — голубей. Додона являлась одним из центров духовной жизни Древней Греции. Вопросы оракулу писали на свинцовых табличках.

Долихен — Юпитер Наилучший Величайший Долихен — сирийский бог Ваал из Долихии в Коммагене, отождествленный с Юпитером. Это божество, имеющее двойную природу, почиталось прежде всего в армии. Его культ носил мистериальные черты. Юпитер Долихен изображался стоящим на быке, с двойным топориком в правой руке и молнией в левой.

Дом (лат. *domus*) — центром римского дома являлся атрий. К атрию примыкали табlinий (кабинет, где принимали посетителей), триклиний (столовая) и кухня. Туда вел вход с улицы через вестибюль и коридор. Над атрием в крыше имелось отверстие (комплювий) для стока дождевой воды. На полу под комплювием находился прямоугольный бассейн, в котором собиралась дождевая вода (импллювий). За табlinием находился перистиль — прямоугольный двор, окруженный крытой колоннадой. Колонный портик обычно завершала экседра — полукруглое или прямоугольное помещение со скамьей. Городские дома, сдаваемые внаем, надстраивались до трех этажей. В первом этаже большей частью размещались лавки.

Рисунок 4. Дом

Друэнция — река Дюранс во Франции.

Друиды (кельт. *mudrejhi*) — кельтские жрецы, о которых в античности имелись самые противоречивые сведения. Друиды поддерживали среди галльского населения сильные антиримские настроения. Их культуры были связаны с деревьями. Устранить влияние друидов римлянам никогда полностью не удавалось. В их руках было сосредоточено воспитание кельтской молодежи, судебные должности, оракулы и предсказания, обряды жертвоприношений. Приписываемые друидам таинственные учения покоятся на преувеличениях и фантазиях античных авторов. Вероятно, друиды занимались также колдовством. Вообще, религия друидов не имела среди римлян, падших до экзотических новшеств, никакого распространения — слишком уж эксцентричной казалась она им.

Жемчуг (лат. *margaritae*) — драгоценность, которая в древности по ценности стояла на втором месте после бриллианта. Ловцы жемчуга должны были нырять за раковинами-жемчужницами на глубину до 30 метров. Трудностью его добывания объясняют высокую стоимость жемчуга. Был известен также искусственный жемчуг — например, голубой стеклянный.

Законы Двенадцати таблиц (*Leges XII tabularum*) — древнейшая запись римских законов, осуществленная в 450 г. до н. э. Плита с их текстом, выставленная на Форуме, была уничтожена в 387 г. до н. э. во время нашествия галлов на Рим. Гражданское, уголовное и процессуальное право в Законах Двенадцати таблиц были еще не разделены. В центре внимания составителей законов оказались вопросы семейного, наследственного и соседского права. Наряду с сурой карой за убийство и покушение на собственность, наказанием за некоторые виды преступлений становятся денежные штрафы. Реконструкция текста законов основана на цитатах из него более поздних авторов.

Земля Гракхов — часть земли на Палатине над Форумом, некогда принадлежавшая Марку Фульвию Гракку, другу и последователю Гая Гракха. В 121 г. до н. э. он был убит вместе с двумя своими сыновьями. После смерти Гракка его земли и имущество были конфискованы, а дом на Палатине снесен. Гракхов пустырь в 100 г. до н. э. приобрел Квинт Лутаций Катул. Он возвел там колоннаду и установил штандарты, захваченные у кимбрсов в сражении при Верцеллах.

Икозий — Алжир.

Илион — поселение близ древней Трои со святилищем Афины Илионской. Второе название Трои, по которому получила название знаменитая поэма «Илиада».

Иллирия — первоначальное название средней части Адриатического побережья, распространившееся затем на весь северо-запад Балканского полуострова от побережья Адриатики до Моравии и от Эпира до среднего течения Дуная.

Император — главнокомандующий римской армии; этот титул присваивался также полководцу, который одержал великую победу. Для того чтобы Сенат дал разрешение на проведение триумфа, он должен был доказать, что войска после битвы

проводили его «императором».

Империй (лат. *imperio* — приказывать, повелевать, требовать) — мистическая сила богов, покровителей римского народа. Империй являлся достоянием всех граждан и лишь на некоторое время переходил к магистрату. Народ вручал империй представителям власти при помощи выборов или особым законом *lex curiata de imperia* в куриатских комициях. Но магистраты имели одинаковые права. Консул мог получить только военный империй (право казнить или миловать подчиненных, распространявшееся только за пределами города), претор — только гражданский империй (право юрисдикции, наказания в виде штрафов, заключения в тюрьму и телесных наказаний в черте города). Империй высшей степени (лат. *summum imperium*), включавший в себя военную и гражданскую власть, в эпоху Республики давался только диктатору. В виде исключения народное собрание могло наделить империем и лиц, не занимающих магистратских должностей. У империя были внешние отличия. В зависимости от своего ранга магистрат был наделен правом иметь в своей свите определенное количество ликторов: диктатор — 24, консул — 12, претор — 6. Ликторы несли в руках фасции и шли впереди магистрата, охраняя его. Позднее термин «империй» стал обозначать также и ту территорию, на которую распространялась власть данной магистратуры.

Инсула (лат. остров) — отдельно стоящий дом, предназначавшийся для сдачи квартир внаем, в противоположность *domus* (дому) — комплексу построек с внутренним двором. Зачастую инсулы были многоэтажными и сдавались внаем беднейшему населению (инсуляриям). Инсула управлялась рабом, получавшим арендную плату с жильцов.

Италийские союзники. Италики — племена, переселившиеся ко второму тысячелетию до н. э. на Апеннинский полуостров. Италики были преимущественно скотоводами, хотя некоторые занимались и земледелием. Римляне подчинили италиков в длительных войнах к середине III в. до н. э. и наделили их различными правами по принципу «разделяй и властвуй». Италийские языки были вытеснены латинским. Поскольку лишь немногие италики обладали правами римского гражданства, а римляне притесняли и эксплуатировали их, то часто вспыхивали восстания италиков.

В обмен на военную помощь со стороны Рима и в интересах мирного сосуществования с могущественным соседом италийские союзники должны были поставлять в римскую армию солдат и платить за их содержание и экипировку. Во времена Гая Мария они также несли основное бремя налогов в Италии и обязаны были отдавать часть своих земель в римский общественный земельный фонд (*ager publicus*).

Среди италийских союзников постоянно существовало колебание между стремлением освободиться от власти Рима и желанием получить римское гражданство. Последняя большая уступка союзникам состояла в принятии закона 123 г. до н. э.: общинам, живущим по латинскому праву, позволялось принять римское гражданство для себя и своих союзников. Союзническая война 90–88 гг. до н. э., в результате которой были удовлетворены политические требования италийской аристократии (представление римского гражданства), окончательно стерла различия между гражданами Рима и италиками.

Казначейский трибун — первоначально выполнял функции казначея армии. Ко времени Гая Мария армия была переформирована, в результате чего должность казначейского трибуна оказалась лишней — жалованье выдавали квесторы. Автор книги предполагает, что казначейские трибуны были гражданскими служащими. Хотя Сенат и народ Рима весьма неодобрительно относились к бюрократическому аппарату, постоянное разрастание подвластных Риму территорий требовало все большего количества служащих. Ко времени Гая Мария существовало множество людей, занятых в различных областях деятельности казначейства. Необходимо было взыскивать налоги в стране и за границами, распределять средства по различным статьям — от закупок общественного зерна до строительных программ. Несомненно, что высшие казначейские должности занимали граждане, принадлежавшие к уважаемым фамилиям; их труд хорошо оплачивался.

Калабрия — в античности плодородный полуостров на юго-востоке современной Италии. Жители Калабрии выращивали виноград и оливки, разводили овец, обрабатывали их шерсть. Свое название полуостров получил от племени калабров (видимо, иллирийского происхождения). Под власть Рима Калабрия попала после того, как в 272 г. до н. э. Тарент, главный город полуострова, был захвачен римлянами. В конце VII в. н. э., после того как германцы частично завладели античной Калабрией, византийские правители перенесли это наименование на античный Бруттий (современная Калабрия). Таким образом, сегодня Калабрия — это «носок сапога», а в древности она была «каблуком».

Каланды — см. Римский календарь.

Кампания — область на западе Италии с плодородными почвами вулканического происхождения. Древнейшее население — оски. В VIII–VI вв. до н. э. Кампанию колонизировали греки, основавшие города Кумы, Посидонию, Путеолы. В конце VI в. до н. э. Кампанию захватили этруски, которые основали город Капую. В 312 г. до н. э. Аппиева дорога связала Кампанию с Римом. Во время Второй Пунической войны Капуя и часть кампанских городов воевала на стороне Ганнибала. В 211 г. до н. э. Рим, победивший Ганнибала, объявил всю землю Кампании *ager publicus* и распределил ее между римскими земледельцами. В Кампании было развито земледелие, скотоводство. Производились масла и вина. Портовые города являлись центрами обширной морской торговли.

Канны — небольшой древний италийский город в Апулии на реке Ауфид (Офант), вблизи побережья Адриатического моря. Возле Канн Ганнибал в 216 г. до н. э. одержал знаменитую победу над численно превосходящими силами римлян. В битве погибло около 36 тысяч человек, оставшиеся в живых римляне были захвачены в плен.

Капитолий, Капитолийский холм — один из семи римских холмов; имел развоенную вершину — собственно Капитолий и ту, на которой стояла римская крепость арке. Капитолий издавна был политическим и культовым центром Рима. Там находился храм трех богов — Юпитера, Юноны и Минервы. Римские полководцы во время триумфальных шествий восходили к этому храму. На Капитолии находился архив. В 269 г. до н. э. на другой вершине холма, где располагалась крепость, был воздвигнут храм Юноны Монеты (Советчицы), при котором имелся монетный двор. Седловина между двумя вершинами холма застраивалась домами знати. В этом районе жил и Гай Марий.

Капуя — город в Кампании, находившийся в 4 км юго-восточнее современного города, основанный, согласно преданию, Ремом и построенный около 600 г. до н. э. этрусками. К 438 г. до н. э. Капуя попала под самнитское господство. В борьбе против самнитов Капуя в 340 г. до н. э. заключила союз с Римом. В 295 г. до н. э. в городе была проложена Аппиева дорога. Во время Второй Пунической войны Капуя в 216 г. до н. э. отделилась от Рима, а в 211 г. до н. э. была им подчинена вновь; многие из городских жителей были казнены, а капуанские земли объявлены *ager publicus*. Ко времени Гая Мария экономическое благосостояние Капуи базировалось на многочисленных лагерях для военных учений и гладиаторских школах.

Карбункул — рубин чистой воды. Это слово также употреблялось по отношению к красным гранатам. Другие значения: тлеющий уголек, душевная боль, злокачественный нарыв.

Карини — один из самых богатых кварталов Рима у Эсквилинского холма.

Карнуты — один из наиболее значительных союзов кельтских племен Галлии. Их земли располагались между Лигером и Секваной. На их территории находились города Орлеан (*Cenabum*) и Шартр (*Autricum*) и культовые центры друидов.

Карцер — см. Тулианская тюрьма.

Кастор — старший из богов-близнецов Диоскуров (второй брат — Поллукс). Храм Диоскуров на Форуме был очень большим и древним, поскольку кульп этих божеств проник в Рим не позднее эпохи царей. Однако почитание Диоскуров не может быть отнесено к чисто греческому влиянию. Особое значение для Рима заключалось в том, что основатели Вечного города, Ромул и Рем, также были божественными близнецами.

Квадрига — колесница с четырьмя запряженными в один ряд конями. Первоначально использовалась как боевая колесница, с VII в. до н. э. стала также почетной колесницей. Неоднократно изображалась на монетах.

Квестор (лат. *quaestio* — поиски; опрос) — самый нижний чин в *cursus honorum*. Во времена Гая Мария стать квестором вовсе не означало автоматически сделаться членом Сената; однако цензоры часто вводили квесторов в Сенат своей властью. Возраст, начиная с которого римский гражданин мог претендовать на должность квестора, совпадал с возрастом возможного

вхождения в Сенат — тридцать лет. Основные обязанности квестора относились к области финансов: он мог быть направлен в казначейство — Рима или какое-либо второстепенное, мог заниматься таможенными вопросами в портах, управлять финансами в провинции. Консул, который должен был управлять данной провинцией, мог лично просить кого-либо послужить ему в качестве квестора, — это было лестное предложение и верный способ получить данный пост. В обычных условиях срок деятельности квестора был равен одному году; однако если это был личный квестор, то он мог оставаться в провинции до тех пор, пока не закончится срок деятельности призвавшего его правителя. Первый день срока службы — пятый день декабря.

Квинтилий — июль. См. *Римский календарь*.

Квирин — древнеримский бог, сабинское божество. Почитался в древней триаде богов Юпитер — Марс — Квирин, которая позднее была заменена триадой Юпитер — Юнона — Минерва. Предполагается, что Квирин — божественное воплощение концепции римского гражданства, Римского собрания. Один из семи холмов Рима — Квиринал назван по имени этого божества. В 293 г. до н. э. там был возведен в его честь храм, перед ним росли два мицтовых дерева, одно из которых представляло собой патриция, а другое — плебея. Особый жрец руководил торжеством в честь Квирина — Квириналией. Впоследствии под именем Квирина почтился вошедший в число богов основатель Рима — Ромул.

Квириты — древнее название римских граждан, употреблявшееся на народных собраниях. Кроме того, словом «квириты» обозначались гражданские лица в противоположность военным. Автор книги полагает, что во времена Гая Мария слово «квирит» относилось к заслуживающему уважение человеку.

Кельтибера — так называли многочисленные племена центральной Испании. Кельтибера произошли, по-видимому, в результате смешения кельтов с иберами. Они считались грубым, диким и воинственным племенем. Известны тем, что изготавливали превосходное оружие. Римляне переняли впоследствии их тип меча.

Кельты — группа племен, занимавших обширную территорию в Западной Европе. Эти племена пришли из северных областей центральной Европы в первые века первого тысячелетия до нашей эры. Примерно с V в. до н. э. они пытались оккупировать территории в Средиземноморье. В Испании и Галлии им сопутствовал успех, но в Греции и Италии они потерпели неудачу. В Северной Италии, Македонии, Фессалии, Иллирии кельты смешались с местным населением. Галатия, запад центральной Анатолии еще много веков оставались кельтоязычными. По происхождению кельты отличались от родственных им германских племен (это проявлялось в этнографических чертах). Сами себя кельты считали сплавом нескольких народностей. Римляне редко использовали слово «кельт», употребляя в основном название «галл».

Большим влиянием среди кельтов пользовалась жреческая каста — друиды. В эллинистических государствах весьма ценились наемники-кельты.

Кимбрьи — очень большой союз германских племен, которые проживали в северных областях Кимбрейского полуострова (современная Дания), пока в 120 г. до н. э. не покинули эти места под влиянием изменившихся природных условий. Вместе со своими южными соседями, тевтонами, они отправились искать новую родину. Это путешествие длилось почти двадцать лет, пока в конце пути они не столкнулись с римской армией, возглавляемой Гаем Марием.

Киники — школа греческой философии. По учению киников, главная цель человеческих устремлений — добродетель, которая заключается в умении довольствоваться малым и избегать зла; для ее достижения нужно не столько знание, сколько сила воли. Киники славились выходками, которые эпатировали общество; они отрицали культуру вообще, а также семью, государство, науку.

Кираса — две пластины, обычно из бронзы или стали, но иногда из уплотненной кожи, одна из которых защищает грудь и живот, а другая — плечи и спину. Пластины закреплялись завязками на плечах и по бокам. Некоторые кирасы специально подгонялись с помощью завязок под размер. Высшие армейские чины носили роскошные кирасы, отделанные серебром и золотом. Командующий и его легаты носили также пояса из тонкой красной ткани с металлическими застежками.

Классы. Римский царь Сервий Туллий учредил ценз (см.). Все население, способное носить оружие, было разделено на пять классов — цензовых разрядов — в зависимости от величины имущества. Первый класс включал тех, чье имущество оценивалось в 100 тысяч ассов; второй — 75 тысяч, третий — 50 тысяч, четвертый — 25 тысяч, пятый — 11 тысяч ассов. Помимо них имелись граждане, чье имущество было меньше, чем у граждан пятого класса, — *capite censi*, или пролетарии. С II в. до н. э. изменилась сумма оценки имущества: сенаторы — 400 тысяч сестерциев, всадники — 100 тысяч, ценз для службы в легионе — 4 тысячи сестерциев.

Кливус — холм, склон; улица, проходящая по холмам, спуск.

Клиент — свободный человек или вольноотпущенник (не обязательно гражданин Рима), который отдавал себя под покровительство патрона. Клиент должен был участвовать во всех делах своего патрона, поддерживая его интересы и исполняя его поручения; патрон, в свою очередь, обязывался оказывать ему поддержку в его делах: способствовать при получении клиентом какого-либо места или положения, помогать материально. Освобожденный раб автоматически переходил в разряд клиентов бывшего хозяина. Своеобразный кодекс чести управлял поведением клиента по отношению к патрону, и он был в высшей степени привержен этому кодексу. Сам клиент мог одновременно стать чьим-либо патроном, при этом его клиенты одновременно становились клиентами его патрона. Иностранные государства — клиенты по отношению к Риму — были обязаны выкупать похищенных римских граждан. Этим часто пользовались пираты. Клиентами могли быть не только отдельные личности, но и города и страны.

Клиент-царь — иностранный монарх, признававший Римское государство как своего патрона или временно находящийся на службе какого-либо влиятельного римлянина. Титул «друг и союзник римского народа» определял положение такого монарха.

Клитумн — река в южной Умбрии; у истоков ее, в кипарисовой роще, находился храм бога Клитумна.

Клоака — крытый канал для стока нечистот. См. *Cloaca Maxima*.

Книги. Античная книга — это папирусный свиток. Кодекс — привычная нам книга — стал вытеснять свиток только к IV в. н. э.

Коан — территория, относящаяся к сфере владений острова Коа — коанский шелк, который чрезвычайно ценился среди женщин легкого поведения (из-за этого пристрастия их называли «коанами»).

Когномен — см. *Римские имена*.

Когорта (лат. группа людей, вереница) — тактическая единица римского легиона, состоящая из шести центурий. Обычно легион состоял из десяти когорт.

Коллегия (лат. товарищество) — 1) объединение отдельных профессиональных групп, 2) сообщество римских жрецов. В коллегии могли объединяться люди из разных слоев общества, включая даже рабов. Коллегия присматривала для себя один из римских перекрестков и отмечала свое собственное празднество — компиталии. Слово «компиталии» происходит от латинского *compitum* — перекресток; этот праздник в честь общинных ларов происходил ежегодно в декабре в последний день Сатурнaliaj.

Комиция (лат. *comitiatu*s — собрание). См. *Народное собрание*.

Консул — должностное лицо, избираемое в центуриатных комициях на один год и вступавшее в должность 1 января. Консулов было двое. Они пользовались военной и гражданской властью. Военная власть включала следующие права: ежегодный набор войска, назначение военных трибунов и центурионов, предводительство войсками в Италии — кроме города Рима. Консулам подчинялись все магistrаты, кроме народных (плебейских) трибунов. Консул — высшая ступень в иерархии римского управлеченческого аппарата. Каждый консул имел при себе штат из двенадцати ликторов, которые носили на плечах фасции — знак консульской власти. Во времена Гая Мария на должность консула могли быть избираемы как патриции, так и плебеи, причем два патриция одновременно править не могли. Возраст, с которого можно было претендовать на должность консула, составлял 42 года — после двенадцатилетней практики в Сенате, куда входили не младше 30 лет. Империй консула практически не знал границ. Кроме того, консул мог брать на себя командование любой армией.

Консул-суффект — дополнительно (взамен выбывшего) избранный консул. Его избирали в тех случаях, когда консул умирал во время своего срока или оказывался неспособным исполнять консульские обязанности. Имя суффекта в любом случае заносилось в консульские списки, и после окончания службы, пусть даже совсем непродолжительной, он именовался консул яром, то есть бывшим консулом.

Консулляр — бывший консул, обладавший почетными правами в Сенате. Его могли в любое время послать управлять провинцией; ему давались важные поручения — обеспечение населения хлебом и проч.

Контубернал — член преторской свиты, из молодых знатных римлян, которые для ознакомления с военным делом прикомандировывались к претору.

Коттаб — популярная в античности застольная игра. Она состояла в том, что остатки вина из чаши или бокала нужно было плюнуть в диск, легко укрепленный на вертикальной опоре, чтобы тот упал. Обычно удачный бросок посвящался любовникам.

Кумы — древнейшая, самая северная греческая колония в Италии. Кумы были главным центром греческого культурного влияния на Рим. В 421 г. до н. э. город захватили самниты; в 388 г. до н. э. жители Кум получили статус римских граждан без права участия в выборах. Позднее Кумы стали римской колонией. Там сохранились развалины знаменитого святилища с оракулом Аполлона, пещеры Кумской Сивиллы. В эпоху Республики это был также популярный курорт.

Куриатные комиции — древнейший вид народного собрания римской общины, в котором участвовали только патриции. Представители родов собирались у знака своей курии. Мнение большинства становилось мнением всей курии. Курия имела один голос.

Курия — союз родов. Первоначально территорию Рима заселяли 30 родов (10 родов образовывали одну курию). Курией называлось также место собраний и жертвоприношений граждан Рима. По куриям собирались народные собрания (куриатные комиции). Позднее словом «курия» начали именовать место заседаний Римского Сената. В эпоху Гая Мария курии уже не имели значения для политической организации народа. В тех случаях, когда при вручении империя старшему магистрату требовалось собрать все тридцать курий, их обычно представляли тридцать ликторов.

Курия Гостилия — здание Сената (считалось, что оно построено римским царем Туллом Гостилием).

Курульное кресло — кресло из слоновой кости, предназначенное исключительно для высших магистратов. Ножки таких кресел представляли собой букву «Х», подлокотники у них были низкие, спинка отсутствовала. Римляне в тогах сидели очень прямо, чтобы не смять складки.

Лагерь. После каждого дневного марша римская армия разбивала укрепленный лагерь, так что продолжительность пути считалась по числу лагерей («пять лагерей» и т. д.). Постоянный лагерь (*stativa*) строился главным образом на зиму. К последнему был близок и лагерь, сооруженный при осаде. Когда передовые рекогносцировочные отряды или центурионы находили удобное место для лагеря, то прежде всего определялись две его основные линии (длина и ширина), обычно одинаковой длины. Получался квадрат, одна часть которого назначалась для полководца, его штаба, а другая — для легионов и вспомогательных войск. Каждая сторона имела свои главные ворота: *porta praetoria* были обращены к врагу, против них были *porta decumana* (ворота десятинной жертвы); боковые ворота назывались *portae principalis dextra* и *sinistra* (правые и левые). От *porta praetoria* шла главная улица лагеря (*via praetoria*), которую пересекала *via principalis*. Главнейшим пунктом лагеря была ставка полководца. Перед ней имелось свободное пространство, на котором собирались солдаты, когда с ними говорил полководец.

При определении места для лагеря оно обводилось рвом, земля из которого употреблялась для устройства вала. Земляной вал был обычно в три с половиной метра высотой и шириной и укреплялся дерном и брустверами, состоявшими из плетенных щитов с зубцами, что прикрывало всего бойца. Для усиления лагеря устанавливались также деревянные башни в несколько этажей. Палатки солдат были кожаными; в зимних лагерях вместо них строили бараки с соломенной крышей. Каждые ворота охранялись одной когортой; ночью, если враг был близко, несли стражу и более крупные отряды.

Для полевого лагеря выбиралось такое место, поблизости от которого можно было добывать фураж, дрова и воду. Войско возвращалось в лагерь через *porta decumana*. При большой численности и опыtnosti солдат укрепление обыкновенного лагеря шло очень быстро, равно как и выступление из лагеря утром: по первому сигналу сворачивались палатки, по второму укладывался багаж, по третьему войско выступало.

Лары — римские божества, охранявшие домашний очаг и семью, а также хозяев дома во время полевых работ и путешествий. Им приносили жертвы в ларарии — стоящем в нише особом шкафу в атрии или в кухне близ очага; их наряжали, в их честь устраивали праздники. К эпохе поздней Республики лары приобрели облик — их изображали в виде двух мальчиков с собакой; однако вряд ли римляне верили, что лары — исконные римские божества, изначально не имевшие определенной формы, — выглядят именно так.

Латинские права — промежуточный статус в градации гражданских прав от итальянских союзников до полноправных римских граждан. Обладатели латинских прав имели много общих привилегий с римскими гражданами: равные права в отношении доходов, возможность заключать контракты с гражданами Рима, право обращаться с апелляциями по уголовным делам. Однако граждане, обладавшие латинскими правами, не участвовали в выборах, не заседали в римском суде. После волнений в городе Фрегеллы (125 г. до н. э.) магистраты городов, пользовавшихся латинскими правами, получили полноценное римское гражданство для себя и своих потомков.

Латины — жители Лация; одно из основных итальянских племен. В 496 г. до н. э. римляне разбили латинов в битве у Регильского озера и спустя несколько лет заключили с ними союз. Те города, которые вошли в Латинский союз, обладали меньшими правами, нежели Рим. В 340 г. до н. э. они попытались лишить римлян их господствующего положения, однако в 338 г. до н. э. потерпели окончательное поражение. Жители латинских городов, вошедших после этого в римо-итальянский союз, пользовались правами латинского гражданства, несколько урезанными по сравнению с римскими.

Лаций — древняя область в Средней Италии, сравнительно поздно заселенная латинянами.

Легат — назначаемый Сенатом посол, а также заместитель командующего армией, чин из высшего командного состава; чиновник канцелярии наместника. Чтобы добиться положения легата, следовало сначала войти в Сенат (часто — побывать на посту консула, поскольку эти государственные мужи время от времени испытывали желание попробовать себя в военном искусстве). Легаты были подотчетны лишь верховным командующим.

Легион — ополчение; первоначально — название всего римского войска. В IV в. до н. э. была проведена реформа, после которой легион стал включать в себя 10 манипул, каждая из которых делилась на две центурии. К началу Второй Пунической войны (218–201 гг. до н. э.) легион состоял из 30 манипул (10 когорт).

Ко времени Гая Мария римская армия, участвовавшая в любой значительной кампании, редко состояла менее чем из четырех легионов. Единичные легионы без дополнительного подкрепления обычно несли гарнизонную службу в таких областях, как Испания. Каждый легион обладал собственными метательными и осадными орудиями. Если это был один из консульских легионов, то он управлялся шестью избранными военными трибунами; если легионы принадлежали верховному главнокомандующему, то возглавляли их легат или сам командующий.

Лектистерний — обряд угощения богов: статуям богов, лежащим на ложах подобно людям, подносили еду.

Либитина — в римской мифологии богиня похорон. В святилище Либитины, которое находилось в роще, хранились похоронные принадлежности. Согласно преданию, царь Сервий Туллий приказал вносить в святилище Либитины по монете на каждые похороны, чтобы точно знать число умерших.

Ливия — греческое название Африки. Позднее Ливией называли северо-восточную часть Африки (к западу от Египта) в отличие от римской провинции Африка.

Лигер — река Луара во Франции.

Лигурия — территория между Альпами по реке По и Лигурским заливом. Лигурия получила название от проживавших здесь с древних времен лигуров. Римляне начали завоевание Лигурии после окончания Второй Пунической войны. Главный порт — Генуя. Бедная, неплодородная земля; единственный относительно известный промысел — шерсть, из которой делались непромокаемые плащи и накидки. Еще один вид деятельности местных жителей — пиратство.

Ликторы — особые должностные лица при высших магистратах и некоторых жрецах. В зависимости от ранга каждому магистрату полагалось определенное количество ликторов (диктатору — 24, консулу — 12, претору — 6). Вооруженные фасциями, они шли впереди магистрата. Среди их обязанностей — несение охраны во время телесных наказаний или смертных казней. Ликторы были римскими гражданами (обычно из числа вольноотпущенников). Жалование ликторов было минимальным; ликтор мог лишь полагаться на милость того, кого он сопровождал. В коллегии ликторы подразделялись на группы по десять человек (декурионы), каждая из которых возглавлялась префектом. Внутри Рима ликторы носили белые тоги; выходя из города, надевали малиновую тунику с широким черным поясом, орнаментированным латунью; при похоронах — черную тогу. Реальных свидетельств о местоположении коллегии ликторов не сохранилось. Институт ликторов существовал, по-видимому, еще во времена этрусских царей.

Лугдун (ныне Лион) — кельтское поселение, расположенное на пересечении торговых путей. Впоследствии римская колония. Там сохранились остатки римского театра, храма Кибелы, водопровода.

Лугдунский проход — название, которое автор использовал для обозначения перевала Малый Сен-Бернар между Италийской Галлией и Заальпийской Галлией. Он лежит на большой высоте. Был известен с древности.

Мавретания — северо-западная область Африки; ее население — берберские племена. Побережье северной Африки было колонизировано еще в древности — финикийцами и карфагенянами. Царь Мавретании Бокх заключил союз с Римом. Жители Мавретании назывались маврами. Столица — Тингис (ныне Танжер).

Магистраты — выборные исполнительные органы и должностные лица Сената и народа Рима. Магистраты представляли собой исполнительную власть. Согласно установившейся иерархии, самой низшей среди магистратов считалась должность военного трибуна, который не мог еще войти в Сенат. Затем следовали квестор, народный (плебейский) трибун и плебейский эдил, курульный эдил — самый младший из магистратов, имеющий империй; претор, консул.

Особое место занимал цензор. Человек мог претендовать на этот пост лишь после того, как побывал в должности консула. Консулы, преторы, курульные эдилы и цензоры считались магистратами курульными и обладали особой привилегией — курульным креслом. К некурульным магистратам относились квесторы, трибуны и плебейские эдилы. Плебейские эдилы (двою) и десять народных трибунов следили за соблюдением интересов плебеев.

Все магистраты выбирались на один год. В случае крайней необходимости Сенат имел право создать еще одну магистратуру, состоявшую из единственного человека — диктатора. Диктатор имел право находиться на этом посту лишь шесть месяцев и затем освобождался от ответственности за совершенные поступки. Диктатор мог лично назначать главнокомандующего.

Все выборные должностные лица выполняли свои обязанности безвозмездно.

Рисунок 5. Государственные органы Римской империи. Народные собрания

Македония — область на севере Греции. Здесь жили по преимуществу скотоводы. Много столетий Македония считалась «дикой» страной, однако при Филиппе II (359–336 гг. до н. э.) она стала централизованным государством, способным соперничать с Грецией. При его сыне Александре Македонском была покорена Персия — главный враг и соперник античной Греции. После распада державы Александра Македония стала одним из крупнейших эллинистических государств; впоследствии она стала объектом экспансии Рима. Римляне попытались создать из Македонии самоуправляемую республику, но на этом пути потерпели крах, и в 146 г. до н. э. Македония была включена в состав Римского государства как одна из провинций.

Доступ в Македонию был ограничен долинами рек. Через них на территорию страны проникали варвары из Фракии и Мезии. Во времена Гая Мария это были преимущественно скордиски и бессы. Коренное население Македонии относилось к германо-кельтским племенам. Многочисленные нашествия наполнили ее греками, дорийцами, иллирийцами.

Манипула (лат. manipulus — горсть) — боевое подразделение в легионе, обычно двести человек. В легионе было десять манипул. Каждая из них делилась на две центурии. В манипуле имелось два центуриона; командир первой центурии был также командиром всей манипулы. После военной реформы манипула как низшая тактическая единица была заменена когортой.

Маркоманы — германское племя, относящееся к свевам и в I в. до н. э. осевшее в районе Майна. Они объединились с кимброями и тевтонами на весь период миграции (приблизительно со 120 по 113 г. до н. э.).

Марсии — италийское племя, населявшее нагорья Средней Италии в районе Фуцинского озера. Марсии контролировали перевалы в Апеннинских горах на римской стороне. Они были лояльны по отношению к Риму и не вступали в союз с Ганнибалом. Марсии были воинственны и многочисленны; рано стали использовать латинский язык. Главный город — Маррувий, расположенный на восточном берегу Фуцинского озера. Другой крупный город марсияев — Альба Фуцентия — был римской колонией. Марсии считались заклинателями змей.

Марсово поле — низменность между Тибром, Пинцием, Капитолием и Квириналом, где проходили народные собрания — центуриатные комиции, спортивные соревнования и военные смотры.

Массилия (ныне Марсель) — греческая колония, основанная около 600 г. до н. э. близ устья реки Роны. Массилия выступала торговым соперником этрусков и карфагенян. После завоевания римлянами Массилия длительное время играла основную роль в распространении на Западе (в Галлии) греческой культуры, познакомила галлов с виноградной лозой и оливками. Римляне защищали Массилию от лигурийцев (галльская экспедиция Гнея Домиция Агенобарба в 122 г. до н. э.). Тогда же была основана провинция Заальпийская Галлия.

Медиолан (ныне Милан) — главное поселение кельтских племен инсубров, основано ок. 390 г. до н. э. Римляне занимали его в 222 и 194 г. до н. э., затем превратили в крепость.

Метелла Кальва — сестраLuция Метелла Далматика, Великого Понтифика, и Квинта Цецилия Метелла Нумидийского. Вышла замуж за Luция Лициния Лукула и была матерью братьев Лукуллов. Метелла Кальва принадлежала к тем немногочисленным женщинам своего времени, которые заслужили отдельного упоминания в древних текстах. Отмечалась преимущественно ее склонность заводить любовные связи с мужчинами крайне низкого происхождения и общественного положения. Эта дама пользовалась широкой скандальной известностью.

Мим — вид представлений народного театра, первоначально возникший на Сицилии. Мим представлял собой импровизацию на фривольную тему, короткие бытовые сценки. Начиная с III в. до н. э., мими пользовались в Риме возрастающей популярностью. Если в высокой трагедии актеры надевали маски и твердо придерживались текста произведения, то в миме играли без всяких масок и импровизировали на заданную тему. Главным в актерской игре была богатая мимика и бурная жестикуляция актера. Набор сюжетов и ситуаций был один и тот же, но индивидуальное исполнение сцены накладывало на представление особый отпечаток. Мими считались вульгарным, низким видом театра. Те, кто сохранил любовь к классике, презирали его. Тем не менее мими постепенно оттеснили драму. Литературную форму придал миму сицилийский поэт Софон.

Митридат — традиционное имя царей Понта. Царский дом Митридатов возводит свое происхождение к древним иранским царям.

Модий — мера сыпучих тел. Один модий зерна составлял приблизительно 6 кг.

Монс Генава (ныне Монжено) — в точности неизвестно, как называли римляне этот перевал, идущий от истоков Доры

Рипарии в Италии до Дюранс во Франции. Автор латинизировал современное название. Это был один из наиболее используемых перевалов, поскольку здесь пролегала Эмилиева дорога.

Моза — река Маас.

Мозелла — река Мозель.

Мулуха — река Мулуга в Марокко.

Мутул — река в центральной Нумидии. Идут споры об идентификации этой реки. Автор счел возможным сделать ее притоком Баграды.

Мутина — город Модена в Италии.

Награды — к числу римских знаков отличия относятся *hasta pura* (копье без наконечника), *armillae* (брраслет), *torques* (ожерелье), фалеры (металлические бляхи), согогае (венцы). Кроме того, существовали способы награждения тех, кто особо отличился на службе или в бою (публичное выражение признания заслуг, досрочное продвижение по службе, денежные поощрения, наделение большей долей при распределении военных трофеев).

Наказания. Согласно римскому праву, должник мог попасть в долговое рабство кредитору и отработать свой долг личным трудом. В период расцвета Республики долговое рабство заменялось конфискацией имущества. При этом должник, лишаясь достояния, утрачивал и свою честь. Несколько смягчить это наказание было возможно, лишь добровольно отказавшись от своего имущества. Убийство свободного гражданина, поджог, измена государству карались смертью. В середине II в. до н. э. в римское право были введены новые карательные санкции. Так, виновные в некоторых преступлениях лишались права быть избранным на общественную должность, могли быть изгнаны из Сената и из Рима. При этом самое суровое наказание в любом случае не допускало личной мести.

Наместник — в римской провинции представитель центральной власти. Наместник осуществлял правосудие и возглавлял армию данной провинции. Во времена Республики наместники назначались из числа консулов (проконсулы) и преторов (пропреторы) после окончания срока их службы в качестве магистратов в Риме.

Нарбон (ныне Нарбонн) — главный город римской провинции Нарбонская Галлия; порт. Был основан в качестве римской колонии на месте древнего поселения в 118 г. до н. э.

Народ Рима — термин, формально относившийся ко всем римским гражданам, не входившим в Сенат, без различия между патрициями и плебеями.

Народное собрание. В Риме времен Республики существовали следующие виды собраний: 1) куриатные комиции — самый древний вид народных собраний, проводившихся на Форуме по куриям; их важнейшей функцией было наделение империем; 2) центуриатные комиции, подразделявшие народ Рима по центуриям; они собирались на Марсовом поле и избирали магистратов, объявляли войну, заключали мир, а также принимали законы и осуществляли народный суд; 3) плебейские собрания, первоначально объединявшие только плебеев из 35 триб и преобразованные в 471 г. до н. э. в трибуутные комиции, в которых могли принимать участие и патриции. Трибуутные комиции избирали квесторов, эдилов, народных (плебейских) трибунов, проводили плебисциты и собирались на Форуме. Автор книги допускает существование плебейских собраний во времена Гая Мария независимо от трибуутных комиций. Но, упомянутая народные собрания, она обычно имеет в виду трибуутные комиции.

Народный (плебейский) трибун — магистратура в Римской Республике. Должность народного (плебейского) трибуна появляется с 490 г. до н. э. — так называется должностное лицо, охранявшее права плебеев от посягательств патрициев. Личность народного трибуна считалась неприкосновенной; он обладал правом наложить вето на постановления курульных магистратов и Сената; имел право созывать народное собрание. Существовало десять плебейских трибунов. Во времена Гая Мария они стали источником постоянного раздражения для Сената, поскольку после выборов автоматически становились членами Сената (после закона 149 г. до н. э.). По традиции человек мог служить плебейским трибуном лишь один срок, который начинался 10 декабря и завершался в девятый день декабря следующего года. Гай Гракх стал трибуном дважды.

Неаполь — на этом месте находилась греческая колония Партенопея; римское название означает «Новый город». В 326 г. до н. э. Неаполь попал под власть Рима. Первоначально Неаполь уступал соседним городам Кумы и Путеолы, но после разрушений, причиненных извержением Везувия в 79 г. до н. э., значение Неаполя существенно возросло.

Немауз — город Ним во Франции. Он располагался на западной стороне соляных болот дельты Родана. Со времен Гнея Домиция Агенобарба (120 г. до н. э.) был связан с городом Арелатом, лежавшим на восточной стороне топей, с помощью мощной дамбы. Гай Марий занимался ремонтом этой дороги в 104 г. до н. э.

Нобилитет (лат. *nobilis* — знатный) — правящая верхушка Римской Республики, в которую входили патрицианские и влиятельные плебейские роды. Нобилями называли тех, кто либо сам некогда занимал консульскую должность, либо происходил от консула. Нобили решительно дистанцировались от «новых людей», не имевших в своем роду консулов. Некоторые авторы применяют этот термин по отношению к тем, кто достигал лишь преторского поста, не добиваясь консульства.

Появление нобилитета относят к началу Республики, когда многолетняя борьба патрициев и плебеев завершилась уравниванием их в правах и плебеи начали занимать консульские посты.

Новый Карфаген (ныне Картахена) — город, основанный Гасдрубалом в 226 г. до н. э. на восточном побережье Испании. В 209 г. до н. э. этот опорный пункт карфагенян был завоеван Сципионом Африканским Старшим. Неподалеку от Нового Карфагена находились знаменитые серебряные рудники.

«Новый человек» — в среде римского нобилитета так презрительно именовали выходцев из сословия всадников, тех, кто первым в своей семье занял консульскую должность; позднее: «выскочка».

Норик — область кельтско-иллирийских племен, занимавшая приблизительно территорию современной Австрии; богата полезными ископаемыми. Римская провинция.

Нуманция — иберийский город в Кастилии; оплот сопротивления местных племен Риму. Этот небольшой (около четырех тысяч жителей) город успешно отражал римские армии, начиная с Катона Цензора в 195 г. до н. э. и до Гостилия Манцина в 137 г. до н. э. В 135 г. до н. э. после восьми месяцев осады Сципион Эмилиан довел дело до конца. В армии Сципиона при осаде Нуманции находились Юргута Нумидийский, Гай Марий, Публий Рутилий Руф и Квинт Цецилий Метелл. После захвата Нуманции Сципион Эмилиан не оставил от города камня на камне, а жителей ждали суровые наказания и высылка. Таким образом был преподан наглядный урок, к чему может привести дерзкое сопротивление Риму.

Нума Помпилий — второй царь Рима, правил примерно с 716 по 673 гг. до н. э. Считается учредителем коллегий жрецов, создателем законодательства и составителем календаря. Построил храм Януса.

Нумидия — прибрежная область в Северной Африке. В древности была заселена племенами берберов. После поражения Карфагена Рим восстановил в Нумидии царское правление, и в 203 г. до н. э. Нумидия была объединена под властью царя Масиниссы. Столица — Цирта.

Общественный дом (*Domus publicus*) — здание, принадлежащее Сенату и народу Рима, иными словами, государству. Великий pontифик, девственные жрицы Весты — весталки, царь жертвоприношений *Rex Sacrorum*, трое старших флавинов — *Dialis*, *Martialis*, *Quirinalis* — жили в казенных домах, находившихся на Форуме.

Овация — церемония прославления полководца. Если причин для проведения триумфа было недостаточно: военные действия объявлены без соблюдения обрядов, проведенных фециалами, малые потери у противника, небольшие трофеи, неугодный сенату победитель, которому тем не менее нельзя отказать в почестях, — проводилась овация. В этом случае победитель въезжал в Рим верхом, окруженный сенаторами, облаченный в *toga praetexta* и миртовый венок. Юпитеру Наилучшему Величайшему в жертву приносилась овца — «*cavis*». По названию жертвы, возможно, и произошло название церемонии.

Одежда. Мужская одежда — туника, поверх которой надевалась тога. Изначально тога была достаточно скромной, но позднее ее начали укладывать в множество складок. Белая тога с пурпурной каймой (*praetexta*) или целиком пурпурная — это определялось социальным положением. Длинный военный плащ носили преимущественно полководцы, в отличие от короткого солдатского плаща — сагума. В дурную погоду надевали пенулу — короткую войлочную накидку.

Римские женщины носили повязку, чтобы поддерживать грудь. Поверх туники они надевали длинное платье с рукавами и поясом — столу. Широкая и длинная накидка-плащ, которую носили только свободные римлянки, называлась палла.

Одиссей, Улисс — легендарный царь Итаки, главный герой поэмы Гомера «Одиссея» и один из основных героев «Илиады».

Олимпия — знаменитое святилище Зевса, помещалось не на горе Олимп, а в Элисе (Западный Пелопоннес).

Оптиматы («лучшие») — со временем братьев Гракхов сенаторская партия, поборники консервативной политики Сената. Они стремились сохранить аристократическую республику в ее неизменном виде. Наиболее знаменитым оптиматом был Сулла. Оппозицию оптиматам составляли популяры. Необходимо помнить, что политические группировки Древнего Рима не могут быть названы партиями в современном понимании этого слова, так как их деятельность была весьма гибкой, а состав постоянно менялся. Римская политическая группировка формировалась чаще не на основе единства идеологических взглядов, а вокруг конкретного лица.

Оружие — в качестве наступательного оружия римляне использовали короткий прямой меч (*gladius*) и кривой обоюдоострый меч. Меч носили за поясом, либо на перевязи. Длинное копье применялось в рукопашном бою, а более короткое — пилум (см.) — метали в противника издалека. Щит (*scutum*) имел форму полуцилиндра и был в вышину около метра с четвертью и около метра в ширину. Покрытый кожей деревянный остов по краям обивался металлом. Легионеры на марше вкладывали щит в чехол и вешали его на спину. Металлический шлем во время похода висел у солдата на груди. Кроме того, легионеры носили кожаный панцирь (*lorica*), обитый металлическими пластинами. Под лорику надевали шерстяную тунику, а поверх — короткий плащ (*sagum*). Кожаные солдатские сапоги, оставлявшие пальцы открытыми, назывались *caligae*. Запас хлеба на несколько дней, котелок, несколько жердей для палисада, инструменты для строительства походного лагеря — все это легионер носил на спине. Вспомогательные отряды (ауксилиарии) были вооружены луками и пращами, стрелявшими камнями и свинцовыми шариками.

Оски — италийское племя, родственное самнитам; жили в основном в Кампании. Во времена Гая Мария осканский язык еще употреблялся населением довольно обширной территории; однако римляне относились к этому диалекту презрительно.

Остия — город в устье Тибра, крупнейшая гавань; база римского флота. В древности там находились соляные копи, где добывалась лучшая в Италии соль. Быстрое течение и затопленные берега Тибра позволяли добираться до Рима лишь маленьким судам. Крупные корабли, как правило, разгружались в Остии, невзирая на большое количество песчаных наносов и ила. После этого грузы перевозили на баржах. В Остии находились склады зерна. Специально назначенный квестор контролировал перемещение зерна с кораблей на баржи; он же был ответственным за сбор пошлин и проверку грузов.

Пад — река По, длиннейшая река Италии; берет начало в Коттиевых Альпах и впадает нескользкими рукавами в Адриатическое море. В римское время Пад отделял Циспаданскую Галлию на южном берегу от Транспаданской на северном.

Памфилия — часть южного побережья Малой Азии. Высокие отроги Таврских гор спускались прямо к морю. Берега Памфилии суровы и малопригодны для высадки. Внутренние районы покрыты сосновыми лесами. Почва этой страны непригодна для выращивания хороших урожаев культурных растений. Поэтому самым подходящим для жителей этой страны промыслом оказалось пиратство.

Папирус — травовидное растение, которое растет в прибрежных болотах Евфрата и Нила. Из папируса изготавливали писчий материал. Тонкие полосы стебля папируса складывались внахлест и прессовались; неровности полировались. Растение содержало достаточно связывающего вещества, поэтому клея не требовалось. Считается, что первым широко использовал папирусную бумагу Птолемей I (приблизительно в 322 г. до н. э.). Без сомнений, можно сказать, что появление такого типа бумаги и ее широкое распространение было самым значительным вкладом в расширение грамотности в древнем мире. Изобретение римлянина Фанния, позволившее улучшить качество бумаги, помогло облегчить процесс изготовления папируса и удешевить его.

Патавия (ныне Падуя) — самый укрепленный и богатый город Италийской Галлии.

Патриции — так назывались потомки древнейших обитателей Рима, те, кто мог назвать своих *patres* (отцов) — родовых предков, в противоположность плебею. Далеко не все патриянские роды могли гордиться своим древним происхождением. Например, Юлии или Фабии были на несколько столетий древнее, чем Клавдии. Во времена Гая Мария некоторые патриянские семьи еще регулярно посыпали в Сенат своих членов — таковы были Эмилии, Клавдии, Папирии, Постумии, Сервии, Сервилии, Сульпиции и Валерии. С началом эпохи Республики сила плебея по мере роста благосостояния плебеев начала неуклонно возрастать. Особые права и почести начали уходить из рук патрициев. Старые патриянские роды постепенно вымирали, пополняя свои ряды за счет усыновления. Во времена Гая Мария патриции уже объединились с семьями нобилитета — тех плебейских родов, из числа которых вышли консулы. В процессе борьбы этих римских сословий различия между патрициями и богатыми плебеями постепенно стирались, но тем не менее патриции сохранили преимущественное право по сравнению с плебеями в области религии. Определенные посты в жреческой и сенаторской иерархии могли занимать только патриции — например, принципс Сената, фламин Юпитера. Вместе с тем патрициям были недоступны должности плебейских трибунов и эдилов. Для того чтобы их получить, патриций должен был перейти в плебейский род.

К числу особенных прав патрициев относится *ius imaginum* — право нести во время погребальных процессий восковые изображения предков. Патриции носили также особенную обувь. Их большим преимуществом в продвижении по *cursus honorum* — пути чести — было право переходить от должности квестора сразу к должности претора, минуя эдилитет. Принадлежать к патриату можно было по праву рождения, путем усыновления или в качестве награды.

Патрон — представитель патриянского рода, защитник клиентов, искавших его покровительства. Патрон был связан с клиентами целым рядом взаимных обязательств. Эти обязательства основывались на клятве, которую освящали сами боги. Все вольноотпущенники переходили под покровительство (патронаж) своего прежнего господина. Завоеванные Римом города и провинции обретали своих патронов в лице какого-либо влиятельного римского рода, к помощи которого они прибегали в случае политических или экономических затруднений. В эпоху Республики патрон — прежде всего представитель и защитник своих клиентов в суде. В эту систему, состоящую из патронажа и клиентуры, обычно не входили самые мелкие торговцы и обыкновенные люди из низов. Тем не менее она занимала значительное место на всех уровнях жизни римского общества.

Пелопоннес — южная часть Греции, соединенная с материком узкой полоской земли — коринфским Истмом. Во времена Гая Мария Пелопоннес считался бесперспективной областью и поэтому почти обезлюдев. Его обитатели предпочитали продаваться в рабство, но не оставаться на этих бесплодных и никому не нужных землях.

Пенаты — домашние боги, покровители припасов; они обитают во внутренней части дома, охраняют домашний очаг и хозяйство. В переносном смысле слово «пенаты» означает «жилье, дом, родина». Пенаты почитались возле домашнего очага. Существовал также культ *di penates populi Romani* — Пенаты римского народа. Эти общественные Пенаты почитались у государственного алтаря в храме Весты и считались защитниками и покровителями римского народа. Легендарный Эней вынес пенаты из горящей Трои и привез их на новую родину.

Пергамент. Когда царь Египта Птолемей V Эпифан запретил вывозить из страны папирус (190 г. до н. э.), недостаток пригодного для письма материала стал ощущаться настолько остро, что в азиатском Пергаме спешно нашли замену папирусу. Этот материал стал известен как пергамент. Со шкуры животного, вымоченной в известковой воде, соскабливали соединительную ткань, удаляли шерсть, затем полировали и сушили. Волосистая сторона оставалась шероховатой и имела

желтый цвет; мясная сторона шкуры делалась белой и гладкой. Текст, написанный на этом материале, можно было стереть или сокоблить пемзой. Однако египетский папирус вскоре опять начали доставлять с берегов Нила во все цивилизованные страны. Пергамент отныне использовался в основном для записи документов, которые должны были сохраняться «на века».

Перистиль — окруженный с четырех сторон крытой колоннадой прямоугольный двор, часто с бассейном.

Пилум — копье римской пехоты, изобретенное Гаем Марием. Короткий закаленный наконечник продолжался почти метровым железным стержнем. Все это насаживалось на деревянное древко, которое было удобно держать в руке. Такое копье метали метров на тридцать. Копье, пробив щит, гнулось и портилось; неприятель лишался щита и не мог вырвать копье и бросить его обратно в противника.

Пицен — область, населенная итальянским племенем пиценов, расположенная на восточном побережье Италии на склоне Апеннин. Культура пиценов носит сильные следы иллирийского влияния. Около 268 г. до н. э. Пицен стал римской колонией. Берега Пицена удобны для строительства портов. После нашествия Бренна в Пицене поселилось много кельтов, которые смешались с местным населением.

Плаценция (ныне Пьяченца) — один из самых больших и значительных городов Итальянской Галлии, латинская колония с 218 г. до н. э. Ее значение возросло после того, как Марк Эмилий Скавр построил хорошую дорогу от побережья через Дертону до Плаценции и долины реки Пад.

Плебеи (лат. *plebs* — толпа) — люди, пришедшие в Рим и поселившиеся там много позже основания города; все римские граждане, не относящиеся к патрицианским родам. Плебеи обрабатывали землю, занимались ремеслом, торговали, среди них было много богатых людей, но ни один плебей не мог быть назначен жрецом, войти в курульный магистрат или Сенат. Благодаря реформам царя Сервия Туллия плебеи получили право участвовать в центуриатных комициях. Плебеи сыграли большую роль в установлении Республики. Уже во времена Республики они способствовали созданию трибуутных комиций, после этого один за другим институты, принадлежавшие ранее исключительно патрициям, начали переходить к плебеям. Плебеи создали новую «плебейскую» аристократию, отделив ее от прочих представителей сословия. Они именовали плебея, достигшего консульского звания, нобилем. Нобилями считались и потомки консула. В III в. до н. э. слово «плебей» обретает новый смысл — «простонародье».

Плебисцит (решение плебса) — постановления, принимаемые вначале собранием плебеев в Древнем Риме. Такой закон считался, строго говоря, не законом (*lex*), а плебисцитом. В начале Республики плебисциты были действительны только для плебеев, но с 449 г. до н. э., когда собрания плебеев были преобразованы в трибуутные комиции (согласно *lex Valeria Horatia*), плебисциты после утверждения их результатов Сенатом признавались законом для всех римлян, чем уничтожалась разница между *lex* и плебисцитом. Ко временам Гая Мария все писцы из юридического магистратата, отвечающие за запись законов на табличках и ведущие перепись законов, регистрировали и *lex*, и плебисциты, не делая между ними никаких различий.

Поллукс — «забытый близнец». Из четырех детей супружеской четы Тиндарея и Леды двое были зачленены от Тиндарея (Поллукс и Клитемнестра), а двое — от Зевса (Кастор и Елена). При молитвах божественным близнецам Кастору и Поллуксу имя Поллукса должно было упоминаться после имени брата, но часто второго близнеца просто не называли. Так, храм Кастора и Поллукса на Форуме римляне именовали просто «храмом Кастора».

Померий (лат. *pomerium* — граница, рубеж) — священная граница Рима, отгороженная камнями (*cippi*) и отделявшая городскую территорию от сельской местности. Эта священная граница была установлена при царе Сервии Туллии и оставалась таковой до правления диктатора Суллы. Померий не в точности проходил по Сервиевой стене. Весь древний Палатинский город Ромула находился в пределах этой границы, но Авентин и Капитолий туда не входили. Согласно традиции, померий может быть расширен, но только таким человеком, который значительно раздвинет границы Римской державы. В религиозной традиции истинный Рим существует лишь в пределах померия; все остальное — просто римская земля.

Понт — область в Малой Азии, часть Каппадокии на северо-восточном побережье Малой Азии. В 280 г. до н. э. в результате войн диадохов Понт стал самостоятельным царством и во времена правления Митридата VI (132–63 г. до н. э.) пережил пору своего наивысшего экономического и политического расцвета. С 63 г. до н. э. — римская провинция.

Понтифики — римские священнослужители. Коллегия понтификов занимала центральное место в римском государственном культе. Именно она надзирала за другими коллегиями жрецов, составляла календари, следила за исполнением сакральных законов, за погребальным культом, ведала обрядами и жертвоприношениями. В коллегию входило пятнадцать членов. Влияние понтификов на политику было значительным — они обеспечивали согласие с богами относительно всех важных дел. Предполагают, что в эпоху раннего Рима понтифики ведали также строительством мостов, которые считались священными, отсюда и название (лат. *pont* — мост). Первоначально все понтифики были только патрициями. Однако с III в. до н. э. половина членов коллегии стала избираться из числа плебеев.

Великий Понтифик возглавлял коллегию. Этот пост представляет собой пример типично римского способа обходить препятствия, не вызывая бури негодования. Некогда римский царь считался одновременно и главой государственной религиозной иерархии (*Rex Sacrorum*). После установления Республики новые правители Рима, сенаторы, создали фигуру, обладавшую сходным статусом, — Великого Понтифика. Этот пост могли занимать только патриции; впоследствии на него стали претендовать и выходцы из плебейских родов. Резиденция Великого Понтифика, по статусу приравненная к храму, располагалась в Общественном доме на Форуме (*Domus Publicis*), где кроме него помещались также весталки.

Популоний — портовый город на западном побережье Итальянского полуострова.

Популяры («народные мужи») — политики, опиравшиеся преимущественно на народное собрание в противовес Сенату, прежде всего плебейские трибуны. Одним из важнейших вопросов, которые пытались решить популяры, был аграрный. Они стремились ограничить крупное землевладение и восстановить мелкое. Многие проблемы аграрной сферы были связаны с постоянными нарушениями запрета на долговое рабство и долговую кабалу — последнее явление было чрезвычайно распространено. Популяры требовали укрепления власти народного собрания, которое должно было составить реальную оппозицию Сенату и особенно — римскому нобилитету. Планы популяров облекались в форму требования восстановить «республику предков». Самыми известными популярами были братья Гракхи.

Портик — открытая галерея на колоннах. Портики служили излюбленным местом для торговли, обучения детей, деловых встреч. Портик Маргарита был назван так из-за торговцев жемчугом, которые облюбовали это место для своих сделок (*margarita* — «жемчуг»). Портик Метелла, прилегающий к храму Юпитера на Марсовом поле, вмещал contadorы цензора и деловых людей Рима. В портике Минуния, расположенном у цирка Фламиния, находились contadorы эдилов, ответственных за обеспечение Рима зерном.

Порт Рима располагался на берегу Тибра, вниз по течению от Древянного моста.

Правитель — термин для обозначения консула или претора, которые (обычно в течение года) управляли одной из римских провинций, действуя от лица Сената и народа Рима. Степень империя, которой был наделен такой правитель, варьировалась в зависимости от его миссии. Однако посланец Рима в любом случае являлся полноправным правителем территории.

Право гражданства. В том случае, если оба родителя обладали правами римского гражданства (*civitas Romana*), человек получал их в момент своего рождения. Кроме того, правами гражданства можно было наделить, в том числе и после предоставления свободы. Первоначально гражданскими правами обладали жители Рима — города-государства. Впоследствии эти права начали предоставляться жителям Римской империи. Их количество постоянно росло, но все же оставалось ограниченным. В результате Союзнической войны 90–88 г. до н. э. все население Италии получило права граждан. Наместники провинций могли наделять гражданством целые общины или отдельных людей. Гражданин Рима носил тогу, обязан был служить в римской армии, имел право голоса в народном собрании, мог обжаловать судебный приговор, заключить законный брак, коммерческий договор. Некоторые неграждане — *peregrini* — обладали частью этих прав. Попадая в рабство или подвергаясь

изгнанию, римлянин лишался гражданских прав. Решение о лишении гражданских прав могло принимать также народное собрание. Незаконное присвоение гражданских прав каралось.

Праздник — с древности были известны праздники в честь богов, которые сопровождались жертвоприношениями, пением и танцами. Такие действия были призваны восстановить гармонию между человеком и природой (богами). В Риме проводились торжества государственного культа (*Feriae Latinae*) и отдельных богов. Такие праздники сопровождались театральными представлениями, процесиями и пирами.

Претор — второй по важности пост в римской *cursus honorum* магистратов (если исключить цензорство). В самом начале эпохи Республики два самых высших магистратов назывались преторами. Однако к концу IV в. до н. э. для описания этих магистратов стали использовать термин «консул». Много десятилетий в Риме существовал только один претор — вероятнее всего, городской (*praetor urbanus*). Во времена Гая Мария *praetor urbanus* отвечал исключительно за судебные процессы в границах Рима. Его власть считалась недействительной на расстоянии пяти миль от городской стены, и такой претор не имел права покидать Рим более чем на десять дней. Если оба консула отсутствовали в Риме, он считался старшим магистратом и мог созывать Сенат. Городской претор организовывал также защиту города в случае опасности.

В 242 г. до н. э. появился второй преторский пост — *praetor peregrinus* — для ведения дел между римскими гражданами и чужеземцами или между самими чужеземцами. Вскоре потребовалось еще два (227 г. до н. э.) — для управления появившимися в это время провинциями Рима, Сицилией и Сардинией. В 197 г. до н. э. число преторов увеличилось до шести — еще два претора управляли обеими Испаниями. Во времена Гая Мария преторов по-прежнему оставалось шесть. Сулла, став диктатором, увеличил число преторов до восьми (некоторые ученые считают, что это случилось еще при братьях Гракхах).

Принцепс Сената — лидер парламента. Цензор избирал на этот пост сенатора с незапятнанной репутацией и твердыми моральными принципами. Титул принцепса Сената не был пожизненным — он давался заново или подтверждался каждые пять лет, при смене цензоров. Марк Эмилий Скавр стал принцепсом в очень молодом возрасте и сохранял это звание даже тогда, когда исполнял обязанности консула (115 г. до н. э.), что было весьма нетрадиционным: человек, как правило, не мог претендовать на должность принцепса, пока не избирался цензором, а Скавр стал цензором лишь в 109 г. до н. э. Необычная карьера Скавра может рассматриваться либо как признак его выдающегося таланта, либо просто как следствие сложившихся обстоятельств. Возможно, Скавр оказался в те годы самым старшим из сенаторов-патрициев, пригодных для этой должности. Скавр оставался принцепсом до самой смерти.

Провинция — во времена ранней Республики — круг деятельности должностного лица. С III в. до н. э. — прежде всего подчиненные области вне Италии. Первыми провинциями во втором смысле этого слова были Сицилия, Корсика и Сардиния, затем Испания (Дальняя и Ближняя). Управление этими провинциями производилось преторами, при которых финансами ведал квестор. К эпохе Гая Мария все римские провинции находились вне Италии и Итальянской Галлии.

Римские провинции во времена Гая Мария:

Сицилия — 227 г. до н. э.

Сардиния и Корсика — 227 г. до н. э.

Дальняя Испания — Бетика — 197 г. до н. э.

Ближняя Испания — Тарраконская Испания — 197 г. до н. э.

Македония — 148 г. до н. э.

Африка — 146 г. до н. э.

Азия (Пергам) — 133 г. до н. э.

Нарбонская Галлия — 120 г. до н. э.

Киликия — 92 г. до н. э.

Проконсул (лат. *pro consule* — на месте консула) — во времена Римской республики бывший консул, наместник провинции.

Аналогично проконсулам, бывшие преторы управляли провинциями как пропреторы. Империй давался проконсулу, который только что закончил свой консульский срок, но все еще обладал статусом консула для управления провинцией или командования армией от имени Сената и народа Рима. Срок деятельности проконсула длился еще год после окончания консульства, но мог быть продлен до окончания военных действий.

Если назначенный управлять провинцией оказывался недостойным и провинция попадала из-за этого в сложную ситуацию, для восстановления порядка туда также посыпали проконсула. В таком случае империй проконсула ограничивался территорией данной провинции и сроком, достаточным для усмирения там недовольных. Империй терял силу, когда вернувшийся переступал священную границу Рима — померий.

Пролетарии (от лат. *proles* — потомки как единственное достояние) — беднейшие граждане Рима. Пролетарии находились вне системы классов — цензовых разрядов. Не имея имущественного ценза, они были фактически исключены из голосования в народном собрании. Нищие Рима не платили налогов и не несли военную службу. Гай Марий именно их призвал в свои войска, и после реформы Мария именно пролетарии стали составлять основную массу профессиональной армии, которую вербовали в Риме и за его пределами.

Пуни́ческий — это слово, образованное от слова *Phoenician* (финикийский), употребляют по отношению к городу Карфагену и его народу, но особенно к трем войнам между Карфагеном и Римом.

Путеолы (ныне Помпеи) — город в Кампании, возникший на месте древней греческой колонии. Путеолы и Остия были основными римскими портами, через которые осуществлялась торговля с Грецией и Востоком. Римская колония с правом гражданства была здесь основана в 194 г. до н. э. Богатые римляне имели в Путеолах виллы.

Рем — брат-близнец Ромула, который помогал ему при основании города (постройка жилищ на Палатине и стены вокруг). Ромул убил Рема за то, что тот прыгал через борозду, обозначающую стену города, совершая тем самым святотатство.

Рен — река Рейн.

Республика (лат. *res publica* — общее дело) — нечто соединяющее весь народ в единое целое, правительство, государство. Впрочем, это понятие римского государственного права соответствует современному понятию «государство» весьма приблизительно. «Республика» противопоставляется «частному достоянию», это совокупность прав и интересов всего римского народа в целом. Мы используем слово «республика» в значении «выборное правительство» (противопоставление монархии), однако было бы странно, если бы римляне эпохи зарождения Республики вкладывали в этот термин то же значение.

Рея Сильвия — мать Ромула и Рема. Она была дочерью царя Альбы Лонги Нумитора, изгнанного своим братом Амулием, который захватил власть. Чтобы у Реи Сильвии не было детей, Амулий сделал ее весталкой. Однако Рея Сильвия родила близнецов от полюбившего ее Марса. Согласно одним преданиям, Рея Сильвия была убита Амулием, согласно другим — заключена в темницу, откуда ее освободили сыновья, свергнув Амулия; по третьей версии Рея Сильвия бросилась в Тибр, была спасена богом Тиберином и стала его женой.

Новорожденных сыновей весталки в корзине бросили в Тибр, но она застряла в корнях священного фильтового дерева, росшего там, где позднее пролегла дорога к Палатину. Близнецы были найдены волчицей, которая перетащила их в свою пещеру и выкармлила своим молоком. Там детей подобрали супруги Фавстул и Акка Ларенция. Близнецы выросли и стали основателями города Рим.

Вторым именем Реи Сильвии было Юлия (по одной из версий она считалась правнучкой Энея и внучкой Юла).

Рим — по преданию, город основан Ромулом в 753 г. до н. э. в нижнем течении реки Тибр. Там при раскопках были обнаружены остатки древних поселений латинян и сабинян. В основном поселения находились на холмах Палатин и Квиринал, но позже они слились в один город. В VIII—VI вв. до н. э. Римом правили цари. К 510—509 гг. до н. э. была установлена Республика.

Военно-политическая власть перешла к консулам, а культовые функции царя — к Rex Sacrorum.

В эпоху ранней Республики политическая власть находилась в руках патрициев, занимавших магистратуры и образовывающих Сенат. И хотя позже плебеям удалось добиться политических прав, Рим остался по сути аристократическим государством. Из патрициев и богатых плебеев возникла новая сенатская знать — нобилитет. В Римской республике служба на государственных должностях не оплачивалась.

От построек царского и республиканского периодов уцелела лишь незначительная часть. Сохранились храмы Юпитера Наилучшего Величайшего и Юноны Монеты на Капитолийском холме. Самым древним памятником на Форуме является Чёрный камень (*Lapis Niger*), поставленный над могилой Ромула в виде прямоугольной стелы, на которой сохранилась часть древнейшей надписи. Одной из древнейших сохранившихся построек является и цилиндрический свод Большой клоаки (*Cloaca Maxima*) — сточного канала. Из храмов, расположенных на Форуме, наибольший интерес представляет небольшой храм Весты. Частично уцелевшая Эмилиева базилика была возведена во II в. до н. э.

Карта 9. Рим в черте городских стен

Расшифровка к карте 9.

1. Мавзолей Юлиев Цезарей
2. Храм Венеры Победительницы
3. Театр Помпея
4. Портик Помпея со стоколонной колоннадой
5. Здание собраний в Помпейском комплексе (место смерти Цезаря)
6. Храм Геркулеса Мусийского (Геркулеса и 9 Муз)
7,8,9,10. Четыре храма Помпейев комплекса, Юноны Куриатной (покровительницы собраний), Фортуны Сегодняшнего Дня, Феронии (свободы для рабов), Ларов Моряков
11. Старый портик Минуция в Фламиниевом цирке
- 12,13,14. Храмы Фламиниева цирка: Вулкана Геркулеса Кустоса (служителей цирка), Марса Непобедимого
15. Портик Метеллов
16. Храм Аполлона Сосиана (покровителя медицины)
17. Храм Беллоны и «Вражеская земля»
18. Храм Юноны Правительницы
19. Храм Юпитера Статора (останавливающего бегущих с поля битвы)
- 20а. Возможное место нового портика или виллы Помпея
- 20б. Возможное место нового портика Минуция или храм Дианы
21. Четыре храма: Пьеты, Януса, Спес (Надежды) Юноны Соспиты
- 22, 23. Два храма: Фортуны (добродетели и девственности) и Матер Матуты (деторождения)
24. Храм Портуна (покровителя ворот)
25. Храм Януса (открытия/закрытия дверей, начала/завершения)
- 26,27,28. Три центра культа Геркулеса: Геркулес Оливария (покровителя торговли маслом), Великий Алтарь Геркулеса, Геркулеса Непобедимого
29. Храм Цереры — штаб-квартира плебейских эдилов
30. Храм Флоры
31. 32. Два храма культа свободных граждан: Юноны Регины (для женщин) и Юпитера Либерта (для мужчин)
33. Священная территория, где происходил праздник освящения оружия (19 октября)
34. Храм Дианы (покровительницы рабов)
35. Храм Луны
36. Храм ЮVENTЫ (возраста полноправных римских граждан, совершеннолетия для юношей)
37. Храм Меркурия — штаб-квартира гильдии торговцев
38. Храм Венеры Обсеквенции (покровительницы проституток и супружеской измены)
39. Храм Бони Деа (покровительницы женщин) и Сакса Сакра (священная скала)
40. Храм Доблести и Чести (культ военных командиров)
41. Курия Ветера — древнее место собраний
42. Место рождения Гая Октавия, впоследствии Августа (предположительно)
43. Храм Юпитера Статора
44. Жилище жрецов культа Ромула, одетых в шкуру волка
45. Круглая хижина Ромула
46. Вход в преисподнюю
47. Храм Великой Матери (азиатской богини)
48. Базилика Юлия (заменила базилику Семпрония и Опимия)
49. Форум Юлия
50. Храм Семо Санка Дия Фидия
51. Дом Тита Помпония Аттика (предположительно)
52. Храм Салуса (бог исцелений)
53. Храм Квирина (римских граждан)
54. Храм Теллус (богини почвы)
55. Храм Юноны Люцины (списки детей римских граждан)
56. Храм Венеры Либитины (списки умерших римских граждан) — предположительно
57. Храм Эскулапа (медицина)
58. Выход сточных вод для Квиринала и Марсова поля
59. Клоака Максима — выход сточных вод для Субуры
60. Выход сточных вод для Эсквилина и Цирка
61. Храм Юноны Сорории, Храм Януса Куриатуса
Ворота в Сервиевой стене
А — Тригемина — порт Рима

B — Лаверналис — Остийская дорога
C — Раудоскупана — Остийская дорога
D — Невия — Ардейская дорога
E — Капена — Аппиева и Латинская дороги
F — Келимонтана — Тускулонская дорога
G — Кверкветулана — Пренестинская дорога
H — Эсквилина — Лабиканская и Пренестинская дороги
I — Виминалис — Коллатинская и Тибуртинская дороги
J — Коллина — Номентанская дорога
K — Квириналис — Старая Соляная дорога
L — Салютарис — Фламиниева дорога
M — Санквалис — Латская ул. и Марсово поле
N — Фортиналис — Марсово поле
O — Триумфальные — только для триумфальных шествий
P — Карменталис — Цирк Фламиния
Q — Флументалис — Цирк Фламиния

Римские имена. Римляне имели три имени: *ргаепотен* — преномен, *помен* — номен и *согнотен* — когномен. *Praenomen* — личное имя, соответствующее нашему личному имени. Этих личных имен было очень немного: Авг, Аппий, Гай, Гней, Деций, Квинт, Луций, Мамерк, Маний, Марк, Нумерий, Публий, Секст, Сервий, Спурний, Тит, Тиберий. Женщины *ргаепотен* не имели.

Nomen — название рода, соответствующее нашей фамилии. Именем женщин была женская форма названия рода (*помен*). Так, дочь Марка Туллия Цицерона называлась Туллия. Если были две дочери, то к этому имени прибавлялись слова Старшая, Младшая, если больше двух — Третья, Четвертая.

Cognomen — прозвище, которое принадлежало лишь одной ветви рода. Первоначально *согнотен* указывало на какую-нибудь характерную черту отдельного человека: Сцевола — левша, Бальб — картавый, Бибул — выпивоха, Дентат — зубастый, Назон — носатый. Но потом *согнотен* потеряло значение личного прозвища. Иногда прибавлялось еще второе *согнотен* в память какого-нибудь славного деяния, совершенного человеком: Корнелий Сципион Африканский — завоеватель Африки.

Имена персонажей книги означают:

Авгур — прорицатель; Агеласт — тот, кто не улыбается; Агенобарб — рыжебородый; Альбин — белый, беловатый; Бестий — зверь; Брокх — оскалившийся; Брут — тупой, неразумный; Варрон — кривоногий; Вописк — оставшийся в живых близнец; Гальба — пузатый; Гефа — человек с края земли; Главция — серо-зеленый; Гракх — галка; Далматик — далматийский; Дентат — зубастый; Кальв — лысый; Кальд — равнодушный; Каприй — козел; Карбон — уголь; Катон — хитрый, но щепетильный; Катул — щенок, молокосос; Котта — брызги вина (?), возможно, прозвище связано с игрой в коттаб; Красс — толстый; Кунктатор — медлитель; Ленат — священные одеяния; Лентул — медленный; Лепид — хороший парень; Лонгин — удаленный; Лукулл — рошица; Магн — великий; Максим — величайший; Манцин — калека; Маргарит — жемчуг; Мерула — черный дрозд; Метелл — освобожденный наемник; Мос — крыса; Назика — носач; Нерва — жесткий; Орест — тот, чья мать умерла при родах; Пизон — я перетираю; Постум — родившийся после смерти отца; Пульхр — прекрасный; Руф — рыжий; Руфин — из семьи рижеволосых; Сатурнин — принадлежащий Сатурну; Серран — зазубренный; Силан — мятая рожа; Силон — курносый; Скавр — отечный; Стих — имя раба; Страбон — косоглазый; Сулла — происхождение этого имени, как и имен Друз, Камилл, Цезоний, неизвестно; Сцевола — левша; Сципион — розга; Туберон — горб; Феликс — счастливый; Фимбрия — баюрома, кудри; Флакк — с большими ушами; Цезарь — пышноволосый; Цепион — продавец лука; Цицерон — горох; Эбурн — сделанный из слоновой кости.

Римский календарь. Первоначально у римлян был лунный год в 10 месяцев, начинавшийся мартом и заканчивавшийся декабрем. Однако скоро — по преданию, при царе Нуме Помпилии или Тарквинии Древнем — римляне перешли к лунному году в 12 месяцев, содержащему 355 дней. Для приведения его в соответствие с солнечным годом стали прибавлять время от времени лишний месяц (*mensis intercalarius*). Но все-таки гражданский год с праздниками, рассчитанными на известные времена года, совершенно не сходился с естественным годом. Окончательно календарь был приведен в порядок Юлием Цезарем в 46 г. до н. э.: он ввел солнечный год в 365 дней со вставкой одного дня в каждом четвертом году (*юлианский календарь*) и установил начало года с января. Год римляне определяли или именами консулов этого года, или порядковым числительным, считая от предполагаемой даты основания Рима — 753 г. до н. э. Этот год считался первым.

Месяца обозначались теми же названиями, как и теперь, только июль и август назывались квинтилий (пятый) и секстилий (шестой) до времен императора Августа (названия «июль» и «август» они получили в честь Юлия Цезаря и Августа). В каждом из месяцев римляне считали столько же дней, сколько считается в настоящее время.

Отдельные дни месяца римляне обозначали не числами от 1 до 30 или 31, а по трем главным дням в каждом месяце, которые назывались календы (первый день каждого месяца), ноны (пятый) и иди (тринадцатый). В марте, мае, июле и октябре ноны были седьмым днем, а иди — пятнадцатым. (Первоначально в лунном месяце календы были днем новолуния, ноны — днем первой четверти луны, иди — днем полнолуния.) К этим словам название месяца прибавлялось как прилагательное: в январские календы, в декабрьские ноны, в мартовские иди.

Счет дней производился от этих дней назад: дни между календами и ноными обозначались: «такой-то день перед ноными»; дни между идами и календами следующего месяца обозначались «такой-то день перед календами следующего месяца». Дни перед ноными, идами и календами обозначались словом *pridie* (накануне): накануне январских ноны — 4 января; накануне январских ид — 12 января. День, предшествующий этому кануну, назывался третьим днем перед ноными, идами, календами, так как римляне считали первым днем тот день, от которого начинали счет. День, предшествующий третьему дню, назывался четвертым днем, и т. д. При таком обратном счете доходили до одного из главных дней месяца; затем счет шел также назад от этого главного дня. В високосном году прибавочный день помещался между 23 и 24 февраля. Шестых чисел перед календами марта в таком году было два: простое и «двойное» (*bisextus* — отсюда и наше слово «високосный»).

Сутки римляне делили на две части по 12 часов в каждой: одну — от восхода солнца до захода, другую — от захода до восхода. Первый час — *hora prima*, второй — *hora secunda* и т. д. Но часто невозможно определить, имеется в виду начало часа или конец его. В разные времена года длина часа, т. е. 1/12 части дня между восходом и заходом или 1/12 части ночи между заходом и восходом, была различна. В военном лагере ночь делилась на четыре стражи по три римских часа в каждой.

Риторика — ораторское искусство, которое римляне изучали как науку. Истинный оратор придерживался определенных законов, его речь была построена по строгим правилам. Важной составной частью этого искусства являлись жесты и позы. В эпоху ранней и средней Республики греческих учителей риторики отвергали и даже иногда изгоняли из Рима. Одним из серьезнейших врагов риторики считался Катон Цензор. Тем не менее грекофилы из кружка Сципиона и многие образованные римские аристократы преодолели сопротивление своих противников. Ко временам братьев Гракхов многие молодые римляне обучались этому искусству.

Существовали различные школы риторики. Луций Лициний Красс Оратор, например, предпочитал азиатский стиль, более пышный и цветистый, нежели аттический. Аудитория, собиравшаяся послушать публичные прения — будь они политическими или юридическими, — состояла в основном из ценителей ораторского мастерства. Зрители наблюдали за выступлением с изрядной долей скептицизма, поскольку знали все технические приемы ораторов, поэтому удовлетворить запросы этих знатоков было нелегко.

Рия. Плутарх говорит, что имя матери Квinta Сертория было Рея, но это имя не принадлежит к числу родовых латинских имен, тогда как Рия является уменьшительным от латинского имени Мария. Близкие отношения Квinta Сертория и Гая Мария в период его военной службы и до тех времен, когда его поведение стало казаться невыносимым даже его близким соратникам, заставили автора задуматься, не были ли они родственниками. Плутарх говорит, что Серторий был привязан к своей матери. Так не была ли она — Мария, кратко Рия — родственницей Гая Мария? Используя право художника на фантазию, автор решил таким образом один из сюжетных ходов.

Род — союз людей, происходящих от одного общего предка. Связь каждого человека с его родом выражалась в наследовании родовых имен. Римские роды долгое время обладали политическим влиянием. 10 родов образовывали курию, 10 курий — трибу, 3 трибы — римский народ. Величина курий была различна в зависимости от численности родов, которые в нее входили. Например, в 500 г. до н. э. Фабии насчитывали всего 300 мужчин, а Клавдии — 5000. Члены рода имеют право наследовать имущество после ближайших родственников.

Родан — река Рона. Долина Родана — богатая и обширная область, заселенная кельтскими племенами, — рано попала в сферу влияния Рима. После походов Гнея Домиция Агенобарба (122 и 121 гг. до н. э.) долина Родана, вплоть до областей эдуев и амбарров, стала частью римской провинции Заальпийская Галлия.

Ромул — старший из близнецов-основателей Рима. После того как Ромул построил город на Палатине и убил брата, он определил место священного убежища (распадок между двумя вершинами Капитолийского холма), где могут укрываться те, кого преследуют за совершение преступления. Чтобы привлечь к своему городу женщин, Ромул устроил праздник, на который пригласил соседей Рима — сабинян. Когда те пришли, мужчины были перебиты, а сабинянки остались с победителями. В результате поселение сабинян стало частью растущего города Ромула. Ромул правил долго, но однажды отправился на охоту и не вернулся домой. Люди считают, что он был взят богами и сделался бессмертным. Позднее Ромул отождествлялся с богом Квирином.

Ростра — нос корабля, бронзовый или из мореного дуба. Эта деталь выдавалась вперед и использовалась в качестве тарана. Когда консул Гай Мений, плебей по происхождению, в 338 г. до н. э. разбил флот вольсков в гавани Анции, он переправил носы побежденных кораблей на Форум, к ораторской платформе, где проводились народные собрания. Этим он хотел подчеркнуть блеск своей победы. После этого ораторская платформа стала называться рострой.

Рузикада — порт неподалеку от Цирты, столицы Нумидии.

Сабины — италийское племя, обитавшее в центральной Италии, к северу от Рима. Еще в IX в. до н. э. сабины населяли Квиринал и область в районе древних соляных копей Адриатики (где позднее прошла римская дорога виа Салария). В эпоху правления сабинского царя Тита Тация произошло похищение сабинянок римлянами, после чего началась война. Однако женщины — сестры сабинян и жены римлян — прекратили сражение, после чего сабиняне частично переселились в Рим. Отличительными чертами сабинян считаются независимый нрав и честность. Главными сабинскими городами были Реата, Нерсия, Амитерн.

Сабис (ныне Самбра) — левый приток реки Моза в Бельгийской Галлии.

Сагум — короткий солдатский или дорожный плащ с капюшоном для плохой погоды. Изготавлялся из сальной шерсти, чтобы не пропускать влагу, и представлял собой широкий круг с отверстием в центре — для головы. Лучшие сагумы делали в Лигурии.

Салассы — воинственное кельтское племя, занимавшее большую альпийскую долину по реке Дурий в Транспаданской Галлии. Походы римлян в долину салассов (II в. до н. э.) привели к тому, что те вынуждены были отступить, однако перед Римом не смирились. Внимание римлян привлекали месторождения золота по берегам Дурия. Однако смельчаки, которые пытались проникнуть в глубь долины, неизменно наталкивались на яростное противодействие салассов. Гай Марий укрепил там позиции Рима, поселив на землях салассов своих ветеранов. Постепенно салассы были оттеснены в Альпы и представляли опасность для путников, решившихся идти через перевалы.

Самниты — италийские племена, обитавшие в центральной и южной части Апеннин. Считаются потомками сабинов. Города самнитов были невелики и бедны (Бовиан, Кайета, Эклан). Два самых крупных самнитских города — Эзерния и Беневент — являлись латинскими колониями. В V в. до н. э. самниты после отступления этрусков захватили Кампанию, но были разгромлены римлянами в трех кровопролитных войнах. Во время Союзнической войны самниты сражались против Рима, и это закончилось почти полным их истреблением. Как и прочие италики, они получили гражданство в 88 г. до н. э.

Сардиния — остров в Средиземном море, крупнейший после Сицилии. Приблизительно с 500 г. до н. э. его колонизировали карфагеняне; в 238 г. до н. э. Сардинию захватили римляне. Главный город — Карал ее (ныне Кальяри). Воинственные племена внутри Сардинии еще много лет восставали против римлян. Сардиния славилась плодородием почвы и великолепной пшеницей. Часто подвергавшаяся нападениям пиратов и никогда полностью не покоренная Римом, она считалась самым «проблемным» владением Римской державы, а уроженцы острова — самые дешевые рабы — слыши ворами, жуликами и грубиянами.

Сатрап — титул, даваемый персидскими царями своим провинциальным правителям. Александр Великий также использовал этот термин. Регион, управляемый сатрапом, назывался сатрапией.

Сатурналии — любимый праздник римлян, справлявшийся 17–23 декабря. Во время сатурналий условно снималась разница между рабом и господином: рабы наслаждались свободой, а господа прислуживали им. Сатурналии напоминали о власти Сатурна — о «золотом веке». Все семь дней праздника были временем искупительных жертвоприношений и очищения от скверны. Во время сатурналий прекращалась всякая работа.

Свадьба — римляне тщательно выбирали «счастливый» день для бракосочетания. Наиболее благоприятной для этого считалась вторая половина июня. Римская свадьба включала в себя как обязательный элемент торжественное шествие невесты в дом будущего супруга — это происходило обычно вечером, при звуках флейт; все участники несли зажженные факелы. При этом распевались шуточные (зачастую непристойные) песни. Жених переносил невесту через порог дома на руках, чтобы не беспокоить демонов. Свадебное пиршество также сопровождалось песнями и музыкой. После свадебных омовений подружка вводила невесту первой в брачные покои. Наутро после свадьбы молодой супруг давал еще один пир, во время которого родственники и гости приносили подарки.

Патриции проводили различные дополнительные церемонии. Обмен кольцами появился лишь в позднеримское время. Невеста снимала девическое платье, облачалась в тунику с поясом, который завязывался определенным образом. Лицо и волосы невесты скрывались оранжевой фатой. Перед свадьбой непременно производилось гадание — ауспиция. «Посланница Юноны» — подруга невесты — призывала божеств-покровителей брака и соединяла руки новобрачных. Жених и невеста приносили жертвы богам.

Секвана (ныне Сена) — вместе с ее притоком Матроной (ныне Марна) являлась границей между галлами и белгами. На Секване было развито судоходство. Секвана почиталась также в качестве богини.

Секстилий — август. См. *Римский календарь*.

Сенат — совет старейшин. Сенат существовал еще в эпоху царей. Римляне считали, что Сенат основал сам Ромул, собрав для этого сто патрициев. После образования Республики сенаторов стало триста за счет всадников и богатых плебеев. Членами Сената также пожизненно становились бывшие магистраты. В конце II в. до н. э. по закону Гая Гракха число сенаторов увеличилось до 600 человек. Со временем Сенат превратился в собрание бывших магистратов. Сенаторы в соответствии с теми должностями, которые занимали прежде (консулы, преторы, эдилы, трибуны, квесторы), делились на ранги и согласно этому разделению получали право выступать во время дискуссий. Сенат возглавлял принцепс. Рядовые сенаторы могли лишь голосовать, однако не имели права выступать.

Созывать Сенат могли только бывшие высшие магистраты. Посещать заседания Сената не считалось обязательным для всех сенаторов; тем не менее принципиальные вопросы могли решаться лишь при условии, что собран кворум. Сенат мог

заседать лишь от восхода до заката солнца. Во время заседаний народного собрания Сенат не собирался. Если предмет обсуждения считался не слишком важным, голосование производилось простым поднятием руки; в остальных случаях — шариками (черными и белыми).

В функции Сената входило утверждение законов и результатов выборов, контроль деятельности магистратов, проблемы внешней политики, надзор за финансами и соблюдением священных ритуалов. Решение Сената называлось декретом и формально считалось рекомендацией, но постановления Сената имели силу закона — так же, как постановления центуриатных комиций и плебисциты.

Собрания Сената проводились в специально освященных местах, причем не всегда в курии. Церемонии в честь Нового года, например, проводились в храме Юпитера Наилучшего Величайшего, а собрания по вопросам войны — в храме Беллоны.

На протяжении всей истории члены Сената боролись за сохранение своих привилегий. Членство в Сенате находилось под контролем цензоров. Со временем Гая Мария стало традицией учитывать имущественный признак: сенатору необходимо было иметь по меньшей мере миллион сестерциев.

Сенат и народ Рима — латинская формула «Senatus populusque romanus», обозначающая римскую республиканскую государственность. Буквы S.P.Q.R. часто можно видеть на боевых значках, надписях, римских монетах, памятниках.

Сенаторы. По решению римских царей Сенат состоял из ста человек, называемых *patres* — «отцами». Во времена Республики в Сенат стали допускать всадников и плебеев, увеличив число сенаторов до трехсот, а позднее до шестисот человек. Подбор людей в Сенат был возложен на цензоров. В это же время появился термин «избранные» — «конскрипты» от лат. *«conscrivo»* — избирать, поскольку цензоры избирали новых сенаторов. Ко времени Гая Мария эти два термина использовались совместно, и члены Сената стали называться «избранными отцами». В эпоху поздней Республики из пожизненных членов Сената, бывших магистратов и их потомков образовалось сенаторское сословие. Сенаторы носили особую тунику с широкой красной каймой на правом плече, обувь из темно-бордовой кожи и кольцо (в старину железное; позднее золотое; некоторые сенаторские семьи гордились своими железными кольцами и носили только их).

Септа («загон для овец») — во времена Республики так называлось открытое место на Марсовом поле недалеко от Villa Publica; там не возводилось каких-либо постоянных зданий, однако именно в этом месте собирались центуриатные комиции. Поскольку это собрание созывалось обычно для голосования, то септа разделялась временными загородками, где и голосовали все пять классов — каждый в своем месте.

Сервий Туллий — шестой царь Рима и единственный латинянин среди царей. Считается, что он возвел Сервиеву стену и соорудил Агер — большой двойной крепостной вал у Эсквилиńskiego холма. Создатель законов, просвещенный правитель, Сервий Туллий заключил договор между Римом и латинским союзом племен. Сервию Туллию приписываются также создание Сервиева законодательства, согласно которому римские граждане были разделены в соответствии с имущественным цензом.

Сестерций («половина трети») — первоначально самая мелкая римская серебряная монета достоинством в 2,5 асса. В период поздней Республики сестерций был бронзовой монетой. Денарий составлял 4 сестерция или 10 ассов.

Сивилла — пророчица, ясновидящая, получившая от божества свой дар. Предсказания Сивиллы изрекает в состоянии экстаза. Ее пророчества, как правило, грозят бедой. Сивиллы пришли с Востока, всего их насчитывалось около десяти в различных местностях в разные времена. Наиболее известна Кумская Сивилла, обитавшая на побережье Кампании в пещере.

Римскому государству принадлежало несколько записанных пророчеств (Сивилльны книги), которые были получены некогда царем Тарквием Приском. Изначально они были записаны на пальмовых листах на греческом языке. Во времена Гая Мария эти книги пользовались таким почетом, что хранились под надзором целой коллегии из десяти жрецов.

Силен — сатир, курносый грубоштанный божок. Фонтан в форме Силены был сооружен в Риме Катоном Цензором.

Синус — складка тоги, идущая из-под правой руки к левому плечу, — римский «карман».

Сиракузы — самый значительный город Сицилии.

Скептицизм — философия, отвергающая принципиальную возможность познания истины. Все вещи, которые человек видит и осознавает, — лишь иллюзия, которая не имеет ничего общего с истинной сущностью мира. Органы чувств человека являются источником его заблуждений относительно природы вещей. Философу следует воздержаться от суждений и тем самым достичь двух наивысших целей, провозглашенных скептицизмом: невозмутимости (апатии) и безмятежности (атараксии). Если же обстоятельства вынуждают философа действовать, то надлежит следовать традициям, законам и личным привычкам.

Скордиски — союз кельтских племен. Обитали в Мезии, между долиной Дуная и горами. Сильные и воинственные, они постоянно совершали набеги на римскую провинцию Македония.

Смирна (ныне Измир) — один из наиболее значительных портовых городов на побережье Малой Азии. Первоначально — колония ионийских греков; в эпоху эллинизма — просветительский центр.

Сосий — имя, тесно связанное с римской книжной торговлей: два брата по имени Сосий известны во времена Августа. Автор счел возможным отправить книготорговую фирму Сосиев «назад во времени», поскольку римские торговые дома всегда были семейным делом, а книжная торговля во времена Гая Мария процветала. Так почему же не быть здесь книготорговцу и издателю по имени Сосий?

Союзники. Уже во времена ранней Республики магистраты использовали титул «Друг и союзник римского народа» по отношению к отдельным лицам или целым народам, которые оказывали Риму в трудный час военную поддержку. Во времена Гая Мария весь Итальянский полуостров был заселен такими «союзниками», которые не обладали полными правами римских граждан и пользовались латинским правом. Рим гарантировал им военную защиту и некоторые торговые привилегии, а они, в свою очередь, посыпали войска по требованию Рима — обычно по пять тысяч пеших воинов и девятьсот всадников в каждый легион. Союзниками командовал союзнический префект.

Италийцы именовались союзниками, в то время как союзные иноземцы продолжали называться полным титулом «Друг и союзник римского народа».

Списки граждан — целью составления таких списков было исключить лиц, которые не имели гражданских прав и присваивали себе их обманным путем. Женщины и несовершеннолетние в списки не включались. Списки граждан Римской Республики — это списки взрослых граждан мужского пола. Такой цензовый список служил для призыва в армию и обложения граждан налогами.

Сталь. «Железный век» длился очень недолго, поскольку чистое железо считалось не слишком пригодным для хозяйственных нужд. На короткий период оно сменило бронзу, а затем древние кузнецы открыли способ производства стали, более удобной для изготовления прочных и долговечных орудий труда и оружия. Аристотель и Теофраст, жившие в IV в. до н. э., говорили в своих трудах именно о стали.

Основной рудой для добычи железа был красный железняк (гематит), поскольку при обогащении пирита выделяется много вредных и ядовитых веществ. Страбон и Плиний Старший описали способ окисления руды в земляных печах, однако более эффективной оказалась шахтная печь. Большинство плавильных дворов пользовалось двумя вариантами печей и производило шлакосодержащие заготовки, которые назывались «коэзлами». Эти заготовки раскалялись до температуры плавления, и туда при ковке вводился уголь. Получалась сталь, пригодная для изготовления ножей, топоров, наконечников для копий и т. д. Очень дорогой была сталь, применяемая для создания режущих краев, поэтому она часто наваривалась на более дешевую основу. Существовало два основных способа соединения: под прессом и плавкой. Однако римские мечи делались целиком из дорогой стали.

Стибиум — черный порошок на основе сурьмы; его растворяли в воде и использовали для подкрашивания бровей и ресниц.

Субура — самый бедный и густонаселенный район Рима. Располагался к востоку от Форума, между Эсквилином и

Виминалом. Очень длинная главная улица этого района называлась также Субурой. От нее отходили Малая Субура и спуск (*vicus*) Патрициев, который шел в направлении Виминала. Субура состояла из отдельных кварталов; здесь жили самые разные люди (в том числе много евреев), они говорили на множестве языков и отличались независимым нравом.

Субурана — название одной из самых многочисленных городских триб; это была одна из двух триб, куда входили вольноотпущенники (другая — Эсквилина).

Сцилла и Харибда — мифические чудовища, обитавшие по разным берегам пролива между Италией и Сицилией. Выражение «между Сциллой и Харидбой» означало «между двух огней».

Сципион Африканский — Публий Корнелий Сципион Африканский, родился в 236 г. до н. э. и умер в 184 г. до н. э. Еще очень юным он прославился в битвах против Ганнибала — при Тичино и Каннах. В возрасте 26 лет, будучи рядовым гражданином, несмотря на возражения Сената, получил от римского народа империй проконсула и был отправлен на борьбу с карфагенянами в Испанию. За пять лет сражений он проявил себя блестящим полководцем и завоевал для Рима две испанские провинции. Несмотря на противодействие сенаторов, в 205 г. до н. э. стал консулом и получил разрешение вторгнуться в Африку через Сицилию. И Африка, и Сицилия пали. За это Сципиона стали именовать Африканским. Его избирают цензором; в 199 г. до н. э. он становится принцепсом Сената, а в 194 г. до н. э. — снова консулом.

Дальновидный Сципион предупреждал римлян, что Антиох III Великий, сирийский царь, готовит вторжение в Грецию. Когда это произошло, Сципион стал легатом у своего младшего брата Луция и сопровождал войско в сражениях против Антиоха. Катон Цензор был враждебно настроен к Сципиону, обвиняя того в нарушении конституции и содействии карьеры своих родственников и настаивая на том, что всех Корнелиев Сципионов необходимо изгнать из Рима, а особенно — Корнелия Сципиона Африканского и его брата. В 184 г. до н. э. Луций Корнелий Сципион был лишен статуса всадника. В этом же году Сципион Африканский уходит с поста принцепса Сената и вскоре умирает в уединении в своем поместье.

Сципион Африканский был женат на Эмилии Павле; его дочь Корнелия стала матерью братьев Гракхов.

Сципион Эмилиан — Публий Корнелий Сципион Эмилиан, родился в 185 г. до н. э. Он был сыном завоевателя Македонии Луция Эмилия Павла, усыновленным старшим сыном Сципиона Африканского. Поскольку у самого Павла было четыре сына, брата Сципиона Эмилиана отец отдал в семью Фабиев Максимов. Однако после передачи старших сыновей на усыновление оба младших внезапно скончались, и Павел остался без наследников. Мать Сципиона Эмилиана звали Папирия, а его женой стала Семпрония, его двоюродная сестра и дочь Корнелии — матери Гракхов.

После выдающейся военной карьеры во время Третьей Пунической войны (149 и 148 гг. до н. э.) Сципион Эмилиан был избран консулом (147 г. до н. э.), хотя еще не достиг нужного возраста, что вызвало бурю возмущения у его противников. После участия в военных действиях он выработал в себе непреклонность и безжалостность, которые наложили отпечаток на всю его дальнейшую деятельность. Он построил мол, чтобы закрыть Карфагену выход в море, и блокировал город. Карфаген пал в 146 г. до н. э., после чего был разрушен до основания. По преданию, Сципион засеял земли, на которых стоял Карфаген, солью, чтобы там ничего больше не выросло.

В 142 г. до н. э. Сципион Эмилиан стал цензором, но из-за противодействия коллегии справился с этой должностью очень неудачно. В 140–139 г. до н. э. он отправился с двумя друзьями-греками — историком Полибием и философом Панецием — на восток. В 134 г. до н. э. он вторично был выбран консулом и отправлен в город Нуманция в Ближней Испании. Этот маленький городок успешно отражал нападения римлян в течение пятидесяти лет. Когда к стенам Нуманции подступил Сципион Эмилиан, она продержалась только девять месяцев. Затем город пал, был разрушен, а четыре тысячи его жителей подверглись наказаниям.

Вскоре из Рима пришла весть о том, что двоюродный брат Сципиона Тиберий Гракх нарушил все традиции и пытается провести свои аграрные законы. Сципион Эмилиан встал на сторону врагов Гракха. В 129 г. до н. э. Сципион Эмилиан в возрасте 45 лет внезапно скончался. Смерть его произошла при загадочных обстоятельствах. Предполагают, что его отравила жена — сестра братьев Гракхов, которая ненавидела мужа за измены.

Сципион Эмилиан был крайне любопытной фигурой. Интеллектуал, который любил и ценил греческих мыслителей, он создал свой кружок и всячески поддерживал и опекал своих друзей — Полибия, Панеция, драматурга Теренция. Он мог считаться идеалом друга и идеалом врага. Гениальный организатор, он мог также грубо ошибаться. Образованный и умный человек, обладавший отменным вкусом, он никогда не отступал от общепринятых норм этики и морали.

Таблиний — примыкавшая к атрию комната, служившая вначале спальней, а позднее столовой. При наличии атрия и перистиля таблиний становится проходной комнатой, ведущей во внутренние покой. Эта комната служила личным владением главы семьи; ее использовали также как гардеробную или кладовку; автор иногда называет ее кабинетом.

Тавразия — город Турин.

Тавриски — кельтский союз племен, живших в Норике (горная область, современные Восточный Тироль и югославские Альпы).

Талант — мера веса, обозначавшая груз, который один человек мог нести на себе (приблизительно 25 кг). В талантах подсчитывались крупные суммы денег или драгоценные металлы.

Танаис — река Дон.

Тарент (ныне Торонто) — город, основанный греческими колонистами (из Спарты) приблизительно в VII в. до н. э. Первоначально это был конечный пункт на Аппиевой дороге, но затем она была протянута дальше — к Брундизию. Тарент был важным городом на пути в Грецию; известен своими красильнями, керамикой и текстилем.

Тарквиний Гордый — седьмой и последний царь Рима. Закончил строительство храма Юпитера Наилучшего Величайшего. Он был скорее воителем, нежели строителем. В конце его царствования восставшие патриции во главе с Луцием Юнием Брутом заставили его бежать из Рима и установили Республику.

Тарквиний Приск — пятый царь Рима. Скорее всего грек по происхождению. Считается, что он обозначил место Форума, построил многие каналы, начал возводить храм Юпитера Наилучшего Величайшего и Большой цирк. Он был убит двумя сыновьями Анка Марция, которые стремились захватить его трон; однако жена Приска расстроила планы заговорщиков, хотя и не смогла предотвратить убийство. Царица сохранила трон для шестого царя, Сервия Туллия.

Тарпейская скала — местонахождение ее до сих пор не определено, но известно, что эту скалу можно было разглядеть с Форума. Названа по имени Тарпеи — дочери Спурния Тарпия, оборонявшего Римскую крепость от сабинян. Желая получить украшения сабинских воинов («То, что вы носите на левой руке», — сказала она, имея в виду золотые браслеты), Тарпия открыла им ворота. Сабиняне выполнили обещание — забросали Тарпею щитами, которые также носили на левой руке. С Тарпейской скалы впоследствии сбрасывали преступников.

Тарс — наиболее значительный город в Сицилии.

Тартар — мрачная бездна в глубине земли (считалось, что молния, брошенная Зевсом с Олимпа, семь дней летит до земли и еще семь до Тартара); ад. Туда водворяются души великих грешников, которые терпят вечные наказания: Тантал страдает, не в силах утолить голод и жажду; Сизиф катит на гору свой камень и т. д. Все они не могут умереть. Несмотря на глубокомысленные рассуждения Пифагора, Платона, Аристотеля, греки и римляне не имели законченного учения о бессмертной душе. Смерть означала угасание жизненной силы; все умершие становились тенями.

Театр. В республиканском Риме не было постоянно действующих театров. Поэтому их возводили заново перед каждой серией представлений. Деревянные конструкции представляли собой амфитеатры и сцены с кулисами, которые скрывали актеров, готовившихся показаться перед публикой. Сцена была такой же высоты, что и верхний ряд зрительских мест. После выступлений театр разбирали, части его продавали с аукциона, а деньги хранились в специальном фонде для постройки в будущем нового здания. Такой театр вмещал до десяти тысяч человек. Женщинам в театрах было запрещено сидеть рядом с

мужчинами; представители сословия всадников занимали первые четырнадцать рядов. Публика любила театры, требовала представлений (предпочитали фарсы и мимы), протестовала против временного характера театров.

Тевтоны — союз германских племен. Первоначально они жили на Кимбриском полуострове, а затем, примерно в 120 г. до н. э., мигрировали оттуда вместе с кимбрами.

Теллус — древнеиталийская богиня земли и растений. В культе была тесно связана с Церерой. В жертву Теллус приносились стельные коровы.

Тибр — река в Центральной Италии, в низовьях ее лежит город Рим. Тибр служил границей между Эtruрией на западе и Умбрией на востоке, позже — между Эtruрией и Лацием и территорией сабинов. Названный за цвет воды «золотистым», Тибр был судоходным далеко за пределами Рима. Из-за суживающегося русла Тибра лежащие в низинах районы города постоянно находились под угрозой затопления. На острове на реке Тибр находился храм в честь Тиберина — бога этой реки.

Тибур (ныне Тиволи) — дачное место к востоку от Рима, лежало по обоим берегам Анио, недалеко от знаменитого водопада. Во времена Гая Мария жители Тибура не имели полного римского гражданства.

Тигурины — союз кельтских племен, занимавших земли на территории современной Швейцарии. Соседи гельветов. На восьмой год миграции кимбров и тевтонов тигурины окончательно обосновались на месте, соединившись с маркоманами и херусками. Узнав о поражении тевтонов при Аквах Секстииных, тигурины отказались от намерения вторгнуться в Италию и вернулись на свои прежние земли.

Тингиз (ныне Танжер) — столица и резиденция царей Мавретании.

Тога — одежда, которую разрешалось носить только гражданам Рима, мужская верхняя накидка из белой шерсти. Предполагают, что тога была некогда национальной одеждой этрусков. Тога представляла собой отрез ткани примерно два метра в длину и пять в ширину. Римляне носили тогу только в мирное время, поэтому в поэзии она стала синонимом покоя и мирной жизни. После полной драпировки тоги левая рука бездействовала, поскольку это могло сбить красивые складки; правая рука имела относительную свободу движений.

Существовали разные виды тоги. Toga alba (pura) — белая («чистая»), без пурпурной каймы, для частных лиц и молодежи. Toga virilis — одноцветная, которую носили юноши с 16 лет. Toga candida — белоснежная тога для претендентов на государственную должность. Toga praetexta — с пурпурной каймой, для должностных лиц или лиц, занимавших ранее выборную должность, и свободнорожденных детей обоего пола. Toga pulla — темная траурная тога. Toga picta — пурпурная, расшитая золотыми пальмами, для полководцев-триумфаторов. Такой же тогой во время триумфа украшали статую Юпитера Наилучшего Величайшего в храме на Капитолийском холме. Toga trabea — «пестрая» тога, которую носили авгуры и, возможно, понтифики. Имела пурпурную кайму по краю; по всей длине тоги чередовались красные и пурпурные полосы.

Толоза (ныне Тулуза) — столица вольков-текtosагов, располагалась в долине реки Гарумны (Гаронны).

Торк — массивное ожерелье круглой формы, обычно из золота, незамкнутое кольцо с разрывом около 25 мм. Вероятно, его никогда не снимали. Такое ожерелье считалось неотъемлемой частью внешнего облика кельтов, хотя носили его и некоторые германцы. Концы торка у разрыва обычно богато украшались изображениями голов животных или узорами.

Триба. Во времена Ромула население города делилось на три трибы. Согласно преданию, это были: рамны (латины), тиции (сабиняне) и луцеры (этруски). Вначале в каждую трибу входило 100 родов, затем — 300. Эти трибы считались родовыми. Царь Сервий Туллий в середине VI в. до н. э. провел реформу, упразднившую старое деление на трибы. Вместо этого вся территория государства была поделена на округа, которые тоже стали называться трибами. В такую трибу входило все население округа, как патриции, так и плебеи. Город Рим и его окрестности населяли четыре городские трибы и семнадцать сельских. В процессе завоевания Римом Италии число триб возрастало. Всего насчитывалось тридцать пять триб. Тридцать одну из них составляло сельское население, четыре — городское. Шестнадцать наиболее древних триб носили имена патрицианских родов — это означало, что члены триб входили в данные патрицианские семьи или жили на принадлежащих им землях. Когда территория римских владений на Итальянском полуострове стала расширяться, трибы сделались основой распространения римского гражданства. Колонии истинно римских граждан становились ядром новых триб. Последняя из триб возникла приблизительно в 240 г. до н. э.

Каждый член трибы мог отдать свой голос на собрании своей трибы. Голоса подсчитывались на этих собраниях, а затем вся триба выступала как единый член конфедерации. В результате 4 городские трибы, несмотря на многочисленность, в целом уступали 31 сельской. Количество голосовавших внутри трибы не имело значения. Голос сельской трибы значил не меньше, чем городской, поскольку почти все сенаторы и всадники принадлежали именно к сельским трибам как землевладельцы.

Трибун — название римских должностных лиц и офицеров.

Трибу́тные комиции. В ходе борьбы плебеев за равные с патрициями права стал собираться совет плебеев по округам — трибам. На совете присутствовали только плебеи. Эти советы собирались в противовес куриатным комициям — патрициев. В середине V в. до н. э. совет плебеев был преобразован в трибу́тные комиции. Решения трибу́тных комиций — плебисциты — после утверждения Сената становились обязательными для всех граждан. В трибу́тных комициях участвовали все жители триб вне зависимости от сословия и ценза. Каждая триба имела равные права и один голос. Из-за большого количества плебеев в сельских трибах они нередко одерживали вес над патрициями, когда вырабатывалось общее решение трибы. См. также *Народные собрания*.

Триклиний — столовая. В обычной семье столовая представляла собой комнату с тремя ложами, расположеннымными буквой «П». Если смотреть со стороны входа, то левое от пустого центра ложе называлось lectus summus, центральное ложе в конце комнаты — lectus medius, а правое — lectus imus. Каждое ложе было довольно широким (свыше метра) и длинным (свыше двух с половиной метров). На одном из краев имелось изголовье. Перед каждым ложем стоял низенький столик во всю длину. Обедали лежа, облокотясь на валик. Обедающие были без обуви, и перед трапезой им омывали ноги. Хозяин дома сидел в нижней части lectus medius; у изголовья располагался наиболее почетный гость дома, — это место называлось losus consularis. Во времена Гая Мария женщины редко возлежали за столом рядом с мужчинами, не считая дам сомнительной репутации. Женщины дома сидели в свободном центре комнаты на прямых стульях, входя лишь тогда, когда вносили первое блюдо. Обычно они не пили вина.

Рисунок 6. Обеденные покои Цезаря

Триокала — неприступный город-крепость восставших рабов на Сицилии, построенный в скалах южного побережья. Был осажден в 103 г. до н. э. Луцием Лицинием Крассом, но пал лишь через два года.

Триумф — торжество в честь победителя-полководца. На проведение триумфа давал разрешение Сенат; поводом могла стать лишь очень достойная победа, то есть в ходе сражения уничтожено не менее пяти тысяч противников. Первоначально триумф представлял собой религиозный акт, принятый у этрусков. Позднее восхваление божества превратилось в чествование полководца.

Триумф мог быть отпразднован лишь диктатором, консулом или претором. Триумфальное шествие брало свое начало на Марсовом поле. Оно торжественно шло через весь город к Форуму и завершалось на Капитолии. Возглавляли идущих сенаторы и магистраты, следом несли военные трофеи, потом на богато украшенной колеснице ехал сам триумфатор — в одежде пурпурного цвета, расшитой золотом, со скрипетром из слоновой кости в руке, в лавровом венке. За колесницей ступали солдаты, воевавшие под командой победоносного полководца, и шли пленные, захваченные в сражении. Триумфатор в сопровождении ликторов поднимался к храму Юпитера Наилучшего Величайшего и приносил богам в жертву символы своей великой победы.

Торжество завершали религиозные обряды и грандиозное угощение для всего народа и солдат.

В тех случаях, когда повод для триумфа был недостаточным, полководцу устраивали «малый триумф» — овацию.

Трофеи — знак победы, первоначально — столб, украшенный захваченным у врага оружием. Это было своего рода жертвой богам и демонстрировало уверенность воина в их помощи. Римляне в знак победы создавали на поле сражения монументы, а сами трофеи увозили в Рим, чтобы пронести их по городу во время триумфального шествия. Затем трофеи посвящались богам и навсегда оставались в храме. Первым, кто принес свои трофеи в дар Юпитеру, был, по преданию, сам Ромул, убивший ценинского царя Акрона. Скульптурные рельефы часто украшались изображением трофеев. Гай Марий для своих трофеев выстроил особый храм Доблести и Чести.

Тулл Гостилий — третий легендарный царь Рима, который начал римскую экспансию, разрушил Альбу Лонгу, а ее жителей переселил на Целиев холм в Рим; вел войну с сабинянами и победил их. Тулл Гостилий не почитал богов, за что был убит молнией.

Туллианская тюрьма (Карцер) — государственная тюрьма, расположенная на восточном склоне Капитолия. В ней находились осужденные до момента исполнения смертного приговора. Всех пленников после триумфального шествия уводили в Карцер в тот момент, когда триумфатор достигал Капитолийского холма. Приговор приводили в исполнение в подземной части тюрьмы, построенной при Сервии Туллии, где осужденных чаще всего удушили, реже закалывали мечом. Тела казненных сбрасывали в канализационные каналы через проемы в стенах нижней камеры. Узника можно было также оставить умирать от голода в этой нижней камере, но это практиковалось реже.

Тунника — основной вид одежды почти во всем Средиземноморском регионе. У римлян времен Гая Мария тунника представляла собой прямоугольное полотнище без швов. Горловина была круглой, реже прямоугольной. Рукава могли спускаться от плеч без шва или же были втачными. Туннику подвязывали ремнем или шнуром. Впереди она была сантиметров на десять длиннее, чем сзади. Всадники носили туники с более узкой красной полосой, сенаторы — с более широкой. Автор предполагает, что полосы располагались не на груди, как считается обычно, а на правом плече. Настенные росписи Помпеи позволяют видеть людей в тогах с широкой полосой, идущей вниз от правого плеча тунники.

Тускуп — римский город в Альбанских горах. По свидетельству различных источников, был застроен виллами, владельцами которых среди прочих были Цицерон, Лукулл, Меценат. Это первый латинский город, получивший права полного римского гражданства (281 г. до н. э.) и всегда лояльно настроенный по отношению к Риму. Из Тускула был родом Катон Цензор — его семья содержала там лошадей для римских всадников в течение жизни трех поколений.

Улисс — см. Одиссея.

Утика — после разрушения Карфагена Сципионом Эмилианом в 146 г. до н. э. стала самым значительным городом и портом римской провинции Африка. Здесь находилась резиденция правителя. Город располагался в устье реки Баграда.

Учитель. В римскую эпоху профессия учителя элементарной школы не пользовалась никаким уважением в обществе. Такого учителя считали чем-то вроде ремесленника, поскольку его работа была ориентирована преимущественно на заработок. Обучение было частным, поэтому учитель сам вынужден был искать себе учеников и брать с них плату. Этого заработка едва хватало на жизнь. Любой грамотный человек мог заняться этим ремеслом. Воспитывать детей не требовалось, главное — чтобы они умели читать и писать. Более высокое социальное положение занимал грамматик — преподаватель словесности (языка и литературы). Он также получал более высокую плату.

Фалеры — круглые золотые или серебряные диски (75–100 мм в диаметре), украшенные гравировкой. Первоначально — сословные знаки всадников; со II в. до н. э. — военные награды. Их носили на ремне. Девять соединенных дисков (три ряда по три) надевались на кожаный нагрудник, сплетенный из отдельных ремешков, который обычно покрывал кирасу.

Фаний — имя римлянина, жившего в период приблизительно 150–130 гг. до н. э., который подвергал особой обработке папирус самого худшего качества и добивался тем самым значительного улучшения его качества. Братья Гракхи писали на «бумаге Фания». Она была гораздо проще в изготовлении, чем обычный папирус, и значительно дешевле.

Фасции — пучки прутьев, связанных наискось красным кожаным ремешком. Изначально это была эмблема этрусских владык. Ее использовали в общественной жизни Рима эпохи Республики и Империи. Ликторы носили фасции как знак империя, выступая перед магистратами, занимавшими высокое положение. Внутри священных границ города для таких пучков нарезали лишь прутья — чтобы показать, что курульный магистрат стремится лишь сдерживать и пресекать нарушения; вне границ померия в этот пучок вставляли также топор, дабы напомнить о праве курульного магистрата карать. Количество фасций свидетельствовало об уровне империи: у диктатора их было 24, у консула и проконсула — 12, у претора или пропретора — 6, у курульного эдила — 2.

Фермопилы («степные ворота») — узкий проход по берегу между Фессалией и Центральной Грецией, окруженный высокими скалами. Свое название ущелье получило благодаря горячим серным источникам. Пере��ры самое узкое место Фермопил, можно было закрыть проход в Центральную Грецию. Это обстоятельство превращало Фермопилы в важный стратегический пункт. По скрытым горным тропинкам можно было обойти с флангов армию, занявшую Фермопильское ущелье, чем воспользовались персы во время знаменитой битвы у Фермопил («триста спартанцев» — 480 г. до н. э.). В настоящее время знаменитого ущелья не существует — оно погребено под четырехкилометровым наносом реки Сперхей.

Фессалия — область на северо-востоке Греции; на западе ограничена Эпирскими горами, на востоке — Эгейским морем. В дни Гая Мария входила в состав римской провинции Македония. Фессалия — плодородная равнина. В древности через нее проходили пути проникавших в Грецию различных племен, отсюда частое упоминание Фессалии в легендах.

Фециалы — коллегия жрецов, ведающая обрядами объявления войны и заключения договоров. Жрецы-фециалы обычно присутствовали на переговорах о заключении перемирия или мира.

Фламин — жрец старейших римских богов. Фламины появляются еще при царе Нуме Помпилии. Всего насчитывалось пятнадцать фламинов: три старших и двенадцать младших. Старшие фламины, происходившие только из патрицианских семей, служили Юпитеру (*Dialis*), Марсю (*Martialis*) и Квирину (*Quirinalis*). Двенадцать прочих — другим божествам. За исключением *flamen Dialis*, ни у кого из них не было четко очерченного круга обязанностей. Троє старших жрецов имели право содержать свои дома за счет государства, поскольку считались самыми древними жрецами Рима.

Flamen Dialis — специальный служитель Юпитера, главный из пятнадцати фламинов. Жизнь такого человека была нелегка. Он обязательно должен быть по происхождению патрицием, жениться только по обряду *confarreatio* на женщине также из патрицианской семьи. Его и ее родители должны быть живы на момент вступления фламина в должность. Пост фламина Юпитера был пожизненным. Со всех сторон *flamen Dialis* был окружен многочисленными запретами: он не мог видеть мертвое тело или дотрагиваться до него, касаться железа, завязывать узлы на одежде, обрезать волосы железными инструментами, носить одежду из кож убитых животных, касаться лошадей, есть бобы или дрожжевой хлеб. Его супруга *flaminica* была связана теми же ограничениями.

Фортуна — богиня счастья, удачи, счастливого случая, судьбы. Культ этой богини зародился в Лации. Фортуну изображали с рогом изобилия, с рулевым веслом, колесом, на шаре, который катится по земле или свободно парит в воздухе. Фортуна чтили под разными именами (например, Фортуна счастливого возвращения домой, Фортуна удачного плавания), она выступала как покровительница отдельных людей, целых местностей или событий.

Форум — центр политической и культурной жизни римского города (площадь для Народного собрания, для отправления правосудия, местонахождение наиболее значительного храма). Самым известным был Римский Форум. Первоначально он располагался вне города между Капитолием, Палатином и Эсквилином, но постоянно разрастался, украшался все более роскошными храмами, триумфальными арками, памятниками.

Также это слово обозначало рыночную площадь.

Forum Boarium — Бычий форум — мясные лавки, расположенные возле Большого цирка. Обычно в Риме в Раннюю эпоху крестьяне и пастухи сами забивали скот. В период поздней Республики появились профессиональные мясники, осуществлявшие торговлю мясом в соответственно оборудованном помещении, частично в разнос. Цицерон рассматривает это занятие как презренное. От разносчиков следовало отличать мелких торговцев, которые предлагали мясо и мясные продукты на рынках в особых ларьках, получая его от сельскохозяйственных производителей и на бойнях.

Forum castrum — место для собраний внутри римского военного лагеря, находилось рядом с палаткой главнокомандующего.

Forum frumentarium — зерновые лавки. Общественные лавки были сконцентрированы на портике Минуция, где находились конторы эдилов и отпускались расписки на зерно. Другие общественные склады были рассеяны под отвесными кручами АVENTINA, рядом с Портом. Несколько складов были выстроены вдоль Тускуланского спуска под Палатином.

Forum holitorium — овощные и зеленые лавки, располагавшиеся на берегах Тибра, частично внутри Сервилиевых стен, частично вне их. Это место было удобно в основном для тех, кто занимал дома на Марсовом поле.

Forum piscinum — рыбные лавки. Их местонахождение в точности неизвестно, но Цицерон говорит, что ветры, дующие в Риме, разносят запах рыбы по всему Нижнему Форуму и зданию Сената. Поэтому можно предположить, что эти лавки находились где-то на западе от виа Нова.

Фракия — область на юго-востоке Балканского полуострова, простиравшаяся от Карпат до Эгейского моря и от Черного моря до реки Аксий (Вардар), служившей границей между Фракией и Македонией. До римской оккупации эта территория оставалась местом проживания союзных германо-кельто-иллирийских племен, называвших себя фракийцами. Греки и римляне считали эти народы варварскими. После войн с Атталаидами в 129 г. до н. э. Эгейское побережье попало в зависимость от Македонии. Построив виа Эгнация — дорогу, связавшую Адриатику и Геллеспонт, римляне стали нуждаться в обороне этого важного пути, благодаря которому они имели теперь возможность быстро перебросить войска из Италии в Малую Азию. Самый большой город Фракии — старая греческая колония Византии.

Фрегеллы — город вольсков в Лации, на реке Лирис, разрушенный Опимием в 125 г. до н. э. Был лоялен по отношению к Риму вплоть до 125 г. до н. э., когда там начались волнения и город восстал, возмущенный жестокостью претора Луция Опимия. Разрушенный до основания, город так никогда и не возродился. Римляне основали другую колонию — Фабратория Нова («Вновь сделанная») на противоположном берегу Лириса.

Фригия — наиболее дикая и наименее обитаемая территория Малой Азии. Предполагалось, что в чащобах или на деревьях Фригии живут нимфы, дриады, сатиры и другие мифологические существа. Население Фригии считалось таким беззащитным, что его легко можно обратить в рабство. Фригия принадлежала к внутренним областям Вифинии. После войн, последовавших за передачей Пергамского царства Риму, проконсул Маний Аквилий продал большую часть Фригии царю Понта Митридату V, а прибыль от сделки забрал себе.

Херсонес — греческое название полуострова Крым. Греки использовали это слово в более широком смысле, нежели современные географы. В те времена встречались такие названия, как «Таврический Херсонес», «Кимбrijский Херсонес».

Херуски — союз германских племен, обитавших в бассейнах рек Альбис (Эльба) и Визургис (Везер). Некоторые племена этого союза покинули места привычного обитания приблизительно в 113 г. до н. э. и присоединились к массовой миграции тевтонов и кимбров.

Целиев холм — один из семи холмов Рима, юго-западнее Эсквилина. В первой половине IV в. до н. э. Сервиева стена включила западную часть Целиева холма в городскую черту Рима. Во времена Республики холм был густо населен плебеями (доходные дома).

Ценз (лат. оценка) — процедура определения состояния (величины имущества) всех граждан Рима. Она производилась каждые пять лет и входила в обязанности цензоров. Цензоры классифицировали граждан в соответствии с их цензовым разрядом-классом. На основании переписи производилось налогообложение и призыв в армию. Требовалось записать полное имя гражданина, место его рождения, имя отца или бывшего хозяина, возраст, собственность, количество земли, скота, рабов, имущества. Эти данные лично, под клятвой, сообщал каждый гражданин. На основании данных ценза гражданин оставался в своем цензовом классе или переводился в другой. Уклонение от ценза или предоставление неверных данных было государственным преступлением. В списке граждан делались пометки (nota), указывающие на уменьшение гражданских прав и причины такого взыскания. Когда работы по переписи завершались, совершался lustrum — всенародное очистительное жертвоприношение. После этого все изменения, сделанные во время ценза, обретали силу закона.

Цензор — важнейший из римских магistrатов, бывший консул, зарекомендовавший себя как хороший политик. Цензоров избиралось два на срок в пять лет. Их основная работа — ценз граждан не только в Риме, но и по всей Италии и в провинциях и ценз конюшen — производилась в первые восемнадцать месяцев этого срока. Кроме того, цензоры подбирали людей в Сенат и проверяли его работу, следили за соблюдением имущественных прав, руководили общественными работами, подписывали государственные соглашения. Цензоры не обладали империей и не сопровождались ликторами.

Центуриатные комиции — народное собрание, учрежденное, по преданию, шестым римским царем Сервием Туллием. Оно состояло из патрициев и плебеев, способных носить оружие, распределенных по имущественному цензу. Прежде чем подавать голос по предложенному вопросу, лица, принадлежавшие к одной и той же центурии, вместе совещались. Мнение центурии представляло собой один голос. Число голосов в народном собрании равнялось количеству центурий. Но так как большинство центурий принадлежало к первому классу (самые крупные землевладельцы), то этот класс имел перевес над всеми остальными. Однако допуск плебеев в народное собрание являлся доказательством того, что плебеи — римские граждане.

Центурион — командир центурии. Римский полководец скорее будет горевать о потере центуриона, нежели военного трибуна. Среди центурионов существовала иерархия: самый младший командовал группой из восьмидесяти солдат и двадцати нестроевиков, самый старший — первой центурией и всей когортой. Дальнейшая военная карьера центуриона была возможна лишь в особых случаях. Центурионы составляли костяк армии, ее «скелет» и основу. Обычно центурионы выслуживались из рядовых солдат или назначались полководцем (даже без высуги лет).

Центурия — группа из ста человек. По преданию, Сервий Туллий ввел этот термин для классификации римских граждан — на основе ее комплектовалось войско. Каждая центурия выставляла в римскую армию сто воинов. По центуриям проводились народные собрания — центуриатные комиции.

Церцина — один из островов африканского Малого Сырта. Там размещалась первая колония ветеранов Гая Мария. Для организации поселения Марий отправил на Церцину отца будущего знаменитого полководца Гая Юлия Цезаря.

Церера — древняя итало-римская богиня земли, урожая, пшеницы. Ее храм находился на АVENTINE у мясных лавок, вне священных границ города. Он считался одним из наиболее красивых храмов в республиканском Риме и был выстроен плебеями в те дни, когда Рим принадлежал патрициям, а плебеи угрожали покинуть город. В первый раз плебеи осуществили свою угрозу в 494 г. до н. э. Они дошли до АVENTINA, но и этого оказалось достаточно, чтобы патриции согласились на уступки. Ко временам Гая Мария храм Цереры был известен как резиденция плебейских лидеров. Именно отсюда действовали плебейские эдилы.

Цирк — увеселительные заведения, где нередко происходили важные события общественной жизни Рима. В цирках происходили состязания колесниц. Снаружи цирк окружали портики, внутри имелись ярусы сидений, полностью окружавшие беговые дорожки. Длинный узкий путь был разделен в центре барьера, точки поворота колесниц обозначались коническими камнями на его концах.

Самый древний цирк — Большой — был построен еще царем Тарквинием Гордым. Он был самым крупным в Риме, имел общую длину 600 м и ширину 150 м. Он занимал целый район между Палатинским и АVENTINским холмами. Во времена Республики туда допускались только римские граждане; женщинам в цирке позволялось сидеть рядом с мужчинами.

Цирк Фламиния находился на Марсовом поле, недалеко от Тибра и овощного рынка. Построен в 221 г. до н. э. Иногда служил

местом проведения комиций — в тех случаях, когда народное собрание должно было собираться вне священных границ города. В этом цирке было возведено несколько храмов, один из которых был посвящен Вулкану. Тут же находился храм Геркулеса и Девяти Муз.

Цитадель — крепость на вершине отвесного холма или часть более мощного укрепления на холме, окруженная стенами.

Эвксинское море — Черное море (греческое название — Понт Эвксинский). ТERRITORII вокруг моря интенсивно использовались и колонизировались греками в период VII—VI вв. до н. э., но за пределами морских побережий земля вокруг моря принадлежала варварам. Активно развивалась торговля, но караванам и кораблям непременно сопутствовала хорошая охрана. Тот, кто контролировал Босфор, Пропонтиду (Мраморное море) и Геллеспонт, взимал дань с любого каравана, идущего по Эвксинскому и Эгейскому морям. Во времена Гая Мария такой контроль осуществлял царь Вифинии.

Эдил — один из четырех римских магistratov, границы деятельности которого ограничивались исключительно Римом; действовали два плебейских и два курульных эдилов. Судя по названию должности («эдис» по-латыни — храм), они были попечителями храмов и распоряжались государственной казной, находившейся в них. Должность плебейских эдилов была учреждена впервые в 493 г. до н. э., чтобы помогать народным (плебейским) трибуналам в выполнении их обязанностей — защите прав плебса. Вскоре им было поручено наблюдение за городскими постройками и хранение архивов плебисцитов. Должность курульных эдилов была создана в 367 г. до н. э., чтобы дать патрициям возможность участвовать в работе по надзору за общественными зданиями и архивами. Однако на должность курульных эдилов могли избираться как патриции, так и плебеи.

Все четверо эдилов начиная с III в. до н. э. были ответственны за состояние римских улиц, водопровода, канализации, общественных сооружений, лавок, систему мер и весов, проведение общественных мероприятий, раздачу хлеба. Они имели право налагать штраф на горожан за нарушения по отношению к вверенным им объектам и обязанностям и использовать эти деньги для организации игр и празднеств он служил прекрасной возможностью завоевывать популярность народных масс.

Эдуи — могущественный союз кельтских племен, живших на территории центральной Заальпийской Галлии. После того как в 122–121 гг. до н. э. она была завоевана Гнеем Домицием Агенобарбом, этот союз стал менее воинственным. Эдуи отчасти романизовались и превратились в союзников Рима.

Элизиум — «рай». Римляне эпохи Республики не верили в то, что личность будет существовать после смерти в нетронутом виде, однако верили в существование загробного мира и в «тени», которые представляли собою бездумные и бесхарактерные скелеты с умерших. Однако римляне считали, что человек, отмеченный перед богами своими заслугами и достойной жизнью, будет вознагражден тем, что после смерти поселятся в Элизиуме (на Елисейских полях). Но и эти привилегированные «тени» останутся простыми духами. Они могут возвращать себе на время человеческие чувства и желания, лишь выпив капельку крови.

Эллинизм — греческая культура после эпохи Александра Македонского, распространявшая свое влияние на весь известный древний мир (Ойкумену).

Эмпорий (греч. emporium) — торговая площадь, рынок; также — морской порт, чья торговая деятельность связана исключительно с морским плаванием (например, о. Делос — эмпорий). Это же слово употреблялось по отношению к большому зданию на территории порта, в котором находились склады и конторы приезжих и местных купцов.

Эней — сын царя Анхиза и богини Венеры. Покинув горящую Трою с престарелым отцом на плечах и святыней города — палладием (изображением вооруженной богини Афины) — в руках, Эней после множества приключений добрался до Лация, где породил истинных римлян, став их предком. Вергилий говорит, что сын Энея Юл первоначально носил имя Асканий и был отпрыском его троянской жены Креусы, которую Эней привез с собой из Трои. Согласно Ливию, Юл — сын Энея от латинской жены Лавинии. Юл был предком рода Юлиев.

Эпикуреец — последователь философской школы, основанной греком Эпикуром приблизительно в начале III в. до н. э. Эпикур проповедовал принципы одного из направлений гедонизма (наслаждения жизнью), настолько утонченного, что оно почти смыкалось с аскетизмом. Удовольствие, испытываемое человеком, должно было стать таким изощренным, длительным и экстравагантным, что неумеренность попросту разрушала его. В Риме это учение претерпело значительное видоизменение. Римский аристократ мог именовать себя эпикуреицем, занимаясь одновременно общественной карьерой.

Эпир — районы Западной Греции, отделенные Коринфским заливом и высокими горными цепями, через которые имелось лишь несколько проходов в Фессалию и Беотию. После разгрома Македонии Эмилием Павлом в 167 г. до н. э. было депортировано около 150 тысяч эпирцев. Страна обезлюдела. Ко временам Гая Мария здесь находились участки римских землевладельцев, которые занимались разведением скота.

Этна — вулкан на Сицилии, активно действовавший как в древности, так и в более поздние времена. Однако плодородные земли вокруг вулкана всегда были плотно заселены.

Этнарх — греческое название городского магистрата.

Этрурия — царство этрусков, которое включало широкие равнины северо-западной части полуострова Италия от Тибра на юге до Арно на севере. Язык этрусков остается загадкой для ученых. На этом языке сохранились короткие надписи, имеющие ритуальное значение, однако прочесть их не удается.

Юл — сын троянского героя Энея. Невыясненным остается, кто была его мать — троянка Креуса или латинянка Лавиния. Нам неизвестно также, какую из двух супруг Энея считал матерью Юла патрицианский род Юлиев. Юлии были потомками Энея, то есть самой богини Венеры, которая была матерью этого троянского героя. Если считать, что между бегством Энея из Трои и рождением Гая Юлия Цезаря прошло столько же времени, сколько между вторжением Вильгельма Завоевателя в Англию и современными англичанами, возводящими свою родословную к каким-нибудь норманнским рыцарям, то почему бы Цезарям не считать себя прямыми потомками богов?

Юлилла — в этой книге самая младшая дочь Гая Юлия Цезаря. Нигде и никогда не встречалось упоминание о том, что у этого Цезаря было две дочери. В источниках говорится лишь об одной Юлии, но такое упоминание скорее исключение из правил. Древние источники — весьма любопытное явление, если подходить к ним с точки зрения объективности и полноты. Например, Цицерон писал свои труды для современников и поэтому часто считал излишним излагать многие подробности. Подразумевалось, что читатели с этими фактами хорошо знакомы.

Юлия дожила до преклонных лет и была одной из наиболее представительных и привлекательных матрон своего времени. Ее упоминают как жену Гая Мария и мать его сына, который также оставил след в истории Рима. Неудивительно, что ее имя дошло до наших дней, поскольку остальные дочери Цезаря и его жены Марсии не были столь значительны и интересны.

Из Плутарха мы узнаем, что первой женой Суллы была Юлия, но после нее у Суллы были еще три супруги. Упоминаются имена только двух последних. Принимая во внимание трещину в отношениях, которая позднее возникла между Суллой и Марием, возможно предположить, что, когда Сулла писал мемуары, на которых основывает свое жизнеописание Плутарх, он лишь упоминает о своей жене из рода Юлиев. Юлия — вдова Гая Мария — была еще жива, когда Сулла обнародовал свои воспоминания.

Автор счел возможным использовать право писателя на вымысел и сделать первой женой Суллы младшую сестру жены Гая Мария. Достоверно известно, что ранняя политическая и военная карьера Суллы тесно связана с Гаем Марием. Однако нет фактов, которые позволили бы предположить, что Сулла и Марий были не только соратниками, но и родственниками. Все предположения о том, что Сулла пытался присвоить себе честь победы над Ютурой, поскольку лично захватил его в плен, базируются на воспоминаниях самого Суллы и записках Квинта Лутация Катула Цезаря. Эти произведения были созданы много лет спустя после событий. Понятно, что оба мемуариста пытались приизнать роль Гая Мария.

Если, однако, рассмотреть переплетение карьер Мария и Суллы в период 107–101 гг. до н. э., то трудно даже предположить ту вражду, которая возникнет между ними впоследствии. Наоборот, реальный ход событий подтверждал скорее, что оба они

продолжали оставаться близкими соратниками и доверяли друг другу. Если вражда возникла в результате утверждений Суллы о его решающем вкладе в победу над Югуртой, то почему же Марий взял Суллу в Галлию в качестве своего легата?

В 108 г. до н. э., когда Марий добивался консульства в Риме, он вынужден был обратиться к помощи Суллы, занимавшего пост квестора. Сулла оставался квестором в Нумидии при Марии. За Суллу Марий голосовал при выборах на квесторские должности. Они не служили в одно и то же время — если верить Плутарху, их разделяло около семнадцати лет разницы в возрасте. Так что же их связывало?

Если Юлия действительно жена Суллы, это дает ответ на многие вопросы. Или, может быть, обе Юлии были двоюродными сестрами и близкими подругами? Однако автор решил считать их родными сестрами — это представлялось лучше для сюжета книги. Для римлян на первом месте всегда стояла семья, поэтому столь близкие отношения Мария и Суллы можно было бы объяснить их родством по женам. Тогда становится ясно, почему Марий помог Сулле подняться на первую ступень *cursus honorum*: он сделал это по просьбе семьи его жены. Так появилась в книге Юлия, младшая дочь Гая Юлия Цезаря и жена Луция Корнелия Суллы.

Юнона Монета («Советчица») — Юнона Предостерегающая, Советующая, Напоминающая. Именно ей были посвящены те самые гуси, которые разбудили своим криком Марка Манилия в тот момент, когда галлы попытались захватить Капитолий в 390 г. до н. э. В подиуме храма располагался монетный двор — отсюда слово «монета» для обозначения денег.

Ютурна — одно из римских божеств, не имеющее ни изображения, ни мифологии. Римская мифология разработана как серия сюжетов преимущественно благодаря стараниям Вергилия. Ютурна была водным божеством. Ей посвящались пруды и каналы, прилегающие к лестнице Весталок, ведущей на Палатин. Вода этих источников, как полагали жители Рима, обладала целебными свойствами, и к ним приходила масса паломников.

Янус — считался древнейшим итальянским царем. По римской мифологии Янус — божество дверей и ворот. Его двуликое изображение означает, что божество одновременно смотрит и в будущее, и в прошлое. Янус — бог всякого начала, по его имени назван январь, ему были посвящены начальный день каждого месяца и начало дня. Имя Януса называлось первым в молитве. При царе Нуме Помпилии в Риме был построен храм-арка Януса, ворота которого закрывались только в мирное время, но были открыты, когда шла война.

Ярмо — верхняя часть плуга, закрепляемая на шеях пары волов при пахоте. Один из символов господства, подавления одного человека другим, знак смирения. С точки зрения военной истории это понятие имело большое значение. Возможно, еще этруски, а впоследствии и римляне сооружали из трех дротиков подобие ярма — воротца. Лишь низко пригнувшись, а то и ползком, мог пролезть человек под этим сооружением. «Прогоняли через ярмо» солдат побежденной армии в знак признания ими поражения. Варвары в некоторых случаях применяли это же наказание по отношению к самим римлянам. Тогда Сенат, не в силах вытерпеть унижения, издал постановление: сражаться до последнего человека, но не проходить под яром.

СЛОВАРЬ ЛАТИНСКИХ ТЕРМИНОВ

Ager publicus — государственный (общественный) земельный фонд; первоначально — земля римской городской общины. До ранней эпохи Империи все государственные земли в Италии были распределены между римскими гражданами и являлись частной собственностью. *Ager publicus* в римских провинциях мог передаваться в пользование отдельным лицам, однако юридически эта земля оставалась собственностью римского народа. Большая часть этих земель была приобретена в результате завоевания или изъятия ее у лиц, обвиненных в нелояльности. Такая земля раздавалась в аренду государством (контроль за раздачей земель в аренду осуществлял цензор). Наиболее знаменитый и значительный надел находился в Кампании; после того как кампанцы примкнули к Ганнибалу, вся их земля была объявлена *ager publicus*.

Armillae — широкий браслет из золота или серебра, который вручался в качестве награды за доблесть в римских легионах.

Auctoritas — труднопереводимый латинский термин, включающий в себя такие понятия, как власть, положение в обществе, звание, влияние, значительность, авторитет, ручательство, надежность, достоверность. Прежде всего этим словом обозначается способность влиять на события при помощи личной репутации. Этим качеством обладали все магистраты, принцепс Сената, Великий Понтифик, консуляры, а иногда и наиболее важные частные лица.

Cloaca Maxima — большой крытый сточный канал в Риме, проведенный от Форума в Тибр (он выходил в реку между Эмилиевым и Деревянным мостами). Канал проходил через районы Субура, Эквилины, Капитолия, через Форум и Велабр. По преданию, *cloaca Maxima* была построена при Тарквиина Приске. Другие каналы: *cloaca Nodina* (проложен по руслу древней реки Нодина и ее притокам, выходил в Тибр сразу за деревянным мостом, шел через районы Палатина, нижнего Эсквилина, кварталы вокруг Большого цирка и некоторые кварталы Авентина); *cloaca Petronia* (проходил по Виминалу, Квириналу, Марсову полю по руслу древней реки Петрония, его сток находился чуть выше острова посреди Тибра). На строительство этих каналов в 184 г. до н. э. была затрачена огромная сумма в 24 миллиона сестерциев.

Confarreatio — самый торжественный и священный из трех видов бракосочетания, к которому допускались только патриции. *Confarreatio* совершалась в присутствии Великого Понтифика, *flaminies Dialis* (жрецов Юпитера) и десяти свидетелей. В жертву Юпитеру приносился хлеб из полбы. Невеста передавалась из рук отца в руки жениха — это подчеркивало полную зависимость римской патрицианки. По этой причине *confarreatio* не имел большой популярности, поскольку при заключении других видов брака женщина получала больше прав и возможностей. Кроме того, этот обряд не допускал развода — на труднейшую процедуру расторжения подобного брака решались только тогда, когда не оставалось никакого другого выхода.

Другими видами брака были *coemptio* — «покупка» (чаще у плебеев; при этом бракосочетание сопровождалось символическим обрядом «купли» невесты) и *usus* — «использование» (чаще у рабов и зависимых римлян; обычное сожительство).

Cursus honorum — путь чести, карьера; очередность продвижения должностных лиц по службе, сложившаяся постепенно в Римской республике в рамках обычного права и закрепленная затем законами *lex Villia annalis* (180 г. до н. э.) и *lex Cornelius Sullas* (81 г. до н. э.). «Путь чести» в Сенате начинался с должности квестора; затем следовали должности народного трибуна или эдила, претора и наконец консула. Назначение путем выборов на определенную должность лимитировалось также минимальным возрастом, начиная с которого лицо могло быть избранным на пост. Собственно, должность эдила или народного трибуна не входила в «путь чести», однако большинство сенаторов, желающих стать консулами, хорошо отдавали себе отчет в том, что для привлечения внимания избирателей им необходимо отслужить некоторое время в качестве эдила или трибуна.

Рисунок 7. Cursus honorum

Dignitas — достоинство, представительность, великолепие, благородство. Специфическое римское понятие, которое включало в себя понятие о личной доле участия человека в общественной жизни, его моральных ценностях, репутации, уважении, которым он пользуется среди окружающих. Этим качеством римский аристократ чрезвычайно дорожил и всячески его поддерживал. Чтобы отстоять его, он был готов отправиться на войну или в изгнание, покончить с собой или подвергнуть каре жену или сына.

Ecastor (ecce + Castor) — «Клянусь Кастром!», самое сильное выражение эмоций, приличествующее женщинам.

Edepol (ecce + deus + Pollux) — «Клянусь Поллуксом!», самое сильное выражение эмоций, позволенное мужчинам в присутствии женщин правилами хорошего тона.

Fellator — латинское ругательство, обозначающее мужчину, у которого сосут пенис. Оскорблениe менее грубое, чем

Irrumator (см.).

Imago — восковые изображения предков; разрисованная маска с искусно приклеенными волосами. Такие маски потомки хранили в особом ларе, сделанном в виде миниатюрного храма. Лари держали в атрии, возле алтаря ларов и пенатов —хранителей дома. Эти маски были объектами почитания. Когда в семье патриция кто-либо умирал, на похороны приглашались специальные актеры, которые надевали эти маски и представляли таким образом предков покойного в похоронной процессии. Каждый член семьи, достигший высокого положения (ставший консулом, Великим Понтификом), удостаивался этой чести: с него снимали восковую маску и добавляли к прочим.

Irrumator — человек, занимающийся оральным сексом, «членосос». Римляне полагали, что это самая низшая форма сексуальной деятельности. В шкале латинских ругательств это было одним из худших.

Lex — закон; слово использовалось также для обозначения плебисцита, принимаемого Народным собранием. Закон не считался действительным, пока его не выбивали на камне или не отливали в бронзе и не помещали в специальный склеп, находящийся за храмом Сатурна. Однако ясно, что время хранения таблички в склепе было весьма невелико: там не могли бы поместиться списки всех законов, на которых покоялось римское право. Без сомнения, таблички лишь вносили в священное помещение, а впоследствии держали в одном из специальных храмилищ.

Lex Appulea agraria — первый из двух законов о земле Луция Апулея Сатурнина, который имел целью раздать земли из общественного фонда ветеранам армии Мария. Закон затрагивал земли в Греции, Македонии, Сицилии и Африке.

Lex Appulea agraria (secunda) — второй закон Луция Апулея Сатурнина; содержал в себе требование присяги на верность первому закону о земле. Вызывал сильное противодействие в Сенате. Причины такой реакции до сих пор вызывают дискуссии. Автор полагает, что дело в неосвоенности земель в Заальпийской Галлии и Ближней Испании, вопрос о которых рассматривался законом. Вероятно, нашлось слишком много желающих получить эти плодородные земли в свое владение. К тому же предполагалось, что там имеются залежи полезных ископаемых. Поэтому примириться с тем, что эти богатые территории могут быть отданы ветеранам армии Мария (в основном деклассированным элементам — пролетарием), сенаторы не могли.

Lex Appulea de maiestate — закон о государственной измене, который был представлен Сатурнином в период его первого трибуnата. Согласно этому закону, контроль за судебными процессами по делам о государственной измене изымался из ведения центуриатных комиций, поскольку, по установкам этого собрания, считалось невозможным поддерживать обвинение, пока обвиняемый сам не признается в том, что выступал против интересов Рима. Закон Апулея предусматривал шкалу степени тяжести государственной измены и соответственно различные наказания для различных видов этого преступления. Дело об измене рассматривалось теперь специальным судом — *quaestio*, который находился в ведении всадников.

Lex Appulea frumentaria — закон о зерне. Автор полагает, что время проведения этого закона в Сенате относится ко второму трибунату Сатурнина. Поскольку второе восстание рабов на Сицилии длилось уже почти четыре года, нехватка зерна в Риме неуклонно возрастала. Кроме того, именно в этот период популярность Сатурнина среди народных масс была наиболее высокой.

Lex Domitia de sacerdotiis — закон, проведенный в 104 г. до н. э. Гнеем Домицием Агенобарбом, который исполнял в это время обязанности народного (плебейского) трибуна. Согласно этому закону, будущие члены коллегий жрецов и авгуротов стали избираться на специальном собрании триб, состоявшем из семнадцати членов.

Lex Licinia sumptuaria — закон о роскоши, проведенный Лицинием Крассом приблизительно в 143 г. до н. э. Закон запрещал употребление на пирах определенных видов деликатесных продуктов, например устриц и пресноводных угрей, регулировал наличие предметов роскоши и количество расходов на них, вне зависимости от состояния гражданина. В эпоху Республики этот закон часто касался женщин, запрещая им надевать больше украшений, чем положено, разъезжать на колесницах в пределах Сервиевых стен.

Lex Villia annalis — проведен в 180 г. до н. э. плебейским трибуном Луцием Виллием. В этом законе определялся возраст, начиная с которого человек мог быть избран на должность курульного магистрата (30 лет — претор, 42 года — консул), и срок, который должен пройти между временем пребывания на посту претора и консульством, между двумя сроками на посту консула для одного лица и т. д.

Lex Voconia de mulierum hereditatibus — проведенный в 169 г. до н. э. закон, ограничивающий права женщин в делах наследования по завещанию. Ни при каких условиях женщина не могла быть назначена главной наследницей, даже если она — единственный ребенок усопшего. Главным наследником становился мужчина — ближайший родственник по отцовской линии. Цицерон упоминает о случае, когда было доказано, что закон не может быть применен, поскольку не была определена сумма налога на имущество умершего, однако претор Гай Веррес не позволил девушке получить наследство. Вероятно, иногда все же случались исключения — мы знаем несколько известных наследниц. В данной книге такая женщина — Корнелия, мать Гракхов, которая сумела сломить сопротивление сенаторов. Другая уловка (при отсутствии родственников по мужской линии) состояла в том, чтобы не оставить завещания. В таком случае вступал в силу старый закон, и дети получали наследство без учета пола. Скорее всего, наиболее значительную роль в толковании законов, связанных с правами наследования, играл городской претор. Специальных судов по подобным делам не существовало, и претору принадлежало право окончательного решения.

Ludi — игрища, театральные представления. Первые театральные представления в Риме датируются 364 г. до н. э., когда в пораженный эпидемией город из Эtrurии прибыла группа актеров, чтобы с помощью танцев и пантомимы, сопровождаемой игрой на флейте, смягчить гнев богов. Подобные представления вскоре снискали большую популярность в самых широких слоях населения и сделались неотъемлемой частью крупных религиозных празднеств. Они проводились ежегодно в честь Юпитера Наилучшего Величайшего (13 сентября). Ко временам Гая Мария эти праздники (*ludi romani*) превратились в десятидневный церемониал, начинавшийся 5 сентября. Хотя устраивались кулачные бои и борцовские поединки, римские игрища никогда не имели характера греческих спортивных игр. Они состояли в основном из состязаний колесниц, травли зверей и представлений, для которых возводились специальные театры.

Первый день игр начинался с красочной процессии участников в цирке, после чего шло несколько заездов колесниц и борцовских поединков. В остальные дни разыгрывались представления в театрах. Трагедии не были популярны, поэтому ставились комедии, а в эпоху Республики — более любимые народом фарсы и мими. Заканчивались игрища травлей зверей и гонками на колесницах. В эпоху Республики гладиаторские бои не считались обязательной частью игрищ: их приурочивали к погребальным церемониям и проводили не в цирке, а на Форуме. Игрища устраивались на государственные деньги. За их проведение отвечали магистраты. Иногда кто-нибудь из государственных деятелей специально организовывал дорогостоящие публичные зрелища, чтобы привлечь к себе симпатии широких слоев римских граждан.

Кроме *ludi romani* в Риме проводились следующие празднества. Первыми игрищами года были *ludi Megalenses* — игры в честь матери богов Кибелы (в начале апреля). За ними почти сразу начинались *ludi Cereri* — в честь Цереры (середина апреля), за ними следовали *ludi Floriae* — в честь Флоры (конец апреля — начало мая) и *ludi Apollinares* — игры Аполлона (начало июня).

Однодневные Капитолийские игры (*ludi Capitolini*) проводились в октябре. Последние игры года — *ludi plebeii* — Плебейские игры — устраивались в ноябре. Свободные римские граждане, мужчины и женщины, могли посещать любые виды игр. Плата за вход не предусматривалась. Женщины сидели отдельно лишь на представлениях в театре. В цирке все смешивались. Рабам и вольноотпущенникам вход был запрещен.

Mentula — грубое латинское ругательство, обозначающее мужские гениталии.

Numini (ед. ч. *numen*) — божественная сила, сила духов, способная вмешиваться в дела человеческие. Термин, употребляемый для описания бестелесных итальянских и римских богов. Древние боги были всего лишь силами, которые управляли явлениями и предметами вокруг. Они были безлики и бесполы, не имели никакой мифологии. Во время эпохи Республики под влиянием эллинистической традиции многие из этих божков приобрели черты индивидуальности: имя, пол,

иногда и облик. В отличие от греков верования римлян пронизывали все уровни управления государством. Государство и религия не могли существовать друг без друга. Во времена Гая Мария, задолго до того, как государственная религия стала терять свое положение, даже самые выдающиеся и свободомыслящие люди скрупулезно следовали религиозным предписаниям (например, Гай Марий и Гай Юлий Цезарь Диктатор). Вероятно, было что-то притягательное и завораживающее в старых элементах религиозной практики, если даже такие личности покорялись влиянию традиций.

Pater familias — глава семьи, чье отеческое право предоставляло ему неограниченную власть над детьми, чуть более ограниченную — над женой и абсолютную — над рабами. Только *pater familias* имел юридическое право собственности; все приобретенное сыновьями или рабами принадлежало ему. Сыновья могли освободиться от власти отца процедурой эманципации, а дочери — вступив в брак. Власть главы семьи не была ограничена законом. С середины II в. до н. э. с оговорками ввелись ограничения злоупотребления властью в отношении рабов. При Республике власть главы семьи смягчилась под влиянием общественного мнения.

Praefectus fabrum — «наблюдающий за обеспечением». Один из наиболее значительных постов в римской армии, который занимало гражданское лицо, выдвинутое на этот пост военачальником. *Praefectus fabrum* отвечал за снаряжение и обеспечение армии, заключал договоры о поставках.

Primus inter pares — «первый среди равных», девиз многих римлян, стремящихся выйти на политическую арену. Он выражал смысл деятельности римских политиков — стать впереди равных тебе по происхождению, возрасту, опыту, имуществу, статусу. Однако римские нобили не стремились стать царями или диктаторами — не иметь себе равных, сделаться превыше всех.

Primus pilus — старший центурион легиона, командир первой центурии первой манипулы легиона. Такого поста военный достигал после долгой череды повышений, часто выдвигаясь из рядовых.

Pteryges — нарукавники и юбка из кожаных полос. Носились высшими офицерами Римской армии.

Via praetoria — широкая дорога внутри римского военного лагеря, которая соединяла передние и задние ворота лагеря.

Via principalis — дорога внутри римского лагеря, которая шла под прямым углом с *via praetoria* и соединяла боковые ворота. На пересечении этих двух главных дорог располагалась палатка командующего.

Примечания

1

В текст вставлены уменьшенные (но до читабельных размеров) копии рисунков и карт. Скачать полноразмерные версии можно по ссылке: [http://oldmaglib.com/pictures/m/Mccullough_Colin__The_First_Man_In_Rome\(Masters_Of_Rome-1\)_pics.rar](http://oldmaglib.com/pictures/m/Mccullough_Colin__The_First_Man_In_Rome(Masters_Of_Rome-1)_pics.rar).

[Купить книгу "Первый человек в Риме \(Кострова\)" у автора Маккалоу Колин](#)

Всего проголосовало: 17 Средний рейтинг 5.6 из 5

Оцените эту книгу

